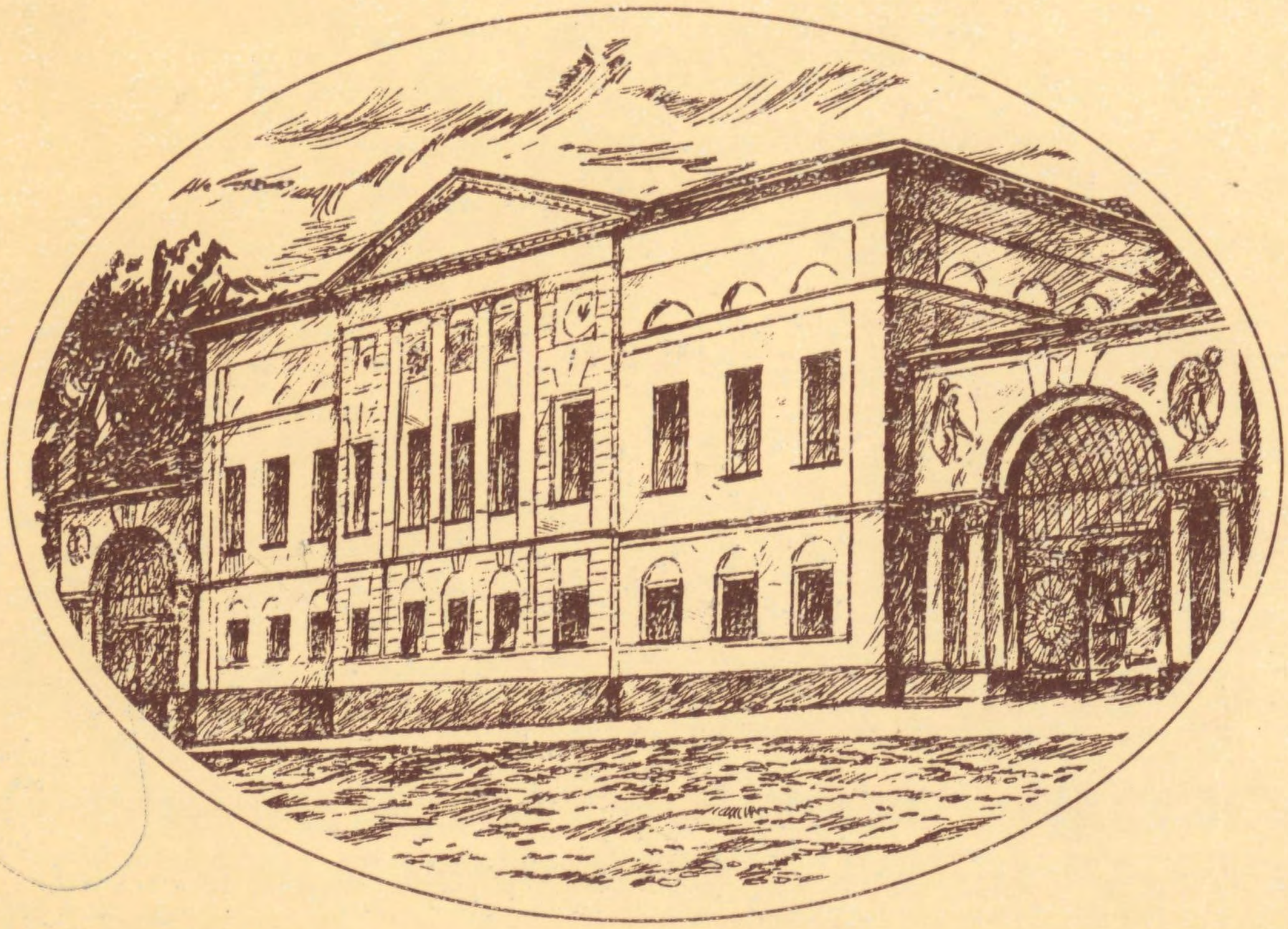

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Правительство Калужской области
Министерство образования, культуры и спорта Калужской области
ГУК «Калужский областной краеведческий музей»
Российский гуманитарный научный фонд
АНО «Калужский научный центр»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XI Всероссийской научной конференции
5 — 7 апреля 2005 г.

1
78803

[illegible]

ООО "Полиграф-Информ"
Калуга — 2005

ББК 63.А(2)
В748

Редакционная коллегия: ***В.А. Бессонов***, к.и.н., зав. отделом истории Калужского областного краеведческого музея; ***В.А. Иванов***, к.и.н., доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; ***В.А.Марголин***, к.б.н., доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; ***О.Л. Прошкин***, к.и.н., зав. отделом археологии Калужского областного краеведческого музея; ***Е.А. Телеганова***, зав. отделом природы Калужского областного краеведческого музея; ***Т.М. Хохлова***, заместитель генерального директора Калужского областного краеведческого музея по фондовой работе; ***А.П. Черников***, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой русской литературы Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского; ***И.В.Шмытова***, к.б.н., заместитель генерального директора Калужского областного краеведческого музея по научной работе.

Организация, проведение конференции и выпуск настоящего сборника осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (грант № 05-01-59180 г/Ц)

Оформление обложки В.М. Типикин

В748 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья:** Материалы XI Всероссийской научной конференции 5 — 7 апреля 2005 г. — Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2005. — 384 с., ил.

ISBN 5-93999-172-2

Сборник включает материалы XI Всероссийской научной конференции, проходившей 5 — 7апреля в Калужском областном краеведческом музее и посвящен результатам археологических, исторических и естественно-научных исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63.А(2)
В748

ISBN 5-93999-172-2

© Калужский областной краеведческий музей
© Авторы публикаций

Дорогие друзья!

От души приветствую всех участников XI научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»!

В этом году конференция обрела статус Всероссийской. Сегодня в Калуге собрались краеведы из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Тулы и Тульской области, Орла, Смоленска, Брянска, Курска, сотрудники ведущих научных центров и музеев России.

Важно, что расширяется не только география участников, но и круг обсуждаемых проблем. Всё это свидетельствует о том, что краеведение является востребованной отраслью знаний, особенно в связи с возрождением интереса россиян к своим истокам.

В рамках трехдневной работы вам предстоит обсудить широкий круг вопросов. Сюда войдет обобщение новых знаний о природе, обществе, экономике, быте и культуре населения изучаемого региона. Речь пойдет о людях, оставивших свой след в истории нашего края, архитектурных памятниках, археологических находках, событиях далёкой древности и сегодняшнего дня. Собранные сведения имеют большое значение для развития туризма, экономики и других сфер жизни нашего региона.

В этом году мы отмечаем 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Это, несомненно, одно из центральных событий XX века. И неслучайно, что среди представленных докладов военная тема занимает важное место.

Уверен, что к материалам конференции проявят интерес не только учёные, музейные работники, студенты, но и учителя, задача которых дать подрастающему поколению богатое и верное представление о мире.

Желаю всем вам успешной и плодотворной работы, новых научных открытий и достижений!

Губернатор Калужской области ***А.Д. Артамонов***

Глубокоуважаемые коллеги!

Сегодня мы открываем XI Всероссийскую научную конференцию «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья», впервые проходящую в этом году в ранге всероссийской. Идея проведения первой подобной конференции принадлежит сотрудникам Института археологии Российской Академии наук, в 1986 г. совместно с Калужским областным краеведческим музеем организовавшим I конференцию «Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья». На ней прозвучало 15 докладов, в основном посвященных вопросам археологии региона.

Организатором десяти последующих конференций выступает Калужский областной краеведческий музей — ведущее учреждение в нашей области в координации краеведческих исследований. Музей созвал под свои стены научных работников, преподавателей, студентов и краеведов из Москвы и Московской области, С-Петербурга, Тулы и Тульской области, Орла, Смоленска, Брянска, Курска. На конференции прозвучит более 100 докладов, поднимающих вопросы методологии научных исследований, связанные с изучением памятников археологии, истории и культуры, методами изучения источников и отдельных природных объектов и комплексов Верхнеокского региона и сопредельных территорий.

Открываемая сегодня конференция подводит итоги многолетних исследований в центральном регионе России в области гуманитарных и естественных наук. О фундаментальности этих исследований, об их признанности в научных кругах говорит и тот факт, что уже в третий раз конференция поддержана на российском уровне — Российским гуманитарным научным фондом. Помощь в проведении конференции оказана Правительством Калужской области, Министерством образования, культуры и спорта.

К настоящему времени изданы материалы всех прошедших конференций; ученые и краеведы ввели в научный оборот обширнейший круг вопросов: различные аспекты бытования славян, вопросы их расселения в центральной России, обсуждение границ археологических культур, результаты исследования конкретных памятников, факты из жизни известных личностей — ученых, предпринимателей, военных, писателей; освещаются страницы истории знаменательных событий на территории центральной России.

Большой пласт исследований сегодня, активно обсуждаемых на этой конференции — вопросы истории, музеефикации, реставрации и атрибуции отдельных музейных предметов. В течении нескольких десятилетий музейные работники и краеведы активно изучают историю и собрания усадебных комплексов, в частности, знаменитой усадьбы «Полотняный Завод», исследования истории которой и рода Гончаровых позволили осуществить музеефикацию этого памятника. Примечательно, что создание секции природы на конференции привело к развитию естественно-научных исследований в нашем регионе. В музей на конференцию уже не первый год приезжают географы и геологи из Московского государственного университета — признанного во всем мире научного центра. Таким образом, на протяжении последних десятилетий Калужский областной краеведческий музей стал играть роль регионального научного и методического центра, формируя и решая проблемную базу региональных краеведческих исследований.

Позвольте пожелать вам хорошей и плодотворной работы на конференции, творческих успехов. Мы ждем вас на наших конференциях и в дальнейшем!

Министр образования, культуры и спорта Калужской области В.А.Игнатов

КУЛЬТУРА. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО

В.В.Сударенков, *член Совета Федерации*

В современных отношениях акцент все больше смещается в сторону гуманитарного измерения. Министр иностранных дел говорил об этом недавно применительно к международным отношениям, а я бы перенес эти слова и на внутригосударственные приоритеты.

Особенно это важно в связи с введением поселенческого принципа организации местного самоуправления, что приведет к увеличению числа муниципалитетов с 11,5 до 25 тысяч, по мнению одних, и до 35 тысяч, по мнению других. Называется даже цифра в 50 тысяч. А это значит, что будет то же самое количество глав, которым надо привлечь уважительное отношение к культуре и умение обращаться с археологией, ландшафтами и архитектурой.

К вопросам местного значения поселений новой редакцией закона отнесены:

— организация библиотечного обслуживания;

— создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры;

— охрана и сохранение объектов культурного наследия местного значения и другие.

Но всего этого нет применительно к муниципальному району, где будет формироваться основная часть бюджетных средств. И прежде в функции сельсоветов входила организация мероприятий по сохранению памятников истории и культуры, находящихся на территории сельсоветов. Но мы видим, как это происходило на самом деле.

Наша задача способствовать тому, чтобы местные власти выделяли большие средства на культурную деятельность и усиливали свою роль в развитии культуры. Государственные органы власти должны поддерживать и увеличивать инвестиции в развитие культуры на национальном уровне, а также выделять, где это возможно, определенный процент правительственного бюджета на эти цели в соответствии с общими задачами, приоритетами и программами развития. Межправительственная конференция в Стокгольме в свое время рекомендовала применять **налоговые льготы** для культурной деятельности, чтобы привлекать частные инвестиции в развитие культуры и разработать механизмы дополнительного финансирования, такие, как общественные фонды и коммерческие проекты в учреждениях культуры, туризма и спорте.

Если министры культуры европейских государств предлагают **декларацию по согласованному развитию культуры, почему бы это не сделать российским губернаторам** (Декларация по согласованному развитию культуры в Российской Федерации могла быть принята главами субъектов федерации).

Если хотите, это призыв повысить уровень общих государственных и местных расходов на культуру, как это сделано во Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Испании, Австрии, Швеции.

Можно было бы образовать общественный совет по культурному развитию с серией специальных программ.

И, наконец, **культурная политика** (важно сегодня), **должна обновляться одновременно на местном, региональном и федеральном уровнях**.

Деятели культуры всегда искали поддержку у власти. Давайте вспомним письмо кинематографистов 14 апреля 1953 года о системе производства художественных фильмов. Тогда производили только 13—16 картин в год, а киностудия «Мосфильм» способна была лишь на 8—9 фильмов. В результате возник план «Большого Мосфильма» на 36 фильмов в год, появился «Ленфильм» и киностудии в союзных республиках. Это всего лишь один пример, показывающий, насколько эффективным может быть взаимодействие деятелей культуры и власти.

Нельзя не упомянуть о документах Большой Европы. Речь идет о Европейской Конвенции об охране археологического наследия (Валетта, 16 января 1992 г.), подписанной Россией; Конвенции об охране архитектурного наследия Европы (Гранада, 3 октября 1985 г.), ратифицированной Россией; Европейской культурной Конвенции (Париж, 10 декабря 1954 г.); резолюции комитета Министров Совета Европы о роли уголовного права в охране окружающей среды.

Наконец, 23 ноября 2004 г. в Варшаве сессия ПАСЕ приняла рекомендации и доклад «Борьба с терроризмом через культуру». Готовя этот доклад, мы исходили из необходимости сделать культурную политику ключевым компонентом стратегии развития (Рекомендации 1687 (2004), док. 10341 19 октября 2004 г., докладчик В.Сударенков).

2 Зак. 1971

Защита и укрепление археологического наследия в комитете операций по городскому и сельскому планированию (Реком. CE № R (89)5) предполагает:

1) установить соответствующие административные и научные процедуры контроля;

2) организовать введение реестра своего археологического наследия;

3) создавать археологические заповедники;

4) предотвращать любые незаконные раскопки;

5) обеспечить проведение раскопок научными методами;

6) выделять средства для изучения объекта и опубликования его результатов;

7) **экологическая экспертиза** должна учитывать археологические объекты;

8) **финансовая поддержка археологических изысканий** со стороны федеральных, региональных и местных властей;

9) выделять материальные ресурсы для нужд т.н. «спасательной» археологии;

10) формировать и обновлять обзоры, каталоги и карты археологических объектов в районах;

11) улучшать информированность общественности.

Целями Ландшафтной Конвенции и других документов в области международного сотрудничества в сфере охраны и управления природным и культурным наследием по-прежнему являются: охрана ландшафта, управление и планирование, а также организация сотрудничества в области ландшафта.

«Ландшафт — единая территория, которая воспринимается таковой поселением, и чей характер является результатом взаимодействия природных и/или антропогенных факторов».

Государства — члены Совета Европы отмечают, что:

1) ландшафт имеет важную общественную роль в культурных, экологических, природоохранных и социальных сферах;

2) является ресурсом, благоприятным для экономической деятельности;

3) его охрана, управление и планирование влекут за собой права и обязанности для каждого;

4) качество и разнообразие ландшафтов составляет всеобщий ресурс.

Важное значение для закрепления целей и развития Ландшафтной Конвенции имеет Декларация Эринбурга «Для усиленной защиты культурного и природного наследия на национальном и местном уровнях» (15—19 сентября 2003 года).

Декларация признает, что:

1) элементы культурного и природного наследия находятся под возрастающей угрозой ущерба и разрушений, вызванных социальными и экономическими причинами, которые в свою очередь ускоренно изменяются;

2) сохранение и развитие культурного и природного наследия может привнести важный вклад в устойчивое развитие на национальном и **местном уровнях** посредством социально-экономического развития, управления окружающей средой и возможностью образования;

3) сохранение наследия **может поощрять** более близкое сотрудничество на региональном и местном уровне между людьми и обществами с различными этническими корнями.

Опыт ландшафтного планирования (Германия, Дания) сейчас активно перенимается.

Исследуются вопросы типизации, картографирования и информационного обеспечения проблем культурных ландшафтов (Австрия, Нидерланды), опыт скандинавских стран по вовлечению местного населения в сферу сохранения и устойчивого использования ландшафтов на основе экотуризма и сельского туризма.

Мы до сих пор видим свое преимущество в природных ресурсах, привлекая на свою сторону известное выражение Ломоносова, в то время, как пора доказать свое преимущество с помощью **интеллекта и образованности,** ибо самосовершенствование продвигает цивилизацию.

Мы не можем не замечать и роста потребности в услугах образования, культуры и медицины. Ныне не плановое хозяйство и, тем более, не может не радовать тот факт, что по сравнению с благополучным 1980 годом, спустя 20 лет, численность занятых в образовании выросла на 20% (до 5946 тыс. чел.), в культуре тоже почти на 20% (до 1198 тыс. чел.), здравоохранении на 30% (до 4617 тыс. чел.).

И если эта тенденция распространится и на науку, здесь, к сожалению, сокращение численности занятых достигло двукратного значения (с 2976 тыс. чел. до 1334 тыс. чел.), тогда мы сможем сказать, что обстановка меняется к лучшему. И эти 13 млн. 095 тыс. (20,2%) всех занятых в Российской Федерации покажут, в чем преимущество России!

К МЕТОДИКЕ КОНСЕРВАЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ И АТРИБУЦИИ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

***Н.Ш. Насырова**, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей*
***А.К. Станюкович**, д.и.н., ООО «Родонит»*

Публикация посвящена авторским разработкам в области консервации, реставрации и атрибуции кожаных изделий археологического происхождения. В качестве примера подробно рассмотрена найденная в 2004 г. погребальная обувь святого благоверного князя Олега Брянского.

Корпус ранее изученных авторами памятников

Обувь прп. Никиты Столпника. В мае 2000 г. было проведено освидетельствование места захоронения преподобного Никиты Столпника († 1186), одного из семи святых г. Переславля-Залесского (Станюкович, 2001). Кожаные сандалии, обнаруженные в изножии гробницы прп. Никиты, были изготовлены из хорошо выделанной и сравнительно тонкой кожи, окрашенной солями железа в черный цвет. Каждая сандалия представляет собой двухслойную подошву с открытым носком и закрытым задником. Внешний слой скроен из цельного куска кожи трапециоидальной формы. Задник напоминает нос ладьи и сформирован при помощи выреза типа «ласточкин хвост», края которого сшиты выворотным швом. Носок заострен. Внутренний слой (вкладыш) имеет аналогичный крой с той разницей, что у правой сандалии он составлен из трех, а у левой — из двух кусков кожи. Оба слоя сшиты между собой по обводам потайным швом. В передней части вкладыши имеют отходящие к внутренней стороне стопы язычки для прикрепления матерчатых лямок, которыми сандалии подвязывались к ноге. В многочисленных публикациях древнерусской кожаной обуви из археологических раскопок какие-либо аналогии сандалиям преподобного Никиты отсутствуют.

Обувь из погребений в Московском Спасо-Андрониковом монастыре. В 2000—2001 гг. авторами проведена реставрация средневековых кожаных изделий из четырех захоронений XIV — начала XV в. под алтарем Спасского собора московского Спасо-Андроникова монастыря. Во всех захоронениях на ногах погребенных находились остатки кожаной обуви. Обувь изготовлена из цельного куска двухслойной (в погребении 3 — однослойной) хорошо выделанной кожи, окрашенной растительными красителями в разные оттенки коричневого цвета. Слои склеены между собой животным клеем. Задник сформирован при помощи выреза типа «ласточкин хвост», края которого сшиты выворотным швом. Носок сформирован при помощи выреза более сложной формы, края выреза также сшиты выворотным швом. Как на заднике, так и на носке в упомянутые швы вшиты кожаные ранты. Для раскроя, очевидно, применялись лекала, которые накладывались на сложенный вдвое кусок кожи. Затем кожа разворачивалась и получалась осесимметричная заготовка. Обувь из погребений № 1 и № 4 практически идентична по форме и размерам и, вероятно, изготовлена по одному лекалу. После монтажа обувь приобрела вид тапочек ладьевидной формы с закрытыми носком и задником. Следов ношения на них не отмечено, то есть они, очевидно, были изготовлены или использованы специально для погребения (Насырова, Станюкович, 2003. С. 94—95).

Фрагмент обуви схимонахини Пелагии Старицкой. В июле 2002 г. в руинах Вознесенской церкви г. Старицы было обнаружено захоронение подвижницы веры и благочестия схимонахини Пелагии († в начале XVII в.). На костях правой стопы скелета были найдены фрагментированные остатки погребальной обуви, состоявшие из нескольких кожаных лоскутов различных размеров. После монтажа кожаных лоскутов из захоронения выяснилось, что они представляют собой часть сандалии, изготовленной из цельного куска тонкой, хорошо выделанной кожи, окрашенной с наружной поверхности в темно-коричневый цвет. Сохранившаяся часть составляет приблизительно 1/3 памятника. Судя по крою сохранившейся части, задник сандалии был сформирован при помощи выреза типа

«ласточкин хвост», края которого были сшиты выворотным швом, а носок был открытым. К ноге сандалия подвязывалась при помощи двух лямок из растительного волокна, которые полностью истлели, но на коже сохранилась двойная прорезь, в которой некогда была закреплена одна из лямок (Насырова, Станюкович, 2003. С. 94).

Фрагмент обуви из захоронения в Московском Зачатьевском монастыре. Фрагментированная кожаная обувь была найдена в 2004 г. при археологических исследованиях в средневековом погребении на территории Московского Зачатьевского монастыря. После консервации и монтажа обувь приобрела вид тапочки ладьевидной формы с закрытым носком. Ее размеры после частичной реконструкции составили 23,5 см по длине (от носка до пятки) и 7,5 см по ширине (в передней половине). По типу кроя обувь очень близка погребальной обуви из захоронений под алтарем Спасского собора Андроникова монастыря (Заключение…, 2004 г.).

Фрагмент обуви св. блгв. князя Андрея Смоленского. Фрагмент кожаной погребальной обуви был обнаружен в изножии могилы и исследован авторами. Он представляет собой часть задника, сформированного при помощи выреза «ласточкин хвост» и сшитого выворотным швом. Обувь изготовлена из хорошо выделанной однослойной кожи, окрашенной солями железа в черный цвет. Судя по фрагменту, обувь состояла из нескольких деталей и относилась к одному из описанных здесь типов, имеющих закрытый задник (Насырова, Станюкович, 2003. С. 95).

Этнографические сведения. В. Даль приводит этнографическое название погребальной обуви, скроенной из цельного куска кожи, – калигвы, калиги, калички, калижки (с ударением на первом слоге). Этот тип обуви не следует путать с близкими по крою и часто публикуемыми средневековыми поршнями, предназначенными для повседневной носки. Последние всегда имеют по верхнему обрезу ряд отверстий для продевания ремешка, стягивающего края поршня на щиколотке.

Погребальная обувь святого благоверного князя Олега Брянского

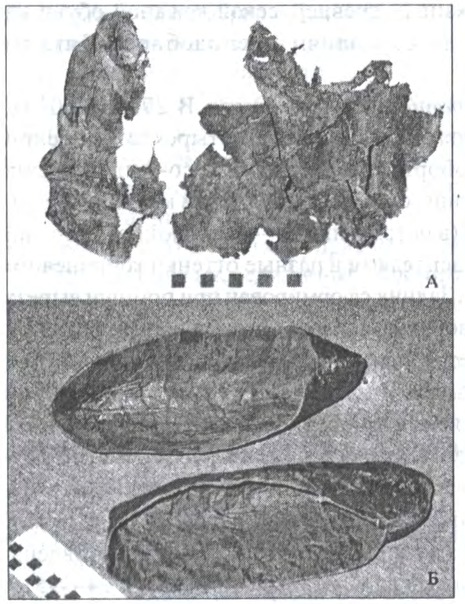

Рис. 1. *Этапы реставрации памятника:*
А – остатки обуви до начала реставрации;
Б – обувь после реставрации.

Руинированные остатки еще одной пары калигв были найдены в мае 2004 г. в подклете главного алтаря Введенского храма Брянского Петропавловского монастыря при повторном освидетельствовании места прежнего захоронения мощей святого благоверного князя Олега Брянского († в конце XIII или в начале XIV в.; мощи обретены в 1995 г.). Консервация и реставрация калигв проведена авторами в период с мая по ноябрь 2004 г.

Консервация кожаных фрагментов. До начала работ остатки обуви представляли собой два загрязненных комка, состоящих из смятых и ссохшихся кожаных фрагментов (рис. 1А). В лабораторных условиях эти комки, слегка увлажненные смесью спирт-вода-глицерин, удалось без повреждений разделить на отдельные кожаные детали и фрагменты, после чего они были сразу же помещены на одни сутки в кювету с эмульсией из стружки дегтярного мыла и антисептического мыла «Safeguard» в смеси этилового спирта (40%), дистиллированной воды (50%) и глицерина (10%), что обеспечило удаление из кожи избыточных дубильных веществ, мигрировавших в ее структуру из деревянного гробовища. Тем самым были также обеспечены первичная пластификация кожи, размягчение ее собственных жирующих компонентов, дезинфекция и частичный переход из кожи в раствор гуминовых загрязнений. После завершения процесса раздубливания и длительной промывки

в дистиллированной воде с параллельной механической очисткой была проведена дополнительная пластификация кожи смесью спирт-вода-глицерин. Кожа стала мягкой, ее поверхность приобрела естественный темно-коричневый цвет. Затем фрагменты были подвергнуты длительной сушке при комнатной температуре под легким прессом между периодически заменяемыми слоями фильтровальной бумаги, что позволило в основном распрямить морщины и складки кожи без возникновения дополнительных деформаций из-за неравномерного высыхания отдельных участков.

На следующем этапе все детали и фрагменты были прожированы эмульсией из жиро- и воскосодержащего крема «Велюр» (70%), взбитого в этиловом спирте (30%) с добавлением природных антисептиков и консервантов — березового дегтя и барсучьего жира. Это позволило остановить дальнейшее пересыхание кожи и в какой-то степени восстановить ее первоначальные механические свойства. После жирования кожа стала намного прочнее и приобрела некоторую эластичность.

Осмотр и предварительная стыковка прожированных фрагментов показали, что в наличии имеются остатки пары погребальной обуви, скроенной из цельных кусков кожи и имеющей закрытые носок и пятку. Как уже отмечалось, подобная обувь имеет народное название «калигвы», «калиги», «калички», «калижки». Обе калигвы сохранились фрагментарно, но фрагменты в совокупности давали полное представление об их первоначальном крое, выполненном по одному и тому же лекалу. На калигве № 1 в прорези на одной из боковых сторон сохранились остатки кожаного ремешка, которым она закреплялась на ноге. Выяснилось также, что для одной из калигв (№ 2) не хватило цельного куска кожи, в связи с чем к боковой стороне готовой выкройки некогда был подшит дополнительный кожаный сегмент, в настоящее время утраченный. Добавим также, что кожа, из которой была выполнена калигва № 2, отличалась от кожи калигвы № 1 более темной окраской.

Монтаж памятника. Монтаж калигв был начат после длительной (два месяца) сушки прожированных кожаных деталей и фрагментов, за время которой из кожи ушли остаточная влага и летучие компоненты жирующей смеси, что не привело к потере эластичности и прочности. Произошла лишь небольшая естественная усадка кожи.

На первом этапе производился подбор сохранившихся деталей и фрагментов, соответствующих калигвам № 1 и № 2 по цвету и фактуре, после чего было проведено восполнение утрат и частичное дублирование сохранившейся подлинной кожи жесткой льняной канвой согласно реконструированному крою. Дополнительный кожаный сегмент, некогда подшитый к калигве № 2, а затем утраченный, нами не восстанавливался. На втором этапе все вставки из канвы были декорированы с двух сторон тонкой шелковой тканью, выкрашенной растительными красителями в цвет памятника. Той же тканью были усилены некоторые ветхие и непрочные участки подлинной кожи. Как на первом, так и на втором этапах применялся полимерный клей А-45К, обеспечивающий хорошее скрепление деталей и обратимость процесса склейки.

На третьем этапе было выполнено восстановление всех первоначальных швов навощеными хлопчатобумажными нитями, причем на подлинных фрагментах восстановление велось по имеющимся проколам. На четвертом этапе были выполнены необходимые тонировки дублировочных материалов растительными красителями, после чего на обе калигвы было равномерно нанесено защитно-декоративное покрытие из пчелиного воска, растворенного в пинене с добавлением масла ливанского кедра.

В результате принятых мер подлинные материалы калигв получили необходимую механическую прочность и достаточную эластичность, а их поверхность приобрела естественный темно-коричневый цвет и легкий глянец. Реконструированные детали по цвету и фактуре поверхности мало отличаются от подлинника, поэтому в экспозиционном плане памятник выглядит цельным и полностью соответствует своему первоначальному облику (рис. 1Б).

Описание и атрибуция. Каждая калигва первоначально была изготовлена из цельного куска тонкой (около 1 мм) хорошо выделанной кожи, окрашенной растительными красителями в темно-коричневый до черного цвет. Задники сформированы при помощи вырезов типа «ласточкин хвост», края которых были сшиты выворотным швом. Носки

3 Зак. 1971

сформированы при помощи вырезов более сложной формы, а их края также сшиты выворотным швом.

После монтажа калигвы приобрели вид тапочек ладьевидной формы с закрытым носком. Длина калигвы № 1 после окончания реставрации составила 23,0 см от носка до пятки. Длина калигвы № 2 составила 22,7 см. По сведениям профессора В.Н. Звягина, проводившего медико-антропологическое освидетельствование мощей святого благоверного князя Олега Брянского, длина его стопы равнялась 25,1—25,5 см. То, что реальная длина калигв после реставрации оказалась несколько меньше, объясняется необратимым усыханием кожи, из которой они были изготовлены.

Наиболее известные из ранее выявленных в средневековых захоронениях образцов погребальной обуви датируются последней третью XIV в., происходят из раки прп. Сергия Радонежского (Балдин, Манушина, 1996. Рис. 72), имеют закрытые носки и относятся к тому же типу, что обувь из Брянска, а также из Андроникова и Зачатьевского монастырей. В публикации Т.А. Кривенко (2000. С. 174) воспроизводится внешний вид кожаной погребальной обуви с закрытыми носками из некрополя XI—XII вв. Киевского Зверинецкого монастыря. Несмотря на схематичность рисунков, в некоторых образцах можно узнать тот же тип, к которому принадлежит обувь из Андроникова и Зачатьевского монастырей и обувь прп. Сергия Радонежского. Близка к ним и обувь, обнаруженная в 1832 г. в белокаменном саркофаге домонгольского времени на территории городища Старая Рязань и известная по рисунку Ф.А. Солнцева. Сам Ф.А. Солнцев называет ее «монашескими башмаками», но авторы публикации его рисунков считают, что она происходят из захоронения не монаха, а священника (Богатская, Панова, 1999. С. 176—177, 179. Рис. 4). При раскопках усыпальницы бояр Романовых в Московском Новоспасском монастыре обувь этого же типа была найдена в четырех погребениях мирян XVI—XVII вв. (Насырова, Станюкович, 2003. С. 96).

В многочисленных публикациях средневековой кожаной обуви из русских поселенческих комплексов какие-либо аналогии данного типа отсутствуют, если не считать экземпляр Новгородского музея (Изюмова, 1959. Рис. 7, *1*). В средневековых городских некрополях она, напротив, встречается сравнительно часто. Обычна она и в монастырских некрополях. Согласно исследованию Д.О. Осипова, в Москве такая обувь встречается исключительно в погребальных памятниках конца XIV—XVI вв., никогда не имеет следов износа и конструктивно непригодна для повседневного применения (Осипов, 2003. С. 21—25).

По типу кроя калигвы, найденные в месте перезахоронения мощей святого благоверного князя Олега Брянского, близки погребальной обуви преподобного Сергия Радонежского, четырем экземплярам из захоронений под алтарем Спасского собора Андроникова монастыря и экземпляру из Зачатьевского монастыря. Поэтому в данном случае мы еще раз имеем дело со специфической погребальной («покойницкой» или «ритуальной», по Д.О. Осипову) обувью, причем свойственной как монашествующим, так и мирянам.

Находка в подклете главного алтаря Введенского храма Брянского Петропавловского монастыря является не только вновь выявленным образцом специфической погребальной обуви, распространенной на Руси на протяжении XI — начала XVII в., но и святыней Русской Православной Церкви. В настоящее время она находится в распоряжении Брянской епархии, где осенью 2004 г. начато формирование церковно-исторического музея.

Литература

Балдин В.И., Манушина Т.Н., 1996. Древнерусское искусство Троице-Сергиевой Лавры. М.

Богатская И.А., Панова Т.Д., 1999. Новый источник по истории городища Старая Рязань // РА, № 1.

Заключение по консервации и реставрации кожаной погребальной обуви из захоронения № 204 в Московском Зачатьевском монастыре. Звенигород, 2004 г.

Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА, № 65. М.

Кривенко Т.А., 2000. Сказание о преподобномучениках Зверинецких. Киев.

Насырова Н.Ш., Станюкович А.К., 2003. Кожаные изделия из погребальных памятников русского средневековья // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород.

Осипов Д.О., 2003. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА, № 2.

Станюкович А.К., 2001. Гробница преподобного Никиты Столпника, Переславского чудотворца. Звенигород.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНАСТЫРЕЙ БРЯНЩИНЫ: НИКОЛО-ОДРИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

***В.Н. Гурьянов**, Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского*

Процесс возрождения православных монастырей России, активно развернувшийся в 90-е гг. прошлого века, не мог не отразиться на росте интереса к истории монастырей. Немаловажную роль в изучении начальных этапов монастырской истории играют данные археологии. Объектами археологического изучения стали столичные монастыри (Беляев, 1994), появились публикации по монастырским древностям Курского края (Чубур, 2003. С.113—133). В Верхнем Поочье монастыри стали объектами археологического изучения еще в начале XX в., исследования монастырей продолжались в 1960—70-е гг. (Прошкин, 1999. С.32, 40). Знаменитые на всю Россию Пафнутьев-Боровский монастырь и Оптина Пустынь изучались и в 90-е гг. (Болдин, 1995. С.70; 1996. С.103; 1997. С.218—220; 1999. С.73).

В отличие от соседних областей монастырям Брянщины в плане археологического изучения повезло гораздо меньше. Достаточно сказать, что культурные слои монастырей Брянской области (даже такого известного и древнего, как Свято-Успенский Свенский, основанный в 1288 г.) практически неисследованы; ни один из монастырей не взят под охрану как памятник археологии. Изучение того же Свенского монастыря ограничилось лишь работами первого директора Брянского музея С.С.Деева в 1925 г. по поиску сокровищ, якобы зарытых монахами (при этом сам Деев писал, что на проведение археологического обследования у него не было полномочий (Коваленко, 1991. С.13) и публикациями С.А.Никулиной о случайных находках средневековых надгробий на территории монастыря (Никулина, 1995. С.19—22; 1997. С.129—134; 1997а. С.74—76). В Брянске на территории Петропавловского монастыря, расположенного на посаде средневекового города, в 1980—90-е гг. Г.П.Поляковым и автором проводились наблюдения за новым строительством и сбор подъемного материала (Гурьянов, 1995. С.53). В Трубчевском районе обследовалась территория Чолнского монастыря в ходе исследований знаменитого Кветунского археологического комплекса В.А.Падиным (Падин, 1968. С.50). Этим, пожалуй, и ограничиваются сведения об археологическом изучении монастырей Брянщины.

В связи с вышеизложенным определенный интерес представляют результаты работ (хоть и весьма незначительных по объему) в Николо-Одринском монастыре. Монастырь расположен в с. Одрино, в 7 км к северо-востоку от г. Карачева, неподалеку от места, где сходятся границы Брянской, Орловской и Калужской областей. Монастырь занимает участок правого коренного берега р. Песочни, правого притока р. Снежеть. В краеведческой литературе основание монастыря относят к XIV в., ссылаясь на народные предания и грамоту 1452 г. инокини Евпраксии, в миру Елены, дочери литовского великого князя Ольгерда. Первоначально возникший как женский, монастырь прекратил свое существование еще до Смутного времени (Кизимова, Зубова, 1999. С.119,120). Эти сведения вызывают сомнения, поскольку дочь Ольгерда Елена, бывшая замужем за князем Владимиром Андреевичем Боровским и Серпуховским, умерла в 1437 г. (ПСРЛ. Т.12. С.24). Другая легенда связывает основание монастыря с явлением чудотворной иконы святого Николая на р. Одринке, где и был основан мужской монастырь, перенесенный затем на свое нынешнее место на р. Песочне, и относит это событие к концу XVI в. (Кизимова, Зубова, 1999. С.120—121). В 1703—1710 гг. в монастыре строится каменный собор Николая Чудотворца, перестроенный в 1868 г.; в 1707 г. освящается церковь Знамения; активное строительство ведется в монастыре в XIX в.: строится дом игумена, трапезный корпус и кухня, гостиница для паломников (Карачевский..., 1910. С.11; Зубова, 2002. С.272—277). До наших дней сохранились дом игумена и трапезный корпус. Как и многие другие монастыри России, Николо-Одринский монастырь был в 1924 г. закрыт, и лишь в 1995 г. с благословления Патриарха всея Руси Алексия II возобновлен как действующий женский монастырь.

В 1998 г. по инициативе Брянской областной дирекции по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры в монастыре были начаты работы по расчистке фундамента собора Николая Чудотворца. В ходе работ В.В.Миненко зафиксировал остатки культурного слоя, содержавшего фрагменты лепной неорнаментированной керамики с примесью дресвы и шамота в тесте, а также материалы более позднего времени: фрагменты изразцов и плинфы (Миненко, 1999. С.14, 15. Рис. 19, 20; 2000. С.129). В 2002 г. работы по расчистке фундамента собора были продолжены автором при участии студентов исторических факультетов БГУ и КГПУ (Гурьянов, 2003. С.115). В шурфах, заложенных с

целью определения глубины залегания и конструкции фундамента, также зафиксировано наличие культурного слоя с лепной керамикой. Найдены фрагменты венчиков, в том числе отклоненный наружу приостренный, украшенный по краю оттисками веревочного штампа (рис.1:*1*). По поводу датировки лепной керамики из монастыря высказаны различные мнения: В.В.Миненко относит ее к древностям типа Почепа (Миненко, 2000. С.129), автор — к колочинской культуре (Гурьянов, 2003. С.115). Вероятно, попытки датировать эту керамику пока преждевременны, поскольку для окончательного определения культурно-хронологической принадлежности данной группы древностей недостаточно материала. Более важным представляется сам факт наличия поселения начала или третьей четверти I тыс. н.э. на территории монастыря.

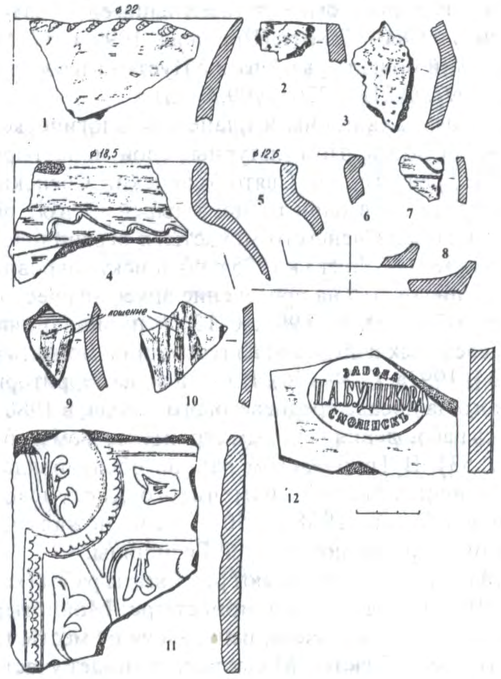

Рис. 1. Керамика и изразцы Николо-Одринского монастыря: 1-3 – лепная керамика; 4-8 – круговая керамика, 9-10 – круговая чернолощеная керамика, 11-12 – изразцы.

Помимо лепной, в шурфе у алтарной части фундамента были найдены фрагменты круговой керамики. Она изготовлена из ожелезненных глин с примесью некалиброванного песка в тесте. Единственный венчик слегка наклонен вовнутрь, его округлый край отогнут наружу, образуя валик с внешней стороны (рис.1:*6*). Венчики такого типа в Южной Руси датируются второй половиной XIII—XIV вв. (Беляева, 1982. С.67), в Верхнем Поочье — XIV—XV вв. (Болдин, 2002. С.21. Тип 3). Среди стенок одна орнаментирована сочетанием прямой и волнистой линии. Донца изготовлены на песчаной подсыпке, угол отгиба придонной части стенки от линии дна около 110°, что характерно для древнерусских горшков до XV в. (Зацаринный, 2004. С.213, 216). Таким образом, эту группу керамики, на наш взгляд, можно датировать XIV в. Возможно, она соотносится с легендарными преданиями о существовании монастыря в указанное время, о которых упоминалось выше.

В выбросе из котлована строящегося канализационного коллектора была встречена керамика более позднего времени. Это венчики с вертикальной шеей, край венчика загнут внутрь и оформлен в виде слабовыраженного валика с внутренней стороны. В одном случае горшок украшен по плечику волнистой линией (рис.1: *4,5*). Венчики подобного типа известны в Москве среди красноглиняной керамики XV—XVI вв. (Бойцов, 1991. Рис.1г). На наш взгляд, венчики из Николо-Одринского монастыря относятся к поздним вариантам этого типа, которые, к примеру, в Пафнутьев-Боровском монастыре датируются XVI — первой половиной XVII вв. (Болдин, 2004. С.11—17. Тип 6). В котловане встречены также фрагменты чернолощеных сосудов, в том числе с прочерченым орнаментом (рис.1: *9,10*). В Москве чернолощеная керамика впервые отмечается в конце XV в. (Чернов, 1991. С.50, 51), куда она попадает из Смоленска, где фиксируется во второй половине XIV в. (Сергина, 1994. С.19—22). В Верхнем Поочье черненые сосуды с лощеным орнаментом в сочетании с прочерченным получили широкое распространение в XVII — первой половине XVIII в. (Болдин, 2002. С.19, 20). По-видимому, керамику из котлована можно датировать концом XVI—XVII вв. Вероятно, к этому же времени следует отнести фрагмент плинфы и фрагмент гладкого терракотового изразца из сборов 1998 г. (Миненко, 1999. Рис.20:*10,11*). К более позднему времени относится находка белоглиняного изразца с рельефным растительным орнаментом, покрытого зеленой поливой (рис.1:*11*). Изразцы с растительным орнаментом были широко распространены в малороссийской части Брянщины со второй половины XVII до середины XVIII в. (Пусь, 1995. С.180). Еще один фрагмент изразца с сюжетом «колокольчик» датируется 30—40-ми гг. XIX в.; производство таких изразцов было хорошо налажено в Калуге (Федоров, 1997. С.216, 258. Ил. 41; Миненко, 1999. С.15. Рис.19). Концом XIX — началом XX вв. можно

датировать фрагмент гладкого изразца, лицевая сторона которого покрыта гладкой поливой, на внутренней стороне заводское клеймо овальной формы с выпуклой надписью «завода П.А. БУДНИКОВА смоленскъ» (рис.1:*12*). Изразец с идентичным клеймом был найден при шурфовке В.В.Миненко на Покровской Горе в Брянске. XIX веком можно датировать также найденные фрагменты стеклянных сосудов, судя по качеству стекла — заводского изготовления.

Шурфами было также вскрыто значительное количество погребений XVIII—XIX вв., совершенных по христианскому обряду без какого-либо сопровождающего материала. Часть погребений заходила под фундамент, что позволяет датировать их временем до 1868 г., когда собор был значительно перестроен и его размеры превысили размеры собора 1710 г. постройки. Кроме того, в ходе работ обнаружены погребения в склепах, совершенные у стен первоначального собора. Следует отметить, что, судя по сохранившимся участкам стен, ориентация собора 1710 г. несколько отличалась от более позднего.

Таким образом, даже незначительные по объему исследования позволили выявить наличие на территории Николо-Одринского монастыря поселения раннего железного века и получить некоторые материалы, характеризующие различные этапы развития самого монастыря и направление его экономических связей. Все это делает актуальной проблему археологических исследований средневековых монастырей Брянского края, особенно с учетом того, что многие из них в настоящее время возобновлены, и в них ведется новое строительство, причем практически безо всякого контроля со стороны органов охраны памятников. Результатом этого является утрата значительной части информации, которая могла бы существенно дополнить скудные сведения письменных источников по ранней истории монастырей.

Литература

Беляев Л.А. Древнейшие монастыри Москвы по данным археологии. — М., 1994.

Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. (По материалам археологических исследований). — Киев, 1982.

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. — М., 1991.

Болдин И.В. Работы Боровского и разведывательного отрядов Калужской экспедиции //АО 1994г. — М., 1995.

Болдин И.В. Археологические работы в монастыре Оптина Пустынь и на Любутском городище // АО 1995 г. — М., 1996.

Болдин И.В. Археологические раскопки в Пафнутьев-Боровском монастыре (1993 г.) // Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф., посв. 600-летию преп. Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19—20 апреля 1994 г.). — Калуга—Боровск, 1997.

Болдин И.В. Раскопки в Калужской области // АО 1997 г. — М., 1999.

Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы хронологии и периодизации). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. — М., 2002.

Болдин И.В. Круговая керамика из археологических раскопок в Пафнутьев-Боровском монастыре в 1993—94 гг. //Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы VI научной конференции 28 февраля — 3 марта 1995 года. — Калуга, 2004.

Гурьянов В.Н. Новые данные о древнерусском Брянске // Из истории Брянского края. Материалы юбил. ист.-краевед. конф., посв. 50-летию образования Брянской обл. и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Брянск, 1995.

Гурьянов В.Н. Разведочные работы на Брянщине // АО 2002 г. — М., 2003.

Зацаринный С.В. К вопросу об информационных возможностях придонных частей позднесредневековых круговых горшков (морфологический аспект) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т.1. — Тула, 2004.

Зубова Е.М. Игумены Николо-Одринского монастыря и их вклад в создание архитектурного ансамбля // Деснинские древности (вып. II). Сб. материалов межгос. научн. конф., посв. памяти Ф.М.Заверняева. — Брянск, 2002.

Карачевский Николаевский Одрин монастырь. — Орел, 1910.

Кизимова С.П., Зубова Е.М. По следам святых обителей: Из истории монастырей и пустыней Брянского края. — Брянск, 1999.

Коваленко З.П. Докладная записка заведующего Брянским губернским музеем С.С. Деева Брянскому губисполкому об обследовании подвалов Свенского монастыря // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. — Брянск, 1991.

Миненко В.В. Отчет об археологических работах в Брянской области в 1998 году. Брянск, 1999 // Архив ИА РАН.

4 Зак. 1971

Миненко В.В. Работы в Брянской области // АО 1998 г. — М., 2000.

Никулина С.А. К вопросу о некрополе Свенского монастыря в XVI-XVII вв. // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. Археология. — Киров, 1995.

Никулина С.А. К вопросу о некрополе Свенского монастыря в XVI — XVII вв. //Монастыри в жизни России. Материалы науч. конф., посв. 600-летию преп. Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19—20 апреля 1994 года). — Калуга—Боровск, 1997.

Никулина С.А. Надгробие инока Петра (Павла Дербышева) из Брянского Свенского монастыря // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3, ч.1. Археология. История промышленности и ремесел. — Киров, 1997.

Падин В.А. Памятные места Трубчевского района. — Брянск, 1968.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Т.12 (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью). — СПб., 1901.

Прошкин О.Л. История археологического изучения территории Калужской области // Археология Калужской области. — Калуга, 1999.

Пусь В.М. Изразцы малороссийской части Брянщины // Деснинские древности. Сб. материалов межгос. науч. конф., посв. памяти Ф.М. Заверняева. — Брянск, 1995.

Сергина Т.В. Керамика Смоленска второй половины XIII—XVII веков. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1994.

Федоров В.В. Калужские изразцы (метрические и структурные аспекты изучения)//Песоченский историко-археологический сборник. Вып.3, ч.1. Археология. История промышленности и ремесел. — Киров, 1997.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV-XVI вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. — М., 1991.

Чубур А.А. Монастырь Троицкая Льпинова пустынь по археологическим данным // Куликово Поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т.2. Археология. История, этнография, искусствоведение. — Тула, 2003.

ВЕРХОВЬЯ РЕК ПРОТВЫ И МОСКВЫ В XII — XIV вв. ИСТОЧНИКИ И НАСЕЛЕНИЕ

***Б.Е. Янишевский**, Институт археологии РАН*

Реки Москва и Протва, хотя и относятся к одному и тому же бассейну — бассейну р.Оки, но впадают в эту реку в совершенно разных местах, отстоящих друг от друга на две сотни километров. Истоки этих рек тоже очень близко расположены; можно сказать, что эти реки стекают с одной болотистой возвышенности. По-видимому, эти реки имели сходное значение для развития территорий, по которым они протекают, хотя бы на части своих русел. Сами по себе реки, территории и другие географические объекты для исторического исследования не имеют значения без населения. Поэтому в данной статье я рассмотрю население верховьев рек Москвы и Протвы в пределах Можайского и Наро-Фоминского районов в Московской области в домонгольский и раннемосковский периоды XII—XIII и XIII—XIV вв.

Источники по истории этого субрегиона делятся на письменные и археологические. Источники до сер. XIII в. весьма немногочисленны и разобраны историками много раз (последний обзор см. В.Н. Темушев. 2002)[1]. В общем, все они сводятся к двум упоминаниям летописи о походах на Голядь (1057[2] и 1146/1147[3]), последний даже с конкретизацией региона — «на верх Протвы»), и Уставной грамоте Смоленского кн. Ростислава Мстиславича, датируемой большинством исследователей 1136 г.[4] Уставная грамота отмечает всего один достоверно определенный исследователями центр — Искона (позднейшая Исконская слободка завещания Дмитрия Ивановича). Летопись помещает в верховьях р. Протвы племя голядь, которое, судя по походу кн. Святослава, упорно сопротивлялось покорению русскими князьями в течение почти ста лет. Правда, голядь (или родственное этому племени балтское племя) могла жить и до самой современной Москвы, где на окраине есть р. Голяданка. Искона (в XII в. это мог быть и погост, и волость), располагалась, без сомнения, на берегах одноименной реки левого притока р. Москвы в нынешнем Можайском районе Московской области. Именно в XII в. на берегах р. Москвы около устья Исконы возникает несколько поселений с соответствующими им курганными могильниками, в которых насчитывается более ста пятидесяти насыпей. Височные кольца, найденные в раскопанных насыпях, в основном браслетообразные (как завязанные, так и спиралеконечные). Кроме того, в меньшей степени представлены семилопастные и ромбощитковые височные кольца[5]. Таким образом, смоленская волость Искона возникла не ранее начала XII в., и население этой волости было

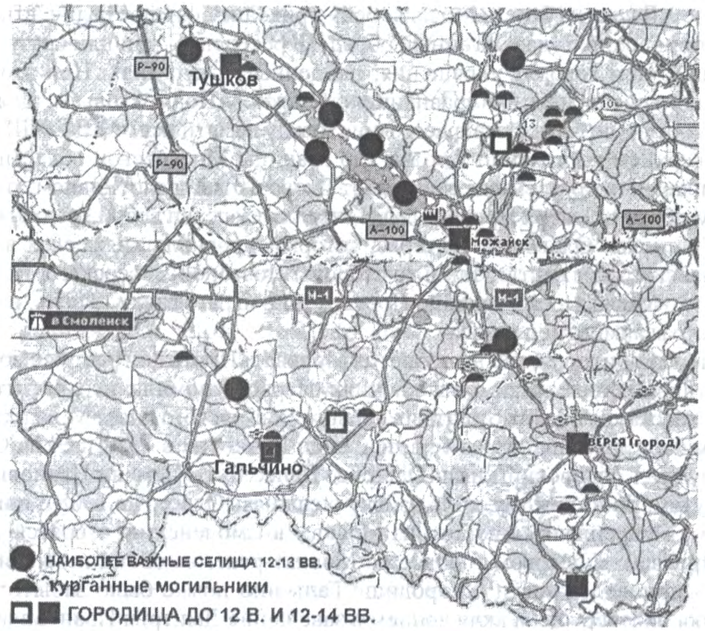

Рис. 1. Курганные могильники, городища и селища на территории Можайского и Наро-Фоминского районов Московской области.

преимущественно славянским, вышедшим из смоленского Поднепровья. Славянские поселения в начале XII в. возникают в большом количестве на протяжении всего остального течения реки Москвы и ее притоков.

Археологические источники домонгольского времени, представленные выявленными памятниками археологии, а также раскопанными памятниками, не отмечают плотного заселения реки Протвы в ее верхнем течении ни в XII—XIII вв., ни веком ранее. Раскопанных памятников почти нет; единственный курганный могильник, раскопанный А.В.Арциховским у д. Бартенево, содержал типичный славянский инвентарь с браслетообразными височными кольцами[6]. В 1996 г. при раскопках на городище Гальчино (р. Протва) в нижнем предматериковом слое (под постройкой) автором и Н.А. Кренке было найдено донце лепного сосуда необычной формы. Других фрагментов такой керамики найдено не было[7]. Возможно, что этот горшок оставлен населением, жившим в этом месте до прихода Святослава Ольговича. К памятникам голяди можно было бы отнести несколько городищ и селищ, на которых найдена лепная керамика, но немногочисленные фрагменты керамики с этих памятников не позволяет с уверенностью говорить об их принадлежности ни голяди, ни какому-нибудь другому племени[8].

Академик В.В.Седов в своей статье «Голядь» принимает за памятники, оставленные голядью, памятники Мощинской культуры[9]. Далее В.В.Седов говорит о славянизации мощинцев, различного рода украшениях, найденных в подмосковных курганах, характерных скорее для Поднепровья, а также о встреченных при раскопках этих курганов, в том числе и в Москворечье, погребениях с северной и восточной ориентировкой, которые являются, по мнению автора, признаком балтских пережитков в славянской среде. Как известно, мощинская культура прекращает свое существование задолго до XI в. — упоминания голяди в письменных источниках. Славянизация балтов, к которым В.В. Седов относит и голядь, начавшаяся сразу после прихода в ареал мощинской культуры славян, должна была проходить в течение не менее четырех веков. Славяне за это время переняли, по мнению академика Седова, балтскую гидронимику, курганный обряд и ряд типов украшений. При этом балты не потеряли ни самоназвания, ни ряда обычаев, например, ориентировку погребений. В течение почти ста лет это племя сопротивлялось попыткам славянских князей покорить их — дольше, чем любое из славянских племен. Надо понимать, что к середине XI в. племя голядь занимало свой «последний оплот» — регион верхней Протвы, а поход кн. Святослава Ольговича в 1146/47 гг. должен был поставить точку в этой борьбе «славянизированных, но непокоренных», с государственной властью. Однако, на Протве, ни в среднем, ни в верхнем течении, нет памятников, которые чем-либо выделялись на фоне других памятников XII века. В верхнем течении Протвы вообще плотность памятников этого времени очень низкая. Как уже было

сказано, в начале XII века на берега Москвы-реки приходит большое количество славянских переселенцев, принесших туда курганный обряд. Переселенцы пришли сразу с юга, запада и северо-запада, о чем говорят украшения, найденные в курганах. При этом на Протве курганов возникло очень мало по сравнению с ближним Подмосковьем. Даже в верхнем течении Москвы-реки (до Можайска) расстояние между памятниками XII—XIII вв. примерно 1,5—2 км[10]. В верхнем же течении Протвы (до границы Московской области) расстояние между памятниками этого времени составляет около 10 км и в основном это славянские курганы. Таким образом, «верх Протвы» в XII веке был заселен весьма редко и неясно, кого же «воевал» Святослав Ольгович. Интерес, который проявила княжеская власть, как со стороны Суздальского княжества, так и со стороны Новгород-Северского, показывает, что территории как по Москве-реке, так и по Протве стали играть важную роль, в том числе и в междукняжеских взаимоотношениях.

В дальнейшем территория, где начинаются Москва и Протва, играет все возрастающую роль в межгосударственных взаимоотношениях. Первое упоминание о событиях XIII в. в этом районе — рассказ о гибели «от литвы» первого московского князя Михаила Ярославича в 1248 г.[11] Этим же путем московский князь Семен Иванович в 1352 шел на Смоленск. На Протве его встретил литовский князь Ольгерд. Далее путь Семена Ивановича лежал на Угру. Тем же путем, по-видимому, к Можайску шел князь Ольгерд в 1368 г. и последующие годы[12]. Неспроста укрепляются дороги из Москвы в Смоленск — строятся укрепления в Гальчино на Протве и Тушковом городке на Москве-реке, на обоих памятниках найдены вещи воинской принадлежности[13]. Городище Гальчино позже было забыто*, а важность Тушкова городка подтверждена включением в завещание Дмитрия Ивановича 1389 г.[14] под именем центра волости Тушков. Московские князья уделяли пристальное внимание территории верхней Протвы, постепенно расширяя за счет Рязанского княжества свои «примыслы», основывая города, среди которых Верея и Вышгород.

Подводя итоги, следует сказать, что территория в верховьях рек Москвы и Протвы, находясь на пограничье между Владимиро-Суздальским и Смоленским княжествами, а позже Московским и Литовским, должна была играть и играла важную роль в межгосударственных отношениях. Однако, как выясняется, на этой территории происходили и последние всплески межплеменных отношений. Реликты балтского (если голядь относить именно к балтам) населения были поглощены мощной волной славянского переселения в начале XII века. Однако, по каким-то причинам, на верхнюю Протву эта волна, судя по памятникам археологии славян, дошла в значительно меньшем объеме, чем, например, на соседний можайский участок Москвы-реки. Возможно, что это связано с наличием на верхней Протве той самой голяди, которую «воевал» Святослав Ольгович в середине XII в. Правда, памятники голяди, как поселения, так и погребальные, пока на этой территории не выявлены.

Примечания

1. Темушев В.Н. Юго-западные границы Владимиро-Суздальской Руси накануне образования Московского княжества // Восточноевропейский археологический журнал, 1(14) январь—февраль 2002. (http://archaeology.kiev.ua/journal/010102/temushev.htm)
2. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 141; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). 1962. С.114.
3. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 339.
4. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Издание подготовил Я.Н.Щапов. М, 1976. С. 141—145; Алексеев Л.В. Смоленская земля IX—XIII вв. М, 1980. С. 43—45.
5. Археологическая карта России (далее — АКР). Московская область. Ч.2. М, 1995. Можайский и Рузский районы.
6. АКР. Московская область. Ч.2. М, 1995. С. 83.
7. Городище у д. Гальчино на р. Протве // Макариевские чтения. В. VII. Можайск, 2000. С. 601—602.
8. АКР. Московская область. Ч.2. М, 1995. Можайский и Наро-Фоминский районы.
9. Седов В.В. Голядь // «Is baltu kulturos istorijos». Вильнюс. 2000. С. 75—84.
10. Янишевский Б.Е. Размеры поселений и территориальные общины XII—XIV вв. на примере памятников верхней Москвы-реки //Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 191—192; Археологические памятники верхнего Москворечья (Можайский район) по исследованиям 1996—2001 гг. // Макариевские чтения. В. X. С. 593—607.
11. ПСРЛ. 1925. С. 38.
12. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 60—61, Стб. 88—90.
13. Рабинович М.Г. Крепость и город Тушков. // Советская археология № XXIX—XXX; Кренке Н.А., Янишевский Б.Е. Городище у д. Гальчино на р. Протве //Макариевские чтения. Вып. VII. 2002. С. 598—663.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных и князей. М, 1950. С. 34.

* Возможно, что такой важный пункт в верховьях Протвы отмечен под именем центра волости Поротва среди можайских волостей в том же завещании кн. Дмитрия Ивановича.

МАТЕРИАЛЫ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ С СОРОКИНА ГОРОДИЩА

С.В. Зацаринный, Ю.Г. Екимов,

Объединение «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей»

Сорокино городище расположено в исторической части современного г.Алексина (на правом берегу р.Оки). В эпоху развитого и позднего средневековья (вплоть до начала XVIIв.) оно являлось одной из укреплённых частей города наряду с Ильинским городищем и, позднее, Соборной горой. В ходе археологических исследований городища экспедицией Объединения «ТОИАЛМ» под руководством Ю.Г.Екимова [1; 2; 3] была получена многочисленная коллекция археологических артефактов, связанных, главным образом, со средневековым периодом заселения памятника. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов, отражающих начальный этап славянского заселения городища [4].

Городище расположено на узком мысу коренного берега, ориентированного длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Его общая протяжённость около 300м, высота над рекой 40—65м. С юго-восточной и северо-западной сторон мыс ограничен глубокими оврагами. Само городище состоит из двух площадок размером 55,5 х 70,0м (верхняя) и 120,0—160,0 х 90,0—140,0м (нижняя), соединённых узким перешейком. На верхней площадке с напольной стороны сохранились остатки рва глубиной до 2,6м при ширине около 10м и слабовыраженного вала (высотой около 0,3м). Сильно оплывший вал и, возможно, ров разделяли между собой и площадки городища. Остатки ещё одного вала высотой до 1,5м сохранились вдоль юго-восточного края нижней площадки.

В результате археологических исследований памятника было вскрыто около 700 кв.м. его площади: 168 кв.м. — на верхней площадке (раскоп 1) и 520 кв.м — на нижней (раскоп 2). Мощность культурного слоя на обеих площадках городища составляет в среднем 0,2—0,6м. Стратиграфия культурных наслоений различается лишь мощностью слоёв и выглядит в целом следующим образом: 1) дёрн (0,10—0,12м); 2) слой тёмно-серой гумусированной супеси (0,10—0,25м); 3) слой светло-серого опесчаненного суглинка (0,10—0,30м); 4) слой светлого материкового опесчаненного суглинка (до 0,10м); 5) материк (ярко-жёлтая глина).

Материалы начального этапа славянского заселения городища были выявлены на обеих его площадках. Они представлены незначительной коллекцией раннекруговой керамики, ранними типами развитой круговой посуды, а также незначительной серией диагностирующих индивидуальных находок. Возможно, к этому же периоду относится часть небольшой серии лепной керамики, выявленной на нижней площадке городища и включающей около 40 мелких маловыразительных фрагментов посуды. Сохранность керамического материала является крайне неудовлетворительной, в виду его сильной измельчённости. По этой причине при статистической обработке выделение черепков раннекруговой посуды из коллекции ранних форм развитой круговой керамики было в большинстве случаев затруднительным (за исключением фрагментов верхних частей сосудов). В целом, данная керамика была отнесена к группе 1 (группы 2—3 были выделены внутри развитой круговой керамики), для которой характерны следующие признаки:

1. Изготовление сосудов из грубого теста с обильной примесью дресвы и песка, следствием чего являются шероховатые и бугристые их поверхности;
2. Преобладание трёхцветного излома с тёмной серединой, что указывает на низкотемпературный режим обжига (вероятно, печной);
3. Формовка сосудов на подсыпке из мелкодроблёного кварцита, реже — крупнозернистого песка;
4. Неравномерная цветовая гамма внутренней и внешней поверхностей: превалирование чёрного, серо-чёрного, коричневого и серо-розового тонов в расцветке поверхностей сосудов;
5. Доминирование средне- и сильнопрофилированных горшков;
6. Орнаментация сосудов преимущественно линейным и волнистым орнаментом.

Керамика 1-й группы соотносится с основанием слоя серой гумусированной супеси и верхней частью подстилающего его слоя светлого опесчаненного суглинка. Значительная её часть содержалась в культурном слое в переотложенном виде, по причине плотного хозяйственного освоения площади памятника в период развитого и позднего средневековья. Строительные сооружения рассматриваемого времени представлены остатками заглублённых в слой или материк элементами конструкций, в основном, хозяйственными ямами. Две ямы выявлено на верхней площадке городища и шесть — на нижней. По форме они подразделяются на округлые, подквадратные и прямоугольные. Размеры округлых и

подквадратных ям укладываются в пределах 1,0—1,7м, у прямоугольных — достигают 2,8м. Все ямы достаточно мелкие: две из них заглублены лишь в слой, остальные — в материк (до 0,4м). В стратиграфическом отношении все комплексы перекрыты слоями (в том числе и сооружениями) последующего времени. Лишь половина всех ям содержала материалы (в основном керамику) рассматриваемого времени, другие ямы являлись пустыми, хотя вблизи них, в большинстве случаев, и отмечалась концентрация керамики 1-й группы.

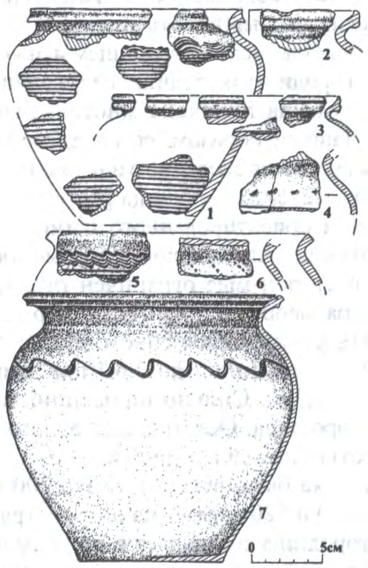

Рис. 1. Круговая посуда из слоя с нижней площадки Сорокина городища.

Содержание керамики 1-й группы в культурном слое городища крайне незначительно: в раскопе 1 она составляет 8% всей керамической серии, а в раскопе 2 — лишь 0,81%. Совокупная коллекция данной керамики с памятника включает 308 фрагментов, которые, судя по индивидуальным морфологическим особенностям верхних частей, принадлежат примерно 30 сосудам. Не более 15 горшков удалось выделить в керамической серии 1-й группы с верхней площадки и ровно столько же — с нижней. Практически все горшки характеризуются относительно стройными пропорциями [H/D = 0,84 (рис.1: *1*), H/D = 0,91 (рис.1: *7*)] и эсовидным профилем верхней части.

По объёму сосуды можно отнести к горшкам средних размеров. Исключение составляет небольшой приземистый горшочек из ямы №XVIII / высота — 8,6см, диаметр устья — 12,0см/ (рис.2: *2*). У остальных сосудов диаметр устья (этот показатель удалось определить ещё у 13 горшков) варьируется в диапазоне с 14,6 до 19,6см, составляя в среднем 17,0см. По составу посуда 1-й группы неоднородна и на основе технологических, морфологических и орнаментальных особенностей может быть условно разделена на две подгруппы.

Подгруппа 1 (подавляющее большинство фрагментов) включает в себя керамику, изготовленную по рецепту «глина + обильная дресва /кварцит средней и мелкой фракции/», иногда с включением крайне незначительной примеси песка. Поверхности сосудов шероховатые, местами неровные от выступающих кварцитовых зёрен. Средняя толщина стенок — 5—8мм. В эту подгруппу вошла раннекруговая посуда (далеко не самых ранних этапов развития гончарного круга — РФК-3—4 [5. С.49—53]), включающая, в том числе, и типы переходных форм (главным образом, керамику с «воротничковым» или «манжетным» оформлением края). Типологически самым ранним является горшок с короткой, отогнутой наружу под прямым углом шейкой, край которой имеет уплощённый срез (рис.1: *5*). В верхней части плеча сосуд орнаментирован частой плотной многорядной волной, нанесённой гребёнкой. Ниже он украшен сплошным линейным рифлением, покрывающим, очевидно, и всю его придонную часть. В Поочье ближайшей аналогией данному горшку с подобным оформлением верхней части является сосуд из ямы №1 Сосновского селища, датируемой серединой — второй половиной XIв. [6. С.156. Рис.2: *13*. С.160]. Другой относительно ранней формой является небольшой горшок (D венчика = 14,7; H = ~ 15,0см) с резко отогнутым наружу краем невысокой шейки, оформленным неглубоким кольцевым желобком (рис.1: *1*). Как и предыдущий сосуд горшок украшен по плечу многорядным волнистым орнаментом, ниже — сплошным линейным рифлением. По морфологии венчика и характерной орнаментике оба сосуда сближаются и с раннекруговой керамикой XI — начала XIIвв. из г.Коломны [7. Табл.17: *3—5, 10*].

Другим типом горшков 1-й подгруппы являются сосуды с «манжетовидным» или «воротничковым» оформлением венчика (рис.1: *2, 3, 7*; 2: *1, 3*). К этому типу относятся около 12 сосудов. Приёмы формовки и дополнительной обработки «манжетного утолщения» у большинства горшков весьма индивидуальны. Выделяются сосуды как с массивным округлым (рис.2: *1*), так и с изящным уплощённым «воротничком» (рис.2: *3*). У части горшков уплощённый «манжет» дополнительно оформлен декоративным кольцевым желобком (рис.1: *2—3, 7*). Верхний край венчика у подавляющего большинства сосудов этого типа уплощён, а изнутри профилирован выраженным уступом (рис.1: *2, 3*; 2: *1, 3*). Преобладающим орнаментом является сплошное линейное рифление (рис.1: *3*; 2: *1*).

Рис. 2. Круговая керамика из комплексов с нижней площадки Сорокина городища: 1— 3 — яма XVIII; 4— яма XVII.

В Среднем Поднепровье горшки с «манжетовидными» венчиками доминируют в горизонтах X—XIвв., где они составляют до 80% посуды этой категории [8. С.10]. А отдельные переходные типы с характерным уступом «под крышку» различной степени выразительности бытовали там на протяжении XI—XIIIвв. [8. С.13, 18. Рис. 5, 8]. Кстати, именно эти типы и преобладают среди «манжетной» керамики на Сорокином городище. В Клецке они встречаются в слоях XI — начала XIIвв. [9. С. 50—51, 57. Рис. 2, тип 5]. В пределах XI — 1-й пол. XIIвв. они датируются и по керамической шкале Суздаля (типы II и IV) [10. С. 96, 100. Рис. 1]. В Новгороде — встречаются преимущественно в слоях XI—XII вв. [11. С. 89. Рис. 15. Подтипы 89—90]. Известны они и среди курганной керамики Подмосковья, где горшки с подобным «манжетным» оформлением происходят, в том числе, и из погребений 1-й половины — середины XIIв. [12. С.69. Табл.6: *4*. С.70. Табл.7: *7*. С.72. Табл. 9: *3*].

Тремя сосудами представлен тип горшков с плавно отогнутой наружу шейкой и горизонтально уплощённым краем венчика «Т-образной» формы. Два горшка этого типа украшены в верхней части двумя поясами плотной многорядной волны, нанесённой гребёнкой, ниже — линейным орнаментом (рис.3: *1*). Сосуды с близким по характеру оформления венчиком в Суздале датируются XI—1-й третью XIIIвв. [10. С. 96—97, 100. Рис. 1. Типы VIA и VIB]. В пределах 2-й пол. XI—XII вв. они определяются по новгородской керамической шкале [11. С. 82. Рис. 8. Подтип 42]. На поселениях Днепровского Левобережья этот тип встречается в комплексах сер. XII—начала XIII вв. [13. С. 235, 229. Рис. 62. Тип 13]. В подмосковных курганных древностях горшки данного типа происходят из погребений 1-й половины — сер. XIIв. [12. С. 72. Табл. 9: *5*. С.74. Табл. 11: *2*. С.79. Табл.16: *2, 3*].

Ещё 4 сосуда с эсовидной профилировкой верхней части выделяются горизонтально срезанным венчиком, оформленным по срезу кольцевым желобком. Вдоль его внутреннего края образован уступ. Внешний край у нескольких горшков слегка уплощён сбоку (рис.3: *2*). Два сосуда отличаются выделенной шейкой. Орнамент в виде частого рифления зафиксирован лишь на одном горшке (рис.3, *2*). В древнерусском городе Клецке горшки с близким оформлением верхней части бытовали в XII—XIII вв. [9. С. 51—52, 57. Рис. 2. Тип 7.4]. По материалам Ржищевского комплекса подобная посуда датируется XII в. [14. С. 23, 29. Рис. 4: *4*]. К тому же времени относятся и аналогичные горшки из подмосковных курганов [12. С. 76. Табл. 13: *3*].

Горшки других типов единичны. Многие из них имеют эсовидную профилировку верхней части и различаются характером формовки чернового края в виде валикообразных утолщений на внутренней стороне венчика. Остальные типы являются либо весьма индивидуальными, либо промежуточными формами среди охарактеризованных выше. В орнаментальном отношении для горшков 1-й подгруппы характерно украшение основного объёма тулова сосудов сплошным линейным рифлением (это хорошо видно из соотношения орнаментированных стенок). В ряде случаев в верхней части горшки украшались зонами плотного многорядного волнистого орнамента. В одном случае был зафиксирован приём украшения плеча сосуда косыми оттисками гребёнки (рис.1: *6*), в одном — сочетанием косых вдавлений и линейного декора (рис.1: *4*). Ещё один горшок был украшен плавной волной (рис.1: *7*).

В подгруппу 2 вошла керамика, произведённая по рецепту «глина + песок (средней и мелкой фракции) + дресва мелкой фракции (крайне незначительная примесь)». Поверхности сосудов достаточно гладкие. Средняя толщина стенок — 4—6мм. В данную подгруппу попали горшки ранних типов развитой круговой керамики (рис.2: *2, 4*). В морфологическом отношении они практически не отличаются от сосудов 1-й подгруппы: сближаются эсовидной (или близкой к ней) профилировкой и прямоугольной формой венчика. С внутренней стороны венчики этих горшков по-прежнему продолжают оформляться уступом, а сверху или сбоку обтачиваться и декорироваться желобком. В орнаментике сосудов этой подгруппы доминирует волна (рис. 2: *2, 4*), в некоторых случаях они украшались зубчатым

орнаментом (рис. 3: *3*). Весьма важными для понимания процесса эволюции керамики подгруппы 1 в подгруппу 2 являются комплексы синхронных хозяйственных ям №XVII и №XVIII, находившихся, судя по всему, в пределах одной постройки /об этом свидетельствует обнаружение частей одного сосуда в нижней части заполнения этих ям/ (рис. 2: *4*). По выявленным в заполнении ям фрагментам керамики удалось реконструировать 4 сосуда (рис. 2), которые поровну распределились между двумя подгруппами. Первые два сосуда достаточно наглядно отражают процесс трансформации «манжетовидных» венчиков в общерусский тип со сформованным на внутренней стороне края валикообразным утолщением преимущественно округлой формы. Как мы видим, в Алексине этот процесс параллельно сопровождался распространением волнистого декора и сменой состава формовочной массы. Сущность последнего заключалась в уменьшении зернистости минеральных добавок, что влечёт за собой увеличение пластичности самой глины, возрастание равномерности усадки изделия при обжиге, и, как следствие, повышение качества готовой продукции. Таким образом, результаты анализа керамического материала 1-й группы позволяют предварительно датировать его в целом концом XI — XII вв.

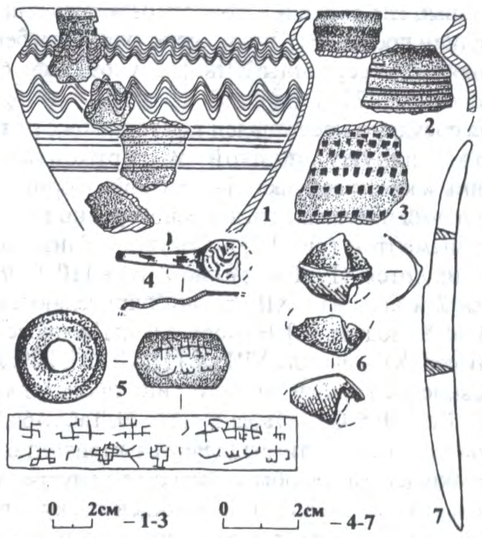

Рис. 3. Материалы с верхней (1 — 3) и нижней (4 — 7) площадок Сорокина городища: 1 — 3 — фрагменты круговой посуды; 4 — перстень (бронза);5 — пряслице (шифер); 6 — бубенчик (бронза); 7 — нож (железо).

Серия лепной керамики, как уже отмечалось выше, ввиду плохой сохранности материала малоинформативна. По составу эта керамика неоднородна. Небольшая часть фрагментов изготовлена по рецепту «глина + обильный речной песок + мелкий шамот + мелкодроблёная дресва (кварцит)». Они принадлежали слабопрофилированным тонкостенным (толщина черепка — 4—7мм) сосудам вытянутых пропорций, украшенных «защипным» орнаментом. Эта группа сосудов находит аналогии среди керамики верхнеокской и дьяковской культур конца I тыс. до н.э. — 1-й пол. I тыс. н.э. Другая группа черепков принадлежит посуде, вылепленной по иной рецептуре: «глина + шамот + органика + дресва (незначительная примесь)». Сосуды этой группы характеризуются слабой профилировкой, приострённым венчиком, бугристыми и «рваными» поверхностями от выступающих на них зёрен дроблёного шамота и выгоревшей при обжиге органики, а также отсутствием орнамента. Черепок в изломе слоистый, пористый, часто чёрный в изломе. Несколько фрагментов этой серии покрыты лощением, либо подлощены. Учитывая находки лощёных пряслиц с широким каналом возможно соотнести эту керамику с «мощинскими древностями». Но, принимая во внимание, совпадение областей концентрации данной керамики и круговой посуды конца XI—XII вв., а также локализацию её вблизи большинства строительных комплексов (ямы №№ VIII, IX, XIII и т.д.) возможно допустить и её взаимосвязь с начальным этапом славянского заселения. Если же последнее предположение и окажется верным, вряд ли это позволит существенно удревнить начальную дату образования славянского посёлка. Лепные черепки 2-й группы являются фрагментами лишь 2—3 сосудов и, соответственно, составляют не более 20% к общему объёму круговой керамики 1-й группы. В Поочье, на памятниках 2-й половины XI в. лепная керамика составляет не менее 40-60% от круговой [6. С. 158—160], а в комплексах конца XI — 1-й половины XIIвв. — 25-36% [15. С.63. Табл.1], что в целом не противоречит предложенной нами датировке.

Индивидуальных диагностирующих находок, относящихся к рассматриваемому периоду, выявлено немного. Все они обнаружены на нижней площадке городища.

Из заполнения ямы №XVIII происходит крупный фрагмент бронзового бубенчика. Ещё несколько более мелких фрагментов от него были найдены на уровне материка у края ямы. Бубенчик относится к типу грушевидных с крестообразной прорезью (рис. 3: *6*). Его нижняя часть украшена косой насечкой. Бубенчики этого типа наиболее ранние. По новгородским материалам они датируются сер. X—сер. XII вв. [16. С. 156]. Кстати, в одной из своих последних работ М.В.Седова ограничивает диапазон бытования украшений этого типа концом X — началом XII вв. [17. С. 70].

У края постройки №3 (конец XV—1-я пол. XVI вв.) был обнаружен обломок бронзового щитковосрединного перстня (рис.3, *4*). Сохранилась лишь часть изделия — дужка со щитком на длину 3,3 см. Дужка узкопластинчатая, щиток овальный шириной 1,1см. На щитке просматривается изображение «двузубца». Изделие было использовано вторично (вероятно, в XVI столетии): по месту излома край щитка заточен с внутренней стороны. В Новгороде перстни с овальными щитками происходят из слоёв конца XII—середины XV вв. [16. С. 135]. Изображение княжеского знака позволяет связать его с ранним периодом бытования украшений этого типа.

Тремя экземплярами представлены шиферные пряслица, выточенные из розового овручского шифера. Одно из них выделяется процарапанными на боковых поверхностях знаками (рис. 3: *5*). Пряслице происходит из основания культурного слоя (слой светло-серой супеси). Символы аккуратно прочерчены на торцевых гранях пряслица в две строки и занимают практически всю поверхность ребра. Пиктограммы расположены с небольшими интервалами. Подавляющая часть символов относится к группе крестовидных (крест-свастика и различные виды асимметричных сложных многоконечных перекрестий). По материалам Белоозера, где выборка пряслиц со знаками включала в себя 86 единиц (около 13% от общего числа шиферных пряслиц) изделия с крестовидными знаками, встреченными в слоях 2-й пол. X — XIII вв., существенно преобладали (66,6%) в комплексах XIIв. [18. С. 18]. В стилистическом и морфологическом отношениях ближайшие аналогии сорокинскому пряслицу происходят с территорий соседних областей: Московской и Рязанской. Одно пряслице с изображением нескольких многоконечных крестов-свастик было найдено на поселении Саввинская слобода (под г.Звенигородом), славянский комплекс которого датируется концом X — началом XIIвв. [10. С. 175]. Другое — происходит с поселения Малиновское I (бассейн р.Пронь), существовавшего в XI—XIIIвв. [20. С. 216—217]. Среди прочих элементов оно также включает изображение крестов-свастик, объёмную крестообразную фигуру, а также символы прямоугольных и угловатых очертаний. Часть знаков также начертана на нём в две строки на гранях торцевой стороны. Знаки, стилистически близкие рассматриваемым, встречаются и на некоторых шиферных пряслицах со Старорязанского городища, где они встречены преимущественно в комплексах и слоях конца XI — 1-й пол. XII вв. [21. С. 329. Табл. 101: *4*. С.334. Табл. 106: *3*. С.335. Табл. 107: *7*]. В этом же слое светло-серой супеси был обнаружен и обломок ещё одного шиферного пряслица. Третье шиферное пряслице происходит из постройки №8, относящейся к финальному этапу заселения Сорокина городища [4. С. 28]. Весьма вероятно, что оно получило «вторую жизнь» в результате обнаружения его в XVIв. кем-то из жителей (не исключена вероятность извлечения предмета из земли в процессе эскарпирования площадки под постройку №8, под которой частично сохранился слой этого времени, и в непосредственной близости от которой расположены хозяйственные ямы №XVII и №XVIII).

Из других категорий изделий к домонгольскому времени относится небольшой железный черенковый нож (рис. 3: *7*). Он имеет дугообразную форму спинки и лезвия, слабовыделенный массивный черенок. Общая длина ножа — 10,0см, длина клинка — 6,4см. Клинок достаточно узкий (0,8см), выделяется широкой (0,4см) спинкой. Соотношение ширины клинка к его толщине составляет 2:1, что характерно для ранних типов древнерусских ножей [22. С. 48, 51]. Не исключено, что из многочисленной коллекции черенковых ножей и их обломков, полученной с нижней площадки городища, какая-то часть также может быть связана с ранним этапом славянского заселения, но достоверно их выделить из общей массы пока не представляется возможным.

Таким образом, анализ индивидуальных датирующих находок не противоречит выводу, сделанному нами ранее по результатам изучения керамического материала о существовании на городище небольшого славянского поселения с конца XI в. Вероятнее всего, жизнь на городище прекращается к концу XII в. Но, учитывая скудость вещевого материала и отсутствие узкодатирующих находок, пока нельзя полностью исключать существования поселения и в начале XIII в. Вопрос о времени возведения земляных укреплений на городище в настоящее время продолжает оставаться открытым. Принимая во внимание достаточно слабую насыщенность слоя материальными свидетельствами домонгольского времени (равно как и артефактами эпохи раннего средневековья) представляется возможным связывать строительство городских укреплений с периодом позднего средневековья, когда Алексин начинает исполнять функции военно-политического центра на южной границе Русского государства.

Литература

1.Екимов Ю.Г. Отчёт археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» о раскопках Сорокина городища в г.Алексин Тульской области в 1998 году. Тула, 1999. // Архив ИА РАН.

2.Екимов Ю.Г. Отчёт археологической экспедиции Объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» о раскопках Сорокина городища в г.Алексин Тульской области и на территории Тульского Кремля в 1999 году. Тула, 2000. // Архив ИА РАН.

3.Екимов Ю.Г. Отчет археологической экспедиции Объединения «ТОИАЛМ» об исследовании поселений Мельгуново-3 и Мельгуново-1 в Узловском районе и Сорокинского городища в г.Алексин Тульской области в 1996г. // Архив ИА РАН.

4.Екимов Ю.Г., Зацаринный С.В. Этапы заселения и хронология средневекового Сорокина городища (по результатам работ 1996, 1998—1999гг.) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Регион. науч. конф. Калуга, 2003.

5.Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

6.Коваль В.Ю. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XIв.). // РА, 2004, №1.

7.Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М., 2001.

8.Петрашенко В.А. Керамика XI-XIIIвв. Среднего Поднепровья. // Древнерусская керамика. М., 1992.

9.Поздняков В.С. Развитие керамики древнерусского Клецка (X—XIIIвв.). // Древнерусская керамика. М., 1992.

10. Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля. // Древнерусская керамика. М., 1992.

11. Олейников О.М., Смирнова Г.П. Хронология некоторых типов новгородской керамики X—XIIIвв. // Древнерусская керамика. М., 1992.

12. Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

13. Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья. // Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

14. Блажевич Н.В. Керамика Ржищевского комплекса XI—XIIIвв. // Древнерусская керамика. М., 1992.

15. Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны. // КСИА, №212. М., 2001.

16. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XVвв.). М., 1981.

17. Седова М.В. Украшения из меди и сплавов. // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

18. Голубева Л.А. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

19. Станюкович А.К. Раннеславянское поселение в окрестностях Звенигорода. // АО 1996 года. М., 1997.

20. Полякова Г.Ф. Селища в долине Прони. // Археология Рязанской земли. М., 1974.

21. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI—XIIIвв. М., 1995.

22. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. // МИА, №65. М., 1959.

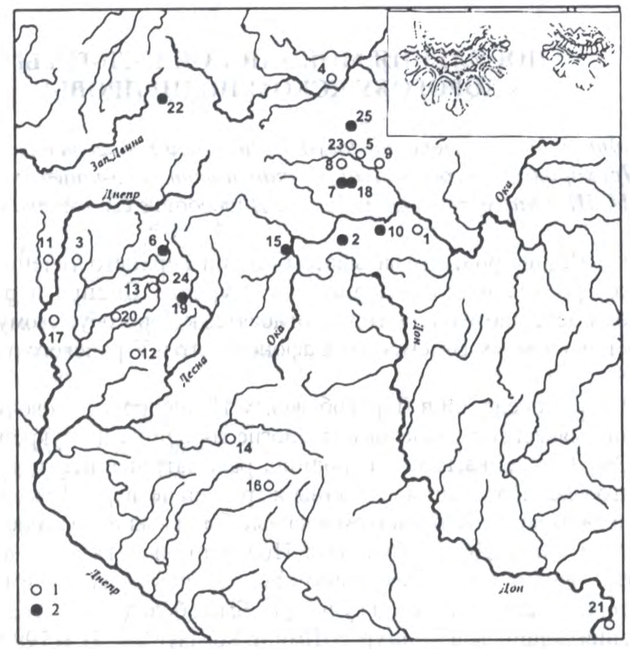
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ «ДЕСНИНСКОГО ТИПА»

***А.В. Григорьев**, Государственный музей-заповедник «Куликово поле»*

Кольца так называемого «деснинского типа» или типа «сельцо», в силу своей необычности давно привлекают внимание исследователей. По форме они, несомненно, восходят к лучевым кольцам раннего периода (IX—X вв.). Главным их отличием является криновидное окончание внешних «лучей», что позволило В.П.Левашовой рассматривать данный тип в качестве переходной формы от лучевых к лопастным [Левашёва, 1967. С. 29]. Последовательная смена колец «деснинского» типа лопастными отчасти подтверждает это предположение. Отмечаются общие черты и в технологии изготовления. Так, помимо относительно редких экземпляров обеих групп, выполненных из серебра, значительная часть украшений была изготовлена из бронзы с последующим лужением.

Хронология колец рассматриваемого типа не вызывает противоречий в научной литературе и определяется в целом XI в. Возможно некоторое сужение этих рамок до 2-й — 4-й четверти указанного столетия. В пользу кратковременности существования моды на подобные кольца говорит относительная однотипность известных экземпляров, различающихся прежде всего лишь количеством «лучей» — 5 или 7. Основные споры вызывает их культурная принадлежность. В.П.Левашёва указывала на редкость этих находок и избегала чёткого этнического определения [Левашёва. 1967. С. 29]. Не связывала с определённой территорией этот тип колец и Т.В.Равдина [1975. С.218]. Г.Ф.Соловьёва, Н.Г.Недошивина и Е.А.Шинаков считают украшения «деснинского типа» характерными для территорий, заселённых радимичами [Соловьёва, 1978. С.171 — 173; Недошивина, 1980. С.107 — 111; Шинаков, 1980. С.124]. Того же мнения придерживаются и авторы новейших работ [Гоняный, 1999. С. 143].

Подобное расхождение мнений можно отнести, прежде всего, за счёт постоянно изменяющегося количества находок данной категории. Если в работе 1967 года В.П. Левашовой рассматривается девять экземпляров из четырех пунктов, то в 1975 г. Т.В.Равдиной учтено уже двадцать пять экземпляров, происходящих из двенадцати пунктов. Геогра-фия распространения этих украшений позволила Н.Г.Недошивиной отметить, что «все кольца типа «сельцо» распространены за пределами вятичской территории» [Недошивина, 1980. С.107]. В последние годы, в результате работ в бассейне р.Москвы, количество известных находок постоянно увеличивается и в настоящее время можно говорить, как *minimum*, о шестидесяти четырех находках, происходящих из двадцати пяти пунктов (32 экз. из 10 пунктов — бассейн р.Москвы и р.Оки).

1 – один экземпляр;
2 – два и более экземпляров.

Рис. 1. Распространение височных колец «деснинского типа».

Картографирование лучевых серёг «деснинского» типа подтверждает предположение об их широкой географии (рис.1). В целом, ареал их распространения совпадает с ареалом культур построменского типа — в основном, с северной его частью. Постоянно меняющийся объём материала не позволяет использовать такой показатель, как общее количество находок, для выявления зоны наибольшего распространения указанного типа находок. Вероятно, следует рассмотреть вопрос о том, какую роль играли кольца «деснинского» типа в наборе аналогичных украшений того или иного региона. В южных областях региона, в северской земле, серьги этого типа единичны (Лухтовка, Ницахи); основным видом лучевых серёг в рассматриваемое время здесь были кольца группы V по Е.А.Шинакову [1980. С.125]. В земле радимичей подавляющее большинство колец (230 экз.) относилось к группе III, по той же типологии [Шинаков. 1980. С.123, 124], в то время как «деснинские» (20 экз.) являлись, скорее, исключением. Совершенно иную картину мы наблюдаем на памятниках бассейна р.Москвы и прилегающих районах р.Оки. В период, предшествующий распространению лопастных подвесок, серьги «деснинского» типа составляют здесь подавляющее большинство. Собственно лучевые кольца, напротив, единичны, и, зачастую, представлены не «радимичскими» группы III, а «постсеверянскими» группы V по Е.А.Шинакову [Равдина. 1988. С. 129. Табл. 14: *10*; Гоняный, 1999. С.143, 144]. Очевидно, что рассматриваемый тип серёг являлся наиболее распространённым у вятичей XI в. Зародился ли он на указанной

территории, или прототипы были привнесены извне, при современном уровне хронологии установить вряд ли возможно.

Литература

Гоняный М.И. 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р.Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып.111. М.

Левашёва В.П. 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. Тр.ГИМ, вып.43. М.

Недошивина Н.Г. 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр.ГИМ, вып.51. М.

Равдина Т.В. 1975. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА № 3.

Равдина Т.В. 1988. Погребения X — XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.

Соловьёва Г.Ф. 1978. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М.

Шинаков Е.А. 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА №3.

ПОСЕЛЕНИЯ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОРОГОБУЖСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

***Е.А. Шмидт**, д.и.н., Смоленский государственный педагогический университет,*
***В.А. Прохоров**, Дорогобужский районный историко-краеведческий музей,*
***Ю.Н. Шорин**, музей школы № 2, г.Дорогобуж Смоленской области*

Дорогобужское Поднепровье охватывает бассейн верхнего течения Днепра от устья р.Вопца до устья р.Елча и прилегающее междуречье Днепра и р.Угры (рис.1). По административному делению эти территории относятся к Дорогобужскому району и частично примыкающим к нему землям Вяземского, Сафоновского и Угранского районов Смоленской области.

Изучение древних поселений в Дорогобужском Поднепровье проводилось в 20—30-х гг. XX в.: тогда были выявлены и обследованы многие городища и неукрепленные поселения (Лявданский,1926; Тарасенка,1930). Городища рассматривались только как памятники раннего железного века. Поселений середины и третьей четверти I тыс.н.э. тогда выделено не было. Только в 1950-х гг. Е.А.Шмидтом впервые были выявлены городища с мощинским культурным слоем как в Дорогобужском Поднепровье, так и в верховьях р. Угры (Шмидт,1957). На городище у д. Наквасино проводились раскопки и получен обширный материал, характерный для мощинской культуры. Был обследован бассейн р.Ужи, где также оказались поселения мощинской культуры (Шмидт, Ковалев, 1973). В 1990-х гг. В.А.Прохоров и Ю.Н.Шорин провели обследование Дорогобужского Поднепровья и выявили значительное количество памятников мощинской культуры и составили карту их размещения.

К настоящему времени зафиксировано 39 поселений мощинской культуры (рис.1), из них укрепленных поселений — городищ — 16 и неукрепленных — селищ — 23. Установлено, что городища не являются основным типом поселений мощинских племен, и что большая часть населения обитала на селищах. Городища по своим размерам невелики: их площадки не превышают 0,3 га, тогда как селища имели площадь в несколько раз большую и даже при сравнительно редкой застройке количество жилых построек на них могло быть больше. Существование одновременно укрепленных поселений — городищ и селищ — определялось потенциально существовавшей опасностью, и при возникновении таковой городища выполняли роль убежищ для населения ближайших селищ. Большинство укрепленных поселений мощинцев было устроено с использованием сохранившихся более древних укреплений городищ (земляных валов и рвов) раннего железного века и дополнительным устройством деревянных оборонительных сооружений. Таковы городища: Наквасино-38, Полибино-20, Струково-30, Городок-9 и др. (рис.1). Но население мощинской культуры и самостоятельно сооружало на удобных местах городища, но они не имели столь высоких валов и глубоких рвов, их культурный слой включает только мощинские материалы, например: Федоровка-26 и Борисовка-11. Материалы из раскопок мощинских городищ этого региона частично опубликованы (Шмидт,1996).

Селища изучены только путем археологических разведок и сбора подъемного материала на распаханных участках поселений, поэтому некоторые положения, высказанные в данной работе, можно считать предварительными. Селища занимали преимущественно невысокие

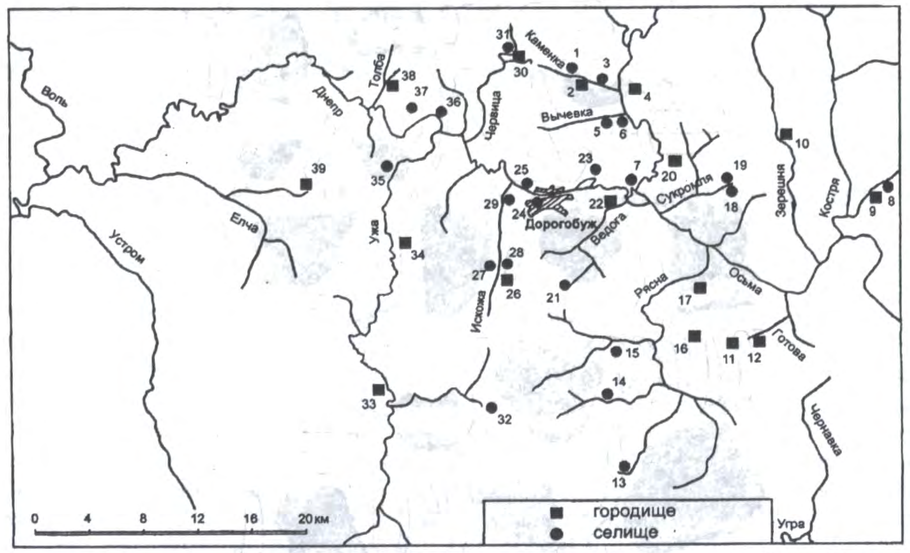

Рис. 1. Памятники мощинской археологической культуры на территории Дорогобужского Поднепровья:1 - д. Соколово Михайловской (сельской администрации, далее — с. а.)., селище Юшково; 2 — пос. Верхнеднепровский, городище Харлапово («Мазова Гора»); 3 — пос. Верхнеднепровский, селище Труханово; 4 — д. Мартынково Полибинской с. а., городище; 5 — д. Филино Михайловской с. а., селище Филино-1; 6 — д. Филино Михайловской с. а., селище Филино-2; 7 — д. Елисеенки Михайловской с. а., селище; 8 — д. Городок Васинской с. а., селище; 9 — д. Городок Васинской с. а., городище; 10 — д. Васино Васинской с. а., городище Орехово; 11 — д. Борисовка Алексинской с. а., городище; 12 — дер. Секарево Алексинской с. а., городище Ховрач; 13 — д. Чамово Алексинской с. а., селище; 14 — д. Вязьмичи Алексинской с. а., селище; 15 — д. Мясники Княщинской с. а., селище; 16 — д. Починок Алексинской с. а., городище; 17 — д. Еловка Алексинской с. а., городище Староселье; 18 — д. Болдино Полибинской с. а., селище Болдино-1; 19 — д. Болдино Полибинской с. а., селище Болдино-2; 20 — д. Полибино Полибинской с. а., городище; 21 — д. Лукты Княщинской с. а., селище; 22 — г. Дорогобуж, городище Буж-Городок; 23 — д. Мамыркино Михайловской с. а., селище; 24 — г. Дорогобуж, селище Ордышка; 25 — г. Дорогобуж, селище Правый берег Днепра; 26 — д. Федоровка Слойковской с. а., городище; 27 — д. Федоровка Слойковской с. а., селище Плешивцево; 28 — д. Федоровка Слойковской с. а., селище Кейзеровка; 29 — г. Дорогобуж, селище Шагирка; 30 — д. Струково Фрунзенской с. а., городище; 31 — д. Струково Фрунзенской с. а., селище; 32 — д. Пензево Озерищенской с. а., селище; 33 — д. Каськово Каськовской с. а., городище Городок; 34 — д. Болотово Слойковской с. а., городище Мутышино; 35 — д. Усвятье Усвятской с. а., селище; 36 — д. Бизюково Фрунзенской с. а., селище; 37 — д. Бобоедово Фрунзенской с. а., селище; 38 — д. Лелявино Фрунзенской с. а., городище Наквасино; 39 — д. Городок Усвятской с. а., городище.

покатые склоны у водоемов, имевшие песчаные, супесчаные или слегка суглинистые почвы и отстояли от воды на расстоянии 50—100 м. Некоторые из них были на участках, на которых ранее были поселения эпохи бронзы и неолита, например: Елисеенки-7, Плешивцево-27, Дорогобуж-25 и др. Площадь многих селищ не велика — около 50—100 м в поперечнике (селища 24, 25, 29), но есть селища, протянувшиеся на несколько сот метров (Усвятье — 35). Различны также мощность культурного слоя и его насыщенность артефактами. Во многих случаях селища находятся поблизости от городищ (рис.1). Таковы городище Харлапово-2 и селища I и 3; городище Федоровка-26 и селища 27 и 28. Но есть селища, достаточно удаленные от городищ (13, 14, 15, 32), в тоже время поблизости от некоторых городищ пока не зарегистрировано селищ (10, 11, 12, 17, 33, 39).

Вещевой комплекс из селищ, обследованных во время разведок, сравнительно однообразен: это керамика в виде фрагментов лепных сосудов, но они дают представление о характере керамического комплекса. Распространена как грубая лепная посуда, так и лощеная (рис.2). Среди грубой керамики есть фрагменты от профилированных сосудов (рис.2: *11, 23, 30, 31*) и от сосудов с прямым горлом и уступом при переходе к тулову (рис.2: *12, 22, 27*).

Часть грубых сосудов по краю венчика имеет орнамент в виде косых насечек,

сделанных ножом, или в виде ногтевых вдавливаний (рис.2: *4, 11, 30, 31*). Лощеная посуда представлена не столь многочисленными и сравнительно мелкими фрагментами горшков и мисок, среди которых есть фрагмент от миски с уступом при переходе от горла к тулову

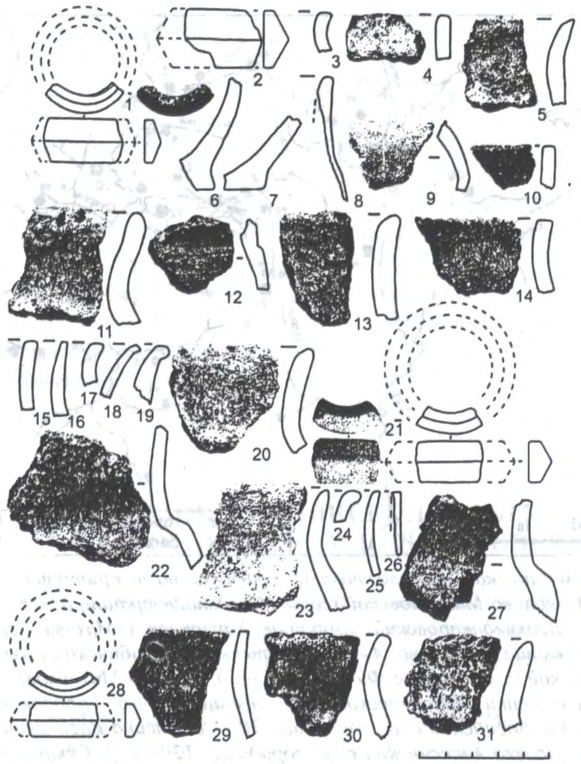

Рис. 2. Керамика мощинской археологической культуры из селищ Дорогобужского Поднепровья: 1—4 — селище Усвятье (№ 35); селище Филино-2 (№6); 6—8 — селище Болдино-2 (№ 19); 9—10 — селище Филино-1 (№5); 11—12 — селище Вязьмичи (№14); 13—14 — селище Дорогобуж, Ордышка (№24); 15—23 — селище Дорогобуж, Правый берег Днепра (№25); 24—31 — селище Шагирка (№29). 1, 2, 21, 28 — фрагменты лощеных пряслиц; 3, 10, 15—19, 24—26, 29 — лощеные венчики; 4, 5, 8, 11, 13, 14, 20, 23, 30 (профилированный),31 — грубые лепные венчики; 6, 7 — грубые лепные днища; 9 — фрагмент стенки лощеной миски с уступом и ребром; 12, 22, 27 — фрагменты стенок грубых лепных сосудов с уступом; 4, 31 — орнамент с отпечатками ножа, 11, 30 — ногтя (кончика пальца).

(рис.2: *9*). Имеющаяся керамика позволяет считать, что в Дорогобужском Поднепровье бытовали такие же типы сосудов, как и выделенные Г.А.Массалитиной для Мощинского городища и селища и которые были распространены в бассейне р. Оки (Массалитина,1993). Частой находкой на селищах являются фрагменты глиняных чернолощеных пряслиц с большим диаметром отверстий (20—26 мм), имевших усеченно-биконическую форму (рис.2: *1, 2, 21, 28*), характерных для мощинской культуры и отличающих ее от соседних синхронных культур. Из металлических вещей обнаружены только сильно коррозированные обломки железных ножей.

На основе имеющихся материалов определить время функционирования мощинских поселений, как и время заселения славянами этого района, пока затруднительно. Преемственности в использовании мест поселений между мощинцами и славянами не наблюдается. Установлено, что из 23 мощинских селищ только на двух есть славянская керамика, да и та XI—XII вв. Нужно отметить значительную заселенность Поднепровья мощинскими племенами (23 селища, не считая 16 городищ), что сравнимо с заселенностью этих мест в XI—XII вв. (25 селищ).

Литература

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия. Смол. гос. университет. Т.III, вып.3. Смоленск,1926.

Массалитина Г.А. Лепная керамика городища и селища Мощины // Краткие сообщения Института археологии РАН.Вып.208.Москва,1993.

Тарасенка В.Р. Археолёгічныя абсьледваньні на Смаленшчыне у 1929 г. // Працы Археолёгічнай камісіі АН БССР. Т.П. Менск,1930.

Шмидт Е.А. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. // Сборник научных работ. Смоленский Краеведческий научно-исследовательский институт. Смоленск,1957.

Шмидт Е.А., Ковалев В.П. Исследования в районе г. Смоленска и Смоленской области // Археологические открытия 1972 года, М.,1973.

Шмидт Е.А. О племенах восточной части Смоленской земли в I—VII вв. н.э.// Из истории Смоленщины. Смоленск, 1996.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ОПАКОВОМ ГОРОДИЩЕ

Г.А. Массалитина, *к.и.н., Национальный природный парк «Угра»*

Городище Опаково расположено на северо-западной окраине села Палатки (Юхновский район). Занимает мыс правого берега р. Угры, между двумя глубокими оврагами, впадающими в Угру. Еще один овраг с юго-восточной стороны отсекает мыс от берегового плато. Площадка имеет форму, близкую к трапеции, превышение над уровнем воды в реке до 32 м, длина по линии СВ-ЮЗ — 65 м, СЗ-ЮВ — 35 м. С напольной юго-восточной стороны, ниже уровня площадки — вал и ров. Превышение между дном рва и гребнем вала — до 2 м. Склоны всех окружающих мыс оврагов очень крутые. В западной части площадки, со стороны поймы хорошо сохранился спиралевидный въезд шириной до 2 м. Площадка сильно повреждена многочисленными воронками, как небольшими, так и очень больших размеров (диаметр до 5 м, глубина до 2 м), залесена.

Разведывательный шурф (2 х 2 м) был заложен в южной части мыса, неподалеку от края крутого склона. Дерн как таковой на площадке поселения отсутствует; дневная поверхность покрыта слоем очень рыхлой лесной почвы с полуистлевшими листьями и корнями. Характер культурных напластований, мощность которых составила 2,95 м, выглядит следующим образом:

1. Слой легкой, темно-серой, черной супеси, пронизанный корнями деревьев, максимальная мощность до 0,6 м. С ним связаны находки фрагментов круговой и лепной керамики.

Керамика	Пл.1	Пл.2	Пл.3	Пл.4	Пл.5	Пл.6	Пл.7	Пл.8	Пл.9	Пл.10	Пл.11
Лепная	10	39	33	29	19	-	2	-	29	18	6
Круговая	11	9	2	-	-	-	-	-	-	-	-

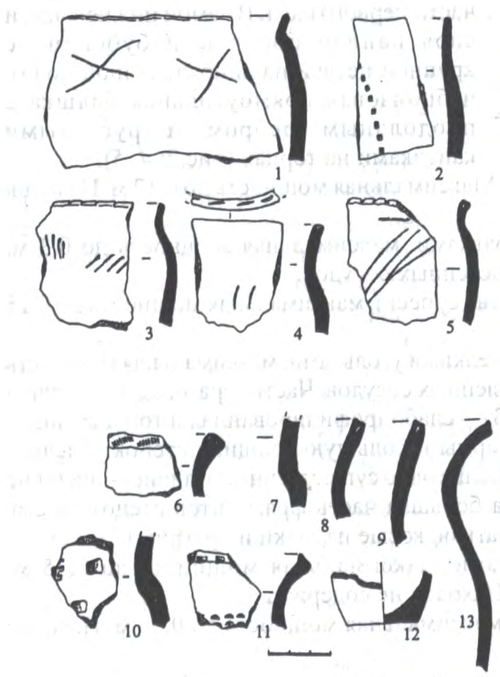

Рис. 1. Фрагменты лепной посуды с Опаковского городища.

Из приведенной таблицы видно, что количество фрагментов круговой посуды незначительно; находки ее связаны преимущественно с пластами 1 и 2. Даже небольшой набор фрагментов круговой посуды отличается разнообразием технологических и морфологических характеристик; велик и хронологический диапазон: от XIV—XV вв.— вплоть до XIX в. (рис.1:*6-12*). Тем не менее, большая часть находок относится к XIV—XV вв. Два фрагмента чернолощеных сосудов (рис.1:*12*) по характеру лощения могут быть датированы второй половиной XVI — первой половиной XVII вв.

Лепная керамика описываемого слоя чрезвычайно разнообразна по морфологическим и технологическим признакам. К сожалению, вся она представлена незначительными по размеру фрагментами; целые формы отсутствуют. Выделяется группа фрагментов, которые могут быть отнесены к мощинской культуре: толщина стенок груболепных сосудов достигает 1 см; они изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью мелкотолченой дресвы. К этой

группе, наряду с типично мощинскими формами (рис.1:*10*) отнесены фрагменты прямых или изогнутых высоких венчиков, явно происходящие от хорошо профилированных сосудов (рис.1:*7—9*). Край таких венчиков в большинстве случаев украшен косыми нарезками или насечками, вдавлениями палочкой, отпечатками штампа из «перевитой веревочки». Таким же образом украшались шейка или тулово сосудов.

Лощеная посуда (19 фрагментов) изготовлена из обычного для мощинской культуры теста с характерной примесью мелкотолченой слюды и дресвы. Некоторые фрагменты позволяют составить представление о форме верхних частей горшков (рис.1:*13*) и характере днищ. Лощение разного качества: глубокое, до блеска или тусклое; цвет поверхности черный, темно-серый. Встречен фрагмент маломерного лощеного сосудика (рис.1:*12*).

Другая, значительно более многочисленная группа фрагментов связана с периодом раннего железного века. Это тонкостенные слабопрофилированные сосуды, толщина стенок до 0,5 см, в верхней части до 0,2 см. Венчик едва намечен, представляет собой утоньшение края, прямой или отогнут наружу. Тесто очень плотное, с примесью дресвы, размеры зерен которой и количество колеблется, но преимущественно ее немного; зерна средних размеров (рис.1:*1-5*).

Фрагменты от мощинских сосудов концентрируются, в основном, в пластах 1—3. Начиная с пласта 4 существенно преобладает тонкостенная слабопрофилированная керамика, хотя единичные ее фрагменты зафиксированы и в вышележащих пластах.

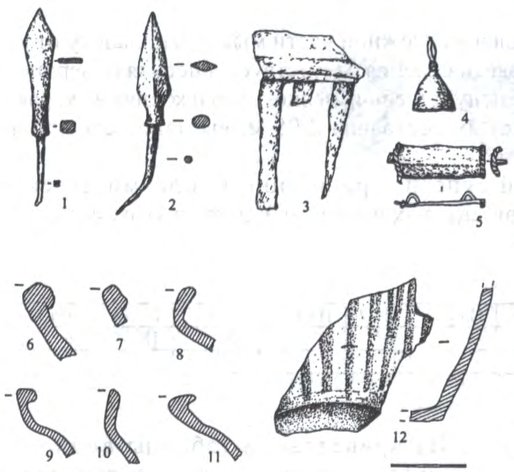

Рис. 2. Изделия из металлов и глины с Опаковского городища. 1, 2, 3 — железо; 4, 5 — бронза; 6 — 12 — круговая керамика.

С описываемым слоем связаны находки железных наконечников стрел (пл.1, рис.2:*1,2*), серебряной монеты (пражский грош, пл.2), фрагмента висячего замка (рис.2:*3*) и дверного пробоя.

2. Слой легкого пылевидного подзола (золистая супесь), максимальная мощность ло 0,1 м. Находок не содержит.

3. Слой серой рыхлой супеси, максимальная мощность до 0,6 м. Содержит единичные кости животных, фрагменты лепных тонкостенных слабопрофилированных сосудов, аналогичных обнаруженным в нижней части первого слоя. В самой нижней части слоя найден бронзовый бубенчик с крупной петлей на спиралевидной ножке и бронзовая прямоугольная бляшка с продольным ребром и рубчатыми кантиками на торцах (рис.2: *4, 5*).

4. Слой рыжей супеси с мелкими угольками. Максимальная мощность до 0,12 м. Находок не содержит.

5. Слой рыже-серой супеси с мелкими угольками, максимальная мощность до 0,3 м. Встречены два фрагмента стенок лепных тонкостенных сосудов.

6. Слой легкого пылевидного подзола (золистая супесь), максимальная мощность до 0,15 м. Находок не содержит.

7. Слой очень рыхлой светло-серой супеси с мелкими угольками, максимальная мощность до 0,9 м. Содержит кости животных, фрагменты лепных сосудов. Часть керамики аналогична обнаруженной в нижней части слоя 1 и в слое 3 — слабопрофилированная и тонкостенная, другая часть имеет более профилированные формы и большую толщину стенок. Следует подчеркнуть разнообразие в характере примесей. Еще одно существенное отличие — наличие разнообразного орнамента, которым украшена большая часть фрагментов стенок: косые кресты, штамп в виде линии квадратных отпечатков, косые палочки и др. (рис.1: *1—5*).

8. Слой плотной рыжей супеси с угольками, максимальная мощность до 0,35 м. Аналогичен слою 5, но более спрессованный. Находок не содержит.

9. Слой плотной черной супеси с камнями, максимальная мощность до 0,06 м. Находок не содержит.

Материк представляет собой чистую палево-рыжую супесь с мелкими камешками.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что основная часть культурных напластований отложилась в период раннего железного века (последние века до н.э. —

рубеж эр) и оставлена восточнобалтским населением. Учитывая, что в рассматриваемый период эта часть угорского бассейна была пограничной территорией между двумя родственными восточнобалтскими группами племен: верхнеокской и днепро-двинской, интересен вопрос о том, с какой из них связаны древнейшие слои поселения в Палатках. Если принять во внимание значительный процент орнаментированных образцов среди найденных фрагментов сосудов — то это более свойственно верхнеокской посуде. Но если говорить о характере орнамента, то он полностью повторяет набор орнаментальных мотивов, встречающихся на памятниках по берегам Угры на Смоленской территории (Шмидт, 1992). Кстати, именно угорские поселения Смоленщины Е.А. Шмидт выделял из общего ареала днепро-двинской культуры как памятники, где процент орнаментированной керамики выше, чем на остальной ее территории. Возможно, таким образом, предполагать днепро-двинскую принадлежность древнейших обитателей поселения в Палатках. В то же время, необходимо отметить, что на более западных памятниках Угры, но еще в пределах Калужского течения (городища Жары, Александровка, Косая Гора) аналогичная слабопрфилированная керамика орнамента не имеет. Речь, вероятно, может идти о чересполосном расселении днепро-двинских и верхнеокских племен.

В III—V вв. на поселении обитали племена мощинской культуры. Значительный по объему керамический материал, сосредоточенный всего в трех верхних пластах, свидетельствует об интенсивности жизни здесь в этот период.

Напротив, характер и количество позднесредневековых находок (особенно фрагментов керамики) говорят о том, что это место не было плотно заселено; хотя какое-то поселение в XIX—XV вв. здесь существовало.

Литература

Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. М.1992. Табл.43.

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЁНЫЕ ОРУДИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.Г.Екимов,

Объединение «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей»

Калужская область занимает юго-восточный участок подзоны хвойно-широколиственных лесов Русской равнины. Её территория почти полностью лежит на водоразделе верховьев Оки и Днепра. Начало и ранний этап бронзового века в этом регионе, несмотря на ограниченность источников (Болдин, Грудинкин и др., 1999. С.3, 140—153), достаточно уверенно связывают с племенами среднеднепровской культуры и фатьяновско-балановской общности (Крайнов, 1963; 1987. С.220—222; Артёменко, 1967; Дукельский, 1986. С. 13—15), входивших в блок европейских культур «шнуровой керамики и боевых топоров». Учитывая малочисленность бесспорно относящихся к этим культурам памятников (четыре «фатьяновских» погребения в Михеевском, Детчинском и Рессетинском могильниках и четыре условных погребения со смешанными чертами среднеднепровской и фатьяновской культур в могильнике Стайки-2), важное значение приобретает такой маркирующий для данного блока культур источник, как каменные сверлёные топоры (Мерперт, 1976. С.124—125) и некоторые другие категории сверлёных орудий.

К настоящему времени на территории области зафиксировано 55 каменных сверлёных орудий, 50 из которых удалось картографировать (рис. 1). Данная серия включает две разряда находок: топоры и булавы. Четыре каменных топора происходят из погребальных комплексов Михеевского, Детчинского и Рессетинского могильников, остальные изделия представляют собой случайные находки. Часть этих орудий вместе с другими видами источников ранее уже привлекалась к анализу в контексте оценки культурно-исторических процессов эпохи бронзы на территории Волго-Окского междуречья, в левобережье Верхнего Поочья и Окско-Деснинском междуречье (Крайнов, 1963, 1972; Дукельский, 1986).

Основная часть находок (50) относится к разряду каменных сверлёных топоров. Преимущественно они рассеяны в центральной и северной части области вдоль левых окских притоков (Жиздры, Угры и Протвы), а также — по левобережью самой Оки. Значительно меньше их встречено на юго-западе, в деснинском бассейне (рр. Снопот, Болва) и в верховьях почти смыкающихся с ним окских притоков — рек Рессы и Жиздры.

В основу классификации сверлёных топоров положена типологическая схема Д.А.Крайнова (1972). На территории Калужской области представлены орудия 12 типов,

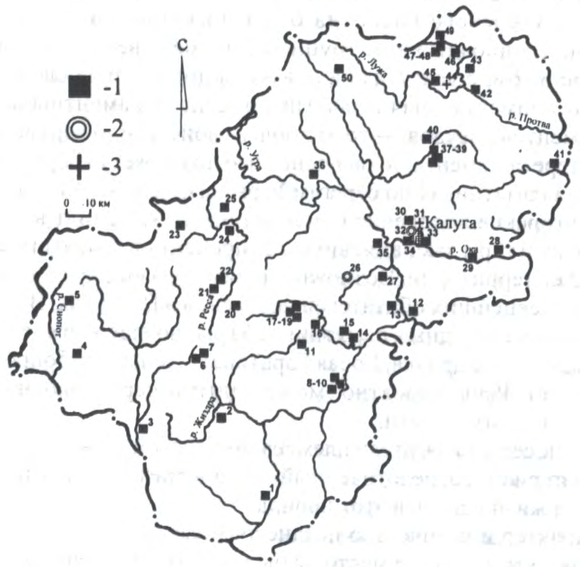

Рис. 1. Карта распространения каменных сверлёных орудий на территории Калужской области: 1 — Рессета-2 (могильник); 2 — Дубровка; 3 — Людиново; 4 — Куйбышевский район; 5 — Жерелёво; 6—7 — Новое Село; 8 — 10 — г. Козельск; 11 — Николаево; 12 — Зимница; 13 — Можилово; 14 — 15 — Каменка; 16 — Юрино; 17 — 19 — Серенск (городище); 20 — г. Мещовск; 21 — 22 — Глазково; 23 — Мосальский район; 24 — Мощины (городище); 25 — Юхновский район; 26 — Бабынино; 27 — Столпово; 28 — Кольцово; 29 — Коврово; 30 — 34 — г. Калуга; 35 — Колышево; 36 — Николо-Ленивец; 37 — 39 — Михеево (могильник); 40 — Детчино (могильник); 41 — Тарусский район; 42 — 43 — г. Обнинск; 44 — 45 — Боровский район; 46 — г. Боровск; 47 — 48 — Бердовка; 49 — Маламахово; 50 — Медынский район.

Условные обозначения: 1 — топоры; 2 — булавы круглые; 3 — булавы крестовидные.

соотношение между которыми приведено в общей таблице сверлёных орудий.

Таблица. Количественное и процентное соотношение типов каменных сверлёных орудий на территории Калужской области.

Каменные сверлёные орудия														
Топоры												Булавы		
Клиновидные	Молотковидные	Обушковые усеч.-конические	Коротообушковые	Среднеобушковые	Длиннообушковые	Втульчатые	Ромбические усечённые	Ромбические узкообушковые	Грибовидные	Коротколопастные	Длиннолопастные	Круглые	Крестовидные	Всего
2	2	2	4	6	6	1	5	1	1	15	2	2	3	52
3,8	3,8	3,8	7,7	11,5	11,5	1,9	9,6	1,9	1,9	28,8	3,8	3,8	5,8	100,0 %

Среди 47 определимых орудий лишь немногим менее трети приходится на группу коротколопастных топоров (рис. 3: *4—7*). В «шнуровых» культурах центра Русской равнины данный тип топоров имеет достаточно определённый ареал распространения: Верхнее Подесенье (днепро-деснинская группа среднеднепровской культуры), а также — поречье Оки, её правые притоки и правобережье Средней Волги (фатьяновско-балановская общность) (Крайнов, 1972. Рис. 8). Причём, два наиболее значительных массива коротколопастных топоров локализуются на противоположных полюсах этой зоны: восточном (балановская

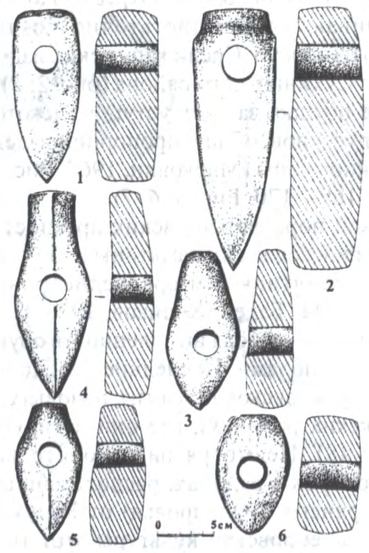

Рис. 2. Типы сверленых топоров с территории Калужской области: 1 — клиновидный; 2—5 — короткообушковые; 3, 4 — длиннообушковые; 6 — молотковидный (1 — Колышево, 2 — Глазково, 3 — Калужская область, 4 — Николаево, 5— Михеевский могильник, 6 — Калужская область).

группа памятников) и западном (окско-деснинская группа фатьяновской культуры и днепро-деснинская группа среднеднепровской культуры). Составной частью западной зоны являются и калужские находки. Коротколопастные топоры традиционно относят к ранним типам: топоры фатьяновско-балановской общности датируют концом III — первой четвертью II тыс. до н.э. (Крайнов, 1972. С.56, 57; Крайнов, 1987. С. 72); среднеднепровские аналоги рассматривают в рамках среднего этапа культуры — XXIII—XVIII вв. до н.э. (Артёменко, 1985. С. 370, 372).

В группу коротколопастных топоров включены и два оригинальных изделия, обнаруженные у д. Каменка Перемышльского района и с. Кольцово Ферзиковского района Калужской области (Крайнов, 1963. С. 48. Табл. XVI: *2, 3*). Имея в плане характерную для фатьяновских и среднеднепровских орудий ромбическую форму, эти топоры отличаются секирообразным расширением лопасти, дополнительной огранкой и некоторым изгибом профиля. Эти элементы сближают их с топорами кабардино-пятигорского типа Северного Кавказа и степного Предкавказья (Крайнов, 1963, 1972, 1987. Табл. 86: *19—27*; Марковин, 1994. Табл.85) конца III— первой четверти II тыс. до н.э. (Марковин, 1994. С.282—283; Гей, 2000, С. 157). Аналогичный топор на территории среднеднепровской культуры встречен в единственном экземпляре в кургане позднего этапа у с. Будкивка (Артёменко, 1967. С. 47. Рис. 35: 2; Артёменко, 1985. С. 362—363. Карта 9).

Длиннолопастные топоры, в целом генетически и хронологически близкие коротколопастным (Крайнов, 1972. С. 57), на территории Калужской области крайне малочисленны. В ограниченном количестве они встречены и на территории среднеднепровской культуры (Артёменко, 1967. С. 47. Рис. 36: *2, 3*; Крайнов, 1972. Рис. 8), в том числе — и в Верхнем Подесенье (Артёменко 1976а. С. 163. Рис. 5: *13*). Основной массив топоров этого типа на фатьяновской территории локализуется в верхневолжском регионе. Учитывая датировку погребения 6 с длиннолопастным топором в кургане 11 Белынецкого могильника на Брянщине концом III — началом II тыс. до н.э. (Артёменко 1976 а. С. 175), а также общее направление движения протофатьяновских племён с юго-запада на северо-восток (Крайнов, 1972. С. 54), калужские аналоги могут быть более ранними, нежели верхневолжские.

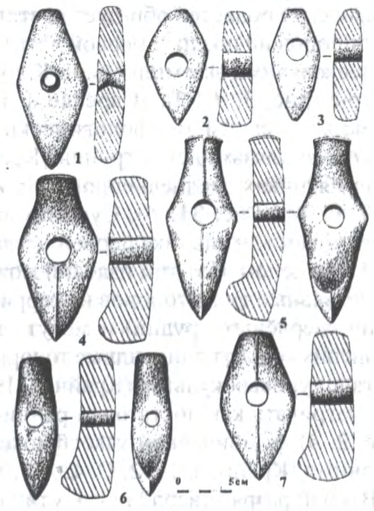

Рис. 3. Типы сверленых топоров с территории Калужской области: 1—3 — ромбические усеченные; 4—7 — коротколопастные (1 — Куйбышевский район, 2 — Калужская область, 3 — Коврово, 4 — г. Обнинск, 5, 6 — Михеевский могильник, 7 — Медынский район).

Довольно значительную группу (18 изделий) составляют топоры с выделенным обушком, хотя их культурные и хронологические позиции различны. Короткообушковые орудия (рис. 2: *2—5*), отмеченные на всей фатьяновско-балановской территории, тем не менее, существенно преобладают в её восточной зоне и на Средней Волге, в балановской группе памятников (Крайнов, 1972. С.42; Бадер, Халиков, 1976. С.60). Значительно менее они характерны для Верхнего и Среднего Поднепровья (среднеднепровская культура) и районов шнуровых

культур, расположенных к западу и северо-западу от Калужской области (Артёменко, 1967. С. 45; Крайнов, 1972. С. 42). В целом они оцениваются как достаточно поздние, соответствующие классическому верхневолжскому «фатьянову». Среди калужских изделий этого типа выделяется топор, найденный у д. Глазково Сухиничского района (рис. 2: *2*). По ряду морфологических признаков (резкое выделение обушка за счёт уступов, некоторая огранка боковых сторон, смещение отверстия к линии уступов, общие пропорции изделия) он напоминает топоры ямно-катакомбного облика степной зоны (Марковин, 1967. Рис. 1: *1*, 7; Шапошникова, 1985. Рис. 93: *1*; Санжаров, 1992. С. 169—170. Рис. 6: *6, 7*).

Среднеобушковые топоры относятся к классической поре фатьяновских древностей с преимущественной их концентрацией на территории верхневолжских памятников. В поречье Оки, на территории средневолжских (балановских) памятников и среднеднепровской культуры они достаточно редки (Крайнов, 1972. С. 43—44; Бадер, Халиков, 1976. С. 61). Особенность большей части (четырех) калужских изделий — слабая выделенность обушка, что сближает их с обушковыми усечённо-коническими топорами. Последние, в основном, распространены в Верхнем Поволжье (особенно — в Ярославской области), низовьях Оки и на Средней Волге (преимущественно — в Заволжских районах), где они датируются достаточно поздним временем (Крайнов, 1972. С. 48). Несмотря на относительную малочисленность обушковых усечённо-конических топоров в районах, расположенных в целом к западу (районы Прибалтики, Среднего и Верхнего Поднепровья) от Калужской области (Крайнов, 1972. С. 49), на территории среднеднепровской культуры этот тип — один из наиболее распространённых (Артёменко, 1967. С.45. Рис. 31: *1, 4*. Рис. 33: *2*).

Длиннообушковые топоры (рис. 2: *3, 4*), образующие в калужском регионе одну из наиболее представительных серий, в силу своей максимальной приуроченности на территории фатьяновской культуры к московско-клязьминской группе получили название «юго-западного — московского типа» (Крайнов, 1963. Табл. XXIV; Крайнов, 1972. С. 44). На Средней и Верхней Волге они, практически, отсутствуют. В небольшом количестве длиннообушковые топоры встречены в правобережье Верхней и Средней Оки на территории Тульской и Рязанской областей (Екимов, 1998. С. 16; Челяпов, Иванов, 2000. Рис. 2: *12, 13*). В среднеднепровской культуре этот тип топоров, хотя и встречается сравнительно редко (Артёменко, 1967. С.45), в основном распространён на территории днепро-деснинской группы (Крайнов, 1972. С. 44), которая вместе с топорами Калужской и юго-запада Московской областей образует достаточно монолитную группу изделий. Датируют данный тип топоров не позднее первой четверти II тыс. до н.э.

Несколькими экземплярами в Калужской области представлены ромбические усечённые топоры (рис. 3: *1—3*). В ареале фатьяновской общности значительные серии наиболее близких по своим морфологическим признакам изделий присутствуют на территории московско-клязьминской группы (Крайнов, 1972. С. 49—50). Известны топоры данного типа и в памятниках среднеднепровской культуры (Брюсов, Зимина, 1966. Табл. 5; Артёменко, 1967. С. 45. Рис. 31: *6*). Судя по датировке погребения 59 с аналогичным топором в Стрелицком могильнике первой четвертью II тыс. до н.э. (Артёменко, 1976. С. 86, 95. Рис. 10: *12*), в целом этот тип изделий может рассматриваться как достаточно ранний.

Остальные типы топоров на территории Калужской области единичны (менее 15% всей серии сверлёных орудий) и могут быть рассмотрены лишь с хронологических позиций. Среди них только клиновидные топоры (рис. 2: *1*) относятся к типу бесспорно ранних изделий круга шнуровых культур (Крайнов, 1972. С. 40—41). Вероятно, и втульчатый топор можно рассматривать как достаточно ранний (Крайнв, 1972. С. 46—47). Прочие, молотковидные (рис. 2: *6*), ромбический узкообушковый и грибовидный топоры, являются относительно поздними (Крайнов, 1972. С. 42, 45, 51).

Второй разряд сверлёных орудий представлен пятью каменными булавами. Данный тип находок, являющийся, скорее, инсигниями власти, нежели оружием, довольно редок на территории шнуровых культур центра Русской равнины. Две булавы относятся к типу круглых в плане. Одна из них (фрагмент) найдена на территории Калуги. Булава, изготовленная из диорита и прекрасно заполированная, имеет почти шаровидную форму и коническое отверстие (рис. 4: *1*). На территории фатьяновско-балановской общности серийно данный тип представлен лишь в балановской группе (Бадер, Халиков, 1976. С.67). Аналогии шаровидным булавам следует искать в памятниках эпохи ранней — начала средней бронзы северо-кавказского региона и прилегающих районов степи (Гадзяцкая, 1976. С. 63; Марковин, 1994. С. 282).

Вторая булава (заготовка с незавершённой двусторонней сверлиной) обнаружена у пос. Бабынино Бабынинского района (рис. 4: *2*). Она имеет дисковидную форму. Почти полностью

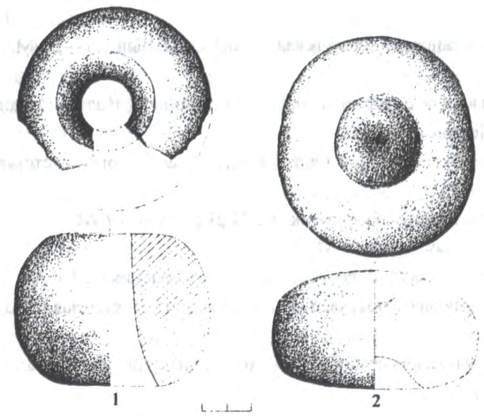

Рис. 4. Каменные булавы с территории Калужской области (тип округлых в плане): 1 — г. Калуга; 2 — Бабынино.

аналогична ей булава из погребения 25 Стрелицкого грунтового могильника среднеднепровской культуры, датируемого первой четвертью II тыс. до н.э. (Артёменко, 1976 б. Рис. 4: *29*. С. 95). В фатьяновских древностях подобные изделия мне неизвестны.

Второй тип булав (3 находки) объединяет изделия крестовидной формы. На территории фатьяновско-балановской общности и среднеднепровской культуры они отсутствуют. Две булавы относятся к варианту крестовидных остроконечных. Одна из них найдена на территории Боровского района (Прошкин, 1990. С. 33. Рис. 8: *А*), другая — в черте Калуги (Болдин, Грудинкин и др., 1999. Рис. 48). Третье изделие (точное место находки неизвестно) представляет собой крестовидную округлоконечную булаву (находится в экспозиции Калужского краеведческого музея). Аналогии этой булаве имеются в памятниках конца III—начала II тыс. до н.э. степного Поволжья, Румынии, Венгрии (Шилов, 1975. С. 93—94. Рис. 5: *7*. Рис. 45). Возможно, в этой же зоне следует искать прототипы и изделий первого варианта, хотя в целом они достаточно оригинальны.

Выводы: 1. Переход к эпохе бронзы в Калужском регионе, связанный с проникновением сюда носителей культур шнуровой керамики и боевых топоров, произошёл достаточно рано, вероятно — на рубеже III и II тыс. до н.э. В пользу этого свидетельствует существенное преобладание в массиве сверлёных орудий изделий раннего облика (около 70%).

2. Основными категориями сверлёных орудий, придающими этой зоне этнографическую специфику, являются лопастные (прежде всего — коротколопастные), длиннообушковые, среднеобушковые и ромбические усечённые топоры, а также — булавы.

3. Намечается бесспорная близость в наборе сверлёных топоров между Калужской областью, юго-западом Московской области (фатьяновская культура) и Верхним Подесеньем (днепро-деснинская группа среднеднепровской культуры). В силу разнокультурной атрибуции двух последних зон, а также учитывая синкретизм других видов источников на территории Калужской области (Крайнов, 1963. С. 18), вопрос о культурной окраске этого региона, на наш взгляд, пока остаётся открытым. Вполне вероятно, что памятники и другие свидетельства «шнурового» облика в междуречье Оки и Десны следует рассматривать, как особую культурную группу, возникшую на стыке среднеднепровской и фатьяновской культур.

4. Культурная и хронологическая близость массива сверлёных орудий Калужской области и среднеднепровских древностей подтверждается значительной долей проявлений южных степных культур (лопастные топоры с морфологическими элементами кабардино-пятигорского типа, короткообушковый топор с чертами ямно-катакомбных орудий, булавы), что, скорее всего, имело опосредованный характер и было привнесено сюда именно среднеднепровскими племенами. Усиленные контакты последних в конце III — начале II тыс. до н.э. с группами катакомбного и позднетрипольского населения неоднократно отмечались исследователями (Артёменко, 1967. С. 131).

5. Значительная типологическая и количественная близость ряда сверлёных орудий (прежде всего, коротколопастных и короткообушковых топоров, булав) Калужской области и балановской группы памятников фатьяновско-балановской общности, отличающая их в то же время от других фатьяновских культур, позволяет предположить, что движение «шнуровых» племён на Среднюю Волгу осуществлялось из Окско-Деснинского района, скорее всего, через правобережье Оки.

Литература

Артёменко И.И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.

Артёменко И.И., 1976 а. Белынецкий могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Артёменко И.И., 1976 б. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Артёменко И.И., 1985. Среднеднепровская культура // Археология Украины. Киев.

Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры. САИ. Вып. В1—25. М.

Болдин И.В., Грудинкин Б.В. и др., 1999. Археология Калужской области. Калуга.

Брюсов А.Я., Зимина М.П., 1966. Каменные сверлёные боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. Вып. В4—4. М.

Гадзяцкая О.С., 1976. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. САИ. Вып. В1—21. М.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.

Дукельский В.Ю., 1986. Памятники Калужской области в истории племён эпохи бронзы Волго-Окского междуречья // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга.

Екимов Ю.Г., 1998. Фатьяновские топоры на правобережье Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга.

Крайнов Д.А., 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ. Вып. В1—19. М.

Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.

Крайнов Д.А., 1987. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.

Марковин В.И., 1967. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племён // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Марковин В.И., 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Археология СССР. М.

Мерперт Н.Я., 1976. Древнеямная культурно-историческая область и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Прошкин О.Л., 1990. Археологическая карта Боровского района. Калуга.

Санжаров С.Н., 1992. Каменные сверлёные топоры Донбасса // СА. № 3.

Челяпов В.П., Иванов Д.А., 2000. Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь.

Шапошникова О.Г., 1985. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украины. Киев.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л.

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ОЗЕРЕ ЛЕНИВОЕ

Б.В. Грудинкин, *Калужский областной краеведческий музей*

Эпоха бронзы на Верхней Оке изучена слабо. Большая часть открытых памятников не подвергалась раскопкам. Полученный материал не изучается и не сравнивается с материалами из других регионов. Значительная часть материала неопубликована. Сведения о некоторых памятниках носят спорный характер. Медленное накопление сведений об эпохе бронзы не позволяет нам достоверно реконструировать этот период на Верхней Оке. В связи с этим открытие любого нового памятника значительно расширяет источниковедческую базу по этой эпохе.

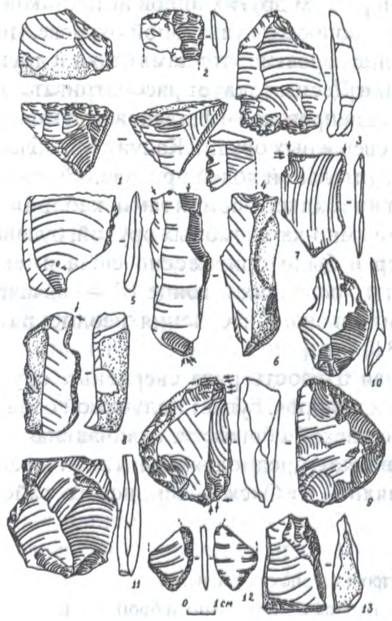

Рис. 1. Поселение Березичский стеклозавод. Орудия из кремня.

Поселение эпохи ранней бронзы было открыто в 2001 г. на правобережье р. Жиздры (левого притока р. Оки) на правом берегу старичного озера Ленивое в 0, 5 км к юго-западу от п. Березичский стеклозавод (Козельского района Калужской области) на территории национального парка «Угра» (Пойменные…, 2002. С. 10—30). Площадь памятника составляет около 80 х 30 м. Поверхность памятника задернована и частично поросла деревьями. При открытии памятника на нём был произведён сбор подъёмного материала и зачищен срез берега. В срезе был выявлен слабоокрашенный культурный слой в виде серо-коричневой, плотной супеси, содержавшей фрагменты керамики и кремнёвые артефакты. В 2002 г. для уточнения стратиграфии автором был заложен разведочный шурф 4 х 4 м (Грудинкин Б. В. 2002. Архив ИА. б/н. Л. 10—12). Под дёрном открылся культурный слой в виде серо-коричневой, глинистой супеси. Находки встречены сразу под дёрном. Культурный слой разбирался по квадратно по условным пластам 0,3281 футы, горизонтальными срезами по 1 см. Материал распространён неравномерно. Наибольшее число находок встречено в северной и центральной частях шурфа.

Находки представлены кремнёвыми артефактами, фрагментами керамики, каменными изделиями — 786. Изделий из кремня, камня, известняка — 602. Большая часть находок представлена частями нуклеусов, отщепами, сколами, чешуйками кремня — отходами производства. Отщепов, сколов, чешуек из кремня и окремнённых пород — 504. Кремень разноцветный: чёрный, серый, коричневый, жёлтый, розовый, белый, красный, фиолетовый — часто полупрозрачный высокого качества из отложений известняков каменноугольного возраста. Отщепов из белого известняка — 11.

Предметы первичного расщепления представлены частями 4 нуклеусов. По сохранившимся частям следует определить их как одноплощадочные призматические, подконические для пластин и отщепов (рис. 1: *1*). Изготовлены они из коричнево-розового полупрозрачного, коричнево-серого, чёрного, серо-жёлтого полупрозрачного кремня.

Орудия представлены широким спектром. Скребков — 8. Все концевые, на пластинах или на укороченных пластинах. Рабочие лезвия выпуклые оформлены крутой и полукрутой ретушью (рис. 1: *2*; 2: *3, 4, 5, 6*). При этом следует отметить скребок концевой-двойной на короткой пластине серой окремнённой породы (рис. 2: 3). Также очень выразителен скребок с выделенной головкой из серого полупрозрачного кремня (рис. 2: 5).

Скобелей 4, на отщепах и из части нуклеуса тёмно-серого со светлыми пятнами кремня (рис. 1: *3*). Выемки на рабочих краях оформлены на вентральной и дорсальной стороне небольшими крутонаправленными сколами.

Выемчато-зубчатое орудие на небольшом отщепе чёрного кремня (рис. 1: *5*). Рабочее лезвие оформлено по одному из краёв заготовки одиночными крутонаправленными сколами. Вероятно, подобное же орудие было изготовлено на пластине светло-серого полупрозрачного кремня. Орудие представлено обломком реберчатой пластины с рабочим лезвием, оформленным одиночными крутонаправленными сколами (рис. 1: *4*).

Резцов 7, которые изготовлены на различных заготовках: отщепах (рис. 1: *7*; 2: *9*), пластине (рис. 1: *8*), частях нуклеусов (рис. 1: *6, 9*). Резцы угловые (рис. 1: *7*), боковые (рис. 1: *8*; 2: *9*) с узкими и широкими кромками. Нуклевидные изготовлены: один из части призматического нуклеуса чёрного кремня (рис. 1: *6*), другой из части одноплощадочного подконического нуклеуса чёрного кремня (рис. 1: *9*).

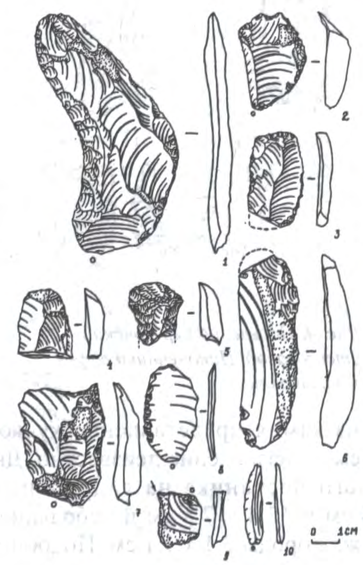

Рис. 2. Поселение Березичский стеклозавод. Кремневые изделия.

Два перфоратора изготовлены на отщепах. Проколка-развёртка на отщепе чёрного кремня имеет широкое жало, оформленное мелкой крутой ретушью на дистальном конце заготовки (рис. 1: *10*). У асимметричной проколки на отщепе серо-жёлтого кремня, короткое жало, оформлено на дистальном конце заготовки крутой ретушью (рис. 2: *7*).

Два ножа: на пластине светло-серого кремня и на отщепе чёрного кремня. Один из них, на пластине, изогнутый (рис. 2: *1*). Рабочий край оформлен крутой и полукрутой ретушью, как на выпуклой, так и на вогнутой стороне. Другой нож, на отщепе, имеет выпуклое лезвие по одной из сторон заготовки, оформленное плоской ретушью (рис. 2: *2*).

Деревообрабатывающие орудия представлены тремя небольшими тёслами (рис. 3: *1, 2, 3*). Длина орудий 5, 3; 5, 2; 6, 2 см. Ширина рабочего лезвия 2, 9; 2, 8; 3 см. Одно из тёсел имеет тщательно пришлифованное лезвие (рис. 3: *1*). Вероятно, эти тёсла для удобства работы закреплялись в муфты. Лезвия немного вогнутые. Название довольно условное, поскольку по этнографическим данным известно использование подобных орудий для рубки деревьев (Тот, Кларк, Лигабу, 1992. С. 62—68).

Одно орудие, комбини-рованное на широком отщепе чёрного кремня (рис. 1: *11*). Ударная площадка заготовки обработана абразивом. На одном из краёв оформлена широкая выемка крутыми сколами — это рабочее лезвие скобеля. Другой край оформлен крутой ретушью, вероятно, служил скребком. На углу слома заготовки есть подправка ретушью. Возможно, эта часть орудия служила резцом.

Предметы вооружения представлены двумя наконечниками стрел. Из светло-коричневого полупрозрачного кремня выполнен наконечник пламявидной формы с обломанным черешком длиной 3, 8 см.

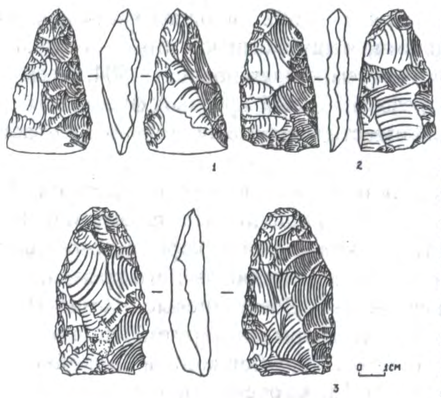

Рис. 3. Поселение Березичский стеклозавод. Рубящие орудия.

Перо оформлено длинными сколами, иногда доходящими до середины (рис. 4: *1*). Листовидный наконечник из светло-коричневого полупрозрачного кремня длиной 4, 7 см (рис. 4: *2*). Перо оформлено длинными сколами с обеих сторон заходящими от края заготовки до её середины. Заготовка крупного наконечника узкой, удлинённой формы из серого кремня выполнена крупными широкими сколами (рис. 4: *3*). Заготовка листовидного наконечника из светло-серого с чёрными волнистыми полосами кремня (рис. 4: *4*). С дорсальной и вентральной стороны заготовка оформлена плоскими широкими сколами, но оформление пера и насада не завершено. Сломанный артефакт тёмно-серого кремня, вероятно, также был черешковым наконечником стрелы (рис. 4: *5*). Черешок выделен большой выемкой и приострён. Перо сломано, на сохранившейся части ретушировано длинными сколами.

Пластин найдено 17 — в основном являющиеся подправками нуклеусов. Лишь у некоторых имеется ретушь. Сломанная пластина чёрного кремня имеет ретушь на дорсальной и вентральной сторонах. По сохранившейся части невозможно определить, каким орудием она была (рис. 1: *12*). Небольшая пластина чёрного кремня имеет мелкую плоскую ретушь по одному из краёв на вентральном фасе (рис. 2: *8*). Для чего она предназначалась не ясно. Массивная короткая пластина светло-коричневого кремня имеет крутую притупливающую ретушь по одному из краёв на вентральном фасе.

Пять артефактов неясного назначения из-за своей фрагментарности и неполноты изготовления. Среди них следует отметить небольшой короткий массивный скол чёрного кремня с частично сохранившейся известняковой коркой от конкреции (рис. 1: *13*). Боковой участок дистального конца скола имеет полукрутую ретушь, но следов использования не отмечено.

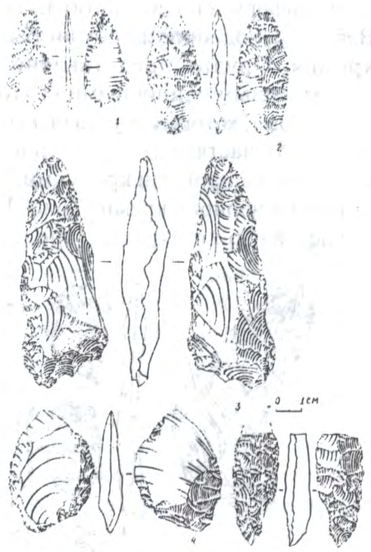

Рис. 4. Поселение Березичский стеклозавод. Наконечники стрел и заготовки.

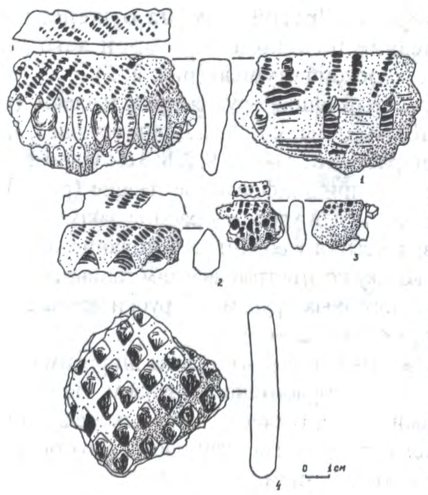

Рис. 5. Поселение Березичский стеклозавод. Фрагменты керамики.

Два скола подправки лезвий, вероятно, рубящих орудий.

Предметы из камня представлены: куском сланца 5,7 х 5 см — назначение неизвестно. Две плитки красного песчаника на гидроокисях железа 9 х 7,8 см и 13,4 х 7,3 см и небольшого кусочка такой же породы 2,1 х 1,1 см. Подобные породы использовались для доводки деревообрабатывающих орудий. Небольшой кусочек дресвы, применяемый для отощения глиняного теста, 3,8 х 3,2 см. Валунчик из гранита-гнейса из Карелии овальной формы со следами оббивки почти по всей поверхности. Вероятно, служил наковаленкой размером 14,1 х 12,3 см.

Фрагментов керамики 275. 205 фрагментов с орнаментом. Керамика имеет орнаментацию ромбами, различными ямками и гребёнками.

Орнамент ромбами и ромбическими оттисками имеют 44 фрагмента. Эта керамика рыхлая, легко рассыпающаяся, в глиняном тесте имеет большую примесь крупной дресвы (рис. 5: *1, 2, 4*; 6: *1*). Окрашена керамика в красный и розовый цвет. Венчики этой керамики орнаментированы рядами широкой косо поставленной гребёнки по верху снаружи и внутри, а также по срезу венчика (рис. 5: *1*). Дополнительно фрагменты венчиков внутри орнаментированы редкой глубокой подчетырёхугольной ямкой с коническим реберчатым дном (рис. 5: *1*). Вся эта керамика имеет сходство с керамикой белёвской неолитической культуры (Грудинкин, 2004. С. 106—111).

Неолитический облик имеют 3 фрагмента керамики, орнаментированные различными по форме небольшими ямками, чередующимися с узкой короткой вертикально поставленной гребёнкой. Венчики декорированы по верху снаружи, внутри и по срезу рядами косо поставленной небольшой гребёнки (рис. 5: *3*; 6: *3*). В глиняном тесте большая примесь дресвы. Венчики прямые.

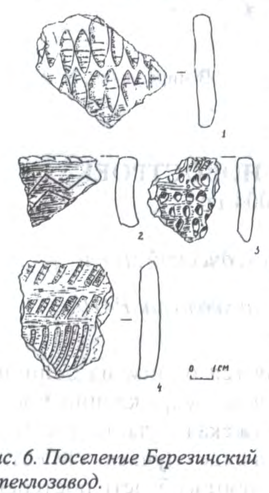

Рис. 6. Поселение Березичский стеклозавод. Фрагменты керамики.

Оттисками гребенчатого штампа украшено 92 фрагмента керамики. Форма штампа различная: овальная с плоским реберчатым дном, длинная, широкая с крупными зубцами, изогнутая и узкая, короткая с мелкими зубчиками. Чаще всего оттиски гребёнки косо поставлены рядами (рис. 6: *4*; 7: *1, 2, 3, 4, 6*). Венчики этой керамики прямые, чаще приострены и скошены внутрь. По верху, снаружи и внутри венчики орнаментированы оттисками чаще узкой, иногда широкой гребёнки (рис. 7: *1, 2, 3, 4*). В глиняном тесте светло-жёлтого цвета примесь органики, шамота, песка — реже дресвы.

Орнаментация редкой конической ямкой в композиции с мелкими небольшими ямками и небольшой гребенкой отмечена на 51 фрагменте керамики. Венчик этой керамики найден, один — отогнут и приострён (рис. 7: *5*). Снаружи он орнаментирован: редкими коническими ямками и рядом мелких ямочных отпечатков. Внутри по верху венчика проходит ряд небольших отпечатков короткой гребёнки. Керамика имеет светло-жёлтый оттенок. В глиняном тесте примесь крупной и средней дресвы.

Нарезками и нарезками с редкой конической ямкой орнаментировано 8 фрагментов керамики. Из нарезок составлен зигзаг, идущий горизонтально по стенке ниже поставлены редкие ямки. По срезу венчиков идут пересекающиеся крест накрест нарезки (рис. 6: *2*). У этой керамики светло-серый цвет в тесте примесь средней и мелкой дресвы.

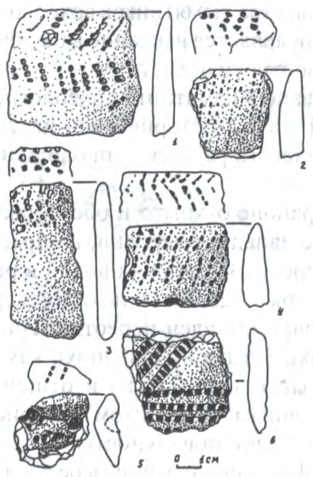

Рис. 7. Поселение Березичский стеклозавод. Фрагменты керамики.

Семь фрагментов керамики имеют неясные отпечатки орнамента из-за плохой сохранности. В глиняном тесте примесь мелкой дресвы.

Неорнаментированная керамика имеет различный цвет и примесь мелкой дресвы, песка, шамота.

Культурную принадлежность памятника определить сложно. Ряд фрагментов керамики изготовлен в неолитических традициях с типичным для местных неолитических культур орнаментом. Но в тоже время присутствует и преобладает керамика более характерная для эпохи ранней бронзы. Орудия изготовлены в традициях более позднего времени эпохи бронзы: это небольшие размеры тёсел, их треугольная форма, пришлифовка лезвия, преобладание орудий на пластинах и меньшая массивность артефактов на отщепах, чем в неолите.

После разборки слоя мощностью 20—26 см появился материк в виде светло-коричневой, глинистой супеси с мелкими светлыми пятнами.

Вероятно, население этого памятника было смешанным и отражает один из ранних этапов ассимиляции неолитического населения Верхней Оки пришлым, связанным с южными культурами бронзы. Тонкий культурный слой свидетельствует о недолговременном поселении. Конечно, полностью исключить перемешанность разновременных материалов невозможно, и лишь дальнейшие

10 Зак. 1971

исследования подтвердят или опровергнут эту точку зрения.

Время бытования поселения следует установить приблизительно. Колющие наконечники стрел обычно использовались при охоте на крупных и средних животных. Размеры наконечников стрел средние, годившиеся для забоя крупных и небольших животных. Орудийный инвентарь: скребки, резцы, скобели, ножи — предназначены для обработки добычи. Л.В. Кольцов предполагает, что с такими наконечниками охотились на самок с молодняком (Кольцов, 1985. С. 31). Присутствие тёсел, по Л.В. Кольцову, говорит о постройке лодок, что характерно для весеннего периода (Кольцов, 1985. С. 31). Можем предположить время функционирования поселения в конце весны и начале лета.

Литература

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2002 г. в Калужской и Тульской областях // Архив ИА РАН, б/н.

Грудинкин Б.В. 2004. Белёвская неолитическая культура. М.

Кольцов Л.В. 1985. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. № 3.

Пойменные озёра Жиздры. 2002. Калуга.

Тот Н., Кларк Д., Лигабу Д. 1992. Последние изготовители каменных топоров // В мире науки. № 9—10.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЗОНАХ НОВОСТРОЕК КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 2001—2004 гг.

***О.Л. Прошкин**, к. и. н., Калужский областной краеведческий музей*

***Р.А. Нигматуллин**, **А.И. Козлов**, Институт археологии РАН*

Археологические исследования в зонах новостроек являются одним из основных направлений в полевой исследовательской работе многих научных учреждений России, особенно в последние 20 лет. Не является исключением и Калужская область, где такую работу выполняет Калужский областной краеведческий музей, в ряде случаев совместно с Институтом археологии РАН. За последние 4 года объем данных работ в области постепенно увеличивался, что, в свою очередь, способствовало и росту получаемого в результате разведок и раскопок материала, открытию новых археологических памятников и местонахождений. Как и в предыдущие годы, выполнялись два основных вида работ: 1) разведки с целью выявления и изучения памятников археологии на объектах планируемого строительства; 2) раскопки на уже известных памятниках археологии, попадающих в зону строительства. Следует отметить, что на ряде объектов планируемого строительства, памятников археологии и местонахождений не обнаружено. Целью данной публикации является введение в научный оборот основных результатов исследований на объектах новостроек области.

В результате проводившихся разведок открыто и обследовано 3 памятника археологии и 2 местонахождения, а также выявлен и изучен культурный слой в исторической части г. Таруса. На одном из них — поселении у д. Долина Хвастовичского района — проводились раскопки.

В процессе работы по трассе газопровода в Жуковском районе открыто и обследовано поселение у д. Ольхово. Памятник находится в 300 м северо-западнее деревни, на правом берегу р. Нары, в устье безымянного ручья, на его левом берегу. Высота над водой в реке составляет 5—7 м, а размеры по оси северо-запад — юго-восток — до 90 м и по оси северо-восток — юго-запад — до 100—110 м. В результате шурфовки выявлен переотложенный культурный слой (мощность до 43 см), содержавший находки 3-х периодов: эпохи камня[1] (кремневые ребристый скол, обломок пластины, ребристый отщеп, сколы и отщепы), древнерусского времени (круговая керамика с линейно-ленточным орнаментом) и периода позднего средневековья (круговая керамика, в том числе с мореной поверхностью).

Другим памятником, также обнаруженным на территории Жуковского района в результате обследования участка строительства моста через р. Нару, является селище у д. Орехово. Памятник находится в 80 м к востоку-юго-востоку од деревни, на мысу, образованном левым

[1] Авторы приносят благодарность д. и. н. А.Н. Сорокину (ИА РАН) за помощь в определении и датировке кремневого инвентаря, найденного в результате работ 2001-2004 гг.

берегом р. Нары и ложбиной. Размеры селища составляют: по оси запад—восток — до 130 м, по оси север—юг — до 50 м, а высота над водой в реке — 3,5—11 м. В результате шурфовки и зачистки обреза берега выявлен культурный слой мощностью до 30 см. По сделанным находкам (фрагменты груболепных и круговых сосудов) селище предварительно датировано 1-ой половиной I тысячелетия н. э. и, вероятно, не ранее XVI—XVII вв.

К настоящему времени в бассейне р. Нары (левый приток р. Ока) известно более 30-ти памятников от эпохи камня до позднего средневековья включительно. [1. С. 99. Рис. 45; *2.* С. 13 и др.]. Вновь открытые поселения также представляют большой научный интерес для изучения древнейшей истории этого региона в эпоху камня, периоды раннего железного века, Древней Руси и позднего средневековья.

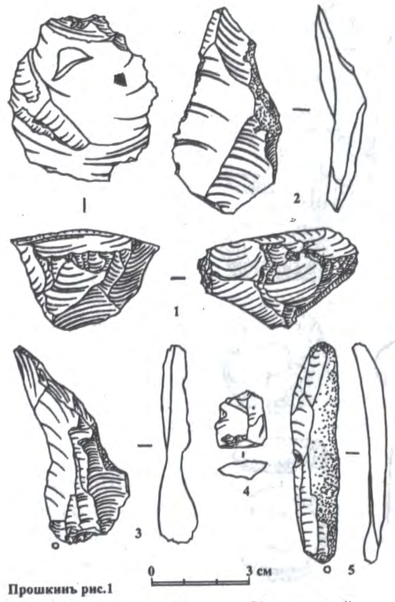

Рис. 1. Поселение Долина. Кремневый инвентарь. 1 — нуклеус, 2, 3, 5 — пластины, 4 — обломок скребка.

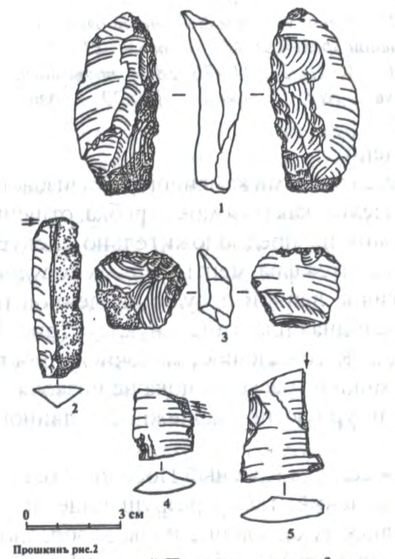

Рис. 2. Красный Поселок, селище 3. Кремневый инвентарь. 1 — заготовка двустороннеобработанного наконечника, 2 — пластина, 3 — скребок, 4—пластина со следами сработанности, 5—резец на пластине. Подъемный материал.

Определенный вклад в изучение культурного слоя малых исторических городов внесли работы в г. Тарусе. В исторической части города, на левом берегу р. Оки, на месте строительства торгового павильона (ул. Володарского) был заложен шурф, в котором были выявлены остатки культурного слоя в виде прослойки черного суглинка толщиной до 16 см. Вероятно, что основная часть слоя в данной, прибрежной части города уничтожен интенсивным строительством еще с XIX в. Основная масса керамического материала из шурфа представлена фрагментами круговых, позднесредневековых (XV—XVII вв.) сосудов. Несколько фрагментов, по технологии изготовления отличаются от основной массы и могут относиться к древнерусскому времени. О возникновении на этом месте первоначального поселения в кон. I тыс. н. э. свидетельствуют находки лепной керамики роменского облика. Следует отметить, что находки роменской керамики ранее были известны только с селища в устье р. Тарусы в северо-восточной части города (горпарк), а древнерусской, кроме последнего, еще и на городище, расположенном на правом берегу р. Тарусы. [3. С. 31; 4. С. 82]. Вероятно, что на берегу р. Оки могло существовать еще одно поселение, ставшее в XIV—XV вв. частью уже средневековой Тарусы, первое косвенное упоминание о которой мы встречаем под 1246 г. [5. С. 81].

Местонахождения представлены отдельными находками кремневого инвентаря эпохи камня в д. Захарьино Мосальского района на правом берегу р. Пополты (3 ножевидные пластины и нуклеус) и у д. Падерки Куйбышевского района на левом бегу р. Падерка (отщеп и 2 грубых скола).

Наиболее ранним памятником, на котором проводились охранные археологические раскопки и частично попадающим в зону разработки карьера, является поселение у д. Долины в Хвастовичском районе, расположенное в 2-х км к юго-западу от деревни, на правом берегу р. Рессеты при впадении ручья. Высота берега, где находится памятник, составляет 2—3,5 м, а его размеры около 100 х 140 м. В результате раскопок (вскрыто 100 кв. м.) выявлен культурный слой (серо-коричневая, рыхлая супесь) мощностью до 50 см, содержавший кремневый инвентарь и фрагменты лепных сосудов. Интересна часть коричневоглиняного изделия, вероятно, имевшего округлую форму с отверстием в центре, напоминающего пряслице, но назначение его не установлено. На поверхности материка читались песчано-зольные пятна, а в самом материке

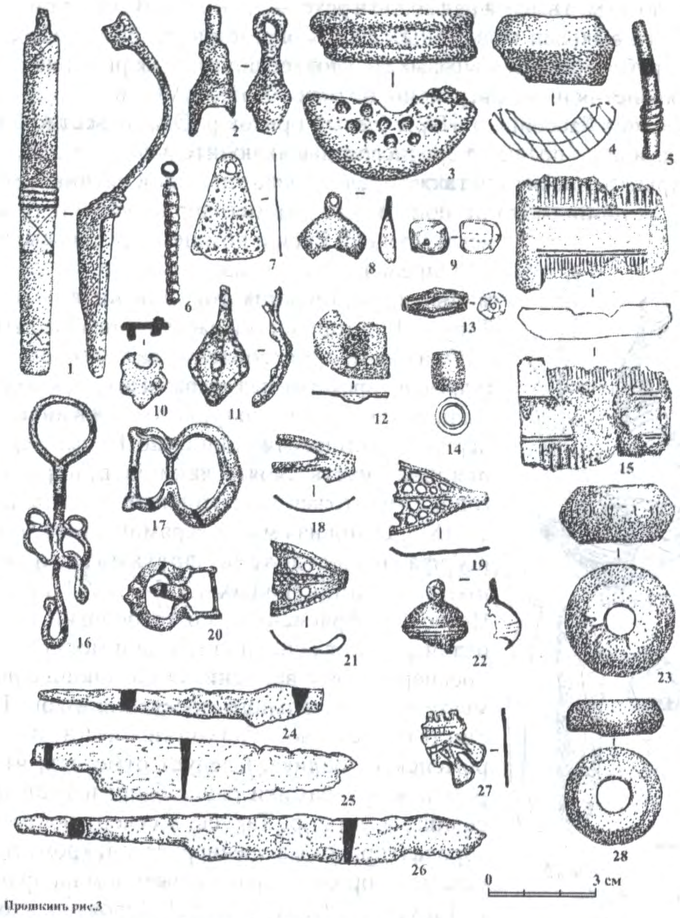

Рис. 3. Красный Поселок, селище 3. Отдельные находки.
1 — фибула; 2, 7, 8, 11, 12, 16, 22 — привеск;, 3 — грузик; 4, 23, 28 — пряслица; 5 — фр-т гривны; 6 — спиралька; 9, 13, 14 — бусы; 15 — гребень; 17, 20 — пряжки; 18, 19, 21 — перстни; 24—26 — ножи; 27 — кольцо височное. 1, 2, 5-8, 10, 12, 16—22 — бронза; 3, 4 — глина; 9 — стекло сине-фиолетовое; 11, 27 — серебро; 13 — сердолик; 14 — стекло с золоченой фольгой; 15 — кость; 23, 28 — пирофиллитовый сланец; 24—26 — железо. 1—5, 8—13, 16—19, 21, 22, 24—26, 28 — подъемный материал; 6 — яма 8в, № 14; 7 — яма 12, № 12; 14 — пл. 1, кв. 3, № 8; 15 — яма 7, № 5; 20 — ровик, № 9; 23 — пл. 1, кв. 3, № 7; 27 — материк, кв. 15, № 7.

исследованы две ямы, назначение которых не установлено.

На основании сделанных находок, поселение датируется эпохами каменного и бронзового веков. К первому периоду относятся такие кремневые изделия, как обломок скребка, отщепы и пластина (рис. 1: *2—4*). По технике обработке кремня их предположительно следует датировать периодом мезолита. Ко второму периоду относятся фрагменты лепных сосудов. По технологии изготовления лепная керамика аналогична лепной посуде, найденной на стоянке 2 у с. Стайки на р. Рессете [6]. Кремневые ножевидная пластина и нуклеус (рис. 1: *1, 5*), также связаны с одним из выделенных периодов. К сожалению, малочисленность кремневого инвентаря и фрагментарность лепной керамики из раскопа, пока не позволяют дать более определенную датировку и определить культурную принадлежность данного поселения.

Большой интерес представляют результаты раскопок селища Красный Поселок 3 близ г. Калуги, относящегося к редкому типу пойменных поселений, также разрушающегося в результате карьероразработок. Селище занимает песчаное всхолмление подковообразной формы площадью около 5 га на высокой пойме левого берега р. Угра, близ устья р. Речицы. Открыто экспедицией ГАИМК в 1930-х гг. [7. С. 48]. В результате небольших раскопок (64 кв. м.) исследованы остатки культурного слоя и целый ряд ям — остатков наземных построек. Кроме того, в разрушаемой части был собран многочисленный подъемный материал.

Наиболее ранним материалом, свидетельствующим о заселении этого места еще в эпоху камня является кремневый инвентарь мезолитического облика (заготовка

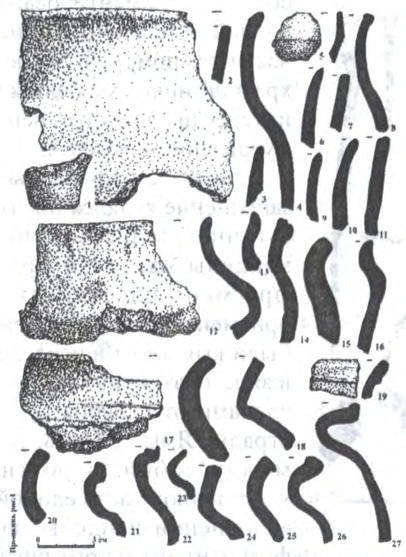

Рис. 4. Красный Поселок, селище 3: 1 — фрагмент лепного миниатюрного сосудика; 2—4, 6—11 — фрагменты лепных сосудов с гладкой или затертой поверхностью; 5 — фрагмент чернолощеной чашечки; 12—16 — фрагменты груболепных сосудов; 17, 18 — фрагменты грубых круговых (раннекруговых) сосудов; 19—27 — фрагменты круговых сосудов. 1, 10, 11 — яма 8г; 2, 3, 6, 8 — слой, кв. 8; 4, 12, 14, 23 — яма 8; 5, 13, 15 — подъемный материал; 7, 16, 26 — яма 16; 9, 17, 18, 21 — слой, кв. 16; 19, 25 — слой, кв. 11: 20 — яма 13а; 22, 24, 27 — слой, кв. 13.

двустороннеобработанного наконечника, скребок, резец на пластине и т.п.) (рис. 2). Немногочисленность коллекции не позволяет отнести эти изделия к определенной мезолитической культуре Восточной Европы. Первое долговременное поселение возникает здесь, вероятно лишь в 1-ой пол. I тыс. н. э. и связано с мощинской культурой III—V вв. н. э. (фрагменты лепных с грубой и лощеной поверхностью сосудов, прогнутая подвязная двучленная фибула, колокольчатая привеска, битрапецоидные чернолощеные пряслица с широким отверстием, грузики и т. п.) (рис. 3, *1—6*; рис. 4, *1—11*). Вероятно, что с этим периодом можно связать и ряд исследованных в раскопе ям (яма № 4, нижнее заполнение ямы № 8 и др.). Следующий этап жизни на поселении представлен материалом посл. четв. I тыс. н. э. и связан с роменской культурой (фрагменты груболепной посуды роменского облика, части сковородок, лапчатая привеска, поясная накладка, синестеклянная кубическая многогранная бусина со сглаженными углами и т. п.) (рис. 3, *7—9, 10—12, 15*; рис. 4, *12—16*). Не исключено, что с данным периодом также связан ряд ям – остатков построек (например, яма № 12 с жерновом из песчаника). Большинство находок относится к древнерусскому периоду и датируется по многочисленным аналогиям 2-ой пол. XI—XIII вв. (части круговых, в том числе раннекруговых сосудов, лировидная пряжка, решетчатые перстни, бубенчик-привеска с рельефным пояском и т.п.) (рис. 3, *13, 14, 16—28*; рис. 4, *17—27*). Вероятно, что с данным периодом существования поселения связаны ровик от ограды и примыкающие к нему столбовые ямы № 9 и № 17.

Однородное заполнение и «смешанность» разновременного материала в большинстве ям, не позволяет отнести их к одному из выделенных периодов. В целом же, полученные материалы ярко отражают этапы заселения данного участка угорской поймы от эпохи камня до древнерусского времени включительно.

Боровское городище, где также проводились раскопки (вскрыто 16 кв. м. на месте строительства памятной часовни), в XIV—XVII вв. являлось укрепленным центром Боровска, первое упоминание о котором относится к 1358 г. [8, с. 15].

В пределах раскопа культурный слой имел мощность до 114 см (без учета заполнения ям) и был сильно переотложен. С ранним периодом следует связать находки части глиняного, битрапецоидного пряслица и фрагментов груболепных сосудов, вероятно, имеющих отношение к дьяковской культуре. Древнерусский период также представлен весьма немногочисленным материалом — узколезвийный нож и фрагменты круговой посуды с волнистым и линейным орнаментом. Наибольшее же число находок относится к периоду XIX—XVII вв. В первую очередь, это фрагменты серо-, красно-, коричнево- и белоглиняных, почти без визуальных примесей в тесте, гладких и хорошо обожженных и обработанных

Рис. 5. Боровск, городище.
Находки из заполнения ямы 5: 1 — ключ; 2 — фрагмент замка; 3 — язычок от пряжки; 4 — штырек; 5 — булавка; 6 — нож; 7 — 20 — фрагменты круговых сосудов.

сосудов, орнаментированных линиями, прерывистой волной и тычками. В числе керамики этой группы части темномореных с вылощенным орнаментом и красноглиняных с белым ангобом сосудов. Большой интерес представляет венчик сероглиняного сосуда с муравлением изнутри.

Наименее нарушенным и имеющим однородное заполнение являлся предматериковый слой (черный суглинок толщиной до 40 см), в котором были найдены навесной пружинный замок типа Д и фрагмент пластинчатого, выпукло-вогнутого, орнаментирован-ного браслета. На уровне материка были выявлены и исследованы остатки сооружений в виде 7 различных ям и ровика. Ямы 1—3а являлись следами от столбов и были связаны с ровиком от ограды. Ямы 5, 6 и 8, планиграфически связанные между собой, вероятно, являются остатками углубленной части единой наземной постройки. В ее заполнении найдены массивная булавка, ключ и фрагмент навесного пружинного замка типа В или Д, фрагменты круговой посуды. (рис. 5). Основная масса венчиков круговых сосудов имеет формы, характерные для посуды XIX—XV вв.

На основании проведенных исследований сделаны следующие предварительные выводы. Возникновение первоначального поселения на месте боровского городища следует отнести к 1-ой пол. I тыс. н. э. Вероятно, что древний слой с находками этого времени, также как и древнерусского периода, не сохранился из-за интенсивного строительства в период позднего средневековья и XVIII—XX вв. Отложение культурного слоя наиболее активно происходило в XIV—XVII вв. К наиболее ранним остаткам построек в раскопе следует отнести яму 5, датируемую по отдельным находкам и керамике XIV—XV вв. и связать ее с начальным этапом развития городища как укрепленного центра Боровска.

Литература и источники

1. АКР. Московская область. Ч. 2. М., 1995.
2. Прошкин О.Л Отчет об археологических раскопках и разведках в Калужской области в 1991 г. // Архив ИА, Р-1, № 16331—16332.
3. Никольская Т.Н. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1975 году. // Архив ИА, Р-1, № 5661.
4. Фролов А.С. О времени возникновения города Таруса // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991.
5. Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
6. Фонды КОКМ, коллекция Нв 4608.
7. Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.—Л., 1950.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БОРОВСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 2004 г.

В.В.Бубликов, *Музей-квартира К.Э. Циолковского в г. Боровске*

В 2004 году Боровский археологический отряд произвел разведки в центральной и северной части Боровского района. Ограниченность средств не позволила произвести широкомасштабных работ. Тем не менее, был изучен правый берег р. Истерьмы, частично правый берег р. Исьмы в районе д. Аграфенино и левый берег р. Протвы в районе д. Рыжково. Целью исследований стала датировка возникновения сельских населенных пунктов и локализация их границ в период возникновения, а также поиск и выявление новых памятников археологии.

В результате работ была обследована территория четырех деревень Боровского района, где обнаружено девять новых памятников археологии (Атрепьево, селище; Ильино, селище 1, 2; Аграфенино, селище 1, 2, 3; Рыжково, селище 1, 2, 3); один археологический памятник обнаружен вблизи современной деревни (Редькино, селище). Кроме того, открыт курганный

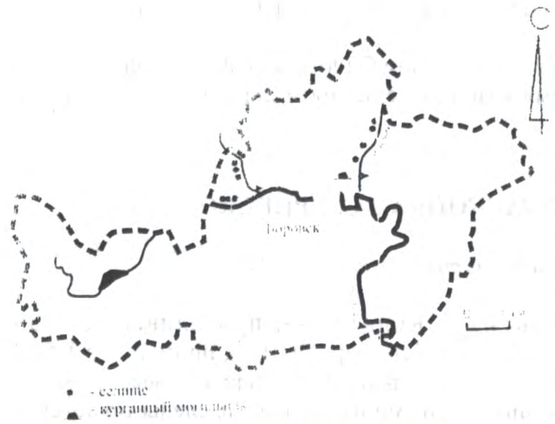

Рис. 1. Памятники археологии Боровского района, открытые в 2004 г.

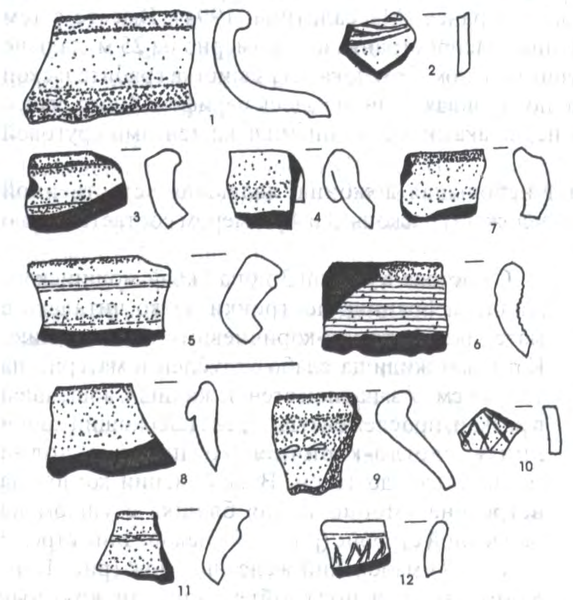

Рис. 2. Фрагменты гончарной посуды с селищ XIV — XV вв:. 1, 2 — Редькино; 3, 4 — Атрепьево; 5 - Ильино-1; 6 — Аграфенино-2; 7, 8, 9 — Аграфенино-3; 10 — Рыжково-1; 11 — Рыжково-2; 12 — Рыжково-3.

могильник, состоящий из двух курганов (рис. 1).

Селища Редькино, Атрепьево, Ильино 1 и 2 можно считать остатками тех самых сельских поселений, которые в XVII—XVIII вв. принадлежали Пафнутьев-Боровскому монастырю (РГДА. Ф. 1198, оп. 2, д. 187, л. 1//Там же. Д.1229//Там же. Д.2393). На их территории были найдены фрагменты гончарной белоглиняной, сероглиняной с волнистым орнаментом, красноглиняной с лощением, коричневоглиняной, сероглиняной, черноглиняной керамики (здесь и далее в описании керамики см. рис. 2). Найденные материалы датируют время возникновения этих населенных пунктов следующим образом: Атрепьево — XVII в., Ильино — XVII в. и более поздним периодом. Время возникновения д. Редькино мы можем пока предварительно считать XIV в., т.к. обследованное селище находится в 100 м. к югу от этого населенного пункта на мысу, образованном правым берегом р. Истерьмы и оврагом, отделяющим селище от деревни. Скорее всего, в древности д. Редькино занимала и эту территорию.

Аграфенино, судя по результатам археологических исследований, было крупным населенным пунктом в период позднего средневековья. Сегодня мы разделяем когда-то единый, по всей вероятности, населенный пункт на три селища согласно топографическим особенностям рельефа. По найденным фрагментам гончарной черноглиняной, черноглиняной с лощением, сероглиняной, белоглиняной с линейным орнаментом, сероглиняной с ямочным орнаментом, черноглиняной лощеной с линейным орнаментом керамики можно говорить о том, что Аграфенино появилось в XVI в.

Деревня Рыжково находится на высоком левом берегу р. Протвы. Здесь также было обнаружено три селища. Все они мысовые и небольшие по территории распространения подъемного материала, который представлен фрагментами гончарной черно-глиняной с лощением и серо-глиняной с лощением и линейным орнаментов посуды, бытовавшей в XVII—XVIII вв.

Курганный могильник обнаружен в лесу на высоком коренном правом берегу р. Истерьмы, в 600 м к востоку от церкви Рождества Пресвятой Богородицы которая находится в бывшем селе Роща (в настоящее время микрорайона Боровска). Состоит из двух насыпей. Первая насыпь имеет вытянутую форму. Предварительно ее можно квалифицировать как длинный курган, относящийся к культуре кривичей. Вторая насыпь примыкает к первой с западной стороны. Определить форму и культурную принадлежность данного кургана не представляется возможным, так как он был ограблен, по всей вероятности, еще в древности. На насыпи имеется яма, рядом с насыпью куча — выброс из грабительской ямы. Курганный

могильник является пока единственным археологическим памятником данного класса в окрестностях г. Боровска.

Таким образом, Боровским археологическим отрядом было выявлено одиннадцать новых памятников археологии, датировано время возникновения пяти деревень и локализованы границы их существования в древности.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ С. КРИВСКОЕ-3

О.А. Лопатина, *Институт археологии РАН*

В 2003 г. были продолжены работы на с. Кривское-3, проводившиеся ранее Г.А.Массалитиной. Селище расположено на левом берегу р. Протвы, примерно в 1,5—2,0 км от западной окраины г. Обнинска. Оно занимает край первой террасы, высота которой над поймой 1,5—2,0 м. Территория памятника носит многочисленные следы техногенного воздействия и продолжает разрушаться.

С целью уточнения границ селища и для определения характера слоя на периферии памятника были заложены два шурфа и три небольших раскопа общей площадью 32 кв. м.

Оба шурфа, разбитые на стыке склона и поймы показали, что культурный слой селища в пойму не западал, как это было установлено ранее (Массалитина, 1994). Вместе с тем установлено, что северная граница памятника распространялась примерно на 25 м дальше в глубь террасы по сравнению с предыдущим планом. Это показала зачистка грабительской ямы в лесу на северном краю памятника, показавшая наличие здесь периферийного слоя с осколками камней, растрескавшихся в огне, шлаками, единичными фрагментами круговой керамики.

Западный край селища оконтуривает небольшая ложбина, являвшая естественной западной границей памятника. На ее краю заложены раскопы 3 и 4 размером соответственно 2,0 х 3,0 и 3,0 х 4,0 м.

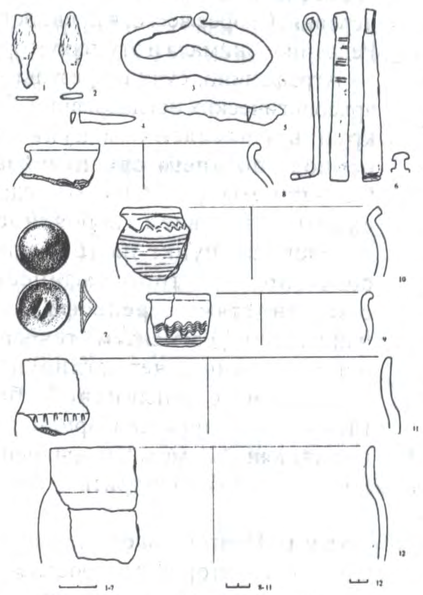

Рис. 1. Находки раскопа 3.

С востока в раскоп 3 попал край мощинского жилища. Граница постройки четко читалась в материке по темно-коричневому заполнению. Котлован жилища слабо углублен в материк на 15—18 см. У западной стенки жилища, вошедшей в раскоп, прослежен очаг представляющий собой линзу светло-коричневого песка с золой мощностью до 10 см. В заполнении котлована встречена умбоновидная бляшка с ушком на оборотной стороне (рис. 1: *7*), наконечник стрелы (рис. 1: *1*) маленький железный нож (рис. 1: *4*). Кроме того, в постройке залегали крупные фрагменты лепных сосудов мощинского облика с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и выраженным переходом к тулову (рис. 1: *11, 12*). Встречены также фрагменты миниатюрных сосудов.

Практически вплотную к жилищу примыкала промоина. Заполнение нижней части промоины по цвету аналогично заполнению жилища.

Слой средневекового селища в основном откладывался уже поверх заполненной промоины. В этом интенсивно черном слое встречено раннее калачевидное кресало с язычком (рис. 1: *3*), которое по новгородским аналогиям датируется X—XII вв. (Колчин, 1982. С. 163). Круговая керамика (рис. 1: *8—10*) над заполненной промоиной залегала горизонтально.

В верхней части культурного слоя в перекопе найдены единичные фрагменты белоглиняной керамики, а также ключ с орнаментом (рис. 1: *6*). Дата таких ключей по аналогии с новгородскими — XII—начало XV вв. (Колчин, 1982. С.162).

В раскопе 4 на северо-западном конце ложбины выявлен очень небольшой по мощности культурный слой, однородный по всей площади. Сооружения отсутствовали. В верхней части слоя отмечено скопление фрагментов одного сосуда с линейно-волнистым орнаментом (рис. 2: *2*). В

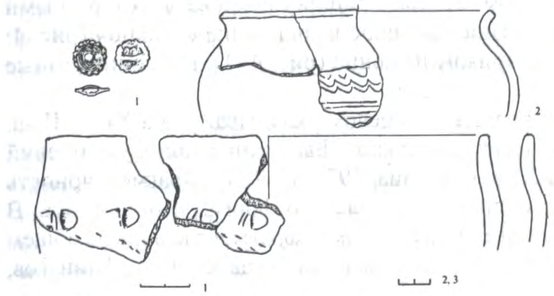

Рис. 2. Находки раскопа 4.

целом насыщенность слоя находками небольшая. Помимо круговой керамики здесь найдены фрагменты, по-видимому, от одного сетчатого сосуда с ногтевым орнаментом (рис. 2: *3*). Отпечатки на поверхности очень нечеткие в виде крученых нитей, они покрывают тулово, не распрост-раняясь выше плеча. Совместное нахождение сетчатой керамики с находками кремня могло бы указывать на отношение ее к эпохе бронзы. Однако, профилировка фрагментов его верхних частей, наличие ногтевого орнамента склоняют к заключению об их принадлежности к железному веку. Вероятно, этот сосуд одновременен бронзовой бляшке с зернью по краю (рис. 2: *1*).

В нижней части культурного слоя раскопа 4 встречались находки кремня. В основном это осколки (54 экз.), а также очень грубые кремневые отщепы. Найдено также 5 кремневых отбойников, два фрагмента шлифовальных плит. Ни одного орудия не зафиксировано. По определению В.В.Сидорова (ИА РАН), техника раскалывания кремня может быть отнесена к периоду поздней бронзы (Липовка 1, Колтово 7).

Раскоп 5 размером 2,0 х 5,0 м заложен на восточной оконечности памятника. Наиболее существенные сооружения — ямы 1 и 2, частями вошедшие в раскоп, можно связывать с постройками древнерусского времени. Постройки не были одновременными. Наиболее

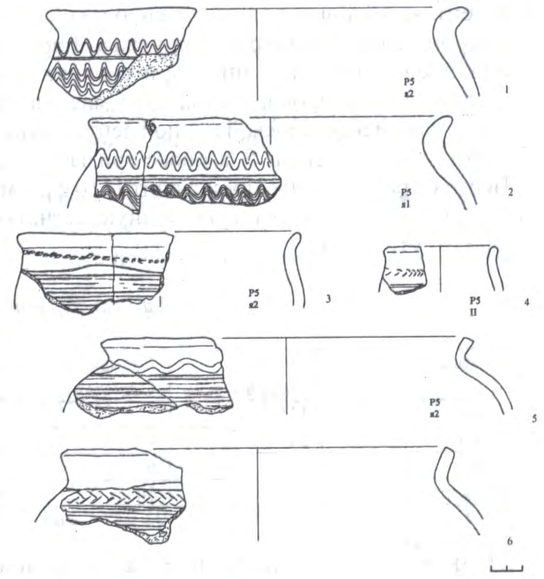

Рис. 3. Находки раскопа 5.

Рис. 4. Находки раскопа 5.

позднее сооружение — подпечная яма (яма 1). В раскоп попала большая ее часть на площади 1,5 х 0,6 м. Дно чашевидное, углублена в материк на 35 см. В заполнении встречено много камней, шлаки, белоглиняная керамика (рис. 4: *19*).

Яма 2 вошла в раскоп углом на площади 3,0 х 0,85 м. Яма с горизонтальным дном, скорее всего, представляла собой угол жилища, слегка углубленного в материк на 10—15 см. В заполнении в основном встречена круговая керамика с волнистым и линейным орнаментом на большей части тулова (рис. 3: *1, 3, 5*; рис. 4: *20, 21*). Из находок в этой яме зафиксированы бронзовые узкопластинчатые перстни с несомкнутыми концами с растительным орнаментом и орнаментом в виде косички (рис. 4: *3—5*), железные ножи (рис. 4: *13, 14*), иголки (рис. 4: *9*). Обломок бронзового ажурного диска (рис. 4: *16*), найденный здесь же, скорее всего, не имеет отношения к древнерусскому слою и относится к более раннему периоду функционирования селища.

12 Зак. 1971

Существенная часть датирующих металлических находок обнаружена в верхней части культурного слоя, непосредственно под дерном, поэтому синхронизировать их с разными объектами не удается. Это раннее семилопастное височное кольцо типа «сельцо» (рис. 4: *2*), фрагмент лучевого височного кольца с шариком на конце (рис. 4; 1), крестопрорезные бубенчики (рис. 4: *6—8*).

Датировки перечисленных бронзовых украшений в целом укладываются в XI—XII вв. Наиболее узкую дату имеет височное кольцо типа «сельцо». Бытование таких украшений по Т.В. Равдиной не выходило за пределы XI в. (Равдина, 1975. С. 223). Фрагментарность лучевого височного кольца не позволяет судить о деталях его формы и орнамента. В соответствии с классификацией разработанной Е.А.Шинаковым, фрагмент кольца на общем уровне можно отнести к III группе и датировать широко в пределах конца X-XII вв. (Шинаков, 1980).

Грушевидные крестопрорезные бубенчики наиболее часто встречаются с конца X по начало XII вв. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136).

Бронзовые перстни относятся к типу 1а по классификации Т.Г.Сарачевой. Это пластинчатые прямые перстни, украшенные рельефным растительным или геометрическим орнаментом, которые получили наибольшее распространение в XI-XII вв., особенно на территории Днепровского Левобережья (Сарачева, 1994, с. 87, 94, 95).

Ряд предметов найденных при раскопках указывают на существование на селище бронзолитейного производства. Это массивный кусок металла (серебро) застывший в литнике, фрагменты плоской медной ленты, обломок льячки, а также многочисленные шлаки, обнаруженные в раскопе 5, а также при зачистке ямы на северном конце селища.

Всего с трех раскопов происходит 1110 фрагментов керамики, которую можно разделить на группы — лепную гладкую, лепную сетчатую, лощеную и круговую (таблица). Целые формы отсутствуют.

Таблица. Керамика селища Кривское 3 (количество фрагментов)

Раскоп	Лепная Гладкая	Лепная Сетчатая	Лощеная	Круговая	Всего
Р3	115	1	-	227	343
Р4	54	47	-	44	145
Р5	59	6	6	551	622
Всего	228	54	6	822	1110

Практически вся лепная керамика (228 фрагментов) с гладкой поверхностью, найденная при раскопках 2003 г., относится к мощинскому времени. При этом наибольшее количество лепной мощинской керамики происходит из раскопа 3. Небольшой фрагмент верхней части лепного сосуда с вдавлениями по краю сходен с найденной здесь керамикой в 1995 и 1996 гг. (Массалитина, 1995, рис. 90: *3*). Единичные фрагменты лощеной посуды встречены только в раскопе 5. Лепной поздней («роменско-боршевской») керамики, аналогичной находкам Г.А. Массалитиной в 1993 г. (Массалитина, 1993, рис. 15), не встречено, за исключением одного небольшго фрагмента венчика с веревочным орнаментом по краю из раскопа 4. При раскопках 1993 г. найдено наибольшее количество такой керамики. Тем не менее, и они занимали «незначительное место в коллекции» того сезона.

Круговая керамика представлена наибольшим количеством фрагментов (882 фрагмента) (рис. 3; рис. 4). По типологии, разработанной И.В.Болдиным, основную часть верхних частей круговых сосудов можно отнести к типу AII (профилированные без утолщения; варианты различаются по форме губы), который получил наибольшее распространение в X—XII вв. (Болдин, 2002. С. 66).

Небольшая часть круговой керамики селища была изготовлена из беложгущейся глины. В частности, это фрагменты верхних частей сосудов изображенные на рис 4: *18, 19*. Подобные изделия можно отнести к более позднему типу Б, наибольшее распространение получившего в XII—XIII вв. Этот тип характеризуется наличием утолщения с внутренней стороны губы (Болдин, 2002. С.73).

Клейм на днищах сосудов не выявлено.

Раскопки селища Кривское 3 показали наличие на памятнике слоев эпохи бронзы, железного века, мощинского времени и средневековья. Наиболее интенсивно селище функционировало в древнерусский период. Материалы этого времени найдены во всех раскопах и составляют большинство в керамическом комплексе и комплексе находок.

И.В.Болдин датирует селище весьма ранним временем X—XI вв. (Болдин, 2002, 123). Основанием для нижней даты послужила находка дирхема 914—948 гг. Вероятно, селище и могло существовать в X в., однако слишком малое количество лепной древнерусской керамики вряд ли может свидетельствовать об активном характере жизни на поселении в это время.

Кроме того, новые находки 2003 г. позволяют говорить о том, что древнерусский период функционирования селища нельзя ограничивать XI в. Находки ключа и белоглиняной керамики свидетельствуют о наличии более поздних напластований. Основной комплекс находок и керамики, скорее всего, следует датировать XI—XII вв. Именно с этим временем связан наиболее интенсивный период существования селища. Памятники близкие по облику материальной культуры селищу Кривское 3 изучены в бассейне р. Пахры (Гоняный, 1999).

Литература

Болдин И.В., 2002. Круговая керамика Верхнего Поочья: опыт датировки // Дисс. канд. ист. наук. М.

Гоняный М.И., 1999. Археологические памятника начального этапа славянской колонизации среднего течения р.Пахры в Подмосковье // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды ГИМ. Вып. III. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М.

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.М.

Массалитина Г.А., 1994. Отчет об археологических раскопках селища Кривское 3 в Боровском р-не в 1993 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 18447.

Массалитина Г.А., 1996. Раскопки и разведки в Калужской области. Архив ИА РАН. Р-1. № 19684.

Равдина Т.В., 1975. Древнейшие семилопастные кольца // СА. № 3.

СарачеваТ.Г.,1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX — первая половина XIII вв.) // История и эволюция древних вещей. М.

Шинаков Е.А., 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3.

НАХОДКА ЧЕЛНА-ОДНОДРЕВКИ У Д. КОХАНОВО НА ОКЕ

А.С. Фролов, г. Москва

Рис. 1. Место находки челна-однодревки у д. Кохановo на границе Калужской и Тульской областей.

В августе 2002 г. от жителей деревни Шарапово поступило сообщение о находке древней деревянной лодки на отмели левого берега Оки, против устья р.Вашаны.

Резко упавший уровень воды в реке и на прибрежной полосе, обычно скрытой водой, обнажил край правого борта длинной лодки-«однодревки». Лодка была скрыта под толщей донных отложений Оки. Место находки тогда же было осмотрено и проведена расчистка объекта (1).

Находка целого, хорошо сохранившегося, челна уникальна по своей сути. Во-первых, дерево крайне недолговечно. Для его сохранности необходим целый ряд взаимосвязанных условий: большая влажность, отсутствие доступа воздуха и пр. Во-вторых, каждая новая находка обогащает науку новыми данными о конструктивных особенностях строительства древних маломерных речных судов. К моменту обнаружения кохановской однодревки в долине Оки историками и археологами, было документально зафиксировано всего шесть случаев находок подобных плавсредств, вписывающихся в хронологические рамки с середины I тысячелетия до н.э до середины XVIII в.(2). Наиболее же древние фрагменты челнов, весла, обнаруженные археологами при раскопках торфяниковых поселений, где хорошо сохраняются органические

Рис. 2. Челн-однодревка.

останки, датируются эпохой среднекаменного века, т.е. временами, отстоящими от наших дней на несколько тысяч лет (3).

С самых древнейших времен все пути человеческих коллективов: будь то миграция крупных племен, походы войск или путешествие небольших групп торговцев, почти всегда проходили по рекам. С реками была связана добыча необходимого для жизни питания. И изначально основными, наряду с плотами, средствами передвижения по воде являлись долбленые из целого ствола дерева челны. В течение многих столетий — даже тысячелетий — главные принципы технологии их изготовления оставались практически неизменными.

Распиленный (в соотношении примерно 1/3 диаметра, чтобы борта слегка загибались внутрь), по длине ствол дерева, подвергался выдалбливанию теслами, иногда чередуемым с выжиганием внутренней части. Наиболее вероятно, что процесс этот был разбит как бы на три этапа. Вначале обрабатывалась срединная часть колоды, затем носовая и кормовая. При этом обычно оставлялись узкие перегородки, предохранявшие ствол от растрескивания. Обычно ширина ствола составляла около 60—80 см. в диаметре. Длина варьировалась в зависимости от конкретных целей использования. Управление такими челнами осуществлялось при помощи однолопастных весел или шестов. На выделку подобных лодок, по свидетельствам этнографов, затрачивалось 5—6 месяцев. Существовали и более сложные приемы изготовления, на которые затрачивалось от 2-х до 5-ти лет (4).

На Руси однодревки изготавливались обычно из стволов осины, реже дуба. Отсюда одно из наиболее распространённых его названий — «осиновка». Длинное, узкое, слегка закругленное тело челна дало ему и другое, часто встречаемое название — «труба». Существовали и другие местные наименования челнов, («душегубка», «комяга», «оморочка»).

По результатам микроскопического анализа древесины установлено, что Кохановский челн изготовлен из ствола осины. В длину он достигает 6 м.83 см., что, если применять метрическую систему средневековья, будет равняться 15 локтям. Борта имеют толщину в верхней части 1,5—2,0 см., в средней около 4,5 см., что равняется одному вершку. Максимальная ширина около 60 см., при такой же высоте, т.е расстоянии от днища до края бортов. Массивная кормовая часть с внешней стороны обработана при помощи пилы, её верхняя, довольно широкая часть могла служить сидением для гребца. Днище снаружи по всей длине уплощено. На внутренней поверхности челна отчетливо видны следы выжигания и долбления металлическими орудиями с нешироким лезвием: тесла, долота. Длительное нахождение в грунте под водой обеспечили его общую хорошую сохранность. Минимальные разрушения наблюдались только по краю правого борта, выступавшему над водой и, подвергшегося воздействию воздуха и прямых солнечных лучей.

Интересно отметить и некоторые конструктивные особенности кохановского челна, которые не наблюдаются у других лодок, найденных на Оке, Дону, Десне. В заостренной носовой части по левому и правому бортам симметрично проделаны «клюзы» — отверстия трапециевидной формы, использовавшиеся для опускания якорей. Якорями, скорее всего, служили крупные камни, привязываемые к длинной веревке, закрепленной внутри челна.

Еще два пропиленных небольших отверстия в бортах расположены ближе к корме. Они имеют прямоугольную форму по горизонтали и, вполне возможно, служили для крепления дополнительного сиденья — «банки». Лодка подобного типа и размера могла брать на борт 4—5 человек с грузом.

Как уже отмечалось выше, определить время существования древней деревянной лодки, только лишь по внешним признакам, чрезвычайно затруднительно. Найденный в 1992 г. в устье р.Протвы челн был датирован в Лаборатории радиоуглеродного анализа серединой XVIII в.(5). Но у него есть заметные отличия в принципах изготовления. Он имеет стандартную длину 7,1 м., что равняется 10 аршинам. Аршин же — восточная мера длины — появляется на Руси лишь в начале XVI в.

При археологическом осмотре левого берега Оки между деревнями Коханово и Левшино

были зафиксированы остатки селища с выраженным культурным слоем и находками гончарной керамики XV—XVI вв. Возможно, и челн был связан с этим поселением.

Как и почему он оказался в русле Оки? Ответить на этот вопрос несложно. Всю ширину челна ближе к корме, от одного борта до другого, пересекает крупная трещина, образовавшаяся еще в древности при его использовании. По-видимому, она послужила причиной того, что он затонул, либо был просто оставлен, выброшен, как негодный.

Примечания и литература

1. В исследовании челна принимали участие археологи: Прошкин О.Л. (Калуга), Козлов А. (Воронеж), Титов А.В. (Иркутск), инженер Кауц А.В. (Москва).

2. Мельник А.Н. Находки древних челнов-однодревок на Оке. Памятниковедение. Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники. — М., 1990. С.6—11.

3. Окороков А.В. Древнейшие средства передвижения по воде. — Калининград, 1994.

4. Окороков, указ.соч., С.20—22.

5. Окороков А.В. Лодка-однодревка из реки Протва // Боровский краевед. — Боровск, 1993. С.26—28.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ «ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД»

***И.В. Болдин**, к. и. н., Калужский областной краеведческий музей*

В процессе реставрационных работ на территории усадьбы «Полотняный Завод» возник вопрос о назначении здания, пристроенного с северной стороны к церкви (церковь не сохранилась). Само здание, неоднократно перестроенное, в послевоенное время использовалось под жилье. Для определения изначального назначения помещений в 2002 г. было проведено археологическое обследование, результатом которого стал вывод, что здание построено на ранее существовавшем кладбище и, предположительно, служило усыпальницей.

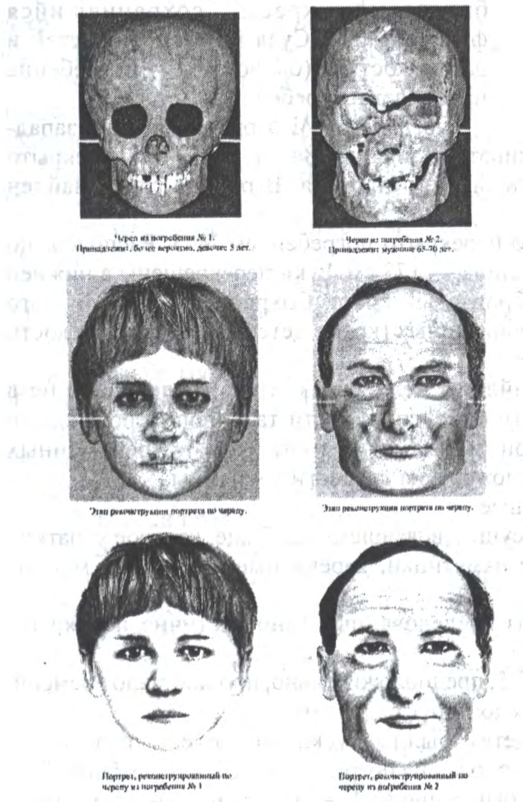

Рис. 1. Реконструкция внешнего облика погребенных в могилах 1, 2.

В 2002 г. начато обследование фундамента прямоугольной формы, находящегося в центре одного из помещений здания, примыкавшего к церкви. Поскольку перед работами 2002 г. стояла задача обследования основания без его разрушения, то шурф был заложен вдоль южной стороны этого фундамента. Шурф выявил наличие двух костяков. Предварительный итог — основание являлось фундаментом надгробного памятника (Болдин, 2003).

В 2003 г. обследование этого участка было продолжено. Главной целью стало определение количества погребенных под основанием, сложенном из кирпича, определение пола, возраста и внешнего вида (по черепу) погребенных. Фундамент сохранился фрагментарно на высоту 1—2 кирпичей на известковом растворе, размеры составили около 2 х 1,8 м. Кирпичи были уложены на забутовку из глины и кирпичного щебня, заглубленного на 20—30 см.

В результате проведенных работ в 2003 г. обнаружено шесть погребений и разрозненные кости в заполнении могил. Нумерация захоронений дана сверху вниз.

Погребение № 1. Совершено в прямоугольной яме, ориентированной

13 Зак. 1971

запад-восток. Погребенный положен головой на запад. Кости рук перекрещены в нижней части живота. В районе шеи обнаружена бронзовая пуговица, на груди — бронзовый крест. Длина — 112 см.

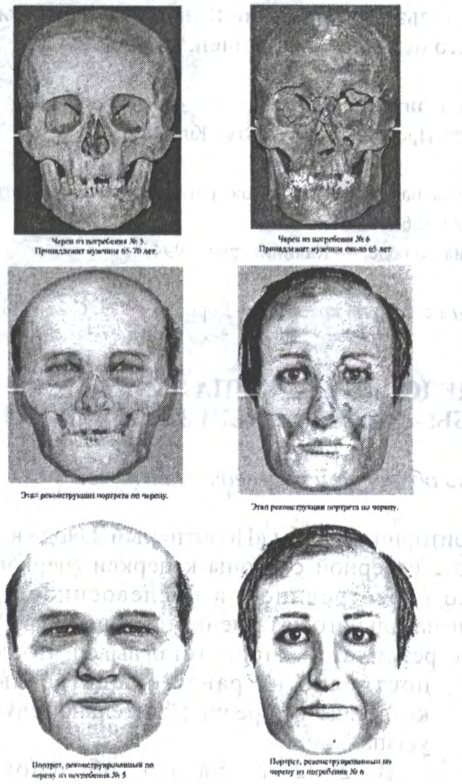

Рис. 2. Реконструкция внешнего облика погребенных в могилах 5, 6.

Погребение № 2. Погребение ориентировано запад-восток, одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте. Безынвентарное. Длина — около 180 см. Частично перекрыто костяком № 1. Сохранился древесный тлен от гроба. Судя по тлену, положению костей погребения № 1 относительно захоронения № 2 возможно предположить, что погребение № 1 было совершено в уже существовавшую могильную яму (№ 2), причем гроб (погребение № 1) был поставлен непосредственно на остатки гроба могилы № 2.

Погребение № 3. Ориентировка костяка — запад-восток. Положение рук определить было невозможно из-за размера костей и условия их залегания в глинистом грунте. Среди костей был найден бронзовый крест. Судя по размеру костей и длине костяка (около 50 см) погребение принадлежало ребенку.

Погребение № 4. Ориентировка костяка — запад-восток. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль тела. Среди костей был найден бронзовый крест, сохранившийся фрагментарно. Судя по размеру костей и длине костяка (около 50 см) погребение принадлежало ребенку.

Погребение № 5 ориентировано запад-восток, руки перекрещены в нижней части живота. Длина — 184 см. Частично перекрыто захоронениями № 3, 4. Сохранился древесный тлен от гроба. В районе груди найден бронзовый крест.

Погребение № 6. Практически полностью перекрыто погребением № 5. Расположено под небольшим углом к этому погребению. Длина — 173 см. Руки перекрещены в нижней части живота. В районе груди обнаружен бронзовый крест. Сохранность костей этого захоронения отличается от погребений вышеописанных (кроме детских). Трубчатые кости темного цвета, хрупкие, кости черепа тонкие.

После снятия погребения № 6 были найдены человеческие кости, лежащие не в анатомическом порядке: фрагменты черепа (или черепов) кости таза, ног. Вероятно, это разоренные более ранние захоронения: при рытье могилы (№ 6) из потревоженных захоронений наиболее крупные кости были сложены на дне могильной ямы.

В итоге работ удалось установить следующее.

Все захоронения производились на ранее существовавшем кладбище, которое утратило все наземные указатели могил (надгробные памятники, деревянные кресты) на момент строительства здания усыпальницы.

Погребение № 6 было самым ранним из исследованных (оно частично перекрыто погребением № 5).

Между совершением захоронений № 2 и № 5, предположительно, прошло мало времени: оба костяка расположены на одном уровне, рядом друг с другом.

Погребения № 3 и № 4, принадлежавшие детям, были «впускными», то есть, совершены в уже существовавшую могилу. Характер расположения погребений (кости погребения № 3 перекрывали верхнюю часть костяка № 5, а погребение № 4 — его нижнюю часть) служит основанием для предположения, что захоронения № 3 и № 4 совершены уже после установки памятного знака на месте могил №№ 2, 5, 6, от которого до начала работ сохранялось основание.

Погребение № 1, также как и погребения № 3 и № 4, совершено в уже существовавшую

могилу, отмеченную памятным знаком, и также (как и погребения № 3 и № 4) является «впускным» захоронением.

Для пяти из шести черепов была проведена медицинская экспертиза с целью определения пола, возраста и для четырех — графическая реконструкция внешнего облика. Этот анализ проведен в Бюро судебно-медицинской экспертизы (г. Москва) главным специалистом в области антропологической портретной реконструкции С.А. Никитиным.

Погребение 1 — останки, более вероятно, девочки 5 лет.
Погребение 2 — останки мужчины 65—70 лет.
Погребение 3 — останки мальчика 2 лет.
Погребение 5 — останки мужчины 65—70 лет.
Погребение 6 — останки мужчины 65—70 лет.

Реконструкция внешнего облика проведена для захоронений №№ 1, 2, 5, 6 (рис. 1, 2).

В ходе работ обследованы захоронения, обнаруженные под основанием надгробного памятника в помещении, пристроенном к церкви. Такое положение погребенных позволяет высказать предположение об их принадлежности к владельцам усадьбы, то есть к роду Гончаровых.

Литература

Болдин И.В., 2003. Первые итоги археологического изучения некрополя «Полотняный Завод» // Природа и история Поугорья. Калуга.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ А.С. ПУШКИНА

Е.В. Алексеева, *Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина*

Одним из направлений музейной деятельности музея-заповедника А.С. Пушкина является сохранение, восстановление и изучение комплекса историко-культурного и природного наследия не только в пределах своей территории и зон охраны, но и прилегающих районов.

Однако, в течение ряда лет здесь осуществлялись лишь локальные рекогносцировочные археологические исследования в пределах территории усадеб музея-заповедника — «Захарово» и «Вязёмы». Это были, в основном, архитектурно-археологические работы.

Так, в августе—сентябре 1976 г. трестом «Мособлстройреставрация» проводились археологические раскопки под руководством археолога Ю.А. Лихтер, целью которых был поиск остатков фундаментов крыльца храма Преображения в усадьбе Голицыных «Большие Вязёмы»[1].

В сентябре 1995 г. АО «Мособлстройреставрация» по заказу Комитета по культуре и туризму Московской области были проведены архитектурно-археологические исследования Восточного флигеля главного дома усадьбы Голицыных «Большие Вязёмы»[2].

По просьбе музея, фирмой «Эста» в 1990 г. сделаны архитектурно-археологические обмеры главного дома усадьбы «Захарово»[3].

Следующие археологические исследования усадьбы «Захарово» проводились в течение двух полевых сезонов 1996—1997 гг. По заказу Комитета по культуре Администрации Московской области АРМ «Арис» осуществил натурные исследования остатков главного дома. Руководил раскопками археолог Н.В. Зубарев (ИА РАН).

В ходе работ изучался культурный слой на площади предполагаемого размещения главного дома усадьбы конца XVIII в. За время раскопок была вскрыта и изучена площадь 352 кв. м. Исследования позволили с достаточно высокой достоверностью реконструировать объем, габариты и характер планировочной структуры главного дома усадьбы «Захарово» на конец XVIII — начало XIX в., то есть на мемориальный период[4].

Но возможность начать широкомасштабные археологические исследования региона появилась у музея-заповедника только в 2002 году, когда в число научных сотрудников музея вошли профессиональные археологи, развернувшие планомерную деятельность по изучению археологического наследия региона.

Интерес археологов расширился от охраняемой музеем-заповедником территории до пределов бывшего Звенигородского уезда. Верхнее Москворечье чрезвычайно богато культурным наследием, а история его заселения уходит корнями в глубокую древность. Окрестности Вязём и Звенигорода следует рассматривать как уникальный археологический заповедник Подмосковья. По берегам реки Москвы и ее притоков сконцентрировано более

сотни разновременных археологических памятников, начиная от эпохи каменного века – мезолита до позднего средневековья.

Здесь работали и работают экспедиции Государственного исторического музея, Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея, Института археологии РАН, Государственного историко-литературного музея А.С. Пушкина. Давно назрела настоятельная необходимость изучения, обобщения и введения в научный оборот материалов этих исследований, поскольку в XI□□—XIII вв. данный регион был одним из важнейших геополитических узлов Москворечья.

Несмотря на кажущуюся хорошую изученность Звенигородской земли, полученные материалы все же не дают возможности полностью воссоздать древнюю историю этого края, которая пестрит еще белыми пятнами. За прошедшие три года научными сотрудниками музея-заповедника достигнуты значительные результаты в изучении истории региона.

В 2002 и 2003 гг. были проведены археологические разведки в Одинцовском районе Московской области с целью систематического обследования территории, прилегающей к территории музея-заповедника (среднего и верхнего течения реки Вязёмки). В ходе археологических разведок было обнаружено 8 ранее неизвестных селищ, относящихся к древнерусскому времени и периоду позднего средневековья[5], в числе которых выявлено место Вязёмского яма, неоднократно упоминавшегося в документах Посольского приказа в связи с проездом в Москву польских и литовских послов в 1556, 1564, 1566, 1569 гг. Археологические исследования позволили сделать ряд выводов, касающихся истории окрестных селений, и уточнить местоположение трассы старой Можайской дороги.

Верхнее Повяземье отличалось насыщенностью объектами церковной архитектуры. Одно из направлений археологических исследований музея — поиск забытых древних погостов. Это выявление в письменных источниках упоминаний о когда либо существовавших церквях и монастырях, разорённых в годы Смуты или прекративших своё существование по иным причинам.

Научным сотрудникам музея удалось обнаружить 4 церковных места в бассейне р. Вязёмки (это церковь Николая Чудотворца у верховьев р. Бутыньки, церковь Параскевы Пятницы у Кулицкого болота, церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Раменской горке, церковь Всемилостивого Спаса на Вяземском придаточном яме).

В мае 2004 года сотрудниками Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина в окрестностях поселка Голицыно был найден клад произведений русской средневековой металлопластики[6].

Клад вещевой, в его состав вошло 49 предметов: 19 энколпионов; 15 наперсных крестов; оплавок-монолит, состоящий из 7 крестов и одного образка; четыре креста, тип которых из-за деформаций определить не удалось; поддон бронзового сосуда; два ювелирных молоточка.

Голицынский клад — удивительный по богатству и красоте набор предметов средневековой христианской металлопластики. Его характеризуют как разнообразие входящих в него типов крестов, так и серийность некоторых из них.

В музее ведутся археологические исследования не только близлежащих храмов. Так, Звенигородским отрядом Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН совместно с музеем-заповедником в 2004 г. были проведены крупномасштабные архитектурно-археологические раскопки в г. Звенигороде, на участке восстановления церкви Вознесения Господня. Площадь раскопа составила 466 кв. м. Работы, носившие охранный характер, были развернуты на месте Вознесенского храма, разрушенного в 1941 г. Раскопками выявлены фрагменты белокаменно-кирпичных фундаментов церкви 1792 г. а также хорошо сохранившийся фундамент более поздней трапезной, пристроенной к основному четверику в 1836—38 гг. [7].

Проведенные исследования позволили не только выявить архитектурно-планировочные особенности разрушенного Вознесенского храма, но и изучить культурный слой на территории бывшего Нижнего посада Звенигорода, где работы подобного масштаба были поведены впервые.

Следующее направление археологических исследований музея — изучение проблем славянской колонизации края.

Научные сотрудники музея уже несколько лет ведут охранные раскопки древнерусского курганного могильника у дер. Хотяжи[8]. Это крупное древнерусское поселение (хронологические рамки: конец X — 1-я треть XII в.), расположенное в верхнем течении р. Москвы (площадь ок. 60000 кв. м.). Из находок, обнаруженных здесь, следует отметить обломок скандинавской тордированной гривны, бронзовую скандинавскую же фибулу, со звериной маской в стиле Борре, обрезки куфических монет (дирхемов) IX—X вв., серебряную

подвеску Гнёздовского типа, западноевропейский денарий, отчеканенный в Саксонии во 2-ой половине XI в., серию языческих амулетов, стеклянный браслет киевского производства. В процессе раскопок было расчищено уникальное для данного региона погребение жертвенного коня, в ногах которого найден древнерусский нож раннего типа. Погребения с конями известны главным образом там, где славянское население контактировало с балтскими или финно-угорскими племенами[9].

Таким образом, найденные на территории Москворецкого региона предметы импорта и нумизматический материал указывают на существование здесь водной торговой магистрали, связывавшей верхний участок Великого Волжского пути с бассейном Среднего и Нижнего Поочья.

Анализируя материалы, полученные в ходе изучения селища у деревни Хотяжи, можно утверждать, что обнаруженное поселение является одним из ключевых древнерусских памятников Верхнего Москворечья, без понимания которого невозможно дальнейшее изучение раннего этапа славянской колонизации Западного Подмосковья.

Открытия археологов музея-заповедника вносят существенные коррективы в наши представления о прошлом Подмосковья, редчайшие находки ежегодно пополняют фонды местного музея, который на сегодняшний день является хранилищем бесценных исторических реликвий древней Одинцовской земли.

Примечания

1. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.4. Оп. 1. Д. 24.
2. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.4. Оп. 3. Д. 39.
3. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.4. Оп. 6. Д. 14.
4. Карташова Н.Е., Зубарев В.В. Новые материалы исследований усадебного дома в Захарове // А.С.Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы II Пушкинской научной конференции. Большие Вяземы, 1998.
5. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.3. Оп. 3. ДД. 42, 151.
6. Алексеев А.В. Голицынский клад произведений русского средневекового литья // Троицкие чтения 2003 – 2004 гг. Материалы VII–VIII Троицких чтений. Большие Вяземы, 2004.
7. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.3. Оп. 3. Д. 155.
8. Научный архив ГИЛМЗ А.С.Пушкина. Ф.3. Оп. 3. Д. 156.
9. Прошкин О.Л. О некоторых курганных погребениях Верхнего Поочья и Верхнего Подесенья // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995. С. 117—118.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА А.С.ПУШКИНА

***Н.И. Дровецкая**, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина*

В Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина, учреждённом в первую очередь как литературный музей, до недавнего времени первоочередное внимание уделялось именно литературному направлению исследований. Однако, научным сотрудникам музея всегда был присущ более широкий взгляд на музейную деятельность, включающую и историко-краеведческое направление.

Наш музей, до официального учреждения существовавший на общественных началах, обязан своим рождением группе энтузиастов-краеведов. Один из основателей музея, его первый директор — А.И. Виноградов, краевед и пушкинист, заложил традиции краеведческой работы. Музей-заповедник, всегда привлекавший местных жителей, интересующихся историей своей малой родины, закономерно признан одним из центров краеведческой работы района.

В 2000 г. были проведены I Виноградовские краеведческие чтения, ставшие ежегодными. Эта конференция выявила необходимость использования в краеведческой работе систематических археологических исследований и в результате, одним из направлений научной деятельности ГИЛМЗ А.С. Пушкина стали широкомасштабные археологические исследования, ведущиеся в музее-заповеднике с 2002 года.

Зона археологических изысканий, ограничивающаяся ранее охранной территорией музея-заповедника, была значительно расширена. Увеличение исследуемой площади было обусловлено рядом историко-культурных вопросов, поставленных археологами, поиск ответа

14 Зак. 1971

на которые требовал выхода за узкие границы территории усадеб.

За три года была проделана большая работа по исследованию раннего периода истории Повязёмья и Верхнего Москворечья в целом. В процессе археологических изысканий выявлены новые археологические памятники, обнаружены уникальные предметы материальной культуры прошлых веков, проведены археологические исследования древних курганов, селищ и городищ на территории Одинцовского района. В результате, научный архив музея пополнился ценными исследовательскими разработками и отчётами, которые постоянно востребованы сотрудниками музея-заповедника в их музейной деятельности.

По ряду причин (отсутствие письменных источников, малодоступность специальной археологической литературы и научных отчетов) ранний период истории края был менее всего освещен в популярной краеведческой литературе. Научные сотрудники музея начали работу по систематизации и осмыслению этого чрезвычайно интересного материала[1],который, надеемся, привлечет в музей и ученого-специалиста, и краеведа, и местного посетителя.

В музее-заповеднике разрабатывается большая программа по краеведческой работе с детьми и молодёжью.

В рамках этой программы в 2004 г. в Молодёжном центре «Галактика» был прочитан цикл лекций по истории Москвы и Подмосковья с древнейших времён до XX в., в котором были максимально использованы новые материалы археологических исследований.

По результатам археологических исследований готовится туристско-экскурсионный маршрут по берегам р. Вязёмки «Археологическое наследие Повязёмья»[2].

В течение нескольких лет ведётся целенаправленная работа с трудными подростками, которые оказывают активную помощь в археологических работах. На раскопки у деревни Хотяжи ежегодно выезжает молодёжный экологический лагерь, инициаторами создания которого являются:

— Комитет по делам молодежи Московской области (отдел патриотического воспитания);

— Департамент молодёжной политики Министерства образования РФ;

— Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина;

— Министерство экологии и природопользования Московской области;

— Московская областная общественная организация «Экологический союз Подмосковья».

Организаторы палаточного лагеря ориентируются на проведение конкретных научных исследований, а не просто на обучение ребят и на воспитание у них любви к истории и природе. Программа работы лагеря разработана с таким расчётом, чтобы участники поездки могли получить первичные навыки самостоятельной жизни в полевых условиях, сформировать на практике представление о правилах ведения научно-исследовательских работ, о предмете таких наук, как экология, археология, ботаника, этнология.

Ведущиеся археологические исследования способствуют развитию одного из основных направлений музейной деятельности – сбору, изучению и хранению культурных ценностей.

В результате деятельности археологов музея, фонды ГИЛМЗ А.С. Пушкина пополнились чрезвычайно интересными находками – племенными славянскими украшениями домонгольского времени, бытовыми изделиями, нумизматическими находками, изразцами, уникальными предметами средневековой христианской металлопластики.

В 2004 году научными сотрудниками музея-заповедника на территории района был обнаружен клад, в основе своей состоящий из наперсных православных крестов XIII—XVI вв. На сегодняшний день это самое крупное в России собрание произведений русского средневекового художественного литья в одном комплексе.

Закономерным следствием научного комплектования фондов, а так же изучения и систематизации предметов археологии, является использование археологического материала в экспозиционной деятельности.

В музее-заповеднике в 2004 г., на очередных Троицких чтениях, была открыта экспресс-выставка по материалам Голицынского клада, прошло обсуждение вопросов христианской металлопластики.

В будущем планируется проводить не только небольшие временные выставки по результатам археологических изысканий, но и создать постоянную историческую экспозицию, на которой археологические находки займут достойное место.

Таким образом, развернувшиеся в ГИЛМЗ А.С. Пушкина многоплановые археологические исследования, способствуют укреплению позиций музея в научной среде, привлечению интереса общественности к музейной деятельности, разнообразию в работе с

посетителями.

Примечания

1.Алексеев А.В. К вопросу о путях славянской колонизации Западного Подмосковья // Проблемы истории Московского края: Тез. докладов III научн. регион. конференции, посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья. М., 2002; Алексеев А.В. Охранные исследования Хотяжского комплекса // Археологические открытия 2002 года. М., 2003; Алексеев А.В. Материалы к археологической карте р. Вяземки. // Звенигородский краевед. Вып. 1. М., 2003; Алексеев А.В. Вязёмка: историко-краеведческий очерк // Звенигородский краевед. Культурное наследие Одинцовской земли. Вып. 2—3. М., 2003; Алексеев А.В. Археологические памятники X—— XII вв. в окрестностях Звенигорода // Проблемы истории Московского края: Тез. докладов Iv регион. научн. конференции, посвященной 75-летию Московской области. М., 2004; Алексеев А.В. Работы в Одинцовском районе Московской области // Археологические открытия 2003 года. М., 2004; Алексеев А.В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004; Алексеев А.В. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья // Троицкие чтения 2003 — 2004 гг. Материалы VII — VIII Троицких чтений. Большие Вязёмы, 2004; Смирнов А.Н. Разведки в Одинцовском районе Московской области // Археологические открытия 2002 года. М., 2003; Смирнов А.Н. Разведки в Одинцовском районе Московской области // Археологические открытия 2003 года. М., 2004; Смирнов А.Н. Вязёмы и Вязёмский ям // Проблемы истории Московского края: Тез. докладов IV регион. научн. конференции, посвященной 75-летию Московской области. М., 2004.

2. Научный архив ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Ф. 3. Оп. 3. Д. 91.

АРХЕОЛОГИ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Г.П. Поляков**, к.и.н.,*
Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского

В июле 1918 г. Брянский райсовет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял постановление об образовании Брянской губернии[1]. Через год НКВД РСФСР предоставил исполкому Брянского уездного Совета права губернского исполкома, с распространением его власти на 5 уездов — Брянский, Карачевский, Севский, Трубчевский Орловской и Жиздринский Калужской губернии[2]. Официально Брянская губерния была образована согласно декрета Совнаркома РСФСР 1 апреля 1920 г.[3].

Это административно-территориальное образование, предшественница нынешней Брянской области, просуществовало до 1 октября 1929 г., когда вошло в состав Западной области РСФСР[4].

То время было, вне сомнения, «золотой десятилеткой» для советского краеведения в целом и его археологического отряда в частности[5]. Целью данной работы является введение в научный оборот документальных материалов о деятельности брянских краеведов-археологов, трудившихся в тот период в местных музеях и учебных заведениях. К настоящему времени нам удалось выявить в архивах сведения о пяти лицах, занимавшихся археологическими изысканиями на территории Брянской губернии и постоянно там проживавших. Об одном из них – Сергее Сергеевиче Дееве (1874—1943) — выдающемся брянском краеведе, археологе, архивисте – неоднократно упоминали брянские историки[6]. В данной работе мы осветим археологическую составляющую его творческой биографии.

Деев Сергей Сергеевич (1874—1943)

Мещанин, родился в Санкт-Петербурге, где закончил Учительский институт (1893 г.) и Педагогические курсы Академии Художеств (1896 г.) Затем в течение почти 20 лет преподавал в гимназиях столицы. В конце 1915 г. переехал в Брянск, где с 1 января 1916 г. занял пост инспектора народных училищ Брянского уезда (до 1 марта 1918 г.) В 1918—1920 гг. возглавлял подотдел искусства при губнаробразе и преподавал в учебных заведениях г. Брянска. В 1919 г. сформировал Брянский госархив, который возглавлял по совместительству до 1 октября 1925 г. С 14 марта 1921 г. по 15 апреля 1930 г. являлся первым штатным директором Брянского губернского музея местного края, который сам и создал. Организатор Брянского художественно-исторического общества (с 6 июня 1920 г.) и губернского бюро краеведения (1924 г.) В июне 1922 г. Деев стажировался в археологической экспедиции у заведующего Орловским музеем П.С. Ткачевского, а в 1923 г. получил «Открытый лист» и

провел раскопки древнерусских курганов у с. Немеричи на р. Ветьме. В 1924 г. он осуществил археологические разведки по берегам рек Десны, Болвы, Ревны и Навли, в ходе которых открыл «верхнее» селище в урочище Чашин курган (посад летописного Брянска). В 1925 г. завершил работу по составлению «Археологической карты Брянской губернии», раскапывал подвалы в бывшем Свенском монастыре (по заданию Брянского губисполкома), открыл первую в Брянской губернии верхнепалеолитическую стоянку у с. Супонево под Брянском. Сергей Сергеевич создал первую полноценную экспозицию (в том числе и по археологии) в Брянском губернском музее, вел активную охранную и методическую работу, касающуюся археологических памятников. Опубликовал в 1925—1928 гг. ряд статей в местной и центральной периодике, подготовил доклад «Курганы Брянской губернии и их внутреннее содержание», который неоднократно читал перед широкой аудиторией в гг. Брянске, Трубчевске, Севске, Клинцах, Жиздре и пос. Дятьково. Объединил и координировал полевые исследования археологов-краеведов Брянской губернии[7]. Уволился из музея 15 апреля 1930, но в 1931 г. ещё представлял его на раскопках Тимоновской верхнепалеолитической стоянки[8]. Каких-либо сведений о занятиях С.С. Деевым археологией в 30-е гг. XX в. в архивах не сохранилось.

Поршняков Георгий Михайлович (1868—1930-е гг.)

Дворянин, уроженец г. Трубчевска, окончил в 1895 г. Лесной институт в Санкт-Петербурге с квалификацией «ученый лесовод». В 1910 г. являлся членом Орловского губернского земства и председателем Трубчевской земской управы. С октября 1917 г. — учитель природоведения в IV классе Трубчевской женской гимназии. Создатель и первый заведующий Трубчевского естественно-исторического и археологического музея (1919 г.) В 1919 г. осуществил обследование городища «Городцы средние» в д. Городцы Трубчевского уезда[9]. В 1924 г. получил «Открытый лист» от Главнауки Наркомпроса, по которому произвел археологические обследования в Трубчевском уезде и открытого в г. Трубчевске подземного хода[10]. В том же году завершил многолетний труд по составлению «Карты памятников старины…Трубчевского уезда», дополненной С.С. Деевым. Они нанесли на карту около 50 памятников археологии, среди которых на р. Десне: городища в с. Лопушь (в устье р. Ловчи), д. Монастырище, с. Арельск, д. Острая Лука, д. Темное, с. Кветунь, с. Селец, д. Сагутьево, г. Трубчевске; курганные могильники у с. Паниковка, с. Милечь, с. Уты (2 группы), с. Рябчевска, д. Монастырище, между д. Острая Лука и устьем р. Посорь (8 групп), Чолнского монастыря (4 группы, известные после как Кветунский курганный могильник), с. Любечь; клад в с. Уручье. На р. Навле Поршняков зафиксировал курганные могильники в д. Алексеевка, д. Святое, д. Салтановка (2 группы), в устье р. Княжи, у с. Глинное. На р. Посорь — городище и клад в с. Рогнедино, курганы и клад в с. Усох, городище в устье Посори, курганы у д. Ильбино (2 группы), клад в д. Аладьино. На р. Неруссе — курганы у д. Чернь, городище и курганы у д. Смелиж, городище и курганы у с. Проханка (рядом с железнодорожной станцией Суземка)[11]. Научное наследие Поршнякова включает ещё три отчёта за 1925, 1926 и 1927 гг. о разведках археологических памятников и раскопках курганов древнерусского времени в Трубчевском уезде[12]. Именно он первым начал археологические раскопки курганов знаменитого Кветунского некрополя[13]. В 1928 г. как «классово-чуждый элемент» Георгий Михайлович был отстранен от работы в музее, а в 30-е гг. репрессирован[14].

Лелянов Николай Иосифович (1893—1938 гг.)

Мещанин, родился в г. Дорогобуже Смоленской губернии. В 1914 г. окончил Рославльскую мужскую гимназию, учился на естественно-математическом факультете Московского университета по специальности «биология», но окончить его из-за революции не успел. Активный участник революционных событий в Смоленске и Москве, до 1917 г. — меньшевик. После службы в Красной Армии по окончании гражданской войны был выслан из столицы как бывший член меньшевистской партии в с. Рогнедино Брянской губернии, где работал учителем. 20 июня 1927 г. вместе с семьей переехал в г. Бежицу (ныне Бежицкий район г. Брянска), где стал учителем фабрично-заводской семилетней школы №1, работая по совместительству в качестве преподавателя Бежицкого рабфака и фельдшерского училища. Член Бежицкого научного общества. В 1927 г. по рекомендации С.С. Деева получил «Открытый лист» и произвел археологическую разведку и раскопки курганов в Дубровской волости Брянской губернии[15].

Принимал участие в раскопках Супоневской верхнепалеолитической стоянки. После ликвидации Брянской губернии, в 1930—1938 гг. Николай Иосифович продолжал заниматься археологией, но в конце 1938 г. был арестован Орловским ОГПУ и расстрелян[16].

Романов Александр Михайлович

Учитель из д. Алексеевки Пролысовской волости Трубчевского уезда. Его привлек к занятиям археологией Г.М. Поршняков. 4 апреля 1920 г. Романов опубликовал в трубчевской уездной комсомольской газете «Порыв» статью «Краткий обзор археологических древностей нашего уезда», где он сформулировал программу археологических исследований и опубликовал результаты своих разведок летом-осенью 1919 г. В Пролысовской волости обнаружил 2 курганных могильника, 2 палеолитических стоянки и селище эпохи Древней Руси у д. Алексеевка, курганные могильники у д. Святое и с. Салтановка (4 группы), неолитическую стоянку у с. Глинное и курган у с. Усох под Трубчевском. В 1925 г. получил свой первый «Открытый лист», после чего произвел археологические разведки в Навлинской волости[17]. В следующем году он вел поиск остатков древних поселений и погребений по «Открытому листу» по р. Навле[18]. К 20 января 1928 г. А.М. Романов открыл 8 стоянок, 73 кургана и одно городище. Кроме разведок, он осуществил раскопки стоянок и курганов в окрестностях его родной Алексеевки (в урочищах Дунец, Кременщина, Самощиков борок). Добытые находки он передал в музеи Трубчевска, Брянска и в Государственную академию истории материальной культуры. Археологические изыскания он продолжал и в 30-е годы[19].

Виноградова А.М.

Летом 1926 г. она подала на имя заведующего Брянским губернским музеем С.С.Деева заявление следующего содержания: «Ввиду того, что я в качестве Вашей сотрудницы в деле исследования Брянской губернии со стороны её памятников древности произвожу обследования (учёт) курганов, городищ, древних стоянок и т.п. памятников, прошу ходатайствовать перед ГубОНО о выдаче мне удостоверения, что мне действительно поручается Брянским ГубОНО предпринять в пределах Бежицкого и Жиздринского уездов обследования…» (20.07.1926. А. Виноградова, Дятьково, Брянская губерния, ул. Фокина для В.С. Смирнова)[20]. 30 августа просимое ею удостоверение было выдано: «Дано Виноградовой А.М. в том, что ей действительно поручается ГубОНО производить в пределах Бежицкого и Жиздринского уездов обследование курганов, городищ и других археологических памятников, имеющее целью их регистрацию… вменяется в обязанность результаты обследования сообщить в Брянский Губмузей. Зав. ГубОНО Козырев, 30.08.1926 г.»[21].

К сожалению, каких-либо других сведений об А.М. Виноградовой и её деятельности на археологическом поприще пока в архивных документах не обнаружено.

В заключении отметим следующее: археологи-краеведы сыграли заметную роль в научной и культурной жизни Брянской губернии. Благодаря энтузиазму и трудолюбию им удалось наладить эффективную работу по сохранению и дальнейшему изучению памятников местной старины. Они продолжили традиции археорегионалистики на западе Орловской губернии 80-х гг. XIX в. — начале XX в.: обнаружили, обследовали, зарегистрировали сотни новых объектов и исследовали десятки археологических памятников. Их научные интересы были сосредоточены на древностях каменного века (палеолита и неолита) и Древней Руси (в основном, на курганах).

Они спроектировали и открыли для посетителей полноценные археологические экспозиции в созданных ими новых краеведческих музеях г. Брянска и Трубчевска. Сохранили от грабительских раскопок и варварского уничтожения сотни выраженных в рельефе памятников — городищ и курганов. Составили археологические карты Брянской губернии и Трубчевского уезда. Большой вклад брянские археологи внесли и в просвещение населения (учащихся и взрослых — горожан и крестьян), популяризируя историко-археологические знания путем проведения экскурсий по музейным экспозициям и археологическим памятникам и чтения докладов на археологическую тематику в гг. Брянске, Трубчевске, Севске, Клинцах, Жиздре и пос. Дятьково.

Усилиями археологов-краеведов на новый качественный уровень была поднята издательская деятельность в губернии (журнал «Брянский край» — три выпуска в 1925—27 гг., цикл публикаций на археологическую тематику в местной и центральной периодической печати). Они руководили археологическими секциями ряда краеведческих организаций, провели несколько губернских конференций по историческому краеведению.

Естественно, при всех достижениях брянских археологов в их работе имелись и недостатки, причём, не только традиционные, присущие брянской археологии вплоть до наших дней (символическое финансирование, слабая материальная база). К таковым относились недостаточная теоретическая подготовка и невысокий методический уровень проведения археологических раскопок.

15 Зак. 1971

Работа археологов-краеведов Брянской губернии, как и многих других краеведов страны к началу 30-х гг. оказалась в разладе с политикой рывка к «светлому будущему», осуществляемому ВКП (б). Они стали представлять опасность для властей не как саботажники, а именно в качестве добросовестных, объективных и энергичных исследователей прошлого своего края. В 30-е годы большинство из них было отстранено от работы, а затем без какой-либо вины оказалось репрессировано ГПУ.

Примечания

1. Государственный архив Орловской области. Ф.1. Оп.1. Д.9. Л.69.

2. Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф.1616. Оп.1. Д.49. Л.117.

3. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М., №26 от 20 апреля 1920 г. Ст.124; Известия ВЦИК. — 1920 г. — 15 апреля.

4. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. — М. №10. Ст. 116.

5. Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. третий. — Курск, 2002. — С.7, 11—13

6. Поляков Г.П. Брянский краеведческий музей в 20—30-е гг. XX в. // 70 лет Брянскому историко-революционному музею. Сборник материалов. — Брянск, 1991. — С.5—6; Он же. Сергей Сергеевич Деев — краевед и археолог // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.4, ч.2 — Киров, 2000. — С.153—156; Он же. Брянский краеведческий музей — региональный центр археологических исследований // Брянской области — 60 лет. Материалы научно-практической конференции. — Брянск, 2004. — С.72—74; Филина О.М. История Брянщины в материалах ГАБО (к 80-летию образования ГАБО) // История Брянщины по документам ГАБО. Материалы научно-практической конференции. — Брянск, 2004. — С.5; Соловьев Ю.П. Метаморфозы на фоне времени (С.С. Деев и создание Брянского краеведческого музея) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. — Брянск, 2004. — С.273—283·

7. Поляков Г.П. Сергей Сергеевич Деев — краевед и археолог // Песоченский историко-археологический сборник. Вып.4, ч.2. — Киров, 2000. — С.153—156.

8. Проблемы изучения древних культур Евразии. — М., 1991. — С.17.

9. Поляков Г.П. Археология в Трубчевском музее Брянщины // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь пятая. Ч.2. — Курск, 2004. — С.28.

10. Архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (далее — Архив ИИМК РАН). Ф.2. Оп.1. №121/1924.

11. Архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1. №131/1925.

12. Там же. №162/1925; №132/1926; №186/1927.

13. Там же. №186/1927; Археологическая карта России. Брянская область. — М., 1993. — С.246.

14. История Брянского края. XX век. Под ред. В.В. Крашенинникова. — Клинцы, 2003. — С.207.

15. Архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1. №200/1927.

16. Чубур А.А. Феномен краеведческой археологии в СССР на примере Брянской области // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в Брянске. — Брянск, 2003. — С.77.

17. Архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1. №185/1925.

18. Там же. 220/1926.

19. Поляков Г.П. Археология в Трубчевском музее Брянщины // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь пятая. Ч.2. — Курск, 2004. — С.28—31.

20. ГАБО. Ф.84.Оп. 1. Д.18. Л.75.

21. Там же. Л. 70

НИКОЛАЙ ЛЕЛЯНОВ — «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН» ДОВОЕННОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

***А.А. Чубур**, к.и.н., Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского*

Гёте писал: «Письма сохраняют, чтобы никогда их больше не перечитывать; в конце концов их уничтожают из осторожности, и так безвозвратно исчезает самое прекрасное, самое непосредственное дыхание жизни для нас и для других». К счастью, не всегда судьба эпистолярного наследия столь незавидна. Выдающийся белорусский археолог Константин Михайлович Поликарпович сумел сохранить для истории свою обширную переписку (Чубур, 2005 б). Благодаря ему, мы можем воскресить незаслуженно забытый образ одного из археологов-краеведов — Николая Иосифовича Лелянова.

Н.И.Лелянов родился в 1893 г. в г. Дорогобуж Смоленской губернии. В 1914 г. он окончил

Рославльскую мужскую гимназию, поступил на физмат Московского университета, но завершить образование из-за революции не удалось. После службы в Красной армии он работал учителем в Рогнедино и Дубровке. Хотя его первые краеведческие опусы были посвящены истории населенных пунктов (Лелянов, 1928, 1932), уже тогда Н.И.Лелянов занялся археологией Подесенья. В 1926—1927 гг. он участвовал в раскопках Супоневской палеолитической стоянки под руководством П.П.Ефименко и Б.С.Жукова. Здесь он познакомился с коллегами из Брянска и Бежицы, в т.ч. с учителем И.Е. Благодатским и с основателем и первым директором Брянского музея С.С.Деевым. И вот 20 июля 1927 г. с женой и сыном Лелянов переехал в г. Бежица (ныне Бежицкий р-н Брянска), став преподавателем фабрично-заводской семилетки №1 и фельдшерского училища. Затем Лелянов, Деев и Благодатский участвовали в раскопках палеолита в Тимоновке вместе с В.А.Городцовым. В 1928 г. Лелянов и сам профессионально провел археологическую разведку, шурфовал городище раннего железного века Зимницкая Слобода, а также Вщиж, отметив, что там целые фундаменты лежат под землей. Высказал он вполне оправдавшееся предположение о том, что городище Чашин курган датируется XI—XII вв. Научный отчет составлен весьма грамотно (Архив ИИМК РАН, ф.2.оп.1,1928, д.200).

Вскоре, с увольнением Деева по политическим мотивам из музея, краеведческое общество в Брянске пришло в упадок. Это был «первый звонок» от властей предержащих, но в Бежице его не услышали. Бежицкий кружок, напротив, превратился в отделение Общества Изучения Западной области (его центр располагался в Смоленске). В 1934—1937 гг. Лелянов был зав. краеведческим кабинетом и секретарем краеведческого кружка в Доме художественного воспитания детей в Бежице. В январе 1936 г. краеведы впервые организовали в Бежице школьную краеведческую конференцию. Немалую роль в жизни и работе Бежицкого отделения Общества сыграла археолог из Смоленского музея Е.А.Калитина (Чубур, 2005а), оказывавшая научно-методическую помощь. В 1936 г. она вела разведки и раскопки на р. Навля, в которых приняли участие бежицкие краеведы, их воспитанники (в т.ч. Ф.М.Заверняев, Е.А. Шмидт) и молодой директор Трубчевского музея В.П.Левенок. Не менее важно было общение с минским археологом К.М. Поликарповичем. Еще летом 1931 г., будучи в Бежице, он осмотрел собранную Леляновым огромную коллекцию археологических и палеонтологических находок, что помогло в организации дальнейших поисков в Подесенье. Два года спустя Лелянов писал ему:

— «Собранный со значительного района материал, хотя и подъемный, мог бы значительно осветить многое, хотя бы в качестве предварительного суждения. Лежит он у меня мертвым грузом в 3-х ящиках. В Брянск передать полагалось бы по самой сути дела, но Брянский музей в очень плачевном состоянии: то, что имеют — не хранят, и даже потеряв… не плачут. Здесь в Бежице музей очень молод и, в сущности, не будет материал научно использован. В Смоленск направить — в Смоленске археология, кажется, не лучше, чем в Брянске. Мне хотелось бы за лето составить каталог археологических памятников для печати (у меня их зарегистрировано за 500). Смоленск имеет в виду составить каталог археологических памятников, но с этим делом у него как будто идет туго. Буду благодарен Вам за совет в этом вопросе. Кстати, производили ли Вы работы на Судости в 1932 году? С приветом, глубоко уважающий Вас Н.Лелянов. P.S. Благодарю Вас за упоминание в своей заметке о моих археологических сборах. Пожалуй, не будет нескромным преувеличением признать, что в нашем крае я располагаю наиболее полными сведениями о местонахождении памятников этого края, а отчасти и о характере их культур. Кстати мною передана работа А.Ф.Палашенкову о неолитических стоянках г. Бежицы, но как будто никакого движения она не получила, хотя написана, по его заключению, интересно. Впрочем, в ней много беллетристики и она годна скорее для пробуждения интереса краеведов к этого рода работе, чем для научной информации». (Лелянов — Поликарповичу, 9.06.1933 // здесь и далее — Юдиновский музей, ф.1, д.49/2). Кстати, в письмах Лелянов упоминал известные ему неолитические стоянки и выше Бежицы по Десне: одна у Сельцо, две под Чернетово, две у Речицы, по одной в Неготино и Лунёво и две у Дятьковичей, отмечая, что часть их открыта его учеником — бежицким школьником Женей Шмидтом. Ныне Е.А.Шмидт — профессор Смоленского педуниверситета, археолог.

К 1936 г. Н.И.Леляновым были учтены уже свыше 700 археологических памятников Подесенья. Среди собранных им древностей были и кости мамонта и бизона, и диоритовая мотыга из Пригородного хозяйства Орджоникидзеграда (так с 1936 г. именовалась Бежица), и даже монета Боспорского царства IV в.н.э. найденная в Бежице на берегу Десны. Необходимо признать: Н.И.Лелянов в 1930-х гг. был лучшим знатоком археологии северо-востока современной Брянской области. В иных обстоятельствах научная сторона его натуры

могла бы раскрыться ещё ярче. «Николай Иосифович мне очень нравится — этот действительно по ошибке не стал археологом-специалистом» — писала Е.А. Калитина (Калитина — Поликарповичу, 06.08.1936 // Юдиновский музей, ф.1, д.89).

Николай Иосифович был необычайно образован. По свидетельству Ф.М. Заверняева, он читал наизусть «Илиаду», имел колоссальную библиотеку, владел латынью, знал историю, геологию, ботанику: мог часами рассказывать о травах, собрал самый полный тогда на Брянщине научный гербарий (600 листов) ставший его дипломной работой в Смоленском пединституте, оконченном экстерном в 1936 году (Заверняев, 1985). Его сын Герман пошел по стопам отца, в том же 1936 г. поступив на смоленский биофак.

Николай Иосифович особо интересовался древнейшим периодом человеческой истории — палеолитом. В 1935 г. под руководством К.М.Поликарповича он участвовал в раскопках стоянки Елисеевичи — одного из ключевых памятников палеолита Десны. Тогда же в Смоленске вышла в свет его статья — первый для Подесенья на обзор тему палеолита, снабженный приложением: сводом находок плейстоценовой фауны (Лелянов, 1935). Другие материалы Лелянова не опубликованы, рукописи утрачены, но по переписке с коллегами можно судить, что его мысли отличались новизной и оригинальностью:

«С большим интересом прочитал о Елисеевичской палеолитической стоянке. Мне думается, широко поставленные на ней работы могут многое прибавить к тому, что уже известно о палеолите Десны. И эта моя уверенность питается убеждением, что на стоянке хорошая сохранность кости. В связи с этой стоянкой выплывает и другой любопытный вопрос: о древнем направлении Десны. Ведь есть предположение, что именно Судость была первоначальным направлением Десны (Десна—Госомка—Судость—Десна)» (Лелянов—Поликарповичу, 9.06.1933). Только в 1960-х гг. геологи Г.И.Горецкий и А.А. Величко рассмотрели вопрос о втором рукаве Десны в плейстоцене. А вот плодотворная гипотеза о характере Куровской стоянки и некоторых других местонахождений: «В Курове лишь скопление костей четвертичных. Между прочим в Титюрях и Левенке Стародуб<ского> района отмечались подобные скопления и раньше. Кажется Вы там были по следам Роговича. Чем объясняют такие скопления? Древняя балка заболоченная и гибель в ней животных? А может быть все же здесь стоянка и Вы попали на ней, что называется, «за околицу» (Лелянов—Поликарповичу, 30.12.1936). Кстати, в области геологии проявил себя и И.Е.Благодатский: он открыл Сещинские гляциодислокации — район, где Днепровский ледник, словно бульдозер, надвинул более древние юрские слои на слои более поздние — меловые. Позже, после войны, проблематику этих краевых ледниковых образований разрабатывал добрый знакомый Лелянова и Благодатского — профессор Смоленского педниститута Д.И.Погуляев. Осторожно Н.И.Лелянов описывал свои находки у села Хотылево, значение которых стало ясным только спустя три десятилетия: «По правому берегу между Хотылевским городищем «Кудеяр» и дер. Сельцо при оползнях дернины на откосах весной обнажаются скопления кремня в большом количестве и между обломками встречаются орудиеподобные формы с ретушью, но я толковал это как псевдоретушь и псевдоорудия» (Лелянов—Поликарповичу, 30.11.1936). «Место между Хотылевым и Сельцо, отмечаемое Вами, как стоянка, я посещал раза два. Летом 1933 г. мною здесь подняты были 3 кремня, которые я не рискнул считать орудиями, хотя они имели вид пластин и скребка. Показывал их В.А.Городцову, и он посчитал возможным отнести их к продуктам челов. деятельности. К сожалению, при последующем посещении я не установил культурного слоя» (Лелянов—Поликарповичу, 17.12.1936) В 1958 г. ученики Лелянова — Ф.М.Заверняев и Е.А.Шмидт — доказали наличие в Хотылево уникального раннепалеолитического местонахождения. Ныне там известно уже около 20 стоянок эпохи палеолита.

В 1935 г. Обществом по изучению Западной обл. было проведено 103 геологических и туристических похода с участием 3000 рабочих, колхозников, учителей и учащихся. Из них 32 — под руководством Благодатского и Лелянова. Среди походов 1936 г. была разведка по Болве, от Песочни до устья, со сбором геологических, ботанических и археологических материалов. Николай Иосифович отмечал особенности Болвы в археологическом отношении: «не нашел на дюнах кремневой индустрии вовсе... на дюнах зато попадаются городища типа болотных городищ Лявданского А.Н. с шамотной лепной со слабым отгибом керамикой плохого обжига». (Лелянов—Поликарповичу, 30.11.1936).

В мае—июне 1937 г. Е.А.Калитина при участии Е.А.Горюновой и К.М. Поликарповича на средства фасонолитейного завода исследовала городище раннего железного века Торфель, мешавшее расширению заводской территории. Бежицкие краеведы составили костяк экспедиции. Калитина так комментировала эти работы: «Так как ни один «знатный археолог» не захотел ехать сюда, то работаю я пока с Леляновым, а в дальнейшем с местными

краеведами и Женей Шмидт и Ко из актива ребят-краеведов Дома Пионеров. Конечно, не будет блестящих результатов, которые были бы при условии участия «звезд» археологии Ленинграда, Москвы и Минска, но раз начата работа — она будет окончена...» (Калитина—Поликарповичу, 5.05.1937 // Юдиновский музей, ф.1,д.89). После завершения раскопок Лелянов самостоятельно раскопал несколько курганов:

«4 июня закончили работу на городище. 5 и 7-го занялись раскопками курганов наиболее близко расположенных у городища. Одна группа у старицы Орлик выше по течению на том же левом берегу, в том месте, где оканчивается лука долины (в центре этой луки находится городище). В этой группе 3—4 удлиненных курганов. Курган, раскопанный нами, имел 14 м в длину и 6 в ширину, высота около 0,5 м. На уровне грунта обнаружили 4 параллельных черных углистых пятна 3х1,4 м каждое. Во всех пятнах кусочки углей, бересты и мелких пережженных легко распадающихся костей, а также отщепы кремня, видимо занесенные с землей в насыпь (на Орлике — стоянка). Особенно интересно пятно № 2, в нем обнаружено целое кострище с очень большими плахами и следы черепов (но чьих?), а дальше следы от трубчатых костей и все это в чрезвычайно раздробленном виде. Кстати сказать, в соседнем такой же длины кургане такие же черные пятна, те же находки. Но среди костей посчастливилось найти определенно обломок человеческой кости. Керамика не совпадала с керамикой Торфеля по тесту и подмеси, а какая у горшка с косыми вдавливаниями параллельными. Во второй группе у Холодильника в черте города раскопали курган и докончена раскопка кургана, начатого Городцовым. В первом на уровне грунта на расстоянии 1,3 м друг от друга два поставленных на плоское дно горшка с мелкими костями внутри (немного), а в одном из них – кремень. Никаких углистых пятен нет, размер 6х7х0,4 м. В нераскопанной части кургана, что рыл Городцов, на уровне грунта частично врыты в него 5 горшков: 4 по углам, один — посредине. У центрального зольное пятно. Городцов же находил при раскопке мощный углистый слой и обломки керамики. Посуда в обоих курганах толстостенная (до 10 мм) без орнамента, с примесью дресвы, лепленная. В третьем кургане мною раскопанном — небольшая урночка менее толстостенная ниже грунта, в ней кремни, а самая насыпь буквально уснащена керамикой (и при этом разнообразно орнаментированная, с преобладанием круглоямочных вдавлений). Остался в этой группе курган лишь один, поверхностно тронутый уже местным населением. В ГАИМК на днях написал о листе. <...> Будьте здоровы, с приветом Н.Лелянов. P.S. Буду Вам благодарен, если передадите привет Александру Дмитриевичу Ковалене и познакомите его с результатами наших раскопок курганов. Ящиков оказалось с раскопок 130 и пудов в них столько же» (Лелянов — Поликарповичу, 9.06.1937).

Казалось, начавшаяся по всей стране с 1930 г. волна репрессий против региональной науки, чудесным образом обходят Бежицу — убежище «последних из могикан» советского научного краеведения. Тем неожиданней наступила трагическая развязка. 10.06.1937 Совнарком РСФСР издал постановление, ликвидировавшее центральное и местные Бюро краеведения и признававшее их деятельность нецелесообразной. Вскоре оборвалась и судьба самих бежицких краеведов: Н.И.Лелянов и И.Е.Благодатский были арестованы Орловским ОГПУ по пресловутым «Сталинским спискам» и расстреляны без суда 12.09.1938, как «враги народа» (Архив Президента РФ, ф.3, оп.24, д.418, л.206).

Литература

Заверняев Ф.М. Жаром души, глубиной знаний // Брянский рабочий от 21.08.1985.

Лелянов Н.И. Заметки о прошлом станционного поселка Дубровка (Бежицкий уезд) // Брянский край. Вып.2. Брянск, 1928. С.93-104.

Лелянов Н.И. Цементный завод у р. Болвы. Смоленск. ГОНТИ. 1932.

Лелянов Н.И. Палеолитический человек на территории Западной области // Геология и полезные ископаемые Западной области. Смоленск, ГОНТИ, 1935.

Чубур А.А. Елизавета Арсеньевна Калитина // Российская археология, 2005. — № 2.

Чубур А.А. О судьбе архива археолога К.М.Поликарповича // Отечественные архивы, 2005. — № 2.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «ОРЛОВСКОЕ ПОЛЕСЬЕ». (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

***Л.Н. Красницкий, А.С. Минаков**, к.и.н., Орловский государственный университет*

Национальный парк «Орловское Полесье» расположен на территориях Хотынецкого, Знаменского и частично Болховского районов Орловской области. Это особо охраняемая

природная территория для различных представителей животного и растительного мира области. Одновременно с этим территория парка представляет интерес в отношении исторического прошлого, изучение которого расширяет горизонты исследований актуальных вопросов государственного строительства и этнической истории России.

Первые сведение об археологических памятниках парка — городище и курганах у с. Хотимль — были опубликованы А.Г. Пупаревым[1]. После него археологические разведки по р. Вытебети проводил археолог и краевед В.Р. Апухтин. Он обследовал небольшими по площади раскопами городище у д. Радовище и одну из четырех насыпей курганного могильника вдоль дороги от этой деревни до д. Старое[2]. Единственный курган, раскопанный В.Р. Апухтиным в 1902 г., был датирован по найденной в нем коньковой бронзовой подвеске XI—XIII вв.[3].

С 50-х гг. XX в. археологической экспедицией Института археологии АН СССР в междуречье рр. Вытебети и Нугри были открыты новые и заново обсследованы ряд уже известных памятников. И.К. Фролов паспортизировал городища Хотимль-Кузменково и Радовище, открыл шесть селищ по р. Вытебети и у дд. Булатово 1-е и Большая Михайловка, а так же одиночный курган в д. Низина. Исследования показали, что курганы, указанные А.Г. Пупаревым у городища Хотимль-Кузменково, полностью распаханы[4].

Поиск И.К. Фроловым в 1973 г. курганного могильника, открытого В.Р. Апухтиным между дд. Радовище и Старое, закончился ошибкой исследователя. За могильник В.Р. Апухтина из четырех насыпей (одна была раскопана) был принят объект в 1,5 км от д. Радовище по дороге к с. Льгов. На участке 320х280 м И.К. Фролов насчитал 22 насыпи высотой от 0,5 до 2,3 м, раскопок которых не проводилось.

В 90-е гг. XX в. охранные работы и инвентаризацию археологических памятников Хотынецкого и Знаменского р-нов, осуществлял археологический отряд НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Орловской обл. В ходе инвентаризации одиночный курган у д. Низина Знаменского р-на не был обнаружен[5]. Охранные работы по церкви в с. Льгов выявили, что она была воздвигнута на месте селища XVI—XVIII вв., полностью разрушенного постройкой[6].

В 2003—04 гг. археологический отряд Орловского краеведческого музея проводил исследования городища Радовище и его окрестностей по дорогам на с. Старое и с. Льгов. Поиск курганного могильника В.Р. Апухтина от дороги Радовище — Льгов показал, что вся левая сторона дороги от опушки леса до д. Старое в результате рекультивации последних десятилетий превратилась в песчаные карьеры, поверхность которых выровнена и содержит редкие лесонасаждения. Следов насыпей курганов нет, подъемный материал представлен кремневыми отщепами и фрагментами гончарной керамики XVI—XVII вв. Вероятно курганный могильник в 1902 г. полностью разрушен.

Разведка по дороге Радовище — Льгов, показала, что по сторонам дороги в 1 км от Радовища к Льгову, в лесном массиве, находятся десятки морено-дюнных возвышенностей разной внешней формы и высоты, часть которых имеет полусферическую форму, округлое основание, диаметром 10—20 м при высоте 1,5—3 м. Несколько вскрытых насыпей содержали светло-белый песок, лежащий на песчаном материке темно-желтого света, без следов деятельности человека. Таким образом, И.К. Фролов ошибочно принял морено-дюнные «курганоподобные» насыпи за курганы XI—XIII вв.[7].

Подводя итоги, можно констатировать, что на территории парка на 1 января 2005 г. нет известных археологических памятников каменного и бронзового веков. Не зафиксированы и грунтовые погребения ранее XII—XIV вв. Все известные курганы и курганные могильники разрушены. Известны два городища: Радовище (2-й пол. I тыс. до н.э.), Хотимль-Кузменково (XI—XIII — XIV—XVII вв.) и шесть селищ по поречью р. Вытебети. Селища обследованные только рекогносцировочной разведкой И.К. Фролова в 1973 г., имеют культурный слой 0,2—0,4 м. Их датировка производилась по находкам лепной керамики — от 2-й пол. I тыс. до н.э. до X в. Селища неоднородны по культурной принадлежности (верхнеокская, мощинская, почепская, роменско-борщевская культуры). Учитывая редкость населения этих территорий в ранние эпохи, бедность региона археологическими памятниками вызвана, вероятно, кратковременностью разведок и их ненаправленностью на «сплошной» поиск объектов всех типов и эпох.

На основании перечисленных результатов археологических исследований территории парка, обозначим перспективы их продолжения. Они видятся нам в двух направлениях. Во-первых, это поиск поселений каменного и бронзового веков. Например, неолитические памятники известны по соседним областям близ границ парка[8]. Случайные же находки каменных неолитических орудий по течению р. Вытебети говорят о наличии неолитического населения на территории парка[9]. Возможно, регион парка, богатый болотами и лесами[10], был позднеолитическим «островом» верховий р. Оки, чем в какой-то мере объясняется отсутствие по территории парка памятников бронзового века. Между тем, памятники культур бронзового века (среднеднепровской, фатьяновской, сосницкой и абашевской) известны по брянскому течению р. Десны, калужским поречью р. Рессеты и истокам р. Жиздры[11].

Другим перспективным направлением является изучение ранней этнической истории верхнеокского региона. Водораздел рр. Оки и Десны был контактной зоной верхнеокских балтов с родственными им деснинскими балтами юхновской культуры[12]. Проживали балты на селищах близ своих земледельческих полей и на укрепленных городищах. Из поселений верхнеокских балтов раскопками исследовались в основном лишь городища. В этом смысле интересен вопрос — могли ли быть оба городища, известные на территории парка, племенными центрами.

Городище Радовище, расположенное на верхней части болотного острова, было городищем-убежищем окрестного населения в случае военной опасности. На нем постоянно проживало немного жителей, что подтверждается малой мощностью (до 0,2 м.) культурного слоя. В мирное время оно являлось культовым центром, в котором постоянно находились лишь жрецы и другие отправители культовых обрядов, не занимавшиеся постоянно хозяйственными делами. Дальнейшие исследования, как городища, так и его окрестностей, весьма перспективны. Установлено, что городища верхнеокских балтов обычно располагались гнездами — по 2—4 поселения в радиусе 3—6 км[13]. Известно подобное «гнездо» по мценскому течению р. Оки[14]. Можно надеется, что «одиночество» городища Радовище вызвано в основном необследованностью прилегающей территории.

На рубеже VII—VIII вв. территорию парка заняли восточные славяне ромено-борщевской культуры. Один из племенных союзов славян – вятичи ассимилировали мощинцев и продвинулись вниз по течению р. Оки. Возможно, что в конце VIII—нач. IX вв. орловское течение р. Оки входило в регион Русского (Южного) каганата — раннегосударственного образования, предшествовавшего Древнерусскому государству[15]. Фактическое вхождение вятичей в состав Древнерусского государства затянулось до кон. XI в. В первой половине XI в. Земля вятичей по Верхней Оке с юга, запада и севера была окружена регионами, достаточно освоенными киевскими князьями. Однако вятичи, выплачивая дань, в какой-то мере сохраняли внутреннюю автономию. После смерти Ярослава Мудрого Земля вятичей вошла в удел черниговских князей, которым пришлось вести борьбу с сепаратизмом обитателей дремучих лесов Верхней Оки. Владимир Всеволодович Мономах в своем «Поучении» сообщал: «А в Вятическую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходил первую зиму»[16]. Т.Н. Никольская, ссылаясь на летопись датирует эти походы 1096 г[17]. однако Владимир Мономах в 1094 г. был осажден в Чернигове свои двоюродным братом Олегом Святославичем, который привел на Русь половцев. Поэтому Владимиру Мономаху пришлось оставить Чернигов и уйти в Переяславль (Южный). Вероятно его походы на племенного князя вятичей — Ходоту и на Корьдно были совершены в середине 80-х гг. XI в.[18].

Сегодня ни археологическими исследованиями, ни письменными источниками предполагаемый племенной центр вятичей — Корьдно не локализован. Поэтому изучение городища Хотимль-Кузьменково вполне может осуществляться в данном направлении. По археологической классификации Хотимль-Кузьменково относится ко II типу городищ[19]. По местоположению – к известным на Орловщине пойменно-болотным городищам[20]. По размерам, мощности оборонительных сооружений и находкам, Хотимль-Кузьменково относится к городищам городского типа — так называемым городам-замкам, выявленным на Орловщине Т.Н. Никольской[21].

По размерам площадки (200х170 м) — это крупнейшее из известных городищ области, по мощности оборонительных сооружений (высота вала до 5 м, глубина и ширина рва (по

данным 1877 г. до 9 м) оно одно из наиболее укрепленных. Крупный источник питьевой воды играл большую роль при его длительной осаде. Примыкающие с юга болото, затрудняло полную блокаду городища.

Еще одна особенность вытекает из географического местонахождения Хотимль-Кузьменково в болотистой пойме левобережья р. Вытебети близ ее истоков. Помимо болотистого поречья, на западе подступы к городищу прикрывают не менее болотистые поречья правых притоков: рр. Рессеты, Песочны и Обельны; на юге истоки р. Лубны; на востоке истоки р. Нугри. Вероятно в XI—XIII вв. Хотимль-Кузьменково было наиболее доступно зимою — по льду рек и ручьев. Данное обстоятельство выдвигает это городище в число претендентов на топоним «Корьдно» — «стол» вятического князя или предводителя Ходоты.

Примечания

1. Пупарев А.Г. Древние городища и курганы в Орловской губернии //Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. I. Орел., 1877. С. 72—73.
2. Апухтин В.Р. Отчет за 1902 г. //Архив Орловского краеведческого музея (Архив ОКМ).
3. См.: Археологическая карта России. Орловская область М., 1992. С. 73. №229.
4. См.: Пупарев А.Г. Указ. соч. С. 73. А.Г. Пупарев тоже отмечал их сильное разрушение распашкой.
5. Асеев А.М. Отчет за 1992 г. //Архив НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Орловской области.
6. Красницкий Л.Н., Борнякова Т.Г. Археологическое прошлое «Орловского Полесья» //Тургеневский ежегодник 2001 г. Орел, 2002. С. 98—106.
7. Краснощекова С.Д. Отчет за 2003 г. //Архив ОКМ.
8. Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991. С. 42-48; Археология Калужской области. Калуга. 1999. С. 115, 124—132.
9. Археологическая экспозиция //Литературно-краеведческий музей с. Ильинское Хотынецкого р-на Орловской обл.
10. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 36—41, 58—63, 106—112.
11. Археологическая карта России. Брянская область. М., 1992. С. 12-14; Археология Калужской области … С. 140—150.
12. Археологическая карта России. Орловская область … С. 11—12.
13. Археология Калужской области. … С. 163.
14. Археологическая карта России. Орловская область … С. 56-57. №- 155—156, 165.
15. Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 50—82.
16. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет //Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1962. Ст. 248; См. также. Поучение Владимира Мономаха //«Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 159.
17. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 120.
18. Хрестоматия по истории Орловского края. Т. I.. Орел., 1966. С. 14.
19. Древняя Русь. Город, замок, село. //Археология СССР. М., 1985. С. 39—40.
20. Красницкий Л.Н. Типология и датировка городищ лесной полосы Орловской области //Деснинские древности — III. Брянск, 2004. С. 102—105.
21. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981. С. 74—77.

ОСОБЕННОСТИ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОРОДОВ, ВОЗНИКАВШИХ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ ОКИ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.И. Евина, *к.г.н., Институт географии РАН*

Изучаемая территория располагается в центре Русской равнины в бассейнах двух главных рек России: Волги и Оки. При этом большая часть территории принадлежит к бассейну Оки. В период средневековья здесь возникло Московское княжество, а впоследствии начало формироваться централизованное Русское государство.

Бассейн верхней и средней Оки хорошо изучен в географическом, геоморфологическом и археологическом отношении, но ранее здесь не проводились региональные эколого-геоморфологические исследования исторических местообитаний.

Были рассмотрены 248 средневековых городов и укрепленных поселений с различными функциями, возникших в бассейне верхней и средней Оки в период с VII по XVII вв., большая часть которых в настоящее время представляет собой городища.

Согласно разделению, принятому историками, период средневековья разделяется на 4 отрезка: VII в., VIII—X вв., XI—XII вв., XIV—XVII вв. (1). Первые три соответствуют этапам славянской колонизации бассейна верхней и средней Оки, а в период позднего средневековья XIV—XVII в.в. происходило объединение земель и формирование Русского централизованного государства. Изучаемые городища объединены в группы по этим временным этапам

В эпоху средневековья в бассейне Верхней и Средней Оки происходили изменения климата (2, 3), и между периодами похолоданий и снижением активности строительства городов отмечается прямая зависимость. Сравнительный анализ климатических характеристик городов Русской равнины показал, что для них характерны наиболее оптимальные, соответствующие санитарным нормам, климатические показатели. При этом по данным А.Н. Кренке (4) бассейн Оки по сумме активных температур и агроклиматическим условиям относится к комфортной зоне проживания, а бассейн Волги — уже к относительно дискомфортной.

Большая часть городов расположена на склонах восточных экспозиций (навстречу солнцу) и с подветренной стороны, что показывает, что наши предки умели выбирать наиболее комфортные климатические условия.

Местности, которые избирались для средневековых городов, отличались достаточной расчлененностью, позволявшей наилучшим образом обеспечить безопасность, но при этом не являвшейся непреодолимым препятствием, так как, кроме безопасности, необходима и доступность, т.е. связь с другими населенными пунктами (5). Для городов характерны умеренные абсолютные высоты.

Для этих территории бассейна верхней и средней Оки наиболее типичным экзогенным процессом является эрозия. Тем не менее, большая часть городов тяготеет к районам со слабой или средней интенсивностью эрозионных процессов.

Подавляющее большинство укрепленных поселений эпохи средневековья (сто пятьдесят шесть из двухсот сорока восьми) приурочены к долинному комплексу. Они располагаются на различных уровнях надпойменных террас (далее—НПТ). Наиболее распространенным является расположение городища на 2 НПТ (21%), на 1 НПТ 19% и на 3НПТ 16%. К уровню поймы привязаны 5% городищ, на 4 НПТ (она на исследуемой территории прослеживается только у долины р. Ока) находится 1% от общего числа городищ. На коренных берегах расположено 37% городищ.

Максимальное количество городищ, возникших в первом периоде освоения славянам бассейна Верхней и Средней Оки, расположено в долинных комплексах, суммарная доля их составляет 76%.Наиболее распространенным является расположение на первой надпойменной террасе (26%), далее следуют вторая (21%) и третья (19%) надпойменные террасы. К уровню поймы привязано 9% городищ, это самый высокий показатель за эпоху средневековья.

Городищ второго периода славянской колонизации насчитывается всего десять, интересно, что девять из них возникли на новых, ранее не освоенных местах. Пять городищ располагается на первой надпойменной террасе, одно на второй надпойменной террасе, четыре на коренных берегах.

Третий период славянской колонизации: доля городищ, расположенных в долинных комплексах снижается (54%). Больше всего городищ возникало на второй надпойменной террасе (20%) и на третьей (17%).

Во время четвертого этапа проходило объединение земель вокруг Москвы. Среди укрепленных поселений, расположенных в долинных комплексах, как и на предыдущем этапе, максимальное число привязано к уровню второй надпойменной террасы (30%). Однако, в этот период снижается доля городищ, расположенных на пойме (3%) и третьей надпойменной террасе (9%) Доля городищ, приуроченных к коренным берегам, составляет 45%.

Была предпринята попытка проследить связь функциональных особенностей городищ на примере крепостей с определенными элементами и типами рельефа. Полученные данные показывают, что практически все известные крепости расположены по берегам рек Оки и ее притоков, где проходили западные и южные границы Руси. 54% крепостей располагаются на коренных берегах, по 22% на 2НПТ и на 3НПТ. Крепости, характеризует возвышенное местоположение, приуроченность к моренным слабо- и среднерасчлененным полого-волнистым холмистым равнинам, моренным сильнорасчлененным холмистым равнинам и моренным эрозионным возвышенным равнинам.

Исходя из данных по условиям местоположения, нами было предварительно выделено

пять типов геоморфологических обстановок для крепостей: мысовая, останцовая, овражно-долинная, междолинная и пойменная.

Самыми освоенными геоморфологическими областями являются Среднерусская (94) и Смоленско-Московская 75 возвышенности.

В VII в. наибольшее количество городищ находилось на Смоленско-Московской, Среднерусской возвышенностях и Москворецко-Окской равнине, в VIII—X в.в. городища возникали только на Среднерусской возвышенности и Москворецко-Окской равнине. В XI—XIII в.в. наиболее освоенными оказались Среднерусская и Смоленско-Московская возвышенности. В период позднего средневековья (XIV—XVII в.в.) больше всего укрепленных поселений существовало в северной части Среднерусской возвышенности.

Многие славянские и древнерусские городища возникали на ранее освоенных местах. Практически все укрепленные поселения первого этапа славянской колонизации наследуют поселения раннего железного века. В дальнейшем количество унаследованных поселений уменьшается.

Несмотря на массовость первого этапа славянской колонизации, только три городища (около 3% от общего числа) расположены на территории современных городов (Дубна, Коломна, Пущино).

На втором этапе освоения, в VIII веке, на изучаемой территории появляются первые славянские города: Старая Рязань, Таруса, Перемышль, Лобыньск, Волконск. До настоящего времени существуют города Таруса и Перемышль (Калужская область).

Двадцать три города существуют с XI—XIII в.в.

Среди укрепленных поселений, возникших в период позднего средневековья (XIV—XVII в.в.), на настоящий момент статус города сохраняют 7 городов.

Большинство городов, унаследовано развивающихся с эпохи средневековья приурочены к Смоленско-Московской (11 городов) и Среднерусской возвышенностям (12 городов).

Хотелось бы обратить особенное внимание, что практически везде неподалеку от городищ сохранились населенные пункты — села или деревни.

Проведенные исследования позволяют сделать ряд выводов:

1. Междуречье Оки и Волги (левобережье Оки) по комплексу физико-географических и геоморфологических характеристик отвечает комфортным условиям (санитарно-гигиеническим, инженерным и экологическим) для жизни славянского этноса. Вероятно, эти условия можно считать, говоря словами Льва Николаевича Гумилева соответствующими представлениям этноса о «цветущем крае».

2. В VII—XVII в.в. на изучаемой территории господствующим являлось положение городищ в долинах рек.

3. На протяжении средневековья менялись требования к местоположению укрепленных поселений: для каждого периода характерны свои, наиболее предпочтительные, элементы и типы рельефа для возникновения городищ.

4. Унаследованное развитие городов с VII в. и до наших дней отмечается на тех территориях, которые не только по социально-экономическим, но и по геоморфологическим условиям отвечают комплексу требований (безопасность, доступность, здоровье, ресурсы, привлекательность). Самыми освоенными геоморфологическими областями являются Среднерусская и Смоленско-Московская возвышенности, они обладают широким спектром характеристик местоположения, которые предпочтительны для возникновения различных по своему назначению городищ.

Литература

1. Археологическая Карта России под редакцией Ю.А. Краснова Московская область т.т.1—4, Калужская область, Рязанская область т.1, Тульская область т.1 // М.: Изд-во ИА РАН, 1992—1998.

2. Климанов В.А. Изменение климата Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене и его естественное развитие//в сб. Палеогеография (итоги и пути развития) М.: Изд-во ИГ РАН, 2002.— С. 241.

3. Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. 1995.—№ 1.— С. 89—96.

4. Золотокрылин А.Н., Канцебовская И.В., Кренке А.Н. Районирование территории России по степени экстремальности природных условий для жизни // Известия АН СССР Серия географическая. 1992—№2.— С.16—30.

5. Лихачева Э.А., Тимофеев Д.А., Жидков М.П., Липец Ю.Г., Маккавеев А.Н. и др. Город-экосистема. М.: Медиа-ПРЕСС.— 640 с.

НАХОДКА СОСУДА ДЛЯ БЛАГОВОНИЙ НА ЛЮШИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Г.Ю. Стародубцев, *Курский государственный областной музей археологии*

Люшинский археологический комплекс состоит из городища и двух поселений (Люшинского и Городенского) и расположен на мысу правобережной террасы р. Сейм в 0,4 км к СЗ и в 0,1 км к С от с. Люшинка Льговского района Курской области [1]. Первое упоминание о городище встречается в «Указателе городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии» [2. С. 161—162]. В 1960-е гг. комплекс обследовался Ю.А. Липкингом [3. С. 137; 4. С. 188], в 1980 г. — П.Г. Гайдуковым [5. С. 13—15]. По данным проведенных обследований городище интерпретировалось как многослойный памятник, датирующийся 2 половиной I тыс. до н. э., IX—X вв. и XII—XIII вв. н. э., поселения — как памятники, содержащие культурные напластования X—XI и XI —XV вв. Мысовая часть городища значительно повреждена окопами времен Великой Отечественной войны. В 1950 — 1960-х гг. площадка городища распахивалась под огороды местными жителями. В настоящее время ее центральная часть разрушается современным кладбищем. Западная часть Люшинского поселения уничтожена карьером по добыче песка.

В 2000 г. экспедицией Курского государственного областного музея археологии были проведены охранные исследования на городище и Люшинском поселении. В ходе работ на городище было вскрыто 243 м 2, в западной части поселения — участок площадью 40 м 2. Раскоп 1 (56 м 2) располагался в восточной части площадки городища, раскоп 2 (187 м 2) — в западной.

В раскопе 1 были выявлены ямы 1, 7, 10, 11, относящиеся к древнерусскому времени. В квадрате В 10 было зафиксировано безинвентарное детское погребение в неглубокой могильной яме (0,36 — 0,4 м от современной дневной поверхности) ориентированное головой на З. В связи с тем, что погребение располагалось в культурном слое, очертания могильной ямы проследить не удалось. Рядом с ним обнаружен железный ключ, относящийся, возможно, к погребению. В связи с отсутствием инвентаря датировать погребение в настоящее время затруднительно. Скорее всего, данное захоронение на городище было произведено уже после прекращения на нем активной жизнедеятельности.

В северной части раскопа 2 была обнаружена наземная постройка 1, датирующаяся второй половиной XI — XII вв., пол которой был вымощен прослойкой из мелкого мергеля. Вдоль стен шли столбовые ямки. Эта постройка перекрывала собой сооружение 4 полуземляночного типа в форме неправильного прямоугольника размером 4,8 х 2,2 м с ямой в ее центральной части. Это сооружение датируется второй половиной X — первой половиной XI вв. и погибло, вероятно, при пожаре. Кроме того, были обнаружены ещё две подпрямоугольных постройки полуземляночного типа: одна — с погребом в южной части и глинобитным очагом в юго-западном углу (№ 7), вторая (№ 5)— с выносным очагом, располагавшимся в 0,2 м к югу от постройки; а также хозяйственные ямы 2—6, 8, 9. В некоторых из них (яма 2, 3) были обнаружены скопления лепной роменской керамики. Остатки многих сооружений имеют следы пожара. Помимо перечисленных в центральной части раскопа 2 была открыта округлая в плане яма диаметром 10 м, конусообразно сужающаяся к своему центру, с довольно однородным заполнением (постройка 8). Назначение данного сооружения и его датировку в настоящее время определить затруднительно, так как, во-первых, практически отсутствует датирующий материал (незначительное количество керамики в данном случае позволяет предположительно датировать сооружение концом XI — серединой XII вв.), во-вторых, оно не было вскрыто полностью. Мы условно считаем ее остатками водосбора.

Значительное число обнаруженных на городище сооружений и находок относится к роменскому периоду его существования. Следы жизнедеятельности на городище в древнерусское время представлены наземной постройкой 1, ямами 1, 7, 10, 11 и, главным образом, керамикой, а также другими немногочисленными находками (обломками стеклянных браслетов, железными ключами и др.). Культурного слоя, датирующегося I тыс. до н. э., не зафиксировано. Немногочисленные остатки материальной культуры, относящиеся к эпохе бронзы и раннему железному веку, представлены находками фрагментов керамики.

На поселении удалось обнаружить частично разрушенную карьером сгоревшую подпрямоугольную постройку, ориентированную углами по сторонам света, с погребом в

восточном углу, а также две хозяйственные ямы. Датировать их можно XII в. При осмотре поселения в осыпи карьера был собран подъемный материал, среди которого были изделия из бронзы и железа — прямоугольная нательная иконка с изображением распятого Христа, орнаментированная поясная накладка, обломок поясной пряжки и весовая гирька.

В ходе исследования городища в квадратах В 10 — Г 10 была выявлена овальная в плане хозяйственная яма размером 2,66 х 1,78 м. При этом необходимо отметить, что своим западным краем яма уходила в бровку. Поэтому истинный ее размер по линии З—В несколько больший. Прирезка раскопа не осуществлялась из-за близости современных могил. По керамическому комплексу яму можно предположительно датировать концом XI—XII вв.

В ходе разборки ямы были выявлены ее форма и прослойки заполнения. В ее верхней части находился перемешанный слой почвы толщиной 0,44—0,46 м. Под ним — слой серо-желтой глины толщиной 0,12—0,2 м (пласт 2). Лежащий под ним слой перемешанной почвы с угольными вкраплениями толщиной 0,06—0,1 м (пласт 3) перекрывал угольную прослойку, состоящую из мелких угольков с отдельными крупными углями, толщиной 0,02—0,05 м (пласт 4). Под ней находился слой темно-серого суглинка с угольными вкраплениями мощностью 0,43—0,66 м (пласт 5), в котором зафиксировано небольшое количество рыбьей чешуи. Этот слой полностью перекрывал прослойку рыбьей чешуи толщиной 0,01—0,02 м (пласт 6), лежащей на придонном слое серого суглинка с содержащего вкрапления мелких угольков и древесного тлена мощностью 0,13—0,23 м (пласт 7).

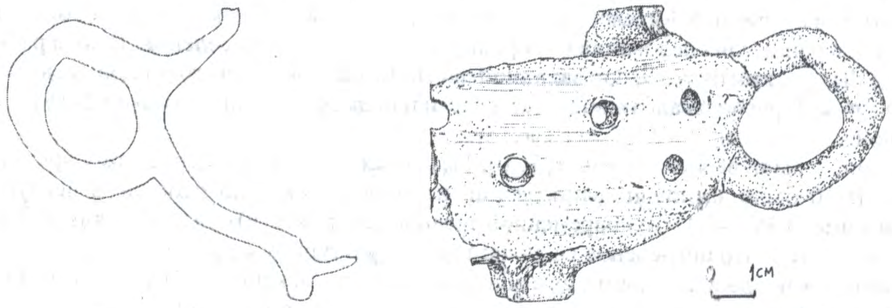

Рис. 1. Фрагмент сосуда для благовоний.

В этом слое в центральной части ямы была зафиксировано значительное количество обломков мергеля, являющихся, судя по всему вымосткой дна ямы. При этом необходимо отметить, что для придания устойчивости под отдельные куски мергеля были подложены обломки керамики, а некоторые были обработаны. К числу индивидуальных находок, обнаруженных в яме, относятся заготовка пряслица из стенки кругового сосуда орнаментированного линейным орнаментом, ручки сосудов, фрагменты донышек с клеймами и обломок сосуда для благовоний (рис. 1).

Сосуд представляет собой чашу с широкой горловиной, изготовленную на круге. Его высота 6,6 см, диаметр по венчику около 8 см, по плечику — около 11 см, по донышку — около 4 см. Венчик слабо отогнут, к средней части тулова приделана лепная ручка довольно грубой формы, донышко с поддоном. Толщина стенок от 0,4 см в области венчика до 0,7 см около дна. В стенках имеются два ряда отверстий диаметром 0,6 — 0,7 см, находящихся на расстоянии от 2,9 до 3,2 см друг от друга. Тесто хорошо выделано, в нем заметна примесь мелкого речного песка. Глина бледно-желтого цвета равномерно обожжена.

Подобный сосуд на древнерусских памятниках Курского Посеймья обнаружен впервые. Можно предположить, что он мог быть сюда привезен как предмет торговли единичными экземплярами или небольшими партиями. Однако нельзя исключить его изготовление на месте, но мастером из другого региона (при этом необходимо отметить, что по составу теста и цвету обжига данный сосуд отличается от керамики, обнаруженной на Люшинском городище). Возможен и третий вариант его появления на памятнике — он прибыл сюда в качестве бытовой или культовой утвари вместе с владельцем. В любом случае поиски аналогов данного экземпляра могут быть продолжены.

Литература

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Курского государственного областного музея археологии в Беловском и Льговском районах Курской области в 2000 г. // НА КГОМА. Д. I — 121.

Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. IV. Курск, 1874.

Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. № 113, 1962.

Липкинг Ю.А.. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Т. 60. Курск, 1969.

Кашкин А.В. Археологическая карта России: Курская область. Ч. 2. М., 2000.

ГРУЗИКИ «ДЬЯКОВА ТИПА» В БАССЕЙНАХ ДНЕПРА И ВОЛГИ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

***М.Г. Гусаков**, к. и. н., Институт археологии РАН*

Мне не раз приходилось обращаться к теме истории и назначении грузиков «дьякова типа» (далее ДТ) в печати и в выступлениях на археологических конференциях, тема эта большая и весьма непростая в своём решении (Гусаков 1999, 2002, 2003). Дискуссия о происхождении и назначении грузиков ведется уже около 100 лет (если не больше). По-видимому, она закончится только тогда, когда сумма аргументов будет настолько убедительной и очевидной для всех, что продолжение её станет бесполезно.

Глиняные грузики занимают второе место, после фрагментов керамики, по количеству находок из городищ и поселений железного века лесной полосы Восточной Европы. Долгое время наряду с сетчатой керамикой глиняные грузики считались типичной находкой Дьяковской культуры (далее ДК). Все исследователи отмечали две характерные черты грузиков «дьякова типа» — это разнообразную орнаментацию внешних поверхностей и многообразие форм грузиков[1]. Однако, со временем, границы распространения грузиков вышли далеко за пределы Москворечья. В связи с этим, в 1966 г. П.Н. Третьяков выступил в печати с предложением переименовать грузики «дьякова типа» в грузики «балтского типа» (Третьяков 1966, б). Правда, кроме глиняных грузиков, есть грузики, сделанные из кости, но их количество значительно уступает глиняным. Многие авторы считают, что грузики из кости древнее, чем из глины и что именно они послужили прототипами для глиняных (Смирнов, 1971; Крис, 1982; Сидорович, 2002).

Очертить границу распространения глиняных грузиков сегодня можно следующим образом. На западе она проходит по среднему течению Немана и Вилии (Литва), на севере и северо-востоке она проходит от верховьев Западной Двины до Белого озера. На востоке, от правобережья Волги в пределах Ярославской и Владимирской областей до среднего течения Оки в точке впадения в неё реки Москвы. На юге граница проходила по Угре, верховьям рек — Десны, Сож, Днепр до впадения реки Березины в Днепр. Практически граница распространения грузиков охватывала почти все районы распространения зоны широколиственных лесов Восточной Европы.

Первую развернутую сводку и систематику в печати «грузиков дьякова типа» дал К.А.Смирнов (Смирнов, 1971). Правда, автор ограничился только грузиками Дьяковской культуры (в частности, материалами Троицкого городища). Тем не менее, в его сводке были так же зафиксированы памятники за пределами ДК. Автор приводит 1427 грузиков из 89 памятников эпохи раннего железного века (далее РЖВ), из пяти археологических культур: Культуры Штрихованной керамики (далее КШК), Днепро-Двинской (ДДК), Верхнеокской (ВОК), Милоградской (МК), Дьяковской. Более всего грузиков происходило из Дьяковской культуры (Смирнов 1971 С. 89—90). По данным О.Н. Мельниковской, исследователя памятников Милоградской культуры — культуры, синхронной раннему периоду ДК и распространенной на территории Северной Украины и Белоруссии, — грузики ДТ только извлеченные из городища Горошков исчисляются цифрой 600 единиц (Мельниковская 1967 С.116—122). Однако значительная часть грузиков МК имеют свои специфические особенности, достаточно четко отличающие их из общей массы грузиков РЖВ. Речь идет о форме грузиков, подражающих глиняным сосудам. Больше всего грузиков ДТ представлено в ДК — 1362 единиц, по последним данным (может быть и не совсем точным). В Днепро-Двинской культуре их насчитывается 158 ед., такое же число грузиков было опубликовано О.Н. Мельниковской по материалам МК. Всего численность грузиков, по моим расчетам, колеблется в пределах от 1581 (точно зафиксированных) до 2000 единиц. Надо отметить, что грузики как предмет материальной культуры есть во всех культурах «лесной полосы», у них есть свои местные особенности, но есть грузики с общими чертами (табл. 1).

[1] Эти вопросы я пытался рассмотреть в предыдущих статьях (Гусаков 1999, 2003 а, 2003 б).

Таблица 1. Грузики «Дьякова типа» в памятниках культур Железного века

№	Фигуры	Форма тела	Тип	ДК	ДДК	КШК	МК	ЮК	ВОК	ГК
1	Простые	треугольник, конус	I	1	1	1	1		1	1
2		квадрат, цилиндр	II	1	1	1	1	1	1	1
3		круг, овал, шар	Г	1	1	1	11	1	1	1
4	Состав-ные	круг+квадрат	III	1	1					
5		полукруг+трапеция	IV	1	1		11			
6		трапеция+трапеция	V -- VIII	111	1	1	1	1	1	1
7	Сложно-состав-ные	гриб+воротник	IX	1	1					
8		гриб+гриб	X	1	1	1	1	1		
9		крест	XI			1	1			
10		сосуд	XII				11	1		

Примечание. Номера классов в таблице приведены по Гусакову с добавлением новых.
ДК—дьяковская культура; ДДК—днепро-двинская; КШК—культура штрихованной керамики; МК—милоградская; ЮК—юхновская; ВОК—верхнеокская; ГК—городецкая

Давно устоялось мнение, что грузики представляют ритуальные предметы, связанные с обрядовой деятельностью древних обитателей лесной полосы в эпоху ЖВ (Смирнов, 1971; Гусаков, 2002). Я добавил бы к этому определению о культовой роли грузиков ДТ ещё одно наблюдение. По-моему, грузики являются частью или составной частью обрядово-религиозной практики (элементом), наряду с глиняными зооморфными и антропоморфными фигурками (женскими?), миниатюрными сосудиками, глиняными плитками с точками на плоскостях, ритуальными хлебцами и погремушками из глины. Весь этот набор предметов обычно относится археологами к предметам языческого культа (культов). Правда, к этому списку прибавляют ещё и рогатые кирпичи. Все предметы имеются в наличие во всех перечисленных нами культурах, и были обнаружены во время раскопок на городищах. Возможно, что это так и есть, однако до сих пор природа и назначение грузиков, как, впрочем, и ряда других названных предметов не совсем ясна. Долгая дискуссия о роли и назначении грузиков ДТ, несмотря на различные точки зрения, закончилась компромиссным решением — общепризнано, что грузики являются предметами культа. Главным доводом, в пользу версии об их культовом назначении служит, наличие орнаментов, с изображением солярных знаков и лапидарные изображения животных (Смирнов, 1971). Надо так же отметить, что этот «ритуальный реквизит» присутствует (может быть, не всегда в полном наборе) на многих городищах «лесных культур» эпохи РЖВ, начиная со второй половины первого тысячелетия до н.э. и функционируют до первых веков н.э.

Необходимо также отметить факт, что наряду с грузиками ДТ в быту используются пряслица, сделанные из глины или камня. Спрашивается, какое отношение имеют пряслица к грузикам? На этот вопрос трудно ответить определенно и однозначно. Озадачивает один вопрос, если грузики имеют отношение к ткачеству или прядению, тогда зачем пряслица? Версия о том, что грузики использовались для примитивных ткацких станков, до сих пор не отвергнута (Чернай, 1993). Впрочем, версия, что грузики могут сосуществовать с пряслицами, тоже имеет право на существование.

Также, одновременно с пряслицами и грузиками, в быту используются крупные глиняные шарики с широким сквозным отверстием, по своим размерам явно превышающие обычные бусы. Шарики, как правило, имеют некое подобие орнамента из точек, что дает основание считать их как вариант грузиков.

В конце 90-х годов прошлого века, я пытался дать новую интерпретацию систематики и функции грузиков ДТ (Гусаков, 1999, 2003). В то время я предлагал разделить грузики на двенадцать классов, причем три класса включали только редко встречающиеся грузики (Гусаков, 2003. С. 56). Однако, сегодня мне представляется, что в эту схему можно внести некоторые поправки. Часть классов из старой схемы вполне можно объединить под одним классом, внутри которого все грузики разбить на группы или варианты. Причина этого

объединения заключается в том, что внутри культуры, в частности, дьяковской, существует много вариантов одного и того же типа, эти различия могут быть связаны или с хронологией, или с исполнительским (индивидуальным) почерком и т.д. Итак, новый вариант классификации грузиков имеет дело не только с грузиками внутри одной культуры, а с грузиками из разных культур. Здесь необходимо выделить не только индивидуальные признаки на уровне культуры, но и объединить общие типажи грузиков в разных культурах. В новой редакции классификации грузиков выделено десять классов. Все классы разделены на три типа. Первый тип объединяет простые фигуры, в него входят три класса; второй тип — составные фигуры и объединяет три класса; третий тип — сложносоставные фигуры, включает четыре класса. Последний тип (третий), представлен индивидуальными формами грузиков для каждой из сравниваемых культур. Обращает внимание, при обилии вариантов грузиков, факт, что есть общие типы грузиков, присущие для всех культур. В первую очередь, это грузики так называемой «грибовидной формы». Они представлены во всех культурах и легко узнаваемы. Так же много грузиков конической формы или в виде усеченного конуса. Часто встречаются грузики типа «катушки», биконические грузики или грузики, у которых форма как бы сделана из двух грибовидных грузиков, соединённых большими основаниями. Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на значительные территориальные расстояния и некоторые различия в материальной культуре, — все культуры имеют общие типы форм глиняных грузиков. Из этого вывода следует утверждение, что грузики являются общим признаком для всех «лесных культур».

Уверен, что многие исследователи задавали себе вопрос о происхождении грузиков, откуда пришла «мода» на странные и непонятные сегодня предметы. Задавал этот вопрос и я. Не берусь утверждать с полной уверенностью, но поиски аналогий привели меня к материалам Трипольской культуры, Культуры Воронковидных кубков, Среднеднепровской культуры (привожу только малую часть культур) — это всё культуры степной и лесостепной полосы эпохи энеолита и начала бронзы. В северных областях Восточной Европы похожие предметы, правда, сделанные из кости или камня, есть в Фатьяновской и Балановской культурах. Но более всего предметы, похожие на грузики, представлены в культурах эпохи средней и финальной бронзы: Сосницкой, Белогрудовской, Бондарихинской. Есть прототипы грузикам в культурах Волго-Камья: Абашевской, Поздняковской и Ананьинской. В названных культурах мы можем найти прямые аналоги грузикам (точнее некоторым типам) «дьякова типа», причем эти грузики сделаны, в основном, из глины, многие из них, так же, как и дьяковские, носят на своих плоскостях точечный или нарезной орнамент (Археология УССР, 1985; Археология СССР, 1987). Общей характерной чертой выше названных культур является земледелие и скотоводство, при этом охота и рыболовство продолжают сохранять свои позиции в хозяйстве в качестве подсобных средств добычи продуктов питания.

Литература

Археология СССР 1987. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Археология Украинской ССР 1985. Первобытная археология. Т. 1. К.

Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Сидорович О.М. 2002. Роговые грузики Дьякова типа на памятниках железного века Беларуси. //Гистарична-археалагичны зборник. №17. С. 42—43. Минск.

Смирнов К.А. 1961. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа. //СА. №3. С.45—55. М.

Смирнов К.А. 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. //МИА. №184. С. 80—98. М.

Гусаков М.Г. 1999. «Грузики дьякова типа»: проблема назначения.//Тезисы докладов на конференции «Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения». М.

Гусаков М.Г. 2003, а. О грузиках «дьякова типа». К вопросу о систематизации и назначении.//Матэрыялы па археалогii Беларусi. № 7. С. 49—60. Минск.

Гусаков М.Г. 2003, б. Глиняные грузики и таблички дьяковской культуры. К вопросу о их назначении. // Тверской археологический сборник. (В печати). Тверь.

Егорейченко А.А.1996. Древнейшие городища Белорусского Полесья. Минск.

Крис Х.И. 1982. Грузики дьякова типа из Боршевы.//КСИА. Вып. 170. С. 40—47. М.

Медведев А.М. 1996. Беларусское Понеманье в раннем железном веке. Минск.

Третьяков П.Н. 1966, а. Финны — угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л.

Третьяков П.Н. 1966, б. О ранних и поздних городищах дьякова типа. //От эпохи бронзы до раннего феодализма. С. 19—197. Таллин.

Чернай И.Л. 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики. //Финно-угры России. Вып. 1. С. 35—47. Йошкар-Ола.

ХРОНОЛОГИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛОВАТСКО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

А.Н. Мазуркевич, *Государственный Эрмитаж*

Начало неолитической эпохи на большей части Восточно-Европейской равнины традиционно связывают с рядом технологических новаций, в первую очередь, с началом изготовления глиняной посуды, при сохранении хозяйственного уклада присваивающего типа. Материалы сертейской ранненеолитической культуры, выделенной в начале 90-х годов в Ловатско-Двинском междуречье, позволяют предпринять попытку реконструкции процесса распространения навыков изготовления глиняной посуды среди местного мезолитического населения. Анализ материалов позволяет сформулировать следующие идеи для обсуждения, отражающие специфику начала неолитической эпохи в лесной зоне Северо-Запада России:

1. Навыки керамического производства распространяются в мезолитической среде не только в результате культурных контактов — обмена навыками, информацией, идеями, но и как следствие проникновения небольших групп населения на данную территорию из более южных регионов;

2. Распространение маломерных глиняных сосудов не изменяет хозяйственного уклада и , вероятно, данный тип посуды не может быть свидетельством оседлого образа жизни, подразумевающего заготовку пищевых ресурсов впрок.

Для проверки этой гипотезы нами были построены симуляционные модели для ранненеолитического и средненеолитического периодов (Долуханов, Морозов, Мазуркевич, Шукуров, 2003). Под моделированием исторических процессов мы понимаем математическое описание или создание «симуляционных моделей», адекватно отражающие динамические количественные характеристики доисторических человеческих сообществ. Основными компонентами таких характеристик являются:

1. Динамика народонаселения (количественная оценка численности, плотности, коэффициентов рождаемости и смертности, миграционных трендов);
2. Производство (количественная оценка производства в расчете на душу населения и колебаний этой величины во времени и пространстве);
3. Количественная оценка внешних культурных импульсов;
4. Количественная оценка внутренних инноваций и развития.

В основе этой работы лежит построение культурно-хронологической шкалы в рамках археологического микрорегиона, на основе принципов и методов объединенных направлением «археологическая география». Для этого была разработана и создана информационная система "MonArch".

Мы пришли к предварительному заключению о том, что приток нового населения охотников-собирателей в Ловатско - Двинское междуречье происходил в условиях повышения температур, уровня воды в гидросети и общего увеличения биомассы местных палеоландшафтов. Это было установлено в ходе изучения палинологическим, геохимическим, радиоуглеродным анализами озерно-болотных отложений в Сертейском (Смоленская обл.) и Усвятском (Псковская обл.) археологических микрорайонах .

Накопленный массив данных позволяет на сегодняшний день представить материалы сертейской культуры следующим образом. Выделяются несколько хронологических этапов, которым соответствуют несколько различных типов керамики, сопровождающиеся находками костяных, кремневых предметов и остатками различных построек.

Начало неолитического периода по палинологическим данным совпадает с переходом от Бореального периода к Атлантическому. Период At-1 характеризуется максимальным содержанием пыльцы широколиственных пород (до 36%) и лещины (*Alnus* — 15—20 % и *Corylus* — 10—15%) ,на фоне снижения пыльцы сосны и березы (*Pinus* и *Betula sect. Albae)*, что указывает на потепление климата, по сравнению с Бореальным периодом. Пыльца *Picea* не превышает 5%. Пыльца трав и спор единичны (Мазуркевич, Кулькова, Полковникова, Савельева, 2003). В начале Атлантического периода — 7500—7300 лет назад в Сертейских озерных котловинах фиксируется падение уровня воды, после трансгрессивной фазы, максимум которой отмечался 8000—7800 лет назад. Понижение уровня воды в водоемах привело к образованию в прибрежной части котловин озерных террас 2-го уровня. Особенно хорошо эти террасы прослеживаются в Нивниковской озерной котловине (на памятнике Сертея XIV). Максимум регрессии приходиться на 7300 лет назад. В это время существуют памятники с керамикой фазы «а». Горшки с цилиндрическим туловом и коническим дном, орнаментированные в накольчато-прочерченной манере. Геометрические композиции целиком покрывают поверхность сосуда. В качестве сырья использованы глиноподобные естественные материалы серого цвета, насыщенные органикой, раковинами, мускавитом, кварцем и окатанным песком. Способ лепки ленточный и спиральный для донной и придонной части и кольцевой для тулова и горла. Толщина стенок 6—9 мм. Расположение кристаллов мускавита свидетельствует о некотором вращении сосуда при изготовлении, но это не следы от вращения на гончарном круге. Кристаллы ориентированы под некоторым углом к поверхности, что могло получиться при обработке внешней и внутренней поверхностей зубчатым штампом после изготовления сосуда. После просушки внешняя, иногда и внутренняя, поверхность сосуда покрывалась тонким слоем сметанообразной глиняной массы. Далее по не совсем высохшей поверхности сосуда наносился орнамент. Данная посуда, как было установлено в результате специальных анализов, не подвергалась обжигу. Часть сосудов подвергалась низкотемпературной сушке, а другая часть вообще не подвергалась термической обработке. Прямые с приостренным краем венчики сосудов соответствуют форме верхнего края ленты. Днища острые. Сосуды имеют митровидную форму высотой 30—40 см и диаметр горла 16—22 см. Керамическая фаза «а».Аналогии данной посуде можно усмотреть в материалах археологических культур Верхнего и Среднего Подонья, Подесенья, Суро-Мокшанского междуречья и Нижнего Поволжья. Основной массив фрагментов глиняной посуды фазы «а» был найден в культурных слоях А ст. Рудня Сертейская и слоях А-1,2,3 п. Сертея X. Культурные слои А приурочены к слоям синеватого опесчаненного сапропеля насыщенного раковинами, причем на п. Сертея X культурные остатки залегали в трех горизонтах (1—3), разделенными стерильными прослойками синеватого опесчаненного сапропеля. Из горизонта А-2 происходят радиоуглеродные датировки 7300 +/-180 (Ле-5260), 7300 +/-400 (Ле-5261) BP. Это позволяет датировать время появления первой глиняной посуды в регионе интервалом от 7500 BP (время начала регрессии водоемов, когда освободилась территория, на которой отложились материалы фазы «а») до 7300 BP (датировки по 14-С горизонта А-2). Кремневые предметы немногочисленны: ножевидные пластины с ретушью по краям, скребки на отщепах и пластинах, вкладыши, наконечник стрелы с двусторонней обработкой струйчатой ретушью, с треугольным пером и удлиненным треугольным насадом. Костяные предметы представлены лавролистными черешковыми наконечниками, проколками, подвесками из резцов лося. На ст. Рудня Сертейская на материке были зафиксированы остатки сильно размытой подпрямоугольной постройки с углубленным полом. По краям котлована постройки были зафиксированы ясеневые доски. Единичные фрагменты керамики этого типа встречены в культурных слоях памятников расположенных по бортам озерных котловин на дюнах, либо на террасах озерных котловин : Усвятский микрорегион — селище Узмень, Сертейской — Сертея XIV, XX и Сенницкий — Фролы 1, Дубокрай I . На п. Сертея XIV были зафиксированы остатки жилых сооружений, сопровождающихся кремневыми изделиями позднемезолитического облика и фрагментами сосудов сертейской культуры, украшенными геометрическими композициями выполненными в накольчато-прочерченной манере. На уровне материка была зафиксирована постройка (№558) округлой формы (3,08x2,3 м), с столбовыми и кольевыми ямами по периметру и с центральной столбовой ямой, углубленным полом и очагом в северо-восточной части конструкции. Вероятно, к этому же времени относятся и две постройки (№№ 174,178) трапецевидной формы (2,8x1,6 м) столбовой конструкции с округлым углубленными очагами в центре и входом с западной стороны. С ними связаны находки керамики фазы «а» и кремневые изделия мезолитического облика. Особый интерес представляют черешковые наконечники. Наконечники с коротким черешком и асимметричным пером. Заготовкой для них служили пластины правильной формы, длиной от 3,5 до 5,0 см, шириной от1,0 до 1,4 см и толщиной не более 0,4 см. Длина черешка составляет около 0,5 см, а перо занимает около 1/3 длины наконечника. Черешок изготавливался на проксимальном конце пластины крутой, наносившейся со стороны брюшка, ретушью, которая образовывала две глубокие выемки. Перо изделия оформлялось путем косого усечения дистального конца пластины. В начале производилась микрорезцовое снятие, негатив которого затем обрабатывался крутой ретушью. Наконечники этой группы отличаются от постсвидерских наконечников типом заготовки, оформлением насада и пера. Здесь же был обнаружен торцевой нуклеус со следами снятий микропластин. В одном культурном горизонте, связанным с ранними постройками и черешковыми наконечниками с укороченным насадом, были обнаружены небольшие достаточно массивные округлые скребки на отщепах длиной около 2,5 см и толщиной до 1,5 см. Ретушь создающая лезвие заходит далеко на спинку отщепа почти смыкаясь на ней. По своей форме эти скребки близки скребкам кундской культуры. На п. Сертея XIV к этому времени можно отнести и остатки

19 Зак. 1971

жилища 1, которое имело овальную форму (3.4 х 2.3 м), углубленный пол, углубленный очаг в центре постройки. На поверхности пола прослежены остатки столбовых ям. В заполнении жилищной впадины были так же найдены фрагменты сосудов фазы «b-1», что может свидетельствовать о длительном существовании данной постройки, либо о многократном ее использовании.

Продолжением этой керамической традиции является керамика фазы «b». Фрагменты сосудов фазы «b» были встречены в культурных слоях памятников расположенных на минеральных террасах слабопроточных палеоводоемов (Сертея X, XII, XIV, XIX, селище Узмень, Гуковы Нивы I, Романовская) и на дюнах распространенных по бортам озерных котловин (Сертея 3-1, 3-2, 3-3, XX, Лукашенки I-1, III-3). С этой керамикой можно уверено связывать серию хозяйственных ям и ям связанных с расщеплением кремня (Сертея XII, 3-3). На п. Сертея X зафиксированы остатки постройки с углубленным полом на 50-70 см в материк, имеющую овальную форму (2.5—3 м), с расположенными по периметру ямками, в которых находились колья, формировавшие конусообразную кровлю и с углубленным очагом в центре постройки. Кроме этого зафиксированы углубленные очаги вокруг которых прослежены кольевые ямки — остатки либо ветровых заслонов, либо остатки конусообразных кровлей. Важная конструктивная деталь — над очагами кровля была приподнята, т.к. фиксируются кольевые ямки по периметру очага. С открытых сторон фиксируется скопление P2O5, что является маркером скопления на этих местах органических остатков, либо мест выброса очажных заполнений, т.к. основным видом топлива на островном памятнике были костные остатки. Выявлены хозяйственные постройки овальной формы, с немного углубленным полом в результате выравнивания древней дневной поверхности, ориентированные выходом на южную сторону. В центре и по периметру прослежены кольевые ямки от конусообразной кровли, которая опиралась на колья поставленные в центе постройки. В центральной части построек фиксируется большое скопление фосфатов. Нижняя граница этой керамической фазы определяется топографическими условиями находок этой керамики. Около 7000 лет назад происходят изменения в окружающей среде, уменьшается сумма пыльцы широколиственных пород на 1—3%. Фиксируется небольшое поднятие уровня воды в водоемах, повышается продуктивность. Антропогенное воздействие на Сертейскую озерную котловину остается низким, по сравнению с Нивниковской озерной котловиной, где оно высокое. В малой озерной котловине (памятник Сертея XIV) вода поднимается до уровня основания 2-й террасы и затапливает предыдущие стоянки с керамическими материалами фаз «a». Установить верхнюю границу существования этой керамической фазы сейчас не представляется возможным.

Ранее к сертейской культуре мы относили и материалы керамических фаз «b-1, c, c-1» (Мазуркевич, Кулькова, Полковникова, Савельева, 2003; Мазуркевич, Долуханов, Савельева, Арсланов, Зайцева, Кулькова, 2003). Анализ этих материалов показал, что появление керамических материалов фазы «b-1» происходит под влиянием новых культурных импульсов как со стороны более восточных культур — верхневолжских (распространение керамики с каплевидными наколами, массивных округлых скребков, грубых бифассиальных рубящих орудий подтреугольной формы), так и с территории Верхнего Подонья (керамика орнаментированная зубчатым штампом, треугольными наколами) и Нижнего Подонья. Неорнаментированная керамика фазы «c» находит аналогии не только в материалах Вернего Подонья (Карамышево 5), но и в материалах нижних слоев Ракушечного Яра. Волна переселенцев с керамикой фазы «c» появляются в Ловатско-Двинском междуречье до 7000 лет назад. Влияние этой волны фиксируется и в материалах нижних ранненеолитических слоев ст. Звидзе. Произошедшая трансгрессия около 7000 лет назад привела к переотложению материалов фазы «c» на стоянках Ловатско-Двинского междуречья, что указывает на время появление нового населения. Верхнюю границу бытования керамики этого типа определить пока затруднительно. Появление керамических материалов фазы «b-1», судя по топографическому расположению памятников, приходится на период 7300 — 7000 лет назад. Верхнюю границу можно приблизительно определить временем 6600/6500 лет назад (время начала мощной регрессии водоемов). Керамика фазы «c-1» может рассматриваться как результат взаимодействия предшествующих керамических традиций. Наверное правильно относить к сертейской культуре материалы керамических фаз «a-b». Вопрос о культурной принадлежности материалов фаз «b-1, c, c-1»можно пока оставить открытым, т.к. сейчас сложно определить длительность их существования и силу культурного воздействия на местную культуру. Все упоминаемые керамические фазы можно объединить в один культурный цикл развития — сертейский. Развитие сертейского культурного цикла

прекращается в результате появления здесь носителей нарвской культуры около 6300/6200 л.н.

О хозяйственной стратегии древнего населения можно сказать следующее. Фаунистические остатки свидетельствуют об охоте на лося, кабана, медведя, птиц (утку, гагару). Проведенные исследования озерных отложений методом геохимической индикации также позволяют сделать некоторые наблюдения над хозяйственной стратегией древнего населения. Продуктивность водоемов в этот период низкая. Антропогенное воздействие на водоемы, определенное по данным геохимического анализа, отличается для большой Сертейской (Сертея X) и малой Нивниковской (Сертея XIV) озерных котловин. Антропогенное воздействие на большую озерную котловину около 7500 лет назад уменьшается по сравнению с предыдущим периодом. Антропогенное влияние на малую озерную котловину увеличивается по сравнению с предыдущим периодом. Данное различие в антропогенной нагрузке объясняется различной плотностью памятников (населения?) в данных котловинах. Это, вероятно, следствие хозяйственной стратегии древнего населения. На период раннего неолита приходится максимальное количество стоянок, открытых на сегодняшний день в Сертейском археологическом микрорайоне. В результате работ по созданию объемной модели современной дневной поверхности долины р. Сертейки, стала очевидной взаимосвязь расположения памятников раннего неолита с участками флювиогляциального рельефа. Стоянки с остатками долговременных построек ориентированы на юг или юго-запад, защищены с севера бортом котловины или иными формами рельефа. Они так же приурочены к местам впадения древних ручьев в озера. Стоянки иного типа расположены на узких террасах или небольших мысах противоположного — западного борта котловины на берегу палеоозера, при впадении ручьев или озерных проток Данное наблюдение над топографией памятников можно объяснить особенностями хозяйственной стратегии древнего населения в эпоху мезолита - раннего неолита, которая была направленной в первую очередь на добычу рыбы Отсутствие больших емкостей, в т.ч. глиняных, предназначенных для хранения запасов пищи и воды, свидетельствует о том, что в этот период не заготавливается пища впрок. В целом, на малую озерную котловину в период 7500—6000 лет назад отмечается большее антропогенное воздействие, чем на большую озерную котловину. Возможно, один из факторов интенсивного заселения — это выгодные ландшафтные особенности малой озерной котловины, позволяющие вести эффективно хозяйственную деятельность.

Хронологический период 7500—6600/6500 лет назад — время распространения в Ловатско-Двинском междуречье навыков изготовления глиняной посуды среди местного мезолитического населения. Распространение глиняной посуды в данном регионе, вероятнее всего, происходило не только в результате контактов с различными группами населения, но и в результате проникновения на данную территорию разно культурных групп нового населения с более южных территорий, что находит отражение в каменном инвентаре и в традициях домостроительства. В это время происходит распространение навыков изготовления глиняной необожженной посуды, изготовленной из глиноподобных естественных материалов. Анализ радиоуглеродных дат, особенностей изготовления и орнаментации ранней керамики, позволяет выделить несколько различных культурно-исторических общностей, образующих хронологическую последовательность: елшанскую —ракушечноярскую — буго-днестровскую и нижневолжскую культурную область. Эти культурно-исторические общности, видимо, развиваются под воздействием восточного культурного импульса и оказывают влияние на мезолитическое население лесной зоны Восточной Европы. Так ранненеолитические памятники Подонья, Посожья, Подесенья, Верхнего Подвинья и Волго-Окского междуречья, связаны с традицией накольчатой керамики нижнего Поволжья. Керамические комплексы неманской, нарвской культур, памятников типа Струмеля — Гастятино близки елшанской керамической традиции.

Литература

Долуханов П.М., Морозов С.В., Мазуркевич А.Н., Шукуров А. Моделирование доисторических процессов // Электронный потенциал музея: стимулы и ограничения, достижения и проблемы. Тез. докл. XXX международной конференции CIDOC/АДИТ-2003 1-5 сентября, С-Петербург, Россия.— М., 2003.— С.125—127.

Мазуркевич А.Н., Долуханов П.М., Савельева Л.А., Арсланов Х.А., Зайцева Г.И., Кулькова М.А. Динамика заселения долины р.Сертейки (Смоленская обл.) в каменном-железном веке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Часть 1. — М., 2003.— С. 46—49.

Мазуркевич А.Н., Кулькова М.А., Полковникова М.Э., Савельева Л.А. Первые керамические памятники Ловатско-Двинского междуречья // Неолит — энеолит Юга и неолит Восточной Европы. —СПб., 2003. — С.260—270.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПРИКАЗНОЙ БЮРОКРАТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

А.Ю. Савосичев, к.и.н., Орловский государственный университет

На сегодняшний день автором этих строк выявлено 104 приказных деятеля, трудившихся в канцелярии великого князя Ивана Васильевича: 62 дьяка и 42 подьячих. В уделах в тот же период служил 31 дьяк и 3 подьячих. В канцелярии митрополитов Московских выявлено 7 дьяков и 3 подьячих[1].

Из великокняжеских дьяков как землевладельцы характеризуются 22 (35,5%); из подьячих — 14 (33,3%). Среди удельных приказных деятелей имениями владели 5. Все это дьяки (16,1%). Из служащих митрополичьей канцелярии достоверно считать землевладельцем можно только дьяка Леваша Коншина (14,3% от численности всех дьяков).

Для большей объективности анализа разделим дьяков и подьячих на две группы: 1) те, чьи земельные владения могут быть более-менее точно измерены в абсолютных единицах (четвертях доброй земли в одном поле или десятинах в трех полях); 2) те, чьи земельные владения не могут быть точно измерены, но применительно к которым есть числовые данные для примерных вычислений.

В первую группу попадают у нас 14 человек: 6 дьяков и 8 подьячих. Все это представители приказной бюрократии, служившие в Новгороде. Размеры их поместий определяются точно или почти точно на основании данных писцовых книг. Сравнение писцовых книг с другими источниками показывает, что почти все дьяки, служившие в Новгороде на постоянной основе с 1488/89 по 1505 гг. были испомещены здесь же в новгородских пятинах. Исключение составляет только Обрезок Никитин. Но он впервые упоминается на службе в Новгороде в 1504/05 г. уже после окончания валового описания конца XV — начала XVI вв.

Из этого следует очень важный вывод: к концу XV в. приказная бюрократия органично и прочно вписалась в структуру поместной системы. Принцип земельного пожалования в обмен на верную службу целиком и полностью распространился на дьяков и подьячих. Разницы между канцелярской работой и традиционной дворянской службой не было. Следовательно, мы с полной уверенностью можем заключить, что вся приказная бюрократия конца XV — XVI столетий входила в состав класса служилых землевладельцев. Процентные соотношения между дьяками и подьячими, о землевладении которых есть сведения, с одной стороны, и теми представителями приказной бюрократии, об имениях которых фактов не найдено, с другой, отражают лишь состояние источниковой базы.

Таблица 1

Имя	Чин	Пятина	Число дач	Размер в кор.	Размер в об.	Размер в четв*
Буженинов С.К.[2]	Подьячий	Шелонская	1	64,5	15	103,2
Вокшерин Г.В.[3]	Дьяк ямской	Водская	2	100	25,5	160
Вокшерин И.В.[4]	Дьяк	Водская	4	205,5	54,5	328,8
Давыдов Е.[5]	Дьяк	Деревская	2	84	30	134,4
Ефимов И.[6]	Подьячий	Шелонская	1	28	7	44,8
Карпов Г.[7]	Подьячий	Водская	2	29	7,5	46,4
Лугвенев И.[8]	Дьяк ямской	Шелонская	2	251	51	401,6
Паюсов Ч.Г.[9]	Дьяк ямской	Шелонская	1	143	31	228,8
Протопопов Ш.Г.[10]	Подьячий	Деревская	1	62	22,5	99,2
Путилов К.В.[11]	Дьяк ямской	Водская	1	113	24	180,8
Рукавов И.[12]	Подьячий	Водская	1	79	17	126,4
Скорняков А.А.[13]	Подьячий	Водская	3	81	19	129,6
Софонов З.[14]	Подьячий	Шелонская	1	46,86	11	74,98
Сухой И.[15]	Подьячий	Деревская	2	97,5	37	156

* Данная графа введена для примерного сравнения дьяческих имений в Новгороде с данными по уездам Низовских земель. Сравнение может быть только примерным, так как нам неизвестно качество земли в пятинах. Условно признаем ее средней. Таким образом, приведенные в графе цифры, получены в результате перевода коробей в четверти и умножения на коэффициент 0,8.

Что мы видим в анализируемых данных? Прослеживается устойчивая связь между размерами землевладения представителей приказной бюрократии и их статусом. Это четко видно, если сгруппировать данные по коробьям. Показательны средние величины. Средняя арифметическая величина поместья дьяка составляет 149,4 кор., подьячего — 97,6 кор.

Сравнение земельного обеспечения дьяков и подьячих с землевладением других новгородских помещиков приводит к однозначному выводу. На фоне основной массы помещиков дьячество в Новгороде было обеспечено в целом значительно лучше. Дьяческое имение было примерно в полтора раза больше, чем владения рядового сына боярского. Подьячий же, как правило, был беднее, чем средний помещик.

Во вторую группу анализа попадают 11 приказных деятелей.

Таблица 2

Имя	Чин	Число дач	Уезды	Размер в четв.	Размер в дес.
Алексеев Р.[16]	Дьяк	5	4	887	1330,5
Башенин С.Д.[17]	Дьяк	2	1	413	620
Горин М.В.[18]	Дьяк	1	1	72	108
Коншин Л.И.[19]	Дьяк митрополита	1	1	183,6	275,4
Костев А.[20]	Подьячий	1	1	159	238,5
Мамырев Д.К.[21]	Дьяк	1	1	252	378
Племянников С.Л.[22]	Дьяк	2	2	194	292
Плохово М.К.[23]	Дьяк в уделе	1	1	264	396
Сергеев Е.[24]	Подьячий	1	2	80	120
Яковль А.[25]	Дьяк	1	1	20	30
Ярославов Л.А.[26]	Дьяк	1	1	365	547,5

Что мы видим? Небольших по размеру имений, менее 100 четв., три (27,3 %). Интересно, что один из двух подьячих попал именно в данную группу. Количество средних имений, величиной от 100 до 200 четв., также равно трем (27,3 %). Остальные 45,4 % дьяческих имений попадают в категорию крупных. Естественно, что подсчеты эти в значительной мере условны, так как только в одном случае (с Романом Алексеевым) мы можем быть уверены, что в источниках отразились все или почти все владения приказного деятеля.

На основании данных новгородских писцовых книг соотношение получилось иное: мелких имений 42,9 %, средних 57,1 %, крупных нет. Это при счете на обжи. При счете на четверти получается: мелких имений (до 100 четв.) 4 или 28,6 %; средних (100—200 четв.) 7 или 50 %; крупных 3 или 21,4 %. Если процент мелких имений в обеих группах сходен, то соотношение средних и крупных почти зеркальное. Показательны средние арифметические. Средняя величина имения во второй группе анализа — 262,7 четв., а в первой — 158,2 четв.

Чем это объяснить? Вряд ли сыграла роль неполнота наших данных. Из одиннадцати имений, чьи размеры нами реконструировались, только в трех случаях (Костев, Племянников и Плохово) мы можем предполагать, что полученные цифры завышены. Все они относятся к группе землевладельцев средней руки. Результаты наших расчетов изменятся, если при их уточнении произойдет перераспределение землевладельцев по группам. В нашем случае средние землевладельцы должны перейти в группу мелких. Чтобы это произошло, наши ошибки в расчетах должны составлять от 60 до 96%. На наш взгляд, столь больших неточностей быть не должно.

Дело, видимо, в другом. По Новгороду мы имеем дело исключительно с поместьями, чей размер есть в значительной мере результат государственной политики. Поиск оптимального соотношения между поместным обеспечением и служебной годностью, приводил правительство к усреднению поместных дач. Результаты такой политики хорошо видны на материалах новгородских писцовых книг конца XV — начала XVI в. Поместное обеспечение приказной бюрократии явно осуществлялось по аналогичным принципам.

Из 11 имений, чей размер проанализирован нами во второй группе, 9 — вотчины. Размеры же вотчин есть результат хозяйственной инициативы семьи. Отсюда и разница в результатах расчетов: поместья приказных деятелей в основном небольшие и средние, а вотчины - средние и крупные. Средняя величина дьяческой вотчины равна 308,4 четв. Интересно, что оба поместья, анализировавшиеся во второй группе, попали именно в число средних имений.

Данные таблицы 2 показывают, хотя и менее выраженную, но в принципе ту же, что и выше, взаимосвязь между служебным рангом человека и его землевладением. Из двух

20 Зак. 1971

подьячих ни один в группу крупных землевладельцев не попал. Средняя величина имения подьячего 119,5 четв., дьяка — 294,5 четв.

В заключении попытаемся проанализировать географию дьяческого землевладения (таблица 3). Для этого к уже обработанным данным прибавим имения еще 15 приказных деятелей (Ермола Давыдов уже фигурировал выше, в первой группе): Степана Бородатого[27]; Михаила Гиреева[28]; Ермолу Давыдова[29]; Якова Долгова[30]; Никифора Демидовича Кобелева[31]; Василия Кулешина[32]; Ивана Волка Васильевича Курицына[33] и его брата Федора[34]; Василий Нефимонова[35]; Бориса Степановича Обобурова[36]; Андрея Одинца[37]; Петелю Пивова[38]; Алексея Полуектова[39]; Ивана Терентьевича Семичева[40] и Ивана Дмитриевича Циплю[41]. Размер их имений не может быть определен со сколько-нибудь удовлетворительной точностью. Для большей объективности данные по Новгородским пятинам учитывать не будем.

Всего получается 33 имения 25 представителей приказной бюрократии. Из них 6 поместий и 27 вотчин. Вывода о том, что дьяки и подьячие владели вотчинами в большей степени, чем поместьями, делать не следует. Такое соотношение двух форм феодальной земельной собственности, явно, следствие характера наших источников.

Из 33 имений 5 (1 поместье и 4 вотчины) принадлежали 4 подьячим; 29 (5 поместий и 24 вотчины) — дьякам. На одного подьячего приходится 0,25 поместья и 1 вотчина; на дьяка — ок. 0,23 поместья и ок. 1,1 вотчины. Получается, что обе формы феодальной земельной собственности были в равной мере распределены как среди дьяков, так и среди подьячих.

Таблица 3

Уезд	Число имений							
	Всего	%	Дьяков	%	Подьячих	%	Дьяков в уделах	%
Московский	5	15,2	4	17,39	1	20	-	-
Волоцкий	2	6,1	-	-	1**	20	2**	28,57
Дмитровский	6	18,2	5	21,74	1	20	-	-
Звенигородский	2	6,1	1	4,35	1	20	-	-
Клинский	1	3	1	4,35	-	-	-	-
Итого:	**16**	**48,6**	**11**	**47,83**	**4**	**80**	**2**	**28,57**
Владимирский	1	3	-	-	-	-	1	14,28
Переславский	2	6,1	2	8,69	-	-	-	-
Юрьев-Польский	1	3	-	-	-	-	1	14,28
Итого:	**4**	**12,1**	**2**	**8,69**	**-**	**-**	**2**	**28,57**
Боровский	1	3	1	4,35	-	-	-	-
Костромской	1	3	1	4,35	-	-	-	-
Кашинский	2	6,1	1	4,35	1	20	-	-
Ярославский	2	6,1	2	8,69	-	-	-	-
Ростовский	6	18,2	5***	21,74	-	-	2***	28,57
Итого:	**8**	**24,3**	**7**	**30,43**	**-**	**-**	**2**	**28,57**
Белозерский	1	3	-	-	-	-	1	14,28
Всего:	33	100	23	100	5	100	7	100

Видно, что землевладение столичной приказной бюрократии четко тяготеет к основному месту ее службы — к Москве. Имения дьяков, служивших в уделах, распределяются, подчиняясь той же закономерности. Степан Бородатый и Никифор Кобелев, служившие вел. кнг. Марии, вотчинники Ростовского уезда. Борис Степанович Обобуров и Оладья Климентьев служили кн. Борису Васильевичу и здесь же, в Волоке, владели имениями. Иван Ципля, вассал кн. Михаила Андреевича — белозерский землевладелец.

Анализ географии землевладения приказной бюрократии в плане происхождения имений также дает любопытные результаты (таблица 4). Родовые вотчины дьяков и подьячих распределяются довольно равномерно. Это свидетельствует о том, что провинциальное дворянство средней руки шло на канцелярскую работу одинаково охотно вне зависимости от положения своего родового гнезда.

Вотчины-купли, наоборот, явно тяготеют к столичному району. Получается, что приобретать земельные владения приказные деятели предпочитали поближе к месту основной службы.

* Плохово и его вотчина учтены дважды с учетом динамики карьеры приказного деятеля.

** Дважды учтен Плохово как великокняжеский подьячий и дьяк в уделе.

*** Дважды учтен Никифор Демидович Кобелев как великокняжеский дьяк и дьяк в уделе.

Таблица 4*

Уезд	Число имений					
	Родовых	%	Купель	%	Поместий	%
Московский	1	11,1	3	25	1	20
Волоцкий	-	-	1	8,3	-	-
Дмитровский	2	22,2	1	8,3	2	40
Звенигородский	-	-	-	-	2	40
Клинский	-	-	-	-	-	-
Итого:	**3**	**33,3**	**5**	**41,7**	**5**	**80**
Владимирский	1	11,1	-	-	-	-
Переславский	1	11,1	2	16,7	-	-
Юрьев-Польский	-	-	-	-	1	20
Итого:	**2**	**22,2**	**2**	**16,7**	**1**	**20**
Костромской	-	-	1**	8,3	-	-
Кашинский	-	-	1	8,3	-	-
Ярославский	1	11,1	1	8,3	-	-
Ростовский	2	22,2	2	16,7	-	-
Итого:	**3**	**33,3**	**3**	**25**	**-**	**-**
Белозерский	1	11,1	-	-	-	-
Всего:	**9**	**100**	**12**	**100**	**6**	**100**

О поместьях дьяков и подьячих слишком мало данных для каких-либо уверенных выводов. Тем не менее, определенные обобщения сделать можно. Из шести поместий четыре расположены в уездах Московского района. Такое распределение может быть либо следствием особенностей источниковой базы, либо отражать какие-то реальные тенденции в земельной политике правительства по отношению к приказной бюрократии.

Примечания

1. Другие варианты подсчетов см. Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI вв. // Исторические записки. М., 1971. Т.87 (Далее Зимин А.А. Дьяческий аппарат), С.281—282; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С.289—300.
2. Новгородские писцовые книги (далее НПК). СПб., 1886. Т.IV. Стлб. 560—561.
3. НПК. СПб., 1868. Т.III. Стлб.380—381, 428—431.
4. НПК. Т.III. Стлб.375—380, 483—484, 490—491.
5. НПК. СПб., 1862. Т.II. Стлб.654—657.
6. НПК. СПб., 1905. Т.V. С.42, 181.
7. НПК. Т.III. Стлб. 406—408, 435—436.
8. НПК. Т.IV. Стлб. 133—135, 190.
9. НПК. Т.IV. Стлб.28—31; Т.V. Стлб.2.
10. Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т.1. С.85.
11. НПК. Т.III. Стлб.939—941.
12. НПК. Т.III. Стлб.334—337.
13. Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1851. Кн.11. Исследования. С.38, 102—103, 108.
14. НПК. Т.IV. Стлб.240—241; Т.V. С.53.
15. НПК. СПб., 1859. Т.I. Стлб.632—636.
16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв. (далее - АСЭИ). М., 1951. Т.1. №415; Акты Русского государства. 1505—1526 гг. (далее — АРГ) М., 1975. №№80—82, 184; Писцовые книги Московского государства (далее — ПКМГ). СПб., 1872. Ч.1. Отд.1. С.67, 219.
17. АРГ. №109; Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии» (далее — ОГКЭ). М., 1912. Вып.3. №№65, 137, 155. С.18, 41, 47; ПКМГ. Т.1. Отд.1. С.784.
18. АРГ. №№66, 76, 269; ОГКЭ. М., 1917. Вып.4. №1000. С.343—3444 ПКМГ. Ч.1. Отд.1. С.821.
19. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ). М., 1951. №165.
20. Клибанов А.И. Реформационные движения в России. М., 1960. С.191, 200; НПК Т. II. Стлб.380—383, 370—372.
21. ПКМГ. СПб., 1877. Ч.1. Отд.2. С.21.
22. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV— XVII вв. М., 1975. С.414; ПКМГ. Ч.1. Отд.1. С.74, 77, 285, 816; АРГ. №544 ОГКЭ. М., 1899. Вып.1. С.37.
23. АФЗХ. М., 1956. Ч.2. №№2, 166, 187, 188, 201, 210, 215, 254; Баранов К.В. Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря XV - начала XVII века. №6 // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 1998. Вып.4.
24. АСЭИ. Т.1. №580; ОГКЭ. Вып.3. №№28, 203. С.8, 57; ПКМГ. Ч.1. Отд.1. С. 81, 247, 741, 743; АРГ. №225.
25. АСЭИ. М., 1964. №1884 Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1911. Вып.6. С.4.
26. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1997. Т.1. №№146, 312, 313; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли. СПб., 1999. С.145—146.
27. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. С.94.
28. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн.20. Л.344об.—345.

* Те имения, где владельческий комплекс сложился несколькими способами, учтены несколько раз. Имения, чье происхождение установлению не поддается, исключены из анализа.

** Вотчина Алексея Полуектова, полученная путем мены.

29. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее — ДДГ) М.; Л., 1950. №95.
30. ДДГ. №95.
31. АСЭИ. Т.1. №№387, 579, 606, 616; АРГ. №164.
32. Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Вып.1. С.134—135.
33. ДДГ. №96.
34. АФЗХ. Ч.1. №84.
35. ДДГ. №95.
36. АФЗХ. Ч.2. №№49, 276.
37. ДДГ. №№89, 95.
38. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук. СПб., 1841. Т.1. №165; Антонов А.В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV—начала XVII века. Акты кашинских монастырей и церквей. №№83, 89 // РД. М., 1998. Вып.3.
39. АСЭИ. Т.1. №339.
40. ОГКЭ. Вып.3. №25. С.7; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С.150.
41. АСЭИ. М., 1958. Т.2. №184; ОГКЭ. М., 1900. Вып.2. С.6, 12.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДМИТРОВЕЦ

***К.А. Аверьянов**, д.и.н., Институт Российской истории РАН*

Калужская земля богата древними городами. Многим из них посвящены специальные статьи и даже книги, однако о других сведения в литературе практически отсутствуют. К числу таких «забытых» городков относится и средневековый Дмитровец, располагавшийся неподалеку от современного Юхнова, близ впадения в Угру реки Рессы. Информации о нем нет в таких изданиях, как «Калужская энциклопедия» и «Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Калужская область».

Впервые о его существовании становится известным в начале XV в. Под 6915 (1407) г. Троицкая летопись поместила следующее известие: «Того же лета на Спасовъ день князь великии Василеи Дмитриевичь, събрав воя многи, и поиде ратью на Литовскую землю, на Витовта, и взя градъ Дмитровець, и огнемъ пожже. Срете же его Витовтъ съ многою силою; бывшемъ же имъ у Вязмы, и ту вземше перемирие, разыдошася»[1]. Из этого и других летописных известий (включая и западнорусские), уточняется, что это событие пришлось на 6 августа и выясняется, что данная акция была предпринята великим московским князем Василием I в ответ на захват литовцами Одоева. Одновременно с нападением на Дмитровец московская рать попыталась захватить Вязьму, но на помощь ей пришел великий литовский князь Витовт и стороны заключили между собой мирное соглашение[2].

Хотя в летописях Дмитровец упоминается всего лишь один раз, дальнейшую его судьбу можно довольно подробно проследить на протяжении следующих двух столетий, используя такой вид источников, как посольские книги, отразившие дипломатические сношения Русского государства со своими соседями. Они дошли до нас, начиная с последней четверти XV в., и содержат богатый материал по разграничению границ, пограничным спорам и т.п.

Наше предположение оказывается верным, и уже в первых сохранившихся посольских книгах мы обнаруживаем упоминания этого города. В них он именуется то как Дмитровец, то как Дмитров. В частности, в декабре 1488 г. прибывшее в Москву посольство от польского короля Казимира IV Ягеллончика жаловалось великому князю Ивану III на то, что «князя Ондрея Васильевича (брата Ивана III. – *Авт.*) люди проходили у волость нашу к Дмитрову и многи шкоды людем нашим починили, люди побили и иных в полон головами повели, животы и статки побрали»[3]. В июле 1489 г. литовцы вновь поставили перед московским правительством вопрос о возмещении ущерба от набега на Дмитров, уточняя при этом размеры понесенных убытков и кто именно из людей князя Андрея Васильевича участвовал в набеге 1487 г.: «А от сих чясов за два годы, наехавши на нашу волость на Дмитровъ розбоем, Кошкар Ботин брат, а Оболта з братом, а Васюк з братом, а Юрко, а Оксен, а Исачко, а Ивашко Чермнев, а Мордас с своими товарищи выбрали 50 деревень, а взяли коней сорок и два, а живота и състатку всего того взяли на семьдесят рублев ризских»[4].

Однако литовские жалобы оказались напрасными. Перед московским натиском литовцы оказались совершенно бессильными. Правительство Ивана III прилагало все усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону верховских князей, и прежде всего князей Воротынских. Еще в середине 80-х годов XV в. в московское подданство перешел князь Михаил Федорович Воротынский. В декабре 1489 г. на сторону Москвы «с своею отчиною» перешел его брат князь Дмитрий Федорович Воротынский, а осенью 1492 г. — еще один брат князь Семен Федорович Воротынский. При этом последний, «едучи… на великого князя

имя», помимо своих владений, сумел захватить для Ивана III города Серпейск и Мезецк. Чуть позже московское подданство принял и сын князя Михаила Федоровича Воротынского — Иван Михайлович Воротынский. О значении его перехода говорит тот факт, что на московской службе он получил чрезвычайно высокий титул «государева слуги». Все эти действия привели к тому, что в 1492—1494 гг. на московско-литовской границе фактически развернулась пограничная война. В результате перехода Воротынских и других верховских князей Ивану III удалось занять довольно значительную территорию на левом берегу верховьев Оки, составлявшую «отчины» и «дольницы» этих князей. Московское правительство из дипломатических соображений долгое время отрицало сам факт войны, но позднее должно было признать его и в начале 1494 г. пошло на мирные переговоры с Литвой.

Из составленного литовской стороной документа вытекает, что Дмитров в это время находился под управлением смоленского наместника и составлял отдельную волость[5]. Из другого документа выясняется, что Дмитровом владел упоминавшийся нами выше князь Семен Воротынский[6]. Несмотря на то, что последний перешел на сторону Москвы, в ходе переговоров правительство Ивана III вынуждено было согласиться на то, чтобы оставить Дмитров в литовских владениях. Это условие было зафиксировано в заключенном в феврале 1494 г. мирном договоре[7]. Как тяжело было расставаться Семену Воротынскому с частью своих владений, показывает признание, сделанное Иваном III в августе 1494 г. в ответ на обвинения со стороны Литвы о нарушении только что заключенного мира: «А что наши украиники вступилися в волости великого князя (литовского. – *Авт.*) Александровы, опосле докончания… в Дмитровские земли, и мы в те волости и земли своим людем вступатися не велим»[8].

По данным топонимики многие населенные пункты современной России получили свои названия от имен своих основателей или первых владельцев. Так, например, подмосковный город Дмитров, согласно летописному известию, был основан в 1154 г. князем Юрием Долгоруким на месте рождения своего сына Всеволода Большое Гнездо, имевшего церковное имя Дмитрий. Не был исключением из этого правила и интересующий нас Дмитровец. Очевидно, он был назван в честь основавшего его человека по имени Дмитрий. Можно ли установить — от кого именно?

Чтобы ответить на этот вопрос, вновь обратимся к упомянутым нами выше документам. В них наибольший интерес для нас представляет тот факт, что Дмитров до середины 90-х годов XV в. принадлежал князю Семену Федоровичу Воротынскому, служившему в качестве вассала литовским великим князьям. Поскольку в XIV — XV вв. вассальные отношения носили, как правило, наследственный характер и самым тесным образом были связаны с земельными пожалованиями вассалу со стороны сюзерена, следует предположить, что Дмитровцем владел уже отец князя Семена Федоровича Воротынского — князь Федор Юрьевич Воротынский, живший в первой половине — середине XV в.[9]

В свою очередь, князь Федор Юрьевич Воротынский был женат на Марии, дочери князя Дмитрия-Корибута Ольгердовича (сына великого князя литовского Ольгерда, жившего в XIV в.). Об этом становится известным из одного акта 1505 г.: «Корыбутова дочка Ольгирдовича Марья была у великого князя Витовта на сенех, и князь великий Витовт дал ее замуж за князя Федора Воротынского»[10]. Поскольку заключение брака в это время обычно сопровождалось передачей в качестве приданого земельных владений, с большой долей вероятности можно полагать, что Дмитровец достался князю Федору Юрьевичу Воротынскому от его тестя — князя Дмитрия-Корибута Ольгердовича.

Корибут (в крещении Дмитрий) Ольгердович (1357—1399) был четвертым сыном великого князя литовского Ольгерда. При разделе владений после смерти отца в 1377 г. он получил Северское княжество, а затем ему досталось и Трубчевское, которое великий князь литовский отнял у своего мятежного брата Андрея Ольгердовича. В 1379 г. последний с русскими князьями во главе сильного войска подошел к Стародубу, и Дмитрий Ольгердович вынужден был покориться его воле. Он вышел навстречу старшему брату и изъявил покорность великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, за что получил от него Переславль-Залесский. В 1380 г. Дмитрий Ольгердович участвовал в Куликовской битве. Через год Дмитрий Ольгердович снова получил Северское княжество. В 1386 г. вместе с другими литовскими князьями он ходил против смоленского князя Святослава Ивановича. В 1390 г. вместе со Скиргайлом он ходил на Гродно и занял Лиду, откуда его в 1392 г. изгнал гермейстер Иоганн Румменгейм. После вступления на литовский престол Витовта Дмитрий Ольгердович был переведен в Новогрудок, а в 1393 г. вновь въехал в Новгород-Северский. В 1399 г. он участвовал в битве на р. Ворскле против татар Темир-Кутлука, где

21 Зак. 1971

погиб вместе с сыновьями Иваном и Андреем[11].

Поскольку Дмитровец не упоминается в «Списке городов русских дальних и ближних», составленном в 1374 г. и дающем достаточно подробный перечень существовавших на тот момент городских поселений, возникновение Дмитровца можно отнести к промежутку между 1374 и 1399 гг., скорее всего к середине — второй половине 90-х годов XIV в. Очевидно, он был возведен в качестве пограничного форпоста владений князя Дмитрия Ольгердовича. Спустя несколько лет, в 1407 г., он впервые упоминается летописцем.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют проследить судьбу города на протяжении нескольких последующих десятилетий, вплоть до начала XVII в. Из приведенного у М.К. Любавского великокняжеского привилея выясняется, — кому достался Дмитров после заключения мирного договора 1494 г.: «В 1495 г. великий князь Александр пожаловав писарю Ивашку Сопежичу Дмитров в держание до живота, писал приказнику Дмитровскому и всем людям Дмитровцам: «И вы бы его во всем были послушны по тому, как и первых наместников наших. А што там в вас дани нашое идет нам, тую дань казали есмо ему, збираю на вас, и слати до скарбу нашого»»[12]. Однако он владел Дмитровцем крайне недолго.

Несмотря на то, что московское правительство в 1494 г. признало Дмитровец литовским владением, конфликты по поводу его принадлежности по прежнему продолжались. При этом московская сторона, внешне сохраняя мир, стала придерживаться тактики фактической аннексии. В июле 1498 г. новое посольство от великого литовского князя Александра Казимировича жаловалось Ивану III: «боярин твой… Олферей, волостель туреский… Дмитровское нашое волости засел 10 деревень у Радуньи, тое же волости нашое Дмитровское Скряба Травин засел два села, на имя Луково а Шибнево, а тивун вежецки Абрам тое ж Дмитровское волости засел 11 деревень»[13].

Подобные действия привели к тому, что в 1500 г. война возобновилась. Перевес в силах и на этот раз оказался на московской стороне и в начале 1503 г. Литва вынуждена была пойти на мирные переговоры. Согласно заключенному в марте 1503 г. сроком на 6 лет московско-литовскому перемирию Дмитровец окончательно переходил к Москве. При этом он упоминается как «городище Дмитровец»[14].

На протяжении всего XVI и начала XVII в. русская граница с Речью Посполитой оставалась достаточно стабильной и в течение всего этого времени мирный договор 1503 г. постоянно подтверждался и упоминания «городища Дмитровца» находим в документах 1526, 1537, 1542, 1549, 1553, 1556, 1567, 1570, 1600/01, 1607/08 гг.[15] Встречается название Дмитровца и на западноевропейских картах этого времени[16].

Документ 1607/08 гг. является последним, в котором упоминается «городище Дмитровец». События Смутного времени начала XVII в. привели к запустению здешних земель и более сведения о средневековом городке не встречаются в источниках, а на его месте существовало село, фиксируемое в «Списках населенных мест Российской империи» середины XIX в.[17]

Примечания

[1] Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 465. Аналогичное известие читается в Симеоновской летописи и Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 154; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 237).
[2] ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907. Стб. 58; Т. XX. Первая половина. СПб., 1910. С. 224 — 225; Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 94, 265, 340; Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 91, 256; Т. XXXV. М., 1980. С. 32, 54.
[3] Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1892. С. 20 (Далее: Сборник РИО).
[4] Там же. С. 37.
[5] Там же. С. 118.
[6] Там же. С. 136.
[7] Там же. С. 120, 125, 130.
[8] Там же. С. 152.
[9] Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С.118.
[10] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т.I. С. 364. № 214.
[11] См.: Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. М., 2001. Т.1. С. 600.
[12] Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 278, 433; Литовская метрика. Кн. Запис. VI. Л. 62.
[13] Сборник РИО. Т. 35. С. 268.
[14] Там же. С. 400.
[15] Там же. Т. 35. С. 743; СПб., 1887. Т. 59. С. 127, 191, 304, 326, 409, 413, 512; СПб., 1892. Т. 71. С. 479, 490, 727, 732; СПб., 1912. Т.137. С. 60, 70, 701, 714.
[16] Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып.1. Л. XI, XIII, XV, XXII, XXIV, XXVII; Киев, 1910. Вып.2. Л. XI.
[17] Списки населенных мест Российской империи. Смоленская губерния. СПб., 1868. Т.XL. № 11285.

«СЫСК» 1665 г. О СУДОХОДНОМ ДВИЖЕНИИ ПО ВЕРХНЕЙ ОКЕ

***М.Б. Булгаков**, к.и.н., Институт Российской истории РАН*

В XVII в. торговое судоходное движение по верхней Оке было интенсивным[1], несмотря на то, что до реформы 1653 г. ему мешало таможенное государственное обложение (мытные пошлины). Во второй половине XVII в. после отмены мытных пошлин этому движению стали мешать злоупотребления воевод, которые взимали с торговых людей незаконные поборы за пропуск их судов мимо верхнеокских городов[2], также злоупотребления местных помещиков, чьи владения были расположены на берегах реки.

В нашем распоряжении находится отрывок сыскного дела 1665 г. о незаконных поборах с торговых людей за проход их судов через владельческие мосты помещиками Орловского уезда[3]. «Сыск» проводил посланный в г. Орел из Москвы (из Разрядного приказа) дворянин М.Г. Кириевский, которому помогали два орловских пушкаря — Илья Савельев и Аверкий Кузнецов.

Дело началось по челобитью «разных московских слобод и из городов посадских людей братьев Василия, Михаила и Федора Фасливых и всех торговых людей, которые стругами по Оке реке вверх к городу Орлу с солью и вниз с хлебом ходят» на помещиков — владельцев мостов. Челобитье было написано от имени 37 судовладельцев. В деле его не сохранилось, но перечень обвинений торговых людей выясняется из «сказок» привлеченных к «сыску» помещиков и других лиц. Челобитчики писали, что помещики построили мосты через Оку реку от устья реки Зуши — правого притока Оки — до г. Орла и за пропуск судов, идущих вверх или вниз по этому участку пути через их мосты, брали с них мостовщину до 5 р. с судна, а некоторые по полтине с сажени судна. Помещики, их люди и крестьяне также били «ярыжных, которые в лямках ходят по берегу» и отнимали струговые снасти. Некоторые помещики даже делали «надолбы по живую воду» на бечевнике — тропе вдоль берега, чтобы воспрепятствовать ходу ярыжных. Из-за таких задержек многие суда с солью не доходили до Орла и замерзали в «чистополье». В челобитье были указаны места, где помещики построили мосты и названы их владельцы.

Сыщику предстояло разобраться, когда были построены эти мосты и на каком основании, в каком размере бралась мостовщина, избивались ли ярыжные, и были ли другие злоупотребления со стороны владельцев мостов. М.Г.Кириевский со своими помошниками в июле 1665 г. провел «сыск» по этому делу с привлечением обвиняемых владельцев мостов и многих людей «разных чинов»: орловских стрельцов, пушкарей, драгун, казаков-черкасов, дворян и детей боярских.

В «допросах» у сыщика определились названия некоторых населенных мест, при которых были возведены мосты через Оку. Пять из них удалось идентифицировать по списку населенных мест Орловской губ. 1886 г. Это дер. Гонячая стольника В.А.Хитрово в 8 верстах от Орла, дер. Тайная в совместном владении 3-х помещиков в 10 верстах от города, дер. Нижние Вески (в XIX в. она называлась дер. Вязки) в совместном владении 3-х помещиков в 13 верстах от Орла, дер. Сторожевая (в XIX в. она уже село с тем же названием) полковника и головы московских стрельцов А. Лопухина в 18 верстах от города и село Архангельское (в XIX в. село называлось Архангельское, что под Мокрым) во владении священника Микифора в 20 верстах от Орла. Все эти перечисленные деревни в 1886 г. были в казенном владении[4]. В деле имеется название еще одного приокского пункта — дер. Чевычелово, которой совместно владели 7 помещиков, но в списке 1886 г. ее нет. Возможно, она поменяла название или просто перестала существовать к XIX в. Еще четыре деревни из всех десяти пунктов, при которых стояли мосты, не были названы помещиками.

Почти все указанные в челобитной владельцы мостов обвинения торговых людей отрицали — «струги не задерживали, мостовщины не бирывали, работников и ярыжных…не бивали и им ходить не заказывали, а говаривали, чтобы хлеба не толочили и снастей струговых не отнимывали…». Они утверждали, что «которые де стругами торговые люди хаживали…и нам принашивали почести от пропуску стругов солью с четверть пуда и деньгами одну или две гривны и горшками и чесноком и медом и рыбой и они де у них брали в честь, а не с правежу». Некоторые помещики добавляли, что они судовладельцев за это — «в то место подчевали вином и пивом».

Священник села Архангельского Микифор Мокеев сказал, что «шестеро помещиков

с братьями своими и крестьяны мост ставят насильством на моей церковной земле и я де тот мост многажды разметывал и они опять мостят и хотят меня плетьми бить, а мостовщины я по 5 р. не бирывал, а имали они все ту мостовщину Илья Некрасов с товарыщи» (л. 41).

По поводу того, когда помещики поставили мосты — по «государеву» ли указу или «своим изволом» выяснилось, что они «заведены издавна как город Орел ставлен», т. е. 100 лет тому назад, «лет с 60, с 30, с 8,был у прежних помещиков, как ставлена деревня, года с два или с три, в нынешний год». Почти все помещики или их люди и крестьяне сказали, что «мосты ставили без челобитья и без государева указу» Отвечая на вопрос «для чего они поставили мосты?», многие владельцы сказали: «потому что по обе стороны реки у них поместная земля». На одной стороне реки у них находилась пашня, а на другой — сенные покосы и лес. Отсюда ясно, что власти закрывали глаза на такую «самодеятельность» помещиков, принимая во внимание их хозяйственные нужды, пока они не сделали эти мосты источником незаконных доходов.

Однако некоторые помещики и их люди в «допросе» сообщали сыщику несколько другие и более правдивые сведения. Так «жилец» Василий Шепелев сказал про своего товарища — совладельца мостом под селом Архангельсим — Илью Некрасова, что он не только брал мостовщину от пропуска судов через мост, но и «с пеших людей мостовщину имывал же». Здесь отметим, что под мостовщиной понимались как сборы за пропуск судна под мостом, так и проезд или проход по мосту с одного берега реки на другой.

Еще один совладелец архангельского моста — Спиридон Некрасов — сказал про Василия Шепелева, что он сам собирал мостовщину, и вместе с ним это делал «попов зять Кирило, а выбрали де они мостовщину збирать Миронова крестьянина Степку Гриба и он де Степка мостовщину с стругов бирал и меж де себя Василий и Кирило делили» (л.45). Крестьянин Степан Гриб перед сыщиком сообщил: «мостовщину де я попов жеребей Микифоров во 172 г. собрал 1,5 р. и отдал ему попу Микифору, а у Василия Шепелева збирали мостовщину…ево крестьяне и на берегу сиживали с огнем для ради пропуску судов» (л. 47). Это показание опровергает «сказку» Архангельского священника о том, что он не брал денег с проплывающих торговцев и выявляет любопытный факт о выборе помещиками специального сборщика мостовщины за пропуск стругов по аналогии с казенными таможенными целовальниками. Кроме того, любопытен факт дежурства крестьян на берегу у моста, когда они в студеные осенние дни (навигация на Оке продолжалась обычно до ноября, а ночью судового движения не было), сидели у костров, поджидая очередное судно. Можно также предположить, что совладельцы мостов — мелкие помещики (они называли себя «себрами») — сообща «ставили» мосты и сами, или их крестьяне, поочередно собирали деньги за пропуск судов.

Из показаний соседей поместья И.К. Безобразова — приказного человека и старосты поместья Ф.В. Бутурлина — определяется, что у моста на берегу от деревни Безобразова (ее название не приводится) «к реке к Оке надолбы были и на мосту решотка», которую крестьяне помещика, услышав о «сыске» о мостах «сметали с недели с четыре». Отсюда явствует неправда сообщений людей Безобразова о том, что у моста под деревней не было надолбов, и что они стругов не задерживали. Становится также ясно, каким способом препятствовали проходу судов под мостом — с него в воду спускали деревянную решетку (л. 64).

Показания многих «обыскных» людей (более 200 чел.) также доказывали описанные в челобитной торговых людей злоупотребления помещиков — владельцев мостов.

Поскольку все привлеченные к «сыску» люди говорили, что они «не ведают почему (т.е. сколько денег — *М.Б.*) имали помещики мостовщину», то торговые люди во второй своей челобитной, которая в деле сохранилась, просили привлечь к «сыску» их приказчиков. Эти приказчики, которые «хаживали на стругах в работниках — орляне, дединовцы и из других городов» (всего 29 чел.) сказали сыщику, что «те помещики, которые мосты мостят через Оку реку от устья Зуши реки до Орла города…с их стругов мостовщину бирали рубля по 2 и по 3 и по 4 и больши и нас работников те помещики и люди их и крестьяне бивали и саблями голевали (обнажали сабли — *М.Б.*) и бечевы их на берег рублевали и в воду нас с стругов выбивали». Они также сообщили, что помещик Иван Алисов «в 172 г. с людьми и со крестьянами своими великого государя струга с хлебом скрозь мост свой не пропустил, а работников бил и увечил и называл тот струг и хлеб воровски — вы де с тем стругом пролыгаетеся (обманываете — *М.Б.*), то де струг торгового мужика» (л. 67).

Из этих показаний вырисовываются просто пиратские действия помещиков, когда они со своими людьми со своих лодок брали «на абордаж» у мостов торговые струги и силой «выбивали» у приказчиков деньги за пропуск судов. Интересно, что Иван Алисов «в допросе» у сыщика сказал, что мост у него «года по два бывал, а нынеча нет», а судовладельцы ему сами «принашивали почести от пропуску стругов» (л. 33). Конечно, этот помещик в год «сыска» мост под своей деревней ликвидировал, а сыщику говорил неправду, боясь наказания за злоупотребления.

По результатам «сыска» М.Г.Кириевского, после доклада об этом «государю», помещики — владельцы мостов за свои злоупотребления должны были понести наказание, но какое оно было, неизвестно, поскольку дело без конца. Можно лишь предположить, что «по государеву указу» виновные помещики были подвергнуты какому-то штрафу, а мосты их велено было снести.

Примечания

1. Булгаков М.Б. Торговое движение по Окско-Московской речной системе в середине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 201—219; Бакулин В.С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 256—263.
2. Кизеветтер А.А. Заградительные отряды XVII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 314—322.
3. РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола, № 535, л. 29—67. В дальнейшем при цитировании будут указаны лишь листы источника.
4. Штиглиц Н. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1886 г. Спб., 1871. С. 16, 172, 176.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В КАЛУЖСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

***М.А. Ефименкова**, Калужская областная детская библиотека*

Цель предпринимаемой работы не преследует только восторженное описание статей, хорошо известных в калужском краеведении. Дальнейшее изучение сложнейшей темы — Смутные времена в Калуге, требует обращения к трудам историков города, чтобы еще раз выделить круг вопросов, на которые либо даны противоречивые ответы, либо не даны таковые вовсе. В ходе анализа докладов и сообщений, касающихся Смутного времени в нашем городе, дискуссионные моменты в изучении данного периода будут выделены особо. Систематизация материала — хронологическая. Критерий отбора статей — авторитет краеведов, чьи заслуги в изучении истории Калуги несомненны.

Трейтер П.А. К вопросу о местоположении Калуги в XVII столетии // ИКУАК. 1899. Вып.3. С.11—30.

Трейтер Петр Алексеевич (1862 — 1938) после окончания историко-филологического факультета университета в Санкт-Петербурге в 1886 г. был назначен в Калужскую гимназию и до ее закрытия в 1918 г. служил учителем истории. Являлся членом Калужской ученой архивной комиссии (КУАК), изучал документы XVII в., регулярно публиковал в «Известиях КУАК» свои исследования в области истории и древностей Калужского края[1].

Анализируя подлинные документы, автор статьи пробует определить, где находился в XVII в., в разгар Смутного времени, город, т.е. деревянный кремль Калуги. Подробно и аргументировано П.А. Трейтер доказывает, что Калуга в Смутное время находилась уже на нынешнем своем месте, и крепость 1685 г. находилась на месте старой ее крепости, видевшей в стенах своих Болотникова, Лжедмитрия II, Марину Мнишек.

Весьма полезна информация о доме воеводы, которая должна быть известна всем, однако вольно трактуется в разных источниках. В статье Трейтера говорится: «Дом воеводы находился в западном углу кремля, где теперь губернаторский дом, а раньше его стоял дом наместника, выстроенный на месте старых воеводских хором. В городе же (кремле) находилась Приказная изба, впоследствии переименованная в воеводскую или провинциальную канцелярию…»/ К слову сказать, в одном из номеров газеты «Калуга вечерняя» за 1995 г. появилась статья «Калужский кремль в XVII в.». К статье прилагается рисунок — схема кремля, на котором воеводская изба ставится на восток[2]. Удивительным же является то, что и Трейтер? и автор более современной статьи использовали одни и те документы XVII в. Впрочем, в пользу версии П.А. Трейтера говорят обнаруженные при земляных работах в 1935 г. фрагменты деревянных сооружений[3].

Легенда о доме Марины Мнишек, по мнению Трейтера, создалась вследствие смешения местности кремля с Завершьем. Лжедмитрий II, по словам К. Буссова (Бэра), жил в доме

воеводы, который традиционно не мог быть нигде, кроме кремля, и, по всей вероятности, стоял там же, где и в XVIII в., то есть на месте Губернаторского дома. В завершении статьи Трейтер пишет: «…я смею льстить себя уверенностью, что вопрос о местоположении Калуги XVII в. извлечен из области догадок и поставлен на научную почву точного исследования».

Кашкаров В.М. Из Смутного времени: Очерк из истории Калужского края в перв. четв. XVII в. // Военные записки. Калуга, 1904. Вып.1. С.103—124.

В 1903 году, на волне всплеска общественного движения, создается Калужское отделение общества ревнителей военных знаний. В следующем году в «Военных записках» (органе этого отделения) появилась большая примечательная публикация Василия Михайловича. В ней автор освещает интересные и редкие эпизоды, собранные «главным образом по русским летописям и сказаниям очевидцев и участников этих событий : Конрада Буссова, хорунжего Будзилы и гетмана Жолкевского…». Особенно привлекает к себе неизвестный ранее дневник мозырского офицера Осипа Будзилы, содержащий массу подробностей по событиям того времени в Калужском крае[4].

Интересной представляется нам собранная Кашкаровым информация о Конраде Буссове, воспоминания которого о Калуге начала XVII в. считаются историками наиболее полными и авторитетными. Поскольку данный источник будет нами впоследствии неоднократно цитироваться, обратим более внимательный взгляд на личность автора.

«Конрад Буссов был родом из Люнебургского герцогства. Он получил хорошее по тому времени образование и еще в XVI столетии имел случай приобрести познания и опытность в военном деле. В 1601 г. мы видим его на службе шведского герцога Карла (впоследствии короля Карла IX) в Лифляндии в должности интенданта областей, завоеванных в 1600 и 1601 г. шведами у Польши. Еще до начала этой войны царь Борис Федорович Годунов помышлял о возвращении России Эстляндской и Лифляндской земель. Буссов, знавший об этом, весной 1601 г. вызвался сдать царю Мариенбург и Нарву, но потерпел неудачу; вскоре потом он переселился в Москву, где выдал дочь свою за пастора лютеранской церкви Мартина Бера. В России Буссов прожил 10 лет и был очевидцем событий, разыгравшихся с 1601 по 1611 гг. По смерти первого самозванца в 1606 г. он покинул Москву и жил попеременно в Угличе, Калуге и Туле, а затем опять в Калуге, где проживал в то же время второй самозванец. После кровавой расправы с ним Буссов отдался под покровительство польского короля Сигизмунда III и вторично явился в Москву. Весною 1612 г. мы видим его в Риге. Но там он недолго пробыл, вскоре уехал в Германию, где и умер в 1617 г. Пребывание в таких городах, как Москва, Углич, Калуга и Тула, дававшее ему возможность лично наблюдать на месте совершавшиеся события и таких видных участников этих событий, как любимец Лжедмитрия I — Петр Басманов, князь Адам Вишневецкий, Ян Сапега и второй Самозванец, придают его запискам особый интерес и достоверность.

Приблизительно к тому же времени относится пребывание в России другого хроникера, шведского дворянина Петра Петрея, широко воспользовавшегося для своей «Летописи России» хроникою Буссова. Во время появления, в 1611 г., в Ивангороде третьего Лжедмитрия, он, как лично знавший первого Лжедмитрия, по поручению шведского короля приезжал в Нарву для обличения нового самозванца. Здесь, или в Риге, он достал список хроники Буссова и выдал ее за сочинение пастора Мартина Бера, переселившегося в Нарву в 1612 г. Ошибку Петрея повторили Карамзин и Устрялов (в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце»).

Хроника Конрада Буссова дошла до нас в нескольких редакциях; древнейшая составлена в 1612 г., во время пребывания его в Риге. Подлинник, по которому Буссов предполагал в1617 г. печатать свой труд, еще не найден» (Указ. соч. Кашкарова, с.105). Любопытно, что цитируемый ниже Д.Н. Разломалин называет труд Буссова летописью пастора Бера. Этим небольшим фрагментом мы и ограничим рассказ об очерке В.М. Кашкарова.

Малинин Д.И. Лжедмитрий II в Калуге: Калуга в 1610 г. // КЦОВ. 1913. № 32—36.

Уважаемый калужский краевед оказывает большое недоверие хронике Буссова. Например, в №32 на странице 8 находим: «Буссов называет днем бегства вора 29 декабря, но хронология у этого современника сбивчива вообще; Точно дата устанавливается в Собрание государственных грамот и договоров, т. II, 385. С последней согласна и дата в «Истории ложного Дмитрия» — 6 января нового стиля».

Подвергается сомнению и обращение Лжедмитрия II к калужанам[5]: «Поганый король (польский) неоднократно требовал от меня страны Северской, называя оную вместе с Смоленском собственностью, но как я не хотел исполнить его требования, опасаясь, чтобы не укоренилась там вера поганая; то Сигизмунд замыслил погубить меня, и уже успел, как я известился, склонить на свою сторону полководца моего Ружинского и всех поляков, в стане моем находящихся. К вам, калужане, я обращаю мое слово, отвечайте: хотите ли мне

быть верными? Если вы согласны служить мне; я приду к вам и надеюсь с помощью Николая, при усердии многих городов мне присягнувших, отомстить не только Шуйскому и полякам коварным, но в случае крайности готов умереть с вами за веру православную; не дадим только торжествовать ереси, не уступим королю ни двора, ни кола, а тем менее города или княжества».

Этот текст Д.И. Малинин анализирует так: «Тон прокламации неуверен. Точно самозванец зондирует почву, как бы предполагая, что калужане уже осведомлены о тушинских событиях и точно не зная отношения их к себе. «Если вы согласны служить мне», говорит он, между тем как он был уверен в преданности калужан себе. Он был полтора года назад в Калуге лично; … за него два года стойко стояли жители и упорно бились; и воевода был преданный и верный ему; здесь же были семьи многих тушинцев. Самозванец все это знал, и не мог писать в таком заискивающем тоне. Вор надеется на помощь святого Николая. В качестве православного Лжедмитрий употребил бы здесь скорее выражение «с Божией Помощью», хотя и святой Николай был очень почитаем в Калуге. В появлении в тексте воззвания к Святителю Николаю, безусловно, повинен сам Буссов, так как он считает русским Богом святого Николая. Имеем ли мы здесь дело с подлинником прокламации царика? Ведь хроника Буссова при всех своих достоинствах страдает и многими существенным недостатками: 1) Он часто не был очевидцем описываемых событий; 2) по-видимому, не вел своевременных записей или дневника; 3) Хронология его записей часто неточна; 4) Он не был здесь в момент приезда царика в Калугу. И зять его, Мартин Бер, жил в это время в Козельске, прибыв в Калугу только через полгода. Вернее всего, Конрад Буссов сообщает здесь с чужих слов. И текст этот только более или менее правдоподобен» — делает вывод Малинин.

В своей работе Дмитрий Иванович также напоминает, что, по утверждению автора «Нового летописца», взятие Боровско-Пафнутьева монастыря войсками Лжедмитрия II в 1610 г. стало возможным из-за предательства Афанасия Челищева и Якова Змеева, открывших «острожные ворота». В результате кровопролитного боя погибло до 12000 человек, число погибших внушало сомнение Малинину. Эти исторические факты попытались исследовать боровские историки[6].

В.И.Осипов сообщает: «Население Боровска в то время было малочисленным. Например, в 1695 г. город имел всего 244 двора, где проживало 852 человека. В 1628 — 1629 гг., по писцовым книгам, население уезда составляло 1206 человек. Даже если предположить, что была учтена только третья часть опустевших дворов, то все равно не набирается 12 тысяч, погибших в монастыре. Надо еще учесть, что бежать из глухих деревень, чтобы спрятаться за стенами монастыря, было неразумно, так как каждая деревня располагала своими тайниками в дремучих и непроходимых лесах. А многие жители и приветствовали Лжедмитрия II как истинного царя — сына Ивана Грозного.

Историк С.В. Поздняков считает, что предательства не было, так как об этом не упоминают польские источники, а в платежной книге по Малоярославецкому уезду сказано, что Афанасий Челищев убит в Пафнутьевом монастыре[7].

Достойна уважения позиция боровских краеведов, поскольку они полагают, что нельзя считать окончательной ни одну из версий событий 1610 г.

Д.И.Малинин четко выделяет вопросы, на которые пытается найти ответ в своем исследовании. 1) Существовало ли воззвание Лжедмитрия II к калужанам? 2) Какова истинная картина обороны Боровского монастыря в 1610 году? 3) Где был убит Лжедмитрий II? 4) Где жил Лжедмитрий II в Калуге? 5) Где могила Лжедмитрия II? Эти вопросы ждут дальнейшего изучения. Впрочем, один из них был подробно исследован в 1928 и в 2000 гг.

Разломалин Д.Н. В поисках места убийства Лжедмитрия II в Калуге в 1610 г. ГАКО, ф.Р-324, оп.1, д.24, л.14.

Тезисы доклада Д.Н. Разломалина печатаются по протоколу № 4 от 19 февраля 1928 г. Доклад был прочитан на общем собрании членов Калужского общества истории и древности.

Калужское общество истории и древностей (КОИД) образовано 24 ноября 1918 г. в результате слияния КУАК и созданного Д.И. Малининым Общества охраны местных памятников художественной старины. КОИД провело около 80 общих собраний, на которых было заслушано более 120 докладов по истории Калужского края, его археологии, этнографии. В 1928 г. в КОИД было 6 почетных, 81 действительный член, 8 членов-корреспондентов. Работали секции: этнографическая, архивная, библиотечная, библиографическая, церковно-археологическая, художественная[8].

Первая часть доклада: Лжедмитрий II в1610 году. Источники: 1) летопись пастора Бера; 2) записки пана Стадницкого, бывшего в рядах Лжедмитрия II; 3) на показаниях (так в

документе — *М.Е.*) двух татар, бежавших после убийства Лжедмитрия II из Калуги в Москву.

Все исторические документы по вопросу о месте убийства Лжедмитрия II дают разные указания, причем более достоверным и правдоподобным докладчик считает показания бежавших из Калуги татар. В то время, как пастор Бер в своей летописи говорит о месте убийства словами: «как только отъехали четверть версты от города», а Стадницкий в своем поэтическом описании зимнего вида долины речки Яченки и случившегося исторического происшествия также говорит о событии «на р. Яченке», — показания татар отличаются: «за р. Яченкой, на горе, у креста». Последнее обстоятельство и послужило докладчику материалом для исследовательской работы по выяснению места убийства.

Вторая часть доклада. Подробно изложив ход маршрута охотничьего поезда Лжедмитрия II, докладчик неожиданно напал на след ценных памятников старины. На опушке городского бора по Крутицкой дороге есть гора куполообразной формы, которая называется «Савушкиной горкой», а иногда «Савушкиной могилой». Далее по той же дороге местность поднимается на значительную гору, причем после подъема на эту последнюю, на той же дороге, есть местность, которая по рассказам некоторых старожилов называется «у креста». Из рассказов выяснилось, что на этом месте испокон веков стоял большой крест. И сейчас здесь есть остатки от сруба уже заплывшего колодца. Принимая во внимание характер местности и сравнивая его с показаниями беглецов-татар, с большою вероятностью можно сказать, что это действительное место убийства Лжедмитрия II. Это подтверждается еще и тем, что вокруг этого места уцелели и другие памятники старины: 1) большая сосна, в стволе которой была врезана икона, перед которой горела неугасимая лампада; 2) могилы старого кладбища с уцелевшими до наших дней намогильными камнями; 3) известная Фофанова могила. Все эти памятники древности являлись с незапамятных времен особо чтимыми местными старообрядцами и расположены они как раз у исторического места «у креста».

Вполне вероятно, что потомки калужан, присягнувших на верность Лжедмитрию II, бывших опорой его борьбы с московским правительством — старообрядцы — свято чтили место кончины своего царя, окружая это место таинственными преданиями и рассказами.

Таким образом, местность «у креста», по-видимому, совпадает с показаниями убежавших из Калуги татар. А так как эта местность находится в четырех верстах от Калуги, то это обстоятельство нужно признать исправляющим неточность или ошибку пастора Бера, говорящего в своей летописи о четверти версты от города». Вполне возможно также, что созвучие «четверть версты» и «четыре версты» внесло неточность при переводе Беровской летописи с немецкого языка на русский. Во всяком случае, охота Лжедмитрия II, снарядившего для этой цели пышный кортеж, не могла производиться в четверти версты от Калуги, так как эта местность должна была бы находиться не на р. Яченке и не за р. Яченкой, а всего лишь на правом берегу Березуйского оврага, бывшего в то время западной границей Калуги. Долина же р. Яченки, имевшая в то время живописный вид (записки пана Стадницкого), являлась, безусловно, привлекательной для этой охоты. Здесь-то и разыгралась историческая трагедия, положившая конец самозванщине.

Зеленов В.С. в своей работе «Где же был убит Лжедмитрий II?» утверждает:«…здесь, в черте современного города, вблизи пересечения улиц Московской и Карла Либкнехта, и был убит Лжедмитрий II»[9]. Эта гипотеза убедительно аргументирована, однако автор ее через несколько лет в другой публикации вынужден согласиться: «Впрочем, документы не согласуются друг с другом»[10].

Профессор В.А. Малинин, обобщая проблемы исследователей Смутного времени, подчеркивает: «Исследовательские трудности возникают, как ни парадоксально, не столько даже из-за скудости документальной основы, хотя и она ставит свои преграды, сколько из-за исключительной противоречивости показаний современников»[11].

Помимо указанной проблемы в современном калужском краеведении сохраняется труднообъяснимая верность легендам, а также нежелание эти предания научно опровергнуть. Именно в наше время уместно вспомнить слова профессора И.М. Гревса, который, выдвигая в 1925 г. программу работ по краеведению, писал: «Если восстановление истории великих городов требует специалистов высокой компетенции, то многочисленные малые в различных областях лежат прямо на ответственности местных краеведов-историков»[12].

Примечания

1. Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С.584.
2. Днепровский А.С. Калужский кремль в XVII в. // Калуга вечерняя. 1995, 7—13 октября. №40.
3. Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1997. С.18.
4. Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996. С.49.
5. Ханыков В.Я. Летопись Калужская. Репринт. Калуга, 1991. С.43.
6. Боровский край в истории России. 2-е изд., испр. Боровск, 2002. Ч.1. С.46.
7. Поздняков С.В. Обжалованию подлежит // За коммунизм. 1995. №146 (цит. по кн.:Боровский край в истории России. Боровск, 2002. С.46)
8. Историко-краеведческие организации Калужского края (1891 — 1937 гг.): Библиогр. указ. Калуга, 1982. С.13—14.
9. Зеленов В.С. Где же был убит Лжедмитрий II? // Калуга в шести веках : Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2000. С.46—51.
10. Зеленов В.С. Дороги Калужского края. Калуга, 2002. С.25.
11. Малинин В.А. Герои Смутного времени. Калуга, 1999. С.3.
12. Филимонов В.Я. Город как предмет краеведческого изучения // Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1997. С.6.

МЕЛЬНИЦЫ ВЕРХНЕЙ ОКИ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ТРАДИЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

***Г.Б.Сафонова**, Калужский областной краеведческий музей*

Изучение исторически сложившихся традиционных форм хозяйствования русского народа представляет интерес не только для таких дисциплин, как этнография, археология и история экономики. В этой ситуации неизбежно обращение к вопросам природопользования, взаимодействия человека и окружающей среды в процессе хозяйственной деятельности. Поэтому столь же неизбежным является и междисциплинарный подход, особенно необходимый при изучении таких объектов, как водяные и ветряные мельницы. Располагавшиеся на реках и родниках водяные мельницы требуют обращения к вопросам гидрологии, с которыми тесно связана проблема рыбной ловли в мельничных прудах, а также использования бродов как транспортного пути. Работа ветряных мельниц напрямую зависела от метеорологических условий, в том числе и от экстремальных природных явлений. Основным рабочим элементом всех мельниц были жернова и на эффективность работы влияло наличие месторождений или разработок соответствующих пород камня в данной местности. В этом блоке вопросов необходимо учитывать не только влияние природных условий на такие хозяйственные комплексы как мельницы, но и факторы антропогенного воздействия на природу, отразившиеся в пословице «мельницу строить — за подтоп отвечать».

Не на все вопросы могут быть получены исчерпывающие ответы, некоторые из них можно лишь только обозначить. Это связано с состоянием исторических источников, в которых проблемам природопользования отводилось далеко не главное внимание. Этот недостаток могут компенсировать достаточно широкие хронологические рамки изучавшихся региональных материалов — с XVII до начала XX вв., что позволит в определенной мере наметить пути решения вопросов природопользования, связанных с мельницами региона верхней Оки.

Хронологические рамки темы нами выбраны неслучайно. Первые упоминания в письменных источниках по региону относятся к рубежу XVI — XVII вв., когда строилась старейшая мельница Оптиной пустыни на реке Другусне под Козельском, а в 1610 г. «литовским разореньем» была уничтожена мельница Пафнутьев-Боровского монастыря на реке Протве. На территории края мельницы строились и в начале XX в., а некоторые из них с техническими усовершенствованиями продолжали работать и в середине XX в.

Географическое расположение региона верхней Оки на водоразделе верхних притоков Волги и Днепра[1] с преобладанием малых рек с небольшой водоносностью создавало условия для строительства водяных мельниц. Статистика середины XIX в. отмечала в крае «рек и речек, замечательных по устроенным на них фабрикам, заводам и мельницам, принадлежащих бассейну Оки — 53, бассейну Десны — 16»[2]. Из рек региона только Ока и Угра не знали мельничных плотин, а Жиздра была запружена только в верховьях. Основная нагрузка ложилась на притоки Оки и Десны второго и третьего порядка, среди них своеобразным лидером был левый приток Жиздры — река Серена. При длине в 93 версты на ней располагалось 13 мельниц. Река оказалась привлекательной из-за быстрого течения, уклона русла, на отдельных участках достигающего 1,96 метров на километр, и его крутой извилистой формы, особенно в нижнем течении[3]. Для мельниц использовались и естественные выходы подземных вод — «ключистые места, обильные водой» (например мельница в Малоярославце около Черноостровского монастыря, на Зеленом Крупце в Калуге). Поэтому большинство сведений исторических источников относится к водяным мельницам. И лишь вскользь, без особых подробностей, статистика 1867 г. отметила: в Мосальском уезде водяных мельниц — 66, а ветряных — 176; в Козельском — водяных 47, а ветряных — 110; в Тарусском — водяных 16, а ветряных — 24. В других уездах соотношение было иным: в Медынском — водяных 55, а ветряных — 31; в Жиздринском — водяных 132, а ветряных — 36[4]. Вопрос о численном соотношении

23 Зак. 1971

различных типов мельниц в регионе пока остается открытым.

В соседних губерниях центральной России, таких как Московская в 1803 г. насчитывалось 652 водяные мельницы и всего 29 ветряных[5]. На Брянщине, судя по Своду памятников архитектуры области, еще в 1970-е гг. было более десяти ветряков — «шатровок», построенных в первой четверти XX в.[6] Если о внешнем виде и устройстве калужских водяных мельниц мы можем судить по их описаниям и планам, в основном относящимся к концу XVIII — XIX вв., то о ветряных можем составить представление лишь на основе бытовавших на Брянщине.

Технически более мощными были водяные мельницы, в основном срубной конструкции, в которых обычно работали от двух до четырех поставов (комплектов жерновов), нередки были и более мощные на шесть — восемь поставов. Часто в одном хозяйственном комплексе они соединялись с сукновальней, маслобойкой, толчеей, т.е. кроме мукомольных целей использовались и для других нужд, в том числе и для лесопиления. Ветряные мельницы в основной массе маломощные предприятия на один — два постава, каркасной конструкции, большинство из них находилось во владении крестьян. Но оба типа мельниц в значительной мере зависели от природных условий и не только в плане энергетических ресурсов. Нередко природный фактор весьма умело использовался в целях конкуренции, когда сталкивались интересы владельцев или арендаторов не только из различных сословий, но и коллективных собственников — монастырей, «городских обществ», крестьян одного села.

В 1675 г. в челобитной царю Алексею Михайловичу игумен и братия Оптиной пустыни писали, что их монастырю издавна, еще по писцовым книгам 1629 г., принадлежит мельница на реке Другусне около Козельска. Но в 1672 г. в устье этой же речки, при впадении в Жиздру, без царского указа построил свою мельницу «москвитин Савинской слободы тяглец Мишка Кострыкин», арендовав землю у козельских стрельцов. В результате «мельницу их своей мельницей, плотину и наливное колесо подтопил, остановил и без остатку разорил. А всего от той монастырской мельницы по речке Другусне до реки Жиздры с четверть версты и другой мельнице быть нельзя и прежде сего не бывало». Вновь построенная мельница Мишки Кострыкина не только остановила старую, но и преградила «рыбный всход» из р. Жиздры в монастырские владения в устье р. Другусны. А даже столетие спустя, в конце XVIII в., отмечалось, что «в реке Жиздре и речке Другусне ловится рыба судаки, язи, лещи, окуни, плотва, налимы и других родов довольно». Приговор по делу о самовольно построенной мельнице был суровым, поскольку затрагивались государственные интересы: рядом располагалась большая московская дорога в Козельск и один из городских бродов. «И по тому будет: которые всяких чинов люди, не бив челом нам Великому Государю, самовольством на своих вотчинных и на поместных водах, по дорогам вновь поставят мельницы и тем воду поднимут, а прежде сего в тех местах были дороги и броды, и они теми запрудами дороги и броды отняли, то те мельницы велено снести»[7].

Столь же строгим было законодательство и в последующие века, когда для строительства новой мельницы требовалось не только разрешение воеводы (XVII в.) или губернского правления (XIX — нач. XX вв.), но и доказательства, что «от той новой запрудной воды верхним мельницам и пашням, и сенным покосам никакой порухи не будет». С этой целью для обязательного осмотра местности и новых построек отправлялось официальное лицо из воеводской канцелярии, а позднее инженер губернского правления или представитель уездной полиции, снабжавшиеся четкими инструкциями. По прибытии на место официальное лицо было обязано «самой сущею правдой» произвести осмотр и взять свидетельские показания — «скаски» соседних владельцев, что их землям «подтопления никакого не имеется». Только после этого выдавались документы на право владения и назначался налог в пользу казны (по уставу о мельничном сборе 1704 г. четвертая часть годового дохода). Отразившиеся в многочисленных судебных тяжбах XVIII — XIX вв. столкновения интересов владельцев мельниц на одной реке, а также их спорные дела с хозяевами близлежащих земельных угодий, получили объяснение в исследованиях гидрологов, проводившихся в Тульской губернии в 1908 — 1910-х гг. Для определения нужного уровня подъема воды (а, значит, типа плотины) необходимо было учитывать уклон русла реки, обычно больший в верховьях; величину водосборной площади, увеличивающуюся к устью; строение речной долины, особенно в низовьях. Благоприятное и умелое сочетание этих условий давало возможность расположить по реке много мельниц[8]. Неосторожность вела к обвинениям сторон в преднамеренном «возвышении плотины» и «подтопах».

Местность, пригодная для строительства мельниц, во все времена очень ценилась. В писцовых книгах XVII в. по региону, наряду с перечнем земельных владений и дворов как основных хозяйственно-территориальных единиц, обязательно отмечалось «место мельничное», даже если

на нем не было никаких построек. В 1897 г. игумен Оптиной пустыни писал: «Необходимо иметь в виду, что главную ценность представляет мельничное угодье, т.е. земля с местностью, удобной для возведения строений, и земля под водяным пространством и с такой водяной силой, чтобы можно было пустить мельницу в действие. При большем количестве воды — будет больший доход, при меньшем — меньший, а иссякнет вода, и доход прекратится»[9].

Простой из-за малой мощности водяного потока был не таким уж редким явлением. В 1768 г. Воротынский помещик отставной корнет Михаил Акимович Клементьев построил в своем имении в с. Ропшицы на речке Выссе небольшую мельницу на один постав. Но, «оная мельница за малоимением в показанной речке Выссе состояния воды, стояла без действия немалое время» и пришлось помещику давать объяснения в Перемышльской воеводской канцелярии «в самую сущую правду, по заповеди Святого Евангелия и по присяжной должности», что он не утаивал сведения о смолотом хлебе и полученном доходе, что «более объявленного смолоть хлеба было никак не возможно»[10]. Колебания уровня воды в реках, зависевшие от природных факторов, не только тормозили работу мельниц, особенно опасными были весенние половодья, на время которых работа полностью останавливалась, а нередко причинялся значительный ущерб. В 1711 г. мельницу Пафнутьев-Боровского монастыря на реке Протве «вешней полой водой, мельничный амбар со всякими мельничными снастями, плотину разнесло и разорило всю без остатка»[11]. Поэтому даже при благоприятных условиях за уровнем воды велось наблюдение, особенно на городских мельницах, где на берегу устанавливались особые столбы — «грани» с отметками, которые нельзя было превышать. На малоярославецкой городской мельнице на реке Луже таким указателем в 1860-е годы была прибрежная ветла с печатью уездного исправника. Для этого крупного хозяйственного комплекса с сукновальней и маслобойкой нормальным считался подъем воды в 4 аршина и 4 вершка (3 м) от поверхности «бучильной» (т.е. перед плотиной) до зеркала пруда. Такой же подъем воды до 4 аршин выше естественного был признан нормальным, когда в 1896 г. помещик И.И. Апухтин пожелал построить мельницу в своих владениях по берегам реки Рессеты недалеко от села Милеево Жиздринского уезда.

На мельницах Епифанского уезда Тульской губернии в 1910 г. средний уровень подъема воды плотинами составлял 1,66 сажени (3,58 м), максимальный был всего на одной мельнице — 2,83 сажени (6,1 м), а минимальный в верховьях Дона составлял 1,1 сажени (2,38 м)[12].

С целью увеличения мощности водяного потока делались попытки изменения части русла небольших речек. Одна из них была предпринята в 1793 г., когда калужский купец Иван Носов собрался «своим коштом» построить пильную мельницу на речке Песочне при впадении ее в Жиздру недалеко от Перемышля на месте старой, «пришедшей от разнесения полой водой в опустение». При осмотре местности уездным землемером было принято решение: «только оная мельница состоять будет не на том пруде, где прежде была речка Песочна, а на особенном месте, в сторону от прежде бывшей, до плотины в 58 саженях (125 м) и на показанном болотном месте речка Песочна иметь будет свое течение новое». Судя по сохранившемуся плану местности 1803 г., мельница была выстроена на новом месте с поворотом части русла, и под прудом оказалась рядом расположенная низина[13]. Попытки изменения естественно сложившегося рельефа местности не всегда были удачными. В 1898 г. при строительстве железнодорожной линии на окраине Козельска потребовалось устройство глубокой 15-и метровой впадины для железнодорожного полотна, которой был разрезан водораздел Жиздры и впадающей в нее р. Другусны, при чем часть русла последней пришлось изогнуть и сузить. Для недалеко расположенной мельницы опасными оказались вешние заторы льда и талые воды, а песок и щебень берегового оползня нового русла стопорили работу мельничного механизма. Почти 14 лет велось спорное дело о взыскании убытков с правления железной дороги.

Природные особенности верхнеокского региона отразились также в наличии естественных выходов подземных вод в виде родников, особенно из известняковых слоев речных долин. Места их высокой концентрации издавна использовались для хозяйственной деятельности. В долине р. Оки ниже устья р. Упы на «ключистых местах обильных водой» в середине XIX в. существовали мельницы. Такой же была мельница на Зеленом Крупце в Калуге, где вода из родника по деревянному желобу направлялась на мельничное колесо, вращавшее две пары жерновов. В долине р. Лужи, на ее высоком берегу, недалеко от Малоярославецкого Черноостровского монастыря, в документах 1765 г. упоминалась «состоящая под монастырем на ключе об одном поставе мельница, коя построена монашеским имением». В ней толкли ивовую кору, которую монастырь продавал на московские кожевенные заводы, поэтому она называлась «колотовка»[14].Данных о мощности водяного потока исторические документы не содержат, но для работы одного или двух комплектов жерновов его вполне хватало.

Кроме водяных мельниц на территории региона действовало немало ветряных, расположенных в основном на участках ополий. Вопрос о взаимодействии природного и хозяйственного факторов в данном случае пока остается открытым из-за предельной краткости исторических источников. Первые метеорологические наблюдения проводились только в Калуге, сначала при гимназии — в 1843 г. и с 1850 по 1863 гг., а затем в 1884 г. была организована метеостанция при реальном училище. С этого времени начинаются относительно регулярные публикации инструментальных метеоданных по Калуге. По губернии такие наблюдения не велись, только с 1903 г. в земской статистике печатались описательные сообщения, присылавшиеся корреспондентами с мест, такая же информация давалась в газете «Калужские губернские ведомости» в хронике событий. Метеорологические наблюдения того времени отмечали в качестве господствующих ветров западный, северо-западный и юго-западный, при преобладании теплых направлений. Это не противоречит современным данным, по которым основным фактором, определяющим режим ветра, является западный перенос, причем повышенная скорость ветра характерна именно для преобладающего направления[15]. Вероятно, эти особенности учитывались при размещении ветряных мельниц, которых по статистике 1867 г. отмечалось в Мосальском уезде 176, по сравнению с 66 водяными. В Жиздринском уезде ветряки располагались в основном на участке ополья в районе с. Хвастовичи. Ветряки шатрового типа имели каркасную конструкцию в форме восьмерика, и благодаря своему устройству — поворачивающемуся вручную верхнему четверику с крыльями — могли улавливать различные направления ветра. Данных о скорости ветра, которая могла обеспечить их работу (обычно один — два комплекта жерновов), не имеется, предположительно она могла быть в пределах 6 — 12 м /сек.

Экстремальные природные явления, действовавшие разрушительно на более крепкие срубные водяные мельницы, не обходили стороной и ветряные. Но, сведений об этом почти не сохранилось. В 1815 г. в официальной хронике об урагане 21 июня в Тамбовской губернии сообщалось, что он не только вырывал деревья с корнем, но и разбрасывал ветряные мельницы. По сообщению Министерства внутренних дел 5 августа 1844 г. сильный ураган был в Калужской и Тульской губерниях: «во многих местах свирепствовали разрушительные бури, которые сопровождались градом и бушевали с силой и яростью почти неимоверными». В окрестностях Калуги ураган вырвал много деревьев с корнем, в Малоярославецком уезде было повалено более 10 десятин строевого леса, а в Медынском у д. Павлищево побито градом до 200 десятин хлеба[16]. В таких условиях ветряные мельницы вряд ли могли устоять, если бы они оказались на пути стихии.

Как водяные, так и ветряные мельницы зависели не только от энергетических ресурсов того или иного вида. Основной рабочий элемент каждого хозяйственного комплекса — каменные жернова. Традиция их использования первоначально в виде небольших ручных относится к X — XIII вв. и более раннему периоду, что подтверждается археологическими материалами. Ручной размол был широко распространен и в XIX в., а в первой четверти XX в. еще бытовало обрядовое растирание зерна в муку для свадебного каравая или праздничного печенья на ручных жерновах, в том числе и в Калужской губернии. Использование в хозяйственной деятельности как ручных, так и более крупных мельничных жерновов, диаметр которых доходил до полутора метров, порождало высокий спрос на подходящие для этих целей породы камня. Пара жерновов самого высокого качества в середине XIX в. стоила до тысячи рублей, такие камни из подмосковных каменоломен покупались в Москве. Привозились жерновые камни и водным путем: с 1848 по 1857 гг. на калужскую пристань их было завезено 1836 штук. Местные разработки использовались для жерновов среднего качества, среди них были более известны находившиеся в трех верстах от Серпейска Мещовского уезда по берегам Рессы[17]. Некоторые кустарные ломки «жернового камня», использовавшиеся окрестным населением, были осмотрены геологами в 1860 — 1890-е гг. В одной из них между д. Липицы и с. Никольским Мещовского уезда (Бабынинский район) конкреции плоско-эллипсоидальной формы песчаника залегали недалеко от поверхности. Прежде известные ломки твердого песчаника и известняка у с.Карово (Кольцово) по берегу Оки в Калужском уезде (Ферзиковский район) к 1897 г. были уже заброшены[18]. Обнажения «жернового камня» по реке Брынь около села Брынь Жиздринского уезда (Думиничский район) в конце XIX в. мало разрабатывались[19].Добыча камня для хозяйственных целей, в том числе для жерновов и точильных брусков, велась в рамках камнетесного промысла.

Мельницы были одним из наиболее ярких проявлений взаимодействия человека и природной среды в процессе хозяйственной деятельности. Они требовали немалых практических знаний, накапливавшихся из поколения в поколение в вопросах использования водных ресурсов, энергии ветра, отыскания необходимых минералов. Поэтому в полной мере понять и осмыслить характер такого взаимодействия, складывавшегося в течение многих веков, можно только на основе комплексного изучения региональных материалов методами исторических и естественных наук.

Примечания

1. Воробьев В.М. Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып.1. С.1—16.
2. Материалы для географии и статистики России: Калужская губерния / Сост. М. Попроцкий. Спб., 1861. Ч.1. С.54.
3. Там же. С.83; Есипов В.П. Историко-природные памятники в нижнем течении реки Серены // Вопросы археологии, истории, культуры и природы верхнего Поочья: Тез. докл. 7-й конференции. Калуга, 1998. С.159—163.
4. ГАКО. Ф. 58. Оп.1. Д.11.
5. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX вв. М., 1947. С.227.
6. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М.,1998.
7. [Кавелин Л.А.] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1876. Приложения. С.74—79.
8. Предварительный отчет об оценочно-гидрологических исследованиях Тульской губернии, проведенных в 1910 году / Сост. А.С. Козменко. Тула, 1911. С.87—90.
9. ГАКО. Ф.903. Оп.1. Д.261. Л.17об.
10. Там же. Ф.118. Оп.1. Д.87. Л.15.
11. Там же. Ф.133. Оп.1. Д.96. Л.5.
12. Предварительный отчет об оценочно-гидрологических исследованиях Тульской губернии, проведенных в 1910 году ... С. 133.
13. ГАКО. Ф.86. Оп.1. Д.313.
14. [Кавелин Л.А.] Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. Спб., 1903. С.37,125; Меленчук В.И. Родники города Малоярославца // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Вернего Поочья: Материалы 8-й конфер. Калуга, 2001. С.363—366.
15. Климат Калуги. Л., 1989. С.21—22.
16. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 348,410; Кашкаров В.М. Географический очерк Калужской губернии. Калуга, 1908. С. 14.
17. Тарасенков И.А. Обозрение фабричной и заводской промышленности Калужской губернии // Памятная книжка Калужской губ. На 1861 год. Калуга, 1861. С.203—206.
18. Боголюбов Н.Н. Материалы по геологии Калужской губернии. Калуга, 1904. С.142, 151.
19. Богданов Д.П. Геологический очерк Жиздринского уезда. Отд. оттиск. Б.м., 1911. С.15—17.

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ ГОРОДА КАЛУГИ: К ВОПРОСУ ГЕНЕАЛОГИИ

***Кожевникова Н.И.**, Калужский областной центр туризма, краеведения и экскурсий*

Городской голова — выборная городская должность в XVIII — начале XX вв. Должность в Калуге была введена в 1777 г. Городской голова руководил деятельностью Городской думы. Избирался из представителей состоятельных, влиятельных купеческих династий на три года. Цель данной работы: ввести в историческую память имена людей из ближайшего окружения Городских голов г. Калуги.

Из текста клятвенного обещания баллотировавшихся на выборные должности в 1813 г.: «Клянусь по чистой моей совести, без пристрастия и собственной корысти выбрать из моих сего города собратьев таких, которых нахожу способнейшими, и чистыя совести, и от которых я надеюсь, что они в возлагаемом на них деле окажут себя верно подданными усердными сынами Отечества и согражданами, ревнительными об общем благе во исполнение Его Императорского Величества воли. Еже ли при сем выборе инако поступлю, то подвергаю себя, как нерадивый о пользе и благе всего Отечества, в котором и мое собственное заключается, в нынешней жизни всеобщему своих сограждан презрению, а в будущей пред Богом и судом его страшным — ответ». В 1813 г. на должность Городского Головы г. Калуги баллотировались: 1-й гильдии купец Петр Максимович Золотарев, 2-й гильдии купцы: Владимир Степанович Трясоголовов, Семен Ларионович Прянишников и 3-й гильдии — Андриан Кириллович Алтынников. Первый был избран 98-ю голосами из 128.

Фалеев Василий Григорьевич (1724 — ?). С 1777 г.
Родители: Григорий и Аграфена Макаровна (урожденная Щербакова).
Жена 1: Мария Харитоновна Свечникова (1727 — 1789).
Дети от первого брака: Григорий Большой (1766 — ?), был женат на Анне Ивановне Шемякиной (1773 —?); Григорий Меньшой (1771 — ?), — на Наталье Андреевне Черновой (1774 — ?); Авдотья, была замужем за Иваном Викуличем Меньшим Торубаевым.
Жена 2: Анна Никифоровна Чернова (1747 — ?).
Дети от второго брака: Александра.
Макаров Антон Афанасьевич (1723 — 6.05.1800). С 1780 г.
Жена: Анисья Ивановна Губарева (1733 — ?).
Дети: Афанасий (1754 — ?), был женат на Анне Григорьевне Гориной (1754 — ?); Михаил (1759 — ?), был женат на Акулине Саввичне Торубаевой (1767 — ?); Анна (1773 — ?), замужем за Иваном Ивановичем Мешковым.
Чернов Иван Андреевич Меньшой (1732 — 1789). С 1783 г.
Жена: Акулина Никифоровна Алферова (1735 — ?).
Дети: Петр (1765 — ?), был женат на Анне Тимофеевне Каревой (1766 — ?).
Торубаев Иван Викулич Большой (1755 — 1803). С 1786 г.
Родители: Викула Евдокимович (1716 — 1770) и Екатерина Козьминична, урожд. Алтынникова (1733 — ?).

Жена 1: Мария Андреевна Чернова (1758 — 1790).

Дети от первого брака: Иван (1778 — ?), был женат на Марии Семеновне Прянишниковой (1777 — ?); Герасим (1779 — 1805); Александр (1786 — 1804); Николай Большой (1787 — ?); Вукол (1789 — ?).

Жена 2: Анна Ивановна Чурикова (1769 — ?).

Дети от второго брака: Николай Меньшой (1793 — ?); Анна (1794 — ?).

Борисов Иван Иванович (17.07.1742 — 08.01.1807). С 1789 г. и с 1801 г.

Родители: Иван и Аграфена Евдокимовна, урожд. Шевырева (1712 — 1772).

Жена: Анна Назаровна Долгова (1745 — ?).

Дети: Андрей (1759 — ?), был женат на Афимье Агафоновне Горбуновой (1761 — ?); Матрена (1762 — ?), была замужем за Иваном Артемьевичем Ренниковым; Александр (1766 — ?), был женат на Дарье Ивановне Золотаревой (1765 — ?); Максим (1771 — ?), женат на Федосье Николаевне Потаниной (1769 — ?); Пелагея (1776 — ?), была замужем за Иваном Игнатьевичем Чуриковым; Петр (1778 — ?); Александра (1784 — ?).

Чуриков Иван Игнатьевич (1743 — ?). С 1792 г. и с 1798 г.

Родители: Игнат Иванович (1724 — 1783) и Евдокия Петровна, урожд. Ефимова, дочь крестьянина вотчины князя Николая Петровича Волконского села Павшина Алексинского уезда.

Жена 1: Марфа Дмитриевна Красильникова (1747 — ?).

Дети от первого брака: Иван (1779 — ?), был женат на Екатерине Алексеевне Толмачевой; Анна (1769 — ?), была замужем за Иваном Викуличем Большим Торубаевым.

Жена 2: Пелагея Ивановна Борисова (1776 — ?).

Дети от второго брака: Иван Большой, Иван Меньшой.

Билибин Иван Харитонович Большой (1748 — 20.10.1808). С 1795 г. и с 1804 г.

Родители: Харитон Галактионович (1724(?) — 26.12.1790) и Елена, урожд. Дружинина.

Жена: Екатерина Афанасьевна Иванова (1752(?) — 21.03.1812) — дочь Афанасия Евдокимовича (1735 — 1776) и Устиньи Козьминичны (урожд. Золотаревой).

Дети: Яков (14.03.1779 — 11.07.1854), был женат на Марии Ивановне Кусовой (11.06.1784 — 24.12.1848); Иван (18.02.1782 — 27.11.1831), женат на Сусанне Ивановне N.; Елизавета (1765(?) — 27.11.1789), была замужем за Иваном Викуличем Меньшим Торубаевым; Наталья (1775 — ?).

Чернов Макар Иванович (1756 — ?). С 1807 г.

Родители: Иван Андреевич (1706(?) — ?) и Акулина Пантелеевна, урожд. Пестрикова (1730 — 1768).

Жена: Марфа Калиновна Носова.

Дети: Андрей (1779 — ?), был женат на Анне Тимофеевне Плаховой (1789 — ?); Осип (1781 — ?); Наталья (1775 — ?), была замужем за Иваном Быльцовым; Марья (1794 — ?).

Торубаев Иван Викулич Меньшой (1760 — 1816). С 1810 г.

Родители: Викула Евдокимович (1716 — 1770) и Екатерина Козьминична, урожд. Алтынникова (1733 — ?).

Жена 1: Авдотья Васильевна Фалеева (1761 — 1786).

Дети от первого брака: Дмитрий (1781 — ?), Наталья (1786 — ?).

Жена 2: Елизавета Ивановна Билибина (1765 — 27.11.1789).

Жена 3: Александра Васильевна Сабинина (1767 — 13.06.1800), дочь белевского купца.

Дети от третьего брака: Василий (1798 — ?).

Золотарев Петр Максимович (1741 — 09.03.1825). С 1813 г. и с 1816 г..

Родители: Максим Козьмич (1720 — 25.10.1803) и Афимья Леонтьевна, урожд. Макеева (1723 — ?).

Жена: Афимья Михайловна Евсеева (1754? — ?).

Дети: Прасковья (1775 — ?), была замужем за Матвеем Сорокиным; Анна (1776 — ?), замужем за Василием Васильевичем Облецовым; Марья (1784 — 1787); Михаил (1783 — ?), Павел (1793 — ?).

Билибин Иван Харитонович Меньшой (1750 — 20.03.1838). С 1818 г.

Родители: Харитон Галактионович (1724(?) — 26.12.1790) и Елена,урожд. Дружинина.

Жена 1: Марфа Михайловна Хатунцева (1751 — 1800).

Дети от первого брака: Прасковья (1772(?) — 1792), была замужем за Иваном Яковлевичем Борисовым.

Жена 2: Анна Прокопьевна Иванова (1782(?) — 27.01.1831).

Дети от второго брака: Павел (1801 — ?), был женат на Елизавете Андреевне Прянишниковой; Елизавета (01.09.1804 — ?), была замужем за Петром Алексеевичем Бабушкиным; Алексей (1809 — 1839), был женат на Елизавете Сергеевне Сорокиной, дочери белевского купца.

Прянишников Александр Ларионович (1758 — 1844). С 1821 г.

Родители: Ларион Семенович (1728 — 1793) и Пелагея Емельяновна,урожд. Сысоева.

Жена: Наталья Ивановна Макарова (1760 — ?).

Дети: Андрей (1779 — ?), женат на Марье (1779 — ?); Анна (1788(?) — 23.04.1860), была замужем за Иосифом Ивановичем Билибиным.

Билибин Иван Галактионович (1757 — 25.10.1832). С 1824 г.

Родители: Галактион Федорович (1719 — 1783) и Меланья Павловна, урожд. Мясникова (1730 — 1793).

Жена: Наталья Петровна Сапожникова (1761 — 01.04.1815).

Дети: Василий (1777 — ?), был женат на Анисье Ивановне Торубаевой (1781 — ?); Иван (1779 — 1825); Иосиф (Осип) (1780(?) — 08.08.1866), был женат на Анне Александровне Прянишниковой (1788 — 23.04.1860); Анна (1782 — ?); Наталья (1786 — ?), была замужем за Пантелеем Ивановичем Зюзиным(?) (1782 — ?).

Зюзин Иван Иванович (1776 — ?). С 1827 г. и с1833 г.

Родители: Иван Афанасьевич (1756 — ?) и Екатерина Ивановна, урожд. Щербакова (1756 — ?).

Жена: Анна Ивановна Золотарева (1777 — ?), дочь Ивана Максимовича (1751 — 1831) и Анастасии Ивановны, урожд. Греховой (1761 — ?). Венчание — 25.10.1788 г.

Дети: Елизавета (1810(?) — ?), Настасья (1811(?) — ?), Петр (1812(?) — ?), Макарий (1814(?) — ?).

Билибин Яков Иванович (14.03.1779 — 11.07.1854). С 1830 г.

Родители: Иван Харитонович Большой (1748 — 20.10.1808) и Екатерина Афанасьевна, урожд. Иванова (1752(?) — 21.031812).

Жена: Мария Ивановна Кусова (11.06.1784 — 24.12.1848).

Дети: Екатерина (1805 — ?), Иван (1808 — ?), Яков (1809 — ?), Владимир (1810 — ?), Виктор (1811 — ?), Мария (1813 — ?), Александра (1814 — ?), Наталья (1815 — ?), Иулия (1819 — ?), Лариса (1822 — ?), Клавдия (1823 — ?), Сергей (24.03.1824 — ?).

Елисеев Петр Алексеевич (1762 — 1831). С 16 по 26 мая 1831 г.

Родители: Алексей Мартинович (1715 — 1789) и Фекла Афанасьевна, урожд. Карасева (1723 — после 1795).

Жена: Акулина Васильевна Носова.

Дети: Алексей (1785 — ?), женат на Марье (1787 — ?); Иван (1793 — ?), женат на Ольге (1797 — ?); Марья (1794 — ?); Поликарп (1796 — ?); Павел (1798 — ?); Александр (1801 — ?); Семен (1803 — ?).

Антипин Илья Иванович (1772 — 25.08.1840). С 27 мая 1831 г.

Родители: Иван Васильевич (1744 — 25.08.1800) и Мавра Никифоровна (1754 — 1787).

Жена: Наталья Александровна Астахова (1775 — ?).

Дети: Иван (1797 — ?), был женат первым браком на Пелагее Степановне, вторым — на Елизавете Осиповне Хлебниковой(?); Михаил (26.09.1799 — ?), был женат на Пелагее Андреевне Кожевниковой(?); Марья (1803 — ?), была замужем за Яковом Ивановичем Золотаревым; Семен (01.09.1804 — ?); Тимофей (1807 — ?); Николай (1808 — ?); Павел (1810 — ?); Александра (1817 — ?); Екатерина (02.11.1819 — ?); Анна, замужем за Билибиным.

Даньшин Николай Герасимович. С 1836 г. и с 1842 г.

Дети: Николай, Иван, Семен, Михаил.

Билибин Иосиф (Осип) Иванович (1780 — 08.08.1866). С 1839 г.

Родители: Иван Галактионович (1757 — 25.10.1832) и Наталья Петровна, урожд. Сапожникова (1761 — 01.04.1815).

Жена: Анна Александровна Прянишникова (1788 — 23.04.1860).

Дети: Павел (1805 — 1861), был женат на Варваре Ивановне N; Елизавета (1807 — 1834), была замужем за Василием Иосифовичем Мешковым (1802 — 1879); Александр (1818 — 1883); Анна (1823 — ?), была замужем за Александром Дмитриевичем Андреевым.

Богданов Корней Миронович. С 1845 г.

Дехтерев Владимир Иванович (1799 — ?). С 1845 г.

Родители: Иван Никитич (1761 — ?) и Марья Аврамовна, урожд. Мамотова (1764 — ?).

Жена 1: Мария Алексеевна Лебедева (1803 — ?). Венчание — 03.11.1819 г. в Знаменской церкви.

Жена 2: Анна Александровна Торубаева, дочь Александра Сергеевича и Татьяны Васильевны, урожд. Угрюмовой.

Дети: Николай; Любовь, была замужем за Иваном Ивановичем Вереитиновым (венчались в 1848 г.); Павла (1843 — ?), была замужем за Павлом Ивановичем Рыжовым; Александра, была замужем за Александром Васильевичем Товарковским; Иван (04.02.1834 — ?).

Золотарев Яков Иванович (1802 — ?). С 1848 г. и с 1860 г.

Родители: Иван Васильевич (1763 — ?) и Пелагея Прокопьевна(?), урожд. Коротаева (1757(?) — ?).

Жена: Мария Ильинична Антипина (1803 — ?). Венчание — 08.10.1819 г. в Николо-Слободской церкви.

Дети: Иван (1820 — 1856); Михаил (1824 — ?); Мария (1829 — ?), была замужем за

Криворотовым; Ольга (1831 — ?), была замужем за Николаем Степановичем Цыпляевым; Яков (1833 — ?), был женат на Марии Алексеевне Фалеевой, венчались 29.05.1862 г. в Единоверческой Сошествия Святого Духа церкви; Елизавета (1836 — ?); Николай (1837 — ?); Александра, была замужем за Федором Андреевичем Перекалиным.

Савинов Михаил Семенович (1840 — 03.04.1905). Исп. должность с 29 апреля по 1 сентября 1901 г.

Родители: Семен Андреевич (1808 — ?) и Пелагея Афанасьевна, урожд. Одоевцева (1811 — ?). Венчание 30.05.1830 г. в Воскресенской церкви.

Жена: Пелагея Алексеевна Станкевич (1858 — ?), дочь дьякона с. Улькова Смоленской губ., венчание 11.11.1881 г. в Воскресенской церкви.

Источники и литература

ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1331. Исповедные ведомости церквей г. Калуги за 1851 г.; Оп.4. Дела разных лет. Метрические книги церквей г. Калуги; Ф.49. Оп.1. Д.280. Л.7. Журнал Калужской городской Думы. Об избрании калужского 1-й гильдии купца Н.Г. Даньшина Городским головой; Д.349. Журнал калужской городской Думы. Материалы о ревизии Городского Головы Н.Г.Даньшина; Д.426. Журнал Калужской Думы. Материалы о ревизии Городского Головы К.М. Богданова; Д.810. Семейные списки жителей г. Калуги за 1858 г.; Ф.86. Оп.3. Д.39. Ревизские сказки г. Калуги за 1783 г.; Д.49. Ревизские сказки г. Калуги за 1795 г.; Д.98. Ревизские сказки г. Калуги за 1811 г.; Д.146. Ревизские сказки г. Калуги за 1816 г.; Д.208. Ревизские сказки г. Калуги за 1833 г.

Некролог И.И.Антипина // КГВ. 1840. №34.

Емельянов Г.П. Иван Иванович Борисов // КГВ. 1859. №17.

Нечто о Петре Максимовиче Золотареве // КГВ. 1861. №39.

Памятная книжка на 1862 — 1863 гг. Сведения об И.И. Борисове.

Пионтковская Ю.Е. Сведения о датах жизни купцов Билибиных, Чистоклетовых. Рукопись.

МАКЛАКИ — КАЛУЖСКОЕ ИМЕНИЕ КНЯЗЕЙ ЛЬВОВЫХ

***И.Ю. Соснер**, Российский государственный архив древних актов*

Местность эта первоначально относилась к Мещовскому уезду, а позднее уже к Жиздринскому уезду Калужской губернии. В советское время, при переносе границ внутри области, земли села Маклаков с окрестностями отошли к Думиничскому району Калужской области. Под имением князей Львовых мы подразумеваем географически не только сами Маклаки с деревней Полянной, но и части сел Печки и Которь, деревни Заборье, Баранково и Новоселки, исторически входивших долями своих земельных, лесных и иных угодий, жителями-крестьянами в единый поместно-вотчинный комплекс, существовавший тут на протяжении последних без малого 400 лет.

Первые упоминания о Маклаках мы находим в выписи с Мещовских межевых книг письма и меры князя Тимофея Звенигородского да подьячего Дружины Огаркова 1627 — 1628 гг., где написано что часть деревни Маклаки да жеребий в деревне Поляны были в 1622 г. даны Семену Дементьевичу Яковлеву в вотчину по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича[1]. В деревне в то время были упомянуты «двор прикащиков… 12 дворов крестьянских да 6 дворов бобыльских», пашни доброй земли — 140 четь земли…». Другая часть находилась у Семена же в поместье и на ее часть доводилось 50 четвертей земли. Да окрестного «непашенного лесу вдоль на две версты, а поперек на версту». С 1625 г. началось межевание этих и окрестных земель тем же писцом князем Звенигородским, которое продолжалось по 1628 г.

Сын Семена Дементьевича — Данила Яковлев — свою выслуженную отцовскую мещовскую вотчину (без поместного жеребья) «пашни 140 четь со крестьяны» продал царскому тестю — боярину Илье Даниловичу Милославскому за 2000 руб., за которым она и была справлена 12 ноября 1660 г. Желая угодить жене и выдать замуж ее племянницу Анну Ивановну Милюкову, боярин активно приискивал жениха. И вот уже в мае 1667 г. он сговаривается с Яковом Ивановым сыном Золотаревым, а в договорной записал обязательство кроме приданного дать еще земли в Костромской или Мещовской вотчине. После кончины Милославского, последовавшей в 1668 г., его вотчина в селе Маклаках и деревне Полянне, состоящая из 140 четей земли «со крестьяны и со всеми угодьи», 16 октября того же года вместе с иными землями были справлены за его женою боярынею Аксиньей Ивановною. Безутешная вдова по 10 царским грамотам, отправленным в различные «города и веси», в начале ноября получила 4080 четвертей земли из мужниных поместий и вотчин; сразу же забыв все свои хлопоты и обещание о приданном Маклаковском имении за племянницею — начинает широко роздавать малоземельной, но многочисленной и жадной родне свои земли. Конечно, зачем отдавать Золотареву хорошие земли, когда тот все равно уже женился! В полном отчаянии, обманутый в своих надеждах разбогатеть землицею, бывший жених, а нынешний муж, начиная с мая 1669 г., бомбардирует московских приказных дьяков челобитьями, требуя своего, обещанного: «…а он де для той деревни и женился», однако понимания у чиновников не находит — обычное дело, житейское. Вскоре представилась и сама вдова боярыня Милославская, а по ее изустному приказу и по духовному завещанию

родня-душеприкасчики стали делить выморочные земли. Целый их консилиум определил судьбу Маклаковского имения и 10 апреля 1671 г. продали его двум братьям стольникам Алексею и Василию Обуховым за 3000 рублей. Разница в цене, а по тем временам просто огромной суммы в 1000 руб., вероятно, отражает более полное хозяйственное освоение и заселение края, чем десять лет назад. В переписных Мещовских книгах 1678 г. переписи Василия Сокольникова да подьячего Гаврилы Перекусихина за братьями Обуховыми было записано имение в 44 крестьянских и бобыльских двора.

15 марта 1691 г. Василий Обухов уступает свою половину Мещовской купленой вотчины брату Алексею, а 2 октября тот выделяет 12 четвертей земли к «новопостроенной церкви Знамения Пресвятые Богородицы, что в селе Маклакове»[2]. Между тем, в январе 1694 г. беспокойному и обманутому «родней» в своих больших надеждах (бывшему жениху) Якову Золотареву решением боярина Петра Васильевича Шереметьева с товарищами было окончательно отказано в его претензиях на Мещовскую вотчину сельцо Маклаки с землями. Алексей Лаврентьевич это имение оставлет в наследство сыну Артемию, который в 1719 г. служил солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, и чья дочь Елизавета позднее вышла замуж за князя Николая Никитича Львова.

Отец его — князь Никита Яковлевич — рано умер, а оба сына служили в 8-й мушкетерской роте лейб-гвардии Семеновского полка — там, где проходила служба и Александра Васильевича Суворова. 25 апреля 1754 г. Львов вместе с Суворовым в один день были выпущены «в армейские полки в обер-офицеры», где князь в дальнейшем служил с чином прапорщика в Курском полку в «ландмилиционном украинном корпусе». 11 сентября 1755 г. била челом жена прапорщика княгиня Елизавета Артемьевна Львова, что скончался ее отец, после которого осталось «недвижимое имение в Мещовском уезде в Сухиничском стану в селе Маклаках да деревне Полянна с людьми и крестьяне»[3]. А в 1757 г. княгиня продала статскому советнику Никите Никитичу Демидову часть своего Мещовского имения[4]. Львов как рачительный хозяин занимается немалым хозяйством и своей семьей: растил хлеб и сыновей — то и другое требовалось Отечеству. А в феврале 1777 г. били челом отставной подпоручик князь Николай Никитич и его сыновья лейб-гвардии Измайловского полка сержанты Александр, Сергей и Петр Николаевичи Львовы. Писали, что в 1757 г. Елизавета Артемьевна скончалась, а после нее остались в Мещовском уезде в Сухиничском стану недвижимое имение в селе Маклаках, деревне Полянна, в сельце Баранкове в деревне Заборье, в селах Котори и в Печках, да в Рыльском уезде, всего по сказкам 3-й ревизии 784 душ, со всеми угодьями, с прудами и мельницами да двором помещичьим, состоящим в селе Маклаках. Наследство это они полюбовно разделили по жеребьям, причем некоторые проданные части его записаны уже за новыми владельцами: Яблочковым, князем Гагариным и Мальцовым[5].

Старший сын его — князь Александр Николаевич Львов — по разделу получил в селе Маклаках и деревне Полянне свой жеребей, выйдя в отставку с чином бригадира в январе 1788 г. В апреле 1787 г. им был выдан вексель на 10 тыс. рублей серебром. Позднее по нему производилось 27-летняя тяжба, которую Львов проиграл, а его имение было продано с аукциона статской советнице Чоглоковой за сумму в 8780 руб., в счет погашения имеющегося долга. Младший сын — князь Петр Львов, как и старшие братья, также получил свою долю наследства и упоминается как холостой секунд-майор в отставке, «что исправляет должность уездного судьи»[6]. Средний их брат — князь Сергей Николаевич Львов — также получил свою часть имения в Маклаках, где в 1825 г. за ним состояло 316 душ[7]. В 1796 г. он был уволен из армии бригадиром и в своем имении Маклаки, вместо прежней деревянной церкви, строит каменный храм Знамения Пресвятой Богородицы[8]. Братья Львовы закладывали своих крестьян в заемном банке, и они же в 1808 г. продали поручику Александру Афанасьевичу Зыбину часть Маклаков «с господским домом и садом в 6 дес… а всего 1000 дес. земли». От Зыбина земли эти по продаже перешли ко князю Николаю Гагарину, а позднее к дочери его Елизавете. Чоглокова продает свою часть лесов Ивану Мальцову «железных рудных мест… да дровяного лесу… на 1236 дес.». Новый господский дом Львовых был отстроен вновь на вершине холма ввиду храма, стоящего на соседней вершине, через запруженные каскадом из трех прудов речки Маклаковку и Растворовку. Отставной бригадир князь Сергей Львов определил двух своих старших сыновей на военную службу: первый скончался, а его брат князь Александр вышел в отставку с чином штабс-капитана и поселился в отцовском имении. Младшие их братья учились во 2-м кадетском корпусе, откуда «за неспособностью к воинской службе» вышли чиновниками 14-го класса.

Снедаемый сильными страстями коллежский регистратор князь Василий Сергеевич Львов требовал своей доли наследства. Разногласия касались раздела Калужского и Орловского имений, вернее, тех частей, что достанутся на долю каждого наследника. Они даже разъехались: Александр и Анастасия жили в Орловской деревне, а Петр и Василий остались в Маклаках.

25 Зак. 1971

Наконец в августе 1833 г. стороны пришли к компромиссу: старшим наследникам досталось Орловское имение, а младшим — Жиздринское имение в селе Маклаки да еще деревянный дом матери в Жиздре. А все денежные затруднения, как водилось всегда у помещиков второй половины XIX в., выручались продажами собственных земель, угодий и лесов. Совершенно не заботясь о своих родных, князь Василий Львов с увлечением тратил семейные средства на мимолётные прихоти. В 1857 г. по определению Калужского дворянского депутатского собрания на недвижимое имущество, «где бы, какое ни оказалось, коллежского секретаря Львова, впредь до окончательного решения дела о расточительной жизни его» на Маклаки, где справа от его имения лежали земли наследников брата, покойного князя Петра Сергеевича Львова, было наложено запрещение[9].

Самому князю Львову было запрещено проживание в Маклаках, откуда он выехал в Елецкий уезд к родным, а «имение же состоящее Калужской губернии Жиздринского уезда в селе Маклаках и деревне Полянне с отхожими пустошами предоставляет дочерям Ольге и Варваре, в уплату выданных им заемных писем, каждой в 15 тыс. рублей серебром… а у их братьев ничего не требовать»[10]. Уже при новых владельцах старое имение начало стремительно дробиться. По раздельной записи, явленной в Калужской гражданской палате 11 мая 1865 г., часть Маклаковского имения в 56 душ, проживающих в деревне Полянне, по выкупному от отца делу, достались в 1867 г. отставному поручику князь Ивану Васильевичу Львову[11]. В середине XIX в. значительные части Маклаковских земель, по продаже их, поступают в распоряжение Демидова, Мальцова, Волженского, Полякова и иных помещиков, скупавших эти земли богатые рудными выходами[12]. Весь окрестный промышленный район стремительно разрастался благодаря энергичной деятельности Сергея Ивановича Мальцова. В 1913 г. один из внуков князя Василия Сергеевича Львова — корнет запаса 13-го драгунского полка князь Константин Александрович Львов — утверждал, что имеет в общем владении с другими наследниками недвижимое Жиздринское имение, состоящее из 521 десятин земли[13]. Что же сталось с бывшими обитателями Маклаков — Львовыми, когда наступил бурный событиями 1917 г.? Подполковник князь Сергей Александрович Львов участвовал в Белом движении: осенью 1919 г. он был командиром эскадрона в Сводном полку Кавказской кавдивизии. Его брат — князь Николай Александрович Львов, поручик 2-го армейского корпуса — в марте 1920 г. раненым был эвакуирован из Новороссийска на транспорте «Херсон». О других же потомках этой ветви Львовых ничего достоверно не известно… Память о прошлом здесь жива, пожалуй, только в названии «княжий» или «барский» колодец — у мостка через неглубокую ныне речку. А на месте холма, где ранее высился воспетый поэтом Александром Полежаевым «огромный желтый господский дом», еще недавно велась открытым способом выработка песка со щебнем для удовлетворения местных нужд. До войны в различных зданиях и службах оставшихся от бывшего имения Львовых, размещались: волостной исполком, больница, почтово-телеграфное отделение, страховая контора, лесничество, народная школа, телеграфная станция и две водяные мельницы. Сегодня в некогда большом селе проживает всего 250 человек: молодежь здесь не остается: нет ни перспектив, ни работы для нее[14].

Примечания

1. РГАДА. Ф.1209. Калуга. Дела старых лет. № 11702/78. Л.321—334.
2. Там же. № 11648/15. Л.867об.
3. Там же. № 11702/78. Л.315.
4. ГАКО. Ф.43. Оп.6. Д.323. 1785 г. Л.7.
5. Там же. Л. 8; Ф.66. Оп.1. Д.282. Л. 207; РГАДА. Ф.1354. Оп.734. Д. М-4. Описание.
6. ГАКО. Ф.66. Оп.1. Д.106. Л.340.
7. Там же. Д.775. Л.53.
8. Маклаки // Калужская энциклопедия. Калуга, 2000, С.346.
9. ГАКО. Ф.62. Оп.3. Д.2530. Л.193; Д.3271. Л.121; Ф.156. Оп.2. Д.77. Л.6/п.
10. Там же. Ф.260. Оп.1. Д.1311. Л.13.
11. РГИА. Ф. 577. Оп.13. Д.266.
12. ГАКО. Ф.438. Оп.1. Д.105. Л.1.
13. РГИА. Ф.1291. Оп.31. Д.506. Л.4.
14. Маклаки: что было, что стало… // Газета Калуга-ру. 2003, 25 июля.

ДВОРЯНСКИЙ РОД ЧИРИКОВЫХ И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ. XVI—XIX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО)

***В.И. Абакулов**, Калужский областной краеведческий музей*

С Калужским краем связаны многие дворянские фамилии, представители которых проживали здесь и владели имениями. О сотнях таких родов сведений мы практически не имеем. Хотелось бы восполнить этот досадный пробел и рассказать, опираясь в основном на документы Государственного архива Калужской области, только об одной фамилии — Чириковых.

Этот род произошел от «царя Беркая, которому во крещении наречено имя Петр». Правнук его — Петр Игнатьевич Чириков — служил при великом московском князе Дмитрии Ивановиче в сторожевом полку и принимал участие в знаменитой Куликовской битве 1380 г.

Герб Чириковых внесен в III часть Общего Гербовника под № 21: «Щит имеет две части, верхнюю малую, а нижнюю пространную, из коих в первой в серебряном поле изображен Крест зеленого цвета. В нижней части: в правом красном поле видна выходящая из облак рука в серебряныя латы облеченная с подъятым в верх мечем, под которою на подошве щита означена трава ковыль; в левом зеленом поле две серебряныя стрелы летящия перпендикулярно, одна в верх, а другая в низ. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною на поверхности которой видна шапка имеющая вид чалмы с сизым пером. Намет на щите зеленый и красный, подложенный серебром. Щит держат два льва с загнутыми хвостами»[1].

С калужской землей Чириковы связаны как минимум с XVI в. По списку с писцовой платежной книги 1586 — 1587 гг. поместных и вотчинных земель письма и меры Д.А. Замыцкого за Иваном Федоровичем Чириковым в Городском стане Медынского уезда числились «деревня без четьи, да деревня, да 4 пустоши; сошного писма в живущем и в пусте полчетьи и полполполчетьи сохи, да в переходе за сошным писмом 2 четьи без третника; а платить ему государевы всякие подати с живущаго с четвертные пашни со 6 четьи»[2]. Впоследствии Чириковы владели также имениями в Калужском, Тарусском, Перемышльском, Мосальском уездах.

В связи с большим количеством материала об этом дворянском роде, в данной статье будет рассказано о представителях лишь одной ветви этой фамилии, происходивших от Степана Киприановича Чирикова.

Пустоши Слепцова, Становская, Костино, Беликово, Недюрево, Провалы и Анцыфорово Куплe-Акифиева стана Калужского уезда 29 апреля 1664 г. и 3 января 1665 г. (все даты приводятся по старому стилю) были даны в поместье стряпчему Степану Киприановичу Чирикову. В 1667 г. к ним прибавилась и пустошь Крекшино[3]. В 1675 г. пустошь Становскую (50 четвертей земли) он отдал в приданое за своею дочерью Стефанидою зятю своему Титу Васильевичу Раевскому[4]. Стольнику Степану Киприановичу Чирикову в 1682 г. были отказаны в Новоотъежем стане Мосальского уезда жеребьи деревень Б. Вежны, Красниковой, пустошей Чепелевой, Лепехиной и Колчишной[5].

14 мая 1683 г. за Польскую, Чигиринскую и Троицкую службы «по приговору боярина Ивана Борисовича Троекурова с товарищи», поместье, состоящее из описанных выше пустошей в Калужском уезде, было отказано С.К. Чирикову в вотчину. В том же году ему в Калужском уезде были даны и отказаны село Ферзиково «со крестьяны и разными пустошами»[6].

Степан Киприанович Чириков скончался до 1740 г. У него остались дети: Лука, Григорий, Стефанида и Евдокия.

Евдокия Степановна была замужем за государевым стольником Семеном Яковлевичем Кречетниковым[7]. Ее внук Михаил Никитич Кречетников в 1776 — 1790 гг. был генерал-губернатором Калужским, Тульским и Рязанским.

Елизавета Григорьевна, внучка Степана Киприановича Чирикова, 1 февраля 1740 г. отдала по заручной челобитной следующую ей из недвижимого отца ее имения указную часть своему племяннику Александру Николаевичу Чирикову, сыну Николая Григорьевича, внуку Григория Степановича Чирикова. 5 июля 1745 г. определением вотчинной коллегии велено из недвижимого имения Григория Степановича Чирикова указные части оставить: одну его вдове Аграфене Ивановне, а другую сыну его капитану Николаю[8]. 7 апреля 1750 г. вдова Арина Андреевна Чирикова (бывшая женой Николая Григорьевича) следующую ей из недвижимого имения мужа ее часть также отдала «в награждение» своему сыну Александру[9].

За майором Григорием Степановичем, за морского флота мичманом Петром Лукичом и лейб-гвардии Измайловского полка фурьером (1753 г.), подпрапорщиком (1754 г.), каптенармусом (1755 г.) Александром Николаевичем Чириковыми по окладной книге в селе

Ферзикове написаны два заклейменные медные куба (4 и 5 ведерные), в которые в 1753 — 1755 гг. выкуривались вино и водка «про домовой обиход» этих помещиков[10].

30 июня 1768 г. Елизавета Григорьевна, будучи уже супругой генерал-аншефа и кавалера Ивана Васильевича Гурьева, следующее ей после смерти ее матери Аграфены Ивановны Чириковой (ум. в 1755 г.) недвижимое имение в Калужском и др. уездах с людьми и крестьянами (в селе Ферзикове, деревнях Хомякове и Дебрях с пустошами), по заручному челобитью отдала племяннику своему гвардии подпоручику Александру Николаевичу Чирикову. В том же году по челобитью ему отказаны имения, оставшиеся в разных уездах после деда его родного Григория и двоюродного деда Луки Степановичей Чириковых[11].

В 1773 г. за Александром Николаевичем Чириковым в селе Ферзикове Лисинского стана Калужского уезда числилось 232 души[12]. У него же в 1770-х гг. в совместном владении с другими помещиками находились во владении сельцо Сороковетово, деревни Максимовская, Русинова и Ширяева с пустошами Тарусского уезда, а в Калужском уезде село Ферзиково, сельцо Наумово, деревни Федосово, Хомяково, Николаевка и пустоши Русинова Руднева тож, Хрестищева, Жданова, Заранская, Слобода, Недюрево, Петровская, Глазыкина, Сивцова, Левшина, Родионова, Микулинская, Вейна, Щетникова, Любовцовская.

В селе Ферзикове, которое располагалось по обе стороны речек Мышеги и Гнезны, в это время был каменный господский дом с садом, две церкви, одна из которых деревянная, а другая каменная Преображения Господня[13].

Коллежский советник Александр Николаевич Чириков умер в 1780 г. Его жена — вдова Варвара Афанасьевна с малолетними детьми своими Николаем, Петром, девицей Верою остались наследниками его имения. Вдова 12 мая 1784 г. просила справить за ними это имение. К этому времени другая дочь Александра Николаевича — Мария — была замужем за обер-криг-комиссаром Михаилом Осиповичем Безобразовым[14].

За Николаем и Петром Александровичами Чириковыми в Калужском и Тарусском уездах в 1788 г. числилось 438 мужского пола душ[15]. В 1796 г. Петр Александрович Чириков был капитан-поручиком лейб-гвардии Семеновского полка[16].

2 апреля 1798 г. имение надворного советника Петра Александровича Чирикова, состоящее в Калужском уезде в селе Ферзикове 140, сельце Высоцком — 41, деревнях Федосовой — 37, Хомяковой — 99, Петровской — 47, Николаевке — 36, Тарусского уезда в сельце Максимове — 100, деревне Ширяевой — 21, а всего 521 душа, было заложено в Государственном вспомогательном для дворянства банке. Полученными банковыми билетами Чириков рассчитался с бывшими у него казенными долгами[17].

В том же году П.А. Чириков составил с причтом Преображенской церкви села Ферзикова ругу, согласно которой священноцерковнослужители получали от помещика хлебную ругу 40 четвертей и 25 руб. денег. Из дач Чирикова для этой церкви было отмежевано 33 дес. земли, план на которую находился у помещика[18].

П.А. Чириков в 1810 г. был содержателем юхновских питейных сборов. 26 марта 1812 г. Калужскому уездному суду указом губернского правления предписывалось взыскать с надворного советника Чирикова 2787 руб. 75 коп., которые тот был должен гвардии прапорщику Петру Евдокимовичу Демидову за выкуренное на находящихся в его управлении Курганском и Приболовском винокуренных заводах Жиздринского уезда вино (всего за 4987 ведер)[19].

Во время Отечественной войны 1812 г. надворный советник Петр Александрович Чириков от деревни Александровой с др. деревнями Калужского уезда и от принятых из Тарусского уезда, всего от 617 душ, поставил в ополчение 3 конных и 26 пеших воинов[20]. Кроме того, Чириков устроил в своем селе Ферзикове госпиталь для 200 человек[21].

Указом Калужского губернского правления Калужскому земскому суду от 9 октября 1815 г. предписывалось взыскать с П.А. Чирикова должные им 4 тысяч руб. мосальскому 3-й гильдии купцу и городового магистрата бургомистру Андрею Козьмичу Вагину. Еще 3 мая того же года Чириков давал подписку земскому суду в том, что в течение 1811 и 1812 гг. выплачивал часть этого долга указанному купцу во время его приездов в село Ферзиково. Однако во время войны в 1812 г., когда Петр Александрович находился в своей главной конторе в г. Кашире, последовало похищение у него проходящими воинскими командами денежных сумм, разных бумаг и актов, в том числе и расписок купца Вагина в получении им должных ему от Чирикова денег. 23 августа 1815 г. указанный купец Вагин дал «письменное сведение по крестному целованию» мосальскому городничему в том, что «… показание г-на Чирикова в платеже им мне 3 тыс. руб. есть несправедливое, ибо я от него никогда ничего в уплату должных мне … денег не получал и расписок ему никогда не давал». После этого объяснения земский суд и обязал «деньги Чирикову заемщикам выплатить»[22].

Точно также разграблением Каширских питейных сборов и похищением бумаг Чирикова

воспользовался и серпейский 2-й гильдии купец Михаил Фадеевич Сомов. Тяжба, тянувшаяся с 1818 г., закончилась, как и в первом случае, указом Калужской палаты гражданского суда Калужскому уездному суду от 26 марта 1833 г. «удовлетворить купца Сомова 2800 руб.»[23].

Надворная советница Наталья Кононовна Чирикова в октябре 1826 г. пыталась через суд взыскать с обер-провиантмейстера Семена Александровича Раевского должные ей по трем заемные письмам деньги в сумме 18 тысяч руб. Помогал ей в этом ее сын гвардии подпоручик Александр Петрович Чириков[24].

15 февраля 1827 г. Наталья Кононовна жаловалась в Правительствующий Сенат на Калужское губернское правление в «неудовлетворении ее взысканием с обер-провиантмейстера Семена Раевского» должных ей денег. Она показывала, что, хотя имение Раевского и состоит в залоге, но получаемые с оного доходы он использует в своих целях, а не для удовлетворения своих кредиторов. В октябре того же года Сенат предписал Калужскому губернскому правлению «производящееся в нем дело о долгах Раевского привести к окончанию без продолжения времени …»[25].

Надворный советник Петр Александрович Чириков, его жена Наталья Кононовна и их дочь Елизавета умерли 3 июля 1831 г. от эпидемии холеры в г. Санкт-Петербурге. После смерти родителей оставшиеся дети вступили во владение недвижимым имением, состоявшим Калужской губернии Калужском и Тарусском уездах, Вологодской губернии Никольском уезде, Тульской губернии Каширском уезде, Нижегородской губернии Нижегородском и Сергачевском уездах.

За майором Александром, подпоручиком Владимиром и девицей Верой Петровыми Чириковыми в Калужском уезде в это время во владении находились: в селе Ферзикове — 104, в деревнях Федосове — 34, Николаевке — 69, Натальиной — 63, Хомяковой — 135, Петровской — 63, Александровке — 33, сельце Елькине — 15, сельце Высоцком — 38 душ. Всего 554 души. Земли при этом имении было 3022 дес. 670 саж., а также им принадлежал двухэтажный каменный дом с прилежащими к нему каменными строениями[26].

В Крестовской церкви г. Калуги при входе в храм, в стене арки, отделяющей притвор от настоящей церкви, находилась вызолоченная медная доска об исцелении в 1831 и 1833 гг. Анны Ивановны, супруги подпоручика Владимира Петровича Чирикова[27].

Чириковы были внесены в VI часть Дворянской родословной книги Калужской губернии[28].

27 мая 1839 г. в Калужской палате гражданского суда слушалось прошение майора Александра Петровича Чирикова о выдаче ему свидетельства на его имение, состоящее в Калужском уезде в селе Ферзикове с деревнями для перезалога оного в Государственном заемном банке[29].

Чириков порой жестоко обращался со своими крестьянами, о чем свидетельствует одно из дел, хранящихся в ГАКО. 23 апреля 1840 г. калужский губернатор сообщал калужскому губернскому предводителю дворянства: «Сего дня явясь ко мне из села Ферзикова, помещика Чирикова крестьянин, с забитою на шее решеткою, принес жалобу на г-на Чирикова и управляющего имением его в жестоком обращении, — присовокупив к тому, что в Ферзикове кроме его есть крестьяне, носящие подобные железные рогатки»[30]. По случаю полученной жалобы, Калужский уездный предводитель дворянства побывал в апреле того же года в селе Ферзикове у А.П. Чирикова с объявлением о «прекращении подобных произшествий»[31].

В октябре 1841 г. майор А.П. Чириков, нуждаясь в наличных деньгах, заложил деревню Александровку Калужского уезда (532 дес. земли) в Московском опекунском совете[32].

Брат Александра Петровича — подпоручик Владимир Петрович Чириков, проживавший в сельце Игнатовском (Глебово тож) Тарусского уезда, в январе 1844 г. просил Калужское дворянское депутатское собрание выдать ему свидетельства о дворянстве его дочерей Марии (род. 7 сентября 1831 г.) и Варвары (род. 27 мая 1833 г.) для помещения их в казенное учебное заведение[33]. За В.П. Чириковым недвижимого имения состояло в Нижегородской губернии 811 муж. пола душ.

3 апреля 1844 г. майор Александр Петрович Чириков умер, будучи бездетен. После его смерти осталось недвижимое имение, состоящее в Калужском и Тарусском уезде (всего 651 муж. пола душа), которому наследниками остались супруга майора Анна Васильевна и родной брат покойного Владимир Петрович Чириковы. Помимо имения Александр Петрович оставил супруге большие долги — 95285 руб. 71 коп. серебром и 95000 руб. ассигнациями. Из-за таких огромных долгов вдова отказалась от имения в пользу Владимира Петровича Чирикова с записью, учиненной 26 июня 1844 г. в Калужской палате гражданского суда. При этом В.П. Чириков, вступивший во владение имением, состоящим в Калужском уезде селе Ферзикове с деревнями, 18 сентября 1844 г., обязывался передать жене брата из своего имения в Нижегородской губернии Сергачевского уезда села Панова 375 ревизских муж. пола душ и 11500 руб. серебром[34].

Из формулярного списка о службе подпоручика Владимира Петровича Чирикова за 1849 г. узнаем, что у него были сын Петр 17, дочери Марья 14 и Анна 13 лет[35].

19 марта 1852 г. в крепостной экспедиции 2-го департамента Московской гражданской палаты

в 3 книгу под № 54 была записана купчая крепость на купленное женой подполковника Екатериной Васильевной Дестрем недвижимое имение подпоручика Владимира Петровича Чирикова. Последний продал ей свое родовое имение в Калужском и Тарусском уездах, находившееся во владении рассматриваемой ветви рода Чириковых с середины XVII века. Всего дворовых людей и крестьян муж. пола 602 души[36].

Чириков взял с г-жи Дестрем 94 тыс. руб., полагая в это число и долг Государственному заемному банку, оставшийся от брата Александра Петровича.

Чириковы занимали выборные должности уездных предводителей дворянства: Петр Александрович, надворный советник, с 18 июня 1801 г. по 21 декабря 1806 г. по Калужскому уезду, а его сын Владимир Петрович, подпоручик, с 5 декабря 1847 г. по 14 декабря 1850 г. по Тарусскому уезду[37].

В «Памятных книжках Калужской губернии» за 1890 — 1910-е гг. Чириковы на службе не упоминаются. Видимо, с продажей основного родового имения Дестрем, они теряют всякие связи с Калужским краем, продолжавшиеся на протяжении двух веков.

Ныне господский дом Чириковых, выстроенный еще во второй половине XVIII в., находится в страшном запустении, от него остались практически одни стены с рухнувшими внутри балками. После революции в особняке располагались школа и детский санаторий. Санаторий закрыли в 1988 г. на ремонт, но он не проводился, и здание быстро разрушалось. Дом Чириковых некогда был прямоугольной формы, на первом этаже располагались четыре комнаты со сводами и колоннами. Вокруг дома были высажены аллеи регулярного липового парка, который плавно переходил в пейзажный парк, где находились три каскадных пруда. Липовые аллеи и пруды сохранились, хотя и в запущенном состоянии, и ныне.

Примечания

1. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. Репринтное издание. СПб., 1993. Ч.III.
2. Писцовые книги XVI века. Издание Императорского русского географического общества / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877. Отдел II: Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. С. 847.
3. ГАКО, ф.54, оп.1, д.419, л.4; ф.440, оп.1, д.530, л.14об.—15.
4. Там же, ф.66, оп.1, д.91, л.5—6.
5. Опись столбцов, находящихся в Архиве КУАК: Бумаги Мосальской приказной избы // ИКУАК. Калуга, 1899. № 1. С. 54.
6. ГАКО, ф.54, оп.1, д.419, л.4.
7. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т.1. С.448.
8. ГАКО, ф.440, оп.1, д.530, л.15—15об.
9. Там же, л.8-8об., 16.
10. Там же, ф.221, оп.1, д.82, л.143—143об.; д.90, л.415—415об.; д.103, л.274—274об.
11. Там же, ф.440, оп.1, д.530, л.16об.
12. Там же, ф.275, оп.2, д.1, л.35.
13. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. СПб., 1782. Ч.I. С.53, 67—69, 75, 102—103, 104, 105, 111, 196.
14. ГАКО, ф.440, оп.1, д.530, л.17.
15. Там же, ф.546, оп.3, д.3, л.1.
16. Там же, ф.440, оп.1, д.530, л.60.
17. Там же, ф.546, оп.3, д.13, л.1.
18. Там же, ф.33, оп.1, д.309, л.3.
19. Там же, ф.440, оп. 1, д. 112, л. 1—2 об.
20. Булычов Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калужское Дворянское Ополчение. Калуга, 1910. С.117.
21. Зельницкий Г.К. Описание происшествий 1812 г., случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. С.78.
22. ГАКО, ф.546, оп.3, д.85, л.2—2об., 5, 12, 15.
23. Там же, ф.440, оп.1, д.141, л.1, 135, 153.
24. Там же, ф.54, оп.1, д.1149, л.3—6.
25. Там же, оп.2, д.35, л.2, 21об.
26. Там же, ф.546, оп.3, д.227, л.3, 8, 24.
27. Леонид [Кавелин Л.А.] Калужский Лаврентьев монастырь и Крестовская церковь. Калуга, 1891. С.93.
28. Булычов Н.И. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С.265.
29. ГАКО, ф.546, оп.3, д.393, л.1.
30. Там же, ф.260, оп.1, д.1016, л.1.
31. Там же, л.5.
32. Там же, ф.546, оп.3, д.449, л.1—2, 13.
33. Там же, ф.66, оп.1, д.1901, л.1.
34. Там же, ф.440, оп.1, д.845, л.1, 142.
35. Там же, ф.66, оп.1, д.2184, л.10об.—11.
36. Там же, ф.546, оп.3, д.2044, л.1об.—3об., 10.
37. Булычов Н.И. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. … С.XXV, LXXXVI.

ДВОРЯНСКИЙ РОД ОСОРГИНЫХ В КАЛУЖСКОМ И ТАРУССКОМ УЕЗДАХ В XIX — НАЧ. XX вв.*

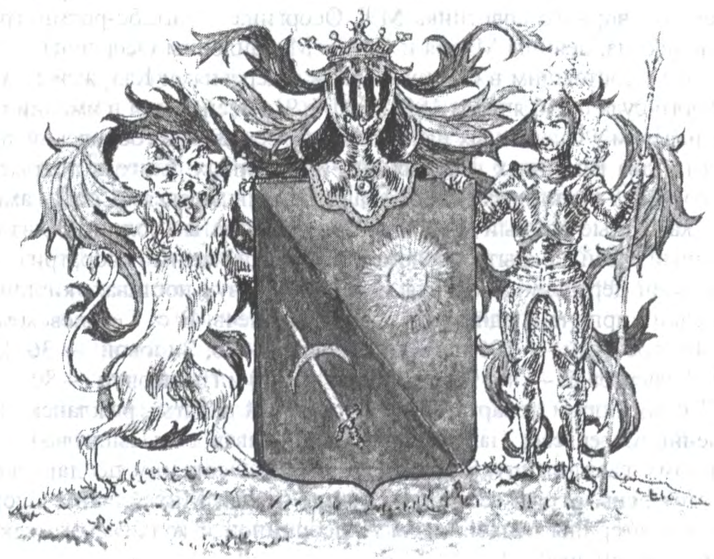
***В.И. Абакулов**, Калужский областной краеведческий музей*

На Калужской земле в течение нескольких столетий проживали десятки дворянских фамилий. К сожалению, многие из них незаслуженно забыты. Актуальность проблемы истории целого ряда дворянских фамилий состоит в том, что до настоящего времени не были выявлены, обобщены и проанализированы документы местного и центральных архивов по данной тематике. Таких «белых пятен» в истории дворянских родов, представители которых проживали на Калужской земле, много.

Изучение истории дворянских фамилий должно стать ключевым моментом в понимании многих сторон жизни общества в прошлом. Через изучение истории дворянских родов может быть прочитан весь спектр социально-экономической и духовной жизни общества. Задачей данной работы является исследование истории дворянского рода Осоргиных, представители которого в XIX — начале XX вв. проживали и владели имениями на территории Калужского края. Важно выявление наиболее важных и достоверных фактов истории членов этой дворянской семьи, оставившей заметный след не только в истории края, но и России. Решение этих задач осуществлялось на основании изучения неопубликованных документов Государственного архива Калужской области, а также некоторых опубликованных материалов, в той или иной мере касающихся поднимаемых в работе вопросов. Обращение к региональному архиву являлось приоритетным вследствие хорошей сохранности подобных документов, к которым еще не обращались исследователи.

Род Осоргиных известен издревле, однако, никаких особых взлетов государственной карьеры у его представителей не отмечается. «Фамилии Осоргиных многие Российскому Престолу служили дворянские службы в разных чинах и жалованы были от государей в 7009 (1501) и других годах поместьями. Все сие доказывается жалованными на поместья грамотами, справками Разрядного Архива, Вотчинного департамента и родословною Осоргиных»[1].

Герб рода Осоргиных внесен в первое отделение 5-й части Общего Гербовника под №43: «Щит разделен диагонально с правого верхняго угла на две части, из коих в верхней в голубом поле изображено сияющее солнце. В нижней в красном поле виден меч, пронзенный сквозь серебреный полумесяц. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите красный, подложенный золотом. По сторонам щита поставлены: с правой стороны лев с мечем, а с левой воин с копьем»[2] (рисунок герба выполненный Марией Михайловной Осоргиной, любезно представлен в распоряжение автора Михаилом Георгиевичем Осоргиным).

По документам известно, что Осоргины связаны с Калужским краем с конца XVIII в. Екатерина Михайловна, жена подполковника Герасима Григорьевича Осоргина, владела имениями в Тарусском

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Калужской области (проект № 05-01-59101а/Ц).

уезде (с-цо Марков Починок, Хомяково тож и д. Дербино). Эти имения достались ей после смерти ее первого мужа — надворного советника Михаила Андреевича Суровцева (умер 6 мая 1780 г. — все даты приводятся по старому стилю). По определению государственной вотчинной коллегии 10 марта 1782 г. о разделе имений умершего М.А. Суровцева между ней, ее свекровью — статской советницей Марией Ивановной и ее детьми — секретарем Гавриилом и секунд-майором Сергеем Андреевичами Суровцевыми, Екатерине Михайловне досталась положенная ей по закону седьмая часть (в указанных выше селениях 131 душа)[3].

Сын Герасима Григорьевича Осоргина, Михаил Герасимович, в 1812 г., владея в деревне Дербиной Тарусского уезда 42 душами, поставил во внутреннее ополчение двух пеших воинов — Василия Прокофьева и Харлама Яковлева[4]. Осоргин упоминается также в «Списке помещикам и их имениям Тарусской округи 1824 г.»: «Асоргина порутчика Михайлы Герасимова сына сельца Дербина 58 душ»[5].

Михаил Герасимович Осоргин был женат на Варваре Андреевне, дочери майора Лыкошина. Они имели детей: сына Михаила, дочерей Екатерину и Марию. Имения за Осоргиным состояло наследственного в губерниях Симбирской 166, Оренбургской — 156, Московской в Звенигородском уезде — 56 и Калужской — 58. «В приданое за женою полученных Смоленской 257». Осоргин служил дворянским заседателем в Московском Совестном Суде[6].

24 марта 1843 г. штабс-ротмистр Сергей Васильевич Кар, с позволения Московского опекунского совета, продал свое имение Сергиевское Калужского уезда, заложенное в сохранной казне по займу 29 марта 1837 г. сроком на 37 лет, коллежскому асессору и кавалеру Михаилу Герасимовичу Осоргину за 114285 руб. 72 коп. серебром[7].

Осоргин по покупке получал в свое владение в с. Сергиевском (Горяиново тож) дворовых людей 71, крестьян — 98, в деревнях Дмитровой крестьян — 26, Зиновой — 28, Шаховой — 34, Кашурках — 96, Алферовой — 34, Поливановой — 86 и Пышковой — 66. А всего дворовых людей и крестьян 539 мужского пола душ с их женами и детьми. Ему достались также в Сергиевском господский каменный дом с прочими строениями, оранжереи, фруктовые деревья, пруды, водяные мукомольные мельницы, рыбные ловли, скот, лошади, птицы и проч. Земли при селе Сергиевском с деревнями и пустошами было 4900 дес. 1396 саж.[8]

10 июля 1843 г. Временное отделение Калужского земского суда, во исполнение указа Калужского земского суда от 15 июня за № 702, ввело М.Г. Осоргина во владение купленным имением[9]. Сергиевское становится родовым гнездом этой ветви рода Осоргиных вплоть до 1918 г.

В Сергиевском в 40-е гг. XIX столетия был разбит регулярный липовый парк. От входа в парк все дорожки расходились веером, кроме двух: одна пересекала парк поперек, а вторая, изгибаясь, образовывала в плане корону. Самой широкой была центральная двойная аллея, где чередовались липы и ели. По бокам парка были пейзажные еловые насаждения. Продолжением центральной была узкая березовая аллея, выводившая к обрыву, где был чудесный вид на Оку.

Дети умершего надворного советника М.Г. Осоргина — штабс-ротмистрша Екатерина Михайловна Ахлебинина, девицы Мария и Софья Михайловны Осоргины — были введены во владение имением, состоящим в с. Сергиевском с деревнями Калужского уезда, по указу Калужского уездного суда от 16 января 1852 г. за № 91. Всей земли в имении было 4950 дес. 1272 саж. В Сергиевском у Осоргиных находились: трехэтажный господский каменный дом с четырьмя башнями, два каменных флигеля, два деревянных флигеля покрытые тесом, две каменные оранжереи, два фруктовых сарая с французскими деревьями, одна каменная теплица, покрытая тесом, каменные конный и скотный дворы, крытые соломой, два сенных сарая, запасный деревянный сарай, покрытый соломой каменный скотный двор, три сада с липовыми аллеями и плодовыми деревьями, водяная мельница о двух поставах, кирпичный сарай на столбах для выделки кирпича и одна покрытая тесом печь. В с. Сергиевском (Карово тож) дворовых было 48, крестьян — 105, в д. Дмитровке — 36, Зиновой — 36, Шаховой —28, Кашурках — 94, Алферьевой — 48, Поливановой — 100 и Пышковой — 80[10].

19 июня 1857 г. во втором департаменте Московской палаты гражданского суда имение, состоящее из селений Алферьево, Шахово, Кашурки, Поливаново и Пышково Калужского уезда, перешло отставному гвардии штаб-ротмистру М.М. Осоргину по дарственной записи, совершенной в этот день, от его сестер — девицы Софьи Михайловны Осоргиной и жен: гвардии поручика Екатерины Михайловны Ахлебининой и коллежского секретаря Марии Михайловны фон Бенкендорф[11].

В усадьбе были различные хозяйственные постройки — скотный двор, птичная, воловая, конный двор с высокими башнями, сенной сарай, весовая, рабочая изба, большой амбар, длинная рига, упирающаяся в двухэтажное здание с паровой машиной и мельницей.

10 мая 1866 г. отставной штабс-ротмистр М.М. Осоргин просил Калужское дворянское

депутатское собрание записать его с семейством в VI часть дворянской родословной книги Калужской губернии, а из таковой же Московской губернии исключить. Определением Московского дворянского депутатского собрания 4 мая 1842 г. проситель М.М. Осоргин был внесен в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии (указ Правительствующего Сената по департаменту герольдии от 22 февраля 1834 г. за № 1110). Из указа об отставке видно, что «Михаил Михайлович Осоргин из дворян Московской губернии» был уволен со службы 8 октября 1858 г. из «Гусарского Его Величества полка за болезнью штабс-ротмистром …»[12].

М.М. Осоргин 31 мая 1857 г. сочетался браком с дочерью надворного советника и кавалера княжной Марьей Алексеевной Волконской. От этого брака 13 июля 1858 г. родилась дочь Варвара, а 16 апреля 1861 г. родился сын Михаил[13].

В октябре 1887 г. пристав 3 стана Калужского уезда доносил калужскому губернатору о «похвальном поступке» помещика села Сергиевского гвардии корнета М.М. Осоргина, который 13 октября того же года вместе с волостным старшиной Глебовым и «своими рабочими» тремя пожарными трубами спас от начавшегося пожара 35 домов в д. Кашурки[14].

Осоргины были очень набожными людьми и всячески помогали храму Покрова Пресвятой Богородицы в с. Сергиевском, прихожанами которого они были. Так, в 1884 г. М.М. Осоргин пожертвовал на окраску церковной крыши 150 руб., на постройку церковно-приходской школы 700 руб., за что ему было преподано архипастырское благословение[15]. С 1887 г. этот радетельный помещик стал церковным старостой Покровской церкви, и оставался им вплоть до 1917 г.[16] В Покровскую церковь с. Сергиевского в 1904 г. отцом церковного старосты М.М. Осоргиным было пожертвовано полное священническое и диаконское облачение из бархата, украшенное иконами, стоимостью 600 руб., в память своей покойной супруги Марии Алексеевны[17]. В 1905 и 1906 гг. он был почетным членом отделения епархиального училищного совета[18].

2 января 1894 г., в воскресенье, при Покровской церкви в селе Сергиевском, по инициативе Осоргиных, было открыто братство святой праведной Иулиании. Председателем совета братства был избран М.М. Осоргин 2-й. Святая праведная Иулиания происходила из рода Осоргиных. В Смутное время кормила голодных, при этом часто недоедая сама. Жила в селе Лазаревском под Муромом. Умерла она 2 января 1605 г. Во многих семействах сохранялся обычай прибегать с молитвой к праведнице перед выдачей девиц в замужество. Одна из дочерей М.М. Осоргина носила имя Иулиания[19]. О цели учреждения братства в уставе, утвержденном епархиальным начальством, говорилось так: «для вспоможения вообще приходским бедным в их вещественных и духовных нуждах учреждается братство …» (Устав, п. 1)[20].

М.М. Осоргин помогал не только храму. В 1887 — 1888 гг. он пожертвовал кирпич, из которого была возведена новая школа в селе Сергиевском[21].

Земским начальником по Калужскому уезду 3 участка в 1890-х гг. был М.М. Осоргин[22]. Присяжным заседателем по Калужскому уезду на 1891 г. значился штабс-ротмистр М.М. Осоргин[23]. Бывший земский начальник 3 участка Калужского уезда надворный советник М.М. Осоргин был утвержден, по смерти Калужского уездного предводителя дворянства действительного статского советника П.А. Сухотина, последовавшей 20 июля 1897 г., в той же должности[24].

24 февраля 1898 г. Калужским дворянским депутатским собранием были записаны в дворянскую родословную книгу супруга М.М. Осоргина Елизавета Николаевна, урожденная княжна Трубецкая, сыновья Михаил, Сергей и Георгий, дочери Софья, Иулиания и Мария[25].

В том же 1898 г. директрисой женского тюремного отделения была Мария Алексеевна Осоргина, гласным от Калужского уезда в Губернском земском собрании М.М. Осоргин, в Калужский губернский училищный совет входил уездный предводитель дворянства М.М. Осоргин[26].

Штабс-ротмистр М.М. Осоргин владел в с. Сергиевском в 1910 г. 1664 ? дес. земли[27]. У помещика в селе Сергиевском был сад в 2 дес. В имении Осоргина было 15 дойных коров, сепаратор, приготовлялось сливочное масло и голштинское[28].

Дружескими и родственными узами Осоргины были связаны с известным родом кн. Трубецких. 6 октября 1887 г. в Покровском храме с. Сергиевского состоялось венчание «кандидата Московского императорского университета историко-филологического факультета князя Сергея Николаевича Трубецкого, … 25 лет и дочери умершего отставного гвардии штабс-ротмистра князя Владимира Андреевича Оболенского княжны, девицы Параскевы Владимировны Оболенской…, 27 лет»[29]. Поручителем по жениху был гвардии корнет запаса М.М. Осоргин.

Сестра философа Елизавета Николаевна Трубецкая была женой М.М. Осоргина, харьковского вице-губернатора (с 1898 г.), гродненского (1903—1904 гг.), тульского (с 1905 г.) губернатора. О семье Осоргиных оставил свои воспоминания князь Владимир Сергеевич Трубецкой (1892—1937), сын ректора Московского университета философа Сергея Николаевича Трубецкого (умер в 1905 г.). «Записки кирасира», написанные В.С. Трубецким в 1936 г., являются интересным источником, ярко рисующим жизнь молодых кирасир. В мае 1912 г. двоюродные братья В.С. Трубецкой и

27 Зак. 1971

М.М. Осоргин вступили в лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк, жили на одной квартире[30].

«Уклад Осоргинской семьи, — вспоминал В. Трубецкой, — отличался исключительной патриархальностью, подчеркнутой нравственностью и набожностью. Глава семьи — дядя Миша, — будучи человеком особо строгих житейских правил, воспитал своих сыновей в страхе Божием и в духе, исключающем возможность с их стороны каких бы то ни было легкомысленных эксцессов или отклонений в сторону аморального»[31].

С конца XIX в. и вплоть до 1917 г. Осоргины занимались в Калужском крае земской деятельностью. В 1912 г. в состав Калужской губернской земской управы и в Калужское уездное земское собрание входил М.М. Осоргин[32].

Первая мировая война не обошла стороной и Осоргиных. Согласно постановлению Калужского губернского земского собрания от 13 сентября 1915 г. в состав Калужского губернского комитета по снабжению армии вошел, среди других лиц, гласный губернского земского собрания М.М. Осоргин[33]. Его сыновья — Георгий и Михаил — участвовали в боях. Первый — в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, второй был командиром автомобильной роты, впоследствии сражался на Румынском фронте.

В Государственном архиве Калужской области хранятся материалы, рассказывающие о деятельности лазарета имени святой праведной Иулиании, открытом в имении Осоргиных 18 октября 1914 г., когда прибыла первая партия раненых[34]. Заведующий лазаретом был М.М. Осоргин, хозяйством заведовала его супруга Е.Н. Осоргина. При ней помощником был И.Н. Шутов, который заведовал запасами и кузней. Также среди обслуживающего персонала лазарета были: врач-медик Н.Ф. Черторыжский, две сестры милосердия — У.М. Осоргина ведала перевязками и палатами, М.М. Осоргина — хирургическими инструментами. Еще одна сестра милосердия — А.Н. Толмачева заведовала стерилизацией перевязочного материала. Заведовали верхней и нижней столовой Л.Н. Горшкова и А.М. Осоргина. В состав лазарета входили также три кухарки, кухарка с помощницей и санитар-служитель[35]. 19 января 1917 г. лазарет имени святой праведной Иулиании на 45 коек был свернут. Заведующий М.М. Осоргин 3 апреля того же года доносил Калужскому губернскому земскому комитету помощи раненым, что «оставил у себя в амбаре для нужд лазарета потребное количество ржи до нового урожая», так как позже предполагалось его вновь открыть[36].

Михаил Михайлович Осоргин — церковный староста, действительный статский советник, камергер Двора Его Величества. За заслуги земского начальника и вице-губернатора имел следующие награды: ордена Анны 3-й ст., Анны 2-й ст., Станислава 2-й ст., Владимира 4-й ст., медали коронации Александра III, Николая II, медали за службу Александра II и медаль за перепись.

В 1917 г. М.М. Осоргин был членом Губернского Земского Собрания по Калужскому уезду, членом попечительского совета Калужской женской гимназии, членом Уездной земской управы, членом Уездной землеустроительной комиссии, заведующим Сергиевским сельскохозяйственным обществом, председателем Сергиевской молочной артели, председателем Попечительства и комитета для воинов, председателем Кооперативного комитета помощи беженцам.

Действительный статский советник М.М. Осоргин — председателем Губернской земской управы, почетным попечителем реального училища, членом Калужского уездного земского комитета по призрению семей воинов, призванных в действующую армию, гласным Калужского уездного земского собрания, членом Уездного училищного совета, почетным членом Епархиального училищного совета, председателем братства святой праведной Иулиании[37].

Грянула революция 1917 г., навсегда изменившая жизнь Осоргиных и само существование их имения Сергиевское. По постановлению Волостного Совета осенью 1918 г. Осоргины из имения были выселены. О последних месяцах пребывания Осоргиных в своем имении оставил воспоминания Григорий Николаевич Трубецкой, брат Елизаветы Николаевны — супруги М.М. Осоргина. В марте 1918 г. Трубецкой приехал с Дона, где состоял в Добровольческой армии Деникина, в имение Осоргиных Сергиевское.

«После донской весны мы попали в настоящую зиму, еще не предвещавшую весны. Стоял мороз, и было много снега.

Мы прожили … у Осоргиных ровно два месяца и наслаждались полным покоем, порой — иллюзией, что ничего не переменилось. Правда, земля и хозяйство были отобраны по распоряжению из центра. Свои крестьяне (восьми окружных деревень) протестовали против этого, но, конечно, их протеста никто не принял к сведению. Мужики и бабы по-прежнему ежедневно приходили на барский двор, кто — лечиться у барышень, кто — за советом, а кто — просто проведать господ. Отношения были самые патриархальные, которые могли образоваться только годами совместной дружной жизни. Господам несли все, что могли … и ни за что не соглашались брать за это деньги. «Прежде вы нас кормили, теперь мы вас должны кормить», — говорили крестьяне.

Но я хочу для будущего закрепить в памяти милые образы тех, кто жил в это время в Сергиевском. Глава семьи — муж моей сестры, Михаил Михайлович… олицетворял тип идеального русского помещика-барина с русской православной душой. К нему шли из далеких деревень крестьяне за советом по самым сложным вопросам своего быта, и его решения принимали к исполнению. Своих близких крестьян он знал почти каждого, знал всю подноготную семейной жизни, следил за воспитанием и судьбой поколений, выросших на его глазах. … Неудивительно, что среди крестьян были люди, готовые пойти в огонь и в воду за Михаилом Михайловичем»[38].

«Вся эта семья жила удивительно дружно, была спаяна крепкой любовью. Они так привыкли жить жизнью сердца и чувства, что, конечно, это выражалось иногда в повышенной чувствительности, над которой мы, приезжие, подтрунивали. Однако все, кто к ним приезжали, чувствовали себя в Сергиевском, как в душевном санатории.

Свое Сергиевское Осоргины любили так, как можно любить только близкое, родное существо, и особенно чутко ценили прелести природы и местоположения, которые действительно были прекрасны. Они были способны, когда время позволяло, проводить целые часы на обрыве, за парком, откуда на далеком просторе виднелась Ока, которая вся змеилась на поворотах, синея и уходя вдаль»[39].

«Неужели я больше не увижу Сергиевского? Я не могу с этим примириться. Не могут, не должны исчезнуть такие уголки русской жизни, овеянные старозаветным, родным и крепким духом. Для скольких простых людей Сергиевское было светлым маяком, где они находили и нравственную и материальную поддержку. А сколько их друзей и знакомых, потерпев от жизненной бури, находили покой под гостеприимным кровом этой мирной обители. Утрата таких очагов, хотя бы они были малочисленны, а может быть, именно потому что их немного, была бы невосполнимой потерей для России, и только одно утешает, что не могут бесследно погибнуть добрые семена, которые долгие годы сеялись на благодатной почве, — «память их из рода в род».

«Раз уже пришлось к слову, расскажу о том, как довелось Осоргиным расстаться с Сергиевским. Большевики давно прислали из Калуги циркуляр о выселении всех помещиков из их усадеб. Крестьяне не решались даже сообщить об этом Осоргиным. Они продолжали мирно жить у себя. Большевики прислали летом отряд, чтобы взыскать с них контрибуцию. Так как Осоргин сказал, что он ни копейки не заплатит, то его арестовали и повели в волость. Тут крестьяне заволновались, потребовали, чтобы его освободили, и, сторговавшись с комиссарами, которые требовали 20000 рублей, внесли 1000 рублей и торжественно вернули Осоргина в усадьбу. Но долго это благополучие не длилось. Калужские большевики осенью категорически потребовали выселения и дали три дня на размышление. Эти три дня Осоргины провели в посте и говений. Храм был полон молящихся. Когда они выехали на станцию, народ провожал их на всем пути. Крестьяне наняли им вагон, выгнали оттуда всех посторонних, поставили своих сторожей до самой Москвы. Осоргины переехали в подмосковное имение Самариных Измалково, где еще можно было жить осенью 1918 г.»[40].

После расстрела в 1929 г. находившегося в лагере на Соловецких островах Георгия Михайловича Осоргина (бывшего офицера лейб-гвардии Конно-гренадерского полка) все оставшиеся в живых члены семьи Осоргиных в 1931 г. эмигрировали за границу.

Ныне в Кольцове (бывшее Сергиевское) сохранилась лишь колокольня Покровской церкви, здание школы и старый парк. На месте, где стоял помещичий дом, можно видеть гряду битого кирпича, поросшую деревьями и кустарником, рядом руины хозяйственных построек.

В данной работе на основе проанализированных архивных документов, воспоминаний и записок очевидцев событий, была представлена история дворянской фамилии Осоргиных, на протяжении конца XVIII — начала XX вв. владевшей имениями в Калужском крае, показано формирование и развитие имения Сергиевского как единого комплекса, ставшего родовым гнездом нескольких поколений этой семьи, прослежена внутренняя жизнь в имении, взаимоотношения помещиков и крестьян, и прочее. Выявление новых документов в региональном и центральных архивах позволит приоткрыть неизвестные страницы этой фамилии.

Примечания

1. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. Составил гр. А. Бобринский. СПб., 1890. Ч.I: До конца XVI ст. С.598.
2. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийския Империи начатый в 1797 году. Б.м., Б.г. Часть 5-я. Отделение первое. № 43.
3. ГАКО, ф.43, оп.6, д.130, л.3об.—4.
4. Там же, ф.86, оп.5, д.25, л.337об.—338.
5. Там же, ф.66, оп.1, д.720, л.75.

6. Там же, оп.2, д.832, л.13—14об.
7. Там же, ф.546, оп.3, д.909, л.6об.
8. Там же, ф.440, оп.1, д.777, л.1—4.
9. Там же, ф.546, оп.3, д.909, л.6.
10. Там же, д. 985, л.5—6об.
11. Там же, ф.62, оп.3, д.1423, л.107.
12. Там же, ф.66, оп.2, д.832, л.3.
13. Там же.
14. Там же, ф.823, оп.1, д.366, л.1.
15. Там же, ф.33, оп.2, д.2304, л.28, 34; КЕВ. 1885. № 1. Часть официальная. С.4.
16. ГАКО, ф.33, оп.2, д.2304, л.26.
17. Извеков Н.Д. Краткое историческое описание церкви и прихода села Сергиевского Калужского уезда. // Калужская старина. Калуга, 1911. Т.6. С.8.
18. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год. Калуга, 1904. С.95; Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1906 год. Калуга, 1905. С.96.
19. Святая праведная Иулиания и братство во имя ее при Покровской села Сергиевского церкви Калужского уезда // КГВ. 1894. № 38. Часть официальная. С.146.
20. Благовещенский Н. Два замечательных случая, имевших место в приходе села Карова, Калужского уезда // КЕВ. 1894. № 6. Часть неофициальная. С.181—183.
21. Извеков Н.Д. Указ. соч. С.10—11.
22. ГАКО, ф.62, оп.6, д.1081, л.3об.; д.1086, л.4об.; Исторический очерк крестьянских учреждений Калужской губернии с 1861 по 1911 год. Калуга, 1911. С.14.
23. КГВ. 1891. №1. Часть официальная. С.3.
24. КГВ. 1897. №99. Часть официальная. С.1.
25. Булычов Н. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С.233.
26. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1898 год. Калуга, 1898. С.5, 6, 31.
27. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1910 год. С.95.
28. Пульхеров А.И. Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде. Калуга, 1910. С.98, 149, 167.
29. ГАКО, ф.33, оп.4, д.333, том 1.
30. Трубецкой В.С. Записки кирасира. М., 1991. С.6.
31. Там же. С.46.
32. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1912 год. Калуга, 1911. С.9, 58.
33. Писаренко И.С., Вощенкова Н.С., Домнина Т.Г., Жукова Л.Ф., Писаренко И.С. Благотворительные организации Калужской губернии в годы первой мировой войны. Калуга, 2001. С.13.
34. ГАКО, ф.58, оп.1, д.655, л.6.
35. Там же.
36. Там же, л.154.
37. Адрес-календарь. Личный состав правительственных и общественных учреждений Калужской губернии на 1917 г. Калуга, 1917. С.11, 31, 33, 34, 63, 89, 90, 91, 93, 94.
38. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд: 1917—1919 // Россия воспрянет. Князья Трубецкие. М., 1996. С.78—79.
39. Там же. С.81—82.
40. Там же. С.84.

ИСТОРИЯ РОДА ЩЕПОЧКИНЫХ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ СОСТАВЛЕНИЯ РОДОСЛОВНОЙ РОСПИСИ*

***Е.А. Авдеенко, С.Я. Заурдина**, Институт социальных отношений Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского*

За последние годы в нашей стране резко возрос интерес к генеалогии[1]. Из вспомогательной исторической дисциплины она становится инструментом для изучения истории. Основоположник русской научной генеалогии Л.М. Савелов дает следующее определение генеалогии. Во-первых, это «построенное на достоверных документах и других источниках, доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка…» и во-вторых: «история рода во всех проявлениях жизни его представителей»[2].

Обращение к изучению рода Щепочкина было инициировано в 2003 г. Калужским областным краеведческим музеем в связи с музеефикацией с. Полотняный Завод. Поэтому внешняя форма генеалогии — родословие (у нас — родословие Щепочкиных) необходимо рассматривать в свете обеих частей определения. Это связано с тем, что в Калужской области на территории Мемориального историко-архитектурного и природного музея-усадьбы Полотняный Завод с середины XVIII в. существовало две усадьбы: А.А. Гончарова и Г.И. Щепочкина. Оба были «компанейщиками» Т.Ф. Карамышева, основавшего в 1718 г. по указу Петра I «на церковной земле церкви Спаса на Взгомонях» (ныне Полотняный Завод) фабрику парусных полотен, а в 1720 г. бумажную фабрику. После смерти Карамышева и выхода из «кампании» его жены Гончаров и Щепочкин разделили 27 февраля 1735 г. (даты приводятся по старому стилю) фабричное имущество[3]. От обеих усадьб «компанейщиков» в сохранном виде дошел до нас только дом Щепочкина — «один из самых ярких памятников русского искусства конца XVIII в.»[4]. Но до сих пор дом не музеефицирован, и в нем располагается школа. При этом, как отмечал известный историк и калужский краевед Д.И. Малинин (1879—1933), автор единственной работы, где собран преимущественно архивный материал по истории Полотняного Завода, о соратнике Гончарова «Г.И. Щепочкине, и его фамилии почти не имеется сведений. Между тем, он

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 05-01-59158а/Ц).

заслуживает не меньшего внимания»[5].

Эти слова остаются справедливыми и до сегодняшнего дня. Истории Полотняного Завода и рода Гончаровых в XX в. было посвящено значительное количество работ, подготовлено четыре путеводителя[6]. Однако во всех этих изданиях не более трех абзацев отводится Г.И. Щепочкину, информация о котором в основном заимствована из книги Д.И. Малинина или из статьи А. Средина. Биографические сведения об отдельных представителях рода Щепочкиных и родственных ему родов оказалась разбросана по разным энциклопедиям, справочникам и мемуарным изданиям[7]. Поэтому целью данной работы стало обобщение накопленной информации, выявление нового архивного материала и составление родословной рода Щепочкиных.

Одним из сложных вопросов в истории рода Щепочкиных является определение его происхождения. Его родоначальника — Григория Ивановича Щепочкина — традиционно называют московским купцом. Отнесение Григория Ивановича к купеческому сословию основывается на сведениях, представленных в книге Д.И. Малинина, который ссылается на архивное дело 1777 г. Калужского губернского правления[8]. При обращении к сохранившимся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) материалам данный факт подтвердить не удалось. Возможно, Г.И. Щепочкин, как и его дядя Т.Ф. Карамышев, был выходцем из подмосковных дворцовых крестьян[9]. Вместе с тем, Г.И. Щепочкин в документах разного происхождения (договоры, исповедные ведомости, вкладные книги и др.) ни разу не назван купцом[10]. Везде он указывается не иначе как «содержатель фабрики». Эта формула, как видно, определяла его социальный статус, который был достаточно высоким. При Петре I фабрики разрешалось учреждать лицам любого звания и сословия, которые получали ряд льгот, в том числе освобождение от рекрутской повинности, податей и налогов. Поэтому в первой половине XVIII в., когда еще шел процесс формирования сословий, хозяин фабрики по своему социальному положению был достаточно близок к привилегированному сословию. Об этом можно судить хотя бы потому, что Григорий Иванович был женат на Наталье Прокофьевне Демидовой, дочери известного промышленника Прокофия Акинфиевича, а его сыновья сделали «дворянскую карьеру» на военной службе. Они, как было положено дворянам, служили в гвардии и получали офицерские чины, дававшие право на потомственное дворянство. Например, Павел Григорьевич Щепочкин в 1775 г., примерно в 8 лет, был записан в гвардию, дослужился до чина каптенармуса и в 1781 г., 14 лет от роду, по болезни отставлен из лейб-гвардии Преображенского полка с чином армии поручика «за добропорядочную ево службу»[11]. Таким образом, можно констатировать, что «содержатель фабрики» Г.И. Щепочкин обеспечил своим детям возможность сословного роста, благодаря чему род Щепочкиных уже во втором колене оказался в числе дворянских родов Российской империи.

При работе над росписью рода Щепочкиных выявление официальных источников было сосредоточено в фондах ГАКО. Среди обнаруженных документов особо следует отметить дело 1790 г. о посылке землемера капитана Бориса Въезжева для размежевания земельных наделов А.А. Гончарова, Г.И. Щепочкина и священноцерковнослужителей, в котором приводятся результаты обмеров усадьбы Щепочкина[12]. К числу документов, характеризующих имущественное положение Щепочкиных, относится реестр недвижимого имения 1834 г. и документы о полюбовном разделе имения между наследниками П.Г. Щепочкина[13].

Поиск письменных источников о представителях рода проводился по следующим направлениям. В исповедных ведомостях церкви, в приходе которой находилось имение Щепочкиных, отложились данные, позволяющие получить примерное представление о составе семьи, годах жизни ее членов, времени проживания в имении. Материалы о внесении в дворянскую родословную книгу сохранили сведения о службе Щепочкиных, составе семьи, датах рождения и смерти. Выявленные материалы позволили внести ряд уточнений в опубликованные родословные росписи Щепочкиных. Например, Д.И. Малинин в своей работе приводит I, II и III колено нисходящего мужского родословия Щепочкиных[14]. Исповедные ведомости Спасопреображенской церкви с. Згомони за 1761 г. позволяют перевести его в форму смешанного. По этому источнику можно назвать года рождения родоначальника, его супруги и его детей[15]. Благодаря исповедным ведомостям удалось уточнить количество детей у Г.И. Щепочкина, которых было не пять, а двенадцать. В исповедной ведомости той же церкви за 1795 г. имеются сведения о числе полных лет первого представителя II колена, его супруги и двух его первых дочерей. Из этого источника видно, что у П.Г. Щепочкина было не восемь, а девять дочерей[16]. Исповедные ведомости Спасопреображенской церкви за 1801 г. называют количество полных лет трех его дочерей, подтверждают года рождения П.Г. Щепочкина, его супруги и второй дочери. Материалы о внесении в дворянскую родословную книгу П.Г. Щепочкина содержат данные о годе рождения первой дочери и происхождении его

28 Зак. 1971

супруги[17]. В материалах о внесении генерал-майора В.Д. Мещеринова показана точная дата смерти Павла Григорьевича Щепочкина[18].

Но было и третье направление архивного поиска — выявление документов об имущественном состоянии, где обычно присутствуют информационные вкрапления по родословию. Например, дата смерти Николая Григорьевича Щепочкина 6 сентября 1823 г. была найдена при просмотре документов по спору о землевладении фабрикантов со священноцерковнослужителями[19].

Отдельные материалы по теме были обнаружены в научном архиве Калужского областного краеведческого музея, в т.ч. письма М.И. Юркиной — современного представителя рода Щепочкиных-Бистром[20]. Благодаря письмам, удалось познакомиться с ее судьбой и представителями родов Щепочкиных-Любощинских, Щепочкиных-Бакуниных, сохранивших уникальные частные архивы с большим количеством семейных источников и богатейшей иконографией (среди портретов можно назвать работу русского живописца И.Н. Крамского (1837 — 1887) «Портрет М.А. Любощинской», урожд. Щепочкиной-Бистром).

Кроме того, в процессе работы активно привлекались мемуарные источники. Так, в своих воспоминаниях Н.А. Морозов — последний потомок Г.И. Щепочкина — разрабатывает в родословии Щепочкиных ветвь своей семьи от Петра Григорьевича, ссылаясь в своих воспоминаниях на «Провинциальный некрополь» (СПб., 1914) и «Московский некрополь» (СПб., 1908). Николай Александрович применил форму восходящего родословия от сохранившихся в семье метрических свидетельств к фамильным надгробным плитам и их описаниям. Кстати, надгробия выявили одиннадцатого ребенка Г.И. Щепочкина — Алексея Григорьевича.

Если потомки Г.И. Щепочкина оборвались на Н.А. Морозове, то женские линии дали разветвления при пересечении с известными в истории России родами Мещериновых, Карпенковых, Бистром, Любощинских, Пироговых, Кулиджановых и т.д. Отдельные из них занесены в Калужскую дворянскую родословную книгу (Карпенковы в III часть, Краснопольские в IV часть, Киселевские в III часть, Мещериновы во II часть)[21]. Ветвь Пироговых представлена в четырех поколениях в «Дневниках старого врача» Н.И. Пирогова[22]. Все остальные женские линии расписывались на основании письменных источников частных семейных архивов, с применением формы восходящего родословия. Например, ветвь Любощинских составлялась при непосредственном участии представителей этой ветви: Журенко Евгении Александровны (р. 1947), Щербаковой Анны Николаевны (р. 1949), Кулиджановой Натальи Анатольевны (р. 1927), Завреевой Софьи Анатольевны (р. 1928), Ершовой Софьи Борисовны (р. 1928).

В итоге было составлено нисходящее смешанное родословие Щепочкиных (фрагмент его см. в Приложении). Этот было обусловлено тем, что нисходящее родословие более удобно для справок и наглядно показывает общую картину жизни и деятельности рода, а смешанное позволяет выяснять родственные связи между боковыми и часто отдаленными родственниками, внесшими тот или иной вклад в историю семьи и рода.

Таким образом, в результате кропотливой работы с литературой, документальными и мемуарными источниками, свидетельствами ныне живущих потомков, удалось составить наиболее полное родословие Щепочкиных. Его достоверность и полнота обусловлена широким привлечением новых материалов, отложившихся преимущественно в фондах ГАКО. Исследование истории рода является важным шагом к созданию научной концепции музеефикации усадьбы Щепочкиных, входящей в состав Мемориального историко-архитектурного и природного музея-усадьбы Полотняный Завод. Уже сейчас полученный материал позволил разработать пешеходную тематическую экскурсию и включить этот уникальный усадебный комплекс в специально разработанный туристический маршрут. Тем самым, в ходе работы решались не только конкретно-исторические, но и социально-культурные задачи, отвечающие современным потребностям развития региона.

Примечания

1. Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. М., 1992. №1. С.17.
2. Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., Б.г. С.21.
3. Средин А. Полотняный завод // Старые годы. 1910. Июль-сентябрь. С.81—82; Малинин Д.И. Полотняный Завод в XVIII веке. Калуга, 1929. С.5, 10, 11; Конратьев Е.Г. Краткий очерк истории Кондровского целлюлозно-бумажного комбината. Кондрово, 1957. С.156.
4. Паспорт объекта культурного наследия Федерального значения «Усадьба Щепочкина с росписями XIX в.». 15.12.2003.
5. Малинин Д.И. Указ. соч. С.27.
6. Пантелеев В.М., Сидоренков А.И. Полотняный Завод. Тула, 1970; Пушкиниана Калужской земли: Буклет. Тула, 1990; Марченко Н.В. Полотняный Завод: Путеводитель по музею. М., 2000; Трефилов В.В. Полотняный Завод: Опыт путеводителя. Калуга, 2000.
7 .См. напр.: Морозов Н.А. Повести моей жизни: В 2 т. М., 1961; Пирогов Н.И. Севастопольские письма и

воспоминания. М., 1950; Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная Галерея Зимнего Дворца. СПб., 1845; Алявдина Т.Т., Щербакова А.Б., Юркина М.И.Ю Поместье Кульмского героя // Дворянский Вестник. 2003. №1; Лопатин Н.В., Бессонов В.А., Заурдина С.Я. История рода Чебышевых. Калуга, 2004.
8. Малинин Д.И. Указ. соч. С.27, 59.
9. Волков С.И. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII в. // Вопросы истории. 1953. №9. С.113.
10. РГАДА, ф.1265, оп.2, д.44, л.3-4; ГАКО, ф.273, оп.1, д.1, л.113; [Кавелин Л.А.] Историческое описание Мещевского Георгиевского мужского общежительного монастыря. М., 1870. С.163.
11. ГАКО, ф.66, оп.1, д.23, л.3.
12. Там же, ф.132, оп.1, д.1330.
13. Там же, ф.66, оп.1, д.1484, л.49—50, 50—57.
14. Малинин Д.И. Указ. соч. С.27—28.
15. ГАКО, ф.66, оп.1, д.1845, л.113.
16. Там же, ф.273, оп.2, д.54, л.44.
17. Там же, ф.66, оп.1, д.23, л.10об.
18. Там же, д.1484, л.49.
19. Там же, ф.33, оп.1, д.4264.
20. Калужский областной краеведческий музей. Научный архив №83И. Письма М.И. Юркиной директору музея Д.П. Дундуковой 1980—1984 гг.
21. Булычев Н.И. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 года и перечень лиц, занимавшихся должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С.56, 120—121, 167—168.
22. Пирогов Н.И. Указ. соч. С.223, 224, 233, 250, 499—502, 519, 524, 611.

Приложение

Родословие Щепочкиных

Колено I
1 Щепочкин Григорий Иванович Щепочкин (1707—1781).
Ж. Демидова Наталья Прокофьевна (1728 — ранее 1784).

Колено II
11 Щепочкина Аполинария Григорьевна (1747 — ?).
12 Щепочкин Николай Григорьевич (1748 — 06.09.1823).
13 Щепочкин Александр Григорьевич (1750 — ?).
14 Щепочкина Мария Григорьевна (1752 — ?).
15 Щепочкина Анна Григорьевна (1754 — ?).
16 Щепочкин Сергей Григорьевич (1755 — ?).
17 Щепочкин Петр Григорьевич (1759 — 27.07.1844).
Ж. Нарышкина Екатерина Алексеевна (? — 13.04.1848).
18 Щепочкин Александр Григорьевич (1762 — ?).
19 Щепочкин Павел Григорьевич (1767 — 16.10.1834).
Ж. Поливанова Александра Гавриловна (1770 — ?).
1(10) Щепочкин Лев Григорьевич (после 1761 — ?).
1(11) Щепочкин Василий Григорьевич (после 1761 — после 1815).
1(12) Щепочкин Алексей Григорьевич (после 1761 — 20.09.1840).
Ж. NN Вера Петровна (? — 11.06.1840).

Колено III
171 Щепочкин Алексей Петрович.
172 Щепочкин Николай Петрович (? — 1864).
191 Щепочкина Надежда Павловна (1791 — до 1801).
192 Щепочкина Наталья Павловна (1792 — ?).
М. Чебышев Павел Сергеевич (1789 — 1829).
193 Щепочкина Александра Павловна (1794 — ?).
М. Шамшев NN.
194 Щепочкина Елена Павловна (1797 — ?).
М. Мещеринов Василий Дмитриевич (1776 — 1853).
195 Щепочкина Ольга Павловна (1796 — 1822).
М. Карпенко Моисей Иванович (1775 — 1854).
196 Щепочкина Мария Павловна.
М. Бистром Антон Антонович (1789 — ?), в 1-м браке за Загряжской Марией Петровной.
197 Щепочкина Екатерина Павловна.
М. Трегубов NN.
198 Щепочкина Елизавета Павловна.
М. Краснопольский NN.
199 Щепочкина Анна Павловна.
М.1 Сухотин Фёдор Ипометович.
М.2 Киселевский Артамон Иванович.
1(10)1 Щепочкин Николай Львович.

Колено IV
1711 Щепочкин Петр Алексеевич (1832 — 1886).
Ж. Плаксина Анна Васильевна (1834 — 1919).
1712 Щепочкин NN Алексеевич.
1713 Щепочкин NN Алексеевич.
1(10)11 Щепочкин Николай Николаевич.
1(10)12 Щепочкина NN Николаевна.
1(10)13 Щепочкина NN Николаевна.

Колено V
1711-1 Щепочкин Петр Петрович.
Ж. NN Мария.
1711-2 Щепочкина Екатерина Петровна.
М. Зыков NN.
1711-3 Щепочкина Надежда Петровна.
М. Грушецкий Анатолий NN.
1711-4 Щепочкина Аграфена Петровна.
М. Франц NN.
1711-5 Щепочкина Вера Петровна.
М. Захаров NN.
1711-6 Щепочкина Варвара Петровна.
М. Мясищев NN.

1711-7 Морозов Николай Александрович (1854 — 1946), незаконнорожденный.
Ж. Бориславская Ксения Алексеевна, крепостная Петра Алексеевича Щепочкина.
Колено VI
1711-11 Щепочкин Александр Петрович (? — 1942/1943).

ПИСЬМА Л.Н. ТОЛСТОГО К П.Н. СВИСТУНОВУ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДЕКАБРИСТА)

Г.М. Журова, *Заслуженный работник культуры РФ, Калужский областной краеведческий музей*

XIX век был веком писем, личных дневников, мемуаров. Письма — весьма любопытные документы. Наряду с рассказами о светской жизни письма выявляют нам духовный мир их авторов, их понятий о чести и доблести. Часто письма — альманахи общественной и светской жизни того времени.

Ценными источниками по истории декабризма стало эпистолярное наследие декабристов, которое отражает различные стороны их поведения, позволяет говорить о декабристе как об определенном культурно-историческом и психологическом типе. Письма помогают нам понять прошедшее, помогают осознать свою неотделимую с историческим явлениями слитность, проникнуть в большие исторические события в той же мере, как и в мельчайшие стороны жизни. История, отраженная в одном человеке, в его жизни, подобна истории человечества. Здесь особенно следует отметить яркие политические письма М.С. Лунина, адресованные его сестре Е.С. Уваровой, его публицистические статьи, корреспонденции вернувшихся после амнистии декабристов в тогдашние газеты и журналы и, прежде всего, корреспонденции П.Н. Свистунова.

Амнистия декабристов 1856 г. и их возвращение из Сибири заинтересовали Л.Н. Толстого. Несколько позже он напишет: «В 1856 году я начал писать повесть с известным направлением и героем, который должен был быть декабристом, возвращающимся с семейством в Россию. Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпала с славной для России эпохой 1812 года. Я в другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года»[1]. Начало же работы над осуществлением этого замысла относится к осени 1863 г. Ее плодом стали три главы романа, впервые напечатанные в сборнике «XXV лет». Написав три главы, Толстой оставил начатое, и только в 1877 г. снова вернулся к замыслу «Декабристов».

В записной книжке «А» есть запись, датированная 13 января 1878 г., которая свидетельствует о том, что Толстого интересует уже не эпоха Николая I, а эпоха Александра I. На листе 84 короткая запись: «Свистунову прислать Pascala»[2]. Интерес к людям 14 декабря, именно, в первую очередь, к людям, которые были ему ближе и роднее, чем идеи декабризма, был характерен для Л.Н. Толстого. И здесь, прежде всего, интересны письма Л.Н. Толстого к П.Н. Свистунову, незаурядному человеку, славившемуся высокой нравственностью и человеколюбием, религиозностью.

Петр Николаевич Свистунов (1803 — 1889 гг.) родился в Петербурге в старинной дворянской семье. Отец его — камергер Николай Петрович Свистунов, мать — Мария Алексеевна Ржевская. Семья владела 5 тыс. крепостных душ в разных губерниях. Будущий декабрист воспитывался в иезуитском пансионе и в пансионе барона Шабо, Пажеском корпусе, откуда и поступил на службу в лейб-гвардии Кавалергардский полк в апреле 1823 г. В конце того же года Свистунов, по его собственному выражению, «заимствовал свободный образ мыслей», чему способствовали разговоры с М. Муравьевым и Ф. Вадковским. Встреча с П.И. Пестелем в 1824 г. ускорила вступление молодого корнета в петербургскую ячейку членов Южного общества. Из материалов следствия выяснилось, что именно Свистунов убедил вступить в ячейку И.А. Анненкова, Д.А. Арцыбашева, Н.А. Васильчикова, А.С. Горожанского, А.С. Гагенблова. Уважение к личности Пестеля Свистунов сохранит на всю жизнь, почитая его за ум, энергию, деловые качества. Находясь под обаянием Пестеля, он сочувствовал идее уничтожения тирана. Однако, после смерти Александра I Свистунов стал возражать против сроков и планов восстания. Скептицизм Свистунова заражал многих его друзей по обществу. Из 11 членов тайного общества 6 человек были против участия в восстании.

Спустя многие годы он напишет: «Хотя по летам и по чину я был весьма незначительное лицо, … я в качестве представителя петербургских членов Южного общества откровенно высказался … против готовившегося восстания в надежде отклонить их от предприятия, предвещающего лишь гибель»[3].

По поручению С.П. Трубецкого Свистунов везет в Москву письмо М.Ф. Орлову о готовящемся выступлении в Петербурге. 19 декабря 1825 г. был подписан приказ об аресте

Свистунова. 23 декабря арестованный 22-летний кавалергард был уже в Алексеевском равелине № 1 офицерского дома Петропавловской крепости. Следственная комиссия по делу декабристов определила деятельность П.Н. Свистунова «как участие в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием и в умысле бунта принятием в общество товарищей». Свистунов осужден был по II разряду и по конфирмации 10 июля 1826 г. приговорен на каторжную работу на 20 лет, но 22 августа того же года срок был сокращен до 15 лет.

В Алексеевском равелине Свистунов пережил трудные дни. В приступе отчаяния он пытался покончить с собой. Через 53 года Л.Н. Толстой в письме Свистунову напишет: «Я был в Петропавловской крепости, и там мне рассказывали, что один из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были вы»[4].

В июле 1826 г. Свистунов и его товарищи пережили обряд гражданской казни: с них сорвали мундиры, сломали шпаги над головой, огласили приговор и повезли в Сибирь. Свистунов отбывал каторгу в Читинском остроге, с 1830 г. Петровском заводе. Все 600 километров до Петровского завода «преступники» шли пешком в кандалах, пели русские народные песни, «Марсельезу», «Отечество наше страдает». Дирижером этого хора был Петр Свистунов. 8 ноября 1832 г. срок был сокращен до 10 лет.

По указу 14 декабря 1835 г. (к 10-летию событий 14 января) 19 человек, осужденных по второму разряду, среди которых был и П.Н. Свистунов, получили право покинуть Петровский завод. Местом поселения для него было определено с. Идинское (Каменка) Иркутской губернии. Но по ходатайству мужа сестры генерал-майора графа Бальмена ему разрешено было поселиться в г. Кургане Тобольской губернии, куда он и прибыл 4 декабря 1837 г. Именно в феврале 1836 г. Николай Александрович Бестужев пишет портреты своих друзей, которым предстоял очередной отъезд: Анненкова, Басаргина, Киреева, Лунина, Никиты Муравьева, Свистунова и др.

Эти портреты, написанные Н.А. Бестужевым в 1836 г., интересны тем, что автору удалось передать индивидуальность каждого. Говоря словами Л.Н. Толстого, художник «писал характеры». Портрет П.Н. Свистунова дает представление о духовном и моральном облике Свистунова, точно и верно передает внешние черты и внутренний мир Свистунова. Перед нами изящный, холеный человек в кафтане с меховым воротником. На оригинале акварели «светло-голубой кафтан … соответствует голубизне глаз Свистунова»[5]. Умные глаза, полные затаенной печали. Свистунов с большой теплотой вспоминает Бестужева, отмечая «изобретательность мастера и художественные особенности».

Современники характеризовали Свистунова как отлично образованного, замечательного, умного человека, непоколебимо честного, постоянного в дружбе; человека, являвшегося всегда душой общества. Именно в Сибири закончилось становление Свистунова как личности. Вместе с духовной зрелостью к нему пришли человеколюбие, ответственность за себя, высокая нравственность.

Свистунов был человеком артистическим. Страстный любитель музыки, он неизменно выступал капельмейстером и регентом тобольского хора на музыкальных вечерах, великолепно играл на виолончели и сочинял музыку. Друзья часто приходили на домашние музыкальные концерты, на которых Свистунов играл на виолончели, Е.П. Оболенский на контрабасе, М.А. Фонвизин на скрипке.

В Тобольске он женился на дочери курганского исправника, служил в небольшой должности в губернском правлении и административно-статистическом комитете.

Свистунов очень любил детей. Кроме своих (Магдалина, р. 1848 г., Иван, р. 1851 г., Екатерина (1853 — 1878 гг.), Варвара р. 1867 г.), в доме декабриста росли еще две воспитанницы. Петр Николаевич был попечителем Тобольской женской школы.

По манифесту об амнистии 1856 г. он был восстановлен в правах потомственного дворянства. Вместе с семьей он выехал из Тобольска. Его маршрут: Нижний Новгород — Москва — Калуга. В апреле 1857 г. Свистунов выезжает на 6 недель за границу для свидания с матерью, принявшей католичество после трагедии 1825 г.

В ноябре 1857 г. он вступает во владение частью родового имения в Лихвинском и Козельском уездах Калужской губернии (с. Салтановское с деревнями, с. Мишнево и д. Алешня), насчитывавших 733 ревизских души.

В Калуге Свистунов приобрел дом на ул. Козмодемьянской (ныне ул. Суворова). В 1856 г. вместе с Н.С. Кашкиным был избран в Комитет по устройству быта помещичьих крестьян, вошел в финансовую комиссию комитета, принимал участие в выработке выкупного проекта освобождения крестьян, известного под названием «проект либерального меньшинства».

Либеральное меньшинство Комитета, возглавляемое П.Н. Свистуновым, встало на защиту крестьянских интересов. «Свистунов и Кашкин закабалили себя на обязательную работу уже

29 Зак. 1971

не по 3 дня в неделю, а, кажется, по 30 часов в сутки», — писал Батеньков М.И. Муравьеву-Апостолу[6]. В Комитете часто возникали дискуссии, переходившие в споры с употреблением «непарламентских» выражений. Калужские дворяне злобно обвиняли автора выкупного проекта в предательстве дворянских интересов. На обеде у губернатора губернский предводитель, сидевший за обеденным столом, вскочил и закричал Свистунову: «Каторжник»[7].

В решении крестьянского вопроса верх взяли реакционно настроенные элементы. После провозглашения «Положения 19 февраля» в Москву был отозван калужский губернатор В.А. Арцимович, отстранен от должности председатель калужской палаты гражданского суда А.В. Оболенский, подал в отставку П.Н. Свистунов, уехал Н. Серно-Соловьевич. Свистунов пишет резкое письмо министру внутренних дел П.А. Валуеву: «Я чувствую совершенную невозможность быть полезным на том месте … на котором трудился по мере сил в видах беспристрастного и правдивого применения к крестьянскому делу «Положения 19 февраля»… Не желая подвергаться вследствие тяжелой ответственности за все, что могло бы в нем быть совершенно в ущерб тем правам крестьян … я вместе с тем не в состоянии, при измененном составе калужского присутствия поддерживать с достоинством правительственное начало»[8].

П.Н. Свистунов и Н.С. Кашкин, как все отставленные от крестьянского дела в период развернувшейся реакции, получили награду. П.Н. Свистунов занялся преподаванием французского языка в женской гимназии, открытой благодаря его стараниям в 1860 г. Еще ранее, в 1859 г., он был назначен помощником председателя губернского статистического комитета, директором детских приютов. В 1861 г. в Калуге была учреждена бесплатная женская воскресная школа, в которой Петр Николаевич исполнял должность распорядителя. Тогда же было организовано общество для распространения грамотности в Калужской губернии. Для написания проекта устава общества была избрана комиссия в составе 16 человек, в том числе Е.П. Оболенского, П.Н. Свистунова, А.В. Оболенского и др.

С мая 1863 г. декабрист живет в Москве, где купил небольшой особняк в Гагаринском переулке, затем в Большом Афанасьевском, на Девичьем поле. У него бывали М.М. Муравьев-Апостол, М.А. Бестужев, Н.Д. Фонвизин, Е.И. Якушкин, А.Е. Розен, Н.Д. Фонвизина-Пущина.

П.Н. Свистунов ведет активный образ жизни: он в курсе всех политических событий, выступает в печати, собирает и сохраняет литературное наследие умерших друзей-декабристов. Многие бумаги позже он передал Л.Н. Толстому. Большое историческое значение имели статьи Свистунова. В 70-х гг. XIX в. публикацией декабристских материалов занимались М.И. Семевский, П.И. Бартенев, хорошо знавшие декабриста.

В 1870 г. в журнале «Русский архив» появляется статья Свистунова «Несколько замечаний по поводу книг и статей о событии 14 декабря и декабристах», а в 1871 г. — «Отповедь». Эти статьи стали заметной вехой в изучении истории декабризма. Автор говорил о необходимости глубокого изучения предыстории и истории восстания 1825 г., выступал против верхоглядства и сообщения неверных фактов, настаивал на «русских корнях» движения декабристов, подчеркивал, что «изучение тогдашних событий должно слагаться из освещения сложной суммы вопросов, касающихся этого движения»[9]. Подробно и пристрастно анализирует Свистунов главные документы декабристов — «Русскую правду» П.И. Пестеля и «Конституцию» Н.М. Муравьева, дает восторженные характеристики своих товарищей: М.С. Лунина, И.Д. Якушкина, С.П. Трубецкого, И.И. Пущина, говорит об их «пламенной любви к отечеству».

Эти и ряд других вопросов, поднятые Свистуновым в своих публицистических статьях, отдельная и очень интересная тема. Хочется заметить, что статьи Свистунова привлекали пристальное внимание читателей. Е.И. Якушкин называл эти статьи «совершенно справедливыми».

Знакомство Л.Н. Толстого с последним из декабристов относится к 1878 году. 9 февраля 1878 г. писатель сообщает С.А. Толстой: «… вечером был у Бибикова, где Софья Никитична мне пропасть рассказывала и нахваливала … Завтра поеду к Свистунову, декабристу»[10].

В начале марта 1878 г. Толстой вновь в Москве. Двое суток писатель пробыл в Москве, 5 марта посетил П.Н. Свистунова, у которого умерла дочь Екатерина Петровна (1853 — 1878 гг.), просидел у него 4 часа «слушая прелестные рассказы его и друга декабриста, Беляева»[11].

4 — 11 марта Лев Николаевич пробыл в Петербурге, где познакомился с М.И. Семевским, редактором и издателем журнала «Русская старина», имевшим ценное собрание рукописей по декабристам, и В.В. Стасовым, заведовавшим отделением искусств в Императорской Публичной библиотеке. Эта поездка имела большое значение для сбора Толстым материалов по декабристам. Лев Николаевич по этому поводу вступил в переписку с П.Н. Свистуновым и А.П. Беляевым.

14 марта он написал письмо П.Н. Свистунову, свидетельствующее о сильнейшем впечатлении, которое он вынес из общения с этим декабристом: «Многоуважаемый Петр

Николаевич! Когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что все, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны; и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете, а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня. Истинно и глубоко уважающий вас гр. Л. Толстой. 14 марта»[12].

30 апреля Толстой снова приехал в Москву для свидания с декабристами. Не ограничившись устными рассказами Свистунова, Лев Николаевич взял у него письма декабриста М.А. Фонвизина и «замечания» его жены, Натальи Дмитриевны, урожденной Апухтиной, во втором браке бывшей за И.И. Пущиным. Передавая рукопись писателю, Петр Николаевич сообщил ему еще об одном имеющемся у него документе, автобиографической «Исповеди» Н.Д. Фонвизина. Но чувство такта не позволило Свистунову передать Толстому «Исповедь» — документ исключительно личного характера.

5 или 6 мая Толстой писал Свистунову из Ясной Поляны: «Посылаю обратно письма Фонвизина и его жены. И то и другое очень мне было интересно. Письма надо бы переписать. Они сотрутся скоро. … Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите, какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами. От всей души желаю вам здоровья и душевного спокойствия и прошу верить глубокому уважению и преданности вашего гр. Л. Толстого»[13]. В поскриптуме Толстой восторгается высотою и глубиною души Фонвизиной, которая заинтересовала писателя «как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины».

19 мая Л.Н. Толстой вновь пишет Свистунову, сообщая о возвращении тетради Н.Д. Фонвизиной. Письмо заканчивается, как всегда, теплыми и добрыми пожеланиями: « … желаю вам здоровья и спокойствия душевного, и, как всегда, когда я о Вас думаю, благодаря вас за ваше расположение ко мне, остаюсь глубоко уважающий вас гр. Л. Толстой»[14].

Читая письма Л.Н. Толстого к П.Н. Свистунову, а их известно четыре, четко ощущается влюбленность писателя в декабриста, его преклонение перед личностью этого человека. Толстому импонируют характер, воззрения Петра Николаевича. Из-под пера Толстого появляются любопытные штрихи к портрету Свистунова: блестящий ум, великолепное образование, непоколебимая честность, постоянство в дружбе.

В письме к духобору И.Е. Конкину от 24 февраля 1901 г. Толстой писал: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всеми почестями и богачеством. Декабристы, пожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было помянуть свою жизнь. Казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные, и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет и ясно стало, что счастье было не в Сибире и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка и неволя были счастье, а генеральство и богатство и свобода были великие бедствия»[15].

Не случайно Л.Н. Толстой, собирая материалы о декабристах, обратился именно к Свистунову, как к одному из «первоисточников». Не случаен также и тот факт, что Ф.М. Достоевский, характеризуя в 5-й главе «Бесов» декабриста Лунина, заимствовал характеристику М.С. Лунина, данную П.Н. Свистуновым в «Отповеди».

В книге «Декабристы. 86 портретов» мы читаем: «В характере Свистунова было очень много живости, что делало его впечатлительным и активным до самой глубокой старости … Свистунов отличался замечательной честностью, постоянством в дружбе, великодушием … Одарен был восприимчивым и светлым умом»[16].

П.Н. Свистунов прожил долгую и замечательную жизнь. События прошлого, факты его жизни, его активная позиция в 60 — 70-е годы XIX столетия связаны с политической историей России, с историей русской культуры. Знакомясь с деятельностью П.Н. Свистунова, одного из первых историков декабризма, можно проследить эволюцию декабризма. Вернувшись после амнистии 1856 г. Свистунов, как и большинство его товарищей, остается активным общественным деятелем, пытаясь претворить в реальность свои идеалы на новом этапе. В его активе реформа 1861 г., знакомство с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским, сотрудничество в журнале «Русский архив».

Примечания

1. Голос минувшего. 1923. №1. С.93.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч. М., 1992. Т.17. С.445.
3. Русский архив. 1870. С.1665—1666.

4. Толстой Л.Н. Собр. соч. … Т.62. С.395.
5. Литературное наследство. М., 1956. Т.60. Кн.II. С.222.
6. Осьмакова Н.И. Виновник мятежа. Тула, 1991. С.267.
7. Арцимович В.А. Воспоминания, характеристики. СПб., 1904. С.243.
8. Там же. С.397.
9. Рабкина Н.Н. Последний из декабристов // Вопросы истории. 1972. № 9.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч. Т.83. С.242. С.Н. Бибикова (1826 — 1892 гг.), урожденная Муравьева, дочь Н.М. и А.Г. Муравьевых, родилась на Петровском заводе и до 13 лет прожила с отцом в ссылке до его смерти.
11. Там же. Т.83, с. 245.
12. Там же. Т.62. С.394—395.
13. Там же. С.417—418.
14. Там же. С.420—421.
15. Там же. Т.54. С.416.
16. Декабристы. 86 портретов. М., 1906. С. 225.

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА ФИЛОСОФОВА-ТОЛСТАЯ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

***Н.В. Салахова**, Калужский областной краеведческий музей*

С 1901 по 1919 гг. в Калуге и имении Дубровка (Мансурово) в 25 км к северо-востоку от Калуги жила семья Ильи Львовича Толстого — сына великого писателя. Илья Львович был женат на Софье Николаевне Философовой — женщине высокообразованной, прекрасной музыкантше, обладающей замечательными душевными качествами.

Дед Софьи Николаевны — Алексей Илларионович, генерал от артиллерии — был воспитателем и учителем математики великого князя Александра — будущего императора Александра III. Мать Алексея Илларионовича и бабушка М.Ю. Лермонтова были родными сестрами. Отец Софьи — Николай Алексеевич — и Михаил Юрьевич были троюродными братьями. В свою очередь, Софья доводилась Лермонтову четвероюродной племянницей. Ее мать — Софья Алексеевна — происходила из семьи Писаревых-Раевских[1].

Решение детей пожениться родители как Сони, так и Ильи не очень одобряли: они говорили, что молодежь спешит, что лучше было бы немного повременить, считая их отношения слишком легковесными. Особенно противилась женитьбе Софья Алексеевна, мать Сони. Ее тревожило многое, а потому она и «запрашивала» Илью, на что они будут жить, каковы его материальные средства.

Илья и Соня любили друг друга, их сближали и взгляды — так им, по крайней мере, казалось, — и воспитание, и планы на жизнь в деревне. Жизнь будет самостоятельная, деятельная, радостная — считали они, оба энергичные и жизнелюбивые, горячо поддерживавшие планы друг друга.

Но Лев Николаевич, неравнодушный к судьбе будущей семьи, высказывал опасения о том, что Илья не совсем еще готов к семейной жизни. На это в трех письмах октября 1887 г. он указывал сыну серьезно, строго и заботливо. Все сказано в этих письмах людям, собирающимся создавать семью: «..я советую тебе, вам обоим, как можно сердечнее и думать, и жить, потому только этим средством вы узнаете, точно ли вы идете по этой одной дороге и вам хорошо подать друг другу руки, или нет, и вместе с тем, если вы искренни, то приготовите себе будущее. Цель ваша в жизни должна быть не радость женитьбы, а та, чтобы своей жизнью внести в мир больше любви и правды. Женитьба же затем, чтобы помогать друг другу в достижении этой цели».

Венчание состоялось 28 февраля 1888 г. в ц. Флора и Лавра на Мясницкой в Москве.

Сначала молодые жили некоторое время в Ясной Поляне, Никольском-Вяземском, а потом в Гриневке — родовом имении Толстых.

Соня не была избалованной: умела шить, вязать, вышивать. Физически была крепкой, еще девушкой любила работать в поле вместе с поденщицами, могла пропахивать картофель, вязать снопы, участвовала не раз в молотьбе, а в детстве радовалась, если разрешали в награду за успешные занятия по общим предметам и музыкой вымыть полы. Все это пригодилось в ее будущей нелегкой жизни.

Соня любила Илью за его жизнерадостность, мягкость и доброту. С Ильей легко, особенно когда он в хорошем духе. Одно появление его, с открытой улыбкой, озорным взглядом и всегда неожиданной шуткой, заставляло забыть о мелких неприятностях и невзгодах. В работе он азартный и неуемный. Двенадцать лет они прожили в Гриневке, здесь у них родились шестеро детей. Первенец — дочь Анна, первая внучка Льва Толстого. Будучи молодой матерью, Софья Николаевна сумела воспитать себе добрую помощницу в лице старшей дочери. Когда в семье стали появляться один за другим братья (Николай, Михаил, Андрей, Владимир, Илья), Анночка относилась к ним с нежностью, как опытная няня. Софье Николаевне было и легко, и трудно с первой дочерью. Она понимала, что у дочери самобытный характер, иногда своенравный, пылкий. Софья Николаевна как чуткая мать, опытный педагог, поняла, что к ней надо относиться

бережно, стараясь смягчить излишнюю резвость, но и независимость чувств и мыслей надо сохранить, дать им свободно развиваться.

В один из своих приездов в семью сына Лев Николаевич сказал невестке: «Да, ты проходишь самое трудное время матери, когда один за юбку держится, другой на руках, а третий у сердца. Но это лучшее время твоей жизни; все твои силы направлены на служение без отдачи. И это то, чем вы, женщины, превосходите нас. За нас работать, можно нанять другого, но родить человека может только сама мать, и ты радуйся, не тяготись, в этом ваша сила». Глубоко в душу запали еще такие его слова: «Будь терпелива, всем женщинам надо быть только терпеливыми».

И она была терпелива до конца своих дней. А доля ей выпала нелегкая. Софья Николаевна сама работала с детства и своих детей приобщала к делу. Самой природой в ней были заложены доброта и потребность к труду. Старшая дочь Анна вспоминала про жизнь своих родителей: «Не было в их жизни никакой нарочитости; если мы выходили работать в поле — а работали мы постоянно — то от нас требовалась работа настоящая, такая, как работают все окружающие, и мы работали на совесть, не считаясь со временем и усталостью. Работали часто всей семьей — и отец, и мать, и дети, и домашняя прислуга и рабочие. Жили мы общей жизнью; цель была одна — чтобы всем было хорошо, все шли друг к другу на помощь, и у меня от нашей жизни осталось впечатление радости от дружеских отношений со всеми, с кем мы были связаны».

А связаны Толстые были как с людьми своего круга, так и с простым народом. В Никольском-Вяземском они открыли небольшую школу для крестьянских детей. В ней не было еще приглашенных учителей, и все заботы по школе взяла на себя Софья Николаевна.

Два года жизни всей семьи — с 1891 по 1893 гг. были положены на борьбу с голодом. Илья Львович с Софьей Николаевной и братом Сергеем развернули деятельность в Чернском уезде Тульской губернии. Они на свои деньги закупали продукты, устраивали столовые для бедных. Давал деньги и Лев Толстой. 1898 г. тоже был голодным. Софья Николаевна знала хорошо жизнь крестьян ближних и дальних деревень Чернского и соседнего Мценского уездов, их нужды, страдала от того, что слишком малы размеры ее помощи по сравнению с тем горем, которое она наблюдала вокруг. Она, как и несколько лет назад, открывала столовые для бедных, боролась с эпидемией скарлатины среди детей.

С переселением в Мансурово (так чаще называли Толстые Дубровку) начался для семьи новый период. Из небольшого деревянного гриневского дома они въехали в трехэтажный дворцового типа каменный дом с двумя флигелями по обеим сторонам. Переезд совпал по времени с наступлением нового — двадцатого — века. Старая жизнь, казавшаяся столь крепкой, нерушимой в Ясной Поляне и в родовых Никольском-Вяземском, Гриневке, корнями связанная с предками — князьями Волконскими и Горчаковыми, основателями семейных усадеб и устоев — на глазах нарушалась, даже рушилась.

Мансурово (Дубровка) — недалеко от Малоярославца и Калуги, наверное, и это могло повлиять на переезд. В Калуге жили старушки Горчаковы — двоюродные сестры Льва Толстого (похоронены в Крестовском монастыре). Калужскими помещиками были и давние друзья Толстых: Новосильцовы, Унковские, Голицыны, Цуриковы, Писаревы.

Вскоре Илья купил небольшой бревенчатый дом в Калуге на Нижней Садовой улице, поблизости от Новосильцевых (есть предположение, что этот дом был построен по индивидуальному проекту калужским архитектором В.Д. Виноградовым).

Первые годы 20-го столетия — переломные в семье Ильи Львовича. Перемены происходили исподволь, замечала их только Софья Николаевна; тревожились за Илью родители. Сам он по-прежнему оставался беспечным и веселым.

24 февраля 1901 г. было напечатано во всех газетах известие об отлучении от церкви Льва Николаевича. В определении святейшего Синода говорилось: «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею». Это вызвало негодование в обществе и недовольство народа. Толстого засыпали телеграммами, письмами, выражали сочувствие, негодовали на Синод и митрополитов.

Софья Андреевна на следующий же день написала и отправила письмо обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву и митрополитам.

А в это время калужский губернатор А.А. Офросимов с подачи Святейшего Синода подписал секретный циркуляр о запрещении всяких сходок, демонстраций, шествий и тому подобное в случае кончины писателя Толстого, а владельцам типографий были направлены секретные циркуляры о запрещении печатать что-либо по этому поводу[2]. То же самое наблюдалось во всех губерниях.

С этого времени все члены огромной семьи Толстых подверглись негласному полицейскому надзору. Поэтому в Калужском областном архиве есть документы, проливающие свет на некоторые периоды жизни в Калуге семьи Ильи Толстого.

Земскую деятельность, которая так занимала Илью в Чернском уезде, он продолжал и в Калуге. В течение нескольких лет он скитался из города в город в поисках хорошо оплачиваемой должности. Он был поочередно чиновником, служащим банка, агентом русской кампании социального страхования, агентом по ликвидации частных имений. Но ему не удавалось выпутаться из своих денежных затруднений. Как Илья ни старался войти в роль хорошего хозяина-помещика, сколько сил он ни отдавал практическим делам в имении, с доходами дело обстояло неважно, судя по тому, что вскоре он опубликовал в газетах объявление о продаже имения в Мансурове, материальное положение его было угрожающее. «Боюсь не справиться с платежами, — писал он матери, — и прогореть совсем... В конце июня думаю, уехать за Урал на золотые прииски. Перед отъездом приеду проститься с Вами». Деньгами помогла Софья Андреевна и продавать или закладывать Мансурово не пришлось. Софья Андреевна на протяжении многих лет материально поддерживала семью Ильи, расходы на образование детей полностью взяла на себя. Специально для внуков бабушка Софья Андреевна выписывала и детские журналы. Все это шло в домашнюю библиотеку, не говоря уж о больших партиях книг и журналов для сельских школ.

Еще в1901 г. Толстые отдали один из флигелей своей усадьбы под земскую школу. Из документов калужского жандармского управления мы узнаем, что Софья Николаевна вместе с учительницей школы Ларисой Петровной Щегловой устраивала лекции с туманными картинками, как в Мансуровской школе, так и в школах окрестных деревень[3].

Илья Львович все чаще бывал в отъезде, и это огорчало Софью Николаевну: она знала его «вечно переменчивые настроения, которые влекли его без компаса», как она сама выразилась однажды. Еще когда Илья был ребенком, Лев Николаевич говорил, что если у него не будет хорошего наставника в жизни, то он погибнет. Это пророчество оправдалось.

Младшие дети Ильи Львовича — Илья, Володя и родившаяся в 1903 г. в Мансурове Вера[4] — меньше знали отца и реже виделись с ним. Воспитывали их мать и всеми любимая на всю жизнь Анна Григорьевна Рехачева — няня. Она растила и старших — Мишу и Андрюшу, была дружна с Анночкой, которая на ее глазах взрослела, становилась невестой.

1905 г. По всей России беспорядки: в городах громят магазины, богатые дома, в деревнях — поместья. Начало революции застало Толстых в Калуге, где так же прокатилась волна беспорядков, которые Софья Николаевна описывала в письмах к своему дяде Писареву Рафаилу[5].

В это время старшие сыновья Михаил и Андрей учились в Калужском реальном училище. В эти тревожные дни старший — Миша — ледышкой порвал портрет императора Николая II, за что был отчислен из училища. В государственном архиве Калужской области в фонде Калужского реального училища хранится журнал педагогических советов за 1905 — 1906 учебный год. Решением заседания педсовета Михаил Толстой был отчислен из училища, о чем есть запись в журнале от 24 марта 1906 г. в пункте 8. Под протоколом заседания педагогического совета стоит подпись секретаря — преподавателя истории реального училища, известного калужского краеведа Ивана Дмитриевича Четыркина[6].

В такое тревожное время в городе оставаться было опасно, и вся семья переехала в Мансурово, где было надежнее. Мансуровские Толстых не трогали, но в соседнем Пневе сожгли соседа помещика, в Детчине громили Гончаровых. Софья Николаевна от греха увезла детей в Ясную Поляну.

В январе 1907 г. в Мансурове родился восьмой ребенок в семье Толстых — сын Кирилл[7]. Поскольку финансовое положение семьи было затруднительным, Софья Николаевна в 1909 г. поступила на службу в частную женскую гимназию Саловой, вела хор девочек III — V классов. Ее поступлению на работу предшествовала секретная бумага из канцелярии калужского губернатора, в которой говорилось, что графиня Софья Николаевна Толстая поведения и нравственных качеств хороших, под судом и следствием не состояла и не состоит и к делам политического характера не привлекалась[8].

Интересно отметить, что почетным попечителем гимназии Саловой был калужский губернатор кн. Сергей Дмитриевич Горчаков[9], четвероюродный брат и приятель Льва Толстого[10], в ноябре 1909 г. он был восприемником в Воскресенской церкви на крестинах Сергея Хольмберга, сына Анночки — первого внука Софьи Николаевны[11]. В женской гимназии Саловой преподавала музыку Александра Васильевна Унковская[12].

Софью Николаевну связывали с Унковской в Калуге и уроки музыки, и организованный ими кружок юных теософов, куда Софья Николаевна приводила своих младших сыновей — Илью и Володю. В кружке с ними проводили занятия Ани Безант и Елена Федоровна Писарева, рассказывая об учении Блаватской.

В фонде гимназии Саловой сохранилось личное дело Софьи Николаевны, а в нем заявление

от 16 августа 1911 г., в котором она просит дать ей отпуск по 15 сентября для поездки за границу. А 27 августа 1913 г. она пишет заявление об освобождении ее от обязанностей преподавательницы пения[13].

1914 г. Началась первая мировая война. В июле из Тифлисского юнкерского училища отправился на войну в составе Ингерманладского пехотного полка старший сын Толстых Михаил. Андрея снарядили в Калуге, и он вольноопределяющимся отбыл в лейб-гвардии Драгунский полк. Илья Львович тоже отправился на западный фронт военным корреспондентом газеты «Русское слово». Сердце Софьи Николаевны разрывалось на части. А в январе 1915 г. новый удар — умер в Мансурове младший сын Кирилл[14].

Софья Николаевна, как и всегда, находит спасение от отчаяния и уныния в конкретной полезной деятельности, она с головой уходит в ту работу, которую называют служением людям. Только однажды Софье Андреевне признается она, что боится «хоть немного жить сердцем, потому что тогда раны раскрываются и снова болят...». По всей видимости, отношения у Софьи Николаевны со свекровью были искренними и доверительными. Рассказывая о семейных новостях, во всех письмах она свекровь называет мамой.

В своем мансуровском имении Софья Николаевна сдала флигель и 10 комнат в третьем этаже под колонию мальчиков-подростков. Из отчета священника Покровской церкви села Логино, к приходу которой было приписано Мансурово, мы узнаем, что с конца августа 1915 г., после отъезда колонии мальчиков, Софья Николаевна отдала два флигеля беженцам, где удалось разместить до 180 человек, и радовалась нахлынувшим новым заботам[15].

В ноябре 1916 г. Илья Львович отплыл в Америку. В сентябре 1917 г. он был в Москве, Петербурге, Ясной Поляне и опять уехал в Америку, теперь уже навсегда.

Все тяготы семьи легли на плечи Софьи Николаевны. Началась гражданская война. Михаил и Андрей были в белой армии. Владимир следил за имением в Мансурове, работал на продовольственных складах в Калуге. С продуктами было очень плохо, и он приносил кое-что домой, но Софья Николаевна наотрез отказывалась есть краденое.

Осенью 1917 г. в Калуге горели артиллерийские склады. Предполагали поджог, и по всей Калуге прокатилась волна арестов. Арестовали Владимира безо всякого доказательства вины. Московский знакомец семьи Толстых, с сомнительной биографией — Мишка Голубев, узнав об аресте Владимира, приехал в Калугу, взял приступом тюрьму и освободил всех заключенных. Некоторое время спустя Владимир и Илья, навестив в Ясной Поляне бабушку Софью Андреевну, ушли за границу.

Сколько выдержки, терпения и смирения проявила в те дни Софья Николаевна, снова оставшись одна с младшей дочерью Верой, няней Анной Григорьевной, горничной Ольгой!

Роль старшего мужчины в семье взял на себя сын Андрей. Он велел матери вместе с женщинами перебраться на юг. Сначала они переехали в Ростов, где Андрей их навещал по мере возможности, а потом переехали в Новороссийск. Здесь, в Новороссийске, должны были встретиться Андрей, Михаил, Софья Николаевна с Верочкой, няней Анной Григорьевной и горничной Ольгой и отправиться за границу на пароходе. Но судьба распорядилась иначе. В марте 1919 г. в Новороссийске заболел тифом и умер Михаил, переболела тифом Софья Николаевна. Няня Анна Григорьевна и горничная Ольга в последний момент отказались садиться на пароход и ушли. Андрей к пароходу не приехал. Софья Николаевна с больной Верой на руках поднялась на пароход и отплыла из России. Навсегда[16].

Софья Николаевна жила сначала в Греции, потом в Югославии и Чехословакии. Ян Масарик, тогдашний президент Чехословакии, почитатель Л.Н. Толстого, предложил дочери и матери на выбор стипендию на учебу в Пражском университете или пособие Софье Николаевне до конца дней. Вера Ильинична выбрала пособие матери. Она вспоминала: «На первом чеке было написано: “Грабенька Жопия Николаевна Толстой”. “Грабенька” — графиня по чешски, а “Жопия” — Софья. Мать говорила дочери: “Вот, Верун, стала я и грабенькой и Жопией”...»[17].

В 1933 г., перед смертью, Илья Львович писал письмо в Россию своим оставшимся в живых детям, завещая им следовать традициям их знаменитого деда. А еще он писал: «Берегите мать, у нее большая и прекрасная душа». А в 1934 г. умерла и Софья Николаевна. Погребена русская графиня, до дна испившая свою горестную чашу, на Ольшанском русском кладбище в Праге[18].

После второй мировой войны из Югославии вернулись в Россию Владимир и Илья, которые в 1963 г. побывали в Дубровке-Мансурове, о чем еще помнят старожилы. А в 1991 г. в Дубровку, на свою родину, приезжала Вера Ильинична со своим племянником Ильей Владимировичем (сыном Владимира Ильича)[19].

В Ясной Поляне уже долгие десятилетия работает музей Толстых. Его директором в настоящее время является правнук Софьи Николаевны — Владимир Ильич Толстой.

Примечания

1. Биографические сведения приводятся по изданию: Толстой И.В., Светана-Толстая С. Пути и судьбы. М., 2000.
2. ГАКО. Ф.783. Оп.1. Д.238.
3. Там же. Ф.32. Оп.2. Д.581.
4. Там же. Ф. 33. Оп. 4. Д. 675
5. ГАТО Ф.2203. Оп.1. Д.20.
6. ГАКО. Ф.78. Оп.1. Д.810.
7. Пузин Н.П., Архангельская Т.Н. Вокруг Толстого. Тула, 1988.
8. ГАКО. Ф.146. Оп.1. Д.60.
9. Там же. Д.46.
10. Калужские губернаторы: Биобиблиографические очерки. Калуга, 2000.
11. ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.539.
12. Там же. Ф.146. Оп.1.Д.46.
13. Там же. Д.60. л.1.
14. Пузин Н.П., Архангельская Т.Н. Указ. соч.
15. ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.708. Л.570а.
16. Кторова А. Младшая внучка // Литературная Россия. 1990. 16 нояб.
17. Ее же. В.И. Толстая // Яснополянский сборник. Тула, 2002. С.461.
18. Пузин Н.П., Архангельская Т.Н. Указ. соч.
19. Беседа со старожилами Дубровки (Мансурово) 2001, 2003, 2004 гг.

КАЛУЖСКИЙ РОД ЛИБИНЫХ

А.А. Бовкало, Санкт-Петербургский историко-генеалогический портал

Последним предвоенным наместником Александро-Невской лавры в Ленинграде был епископ Лужский Амвросий, происходивший из калужского дворянского рода Либиных.

Основателем этого рода был сын тульского священника Андрея Либина — Иосиф. Он учился в Тульской духовной семинарии, но не окончил ее и 16 марта 1823 г. поступил копиистом в Тульское Дворянское Депутатское Собрание. На этой службе он был произведен 12 марта 1825 г. в губернские регистраторы. 17 июня 1827 г. Иосиф Андреевич был перемещен в Тульскую Врачебную Палату, а 17 июня 1840 г. — в Департамент Государственного Казначейства. В Туле он 1 марта 1851 г. был произведен в коллежские асессоры (со старшинством с 1 января 1851 г.), получил знак отличия беспорочной службы сначала за XV (22 августа 1845 г.), а потом и за XX лет (22 августа 1849 г.). 29 января 1853 г. Иосиф Андреевич Либин был перемещен губернским контролером в Калужскую Казенную палату. 3 октября 1855 г. он был определен губернским казначеем. В 1865 г. И.А. Либин дважды временно исполнял должность Председателя Казенной Палаты. 4 октября 1857 г. И.А. Либин был произведен в надворные советники, 26 января 1862 г. — в коллежские советники, а 21 мая 1865 г. — в статские советники. Он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени (13 ноября 1859 г.) и св. Владимира 4 ст. (22 сентября 1864 г.) — за 35-летнюю беспорочную в классных чинах службу, а также темнобронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 гг. и знаком отличия беспорочной службы за XXV лет (22 августа 1856 г.). Неоднократно И.А. Либин получал и денежные награды.

Определением Калужского Дворянского Депутатского Собрания 9 февраля 1866 г. И.А. Либин с женой Аграфеной Никифоровной и сыновьями Ксенофонтом и Захарием был внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Калужской губернии. Это определение было утверждено Сенатом 14 марта 1866 г. Младший сын Либиных — Захарий — родился 17 марта 1848 г. и 21 марта был крещен в Христорождественской церкви Калуги. В 1866 г. он находился при отце.

Ксенофонт Иосифович родился еще в Туле 19 января 1835 г. и на следующий день был крещен в Воскресенской, что на Оружейной стороне церкви. Ксенофонт Иосифович окончил 3-ю гимназию в Санкт-Петербурге и 9 августа 1853 г. был определен в Калужскую Казенную Палату канцелярским чиновником с чином коллежского регистратора. 29 ноября 1854 г. он был определен помощником контролера Отделения казначейства, а 16 апреля 1855 г. перемещен на ту же должность в Контрольное отделение Казенной Палаты, 26 июля 1856 г. был утвержден в должности контролера.

По журналу Казенной Палаты 31 декабря 1862 г. К.И. Либин «для пользы службы был командирован для исправления должности письмоводителя Калужского губернского рекрутского присутствия, где находился с 31 декабря 1862 г. по 1 марта 1863 г., т. е. до окончания производства набора». За добросовестное исполнение им обязанностей ему сначала была объявлена признательность начальства (1 марта 1863 г.), а 19 апреля 1863 г. он был награжден орденом св. Станислава 3 ст. После закрытия Контрольного Отделения он был 1 января 1866 г. переведен в Контрольную Палату помощником ревизора, затем был назначен младшим ревизором, а впоследствии старшим ревизором. В Калуге К.И. Либин дослужился до чина статского советника. Он был награжден также орденами св. Анны 3 ст. (3 февраля 1879 г.; за службу 12 лет в одной должности) и св. Станислава 2 ст. (5 марта 1882 г.), а также темнобронзовой

медалью на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 гг. Неоднократно К.И. Либин получал денежные награды.

В 1884 году К.И.Либин обратился в Калужское Дворянское Депутатское Собрание, желая сопричислить к своему роду жену Екатерину Николаевну и детей. 7 июля 1884 г. Собрание направило рапорт об этом в Сенат, который, рассмотрел его 15 октября, а 8 ноября последовал соответствующий указ[1]. У Екатерины Николаевны в Калуге был благоприобретенный деревянный одноэтажный дом.

19 ноября 1890 года К.И.Либин был переведен в Витебск управляющим Витебскою контрольной палатой[2]. Скончался он в 1911 году[3].

У Либиных было несколько детей: Иосиф (род. 23 марта 1875 г., крещен 25 марта в Георгиевской за верхом церкви), Николай (род. 14 января 1878 г., крещен 15 января в Одигитриевской церкви), Мария (род. 14 июля 1879 г., крещена в Одигитриевской церкви), Сергей (род. 28 марта 1881 г., крещен 30 марта в Воскресенской церкви)[4] и София (род. 15 сентября 1887 г.[5]).

Иосиф Ксенофонтович в 1898 г. окончил Институт инженеров путей сообщения[6], перед революцией в чине статского советника он служил в департаменте железных дорог в Петрограде[7].

Сергей Ксенофонтович поступил сначала в Петербургский университет, но в 1902 г.[8] перешел в Институт инженеров путей сообщения, который он окончил в 1908 г.[9] К 1913 г. он служил в Техническом отделе Управления Юго-Западной железной дороги в Киеве.

София Константиновна в 1910—1915 гг. училась на юридическом отделении Высших Женских Курсов в Киеве. Затем она переехала в Петроград, где служила в губернском отделении Народного образования в театральном отделении с 21 октября 1918 г. по 1 декабря 1920 г. и в секторе социального воспитания с 1 мая 1921 г. по 1 февраля 1922 г. (уволена по сокращению штатов), состояла нештатным лектором отделения по общественно-политическим вопросам с декабря 1919 г. по март 1921 г. на Балтийском флоте. 13 ноября 1920 г. она подала заявление о зачислении на Политико-юридическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета и 17 ноября была зачислена. Однако, уже 15 апреля 1921 г. она подала заявление об увольнении из университета в связи с отъездом в Киев. В деле стоит пометка «выбыла 22 января 1922 г.». 26 июля того же года С.К. Либина подает заявление о восстановлении в университете, но 22 октября на него была наложена резолюция: отклонить. В последнем имеющемся в деле заявлении от 5 апреля 1927 г. она просит выдать лекционную книжку Киевских Высших Женских курсов[10].

Трагически сложилась судьба Николая Ксенофонтовича. Он проучился три года в Калужской гимназии, а затем перешел в Витебскую гимназию, из которой был выпущен в 1897 г. В том же году он поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1901 г.[11] В Петербурге он служил присяжным поверенным. К 1914 г. он был юрисконсультом главной конторы графа С.А. Строганова и гвардейского экономического общества. Н.К. Либин активно участвовал в приходской жизни Казанского собора[12]. 12 декабря 1917 г. он был избран в совет Братства Приходских советов Петрограда и его епархии одним из четырех представителей от Казанского собора[13]. За труды по сооружению пещерного храма в соборе петроградский митрополит Вениамин (Казанский) в 1918 г. благословил Н.К. Либина иконой св. Патриарха Ермогена с частицей его мощей[14]. Одновременно Н.К. Либин был товарищем председателя, а затем до 1921 г. — председателем приходского совета собора. Одновременно с 22 октября 1919 г. Н.К. Либин служил в соборе псаломщиком, 14 декабря он был рукоположен в сан диакона, а 22 мая 1920 г. — в сан священника. Он стал ключарем собора, а в 1921 г. возведен в сан протоиерея.

28 февраля 1923 г. о. Николай был арестован и, хотя уже 14 марта он был освобожден за отсутствием состава преступления, в Казанском соборе он уже не служил, так как тот оказался во власти обновленцев. В ночь на 3 февраля 1924 г. последовал арест нескольких бывших священников собора. Среди них был и о. Николай Либин. «Везде производились обыски. У Либина с 1 ч. до 4 ч.»[15]. 26 сентября осужден на 2 года заключения, которое отбывал на Соловках, исполняя обязанности письмоводителя канцелярии, а также члена иконографической комиссии Соловецкого музея. В сентябре 1926 г. о. Николай был освобожден и в ноябре был назначен в собор Воскресения Христова («Спас на крови»), в котором прослужил до декабря 1927 г. — до перехода храма в иосифлянский раскол.

После того, как протоиерей Николай Либин овдовел (его жену звали Мария Константиновна), он в июле 1928 г. принял монашество с именем Амвросий, был возведен в сан архимандрита и назначен наместником Александро-Невской лавры. 14 (1 — старый стиль) июля 1929 г. о. Николай был хиротонисан в епископа Лужского, викария Ленинградской епархии. 10 октября 1933 г. «ввиду того, что в настоящее время Александро-Невская Лавра существует уже не как монастырь, а как приход» он был освобожден от должности наместника лавры[16]. 20 марта 1935 г. епископ Николай

31 Зак. 1971

был вновь арестован, осужден на 5 лет ссылки, которую отбывал в Саратове. Там 3 ноября 1937 г. последовал новый арест. 25 ноября по обвинению в «антисоветской агитации в церкви во время службы» епископ Николай был приговорен тройкой при УНКВД по Саратовской области «к высшей мере наказания» и 29 ноября расстрелян[17].

Примечания

1. РГИА. Ф.1343. Оп.24. Д.1899. О дворянстве рода Либиных.
2. КГВ. 1890, 1 декабря. №94. С. 604.
3. Лавров С.В. Памятка бывшим ученикам Санкт-Петербургской гимназии: С видом 3-й гимназии и портретом В.Х. Лемониуса. СПб., 1911. С.34.
4. РГИА. Ф.1343. Оп.24. Д.1899. О дворянстве рода Либиных.
5. ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.4. Д.907. Л.7.
6. Список лиц, окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения: 1810—1910. СПб., 1910. С.138.
7. Весь Петроград на 1916 год. Б.м., Б.г. Ст.342.
8. ЦГИА СПб. Ф.381. Оп.1. Д.591. Л.923.
9. Список лиц, окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения: 1810—1910 ... С. 161.
10. ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.4. Д.907.
11. ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.33774.
12. Весь Петроград на 1916 год … Адреса жителей. С.395.
13. Казанский собор. СПб., 2001. С.185.
14. Там же. С.187.
15. Чуков Н., прот. Один год моей жизни // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып.15. С.539.
16. Журнал Московской Патриархии. 1934. №18—19. С.6.
17. Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С.31; Цыпин В., прот. Амвросий (Либин Николай Ксенофонтович) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т.2. С.144.

ЛЕТОПИСЦЫ УГОДСКОГО КРАЯ

***А.И. Ульянов**, школа-пансион «Дубравушка», г. Обнинск Калужской области*

Историографический обзор, некогда обязательный раздел научного труда, ныне нередко игнорируется. Стремительные ритмы нашей жизни и суетное желание выделиться порой не оставляют время на добросовестное, кропотливое изучение работ предшественников. Это приводит к забвению трудов историков прошлого. Между тем, историографический обзор является не только необходимостью, но и прямым долгом любого добросовестного ученого. Поэтому автор, работая над темой «История Угодского края* с древнейших времен до нач. XX в.», счел необходимым впервые дать обзор** основных публикаций по теме с кон. XIX до нач. XX вв.

Историография Угодского края берет свое начало в эпоху «Великих реформ». Одним из последствий этих преобразований стал подъем общественной активности. В среде образованных людей распространилось увлечение краеведением. Большой вклад в это внесло духовенство, издавна бывшее хранителем и собирателем местной истории[1]. Одним из представителей просвещенного калужского духовенства был Николай Дмитриевич Любимов, священник Никольской церкви с. Угодский завод (см. Приложение). В 1873 г. он опубликовал в газете «Калужские губернские ведомости» свою статью «Уготский железный завод» и стал, таким образом, первым историком-краеведом Угодской земли[2].

В этой статье, написанной на основе местных преданий и церковных документов, впервые относительно полно описана история с. Угодский завод и его окрестностей в XVIII — сер. XIX вв. Несмотря на ряд ошибок (напр., с датой создания железоделательного завода в селе) и неточностей, вызванных узостью источниковой базы автора, она до сих пор не потеряла своего значения. Именно с нее начинается историография Угодского края, а, возможно, и всего северо-восточного региона Калужской области.

Вскоре после смерти Н.Д. Любимова (в июне 1873 г.) систематическое изучение прошлого Угодской земли прервалось. Такие перерывы в Угодской историографии отныне станут ее типичной чертой. Уже к середине XX в. информация б авторе и его статье сохранится лишь в виде смутного предания. Поэтому в 1992 г. мне пришлось заново «открыть» ее и перепечатать в местной прессе (см. Жуковский вестник», 1992, №119 и 123).

Интерес к истории Жуковского края до 1917 г. поддерживался в среде местной интеллигенции и духовенства, но публикаций на эту тему не было, т. к. в кон. XIX — нач. XX вв. образованные угодчане занимались в основном активной общественной деятельностью[3].

Вопросы, связанные с историей Угодского края с кон. XIX в., стали эпизодически затрагиваться в трудах калужских историков и археологов.

В 1891 г., тарусский учитель С.А. Комаров, член Калужской Ученой Архивной комиссии (КУАК), провел первые в нашем крае археологические раскопки. Раскопки велись по инициативе КУАК, в соответствии с планом, конечной целью которого было составление археологической

* Авторское название территории Жуковского района Калужской области до 1917 г. имевшего своим историческим центром с. Угодский завод (ныне г. Жуков).

** Обзор является первой частью историографического отдела будущей книги.

карты Калужской губернии. Комаров вскрыл в окрестностях с. Оболенского Тарусского уезда (до 1917 г. Жуковский район входил в состав Тарусского, Малоярославецкого и Боровского уездов) 3 древних кургана и обнаружил в них человеческие останки с погребальным инвентарем. Эти раскопки положили начало систематическому изучению археологических памятников в нашем регионе. К сожалению, находки Комарова не сохранились, поэтому описание результатов раскопок является единственным источником информации о них.

Большое значение для изучения калужских древностей имело открытие в Калуге 20 апреля 1897 г. первого в губернии Исторического музея. В нем были представлены экспонаты из различных уездов и, в том числе, находки Комарова. Исторический музей, открытый по инициативе КУАК, стал центром краеведческой работы в губернии.

Деятельность КУАК внесла свой вклад в изучение нашего края, т.к., помимо создания музея и проведения первых археологических раскопок, комиссия приступила к формированию губернского исторического архива, фонды которого позже вошли в состав Государственного архива Калужской области. Также издавались «Известия КУАК», в которых эпизодически затрагивались сюжеты, связанные с историей Угодского края.

Следующим шагом в изучении прошлого нашего края стала работа по составлению полного географического описания России. Первый том, вышедший в 1899 г., содержал, в частности, информацию об отдельных населенных пунктах Угодского края[4]. Авторы затронули лишь крупные селения и города, расположенные вдоль больших рек и железных дорог, поэтому Угодский завод в книге не упоминается, но есть описание сел Тарутино, Оболенское и др. Значение этого труда, в котором дано преимущественно географическое описание, заключается в том, что в нем впервые обобщались данные, разбросанные в малодоступных изданиях. Фактически — это пособие для туристов («путешественников»).

К нач. XX в. калужское краеведение достигает расцвета. Публикуются многочисленные статьи, в т.ч. с упоминанием исторических событий на территории Угодского края.

В 1901 г.,известный краевед В.М. Кашкаров опубликовал статью о древнейшем населении Калужской губернии[5]. В ней впервые подробно рассматривался вопрос о генезисе фино-угорских и балтских племен в бассейне реки Протвы. Кашкаров считал голядь, жившую здесь, родственной «прусским галиндам».

Вскоре стали появляться первые калужские краеведческие пособия для школ. Наибольшую популярность среди них получили книги С.С. Чернышева и В.М. Кашкарова[6]. Первое издание отличалось краткостью популярной брошюры, второе можно считать научно-популярным. В книге Кашкарова приводилось много фактов о природе, быте, экономике Угодского края в XIX — нач. XX вв. «Географический очерк…» Кашкарова не утратил своего научного значения и по сей день. По обширности историко-географического описания края эта книга не уступит многим современным публикациям. Труды Чернышева и Кашкарова положили начало краеведческому образованию в калужских школах.

1912 год стал годом столетия Отечественной войны 1812 г. В связи с юбилеем вышел в свет целый ряд публикаций, затронувших, в частности, тему Тарутинского сражения и боевых действий на территории Угодской земли[7].

Вершиной дореволюционной краеведческой литературы стала книга Д.И. Малинина «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии»[8]. В ней наиболее полно систематизированы известные к тому времени факты по истории, культуре и географии Калужской губернии. К сожалению, Малинин допустил ряд неточностей в использовании исторических фактов. В книге нет не только угодской истории, но даже подробного описания прошлого, например, Малоярославецкого уезда, частью которого была Угодско-заводская волость. Путеводитель содержал в себе все достоинства и недостатки, присущие и по сей день краеведческой туристической литературе. В ней история всегда уступает место географии и занимательности.

Первая мировая война приостановила краеведческий бум. Его последним отголоском у нас стала книга Н.П. Глухарева «Материалы для истории г. Боровска и его уезда», вышедшая в свет накануне войны.

В предисловии автор написал, что 15 лет собирал материалы, пока не понял, что его жизни не хватит для осуществления этого плана[9]. Поэтому он решил опубликовать материалы. Вскоре книга подверглась резкой критике. Некий «Д-н» в своей рецензии указал на «неясность плана издания материалов». По его мнению, издание: «является бессистемным собранием массы материалов… совершенно лишенным какой-либо идеи и целостности. В будущем труд Глухарева якобы будет упоминаться лишь: «для полноты библиографического обзора»[10].

Критика справедливая, но Глухарев внес свой вклад в историографию темы, т.к. включил уникальные материалы и попытался собрать воедино свидетельства о прошлом Боровского

уезда, частью которого являлись селения Угодского края. Труд Глухарева интересен для нас и как пример истинного подвижничества в краеведении. Нельзя забывать и вклад автора в развитии культуры края: при его поддержке были открыты библиотеки и музей.

Первая мировая война, а затем революция приостановили развитие краеведения. К 1918 г. завершился первый период (вторая пол. XIX — нач. XX вв.) историографии темы, отмеченный первыми публикациями, археологическими раскопками и становлением краеведения. Нередко несовершенными, любительскими. Попытки описания прошлого Угодского края, тем не менее, заслуживают нашего внимания и уважения, т.к. именно они заложили фундамент будущих исследований.

Примечания

1. Бердинских В.А. Приходское духовенство России и развитие краеведения в XIX в. // Вопросы истории. 1998. № 10.
2. Любимов Н.Д. Село Уготский завод // КГВ. 1873. №30, 31.
3. Ульянов А.И. Подвижники: Жуково. Малоярославец, 1993.
4. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова, В.В. Ламанского. СПб., 1899. Т.1: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье.
5. Кашкаров В.М. К вопросу о древнейшем населении Калужской губернии: Меря и голядь // Калужская старина. 1901. Т.1. Кн.2. С.1—13.
6. [Кашкаров В.М.] Географический очерк Калужской губернии. Калуга, [1908]; Чернышев С.С. Родиноведение: Краткий обзор географии Калужской губернии: Пособие для учеников четырехклассных, двуклассных и одноклассных училищ и церковно-приходских школ. Калуга, 1909.
7. См. напр.: Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. / Под ред. И.Ф. Цветкова. Калуга, 1912. Вып.2.
8. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912.
9. Глухарев Н.П. Материалы для истории г. Боровска и его уезда: В 2 т. Боровск, 1913 — 1914.
10. Д-н. Рецензия на книгу Глухарева // КЦОВ. 1915. №1(29). С.15—16.

Приложение

Любимов Николай Дмитриевич (1818—1873). Сын священника. В 1840 г. окончил Калужскую духовную семинарию. С 1841 г. — священник церкви с. Угодский завод. В 1842 — 1859 гг. — законоучитель нижних чинов 17-й и 9-й артиллерийских бригад. За успехи на этом поприще награжден набедренником и бронзовым крестом на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853—1856 гг. Неоднократно поощрялся Святейшем Правительствующим Синодом и Калужской Духовной консисторией. С 1857 г. — благочинный. В 1854—1865 гг. под его непосредственным руководством на частные пожертвования в с. Угодский завод был построен новый каменный Никольский храм. Одновременно он вел большую общественную работу. В ноябре 1861 г. при его участии в селе открылась первая школа, в которой он стал первым учителем. Незадолго до своей смерти в газете «Калужские губернские ведомости» опубликовал статью по истории с.Угодский завод, став, таким образом, первым угодским краеведом.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В СЕЛЕ КРАСНОМ БОРОВСКОГО УЕЗДА

***Н.П. Лошкарева**, Боровский краеведческий музей*

В клировой ведомости храма Архангела Михаила за 1916 г. в сведениях об истории и строительстве сделана запись о его постройке в 1910 г. прихожанами: помещиком Иваном Васильевичем Зембулатовым с родственниками — помещиками Владимиром Дмитриевичем, Петром Дмитриевичем, Николаем Владимировичем и Владимиром Николаевичем Челищевыми[1]. Эти скупые и не совсем верные, с точки зрения фактов, строки скрывают полную различных событий, в том числе интриг и сплетен, историю строительства храма.

Впервые храм Архангела Михаила, деревянный с приделом Николая Чудотворца, был упомянут в 1654 г. [2] Упоминается он и в 1774 г. В этот год взамен ранее существовавшего на средства прихожан — помещиков Челищевых и Зембулатовых — был возведен новый деревянный с приделом Николая Чудотворца, неотапливаемый храм[3]. В 1812 г. храм стал свидетелем непродолжительной (с 10 по 15 октября) оккупации Боровского уезда Великой армией Наполеона. Неприятель подвергнул его «обруганию», «истребив» престол и жертвенник. «Церковная же утварь и все святые иконы» были «соблюдены прихожанами»[4]. К 1870 г. приход храма оказался малочислен и беден, в результате чего 6 октября 1870 г. его приписали к боровской церкви Спаса Преображения на Взгорье[5].

13 июня 1896 г. Святейший Синод принял решение вернуть приходу церкви в с. Красном самостоятельность[6]. Большую роль в этом сыграло прошение церковного старосты Петра Дмитриевича Челищева, который, не отрицая малочисленности прихода, заявил о сумме в 20572 рубля, "нараще нной" за несколько лет из 3000 руб., завещанных помещиком И.В. Зембулатовым на сооружение нового храма, и просил отчислить от указанной суммы 2% в пользу причта, а остальную ее часть хранить для дальнейшего «наращивания». Староста также отметил, что в храме достаточно предметов церковной утвари[8].

Объявленная П.Д. Челищевым сумма вызвала желание воспользоваться ею как можно

быстрее, а в дальнейшем оказалась и «яблоком раздора» между прихожанами, причтом, старостой и благочинным. Одним из первых, кто сделал попытку воспользоваться деньгами в личных интересах и интересах причта, стал священник Дмитрий Чистяков. Не успел он появиться в селе, как 20 декабря 1897 г. по его инициативе, а также псаломщика Елисея Казанского и прихожан, в адрес епископа Калужского и Боровского Макария последовала жалоба. В ней говорилось, что псаломщик храма живет в тесной избе, занятой ткацкими станками, от которых исходит шум и пыль, что вредно для здоровья и неудобно «в религиозном и нравственном отношении», так как мешает готовиться к службе. Священник же вынужден жить без семьи (она проживает у тестя) в школе, смежной с церковной караулкой, занятой учительницей. Исходя из этого и в связи с малочисленностью (275 душ муж. пола) и бедностью прихода и причта, авторы жалобы просили выделить из оглашенного церковным старостой П.Д.Челищевым капитала 2500 руб. на строительство и отделку самых простых причтовых домов[9].

Данная жалоба послужила причиной издания Калужской духовной консисторией указов: 12 января о постройке нового храма[10] и 31 января 1898 г. о составлении причтом и церковным старостой сметы расходов на его строительство[11]. Правда, как сообщал в консисторию 16 февраля и 29 марта 1898 г. благочинный первого участка священник Петр Георгиевский, церковный староста не торопился выполнять эти указы[12], считая старый деревянный храм достаточно крепким и вместительным, и не видел необходимости в строительстве домов для причта[13]. Новый указ консистории о начале строительства храма, последовавший 10 июля 1898 г., также не был выполнен[14]. Жилищный вопрос, о котором только и шла речь в жалобе от 20 декабря 1897 г., был решен лишь частично: по сведениям клировой ведомости храма за 1901 г., священник проживал в общественном доме, построенном на средства прихожан, а псаломщику ежемесячно с 1899 г. выплачивали из церковной суммы 2 рубля квартирного пособия[15].

Но как бы церковный староста не препятствовал началу строительства нового храма, Калужская духовная консистория для осмотра состояния старого командировала в с. Красное епархиального архитектора Николая Викторовича Сытина. Прибыл он туда 2 июня 1899 г. и в присутствии священника Д. Чистякова, псаломщика Е. Казанского и церковного старосты П.Д. Челищева, осмотрев деревянный храм, воочию убедился, что колокольня ветхая и ее верхнюю часть необходимо снять, устроив звонницу на столбах рядом с храмом; нижние венцы храма сгнили, фундамент также стал непрочным; половые и потолочные балки в трапезной пришли в «сомнительное состояние» — они колебались в процессе ходьбы. Заключение архитектора было категоричным — с постройкой нового храма медлить нельзя[16].

Но до 1902 г. строительство нового храма так и не началось, что послужило поводом для очередных жалоб, в первую очередь, в адрес церковного старосты П.Д. Челищева, интриг и споров между ним, священником, псаломщиком и прихожанами. Так, священник Д. Чистяков и псаломщик Е. Казанский обвинили старосту в том, что он препятствует началу строительства храма и домов для причта, а также в растрате церковного капитала[17]; староста обвинил священника в скандальности, склонности к алкоголю и просил опубликовать в Калужских епархиальных ведомостях о наличии у того дома[18]; епархиального архитектора Н.В.Сытина, а потом и гражданского инженера губернской земской управы Аркадия Аркадьевича Меньшова, приглашенного вместо Н.В.Сытина 8 марта 1901 г., прихожане обвинили в медлительности[19].

Медлительность инженера А.А.Меньшова стала причиной замены его в 1903 г. гражданским инженером строительного отделения губернского правления статским советником Болеславом Антоновичем Савицким. Ему духовная консистория перепоручила исправление проекта храма и ведение надсмотра за строительством[20]. (Инженер А.А.Меньшов к концу 1902 г. составил проект нового храма и рассчитал общую стоимость работ: она составила 29999 рублей 14 копеек[21]).

В 1903 г. в мае с разрешения духовной консистории был избран комитет по строительству храма[22]. В него вошли: благочинный 1-го округа П. Георгиевский, новый священник храма Александр Румянцев, церковный староста П.Д. Челищев и прихожане храма: статский советник Николай Владимирович, Сергей Владимирович, Николай Николаевич Челищевы, а также прихожанин храма в с. Федотове, проживавший в д. Тишинка, фабрикант, временно московский купец, благотворитель Александр Прокопьевич Смирнов, священник церкви с. Беницы Иоанн Виноградов, крестьяне Андрей Павлов и Тит Тимофеев из д. Бердовка, Лаврентий Иванов из д. Митянок и Никифор Сергеевич Соколов[23]. Председателем строительного комитета сначала избрали П. Георгиевского[24], но после его просьбы об освобождении, последовавшей 30 сентября 1903 г.[25], избрали Николая Владимировича Челищева 14 марта 1904 г.[26]

При этом никаких строительных работ в 1903 г. не велось. О них можно было бы забыть и в 1904 г., тем более, для этого были веские причины. Первая — начавшаяся русско-японская война, из-за которой, по мнению церковного старосты П.Д. Челищева и священника А. Румянцева,

государственная рента с лежавших в банке капиталов упала, а от этого могли быть потери сверх ренты[27], и вторая — тяжелый спор по поводу выбора места под строительство храма. В последний были втянуты все жители с. Красного, члены строительного комитета, а также губернский гражданский инженер Б.А. Савицкий и уездный исправник Сергей Петрович Масловский[28]. В случившемся, согласно указу от 24 мая 1904 г., Калужская духовная консистория поручала разобраться благочинному П. Георгиевскому[29]. В ходе проведенного «дознания» выяснилось, что, наряду с осмотром и выбором места под строительство храма 30 мая 1904 г., по инициативе священника А. Румянцева был проведен другой осмотр местности и выбрана другая площадка. Последняя понравилась всем членам причта и прихожанам, так как была красивее, и с нее просматривался город Боровск. Не понравилась она инженеру Б.А. Савицкому, предложившему место выше в поле, далеко от селения, и поддержавшему его церковному старосте П.Д. Челищеву. Выяснилось также, что священник выступил инициатором избрания нового строительного комитета, предложив себя на должность его председателя[30].

Кто знает, сколь продолжался бы этот спор и тянулось время со строительством храма, если бы не решительные действия прихожан и строительного комитета, обратившихся, соответственно, 28 июля и 1 августа 1904 г. к епископу Калужскому и Боровскому Вениамину с прошением о начале его строительства уже в текущем году[31]. Духовная консистория 3 августа удовлетворила их просьбу. Священника же А. Румянцева за самоуправство решено было перевести в другой приход, лишив его избранной должности и обязав строительный комитет избрать на его место новое лицо[32]. Попытка прихожан храма защитить священника, обвинить во всем П.Д. Челищева и не оправдавшего их доверия, строительный комитет, закончилась безуспешно: епископ Калужский и Боровский Вениамин 9 сентября утвердил приказ духовной консистории о перемещении священника А. Румянцева на другое место и отказался удовлетворить просьбу прихожан о переизбрании церковного старосты и строительного комитета, как неимевшую основания. В храме Архангела Михаила под руководством благочинного 2-го округа Боровского уезда Дмитрия Луневского в присутствии причта, церковного старосты и прихожан провели учет и проверку имущества и финансов. Проверка показала, что финансовое состояние храма в порядке[33].

После всего случившегося процесс строительства нового храма в с. Красном активизировался настолько, что уже в августе 1904 г. строительный комитет вместе с новым священником Николаем Сергеевичем Ватолиным и инженером Б.А. Савицким «учинили разбивку места» под храм[34], 16 октября отрапортовали о завершении бутовых работ[35], в следующем 1905 г. 22 июня начали работы по кирпичной кладке[36], продолжившейся до 1908 г.[37], а 8 ноября 1908 г. Б.А.Савицкий подал в Калужское губернское правление рапорт о том, что строительство храма почти завершилось: осталось его оштукатурить, сделать отопление и установить иконостас[38].

Правда, за такой большой временной период в штатном составе строительного комитета и не только его, произошли серьезные изменения. В первую очередь они были связаны со смертью церковного старосты П.Д. Челищева, скончавшегося 11 апреля 1908 г.[39]. Вместо него был избран Николай Владимирович Челищев, прежде являвшийся председателем и казначеем строительного комитета. Соответственно, на его место 21 мая 1908 г. единогласно избрали Сергея Владимировича Челищева[40]. Произошли изменения и в штатном составе клира, когда точно, не известно, но в 1908 г. при храме значился другой священник — Сергий Розанов[41].

Новый председатель строительного комитета — С.В. Челищев — предложил внести изменения в обустройство интерьера нового храма. Вместо трех престолов, планировавшихся ранее, оставить только два: в честь Архангела Михаила и Николая Чудотворца, — а на освободившейся площади третьего престола во имя Всех Святых поставить большое распятие из черного дерева, под ним расположить плащаницу и столик-аналой для поминовения усопших[42]. Предложение его было поддержано прихожанами, а 21 июля 1910 г. утверждено епископом Калужским и Боровским Вениамином[43]. В этом же году работы по строительству храма были завершены: 9 ноября его освидетельствовали епархиальный архитектор Н.В. Сытин и гражданский инженер А.А.Меньшов[44], 13 ноября — губернский архитектор А. Яковлев[45], командированный в с. Красное по заявлению священника Сергия Розанова[46]. Архитектор А. Яковлев в присутствии священника С. Розанова, помощника церковного старосты и члена строительного комитета боровского мещанина Никифора Соколова, сельского старосты Сергея Одинокова, членов строительного комитета и понятых от крестьян составил 13 ноября акт, в котором записал, что храм возвели каменным, двухпрестольным, шестиглавым с колокольней, полностью установили иконостас в приделе Николая Чудотворца, а главный храмовый в честь Архангела Михаила еще находился в стадии монтажа. При осмотре нового храма не обнаружилось никаких трещин: ни в сводах, ни в арках, ни в стенах. Отсутствовавший проект плана на постройку храма был компенсирован

предоставленными рабочими чертежами. Осмотр позволил губернскому архитектору сделать вывод: «Я нахожу, что постройка церкви и колокольни произведена вполне удовлетворительно и прочно, а потому может быть открыта для производства в ней Богослужений»[47]. 20 декабря 1910 г. произвели страховую оценку храма. Она составила 28000 рублей. В оценку вошли: каменная церковь, крытая железом, окрашенным в оранжевую краску, внутри оштукатуренная. Длина церкви, считая и колокольню, — 50 аршин, ширина — 18 аршин, высота до верхнего карниза — 25 аршин; на церкви 8 глав; в ней нижних окон — 12, верхних — 4; нижние с двойными рамами, верхние — с одной; наружных дверей — 4: три деревянные, а четвертая обита железом; внутренних дверей 3. Двери, как наружные, так и внутренние, все створчатые — двухпольные. Иконостасов два: в главном храме иконостас высотой 10 аршин, шириною 12 аршин — оценен в 4200 рублей; в приделе иконостас высотою 9 аршин, шириною 9 аршин — оценен в 1800 рублей. Отапливался храм центрально-воздушной печью. В 1910 г. возвели в три яруса колокольню высотой до верхнего карниза 46 аршин[48]. Рассчитан храм был на 300 — 400 человек[49]. Построили его в псевдорусском архитектурном стиле.

Освящение главного престола храма во имя Архангела Михаила совершил 1 июля 1911 г. настоятель Пафнутьева монастыря архимандрит Венедикт[50], придел Николая Чудотворца был освящен еще 4 декабря 1910 г. благочинным П. Георгиевским[51].

В связи с постройкой каменного храма Архангела Михаила духовная консистория и епископ Калужский и Боровский Александр, выполняя просьбу благочинного П. Георгиевского, 3 января 1911 г. постановили наградить Сергея Владимировича и Николая Владимировича Челищевых за заслуги перед Церковью, выдав им установленные свидетельства и опубликовав об этом в местном церковно-общественном вестнике, а священника С. Розанова наградить набедренником[52].

Таким образом, благодаря, в первую очередь, капиталу И.В. Зембулатова, желанию церковного старосты П.Д. Челищева и его последователей построить достойный храм, а также таланту гражданских инженеров А.А. Меньшова и Б.А. Савицкого, над с. Красным и окрестностями Боровска вознесся необыкновенно стройный и красивый храм во имя Архангела Михаила.

Примечания

1. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.2266. Л.13, 14.
2. Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Материалы для истории, археологии и статистики церквей Боровского уезда с пригороды. Калуга, 1898. С.52.
3. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.115.
4. Малышкин С.А. Калужский край в 1812 году по материалам архива А.И. Михайловского-Данилевского// Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С.66.
5. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.115; Оп.3. Д.2003. Л.9—10об.
6. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115; Оп.3. Д.2003. Л.2а—3а.
7. В указе Святейшего Правительствующего Синода от 13 июня 1896 г. сказано, что подлинного завещания И.В. Зембулатова не найдено (Там же. Оп.3. Д.2003. Л.2а—3а).
8. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115; Оп.3. Д.2003. Л.2а—3а.
9. Там же. Оп.3. Д.2003. Л.9—10об.
10. Там же. Л.7а.
11. Там же. Л.15.
12. Там же. Л.6а, 15.
13. Там же. Л.7а, 13—14об.
14. Там же. Л.36—37.
15. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115об, 116об.
16. Там же. Оп.3. Д.2003. Л.19.
17. Там же. Оп.2. Д.1345. Л.115об, 116об; Оп.3. Д.2003. Л.24, 32; 52-53.
18. Там же. Л.38-38об; 52—57об.
19. Там же. Л.36-37, 40—43.
20. Там же. Л.59об—61, 63, 73—74об, 86; Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.4, 9.
21. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.3, 7—8; Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.90.
22. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.92.
23. Там же. Л.79—80, 84—85.
24. Там же.
25. Там же. Л.99.
26. Там же. Л.108, 100.
27. Там же. Л.102, 106.
28. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.10—12об.
29. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.169—176об.
30. Там же. Л.110—112, 126, 136—137об, 177—179об, 189—190об.
31. Там же. Л.133, 156—157об.
32. Там же. Л.158—159.
33. Там же. Л.160, 198, Л.207—212об.
34. Там же. Л.203.
35. Там же. Л.217.
36. Там же. Л.232; Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.15.
37. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.16.
38. Там же. Л.17.
39. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.253—254об.
40. Там же. Л.253—254об., 257, 260—261.
41. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.17.
42. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.275.
43. Там же. Л.279.
44. Там же. Л.282.

45. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.21.
46. Там же. Л.20.
47. Там же. Л.23, 24—25, 32—33; Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.284—285.
48. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.543. Л.57. (P.S. Вместе с вновь построенным храмом продолжал стоять деревянный 1774 г.).
49. ГАКО. Ф.62. Оп.17. Д.2388. Л.3.
50. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.2003. Л.303.
51. Там же. Л.289.
52. Там же. Л.293—294.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ШАМОРДИНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

***Н.А.Семенова**, Козельский краеведческий музей*

Учреждение и устройство Казанской Амвросиевской женской пустыни в с. Шамордино связано с именем Преподобного Амвросия Оптинского (1812–1891). Великий старец всячески старался содействовать устроению женских обителей, привлекая к этому делу богатых лиц, а также и сам постоянно вникая во все их нужды. История основания Шамординского монастыря довольно подробно изложена в литературных источниках. Но в Государственном архиве Калужской области хранится ряд документов Шамординской обители, которые еще не вошли в круг научного использования, хотя они вносят дополнительные интересные факты в познание истории монастыря.

Известно, что Казанская община в с. Шамордино была создана по желанию бывшей владелицы этого имения монахини Амвросии (А.Н. Ключаревой), после смерти ее 12-летних внучек-близнецов Любы и Веры, последовавшей в июне 1883 г. Старец Амвросий принял большое участие в семье Ключаревых, в судьбе сестер-близнецов. Матушка Амвросия, по благословению старца, перед смертью сделала духовное завещание, в котором говорилось, что хутор Шамордино она оставляет в пожизненное владение своим внучкам, а в случае их смерти желает устроить там женскую общину и на содержание сестер и общины положила небольшой капитал.

Когда завещание монахини Амвросии вступило в силу, шамординское имение было обустроено и имело комплекс необходимых для жизни строений. Этот факт подтверждает «Опись недвижимому и движимому имуществу поступающему по духовному завещанию вдовы Надворного Советника Александры Николаевны Ключаревой в собственность учрежденной Казанской общины Перемышльского уезда в сельце Шамордино»[1].

Согласно описи по планам и актам, представленным в Калужскую Духовную Консисторию, всех земельных угодий завещано 197 дес. 1700саж. Это земли Перемышльского уезда в сельце Шамордино, сельце Васильевском, сельце Рудневе, пустоши Шлыковой и Козельского уезда при деревне Торбеево.

Подробно описаны все Шамординские строения. Это «господский дом деревянный о девяти комнатах, на кирпичном фундаменте, покрыт железом. Другой дом о девяти комнатах, на кирпичном фундаменте, покрыт дранью, длина 25 арш., ширина 13 арш.», корпуса для помещения сестер, больница, трапезная, ледник, кладовая, амбары, изба для кучера и караульщика, скотная изба, конный и конюшенный двор, конюшня, навесы, «за оградою дом для священника, по коем четыре комнаты и через сени кухня, при ней одна комната», гостиница, каретный сарай, молотильный сарай и при оном привод для молотильной машины, кормовой сарай, кирпичные сараи, два горна один для выделки кирпича, другой для извести.

Отдельно переписаны строения в сельце Руднево, прикупленном Ключаревой по совету батюшки Амвросия. Здесь находились два теплых помещения, три амбара, погреб рубленый, сенной сарай, кормовой сарай, сушилка рубленая, хлебня и молотильный сарай. Кроме описанных строений при Шамордине и Руднево, имеется 26 пчелиных колод, молотильная машина 4-х конная, веялка ручная, лошадей рабочих 23 и молодых 5, рогатого скота крупного 15 штук, и молодых 15, овец с молодыми 35, телег 11, саней рабочих 10, хомутов упряжных 12, хомутов сошных 12, сох 9, борон 10[2].

Таким образом, монастырь закладывался не на пустом месте, а благодаря прозорливости старца Амвросия, под основание его была подведена материальная база завещание А.Н. Ключаревой.

В документе от 26 июля 1884 г. обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев Епископу Калужскому и Боровскому Владимиру сообщает: «…Государь Император Высочайше соизволяет на укрепление за вновь учрежденною в сельце Шамордине Перемышльского уезда Казанскую женскую общиною завещанных в собственность оной вдовою Надворного Советника Александрою Ключаревою участков земли в количестве 197 дес. 1700 саж. со всеми на той земле угодиями, постройками и хозяйственными принадлежностями»[3].

Данный документ узаконил земли за Казанской женской общиной. В последующие годы

монастырь значительно расширил свои владения за счет пожертвований. Из отчетной ведомости о землях и угодиях за 1917 г. настоятельницы игуменьи Валентины известно, что монастырю уже принадлежит 1483 дес. 832,25 саж. Причем указываются земли, относящиеся к обители не только в Калужской, но и в Курской (1012 дес. 1200 саж) и в Орловской (44 дес. 110 саж.) губерниях (где земля отдавалась в аренду), а также Высочайше пожалованный лес при казенной даче Каменке (143 дес.) Ее Императорским Величеством Государыней Марией Федоровной. Обитель удостоилась столь редкого подарка в виде лесной дачи за поднесенный Императрице ковер, сделанный руками шамординских мастериц. Рисунок с изготовленного ковра хранился в мастерской. Участок земли (3 дес. 202,25 саж.) был пожертвован Великим Князем Дмитрием Константиновичем из состава собственного Стрельнинского имения для устройства на нем Шамординского монастырского подворья, о чем свидетельствует указ Государя Императора (от 10 марта 1916 г.)[4].

Процесс становления Казанской общины проходил под наблюдением Калужской Духовной Консистории при самом непосредственном участии Оптинских пастырей. Существует указ епископа Калужского и Боровского Владимира (от 21 августа 1884 г. № 2404),[5] который гласит: «1. Настоятель Оптиной Введенской пустыни Игумен Исаакий назначается Благочинным своей пустыни, а вместе с тем Благочинным новооткрываемой Казанской женской общины, что в с.Шамордине. 2. Священник Мосальского Градского Собора Иоанн Троицкий ввиду ревностной его службы и опытности в духовной жизни, приобретенной им долговременным пребыванием в Крестовском монастыре, назначается штатным Священником церкви вышеупомянутой новооткрываемой женской общины…»[6].

Отец Иоанн Троицкий — первый священник Шамординской обители. Вдовец, уже преклонных лет. Он всей душой полюбил место своего нового служения, искренне привязался к обители и горячо принимал к сердцу все ее радости и горести. Это был тип иерея доброго старого времени. Помогал не только своим родным, но и сестрам обители и всегда делал это тайно. В большие праздники он надевал свои ордена и медали и отправлялся в Оптину поздравлять старцев. Перед смертью он тяжело заболел, его отвезли в Оптинскую больницу, где он скончался, заповедав непременно похоронить его в общине[7].

Среди архивных документов есть сведения о других священниках, служивших Казанской Амвросиевской женской пустыни. Это ведомости, в которых они излагают полные сведения о себе. После о. Иоанна Троицкого служили о. Василий Хвалебнов (1891 г.), о. Феодор Глебов (1892 г.), о. Алексий Тихомиров (1896 г.), о. Николай Смирнов (1913 г.) — последний священник монастыря[8]. По данной ему характеристике особенно ревностно относился к службе, о чем свидетельствует прошение игуменьи Валентины: «Во внимание к усердной службе священника вверенной мне пустыни о. Николая Смирнова и добросовестному исполнению им церковно-служебных обязанностей, имею честь всепокорнейше просить, если то благоугодно будет Вашему Преосвященству, наградить о. Николая Смирнова камилавкой» (май 30/12 дня 1919 г.)[9].

В указе также предписано игумену Исаакию: «впредь до назначения начальницы новооткрываемой общины имел за живущими в оной особое наблюдение к окончанию внутреннего устройства церкви этой общины»[6].

Следует отметить, что при возникновении у старца Амвросия мысли об устройстве Шамординской женской общины, игумен Исаакий (Антимонов) сначала к намерению старца отнесся неблагоприятно. Но успокоенный преосвященным епископом Владимиром, который сам ездил осматривать место, предназначавшееся для обители, он совершенно переменил свой взгляд. Назначенный благочинным Шамординской общины в период ее становления, утешенный доверием Владыки, когда тот поручил ему наблюдение за установлением в ней монастырского порядка, всячески помогал старцу и принимал участие во всех важных делах общины. Для приезжавших в Оптину Пустынь к старцу Амвросию шамординских сестер отец Исаакий уступил в их пользу корпус, который прежде занимала монахиня Амвросия (Ключарева) в пору проживания ее в Оптиной.

Игумен Исаакий из 85 лет, отпущенных ему на земле, провел почти полвека в стенах монастыря и 32 года из них — настоятелем. Еще в юности он сподобился наставлений первого оптинского старца о. Льва, духовно возрастал под покровом о. Макария, а крест настоятельства принял по благословению преподобного Амвросия, под духовным окормлением которого находился. Оставил после себя духовно цветущий, благоустроенный монастырь. Неудивительно, что Владыка Владимир избрал именно их, двух истинно духовных пастырей, на устроительство новой обители: старца Амвросия как духовника, игумена Исаакия как благочинного.

Первой настоятельницей общины стала богато одаренная от природы С.М. Астафьева (из тульских дворян Болотовых). Ее путь в монашество был непрост. Батюшка Амвросий подверг Софью Михайловну испытаниям, прежде чем она облачилась в иноческие одежды. Она духовно

возрастала вместе с обителью. Анализируя документы более чем столетней давности, можно проследить путь становления матушки Софии. 20 августа 1884 г. она пишет покорнейшее прошение Его Преосвященству епископу Владимиру, в котором указывает: «…Имея давно стремление к монашеской жизни и теперь овдовевши, решаюсь исполнить заветное мое желание и прошу Ваше Преосвященство дозволить мне поступить в число сестер новой Казанской общины Перемышльского уезда и переселиться туда, на что и ожидаю Вашего милостивого Архипастырьского решения»[10].

В характеристике, данной С.М. Астафьевой авторитетными духовными лицами настоятелем Козельской Введенской Оптиной пустыни Игуменом Исаакием и духовником обители иеромонахом Амвросием, лично ими подписанной, сказано: «Вашему Преосвященству угодно знать наше мнение о Софье Михайловне Астафьевой, способна ли она быть настоятельницей новой Казанской общины, хотя Софья Михайловна делом еще и не проходила монашескую жизнь, но довольно понимает и монашество, и хозяйственную часть, и сестры новой общины очень расположены к ней, так что и теперь беспрекословно подчиняются ея распоряжениям»[11].

Чтобы окончательно решить судьбу С.М. Астафьевой, игумен Исаакий пишет епископу Владимиру донесение, в котором подтверждает, что ее муж, штабс-капитан Николай Иванович Астафьев, погребен на кладбище при Шамординском женском общежитии и прилагает при этом выписку из метрики за № 42. Прямо на этом донесении в правом верхнем углу рукой Калужского архипастыря Владимира надписано: «5 сент.1884 г. Принять следующее: 1. Вдову штабс-капитана Софию М. Астафьеву, согласно ея прошения, определить в число сестер новооткрываемой в с. Шамордине Казанской женской общины и 2. Ей же, Астафьевой, поручить и управление этою общиною»[12].

Пострижение состоялось сразу же. Батюшка Амвросий сам совершил обряд. Матушка София положила немало сил на устроительство обители, оставив по себе добрую память. Прошло время, и в возрожденной Шамординской обители идет подготовка к канонизации матушки Софии.

Важный этап становления монастыря — устроение в нем храма. По совету старца Амвросия к построенному ранее ключаревскому дому, с восточной стороны был пристроен алтарь — и церковь готова. Архивные материалы подтверждают данный факт. Существует пояснительная записка архитектора Академии М. Грановского, составленная им 27 августа 1883 г., где он в мельчайших подробностях описывает проект. «По завещанию покойной г-жи Александры Николаевны Ключаревой открывается женская община с наименованием «Казанской» … По этой причине к существующему деревянному дому в сельце Шамордино предположено сделать пристройку для домовой церкви, согласно размерам, означенным на прилагаемом плане-проекте»[13]. В отчетах настоятельницы игуменьи Валентины значится, что «…церковь построена основателем обители старцем иеросхимонахом Амвросием», что иконостас был взят батюшкой старый из Оптинской церкви Марии Египетской, туда он заказал новый. В рапорте игумена Исаакия от 9 сентября 1984 г. указано, что «… внутреннее устройство церкви в этой общине подходит к окончанию и к 25 числу сего сентября настоящий храм будет совершенно готов для освящения…»[14].

Вслед за рапортом (25 сентября 1894 г.) последовало приглашение Владыке Владимиру, подписанное иг. Исаакием и м. Софией: «Всеусерднейше просим Ваше Преосвященство, милостивейше благоволить пожаловать для освящения сего священного торжества и открытия общины на первое число будущаго октября месяца»[15]. 1 октября 1894 г. храм был освящен епископом Владимиром в честь иконы Казанской Божией Матери. Эта дата считается официальной датой основания монастыря. Первая церковь Шамординской женской общины запечатлена на старых фотографиях, до наших дней не сохранилась.

Шамординская обитель во всех документах значилась общиной до 1901 г., а в июле этого же года была преобразована в монастырь. По этому поводу Департамент полиции сделал запрос калужскому губернатору Офросимову, не имеет ли он возражений против того, чтобы Казанскую женскую общину в Шамордино преобразовать в женский монастырь с наименованием его Амвросиевская Казанская Пустынь. На что губернатор ответил: «возражений не имеет».

По указанным архивным документам изложен начальный этап становления Шамординского женского монастыря.

Примечания

1. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.1415. Л.103—104.
2. Там же. Л.104об.
3. Там же. Л.63.
4. Там же. Оп.2. Д.2255. Л.40.
5. Там же. Оп.3. Д.1415. Л.80.
6. Там же. Л.80об.
7. Казанская Амвросиевская женская пустынь и ея основатель оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Б.м., 1908. С.33—34.
8. ГАКО. Ф.33. Оп.3. Д.1825. Л.224.
9. Там же. Ф.1267. Оп.2. Д.1152. Л.2.
10. Там же. Ф.33. Оп.3. Д.1415. Л.92.
11. Там же. Л.93.
12. Там же. Л.91.
13. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.1319. Л.7.
14. Там же. Ф.63. Оп.3. Д.1415. Л.90
15. Там же. Л.107.

АРХИТЕКТОР АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РУМЯНЦЕВ

***Послушница Елена (Е.А. Амфитеатрова)**, Серафимо-Дивеевский монастырь*

«Когда в 1922 г. приехали мы в Дивеев, то увидели почти законченный архитектурно новый великолепный собор. Это был собор особенно дивной красоты, красивей которого мы нигде еще не видели, он был так устремлен ввысь, что, казалось, готовился возноситься на небо. Все в нем было гармонично и прекрасно. Все! Собор стоял у Канавки Царицы Небесной, был по величине такой же, как и летний собор и составлял великолепный монастырский ансамбль Града Царицы Небесной, обнесенного белой стеной. Все это напоминало городок древней Святой Руси», — вспоминал протоиерей Стефан Ляшевский.

Автором проекта Нового собора был выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества архитектор Александр Ефимович Антонов, руководил строительством Александр Александрович Румянцев.

Долгое время нам не удавалось восстановить биографию Александра Румянцева. Из одной, как выяснилось, ошибочной, публикации следовало, что строитель Нового собора в Серафимо-Дивеевском монастыре архитектор Румянцев в 1920 г. эмигрировал в Англию. Изучая следственное дело протоиерея Павла Боротинского 1932 г., мы наткнулись на показания одного из обвиняемых: «…с архитектором Румянцевым я был в лучших отношениях и часто бывал у него. В ссылке я узнал, что и он арестован и сослан на Соловки, где и умер».

Подтверждение этого обстоятельства позволило собрать некоторые сведения о происхождении и жизни Румянцева, как оказалось, уроженце Калужской губернии.

Александр Александрович происходил из рода священнослужителей. Он родился накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы 14 августа 1881 г. в с. Космодемьянское Медынского уезда[1]. В церкви этого села псаломщиком служил дед Александра — Петр Захарович[2].

Первоначальное образование Александр Александрович получил дома. Его отец, Александр Петрович, уже в восемнадцать лет имел звание учителя сельского приходского училища и учительствовал всю жизнь. Став священником, продолжал преподавать и в земских, и церковно-приходских школах, учил и Закону Божьему, и пению, и другим предметам, обучал и детей, и взрослых[3].

Александр был единственным ребенком у священника Александра и матушки Елизаветы Румянцевых. Если отец Александр всю жизнь учил, то его сын всю жизнь учился. В двенадцатилетнем возрасте в 1893 г. он поступил в уездное Боровское училище и обучался в нем три года.

В то время Боровское училище было единственным на весь уезд и помещалось в наемном доме[4]. Три класса — три учителя наук, но какие! Определенный на место Циолковского Константин Алексеевич Хренов был человеком многообразных интересов. Он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, интересовался народной поэзией, составлял и издавал в «Посреднике» сборники для народного чтения, сам писал неплохие стихи. Может быть, именно под влиянием этого талантливого человека Александр Румянцев поступил по окончании Калужского железнодорожного технического училища[5] в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Училище это было не государственным, а при художественном обществе, правительственное воспомоществование было очень незначительным. Иногда ради заработка учащиеся надолго покидали стены училища.

Владимир Гиляровский вспоминал о студентах училища, называя их «полуголодной молодежью», «до образования ли, до наук таким художникам было, когда нет ни квартиры, ни платья, когда из сапог пальцы смотрят, а штаны такие, что приходится задом к стене поворачиваться».

Александр Александрович Румянцев получал стипендию имени архитекторов Константина и Михаила Быковских и стипендию имени Сергея Михайловича Третьякова. Стипендии назначались как поощрение и поддержка только способным и успешным ученикам.

Немногие учебные заведения России славились тем, что ряд преподавателей читали свой курс, не требуя платы. С 1901 г. лекции по русской истории читал кумир студенческой молодежи

профессор В.О. Ключевский, пейзажный класс вел в то время А.М. Васнецов.

Революционное брожение, нестроения и беспорядки, охватившие Россию в 1905 г., не обошли стороной и Училище живописи, ваяния и зодчества. В училище начались волнения. Занятия были прекращены. Не желая «бездействовать», студенты организовали в стенах училища лазарет для жертв ожидаемых беспорядков и столовую для бастовавших рабочих, оставшихся без средств. Когда начались уличные погромы, учащиеся стали вооружаться. Совет преподавателей училища принял решение временно закрыть учебное заведение, а учащихся распустить до января месяца.

Более трезвомыслящая часть учащихся, в основном студенты архитектурного отделения, не только не участвовала в беспорядках, но и обратилась к дирекции училища с заявлением, осуждающим революционную деятельность студентов. К заявлению был приложен список лиц, желающих продолжать занятия. В их числе был и Александр Румянцев. Не раз в училище прекращались занятия и из-за конфликтов между преподавателями и студентами. Александр Александрович неизменно оставался в числе желающих продолжать занятия. Тем ценнее для него были занятия в училище, что выделить время для учебы было непросто, поскольку Александр в это время строил собор в Дивееве6.

Сотрудники Государственного научно-исследовательского музея имени Щусева очень заинтересовались личностью архитектора Румянцева. Они авторитетно утверждают, что это небывалое дело, чтобы руководство строительством собора было доверено железнодорожному технику и священноначалие дало свое благословение.

Александр Румянцев окончил Московское училище, получив звание архитектора с присвоением ему права на чин XIV класса, что по Табели о рангах соответствовало чину коллежского регистратора7. До 1914 г. он был техником у частных инженеров, до 1916 г. архитектором Ардатовского земства в Нижегородской губернии. Высшее техническое образование он получил, закончив в 1927 г. Институт инженеров транспорта. Был холост. Проживал в Москве, недалеко от Боровицкой башни Кремля, в Лебяжьем переулке, д.4, кв.23 (ныне дом №5/6 по Волхонке). До ареста работал архитектором в отделе труда Моссовета.

28 октября 1929 года архитектор Румянцев был арестован и посажен в Бутырскую тюрьму ОГПУ. Из анкеты арестованного: «профессия — инженер, происхождение — сын священника, имущественное положение — никакого нет. Приметы: 48 лет, рост средний, цвет волос седой, брови — тоже, нос обыкновенный. Особых примет нет».

Обвинялся архитектор Румянцев в нарушении статьи 58 пункта 10 Уголовного кодекса РСФСР.

На Александра Румянцева неоднократно писали доносы, обвиняя его в связи с зарубежными архиереями. «Свидетельства» о контрреволюционной деятельности Румянцева удивительно похожи друг на друга. Один донос был написан уже после его смерти.

При обыске в квартире Александра Александровича были обнаружены очерки «Страдание Русской Церкви», « Католический Рим и катакомбы России» и «В патриархате Востока». При личном обыске в Бутырской тюрьме попытался проглотить какой-то листок: «Случайно обнаружив вырезку из газеты на иностранном языке у себя в кармане при моем обыске в Бутырской тюрьме, я ее, будучи ошеломленным, пытался проглотить». Виновным себя в антисоветской пропаганде Румянцев не признал, утверждал, что политикой не интересовался никогда. «Из высшего православного духовенства я не знаком ни с кем. Разные церковные ориентации меня, как верующего, и своей полемикой, и своим фактом существования притомили».

Через месяц после ареста А.А. Румянцеву было предъявлено обвинение в распространении антисоветской литературы. Постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ от 1 декабря 1929 г. обвиняемый Александр Румянцев был приговорен к заключению в концлагерь на 3 года и этапирован в город Кемь, в Управление Соловецких лагерей. В заключении прокурора от 20 ноября 1992 г. по материалам уголовного дела А.А. Румянцева, в частности, записано: «конкретного обвинения не предъявлялось, доказательств не приведено, осужден незаконно: в его действиях не было состава преступления».

Александра Александровича доставили в Управление Соловецких Лагерей Особого Назначения ОГПУ (УСЛОН) в предпраздднство Рождества Христова, 2 января 1930 г. Поступил заключенный Румянцев в 1-е отделение, или пересыльный пункт, расположенный на острове Революции, который иначе как Попов остров так никто и не называл.

«На болотистом, лишенном растительности (лес вокруг тщательно вырублен) острове — вышки, сколоченные из хлипких бревнышек. Пятачок площади, не более 100х100 метров, обнесенный оградой из колючей проволоки. На нем, возле примитивного дебаркадера, длинный низкий барак. Это Кемьский пересыльный пункт. Зловеще знаменитый Попов остров — «КЕМЬ-ПЕР-ПУНКТ». Место пустынное, голое и суровое … Кругом лед, снег, колючая проволока, на высоких столбах будки, где часовые в тулупах, проклиная остров, охраняют

жизнь тяжких-претяжких «преступников»: епископов, священников, протодиаконов… Караульщиков, поставленных на вышках, надо было всегда оберегаться: могут застрелить запросто. Не только, Боже упаси, нельзя подойти к проволоке ближе запретных метров, что всегда сошло бы за «попытку к бегству», но и трижды не дай Бог привлечь их внимание и раздразнить, даже держась на узаконенном расстоянии. Пуля могла достать и тут.

Толчея, брань, грязь, стояние в очередях у столовой и уборной, переклички, вызовы, драки, кражи, буйство, картежная игра, матерщина. Рота переполнена «шпаной» и освобождаемыми. Питьевая вода ? самый больной вопрос, ее откуда-то привозят и ее всегда не хватает.

В бараке – узкий проход и двухэтажные сплошные нары под низкой крышей. Фантастическое количество клопов. На нарах, по прочно внедрившейся лагерной традиции, все лежат на боку и повертываются по команде.

Арестантский двор и бараки, как сельди в бочках, наполнялись прибывавшими с лесозаготовок доходяг — уже бывалых лагерников, доведенных до последней черты существования, кандидатов на тот свет. Большинство из них, еле волочившие ноги, изнемогшие, опухшие или превратившиеся в живые скелеты люди в старом, грязном лагерном рубище или остатках гражданской одежды. Поистине каторжный остров. Заключенные рассказывали, что некоторые зеки, потеряв надежду выжить, кончали жизнь самоубийством или рубили себе пальцы рук, стопы ног или голени и кровью писали на лесоматериалах, предназначенных на экспорт, «sos!» — спасите наши души! Вкладывали письма с описанием своей участи вместе с отрубленными пальцами в загруженные штабеля».

Пятьдесят четыре дня пробыл заключенный Румянцев на Поповом острове. Из архивной справки Министерства внутренних дел республики Карелия следует, что Александр Александрович, «находясь на излечении от сыпного тифа в лазарете лагеря, умер 10 февраля (по другим данным 25 февраля) 1930 г. от упадка сердечной деятельности. Сведений о месте захоронения нет».

Сердечное заболевание у Александра Александровича было еще до тюремного заключения. В его анкете для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ в графе об отношении к воинской повинности значилось: «не служил, освобожден навсегда по болезни сердца» (ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р – 41204. Следственное дело Румянцева, 1929 г.[8]).

Возможно, что Александр Александрович действительно умер от сердечной недостаточности или тифа. Но известны и такие свидетельства: присутствовавший во время расстрелов врач подписывал документ о смерти, ставя диагноз убитым, – «тиф».

«Не земля скрыла вас, но небо приняло к себе. Врата рая вам открыты. Достойное зрелище для воинства Ангелов, достойное для патриархов, пророков, праведных!» Святитель Василий Великий.

Литература

Протоиерей Стефан Ляшевский. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: 1903—1927 гг. Б.м., Б.г. Ч.2.
Священник Павел Флоренский: Письма родным из Кеми. Б.м., 1934.

Примечания к статье

Л.А. Бацанова, Государственный архив Калужской области

1. Александр Александрович Румянцев родился в 1881 г. (в послужном списке его отца в клировой ведомости церкви с. Боболи Боровского уезда за 1910 г. указана дата рождения 1882 г., но многие другие документы подтверждают 1881 г.) (ГАКО, Ф.33. Оп.2. Д.1822. Л.112об.—113об.). Местом своего рождения Александр называет с. Космодемьянское Медынского уезда. В это время в церкви села псаломщиком служил его дед. Отец же Александра был учителем в школе с. Никитского того же уезда. (Там же. Д.136. Л.61об.—62). Метрические книги церквей Медынского уезда не сохранились, поэтому не представляется возможным найти запись о рождении Александра и уточнить дату и место рождения.

2. Петр Захарович Румянцев, сын пономаря с. Рыбина Боровского уезда, родился 10.01.1821 г. Уволен из высшего отделения Боровского духовного училища в 1840 г. Преосвященным Николаем определен послушником в Боровский Пафнутьев монастырь, а затем в церковь с. Космодемьянского, где и служил с 18.07.1843 г. сначала дьячком, потом (после 1857 г.) псаломщиком. Умер 06.02.1887 г. Имел жену Марию Ивановну (р. 1817—после 1890), двух сыновей Ивана и Александра и дочь Параскеву. Об Иване сообщается, что он служил священником в Полоцкой епархии (Там же. Д.1346. Л.61об.—62; Д.1795. Л.150об.).

3. Александр Петрович Румянцев родился 20.07.1857 г. в с. Космодемьянском. По прошению уволен из 1-го класса Калужской духовной семинарии (КДС) 10.10.1875 г., 15.11.1875 г. получил звание учителя сельского приходского народного училища, с 06.01.1876 г. по 14.08.1892 г. состоял в должности учителя земских и церковно-приходских школ (ЦПШ). В 1878 г. — народный учитель в с-це Топорине, в 1882 г. — учитель в с. Никитском (Там же. 1346. Л.62), в 1884—1887 гг. — писарь в Сергиевском волостном правлении (Там же. Д.1445, Д.1561, Д.1617), в 1890 г. — проживал в с-це Обухове Медынского уезда (Там же. Д.1795), преподавал в Темеревской школе грамоты Медынского уезда (КЕВ. 1890. № 16). Преосвященным Анатолием, епископом Уманским, 01.09.1892 г. рукоположен в диакона к Троицкой церкви с. Федотова Боровского уезда, с 19.09.1892 г. по 07.11.1894 г. состоял

учителем Федотовской ЦПШ, с 18.11.1892 г. по 01.10.1893 г. — учитель пения в Тишинской ЦПШ, 07.01.1894 г. перемещен в Благовещенский Собор г. Боровска также на должность диакона, по предложению начальника Смоленской местной бригады с 31.12.1898 г. состоял законоучителем нижних военных чинов Управления Боровского уездного воинского начальника, за усердное, успешное и безвозмездное обучение нижних военных чинов получил архипастырское благословение 13.05.1898 г. с выдачей свидетельства, 25.08.1902 г. рукоположен в священника в с. Красное Боровского уезда, 25.06.1904 г. переведен в с. Шеметовое Мещевского уезда, 4.11.1908 г. перемещен в с. Боболи Боровского уезда, в котором с 20.10.1908 г. помимо священнических исполнял обязанности заведующего и законоучителя местной ЦПШ, награжден серебрянной медалью для ношения на груди на Александровской ленте, в 1903 г. набедренником, в 1907 г. скуфьей (ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.1345. Л.1—10, Д.1893. Л.138об., Оп.3. Д.1922. Л.214об.—215об., Д.1931.Л.5об.). Скончался в с. Боболи 01.05.1912 г. в возрасте 53 г. от катара желудка. Похоронен на приходском кладбище. Перед смертью его исповедовал и приобщал старший священник церкви с. Боболи Федор Георгиевич Городецкий (Там же. Оп.4. Д.576. Л.327об.—328). Александр Петрович имел жену Елизавету Васильевну (р.1855). Скончалась в с. Красном 12.07.1904 г. в возрасте 49 лет от порока сердца. Похоронена на приходском кладбище. Перед смертью ее исповедовал и приобщал Св. тайн протоиерей Благовещенского Собора г. Боровска Василий Павлович Казанский (Там же. Оп.4. Д.560. Л.656об.—657).

4. Документы училища не сохранились. Некоторые сведения о нем удалось найти в архивном фонде Дирекции Народных училищ Калужской губернии.

Из отчета о состоянии Боровского уездного училища за 1896 г. В Боровском уезде с населением 68789 душ обоего пола имелось всего одно уездное училище. В 1896/97 г. в училище обучалось 56 мальчиков (в 1896 г. — 52) в возрасте от 10 до 15 лет: 10 лет — 1, 11 лет — 5, 12 лет — 19, 13 лет — 11, 14 лет — 9, 15 лет — 11 человек. Их них по происхождению 6 детей принадлежат к сословию дворян, 2 — духовенства, 36 — мещан и 12 — крестьян. Из этого же числа 32 мальчика православного вероисповедания, 1 — иудейского, 23 — прочих, в том числе раскольники. По классам дети распределялись следующим образом: 1 класс — 25 учеников, 2 класс — 17 учеников, 3 класс — 14 учеников. В Боровском уездном училище служили штатный смотритель, законоучитель, 3 учителя наук и один учитель искусств. Штатный смотритель Иван Иванович Извеков, окончил Калужскую духовную семинарию (КДС), имел звание учителя уездного учителя. На службе с 19.11.1873 г., в должности смотрителя — с 01.01.1890 г. Законоучитель протоиерей Василий Павлович Казанский, окончил КДС, на службе и в должности с 27.09.1867 г. Отличался безукоризненным поведением, всесторонними знаниями, особенными способностями к преподаванию и тактичным обращением с учениками, чем располагал к себе и преподаваемому предмету всех без исключения учеников, как православных, так и раскольников. Занятия по предмету велись по учебникам Базарова и Д. Соколова, катехизису митрополита Филарета. Общее число уроков в год — 224. Учитель русского языка Григорий Егорович Дубовенко, окончил Владимирское уездное училище, получил звание учителя уездного училища, на службе и в должности с 11.07.1894 г. Характеризуется как очень положительный и усердный к обязанностям. Преподавание русского языка вел «концентрически», т.е. этимология и синтаксис проходились в каждом классе, но с изменением объема предмета. Обучение проводилось по учебникам Гилярова, Кирпичникова и учебной русской хрестоматии П. Полевого. Общее число уроков в год — 448. На 1893 г. учителем русского языка в Боровском училище значится коллежский асессор Иван Дмитриевич Ковалев. (Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1893. С.60). Учитель арифметики и геометрии Константин Алексеевич Хренов, окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, получил звание учителя уездного училища, на службе и в должности с 24.02.1892 г. Характеризуется положительно. Преподавание предметов велось по учебникам А. Малинина и К. Буренина. Общее число уроков в год — 512. До 1892 г. учителем арифметики и геометрии в училище был Константин Эдуардович Циолковский. По предложению Попечителя Московского учебного округа директору народных училищ Калужской губернии от 04.02.1892 г. «в видах пользы службы» учителя арифметики и геометрии уездных училищ: Калужского — Громницкий и Боровского — Циолковский перемещаются один на место другого. (ЦИАМ. Ф.459. Оп.4. Д.1737. Л.25.) Следуя этому предложению, Циолковский действительно перешел на службу в Калужское уездное училище, а место Циолковского в Боровском училище занял К.А. Хренов, а не Громницкий. Учитель истории и географии Михаил Григорьевич Садиков, окончил Тверскую духовную семинарию, также имел звание учителя уездного училища, на службе с 30.09.1871 г., а в должности с 01.07.1891 г. В характеристике записано: «поведения хорошего, но к преподаванию охладел. Темы предварительно не объясняет. Ученики их изучают самостоятельно по учебникам «Отечественная история в рассказах» С. Рождественского (в 1-м классе) и «География Российской империи» А. Баранова (во 2-м и 3-м классах). Учитель при опросе делает лишь некоторые пояснения. Общее число уроков в год — 448. Учитель чистописания, черчения и рисования Николай Дмитриевич Космачев, окончил Московское Строгановское центральное училище технического рисования, получил звание ученого рисовальщика, на службе с 19.09.1885 г., в должности с 01.07. 1894 г., к службе относился ревностно при положительном поведении. Общее число уроков в год — 544. (В отчете за 1899 г. учитель В.М. Лисицын, в должности с 20 августа 1897 г.). В отсутствии кого-либо из преподавателей их замещал штатный смотритель. В классах в целом дисциплина поддерживалась на высоком уровне. В училище для поддержания нравственности и поведения на надлежащей высоте с давних пор поддерживался обычай в течение всего года во время уроков в лампадах перед Святыми Образами зажигать деревянное масло, а в воскресные и праздничные перед поздней обедней православные ученики под наблюдением штатного смотрителя присутствовали на литургии в Соборе (ГАКО. Ф.165. Оп.2. Д.1668. Л.1—7об.).

5. По окончание уездного училища Александр поступает в Калужское железнодорожное техническое училище, в котором приобретает первую профессию. Обязательным условием для поступления в железнодорожное училище было наличие начального образования. Продолжительность обучения составляла 5 лет. После обучения в трех специальных классах ученики приобретали практические навыки при непосредственном исполнении технических обязанностей при железной дороге или в ж/д мастерских, причем за исполняемую работу «по договору и заслугам» они могли получать от ж/д управления денежное вознаграждение. По окончании практики и предъявлении учеником характеристики с места ее прохождения Училищному Совету ему выдавался аттестат об окончании училища. Документы Калужского железнодорожного училища сохранились не в полном объеме. О пребывании в училище Александра Румянцева удалось найти лишь отрывочные сведения. Не сохранились документы о поступлении и обучении Александра в первом классе, но из документов за следующие годы следует, что в ж/д училище Александр поступил сразу по окончании начального Боровского, т.е. в сентябре 1896 г.

Из Протокола № 8 педагогического совещания ж/д училища от 16.06.1897 г.: «По рассмотрении годовых экзаменационных баллов по всем предметам ученического курса и по поведению на основании сих баллов постановили: перевести в следующий класс учеников первого класса» (всего 25 человек). Среди них 6-й Румянцева Алексея (в документах училища Александра называют то Александром, то Алексеем, хотя совершенно ясно, что речь идет об одном и том же человеке. Одновременно с Александром Алексей Румянцев в училище не обучался. В августе 1898 г. в списке вновь поступающих учеников значится Румянцев Иван, рожд. 07.09.1882 г., сын личного почетного гражданина, дядя служит в Управлении Сызрано-Вяземской ж/д. Возможно, что Иван приходится родственником Александру, но пока их родственные отношения подтвердить не удалось). (Там же. Ф.168. Оп.1. Д.53. Л.25, Д.54. Л.53об.).

Из протокола № 7 педагогического совещания от 2 июня 1898 г. Постановили: перевести из второго в третий класс учеников Румянцева Александра (Там же. Д.54. Л.37). Из экзаменационного списка учеников второго технического класса за 1897/98 учебный год: п/п №23 (№10 по старшинству) Румянцев Александр, от роду 17 лет. Баллы: Закон Божий: годовой — 5, экзаменационный — 5, общий — 5; арифметика: годовой — 4, экзаменационный — 5, общий — 5; геометрия: годовой — 4, экзаменационный — 5, общий — 5; физика: годовой — 3, экзаменационный — 4, общий — 4; механика: годовой — 4, экзаменационный — 5, общий — 5; железнодорожное дело: годовой — 5, общий — 5; строительное искусство: годовой — 4, экзаменационный — 4, общий — 4; черчение по механике: годовой — 4, общий — 4; черчение по строительству: годовой — 3, экзаменационный — 4, общий — 4; мастерство: годовой — 3, экзаменационный — 3, общий — 3; арифметика (письменно): экзаменационный — 4, общий — 4; геометрия (письменно): экзаменационный — 3, общий — 3 (Там же. Л.39об.—42)

Из протокола № 12 педагогического совещания от 3 октября 1898 г.: «На основании удостоверений о бедности, а также принимая во внимание хорошее поведение и успехи учеников постановили: освободить от взноса за право учения в первом полугодии 1898/99 года следующих учеников: … третьего класса … Румянцева» (Там же. Л.63). Из экзаменационного списка учеников третьего технического класса за 1898/99 учебный год: п/п №22 (№14 по старшинству) Румянцев Александр, от роду 18 лет. Баллы: Закон Божий: годовой — 5, экзаменационный — 5, общий — 5; счетоводство: годовой — 5, общий — 5; телеграфное дело: экзаменационный — 3, общий — 3; механика: годовой — 5, общий — 5; железнодорожное дело: годовой — 4, экзаменационный — 4, общий — 4; черчение по механике: годовой — 3, общий — 4; технология: экзаменационный — 4, общий — 3; мастерство: годовой — 3, общий — 4; черчение по землемерию: экзаменационный — 5, общий — 4 (Там же. Д.55. Л.16об.—17).

Из протокола № 13 педагогического совещания от 06.11.1901 г.: «Рассмотрев протоколы хозяйственных комиссий 24 октября 1901 г. под председательством начальника службы тяги Сызрано-Вяземской железной дороги инженера М.Ю. Пашковского об испытаниях на получение аттестатов практикантов Сызрано-Вяземской железной дороги, окончивших теоретический курс в Калужском техническом железнодорожном училище, а именно:…Румянцева Алексея Александровича… , принимая во внимание, что во всех протоколах экзаменационная комиссия признала всех испытуемых практикантов, обнаруживших достаточное усвоение ими практических знаний, пригодными к службе в должностях второстепенных техников железнодорожной службы, постановили: выдать аттестаты об окончании полного училищного курса всем выдержавшим испытание:… Румянцеву Алексею (так в документе)…» (Там же. Д.61. Л.72).

Личный состав ж/д технического училища в 1896—1898 гг. Начальник — стат. сов. Михаил Васильевич Преображенский, в должности с 0211.1886 г., он же преподаватель физики, 1847 г.р., кандидат Киевского университета. Инспектор — кол. сов. Яков Яковлевич Громов, с 28.09.1887 г. преподаватель железнодорожного дела, механики паровоза и специального черчения, 1852 г.р., образование — инженер-технолог. Законоучитель — протоиерей Иоанн Афанасьевич Протопопов, кандидат богословия, 1859 г.р., в должности с 24.09.1890 г. Преподаватели: н.ч. инж.-техн. Леонтий Станиславович Вержховский, 1867 г.р., преподаватель арифметики, геометрии, землемерия, общей механики и специального черчения, в должности с 21.09.1896 г.; кол. сек. Степан Осипович Костецкий (зав. мастерскими, ученый мастер); н.с. Сергей Иванович Протопопов (его помощник); кол. асес. Николай Васильевич Преображенский (в 1897 г., на его месте в 1898 г. г.с. Александр Васильевич Шаманский); Осип Осипович Вессели, преподаватель телеграфии; Александр Лаврентьевич Соколов, студент семинарии, преподаватель пения с 15.09.1892 г.; Надзиратель училища и преподаватель гимнастики отст. подпор. Хрисанф Иванович Иссинский, 1855 г.р., окончил юнкерское училище, в должности с 11.08.1891 г.; Врач стат.сов. Иван Иванович Ребрик, 1830 г.р., в должности с 28.09.1887 г. (Там же. Д.57. Л.1.,64; Памятные книжки Калужской губернии за 1896— 1898 гг.).

Сведения о членах семьи священника Александра Петровича Румянцева, сообщаемые в клировых ведомостях, полностью подтверждают определенное нами время поступления Александра в учебные заведения и их окончание. Из клировых ведомостей Боровского Благовещенского Собора: в 1894 г. — Александр, 13 лет, обучается в Боровском уездном училище (Там же, Ф.33. Оп.3. Д.1951. Л.5об.); в 1895 г. — Александр , 14 лет, обучается в там же (Там же. Д.1968); в 1896-1898 гг. — 15 (16, 17) лет, в Калужском техническом училище (Там же. Д.1993, Д.2041, Д.2080); в 1900 г. — 19 лет, техник на железной дороге (Там же. Оп.2. Д.1345); в1901 г. — 20 лет, техник на частной службе (Там же. Д.1399). Клировые ведомости Собора за 1899, 1902 и 1903 гг. не сохранились. В 1904 г. Александр Петрович Румянцев был переведен в церковь с. Шеметовое Мещевского уезда, в документах этой церкви о его семейном положении сообщается, что он вдов, а его сын Александр обучается в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (Там же. Д.1511. Л.576об.—577об.). На получении образования в низших учебных заведениях заканчивается «калужский период» и определяется дальнейшая судьба Александра.

В архивном фонде Калужского Губернского Жандармского Управления имеется запрос от калужского губернатора начальнику Жандармского Управления от 20.11.1902 г. «О благонадежности проживающего в г. Калуге близ церкви Покрова на рву в доме протоиерея Угорского потомственного почетного гражданина Александра Александровича Румянцева, ходатайствующего о выдаче ему свидетельства о благонадежности для представления при поступлении в Императорский Московский университет» (звание потомственного почетного гражданина Александр получил автоматически как сын священнослужителя, выбывший из духовного звания) (Там же. Ф.784. Оп.1. Д.82. Л.536).

6. Из устных рассказов современников Румянцева: «… спроектировал и начал руководить постройкой храма в Серафимо-Дивеевском монастыре». К 1917 г. постройка вчерне закончена, но храм не был освящен до Революции. В настоящее время собор закончен и посвящен Преображению господню».

7. В университет Александр, очевидно, поступать передумал, вместо этого он в 1903 г. поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. В документальных материалах РГАЛИ имеется его прошение от 08.07.1903 г. на

имя директора училища о допуске к приемному экзамену в начальный класс рисования художественного отделения для поступления на правах вольного посетителя. В тех же документах в 1909 г. он ученик архитектурного отделения, науки окончил в 1909—1910 гг., училище — 30.04.1912 г. (РГАЛИ, Ф.680. УЖВЗ. Оп.2. Д.1846).

8. Материалы этого следственного дела послужили основанием для реабилитации Александра Румянцева (заключение Генеральной Прокуратуры РФ от 20.11.1992 г.).

НЕКРОПОЛЬ КРЕСТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

***М.С. Морозова**, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Калужский Крестовский монастырь относится к числу несохранившихся памятников архитектуры начала XIX в. Крестовская церковь, построенная в 1830 г. по инициативе отставного полковника Павла Сергеевича Чебышева, и другие постройки — богадельня, колокольня, каменная ограда с готическими башенками — были разобраны в начале XX в. Кладбище, образовавшееся при Крестовской церкви с первых лет её существования, к настоящему времени полностью утрачено.

Цель данного сообщения — подвести некоторые итоги работы по выявлению фамилий калужан, погребенных на кладбище Крестовского монастыря[1].

История Крестовского монастыря получила освещение как в дореволюционной, так и в советской краеведческой литературе. В труде отца Леонида (Льва Кавелина) «Историческое описание Калужского Лаврентьего монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома и принадлежащего к оному Крестовской церкви»[2], рассказывается о возникновении церкви на месте часовни, содержится описание как внешнего состояния монастыря, так и внутреннего убранства церкви, двух надгробий, находящихся на кладбище при Крестовской церкви. К 80-м годам XIX в. в монастыре, как отмечает иеромонах Леонид, насчитывалось более 30 памятников разного сорта и формы на могилах почтеннейших из калужских граждан и других ее обывателей[3]. О Крестовском монастыре упоминает в своем «Путеводителе…» Д.И. Малинин[4], используя сведения, приведенные в труде Л. Кавелина. Он сообщает, что «на памятниках Золоторевых начертаны любопытные стихи». Заметим, что в ходе исследования не было обнаружено ни одного Золоторёва, захороненного при Крестовской церкви. Отец Леонид в упомянутой работе писал, что усыпальница Золоторевых находилась в Лаврентьевом монастыре. В путеводителе по Калуге Г.М. Морозовой, изданном в 1993 г.[5], сообщается об улице Крестовское поле, рассказывается о некоторых выдающихся людях, погребенных на кладбище Крестовского монастыря.

Как видим, сведения о захоронениях при Крестовском монастыре, содержащиеся в краеведческой литературе, очень скудны. Для установления лиц, похороненных на кладбище этого монастыря, мы обратились к докуметам по истории Крестовской церкови, существовавшей с 30-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в., хранящимся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО). Просматривались, в основном, метрические книги и личные дела, отложившиеся в фондах №№33, 66, 225, 853. В ГАКО сохранилось более 150 дел, содержащих метрические книги церквей города Калуги за этот период. Изучались метрические книги всех церквей г. Калуги, т.к. книги Крестовского монастыря» сохранились лишь за 1912—1917 г.г. На основании выявленных сведений удалось составить список, захороненных при Крестовской церкви (см. приложение)

Кладбище при Крестовском монастыре, подобно некрополю Лаврентьева монастыря, было привилегированным. В книге Льва Кавелина читаем: «У стен храма, кроме западной стороны, погребаются покойные, по желанию из дворян и купцов, с платою за место от 25 до 50 рублей»[6]. Этот факт подтверждает и составленный мной список, включающий около 200 фамилий людей, захороненных при Крестовской церкви до 1917 г. Установлено, что при Крестовском монастыре были захоронены почетные горожане г. Калуги: Т.И. Акрепин, Я.С. Унковский, Е.Н. Харитонова, Билибины, Мышковы, Кожевниковы, Чистоклетовы, а также Почетный гражданин г. Вязьмы Иван Иванович Гайдуков.

Среди известных фамилий, захороненных на кладбище при Крестовском монастыре значатся также: Миркович Александр Яковлевич (1792—1888) — генерал-майор, участник войны 1812 г., Нелединский-Мелецкий (Гавриил) Сергей Юрьевич (1795—19.01.1869) — отставной капитан гвардии; потомственные дворяне: Кашкины, В.В. Кричевский, А.Н. Цуриков и др.; княжны О.С. и Н.С. Горчаковы, А.П. Победоносцев — брат обер-прокурора Святейшего Синода.

Некрополь Крестовского монастыря был сравнительно невелик, но его захоронения заслуживают уважения потомков. В каждом из нас должна, как говорил А.С.Пушкин, сохраниться «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Примечания

1. Выражаю благодарность за помощь, оказанную в процессе работы над темой: Л.В. Калашниковой, Ю.В.Сухотскому, В.П. Токаревой, А.С. Днепровскому, В.С. Зеленову, Л.И. Потаповой, В.В. Беляевой, Е.В. Качановой.

2. Леонид, иеромонах. Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Калуга, 1888.

3. Там же. С.86.

4. Малинин Д.И. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.70—71.

5. Морозова Г.М. Прогулки по старой Калуге. Калуга, 1993.

6. Там же. С. 86.

Приложение

Список захороненных при Крестовской церкви [по данным метричических книг г. Калуги за 1830—1917 гг., хранящихся в ГАКО (Ф.33. Оп.4.)]

1. Абрамов Иван Абрамович(1859—08.03.1909)—крестьянин М-ского уезда Бородинской волости деревни Ершова. (Метрич. кн. Алексеевской церкви за 1909 г.[1] // Д.540. Л.85).
2. Адамович Мария Гавриловна(1827—03.02.1904)—вдова коллежского асессора. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.534. Л.891).
3. Акрепин Тимофей Ильич(1809—28.11.1855)—почетный гражданин, калужский купец. (Метрич. кн. Богоявленской церкви // Д.191. Л.193).
4. Алгурьева Наталья Сергеевна(1788—28.03.1862)— вдова чиновника 2-го ранга. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.213. Л.355).
5. Алексеев Павел Алексеевич (1812—04.09.1856) — капитан пехотного полка, Его императорского высочества Великого князя Егорского. (Метрич. кн. Мироносицкой церкви // Д.195. Л.245.)[2].
6. Алонкин Василий Павлович (1819—16.07.1855) — городовой врач, коллежский асессор. (Метрич. кн. Богоявленской церкви // Д.191. Л.192).
7. Антюшин Павел Алексеевич (1837—03.01.1904) — тамбовский 2-й гильдии купец. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.534. Л.821).
8. Апрянина Евгения Дмитриевна (1836—23.06.1864) — жена начальника жандармской команды, поручика Сергея Александровича Апрянина. (Метрич. кн. Предтеченской церкви //Д.225. Л.776).
9. Барикова Елизавета Александровна (1839—05.08.1868) — жена отставного капитана. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.254. Л.468).
10. Барсова Мария Ильинична (1841—22.10.1909) — жена коллежского советника Барсова Ивана Александровича. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.539. Л.782).
11. Беккер Василий Федорович (1830—4.02.1900) — дворянин, коллежский секретарь (лютеранского вероисповедания). (Метрич. кн. Знаменской церкви // Д.304. Л.392).
12. Беккер Мария Яковлевна (1814—04.01.1894) — вдова статского советника. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.545. Л.288).
13. Бердникова Любовь Андреевна (1833—19.10.1913) — калужская мещанка. (Метрич. кн. Георгиевской за лавками церкви //Д.545. Л.288).
14. Билибин Павел Иванович (1803—18.05.1875) — почетный потомственный гражданин г. Калуги. (Метрич. кн. Богоявленской церкви // Д.279. Л.616).
15. Билибина Елизавета Андреевна (1805—15.01.1859) — почетная гражданка г. Калуги, купчиха. (Метрич. кн. Богоявленской, что в Старом Остроге церкви // Д.204. Л.303).
16. Билибина Анна Николаевна (1860—11.08.1916) — дочь потомственного почетного гражданина. (Метрич. кн. Спасозаверхской церкви // Д.552. Л.521).
17. Блистанов Николай Федорович (1822—27.01.1881) — калужский 2-й гильдии купец[3].
18. Блистанова Анна Павловна (1842—02.11.1875) — жена калужского 2-й гильдии купца. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.279. Л.739).
19. Блистанова Зинаида Егоровна (1862—08.09.1888) — жена калужского купца С.Н.Блистанова. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.291. Л.122).
20. Брадке Павел Иванович (1810—18.01.1855) — полковник, служащий палаты Государственных имуществ. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.191. Л.42).
21. Брадке Мария Александровна (1815—21.08.1898) — вдова Действительного статского советника. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.302. Л.234).
22. Брезжинская Мария Степановна (1803—29.11.1881) — полковница. (Метрич. кн. Калужского женского монастыря // Д.285. Л.813).
23. Будаева Анисия Ивановна (1841—06.09.1896) — купеческая сестра (Рязанская губерния Зарайский уезд). (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.300. Л.295).
24. Бутчик Павел Тимофеевич (1832—06.02.1892) — действительный статский советник. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.296. Л.99)[4].
25. Бухрин Владимир Алексеевич (?—07.01.1850) — губернский стряпчий, коллежский асессор. (Метрич. кн. Георгиевской церкви //Д.153. Л.390).
26. Былим-Колосовская Мария Алексеевна (1833—19.01.1890) — вдова капитан-лейтенанта флота. (Метрич. кн. Георгиевской что за лавками церкви // Д.294. Л.376).
27. Быховяц Тамара Васильевна(1893—29.04.1902) — дочь, отроковица дворянина Василия Степановича Быховяц. (Метрич.кн. Одигитриевской церкви // Д.532. Л.163).
28. Вавилова Дарья Федоровна (1821—17.04.1846) — жена успенского пономаря Григория Вавилова. (Метрич. кн. Успенской церкви // Д.116. Л.437а).
29. Варооластьева Мария Ивановна (1785—05.01.1860) — жена губернского секретаря. (Метрич. кн. Васильевской церкви // Д.209. Л.601).
30. Васильева Елизавета Косьминична (1825—11.05.1912) — дворянка. (Метрич. кн. Воскресенской церкви //Д.544. Л.252).
31. Великосельская Серафима Александровна (1875—14.05.1902) — жена инженер-механика Константина Васильевича Великосельского. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.531. Л.120).
32. Витман Георгий Николаевич (01.1903—08.03.1903) — сын коллежского регистратора Николая Николаевича Витмана. (Метрич. кн. Спасослободской церкви // Д.533. Л.1072).
33. Волненко Семен Иванович(1784—27.12.1845) — служащий Казенной палаты, калужский асессор. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д. 113. Л. 97).
34. Воцкая София Константиновна (1852—25.02.1853) — дочь калужского полицмейстера, штаб-

35 Зак. 1971

ротмистра Константина Михайловича Воцкого. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.178. Л.212.)

35. Вышнякова Павлина Ивановна (1816—23.02.1903) — вдова коллежского советника. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.545. Л.288).

36. Вышегородский Фома Миронович (1785—17.03.1875) — отставной архивариус калужской Духовной консистории, титулярный советник. (Метрич. кн. Никитской церкви //Д.279).

37. Гайдуков Иван Иванович (1818—29.12.1845) — почетный гражданин г. Вязьмы. (Метрич. кн. Георгиевской на Воробьевке церкви // Д.113. Л.381).

38. Горчакова Наталья Сергеевна (1826—19.08.1903) — княжна. (Метрич. кн. Воскресенской церкви // Д.533. Л.375).

39. Горчакова Ольга Сергеевна (1828—13.12.1910) — княжна. (Метрич. кн. Воскресенской церкви // Д.540. Л.241.)

40. Грубакова Ольга Гавриловна (1833—20.2.1879) — жена калужского купца Грубакова Василия Ивановича. (Метрич.кн. Покровской церкви // Д.282. Л.683).

41. Гурьев Александр Николаевич (1824—27.02.1888) — отставной капитан. (Метрич. кн. Троицкого собора // Д.291. Л.12).

42. Данилевский Александр Федорович (1832—09.03.1890) — отставной майор. (Метрич. кн. Георгиевской,что за верхом церкви // Д.294. Л.337).

43. Демидов Николай Иванович (1813—14.10.1897) — лекарь, коллежский асессор. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.301. Л.168).

44. Джунковский Александр Афанасьевич (1834—16.07.1879) — отставной майор (Богородицкого села, Перемышльского уезда). (Там же. Д.282. Л.813).

45. Дмитриева Наталья(1764—09.02.1867) — калужская мещанка. (Метрич. кн. Покровской, что на рву церкви //Д.199. Л.330).

46. Дубасов Михаил Васильевич (1829/1834—20.12.1879) — отставной майор. (Метрич. кн. Архангельской церкви/Лаврентьевского монастыря[5] // Д.282. Л.101,814).

47. Еремьева Татьяна Васильевна (1831—1903) — жена мещанина г. Богородска Московской губернии Ивана Егоровича Еремьева. (Метрич. кн. церкви Алексея Митрополита // Д.533. Л.116).

48. Жастьева Афанасия Ивановна (1841—11.07.1909) — жена потомственного дворянина Николая Николаевича Жастьева. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.539. Л.780).

49. Жидкова Мария Николаевна (1873—01.07.1879) — дочь-младенец коллежского асессора Николая Павловича Жидкова. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.282. Л.581).

50. Заборовская Анна Яковлевна (1798—27.03.1883) — вдова штабс-ротмистра. (Метрич. кн. Мироносицкой церкви // Д.287. Л.420).

51. Загарин Иван Яковлевич (1817—28.02.1889) — дворянин Лихвинского уезда. (Метрич.кн. Косьмодемьянской церкви // Д.287. Л.204).

52. Заколяев Адриан Ильич (1911—24.05.1912) — сын городского судьи 1-го участка г. Калуги, коллежского асессора Ильи Дмитриевича Заколяева. (Метрич. кн. Одигитриевкой церкви // Д.543. Л.270).

53. Иванова Праскева Степановна (1784—21.06.1870) — титулярная советница. (Метрич. кн. Крестовской, что на Воробьевке церкви // Д.270. Л.413).

54. Иванова Любовь Тимофеевна (1844—24.10.1909) — калужская мещанская девица. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.539. Л.656).

55. Иевлев Василий Полекарпович (1801—28.02.1854) — кавалер, статский советник, управляющий калужской провиантской комиссии военного ведомства. (Метрич. кн. Успенской церкви // Д. 185. Л. 361).

56. Иевякова Глихерия Яковлевна (1897—05.01.1864) — калужская мещанская девица. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.225. Л.773).

57. Измайлова Екатерина Ивановна (1811—26.04.1890) — вдова полковника Лавра Тимофеевича Измайлова. (Метрич.кн. Богоявленской церкви // Д.294. Л.206).

58. Ильина Агрипина Павловна (1819—11.10.1887) — дочь титулярного советника из дворян. (Метрич.кн. Георгиевской, что за Лавками церкви // Д.290. Л.148).

59. Ильина Анна Матвеевна (1800/1799—13/16.07.1879) — вдова титулярного советника. (Метрич. кн. Георгиевской, что за Лавками церкви/Лаврентьвского монастыря [6] // Д.282. Л.360).

60. Карасев Василий Иванович (1771—16.12.1860) — калужский мещанин. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.209. Л.98).

61. Карнечев Иван Дмитриевич (1856—03.11.1916) — действительный статский советник. (Метрич. кн. Николо-Казинской церкви // Д.552. Л.286).

62. Карпов Ефим Николаевич (1820—12.04.1855) — отставной гвардии-прапорщик. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.191. Л.44).

63. Карпова Наталья Богдановна (1781—04.03.1859) — дворянка. (Метрич. кн. Крестовоздвиженской церкви, что на Воробьевке церкви // Д.204. Л.477).

64. Карпов Георгий Дмитриевич (1843—04.06.1875) — дворянин. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.279. Л.89).

65. Каспарицкая Пелагея Ивановна (1814—08.12.1892) — мещанка Курской губернии. (Метрич. кн. Воскресенской церкви // Д.296. Л.555).

66. Кашкин Сергей Сергеевич (1835—1892) — потомственный дворянин, прапорщик в отставке. (Метрич. кн. Иоанно-Предтеченской церкви // Д.296. Л.815).

67. Кашкин Сергей Николаевич (?—19.05.1879) — сын помещика Козельского уезда Николая Сергеевича Кашкина сын-младенец (2 недели.) (Метрич. кн. Лаврентьевского монастыря // Д.282. Л.882).

68. Кеймъ Елизавета Львовна (1817—30.07.1887) — вдова провизора. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.290. Л.118).

69. Кирпичников Илья Николаевич(1848—23.09.1899) — калужский мещанин. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.303. Л.631).

70. Кожевникова Александра Михайловна (1860-28.01.1916) — калужская купеческая дочь. (Метрич. кн. Мироносицкой церкви // Д.552. Л.206).

71. Кожевников Николай Михайлович (1859—09.04.1915) — потомственный почетный гражданин. (Метрич.кн. Мироносицкой церкви // Д.550. Л.136).

72. Кожевников Митрофан Михайлович (1851—18.12.1914) — потомственный почетный гражданин. (Метрич. кн. Мироносицкой церкви // Д.548. Л.83).

73. Кожевникова Анна Михайловна (1858—24.02.1891) — потомственная почетная гражданка. (Метрич. кн. Троицкого Собора // Д.295. Л.5).

74. Кожевникова Антонина Федоровна (1881—1889) — дочь-девица (8 лет 9 мес.) потомственного почетного гражданина, великолукского купца Федора Петровича Кожевникова. (Метрич. кн.

Архангельской церкви // Д.292. Л.248).

75. Колотилова София Евсигнтьевна (1810—19.07.1890) — вдова титулярного советника. (Метрич. кн. Крестовоздвиженской, что на Воробьевке церкви // Д.294. Л.358).

76. Кояндер Евдокия (1818—04.09.1878) — дворянка. (Метрич. кн. Лаврентьева монастыря // Д.281. Л.96.)

77. Кричевский Владимир Владимирович(1855—05.12.1912) — дворянин. (Метрич. кн. Николослободской церкви // Д.543. Л.235).

78. Крюкова Пелагея Прохоровна (1832—23.02.1908) — потомственная дворянка. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.538. Л.130).

79. Крюкова Мария Прохоровна (1820—20.06.1908) — потомственная дворянка. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.538. Л.138).

80. Куприянова Ольга Владимировна (1897—02.04.1910) — дочь председателя калужского окружного суда, Статского советника Владимира Яковлевича Куприянова. (Метрич. кн. Николослободской церкви // Д.540. Л.760).

81. Лаврова Праскева Алексеевна (1799—8.12.1845) — жена генерал-майора строительного отряда путей сообщения Стефана Егоровича Лаврова. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.92. Л.366; Д.113. Л.549).

82. Лазарева Евдокия Ивановна (1837—09.08.1856) — дочь надворного советника Ивана Иосифовича Лазарева. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.195. Л.82).

83. Лебедев Федор Гавриилович (1818—27.07.1854) — служащий в Московской палате городского суда, губернский секретарь. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.185. Л.40-41).

84. Лебедев Неофит Гавриилович (1820—04.07.1854) — титулярный советник, секретарь Калужской палаты гражданского суда. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.185. Л.40).

85. Леонтьева Александра Павловна (1825—03.03.1879) — вдова статского советника. (Метрич. кн. Лавреньевского монастыря // Д.282. Л.882).

86. Лескова Анна Аркадьевна (1843—13.06.1902) — потомственная дворянка. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.532. Л.233).

87. Логинова Евдокия Андреевна (1816—13.08.1848) — жена калужского купца Александра Владимировича Логинова. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.135. Л.657).

88. Лопатин Федор Григорьевич (1899—20.01.1861) — статский советник и кавалер. (Метрич. кн. Крестовоздвиженская, что на Воробьевке, церкви // Д.213. Л.107).

89. Лопатина Мария Сергеевна (1876—01.01.1902) — жена потомственного дворянина, технолога Михаила Григорьевича Лопатина. (Метрич. кн. Крестовоздвиженской, что на Воробьевке церкви // Д.531. Л.212).

90. Лучшев Анатолий Эпинетович (1850—16.02.1909) — коллежский советник. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.539. Л.779)[7].

91. Лядова Елизавета Андреевна (1831—24.05.1913) — купеческая вдова. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.543. Л.246).

92. Мансткова Евдокия Егоровна (03.1879—01.08.1879) — дочь-младенец калужского мещанина Егора Максимовича Мансткова. (Метрич. кн. Георгиевской, что за Лавками церкви // Д.282. Л.360).

93. Медведева Александра Вуколовна (1817—13.05.1890) — калужская мещанка. (Метрич. кн. Предтеченской церкви //Д.294. Л.675).

94. Местергази Михаил Каземирович (1848—11.12.1910) — отставной генерал-майор. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.540. Л.633).

95. Местергази Ольга Михайловна (1886—26.05.1903) — дочь командира 5-й батареи 3-й артиллерийской бригады Михаила Каземировича Местергази. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.533. Л.617).

96. Миллер Дмитрий Андреевич (1861—26.03.1917) — статский советник. (Метрич. кн. Хлюстинской Александро-Невской церкви // Д.554).

97. Миркович Александр Яковлевич (1792—1888) — отставной генерал-майор, участник войны 1812 года[8].

98. Мияель Егор Егорович (1820—19.08.1893) — генерал-лейтенант. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.297. Л.659).

99. Молчанова Александра Абрамовна (1824—30.05.1893) — вдова губернского секретаря Феодосия Васильевича Молчанова. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.297. Л.656).

100. Морозов Стефан Николаевич (1850—03.05.1912) — протоиерей калужской Воскресенской церкви. (Метрич. кн. Воскресенской церкви // Д.544. Л.252).

101. Мышков Иван Александрович (1816—01.06.1885) — почетный гражданин. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.289. Л.870).

102. Мышкова Елизавета Петровна (1825—11.06.1885) — жена Ивана Александровича Мышкова. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.289. Л.870).

103. Нагибин Сергей Александрович (1894—12.02.1904) — сын коллежского советника Александра Александровича Нагибина. (Метрич. кн. Крестовоздвиженской церкви, что на Воробьевке // Д.534. Л.242).

104. Назаревский Константин Иванович (1833—09.12.1901) — потомственный дворянин, статский советник. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.305. Л.498).

105. Нелединский—Мелецкий (Гавриил) Сергей Юрьевич (1795—19.01.1869) — отставной капитан гвардии. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.262. Л.739).

106. Нелединская—Мелецкая Мария Сергеевна (1814—20.03.1875) — вдова капитана гвардии С.Ю.Нелединского-Мелецкого. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.279. Л.189).

107. Немцов Андрей Федорович (1797—21.04.1856) — калужский купец. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.62. Л.334).

108. Николаев Николай Николаевич (1810—22.04.1863) — бывший штатный смотритель Мещовского народного уездного училища, коллежский асессор. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.202. Л.250).

109. Павлова Елена Николаевна (1879—05.01.1880) — дочь-младенец титулярного советника Николая Александровича Павлова. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.283. Л.558).

110. Павлова Ольга Трофимовна (1815—03.02.1869) — надворная советница. (Метрич. кн. Крестовоздвиженской церкви на Воробьевке // Д.262. Л.456).

111. Перекамен Павел Андреевич (1814—08.04.1862) — калужский купеческий сын. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.217. Л.106).

112. Перехалина Акия Андреевна (1817—21.10.1865) — калужская купеческая вдова. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.234. Л.248).

113. Петрова Елизавета Григорьевна (1821—14.05.1890) — калужская мещанка. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.294. Л.675).

114. Петровская Прасковья Акдреевна (1777—07.11.1855) — жена церковнослужителя Петропавловской церкви г. Тулы. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.191. Л.47).

115. Победоносцев Александр Петрович (1809—04.06.1890) — статский советник. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.294. Л.248)[9].
116. Разумовская Мария Григорьевна (1885—10.10.1889) — дочь Григория Александровича Разумовского. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.292. Л.250).
117. Разумовская Елизавета Григорьевна (1888—28.04.1895) — дочь Г.А. Разумовского. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.299. Л.255).
118. Разумовская Ирина Ивановна (1810—16.02.1896) — жена священника из села Сушево Боровского уезда. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.300. Л.316).
119. О'Ренди Юлий Федорович (1825—25.04.1850) — чиновник 12-го класса (католического вероисповедания.) (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.153. Л.116).
120. Ридман Николай Адольфович (1829—04.04.1916) — тайный советник. (Д.551. Л.311).
121. Рыбакова Елена Ивановна (03.1903—02.10.1903) — дочь-младенец калужского купца Ивана Ивановича Рыбакова. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.533. Л.800).
122. Роговицкий Рафесиль Иванович (1850—23.01.1917) — надворный советник в отставке. (Метрич. кн. Крестовского монастыря // Д.554).
123. Салери Иван Григорьевич (1801—10.02.1887) — отставной генерал-майор. (Д.290. Л.130)[10].
124. Сегедий Дмитрий Иванович (1832—29.08.1886) — статский советник. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.289а. Л.552).
125. Секретарева Екатерина Александровна (1871—18.05.1907) — жена надворного советника. (Метрич. кн. Знаменской церкви // Д.537. Л.451).
126. Селиваев Дмитрий Дмитриевич (1824—21.08.1860) — капитан артиллерийской бригады. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.209. Л.96).
127. Сидорова Екатерина Семеновна (1857—13.08.1909) — жена калужского мещанина Ивана Сидорова.(Метрич. кн. Алексеевской церкви // Д.539. Л.83).
128. Сосипатрова Олимпиада (1807—05.01.1848) — мещанская дочь. (Метрич. кн. Троицкой церкви, что в Ямской слободе // Д.135. Л.618; Д.82. Л.328).
129. Саханский Николай Иванович (1844—24.11.1900) — генерал-майор, командир 3-й артиллерийской бригады. (Метрич.кн. церкви Иоанна Предтечи // Д.304. Л.723).
130. Станкевич Лидия Вячеславовна (1862—28.10.1884) — дочь отставного поручика гвардии, члена калужского областного суда Станкевича Вячеслава Ивановича. (Метрич. кн. Георгиевской церкви, что за верхом // Д.288. Л.103).
131. Станкевич Мария Вячеславовна (1865—21.0141868) — дочь В.И. Станкевича. (Метрич. кн. Георгиевской церкви, что за верхом // Д.288. Л.243).
132. Строльман Наталья Николаевна (?—26.04.1850) — коллежская советница, вдова. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.153. Л.345).
133. Томанская Елена Алексеевна (1790—05.10.1857) — статская советница, вдова. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.199. Л.299).
134. Толстой Кирилл Ильич (06.1914—01.02.1915) — сын-младенец графа Ильи Львовича Толстого. (Метрич. кн. Георгиевской церкви, что за верхом // Д.549. Л.281).
135. Торубарова Александра Петровна (1826—18.02.1879) — купеческая дочь (г. Малоархангельск Орловской губернии). (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.282. Л.578, 882).
136. Тюнин Гавриил Гавриилович (1839—15.11.1904) — московский мещанин Садовой набережной слободы. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.534. Л.647).
137. Тюнина Екатерина Гавриловна (1826—1909) — московская мещанка, девица. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.539. Л.622).
138. Тюнина Александра Павловна (1838—07.12.1914) — московская мещанка, девица. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.547. Л.170).
139. Унковский Яков Семенович (?—10.11.1898) — действительный статский советник. (Метрич. кн. Георгиевской за верхом церкви // Д.302. Л.32).
140. Успенский Иоанн Иоаннович (1848—07.05.1916) — псаломщик в сане дьякона градокалужской Успенской церкви. (Метрич. кн. Успенской церкви // Д.552. Л.583).
141. Успенская Любовь Ивановна(1851—26.10.1905) — жена Иоанна Иоанновича Успенского. (Метрич. кн. Успенской церкви // Д.538. Л.1027).
142. Фастева Александра Кузьминична (1834—03.10.1902) — калужская купеческая вдова. (Метрич. кн. Георгиевской за лавками церкви // Д.531. Л.299).
143. Флеров Михаил Яковлевич (1790—29.12.1852) — статский советник. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.173. Л.57).
144. Функе Мария Степановна (1841—19.03.1893) — вдова надворного советника. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.297. Л.796).
145. Харитонова Елизавета Николаевна (1818/1803—22/28.03.1878) — калужская почетная гражданка. (Метрич. кн. Архангельской церкви / Благовещенской церкови[11] // Д.281. Л.95, 123).
146. Харлампович Иосиф Иванович (1824—04.03.1882) — коллежский советник[12].
147. Харлампович Елизавета Александровна (1837/1839—17.04.1878) — жена калужского фельдшера Харлампович И.И. (Метрич. кн. Лаврентьевского монастыря / Благовещенской церкви[13] // Д.281. Л.95, 125).
148. Хитрово Николай Николаевич (07.1864—15.04.1865) — сын-младенец почтмейстера калужской почтовой конторы, Статского советника Хитрово Николая Александровича. (Метрич. кн. Покровской церкви // Д.234. Л.220).
149. Ховатов Иван Васильевич (1833—22.10.1879) — чиновник Калужского Окружного суда, коллежский секретарь. (Д.282).
150. Цуриков Александр Николаевич (1823—14.04.1896) — потомственный дворянин, статский советник. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.300. Л.525)[14].
151. Цурикова Ольга Павловна (1822—09.01.1905) — вдова статского советника. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.535. Л.776).
152. Ченцов Александр Андреевич (1826—06.09.1890) — калужский купец. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.294. Л.89).
153. Ченцов Николай Андреевич (1838—15.02.1900) — купец. (Метрич. кн. Троицкого собора // Д.304. Л.20.)
154. Чернова Елена Макаровна (1846—18.03.1848) — дочь отставного капитана Макара Осиповича Чернова. (Метрич. кн. Одигитриевской церкви // Д.96. Л.279).
155. Чернышев Иван Сергеевич (1808—01.02.1875) — отставной штабс-капитан. (Метрич. кн. Георгиевской церкви // Д.279. Л.58).

156. Чернышева Мавра Сергеевна (1822—12.06.1875) — дочь гвардии поручика Чернышева. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.279. Л.826).
157. Чистоклетов Григорий Григорьевич (1858—26.01.1909) — потомственный почетный гражданин. (Метрич. кн. Никитской церкови // Д.539. Л.761).
158. Чистоклетов Николай Григорьевич (1859—12.03.1868) — сын почетного гражданина Г.Г. Чистоклетова. (Метрич. кн. Георгиевская, что за верхом церкви // Д.208. Л.251).
159. Чистоклетова Ольга Николаевна (1867—12.06.1867) — дочь-младенец Николая Алексеевича Чистоклетова. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.248. Л.525).
160. Чистоклетова Елизавета Николаевна (1870) — дочь-младенец Николая Алексеевича Чистоклетова. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.270. Л.428).
161. Чистоклетова Александра Стефановна (1819/1807—28.11.1877) — калужская купеческая дочь. (Метрич. кн. Лаврентьевского монастыря / Ильинской церкви[15] // Д.280. Л.106, 397).
162. Чистоклетов Сергей Николаевич (1856—12.04.1867) — сын Николая Алексеевича Чистоклетова. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.248. Л.524).
163. Чистоклетова Феодосия Ивановна (1836—27.04.1907) — потомственная почетная гражданка. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.537. Л.469).
164. Чистоклетов Алексей Андреевич (1792—16.02.1859) — потомственный почетный гражданин. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.204. Л.525).
165. Чистоклетов Илья Алексеевич (1833—05.08.1857) — калужский почетный гражданин. (Метрич. кн. Покрова на рву церкви // Д.199. Л.332).
166. Чистоклетов Григорий Андреевич (1811—11.02.1896) — потомственный почетный гражданин. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.300. Л.25).
167. Чистяков Александр Васильевич (1839—27.11.1903) — духовник калужской духовной семинарии, протоиерей. (Метрич. кн. Воскресенской церкви // Д.533. Л.377).
168. Чистяков Николай Васильевич (1847—17.11.1900) — коллежский советник. (Метрич. кн. Спасослободской церкви // Д.304. Л.46).
169. Шарутин Иван Васильевич (1831—12.11.1907) — калужский купец. (Метрич. кн. Благовещенская церкви // Д.537. Л.143).
170. Шарутин Сергей Иванович (1872—1906) — купеческий сын. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.536. Л.136).
171. Шестаковская Анна Васильевна (1838—02.05.1900) — вдова калужского мещанина. (Метрич. кн. Архангельской церкви // Д.304. Л.598).
172. Шигорин Александр Константинович (1880—02.04.1886) — сын члена калужского окружного суда, коллежского секретаря Константина Николаевича Шигорина. (Метрич. кн. Никитской церкви // Д.289а. Л.931).
173. Шотин Алексей Александрович (1845—14.05.1870) — дворянин. (Метрич. кн. Георгиевской за верхом церкви // Д.270. Л.394).
174. Шрамен Александра Родионовна (1799—22.11.1884) — вдова генерал-лейтенанта. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.288. Л.379).
175. Щеглов Федор Никифорович (1812—26.02.1891) — действительный статский советник. (Метрич. кн. Благовещенской церкви // Д.295. Л.324).
176. Щеглова Мария Константиновна (1828—02.12.1904) — бывшая дворовая из крестьян Тверской губернии. (Д.534. Л.648).
177. Щербачева Мария Михайловна (1889—28.07.1915) — жена капитана 10-го Новоингерманландского полка Владимира Сергеевича Щербачева. (Метрич. кн. Крестовского / Лаврентьевского монастыря // Д.550. Л.489).
178. Щучкина Агрипена Алексеевна (1799—29.16.1857) — калужская купеческая жена. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.199. Л.230).
179. Щучкин Козьма Яковлевич (1786—25.10.1882) — потомственный почетный гражданин. (Метрич. кн. Мироносецкой церкви // Д.286).
180. Юркевич Праксева Николаевна (1860—18.12.1862) — дочь действительного статского советника Николая Ильича Юркевича. (Метрич. кн. Предтеченской церкви // Д.217. Л.110).
181. Яковлев Александр Иванович (1801—19.01.1865) — отставной поручик. (Метрич. кн. Косьмодемьянской церкви // Д.235).
182. Яковлева Анна Ефимовна (1803—27.12.1868) — вдова поручика. (Метрич. кн. Ильинской церкви // Д.254. Л.469).
183. Якушев Сергей Петрович (1906—18.08.1910) — крестьянский сын (Тульская губерния Алексинский уезд Алешинская волость с. Алешня). (Метрич. кн. Александро-Невской церкви // Д.540. Л.417).
184. Яновский Александр Николаевич (1878—29.03.1912) — коллежский секретарь. (Метрич. кн. Крестовского монастыря // Д.543. Л.504).
185. Ярошевская Доминика Ивановна (1840—20.02.1902) — жена священника (Подольская губерния). (Метрич. кн. Михаило-Архангельской церкви // Д.531. Л.90).

Примечания к списку

1. Далее год книги не указывается, т.к. он совпадает с годом смерти человека, о котором в ней сделана запись.
2. Так в документе. Вероятно, имеется в виду Егерский Его императорского высочества Великого князя Михаила Николаевича полк (сформирован 9 июня 1724 г. как Ширванский мушкетерский полк, с 4 ноября 1819 г. — Казанский пехотный, с 28 января 1833 г. — Казанский егерский, с 26 августа 1839 г. — Егерский Е.И.В.В.К. Михаила Павловича, с 19 сентября 1849 г. — Егерский Е.И.В.В.К. Михаила Николаевича). Переименован 17 апреля 1856 г. в Пехотный Е.И.В.В.К. Михаила Николаевича (с 25 марта 1864 г. — 64-й пехотный Казанский Е.И.В.В.К. Михаила Николаевича).
3. Некролог // КГВ. 1881. №13.Неоф.ч.
4. Некролог // КГВ. 1892. №27.Неоф. ч.
5. Запись содержится в двух метрических книгах: в метрической книге Архангельской церкви записано, что умершему было 50 лет, а в книге Лаврентьевского монастыря — 45 лет.
6. Запись содержится в двух метрических книгах: в метрической книге Георгиевской церкви записано, что умершей было 79 лет и умерла она 13 июля, а в книге Лаврентьевского монастыря — 80 лет, дата смерти — 16 июля.
7. Некролог // КГВ. 1909. 19 фев. Неоф. ч.
8. Некролог // КГВ. 1888. №49—50
9. Некролог // КГВ. 1890. №44. Неоф. ч.
10. Некролог // КГВ. 1887. №19. Неоф. ч.
11. Запись содержится в двух метрических книгах разных церквей, данные не совпадают.

12. Некролог // КГВ. 1882. №27.
13. Запись содержится в двух метрических книгах разных церквей, данные не совпадают.
14. Некролог // КГВ. 1896. 18 апр. Неоф. ч.
15. Запись содержится в двух метрических книгах разных церквей, данные не совпадают.

КАЛУЖСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ДВОРЯН ЧЕБЫШЕВЫХ: СЕЛО СУББОТНИКИ КОЗЕЛЬСКОГО УЕЗДА

***Р.М. Джаббаров**, Институт социальных отношений Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского*

Во все времена и у всех народов места захоронения почитались священными. Ушедшие через надгробные знаки обращаются к живущим, напоминая о своем времени, его идеалах, о своей жизни, а подчас и смерти. Поэтому сохранение и изучение этих священных мест уже давно признано одной из важных социально-исторических задач. Особое место среди разных видов захоронений занимают некрополи. На сегодняшний день этот термин обозначает как кладбище, на котором похоронены знаменитые люди, так и свод сведений о захоронениях их на большой территории[1].

Первое определение предполагает охрану отечественного некрополя как историко-культурного комплексного объекта, как составляющую национальной культуры. Порядок содержания мест захоронения — это свидетельство духовно-нравственного состояния общества живущих. В данном контексте охрана и приведение в достойное состояние сохранившейся после неоднократных разорений XX в. части Калужского некрополя — проблема большой социальной значимости.

Второе определение ставит задачу составления банка данных по отечественному некрополю. В этом направлении в Калужской области делаются только первые шаги. Если в дореволюционной историографии можно встретить краткие описания монастырских некрополей, то в советское время вопросу изучения захоронений вообще не уделялось должного внимания. Так, среди более 30 сборников научных трудов «Материалов Свода памятников истории и культуры РСФСР», содержащих сведения о памятниках истории, архитектуры, археологии и искусства, находящихся под государственной охраной или подлежащих охране, в выпуске «Калужская область» приведено только 18 могил[2]. До сегодняшнего дня абсолютно неизученными остаются сельские захоронения при приходских церквях, подавляющая часть которых уже стерта с лица земли.

История рода дворян Чебышевых, наиболее ярким представителем которого является знаменитый математик Пафнутий Львович Чебышев, корнями всех четырех ветвей связана с калужским краем. Ведущий свою историю со второй половины XV в., сам по себе и в пересечении с родами Аксаковых, Бибиковых, Волконских, Гончаровых, Кречетниковых, Штеров и др., этот род дал истории целую плеяду замечательных личностей верой и правдой из века в век служивших России[3]. Кроме пиетета Культурной Памяти изучение некрополя рода Чебышевых позволяет уточнить хронологическую, генеалогическую и историческую информацию, а также сохранить надгробные памятники.

Калужский некрополь дворян Чебышевых определяется в первую очередь совокупностью сельских захоронений. Наиболее широко известны захоронения представителей II-й ветви Чебышевых в церкви Спаса Преображения в селе Спас на Прогнани Боровского уезда, где покоится прах одного из величайших представителей мировой математической науки — П.Л. Чебышева и его ближайших родственников[4]. Не менее важное место в Калужском некрополе занимает село Субботники Козельского уезда, ставшей усыпальницей представителей IV-й ветви рода Чебышевых, изучению которой и посвящена данная работа.

В Калужской губернии родовым имением Чебышевых ветви IVа было сельцо Аладино, располагавшееся в 1,5 км от села Субботники, а родовое имение представителей ветви IVб — деревня Нетесова, находившаяся в 2 км от села и состоявшая в приходе церкви[5]. В селе Субботники Козельского уезда был «Храм каменный» во Имя Чудотворца Николая с приделом во Имя Божьей Матери всех Скорбящих Радости. Построен храм в 1802 г. помещиками Василием Дмитриевичем Камыниным и Андрее Федоровичем Чебышевым[6]. Проект придела был одобрен Строительным отделением Калужского губернского правления 3 апреля 1870 г. Сохранился чертеж фасада церкви[7]. Согласно отчетной документации под церковью и кладбищем было 0,5 га земли.

В ограде Николаевской церкви села Субботники располагался фамильный склеп Чебышевых. Бывшие прихожане церкви и старожилы села вспоминали, что «склеп находился под землей. Наземная его часть была оформлена в виде пирамидального надгробия с очень красивыми вкроплениями из золотой крупки и камешков» (М.П. Буряков, 1923 г. р.). «Склеп находился в ограде церкви с восточной стороны. … церковь закрылась… в октябре 1937 г.» (М.А. Хохлова).

«Жители Субботников и окрестных сел растащили здание церкви на кирпичи». (А.Е. Дубинкина). «На месте храма в 1971 г. громоздились развалины: плиты, камни» (Е.А. Ермакова). «В 1973 г. в 9 часов утра скрепер, который разравнивал развалины, колесами провалился в склеп. После того, как его вытащили, я заглянул в провал …. увидел …. арку свода плотной кирпичной кладки, а сам склеп был наполовину засыпан камнями» (А.М. Афонин).

Волею судеб моя семья стала хранителем некрополя IV-й ветви дворян Чебышевых. При строительстве нашего дома в Субботинках мой отец — Джаббаров Махир Джаббарович и моя мать Ольга Матвеевна (урожденная Бурякова, жительница села) — в 1984 г. через дорогу от кладбища нашли две плиты: С1 и С2. Плита С3 была найдена в кустах, в земле, слева от входа на кладбище (см. приложение 1). На этом месте в 2002 г. из надгробных плит моей семьей был сооружен символический мемориал — знак памяти похороненным на земле Субботников представителям семьи Чебышевых, к которому приезжают поклониться потомки этого рода и все, кому дорога память об этой знаменитой в истории России фамилии.

Для определения местоположения склепа Чебышевых использовались воспоминания свидетеля разрушения склепа А.Н. Афонина. Он указал, где при строительстве нашего дома столкнулись с остатками старой кладки. Пробную электроразведку методом ВЭЗ (Вертикальное электрическое зондирование) провел геофизик «Калугагеологии» В.П. Душенко. В результате проделанной работы был сделан вывод, что большая часть склепа Чебышевых располагается под прихожей и верандой нашего дома. По мнению сотрудника Государственного исторического музея А.А. Смирнова склеп имел форму погреба. Плита С2 служила ему крышкой, С1 надгробным памятником, а С3 была вмонтирована в наружную стену храма. Этим можно объяснить дублирование на плитах надписей.

В ходе работы по изучению некрополя с. Субботники были собраны сведения о захороненных там представителях рода. Анализ опубликованной литературы показал, что, пожалуй, единственным на сегодняшний день комплексным источником по персоналиям ветви IVа дворян Чебышевых являются воспоминания Татьяны Александровны Аксаковой-Сиверс, внучки Александры Петровны Чебышевой, в замужестве Эшен[8]. Бывший директор Козельского краеведческого музея В.Н. Сорокин (1915 — 1981 гг.), познакомившись с их рукописью во время приезда в Калугу Татьяны Александровны, в 1974 г. опубликовал выборку из этих воспоминаний. Статья Сорокина вошла в первое издание Калужской энциклопедии[9]. Недостающую информацию пришлось собирать буквально по крупицам. Например, о гибели лейтенанта А.П. Штера в литературе удалось выявить лишь два фрагмента: «Утром 17 октября матрос Яков Пойлов спустился в каюту командира миноносца «Скорый» лейтенанта Штера и выстрелом из пистолета убил его»[10] и «1907 г. 29 октября. Вчера говорили, что Курош и Штер во Владивостоке во время морского бунта были убиты мятежниками. До сих пор про это не было никаких сведений»[11]. В 2001 г. был переиздан дневник А.П. Штера, содержащий богатейшие материалы к биографии героя русско-японской войны 1904—1905 гг.[12]

Для составления списка представителей рода Чебышевых, захороненных в с. Субботники, и подготовки биографических справок возникла необходимость выявления архивных источников. В фонде В.Н. Сорокина в Козельском краеведческом музее были обнаружены фотографии вице-адмирала П.А.Чебышева и лейтенанта А.П. Штера. В Российском государственном архиве Военно-Морского флота были выявлены послужной список А.П. Штера и краткий список о службе П.А. Чебышева[13]. Работа в Государственном архиве Калужской области с метрическими книгами (ф.50) проводилась с целью выявления: «Когда кто родился и крещен и кто были восприемники», «Кто когда именно и с кем браком сочетался…», «Которого месяца и числа и колики лета кто умре где погребен» из прихожан Николаевской церкви в селе Субботники. Кроме того, изучалась информация исповедных ведомостей Николаевской церкви села Субботники (ф.33) для определения круга проживавших (т.е. бывших на исповеди) в имении лиц и локализации даты смерти Афанасия Андреевича Чебышева. О последнем Т.А. Аксакова-Сиверс писала, что «сам Чебышев, подверженный припадкам безумия» был виновен в поджоге дома в имении Аладино. Его жену — едва успели спасти, как она родила сына. Друг семьи и сосед — князь А.П. Оболенский отвез А.А. Чебышева в Калугу в Хлюстинское больничное заведение, где последний и умер[14].

Таким образом, в ходе изучения Калужского некрополя Чебышевых путем анализа опубликованных и архивных источников, литературы, опроса местных жителей и исследования материальных памятников удалось реконструировать комплекс захоронений представителей этого рода в с. Субботники (см. приложение 2), который к середине XX в. был практически полностью уничтожен.

Примечания

1. Московский некрополь. М., 1991. С.8.
2. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР Калужская область. М., 1978.
3. Лопатин Н.В., Бессонов В.А., Заурдина С.Я. История рода Чебышевых. Калуга, 2004. С.30.
4. Там же. С.58, 60; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР Калужская область … С.104, 105.
5. Лопатин Н.В., Бессонов В.А., Заурдина С.Я. Указ. соч. С.33, 35, 38, 59, 223, 225.
6. ГАКО. Ф.33. Оп 5. Д.25. Л.44.
7. Там же. Ф.62. Оп.17. Д.485. Л.3.
8. Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн.1. Один экземпляр книги был прислан в подарок калужанам из Парижа в 1989 г. и хранится в библиотеке Калужского областного краеведческого музея.
9. Калужская энциклопедия. Калуга, 2000. С.642, 643.
10. Корабли — герои: Сборник. М., 1976. С.101.
11. Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник: 1879—1912. М, 1990. С.448.
12. Штер А.П. На крейсере "Новик". Спб., 2001.
13. РГАВМФ. Ф.417. Оп.4. Д.4949. Л.5—8, 10об., 11, 12—14; Оп.5. Д.2396. Л.7-8. Биографии вице-адмирала П.А. Чебышева и лейтенанта А.П. Штера см.: Джаббаров Р.М. За подвиг ваш … . Калуга, 2003.
14. Аксакова-Сиверс Т.А. Указ. соч. С.9, 10.

Приложение 1

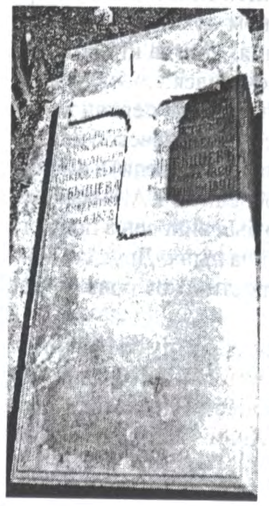
Надгробная плита С1. Стела из гранита зеленовато-сероватого цвета, на гранитном цоколе серовато-голубоватого цвета. Форма стелы: основная часть — прямоугольный параллелепипед, в основании которого квадрат. Размеры: 40х40х62 см. Верхняя часть стелы составлена из двух усеченных пирамид. Нижняя с вогнутыми боковыми гранями имеет: ребро верхнего основания — 30 см, нижнего — 40 см, высота — 15 см. Верхняя пирамида с выпуклыми боковыми гранями имеет: ребро верхнего основания — 18 см, нижнего — 30 см, высота — 23 см. Высота стелы — 100 см. Лицевая поверхность основной части стелы: крест 2х4 см и надпись в 10 строк. Ф. — 3 см, И.О. — 2,5 см, дата — 2 см. Промежутки между строк — 4 см. Текст надписи: «Мария Афанасьевна/ Чебышева/ 1816 — 1853 г./ Александра Николаевна/ Чебышева/ 1789—1858 г./ Адмирал/ Петр Афанасьевич/ Чебышев/ 1820—1891 г.». Остальные грани чистые. Боковые ребра скошены фасками на расстоянии 19 см от нижнего основания и 12 см от верхнего основания. Ширина фасок — 3 см.

Цокольная часть стелы — монолит состоящий из прямоугольного параллелепипеда: 57х53х22 см и усеченной четырехугольной пирамиды: верхнее основание — 40х40 см, нижнее — 58х53 см, высота — 7 см.

Надгробная плита С.2. Черная мраморная плита в форме усеченной пирамиды, лежащей на боковой грани, верхнее основание — 69х22 см, боковые ребра примерно 73, 74, 83, 82 см. Нижняя часть плиты отколота. Криволинейное нижнее основание примерно 63х18 см.

Лицевая поверхность. В верхней части волнообразно горизонтально с двумя опущенными вниз концами выбита орденская лента. Посередине ее помещен георгиевский крест. Кнотуры изображения белого цвета. Высота — 20 см. Рисунок занимает часть ширины плиты и длины. Остальные части: вырезано белым поле, а текст черный выпуклый разделен черной выпуклой чертой пополам. Каждая половина содержит 8 строк (Предположительно, т.к. нижняя часть плиты отколота). Ф. — 6 см, первая буква 7 см, И.О. — 5 см, первая буква — 5,5 см, дата — 3,5 см. В левой половине: «Александра Николаевна/ Чебышева/ рожден: Кожина/ 1789 — 1858./ Дочь ея/ Мария Афанасьевна/ [Чебышева]». В правой: «Вице — Адмирал/ Петръ Афанасьевич/ Чебышевъ/ 1820 — 1891./ Лейтенант флота/ Андрей Петрович/ Штеръ». Остальные грани чистые. Отколота нижняя часть плиты.

Надгробная плита С.3. Плита из вестника в форме у сеченой пирамиды, лежащей на боковой грани, верхняя грань 69х16 см, боковые ребра — 158 см.

Лицевая часть. По периметру в Фоме рамки сняты две фаски. В центре рельеф креста 55х83 см. Ширина вертикальной части примерно 15 см, горизонтальной примерно 15 см. Верхняя часть креста отстоит от верхней стороны лицевой части на 10 см. Под горизонтальной планкой креста две надписи вырезаны четко по сторонам вертикальной планки. Высота строк: Ф — 4 см, первая буква — 4,5 см; ИО — 3 см, первая буква 3,5 см; дата — 3 см. Слева от вертикальной планки: «Дочь сенатора/ Кожина/ Александра/ Николаевна/ Чебышева/ 24 Января 1789/ 4 Июня 1858». Справа: «Вице — Адмирал/ Петръ/ Афанасьевичъ/ Чебышевъ/ Марта 1820/ 29 Января 1891». Остальные грани чистые.

Список представителей рода Чебышевых, погребенных на кладбище при церкви во имя Николая Чудотворца в с. Субботники Козельского уезда*

I С-цо Аладино

1 Кожина Екатерина Петровна (1769 — 29.01. 1842) [ГАКО. Ф.50. Оп.11. Д.3].
2 Чебышева (урожд. Кожина) Александра Николаевна (24.01.1789 — 4.06.1858).
3 Чебышев Афанасий Андреевич (09.10.1777 — 1826/27).
4 Чебышев Алексей Андреевич (1780 — 1800/03).
5 Чебышев Василий Андреевич (1781 — 29.01.1804) [ГАКО. Ф.50. Оп.2. Д.22].
6 Чебышева Анна Афанасьевна (1807/09 — 1893).
7 Чебышев Михаил Афанасьевич (1812 — до 1821).
8 Чебышев Павел Афанасьевич (1815 — 1815/21).
9 Чебышева Мария Афанасьевна (1816 — 1853).
10 Чебышева Софья Афанасьевна (1817 — после 1826).
11 Чебышева Евдокия Афанасьевна (1.03.1819 — после 1865).
12 Чебышев Петр Афанасьевич (1.03.1820 — 29.01.1891).
13 Чебышев Павел Афанасьевич (29.06.1821 — после 1826).
14 Чебышев Павел Афанасьевич (5.06.1822 — ?).
15 Чебышев Константин Афанасьевич (27.04.1825 — ?).
16 Штер Андрей Петрович (7.10.1878 — 17.10.1907).
17 Чебышев Николай Николаевич (29.11.1841 — 1853).

II Д. Нетесово

18 Чебышев Алексей Петрович (? — 1768/83).
19 Чебышев Михаил Лаврентьевич (? — 1784/98).
20 Чебышев Иван Алексеевич (? — после 1789).
21 Чебышева Анна Леонтьевна (? — после 1803).
22 Чебышев Василий Михайлович (? — до 1805).
23 Чебышев Лев Иванович (1784/86 — после1847).
24 Чебышева Пелагея Александровна (1791 — после 1837).
25 Чебышева Елена Ивановна (1789 — 10.05.1804) [ГАКО. Ф.50. Оп.2. Д.22].
26 Чебышев Александра Львовна (1812 — ?).
27 Чебышев Иван Львович (29.08.1820 — после 1834).
28 Чебышев Федор Львович (1821 — ?).
29 Чебышев Прасковья Львовна (19.10.1822 — после 1847).
30 Чебышев Василий Львович (12.07.1824 — ?).
31 Чебышев Петр Львович (14.08.1826 — ?).
32 Чебышев Павел Львович (22.06.1828 — ?).
33 Чебышев Алексей Львович (19.01.1832 — после 1847).
34 Чебышев Митрофан Львович (02.02.1833 — после 1900).
35 Чебышева Ольга Тимофеевна (? — после 1878).
36 Чебышев Николай Львович (24.04.1834 — после 1869).
37 Чебышев Александр Львович (16.04.1836 — после 1847).

МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЕ УСАДЬБЫ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

***Е.А. Назарян**, к.и.н., Калужский филиал Московской финансово-юридической академии*

История малоярославецких земель до сих пор хранит много загадок и тайн, целый ряд моментов неизучен и ждет своих исследователей. Например, о жизни малоярославецких дворян нам известно крайне мало. Даже в большой и прекрасно иллюстрированной книге «Малоярославец. История и современность», вышедшей к 600-летию города, ни о дворянах, ни о дворянских усадьбах практически не упоминается. Такое невнимание к теме сохраняется с советских времен, когда в изучении истории применялся классовый подход, и о дворянах, как о классовом противнике, предпочитали говорить либо плохо, либо никак. И если в целом в Калужской области идет изучение старинных дворянских усадеб, их восстановление и мемориализация, то в Малоярославецком районе в течение последних десяти лет изучаются только две усадьбы — Панское и Дубровка.

Настоящее сообщение имеет целью привлечение внимания и к другим усадьбам, которые располагались в Малоярославецком уезде, пусть даже плохо сохранившимся или не сохранившимся вовсе. А также к владельцам этих усадеб — малоярославецким дворянам, которые были не только храбрыми воинами, но и заботливыми хозяевами. О том далеком времени удалось по крупицам собрать скромные сведения, которые и предоставляются на ваш суд.

Для решения поставленных задач был использован комплекс источников, хранящихся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО). Это ревизские сказки по Малоярославецкому

* Список составлен с учетом сохранившихся надгробных плит и на основании имеющихся записей об отпевании и погребении по сохранившимся метрическим книгам церкви с. Субботники (архивные дела указаны в скобках). Курсивом выделены фамилии Чебышевых, о захоронении которых на родовом кладбище в с. Субботниках можно предполагать на основе архивные данные о проживании в имении накануне смерти и свидетельств Т.А. Аксаковой-Сиверс.

уезду[1], списки помещиков Калужской губернии[2], сведения о землевладельцах Малоярославецкого уезда[3], сведения о крупнейших имениях Калужской губернии[4], формулярные списки уездных предводителей и депутатов дворянства[5], формулярные списки о службе чиновников[6], уставные грамоты[7], метрические книги[8], а также «Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства» под ред. Н. Булычова[9], «Описания и алфавиты к Калужскому атласу»[10] и другие источники и литература.

Как известно, в 1762 г. Петр III подписал знаменитый манифест о вольности дворянства: дворяне получили право нигде не служить и, соответственно, свободно распоряжаться своим временем. Многие представители благородного сословия, особенно самые богатые из них, тут же оставили службу, чтобы заняться благоустройством своих имений, усадебное строительство приобрело небывалый размах. Екатерина II эту волю своего свергнутого супруга не оспорила, и ее эпоха стала «золотым веком» русской усадьбы. Строились усадьбы и в Малоярославецком уезде. По данным материалов генерального межевания их насчитывалось около ста.

Генеральное межевание проводилось в последней трети XVIII в. для того, чтобы закрепить границы землевладений. На планах межевания, составленных землемерами, были впервые обозначены границы так называемых «дач» — населенных пунктов и пустошей. В «экономические примечания» к планам на каждую «дачу» вносили сведения о владельцах и различные данные экономико-географического характера.

Усадьба в Марьино. В 2,5 км от города Малоярославца располагается с. Маклино. В начале XVIII в. это село носило иное название — «Марьино Архангельское тож». Оно принадлежало древнему русскому дворянскому роду Лопухиных. Во время Генерального межевания владелицей села была «Анна Ивановна Лопухина, вдова полковника. В селе была каменная церковь»[11]. Храм был построен в честь Михаила Архангела. Возможно, в то же время была построена колокольня. Из «Дела об отмежевании земли владения полковницы А.И. Лопухиной» мы узнаем, что в 1780-х гг. в усадьбе был построен усадебный дом и разбит парк[12].

Судя по планировке парка, который частично сохранился, он был заложен в последней трети XVIII в., т.к. именно в то время была очень модной «регулярная» планировка, а в конце XVIII — начале XIX вв. в моду входит «пейзажная» планировка, и все парки закладываются по этому принципу. Возраст сохранившихся в Маклино деревьев также указывает на последнюю треть XVIII в.[13]

Сейчас планировка регулярного парка, естественно, утрачена. Проследить можно лишь главную аллею. Вместо прямых, словно расчерченных по линейке, боковых дорог проходят стихийные тропинки.

В конце 1780-х гг. имение перешло генерал-майору Николаю Ефимовичу Мясоедову. «За ним в селе Марьине 139 душ». Также было известно, что он постоянно проживает в Москве. А в Малоярославецком уезде на 1794 г. за ним всего числилось 288 душ[14].

В 1818 г. имение, по-видимому, переходит к чиновнику 8-го класса Николаю Александровичу Зорину[15]. О нем практически ничего не известно, кроме того, что его отец — Александр Степанович — жил в Малоярославце и служил одно время секретарем Малоярославецкого земского суда. Каким образом именье перешло к его сыну, выяснить не удалось.

В 1820-х гг. владельцем села был полковник и кавалер Иван Николаевич Вепрейский[16]. Сведений о нем также крайне мало. Известно, что он участвовал в Бородинском сражении в чине капитана 1-й артиллерийской бригады[17]. В 1823 — 1830 гг. был предводителем дворянства Малоярославецкого уезда[18].

В 1847 г. у церкви, стоявшей рядом с усадьбой, была перестроена колокольня. Это произошло по заказу подполковника Александра Юрьевича Поливанова, которому, вероятно, принадлежала усадьба в тот период[19]. На протяжении второй половины XIX в. Марьином владела Екатерина Никаноровна Адамс[20]. Очевидно, при ней около парка было построено несколько небольших жилых и служебных зданий. Но парк никто из сменявших друг друга владельцев не перестраивал.

После Малоярославецкого сражения 12 (24) октября 1812 г. на погосте церкви были захоронены русские воины. Братская могила сохранялась вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В ГАКО был обнаружен отчет малоярославецкого пристава о состоянии могилы в 1911 г.: «В селе Марьино Марьинской волости в церковной ограде… небольшой холм земли, на котором поставлен деревянный крест с надписью, что «в данном месте погребены русские воины, павшие в битву с французами». Крест временами исправляется тщанием крестьян с. Марьино»[21].

После революции 1917 г. усадьба была национализирована, храм закрыт и переоборудован для хозяйственных целей. В 1950 г. в нем была устроена металлообрабатывающая мастерская[22]. Впоследствии был утрачен главный усадебный дом и другие первоначальные постройки

усадьбы. Земли перешли в пользование колхоза «Большевик», была произведена жилая застройка. Еще в 1923 г. село было переименовано. К бывшему зданию храма с двух сторон пристроены двухэтажные постройки. Могила русских воинов, павших под Малоярославцем в 1812 г., также утрачена. Только старые двухсотлетние дубы и липы напоминают об усадебном парке и разоренном дворянском гнезде.

Усадьба в Игнатьевском. В конце XVIII — первой трети XIX вв. сельцо Игнатьевское принадлежало дворянам Нееловым. Прасковья Петровна Неелова, владевшая имением в начале 1770-х гг., а, возможно, ее предшественники во 2-й трети XVIII в. построили первую усадьбу[23], которая определила место будущего усадебного комплекса и в какой-то степени его планировку. В 1794 г. сельцом владел «майор Федор Иванович Неелов, 36 лет, за ним в сельце Игнатьевском 116 душ, в деревне Чиркиной 19», проживал в сельце Игнатьевском[24]. От Ф.И. Неелова сельцо перешло примерно в 1830-х гг. к поручику Владимиру Николаевичу Ланскому[25].

Фамилия Ланских в Малоярославецком уезде прослеживается с 1715 г. Именно тогда среди совладельцев деревни Самсоновой появляется московский дворянин Артемий Иванович Ланской, купивший половину сельца у своего тезки помещика Дурново. Эта «дача» на протяжении целого столетия оставалось в руках прямых потомков Ланского[26].

В 1830-х гг. участник Отечественной войны 1812 г. Владимир Николаевич Ланской становится новым владельцем с. Игнатьевского, и именно он построил усадебный комплекс, частично сохранявшийся до середины 1990-х гг. В.Н. Ланской родился в 1796 г., учился в дворянском пансионе в Калуге (в то время пансион иногда называли кадетским). Когда началась Отечественная война 1812 г., Ланскому было всего 16 лет, но он, как и большинство его сокурсников, записался в Калужское ополчение. В рядах ополчения участвовал в осаде Данцига. При Данциге был в составе инженерных войск и храбро сражался вплоть до сдачи города. 1 февраля 1813 г. В.Н. Ланской был произведен в прапорщики, в 1815 г. — зачислен в Серпуховский Уланский полк корнетом. В отставку вышел по домашним обстоятельствам в чине поручика в 1817 г.[27]

После отставки Владимир Николаевич поселился на своей родине — в Малоярославце. Женился, стал отцом многочисленного семейства, летом вся семья отправлялась в Игнатьевское, а зимой возвращались в Малоярославец. В городе Ланские жили в доме на Дворянской улице. Дом не сохранился, но его изображение можно увидеть на старых фотографиях Малоярославца 1912 г. Это угловой деревянный дом на пересечении современных улиц Ленина и Почтовой, снесенный в начале 1980-х гг. Сейчас на этом месте располагается также жилой дом.

Владимир Николаевич Ланской, хотя и оставил военную службу, но служил по дворянским выборам: неоднократно избирался малоярославецкими дворянами депутатом в Калужское дворянское собрание и был судьей уездного суда[28].

После смерти Владимира Николаевича Игнатьевское унаследовали его вдова Агафья Ильинична и их дети: Владимир, Алексей, Петр, Павел, Николай, Надежда и малолетние Елена и Сергей[29]. Владимир Николаевич мог гордиться своими детьми: одна из дочерей — Надежда — стала известной писательницей Яковлевой-Ланской, сын Алексей — надворным советником и в 1883 — 1890 гг. — малоярославецким уездным предводителем дворянства, Владимир дослужился до генерал-майора[30]. Сведения о судьбе других детей Владимира Ланского на сегодняшний день не обнаружены. Эта тема требует дальнейшего изучения.

До 1880-х гг. наследники Владимира Николаевича владели имением, а затем, вероятно, продали его Николаю и Елене Константиновне Дурново. Дурново оставались хозяевами усадьбы и в начале XX в. Они подсаживали парк и, возможно, немного обновили главный дом. К этому времени в южной части комплекса находился плодовый сад, в западной располагались парники. В северной части напротив флигеля стояла пекарня. От дома вниз по склону можно было спуститься к пруду и мельнице на его плотине[31]. Последним владельцем усадьбы, по воспоминаниям старожилов, был помещик Лосев. Усадьба давно заброшена, исчезли почти все усадебные постройки.

Малоярославецкие усадьбы гибнут и уносят в небытие бесценное прошлое, дух ушедшей эпохи, пленительное очарование особого мира «дворянского гнезда».

Примечания

1 ГАКО. Ф.86. Оп.3. Д.109, 110; 358.
2. Там же. Ф.66. Оп.1. Д.720.
3. Там же. Ф.53. Оп.2. Д.94.
4. Там же. Ф.32. Оп.9. Д.264.
5. Там же. Ф.32. Оп.19. Д.1338.
6. Там же. Ф.32. Оп.19. Д.1270.
7. Там же. Ф.30. Оп.1. Д.30; Ф.159, Оп.2., Д.1776.
8. Малоярославецкий районный архив. Ф.260. Оп.1. Д.9.
9. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г., и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. / Издал Н. Булычов. Калуга, 1908.
10. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. I. Описание города Малоярославца и его уезда СПб., 1782.

11. Там же С.27.
12. ГАКО. Ф.159. Оп.2 Д.1776. Л.1.
13. Там же. Ф.Р-875. Оп.7. Д.22. Л.34.
14. Там же. Ф.260. Оп.1. Д.13. Л.346.
15. Там же. Ф.Р-875. Оп.7. Д.22. Л.34.
16. Там же.
17. Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002. С.227.
18. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу... С.LI—LII.
19. ГАКО. Ф.Р-875. Оп.7. Д.22. Л.34.
20. Там же. Ф.53. Оп.2. Д.94.Л.2.
21. Там же. Ф.788. Оп.1. Д.1194. Л.10об.
22. Там же. Ф.Р-875. Оп.7. Д.22. Л.34.
23. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. I... С.37.
24. ГАКО. Ф.260. Оп.1. Д.13. Л.347.
25. Там же. Ф.30. Оп.1. Д.30. Л.2, 6.
26. Обнинск: История города и края с древнейших времен до наших дней. Обнинск, 2001. С.51.
27. ГАКО. Ф.32. Оп.2. Д.1338. Л.14об.—15.
28. Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу...
29. ГАКО. Ф.Р-875. Оп.7. Д.20. Л.96.
30. Малоярославецкий районный архив. Ф.260. Оп.1. Д.9. Л.258.
31. ГАКО. Ф.Р-875. Оп.7. Д.20. Л.96.

«МАЛАЯ ВОЙНА» В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1812 г. НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

***В.А. Бессонов**, к.и.н., Калужский областной краеведческий музей,*
***М.А. Добычина**, Государственный архив Калужской области,*
***В.А. Иванов**, к.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

В ходе Отечественной войны 1812 г. «малая война» как форма противоборства неприятельским войскам, развернулась на широком пространстве в тылу и на флангах наполеоновской армии. На главном направлении она ознаменовала собой переходный этап войны 1812 г., когда основные силы противоборствующих сторон прекратили ведение боевых действий, французский император Наполеон в ожидании мира расположился в Москве, а главнокомандующий русскими армиями М.И. Кутузов занял выжидательную позицию в Тарутинском лагере.

В исторической литературе тема «малой войны» не получила должного освещения. Традиционно в историографии 1812 г. рассматривались лишь народная и партизанская война. При этом содержание каждой из них исследователями трактовалось по-разному. Авторы под партизанской войной понимают боевые действия армейских отрядов на коммуникации и в тылу противника, а под народной войной — деятельность формирований, составленных из мирного населения, направленных на защиту территорий, находящихся в прифронтовой (нейтральной) зоне[1].

«Малая война» в период Отечественной войны помимо главного театра военных действий проходила и на флангах. Так, командующий отдельным корпусом на Санкт-Петербургском направлении П.Х. Витгенштейн в рапорте Кутузову от 11 сентября 1812 г.[2] сообщал, что ведет «с неприятелем только маленькую войну, делая довольно удачные экспедиции»[3]. «Малая война», развернувшаяся у югу от Москвы, достигла своего апогея после вступления 21 сентября 1812 г. русской армии в Тарутинский лагерь. Об ее особенностях и характерных для калужского региона чертах пойдет речь в данной статье.

Термин «малая война» (*petite guerre* — франц.) получил широкое распространение в XVIII — XIX вв. для обозначения мероприятий направленных на охранение собственных войск и действий небольшими по численности отрядами против сил противника. Последние задачи решались и в партизанской войне, поэтому эти термины нередко употреблялись как синонимы. В начале XX в. под «малой войной» понимали исключительно партизанские действия[4]. Именно так характеризовал «малую войну» Ф.Н. Глинка, автор «Писем русского офицера», опубликованных в 1815 г. Касаясь тарутинского периода, он писал: «Около сего времени возникла другого рода война, полезная для нас и гибельная для неприятеля. Здесь говорится о малой войне или действиях наездников. Эти наездники (партизаны), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь, вдруг с разных сторон, или пересекать черту сообщений»[5].

Вместе с тем, данное объяснение не отражает содержания и всех особенностей «малой войны», развернувшейся в период Отечественной войны на центральном направлении. Так, Кутузов о своих планах 20 сентября 1812 г. писал, сообщая Витгенштейну: «Поелику осеннее

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 05-01-59131а/Ц).

время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля»[6]. Еще более полную характеристику «малой войны» дал английский представитель при русской армии бригадный генерал Р.-Т. Вильсон в письме к императору Александру I от 21 сентября (3 октября). Он указал, что «...казацкие подкрепления и толпы ополчения и крестьян могут и будут (если сохраняться принятые ныне намерения) действовать на его (Наполеона — авторы) сообщениях и, доведя его до крайности, принудят к действиям до подхода подкреплений. Ведение сей *petite guerre* и неусыпное наблюдение за главною частью армии должны, без сомнения, доставить успех, но, в то же время, надобно не допускать никакого послабления в приуготовлениях к войне трудной и продолжительной»[7]. Как видно, главнокомандующий и находившейся при Главной квартире английский генерал «малую войну» понимали гораздо шире партизанской. Исходя из этого и принимая во внимание общий ход боевых действий в этот период, можно говорить, что в 1812 г. на главном театре военных действий «малая война» велась не только партиями армейских партизан, чьи действия были направлены на коммуникационную линию и фланги противника, но и различными по своему составу силами, прикрывавшими незанятые неприятелем территории. В составе последних были как регулярные и иррегулярные части, так и отряды ополчения и самообороны, составленные из мирных жителей. Именно в этом контексте следует рассматривать «малую войну» 1812 г., объединившую в себе элементы партизанской и народной войны, которая с особой силой развернулась на главном направлении. Таким образом, можно предложить следующую дефиницию. «Малая война» — это особая форма ведения боевых действий различными по организации и составу формированиями вблизи коммуникационной линии противника против его отрядов и партий с целью дезорганизации снабжения армии, нарушения нормального функционирования коммуникаций и противодействия расширению зоны неприятельского влияния на флангах.

Немаловажное место в ходе «малой войны» играла Калужская губерния. Тем не менее, данная тема на сегодняшний день не стала предметом научного рассмотрения. В работах, освещающих события войны 1812 г. в Калужской губернии содержатся лишь фрагментарные сведения о деятельности разных по численности и назначению отрядов и партий в пределах губернии[8]. Составленное учителем губернской гимназии Г.К. Зельницким еще в 1815 г. краткое описание деятельности кордонов (отрядов самообороны), было заимствовано его последователями почти без изменений и дополнений. В книге Н.И. Булычова приведены завышенные (почти в два раза) данные о потерях неприятеля по уездам. Важным шагом в изучении войны 1812 г. стала предпринятая В.И. Ассоновым в 1912 г. публикация архивных документов, среди которых были и материалы, относящиеся к данной теме. Однако, встречающиеся в книге пропуски и ошибки в передаче содержания источников, указании дат и исходящих номеров снижают ценность работы и требуют от исследователя при использовании опубликованных в ней документов проводить проверку приводимых фактов.

Обращаясь к рассмотрению темы «малая война» следует напомнить, что в августе — октябре 1812 г. Калужская губерния и переданные под управление калужского гражданского губернатора уезды Смоленской губернии (Юхновский, Ельнинский и Рославльский) стали местом борьбы с отрядами неприятельских фуражиров и партиями мародеров, стремившихся распространить свою разорительную деятельность в южном — стратегически важном направлении, где находились продовольственные базы русской армии, Тульский оружейный завод и Брянский арсенал.

Основными участниками «малой войны» на калужской земле являлись кордоны, охранительные казачьи отряды, части Калужского ополчения, партизанские партии и регулярные войска.

Организация калужских кордонов происходила по инициативе калужского гражданского губернатора П.Н. Каверина, чей вклад в победу над противником до сегодняшнего дня не получил объективной оценки. Создание кордонов началось с получения в Калуге в июле 1812 г. воззвания императора Александра I к Москве и манифеста о созыве ополчения. Калужский губернатор предложил предводителям дворянства установить при всех больших дорогах со стороны Смоленской губернии специальную стражу с целью не допустить в губернию разного рода бродяг, сеющих панику, и организовать охрану городов. Дальнейшее усиление охраны границ губернии произошло после появления 3 августа в Калуге «Пригласительного объявления» М.Б. Барклая де Толли к обывателям Псковской, Смоленской и Калужской губерний[9]. 7 августа

губернатор предписал способствовать вооружению жителей всех состояний для защиты от неприятельских солдат и русских мародеров. Особенные меры принимались в пограничных со Смоленской губернией уездах: Жиздринском, Мосальском, Мещовском и Медынском, в которых, под предводительством избранных из дворян начальников кордонов, организовывались отряды самообороны для защиты калужских рубежей. С появлением неприятеля в Калужской губернии подобные отряды возникли в Боровском и Малоярославецком уездах[10]. Таким образом, на калужской земле народная война инициировалась губернской гражданской администрацией и велась под ее непосредственным руководством. Аналогично калужскому, «поголовное ополчение» было организованно в Юхновском уезде Смоленской губернии, который с начала августа находился под управлением Каверина.

Кордоны, созданные первоначально для поддержания внутреннего порядка в губернии, с 20-х чисел августа вошли в прямое столкновение с неприятельскими мародерами и фуражирами. Для поддержки кордонов, не способных противостоять крупным партиям неприятелей, были направлены части Калужского ополчения (3-й и 4-й пешие полки, 3-й батальон 5-го пешего полка и егерский батальон) и казачий отряд под командованием полковника А.И. Быхалова 1-го, состоявший из донских полков его имени и войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-го. Кроме того, в селе Знаменском Юхновского уезда располагался прикрывавший дорогу из Вязьмы на Калугу отряд майора Н.А. Тимирова 1-го (Тептярский и 1-й Бугский казачьи полки), который состоял в подчинении командующего войсками в Калужской губернии генерала В.Ф. Шепелева[11]. В Юхнове имел свою базу и знаменитый партизан Д.В. Давыдов, действовавший преимущественно на коммуникации противника в Гжатском уезде Смоленской губернии.

К моменту вступления русских войск в Тарутинский лагерь созданная в Калужской губернии система обороны надежно прикрывала от разорительной деятельности неприятельских партий северо-западные уезды. На границе были выставлены пикеты кордонной стражи, которые поддерживались отрядами самообороны под командованием кордонных начальников, дворян и чиновников. Цепь кордонов усиливали 10 батальонов Калужского ополчения и казачьи полки, почти равномерно распределенные на главных направлениях. На Новой Калужской дороге, в Боровске, действовал егерский батальон с регулярными войсками и донскими казаками Комиссарова. Дорогу на Верею в Медынском уезде прикрывал батальон 3-го пешего полка под начальством майора В.В. Спафарьева и казаки Быхалова. В Юхнове, где сходились дороги из Вязьмы и Гжатска, находился другой батальон 3-го полка. Два батальона стояли в резерве, в Мосальске прикрывая уездный город. На дороге из Ельни располагался батальон 4-го пешего полка. Северо-восточнее от него стоял другой батальон, прикрывавший границу Мосальского уезда и поддерживающий связь с частями 3-го пешего полка. В резерве, в селе Спасском, находились два батальона 4-го полка. Южнее, на границе Мосальского и Жиздринского уезда, в селе Песоченский Завод стоял 3-й батальон 5-го полка. Тесное взаимодействие этих формирований обеспечило надежную защиту прикрываемых территорий от неприятельских партий. В случае, если кордонная стража была не в состоянии справиться с противником самостоятельно, ей на помощь приходили мобильные отряды казаков или части ополчения. Тем самым защитники Калужской губернии всегда имели возможность создать перевес в силах и разгромить любую по численности и составу партию.

В конце сентября борьба с неприятелем была перенесена не территорию пограничных уездов Смоленской и Московской губерний. В ней активное участие приняли кордонные отряды Мосальского и Медынского уездов, две роты ополчения и казачий полк Быхалова. Последний не только боролся с неприятельскими партиями в близи калужской границы, но и совершил 11 октября партизанский рейд на коммуникацию противника, напав на Колоцкий монастырь. В этот период, помимо уничтожения противника, проводилось усмирение вышедших из повиновения крестьян, которые вместе с неприятельскими мародерами разоряли помещичьи усадьбы. Особый размах это явление имело в Ельнинском уезде Смоленской губернии.

Защищавшие границу войска на случай надобности были обеспечены серьезным резервом в губернском городе, где было сконцентрировано 11 батальонов ополчения (по четыре батальона 1-го и 2-го и три батальона 5-го полка) и почти 2 тысячи регулярных войск. Эти части, а также три казачьих полка (Тептярский, донские полки войскового старшины Андриянова 3-го и полковника Андриянова 1-го) были использованы для восстановления порядка в Рославльском и Ельнинском уездах Смоленской губернии и прикрытии от возможного нападения противника Брянского арсенала. Они действовали в составе «корпуса Шепелева», созданного распоряжением Кутузова от 25 сентября 1812 г.[12]

В тарутинский период уезды Калужской губернии не были оккупированы противником, так как авангард Великой армии остановился на ее границе, у реки Чернишны. Поэтому деятельность партизан, направленная исключительно на коммуникации и фланги противника,

велась в основном в подмосковных уездах. Однако, с возобновлением активной борьбы, когда Боровский, Малоярославецкий и Медынский уезды оказались в центре развернувшихся событий, действия партизан переместились в пределы Калужской губернии. Продолжая решать задачи «малой войны» в октябре на ее территории противнику противостояли партии А.Н. Сеславина и Н.Д. Кудашева, а также части «летучего отряда» И.С. Дорохова[13].

Итак, объектом исследования темы «малая война» в Калужской губернии является боевая деятельность народных отрядов самообороны (кордонов) Калужского ополчения, регулярных частей, казачьих отрядов и партизанских партий. Хронологические рамки темы охватывают период середина августа — середина октября 1812 г. Это связано с тем, что борьба с неприятельскими партиями мирного населения, отрядов ополчения и иррегулярных частей началась еще в период отступления русских армий к Москве, а завершилась после оставления Великой армии Калужской губернии и южных уездов Смоленской губернии. Таким образом, «малая война» на территории Калужской губернии охватывает больший промежуток времени, чем она велась официально, т. е. в период пребывания армии в Тарутинском лагере. Территориальные рамки темы определяются границами Калужской губернии, южных уездов Смоленской и северных уездов Московской губерний, то есть зоной боевого применения формирований, базировавшихся на калужской земле, а также сферой управления калужского губернатора, включавшей смоленские уезды. При этом в круг исследования не включаются партизанские отряды, чья деятельность распространялась далеко за пределы губернии, на коммуникации или тыл противника.

Из всего вышесказанного напрашивается следующий вывод: изучение «малой войны» в Калужской губернии направлено на решение актуальной для истории Отечественной войны 1812 г. проблемы, касающейся участия армейских и народных сил в победе над армией Наполеона, исследование которой дает возможность получить ясное и полное представление о борьбе с противником на разных этапах войны к югу от его коммуникационной линии, протянувшейся от Смоленска до Москвы.

Примечания

1. Подробнее о классификации этих понятий см.: Попов А.И. Партизаны 1812 г.// Исторические исследования: Сборник научных трудов. Самара, 2002. Вып.3. С.83—87.
2. Даты указываются по старому стилю. В случае датировки источника по новому стилю дата дается в скобках.
3. М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1954. Т.4. Ч.1. С.290.
4. Попов А.И. Малая война // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С.435.
5. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С.213.
6. М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1954. Т.4. Ч.1. С.327—328.
7. Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812—1813. СПб., 1995. С.154.
8. См. напр.: Зельницкий Г.К. Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815; Булычов Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калужское дворянское ополчение. Калуга, 1910; Ассонов В.И. В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сборник документов. Калуга, 1912.
9. ГАКО, ф.32, оп.20, д.22, л.471.
10. Подробнее см.: Бессонов В.А. Потери Великой армии в 1812 г. на пограничных кордонах Калужской губернии // От Москвы до Парижа (1812 - 1814 гг.). Малоярославец, 1998. С. 160—170; Попов А.И. Хроника действий кордонов Калужской губернии // От Тарутино до Малоярославца. Калуга, 2002. С.191—200.
11. Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Бородино, 8-10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 23—54.
12. Подробнее см.: Бессонов В.А. «Корпус» генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева в Отечественной войне 1812 г. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция. События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004.
13. Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражем. Самара, 2002. С.369—372.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 — 1856 гг. В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ*

***В.А. Бессонов**, к.и.н., Калужский областной краеведческий музей*

Тема военнопленных в последнее десятилетие привлекает к себе особое внимание исследователей. Этот интерес, в первую очередь, вызван тенденцией более пристального обращения к проблеме человека в историческом контексте, иными словами — гуманизацией истории. Одним из составляющих социально-исторической проблемы «человек и война» является проблема положения военнопленных — состояния их прав, уровня свободы, поведения в экстремальных условиях и т.д.

Среди военных конфликтов XIX в. особое место занимает Крымская война, закончившаяся поражением России и определившая новое соотношение сил в Европейской политике. Одна из проблем современного исследования Крымской войны состоит в изучении положения

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 05-01-59107а/Ц).

военнопленных противоборствующих сторон. Отражение правовых, политических и нравственных аспектов пребывания пленных на территории противника позволяет получить представление о степени ожесточенности конфликта и гуманизации общества. При этом следует особо подчеркнуть, что Крымская война была последним крупным общеевропейским конфликтом, во время которого не существовало еще единых правовых норм, регулировавших положение пленных. Именно после Крымской войны, в 1864 г., на международном форуме в Женеве, был впервые определен юридический статус военнопленных и заложена основа международной правовой регламентации их положения.

Важное значение в изучении проблемы военнопленных Крымской войны имеет рассмотрение комплекса вопросов, связанных с пребыванием в России представителей антирусской коалиции (подданные Турции, Великобритании, Франции и Сардинии). По данным Инспекторского департамента Военного министерства за всю войну было взято в плен около 15000 человек (турок: 11431 рядовой и 958 офицеров, французов: 1353 рядовых и 72 офицера, англичан: 595 рядовых и 47 офицеров, сардинцев 63 рядовых и 4 офицера)[1].

В период Крымской войны Калужская губерния была одним из тех мест, куда согласно предписаниям правительства должны были доставляться на жительство взятые в плен военнослужащие противника. 25 ноября 1853 г. Министерство внутренних дел сообщило калужскому губернатору о высочайшем повелении: пленных французов, англичан и итальянцев направлять в Калугу и Рязань[2]. В следующем году в связи с активизацией военных действий были внесены изменения в порядок размещения пленных. Согласно предписанию Министерства внутренних дел от 29 августа 1854 г. Калуга предназначалась только для жительства французских офицеров (Тамбов — для французских нижних чинов, Рязань и Воронеж — для англичан)[3]. После капитуляции 16 ноября 1855 г. крепости Карс Калужская губерния в феврале 1856 г. была назначена для размещения пленных офицеров турецкого гарнизона[4].

Первые девять военнопленных были направлены в Калугу из Одессы в декабре 1853 г. Восемь из них (6 англичан, итальянец и француз: 2 инженер-механика, служитель при машинисте — француз, 4 кочегара и боцман — итальянец) были взяты на турецком пароходе «Меджари Тиджарет» и один, английский инженер-механик Майкл Белл, — на египетском пароходе «Первас-Бахри». Однако ни один из них не достиг места назначения, так как уже в январе 1854 г. по высочайшему повелению все они получили свободу и им было разрешено беспрепятственно выехать из России[5].

До появления ограничения направлять в Калугу только французских офицеров, в августе 1854 г. в город из Кишинева был выслан подданный Пруссии слесарь Фердинанд Карл Фишер, 37-летний уроженец Бухареста. Он прибыл в Калугу 9 сентября и стал, фактически, первым пленным Крымской войны, достигшим высочайше назначенного для жизни европейцев пункта. Фишер был машинистом на австрийском пароходе «Конте-Калловрат». По его словам, он отправился поклониться Гробу Господню и на обратном пути в Европу, в Константинополе, был задержан турецким правительством и направлен в крепость Силистрию, определен к обозам действующей армии и захвачен казаками в плен. Не прожив в Калуге и месяца, Фишер, отпускавшийся как «искусный слесарь» на частные работы, 7 октября 1854 г не вернулся в отведенную ему при полиции квартиру. Он был объявлен в розыск, к 23 октября был взят в Московском уезде без письменного вида и 23 ноября возвращен в Калугу. После заключения мира Фишер был освобожден из плена и 16 мая 1856 г. покинул город, отправившись в Одессу[6].

Осенью 1854 г. в Калугу из Екатеринославской губернии должны были быть направлены два французских офицера: генерального штаба подполковник граф де Лягонди и капитан спагов Дампьер. Об этом Министерство внутренних дел сообщило 2 октября калужскому губернатору, а 27 октября 1854 г. уведомило о прибытии этих офицеров 3 октября вместо Калуги в Санкт-Петербург[7]. Подобным образом калужскому губернатору из Военного министерства 17 декабря 1854 г. было указано принять в городе французского капитана Германа, взятого в плен у Севастополя с 1 на 2 ноября. Он был по ошибке отправлен из Екатеринославля в Рязань — город, назначенный для английских офицеров, откуда его предписывалось вернуть в Калугу[8]. Однако французский капитан так и не достиг назначенного ему места.

10 октября 1854 г. главнокомандующий в Крыму А.С. Меньшиков препроводил к калужскому губернатору «взятого охотниками Севастопольского гарнизона в плен английской гвардии капитана лорда Дункеллена, сына бывшего в Санкт-Петербурге английского посланника лорда Клаприкорда»[9]. Он прибыл в Калугу 17 октября и был принят с большими почестями. В частном письме к исполнявшему обязанности военного министра А.А. Катенину калужский губернатор 24 октября сообщал, что, «зная бесконечное благодушие государя императора, принял лорда

Дункеллена по-русски, а именно, снабдил его своим платьем и бельем и предложил ему свою хлеб-соль. … Помещение отвел я лорду в гостинице, где он имеет две комнаты и, если не хочет обедать у меня, то и порядочный стол»[10]. Обхаживая именитого военнопленного, губернатор, по его словам, угадал «высочайшее государя императора желание», которое было изложено в отношении военного министра от 20 октября 1854 г. В нем предписывалось обходиться с пленным хорошо и наблюдать, чтобы он ни в чем не нуждался. 25 октября из Военного министерства была сообщена воля императора возвратить лорда в Англию. В ответ 27 октября губернатор писал, что «лорд Дункеллен принял выражение высочайшего к нему внимания с очевидным уважением и тем более, как отозвался лорд, что такой невыразимой милости он всего менее ожидал собственно для себя»[11]. Дункеллен покинул Калугу 31 октября, прожив в городе две недели, и уже 5 ноября был доставлен в Москву, откуда его путь лежал в Варшаву и далее в Англию.

13 апреля 1855 г. в Калугу прибыл очередной военнопленный. Им был капитан 1-го класса 46-го французского линейного полка, кавалер Почетного легиона Жан Фелике Марсен, который был взят в плен во время вылазки под Севастополем с 7 на 8 января 1855 г. 21 мая 1855 г. в Калугу был доставлен еще один офицер — капитан французского корвета Антуан Лизнар, взятый в плен на Черном море[12]. Однако пребывание их в Калуге было недолгим. 20 мая 1855 г. калужскому губернатору из Министерства внутренних дел было сообщено о размене французских военнопленных, для чего требовалось немедленно направить их в Одессу[13]. Это предписание было получено в Калуге 26 мая, а уже на следующий день, 27 мая оба французских офицера — Морсен и Лизнар — на почтовых лошадях в сопровождении состоявшего при губернаторе чиновника особых поручений, знающего французский язык, отбыли в Орел[14].

Тогда же, 27 мая, из Орла в Калугу прибыли три новых военнопленных: лейтенанты 1-го класса французы Арман Луи дез Еко, Луи Мари Верудар и англичанин Монтезу Кларк. Первые два, как французы, были в тот же день отправлены назад в Орел, а англичанин — к месту жительства в Рязань[15].

21 июля 1855 г. Инспекторский департамент Министерства внутренних дел сообщил губернатору о необходимости задержать в плену до особого извещения отправленного в Калугу английского инженер-поручика Джемса. В ответ губернатор предписал городским и земским полициям при появлении пленного немедленно задержать и представить его в Калугу[16]. Однако английский военнопленный так и не появился в Калужской губернии.

15 декабря 1855 г. в Калугу из Орла был доставлен французский подпоручик Жорж Каде, который изъявил желание остаться на жительстве в России. Коде служил во французской армии переводчиком 2-го класса и 2 октября добровольно явился к передовым русским войскам[17]. После подписания 18 марта 1856 г. мирного договора Каде решил вернуться во Францию, где, как ему стало известно, была объявлена амнистия за военные преступления. На это 24 мая из штаба Отдельного корпуса внутренней стражи было дано разъяснение, что мирный трактат не распространяет прощения на дезертиров. Поэтому Каде предложили письменно подтвердить свое желание вернуться на родину. Тогда французский офицер решил остаться в Росси и поступить в военную службу с чином подпоручика в один из пехотных или кавалерийских полков, находящихся в Кавказской армии. Это желание Каде 9 июня 1856 г. было передано в штаб Отдельного корпуса внутренней стражи. 8 ноября 1856 г. Министерство внутренних дел сообщило калужскому губернатору последовавшее на просьбу дезертира высочайшее повеление. Император разрешил определить Каде на службу, но не на Кавказ, а внутри России, с чином вольноопределяющегося 1-го разряда, которому для получении офицерского звания необходимо было выдержать экзамен и прослужить в унтер-офицерском звании 4 года. К этому времени, 23 октября 1856 г., Министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр об устройстве оставшихся в России дезертиров. Согласно требованиям правительства им было необходимо вступить в Российское подданство в течение года, а тех из них, кто этого сделать не пожелает, предписывалось выслать за границу. Этот циркуляр и отношение от 8 ноября об условиях принятия на службу были представлены Каде в канцелярии губернатора. В ответ 19 ноября он написал, что «остаться в России я не желаю, а покорнейше прошу сделать распоряжение об отправлении меня в Одессу». Просьба офицера-дезертира была удовлетворена, и 13 декабря 1856 г. он покинул Калугу[18].

В 1856 г. Калужская губерния стала местом размещения турецких пленных. Первым, по высочайшему повелению, прибыл 6 марта 1856 г. в Калугу плененный в Карсе Абдул Рахман паша. При нем находился в услужении взятый из числа нижних чинов турецкий военнопленный Омер Ибрагим[19]. По прибытию в Калугу к паше был назначен в качестве переводчика живший в городе под надзором полиции мулла Хасан-Хаджиев, который, как сообщал 3 апреля вице-губернатор, «находится при Рахман паше, сопровождая его даже и в общество»[20]. Для размещения паши в городе была нанята удобная квартира, несмотря на то, что по положению от 16 марта

1854 г. пленных требовалось размещать в казенных квартирах или в квартирах по отводу, т.е. без затрат казенных средств[21].

5 и 16 февраля 1856 г. Министерство внутренних дел сообщило калужскому губернатору о решении разместить турецких офицеров Карского гарнизона в городах Калужской губернии по 10 — 15 человек[22]. Выполняя это предписание, калужский губернатор распорядился во всех уездных городах и заштатном городе Сухиничи подготовить все необходимое для принятия турецких пленных. По предписанию Военного министерства из Харьковской губернии в Калугу 17 и 27 марта выступили две партии военнопленных Карского гарнизона численностью в 63 офицера и 59 офицеров при 23 рядовых[23]. 11 апреля в губернию вступила первая партия турецких пленных, которую разместили в Козельске (18 офицеров), Мещовске (15 офицеров), Лихвине (15 офицеров) и Сухиничах (12 офицеров и рядовой). Вторая партия достигла Калуги 18 апреля, но по уездным городам распределена не была, так как уже 13 апреля в губернском городе был получен циркуляр от 6 апреля 1856 г. о заключении мира и освобождении всех военнопленных. 19 апреля губернатор предписал всех турецких пленных собрать в Калуге, куда они были доставлены 25 апреля. Сюда же 1 мая подошли два военнопленных офицера, отставшие по болезни в Харькове и Орле. После получения одежды и обуви партия пленные в составе 119 офицеров и 24 рядовых 4 мая выступила в Одессу. В Калуге остались два больных офицера, которых до излечения поместили в городскую больницу. В один день с пленными Калугу покинул и Абдул Рахман паша, проживший в городе около двух месяцев. На почтовых лошадях, в специально купленном тарантасе он в сопровождении жандармского унтер-офицера отправился в Одессу[24].

Итак, в период Крымской войны Калуга была одним из мест, куда должны были направляться сначала военнопленные всех европейских держав, а с августа 1854 г. — только французские офицеры. Несмотря на это, город не стал местом концентрации этой категории пленных. За всю войну в Калугу поступило 6 офицеров, из них 4 француза и 2 англичанина, а также взятый в плен прусский поданный и французский офицер-дезертир. Помимо этого, в город было направлено 13 пленных, которые так и не прибыли к месту своего назначения. Подобное положение можно объяснить подчеркнуто лояльным отношением русского правительства к военнопленным европейских держав, которые разменивались или отпускались на родину, не успев даже достигнуть определенного для их жительства пункта. Об обходительности и предупредительности к военнопленным можно судить и по отношению к ним в Калуге. Особенно показателен прием, оказанный калужским губернатором английскому лорду. Особым вниманием пользовался в городе и турецкий паша. На заключительном этапе войны Калужская губерния стала местом размещения турецких пленных Карского гарнизона — Абдул Рахман паши, 121 офицера и 25 рядовых. Однако их появление в калужских городах совпало с распоряжением о репатриации. Следовательно, несмотря на то, что Калужская губерния была включена в систему содержания военнопленных Крымской войны, круг лежавших не ней задач был крайне ограничен вследствие незначительного числа пленных (всего 155 человек, из них 147 — турецких) и краткости их пребывания в губернии (в среднем — около месяца). Вместе с тем, Калуга была местом, куда направлялись в основном офицеры, численность которых составила около 10 % от общего числа. Поэтому можно констатировать, что отличительной особенностью пребывания в Калужской губернии военнопленных Крымской войны является элитарность контингента, и именно это обстоятельство определяет значимость этого региона.

Примечания

1. РГВИА, ф.395, оп.325, д.40, л.127—129.
2. ГАКО, ф.32, оп.1, д.32, л.1.
3. Там же, л.85, 152.
4. Там же, д.64, л.3, 5—6.
5. Там же, д.32, л.6, 18, 19, 38—40, 51, 61, 67.
6. Там же, л.87, 95, 96, 120, 142—145; д.64, л.140.
7. Там же, д.32, л.100, 136.
8. Там же, л.152.
9. Там же, л.107.
10. Там же, л.114.
11. Там же, л.113, 124, 138.
12. Там же, л.167, 168, 173, 193—196.
13. Там же, л.199.
14. Там же, л.201—202.
15. Там же, л.208—211.
16. Там же, л.257—258.
17. Там же, л.289.
18. Там же, л. 357—370, 379.
19. Там же, л.299.
20. Там же, л.318.
21. Там же, л.302—303.
22. Там же, д.64, л.3, 5—6.
23. Там же, д.32, л.315; д.64, л.34, 35, 52, 53.
24. Там же, д.64, л.75—87, 70, 88—90, 98—107, 124—125, 181—182, 240—241.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ «ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

***И.Б. Белова**, Калужский государственный педогагический университет им. К.Э.Циолковского*

Одним из последствий Первой мировой войны стало огромное количество беженцев, интернированных, а также военнопленных. До последнего времени вопросы межнациональных отношений периода Первой мировой войны практически не изучались, а тема военнопленных традиционно является второстепенной для военных историков.

В данной работе рассматривается вопрос об изменении статуса подданных «центральных держав» в связи с началом Первой мировой войны и о германских и австрийских военнопленных на территории Калужской губернии. Военнопленные — это лица, принадлежащие к вооруженным силам воюющей стороны, оказавшиеся во власти противника. Разделим условно, конечно, подданных «центральных держав», находившихся в период войны на территории Калужской губернии на несколько категорий (групп): 1) подданные Германии и Австро-Венгрии, проживавшие здесь до начала войны (12 и 3 семьи соответственно); 2) подданные Германии и Австро-Венгрии (гражданское население всех возрастов), принудительно высланные (интернированные) из других местностей Российской империи; 3) непосредственные участники военных действий, попавшие в плен.

Как видим, первые две группы — лица гражданские, а, следовательно, понятие «военнопленные» применительно к ним звучит необычно. Тем не менее, власти того времени именно так их именовали, их также называли «гражданскими пленными», а в Сибири, например, «вольнопленными» (от слова «вольный», т.е. «штатский»)[1]. Хотя представители двух первых групп военнопленными по определению не являлись, и режим военного плена на них не распространялся, однако, первые обязательным постановлением Калужского губернатора (2.08.1914г.)[2] объявлялись военнопленными и в 7-дневный срок должны были явиться в местные полицейские управления для регистрации; принадлежащее им огнестрельное оружие, «самодвижущиеся» и иные экипажи, повозки, лошади подлежали реквизиции[3]; а вторые были насильственно водворены в Калужскую губернию под надзор полиции. Этот процесс (интернирование) начался ещё до объявления войны, когда подданных «центральных держав» начали высылать в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии под надзор полиции. Интернирование приобрело такой большой размах, что потеряло первоначальный смысл, который состоял в предотвращении выезда из страны и вступления во вражескую армию подданных воюющих с Россией держав. Например, из 783 немцев, высланных из Ковеля в Киев 7 августа 1914 г., только 61 являлся военнообязанным, а остальные — женщины, старики и дети[4]. Из 289 германских и австро-венгерских подданных, пересылаемых в январе 1915 г. через Калугу, военнообязанных было лишь 58 ,т.е. 20% от всего количества (женщин — 121, детей — 110)[5]. 2 и 3 августа 1914г. в Калугу из Бобруйского уезда Минской губернии и Риги Лифляндской губернии прибыло 16 гражданских лиц немецкого и австрийского подданства, объявленных военнопленными, с семьями (от 31 до 80 лет)[6]. Затем ещё 24 человека, высланных из Тельшевского уезда Ковенской губернии[7]. До конца 1914 г. в Калугу продолжали прибывать (по нескольку человек) гражданские пленные из Луцка, Риги, Брянска.

В 1915 г. их присылали ежемесячно с января по август включительно из Риги, Либавы, Тулы, Смоленска, Петрограда, Вологды, крепости Перемышль, Львова, Колывани, Бреста, Варшавы, Бобруйска. Возникали трудности с их размещением. Так, 6 февраля поездом из Смоленска в Калугу прибыли 48 человек, пересылаемых этапным порядком в другие города (Симбирск, Кострому, Томск). В связи с тем, что в тюрьме, рассчитанной на 250 человек, уже находилось 600, то прибывших пришлось разместить на Ивановской улице в Кушинниковских казармах. Некоторые пересыльные оседали в Калуге. Так, 19 февраля 1915 г. 8 человек из 103, направляемых в Смоленск, Иркутск, Уфу, Томск и Самару, были оставлены в Калуге[8]. К 15 августа 1915 г. число гражданских пленных составило: германских подданных —147 (из них 50 мужчин, остальные — женщины и дети), австрийских — 67 (из них мужчин всего 46)[9]. Учитывая большое количество интернированных в масштабах всей России, правительство с 8 февраля 1915 г. разрешило выезд за границу германским подданным, женщинам и мужчинам, в том числе и призывного возраста. Это могли быть лица, прошедшие врачебное освидетельствование и признанные негодными к военной службе (кроме военных, состоящих на действительной военной службе или в отставке, а также лиц, преследуемых за уголовные преступления). Все получившие разрешение на выезд за границу имели право взять с собой свой багаж, деньги, ценности, за исключением золотой монеты и вкладов в банках; им

необходимо было получить заграничный паспорт и за свой счёт перебираться через Петроград в Финляндию или через румынскую границу. 4 марта 1915 г. такое же разрешение выезда за границу получили подданные Австро-Венгрии[10]. Безусловно, далеко не все гражданские пленные могли воспользоваться предоставленным правом. Сведениями об их выезде из Калуги мы не располагаем, зато имеются данные о тяжёлом материальном положении большинства подданных «центральных держав»: они нуждались в теплых вещах[11] и денежных пособиях. Только за период с 25 августа по 19 сентября 1915 г. денежные пособия из сумм, отпущенных в установленном порядке американским консулом, получили 163 германских и австро-венгерских подданных, находящихся в Калуге (взрослые — по 10 руб., а дети до 12 лет — по 5 руб.)[12].

«Ввиду предстоящего перевода в Калугу ставки Его Императорского Величества» распоряжением министра внутренних дел (телеграмма от 16.09.1915г.), предписывалось «удалить из Калуги случайный пришлый элемент населения…»[13]. Подданные «центральных держав» были высланы 18 сентября 1915 г. в Казань (102чел.), а также в Саратов, Таганрог, Вятку, Ташкент и др.[14] В Калуге было оставлено лишь 7 человек (до 17 лет, благонадежные, проживающие здесь до войны)[15].

Третья группа нашей классификации — это собственно военнопленные «центральных держав» — является самой большой. До марта 1916г. военное министерство занималось направлением военнопленных в распоряжение «заинтересованных ведомств» по их заявкам. Предприятие само охраняло, кормило, одевало военнопленного, обеспечивало проживание, оказание медицинской помощи и т. д. Труд германских и австро-венгерских военнопленных использовался на предприятиях Калужской губернии, выполнявших военные заказы.

С 17 марта 1915 г. вступила в действие правило «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Согласно ему, количество военнопленных не могло превышать 15 % от всех работающих на предприятии людей. Владельцу предприятия давалось право непосредственного отбора нужных военнопленных, затем заявки рассматривал губернатор и направлял их в Главное управление Генерального штаба. Для военнопленных должны были выделяться специальные отдельные и охраняемые помещения. Заработная плата устанавливалась равной заработной плате в данной местности. Одна треть заработной платы отчислялась на личный счёт военнопленного, остальная часть — на покрытие расходов, связанных с его содержанием. Если какая-либо сумма оставалась, то она вносилась опять-таки на счёт военнопленного. На руки военнопленному разрешалось выдавать не более 20 коп. в день. Контроль за выполнением требований возлагался на губернскую власть, фабричную инспекцию и полицию[16]. 7 сентября 1915 г. в правило от 17 марта 1915 г. был внесён ряд изменений. Количество военнопленных на предприятии теперь определялось «исключительно надобностью», признавалось возможным допустить к работам на заводах военнопленных офицеров по их желанию (из числа славян по происхождению), обладающих специальными знаниями. Необходимым был лишь положительный отзыв об их благонадёжности от благотворительных обществ. Надо отметить, что в отношении военнопленных славян, прежде всего чехов и словаков, российское правительство проводило политику предоставления льгот: обособленное размещение славян от «враждебных с нами мадьяр и немцев как при расквартировании, так и на работе, прогулки по воскресным дням», общение с соотечественниками («кратковременные беседы») и другие льготы, «сообразно с местными условиями»[17].

С марта 1916 г. функция распределения военнопленных на работы перешла к министерству земледелия. Оно получило для себя 57,4% всех военнопленных, тогда как промышленность и железнодорожный транспорт вместе получили только 30,5%[18]. Количество военнопленных, направляемых в губернию для использования их труда, зависело от величины губернии. В Калужскую губернию в 1916 г. предназначалось всего 3 тыс. военнопленных, партиями по тысяче человек[19].

Первую партию, прибывшую 29 июля 1916 г. (1005 человек) из Дарницы (район Киева), планировалось частично передать в ведение Калужской городской управы и использовать «для выполнения городских работ», а остальных передать в распоряжение Калужской губернской земской управы «для распределения по уездам»[20]. В целях установления за вновь прибывшими военнопленными надзора и регистрации калужский полицмейстер в своём приказе от 24.07.1916г. возложил заведывание военнопленными на прикомандированного ко 2-й части г. Калуги пристава Белостокской городской полиции Павлючука, а в помощь ему назначил околоточного надзирателя Соболева. Им предписывалось ознакомиться со всеми законоположениями, касающимися военнопленных, и установить строжайший порядок за тем, чтобы «военнопленным не допускалось отлучаться со двора в городе, кроме вывода их на работы, чтобы никто из посторонних лиц, кроме администрации, не допускался в помещение

их содержания…». Для этой цели были установлены дневной и ночной посты городовых: по одному около зданий казарм на улице и по одному во дворе казарм[21]. 28 июля 1916 г. обязательным постановлением Калужского губернатора «всем водворённым в пределы Калужской губернии военнопленным неприятельской армии воспрещалось: выходить из помещений без разрешения; собираться в группы в местах, кроме тех, где они квартируют, для праздных разговоров и др.; посещать без разрешения дома местных жителей, а жителям принимать их у себя; пользоваться чужим званием, фамилией с целью пересылки и получения корреспонденции; проявлять демонстративные выходки и враждебное отношение к местному населению; самовольно прекращать работы, совершать побеги; предъявлять к работодателю недопустимые требования в виде облегчённого труда, улучшения пищевого довольствия, выдачи кожаной обуви, вместо брезентовой или лаптей; скупать у местных жителей всякого рода предметы, являющиеся памятниками русской старины; выпрашивать у местных жителей подаяния как денежные, так равно вещами или продуктами; покупать у местного населения мясные продукты, птицу и дичь»[22].

Ещё 21 марта 1916 г. приказом по Московскому военному округу со ссылкой на военного министра военнопленным запрещена покупка мяса, птицы, дичи за их собственный счёт «в целях сокращения потребления мясных продуктов»[23]. Военнопленные, виновные в нарушении постановления, подвергались в административном порядке аресту до 3 месяцев или же денежному штрафу до 3 тыс. рублей.

Вторая партия немецких и австро-венгерских военнопленных прибыла в Калугу 31 июля 1916 г. Из их числа в уезды, согласно рапорту Павлючука, было направлено 383 человека: в Лихвинский — 100; в Мещовский — 100; в Козельский — 80; в Мосальский — 100; в Калужский — 3. 150 человек было передано Калужской городской управе для выполнения местных работ и 53 человека — в Калужскую уездную земскую управу[24]. Таким образом, вместо предполагаемой тысячи во второй раз прибыло лишь 586 военнопленных немцев и австро-венгров. Третье поступление военнопленных состоялось 2 или 3 августа и составило 607 человек. Из них в уезды отправили 520 человек. Из оставшихся в городе 87 военнопленных 50 — Калужской городской управе и 37 — в ведение губернской земской управы[25]. Размещали их исключительно казарменным порядком. Категорически запрещалось их расселение по обывателям (приказ штаба Московского военного округа от 15.08.1916)[26]. Следует отметить, что места размещения военнопленных немецкой и австро-венгерской армий, казармы в домах Кушинникова и кн. Вяземской, были отремонтированы и дезинфицированы. В результате условия проживания в этих помещениях, несомненно, улучшились. Ранее там проживали интернированные турецкие подданные, среди которых возникла эпидемия сыпного тифа. Попытки побега среди военнопленных были. Так, калужский губернатор отмечал, что, «несмотря на неоднократные распоряжения о принятии мер к недопущению побегов военнопленных с работ, случаи побегов последних продолжаются»[27].

Как говорилось выше, германские и австро-венгерские военнопленные, содержавшиеся непосредственно в городе, находились в ведении Калужской уездной земской и Калужской городской управ. К 30 октября 1916 г. в их распоряжении было 130 военнопленных. Представление о выполняемых работах в городе, национальной принадлежности военнопленных можно получить на основании данных, содержащихся в деле заведующего военнопленными Павлючука. Перечень военнопленных, находящихся в распоряжении Калужской уездной земской управы: 1) в Хлюстинской больнице на постройке дома — 18 чел.; 2) в работном доме, в столярной мастерской — 7 чел.; 3) в Хлюстинской больнице на излечении — 1 чел.; военнопленные, находящиеся в распоряжении Калужской городской управы: 4) в городской пожарной команде, в столярной мастерской — 8 чел.; 5) в городской скотобойне работают — 3 чел.; 6) в Калужском губернском комитете Великой княгини Елизаветы Фёдоровны работают при выпечке хлеба и булок — 2 чел.; 7) в Калужской женской гимназии убирают двор, рубят дрова и топят печки — 2 чел.; 8) в городском кирпичном заводе вырабатывают кирпич — 10 чел.; 9) в городском бору роют канавы для посадки леса — 22 чел.; 10) в городском бору при постройке землянок работают — 25 чел.; 11) в казарме кн. Вяземской на кухне приготовляют пищу для военнопленных — 3 чел.; 12) в казарме кн. Вяземской чинят обувь для военнопленных — 2 чел.; 13) подметают мостовую в городе — 27 чел.[28] Численность немецких и австро-венгерских военнопленных в городе незначительно колебалась в связи выполнением ими различных работ за пределами Калуги. Так, на 15 ноября 1916 г. насчитывалось 183, а к 1 декабря 1916 г. — 135 человек[29]. С начала 1917 г. часть военнопленных была также передана в распоряжение Сызрано-Вяземской железной дороги. По-прежнему военнопленные трудились при пожарной части, по ремонту труб городского водопровода, в Кафедральном соборе, в сапожной мастерской, в пекарне Елизаветинского госпиталя и других работах. Последние сведения о числе военнопленных, «находящихся на

разного рода работах в пределах г. Калуги», датируются 1 марта 1917 г. — 526 человек. Из них 35 немцев и 1 славянин (германской армии); 408 австрийцев, 1 славянин, 24 румына, 57 итальянцев (австро-венгерской армии)[30]. Именно 1 марта 1917 г. калужский городской голова Г. А. Разумовский получил телеграмму от М. В. Родзянко, председателя временного комитета Государственной думы, о смене власти в Петрограде; вскоре пришла аналогичная телеграмма из Москвы. 2 марта газета «Голос Калуги» опубликовала воззвание к населению: «Граждане! Великий переворот свершился… сейчас начинается время перестройки жизни». Губернатор заявил о сложении полномочий, из калужской тюрьмы были выпущены политические заключённые[31].

Выявленные данные о привлечении военнопленных к работам в промышленном и сельскохозяйственном производстве, на железной дороге по уездам Калужской губернии обобщены в таблице (см.), из которой видно, что военнопленные выполняли тяжелую физическую работу на чугуноплавильных заводах (Людиновском, Песоченском, Черепетском); на цементном заводе Мальцовского акционерного общества в Жиздринском уезде, где находилось более трёхсот человек. В Медынском уезде на Говардовской фабрике кож было свыше 70 человек. Военнопленными выполнялись разные работы в железнодорожном и сельском хозяйстве.

Таблица

Привлечение военнопленных к работам в уездах Калужской губернии[32]

№ п/п	Время прибытия на работы	Кол-во военно-пленных	Место работы, наименование предприятия	Уезды Калужской губернии
1	14.01.1916.	8	Чугуноплавильный завод Барановых	Лихвинский
2	25.01.1916.	50	Черепетский чугуноплавильный завод	Лихвинский
3	31.01.1916.	29	Погрузка дров; Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина	Малоярославецкий
4	04.02.1916.	15	Мышегский завод	Тульская губерния, Алексинский уезд
5	26.04.1916.	76	Фабрика кож Говарда	Медынский
6	15.05.1916.	25	Рязанско-Уральская железная дорога	Мосальский
7	03.06.1916.	20	Для работ на железнодорожной станции Малоярославец	Малоярославецкий
8	27.06.1916.	40	Ермолинская мануфактура	Боровский
9	15.11.1916.	101(австр.-венг. плен.)	Людиновский завод, с. Людиново, чернорабочие	Жиздринский
10	С 14.11. по 12.12. 1916.	19 (австр.-венг. плен.)	Фаянсовая фабрика товарищества М.С. Кузнецова ,с. Песоченский завод	Жиздринский
11	15.12. 1916.	8	Заняты на работах по прессовке сена для армии (Сугоновская волость)	Калужский
12	28.12.1916.	15	Чугуноплавильный завод Баранова	Мосальский
13	31.12.1916.	30	Троице-Дашковская фабрика	Тарусский
14	02.01.1917.	111	Железнодорожные и сельскохозяйственные работы	Мосальский
15	03.02.1917.	345 (от 19 до 44 лет)	Цементный завод Мальцовского АО	Жиздринский
16	15.02.1917.	108	С/х работы и работы на железной дороге	Мосальский

Свержение самодержавия, падение Временного правительства коренным образом не повлияли на положение в России военнопленных и интернированных немецкой, австрийской, венгерской, турецкой и др. национальностей. До заключения Брест-Литовского мирного договора не было предпринято серьезных шагов в отношении военнопленных. Но на практике и после этого мирного договора, а тем более после революции в Германии и аннулирования Брест-Литовского мирного договора процесс их возвращения затянулся на долгие годы.

Примечания

1. Нелипович С.Г. Интернирование части жителей Восточной Пруссии, Галиции и Буковины в 1914-1915гг.// ВИЖ. 2000. №2. С.68.
2. Здесь и далее — даты по ст. стилю
3. К принявшим русское подданство до войны, проживающим в Калужской губернии, указанные меры не применялись.
4. Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав» // ВИЖ. 1996. №6. С.32—42.
5. ГАКО, ф.783, оп.1, д.1182, л.20—21.
6. ГАКО, ф.783, оп.1, д.1243, л.576—581.Подсчитано по именным спискам военнопленных.-
7. Там же, л.225.
8. ГАКО, ф.783, оп.1, д.1182, л.1, 3, 59.
9. Там же, д.1243, л.776.
10. Там же, д.1172, л.8.
11. Там же, д.1243, л.783.
12. Там же, д.1183, л.785.
13. Там же, д.1204, л.481,535.
14. Там же, д.1243, л.704—709.
15. Там же, л.860-861, 870-871.
16. Там же, д.1244, л. 58, 59—60.
17. Там же, л.50, 52, 55.
18. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С.95.
19. ГАКО, ф.783, оп.1, д.1245, л.14.
20. Там же, л.4, 14.
21. Там же, л. 4—5.
22. Там же, д.1244, л.113; д.1245, л.13.
23. Там же, д.1244, л.74.
24. Там же, л.147.
25. Там же, д.1245, л. 17, 22.
26. Там же, д.1244, л.39.
27. Там же, л.46.
28. Там же, д.1245, л.90об.—91.
29. Там же, л.100, 112.
30. Там же, д.1322, л.8об., 76.
31. Общество и революция: Калужская губерния в 1917 г. / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999. С.56.
32. ГАКО, ф.1328, оп.1, д.480, л.1—5; ф.784, д.1288, л.12—13, 19, 22, 25—26, 424—428; д.1409, л. 13—14, 30—55; ф.783, оп.1, д.1245, л.137.

ИЗ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОГО ОБЩЕСТВА СБЕРЕЖЕНИЯ «ПОДСПОРЬЕ»

Н.А. Аксенова, *Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Новая страница истории общественных организаций связана с развитием городского хозяйства второй половины XIX в. В целях улучшения социально-бытовых условий жизни горожан создавались общественные организации в области социальной помощи. Одним из них являлось Калужское общество сбережения «Подспорье».

Обращение к истории «Подспорья» актуально в условиях наметившихся к концу 1990-х гг. изменений в методологии исследований общественных организаций. Проблема комлексно-типологического изучения общественных неполитических организаций г. Калуги уже поднималась исследователями[1].

Основными источниками данной работы послужили материалы КГВ и литературно-политической газеты «Неделя». Отдельные сведения о деятельности «Подспорья» содержатся в работе Д.И. Малинина, посвященной пребыванию Н. В. Шелгунова в Калуге[2]. В «Прогулках по старой Калуге» Г. М. Морозова также упоминает общество сбережения.

Инициаторами его создания были известные деятели провинциальной Калуги — М.Я. Языков, тов. прокурора П.А. Кавторадзе. В уставе отражался неполитический характер «Подспорья». Согласно §1 «Общество имело целью снабжать своих членов доброкачественными жизненными припасами и другими товарами и тем доставлять возможность сбережения при покупке необходимых предметов потребления»[3]. Для достижения этой цели общество заключало договоры с торговцами и промышленниками о доставке членам разных жизненных припасов и товаров по низким ценам, могло открыть собственный магазин, склады и другие промышленные заведения, приобрести в собственность недвижимые имущества на общих основаниях. Отмечалось, что «рассмотрению подлежат только вопросы, исключительно касающиеся действий общества». Прослеживалась контролирующая функция губернской власти (всякое предположение об изменении и дополнении устава представлялось на утверждение губернатора). В то же время программный документ «Подспорья» отражал прогрессивное развитие городской общественной инициативы. В члены общества принимались все лица без различия звания и пола, обязующиеся подчиниться правилам устава. Желающий вступить в общество обязан был приобрести, по крайней мере, один пай ценой в 5 рублей серебром. Средства общества составлял оборотный, запасной, имущественный и неприкосновенный капитал.

Делами общества управляло *общее собрание членов и Правление общества. Обыкновенное собрание* проводилось один раз в месяц, без приглашений, в первое воскресенье после первого числа наступавшего месяца. Оно считалось состоявшимся независимо от числа присутствующих. *Чрезвычайные собрания* назначались Правлением общества или по требованию не менее 10 человек. Для действенности собрания необходимо было присутствие не менее 1/5 членов. Оно определяло размеры торговли, утверждало отчеты правления и т.д.. *Правление* состояло из 7 членов и 7 к ним кандидатов, избираемых общим собранием из лиц, пользовавшихся правом

голоса (согласно §10 устава этим правом пользовался только член, имевший не менее 10 паев). К обязательствам Правления относились управление текущими делами общества, заключение контрактов по покупке и поставке товаров и т.д. По окончании года из Правления убывало по одному члену, на его место избирались новые. Своеобразно осуществлялся *процесс выборов посредством записей*. Каждый член к назначенному сроку опускал в специальный запечатанный ящик или присылал в запечатанном конверте записку, на которой были написаны имя, отечество, фамилия, в первый раз семи, в последующие разы четырех лиц, избираемых в члены Правления. По вскрытии записок в общем собрании дежурный член приступал к чтению их, присутствующие члены, по желанию, могли делать отметки в приготовленных для этого списках. По окончании чтения всех записок составлялся общий избирательный список членов и семи к ним кандидатов по большинству голосов. Члены, получившие 1/2 или более избирательных голосов, считались окончательно выбранными, имеющие же менее 1/2 голосов, подвергались баллотированию общим собранием и считались избранными простым большинством голосов собрания. В уставе провозглашались принципы компетентного управления общественными капиталами: *ежегодное переизбрание членов Правления по воле жребия*; *безвозмездное исполнение обязанностей*; *возможность назначения проверочной комиссии* для ревизии действий заведующих складами и магазинами общества, приказчиков и действий членов Правления. Отчеты по усмотрению общего собрания печатались в местных Губернских Ведомостях. Годовой отчет публиковался в повременном издании Министерства Внутренних Дел. Общество имело свою печать с изображением герба Калужской губернии и подписью «Общество сбережения под фирмой « Подспорье»[4].

Общество стремилось наладить сотрудничество с органами местного самоуправления и государственной власти, содействовать развитию духовной жизни города. Замыслы учредителей» Подспорья» сочетались с реальными потребностями горожан в развитии образования, распространения знаний и организации полноценного досуга. Это обусловило развитие просветительского направления деятельности «Подспорья». С разрешения Правительства Калужское общество сбережения «Подспорье» учредило библиотеку, с целью» доставить жителям всех сословий возможность пользоваться чтением книг, журналов, газет»[5]. Библиотека составлялась из книг, пожертвованных Румянцевским музеем, правительственными(!) учреждениями и частными лицами, а также купленных на средства, которые собрание членов общества «Подспорье» сочтет возможным уделить из чистой прибыли». Сообщалось о наличии 500 томов по всем отраслям знания, не включая газет и журналов. В 1871 г. в библиотеке находилось уже 5362 тома, получались 23 периодических издания. Общество планировало открыть минералогический отдел на основе собрания 30-ти экземпляров «ископаемого царства» и составленной сыном Языкова коллекции насекомых. За первые две недели 39-ю подписчиками библиотеки внесено 150 руб. Среди них был и Н.В. Шелгунов, демократ, публицист, общественный деятель, известный народник (22.11.1824—12.04.1891). В 1869 г. ссыльный Шелгунов переехал из г. Вологды в Калугу. Он активно включился в процесс создания библиотеки. Публицисту импонировал прогрессивный настрой учредителей общества. «Провинция — это материал для разработки общественных вопросов, ждущих ответа. Поэтому настоящие люди дела, скорее всего, могут явиться из провинции, которой виднее Россия и нужды, быт и потребности», — писал Шелгунов в статье «Неудавшаяся «Беседа» и задачи интеллигенции[6]. Он отмечал, что «рядом с этой провинцией стоит другая провинция, беспомощная в смысле интеллектуальном, беспомощная в своем незнании и неумении выйти из затруднений». В этом случае, считал Шелгунов, можно сменить «филантропический принцип на «экономический», т. е. не брезговать коммерческой деятельностью, но и не забывать о просветительской». Это вполне соответствовало духу «Подспорья»! Дела последнего согласно отчету за 1869 г. шли неплохо. Общество, орудуя наличным капиталом в 6775р. и временным займом из карточных операций в 1037, сделало в течение года торговый оборот в 50 тыс. руб. и сочло возможным доставить своим акционерам помимо 5% на внесенный капитал еще 8% дивидендов на каждый рубль[7].

Но обнаруживались и проблемы. Первоочередной задачей признавалась демократизация внутренней структуры общества: «право голоса должно быть даровано каждому члену, а не по большинству паев» (суть не в качестве паев, а в качестве голосов). Противоречия намечались по вопросу о перспективах развития общества. «Умеренные» стремились «остановиться на достигнутом», ориентироваться на наличную социальную опору. Они предлагали снизить членские взносы до 3 р. (лучше до 1 р.), использовать потребительский кредит и т.д. («Умеренные» взгляды разделял, очевидно, и Шелгунов, опасавшийся в противном случае прослыть «неблагонадежным».). «Радикальное» крыло критиковало «исключительный интерес средних слоев» в «Подспорье». Оно стремилось расширить социальные инициативы общества в отношении беднейшего населения Калуги: использовать механизм рассрочки денежных

платежей за пай, допустить кредит под залог тех же паев, учредить ссудную кассу, открыть харчевни, кухмистерские, мелочные лавки и т.д.[8]. Эти взгляды соответствовали замыслу учреждения общества: из КГВ мы узнаем, что Языков предполагал, прежде всего, удовлетворить нужды *беднейшей части населения Калуги и ее окрестностей* посредством доставления им всякого рода продуктов по низким ценам. Отсутствие опыта подобной организаторской деятельности, жесткий правительственный контроль, необходимость подчинения «спускаемому сверху» типовому уставу — все это сковывало инициативу «Подспорья», видоизменяло функциональные задачи общества. С 1870 г. начинается быстрый упадок дел, и «едва наметившаяся болезнь принимает хронический, смертельный характер». Шелгунов не мог остаться равнодушным. Он был озадачен теоретической проработкой вопроса о судьбе «Подспорья»: анализом отчетов, определением возможных путей улучшения деятельности. Итогом работы была статья, опубликованная в газете «Неделя», с которой публицист начинает активно сотрудничать с 1872 г.[9] С одной стороны, причины упадка «Подспорья» лежали на поверхности: «частично недосмотр, частично неопытность распорядителей». Но Шелгунов удачно подмечал еще одну менее заметную, но не менее актуальную причину упадка общества: «природную» слабость проявления «подлинной общественной инициативы, ее постепенную трансформацию в патриархальный, «аристократический» принцип. «*Нас нужно вести, нам всегда нужна маменька и такую заботливую маменьку мы хотели бы найти в «Правлении»*! Оно выбрано из тех же членов, из тех же калужан, чему же вы удивляетесь, находя «Подспорье» в лунатическом состоянии!» — восклицал Шелгунов. «Общественная инициатива еще слишком молода и неопытна. Но факт ее пробуждения сам по себе прогрессивен, поэтому ее следует всячески поддерживать и развивать». Сохраняя «Подспорье», нужно изменить его внутреннюю организацию: ограничить деятельность Правления и усилить власть главного приказчика (выражаясь политическим языком, приказчик должен быть исполнительной властью, маленьким Тьером нашей республики, Правление же — всемогущим парламентом.). Вместо дивидендов в конце года следует делать скидку членам при самой продаже; размер скидки определить по роду товара, ибо не всякий товар ее выносит (например, мука). Шелгунов надеялся, что «Подспорье» оживет, сделается таким, каким оно было в первый год.

Открывающимся благоприятным перспективам не суждено было сбыться! Конец «Подспорья» приблизил пожар, уничтоживший в ночь с 7 на 8 сентября 1873 г. почти весь квартал. Сгорела и библиотека. Остатки были переданы Губернскому статистическому комитету.

Вскоре и Шелгунов (28 февраля 1874 г.) навсегда расстался с Калугой и отбыл в Новгород, как это значится в последнем донесении о нем полиции.

История «Подспорья» — одно из первых проигранных сражений в жестокой борьбе за легализацию общественных организаций. Пусть первоначальным замыслам учредителей общества не суждено было воплотиться в жизнь, но его деятельность имела важный результат. «Подспорье» способствовало изменению социальных настроений калужских обывателей, привлекло их внимание к делам и нуждам города, повлияло на активизацию сложнейшего процесса формирования гражданской идентичности. Прогрессивному развитию местной интеллигенции, несомненно, содействовал Н. В. Шелгунов, всегда чутко прислушивавшийся к биению пульса русской жизни. Да и «дело» «Подспорья» не пропало! Общественная инициатива настойчиво пробивала дорогу в жизнь, стремясь разрешить обозначенные прежним опытом противоречия. «Больной» для «Подспорья» вопрос о кредите, являясь насущной необходимостью губернского города, обусловил открытие в 1874 г. Калужского общества взаимного кредита, среди основателей которого встречаем Языкова. Целью проекта являлось обеспечение членов «всякого пола и звания возможностью выгодно помещать сбережения, получать в ссуду капитал, кредитоваться». Учреждение общества открывало новый этап истории местных общественных организаций.

Примечания

1. Петрова О.М., Свиридова Т.А. Общественные неполитические организации г. Калуги (1890—1930) // Труды Регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга, 2002. Вып.3. С.50—64.
2. Малинин Д.И. Шелгунов в Калуге // Голос минувшего. 1915. №4.
3. Устав общества сбережения под фирмой «Подспорье» в г. Калуге // КГВ.1868. №51.
4. Там же.
5. Об учреждении в Калуге библиотеки для чтения // КГВ.1870. №2.
6. Шелгунов Н.В. Неудавшаяся «Беседа» и задачи интеллигенции // Дело.1871. №5. С.12.
7. Отчет Правления Калужского общества сбережения «Подспорье» за первый год существования // КГВ. 1870. №13.
8. По поводу первого годичного собрания «Подспорья» // КГВ. 1870. № 13.
9. Шелгунов Н.В. Дела Калужского «Подспорья» // Неделя. 1872. №43—44.

ЗЕМЕЛЬНО-ТАКСАТОРСКОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Н.Н. Остапец, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Оформление земельно-таксаторского дела в России приходится на XIX век. Под таксацией понимается учет земли, ее всесторонняя материальная оценка и составление технической характеристики. Межевание — установление на местности и юридическое оформление земельных владений. Уже с XVIII в. начинает применяться т.н. геометрический метод межевания, при котором точно определялась как общая площадь владений, так и площадь всех угодий. Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. было проведено генеральное межевание. В 30 — 50-х гг. XIX в. осуществлялось при активном участии помещиков размежевание совместных владений (т.н. специальное полюбовное межевание). Технически межевание исполняли уездные землемеры. Большие межевые работы проходили в ходе крестьянской реформы 1861 г. Работы по генеральному межеванию (1766—1861 гг.) в России выявили очевидную нехватку землеустроительных кадров. При отсутствии в то время специальных учебных межевых учебных заведений забота о подготовке землеустроителей легла на Межевые учреждения — Межевую экспедицию Правящего сената и Межевую канцелярию. Именным указом сената от 8 октября 1765 г. было объявлено, что все, умеющие осуществлять землемерные действия и желающие поступить в землемеры, должны заявить об этом Межевой экспедиции или Межевой канцелярии. А указ от 23 апреля 1779 г. лег в основу к учреждения Землемерной школы, которая была открыта 27 мая 1779 г. (получившая название Константиновская). Затем она стала училищем (1819 г.), а в 1916 г. Константиновским межевым институтом (в настоящее время на основе данного института существует два ВУЗа — Государственный институт землеустройства и Московский геодезический институт)[1].

С 1859 г. при уездных училищах и классических гимназиях, а также при Московском сиротском доме (1862 г.) стали открываться землемеро-таксаторские классы (в ведомстве Министерства Народного просвещения) с двухгодичным курсом не менее чем на 50 человек в обоих классах, с целью подготовки способных «съемщиков» (землемеров) и таксаторов. В эти классы принимались лица всех сословий не моложе 15 лет, со свидетельством об окончании четвертого класса гимназии или по экзамену. Расходы на содержание землемеро-таксаторских классов, в размере 5 тыс. руб., ложились на губернии в виде особой земской повинности. Всего было около 40 таких классов. К 1879 г., по мере завершения землемеро-таксаторских работ, эти классы закрывались[2]. Косвенной причиной создания классов некоторые исследователи называют задачу увеличения количества учащихся в гимназиях.

Использованные документы не позволяют назвать причину открытия такого класса при Калужской гимназии. Вместе с тем, можно выяснить такие вопросы, как порядок приема, обучения в специальных классах, рассмотреть состав учащихся и охарактеризовать кадры преподавателей. Данная работа основана на неопубликованных архивных материалах и имеет характер обзора. В Государственном архиве Калужской области (ГАКО) хранится фонд «Калужская Николаевская мужская гимназия» (Ф.77), документы которого достаточно полно отражают деятельность гимназии за все время ее существования. Фонд содержит 3100 дел за период 1804 — 1918 гг. К сожалению, следует констатировать, что столь обширная источниковая база введена в научный оборот только частично[3].

В работе были использованы такие виды документов из ГАКО, как отчеты по финансовой и учебной деятельности, переписка (циркулярные письма, докладные записки, прошения дирекции гимназии и др.), формулярные списки преподавателей, ведомости успеваемости, экзаменационные листы и аттестаты, ученые планы, расписания, учебные программы по предметам и т.п. Особый интерес представляют такой вид источников, как:различные прошения родителей о приеме в гимназию, об исключении, о переводе в другой класс, освобождении от платы, личные дела учащихся и т.д.

На основании переписки с Московским учебным округом за 1861 г. (май — ноябрь) летом этого же года было напечатано объявление в Калужских и Московских ведомостях об открытии при Калужской гимназии землемеро-таксаторских классов. В этом объявлении оговорены также и условия приема в эти классы.

В классы принимаются ученики, закончившие четвертый или высший курс (здесь подразумевается курс в Калужской гимназии). Желающие посещать землемеро-таксаторские классы должны в конце июля и не позже 10 августа подать с надлежащими документами (метрическое свидетельство и документы о происхождении и звании) просьбы о том Директору гимназии, который выдает принятым ученикам билеты на право посещать лекции. Курс

обучения в этих классах продолжается 2 года. Если учащиеся желают, то им будет предоставлена возможность прослушать и общий гимназический курс. Все вакантное время, а также 3 месяца (летних) будет употреблено для полевых практических занятий по топографии, нивелированию и таксации. Практические занятия учеников будут производиться под руководством преподавателей специальных предметов и под непосредственным наблюдением инспектора землемеро-таксаторских классов. Место для практических занятий и квартирные помещения для учеников данных классов будут предоставлены. После окончания первого курса учащиеся сдают экзамены для перевода в следующий класс. А на втором курсе — экзамены для выпуска.

Ученикам землемеро-таксаторских классов, стесненным в условиях своего существования, согласно высочайшему повелению от 28 октября 1859 г. назначается, с утверждения Управляющего Межевым корпусом, стипендии от 5 до 8 руб. в месяц, если они будут того заслуживать по успехам учения и своего благонравия. Ученики, оставшиеся на второй год, не могут пользоваться стипендией. Стипендии выдаются ежемесячно под собственную расписку учеников, или их родителей и родственников.

По окончании этих классов выпускники получали временное свидетельство, а только после шести лет и одного льготного года они могли получить свидетельство частного таксатора. К свидетельству прикладывалось специальное приложение, где указывались те преимущества, которыми они могли пользоваться. Чтобы получить свидетельство, они должны были подать прошение через 6 — 7 лет, предоставив при этом документы о своей нынешней работе, либо свидетельство, кем они работали эти 6 — 7 лет (т.к. это время они должны были работать по своей специальности). К свидетельству полагалось приложение, которое имело два пункта: а) происходящим из состояний, имеющим право на поступление в гражданскую службу; б) происходящим из состояний, не имеющих право на поступление в гражданскую службу. Для каждого пункта прописывались права, которыми пользовались владельцы данных свидетельств. По окончании этих классов выпускники обладали теми преимуществами, которые были положены им по их сословному состоянию. Выше всех, конечно, были поставлены дворяне, хотя их и было меньше всего в этих классах. При выпуске из землемеро-таксаторских классов, частные землемеры вносились в особые списки по межевому ведомству. Они освобождались от платежа податей, от телесных наказаний, от рекрутской повинности. Им могли также присваиваться классы[4].

Обучение включало в себя как теоретические предметы, так и практические. Учебные предметы распределялись на два года обучения. По документам можно проследить не только их распределение по классам, но и по дням недели с 1862 — 1865 гг. Основными предметами в обоих классах были математика, планиметрия, черчение, геодезия, нивелирование, таксация, межевые законы. С 1865 г. вместо геодезии была введена топография. Обучение в Гимназии проходило шесть дней в неделю. По каждому предмету в журнале указывалось 3 графы: поведение, способности, успехи, по всем выставлялись как текущие, так и итоговые отметки. Кроме этого, в учебном журнале указывались в специальной графе имена тех, кому назначалась стипендия[5].

Главной особенностью обучения в землемеро-таксаторских классах являлось наличие практической части — полевых работ, специфика которых также была прописана. Место проведения практических занятий выбиралось недалеко от Калуги (например, в 1862 г. были размещены в сельцах Дельяновке, Дабенке и Перцовке, которые находились всего в нескольких верстах от Калуги). Для проезда на полевые работы ученикам и преподавателям должны были выделяться лошади. 14 апреля 1862 г. вышло Распоряжение Управляющего Межевым корпусом о выдаче кормовых денег ученикам землемеро-таксаторских классов на время практических занятий от 4 до 5 руб. или 15 коп. суточных. Занятия по топографии начинались с 1 мая, а с 1 июня нужен был еще один преподаватель для этих занятий, т.к. до 1 июня не все учащиеся были на полевых работах, некоторые еще сдавали экзамены в гимназии. Из отчета о полевых занятиях видно, что учащиеся в мае под руководством Овсянникова за чертой Калуги занимались изучением снятия планов местностей инструментами, преимущественно астролябией и эскером. На полевых занятиях показано было также проектирование нарезок и разбивка полей на десятины.

После проведения полевых работ проводились экзамены. Оценки этих экзаменов также учитывались при переводе учащихся из одного класса в другой и при выпуске из землемеро-таксаторских классов[6].

Занятия в землемеро-таксаторских классах проходили во второй половине дня, это давало возможность преподавателям совмещать преподавание в них с другой работой. Занятия во вторую смену позволяли также и учащимся совмещать обучение в гимназии или в Духовной семинарии и классах. Таким образом, такая организация обучения позволяла готовить грамотных и

подготовленных специалистов своего дела.

Можно выделить несколько категорий учащихся в землемеро-таксаторских классах: вольнослушатели, непосредственно учащиеся этих классов; ученики, которые совмещали обучение в этих классах и в другом учебном заведении (например, в Губернской гимназии или Духовной семинарии).

Указом от 24 февраля 1862 г. было разрешено слушание лекций в землемеро-таксаторских классах и лицам, состоящим на службе, «если не было к тому препятствий со стороны начальства»[7]. По документам можно полностью установить сословную принадлежность поступивших в первый и второй годы учащихся, т.е. в 1861 — 1862 гг. На 1 сентября 1861 г. из 12 поступивших по экзамену было шесть человек из чиновничьей среды (ранг у отца был различный: от коллежского регистра до титульного советника). Примечательно также и то, что 11 из 12 человек обучалось при этом в гимназии. В 1862 г. из чиновников было уже семь человек[8].

Таким образом, о появлении землемеро-таксаторского образования уже на первых ступенях обучения и распространении его во многих губерниях России, преимущественно в Центральном регионе можно говорить начиная с сер. XIX в. С целью углубленного изучения данного вопроса следует провести исследовательскую работу архивных материалов Тверской, Ярославской, Рязанской областей, чтобы проследить специфику и общие черты землемеро-таксаторских классов для каждой губернии.

Примечания

1. Волков С.Н. Землеустройство. Теоретические основы землеустройства. М., 2001. Т.1. С. 191, 192.
2. Собичевский В. Землемеро-таксаторские классы и училища // Энциклопедия / Репр. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. М., 1991. Т.23. С. 425.
3. Добычина М.А. Калужская Мужская Николаевская гимназия к проблеме изучения // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Калуга, 2004. С.16,17.
4. ГАКО. Ф.77. Оп.1. Д.821. Л.10—12; Д.961, Л.12.
5. Там же. Д. 862. Л.15,16, 24, 25.
6. Там же. Д.864. Л.40—41.
7. Там же. Л.11.
8. Там же. Д.821. Л.36; Д.916, Л.54.

КАК ЗАКРЫВАЛИСЬ ЗАВОДЫ: ЭПИЗОД ИЗ ЭПОХИ КРИЗИСА В МАЛЬЦОВСКОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ОКРУГЕ (1888 г.)

***А.А. Бауэр**, Кировский историко-краеведческий музей*

В середине 1880-х гг. Мальцовский промышленный округ был поражен системным кризисом — производства, сбыта и менеджмента, вызванным целым рядом причин как объективного характера (противоречивая политика правительства в области паровозо- и вагоностроения, трудности с реализацией ряда товаров, недостаток оборотных средств, непосильные кредиты), так и субъективного порядка (болезнь и уход от дел С.И. Мальцова, происки его врагов при дворе, в правительстве и др.)[1].

В этих сложных условиях российское правительство как главный кредитор Мальцовского промышленно-торгового Товарищества (далее — МПТТ), возбудило вопрос о передаче мальцовского дела в ведение казны, что и произошло 28 августа 1885 г. Было создано Казенное управление делами бывшего Товарищества во главе с военным чиновником генералом И. И. Палтовым[2]. Однако кризис в округе продолжался, объемы производства падали, закрывались отдельные отрасли производства и целые предприятия или же переходили на периодический режим работы. Рабочие возмущались бездействием Казенного управления и его неспособностью улучшить положение дел в округе.

В этих условиях царская бюрократия инициировала создание специальной комиссии по исследованию положения дел в Мальцовском Товариществе, которая и была Высочайше утверждена 7 февраля 1886 г. во главе с чиновником Министерства финансов, тайным советником Николаем Ильичем Галдинским[3]. Изучив состояние дел во всех отраслях и предприятиях, Комиссия пришла к выводу о том, что необходимо сократить общее число рабочих на предприятиях с 10 до 7 тысяч человек, а освобожденных от работы мастеровых (по сословному делению общества — заводских крестьян), перевести в земледельческие, выделив им наделы до 4 десятин земли на ревизскую душу из фонда мальцовских земель, а также казенных земель за пределами округа, для чего часть заводских крестьян выселить из мест своего проживания[4]. Этот же обзор Высочайшей комиссии содержал рекомендации о полном закрытии нерентабельных и убыточных предприятий (например Курганской кузнечной и гвоздарной фабрики, Прыщанской и Щеткинской стекольных фабрик, Любохонских фаянсового, винокуренного и пивоваренного заводов) и отдельных производств на остающихся,

а также о резком увеличении объемов производства на работающих предприятиях[5].

В соответствии с рекомендациями Высочайшей комиссии, однако часто и по собственному почину, Казенное управление делами бывшего Товарищества стало «оздоравливать» обстановку на предприятиях — закрывать отдельные производства, увольнять рабочих и служащих, и делалось это весьма неаккуратно, спешно, что вызывало законное возмущение мастеровых и усиливало социальную напряженность в отдельных заводских селах.

Один из таких всплесков социальной активности мастеровых произошел весной 1888 г. в Людинове, в котором на тот момент было населения 6652 человека обоего пола и 2076 человек в Сукремле. В ночь на 3 апреля в разных местах села (на воротах церковной ограды, на запасном магазине завода, на фонарном столбе у господского дома) были вывешены прокламации с обращением «Товарищи мастеровые!». Безымянный автор (или авторы) этого документа поставили под сомнение целесообразность увольнения с завода многих сотен рабочих, обвинив заводское управление в преступном бездействии, целью коего является «разорение целого края». Текст был написан весьма стилистически и логически грамотно, к тому же высокоэмоционально, что дало повод уездному исправнику Симбергу в рапорте калужскому губернатору А. Г. Булыгину от 20 апреля 1888 г. предположить, что возможными авторами листовки являются учителя Людиновского училища Тарбеев и Кузьмин[6].

Реагируя на эти факты, губернатор прислал в округ своего чиновника по особым поручениям Я. Генерозова, который уже 6 апреля доносил в Калугу: людиновские рабочие обвиняют директора завода Коновалова, равно и все Казенное управление, в преступном небрежении интересами рабочих, которых увольняют большими группами, а выдача им денежных пособий задерживается из-за нерасторопности заводской администрации и чиновников уездного присутствия по крестьянским делам[7].

Как на одну из причин социального возмущения чиновник указал на задержку наделения мастеровых земельными наделами из близлежащих к селениям земель МПТТ. К тому же мастеровые опасаются, как бы на участках, предполагаемых к выделению им в надел, Казенное управление не вырубило бы лес. Также имеются опасения целой обширной категории уволенных с заводов рабочих, предполагающих отправиться на заработки за пределы села и даже округа, как бы выделение земли в надел в натуре не было бы произведено в их отсутствие и им в ущерб[8]. Калужский чиновник Генерозов даже, откликаясь на просьбы мастеровых, стал собирать их прошения в волостном правлении на выдачу пособия и наделения землей, т. е. подменять местных заводских и уездных чиновников.

В череде этих дел 20 апреля в Людинове вновь появилась прокламация, обращенная к мастеровым, однако вряд ли ими прочитанная: ее снял в 5 часов утра со столба при железнодорожной станции жандармский унтер-офицер Алексеев. В копии эта листовка вновь была представлена губернатору Булыгину исправником Симбергом. Анализ ее содержания и стиля говорит об общем авторстве с первой прокламацией от 3 апреля. Однако теперь автор делает упор на невыдаче до пасхи заводским управлением заработанных денег за март, с незаконным вычетом из этих сумм стоимости взятого рабочими провианта аж за полтора месяца (по 15 апреля). Эти требования дополнялись обвинениями в увольнении без предупреждения и под самый пасхальный праздник «стариков-служащих, прослуживших в заводе 30 и 40 лет» и невыплате задолженности по заработной плате остальным служащим за четыре предыдущих месяца («Я говорю о мелких служащих, крупные же всегда найдут, как получить», — уточняет автор листовки). Конкретными лицами, в чей адрес выдвигались обвинения, называются директора Людиновского и Сукремльского заводов Коновалов и Байер[9].

Для усиления дознания об изготовлении и распространении противозаконных прокламаций в Людиново в помощь местным полицейским силам 13 апреля прибыли адъютант начальника губернского жандармского управления и товарищ прокурора (в источнике имена этих людей не называются). Несмотря на их усилия (возможно, эти усилия были чистой имитацией деятельности), в ночь на 23 апреля в трех местах в селе вновь были сняты прокламации, текст которых полностью совпадал с текстом воззвания от 20 апреля. И опять эти памятники социальной мысли остались «гласом вопиющего в пустыне»: они были сняты рано утром полицейскими чинами и по этой причине «не проникли в местное население и не произвели на него никакого влияния»[10].

Что касается злоумышленников, составивших и трижды расклеивших воззвание в течение трех недель, то отложившиеся в деле документы, кроме учителей Тарбеева и Кузьмина, называют в их компании еще двух молодых мастеровых — Бабкина и Мамонова, коих несколько раз видели в обществе вышеназванных учителей. Директор народных училищ губернии Унковский в ответ на запрос губернатора сообщил, что Василий Тарбеев и Семен Кузьмин являются людьми вполне благонадежными и ни в чем предосудительном не замечены. К тому же первый слишком мягок характером и весьма неравнодушен к спиртному, а второй — как временный работник —

с 10 мая из училища был уволен. Так что поиски авторов и распространителей прокламаций не увенчались успехом (к тому же, судя по документам, их и не столь тщательно искали)[11].

Такое усиленное внимание к делам в округе со стороны административных и полицейских структур заставило Главное Дятьковское и заводские управления активизировать работу по выплате денежных и продуктовых пособий уволенным мастеровым. Теперь в этой деятельности участвовали и прибывшие чиновники, в т. ч. Генерозов, а также председатель уездной земской управы и уездный исправник из Жиздры. За апрель они роздали пособие в Людинове и Песочне. Одновременно после вмешательства этих чиновников директора Людиновского и Сукремльского заводов приступили к выдаче пособий рабочим, уволенным после 1 августа 1887 г.[12]

Вместе с тем, в Песоченском Заводе этот процесс — сокращение численности рабочих с выплатой им пособий и наделением их земельным наделом — проходил спокойно. Директор завода Н.А. Кирьяков (сам, кстати, заметим, политический ссыльный, находившийся под негласным надзором полиции) отвел рабочим под наделы близкие к селу участки земли, отдал мастеровым по сходной цене паровые молотилки, сельскохозяйственный хутор со всем инвентарем, машинами и орудиями. Возможно, это спокойствие в Песочне объяснялось большим, по сравнению с Людиновом, конформизмом тамошних мастеровых. Одновременно, изученные документы прямо подчеркивают отсутствие социальной напряженности в Песочне в этом период времени.

В самом Людинове это возмущение также в значительной степени удалось погасить: работающие мастеровые получили полный расчет за 4 месяца, а получающие пособие удовлетворены таковым были за полтора месяца вперед. Так что чиновник особых поручений Генерозов специально отмечал в объяснительной записке от 4 мая на имя губернатора, что «праздник Пасхи прошел очень спокойно». Характеристику глубинных причин народного недовольства положением дел в Людинове губернский чиновник дополняет следующим суждением, считая таковыми причинами не столько бедственное экономическое положение мастеровых, сколько их психологический дискомфорт после отстранения от дел в округе его создателя и владельца С.И. Мальцова.

Однако послушаем самого Я. Генерозова: «Корень этого недовольства, по моему мнению, лежит в следующих причинах: владелец заводов Мальцов постоянно внушал мастеровым, что они есть, в малой доле, такие же хозяева заводов, как и он. Этим он рассчитывал возбудить энергию рабочих к деятельности. Он имел обыкновение назначать управляющих заводами из среды тех же мастеровых. При нем существовали магазины со всевозможными продуктами домашнего обихода, отпускавшимися мастеровым по умеренным ценам и в доброкачественном состоянии.

Теперь мастеровые видят, что их совсем отстранили от заводов. Директора и даже заведующие отдельными цехами — все люди, не принадлежавшие к корпорации мастеровых. В магазинах они (мастеровые) получают лишь хлеб, соль, да пшено или крупу. По мнению мастеровых, дело бы пошло по-старому, если бы вернулся к ним Мальцов, и поэтому все немальцовское порождает в них недовольство. Кроме того, мастеровые имели со всякими нуждами доступ во всякое время к самому Мальцову, а теперь директора Людиновский и Сукремльский в большинстве случаев уклоняются от личных объяснений с мастеровыми.

Большинство мастеровых, да и прочих лиц интеллигентных (инженеры, техники и др.) знают, например, что благодаря громадным расходам на содержание Казенного управления и неумению вести рационально заводы, — одних накладных расходов на изделия заводов приходится до 250 процентов. Эта-то причина, т. е. величина накладных расходов и привела, по мнению мастеровых, заводы к такому грустному кризису. А так как расход идет в большем размере на содержание администрации заводов: Директоров, Инженеров, Казенного управления и др., то на них сосредотачивается и недовольство конкретного фабричного и заводского населения.

При этом надо принять во внимание, насколько здешнее население вообще избаловано. Мне, например, заявляли, что хлеб из земской муки выходит «темноват». Или, например, находят, что пособие не составляет даже нормы «арестантского довольствия». Все заботы Правительства о мастеровых они считают должною данью, а пособие — каплею в море»[13].

По всей видимости, этот «людиновский эпизод эпохи кризиса», наряду с другими факторами, сыграл свою роль в усовершенствовании управления делами округа: в том же апреле 1888 г. Петербургский коммерческий суд признал МПТТ несостоятельным должником, а несколько месяцев спустя взамен Казенного управления было сформировано Конкурсное управление предприятиями [14], в состав которого вошли предприниматели, через несколько лет — в 1894 г. — создавшие Акционерное общество мальцовских заводов (АОМЗ), ставшее на рубеже XIX—XX вв. успешным крупнокапиталистическим трестом, одним из флагманов российской промышленности.

Примечания

1. Более подробно о генезисе кризисных явлений в округе и их развитии см.: Ульянова Г. Н. Мальцовы: двести лет на российском рынке //Мальцовский мир: Научн. сб. — Киров, 1999. — Вып.1. — С.25—29.
2. ГАБО, ф.105 (ОДФ), оп.1, д.7, л. 13.
3. Там же, д.20а, л.7.
4. Там же, л.7—15.
5. Там же, л.30, 24, 28, 37об.
6. ГАКО ф.32, оп.13, д.4660, л.16—20.
7. Там же, л.21—23.
8. Там же, л.23, 49—50.
9. Там же, л.30—32.
10. Там же, л.35—37
11. Там же, л.57.
12. Там же, л.37—38.
13. Там же, л.49—50.
14. ГАБО, д.11, л.9-13; см. также: Ульянова Г.Н. Указ. соч. С.30-31.

РОЛЬ КАЛУЖСКОГО РАБОТНОГО ДОМА В ПОДДЕРЖАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ГУБЕРНИИ

А.Г. Лебедев, к.и.н., Институт социальных отношений Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского

Новый, наиболее серьезный и продуманный этап использования трудовой помощи для борьбы с нищенством в Российской империи и Калужской губернии в частности, связан с деятельностью настоятеля Андреевского собора протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). По его инициативе в Калуге в 1895 г. был открыт Работный Дом (ныне ул. Труда, д. 9) на который он пожертвовал 500 рублей.

При доме существовал ночлежный приют, в котором ночевало до 5 тысяч человек в год. Простые люди, оставшиеся без средств к существованию, могли на время остановиться в нем для жительства и через служащих Работного дома найти себе работу. Это было чем-то вроде биржи труда с общежитием и бесплатной столовой. При доме был разбит сад, в котором позже стали выращивать и овощные культуры. С учетом успехов местных садоводов и огородников здесь осенью устраивались сельскохозяйственные выставки.

Работный дом был результатом поисков Иоанном Кронштадтским путей оказания действенной помощи «бесприютным беднякам». Вначале он пошел по пути раздачи своих средств нуждающимся. В сферу его деятельности на этом поприще попала и Калуга. В 1893 г. калужским губернатором А.Г. Булыгиным было получено от отца Иоанна 100 рублей на благотворительные цели, однако вскоре великий пастырь убедился, что одной раздачей помощи положение бедняков намного не улучшить. Об этом свидетельствовал и опыт Калужской губернии. Исходя из помещенных в 1882 году в Калужских губернских ведомостях материалов, в губернии имелось 8562 нищих, из которых призрением было охвачено лишь 1060 человек, а 7502 человека собирали подаяние[1]. Выход из создавшегося положения Иоанн Кронштадтский видел в создании Домов трудолюбия, «тогда многие из бедных могли бы обращаться в этот дом с просьбой дать им определенную работу за вознаграждение, которое давало бы им средства для пропитания»[2]. Однако главную цель домов трудолюбия великий подвижник Русской Православной церкви видел не только в предоставлении людям временной работы и обучению профессии, но и в нравственном перевоспитании призреваемых их подготовке к дальнейшей самостоятельной честной трудовой жизни, это было особенно важно, так как самую большую группу в домах трудолюбия составляли люди в возрасте 20 — 30 лет, потерявшие работу.

Такой дом был устроен отцом Иоанном в 1882 г. в Кронштадте. С самого начала почин Иоанна Кронштадтского по «Облегчению участи неимущих доставлением им честного труда, как единственного залога счастливой и на христианских началах основанной жизни»[3] было поддержано общественностью правительственными кругами, в чем была немалая заслуга бар. О.О. Буксгевдена. Учитывая его личный вклад в популяризацию этого начинания, Министерство Внутренних Дел направило О.О. Буксгевдена в 19 городов для организации там Работных домов. С расширением их числа 1 сентября 1895 г. было создано «Попечительство о Домах Трудолюбия и Работных Домов» под покровительством императрицы Александры Федоровны. После этого различные правительственные инстанции еще более активно подключились к претворению в жизнь этого начинания отца Иоанна. В частности, Министерство Юстиции в циркулярном обращении от 12 октября 1895 г. к старшим председателям и прокурорам судебных палат, говоря о пользе Работных домов, называло их «полезными учреждениями и верными прибежищами для тех впавших в преступления, но исправившихся лиц, которые по отбытию

наказания, не могут найти себе занятий вследствие недоверия работодателей к их честности и трудолюбию»[4]. В обращении указывалось на тщетность борьбы правосудия с преступностью до тех пор, пока преступник, искупивший наказанием свою вину, лишен возможности обратиться к честному труду. Теперь же Дома Трудолюбия обеспечивали таким людям возможность зарабатывать трудовой кусок хлеба на первых порах их свободной жизни. Таким образом Минюст определил еще одно из направлений использования Работных Домов. Для калужан идея Иоанна Кронштадтского оказалась не нова. В городе существовал организованный еще в 1841 г. Женским Благотворительным обществом Дом трудолюбия. Функции Калужского Дома Трудолюбия коренным образом отличалось от одноименного заведения в Петербурге. В Калуге Домом Трудолюбия называлось благотворительное учреждение, которое принимая девочек, давало им полное содержание до 18 летнего возраста и выпускало их из заведения уже обученными разным необходимым профессиям и, следовательно, готовыми к трудовой самостоятельной жизни. Окончившие курс в нем нередко устраивались на заранее приисканные для них членами Общества места. В Петербурге Дом Трудолюбия имел задачей «трудовое призрение безработных, обращающихся к его помощи». Он принимал только трудоспособных, и призрение носило, большей частью, краткосрочный характер. В 1891 г., возглавлявшееся в то время губернатором А.Г. Булыгиным, и Общество помощи бедным обсуждало вопрос об открытии аналогичного заведения для всех категорий, нищенствующих в Калуге.

Так как ситуация с нищенством в губернии за прошедшее десятилетие не только не улучшилась но и ухудшилась из-за неурожая 1891 г. и эпидемии холеры, это было отмечено новым калужским губернатором кн. Н.Д. Голицыным в рапорте на имя министра внутренних дел: «По прибытии в город Калуга мною обращено было внимание на особую распространенность в этом городе нищенства и на отсутствие здесь таких благотворительных учреждений, которые могли бы давать беднейшему, способному к личному труду населению возможность приискивать ручной работой средства к существованию»[5]. Чтобы поправить положение, в 1894 г. Н.Д. Голицын основывает Попечительский Совет, который по уставу должен был состоять в ведении Министерства Внутренних Дел. Обсуждение Устава и выборы Правления Попечительства происходили в зале Дворянского собрания при большом стечении народа, что позволило собрать на строительство Работного дома 1753 рублей дополнительно. Число желающих войти в Попечительский Совет, а, следовательно, внести взносы на строительство и функционирование Работного дома, превысило 250 человек. Среди них были такие крупные представители делового мира города, как П.С. Раков, память о котором до сих пор жива в Калуге. Не менее сейчас известные И.К. Ципулин, В.В. Теренин пожертвовали по 100 рублей, не входя в Попечительский Совет. Результатом этой активности калужан явилось стремительное увеличение средств на счете Работного дома до 4000 рублей. Это позволило 22 января 1895 г. открыть Работный дом в наемной квартире Горбунова, которая приютила около 30 человек, по большей части мужчин. Они занимались в основном отхожим промыслом: очищали от снега улицы и т.д. Немногочисленные женщины и дети трудились при самом Работном доме. Дети обучались сапожному ремеслу, а женщины занимались починкой мешков и вязанием варежек. Тем временем пришло время для строительства специального помещения для Работного дома. 14 мая 1895 г. приехавший по такому случаю в Калугу Иоанн Кронштадтский заложил первый камень в его основание. Строительство продвигалось быстрыми темпами, и через пять месяцев помещение дома было готово, хотя целиком все закончилось к концу октября. Сооружение состояло из трех просторных изб с пристройками, соединенными между собой, длиной 40 и шириной 17 метров. Дом был построен наполовину за счет пожертвований строительным материалом и деньгами. К дому примыкал созданный вместе с ним сад. Однако благотворительные акции, связанные с Работным домом продолжались. Городское управление провело сюда бесплатно водопровод. Городской голова И.К. Ципулин из своих личных средств выделил заимообразную, без процентов, ссуду в 2000 рублей на покрытие всех оставшихся строительных расходов. В свою очередь по инициативе губернатора были предприняты некоторые шаги по борьбе с нищенством в Калуге. Город был условно разделен на участки, которыми заведовали участковые попечители. В их обязанность входило следить, чтобы бедный люд на их участках не занимался нищенством, и, пользуясь собственными связями, по возможности приискивать им работу. Совсем отчаявшимся предлагалось устройство в Работный дом. Подобная система пришла к нам из Западной Европы и носила название Эберфельдской. В Калужской губернии она была применена, кроме губернского центра, в уездном городе Мещовске. Для не имевших жилья при Работном доме была открыта ночлежка, выстроенная неподалеку от столовой для бедных. Постояльцы здесь принимались ежедневно с 6 до 10 часов и могли остаться до 8 утра. За три копейки они, кроме топчана, получали полфунта хлеба и кружку чая по утрам. 27 ноября 1895 г. состоялось окончательное освящение Работного

дома, на котором было собрано 260 рублей пожертвований. Кроме того, по постановлению Городской Думы было решено выделять на содержание дома по 500 рублей из прибыли существовавшего на благотворительные средства Малютинского банка[6].

В 1911 г. в Работном доме находилось 47 человек призреваемых, из них 9 мальчиков. Они обучались различным профессиям: кроме уже упоминавшегося сапожного — кузнечному, слесарному, столярному и др. мастерствам. Обучение производилось на таком высоком уровне, что продукция, выпускавшаяся в Работном доме, успешно конкурировала с продукцией лучших частных мастерских, и это несмотря на постоянно менявшийся состав призреваемых. Работный дом в Калуге относился ко 2-й группе, исходя из российской классификации. В эту группу входили Работные дома, в которых обитало от 20 до 50 призреваемых. О высокой оценке его деятельности свидетельствует факт его участия во Всемирной выставке в Париже, где на стенде Русских Домов Трудолюбия были выставлены папка с 13 фотографиями, пояснительной запиской и уставом, а также ящик с продукцией Калужского дома трудолюбия. Во время Первой мировой войны в Работном доме было сшито для нужд армии сапог и другой обуви на сумму 76116 рублей[7]. Отчасти это стало возможным за счет того, что в нем в 1916 г. обитало уже свыше 150 человек и возглавлял сапожное производство известный своими организаторскими способностями бывший полицмейстер Е.И. Трояновский. Его же усилиями при Работном доме были разбиты сад и огород, где стали проводиться сельскохозяйственные выставки[8]. Необученных призреваемых отпускали на поденные работы: распиловку и колку дров, очистку улиц и площадей, набивку ледников, погрузочно-разгрузочные работы на стройках, на пристани реки Оки, на железнодорожном вокзале. Последние из перечисленных работ осуществлялись специально образованными из обитателей Работного дома артелями. Другие постояльцы использовались на месте для изготовления по заказу брусков для кос, клейки пакетов, плетения корзин, чесания мочалы, производства щеток из мочалы, мочал для бань и т.д. Вместе с тем спецификой Работного дома в Калуге являлось его использование в качестве своего рода исправительного заведения, где различные работы применялись как наказание для уклоняющихся от честного труда. В России вначале подобный характер имел лишь Работный дом в Тамбове. Однако, не только в этих, но и в других городах Российской империи, полиция стала насильственно препровождать побиравшихся в такие дома. В 1914 г. Государственной Думой был принят законопроект о работных домах. Законопроект рассматривал дома как исправительно-карательные заведения, заключение в которых может последовать только в силу судебного приговора. Подлежат заключению (на срок от 6 месяцев до 3 лет) виновные в преступном нищенстве, т.е. в прошении милостыни с дерзостью, грубостью и употреблением обмана, а также совращающие в нищенство детей. Учреждение работных домов проектировалось за счет государственного казначейства. Особым пунктом законопроекта является установление тюремного заключения от 3 недель до 3 месяцев за праздношатание, т.е. уклонение от поисков работы при отсутствии определенных средств существования.

Работный дом в Калуге являлся, несомненно, большим достижением в борьбе с нищенством в городе, однако в целом решить эту проблему в губернском центре, а тем более в губернии, он не мог. Основные его недостатки — сравнительно малое число обслуживаемых им призреваемых, а также организация производства и работ, рассчитанных в основном на неквалифицированный труд. Как следствие — там была низкая заработная плата. Хотя на начальном этапе существования в нем было много квалифицированных рабочих, это обстоятельство их не удовлетворяло, что обусловило затем присутствие среди контингента в основном лиц без профессий, неимущих, немощных, алкоголиков, престарелых, детей-сирот, детей из бедных семей и др. В силу этого подобные заведения постепенно превращались в учреждения богадельного типа. Открытие работного дома, также как и другие благотворительные мероприятия, проведенные в Калужской губернии накануне революционных событий 1905 — 1907 гг. способствовали укреплению стабильности в Калужском крае накануне и в период Первой русской революции. В результате чего в Калуге и губернии не было отмечено в этот период крупных социальных выступлений, в то время, когда по стране прокатилась волна вооруженных восстаний и осуществлено 5,5 тысяч терактов, от которых пострадали министры, депутаты Государственной Думы, жандармы, полицейские и прокурорские работники[9].

Примечания

1. КГВ. 1882. № 2, 4, 15.
2. Попечительство о Домах Трудолюбия // Памятная книжка Калужской губернии за 1896 г. Калуга, 1895. Ч.4. С.54.
3. Там же.
4. Там же. С.58
5. Там же. С.59
6. Там же. С.52, 53; Фридгельм Е. Калуга и калужане: Быт и нравы жителей губернского города конца XIX начала XX вв. Калуга, 1998. С. 88—97
7. Герье В.И. Русские Дома Трудолюбия. М., 1900. С.20

43 Зак. 1971

8. Фридгельм В.И. Калужский полицмейстер Евгений Иванович Трояновский // Калуга в шести веках: Материалы 2-й городской краеведческой конференции. Калуга, 1999. С. 69.
9. Хлебников И.Н. Терроризм в современной России // Социальная безопасность государства, общества, личности: Состояние, проблемы, перспективы. М., 1996. С.293.

ИЗ ИСТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

Е.В. Малая, *Калужский базовый медицинский колледж*

В марте 2005 г. Калужская областная организация Общества Красного Креста отметила свое 135-летие. Калужское Общество попечения о раненых и больных воинах было создано в числе первых в России после образования Российского общества 19 февраля 1870 г. Почетными и действительными членами Общества попечения о раненых и больных воинах стали известные своей благотворительностью именитые жители губернии: надворный советник Н.С. Яновский, Архиепископ Калужский и Боровский Григорий, Перемышльский предводитель дворянства П.И. Шаблыкин, вдова генерал-лейтенанта Софья Владимировна Толстая (всего 58 человек).

9 апреля 1870 г.Калужское управление Общества через газету «Калужские губернские ведомости» обратились к жителям губернии с призывом о пожертвовании Обществу: «А разве это не замечательная черта сострадания русских — не оставление своим подаянием даже преступников, называемых у нас несчастными, причем забывает причиненное ими зло. … и сбудется великая пословица « С миру по нитке, голому рубашка». Требуется ни одна только денежная жертва, у многих нет денег, а усердие есть — потрудимся для общего дела — связать носки, сшить разные одежды, наделать мешков для сна и подушек, бинтов….».

До образования своей общины сестры милосердия Красного Креста входили в штат организации и работали при ликвидации эпидемий чумы, холеры, тифа. В Калуге калужские сестры милосердия самоотверженным трудом продолжали лучшие традиции первой Российской общины сестер милосердия, появившейся в 1844 г. по инициативе Великой Княгини Александры Николаевны и принцессы Терезии Ольденбургской под Августейшим покровительством Императрицы Марии Александровны в Санкт-Петербурге под названием Свято-Троицкой и прославленной Крествоздвиженской Общины сестер милосердия (община была создана Великой Княгиней Еленой Павловной 27 сентября 1854 года для оказания помощи раненым русским воинам в осажденном Севастополе в Крымскую войну 1853—1856 гг.). Калужские сестры милосердия самоотверженно работали во время непрекращающихся эпидемий чумы, холеры, тифа. После объявления русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Калужское управление Красного Креста проводит дополнительный набор и подготовку сестер и братьев милосердия в количестве 41 человека (10 монахинь, 8 монахов, остальные — светские люди).

14 сестер милосердия из числа светских лиц были направлены в расположение Киевского управления Красного Креста для дальнейшей отправки на «театр» военных действий и работы в киевских лазаретах Красного Креста. Остальные самоотверженно трудились, ухаживая за ранеными в отделении Красного Креста, развернутом в Хлюстинской губернской земской больнице и госпитале Красного Креста, развернутом в двухэтажном каменном доме, отданном бесплатно управлению Красного креста купцом Фалеевым.

Среди них — Надежда Феликсовна Рейнике, вдова штабс-капитана, в возрасте 34 лет, работавшая старшей сестрой в лазарете Красного Креста вместе с прославленными сестрами милосердия, дочерьми коллежского советника Софьей и Надеждой Росляковыми, 20 и 28 лет.

За два года войны калужские сестры милосердия выходили более тысячи, раненых солдат и офицеров. Через руки сестер милосердия и другого больничного персонала прошло 907 военнопленных турок. Самоотверженная работа сестер милосердия и Управления Красного Креста Калужской губернии были отмечены Высочайшей благодарностью. А спустя 15 лет 5 сестер милосердия калужанки Мария Семеновна Воробьёва, дочь чиновника, Августа Дмитриевна Цветникова, дочь чиновника, Екатерина Викторовна Зарембо потомственная дворянка, дочери коллежского советника сестры Софья Максимовна и Надежда Максимовна Росляковы и Надежда Вейкина за самоотверженный труд по оказанию помощи больным во время крупной эпидемии холеры в Калужской губернии в 1892—1893 гг., в мае 1895 г. пожалованы Серебряными нагрудными медалями на Аннинской ленте «За усердие».

Как писалось в «Калужский Губернских ведомостях» в апреле 1896 г. «ввиду того, что польза которую оказывают сестры милосердия населению, в особенности при появлении эпидемий велика, решено было учредить в г. Калуге Общину сестер милосердия. В этих целях было создана комиссия во главе с губернатором А.А.Офросимовым и статским советником, начальником Калужского уезда Н.А. Лебедянцевым, а также И.Е. Мотейгнфелем, приискать близ Хлюстинской земской больницы дом для общины. Учитывая все вышесказанное было

решено купить в центре Калуги два дома, в одном разместить амбулаторию для ведения ежедневного приема населения, другой использовать для управления Красного Креста со сдачей части помещения внаем для получения средств на содержание общины (сегодня это корпуса терапевтического и гастроэнтерологического отделений Первой городской больницы имени Красного Креста); позже эти два дома были объединены единой встройкой в целое.

Был объявлен набор в Общину. Объявления давались через «Калужские губернские ведомости». На момент нового набора в штате управления Красного Креста находились 16 сестер милосердия в возрасте от 21 до 34 лет : 4 потомственные дворянки Екатерина Викторовна Зарембо, 21 года, Екатерина Сергеевна Ключарева, 25 лет, Анна Яковлевна Громова, 22 лет, Надежда Феликсовна Рейнике, вдова штабс-капитана, потомственная дворянка, дочь генерал-майора Ефронкова Лидия Дмитриевна ,30 лет , дочь священника Клавдия Дмитриевна Воскресенская, 23 лет, Софья и Надежда Максимовны Росляковы , 27 и 29 лет. В общину принимались и девицы всех сословий не моложе 18 лет и не старше 45 лет, непременно грамотные и христианского вероисповедания.

14 ноября в час пополудни в Доме Калужского управления Красного Креста во второй часта 7 околотка Новорежской улице (ныне улица Никитина) состоялось торжественное открытие Общины. После окончания богослужения в кафедральном соборе по случаю дня тезеименитства Государыни Императрицы Марии Федоровны в помещении Общины собрались дворяне главного местного Управления Красного Креста, представители военной и гражданской власти во главе с управляющим губернии А.А. Офросимовым (являвшимся товарищем председателя Калужского Управления Красного Креста), губернским предводителем дворянства Н.С. Яновским (председателем Управления Красного Креста), начальником 3 пехотной дивизии генералом-лейтенантом Озеровым. В час дня прибыл преосвященный Макарий, Епископ Калужский и Боровский. Помещение Общины было окроплено водой, в покоях общины отслужен молебен. На открытии присутствовала супруга губернатора княгиня Голицына Елизавета Александровна, изъявившая по единой просьбе всех членов управления согласие принять на себя высокое звание «Попечительницы Общины». Ее помощницей была избрана княгиня Вяземская. На должность старшей сестры Общины была командирована из Санкт-Петербурга сестра милосердия Яковлева Мария Васильевна, носящая это звание 17 лет, из них 8 лет в знаменитой Александровской Общине.

На телеграмму Управляющего Калужской губернией камергера Офросимова А.А. с поздравлениями населения Калуги и губернии с Днем рождения Императрицы и сообщением об открытии Общины от Марии Федоровны была получена телеграмма: «Искренне благодарю всех за поздравления и желаю процветания вновь открытой Общине сестре милосердия. Мария». Была получена также телеграмма от адъютанта Князя Барятинского в адрес Калужского губернского предводителя дворянства, председателя местного управления Красного Креста Яновского И.С., в которой он передавал благодарность Государыни Императрицы Марии Федоровны ему лично и управлению Красного Креста за выраженное чувства..

Через «Калужские губернские ведомости» Земское и городское общество заверило население «…что всегда чуткое ко всем общественным нужды, а в делах благотворительности, внесет посильную лепту для процветания и преуспевания этого в высшей степени симпатичного и гуманного учреждения»

Попечителями общины стали также управляющий губернией Офросимов А.А., княжна Ольга Сергеевна Горчакова, В.Е. Думитрашко, Н.Э. Усова, И.И. Дубенский (Иван Иванович Дубенский в последствии стал попечителем Калужской фельдшерско-акушерской школы, которую вновь открыл в 1905 году). Шефскую помощь оказывало Общество калужских врачей.

Занятия в Общине начались с 1 декабря 1896 г., амбулаторный прием был открыт с 1 января 1897 г. Устав Общины был утвержден 12 июля 1896 г., опубликован в «Калужских губернских ведомостях». Своим девизом Община выбрала знаменитое изречение Государыни Императрицы Марии Александровны (жены Александра II), покровительницы Красного Креста: «Сила не в силе, сила в любви».

Нравы в Общинах сестер милосердия были строгими, нарушения Устава Общины вели, как правило, к отчислению из Общины. Во время работы в госпитале Красного Креста для низших чинов, развернутом в залах Эрмитажа Санкт-Петербурга в 1915—1916 гг. попечительница Кауфманской Общины сестер милосердия баронесса С.А. Иссыкуль, при обнаружении губной помады на губах у сестер милосердия, вырвала «с мясом» (с тканью) нагрудный знак Красного Креста, затем последовало отчисление из общины.

Во всех Общинах сестер милосердия преподавался Закон Божий. В Калужской Общине сестер милосердия законоучителем все время существования Общины был отец Иоанн (Иван) Дмитриевич Зарецкий (1868—1927 гг.). Он служил в домовой церкви Александра Невского в Калужской губернской земской больнице, занимался благотворительностью — являлся членом

опекунского совета Малютинского детского приюта (как одного из учреждений Ведомства Императрицы Мари Федоровны, Августейшей Покровительница Красного Креста, находился в ведении Калужского управления Красного Креста), членом попечительства о бедных и беспризорных детях Калуги, являлся священником женского епархиального училища, был законоучителем в частной гимназии госпожи А.А. Саловой, являлся священником Церкви Архангела Михаила.

В разное время среди сестер милосердия были монахини, были случаи ухода сестер милосердия светского происхождения христианского вероисповедания в Калужский женский монастырь, Шамординский женский монастырь.

Калужское управление Красного Креста окружало заботой бедных, престарелых и больных сестер милосердия. Так, в отчете о расходовании собранных у населения средств (такие отчеты ежемесячно опубликовывались в Калужских губернских ведомостях в год открытия общины, 12 ноября 1896 г. сообщалось, что в ходе кружечного сбора Красного Креста было собрано 223 руб., 19коп. 10 % отчислено на открытие Общины, 15 руб. на пособие больной сестре милосердия Бахтиной, «которая много лет пожила личным трудом, а посему не может находиться в бедности», остальные средства израсходованы на оказание помощи бедным.

Подвиг сестер милосердия XIX столетия нашел свое продолжение в деятельности калужских сестер милосердия в годы русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Калужская сестра милосердия Геннриэта Сорокина, участвовала в деятельности практически всех благотворительных учреждений, стала полным Георгиевским кавалером за подвиги, в числе которых — спасение Знамени Либваского полка.

Калужская община сестер милосердия просуществовала до 1917 г.

В 1991 г. созданная в 1968 г. патронажная Служба Красного Креста по медико-социальному обслуживанию и уходу за одинокими престарелыми больными была переименована в Службу милосердия, а патронажные сестры — в медицинских сестер милосердия. Сегодня медицинские сестры милосердия и младшие сестры милосердия продолжают славные традиции калужских сестер милосердия, окружая теплом и заботой одиноких престарелых людей.

Литература

1. Махеев С. Подвижницы Милосердия. М., 2003.
2. Пухов В. История города Калуги. Калуга, 1998.
3. Фридгельм Е. Калуга и калужане. Калуга, 1998.
4. Хечинов Ю. Ангелы – хранители. М., 1996.
При подготовке статьи были использованы материалы ГАКО.

РОЛЬ КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСБАНКА В ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ В XIX — XX вв.

***В.В. Демченко**, к.и.п., Союз творческой интеллигенции г. Севастополь*

Многие преобразования на территории Верхнего Поочья в значительной мере обусловлены деятельностью денежно-кредитных учреждений (ДКУ), ядром которых изначально являлось губернское отделение Госбанка (КО ГБ): оно активно влияло на землепользователей, материально поддерживало культуру земледелия, оказывало воздействие на производительность труда. Вот почему эта проблема вызывала профессиональный интерес исследователей, иных специалистов соответствующих отраслей экономики[1]. Тем не менее, губернская практика не нашла адекватного ее значению внимания, а многолетняя общественная невостребованность усугубила этот пробел. Он обусловливает внимание к многоразово выверенному отечественным регионом опыту в развитых рыночных отношениях. Этому мешает позиция противников полнокровного земельного рынка, которые вкладывают отрицательный смысл в признание того, что «банк обязательно потребует безоговорочного возврата кредита да плюс проценты — и никаких поблажек»[2].

Земельные собственники Калужья стали приобщаться к ипотечному кредитованию с 1777 г., когда был образован губернский Приказ общественного призрения (КПОП), выполнявший — как и в иных аналогичных центрах России — функции не только благотворительные, но и отделения государственного ипотечного банка[3]. Изменялись сроки ссужения средств — от одного года вначале до 37,5 лет с 1829 г., размеры ссуд — от 1 тыс. руб. до 30 тыс. руб. в 1820 г., условия погашения (начав с 6% годовых и 2% погашения основного долга, снизили до 5%). Неизменными были, во-первых, залог земли, во-вторых — стремление к либерализации кредитования. Для достижения этой цели уже при создании КПОП были предусмотрены государственные ассигнования[4].

КО ГБ, созданное в 1883 г., стало в губернии своего рода «банком банков», и подобная

образность удачно подчеркивала его роль как самого крупного ДКУ региона, рефинансирующего центра, контролирующего иные структуры, ведущего проводника важнейших государственных программ.

С помощью его ресурсов пополнялись оборотные средства, и на этой основе совершенствовалось сельскохозяйственное производство, при этом оно руководствовалось Правилами Минфина от 10 февраля 1884 г., обращая внимание на хозяйственный уровень использования земли. В 1886 г. предложено лихвинскому дворянину П.П. Елагину при кредитовании 1600 руб. не производить в имении изменений, которые могли бы привести к уменьшению ценности земли, своевременно и правильно ремонтировать строения, не сдавать в аренду имение в целом, а сдачу и аренду его части предварительно согласовывать с банком, должностных лиц которого в любое время допускать к осмотру заложенных владений. Аналогичные залоговые обязательства подписывали и все иные заемщики. К этим документам прилагались удостоверение уездного Предводителя дворянства с подтверждением занятий заявителя ссуды сельскохозяйственной деятельностью, его постоянного места жительства, личных качеств, а также описание закладываемого имения (оно тщательно проверялось на месте банковским представителем, хорошо знавшим сельское хозяйство) и сведения о недоимках и залогах[5].

При решении вопросов о ссужении крестьян определяющее значение имело поведение потенциального заемщика. В 1895 г. крестьянин д. Новые Стребки Мосальского уезда М.А. Антонов просил у КО ГБ кредит в размере 50% стоимости молотильной машины. Волостное правление при этом характеризовало его следующим образом: «Поведения Антонов трезвого, честного и трудолюбивого... В платежах казенных повинностей исправен, частных долгов за ним нет»[6].

КО ГБ поддерживало ссудами прежде всего те намерения землепользователей, которые способствовали подъему культуры земледелия. Крестьянин Калужского уезда А.С. Баюсов получил в КО ГБ 11 декабря 1896 г. кредит на 70 руб., в обеспечение которого заложил приобретенную молотилку, предварительно застраховав ее[7]. Кредит открывал хозяйству новые возможности в сфере производства. Пример КО ГБ охотно воспринимался в этом отношении всеми кредитными структурами губернии.

Для определения эффективности пользования землей специалисты КО ГБ анализировали лицевые счета за последние 2—3 года, сопоставляли динамику суммы задолженности и естественное движение оборотных средств: если во время одних видов полевых работ заимствования росли, во время других (уборки, транспортировки и т.п.) — сокращались, а в период реализации сельскохозяйственных продуктов долг покрывался полностью — значит, заемщик состоятелен, и последующее ссужение оправданно. Особенно благоприятные условия создавались для тех, кто занимался производством овощей и фруктов. Жатвенную машину «Новая ласточка» стоимостью 165 руб. приобрел на ссуду КО ГБ крестьянин с. Устиновка Тарусского уезда М.П. Болдин, занимавшийся не только зернопроизводством, но также садоводством и пчеловодством[8]. В целом по стране размер ссуды ограничивался 80 — 90% стоимости земли, срок — 24,5 — 34,5 годами, ставка — 7,5 — 8,5% годовых. В Калужье условия кредитования для сельскохозяйственных производителей были благоприятнее.

На время хлебных кампаний 1909 — 1911 гг. при казначействе открывались специальные временные агентства там, «где по состоянию урожая предвиделся усиленный спрос на хлебозаготовительные ссуды», устанавливался наиболее удобный порядок выдачи мелких ссуд по распоряжению самого КО — без согласования с ГБ, которым настойчиво проводилась линия на «возможно широкое развитие посреднических ссуд для средних и мелких производителей». Отделение выдавало их частным ДКУ под обеспечение соло-векселями данных учреждений[9].

Государственная упорядоченность правовых вопросов собственности на землю создала предпосылки для вовлечения в денежный оборот закладных листов, привлекательность которых объяснялась надежностью эмитентов, возможностью получать ими ссуды под залог земли, каждые полгода — проценты, дважды в год участвовать в тираже этих листов. Они высоко котировались среди землевладельцев, стали важным инструментом финансовых отношений.

Земельное ипотечное кредитование при посредничестве КО ГБ подкреплялось прямой помощью государства непосредственным сельхозпроизводителям. Казенная палата в 1906 г. передала крестьянам д. Рындино Перемышльского уезда 43 дес., в придачу к той земле, что была приобретена ими у дворянки Е.С. Олив; в Лихвинском уезда обществу крестьян д. Токаревой перешли 156 дес. из имения вдовы поручика О.М. Галкиной, а 26 октября (8 ноября) 1907 г. к владениям крестьян Н.Н. и О.Н. Румянцевых — 10 дес., «как не бывшие в известности». Это сочеталось с ссудами государства на хозяйственные нужды. На основании Закона от 16 (29) июня1912 г. Перемышльской уездной землеустроительной комиссией выдано 1 (14) марта 1913 г. крестьянину д. Акуловские Дворики К.Е. Тимофееву 150 руб. на перенос и возведение построек,

причем первый взнос он должен был произвести по истечении 5 лет, а вся ссуда подлежала погашению в последующие 10 лет равными долями. Аналогичный порядок действовал в то время повсеместно, что упрочивало положение земледельцев, позволяло лучше пополнить казну соответствующими обязательными платежами[10].

В конце XIX в. объем ссуд, обеспечивавших сельское хозяйство, был достаточно устойчив, в пределах КО ГБ — от 108 до 118 тыс. руб., т.е. разрыв составлял 8,5%. В начале XX в. обстановка стала быстро улучшаться: уже в октябре 1906 г. отделением выдано таких ссуд более, чем на 238,1 тыс. руб. Немаловажно и то, что достаточно ощутимую поддержку получали и сопутствующие производства: сумма соло-векселей по ссудам кустарям и ремесленникам увеличилась со 137,4 тыс. руб. в 1897 г. до 154,4 — в 1898 г. и 149,1 — в 1906 г. При этом осуществлялся дифференцированный подход к кредитованию, с приоритетом менее имущим. В 1897 — 1898 гг. без особых проволочек получили ссуды на хозяйственные нужды крестьяне с. Косташова Козельского у. М.Р. Горчаков, П.Р. Горчаков, Ф.Т. Тришин и В.Ф. Ершов. Они имели 1 — 2 лошади, 1 — 2 коровы, 2 — 6 голов мелкого скота, 4 — 6 дес. надельной земли. В то же время КО ГБ отказал в ссуде в 150 руб. Г.Д. Смирнову из с. Красное Жиздринского уезда на том основании, что тот мог обойтись и без заимствования, т.к. занимался торговлей. В целом же к середине 1890-х гг. ссуды при участии КО КБ на нужды сельского хозяйства составляли около 600 тыс. руб. — это 60% того, что выделяли в то время шесть калужских ГОБов, причем — у них кредитные условия были для заемщика более обременительными.

21 февраля (6 марта) 1911 г. были повышены нормы кредитования оборотных средств имений: при 3-хпольном севообороте на 1 дес. зерновых до 15 руб., при многопольном и посевах масличных — до 20 руб., для производства корнеплодов — до 40 руб., сеяных трав — 12 руб., при сохранении норм по сенокосам — 3 руб., на одну голову крупного рогатого скота — 3 и мелкого 1 руб. В Циркуляре сделана оговорка о том, чтобы «увеличение норм (кредитования — *В.Д.*) было обращено на действительные нужды сельского хозяйства, способствовало его интенсификации». Все кредиты на эти цели не должны были превышать 75% необходимых оборотных средств, а вместе с общими ипотечными задолженностями — 75% стоимости имения[11].

Одним из средств обеспечения обязательности со стороны заемщиков явились залоги, но механизм возврата долгов включал и другие: для соблюдения интересов кредитора при выдаче ссуды на срок до одного года проценты взимались сразу за весь заемный период с суммы кредита, если же срок ссужения был большим — вперед за каждый предстоящий год; для облегчения участи заемщика основной капитал возвращался по истечении срока займа, а не частями (исключение составляли долгосрочные ссуды: при 8-летнем сроке первое погашение надлежало произвести через три года в размере 20% и так затем ежегодно; при 12-летнем — через два года по 10% в течение остававшихся 10 лет)[12]. Имущество — и движимое, и недвижимое, не могло быть подвергнуто секвестру (т.е. запрещению или ограничению пользования им) не только по частным, но и по казенным взысканиям «кроме, как по решению суда»[13]. Свести к минимуму искушение со стороны недобросовестных заемщиков была призвана служить общегосударственная информация: по предоставлении кредита КО ГБ направляло в Сенатскую типографию т.н. запретительную статью на имение, которая подлежала обязательной публикации в специальных объявлениях о запрещениях на имения[14].

Возврат кредитов землепользователями зависел от предприимчивости и мастерства работников в сфере местных промыслов — гончарного, кузнечного, плотницкого, санного, ткацкого, кружевного, маслобойного. В 1902 г. ими занимались 41 тыс. человек, в том числе 39,6 тыс. крестьян, заработки которых составили 2344,8 тыс. руб., увеличившись за три года на 74,7 тыс. руб., десятью годами позже местными промыслами были заняты уже 51,4 тысячи человек — это в 2,4 раза более, чем работали на 318 фабриках и заводах губернии.

Губерния в нач. XX в. занимала первое место в России по отходничеству: при населении около 1,5 млн. человек им занимались к 1914 г. более 192 тыс. человек, или 12,8% всего населения и в 9 раз больше, чем было занято на промышленных предприятиях Калужья. Заработки отходников обеспечивали весомое пополнение семейному бюджету, давали возможность выполнять денежно-кредитные обязательства, в результате не возвращавших ссуд под залог земли было немногим более 5%.

С началом Первой мировой войны приблизился закат кредитования земельных отношений в губернии, однако прецедент уже состоялся: КО ГБ в 1883 — 1917 гг. оказывало кредитные услуги на выгодных для сельских товаропроизводителей условиях, способствовало росту культуры растениеводства и животноводства, повышению жизненного уровня всех слоев населения.

Примечания

1. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т.5; Чаянов А.В. Капиталы крестьянского хозяйства и его кредитование при аграрной реформе. М., 1917; Караваева И.В. и др. Финансовые просчеты в экономической политике России на рубеже XIX — XX вв. // Финансы и кредит. 2003. №23; Степанов В.Л. Государственное ипотечное кредитование в дореволюционной России // Деньги и кредит. 2004. №2.
2. Ткачев А. Решать судьбу земли должны регионы // Известия. 1998, 19 февраля.
3. ГАКО. Ф.37. Историческая справка.
4. Российская банковская энциклопедия (РБЭ). М., 1995. С.341.
5. ГАКО. Ф.37. Оп.1. Д.908. Л.1, 20, 49—50; Ф.86. Оп.2. Д.311. Л.29—30, 46, 260; Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. (ПК-1861). Калуга, 1861. С.3; Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. М., 1978. Т.29. С.201.
6. ГАКО. Ф.86. Оп.2. Д.311. Л.29—30, 46, 260.
7. Там же. Ф.173. Оп.1. Д.11. Л.27—29, 31; Д.12. Л.1; Д.13. Л.8.
8. Там же. Д.30. Л.1—3, 4—5.
9. Там же. Д.31. Л.3.
10. Там же. Д.32. Л.3, 8.
11. Там же. Д.174. Л.31об., 40—41.
12. Там же. Ф.86. Оп.4. Д.201. Л.49; Д.364, Л.3, 10, 20.
13. Там же. Ф.61. Оп.1. Д.26. Л.434; Ф.173. Оп.1. Д.58. Л.2—3, 12-14; Д.174. Л.31.
14. Там же. Ф.62. Оп.19. Д.1419. Л.6—7об.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ (ИЗ ИСТОРИИ МЕДЫНСКОГО ВОССТАНИЯ)

***М.Г. Шульман**, к.и.п., Институт управления и бизнеса*

При изучении жизни русской деревни важную роль играют крестьянские источники, имеющие давние и глубокие традиции: крестьянские наказы, приговоры правдиво отражают мировосприятие сельского населения, его надежды и чаяния, являясь колоритными свидетельствами эпохи. Для послеоктябрьского периода характерно появление целого пласта специфических крестьянских документов — резолюций митингов и собраний, проводившихся в деревнях приезжими агитаторами от различных организаций. Эти документы тщательно фиксировались властными структурами, поэтому многие из них дошли до нас (наибольшее количество подобных резолюций встречается в фондах военных комиссариатов, на агитационно-пропагандистские отделы которых в 1918 — 1919 гг. пала основная тяжесть политической работы в массах). Данный тип источников, несомненно, требует критического анализа: часто информация, представленная в них, тенденциозна и отражает не столько действительное отношение крестьян, сколько их послушное выполнение воли «вышестоящих инстанций». Кроме того, очевиден факт, что с 1919 г. почти все «крестьянские» резолюции были заранее подготовлены агитаторами, а крестьяне всего лишь подписывали эти «домашние заготовки». Но в 1917—1918 гг. резолюции, созданные непосредственно крестьянами (на что указывает язык и стилистика подобных документов), не были редкостью.

Предметом рассмотрения данной статьи стала история появления одной из таких резолюций, которую нам удалось реконструировать с достаточной долей достоверности.

Эта резолюция, обнаруженная в фонде Калужского уездного военного комиссариата, звучит следующим образом: «Мы граждане деревни Некрасова Кузовской волости Медынского уезда Калужской губернии… даем свое крепкое слово… уничтожить тоесть вырвать скорнями этих парозитов и контрореволюценеров которые насъ смущали и идутъ против Советской власти и мы даем честное слово что мы ихъ сотромъ слица земли этих крокодиловъ пющую веками нашу кровь. И мы граждане всегда и усюду приветствуемъ таварищей камунистовъ большевиков за ихнюю великую идейную работу. И мы видим что это партия есть единствена засчита трудового крестьянства и засчита бедняка…» (29 декабря 1918 г.)[1] (здесь и далее стиль и орфография источников сохранены — *авт.*).

Данный документ сразу вызывает ряд вопросов. Во-первых, каким образом он оказался в фонде Калужского уездного военкомата, когда должен был находиться в бумагах Медынского? Во-вторых, кто фигурирует под ругательными эпитетами «паразитов», «контрреволюционеров» и «крокодилов, пьющих кровь»? Априори ясно, что здесь мы встречаем не абстрактный «образ врага» в лице «мирового империализма» или «белогвардейских банд», который так часто использовался в агитации тех лет для поддержания населения в должном революционном тонусе и консервации протестных настроений, а кого-то вполне конкретного, знакомого данной аудитории, контактировшего с ней. И, наконец, чем вызвана великая благодарность «коммунистам- большевикам»?

Первый вопрос вряд ли принципиально важен: документ мог попасть в чужой фонд при архивировании; митинг в Медынском уезде мог проводить представитель Калужского уездвоенкомата в порядке шефской помощи и т.д. В поиске ответа на другие вопросы мы обратились к событиям последних месяцев 1918 г., произошедших в Медынском уезде

Калужской губернии. В результате наметилась интересная историческая зарисовка.

Во время празднования первой годовщины Октябрьской революции в ряде волостей Медынского уезда вспыхнул крестьянский мятеж. Причины крестьянского недовольства лежали, в основном, в экономической плоскости: осенью 1918 г. проводился ряд государственных мероприятий, вызывавших озлобление у деревенского населения, — реквизиции, «десятимиллиардный» налог, различные налоги на зажиточных крестьян (почтовый налог, налог на проведение Октябрьского праздника и др.). Причем последние нередко устанавливались местными органами, в частности, комитетами бедноты, что открывало двери разного рода злоупотреблениям, сведениям личных счетов и т.д., да и сам критерий «кулака» или «буржуя» в то время был достаточно расплывчатым. Медынский уезд на территории Калужской губернии стоял на четвертом месте по численности населения[2] и считался промышленным. Значительная часть крестьян уезда занималась «отходничеством» и попросту не могла сдать государству требуемое количество продуктов. Об этом свидетельствуют многие отчеты местных органов власти. Приведем характерный отрывок из протокола Глуховского волисполкома и комбеда (30 октября 1918 г): «…О поставке от Глуховской волости 100 пудов овес (так в тексте — *авт.*), 100 пудов картофель, 30 пудов хлеба и принимаем во внимание, что население Глуховской волости полупролетарское Московско-фабричное, сельским хозяйством занимается очень мало и хлебных излишков не только не имеет, но даже не обезпечено хлебом на 8 месяцев по норме и потому выполнить означенный наряд невозможно, не отняв последний кусок хлеба у голодного населения, что безусловно вредно отразится на настроении масс, да еще фабричных…Просим Медынский уездный Исполком освободить Глуховскую волость от поставки...»[3].

На наш взгляд, именно эти обстоятельства оказывали негативное влияние на политическое настроение крестьян уезда: Медынская чрезвычайная комиссия в своем отчете на заседании ГубЧК 30 октября 1918 г. жаловалась, что на подведомственной территории «везде и всюду срывали митинги и не давали никакого ходу. В уезде имеется контрреволюционное гнездо. В настоящее время арестовано от буржуазии человек пятьдесят, из них есть жандармы, деревенские кулаки, попадаются и бедняки…»[4]. (Отметим, что ЧК других уездов почти единодушно констатировали спокойствие населения).

К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами о подготовке мятежа, о его руководителях и пр., но само выступление, как следует из отчета в Калужский губком РКП (б), выглядело таким образом: в пос. Полотняный Завод 7 ноября 1918 г. «за несколько часов до открытия торжества Исполкомом были получены сведения, что мобилизованные унтер-офицеры что-то хотят предпринять в виде выступления и действительно по Московской улице около часа дня шла толпа человек в триста без всяких флагов… Было уже ясно, что эта банда пришла с намерением сорвать торжество, о чем немедленно было дано знать в уездный Исполком с просьбой прислать вооруженный отряд, который запоздал и прибыл по окончанию торжества… Вскоре было сообщено, что к этой банде присоединились еще человек сто Троицкой, Маковской и частью Полотняно-Заводской волостей и идут с другого конца города по направлению к площади, где происходили торжества…»[5]. Далее документ скупо констатировал, что «толпа была разогнана и больше не показывалась»[6].

На самом деле это событие явилось началом крестьянского восстания, которое буквально в следующие дни стало набирать обороты. В официальных бумагах оно тут же получило название «белогвардейского мятежа». Из доклада штаба войск по водворению революционного порядка 24 ноября 1918 г.: «…9 ноября с/г вечером банды белогвардейцев, подняв д. Ивановское Глуховской волости, стали готовиться к наступлению на Медынь, с целью свергнуть Уездный Совет и воспользоваться имеющимся оружием и суммами казначейства…»[7]. В короткий период восстание охватило почти весь Медынский уезд и перекинулось на Боровский и Малоярославецкий уезды Калужской губернии.

В задачи данной статьи не входит подробное описание перипетий этих событий. Отметим лишь, что для подавления крестьянского мятежа потребовалось значительное количество войск, которым к концу ноября 1918 г. удалось погасить последние очаги сопротивления. Впоследствии на заседаниях волостных исполкомов Медынского уезда звучали самые фантастические формулировки об организаторах восстания и его целях. Говорилось, к примеру, что оно «организовано на средства Англо-Французского капитала, внутренними помещичьими, кулацкими и офицерскими бандами, вовлекшими народные массы лживыми обещаниями и бессовестными инсинуациями на власть Советскую, пользуясь их темнотою…»[8]. В подобном подходе можно усмотреть глубокий смысл: во-первых, если крестьянство поднимает мятеж против Советской власти, то рушится красивая теоретическая конструкция «крестьянство — союзник пролетариата», следовательно, основные виновники должны быть другими. В роли «других» выступает абстрактный собирательный «образ врага», многократно опробованный на митингах — «помещичьи, кулацкие и офицерские банды». (Интересно, что ни один из предполагаемых руководителей восстания не был арестован). Во-вторых, власть уже не в первый раз продемонстрировала видимость патерналистского отношения к крестьянам, которое было свойственно недолгому периоду, когда крестьянское движение носило еще локальный характер.

Для «перевоспитания» неразумного деревенского населения Медынского уезда предлагалось, начиная с 24 ноября, «немедленно организовать ряд митингов»[9]. Эта форма политической работы в массах в то время рассматривалась в качестве универсального средства (к тому же, самого доступного), способного разрешить многие противоречия во взаимоотношениях власти и общества. Если первые митинги должны были проходить в волостях, где находился очаг восстания (Маковской, Карамышевской, Полотняно-Заводской), то в дальнейшем ими следовало охватить все «медвежьи углы» уезда.

Можно с достаточной долей уверенности предположить, что заинтересовавшая нас резолюция была принята на одном из таких митингов. В пользу этого свидетельствуют следующие обстоятельства: Кузовская волость в выявленных документах о восстании не фигурирует, следовательно, должна была подвергнуться митинговой «проработке» не сразу. С этой точки зрения, 29 декабря — дата проведения мероприятия — выглядит вполне логичной. Кроме того, в данном случае вырисовывается реальный лик «образа врага»: «паразиты» и «контрреволюционеры», «смущавшие» крестьян, — это, скорее всего, мифические руководители восстания. Думается, вряд ли можно буквально воспринимать негодующий пафос, звучащий в документе, — стиль источника отвечает определенным канонам митинговой традиции и мало, что говорит о действительном отношении крестьян к произошедшим событиям. А великая благодарность «коммунистам-большевикам» вызвана всего лишь покаянными настроениями и боязнью карательных акций. Таким образом, скупая информация, содержащаяся в источнике, при сопоставлении с реальными событиями приобретает более глубокое измерение и позволяет воспроизвести целостную историческую картину.

Примечания

[1] ГАКО, ф.Р-1234, оп.1, д.357, л.20.
[2] Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 1920 г по Калужской губернии. — Калуга, 1921. — С.10-19.
[3] ГАКО, ф.Р-1555, оп.1, д.26, л.158.
[4] Там же, ф.Р-1498, оп.1, д.178, л.237об.
[5] ГАДНИКО, ф.1, оп.1, д.85, л.34.
[6] Там же.
[7] ГАКО, ф.Р-1498, оп.1, д.11, л.282.
[8] ГАКО, ф.Р-1555, оп.1, д.26, л.265
[9] Там же.

ОТХОДНИЧЕСТВО КРЕСТЬЯНСТВА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

***В.Я.Филимонов**, д.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Крестьянский отход — неотъемлемый элемент жизненного уклада российской деревни на протяжении длительного периода истории. Будучи неотделимым от урбанизации, интенсивно развивающейся в России со второй половины XIX в., отходничество являло собой сложный процесс, оказывающий влияние на все стороны общественной жизни: социально-демографическое развитие, экономику, политику, духовную сферу и др.

Калужская губерния с давних пор относилась к числу регионов с широким развитием отходничества. Занятия промыслами, работа на близлежащей фабрике, отход на заработки в отдаленные районы — все это позволяло крестьянскому хозяйству экономически выживать. Вместе с тем это был «путь в рабочие», канал, по которому происходил отлив деревенского населения в город.

Кризис города, вызванный революций и гражданской войной, породил обратный процесс: отлив городского населения в деревню. Однако, с переходом к нэпу, началом восстановления промышленности крестьянское отходничество вновь стало возрождаться, обостряя проблему городской безработицы.

Так, уже в 1923 г. приезжие из сельской местности составляли среди безработных Петрограда 38,3 %, Москвы — 43,3 %, причем, около 70 % всех «сельских» безработных приехали из губерний Северо-Запада и Центральной промышленной области РСФСР.

По наблюдению Л.Е. Минца, одного из первых исследователей миграционного движения населения 1920-х гг., выходцы из села быстрее устраивались на работу, по сравнению с городскими безработными[1]. Сельский безработный, не имевший квалификации, был более уступчив, менее требователен к условиям труда и потому быстрее нанимался в прислугу, на

работу к частному предпринимателю, что и обеспечивало опережающий рост этих категорий населения крупного города.

Так, в Москве за 1920 — 1923 гг. при росте численности рабочих на 6,6 % количество жителей, отнесенных переписью к категории «прислуги» — увеличилось на 38,3 %, «помогающих членов семьи» — более, чем в два раза[2].

Большую часть рабочих, занятых на промышленных предприятиях в губерниях Центральной России, составляли крестьяне близлежащих деревень. В Калуге на заводе КЭМЗ из 443 рабочих около 80 % были связаны с деревней, на Петровском заводе в Перемышльском уезде местные крестьяне составляли 95 % работающих, из 5 тыс. рабочих на предприятиях Бухаринского (ныне Дзержинского) района 70 % имели хозяйство в деревне.

Однако далеко не всем удавалось устроиться на работу. Типичную картину того времени рисовал очевидец: «На площадях Москвы и других больших городов можно видеть ночующих под открытым небом калужских отходников, неделями и месяцами ожидающих работы»[3].

Статистика, отражающая масштабы отходничества в 1920-е гг., довольно противоречива. Это связано с трудностями учета отходников, методами сбора и обработки данных различными ведомствами. Так, Губстатотдел приводил цифры о количестве отходников на основе выборочного обследования, которое охватывало 2 — 3 % крестьянских хозяйств (полученные данные разверстывались на изучаемые территории, что естественно предполагало известные допуски в точности полученных данных). Органы Наркомтруда оперировали данными, полученными из анкет волисполкомов со сведениями о количестве отходников. Цифры, получаемые таким образом, уже в те годы подвергались сомнениям, т.к. многие вики заполняли анкеты «на глазок» или вовсе не присылали их в центр. Наконец, третий вид учета отходников, по оценке современников — «самый неточный», практиковали так называемые корреспондентские пункты, которые создавались в волостях для связи с заказчиками рабочей силы из других областей. В 1928 г. в Калужской губернии было создано всего 31 такой пункт, т.е. 1 на 130 селений. Конечно, данные корпунктов вряд ли отражали реальные масштабы отходничества в губернии (тем более, что их работа в ежегодных справках, отсылаемых в Москву, традиционно признавалась «слабой»).

Таким образом, сведения о масштабах отходничества в 1920-е гг., которыми мы располагаем, не могут быть признаны исчерпывающими (расхождение в цифрах, исходящих от разных учреждений, колеблется в пределах от 12,5 % до 9,9 % относительно всего сельского населения).

Тем не менее, при всех неточностях в абсолютном выражении статистика 1920-х гг. вполне достоверно отражает динамику роста масштабов отходничества.

Данными о количестве отходников мы располагаем лишь начиная с 1923 г., когда после революции и гражданской войны впервые стало возможным осуществлять этот учет. В этом году Губстатотделом было учтено 25630 отходников (по данным Губтруда — 30434), в последующие годы количество отходников возрастало: в 1924 г. — 44623, 1925 г. — 57499, 1926 г. — 93331, а в 1927 г. число отходников по данным Губстатотдела составило 130798, или 81 % от уровня 1914 г. (по земской статистике в этом году в губернии насчитывалось 161702 отходника)[4].

В 1920-е гг. сохранились традиционно сложившиеся направления отхода: более половины отходников из Калужской губернии (50,36 %) шло в Москву и Московскую губернию, далее шли Калужская губерния (18,6 %), Украина (10,48 %), Ленинград (3,3 %), Кострома, Тула, Смоленск, Иваново-Вознесенск (от 3 до 1 %), менее 1 % приходилось на другие районы: Кавказ, ЦЧО, Поволжье, Сибирь, Урал (7,8 % отходников в этих данных, приходящихся на 1927 г., не было учтено).

Из уездов Калужской губернии по масштабам отходничества лидировал Сухиничский (особенно Перестряжская, Ягодная и Серпейская волости). Наибольшее число среди отходников приходилось на строителей, торфодобывателей. Второе место по числу отходников занимал Мятлевский уезд (преимущественно землекопы), далее шли Лихвинский и Калужский уезды (печники, штукатуры, строители, овчинники, булочники и др.).

По данным крестьянских бюджетов доходность от отхода к концу 1920-х гг. почти достигла довоенной и составила от уровня 1914 г. 98,1 %.

Массовый уход деревенских жителей на заработки в города вызывал серьезную обеспокоенность местных властей, которые утрачивали функции управления, выглядели беспомощными. Особо тревожило то, что в отходничество была вовлечена значительная часть деревенских коммунистов. Так, в Перестряжской волости Сухиничского уезда из 68 коммунистов и кандидатов в члены партии 38 ежегодно находились в отходе. В большинстве волостей уезда до 2/3 коммунистов ежегодно уходили на 5 — 7 месяцев, оставались только те, кто занимал партийные должности. Из 173 членов 13 сельсоветов Сухиничского уезда в июне 1929 г. в отход ушли 134 (в основном мужчины).

В одном из отчетов Калужского губкома так характеризовалось влияние отхода на бытовой уклад жизни деревни: «В жизни деревни выделяются два периода: когда население отходит и когда возвращается. С уходом — в деревне затишье. Главой хозяйства остается женщина. Они не участвуют в общественной жизни. Верховодят зажиточные крестьяне. Возвращение отходников влечет за собой один- два месяца повального пьянства. Когда возвращается домой отходник, то начинается угощение: сначала он приглашает к себе в дом друзей и знакомых, угощаются несколько дней, потом его приглашают друзья по очереди к себе в дом — до тех тор, пока не иссякнут привезенные деньги».

Представляет интерес социально-психологический облик отходника, каким он выглядит по информационным сводкам местных властей. Отходник, по их оценке, уже не крестьянин. У него к сельскому хозяйству «душа не лежит», хозяйство ведет он «на всякий случай», «мало ли что может быть», «куда денешь семью». «Большинство отходников, — сообщалось в одном из информационных отчетов, — смотрят на свое хозяйство не как на основной источник существования семьи, а как на подсобный, как на занятие, в котором должны упражняться его жена, старики и часть подростков, чтобы иметь подсобный кусок хлеба, и как на тихую пристань — свой угол, когда он, отходник, состарится».

Отходник открыто высказывает «политически вредные» суждения: требует «крестьянского союза», заявляет, что «рабочие едят хлеб, а у нас нет». «Но только болтают, в совет избираться не хотят». «Повернуты к культуре: читают и выписывают газеты, посещают избу-читальню. Отходник — как правило безбожник: «не верит ни в бога, ни в черта», но он не является застрельщиком антирелигиозной пропаганды; не ходит в церковь и равнодушно смотрит на церковные обряды.

Представляют интерес свидетельства крестьянок, жен отходников о приобщении их мужей к городской культуре. «Придет мужик с заработков, — заявила одна из крестьянок, — и начинает придираться, требует, чтобы в избе было чисто, заставляет чаще подметать и мыть полы. Другая продолжила: «А мой мужик нахватался в городе разных разностей, пришел домой и давай новые порядки заводить: зубы начал чистить и ребят приучать к этому. Где уж нам чистоту блюсти, это в городе можно, а у нас не до этого; я ему говорю: ты бы лучше делом по хозяйству занялся, что-нибудь сделал, чем ты такими пустяками занимаешься».

Возрастающий приток сельского населения в города, стихийный характер отходничества порождали серьезные трудности, побуждающие власть к регулированию этих процессов. Со стороны города эта работа шла главным образом по линии борьбы с безработицей, что являлось главной задачей Наркомата труда и его органов на местах. Не имея возможности трудоустроить всех нуждающихся в работе, Наркомтруд неоднократно обращался к местным органам с предложениями развернуть разъяснительную работу против массового отлива сельского населения в города. В циркуляре, направленном в 1924 г., говорилось: «Ввиду возрастающей безработицы, жилищного и топливного кризиса в Москве и Петрограде НКТ РСФСР предлагает ни в коем случае не направлять в Москву и Петроград лиц, ищущих заработки, и путем широкого освещения данного вопроса в местной прессе прекратить наплыв трудящихся в Москву и Петроград, где они будут обречены на суровую безработицу со всеми тяжелыми последствиями». С 1924 г. на биржах Москвы и Ленинграда была прекращена регистрация деревенских безработных[5].

В губернских городах, в частности, в Калуге, периодически проводились обследования социального положения безработных с целью выявления «лиц непролетарского происхождения», а также городских жителей, зарегистрировавшихся безработными, чтобы избежать некоторых местных налогов. Все безработные были разделены на две категории: нуждающиеся в работе как средстве существования и те, кто ищет работу, но остро в ней не нуждается (сюда были отнесены крестьяне). Лицам, отнесенным к первой категории, работа предоставлялась в первую очередь[6].

Со стороны деревни сокращению отходничества должны были способствовать меры, направленные на интенсификацию сельского хозяйства: развитие промышленного льноводства, молочного хозяйства и т.п. Чтобы сократить отток населения в города, создавались условия для развития кустарной промышленности на селе. Однако, возможности государственного воздействия таким путем были крайне ограничены.

Преодолению отрицательных последствий аграрного перенаселения должно было служить организованное перенаселение крестьянских семей из Европейской части страны в малонаселенные районы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В 1920 г. переселенческий отдел Наркомзема планировал осуществить переселение изъявивших желание выехать в Сибирь крестьянских семей семи голодающих губерний Центра: Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской, Брянской, Орловской, Курской. Однако отсутствие необходимых средств,

транспортные трудности не позволили провести эту работу в намеченных масштабах.

Попытки придать отходничеству организованный характер предпринимались и в последующие годы. Так, в 1929 г. по сведениям корпунктов около 50 тыс. крестьян Калужской губернии намерены были идти в отход на строительные работы. Однако биржа труда смогла заключить договоры с работодателями только на 11 тыс. человек, еще 5 тысячам было предложено работать в местных строительных организациях. Даже если признать эти цифры реализованными (а в отчетных материалах сведения о результатах не приводятся), то все равно вряд ли принятые меры можно признать эффективными (в отчете Губкома в информационный отдел ЦК отмечалось, что «система работает слабо»). По сведениям Губтруда во второй половине 1920-х гг. более 80 % отходников шли в отход «самотеком». На селе центральной фигурой в организации отхода был «староста», местный житель, который выезжал в город, где устанавливал контакт с работодателем, а затем, вернувшись в деревню, набирал крестьян в артель, иногда «за взятки». О таком лидере в деревне говорили: «Староста — это все», «он достал работу». Бытовал даже обычай своеобразных «отработок»: семья отходника, которого староста взял в артель, в отсутствие старосты производила работы в его хозяйстве.

Попытки выстроить систему государственного регулирования крестьянского отхода были прерваны на рубеже 1920 — 1930-х гг. Поворот к сплошной коллективизации вносил существенные изменения в деревенскую жизнь, включая ее в формирующуюся государственную систему.

Примечания

1. Минц Л.Е. Рынок труда в России: За 1922 и первую половину 1923 г. М., 1923. С.26.
2. Михайловский В. Население Москвы по главным занятиям // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С.29.
3. ГАДНИКО, ф.1, оп.11, д.72, л.215.
4. Здесь и далее использованы информационные отчеты и другие материалы об отходничестве хранящиеся в ГАДНИКО (ф.1, оп.12, д.17, 18, 19, 72).
5. На аграрном фронте. 1925. № 5—6. С. 87.
6. ГАКО, ф.Р-26, оп.1, д.214, л.38.

ИТОГИ ВЫСЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ В 1925—1928 гг. В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н.Н. Никитина, *к.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

В Калужской губернии работа по выселению бывших помещиков и крупных землевладельцев началась с февраля 1925 г. и должна была завершиться 1 августа 1926 г. Она проводилась специально созданной Губисполкомом комиссией, которая рассматривала регистрационный материал, представленный с мест в исполнение постановления Президиума ГИКа от 24 июня 1924 г. «О регистрации всех бывших помещиков». Комиссия определяла права на землепользование, а также выносила решения о выселении или оставлении на месте того или иного землевладельца.

За время производства работ по выселению бывших помещиков до 1 августа 1926 года в Калужской губернии было взято на учет 506 семейств. Из них, по постановлению Губкомиссии и Губисполкома, подлежало выселению 261 семейство, то есть 51,5% всех взятых на учет[1]. Многие бывшие помещики, которые подлежали выселению, обращались с жалобами в Президиум Губисполкома. Эти жалобы поступали не по одному разу и не в одну инстанцию. Всего до 1 октября 1926 г. было подано 422 жалобы.

В результате рассмотрения и удовлетворения части жалоб количество семейств, подлежащих выселению, сократилось до 165 и составило лишь 32,6% от общего количества взятых на учет бывших помещиков и крупных землевладельцев. Фактически на 1 октября 1926 г., по данным Уездных комиссий, было выселено 130 семейств. Это составляет 78,7% подлежащих выселению и 25,7% взятых на учет[2].

Однако, по сведениям Губкомиссии, на 1 октября 1926 г. из 130 выселенных семейств 124, или 95%, семейств осталось в пределах губернии; выехало 6 семейств, или 5%. Из 124 семей, оставшихся проживать в губернии, 61 семейство, или 47%, проживали в пределах своих уездов, 32 семейства, или 24%, — в пределах своих волостей и 21 семейство, или 15%, — в пределах своих сельсоветов.

Выселение многих бывших помещиков в связи с поданными ими в различные инстанции жалобами было приостановлено. Количество семейств бывших помещиков, оставленных

постановлениями Губкомиссии и Президиума ГИКа на 1 октября 1926 г., определяется в 306 семей или 60,9% всего количества учтенных по губернии.

Таким образом, большинство жалоб бывших помещиков было удовлетворено местными земельными органами и лишь незначительная часть их — через ВЦИК. В результате невыселенными их остались более половины всех бывших помещиков, взятых на учет. Мотивы оставления в прежних имениях были различны. Они сведены Губкомиссией и ГИКом в 8 групп на основании выборки из протоколов заседаний Губкомиссии.

В них были включены следующие семейства.

1) Не относящиеся к бывшим помещикам: хуторские хозяйства, трудовые крестьянские хозяйства и представители других сословий с незначительным землевладением до революции. Их насчитывали 162, или 54%.

2) Заслуги по строительству Красной Армии: служба в Красной Армии, участие в советском строительстве, общественная работа — 47, или 15%.

3) Улучшение сельского хозяйства, незначительность землепользования, отсутствие кабальных отношений — 34, или 11%.

4) Трудовые хозяйства, земля приобретена через банки — 21, или 7%.

5) Землепользование совместно с обществом — 15, или 5%.

6) Не выселять, но урегулировать отношения — 10, или 3%.

7) Без мотивов на основании постановления ЦИКа — 9, или 3%.

8) Передача земли в общинное пользование, преклонный возраст — 6, или 2%.

Всего — 306, или 100% [3].

При этом всем оставленным бывшим помещикам, по каким бы причинам они не подлежали выселению, ставились обязательные условия: оставаться законопослушными, перейти на положение трудящихся, т.е. не эксплуатировать чужого труда. Им отводился земельный участок наравне со всеми крестьянами по трудовой норме. Представители интеллигенции, имевшие специальности врача, учителя, агронома, должны были работать в советских учреждениях по своим профессиям.

Работа по выселению бывших помещиков не была закончена к 1 октября 1926 г.. Постановление ВЦИК СССР от 5 марта 1926 г. об окончании выселения бывших помещиков к 1 августа 1926 г. в Калужской губернии выполнено не было. Из оставшихся невыселенными 35 семейств выселение 15 семейств (43%) не осуществлено потому, что поданные ими жалобы в высшие инстанции — ВЦИК и Прокуратуру республики — не были рассмотрены к этому времени[4].

Мер со стороны местных органов к виновным в невыполнении в срок закона от 20 марта 1925 г. не принималось, хотя в других губерниях уже проводились чистки кадров низового аппарата.

Калужская Губкомиссия обращалась в Президиум ВЦИК с ходатайством о продлении срока для проведения работ по выселению бывших помещиков. В этой просьбе ей было отказано и было предложено ввиду истечения срока окончания работ по выселению бывших помещиков поставить вопрос перед Губисполкомом о ликвидации Комиссии по выселению бывших помещиков и возложить эту работу на аппарат местных земельных управлений. Для скорейшего завершения работ по выселению бывших помещиков «нужно было поставить перед НК РКИ вопрос о необходимости издания соответствующего постановления со стороны ВЦИК о прекращении приема жалоб от выселенных и как можно быстрее разрешить уже принятые жалобы»[5].

В Калужской губернии работа по выселению бывших помещиков затянулась. В связи с этим 22—23 февраля 1928 г. состоялось заседание коллегии РКИ Калужской губернии по итогам работы в 1927 г. Был заслушан доклад т. Эрдеш А.И. о волоките, допущенной должностными лицами Калужского Губземуправления в вопросе выполнения директив правительства о выселении бывших помещиков. Было постановлено: «привлечь ответственных работников земельных органов к суду; указать заведующему ГЗУ т. Короткевичу и его заместителю т. Трусову за недопустимое отношение должностных лиц ГЗУ к выполнению директив правительства, предложив под их личную ответственность в кратчайший срок закончить работу по выселению бывших помещиков»[6].

Несмотря на то, что работа по выселению должна была быть закончена к концу 1927 г., в Калужской губернии оставалась невыселенной значительная часть бывших помещиков и крупных землевладельцев. Многие из них несколько раз попадали в списки выселяемых, их имущество подвергалось изъятию, но все равно они продолжали жить в пределах губернии.

17 декабря 1928 г. состоялось заседание комиссии по выселению бывших помещиков при Губисполкоме. На заседании была предпринята попытка свести все данные о бывших помещиках в Калужской губернии воедино, систематизировать их, окончательно проверить

46 Зак. 1971

сведения и принять решения об оставлении на месте или выселении бывших помещиков. Для многих семей бывших землевладельцев начался новый этап испытаний. Постановление 20 марта 1925 г. давало немало оснований для оставления бывших помещиков на месте, но в 1928 г. многие из них уже не принимались во внимание. Происходит ужесточение порядка рассмотрения дел бывших помещиков.

В результате работы комиссии по выселению бывших помещиков при Губисполкоме к январю 1929 г. из 526 взятых на учет бывших помещиков и крупных землевладельцев выселенными оказались 170 семей. Из них 124 семейства проживали в пределах губернии, 61 семейство — в пределах своих уездов, 32 — в пределах своих волостей, 15 — в пределах сельсоветов. Оставлено на месте 318 семейств, 38 — исключены из списков бывших помещиков по причине незначительной земельной площади[7].

Таким образом, значительная часть бывших помещиков Калужской губернии была оставлена на месте по тем или иным причинам, а из числа выселенных большинство осталось проживать в пределах губернии. Хотя официально кампания по выселению бывших помещиков в общероссийском масштабе была закончена, на Калужской земле этот процесс продолжался и в 1929 г.

Примечания

1. ГАКО. Ф.Р-162. Оп.1. Д.375. Л.369.
2. Там же.
3. Там же. Ф.Р-26. Оп.2. Д.12. Л.123.
4. Там же. Л.364.
5. Там же. Л.366.
6. Там же. Ф.Р-162. Оп.1. Д.375. Л.524.
7. Там же. Ф.Р-26. Оп.2. Д.16. Л.467.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ. Б.Е. ТРЕЙВАС И КАЛУГА

***Е.А. Тимошенкова**, Заслуженный работник культуры РФ,*
Государственный музей истории космонавтики

История Калуги гордится многими знаменитыми людьми, которые внесли большой вклад в развитие края. К сожалению, некоторые имена по самым разным причинам почти забыты. Одним из таких людей был Борис Ефимович Трейвас, в 1930-е годы секретарь Калужского районного комитета партии, человек, который смог оставить в истории калужского края яркий след, хотя связан был с ним всего около четырех лет.

Работа над данной темой осложнялось тем, что после ареста Трейваса в 1937 г. многие документы, отражающие его деятельность, были изъяты или уничтожены. По этой причине основным материалом для доклада послужили немногие сохранившиеся статьи самого Трейваса в газете «Коммуна» (те, которые не были уничтожены или вымараны), редкие упоминания о нем в периодических изданиях разных лет, а также воспоминания его родных.

Борис Ефимович Трейвас был известным в Москве человеком. Он родился в 1898 г. в Витебской губернии. С 1918 г. — в партии большевиков. Защищал Петроград от Корнилова, был ранен. В двадцать лет был избран секретарем Московского комитета комсомола, затем работал редактором газеты «Юношеская правда» (сейчас «Комсомольская правда»). Работал заведующим отделом Бауманского райкома партии г. Москвы, первым секретарем которого был Н.С. Хрущев. По рекомендации Хрущева, который вскоре стал во главе Московской партийной организации, Трейвас был направлен первым секретарем райкома в Вышне-Волоцкий район, относившийся в те годы к Московской области. За два года его работы район стал одним из лучших и был занесен на областную «Красную доску».

И тогда решено было направить Трейваса в отстающий Калужский район Московской области. По личной рекомендации Хрущева Трейвас был избран первым секретарем Калужского райкома партии. Новому секретарю было чуть за тридцать. В январе 1934 г. он вместе с женой, журналисткой Марией Сафроновной Селиверстовой, и тремя детьми переехал в Калугу и энергично взялся за работу.

За неполные четыре года работы Бориса Ефимовича в Калуге и районе было сделано многое — завершилась реконструкция многих калужских предприятий, были построены новые корпуса машиностроительного и электромеханического заводов. Началось строительство комбината синтетических душистых веществ. Получило развитие жилищное строительство. Причем, райком жестко следил, чтобы при распределении квартир в первую очередь получали жилье рабочие, а не номенклатурные работники. В городе за эти годы были открыты два кинотеатра — «Центральный» и «Ударник» и летний цирк. Открылось автобусное движение от железнодорожного вокзала до центра города.

Секретарь райкома пользовался всеобщим уважением и любовью Бывший председатель Калужского райисполкома Л.В. Гирусов рассказывал: «Приезжаю в Калугу, попадаю на первое партийное собрание. Я в жизни не видел, чтобы секретаря райкома встречали так восторженно, с такими овациями…». Яркий и талантливый руководитель, блестящий журналист, обаятельный и общительный человек — вот каким был первый секретарь райкома. Он умел поставить перед людьми цель и увлечь их на ее достижение. Его часто видели на предприятиях, в школе, в театре. Он был доступен всем, начиная с рабочего и кончая пионерами.

В Калужском районе с его приходом стали внедряться передовые агрономические приемы. В марте 1934 г. по инициативе Трейваса калужане выступили инициаторами социалистического соревнования среди девяти западных районов Московской области. Был создан мичуринский питомник, снабжавший Калужский и другие районы посадочным материалом. Здесь выращивали новые сорта яблонь, груш и даже виноград, который вывели калужские селекционеры. После изучения опыта местных виноградарей Трейвас устроил им встречу в Москве с Хрущевым, которому калужане подарили несколько виноградных кистей. 1936 г. завершился грандиозной районной сельскохозяйственной выставкой, инициатором которой тоже стал первый секретарь. Сам Трейвас часто выезжал в колхозы, где занимался вопросами труда и быта колхозников, вникая во все их нужды и заботы.

«По предложению Б.Е. Трейваса, — вспоминала Л.П. Попова, — наша улица Мичурина взяла шефство над колхозом «Угра». Шефы выезжали в колхоз на один день, и за этот день решалась вся уборка. В один из дней на уборку с родителями выехали и мы, дети. Когда работа была закончена, неожиданно из-за леса появилась грозовая туча. Люди забеспокоились: как выбраться в такую погоду в Калугу, если не придут машины! Но в это время подъехал Трейвас и сказал, что детей заберет в свою машину (эмку), а за остальными тотчас же пришлет грузовики, что и было сделано. Вот так я оказалась в машине с Трейвасом. По дороге он с нами не сюсюкал, разговаривал, как с равными, рассказывал о ракетах, о Циолковском, о строительстве ГЭС на Оке выше Калуги и о многом другом…».

О Циолковском Трейвас говорил не случайно. Знакомство с ученым и его семьей произошло вскоре после приезда его семьи в Калугу. Трейвасы пришлись Циолковским, как говорится, «ко двору». «Мы часто навещали Циолковского, — рассказывала Селиверстова. — Константин Эдуардович, Варвара Евграфовна, Мария Константиновна были радушными хозяевами. Беседы с ученым оставляли неизгладимое впечатление. К Циолковскому часто приезжали гости из Москвы: писатели, журналисты…Мне казалось, что эти встречи были очень полезными для Константина Эдуардовича. Может быть, именно после этих встреч Циолковский стал охотнее бывать на общественных мероприятиях, проводимых в нашем городе, хотя обычно его очень смущала глухота, а пользоваться своими самодельными слуховыми аппаратами на людях он избегал».

По приглашению колхозников зимой 1934 г. Константин Эдуардович вместе с Марией Сафроновной ездил на лекцию в колхоз, расположенный в деревне Угра. Этот колхоз был одним из лучших в области. Руководил колхозом 18-летний Николай Ершов, тогда самый молодой председатель в стране. Здесь очень хорошо была поставлена оборонная работа, был создан Дом обороны. Был в колхозе и свой планер, на котором училась летать молодежь.

Решено было пригласить Циолковского, чтобы уже известный в ту пору ученый рассказал крестьянам о том, как люди научились летать, о том, почему они стремятся во Вселенную. Циолковский очень хорошо рассказывал колхозникам о своих мечтах и изобретениях. Лекция продолжалась около полутора часов, а потом он отвечал на многочисленные вопросы. Записки с вопросами, которых тоже было много, увез с собой. Когда ехали домой, ученый просил: «Не потеряйте ни одной записки, я постараюсь на все ответить».

Осенью 1935 г. здоровье Циолковского резко ухудшилось, его положили в больницу на операцию. Вместе с родными ученого у его постели почти безотлучно находилась и Мария Сафроновна. Каждое утро и каждый вечер, несмотря на огромную занятость, приезжал Трейвас. Они вели с Циолковским разговоры за закрытыми дверями. Вероятно, под влиянием этих разговоров, Циолковский, за несколько дней до смерти, написал свое знаменитое письмо в Центральный комитет партии. В нем все свои научные труды он завещал советскому народу.

Надо отметить, что в последние годы в трудах научных Чтений К.Э. Циолковского поднимался вопрос, а кто же был истинным автором письма? Ведь ученый после операции был слишком слаб, чтобы самому писать его. Ответ на этот вопрос обнаружился в неопубликованных воспоминаниях Селиверстовой, написанных ею незадолго до смерти: «Писать Константину Эдуардовичу было трудно. Письмо он диктовал, писал его Борис Ефимович. Это письмо Константин Эдуардович прочел, а потом собственной рукой добавил несколько слов. Затем письмо было отпечатано в райкоме партии, и я в тот же вечер отвезла его в Москву.

Поезд отходил в 12 часов ночи, а в 6 часов утра я уже была в Москве. Подлинник письма я отвезла в Центральный комитет партии, а второй экземпляр в редакцию газеты «Правда».

Райком во главе с Борисом Ефимовичем взял на себя и организацию похорон ученого. 21 сентября 1935 г., через день после его смерти, в газете «Коммуна» появилась статья Трейваса об ученом. Борис Ефимович писал: «Во всех беседах К.Э. Циолковского с нами чувствовалась его огромная любовь… к своей Родине… На районном совещании знатных людей он говорил: «Что вы мне аплодируете? Я вам должен аплодировать. Вы уже создали огромное богатство и построили такую роскошную страну. Мне всегда стыдно, как мало я еще создал для своей Родины».

Несмотря на возраст и тяжелое состояние здоровья, К.Э. Циолковский принимал активное участие в общественной жизни района. Он давал нам советы, сам читал лекции в колхозе… Вместе с ним мы организовали совещание знатных людей района. При его участии взялись за создание аэроклуба и провели многотысячную осоавиахимовскую массовку.

Калуга потеряла в лице К.Э. Циолковского самого знатного своего человека. Вместе со всей страной она склоняет знамена над гробом великого ученого».

В конце 1936 г. были обвинены во вредительстве и арестованы директор машиностроительного завода НКПС Д.К. Каралефтеров и директор электромеханического завода В.Д. Контак. Весной 1937 г. Трейвасу было предъявлено обвинение в пособничестве троцкистам и партийной близорукости. Московский областной комитет партии принял решение о его исключении. На собрании районного партийного актива Трейвас сказал: «Я прошу учесть, что член партии с 1918 г. … Я с врагами не якшался, врагом не был, я пойду на председателя колхоза и покажу себя на любой работе, на любом участке…». При голосовании только 18 человек из 456 участников актива проголосовали за его исключение из партии. Люди ему верили. Тем не менее, он был исключен из партии и снят с работы.

3 апреля 1937 г. Борис Ефимович передавал дела новому секретарю райкома. И даже в этот невероятно тяжелый день он подумал о том, что могут пострадать невинные люди, связанные с ним. Улучив удобный момент, он сумел уничтожить часть документов и записную книжку с адресами и документами друзей и знакомых.

Очень скоро с ним перестали здороваться знакомые. Надо было возвращаться в Москву, но в семье не было даже денег на дорогу. Когда об этом стало известно, в дом к Трейвасам, на виду у всего города, пришла Мария Константиновна Циолковская. Поздоровалась, оглядела голые стены и положила на стол тяжелый сверток. «Наша семья верит, что Борис Ефимович настоящий большевик, — сказала она, — У нас от отца осталась единственная ценность — полдюжины серебряных ложек и маленькая золотая цепочка. Она была на часах, которые подарил мне отец в день свадьбы. Пожалуйста, примите, вам должно пригодиться. Отец поступил бы так же», — сказала дочь ученого.

Бориса Ефимовича арестовали в московской квартире в первую же ночь после возвращения из Калуги. 16 августа 1937 г. он был расстрелян по обвинению в пособничестве троцкистам. Тогда же были уничтожены все его бумаги, а номера газет со статьями Трейваса о Циолковском были вырваны из подшивок. (Полный комплект газеты «Коммуна» сохранился лишь в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина).

1 сентября была арестована и Мария Сафроновна. Трое детей после ее ареста были раскиданы по разным детским домам. Домой она вернулась лишь через 17 лет.

Но каким-то чудом удалось ей сохранить, а в 1964 г. передать в музей ученого, единственную серебряную ложечку, подарок семьи Циолковских, и письмо Марии Константиновны, неизвестными путями дошедшее к ней в лагерь в 1940 г.

Долгое время о месте захоронения Трейваса не было известно. Но несколько лет назад его дочь, Серафима Борисовна Ильина, смогла выяснить, что Борис Ефимович был похоронен в общей могиле на Донском кладбище в Москве.

Источники и литература

1. Протоколы заседаний Бюро Калужского райкома за 1936 год. ГАКО. Ф.П-8. Оп.3. Д.18.
2. Трейвас Б. Великий советский ученый // Правда.1935, 21 сент.
3. Константин Эдуардович Циолковский: Сборник. Калуга, 1935.
4. К.Э. Циолковский в воспоминаниях современников: Сборник. Тула, 1983.
5. Только большевики меня понимают // Юность. 1963. №7.
6. Ерохин А. Человек с планеты Земля // Брянский комсомолец. 1963, 12 апр.
7. Колодный Л. Посылка на улицу Циолковского // Московская правда. 1964, 27 мая.
8. Афанасьев К. Тридцать пятый и другие годы // Молодой ленинец. 1988, 18 ноября.
9. Воспоминания М.С. Селиверстовой. Личный архив семьи Циолковских.

ВОПРОСЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В КАЛУЖСКИХ АРХИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В 1920 — 1950-е гг.

***М.А. Добычина**, Государственный архив Калужской области*

Эффективность деятельности любого учреждения обусловлена рядом факторов, в частности, кадровым составом людей, призванных исполнять управленческие и исполнительные функции, их профессиональными, личностными качествами, уровнем образования, культуры, возрастным цензом и т.д.

До настоящего времени кадровый состав Калужского архива не был предметом специального рассмотрения. Ознакомление с массивом выявленных архивных документов проливает некоторый свет на данный вопрос. Официально провозглашенная Декретом СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 г. централизованная система хранения документов в составе единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) коренным образом меняла подход к организации архивов и вселила энтузиазм в местную интеллигенцию, видевшую своим долгом сохранение исторического наследия. Первый штат калужских архивистов (16 человек) во главе с управляющим губархбюро А.В. Борисенковым был сформирован в 1919 — 1920 гг. из представителей той когорты местной интеллигенции (Д.А. Никольский, В.В. Виноградов, Г.Д. Пейдж, В.М. Смирнов, Г.И. Соколов, Н.А. Гамолко, М.В. Покровский и др.), которая считала спасение документов своим гражданским долгом. Содействие А.В. Борисенкову в подборе кадров архивистов оказало Калужское общество истории и древностей (КОИД), рекомендовавшее для этой работы своих членов[1]. По социальному происхождению первые сотрудники архива были выходцами из дворянского и духовного сословий. За их плечами был большой опыт преподавания и работы с историческими документами, активное участие в деятельности местных общественных историко-краеведческих организаций. Нельзя не отметить особую потребность первых калужских архивистов служить делу сохранения документального наследия, заниматься собирательской работой, разъяснять необходимость охраны и использования документов в научных целях. Первый состав губархива проработал недолго. Несмотря на преданность делу, мизерная зарплата, тяжелые, подчас невыносимые условия труда, почти полное отсутствие пайкового обеспечения, вынуждали многих увольняться. К апрелю 1920 г. штат губархива состоял уже из 8 архивистов[2].

Начало 1920-х гг. ознаменовалось решительным поворотом архивного строительства на новый путь: начался процесс политизации архивов, т.е. «внедрения и распространения коммунистической идеологии и обоснования юридического и исторического своего права на государственную власть»[3]. В апреле 1921 г. А.В. Борисенков был освобожден от должности[4]. Его преемником в июне 1921 г.[5] был назначен Д.И. Малинин, выдающийся краевед, историк, внесший значительный вклад в изучение истории Калужского края и дело спасения исторических памятников. В годы обучения в Калужской духовной семинарии он, будучи выходцем из духовного звания, состоял библиотекарем марксистского кружка студентов-семинаристов. Этот факт, видимо, сыграл положительную роль в его биографии в первые годы после октябрьских событий. Однако Д.И. Малинин пробыл в этой должности недолго. В мае 1923 г. он был снят с занимаемого поста и переведен в научные сотрудники (проработал до 1929 г.). Можно предположить, что одной из причин смещения Д.И. Малинина с должности заведующего стала активная жизненная позиция ученого-архивиста, который не мог равнодушно смотреть на безумие, творимое деятельными и агрессивными невеждами, бездумно разрушающими памятники истории и культуры. Д.И. Малинин открыто говорил и писал об этом в Главнауку. На его место был назначен более угодный властям М.В. Покровский, вступивший в должность 16 мая 1923 г.

Заявления главных идеологов и организаторов процесса «политизации архивов» — председателя новой Коллегии Главархива известного историка М. Н. Покровского и его заместителя В.В. Адоратского, о том, что они поставлены как «политические руководители», а все остальные — «технические элементы» (это понятие закрепилось за архивистами на многие годы) — привели к серьезным кадровым проблемам в архивной службе в последующий период. Положение усугублялось еще и тем, что социальный статус архивистов был на низком уровне, материальное обеспечение не соответствовало трудовым затратам, сокращалась численность научных сотрудников в местных архивах. В результате опытные работники переводились на нижеоплачиваемые должности, и вскоре увольнялись. В сложившейся ситуации архивное руководство страны в центре и на местах формировало архивные кадры «не столько по профессиональному, сколько по классовому «признаку» — «красными специалистами»[7]. Так, к 1925 г. штат Калужского губархива, состоявший из 12 человек, полностью сменился[8]. В учреждение пришли новые «политически надежные» люди. Например, С.В. Херсонский (член

РКП(б) с неоконченным средним образованием)[9], П.Д. Скорбач (член РКП(б), с начальным образованием, занимавший до назначения на пост заведующего калужским архивом в 1927 г. ряд важных должностей в советских органах управления, в военном и судебном ведомствах). Из старого состава остались только научные сотрудники Д.И. Малинин и Н.А. Гамолко[10].

В первой половине 1930-х гг. штат архива продолжал сокращаться: на август 1929 г. в архиве числилось 7 сотрудников; в августе — октябре 1929 г. — 6; на сентябрь 1930 г. — 5; затем осталось всего 4 человека[11].

В начале 1937 г. заведующим Калужского архива был назначен В.В. Войткевич, снятый с работы уже в апреле 1937 г., исключенный из партии и осужденный как «враг народа» к пяти годам ИТЛ (Исправительно-трудовых лагерей). Подобранные им сотрудники были названы «случайными и вражескими советской власти элементами», которые не могли «дать нужной работы». После удаления Войткевича происходит «постепенное очищение и обновление кадров архива» от ненадежных элементов[12]. В 1937 г. директором архива была назначена Л.И. Волкова, член ВКП(б) с 1925 г., (до революции — прислуга у купцов, а после 1917 г. — выгрузщица вагонов и кухонная рабочая). В 1920 г. Л.И. Волкова окончила ликбез, рай- и окрсовпартшколу, что дало ей возможность успешно строить партийную карьеру[13].

В 1939 — 1956 гг. Калужский архив возглавляла Н.К. Нечаева. Ее назначение было связано с «отличными административными способностями», которые она продемонстрировала как архивно-технический работник. За плечами Н.К. Нечаевой было 4 класса церковноприходской школы и трехмесячные курсы архивных работников в г. Москве. Ее руководство архивом совпало с периодом оккупации г. Калуги немецко-фашистскими захватчиками и организацией эвакуации архива в Саратовскую область в годы Великой Отечественной войны. На 19 января 1942 г. в штате оставшегося в Калуге архива состояло всего 4 человека. По этому поводу директор сообщала в архивный отдел НКВД Тульской области (тогда Калужский архив был в его подчинении) 10 сентября 1942 г. следующее: «Подобрать соответствующий штат в настоящее время очень трудно ввиду того, что большинство из калужан оставалось на оккупированной местности, и доверить им работу над материалами Отечественной войны очень рискованно»[14].

На 1 января 1943 г. был утвержден штат архива в количестве 19 человек. В наличии имелось лишь 11 сотрудников. Из них высшее и незаконченное высшее образование получили 2 человека, среднее, незаконченное среднее и низшее по 3. По 3 человека состояли членами ВКП(б) и ВЛКСМ. Все сотрудники были обеспечены пропусками в столовую спецторга и получали рабочую карточку на 500 и 400 грамм хлеба[15]. Для продовольственной поддержки архивистов был отведен огород за вокзалом на Тульской петле[16].

После образования Калужской области в июле 1944 г. изменилась структура архивных органов. Возглавил архивную службу архивный отдел УНКВД по Калужской области, в подчинении которого был Государственный архив Калужской области и районные госархивы. 25 ноября 1944 г. были утверждены штаты: в архивном отделе состояло 6 человек, в облгосархиве — 19, в райгосархивах предусматривалось по одному сотруднику. Первоначально во главе архивного отдела была поставлена Н.К. Нечаева, облгосархив возглавляла А.С. Ирошникова. Полностью штат облгосархива был укомплектован к 1946 г. (в документах значатся 22 человека). Образовательный уровень архивистов был невысоким: высшее образование имел один сотрудник, незаконченное высшее — 3 (2 обучались на заочном отделении Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), один — в пушно-зверном институте), среднее — 6, незаконченное среднее — 8, низшее — 4. В рядах ВКП(б) состоял один сотрудник, членами ВЛКСМ были два человека[17].

В 1947 г. в ходе проверки работы архивного отдела вышестоящей организацией (Главным архивным управлением НКВД СССР) были выявлены многочисленные факты некачественной работы, что привело к смещению с должности начальника архивного отдела Н.К. Нечаевой. В октябре 1947 г. на эту должность был назначен Г.И. Поплаухин, член ВКП(б), имевший «высшее специальное образование», в 1949 г. его сменил выпускник МГИАИ П.В. Богословский[18].

Комплектование кадрами рай(гор)архивов отражают следующие данные: на 1948 г. числилось 26 заведующих, в 1949 г. — 27, в 1950-1951 гг. — 28, в 1952 г. — 29[19]. Следовательно, заведующие были назначены во все рай(гор)архивы.

В областном архиве до 1953 г. по штату состояло 19 человек, в 1954 — 20[20]. Особенностью кадровой политики архивных учреждений тех лет было привлечение к управлению лиц с историко-архивным образованием[21]. По возрастному составу штат архивистов выглядел следующим образом: имели возраст до 26 лет — 7 человек, от 26 до 40 — 11, свыше 40 лет — 7. Стаж архивной работы свыше 10 лет был у 5 человек, свыше 5 лет — у 7, до 5 лет — у 13. Таким образом, среди калужских архивистов конца 1940-х — начала 1950-х гг. преобладали сотрудники молодого и среднего возраста, получившие профессиональную подготовку. Важно заметить,

что в архиве работали «проверенные» сотрудники. Так, в справке о работе с кадрами отмечалось: «... фактов нарушения государственной и трудовой дисциплины, потери бдительности, моральных и др. проступков сотрудников отдела и архива не имеется. В целях поощрения имеется доска почета»[22]. С целью повышения «идейно-политического уровня» сотрудников проводились занятия по изучению материалов съездов ВКП(б), работ И.В. Сталина. Заметим: это указывает на более высокую идейную, чем профессиональную подготовку архивистов, что соответствовало идеологии того времени и подчиненности архивной системы НКВД.

В 1953 — 1954 гг. архивные учреждения области работали в не менее сложной, чем в предшествующие годы, обстановке. Причиной тому была малочисленность штатов. В еще более трудном положении оказались районные архивы. Заведующих обязывали заниматься не архивной работой, а выполнять обязанности сотрудников райисполкомов. На их работе отрицательным образом сказывалось крайне неудовлетворительное финансирование. Оценив сложившееся положение в архивных учреждениях области, П.В. Богословский в отчете за 1954 г. предложил радикально преобразовать архивную систему страны с целью «...упрощения, удешевления и совершенствования структуры госаппарата, ликвидации излишних звеньев и параллелизма в работе, питающих канцелярщину и волокиту...» путем упразднения архивных отделов УМВД и сосредоточении всей их работы в инспекторских отделениях облгосархивов[23].

В 1954 г. заведующим архивным отделом стала ст. научный сотрудник архивного отдела В.Н. Самцова, пришедшая работать в отдел сразу же после окончания МГИАИ в 1951 г.[24] В 1956 г. начальником облгосархива была назначена Н.В. Акимова (закончившая заочно МГИАИ в 1963 г.)[25]. В 1957 г. в архивном отделе числилось 7 человек, в архиве — 19, во всех районных архивах — по одному сотруднику[26].

Таким образом, к 1950-м гг. руководителей Калужской архивной службы, не имевшим даже среднего образования, заменили специалисты с базовым архивным образованием, сумевшие организовать практическую работу архивных учреждений на профессиональном уровне. Тем самым был создан определенный механизм их деятельности, действовавший в области на протяжении нескольких десятилетий. Позитивной стороной решения кадрового вопроса следует считать стабильность и преемственность руководящего состава архивного отдела и облгосархива. К недостаткам в деятельности архивных учреждений можно отнести консерватизм мышления и медлительность в работе архивистов. Кроме того, частая сменяемость кадров низшего звена, их невысокие профессиональные качества приводили к недобросовестному исполнению некоторых видов работ. Изучение отдельных вопросов кадровой политики, проводимой в архивных учреждениях Калужского региона, свидетельствует о том, что она во всех своих проявлениях была ярким воплощением тех основных тенденций, которые имели место в архивной системе страны в 1920 — 1950-х гг.

Примечания

1. ГАКО.Ф.Р-324. Оп.1. Д.2. Л.34.
2. Там же. Ф.Р-1584. Оп.1. Д.11. Л.24.
3. Корнеев В.Е. Копылова О.П. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920—1930-е годы) // Отечественный архивы. 1993. № 5. С.29.
4. ГАКО. Ф.Р-1584. Оп.1. Д.14. Л.8, 11.
5. Там же. Д.39. Л.5.
6. Чествование в Центрархиве РСФСР М.Н. Покровского по поводу 60-летия со дня его рождения // Архивное дело. 1928. Вып. IV(17). С.74.
7. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. 1917—1980-е гг. М., 1994. С.96.
8. ГАКО. Ф.Р-1584. Оп.1. Д.86.
9. Там же. Д.115. Л.73.
10. Там же.
11. Там же. Д.175. Л.3—4, 40.
12. Там же. Оп.2 л/с. Д.257. Л.88—89; Из бездны небытия. Книга памяти репрессированных калужан. Калуга, 1993. Т.1. С.269.
13. Там же. Оп.2 л/с. Д.166. Л.1—3.
14. Там же. Л.141.
15. Там же. Оп.1. Д.316. Л.187—188.
16. Там же. Д.306. Л.158.
17. Там же. Д.347. Л.1—4, Д.375 Л.29—41, Д.392. Л.1—17.
18. Там же. Д.539. Л.16.
19. Там же. Д.434. Л.31; Д.461; Д.505. Л.6—8об.; Д.520. Л.1—8. На 1954 г. значится 1 обл., 25 рай и 4 горархива.
20. Там же.
21. Там же. Д.539. Л.16.
22. Там же. Л.12—13об.
23. Там же. Л.53.
24. В.Н. Самцова проработала начальником архивного отдела до трагической смерти 17 октября 1983 г.
25. ГАКО. Ф.Р-1584. Оп.1. Д.596. Л.3об.—27.
26. Там же. Д.596. Л.13об.—27, Д.614. Л.1—20.

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ БАРЯТИНСКОГО, ДУМИНИЧСКОГО И СУХИНИЧСКОГО РАЙОНОВ

***И.С. Писаренко**, к.и.н., Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана*

Барятинский район. 4 октября 1941 г. Барятинский район был полностью оккупирован фашистской армией. Сразу же начались жестокости со стороны оккупантов.

На окраине с. Милятино немцы огородили двумя рядами колючей проволоки пустырь и загнали туда более трехсот пленных красноармейцев. Большинство из них были ранены. Голодные, в непогоду, они лежали на голой земле. Жители села, рискуя жизнью, ночами бросали им хлеб, картошку, бинты, марлю. Охрана это заметила. Рано утром фашисты вывели из лагеря трех красноармейцев со свежими бинтами на ранах, привели жителей села Т.Н. Тришину, А.Д. Терехову, Е.И. Колбасову и старика Я.Н. Гришанова, поставили к стене кирпичного сарая и расстреляли. В д. Борец фашисты всех мужчин и подростков закрыли в клубе, предварительно отобрав теплую одежду, облили здание бензином и подожгли. В огне погибли 52 человека.

В д. Яковлевская 14 января 1942 г. разведчики Красной Армии уничтожили более десятка немецких солдат из взвода охраны. На другой день в деревню прибыли каратели и сорвали злобу на мирных жителях: сначала подожгли все 76 домов колхозников, расстреляли тех, кто выскакивал из домов, выхватывали детей из материнских рук и бросали их в колодцы. Из 340 жителей деревни погибли 152 человека, остальные были угнаны в неволю. Таким же образом расправились фашисты с жителями деревень Бельная и Крюково. Здесь погибли 476 жителей — стариков, женщин и детей.

О подобных злодеяниях неоднократно сообщали сводки Совинформбюро. Вот одна из них: «…Гитлеровцы опустошили и разорили деревни Ригу, Чумазово, Коськово, Приволье и поселок 1 мая. Из 298 жилых домов немецкие изверги сожгли 292. Разрушены и сожжены два клуба, две школы, мельница, столовая, кузница и другие постройки. Немцы отняли у населения все продовольствие, скот, птицу и имущество. Фашисты замучили и расстреляли много крестьян, 160 мужчин и женщин угнали на каторжные работы в Германию. Вот так на деле выглядит «новый порядок Гитлера».

Всего в Барятинском районе фашисты сожгли 30 деревень. Без крова осталось 1000 крестьянских семей, расстреляно, замучено более 1200 человек, свыше 9000 человек угнано в неволю. Из колхозов района гитлеровцы забрали 778 лошадей, всех коров, свиней и овец, уничтожили много хозяйственных построек, всех пчел — около 2000 семей. У жителей с. Барятино немцы отняли 152 коровы, 341 свинью, 423 овцы, около 10000 кур, гусей, 316 пчелиных ульев, около 15000 яиц. Общий ущерб, причиненный экономике Барятинского района, составил 23 миллиона рублей (в довоенных ценах)[1].

Думиничский район. К вечеру 5 октября 1941 г. гитлеровцы вошли в пос. Думиничи. В этот день фашисты захватили весь район. Условия жизни людей в оккупации были очень тяжелы. В пос. Думиничи немцы создали земуправу, комендатуру, полицейское управление. К службе в них были привлечены уголовники и люди, недовольные Советской властью или пострадавшие от нее, или обиженные ею.

Все жители района от 18 лет и старше должны были пройти регистрацию якобы для получения хлебных карточек. С целью отправки молодежи на каторжные работы в Германию фашисты отобрали у юношей и девушек паспорта, предупредив при этом, что за самовольный уход из поселка полагается расстрел. Такая же кара ожидала и тех, кто не подчинялся германским войскам, укрывал красноармейцев, командиров и комиссаров Красной армии, совершал диверсии, вел агитацию против вермахта и т.д. На некоторых колодцах появились надписи: «Вода только для немцев».

Из местного населения оккупанты создали карательные отряды: в Думиничах в количестве 60 человек, в пос. Дубровке — 40 человек. По наветам предателей начались расстрелы советских патриотов. Для устрашения, на ж. д. ст. Думиничи, по доносу предателя, был казнен герой гражданской войны, чекист Орлов-Потако, в Думиничах — начальник отдела снабжения завода «Революционер» Канарский и ряд рабочих, отказавшихся сотрудничать с немцами. Усилился грабеж общественного и личного имущества советских граждан. Фашисты насильственно отобрали у населения и изъяли в колхозах 9000 голов крупного рогатого скота, 13000 голов овец и свиней, разорили все пасеки [2].

Неимоверны злодеяния фашистов над мирным населением. В с. Вертном немцы загнали 43 жителя в скотный двор и заживо сожгли их. Более 40 мирных жителей были расстреляны в д. Думиничи. В с. Брынь гитлеровцы расстреляли связную подпольного райкома партии Т.П. Полянскую. В д. Слободке фашисты перед отступлением согнали в дом председателя

колхоза Н.М. Фомичева 20 женщин с детьми и заживо сожгли их, а 10 жителей расстреляли. В пос. Думиничи полицейские расстреляли несколько работников завода «Революционер» за отказ сотрудничать с оккупантами. С особой жестокостью фашисты расправлялись с пленными красноармейцами. Попав в плен ранеными, они принимали из рук фашистских извергов мученическую смерть. Так было в д. Лутовня, отбив которую, бойцы обнаружили на ее окраине 37 повешенных над костром трупов красноармейцев с выколотыми глазами, выломанными пальцами, вырванными ногтями. Так было в с. Чернышено. Когда наши бойцы выбили из него немцев, то обнаружили там 25 изуродованных трупов красноармейцев, а также трупы сожженных и повешенных мирных граждан.

В 1942 г. всей стране стала известна трагедия думиничской д. Речица. Небольшое подразделение советских бойцов 20 января 1942 г. держало в Речице оборону. Вместе с бойцами сражались против гитлеровцев мужчины деревни, вооруженные трофейным оружием. Один за другим погибали мужественные защитники деревни. Когда же фашисты захватили ее, то устроили там жестокую расправу над крестьянами. Врываясь в дома, они закалывали и расстреливали женщин и детей, мужчин же согнали на площадь и всех расстреляли.

А когда 1 февраля 1942 г. фашисты предприняли контратаку на д. Будские Выселки, то под угрозой расстрела погнали впереди себя большую группу женщин с детьми. Взрывы мин сливались с душераздирающими криками женщин и детей. Внезапно один подросток закричал: «Товарищи! Стреляйте! За нами идут фашисты!» — и упал, сраженный автоматной очередью немца. Как только толпа жителей поравнялась с нашими пулеметными расчетами, выдвинутыми вперед на фланги, из окопов скомандовали: «Товарищи! Ложись!» И с двух сторон, рассыпая смертоносный веер пуль, ударили советские пулеметы. Фашисты побежали вперед, стараясь смещаться с толпой жителей, но, встреченные шквалом пулеметного огня, падали, скошенные пулями. Открыли огонь по врагу батальонные минометы. Не выдержав огня, фашисты стали отползать, а потом, вскочив, бросились бежать назад, к деревне. В тот страшный день погибли 83 жителя д. Речицы[3].

Сухиничские коллаборационисты. 7 октября 1941 г. немецкие войска вошли в г. Сухиничи. Оккупационные власти назначили бургомистром или городским головой О.Г. Кореньдовского.

Эстонец О.Г. Кореньдовский появился в Сухиничах еще в период новой экономической политики (НЭПа). Здесь он приобрел лавочку, открыл кабачок, женился на дочери слесаря ж. д. ст. Сухиничи. В 1930 г. О.Г. Кореньдовский уехал из Сухиничей, оставив на произвол судьбы двух дочерей. За три месяца до войны О.Г. Кореньдовский под видом дряхлого старика вновь появился в городе, говоря всем, что приехал умирать на родной земле, на руках своих детей. При приходе немцев О.Г. Кореньдовский преобразился в моложавого, полного сил мужчину. В его быстрых и четких движениях угадывалась военная выправка.

Как впоследствии выяснилось, О.Г. Кореньдовский был немецким агентом, завербованным еще в первую мировую войну. Агентура у немцев была обширная, с богатым опытом. Правители Германии сменялись, а шпионские сети оставались прежними, их со временем только совершенствовали. Гитлер укомплектовывал спецслужбы фашистской Германии бывшими весьма перспективными сотрудниками разведки и контрразведки кайзеровской армии. У немцев уже был опыт, а главное, отработанная система тотального шпионажа. Их агентурная сеть опутывала почти все страны мира, где имелись великодержавные интересы нацистов [4].

Секретарем О.Г. Кореньдовского назначили бывшего завуча одной из Сухиничских школ Винокурова. Начальником хозяйственного отдела Сухиничской горуправы стал некто Замошинский. Начальником полиции немцы назначили Казимира Кончевского. В Сухиничах он появился незадолго до войны после длительного заключения, которое отбывал за бандитское ограбление с группой сообщников районного банка. Устроился заведующим хозяйством в торге. За крупную растрату казенных денег Кончевского арестовали. Был уже назначен день суда. Но помешала война. Более того, невероятным образом вору-рецидивисту удалось бежать из-под стражи. С оккупацией Сухиничей немцами Кончевский явился к коменданту — доктору Шпаку, предъявил документы и за свои «муки» при Советской власти, т.е. «тридцать шесть лет судимости» потребовал устройства на ответственную работу. Учитывая опыт, накопленный в лагерях Воркуты и Магадана, и особенно его лютую ненависть к советским людям, немецкое руководство предложило бывшему вору возглавить полицию. Заместителем Кончевского немцы назначили уголовника Голубкова по кличке Голубок. Кончевский служил немецким оккупантам, как говорится, верой и правдой. Подобрав верных слуг из уголовного мира и отпетых воров, К. Кончевский устраивал в Сухиничах массовые облавы на людей и кровавые оргии в застенках полиции, за малейшие проступки сжигал в деревнях Сухиничского района дома крестьян. Полицаи отбирали у сельских жителей скот, ценные вещи и продукты. На этом богатели, открывали трактиры, за прилавками которых стояли, как правило, их агенты, подслушивали разговоры посетителей и строчили доносы.

48 Зак. 1971

В первые дни оккупации Сухиничей предъявил свои права на ответственную должность и Юрий Тотомер, незадолго до этого отбывший срок за растрату казенных денег, и устроившийся на работу главным бухгалтером в артель «Металлист». Он оказался националистом, членом так называемого «Союза вызволения Украины», и немецкая администрация любезно подыскала для него подходящее место — казначейский отдел управы. Не удержавшись от соблазна, Ю. Тотомер сразу же отвез на подводе домой два мешка сторублевых банкнот и спрятал их на чердаке около печной трубы. За это взбешенный О.Г. Кореньдовский жестоко избил казначея горуправы и отправил его работать на конюшню[5]. Переводчиком у немецкого коменданта города доктора Шпака работал бывший стрелок военизированной охраны ж. д. ст. Сухиничи Рудольф Мортальер, который в конце декабря 1941 г. собственноручно расстрелял в Сухиничах семьи евреев Берманов, Розенбергов и Раскиных [6].

Врачи Сухиничской городской больницы Камаев и Петров добровольно пошли работать к немцам якобы с целью оказания медицинской помощи соотечественникам. В больнице у жителей города, главным образом, детей шести — восьми лет брали кровь, чтобы спасти жизнь раненым немецким солдатам и офицерам. Причем, в один прием у детей забирали по 600 — 800 кубиков крови. В результате дети тут же умирали [7].

В прежней должности начальника городской электростанции немецкие оккупанты оставили «коммуниста» Бирюкова. Перед захватом Сухиничей немцами первый секретарь Сухиничского РК ВКП(б) П.Ф. Шорохов дал Бирюкову указание разукомплектовать и спрятать оборудование электростанции. Бирюков заверил П.Ф. Шорохова, что поручение райкома партии он выполнил. Но когда город заняли немцы, Бирюков явился к военному коменданту и заявил, что в течение трех дней восстановит электростанцию. Немцы похвалили новоиспеченного «партийного» предателя, и тут же назначили его руководителем энергетической службы г. Сухиничей [8]. Но это было только начало. Спасаясь от преследования полицаев, раненый глава Сухиничского подполья первый секретарь П.Ф. Шорохов попросил убежища в доме своего друга Бирюкова, который сразу же поклялся, что «скорее умрет, чем выдаст любимого командира». Бирюков отвел обессилевшего П.Ф. Шорохова на чердак, и когда тот заснул, связал его. Вызванные по телефону сотрудники ГФП (гехайфельдполицай — тайной полевой полиции, военного аналога гестапо) схватили спящим отважного патриота Родины. Гитлеровцы устроили П.Ф. Шорохову публичную казнь, на которую согнали всех жителей города. Они увидели, как, проходя мимо Бирюкова к виселице, обычно сдержанный, монументально-спокойный П.Ф. Шорохов задержался, выпрямился, и плюнул в лицо «иуды»[9]. Также раненым попал в руки фашистов и был зверски ими замучен второй секретарь Сухиничского райкома ВКП(б) Г.К. Орел[10]. Полицаи обрезали у него нос и уши, выкололи глаза, на спине вырезали звезду, а затем труп пригвоздили штыком к земле и оставили во дворе дома, где он жил[11].

29 января 1942 г. в Сухиничи вошли войска 16-й армии. Навстречу советским воинам-освободителям выбежал Бирюков. Он резво размахивал красным флагом, кричал «ура», и громко утверждал, что в тылу немцев выполнял секретное задание секретаря Сухиничского райкома партии Чугункова. Но разоблаченный советским резидентом, бывшим заместителем бургомистра г. Сухиничи А.П. Мариным, увертливый предатель Бирюков застрелился, когда чекисты пришли его арестовать[12]. Участь других сухиничских коллаборационистов также оказалась незавидной. Начальника полиции Казимира Кончевского и его заместителя Голубкова чекисты брали ночью. Уголовники тщательно приготовились к «встрече»: установили на подоконнике ручной пулемет, обвешались гранатами и, стреляя в темноту, выкрикивали ругательства. Голубкова убили в перестрелке, Кончевскому удалось бежать. При аресте врачи Камаев и Петров не оказали никакого сопротивления, а завуч школы и по совместительству аптекарь Винокуров покончил с собой, приняв яд. Р. Мольтальер ушел от чекистов в одежде своей любовницы, учительницы сельской школы. В дальнейшем этот палач и изверг неистово зверствовал в карательном отряде князя П.А. Мещерского на Смоленщине [13].

Во время бегства из Сухиничей в машину, в которой ехал комендант Шпак, попал артиллерийский снаряд. Автомобиль был разбит вдребезги, а тело оккупанта разорвано в клочья. Под Спас-Деменском бывший бургомистр Сухиничей О.Г. Кореньдовский отстал от обоза с награбленным им имуществом. На него неожиданно напали партизаны и отбили лошадей. Сбросив с плеч тяжелую доху, бывший бургомистр едва спасся от смерти бегством[14].

Таковы дальнейшие судьбы предателей Родины и палачей советских людей.

Примечания

1. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945: Калужская область. Калуга, 1996. Т.4. С. 24—25.
2. Кондаков Н.С. Партийное подполье и партизанское движение в Думиничском районе // Песоченский историко-археологический сборник. Киров, 2000. Вып. 4. Ч. 2: История. Культура. Персоналии. С. 83.

3. Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Калужская область. Калуга, 1995. Т.3. С. 120—121.
4. Боев В., Калиниченко Ю. Под псевдонимом "Потап": Повесть о разведчике. Калуга, 1995. С.25—27.
5. Там же. С.29, 32—33.
6. ГАКО, ф.Р-3466, оп.1, д.89, л.24; Боев В., Калиниченко Ю. Указ. соч. С.35, 39; Каплин А.А. Сухиничи: Историко-краеведческий очерк. Калуга, 1998. С.63.
7. Боев В., Калиниченко Ю. Указ. соч. С.33.
8. Там же. С.37.
9. Там же. С.38; Каплин А.А. Указ. соч. С.61.
10. РЦХИДНИ, ф.17, оп.127, д.162, л.7.
11. Каплин А.А. Указ. соч. С.61; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Калужская область. Калуга, 1995. Т. 2. С. 549.
12. Боев В., Калиниченко Ю. Указ. соч. С.44.
13. Там же. С.44, 92.
14. Там же. С.54.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД «В БОЙ ЗА РОДИНУ»: ВОЙНА В ТЫЛУ ВРАГА

К.В. Чеченков, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Народная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков широко освещена в исторической литературе на базе общероссийских и региональных материалов. Это воспоминания, письма, оперативные сводки, донесения, радиограммы, докладные записки , которые рассказывают о войне в тылу врага. Вопрос о деятельности партизанских отрядов и групп на территории нашего края рассмотрен в книгах Глухова В.Н. «Народные мстители», Касаткина М.А. «В тылу немецко-фашистских армий «Центр», «В годы суровых испытаний: Калужская область в годы Великой Отечественной войны» (авторы-составители: Поленков К.А., Романова Т.В.) Количество исследований о партизанском отряде "В бой за Родину" невелико, поэтому в данной работе автор ставит своей целью рассказать о деятельности партизанского отряда «В бой за Родину».

6 октября 1941 г. на территории Хвастовичского района (в то время Орловской области) был создан партизанский отряд «В бой за Родину» под командованием Николая Ивановича Бусловского[1]. Бусловский родился в 1906 г. в г. Валуйки Белгородской области, а с 1930 г. его жизнь и деятельность были связаны с нашим краем. С 1937 г. Н.И.Бусловский был директором хвастовичской МТС, а в начале войны возглавил партизанский отряд, состоявший из военнослужащих и местного населения.

По данным оперативной сводки от 30 сентября 1942 г. в отряде насчитывалось 13 человек. «Кроме того, совместно с отрядом действовала диверсионная группа Особого отдела в составе 7 человек». Для усиления отряда Бусловского Военный Совет 61-й армии перебросил диверсионную группу в составе восьми человек под командованием лейтенанта А.С. Игнатова. Костяк отряда состоял из кадровых военнослужащих, которых довольно часто для выполнения специальных заданий направляли за линию фронта. Пополнение партизанского отряда солдатами и офицерами продолжалось на протяжении 1942—1943 гг., это подтверждается источниками. В докладной записке от 11 января 1943 г. начальнику опергруппы по руководству партизанским движением при Военном Совете 61-й армии майору Петрухину комиссар отряда «В бой за Родину» С.У. Симаков сообщал: «Прибывшее пополнение 27-го принято благополучно. Состав прибывшего пополнения на первый взгляд неплохой и товарищи горят желанием выполнять любую поставленную задачу». Однако, качество присылаемых бойцов не всегда было удовлетворительным. В своем письме от 19 ноября 1942 г. Бусловский сообщал: «пять человек из особого отдела, которых рекомендовали как головорезов, сейчас встретившись с временными трудностями в отряде несколько раскисли и не стоят ни одного моего партизана... Партизанами себя считать не хотят, заявляя, что они присланы для выполнения спец. задания. Я их особенно и не тревожу, за исключением использования на внутреннем наряде. Засланные радист и разведчик — такое гнилье, что совсем не годится для работы в тылу и к тому же совершенно не подготовленные. Их надо отсюда забрать и впредь к подбору людей относиться серьезнее»[2].

Отмечая важную роль кадровых военных в партизанском движении, нельзя не сказать о роли местных жителей, которые укрывали партизан, предупреждали их об опасности, служили разведчиками, проводниками, связными, принимали непосредственное участие в боевых операциях, помогали наводить переправы через реки во время партизанских рейдов, строить аэродромы и площадки для приема самолетов с Большой земли. Однако в отношениях между партизанами и населением далеко не все было просто и однозначно. Жители оккупированных районов оказались под гнетом гитлеровских захватчиков, устраивавших жесточайшие расправы за помощь партизанам, и гигантской машины нацистской пропаганды, стремившейся деморализовать и расколоть советских людей распространением ложных сведений. Поэтому в

партизаны шли наиболее волевые, активные, сознательные — истинные патриоты. 2 сентября 1942 г. геройски погиб в неравном бою заместитель командира отряда С.Н. Червяков Оказавшись в окружении, он предпочел смерть плену: «…немцами вскоре был окружен сарай, и Червякову было предложено сдаться в плен. В ответ он открыл огонь. Немцы подожгли сарай, и в горящем сарае т. Червяков застрелился»[3].

В годы Великой Отечественной при вступлении в отряд каждый из добровольцев принимал присягу на верность Родине, клялся сражаться с врагами до их полного уничтожения, соблюдать воинскую дисциплину, подчиняться командирам и начальникам. Если кто-либо из партизан нарушал присягу, то подвергался суровым наказаниям. В партизанском отряде «В бой за Родину» зафиксированы случаи предательства, воровства, недостойного поведения. В сентябре 1942 г. командир отряда Бусловский сообщал в штаб 61-й армии: «Получены официальные проверенные материалы о действиях предателя П… . Будучи послан в разведку в составе группы, он попал в плен, предал товарищей, выдал врагам цель и маршрут разведки, место сбора группы, дислокацию отряда …». В итоге его предательства погибло 8 партизан-боевиков[4].

Деятельность партизан в тылу противника имела важное стратегическое значение. В 1942 г. И.В. Сталин назвал партизан «нашим вторым фронтом»[5]. Партизаны отряда «В бой за Родину» совершали диверсии на железных дорогах, шоссе, занимались сбором разведданных, поимкой «языков», вербовкой, выпуском агитационных листовок. Наиболее эффективно партизаны вели борьбу на коммуникациях противника, прежде всего на железных дорогах и шоссе. Так 9 сентября 1942 г. на большаке Клен—Тросна были взорваны две автомашины с боеприпасами, следовавшие к линии фронта, уничтожено 13 немецких солдат. Через два дня был взорван воинский эшелон, состоявший из 14 вагонов, шедший в направлении Брянска. В результате взрыва было убито и ранено более 80 немецких солдат и офицеров, выведен из строя паровоз, уничтожено три вагона и паровозная бригада. По сообщениям оперативной сводки, 17 сентября 1942 г. в 21.30 на железной дороге Брянск—Орел (на участке Брянск—Карачев) был взорван воинский эшелон в составе 50 вагонов и платформ. «В результате: паровоз уничтожен (взорван котел, разорван ведущий механизм, паровоз свалился на левый путь); в щепки разбито пять вагонов с солдатами, изуродованы следующие пять вагонов…, убито и ранено около пятисот немецких солдат и офицеров, правая линия дороги выведена из строя на четверо суток, левая на двое суток»[6]. В документах сохранились подробные сведения о подготовке диверсий и их осуществлении. Командиры групп в своих отчетах (актах) сообщали не только о количестве убитых и раненых, но и о том, какие обязанности выполнял каждый боец их подразделения. 22 января 1943 г. командир диверсионной группы партизанского отряда «В бой за Родину» старший лейтенант А.С. Игнатов совместно с майором Петрухиным, бойцами Никитаевым, Прокаевым, Киреичевым, Клязьминым и А.В. Нигматулиным составили акт о проведенной диверсии на железной дороге Брянск—Карачев. 21 января 1943 г. в 23.15 командир поставил каждому бойцу определенную задачу: минирование производили Игнатов и Никитаев (он же осуществлял подрыв), шнур проводил Нигматулин, контролировал шнур Прокаев. Наблюдал и прикрывал группу с правого фланга майор Петрухин, с левого — боец Клязьмин, а с тыла — Киреичев. После проведения инструктажа диверсионная группа Игнатова выдвинулась на исходную позицию и 22 января 1943 г. в 0.55 взорвала воинский эшелон, шедший в направлении Брянск—Орел. В результате взрыва был выведен из строя паровоз, разбито восемь платформ с танками и девять с артиллерией, убито и ранено более двухсот немецких солдат и офицеров. Каждая подобная операция анализировалась командиром партизанского отряда. После подрыва воинского эшелона на железнодорожном мосту (по дороге Брянск-Еленский стекольный завод) 26 апреля 1943 г. группой товарища Викулова, старший лейтенант Симаков, ставший командиром отряда «В бой за Родину» после смерти Бусловского 4 февраля 1943 г., писал: «Разбирая эту операцию, я пришел к выводу, что она была проведена дерзко и для жизни опасна принимая во внимание, что местность подхода к мосту открытая и все же операция проведена благополучно»[7]. Необходимость в более тщательной подготовке операций неоднократно отмечалась в донесениях из партизанского отряда «В бой за Родину» им. Н.И. Бусловского. В результате «малой войны» партизанам удавалось нанести ощутимый урон немецко-фашистским захватчикам. Командир 108-й венгерской дивизии генерал Абт, долгое время воевавший против брянских партизан, писал: «Первая особенность «малой войны» состоит в том, что она ведется в лесах, в темноте, с очень маневренным противником, который способен нападать на нас с боков, сзади. Так называемый фронт не спасает нас от проникновения больших сил партизан в наши боевые порядки. Мы не имеем успеха в ведении «малой войны» потому, что противник с большим мастерством использует свое маневренное преимущество. В результате мы теряем большое количество наших солдат»[8].

Вторым направлением деятельности отряда был сбор сведений о гитлеровцах. Партизаны

осуществляли наблюдение за железными дорогами, шоссе, населенными пунктами, инфраструктурой, за деятельностью врага по строительству укреплений. Полученные сведения использовались для проведения диверсий и для передачи в штаб 61-й армии. 27 сентября 1942 г. разведкой отряда было установлено, что по железной дороге Брянск — Орел ежесуточно проходит по 17—18 поездов, перевозящих войска, боеприпасы, продовольствие и лес. По шоссе Брянск — Орел в сутки проходит до ста автомашин с лесоматериалами и военными грузами.

Для проверки сведений партизаны использовали информаторов, которых вербовали в среде полиции: «По сведениям, полученным от полицейских-информаторов, немецкие власти готовятся к крупной операции — облаве против партизан в районе действия отряда «В бой за Родину». Вербовка проходила в несколько этапов. Чтобы окончательно завербовать агента, необходимо было несколько раз его проверить на незначительных заданиях. В результате проведенных оперативных действий происходила окончательная вербовка. Так в Малом Полпино был завербован Кузин Федот, которому командование отряда 18 апреля 1943 г. дало задание «дать подробные данные о системе и наличии укреплений в районе Брянска», а также установить связь со старшим полицейским. Таким образом расширялась сеть информаторов, которые могли предоставить данные о наличии и расположении немецких войск и техники в населенных пунктах.

У хвастовичских партизан была еще одна специальность, которой они овладели мастерски, — добывание «языков». В радиограмме от 21 марта 1943 г. в штаб 61-й армии партизаны сообщали: «Имеем обер-ефрейтора 296 пех. дивизии. Язык длинный. Ждем самолет». «Языками» называли не только пойманных немецких солдат и офицеров, но и мирных жителей: “На линии ж.д. разрабатываем задачу по добыче разведданных о положении войск противника регулярно через «языков» мирного населения»[9]. На основе данных докладной записки от 11 января 1943 г. комиссара Симакова, можно сделать вывод о том, что население, попавшее в зону оккупации и напрямую не участвовавшее в партизанском движении, подозревалось в возможном сотрудничестве с гитлеровцами.

Наряду с активными боевыми действиями партизаны вели широкую политическую работу среди населения оккупированных районов. Партизанские газеты «За Родину» и «За победу» и листовки регулярно информировали местных жителей о положении на фронтах, о жизни страны. За выпуск литературы отвечал секретарь райкома партии Иван Владимирович Захариков до 9 мая 1943 г., когда в бою был тяжело ранен и 16 мая 1943 г. от тяжелой гангрены умер в госпитале.

Активная деятельность партизан встревожила немецко-фашистских захватчиков. В начале февраля 1943 г. гитлеровцы предприняли очередную попытку уничтожить партизан. 4 февраля отряд немцев внезапно напал на партизанскую базу у местечка «Роговенское ухо». В лагере оставались больные, медперсонал, повара и небольшая охрана. Из-за плохого состояния здоровья командир отряда «В бой за Родину» Николай Иванович Бусловский в этот день не ушел с оперативными группами. В неравном бою он геройски погиб. За проявленные доблесть и мужество 7 марта 1943 г. Бусловский был награжден орденом Ленина. После смерти Бусловского командиром стал комиссар Сергей Устинович Симаков, а отряд «В бой за Родину» получил имя Н.И. Бусловского С освобождением оккупированной территории отряд влился в состав действующей армии.

Примечания

1. Демидов А., Стефанчиков А., Тютчев И. Яркая жизнь // Знамя Ленина: Хвастовичи. 1980, 2 февр. С.4.
2. ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д.647, л.1; д.648, л.1, 120.
3. Там же, д.662, л.2.
4. Там же, д.648, л.130.
5. Князьков А.С. Люди с чистой совестью // Независимое военное обозрение. 2005. №5.
6. ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д.647, л.3.
7.Там же, д.648, л.50, 116.
8. Гоголюк В.К. Брянский партизанский край // Советские партизаны. М., 1963. С.245.
9. ГАДНИКО, ф.4573, оп.1, д.648, л.64, 100.

НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ДЕРЕВНЕ 1945 — 1953 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЛАСТЕЙ ПООЧЬЯ)

***И.В. Кометчиков**, Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Великая Отечественная война принесла в деревню Центрального Нечерноземья России не только огромные материальные разрушения. Она травмировала душевно миллионы людей. Многим из них внутреннюю опору, утешение после перенесенных страданий, потери близких, дома, давала вера. Религиозное движение в военные и послевоенные годы являлось весомым

фактором внутриполитического развития страны. Наряду с патриотической деятельностью церкви оно стало причиной сокращения антирелигиозной пропаганды, освобождения части репрессированного духовенства, признания властью потребности части населения в вере.

Однако, в то же время правительство пыталось удержать рост религиозности в рамках «легальной» церкви, которые оказались слишком тесны для духовных запросов людей. Поэтому актуальным представляется изучение на примере деревни феномена народной религиозности — религиозной картины мира в массовом сознании мирян, а также способов ее поддержания.

С самого начала наметившееся в военные годы сближение государства и церкви отличалось известной двойственностью. С одной стороны, верхи, безусловно, не могли не пойти на некоторые уступки. 8 октября 1943 г. «для осуществления связи между Правительством СССР и патриархом Московским и Всея Руси» был создан Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ). 31 января 1945 г. в Москве состоялся ее Поместный собор, где было принято «Положение об управлении Русской православной церкви», избран патриарх[1].

Деятельность собора освещалась в газете «Правда». Постановлением СНК СССР 28 января 1946 г. разрешался колокольный звон во всех действующих храмах. С другой стороны, уже 27 сентября 1944 г. в целях преодоления «пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков» было издано специальное постановление ЦК ВКП (б) «Об организации научно-просветительской пропаганды»[2].

О возросшей тяге крестьянства к Богу свидетельствовал поток ходатайств и ходоков в Совет по делам РПЦ с просьбами об открытии церквей. Только в 1944 — 1947 гг. их поступило из Рязанской области — 2490, Московской — 1819, Тульской — 455, Калужской — 128[3]. Кроме письменных заявлений, уполномоченный Совета по Рязанской области принял в эти годы 10754 посетителя, значительная часть которых являлись ходоками по вопросам открытия храмов[4]. В 1948 г. от верующих Рязанской области поступило еще 790 письменных заявлений, в 1949 г. — 389 заявлений и 444 ходока, в 1950 г. — 148 письменных просьб и 288 ходоков. По количеству поданных заявлений об открытии церквей Рязанская область с 1944 г. и до начала 1950-х гг. занимала первое место в РСФСР[5]. Верующие Калужской области направили ходатайств: в 1948 г. — 25, в 1949 г. — 20, в 1950 г. — 22, в 1951 — 1953 гг. — по четыре[6].

Стремясь сдержать активность верующих, государственные органы удовлетворяли лишь малую их часть. К примеру, из 3293 заявлений, поданных верующими Рязанской области за период 1944 — 1950 гг. (по другим, их было 3817), об открытии 390 церквей, была разрешена служба лишь в 67[7]. В Калужской области по поступившим в 1944 — 1953 гг. 207 ходатайствам было открыто лишь 36 храмов[8].

В течение рассматриваемого периода неоднократно ужесточалась инструкция по снятию с учета действующих церквей: до июня 1949 г. уполномоченные Совета по делам РПЦ имели право закрывать церкви, богослужение в которых по различным причинам не проводилось более года, с июня 1949 г. — те, что не действовали по 6 месяцев, а с ноября 1950 г. — вообще независимо от того, сколько времени не было службы[9].

Свои просьбы открыть церковь верующие объясняли тем, что им негде помолиться и оплакивать своих павших в боях родственников, «… нам, старикам, одна дорожка — в Божий храм ходить и молиться за нашу Советскую страну, за наше Правительство, за нашего родного Сталина и за всех православных христиан от нападения фашистских варваров, которые стремятся захватить нашу страну и подчинить ее иностранному капиталу…», что пустует храм, который мог бы «давать доход государству», что «нет возможностей помолиться за погибших и окрестить их детей», что «…старики не причащаются св. Христовых тайн и, находясь на пороге смерти, скорбят, что умрут и не причастятся…»[10].

Отказы в просьбе воспринимались крайне болезненно, нередко как проявление политики двойных стандартов. Так, на приеме у уполномоченного Совета по Московской области в марте 1949 г. ходатай «по церковному вопросу» открыто ему заявила: «…Всем колхозникам ясно, что наши правители только говорят за круглым столом за границей о свободе вероисповедания в СССР, а на самом деле так зажали, что мы вот в течение пяти лет обиваем пороги канцелярий у Вас и у Шверника (председатель ПВС СССР — *И.К.*), никак не добьемся открытия церкви…»[11].

«Последним средством» в борьбе за храм считалось письмо Сталину. В ноябре 1949 г. колхозники из села Хотеичи Московской области писали вождю: «… в твоей Конституции говорится, что свобода религии, поэтому обращаемся к тебе, если ответишь отрицательно, то мы приедем к тебе делегацией в 50—60 человек и будем просить об открытии храма…»[12].

Подавляющее большинство верующего сельского населения стремилось соблюдать основные обряды православного культа: крещение детей, отпевание и похороны умерших, посещение богослужений, причастие, празднование религиозных праздников. Однако скудость

материальных ресурсов большинства крестьянских дворов, политика ограничения численности действующих церквей привели к преобладанию в деревне упрощенной, «народной» обрядности. К тому же почти во всех храмах сельской глубинки богослужение проводилось только один раз в неделю — в воскресенье и по большим религиозным праздникам. Три—четыре раза в неделю служили в действовавших церквях райцентров, ежедневно — лишь в церквях областных городов.

В обычные воскресные дни службы в сельских храмах посещали от 10—20 до 100—300 прихожан, а по большим праздникам — и до 2500. Многие верующие из сел Рождество, Крещение, Пасху встречали в городских церквях, служба в которых была куда более пышной и торжественной, чем в сельских приходах.

Ежегодно пасхальные службы в церквях Рязани, Тулы, Калуги, Орла посещало от 7 до 20 тыс. верующих. В частности, в 1948 г. две тульские церкви на Пасху приняли около 20 тыс. человек, на пасхальной службе 1949 г. во всех 86 церквях Рязанской области присутствовало до 140 тыс. верующих, а только в двух церквях Калуги — около 10 тысяч[13].

Попытки крестьянства сделать богослужение доступным способствовали появлению множества таких форм религиозности, которые власть считала «незаконными» и всячески стремилась искоренить.

Наряду с легально действовавшими храмами широкое распространение получили нелегальные молитвенные дома. Часто под них приспосабливались наиболее просторные из имевшихся в селе изб колхозников. В Рязанской области в конце 1949 г., кроме 85 открыто функционировавших храмов, их было зарегистрировано около 190 почти во всех районах. Религиозные потребности мирян в них обслуживали около 200 человек заштатного духовенства, не признававшего власти патриарха[14]. В Тульской области, по неполным данным, служили около 50 незарегистрированных священников, в Калужской области нелегальные богослужения проводились, как минимум, в 10 «точках»[15]. Нередко богослужения проводили «самосвяты» — знавшие церковную службу миряне, в том числе и женщины. Женское население в деревне тех лет вообще выступало хранителем духовной традиции.

Заштатное духовенство, «самосвяты», странствующие проповедники и духовники выполняли по приглашению верующих молебны о дожде или, наоборот, «бездождии», освящали посевы и скот (в т.ч. и общественный), служили панихиды на братских могилах, могилах партизан, на кладбищах, на водных источниках, «изгоняли бесов», занимались врачеванием и т.п. Зарегистрированным священникам с лета 1948 г. Совет по делам РПЦ под угрозой снятия с регистрации и перевода за штат запретил отправление таких «треб».

Молебны о дожде особенно массовый характер принимали в засушливые 1946, 1948 и 1949 гг. Перед проведением молебна верующие обычно получали от правлений колхозов или председателей сельсоветов справки, в которых те давали свое согласие «на приход батюшки для молебствия в связи с бездождием»[16]. В отдельных случаях в религиозных шествиях участвовали сельские коммунисты, как, например, в колхозе «8 марта» Белевского района Тульской области, где в мае 1947 г. член партии организовал крестный ход: сам съездил за священником, шел впереди процессии с привезенными им же хоругвями и с пением[17].

Особой устойчивостью отличалась традиция паломничества к различным чтимым местам. В каждой из областей региона, как и в других областях РСФСР, существовало несколько святынь, причем некоторые из них пользовались широкой известностью далеко за пределами ближайшей округи и почитались в течение веков. В Рязанской области «святые места» (в основном — водные источники) имелись в 10 из 55 районов[18], привлекая к себе ежегодно летом большое количество паломников. В Тульской области почитался родник в селе Туртень Октябрьского района, известный еще с дореволюционных времен. 21 июня 1951 г. у этого источника молились около 6 тысяч верующих из Тульской, Орловской и Рязанской областей[19].

Святыней всего Нечерноземья был ключ близ села Льва-Толстое Калужской области, куда ежегодно 29 июня, на место около закрытого монастыря, в день св. Тихона, съезжалось большое количество паломников из разных областей. В 1952 г. там молились около 10 тысяч человек из Калужской, Тульской, Брянской, Московской, орловской, Смоленской и даже Киевской областей[20].

Местные торговые организации по-своему использовали такие скопления людей, организуя в эти дни у «святых мест» выездную торговлю — получалось некое подобие ярмарок.

Свои святыни имелись у старообрядцев, которых только в Калужской области насчитывалось около 40 тыс. человек. Они чтили Боровск, где во времена церковного раскола XVII в. в монастырской тюрьме были заключены их духовные вожди — протопоп Аввакум, боярыня Морозова и княгиня Урусова[21].

Партийные и государственные органы вели с паломничеством борьбу. Принимались решения о строительстве плотин и прудов для затопления «святых мест», около них организовывались

пасеки, выпас скота, их обносили оградами и т.д. В районах с развитым паломничеством читались лекции на естественнонаучные темы.

Успех всех этих «мероприятий» был относительным еще и потому, что в сознании крестьянства продолжала жить вера в «чудо», сверхъестественное истолкование реальности. Одновременно с существованием прежних святынь возникали новые. Так, в мае 1952 г. в Трубетчинском районе Рязанской области, в овраге на территории колхоза «Красная звезда» в результате смещения почвы образовалось озеро. Слух об этом распространился далеко за пределы района. Из окрестных сел, а также из Тамбовской, Воронежской, Курской и Харьковской областей к «святому озеру» стали стекаться паломники. Кто-то из них бросил в воду икону, многие стали брать ее как «целебное средство от всех болезней». Ортодоксально настроенные верующие объявили озеро «творением Божьим». На Петров день к озеру собралось около 2 тыс. человек. Купались в нем, мыли свою одежду, пили эту воду и уносили ее с собой. Один из пришедших из Тамбовской области здесь же объявил себя «святым» и в течение нескольких дней «исцелял» больных, заставляя выпивать по 4 литра озерной воды. Даже после того, как местные власти распорядились спустить из озера воду, выслали из пределов района «святого» и провели «разъяснительную работу» среди местного населения, из дальних сел ежедневно продолжали прибывать по 5—10 человек, забиравших с собой оставшуюся воду и глину[22].

Подготовленное твердившей о военной угрозе пропагандой массовое сознание деревни вообще оказывалось чрезвычайно восприимчивым ко всякого рода «знамениям», в которых виделись предвестники великих и страшных событий. Эта его черта еще более усиливалась постоянно циркулировавшими «святыми письмами», слухами о «явлении святых» и т.п. проявлениям апокалиптических настроений.

В прокрустовом ложе «официальной церкви» верующие в те годы могли удовлетворять только часть своих духовных потребностей. Особенностью народной религиозности в регионе на протяжении всего рассматриваемого периода стала упрощенная внецерковная обрядность и «неканонические» формы духовного самовыражения. В сознании «простого человека» набожность парадоксальным образом сосуществовала с пропагандистскими клише, предлагая «свою» модель поведения в ситуации, когда пропаганда давала на нее либо туманный, либо неприемлемый, с его точки зрения, ответ.

Примечания

1. Димони Т.М. Духовные традиции крестьянства Европейского севера России в 1945—1960 гг.: Проблема взаимоотношений с властью // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / Отв. ред. М.А. Безнин. Вологда, 2000. С.78; Шкаровский М.В. Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. Т.2. С.332.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986): В 15 т. М., 1985. Т.8. С.521-523.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.7. Л.28. Посчитано по: ГАКО. Ф.55. Оп.8. Д.594. Л.30.
4. ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.346. Л.15.
5. Посчитано по: ГА РФ. Д.781. Л.11,25,26,49.
6. Посчитано по: ГАКО. Ф.Р-3501. Оп.1. Д.34. Л.4; ГАДНИКО. Ф.55. Оп.8. Д.729. Л.17,18.
7. Посчитано по: РГАСПИ Ф.17. Оп.132. Д.7. Л.28; ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.781. Л.11,25,35,49.
8. Посчитано по: ГАДНИКО. Ф.55. Оп.8. Д.594. Л.26,30,31; ГАКО. Ф.Р-3501. Оп.1. Д.34. Л.4,4об.
9. ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.895. Л.19,20.
10. ГАКО. Ф.Р-3501. Оп.1. Д.22. Л.11,30об.—31,42; Д.35. Л.10,24.
11. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.109. Л.132.
12. Там же. Л.131.
13. ЦНИТО. Ф.177. Оп.14. Д.36. Л.21; ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.504. Л.57; ГАДНИКО. Ф.55. Оп.8. Д.594. Л.76.
14. ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.504. Л.141; Д.781 .Л.10.
15. ГАКО. Ф.Р-3501. Оп.1. Д.29. Л.3; ЦНИТО. Ф.177. Оп.12. Д.42. Л.88.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.109. Л.104,105.
17. ЦНИТО. Ф.177. Оп.14. Д.36. Л.7.
18. ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1043. Л.10.
19. Там же. Д.1049. Л.27.
20. ГАКО. Ф.Р-3501. Оп.1. Д.34. Л.9.
21. Там же. Д.97.Л.46; ГАДНИКО. Ф.55. Оп.9. Д.49. Л.13,16.
22. ГА РФ. Ф.6991. Оп.1. Д.911. Л.19,34.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

***Н.В. Зиновкина**, Государственный архив Калужской области*

Историческое краеведение невозможно без архивных документов. Можно выделить как минимум три способа использования архивных документов вообще и Государственного архива Калужской области (ГАКО) в частности в краеведческой литературе. Во-первых, до конца 2004 г.[1] документы, хранящиеся в ГАКО, активно использовались в краеведческих исследованиях, в том числе сотрудниками архива. Во-вторых, это публикация архивных документов. И, наконец, использование результатов профессиональной деятельности архивистов в книгах по истории организаций, предприятий, учреждений. В настоящее время отдельного разговора заслуживает размещение краеведческой информации в сети Internet, но эта тема требует прежде всего правовой проработки. Попробуем, не претендуя на глубокий анализ, рассмотреть ситуацию с использованием документов ГАКО в краеведческой литературе Калужской области.

Основным путем введения в научный оборот документов ГАКО был и остается путь краеведческих исторических исследований. Краеведческие книги, написанные на источниковой базе ГАКО, составляют абсолютное большинство в нашей краеведческой литературе. Можно с удовлетворением констатировать, что в краеведческих книгах ссылки на архивные документы присутствуют. Отрадно отметить престижность обращения к архивным документам, особенно это характерно для генеалогических исследований и работ по истории церкви. При этом сейчас мы не оцениваем достоверность интерпретации документов, просто констатируем факт более или менее грамотных указаний архивных шифров. Разумеется, странно требовать ссылок на архивные документы от литературных произведений, пусть и написанных по документам ГАКО, хотя некоторые исследователи публикуют списки источников [2].

Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, познакомиться с образцом достаточно редкого для калужского краеведения жанра — публикацией документов. В предисловии «От составителя» В.Н. Фридгельм представляет книгу «Калужский Березуй» как «калейдоскоп архивных документов и исследований краеведов, знакомящий читателя со страницами истории древнейшей части города Калуги — Березуйского оврага»[3]. Сразу отметим, что идея книги — свежая и очень перспективная. Микроисторические исследования вообще очень интересны и востребованы в настоящее время, здесь же предлагается своего рода микроисторическая публикация документов, снабженная многочисленными иллюстрациями. Иллюстративная часть сборника богата и разнообразна: фотографии разных лет, планы, документы, рисунки, картины. В книге опубликовано 57 документов и 65 иллюстраций, не считая обложки, то есть читатель имеет возможность не только прочитать об истории Березуйского оврага, но и увидеть ее. К сожалению, составитель не указывает, на какую аудиторию ориентирована книга, поэтому приходится делать выводы самостоятельно. Вероятно, книга предназначена прежде всего для калужан, интересующихся историей своего города, то есть публикация эта научно-популярная. В такого рода изданиях не требуется, чтобы каждый потенциальный читатель обладал достаточными историческими и филологическими знаниями для чтения текстов в данном случае конца XVIII в. Составитель данного сборника декларирует: «Опубликованные документы приведены без стилистической и орфографической правки»[4]. Прежде всего, это неправильно: документы публикуются по нормам современной орфографии и пунктуации, если задачи публикации на предполагают иного. В сборнике «документы показывают общую историческую картину этой местности»[5], что, безусловно, не требует соблюдения орфографических особенностей документа. Решение составителя не подвергать документы орфографической правке можно было объяснить стремлением сохранить колорит эпохи. Но дело в том, что декларация об отсутствии орфографической правки не соблюдается. Декретами о введении нового правописания из русского алфавита исключены буквы ять, фита, и десятиричное (i), упразднено написание твердого знака в конце слов и частей сложных слов[6]. Значит, если документ XVIII в. не подвергается орфографической правке, при передаче его текста сохраняются исключенные с 1918 г. буквы. В документах, опубликованных в настоящем сборнике, указанные буквы не присутствуют. Более того, передача текста выполнена небрежно. Например, документ №3 в сборнике начинается следующим образом: «По силе полученного в оного правления прошлаго 1779-го года декабря 20-го числа з журнала копия о раздаче в обстроение разного звания людям…» (речь идет о рапорте строенной экспедиции Калужскому наместническому правлению о распределении участков для постройки домов). На самом деле документ начинается несколько иначе: «По силе полученного из оного правления прошлого 1779 года декабря 20 числа с журнала копии…» (нами текст передается по современной орфографии). Кроме того, в документе употребляется и написание «рапорт», и характерное для XVIII в. «репорт». Что касается заголовков и легенд к документам, то они демонстрируют отсутствие у составителя сборника археографического опыта. Многие заголовки неточны, а некоторые неграмотны. Например, документ №5 назван «Из протокола Калужской казенной палаты за 1782 г. Сообщение из казенной палаты Тульского наместничества о выдаче денег советнику Калужской гражданской палаты П.Р. Никитину за труды при казенных строениях в Калуге». В заголовке не указано, Тульская казенная палата выдала Никитину деньги и сообщает об этом Калужской, Тульская казенная палата сообщает Калужской, что деньги должны быть выданы последней, или Калужская казенная палата выдала деньги и сообщает об этом Тульской. При этом документ дан в извлечении, и прояснить вопрос не представляется возможным. Документ №7 имеет

50 Зак. 1971

заголовок — «Запись в метрической книге церквей города Калуги и Калужского уезда о смерти советника гражданской палаты Калужского наместничества Петра Романовича Никитина» — и легенду — ГАКО. Ф.565. Оп.2. Ед.хр.9. 1784. Л.493. Подготовленный читатель понимает, что озаглавлен документ неправильно: дело называется «Метрические книги церквей г. Калуги и Калужского уезда за 1784 г.», а документ — выписка из метрической книги церкви архангела Михаила г. Калуги; каждая церковь города и уезда вела метрические книги самостоятельно. Цифры после точки в номере единицы хранения в легенде — это, вероятно, год документа, который не должен быть указан в легенде. Можно и дальше подробно разбирать недостатки сборника, можно говорить о полном отсутствии грамотных комментариев к текстам, что недопустимо в популярном издании. Наша цель не в этом. Мы говорим об ответственности исследователя за то, что он делает. В гуманитарной науке это не менее важно, чем в ядерной физике. Никто и никогда не будет оспаривать того факта, что краеведческими исследованиями занимаются только люди, которым нравится этот процесс. Причем «краеведение в наши дни отвечает и современным задачам исторической науки, где преимущественное внимание уделяют ныне изучению повседневности, исторической психологии, междисциплинарным научным исследованиям»[7]. Таким образом, у краеведческих исследований ныне существует сверхзадача: воспитание культурой, формирование и «закрепление представлений о взаимосвязях природы и общества, о взаимосвязи наук»[8], патриотическое воспитание. Краеведение сегодня требует от исследователя подготовленности и ответственности. Калужское краеведение, к сожалению, полностью соответствует ленинскому определению «старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает»[9].

Обратимся теперь к использованию исторических справок, составленных сотрудниками ГАКО по запросам учреждений. Согласно закону Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» в редакции Федерального закона от 19.07.1995 №110-ФЗ, «авторское право на произведение, созданное в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя (служебное произведение) принадлежит автору служебного произведения. Исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное» (ст. 14.1 и 14.2). Статья 19 закона предусматривает использование произведения без согласия автора, «но с обязательным указанием имени автора». В 2004 г. Калужский областной суд и Управление Судебного департамента Калужской области выпустило книгу по истории судебной власти в области[10]. Редакционный совет книги сообщает: «„Судебная власть Калужской области: история и современность“ — плод работы небольшого коллектива единомышленников и энтузиастов»[11]. При этом в книге, помимо статей о судебных учреждениях, имеется еще 14 очерков. Их авторами являются 11 человек, а это уже довольно большой коллектив, но в числе составителей указан только один автор. В 2002 — 2004 гг. в ГАКО обращались районные суды области с просьбами составить для них исторические справки. Ни один районный суд не сообщал, что предполагает использовать составленные архивом справки в книге. При этом 8 архивных справок так или иначе вошли в состав статей о районных судах: Бабынинского (тематический запрос №102-т от 29.05.2003), Боровского (№357-т от 19.03.2003), Козельского (№67-т от 18.03.2004), Людиновского городского (№23-т от 21.03.2003), Малоярославецкго (№68-т от 24.03.2004), Сухиничского (№258-т от 08.01.2004), Тарусского (№78-т от 18.04.2003), Юхновского (№73-т от 18.04.2003). Только в одной статье — о Козельском районном суде — имеется ссылка на ГАКО: «По сведениям Государственного архива Калужской области…»[12]. Таким образом, представители судебной власти позволяют себе поступки не только неэтичные, но и незаконные, и это при том, что подобных упреков можно избежать, если в предисловии или послесловии указать, что при подготовке составители обращались в Государственный архив Калужской области.

Пренебрежение авторскими правами сотрудников архива характерно не только для людей, далеких от архивных проблем, каковыми являются работники судебной системы. Второе издание «Калужской энциклопедии» в очередной раз продемонстрировало отсутствие «единства понятий и терминов, указаний мест и дат рождения и смерти, конкретики, частые повторения, разночтения, устаревший ссылочный аппарат, фактические ошибки и т.д и т.п.»[13]. «Калужская энциклопедия» вторым изданием, переработанным и дополненным, вышла в октябре 2004 г. (на титуле ошибочно указан 2005 г.). В издание действительно включены некоторые новые статьи, на одной из которых хотелось бы остановиться подробно — посвященной Н.Л. Дмитриеву[14]. Имея некоторое отношение к изучению биографии Дмитриева[15], мы можем утверждать, что статья в энциклопедии представляет собой не энциклопедическую статью, а перепечатку тезисов сообщения на VII конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Если бы редакционная группа нашла необходимым поместить в энциклопедии биографическую статью, то биография Н.Л. Дмитриева не заканчивалась бы сообщением, что после 1943 г. сведений о нем не обнаружено (кстати, в энциклопедии опущен очень существенный момент — сведений «в ГАКО не обнаружено», в Калужском областном краеведческом музее сведения есть, а после написания тезисов сведения были обнаружены и в ГАКО). Н.Л. Дмитриев умер 22 мая 1968 г.[16] О том, что автор статьи о Дмитриеве не указан в списке авторского коллектива энциклопедии, говорить не приходится.

Наши наблюдения позволяют говорить о том, что при востребованности документов ГАКО в краеведческих исследованиях архив воспринимается большинством обращающихся к хранящимся в нем документам утилитарно. В Калужской области не сформировано отношение к архиву как к национальному достоянию, поэтому не только позволительно игнорировать результаты деятельности специалистов архива. В настоящее время остро стоит проблема сохранности документов, хранящихся в ГАКО, особенно фондов дореволюционного периода, находящихся в запрещенном к эксплуатации здании по улице Кооперативный поселок.

Примечания

1. Предписанием Государственной инспекции по охране труда в Калужской области №122 от 24.12.2004 эксплуатация основного здания ГАКО (ул. Кооперативный поселок, д.1) запрещена, и большая часть фондов стала недоступной.
2. См., например: Холопов Ю. Одиссея лейтенанта Яновского: жизнь и приключения мореплавателя, главного правителя Русской Америки, калужского дворянина. Калуга, 1998. С.156; он же. Из рода Раковых. Калуга, 2004. С.140.
3. Калужский Березуй: Опыт документального описания. Калуга, 2004. С.3.
4. Там же.
5. Там же.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. №12. Ст.176; Там же. 1918. №74. Ст.804.
7. Шмидт С.О. Вступительное слово // Малоярославец — проблемы истории и возрождения: Материалы научной краеведческой конференции «Малые города России. Малоярославец — проблемы истории и возрождения» (6—7 октября 2000 г.). Малоярославец, 2001. С.10.
8. Там же. С.6.
9. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т.12. С.102.
10. Судебная власть Калужской области: история и современность. Калуга, 2004.
11. Там же. С.230.
12. Там же. С.161.
13. Смирнов А.А. Легенда снова обретает реальность // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2004. С.74.
14. Калужская энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 2005. С.125—126.
15. См.: Зиновкина Н.В. Н.Л. Дмитриев: Опыт биографии (по материалам фондов Госархива Калужской области) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17—18 апреля 1997 г. С.53—55.
16. Калужский областной краеведческий музей. Инв. № НВ 2703.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ: ФОРМЫ, МЕТОДЫ И ОБЪЕКТЫ

***М.В. Лобов**, Калужский филиал Московского гуманитарно-экономического института*

Прежде всего, необходимо определиться с самим понятием актуализации. Актуализация — это перевод знаний, навыков и чувств в процессе обучения из скрытого, латентного, состояния в явное, действующее. Актуализация является универсальным методом управления и реконструкции, потому что представляет собой действие (процессы, подчиненные сознаваемой цели) или операцию (способы выполнения действия, определяемые их условиями) совмещения смысла и значения в пространстве и времени на основании той или иной логики — в зависимости от географического ландшафта, традиции выживать в этом ландшафте. Как универсальный научный метод, применяется не только в математике и экономике, но и в других отраслях знания.

Для наглядности попытаемся охарактеризовать труд как форму актуализации. Труд — это целенаправленное воздействие человека с помощью различных инструментов (средств труда) на объект труда для придания ему необходимых свойств. Все это делается в подходящем для этого месте (соответствующие условия труда) и в нужное время (когда человек нуждается в продукте труда). Логикой могут служить как совершенно конкретные приемы определенного ремесла, так и географический ландшафт и традиции выживать в нем. Все это ни что иное, как определение труда, наложенное на понятие актуализации. Таким образом, налицо четырехполюсная модель: объект, субъект, инструмент, действие.

В общей теории хозяйства актуализация рассматривается как способ совмещения структуры потребностей и структуры возможностей, как совмещение структуры задач и структуры ресурсов в процессе принятия решений — в процессе управления[1]. В результате, хозяйственная структура меняет свое поведение — адаптируется сама или подвергается воздействию извне — изменяя

свое фазовое состояние, она стремится нейтрализовать, избежать, профилактировать или управиться с воздействием этих факторов.

Существуют различные способы актуализации на основе теоретического знания, эмпирического знания (опыта: проб и ошибок). Актуализация рассматривается как процесс моделирования — совмещение желаемого или потребного с желаемым (возможным), т.е. актуализация сводится к устранению разрыва между реальностью и представлением об этой реальности.

Логика выживания (логика здравого смысла) привела к появлению изустных лексических форм (пословицы и поговорки), которые в высшей степени искусно, символически передают смысл (рецепт) поведения в той или иной ситуации: «Лежи на боку, да гляди за реку»[2]. Это является каноном, образом возможной мыследеятельности.

Современные общественные порядки предстают в форме конгломерата хозяйственных структур. Основу конгломерата составляет жизнедеятельность в рамках домашних хозяйств как первичных структур хозяйства. Существуют производные формы хозяйства: по линии отношения собственности — имущественных отношений, по линии брачно-семейных отношений — родовых отношений.

В результате развития (как следствия накопления потенциала в различных областях жизнедеятельности) первичных структур образовалось множество вторичных структур хозяйства. Например, на основе родовых отношений возникли организационно-правовые формы, суть которых — объединение конкретных семей в рамках одного рода; на основе имущественных отношений — организационно-правовые формы, суть которых — формирование имущественного комплекса, возникшего на основе объединения собственности, принадлежащей разным семьям, разным родам.

Вторичные структуры конкурируют между собой, в результате чего возникает необходимость в некой третичной структуре, которая создается (призвана) для урегулирования конфликтов и споров, которая может возникнуть и в результате объединения разных родов, с целью совершенствования имущественного комплекса (минимизация трансакционных затрат и производственных расходов, расширение рынков сбыта, захват источников сырья) и обретения нового уровня конкурентной силы. Производные структуры существуют за счет и ради первичных структур[3].

Расчет результативности является универсальной мерой для сравнения эффективности деятельности хозяйственных структур. Чем выше результативность, тем более успешно функционирует любая хозяйственная структура. Критерием здесь может служить благополучие (здоровье), которое должно накапливаться в первичных структурах хозяйства («Деньги — медь, одежда — тлен, а здоровье — всего дороже»). Оценка поведения хозяйственной структуры происходит через расчет результативности на основе измерения ее благосостояния (здоровья), которое, в свою очередь, выступает критерием качества жизни. С помощью расчета результативности можно не только моделировать теоретическое состояние отдельного хозяйства, но и создать модель конкретных режимов функционирования хозяйства в тот или иной период времени.

Структура — ведущее свойство хозяйства, а отношения подчинения являются структурообразующими в любом хозяйстве («Порядок дела не портит» или «У нашей хозяюшки все в работе: и собаки посуду моют»). Выявив иерархию (структуру) конкретного хозяйства можно с большой точностью дать оценку его работоспособности и результативности. Причем форма собственности хозяйства имеет значение при его реконструкции.

С точки зрения современной научной информационной концепции могут быть измерены условия сопоставимости фоновых значений хозяйства, которые можно сравнивать между собой.

Примечания

[1] Сыроежин И.М. Методы структурной настройки систем управления производством. М., 1976.
[2] Здесь и далее пословицы приводятся по изданию: Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа, Москва 2004.
[3] Сыроежин И.М. Экономическая кибернетика. Л., 1974. Ч.1: Основы теории хозяйственных систем.

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ

***Н.А. Никольская**, Калужский филиал Московского гуманитарно-экономического института*

Понятие «риск» неоднозначно, и в данной работе под риском будет подразумеваться вероятность наступления неблагоприятного явления или события, угрожающего жизнедеятельности и жизни людей. С самых древних времен существует угроза жизнедеятельности человека. Например, для племен существовала угроза жизни племени в результате неудачи на охоте, нападения другого

племени и др. Эти угрозы (риски) являлись «стимулом» в развитии орудий труда, оружия, усовершенствовании тактики охоты и войны с другими племенами, что позволило бы этому племени выжить в таких условиях. Люди не выделяли в отдельный вид деятельности управление рисками, так как не выделяли и самих рисков — угроз жизнедеятельности: просто старались выжить.

С современной точки зрения такую деятельность можно назвать методом борьбы с риском (управления риском) — профилактикой риска. То есть люди старались не допустить наступления неблагоприятного события или свести ущерб от него к минимуму. Можно привести такой пример. На протяжении долгого времени существовала угроза нападения на мирные приграничные поселения кочевников. Жители этих поселений могли избежать нападения (метод избежания риска), спрятавшись за крепостную или монастырскую стену, а могли собрать дружину и пойти воевать (метод управления риском). В случае нападения кочевников (наступление неблагоприятного события) тоже могло существовать две модели поведения: 1) люди вставали на защиту своих поселений, используя подручные средства; 2) люди бросали все и уходили в лес, где собирались в отряды с целью дальнейшего выживания. Таким образом, уже можно говорить не только о осознании угроз (рисков), но и о выработке поведения при наступлении рисковой ситуации и определении действий до наступления рисковой ситуации (прообразы методов управления рисками).

«Управление рисками» осуществлялось через использование народного опыта, накапливаемого многими поколениями, выраженного в пословицах и поговорках. Например, пословица «Лежи на боку, да гляди за реку» нашла свое широкое применение. Эта пословица иллюстрирует метод профилактики рисков. Можно предположить, что основной смысл пословицы был использован в следующей ситуации: несмотря на мирное время, в крепостях проводились тренировки воинов, охранявших крепость, и круглосуточно стояли дозорные, чтобы в случае внезапного нападения закрыть ворота, отразить атаку и т.п. Риск внезапного нападения был не только осознан, но и, используя современные понятия, профилактирован, то есть применен ненаучный метод управления рисками.

При существовании всеобщих рисков, то есть рисков, которым подвержены все люди (болезнь, несчастный случай и т.д.), появляются специфические риски, то есть риски, связанные с конкретным видом деятельности. К специфическим рискам можно отнести риск раскрытия тайны ремесла. При раскрытии тайны ремесленник теряет средства к существованию. Риск профилактировался путем передачи знаний только по родственным связям (от отца к сыну и т.п.). При развитии городов профилактика общих для группы людей рисков стала осуществляться через объединения ремесленников по видам деятельности (появление одиночных конкурентов, поддержание определенного уровня цен на услуги).

С давних времен люди пытались если не оградить себя от риска, то хотя бы уменьшить свои потери (застраховать часть рисков или имущества для получения «компенсации» при наступлении страхового события). Самым примитивным видом страхования можно считать сохранение крестьянами своих ценностей в виде клада, например, на территории огорода. При нападении на деревню или при пожаре клад оставался в сохранности. Самым ранним государственным страхованием жизни можно считать выкуп, выплачиваемый из царской казны, за плененных жителей приграничных поселений, угнанных кочевниками в рабство. Выделенная сумма возвращалась в казну путем сбора дополнительной подати с жителей приграничных поселений путем раскладки на всех жителей. С развитием экономики различных стран появилась возможность уменьшение потерь через страхование своего имущества от определенного вида риска в специальных организациях (прообраз страховых компаний), в банках или по договору о взаимной поддержке в случае потерь. Наиболее ранними видами страхования являются страхование грузов при морских перевозках, страхование от пожара, страхование жизни.

На сегодняшний день наиболее всеохватывающей классификацией методов управления рисками считается следующая классификация. По направлениям деятельности: 1) избежание риска — уклонение от нежелательного события; 2) профилактика риска — действия, направленные на минимизацию риска наступления нежелательного события и/или последствий наступления нежелательного события; 3) управление риском — набор действий, выполнение которых приводит к нейтрализации риска или использованию рисковой ситуации к своей выгоде.

Как и любой метод, метод управления рисками включает в себя: 1) субъект (значимость этого элемента заключается в квалифицированности, знаниях, навыках и умений человека); 2) инструмент (организация, технология управления, различные схемы и алгоритмы, которые могут быть использованы в процессе управления и решения текущих проблем); 3) действие (процессы подчиненные сознаваемой цели). На выбор программы действий оказывают влияние две первые составляющие метода управления.

Таким образом, управление рисками человек осуществляет как неосознанно (использование опыта предыдущих поколений) так и осознано (специально разработанный и запланированный набор действий).

В.А.ЖУКОВСКИЙ. «ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ». К ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ЭКСПОНАТА*

Г.И.Роянова, *Заслуженный работник культуры РФ,*
Калужский областной краеведческий музей

Наше время отмечается обострившимся интересом к истории и культурному наследию. Гордость любого музея — это его коллекции. Предметный ряд, извлеченный из повседневной жизни, приобретает второе рождение, когда изучается хранителями, исследователями. Продолжение жизни фондовых коллекций — музейные экспозиции.

Предметом данного изучения является книга из собрания Калужского областного краеведческого музея «Стихотворения Василия Жуковского» (ч. 1. СПб: Медицинская типография, 1815). В сборник вошли лирические стихотворения, послания, романсы и песни. «Певец во стане русских воинов» отнесен к лирическим стихотворениям. Для калужского литературного краеведения важно то, что писано оно в период Отечественной войны 1812 г.

Данный сборник поступил в музей вместе с собранием сочинений М.В. Ломоносова (СПб, 1805—1813), сочинениями Г.Р. Державина (СПб., 1800-е гг.?), Сумарокова (М., 1700-е гг.?) из Центральной губернской научной библиотеки, которая до 1917 года была Калужской городской общественной библиотекой. К сожалению, время поступления и место первоначального хранения отсутствуют. Среди 15 тысяч книг и рукописей отдела фондов данное издание является раритетным и входит в состав фонда редкой книги музея.

В издании «Русский родословец» (№ 1 (3) 2004 г.) Е.П. Комаревская отмечает, что «за два с половиной века существования Российской императорской армии написаны и сложены тысячи од, песен и стихов. Из века в век русское воинство славили поэты — и великие, и малые, слагали поэтические строки и офицеры, и солдаты. Воистину, стократ священ союз меча и лиры». «Увы, —пишет автор, —собрать это наследие воедино уже невозможно». Но обратиться вновь к наследию В.А. Жуковского должно.

Изучая дореволюционные издания «Русская старина» (тт. XXXVII и XXXIX 1883 г.), «Русский архив» (М., 1866), переизданный Русский биографический словарь (СПб., 1916), неизданную рукопись Д.И. Малинина «В.А. Жуковский в Долбине Лихвинского уезда» (из серии «Писатели в Калужском крае». Очерк V), издания XX века А.Г. Тартаковского «Неразгаданный Барклай» («Легенды и были 1812 г.». М., 1996), сборник «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья». Тезисы докладов VII конференции. Калуга, 1997, исследование Л.А. Козыро «Долбинская осень В.А. Жуковского», «Шедевры русской лирики». Калуга. Золотая Аллея, 1999, удалось собрать сведения, позволяющие обобщить и использовать их в музейной просветительной деятельности как память о культурном наследии XIX века.

Современная источниковедческая база изучения жизни и творчества В.А. Жуковского позволили уточнить некоторые факты, связанные с написанием «Певца во стане русских воинов». В 1986 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга «Жуковский» (автор Виктор Афанасьев); в 1988 г. в Ленинграде увидел свет двухтомник «России верные сыны …». Отечественная война 1812 г. в русской литературе первой половины XIX века»; в 1989 г. в издательстве «Наука. Лениздат» увидела свет работа Р.В. Иезуитовой «Жуковский и его время»; в 2004 г. в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.» со статьей «В.А. Жуковский» выступила Н.А. Каргаполова. Именно категоричное утверждение последнего автора о написании стихотворения «Певец во стане русских воинов» в Орле, заставило обратиться к последним исследованиям названных ранее авторов.

Литература XIX столетия, Русский биографический словарь 1916 г. определяют написание данного произведения началом октября 1812 г. В последнем говортся, что «в лагере перед Тарутином Жуковский написал «Певца во стане русских воинов» (с. 87). А.Г. Тартаковский излагает этот факт в следующей редакции: «Оно было написано в конце сентября—начале октября 1812 г. в Тарутине, вскоре после отъезда Барклая (де Толли) из армии и впервые напечатано … в виде брошюры на исходе января 1813 г. в Петербурге…». В мае 1813 г. в Петербурге выходит второе, исправленное издание.

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 05-01-59106а/Ц).

В комментариях издания «России верные сыны …» (с. 39) вновь написано, что данное произведение Жуковского впервые опубликовано в «Вестнике Европы» (1812 г., № 23, 24 декабрь) с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы при Тарутине», то есть в сентябре—октябре 1812 г. В издании 1813 г., подготовленном самим поэтом, автор примечаний Д.В. Данков подтвердил эту дату (с. 362). Хранящееся в фондах КОКМ издание стихотворений Жуковского 1815 г. открывает произведение «Певец во стане русских воинов» подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы, пред сражением при Тарутине» («Стихотворения Василия Жуковского». СПб., 1815. Ч. I. С. 23).

Итак, в чьем исследовании большая доля правды? Где же В.А. Жуковский написал столь знаменитое стихотворение?

К сожалению, в «Формулярном списке о службе» В.А. Жуковского нет данных о его подробном выполнении обязанностей с указанием присутствия в том или ином населенном пункте. «10 августа 1812 г. был принят в Московское ополчение. За отличие в сражениях награжден чином штабс-капитана и орденом Св. Анны 2 класса — ноябрь 6, 1812 г. Сверх того, в продолжение всей кампании 1812 г. находился и ревностно исполнял возложенные на него обязанности при дежурстве главнокомандующего армиями князя Кутузова Смоленского. Имеет серебряную медаль в память 1812 года …». Три фразы характеризуют весь путь, пройденный В.А. Жуковским, в период Отечественной войны 1812 г.

Р.В. Иезуитова в своей книге отдает должное исследованию орловских краеведов, которые опубликовали отрывки из дневника 1812 г. Киреевских-Протасовых (см. Власов В. Певец русской славы// Орловская правда. 1983, № 33, 9 февраля) о посещении в сентябре—октябре 1812 г. Жуковским Орла и Черни (имения Плещеевых). 10 сентября 1812 г. М.А. Протасова записала: «Вдруг наш добрый Жуковский явился из армии курьером к губернатору в 7 часов вечера …».

К 10 октября 1812 г. относится запись Е.А. Протасовой: «День памятный в наших горестях: Жуковский, добрый наш Жуковский опять поехал в армию».

Если учесть, что русская армия в Тарутино находилась с 21 сентября по 11 октября, то В.А.Жуковский никаким образом не мог быть в Тарутино. Этот факт особенно важен, т.к. установление точных дат, помимо их значения для знания биографии В.А. Жуковского, важно и для датировки произведения.

Следует признать выводы Р.В. Иезуитовой более правдивыми: «Полагаем, что откомандированный в Орел, Жуковский бывал там наездами, выступая в роли курьера-связного между штабом главнокомандующего и местным губернским начальством…. Полагаем, что основная часть чернового автографа «Певец во стане» была написана в Орле и Черни и лишь завершена 20 октября 1812 г., уже в армии.

Существует мнение, что первоначально стихотворение было озаглавлено «Кубок воина». По собственным словам Жуковского, оно было «писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине», и в основе его не воображаемая, а вполне реальная ситуация: воин накануне битвы в кругу своих соратников за круговым кубком провозглашает здравицы во славу России…» (с. 143).

Однако не следует, считает Р.В. Иезуитова, искать в стихотворении полного правдоподобия, совпадения со всеми реальностями воинского быта.

«Важно было другое — Жуковский сумел передать настроение в армии и показал всему миру, что русские войска не только могут мужественно обороняться от армии Наполеона, но наносить ей поражения» (Дурылин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г.. С. 84).

Приведенные факты об отсутствии В.А. Жуковского в Тарутино, не означают, что Жуковский не знал о событиях начала октября 1812 г. в Тарутино. Наоборот, служа при штабе главнокомандующего, находясь далеко от Тарутино, он был достаточно информирован о столь значительном событии и своим стихотворением еще более усилил торжество победы при Тарутине. Он опосредованно через поэзию становился участником реальной ситуации.

Значение данного лирического стихотворения по достоинству оценено его соотечественниками, участниками войны 1812 года. Иван Лажечников вступил в действующую армию добровольцем и в 1817—1818 гг. написал воспоминания «Новобранец 1812 года». «20 декабря: Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских», новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть. Верю и чувствую теперь, каким образом Тиртей водил к победе своих греков. Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов! Довольно сказать, что «Певец во стане русских» сделал эпоху в русской словесности и — в сердцах воинов» (И. Лажечников В сборнике «России верные сыны». Л., 1988. С. 185—187).

Издание сборника, хранящегося и экспонирующегося в музее, относится к концу 1815 года. Издавался он в двух частях, в музее — первая часть. При подготовке издания В.А. Жуковский вновь обратился к «Певцу», о чем он сообщает в письме к А.П. Киреевской еще в мае 1815 года: «Теперь хочется кончить начатого «Певца»; потом сделаю издание Муравьева сочинений; между тем готов план Журнала, который надобно выдать с будущего года. После Муравьева издание своих сочинений …».

По мнению Д.И. Малинина после Долбина и переезда в Петербург перед Жуковским «раскрылась широкая дорога славы …» Жуковский после издания первого собрания своих трудов напишет: «Теперь, по крайней мере, знаю, что след мой не совсем погиб, нет».

Пять изданий сочинений В.А. Жуковского увидели свет при жизни поэта. Неоценимую помощь в издании первого собрания и двух частей сборника оказали друзья Василия Андреевича — Авдотья Петровна Киреевская продала рощу, когда Жуковскому потребовались деньги на издание. Сам поэт отмечал, что «все мои сочинения увидят свет только с благословения друзей».

С помощью Кавелина, служившего в медицинском департаменте, видимо, издан и сборник, хранящийся в музее, т.к. он издан в Медицинской типографии 7 октября 1815 г.

В «Русском архиве» за 1866 год опубликовано стихотворение В.А. Жуковского к Кавелину (1814—1815 гг.), которое подтверждает дружеские связи между ними.

«Кавелин, друг, поэт, директор
И медиков протектор,
Я с просьбою к тебе!»

27 ноября 1815 года Жуковский при встрече с А.С. Пушкиным дарит ему первый том своих стихотворений.

Министр народного просвещения представил издание императору и вскоре (в 1816 г.) Жуковскому была назначена пенсия в 4000 рублей.

Уже в январе 1816 года в письме к А.П. Киреевской Жуковский написал: «Вы очень хорошо сделали, что отдали деньги мои секунд-майорше Киреевской. Но прошу Вас с нее проценты не брать. Вам должно быть известно, что я ей должен 1000 рублей, данных ею мне на напечатание моих стихотворных околичностей. Получили вы свои экземпляры? Их послали к вам во время моего отсутствия и для того они не подписаны».

Через А.П. Елагину-Киреевскую просматриваются дружественные связи В.А. Жуковского и Г.С. Батенькова. По просьбе Авдотьи Петровны Жуковский хлопотал перед Следственной комиссией за декабриста Батенькова. Данные сведения еще раз подчеркивают необходимость дальнейшего изучения жизни и творчества, связей В.А. Жуковского с Калужским краем, в т.ч. с декабристами.

Необходимость введения в научно-просветительскую деятельность музея дополнительных сведений о времени и месте создания произведений В.А. Жуковского не вызывает сомнений.

Литература

Афанасьев В. Жуковский. Серия Жизнь замечательных людей. М., 1986.
Василий Жуковский. Проза поэта. М., 2001.
Дурылин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 г.
Козыро Л.А. Долбинская осень В.А. Жуковского. Тез. докл. XVIII конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 1997.
Малинин Д.И. В.А. Жуковский в Долбине Лихвинского уезда. КОКМ, КЛ 9604.
Русская старина. т. XXXIX. СПб., 1883. т. XXXVII. 1883.
Русский архив. М., 1866.
Русский биографический словарь. СПб., 1916.
Тарковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и были 1812. М., 1996.
Ульянов А.И. Тарутинский лагерь и неудобные факты. Калуга, 2002.

ЦАРСКИЕ ВРАТА ИЗ С. КРАСНОГО: ЭЛИТАРНЫЙ ОБРАЗЕЦ В РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИКОНОПИСИ НА РУБЕЖЕ XVI—XVII вв.

В.Г. Пуцко, *Калужский областной художественный музей*

В непосредственной близости от Боровска находится с. Красное, высокая кирпичная церковь которого видна издали, с центральной площади города. До ее сооружения существовала рядом деревянная, неоднократно перестроенная. Из утвари, похоже, сохранились лишь царские врата, оказавшиеся в открытом в Калуге в апреле 1897 г. в палатах Коробовых Историческом музее. Позже они были унаследованы Калужским областным краеведческим музеем, откуда в 1948 г. переданы в Калужский областной художественный музей, где хранятся и теперь (инв. № Ж-327). В течение 1948—1950 гг. живопись врат раскрыта в Государственной центральной реставрационной мастерской, что позволило включить произведение в музейную экспозицию. Лишь однажды эти царские врата были упомянуты в специальной литературе как происходящие из несуществующей калужской церкви XVII в. и схожие с вратами придела Благовещенского собора Московского Кремля, отличаясь при этом местной живописной манерой[1]. Памятник, думается, заслуживает более пристального внимания: он принадлежит к числу весьма немногих, характеризующих иконописание данного региона накануне Смутного времени.

Отсутствие документации не позволяет установить, были ли эти царские врата изначально предназначены для боровского сельского храма или же переданы в него значительно позже их выполнения, когда стали отдавать предпочтение резным с живописными медальонами. Покрытые потемневшей олифой, они казались загадочным образцом священной старины, пока не удалось обнаружить звучные по колориту композиции, похожие на уже известные по иным произведениям; и в то же время заметны признаки неповторимости, свойственные подлинным творениям сакрального искусства.

Царские врата размером 165,0 х 75,0 см, при толщине доски 3,0 см, традиционной прямоугольной формы, с приближающимся по форме к овалу завершением, абрис которого явно повторяет арку несохранившейся сени, опиравшейся на столбики. По обычаю двустворчатые, и каждая из створок имеет по две односторонних врезных шпонки с тыльной стороны. С лицевой — посредине, в месте соединения створ, накладной валик, округлый в разрезе, шириной 3,2 см. Лишенные своего естественного обрамления, врата ныне воспринимаются скорее как самостоятельно существующее произведение, чем как органическая центральная часть иконостаса.

Прежде, чем приобрести свой ныне существующий вид, царские врата пережили сложную эволюцию в развитии формы, большей частью еще на византийской почве, начиная с доиконоборческого периода. По данным миниатюр греческих рукописей уже в V—VI вв. на невысоких тогда вратах появляются фигуры евангелистов, а позже и Благовещение, которое нередко заполняет большую часть поверхности створ[2]. Древнейшие сохранившиеся на Руси царские врата датируются второй половиной XIII в., украшены изображением Благовещения и крупными фигурами двух святителей[3]. Начиная со второй четверти XIV в. прослеживается развитие иконографической схемы, предполагающей соединение Благовещения с четырьмя сидящими евангелистами[4]. В московском искусстве этот тип окончательно устанавливается в первой четверти XV в., с подчеркиванием действий каждого евангелиста[5]. На рубеже XV—XVI вв. на Русском Севере еще известны царские врата, включающие в иконографическую схему также Евхаристию[6]. Однако данный вариант не выходит за рамки локального явления, хотя и имеющего свое далекое соответствие на западных украинских землях[7]. Такова предыстория рассматриваемых царских врат, развитый художественный стиль которых неожиданно соединяется с архаизирующими формами. Явно для того были какие-то причины, обусловившие столь своеобразную интерпретацию столичного образца, воздействие которого опознается весьма определенно.

Рис. 1. Царские врата из с. Красного близ Боровска. Около 1600 г. Калуга, Калужский областной художественный музей.

Происходящие из с. Красного царские врата имеют паволоку, поверх которой положен тонкий левкас. Живопись выполнена в технике яичной темперы, «на празелени», золотом выделены только нимбы и немногие отдельные детали. Изображения размещены в неглубоких ковчегах, из которых два верхние с преобладанием криволинейной формы, а четыре, с фигурами евангелистов, — прямоугольные (рис.1).

В верхней части врат, как обычно, расположена композиция Благовещения, с находящимся в движении архангелом Гавриилом и сидящей на троне Девой Марией, изображенными на архитектурном фоне, по своему характеру довольно близко напоминающем театральные кулисы. Передний план обозначен широкой полосой плотного

зеленого цвета. Благовествующий архангел, в синем с голубыми пробелами хитоне и лимонно-охряном гиматии, с графически обозначенными тонкими зелеными линиями складками, моделированными пробелами различной интенсивности. Крылья темно-зеленые, с золотыми и белыми перьями, с темными подпапоратками. Лицо, обрамленное прядями темно-каштановых волос, с правильными чертами, выполнено тщательно, с мягкими светотеневыми переходами. Простертой правой рукой архангел благословляет двуперстным сложением, левая опущена вниз. Ступни широко расставленных ног опутаны тонкими нитеобразными ремешками сандалий, различные по рисунку. Характерно положение сильно отставленной назад правой ноги, как бы зацепившейся за лузгу, подобно ангелу в Евангелии Хитрово[8]. Справа за фигурой невысокий тетрапод охряного цвета, на резных ножках, с зеленовато-белесой крышкой. Башенка с пристройкой и колончатый портик (между ними перекинут «велум») с сильно деформированными архитектурными формами, и их условность наиболее ярко выражена в одной конкретной детали: основании крохотной бочкообразной колонны слева, на тонких ножках, одна пара которых смещена за «горизонт» позема. В правой части той же упомянутой композиции, уже на другой створе, сидящая Богоматерь, в изумрудно-зеленом хитоне и темно-вишневом мафории, с правой рукой в жесте адорации и лежащей на колене левой; внизу из-под одежды едва выступают носки киноварных туфель. Основным сооружением архитектурного фона оказывается квадратная в плане башня со сложным, опирающимся на колонки перекрытием с шатровым завершением. Стена соединяет его с «портой», их плоскости украшены резьбой, а вверху развевается алый «велум». И не сразу можно заметить весьма существенную деталь: слева вверху сегмент небесной сферы с исходящим в белых лучах Святым Духом. Сопроводительная надпись выполнена крупной белильной вязью; имя архангела и монограмма Богоматери — более мелкими буквами.

Ниже в два ряда расположены более монументальные по характеру изображения четырех евангелистов, в том порядке, в каком следуют в течение церковного года, начиная с Пасхи, надписанные их именами циклы евангельских чтений. Генетически эти образы восходят к портретам античных философов[9]. Непосредственным же источником послужили миниатюры византийских рукописей с их развитой иконографией, отличающейся большой вариативностью в отношении поз и жестов[10].

Слева, под фигурой архангела Гавриила, изображен Иоанн Богослов в образе старца, в синем хитоне и блекло-зеленом гиматии, со складками более интенсивного тона, высветленными пробелами. Евангелист представлен в экстатическом состоянии, сидящим на шестигранном табурете, несколько откинувшись, слушая небесный голос, что символически обозначено слева вверху небесным сегментом с благословляющей Десницей. Лицо Иоанна обрамлено пепельного цвета волосами и длинной окладистой бородой. Правая рука евангелиста в благословляющем жесте, обращенном к сидящему у его ног юноше-писцу Прохору, в светло-охряной одежде, у входа в пещеру, находящуюся в скалистой горе, покрытой сплошь ступенчатыми лещадками. Желто-охристый цвет горных вершин производит впечатление яркой освещенности солнечными лучами. Рядом, на другой створе, представлен евангелист Матфей — сидящий старец, в изумрудно-зеленом хитоне и охряном гиматии, с длинной остроконечной окладистой бородой, сверяющий евангельский текст на свитке в руках с содержащимся в кодексе на пюпитре, ножкой которого служит изваяние дельфина, опирающееся на крышку тетрапода. Фон образуют сложные архитектурные кулисы с элементами башни и портика, а также еще одной башни, по формам напоминающей стасидию. Вверху перекинут «велум». Ниже представлены евангелисты Лука и Марк. Лука, в изумрудно-зеленом хитоне и светло-охряном гиматии, изображен сидящим на массивном табурете и чинящем перо (трость). Живопись лица повреждена, но темно-каштановые кудрявые волосы и небольшая остроконечная борода темного цвета позволяют утверждать, что иконографический образ традиционный. Рядом стол с раскрытым свитком. Архитектурные кулисы легкие и причудливые: слева башенка с «порфировыми» колонками, справа — фантастическое сооружение, явно интерпретирующее не понятый иконописцем образец с его реальными элементами. Сверху как бы замыкает пространство обычный алый «велум», как и в расположенной рядом композиции с изображением евангелиста Марка, представленного пишущим на лежащем у него правом колене листе пергамена, который придерживает левой рукой. Рядом похожий на отмеченные пюпитр, укрепленный на хвосте еще более стилизованного изваяния дельфина. Марк в светло-зеленой одежде, с мягко моделированными складками. У евангелиста смуглое лицо, обрамленное коротко подстриженными темными волосами и короткой окладистой бородой. Плавно изогнутая фигура подчеркивает сосредоточенность писца. Архитектурные кулисы башенного типа, с элементами «порты». Во всех случаях ноги, в сандалиях, опираются на подножия со светлым верхом, головы окружены золотыми нимбами с широкой красной и тонкой белой обводкой, имена изображенных

Рис. 2. Царские врата из с. Маркова Ростовского района Ярославской области. Москва, Музей имени Андрея Рублева.

обозначены вверху белилами вязью. Единственная обширная утрата живописи приходится на нижнюю часть фигуры Прохора в изображении Иоанна Богослова на острове Патмос.

Прослеживая развитие русских царских врат XVI — начала XVII вв. с подобной иконографией по введенным в научный оборот произведениям, трудно не заметить их удивительную вариативность, в какой-то мере обязанную как локальным художественным традициям, так и индивидуальным чертам творчества конкретных мастеров[11]. Выделяются врата второй половины XVI в. с введенными в композиции символами евангелистов, представленными как облачные либо в медальонах. Разграничение же памятников на столичные и провинциальные не всегда оказывается безусловным, особенно когда речь идет о продукции крупных иконописных центров, таких, как, скажем, Великий Устюг. Уже упомянутые царские врата из приделов Собора Богоматери и Собора архангела Гавриила Благовещенского собора Московского Кремля, датируемые 1560-ми гг., несколько различаются между собой по индивидуальной манере[12]. Они явно выполнены не по одной прориси, хотя почти в равной степени представляют элитарное направление в московской церковной живописи третьей четверти XVI в. Современные им царские врата из церкви с. Маркова Ростовского района Ярославской области (рис. 2) явно тяготеют к столичному кругу произведений. Ориентированные на подражание ему описываемые врата из боровского с. Красного, напротив, выдают результаты радикальной адаптации образца. Это проявляется как в видоизменении пропорций (с тенденцией к большеголовости), так и в декоративной интерпретации архитектурных кулис, свидетельствующей об утрате представлений о реалиях древнего зодчества, ставших неотъемлемой частью византийской иконографии. В целом это профессиональное мастерство, лишь отчасти затронутое фольклоризацией.

По всем формальным признакам, включая и стилистические особенности письма, царские врата из с. Красного логичнее всего отнести к продукции мастерских московской провинции около 1600 г. В качестве своего рода эталонных образцов можно указать происходящую из Ипатьевского монастыря в Костроме икону Троицы Ветхозаветной, годуновской школы (средник — 1586 г., створки — около 1600 г.)[13], написанную Евстафием Головкиным в 1591 г. икону Сергия Радонежского с житием, икону Николы с Троицей Ветхозаветной и святыми на полях, 1592 г., из Троице-Сергиевой лавры[14]. В этом русле находится и боровское иконописание XVI в., правда, представленное отдельными произведениями[15].

Исследователь иконописи среднерусских земель неизбежно оказывается перед необходимостью определить ее отношение к элитарной московской традиции, если не зависимость от последней. Движение провинциального иконописания не всегда синхронное столичному, и, скажем, тщетно было бы искать на рубеже XVI—XVII вв. в Боровске проявления тенденций, сближающих с иконами «строения именитых людей Строгановых»[16]. И царские врата из с. Красного созданы в качестве творческой интерпретации более раннего образца. Однако это никак не та далеко зашедшая фольклоризация аристократической модели, варианты которой дает художественное наследие Русского Севера[17]. Здесь как бы промежуточная форма, соответственно обусловленная стремлением к адекватному усвоению высокого образца. Он был явно привлекательным, хотя и довольно трудным для восприятия мастерами, не прошедшими курс обучения классическим основам, лежащим у истоков византийской традиции, укоренившейся на Руси.

Примечания

1. Фехнер М. Калуга. Боровск. М., 1972. С. 20—21. Илл. 3.
2. Grabar A. Deux notes sur l'histoire de l'Iconostase d'apres des monuments de Yougoslavie // Зборник радова Византолошког института. Кнь. 7. Београд, 1961. P. 13—17. fig. 1—4; Успенский Л. Вопрос иконостаса // Вестник Западно-Европейского Патриаршего экзархата. № 44. 1963. С. 244—245.

3. Пуцко В. Царские врата из Кривицкого погоста. К истории алтарной преграды на Руси // Зборник за ликовне уметности. Кнь. 11. Нови Сад, 1975. С. 51—78.
4. Соболевский А. Медные врата // Русская икона. Т. III. СПб., 1914. С. 59—61; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI— XV века. М., 1996. С. 321—326, 470. № 77.
5. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995. С. 184—186; Гусева Э.К. Царские врата круга Андрея Рублева // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 295—311.
6. Лаурина В.К. Об одной группе новгородских провинциальных царских врат // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 145—178.
7. Свенціцкий І. Іконопись Галицькоі Украіни XV—XVI віків. Львів, 1928. С. 16, 18—19. Іл. 24.
8. Лазарев В.Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961. С. 79. Рис. 81.
9. См.: Grabar A. Christian Iconography. A Study of Its Origins. Princeton, 1968. P. 31—54. Il. 21—24.
10. Подробнее см.: Galavaris G. The Illustration of the Prefaces in Byzantine Gospels. Wien, 1979; Nelson R.S. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. New York, 1980.
11. Ср.: Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1967. С. 78—80. Ил. 74, 76. №№ 56, 58; Салтыков А.А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981. С. 249, 251. Ил. 132, 133, 167—172; Рыбаков А. Вологодская икона: Центры художественной культуры земли Вологодской XIII—XVIII веков. М., 1995. Ил. 135; Вешнякова О.Н., Кольцова Т.М. Северные письма. Собрание Архангельского музея изобразительных искусств. Каталог. Архангельск, 1999. №№ 48, 49, 63, 160.
12. Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 68. Ил. 204—207.
13. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Т. II. М., 1963. С. 152-155. Ил. 48—51. № 547.
14. Николаева Т.В. Троицкий живописец XVI в. Евстафий Головкин // Культура Древней Руси. М., 1966. С.177—183; она же. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 138—139. №№ 237, 238.
15. Пуцко В.Г. Боровские иконы XVI в. // Боровский краевед. Боровск, 1990. С. 16—28.
16. См.: Искусство строгановских мастеров: реставрация, исследования, проблемы. Каталог выставки. М., 1991.
17. Пуцко В.Г. Элитарный иконописный образец в восприятии народных мастеров Русского Севера // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 409—411.

ОЛОВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Т.М. Хохлова, *Калужский областной краеведческий музей*

Олово на Руси было в основном привозным. В Древней Руси его добывали на Верхней Каме, во второй половине XVII в. оловяные руды были найдены в Енисейском и Нерчинском уездах. Но оловорудный промысел не получил широко развития. Олово высоко качества поступало в Россию из Западной Европы, особенно ценилось английское олово. Ввозилось оно как в слитках, так и в виде готовых предметов. Изделия из олова в России получили широкое распространение в XVII—XVIII в. Русские мастера на готовые изделия наносили рисунок или надписи. Изготовлялись бытовые и церковные предметы и русскими мастерами. Производились не только полные предметы, но и отдельные детали для изделий из других материалов.

Коллекция предметов из олова, хранящаяся в КОКМ, небольшая и включает 13 бытовых предметов и 23 предмета церковного культа. Среди них два предмета западноевропейского происхождения. Поступили они из музея при КУАК, калужских церквей и Шаровкина монастыря, два — из Губмузея, место поступления 8 предметов неизвестно.

Бытовые предметы русского происхождения:

1.***Шкатулка-теремок*** с высокой крышкой, прямоугольная, на четырех ножках, украшена прорезными накладками с волнистым растительным орнаментом. Под накладки подложены красная ткань и слюда. Россия. Кон. XVII — нач. XVIII вв.[1] Железо, олово, шерстяная ткань, слюда, литье, ковка, монтировка. Размеры: 7,1 х 9,6 х 7,8. Поступила из Музея при КУАК. Кл 2783 (Ил. 1).

Ил.1. Шкатулка-теремок. Россия. Конец XVII—начало XVIII вв.

2.***Блюдо*** круглое с гладким утолщенным краем борта. По краю борта выгравирована тонкая линия. На дне нечеткое прямоугольное клеймо: фигура ангела, справа от нее — колонна. Россия (?). XVIII в. Олово, литье, гравировка. Диаметр — 32. Поступило из Музея при КУАК. Кл 3958.

3.***Миска*** овальная с немного отогнутым венчиком, на трапециевидном основании, с двумя гранеными ручками в виде кринов, ручки прикреплены шарнирами к прямоугольным выступам. Россия. Вторая четверть XVIII в. Олово, литье. Размеры: 9,7 х 28 х 19,8. Место поступления неизвестно. Кл 3903.

4.***Стопа с крышкой*** усеченно-коническая, с трапециевидным основанием. На стенках — резной орнамент: двуглавый орел со скипетром и державой, обрамленный акантовыми листьями. На оборотной стороне — надпись в 7 строк в таком же обрамлении: «БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ И САМОДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ НАШЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ ВСЕЯ РОССИИ ВИВАТЪ ВИВАТ ВИВАТ». Крышка высокая ступенчатая с навершием в виде балясины. Россия, г.Москва. 1740-е гг.[2] Олово, пайка, точение, резьба. Размеры: высота — 19,2; диаметр — 12,5. Поступила из Общества древностей. Кл 2199.

5.***Блюдо круглое*** с широким бортом, край загнут кнаружи. По борту вырезана дата: «1757». Россия. 1757 г. Олово, литье, резьба. Размеры: диаметр — 35,5. Место поступления неизвестно. Кл 3965.

6.***Стакан*** усеченно-конический, с плоским основанием. Стенки украшены двумя резными медальонами с гравированными эмблемами, заимствованными из сборника «Символы и эмблематы»; в одном изображен орел, нападающий на утку, с надписью: «суетна ярость», в другом — собака, опирающаяся на обрубленный ствол дерева с надписью «наследника похитить». Остальная поверхность стенок украшена пышным растительным орнаментом. На дне прочерчены знаки: И О «L». Россия. 1730 — 1740-е гг.[3] Олово, литье, пайка, точение, гравировка. Размеры: высота — 9,2; диаметр — 7,5. Поступил из музея при КУАК. Кл 3899.

7.***Стопа*** усеченно-коническая со слегка отогнутым венчиком, с перехватом у ступенчатого основания, с крышкой. Тулово у перехвата скругленное, украшено двумя поясками зигзагообразного орнамента. Крышка высокая ступенчатая, с рельефными поясками, с навершием в виде двуглавого орла со скипетром и державой, под короной. Россия. 1770-е гг. Олово, литье с токарной проработкой, штрихпунктирная гравировка. Размеры: высота — 21,1; диаметр — 9. Место поступления неизвестно. Кл 4434.

Ил.2. Солонка-перечница. Россия. Мастер Николай Никифоров. Вторая половина XVIII в.

8.***Солонка-перечница*** круглая, в форме миски, на низкой кольцевой ножке, с двумя откидными крышками на шарнирах. Обе крышки объединены круглым медальоном, в котором на одной крышке изображена птица в профиль, два крина и три многолучевые звезды. На другой — пышный цветок или виноградная гроздь. На обеих крышках - навершия в виде балясин. Клейма: на одной крышке — надпись в две строки в прямоугольнике: «НІКОЛАИ // …ИФОРОР», на дне такое же, но сильно потертое клеймо: «М..Н….АИ // НІК…..». Россия, мастер оловянишник Николай Никифоров. 2 пол. XVIII в.[4] Олово, литье, пайка, точение, монтировка, линеарная и штриховая гравировка. Передана в музей при КУАК В.И.Ассоновым в 1892 г. Кл 3967 (Ил. 2).

9.***Стакан*** усеченно-конический, со слегка отогнутым венчиком, с плоским основанием. Стенки украшены изображением двух птиц. Россия. 2 пол. XVIII в. Олово, ковка, литье, точение, штрихпунктирная гравировка. Размеры: высота — 9,2; диаметр — 8,7. Место поступления неизвестно. Кл 3898.

10.***Солонка (сахарница)*** с грушевидным граненым туловом, с просечным орнаментом в верхнем ярусе. Крышка плоская, завинчивающаяся, с шаровидным навершием на ножке. Россия (?). Кон. XYIII в. (?). Олово, литье, ковка, пайка, просечка. Размеры: высота — 10,5; диаметр тулова — 5,3. Поступила из музея при КУАК. Кл 2815.

11.***Стопа*** усеченно-коническая с отогнутым кнаружи краем, с широким плоским основанием. Стенки в верхней части украшены поясом чешуйчатого орнамента, в нижней — поясом сетчатого орнамента. Россия. Кон. XVIII в. Олово, ковка, пайка, точение, накатка. Размеры: высота — 13,2; диаметр — 9,5. Поступила из музея при КУАК в 1920-х гг. Кл 3808.

Бытовые предметы западноевропейского происхождения:

1.***Кофейник*** с грушевидным туловом, с треугольным носиком, с плоской ручкой, обтянутой красной кожей, на низком ступенчатом основании. Полусферическая крышка с навершием в виде балясины крепится к венчику шарниром. На тулове с одной стороны изображена пасторальная сценка, с другой — букет цветов. На внутренней поверхности дна — овальное

Ил.3. Кофейник. Англия.
Вторая половина XVIII в.

клеймо: фигура Ангела с мечом в одной руке и весами в другой. Надпись по овалу: «ENGLIS BLOCK ZIEN», по сторонам фигуры — инициалы: «IC» и «N». Англия. Вторая половина XVIII в. Олово, литье, ковка, точение, пайка, штрих-пунктирная гравировка, монтировка. Размеры: 23 х 18 х 10. Поступил из Губмузея. Кл 3787 (Ил. 3).

2.***Поднос 8-угольный***, на 4 ножках, на деревянной основе. К коротким сторонам ступенчатого борта прикреплены овальные ручки с перехватом. Зеркало по периметру украшено широким гравированным поясом с розетками, кринами, тюльпанами и ромбами, по углам - пальметты. В центре зеркала изображена пасторальная сценка. Внизу — надпись: «17 = Andreas = Eckstein = 63». Зап.Европа, мастер Андреас Экштайн. 1763 г. Олово, дерево, литье, гравировка, монтировка. Размеры: 4,3 х 50 х 33,5. Поступил из музея при КУАК. Кл 3824.

Церковная утварь:

1.***Лжица*** с овальной чашечкой и плоским стеблем. В расширяющейся части стебля в киотце изображен Голгофский крест. Россия. XVII — XVIII вв. Олово, литье, резьба. Размеры: длина — 18,6. Поступила из церкви Покрова-на-Рву в Калуге.

2.***Звездица*** с двумя плоскими дугами с изображением Херувимов. На круглой дробнице изображен Голгофский крест с сопроводительными надписями. Россия. XVIII в. Олово, литье, ковка, гравировка. Размеры: 17,2 х 16,3 х 5,1. Поступила из церкви Покрова-на-Рву в Калуге.

3.***Дискос*** круглый с гладким обрезом края борта. По борту между зубчатыми линиями выгравирована литургическая надпись. На зеркале в центре изображен гравированный чин «Жертвенный младенец». Вокруг — пояс с изображением четырех Серафимов. Россия. XVIII в. Олово, литье, ковка, штрих-пунктирная гравировка. Размер: диаметр — 21,5. Поступил из музея при КУАК, передан В.И.Ассоновым. Кл 2210.

4.***Дароносица-крест***: на створке-крышке изображено Распятие с орудиями страстей, по сторонам — надпись: «НИ КА» и «К Т», Богоматерь и Иоанн Креститель с сопроводительными надписями, вверху — «IC XC» и «ІНЦІ», под крестом изображена голова Адама, в оглавии — треугольник с надписью «БГЪ». На оборотной стороне в крестовидном резерве изображены петух на столбе, справа — рука с денежным мешком и клещи, слева прорисован молоток, лестница и плат, верху — кубок в облаке. На нижней грани дароносицы — клеймо: надпись в 2 строки в рокайльном обрамлении: «EGOR IVANOOW». Россия, г.Москва, цеховой мастер Егор Иванов. 2 четверть XVIII в.[5].Олово, пайка, монтировка, резцовая гравировка, восковое зачернение. Размеры: 13,2 х 11 х 2,6. Поступила из церкви Покрова-на-Рву в Калуге. Кл 2418 (Ил. 4).

Ил.4. Дароносица-крест. Россия.
Москва. Мастер Егор Иванов.
Вторая четверть XVIII в.

5.***Дароносица-киот*** прямоугольная. На лицевой створке изображено Распятие с орудиями страстей. На кресте инициалы: «ІНЦІ», по сторонам креста инициалы: вверху «IC XC», в средней части: «К Т». На задней грани ковчега изображена 6-лучевая звезда. Россия. 1740-е гг. Олово, пайка, монтировка, гравировка. Размеры: 10,2 х 7,8 х 2,7. Поступила из музея при КУАК. Кл 2208.

6.***Дароносица-киот*** прямоугольная с килевидным завершением. На лицевой створке выгравирован 8-конечный крест. На задней грани ковчега изображены петух на столбе, справа — рука с денежным мешком, молоток и клещи, слева — лестница и плат, вверху — кубок в облаке. На нижней грани ковчега — прямоугольное клеймо с надписью в 2 строки: «М.Петръ Федоровъ». Россия, г.Москва, мастер оловянишник Петр Федоров. Сер. XVIII в.[6].Олово, пайка, монтировка, гравировка. Размеры: 13,5 х 8,4 х 3,7. Поступила из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3966.

7.***Дарохранительница двухчастная*** (верхняя часть не сохранилась). Срезанные углы ковчега украшены пилястрами с гирляндами. На лицевой стенке — дверца на шарнирах, с массивным ключом. На стенках — картуши в барочном обрамлении, с императорскими коронами. Ковчег покоится на прямоугольном основании с фигурными выступами по углам. На них — фигурки евангелистов. Накладки и фигурки раскрашены под бронзу, лица евангелистов раскрашены краской телесного цвета. Дарохранительница покоится на 4 ножках в виде барочных завитков. Ковчег имеет 4 резервуара. Россия. Середина XVIII в. Олово, литье, точение, пайка, монтировка, раскраска. Размеры: 15 х 23,9 х 17,9. Поступила из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 2343.

8.***Потир*** с колоколовидной чашей на низком стояне с яблоком, с высоким ступенчатым основанием. Верхний край чаши украшен выступающим фризом с литургической надписью. Ниже изображены Деисус и Голгофский крест в овальных медальонах, между ними фон заполнен листовидным орнаментом. Россия. Вторая четверть XVIII в. Олово, литье, ковка, пайка, точение, гравировка. Размеры: высота — 17; диаметр чаши — 11,1. Поступил из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3941.

9.***Чаша от потира*** усеченно-коническая с немного отогнутым кнаружи краем. На чаше изображены Деисус и Голгофский крест с сопроводительными надписями, в овальных медальонах в картушах. На сохранившейся части стояна — яблоко. Россия. Середина XVIII в. Олово, литье, пайка, резьба. Размеры: высота — 9,5; диаметр чаши — 10,2. Поступила в 1946 г. из церкви Покрова-на-Рву в Калуге. Кл 3950.

10.***Дарохранительница двухчастная***. Верхняя часть — в виде часовни с главкой-луковкой с 8-конечным крестом. Выдвигавшуюся панель держали пилястры. Выдвижная панель ковчега украшена головкой Ангела. Ковчег покоится на 4 треугольных ножках в виде S-видных завитков. В ковчеге — 4 резервуара. Россия. Середина XVIII в. Олово, литье, пайка, монтировка. Размеры: 33 х 16,2 х 9. Поступила из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3953.

11.***Дарохранительница двухчастная***. Верхняя, сохранившаяся, часть — в виде часовни с главкой-луковкой на прямоугольном основании, с прямоугольным ящичком. На лицевой панели — прямоугольная икона с изображением Вседержителя с сопроводительными надписями. Россия. Середина XVIII в. Олово, литье, ковка, пайка, монтировка. Размеры: 17,1 х 14,9 х 7,9. Поступила из Николо-Слободской церкви в Калуге. Кл 3954/1.

12.***Дарохранительница двухчастная*** в виде часовни с главкой-луковкой на прямоугольном основании. Ковчег прямоугольный, с поднимающейся лицевой панелью, украшенной рельефными изображениями Деисуса в прямоугольных резервах с барочным обрамлением. На боковых гранях — рельефные изображения Архангелов, на задней — два Ангела, держащие корону. Ковчег покоится на 4 звериных лапах. Россия. 1 пол. XVIII в. Олово, литье, пайка, монтировка. Размеры: 32 х 15,3 х 7,5. Поступила из церкви Алексея Митрополита в Калуге. Кл 3954/2.

13.***Дарохранительница двухчастная*** в виде часовни с главкой-луковкой, с 8-конечным крестом, на прямоугольном основании. Переднюю поднимающуюся панель поддерживают две колонны, украшенные растительными побегами и листьями с завитками. Панель украшена литым изображением Ветхозаветной Троицы в круглом медальоне. На задней панели — литая головка Ангела. Боковые грани ковчега также украшены головками Ангелов. В ковчеге — 4 резервуара. Дарохранительница имеет 4 ножки в виде звериных лап, держащих шары. Россия. Первая половина XVIII в. Олово, литье, пайка, точение, монтировка. Размеры: 39,1 х 18,1 х 10,7. Поступила из Спас-Слободской церкви в Калуге. Кл 3954/3.

14.***Дарохранительница двухчастная*** в виде часовни с главкой-луковкой, на прямоугольном основании. Переднюю поднимающуюся панель поддерживают две колонны, украшенные растительными побегами и листьями с завитками. Завершение панели барочного очертания украшено литым изображением Распятия. На задней панели в овальном медальоне, обрамленном барочным растительным орнаментом, изображен святой. Над медальоном — головка Ангела. Боковые грани основания и нижние части ковчега украшены «флемованным дорожником». Ковчег покоится на 4 колоннах с растительным орнаментом, с капителями, украшенными пальметтами, нижние части колонн — в виде мужских фигур. На стенках — головки Ангелов. В ковчеге — 4 резервуара. Россия. Первая половина XVIII в. Олово, литье, пайка, монтировка. Размеры: 38,6 х 20,8 х 11. Поступила из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3954/4.

15.***Дарохранительница с сенью***. На прямоугольном основании, на 4 столбах, граненых в нижней части и витых в верхней, покоится сень с фронтонами с арочными завершениями. Под фронтами — прорезные ламбрекены. Капители колонн и ламбрекены бронзированные. По

углам — барочные завитки, поддерживающие граненую главку. На арочных завершениях — раскрашенные Херувимы. Под сенью — прямоугольный ковчег на 4 ножках, поставленный в полусферические углубления. За ним — литые и раскрашенные фигурки Жен Мироносиц. У основания по углам — выступы, на которых находятся 4 раскрашенные фигурки Архангелов с рипидами. Основание полое. Россия. Вторая половина XVIII в. Олово, литье, точение, пайка, монтировка, раскраска. Размеры: 26,8 х 19,5 х 15,7. Поступила из Губмузея. Кл 3955.

16.***Дискос*** с фестончатым ступенчатым рельефным бортом с барочным орнаментом, на 8-гранной ножке с трапециевидным утолщением. На зеркале в круглом медальоне с концентрическими кругами находится гравированное изображение Голгофского креста с орудиями страстей. Россия. Вторая треть XVIII в. Олово, литье, гравировка. Размеры: высота — 7,9; диаметр — 19,9. Поступил из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3960.

17.***Чаша водосвятная с крышкой***. Чаша овоидная с двумя граненьми геометризированными ручками, на низком круглом основании с усеченно-конической ножкой. Крышка высокая колоколовидная, с навершием в виде балясины. Россия. Конец XVIII — начало XIX вв. Олово, литье, точение, пайка, монтировка. Размеры: 31,1 х 34,3 х 21,2. Поступил из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3963.

18.***Потир*** с чашей со слегка отогнутым венчиком с рельефными поясками, на низком усеченно-коническом стояне с высоким основанием. На фризе под венчиком — литургическая надпись. Ниже в овальных медальонах, обрамленных барочными завитками, изображена деисусная композиция с Троицей в центре, с двумя Архангелами по сторонам, с Голгофским крестом. Между медальонами — процветшие крины. Россия. Вторая четверть XVIII в. Олово, литье, точение, пайка, штрих-пунктир-ная гравировка. Размеры: высота — 14,3; диаметр чаши — 15,2. Поступил из музея при КУАК. Кл 3991.

19.***Евлогий***: блюдо круглое, на трапециевидной низкой ножке, с широким бортом, к которому прикреплены трехсвечник, кубок для причащения и два основания с винтовой нарезкой для других приборов. Трехсвечник прорезной в виде барочных завитков с прикрепленными к ним усеченно-коническими профитками. Кубок — с овоидной чашей, на стояне с яблоком, на выпуклом основании, со ступенчатой крышкой с 8-конечным крестом. Чаша украшена раппортным орнаментом между двух поясков с наклонными полосками: Голгофский крест с орудиями страстей в овальном медальоне, с надписью сбоку: «ВИНО», многолучевая звезда и Серафим. На дне в картуше — клеймо с двухстрочной надписью: «ЦМ АНДР..((АНТОНОВ». Россия, г.Москва, цеховой мастер Андрей Антонов. 1730—1760-е гг.[7].Олово, литье, точение, пайка, гравировка, монтировка. Размеры: Высота — 22,4; диаметр — 31. Поступил из церкви Георгия-за-Верхом в Калуге. Кл 3992.

20.***Чаша водосвятная с 6-гранным туловом***, на стояне в виде балясины, на высоком ступенчатом основании, с 6-угольной усеченно-конической крышкой. По верхнему краю чаши укреплен накладной бордюр с волнистым растительном побегом с процветшими кринами. На гранях в круглых медальонах, обрамленных лиственным орнаментом, изображены деисусная композиция, преподобный Сергий и святой Иоанн, на шестой грани — вкладная надпись в 10 строк: «СООРУЖЕНА БЫСТЬ ЧАША СИЯ ВООБИТЕЛЬ ПРЕСТЫЯ БЦЫ ЧСТНАГО ЕЯ ОУСПЕНИЯ ПЕРЕМЫШСКАГО ОУЕЗДУ ВШАРОВКИНЪ МНТРЬ КТИТОРОМЪ ИЕРОМОНАХОМЪ ФИЛАРЕТОМЪ ИЗДОНСКАГО МНТРЯ НАМЕСТИНКОМЪ 1751 ГОДЕ АПРЕЛЯ 2». Поддон и крышка изготовлены позже. Россия. 1751 г. Олово, бронза, медь, литье, точение, пайка, гравировка, монтировка. Размеры: 38,8 х 21,5 х 18,7. Поступила из Шаровкина монастыря (Калужская губ., Перемышльский у., с.Ильинское) в 1926 г. Кл 3962.

21.***Вставка из дарохранительницы*** (?) прямоугольная, верхняя часть трапециевидная, с вогнутыми стенками. Изображена Богоматерь Всех Скорбящих Радость в обрамлении из ложной зерни и скани. Вверху — новозаветная Троица. Россия. Конец XVIII в. Олово, литье. Размеры: 13,2 х 9. Место поступления неизвестно. КП 11683/1.

22.***Крест киотный 6-конечный со скульптурным раскрашенным Распятием.*** Россия. XIX в. Олово, литье, раскраска. Размеры: 10,6 х 4,5. Место поступления неизвестно. КП 11712/13.

23.***Крест киотный 8-конечный с рельефным Распятием и монограммой.*** Россия. XIX в. Олово, литье. Размеры: 7,2 х 4,4. Место поступления неизвестно. КП 11712/14.

24.***Кисть для помазания коническая.*** Верхний конец полусферический с широкой выемкой, с 4-конечным крестом с раздвоенными лопастями. Россия. XIX в. Олово, литье. Размер: длина — 15,2. Место поступления неизвестно. КП 11712/15.

Литература

1.Косцова А.С. Художественное олово в России XVII века. Л., 1982.
2.Елькова Е.Ю., Лобанева Т.А. Русское олово XVIII века. М., 1995. С. 14, 57.
3.Там же. С. 16, 45, 47.
4. Там же. С. 83, № 22, с. 60, № 78.
5. Там же. С. 50, № 41, с. 87, № 90.
6. Там же. С. 69, № 112, с. 86, № 67.
7. Там же. С. 41, № 6, с. 86, № 79.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

***И.В. Гужова**, Калужский областной художественный музей*

Одним из важнейших вопросов музейной деятельности является изучение собрания музея — как исследование отдельных произведений, так и истории его формирования. Изучению сложения коллекции западноевропейской живописи из собрания Калужского художественного музея посвящена статья Е.В. Цапаевой (1), где прослежены основные этапы сложения этой части собрания. В продолжение изучения этой темы автором проведена работа по выяснению источников происхождения и установлению истории бытования нескольких произведений западноевропейской живописи, поступивших в музей из Государственного Эрмитажа в 1934 г.

Осенью 1934 г. в художественный отдел Калужского государственного областного музея поступили 18 произведений итальянской, голландской, фламандской и английской живописи, к сожалению, шесть из них оказались утраченными во время войны (2). Это было одно из самых значимых и ценных пополнений западноевропейской части собрания музея. Для их отбора в Ленинград был командирован заведующий художественным отделом музея В.Н.Левандовский, который принимал участие в подборе картин. Прекрасно зная состав собрания, он хотел за счет поступления из Эрмитажа восполнить имеющиеся пробелы в экспозиции западноевропейского искусства музея, чтобы максимально полно показать развитие различных школ Западной Европы в XVI—XIX веков.

Из поступивших тогда в музей произведений несколько происходят из известных частных собраний, принадлежавших крупнейшим русским коллекционерам, которые поступили в Эрмитаж в разные годы разными путями: одни были переданы в дар тогда еще Императорскому Эрмитажу самими коллекционерами, другие поступили в результате национализации частных собраний после революции.

В связи со сменой владельцев собраний и коллекций в первые десятилетия советской власти происходил сложный процесс перераспределения и перемещения значительных культурных ценностей, в результате которого складывался новый государственный музейный фонд страны. В этих условиях Эрмитаж стал одним из крупнейших региональных хранилищ СССР, куда поступали произведения из национализированных особняков С-Петербурга; просто из частных собраний города и губернии, а также существовавших в первые годы советской власти в городе дворцов-музеев, позднее закрытых. В 1934 г. по решению музейного отдела Наркомпроса многие произведения были переданы в провинциальные музеи для пополнения их собраний (3). Таким образом, картины из многих известных частных собраний петербургских коллекционеров оказались разбросанными по различным музеям страны, в том числе несколько произведений попали в художественный отдел Калужского музея.

Происхождение некоторых картин было известно сразу при поступлении в музей благодаря надписям и бумажным наклейкам, которые сохранились на обороте холстов, где были указаны имена владельцев. Но отдельные работы таких пометок не имели, и их происхождение было неясно. В результате нахождения новых исторических данных удалось установить происхождение нескольких произведений.

Так удалось выяснить, что картина голландского художника Яна Веникса (1642—1719) «Юноша с дичью»* (Ж-171) происходит из коллекции известного русского коллекционера графа Н.А. Кушелева-Безбородко (1834—1862), которую он принес в дар Императорской Академии художеств в С-Петербурге. В каталоге «Кушелевской галереи» она указана под № 455 под названием «Продавец дичи и фруктов» (4). Первоначальное название картины более соответствует представленному на ней сюжету. Этот натюрморт относится к типу «лавок», а не «охотничьих трофеев». На картине изображен прилавок с битой дичью и корзиной с фруктами. Молодой продавец, одной рукой держа за ногу тушку зайца, другой рукой на него указывает, как будто предлагает ее невидимому покупателю. Старое, историческое название более полно раскрывает сюжет.

Сложение этой знаменитой коллекции, из которой происходит наш натюрморт, связано с именем вельможи екатерининского времени А.А. Безбородко (1746—1799), который своими приобретениями положил ей начало еще во II половине XVIII века, когда, находясь заграницей, он стал собирать произведения западноевропейского искусства. Судьба его коллекции весьма драматична: после смерти ее первого владельца она была разделена между его наследницами: княгинею Любановой-Ростовской и графинею Кушелевой. Граф А.Г. Кушелев-Безбородко

*Вопросы атрибуции не являются целью данной статьи.

54 Зак. 1971

(1800—1855), унаследовавший часть собрания от матери, выкупил другую часть коллекции, принадлежавшую княгине Лобановой-Ростовской. Бывая за границей, он сам приобретал произведения искусства и пополнил свою коллекцию. После его смерти его сыновья вновь поделили коллекцию. Часть собрания, принадлежавшая графу Г. А. Кушелеву-Безбородко, после его смерти была распродана в Париже в 1869 г. Другую часть коллекции получил его брат, граф Николай Александрович Кушелев-Безбородко, который тоже интересовался искусством, приобретал новые произведения и пополнил свою коллекцию. После его смерти в Италии в 1862 г. по его завещанию его собрание перешло в собственность Императорской Академии художеств и составило особый отдел под названием «Кушелевской галереи» (5). В 1922 г. коллекция Н.А. Кушелева-Безбородко была передана в Эрмитаж.

Неизвестно, кем из вышеупомянутых коллекционеров была приобретена находящаяся в собрании нашего музея картина, так как по последним данным, установленным петербургским исследователем О.Я. Неверовым, выяснилось, что и последний владелец этого собрания— Н.А. Кушелев-Безбородко, приобретал не только современную французскую живопись, как было известно раньше, но и произведения старых мастеров (6).

Из другой известной коллекции, принадлежавшей П. П. Семенову-Тян-Шанскому, в художественный отдел Калужского музея поступили 2 картины голландских художников: батальная сцена Я. Я. ван дер Стоффа и скалистый пейзаж с фигурами неизвестного художника школы Пуленбурга, который был утрачен во время войны (7).

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827—1914) более известен как исследователь Тань-Шаня, как выдающийся русский географ, ботаник и энтомолог. Вместе с тем, он был одним из крупнейших русских коллекционеров голландской и фламандской живописи XVII века. Его коллекция включала около 700 произведений 340 художников, а также 3500 гравюр. Из них работы около 200 живописцев в то время не имелись даже в собрании Императорского Эрмитажа. Его коллекция голландской и фламандской живописи занимала второе место по числу картин художников этих школ среди частных собраний (8). Собрав такую значительную коллекцию, он сумел научно обработать ее, издать каталог (9) и написать исследование по голландской и фламандской живописи XVII века (10). В 1874 г. он был избран почетным членом С-Петербургской Академии Художеств.

Понимая ценность и значение своего собрания, и желая, что бы оно принадлежало России, Петр Петрович в 1910 г. предложил Императорскому Эрмитажу приобрести его за сравнительно небольшую сумму — 250 тысяч рублей. Единственное условие, которое было поставлено при продаже, что собрание будет находиться в его доме пожизненно. После его смерти в 1914 г. оно было передано в Эрмитаж (11). Картины из собрания П.П. Семенова-Тян-Шанского и поныне составляют гордость и украшение коллекции голландской и фламандской живописи XVII века в Эрмитаже.

В настоящее время из двух поступивших из его коллекции работ в собрании музея сохранилась лишь одна — это картина голландского баталиста Яна Якоба ван дер Стоффа (1611—1682), подписная и датированная 1642 г., которая экспонируется в музее под названием «Батальная сцена» (Ж-39). Ее автор принадлежит к категории малоизвестных художников, чьих произведений сохранилось очень мало. Поэтому особое значение приобретает его работа из собрания Калужского музея. Она представляет менее популярный в Голландии XVII века батальный жанр и творчество этого малоизученного живописца.

Картина Яна Якоба ван дер Стоффа в каталоге П.П. Семенова-Тян-Шанского указана под № 501 под названием «Штурм кавалерии». П.П. Семенов-Тян-Шанский в своем каталоге так обосновывает это название: «Несколько кавалеристов, выходящих из рощи, решительно атакуют врагов, некоторые из которых покоятся на земле, а другие спасаются бегством» (12). В своем каталоге он также приводит некоторые исторические сведения об этом малоизвестном художнике: Я.Я. ван дер Стоффе работал в Леде (Leide) между 1640 и 1675 гг., где был известен как превосходный баталист. Его картины встречаются очень редко (13).

Следует сказать несколько слов и об утраченной картине «Скалистый пейзаж с фигурами». П.П. Семенов-Тян-Шанский считал ее работой Корнелиуса ван Пуленбурга (1586—1667) (14) и, перечисляя его картины, находящиеся в частных собраниях в России, упоминает ее в своей работе «Этюды по истории нидерландской живописи…»: «очень маленькая картинка с развалинами, пастухом и коровами» (ее размер 28 х 46). Он относил ее к типу идиллических пейзажей, к которым в своем творчестве часто обращался художник (15). В Эрмитаже картину отнесли к авторству художника школы Пуленбурга. В музее работу назвали «Пейзаж с фигурами» и приписали Яну Порселлису, так как пейзаж включал изображение моря. Известно, что К. ван Пуленбург писал фигуры в картинах других художников (16). Морской пейзаж со скалистым берегом был написан каким-либо маринистом, возможно, А. Кейринксом, в творчестве которого

встречаются приморские виды, и который писал пейзажи в картинах К. ван Пуленбурга. Данных о совместной работе К. ван Пуленбурга и Яна Порселлиса не имеется.

Принадлежность указанных произведений к столь известным собраниям придает им особое значение в составе собрания музея. И еще раз доказывает тот значительный вклад русских коллекционеров, который они внесли в сложение национального музейного фонда.

Литература и источники

1. Цапаева Е.В. Западноевропейская живопись в Калужском художественном музее (вопросы формирования и изучения коллекции) //Калужские пенаты. Материалы музейных научно-практических конференций. Вып. I. Калуга, 1983. С.23—26.
2. Научный архив Калужского областного художественного музея (далее — архив КОХМ). Оп. 1. Д. 2, Л. 6; Д 48. Л. 15—17 об.
3. Архив КОХМ. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
4. Каталог картинной галереи графа Кушелева-Безбородко, ныне принадлежащей Императорской Академии художеств. Спб., 1868. С. 33. № 455.
5. Картинная галерея Императорской Академии Художеств. Каталог галереи графа Н.А. Кушелева-Безбородко. Сост. Б.К. Веселовский. Спб., 1886. С. I—III.
6. Неверов О. Я. Художественные коллекции А.А. Безбородко //Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге 1703—1917. Тезисы докладов конференции. Спб., 1995. С.10.
7. Архив КОХМ. Оп. 1. Д 48. Л. 16.
8. Шмит Д.А. Собрание П.П. Семенова в Санкт-Петербурге //Художественные сокровища России. 1901, № 8. С.119—120; Щавинский В. История голландской живописи по коллекции Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского//Старые годы. 1909, май. С. 230.
9. Etudes sur les plintres des ecoles hollandaise, flamande et neerlandaise qu"on trauve dans la collection Semenov et les autres collections publiques et prives de Saint Petersbourg. St. Petersborg. 1906.
10. Семенов П.П. Этюды по истории нидерландской живописи на основании ее образцов, находящихся в публичных и частных собраниях Петербурга// Приложение к журналу «Вестник изящных искусств». Спб., 1885—1890. Ч. I, II.
11. Соколова И.А. Новое о коллекции Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского// Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге 1703—1917. Тезисы докладов конференции. Спб., 1995. С.29—30.
12. Catalogue. 1906, С. 280, № 501
13. Catalogue. 1906, С. 256, 280.
14. Catalogue. 1906, С. 165—166, № 430.
15. Семенов П.П. Указ. Соч. Ч. 1. С. 200.
16. Линник И.В. Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л., 1980. С. 115, 116.

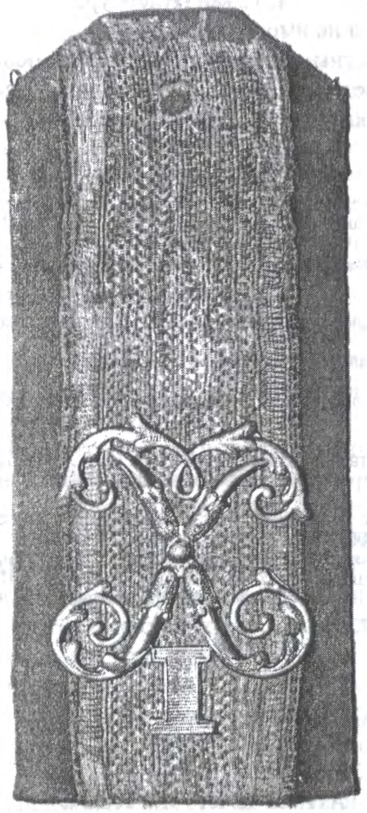
РЕСТАВРАЦИЯ ПОГОН 1910-х гг. ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И МУЖСКОЙ РУБАХИ ИЗ СЕЛА КЛИМОВ ЗАВОД

И. К. Ермилина, *Калужский областной краеведческий музей*

Коллекции музейных тканей требуют постоянного внимания ввиду специфики материала, подверженного губительному воздействию света, пыли, микроорганизмов, а также насекомых-кератофагов. Большинство изделий из тканей еще при поступлении в музей нуждаются в профилактической обработке и дальнейшей реставрации. В Калужском областном краеведческом музее планомерная реставрация тканей началась в 2000 году со стажировки специалиста в реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря, где были изучены основные принципы реставрационного дела, современные технологии и методики реставрации тканей. В настоящее время при проведении реставрации приоритет отдается выполнению консервационных работ с минимальным вмешательством в памятник и, конечно, каждый предмет требует индивидуального выбора методики проведения реставрационных работ. Особое внимание уделяется профилактической обработке и очистке предметов. При этом часто лучше оставить часть загрязнений, чем подвергать сильным воздействиям ткани экспонатов и возможности их повреждения. При укреплении тканей часто требуется подведение дублировочных материалов под повреждения. Использование синтетического клея, наносимого на дублировочную ткань усовершенствованными методами, позволяет укрепить разрушенные музейные ткани без проникновения клея в их структуру и оставляет возможность провести раздублирование при возникшей необходимости повторной реставрации.

В качестве примера использования современных приемов представлены несколько предметов, отреставрированных в Калужском областном краеведческом музее (1).

Погоны рядового и погон подпрапорщика 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого полка, 1910-х годов, поступили в КОКМ из неизвестного источника. Самая ранняя запись о погонах в книге поступлений датируется 1927—1929 гг. Полк сформирован в июле 1703 года по указу Петра I и получил название «пехотный Меншикова Ингерманладский». Название «Ингерманладский» указывало на новые земли по берегам реки Невы и побережья Финского залива. Боевое крещение полк получил летом 1704 года, участвуя в Северной войне. В 1790 году полк стал называться Староингерманланским, а в марте 1864 года к названию был прибавлен номер, и полк стал именоваться: 9-й пехотный Староингерманладский. За время

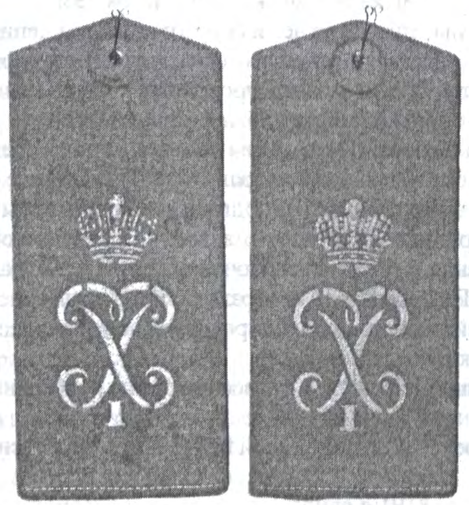
Погон подпрапорщика (верх) после реставрации

существования полк участвовал в Русско-Турецких войнах 1790—1791 гг. и 1877—1878 гг., в войне с французами в 1799, 1805—1807 и 1812 гг., в подавлении Польского восстания в 1830—1831 гг. и в 1863—1864 гг. и других военных конфликтах. В сентябре 1892 года полк расквартирован в г. Калуге. Квартируя в Калуге, ингерманландцы принимали активное участие в жизни города, в том числе культурной. Ни один крупный праздник не обходился без полкового парада, проходившего после службы в Троицком соборе на Плац-парадной площади. Особенно популярными среди калужан были выступления полкового оркестра, сопровождавшие практически все городские мероприятия и гуляния в парках. Офицеры преподавали гимнастику в учебных заведениях города. В полку был устроен любительский хор офицеров и театр. В офицерском собрании проводились костюмированные и литературно-музыкальные вечера, пользовавшиеся большой популярностью у жителей города. В июле 1903 года в окрестностях Калуги, на реке Киевке, где находился военный лагерь, Староингерманладский полк торжественно отпраздновал 200-летний юбилей. Тогда же, по высочайшему повелению, полк был переименован в 9-го пехотный Ингерманладский императора Петра I полк. Впоследствии на погонах и эполетах ингерманладцев появился вензель Петра, ставший яркой отличительной особенностью старейшего полка Российской армии. В 1904 г. полк принимал участие в смотре войск, отправлявшихся на Дальний Восток, на котором присутствовал Николай II. После боевых действий I Мировой войны полк вернулся в Калугу в начале марта 1918 года и был расформирован. Полковое имущество было сдано в Военный отдел Исполкома Калужской губернии, а полковые регалии оказались в Калужском историческом музее (2). Возможно, тогда же в музее появились и данные погоны, а позднее они были переданы в КОКМ.

Погон подпрапорщика (Кп 12909) из красного сукна с металлическим вензелем и галуном поступил на реставрацию в мае 2002 года. Экспонат находился в неудовлетворительном состоянии. Все части погона были загрязнены и деформированы. Сукно имело многочисленные утраты и сквозные повреждения молью. Металлическая окрутка нитей галуна частично разрушена, на значительных участках потерта и окислена. Поперечные нити также частично разрушены, отверстие для крепежа обтрепано. Металлический вензель, прикрепленный поверх галуна, сломан посередине, окислен. Выше его на галуне сохранилось углубление соответствующее утраченной короне. Нижняя сторона погона составлена из двух частей красного сукна, с «Г»- образным разрезом и заметана белыми нитками. Жесткая прокладка отсутствует.

В процессе реставрации был произведен демонтаж экспоната. Выяснилось, что подкладкой погона является верхняя (разрезанная) часть другого погона, возможно аналогичного. Об этом свидетельствуют сохранившиеся загрязнения от вензеля и короны. Было решено оставить эту подкладку (после ее очистки и укрепления), несмотря на то, что нижняя часть такого погона должна быть из черного сукна. Очистка тканей погона (галуна и сукна) проводилась 3 % водным раствором моющего средства «Прогресс» с добавлением уксусной кислоты, так как красители оказались нестойкие. Для удаления зеленого налета на галуне был применен 3 % водный раствор трилона-Б и водно-спиртовой раствор глицерина в соотношении 6:3:1. После промывания дистиллированной водой части погона из сукна были просушены на столе на фильтровальной бумаге, а галун — на оргстекле под грузом, для устранения деформаций. Дублировочные ткани (плотный и тонкий шелковый газ) окрашены, и на них нанесен 1,5 % раствор акриловой смолы А-45к. Галун продублирован на тонированный в охристый цвет плотный газ, разрывы и сечения укреплены иглой и шелковой тонированной нитью. Верхний погон дублирован с изнаночной стороны на плотный красный газ, а лицевая сторона частично перекрыта тонким красным газом (в связи со значительными утратами боковой части). Затем была произведена мастиковка прорывов и сечений шерстяными нитями, с укреплением иглой и шелковой нитью.

Нижний погон, состоящий из двух частей, дублирован на красный плотный газ и укреплен

Погоны рядовых (верх) после реставрации

иглой по линии разреза.

Металлический вензель был отдан в отдел металла ВХРНЦ им. академика И.Э. Грабаря, где была устранена деформация и произведены обработка 5 % раствором аммиака с добавкой моющего средства «Прогресс» и 5 % раствором трилона-Б, пайка твердым припоем отломанного завитка, консервация рафинированным льняным маслом.

При монтаже погона было решено не вкладывать жесткую прокладку, чтобы не нарушать первоначальный состав экспоната. Детали из сукна и галун скреплены между собой иглой и тонированными шелковыми нитями. Вензель укреплен на погоне.

В результате произведенных работ погон приобрел экспозиционный вид.

Погоны рядового (Кп 12908/ 1,2) 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого полка 1910-х годов, из красного сукна, с вензелем и короной, напечатанными по трафарету желтой мастикой, с крепежными отверстиями. Нижняя часть погон из черного сукна, с крепежным ремешком черного сукна, наклеенного на холст. На одном крепежном ремешке имеется металлический пистон. Прокладка погон жесткая.

Погоны были потерты и загрязнены. На сукне имелись сквозные утраты в результате повреждения молью, особенно значительные на черном сукне.

В процессе реставрации вначале произведена очистка от следов моли пинцетом и мягкой кистью. Общая очистка проводилась бензином и полусухим тампоном дистиллированной водой. Затем выполнена мастиковка утрат черного и красного сукна мастиковочным пухом на 35 % смолу А-45к, с проглаживанием утюгом. Чтобы предотвратить случайное выпадение мастиковки, изнаночные стороны каждого погона и крепежного ремешка были продублированы черным тонким газом.

В результате произведенных работ все погоны приобрели экспозиционный вид и были представлены на выставке «Вспомним, братцы, россов славу…», посвященной 300-летию образования 9- го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого полка, г. Калуга, 2003 год.

Реставрация мужской рубахи из села Климов Завод.

Рубаха мужская из тонкого белого льняного фабричного полотна с вышивкой «белая перевить» вдоль застежки и по низу рукавов, с настроченными кокетками по переду и спинке, с отложным воротником, поступила на реставрацию в декабре 2001 года из села Климов Завод, Юхновского района Калужской области. Рубашку принесла местная жительница в 2000 году для местного музея. Предположительно, это свадебная рубаха первой трети XX века. Прослеживается влияние Смоленщины и близкой к ней Белоруссии на покрой рубахи (форма воротника и расположение отделки), так как территория современного Юхновского района в конце XIX века до 1929 года входила в состав Смоленской губернии.

Сохранность рубахи была неудовлетворительная. Кроме общего загрязнения, имелись пятна различного цвета и размера. На вышивке было множество сечений и сквозных утрат, у горловины грубые зашивки, разрыв внизу застежки, 2 пуговицы утрачены, 2 нитяные петли повреждены. Красные нитки вышивки воротника потерты и частично утрачены. На всех деталях рубахи имелись многочисленные сквозные утраты и сечения различного размера, 5 штопок. Кокетки полочки и спинки выкроены из более грубого льна и закрывают сечения, утраты и авторскую штопку основы, т.е. пришиты позднее. Кокетки сами нуждались в укреплении, поэтому было решено их удалить. В этом случае появлялась возможность укрепить ткань под кокетками и восстановить первоначальный крой рубахи. Вышивка воротника отрезана от первоначального

Рубаха после реставрации

(вероятно, изношенного) воротника и нашита на воротник из той же ткани, что и кокетки.

В процессе реставрации сначала были частично удалены пятна неизвестного происхождения с помощью дистиллированной воды, 3 % водного раствора моющего средства «Прогресс», антиржавина (смесь плавиковой и щавелевой кислот). Общая очистка проводилась 3 % водным раствором моющего средства «Прогресс» на столе, на бязевой подложке, промывка водой в кювете и просушивание на столе на бязевой подложке. Для удаления кокеток произведен частичный демонтаж рубахи. Деформации вышивки «перевить» устранялись на оргстекле с увлажнением дистиллированной водой. Вышивка дублировалась на подготовленный плотный газ (с нанесенным на него 3 % клеем сополимера акрилата А-45к) и укреплялась иглой шелковой нитью по сечениям, прорывам и краям утрат. Сечения и утраты на полочках, спинке и рукавах также дублировались и укреплялись иглой—нитью. Под укрепленные утраты полотна подводился батист, чтобы выровнять их по цвету с окружающей тканью. Продублированы и осыпающиеся запасы швов — плечевых, пройм, горловины спинки и окатов рукавов.

Монтаж рубахи проводился по старым швам, были восстановлены навесные петли, подобраны и пришиты пуговицы, аналогичные утраченным.

В результате проведенных работ рубаха приобрела экспозиционный вид и была отправлена в музей с. Климов Завод.

Примечания и литература

1. Реставратор И.К. Ермилина.

2. Бессонов В.А. «Вспомним, братцы, россов славу…» Из истории 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого и 10-пехотного Новоингерманландского полков. Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2004. 36 с.

ВЫВОЗ ИЗ УСАДЕБ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛЕ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

М.В. Зверева, *к. культурологии, Калужский областной художественный музей*

Усадьба — неотъемлемая часть отечественного культурного наследия, один из компонентов российской социокультурной реальности. Исторически сложившиеся предпосылки возникновения и развития русской усадьбы обусловили ее роль в культуре российской провинции. По словам известного исследователя истории русской усадьбы Л.В. Ивановой, «созданная многовековой историей российского дворянства усадебная культура не ушла вместе с усадьбой, она оказалась сильнее превратностей судьбы, сохранила высокий духовный потенциал, требует осмысления, изучения и претендует на прочное место в народной памяти»[1].

После Октябрьской революции калужские усадьбы постигла участь большинства российских «родовых гнезд»: имения были национализированы, коллекции распределены между различными государственными и частными собраниями. По справедливому замечанию Л.В. Ивановой, «в этих условиях основным путем «спасения» усадеб казался вывоз из них всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а чаще всего в Москву. […] С другой стороны, вывозы вещей сопровождались потерями, а попадая в единые государственные хранилища (музейное, архивное, библиотечное) и часто на долгие годы оседая в запасниках, усадебные художественные ценности утрачивали живую связь с людьми и историей»[2]. Аналогичным образом происходило расформирование художественных собраний и из усадеб Калужской губернии. Часть художественных произведений из калужских имений была направлена в государственные и частные собрания, остальное было продано с торгов, разграблено или уничтожено. Лучшие произведения искусства в 1920-е гг. были вывезены эмиссарами Наркомпроса в Национальный музейный фонд, однако не все описи изъятых из усадеб предметов сохранились, кроме того, эти документы содержат большое количество неточностей.

В 1918—1919 гг. сотрудниками отдела по делам музеев Наркомпроса были обследованы тридцать четыре усадьбы Калужской губернии. Материалы по обследованию усадеб были обобщены в «Докладе № 8» («Сведения об усадьбах Калужской губернии»), который в настоящее время хранится в фонде 54 Отдела письменных источников Государственного Исторического музея («Архивные материалы Главнауки Наркомпроса. Коллекция материалов

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 05-02-59014а/Ц).

по музейному делу. 1918—1927 гг.»)[3]. В этом же фонде находятся отчеты сотрудников подотдела провинциальной охраны Главнауки Наркомпроса об осмотрах усадеб и регистрационные карточки на «собрания разных владельцев» из имений. «Книга регистрации передачи вещей из дворянских усадеб в музеи» за 1919 г. содержит данные о поступлениях художественных произведений из усадеб Калужской губернии в Национальный музейный фонд[4]. В процессе изучения указанных материалов нами были выявлены следующие факты, касающиеся вывоза художественных произведений из усадеб Калужской губернии.

Усадьба Городня с 23 по 27 сентября 1918 года была обследована эмиссаром Главмузея Наркомпроса Д.Д. Ивановым. В докладной записке отмечено: «Дворец типа роскошной виллы XVIII столетия, постройка которой принадлежала Воронихину […] насчитывал большую наличность, как то: картины, гравюры, скульптура, мебель и пр., почти не уцелевших от разгрома…»[5]. На момент обследования в усадьбе оставались «гипсовые бюсты XVIII в.», гравюры и литографии. 29 сентября 1918 года из усадьбы Городня в московское отделение Национального музейного фонда было вывезено четыре предмета: живописный портрет, акварель и гравюры. Дневники кн. Н.П. Голицыной (32 ед.) были направлены в отдел рукописей Румянцевского музея[6], а «Портрет светлейшего князя Владимира Дмитриевича Голицына (ребенком)», исполненный П.Ф. Соколовым, был экспонирован на первой выставке Национального музейного фонда в 1918 году[7].

Из усадьбы Степановское-Павлищево, бывшей Ярошенко, были вывезены картины, книги (25 ед.) и архив. В книге регистрации и «Докладе № 8» значится, что книги поступили в библиотеку Румянцевского музея, картины и архив — в Калужский музей. Тем не менее, часть художественных произведений из этой усадьбы все же поступила в Национальный музейный фонд, поскольку в материалах Главнауки Наркомпроса имеются регистрационные карточки на восемь предметов, вывезенных 7 августа 1919 года из имения Павлищево Мещовского уезда Калужской губернии. 2 сентября 1919 года две картины работы западноевропейских мастеров XVIII—XIX вв. были переданы в помещение бывшего Английского клуба (Тверская, 39), а шесть индийских портретных миниатюр поступили в хранилище, расположенное в Мертвом переулке, д.9[8]. Из отчета Калужского исторического музея за 1919 г. следует, что в течение года в музей поступили 24 «мелких предмета» из Павлищева[9], а в документах, относящихся к 1920 г., отмечено, что В.Н. Левандовским переданы вещи из имения Ярошенко, в том числе коралловый мундштук, миниатюра (портрет девочки), костяная табакерка, египетское ожерелье из 34 предметов, 3 «скарабея», 2 печати из стекловидной массы и «14 мелких предметов»[10]. В Калужском областном художественном музее в настоящее время хранится десять картин из Степановского-Павлищева[11].

Из усадьбы И.М. Викинского Курбатово в Румянцевский музей поступили четыре книги, а произведения декоративно-прикладного искусства направлены в калужский музей. В «Докладе № 8» («Сведения об усадьбах Калужской губернии») указано, что из имения «вывезены Универсалы (за подписью Мазепы грамота Алексею Михайловичу), автографы Екатерины II, Николая I. Доставлено в Калужский музей. Отобран хрусталь, фарфор и архив и отправлены в Павлищево с тем, чтобы вместе с отобранными уже там предметами поступить в Калужский музей»[12].

Отмечено, что наибольшее количество предметов поступило в музейный фонд из усадьбы Барятино — сто восемьдесят одно произведение искусства, не считая большого количества старинных книг, рукописей, альбомов и гравюр. Картины, рисунки и гравюры из барятинского собрания были направлены в хранилища Национального музейного фонда, книги и альбомы — в библиотечный коллектор, произведения декоративно-прикладного искусства — в Строгановское училище. Помимо этого, из усадьбы Барятино в калужские музеи поступили произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, коллекция минералов и книги. Поступления из Барятина были зафиксированы в «Книге регистрации передачи вещей из дворянских усадеб в музеи», краткие описания внесены в регистрационные карточки и инвентарные книги хранилищ Национального музейного фонда. К настоящему времени более всего предметов из усадьбы Барятино хранится в музеях г. Калуги: Калужском областном художественном музее и Калужском областном краеведческом музее. Отдельные произведения выявлены в ряде музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Саратова, Кирова[13].

Усадьба Железники, принадлежавшая ранее С.Н. Голицыной, обследована Д.Д. Ивановым в сентябре 1918 г. В докладной записке отмечено, что «местными представителями художественные вещи из усадьбы переведены в городской музей (Калуга)»[14]. В упомянутом выше отчете Калужского исторического музея за 1919 г. имеются сведения о поступлении в музей 4 портретов из Железников[15], а в список предметов, переданных в музей в 1920 г., включены: 2 портрета кн. Абамелек-Лазарева, «портрет двух детей», «2 выпуклых из бронзы

портрета Немцевичей» и архив (письма, документы и пр.)[16]. По сведениям С.И. Личенко, в собраниях художественного и краеведческого музеев г. Калуги хранится двадцать одно произведение живописи и графики из этой портретной галереи[17].

Усадьба Полотняный Завод обследована в 1918 г. В «Сведениях об усадьбах Калужской губернии» отмечено, что «вся ценность усадьбы Гончаровых — наличность всей той обстановки, которая была в дни посещения этой усадьбы Пушкиным, Екатериной II, Кутузовым»[18]. По данным «Книги регистрации» художественные произведения, хранившиеся в Полотняном Заводе, были вывезены в Калужский Губмузей. Сейчас они находятся в собраниях художественного и краеведческого музеев г. Калуги[19].

В калужские музеи были направлены художественные ценности и из усадьбы Нижние Прыски Козельского уезда. Среди них — портрет известного деятеля петровской эпохи вице-адмирала П.Г. Кашкина, портреты А.Г. Кашкиной, урожденной Бахметевой, и ее отца, Г.П. Бахметева, предводителя калужского дворянства (конец XVIII в.)[20]. В «Сведениях об усадьбах Калужской губернии» упоминается семейный архив Кашкиных и рукописи XVIII и XIX вв.

В материалах по обследованию усадеб отмечено, что помимо перечисленных выше усадеб художественные ценности имелись и в других калужских поместьях. Ниже мы приводим выдержки из «Доклада № 8» («Сведения об усадьбах Калужской губернии»)[21].

СВЕДЕНИЯ ОБ УСАДЬБАХ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

«Карово». Быв. Осоргиных. Дом не художественный, но любопытен, напоминает своей громадой средневековый замок (по лицевому фасаду насчитывается 95 окон), комнат до 200. Все ценное подверглось разгрому.

«Дольское». Быв. Храповицких Малоярославецкого уезда. Усадьба в ведении Бошмаковского Волостного Комиссариата по Военным делам. Производил опись Член Коллегии Уездного Комиссариата Земледелия Г. Покровский. Было предположено дом отдать под школу.

«Михайловское». Быв. М. Морозовой Малоярославецкого уезда. Дом занят I Опытной Станцией по народному образованию. Были опечатаны комнаты с фарфором, картинами, мебелью. По распоряжению Отдела вещи, как не представляющие музейной ценности — частью переданы Опытной Станции, частью самой владелице.

«Александровский хутор». Быв. Нарышкина Мосальского уезда. В старинном доме находились ценные художественные предметы: картины, старинная мебель Буль и Жакоб, библиотека русских и иностранных авторов. Отправлено отношение Отдела в Мосальский Уездный Совдеп.

«Немерзки» б. Шлиппе Мещовского уезда. Запрос отдела в Уездный Исполнительный Комитет о том, где находится старинное оружие и прочая коллекция усадьбы. Ответа не последовало.

Дача Ольгино» б. Боголеповой Медвенского уезда. Заявление Боголеповой об охране обстановки дачи. Затребована опись.

«Железцево» б. Денисова Перемышльского уезда. Ходатайство о принятии мер охраны дома Александровского времени с колоннами. Парк и церковь. Гостиная карельской березы. Портреты. Меры охраны не приняты.

«Белкино» б. Обнинского Боровского уезда. Занято I Опытной Станцией. Хранителем назначена Обнинская.

«Имение Орловой-Киряковой» Мещовского уезда. Имеется опись вещей. Отношение Мещовскому Уездному Совдепу и Попковскому Волостному Совдепу о взятии на учет усадьбы Комисс. Имуществ. Республики.

«Усадьба Берга М.М.» Тарусского уезда. Дом построен в 1773 г., имеет высокохудожественный интерес. В доме имеется мебель красного дерева, портреты и гравюры.

«Ильинское» б. Н.А. Остроградской Тарусского уезда. Дана охранная грамота. Возложено принять меры охраны на Воротниковский Волостной Земельный Комитет и Тарусский Уездный Совдеп всех художественных произведений, старинной библиотеки, старинных книг и гравюр, акварелей.

«Березичи» б. Оболенского Козельского уезда. По сведениям, данным на месте, имеется библиотека, фамильные портреты. Отделом усадьба не обследована.

«Юдинка» быв. Кавелиных. Библиотека и архив известного юриста Кавелина погибли.

«Озерское» быв. Цыплакова. Деревянный дом XVIII в. разгромлен.

«Ольгино» — дача быв. Боголебова. Мебель, картины.

«Сивцево» Тарусского уезда. Имелось немного различных гравюр»[22].

Следует заметить, что в калужских музеях хранятся произведения искусства из имений, данные о которых не вошли в материалы по обследованию усадеб. Так, из Сосновки были вывезены две работы кисти В.А.Тропинина[23], а из имения Богданово-Ханино происходит целый ряд художественных произведений. Работа по выявлению сведений о вывозе ценностей из калужских усадеб, безусловно, далека от своего завершения. Данная проблема остается актуальной, поскольку анализ количественного и качественного состава вывезенных из усадеб художественных ценностей позволил бы составить более или менее полное представление об усадебных коллекциях, сформировавшиеся в имениях Калужской губернии к началу национализации.

Примечания

1. Иванова Л.В. Дворянская усадьба — исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. № 1. М., 1994. С.150.
2. Иванова Л. Вывоз из усадеб художественных ценностей // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. 1992. № 25. С.71—72.
3. ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.377. Материалы по обследованию усадеб и монастырей сотрудниками подотдела провинциальной охраны. Отдел по делам музеев Наркомпроса. ОПИ ГИМ. Л.109—111, 152—154.
4. Там же. Ф.134. Оп.1. Д.185. Книга регистрации передачи вещей из дворянских усадеб в музеи. Отдел «Усадьба». Рукопись. 1919 г. Л.2об.
5. Там же. Ф.54. Д.377. Л.110.
6. Там же. Ф.134. Оп.1. Д.185. Л.2об.
7. Первая выставка Национального музейного фонда. Каталог выставки. М., 1918.
8. Там же. Ф.54. Д.295. Л.78—86.
9. Там же. Д.741. Л.7об.
10. Там же. Л.12.
11. Большую часть коллекции составляют живописные произведения, выполненные известным художником-передвижником Н.А. Ярошенко (1846—1898): портрет матери художника — Л.В. Ярошенко; портрет отца художника — А.М. Ярошенко; портрет брата художника — В.А. Ярошенко; портрет Е.П. Ярошенко — хозяйки имения Степановское; портрет няни; «Извержение вулкана», а также знаменитая «Курсистка». Помимо этих работ, в состав коллекции входит небольшое количество произведений западноевропейских художников: «Апостол Петр» итальянского живописца второй половины XVII в. Джачинто Бранди; «В таверне» голландского художника XVII в. Корнелиса Питерса Бега и старинная копия «Портрета матери» Рембрандта.
12. ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.379. Л.153.
13. См.: Зверева М.В. К вопросу о реконструкции художественного собрания князей Горчаковых из усадьбы Барятино // Калуга в шести веках. Материалы 5-ой городской краеведческой конференции 5—6 октября 2004 г. (в печати).
14. ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.377. Л.109.
15. Там же. Д.741. Л.7об.
16. Там же. Л.7об., 12..
17. См.: Личенко С.И. Старинные усадьбы Калужского края. Имение Железники. Калуга, 1993. С.27—28.
18. Сведения об усадьбах Калужской губернии. Отдел по делам музеев Наркомпроса. ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.377. Л.152об.
19. См.: Личенко С.И. Художественные произведения из имения Полотняный Завод в собраниях краеведческого и художественного музеев Калуги // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2001. С. 184—187.
20. КОХМ. Инв. №№ Ж-646, Ж-647, Ж-648.
21. Орфография сохранена.
22. ОПИ ГИМ. Ф.54. Д.377. Л.152об.—153
23. КОХМ. Инв. №№ Ж-140, Ж-141.

ДРЕВНЯЯ СВЯТЫНЯ БЕЛЁВСКОГО КРАЯ

***И.И.Некрасов**, Белевское историко-географическое и филологическое общество*

Христианский мир вот уже более шестнадцати веков широко чтит святителя и чудотворца Николая, епископа малоазиатского города Мир Ликийских. В России множество соборов монастырей и церквей посвящены его имени. Невозможно перечислить все благодатные иконы святителя Николая, каждый русский город и каждый храм благословен такой иконой. Во втором кафедральном городе Тульской епархии, Белеве, в начале XX в. было три храма и два придела (при Богородицерождественской и Крестовоздвиженской церквях), носивших имя этого святителя и пользовавшихся неизменным богомольным почетом у белевцев. Ежегодно, в мае и декабре, на Никольские праздники чествовались его местно-чтимые чудотворные иконы как в Белеве, в храме-часовне на Берестовой улице, так и в Белевском узде — в селах Дураково (ныне — Жуково), Семеновском и Песковатом [1].

Столь ревностное почитание святителя Николая в нашем крае восходит, видимо, ко времени распространения христианства в земле вятичей. Уходящим корнями вглубь веков языческим культам, бытовавшим среди наших предков, первые христианские миссионеры противопоставили не только красноречивую проповедь учения Христа; происходило повсеместное обретение чудотворных святынь, своеобразных маяков новой веры, которые постепенно рассеивали мрак язычества, вытесняли его культы и утверждали в качестве святых покровителей той или иной местности. Важная заслуга в христианизации нашего края принадлежит чудотворной иконе святителя Николая, обретенной в окрестностях села Гостунь, что в 20 км. к северо-востоку от Белева вниз по течению Оки и именуемой по месту обретения «Гостунской».

56 Зак. 1971

Происхождение иконы точно неизвестно. Местное предание, записанное церковным историком, иеромонахом о.Леонидом (Кавелиным) в 1861 г., относит явление ее к глубокой древности. По одной версии, она явилась на речке Гостунке, протекающей близ сел Николо-Гостунь и Мощены, где первоначально для нее была построена деревянная церковь; по другой — на озере вблизи теперешней каменной Никольской церкви (закрытой в 1930-е годы) [2].

Появление чудотворной иконы именно в этой местности не было простой случайностью. Ее обретение произошло в полутора километрах от так называемого «синего» камня — массивного валуна, лежавшего с ледниковой эпохи на поляне леса, близко подходившего к окраине села. Расшифровка топонима «синий» (цвет камня скорее серый) показывает, что он церковнославянского происхождения и означает «бесовский» [3]. Такое название, по-видимому, дали первые христианские миссионеры, пытавшиеся отвратить местное население от поклонения этому камню, культ которого восходил еще к дославянским временам. До нас, к сожалению, не дошли подробности этой, охватывавшей скорее всего не одно столетие, миссионерской деятельности первых подвижников благочестия в нашем крае, так и оставшихся безвестными, однако нельзя не согласиться с тем, что плоды их трудов впечатляющи. Культ камня был в конце концов развенчан, икона же получила широкую известность по причине истекавших от нее чудес и, вероятно, являлась даже своеобразным духовным символом Белевского княжества.

Подобное утверждение на первый взгляд кажется явным преувеличением, стремлением выдать желаемое за действительное, но обратимся к фактам. В подмосковном Волоколамске еще с первой половины XV в. были известны две Никольские церкви, одна из которых носила название «Гостунской». К этому же времени относится опала белевских князей, которых по сообщению Государева родословца «свел было их князь великий Василий с вотчины их с Белева... и дал им Волок, и жили на Волоце долго...» [4]. По утверждению советского историка А.А.Зимина, речь в данном случае идет об эпизоде, имевшем место в период княжения великих московских князей Василия I или Василия II Темного [5]. Не исключено, что при переезде в Волок Ламский опальные белевские князья, искавшие заступничества от гнева могущественного московского князя у своего святого покровителя, Николая Гостунского, увезли с собой в ссылку его чудотворный образ (подлинник или список), что и явилось поводом для основания в Волоке Ламском еще одной Никольской церкви. Однако, через несколько лет Василий снял опалу с белевских князей и вернул им Белев. Мы не знаем, что заставило великого князя московского изменить свое отношение к белевским князьям, несомненно одно — их молитвы, обращенные к своему святому заступнику, оказались ненапрасными.

1503 год ознаменовался в судьбе древней белевской святыни поистине историческим событием. В этом году она была перенесена в царствующий город Москву, а в 1506 г., вскоре по вступлении на престол, великий князь московский и государь всея Руси Василий III повелел заложить в Московском кремле каменную церковь Николая Гостунского и, как сообщает Софийская первая летопись, «совершиша тоя церковь кирпичную в девятую неделю 7015 года, Октомврия, в 1-й день (1 октября 1506 г.; здесь и далее даты даются по старому стилю — *И.Н.*), а освящена бысть церковь святая во имя великого чудотворца Николая во граде Москве преосвященным Симоном, митрополитом Московским и всея России…» По свидетельству летописи «постави князь великий Василий Иванович в ту церковь икону святого и великого чудотворца Николая Гостунского, которая принесена с Гостунка речки и; украсив ю камением драгим, от нея же много исцеления тогда быша, и бывают и доныне с верою приходящим» [6]. Одно из таких чудес произошло в 1553 г. и описано в летописи так: «... в то время Никола Гостунский чудотворец в храме своем, у своего образа простил (исцелил — *И. Н.*) сына боярского, расслабленна руками и ногами, тулянина, Григория Сухотина, на молебне во един час стал здрав, яко же ничем вредим» [7].

Любопытно, что это исцеление использовалось на церковном соборе 1553 г. для посрамления обвиняемого в ереси московского дворянина Матвея Башкина и его единомышленника, заволжского старца Артемия с их учениками. Отвечая своим гонителям, Артемий говорил: «Вера бо истиннаа от Святаго писаниа, а не от чудес познается» [8]. Весть о чуде у Николы Гостунского пришла как раз в тот час, когда члены собора вели спор («истязалися») с Перфилом (учеником Артемия) о чудотворцах, в частности о святителе Николае, которого тот называл «простым мужем». По свидетельству того же летописца «... прииде протопоп Никольский Аммос и того Григорья, прощеннаго, привел к митрополиту на собор, и увидав все от самаго прощеннаго чудо, збывшееся богом и его угодником, и прославиша бога, истиннаго Христа нашего, и угодника его, Николу, иже не оставляет рабов своих, уповающих на бога, и богохульных еретиков зло посрамиша» [9].

Но вернемся к знаменательным событиям 1503, 1506 гг. Каково же их значение в контексте

русской истории? Еще в феврале 1494 г., по договору Великого княжества Литовского с Московским, Верховские княжества (в т.ч. и Белевское) окончательно переходили под власть Москвы, а их князья становились служилыми князьями великих князей Московских. Это фактически ликвидировало двусмысленное положение Верховских земель между Литвой и Москвой. События же 1503, 1506 гг., означали окончательное не только политическое, но и духовное подчинение Белевского княжества Москве. Дело в том, что после присоединения удела или области к Москве местночтимая святыня обычно переносилась в Москву и превращалась в общерусскую. В соответствии с представлениями московской власти иконы, перенесенные из покоренных земель, переставали покровительствовать прежней своей области, но оказывали покровительство уже только Москве [10]. Как правило, переносимые в Москву иконы помещались в иконостас Успенского собора, который постепенно становился своеобразным пантеоном Северо-Восточной Руси. Так переместились в Москву икона Богоматери и икона Дмитрия Солунского из Владимира, икона Христа Спасителя из Новгорода, икона Богоматери из Пскова и такая же икона из Смоленска. Однако для иконы Николая Гостунского было сделано исключение, что подчеркивало ее особое место среди главных русских святынь. Это доказывает также следующий факт: в день кончины великого князя Московского и государя всея Руси Василия III, 3 декабря 1533 г., святые образы Николая Гостунского и Владимирской Богоматери находились в покоях умиравшего князя, доставленные во дворец по настоянию митрополита Даниила и епископа Вассиана [11]. Интересное наблюдение сделали в 1603 г. в день Богоявления посланцы датского герцога Иогансена в Москве М.И.Лунд и И.Вебер. Красочно описывая обряд водоосвящения на Москве-реке, проводимый ежегодно с участием царя и патриарха и при огромном стечении народа, датчане отмечали, что во время торжественного шествия к реке перед патриархом несли образы пресвятой Богородицы и святого Николая из кремлевских соборов [12].

По свидетельству о.Леонида (Кавелина), московская икона Николая Гостунского древнего греческого (т. е. византийского) письма, лик чудотворца выразителен и величествен, на полях иконы изображены в клетках чудеса из жизни святителя.

Заботу о Гостунском кремлевском соборе и его храмовой иконе проявлял и сын Василия III — первый русский царь Иван IV Грозный. Вскоре после взятия Казани собор был расписан и украшен «всякими потребами церковными», а 7 октября 1555 г. вновь освящен митрополитом Макарием. «Бе же на освящении ту, — отмечал летописец, — благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, и с братом своим, с князем Юрием, и с боляры и множеством народа» [13]. По мнению известного историка Москвы И.Забелина, вторичное освящение собора было, вероятно, вызвано его обновлением после большого московского пожара 1547 г. [14].

В дореволюционной России, особенно в XVI—XVII вв., икона Николая Гостунского была одной из православных святынь русского народа, пользовавшейся огромным богомольным почетом. Поэтому, несмотря на скромные свои размеры и простоту архитектуры, собор Николая Гостунского не уступал в популярности другим кремлевским соборам. В праздники святого угодника московские митрополиты, а затем и патриархи, самолично отправляли в нем церковные службы. Точно также и благочестивые цари Михаил и Алексей Романовы приходили в собор на те же праздники слушать литургию, а иногда и накануне слушать вечерню, всенощную и молебен [15]. Предание гласит, что император Петр Великий, отправляясь в очередной поход, всегда посещал храм сей и молился перед иконой Николая Гостунского [16].

Но не только российские государи искали заступничества и покровительства у святого образа. «Гостунский храм, — писал о.Леонид (Кавелин), — был издревле предметом особого благоговения невест и женихов русских: отцы и матери приходили сюда с дочерьми своими, после сговора и, по совершении молебствия пред иконою чудотворца, записывали имена невесты и жениха в книгу, хранившуюся под названием синодика в церкви, как (бы поручая через то новообрученных ходатайству и заступлению великого угодника» [17]. Основание этому благочестивому верованию, как считает И. Забелин, находилось в житии чудотворца, где рассказывается о щедрой помощи святителя Николая одному разорившемуся торговцу, который благодаря этому смог выдать замуж своих дочерей. Эта история утверждала в народе живейшую веру, что чудотворец Никола не оскудевает в помощи всем верующим [18].

Гостунский кремлевский собор известен также тем, что в нем в 50—60-е годы XVI в. служил дьяконом выдающийся русский просветитель, первопечатник Иван Федоров [19]. Этот факт запечатлен в надписи на постаменте памятника первопечатнику в Москве, созданному скульптором С.М.Волнухиным и архитектором И.П.Машковым и открытом в 1909 г. Памятник изображает «Николы Чюдотворца Гостунокого диакона Ивана Федорова 1563, 19 апр.», рассматривающего оттиски первой отпечатанной им книги [20].

В начале XIX в. древнее здание собора постигла печальная участь: 2 октября 1816 г.

преосвященный Августин, митрополит Московский, доносил в Святейший Синод, что последовало высочайшее соизволение, чтобы Николо-Гостунский собор, как обветшавший и по местоположению своему и по бедности архитектуры, делающий безобразие кремлю, был разобран. Не в силах противостоять воле монарха, но и не желая упразднять полностью столь почитаемый в народе собор, митрополит Августин принял компромиссное решение: вся утварь, иконостас и храмовая икона были торжественно перенесены в новоустроенный собор в Успенской части колокольни Ивана Великого, где прежде размещалась церковь Рождества Христова. Старое же здание собора было разобрано за одну ночь, дабы не возбуждать в народе всевозможных толков. Это произошло в августе 1817 г. [21]. В новом соборе икона Николая Гостунского находилась до его закрытия в 1918 г., а в 1924 г. попала в запасники музеев Московского кремля, где ныне и хранится, пребывая в забвении вот уже более 80 лет.

Ныне назрела необходимость возвращения чудотворного образа Святителя Николая в Белевский край. Сохранилось и здание, достойное стать местом пребывания древней святыни — Никольский храм-часовня, расположенный при въезде в город со стороны Тулы. Здесь до революции 1917 г. находилась другая древняя местночтимая икона того же святителя. Белевский краевед П.М.Мартынов в середине XIX в. писал о ней: «Почти каждый день верующие берут икону эту на дом и не проходит дня, чтобы усердные не служили великому чудотворцу нескольких молебнов. Нет почти того горя у горожан, в котором они не прибегали бы к его помощи, и. нет почти той радости, за которую не спешили бы принести ему усердных благодарений» [22]. Революционные потрясения XX в. не пощадили белевских святынь, уцелела лишь чудотворная икона святителя Николая («Гостунская»).

Глубоко убежден, что в наше время, когда Русская Православная Церковь вновь обретает свои святыни, почитание иконы Николая Гостунского в Белевском крае послужит делу возрождения духовных традиций нашей малой Родины, возвращению к истинным ценностям.

Примечания и источники

1. Календарь и памятная книжка Тульской губернии на 1905 год, — Тула, 1905.
2. И.Л. (иеромонах Леонид). Село Николо-Гостунское с его древностями. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. — М., 1861. — Кн.4. — С. 189.
3. Полный церковно-славянский словарь. В 2 т. Т. 2. — М., 1998. — С. 600.
4. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй пол. XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 131.
5. Там же С. 131.
6. И. Л. Село Николо-Гостунское... С.189—190.
7. Там же. С. 190.
8. Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Подвижники русской церкви. — Новосибирск, 1991. — С. 257.
9. И. Л. Село Николо-Гостунское... С.190.
10. Никольский Н. М. История русской церкви. — М., 1985. — С. 105.
11. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн.3. История России с древнейших времен. Т. 5 и 6. — М., 1989. — С. 282.
12. Иностранцы о древней Москве. (Москва XV — XVII веков). — М., 1991. — С. 153.
13. И. Л. Село Николо-Гостунское... С. 191.
14. Забелин И. Е. История города Москвы Ч.1, Изд. 2-е. — М., 1905. — С 214.
15. Там же. С. 216.
16. Сорок сороков. Т-1: Кремль и монастыри. — М., 1992. — С. 66,
17. И. Л. Село Николо-Гостунское... С. 191,
18. Забелин И. Е. История города Москвы... С. 221.
19. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч.1. — Л. 1988. — С.388.
Во вступлении к первой русской печатной книге «Апостол» (1564 г.) говорится: «...Повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением преосвященного Макария митрополита начаша изыскивати мастерства пичатных книг... Благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны идеже печатному «делу строится, и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем Николы чюдотворца Гостуньского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу...» (Цит. по изд.: Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. — Изд. 3-е — М., 1949 — С. 329).
20. Федосюк Ю. А. Москва в кольце Садовых. Путеводитель. — М., 1983.— С. 25.
21. Забелин И. Е. История города Москвы. С. 218—219.
22. Мартынов П. М. Историко-статистическое известие о городе Белеве. — Журнал МВД. — 1855. — № 10. — С. 115.

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ – КОЛЫБЕЛЬ ГОРОДА (ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРИРОДНЫЙ АСПЕКТЫ)

***З.Г. Артемкина**, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник*

Рязань — один из древнейших городов России. По данным археологии возникновение первого поселения на территории современной Рязани относится к концу X—началу XI вв.

Первоначально город, основанный в 1095 г. Черниговским князем Олегом Святославовичем, назывался Переяславлем Рязанским. И только в 1778 г. по указу Екатерины II был переименован в Рязань. Свое новое название город получил от древней столицы Рязанского княжества, разрушенной монголо-татарами в 1237 г. и не сумевшей вернуть своего былого величия.

Колыбель города, его самое древнее место — Рязанский кремль, здесь находится Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник общероссийского значения.

Рязанский край с давних времен богат своей природой, историей, культурой, людьми. Особенно богат событиями Рязанский кремль. Здесь каждый уголок хранит память о важнейших событиях в истории Рязанского края.

На исторической территории музея-заповедника накоплен мощный культурный слой, который является ценнейшим памятником материальной культуры и хранит сведения о жизни людей на протяжении сотен и тысяч лет. Огромная важность информации, содержащаяся в культурном слое, позволяет отнести его к памятникам истории и культуры, подлежащем охране государством.

Но территория кремлевского холма уникальна не только памятниками археологии, истории и архитектуры, но и, прежде всего, природным ландшафтом. Ведь природные свойства ландшафта во многом определили пути заселения и освоения именно этой территории. Историко-культурный ландшафт Рязанского кремля формировался на протяжении столетий на древнем холме, образовавшемся в результате действий природных процессов и под влиянием деятельности человека в ходе длительного исторического развития. Менялись масштабы и характер освоения территории, менялся и облик холма.

Современный облик данного ландшафта начал формироваться в далеком геологическом прошлом и обязан своим происхождением деятельности ледника и талых вод. Холм, на котором расположен кремль, образовался в среднем плейстоцене, около 170—250 тыс. лет тому назад, во время покровных оледенений. Дальнейшее его переформирование в послеледниковое время шло под влиянием эрозионных процессов, связанных с формированием долин рек Трубеж и Лыбедь.

В центральной части холма, на поверхности II-ой надпойменной террасы, находилось древнее озеро. Судя по летописи, в начале колонизации оно называлось Быстрое. По своему происхождению озеро могло являться старицей реки Оки, оставшейся после ухода русла к северу. В связи с изменением гидрологических и гидрогеологических условий были нарушены условия питания озера, что привело к его заболачиванию. По мере заиления, постепенного зарастания и техногенной подсыпки озеро уменьшило свои размеры, и впоследствии из него образовались, по всей вероятности, уже два озера (Быстрое и Карасево).

Дальнейшее заиление и зарастание озер в связи с интенсивным освоением территории и расширением города постепенно привело к исчезновению озер. Но на их месте остались типичные водонасыщенные озерно-болотные отложения, по границе распространения которых достаточно уверенно прослеживаются первоначальные контуры озера.

Рельеф кремлевского холма сильно изменен антропогенной деятельностью человека и в настоящее время характеризуется относительно ровной поверхностью в центральной части, которая к северо-востоку постепенно переходит в слабонаклоненный склон. Поверхность холма в некоторых местах имеет локальные перегибы, связанные с перепланировкой в рельефе. Со всех сторон холм окаймляет древний эрозионный склон. С южной стороны проходит древний искусственный вал протяженностью 290 м.

Основным назначением исторической территории кремля на протяжении многих лет существования музея-заповедника является ее использование в музейных целях, но акцент ставился на памятники архитектуры.

И только после создания в 1998 г. научно-методического центра по комплексному изучению исторических территорий и введения мониторинга мы получили возможность перейти к формированию научно обоснованной программы сохранения и использования не только памятников истории и архитектуры, но и, прежде всего, природной среды.

Сотрудники музея разработали индивидуальную программу, по которой ведется мониторинг, создали базу данных, куда поступает информация о состоянии отдельных элементов кремлевского холма. Разработка конкретных мероприятий, направленных на сохранение исторической территории кремля, проводится, опираясь на эти данные.

Ландшафтно-экологическая оценка территории музея-заповедника, которая стала возможна в результате введения мониторинга, дает нам возможность не только расширить наши представления о природных особенностях холма, проследить за динамикой его развития и освоения, но и дополнить исторические данные ландшафтным содержанием. А также акцентировать внимание на том, что особая ценность исторической территории кремля заключается в красоте и неповторимости природного ландшафта, в его органичном слиянии с памятниками архитектуры.

Учитывая, что научно-познавательное содержание территории кремля велико, мы решили использовать ее в культурно-просветительных целях, включив в природно-экологические

экскурсионные маршруты по музею-заповеднику. По результатам комплексных исследований в нашем музее появилась новая экскурсия «Исторический ландшафт Рязанского кремля», которая знакомит с природными особенностями холма. Эта экспозиция под открытым небом иллюстрирует уникальность исторической территории и несет полезную и интересную информацию. Таким образом, задача сохранения и использования территории решается одновременно.

В настоящее время здесь все подчинено охране и развитию заповедника, сохранению исторической территории. Дана оценка состояния природной среды в целом и отдельных ее компонентов. Проведены геоботанические исследования и дан обобщающий анализ состояния растительности. Проведена оценка природных особенностей и антропогенных изменений экосистемы. Предложена и апробирована система мероприятий по борьбе с эрозией склонов и исторических валов, а также даны рекомендации по сохранению целостности древнего ядра города, определена методика комплексного изучения.

Учитывая экологические факторы, их динамику мониторинг дает объективную и полную картину состояния памятников и направлен в целом на сохранения культурного наследия. Режим использования территории в этой связи направлен на повышение историко-культурного статуса — сохранение, реставрацию существующих памятников, исторического ландшафта, туризм. Проводятся работы по восстановлению и сохранению биологического равновесия территории, связанные с улучшением как эстетического, так и экологического состояния кремля. В ландшафтно-исторической зоне запрещено строительство, строго ограничена хозяйственная деятельность. С целью сохранения природно-культурного наследия проводится экологическое воспитание населения.

Изучение и сохранение природного ландшафта кремлевского холма является одной из приоритетных задач, над которыми работает музей-заповедник. Мы получили ответы на многие интересующие нас вопросы. Большой объем полученных данных позволяет нам наиболее полно и широко использовать историческую территорию, а также разнообразить формы работы с посетителями.

Историческая территория Рязанского кремля — это целостный пространственный объект, включающий природный ландшафт, памятники истории и культуры исключительной важности.

Кремлевский холм и поныне хранит память о великих событиях прошлого. Его духовный и культурно-воспитательный потенциалы поистине неисчерпаемы.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ ЧИСТОКЛЕТОВЫХ

***Ю.Е. Пионтковская**, Калужский областной художественный музей*

Эта работа возникла под впечатлением от множества прочитанных книг, знакомящих со старейшими улицами Санкт-Петербурга и главной магистралью города — Невским проспектом. Благодаря богатому фактическому материалу, добытому в архивных фондах, авторы серьезных путеводителей — историк архитектуры Б.М. Кириков, историки-краеведы Л.И. Бройтман и А.С. Дубин — с особой тщательностью, подробностями и удивительной любовью сумели описать каждый дом и привести уникальные сведения об их прежних владельцах, начиная с середины XVIII века. В Калуге подобную попытку предпринимали дважды: в 1912 году известный краевед Д.И. Малинин и спустя восемьдесят лет библиограф и краевед Генриетта Михайловна Морозова, главный труд которой посвящен неторопливым прогулкам по улицам старого города с увлекательным рассказом об известных жилых постройках и их бывших обитателях. Пожалуй, именно Морозовой удалось впервые возродить в памяти калужан большое количество дворянских и купеческих имен, ранее неизвестных и давно забытых. Возможно, в дальнейшем, автор посвятила бы свои новые изыскания составлению исторической хроники каждой улицы города, запечатленной на страницах его каменных летописей. К сожалению, ей этого не удалось, и сегодня «Прогулки по старой Калуге» остаются пока единственным полноценным путеводителем по городу, ставшим незаменимой настольной книгой для всех исследователей прошлого. Провинциальный город застраивается, меняет свой прежний облик, и совсем скоро трудно будет узнать настоящее лицо Воскресенской или бывшей Золотаревской улиц: сохранившиеся здесь жилые сооружения или дряхлеют под бременем прожитых лет, или уродуются современными к ним пристройками «под ампир». Больно наблюдать такое бездумное вмешательство в судьбы тихих провинциальных улиц, которое навсегда прерывает их связь с многовековой историей тех мест, где они расположены.

В связи с этим хотелось бы поговорить об одной из интереснейших частей старого города —

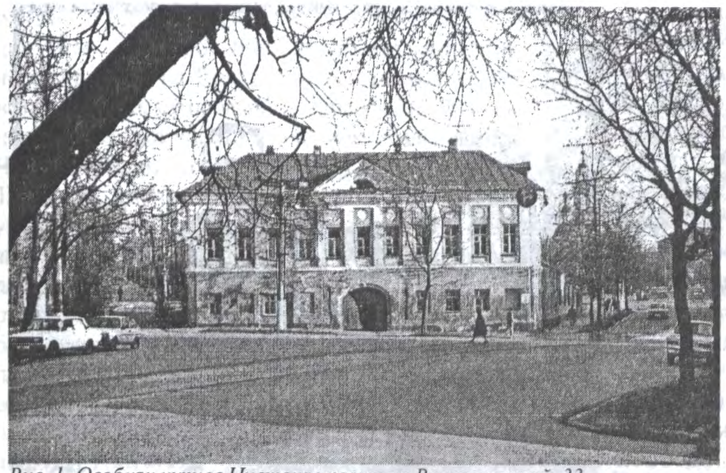

Рис. 1. Особняк купцов Чистоклетовых на Воскресенской, 33. Фото из коллекции А.Н. Пашина.

улице Воскресенской, объединившей разноликие пространства, проезды, кварталы, и сегодня насыщенной массой бывших купеческих домов со своим неповторимым в архитектурном стиле лицом, со своей богатой биографией, составленной из биографии лиц, их когда-то населявших. Древней калужской улице вернули ее прежнее название несколько лет назад, что вполне справедливо.

Судя по сохранившимся документальным источникам, под таким именем она вошла в историю еще в середине XVI века, а может быть, и раньше. В фондах Государственного архива Калужской области сохранилось великое множество старых документов, повествующих о жизни старых купеческих и мещанских домов, их покупке и продаже, дарении и залоге, внимательное изучение которых позволило бы дополнить новыми сведениями историю каждого жилого здания и их прежних владельцев. Однако в данной публикации речь пойдет лишь об одном купеческом особняке, расположенном на этой улице — доме Чистоклетовых (ул. Воскресенская, 33), на сегодняшний день памятнике архитектуры XVIII века (рис. 1). Являясь последним в когорте старых жилых сооружений, он замыкает собой Воскресенскую, и сразу же оказывается в окружении других улиц — Кутузова и Первомайской, образующих характерные для калужской планировки пять углов, так называемую «стрелку». Подобным образом спроектированы и старое здание известной всем калужанам бывшей аптеки Асмуса, и некогда уютный табачный магазинчик господина Рофе, и двухэтажный каменный дом купца Гаврилова, в котором в 1890-х годах размещались фонды городской публичной библиотеки. Скромный, но довольно вместительный особняк Чистоклетовых, расположенный у развилки дорог, когда-то выглядел очень торжественно. В настоящее время дом находится на реставрации, и как он будет выглядеть после нее — сказать сложно. При хозяевах же внешний облик двухэтажного каменного здания в 11 окон носил черты строгого классицизма. Несмотря на простоту отделки, безордерный фасад с аркой проезда в центре отличался благородством пропорций и хорошей прорисовкой деталей. Между окнами он был украшен разными фигурными нишками и завершался небольшим треугольным фронтоном. Имевший немалое количество жилых комнат, нескончаемый ряд всевозможных надворных служб и деревянных построек, примыкавших к зданию, особняк исстари считался родовым гнездом старой купеческой семьи, которому она никогда не изменяла, даже и в послереволюционные годы.

Земельный участок, занимаемый домом Чистоклетовых, не сразу принадлежал крупной семье рыботорговцев. По сведениям калужского краеведа Д.И. Малинина поначалу он находился во владении церкви Николая Чудотворца, «что за лавками», с приделом Космы и Дамиана. Факты, приведенные Малининым, вполне подтверждаются весьма любопытным документом — планом 116 квартала города, тщательно составленным губернским архитектором Иваном Денисовичем Ясныгиным в 1794 году[1].

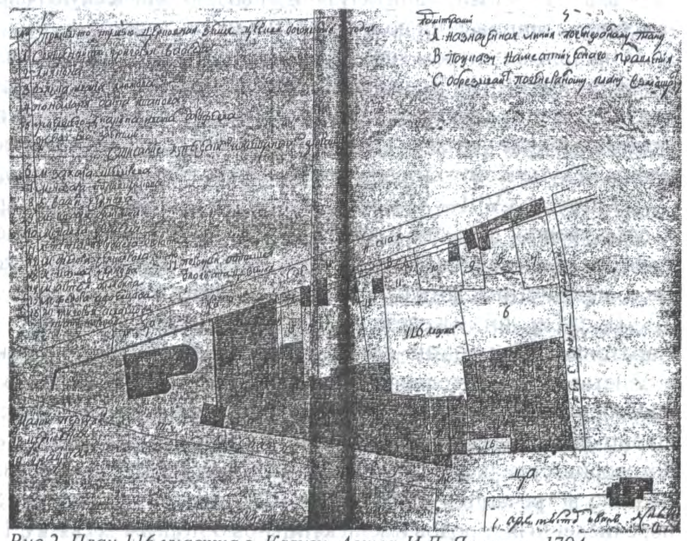

Рис.2. План 116 участка г. Калуги. Автор И.Д. Ясныгин. 1794.

На старом плане хорошо видно, что на том самом месте, которое сейчас занимает купеческий особняк, ранее возвышалась церковь Космы и Дамиана, окруженная кольцом улиц и дворов прихожан. В том же 1794 году «на основании Высочайше утвержденного нового плана для г. Калуги»[2] старый храм разобрали и перенесли на другое место, и, возможно, именно тогда освободившийся земельный участок приглянулся богатым купцам. Трудно сейчас назвать точную дату постройки дома, как, впрочем, и имя зодчего — автора архитектурного проекта. Существующее среди калужских краеведов мнение, что особняк Чистоклетовых был построен И.Д. Ясныгиным, пока не подтверждается документальными источниками. Тем не менее, отвергать его ни в коем случае нельзя. И.Д. Ясныгин, сменивший на посту Петра Романовича Никитина, вполне мог выступать автором постройки купеческого дома, ведь служба его в чине калужского губернского архитектора в конце XVIII — начале XIX вв. была в самом разгаре[3].

Рис. 3. Последний владелец дома Алексей Николаевич Чистоклетов с женой Варварой Ивановной. Фото 1910-х гг.

Как выяснилось, исторические корни купеческого рода Чистоклетовых уходят в седую старину и берут свое начало за пределами Калуги. Это стало очевидно после внимательного изучения документов, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов. В Строельной книге Калужского посада, датированной 1590-ми годами, среди множества известных купеческих имен «Ивана да Степана з братьеми Фалеевых саленых прасалав… Филиппа Билибы Обакумова торговаго человека… Куземки золоторя с сыном Первушком… Сенки Торубая торгового человека…»[4] и многих других, фамилия купцов Чистоклетовых не встречается. Имя же посадского человека Григория Чистоклетова, проживавшего с пятью сыновьями в Спасо-Знаменской слободе, впервые появляется в ревизских сказках г. Калуги лишь в начале XVIII века[5]. По прошествии нескольких десятилетий потомки Григория Чистоклетова получат купеческое звание, а после образования союзов купцов в 1775 по объявленному ими капиталу войдут во 2-ю купеческую гильдию, которую сумеют сохранить за собой на протяжении долгого времени.

В прошлом центром городской жизни любого провинциального города являлась торговая площадь, куда еще в Древней Руси по звону вечевого колокола созывалось народное собрание для обсуждения и решения общих наболевших вопросов, и где во все времена зачитывались важные царские указы да громкие приговоры суда. И все же основное предназначение главной площади купеческого города заключалось, конечно же, в торговле.

В Калуге в XVIII—XIX вв. на шумном и многолюдном Старом торге «…продавались оптом, а, следственно, дешевле и лучше всякого рода отечественные и чужеземные ткани, хрусталь, фарфор, галантерейные вещи — словом, все предметы роскоши и наслаждений. Пенька же, сало, мед, щетина, хоть и скупаемые в торгах в самом городе, большей частью получались из южных губерний… железо — с Нижегородской ярмонки[6]… рыба и икра — из Астрахани и Саратова»[7]. Последние слова из приведенной цитаты как нельзя лучше характеризуют хозяйственную деятельность купцов Чистоклетовых. Часто в конце года братья заключали договора с крестьянами Тульской, Рязанской и других губерний о поездках в Саратов или в Царицын «первым зимним путем… для накладки рыбы с ее припасами»[8]. Такие записи о договорных сделках с обязательной пометкой в конце, что Чистоклетовы «крестьян не порют» нередко встречаются в калужских «Книгах договоров» за 1806, 1810 и другие годы. Кроме перечисленных городов имели купцы-рыботорговцы связь с Тулой, Ярославлем и Астраханью,

о чем свидетельствует очень интересный документ — старое письмо, обнаруженное на чердаке дома на Воскресенской несколько лет назад. Письмо, датированное 2 января 1829 г., было послано из Астрахани Малахием Андреевичем Чистоклетовым своему старшему брату Алексею. Текст его, в котором прослеживается безмерное уважение к старшему через обращение на «вы», является еще одним подтверждением рода торговой деятельности купцов Чистоклетовых. «Выехали отсюда 29 поутру на 45 подводах. Наложена у нас белуга… осетр малосольный… икра осетра», — пишет Малахий, а в конце письма называет общий вес товара и подробно отчитывается, сколько денег потрачено[9]. Имели богатые купцы четыре каменные лавки в Гостином дворе во втором и рыбном корпусах — сквозные, с погребами, коптенные и пр.

После внимательного изучения архивных материалов оказалось, что фамилия купцов Чистоклетовых не встречается в списках калужских городских голов и, вообще, крайне редко появляется на фоне общественной жизни Калуги. Известно лишь, что в 1830 купец 2-й гильдии Алексей Андреевич Чистоклетов в качестве гласного входил в Калужскую городскую думу, о чем свидетельствуют документы о его избрании на эту должность, и отчет А.А. Чистоклетова о проделанной работе[10]. Представители старой купеческой фамилии являлись старообрядцами и вели очень скромный образ жизни. Несмотря на это в 1834 некоторые из них вместе с семействами были занесены в списки потомственных почетных граждан. Чистоклетовы никогда не покидали Калугу и почти полтора века владели домом на Воскресенской. После нагря-нувших революционных собы-тий родовое гнездо богатых купцов было призвано служить сразу же нескольким семьям, не имеющим никакого отношения к старой купеческой фамилии. Бывшему же хозяину богатой усадьбы Алексею Николаевичу Чистоклетову (рис. 3) с семьей отвели в некогда собственном владении лишь маленькую скромную комнату, и то не в главном доме, а в одноэтажной пристройке к нему с окнами, выходящими во двор. Сейчас можно лишь представить, насколько уныло протекала жизнь пенсионера Чистоклетова в стесненных бытовых условиях тридцатых годов: пошатнулось здоровье, пришел в упадок прежде большой купеческий сад, завяли цветники роз, которых совсем недавно насчитывалось до сорока кустов…[11].Однако, последнему владельцу родового гнезда пришлось принять требования времени и прожить в своем бывшем владении до 1935 года. После смерти Алексея Николаевича его жена, теперь уже вдова Варвара Ивановна, урожденная Комарова, с дочерью Людмилой навсегда покинула Калугу. Последние годы жизни они провели в Москве, там и похоронены.

Рис. 4. Могила А.Н. Чистоклетова на городском Пятницком кладбище. Фото 2003 г.

Несколько лет назад особняк Чистоклетовых, отнесенный к памятникам архитектуры конца XVIII века, оказался в плачевном состоянии, так как рухнул фронтон над аркой в центральной части фасада. Сразу же после выселения жильцов автору данной статьи удалось побывать внутри здания и запечатлеть на любительских фотографиях довольно хмурую картину сегодняшней жизни дома на Воскресенской. В холодных, оклеенных несколькими наслоениями обоев, стенах интерьера не уцелела роспись и лепнина потолков и фризов, а покрившиеся изразцовые печи, некогда блиставшие красотой и теплом, давно перестали играть роль верных хранителей купеческого быта. В каждом из многочисленных покоев присутствовал дух коммуналки… Революция, нарушив сложившийся порядок вещей, особенно жестоко обошлась с дворянством и купечеством, и сегодня сложилась парадоксальная ситуация: мы порой гораздо лучше осведомлены об эмигрантах, чем о тех, кто не смог или не захотел покинуть Россию. К счастью, с представителями старого рода купцов Чистоклетовых все оказалось иначе. Позапрошлым летом на городском Пятницком кладбище была найдена могила последнего хозяина дома на Воскресенской, умершего в 1935 г. (рис. 4). Ныне простой православный крест осеняет его тихое пристанище, где Алексей Николаевич Чистоклетов погребен рядом со своей родной сестрой Верой. Старый же купеческий особняк на Воскресенской залечивает раны, и хочется надеяться,

58 Зак. 1971

что совсем скоро пусть не старинная, но похожая отделка уютных интерьеров и фасада будет еще долгие годы служить новому назначению здания.

За оказанную помощь в работе автор сердечно благодарит калужского издателя и краеведа Валентину Николаевну Фридгельм и фотографа Александра Николаевича Пашина.

Источники и примечания

1. ГАКО. Ф.132. Оп.1. Д.1758. ЛЛ.4, 5. В конце XVIII — начале XIX века Калуга была поделена на 183 квартала.
2. Малинин Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С.73
3. Иван Денисович Ясныгин, титулярный советник, занимал пост губернского архитектора с 1785 по 1822 гг. Он умер 3.12.1823 (по старому стилю). Отпевали И.Д. Ясныгина в церкви Покрова на рву и похоронили на Петропавловском (Пятницком) кладбище. ГАКО. Ф.33. Оп.4. Д.41. Л.196об.
4. РГАДА. Ф.137. Оп.1, Калуга, № 1. ЛЛ.59об., 61, 83об., 103.
5. РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1238. ЛЛ.61, 83, 85.
6. Крупнейшая по товарообороту в России Нижегородская ярмарка проходила с 1817 ежегодно в июле-августе, с участием азиатских и западноевропейских коммерсантов.
7. Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел. СПб., 1839. С.185.
8. ГАКО. Ф.45. Оп.1. Д.235. Л.175.
9. Письмо хранится в личном архиве автора.
10. ГАКО. Ф.49. Оп.1. Д.132. Л.7; ГАКО. Ф.49. Оп.1. Д.156. Л.2.
11. Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде / Материал разработан А.И. Пульхеровым. Калуга, 1910. С.44.

ДЕРЕВО В УСТНОЙ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

***С.И. Личенко**, Калужский областной художественный музей*

Обширный художественно-предметный комплекс разнообразных видов народного искусства связан с традиционным для России материалом — деревом. Дерево занимало большое место в жизни русского человека. Из него строили дома, изготовляли домашнюю утварь, мебель, делали орудия труда. Оно служило сырьем для многих производств и предметом торговли. По сложившейся традиции на Руси большим уважением пользовались мастера, работавшие с деревом: плотники, столяры, долбежники, бондари, тележники, дужники. В то же время дерево было еще и объектом художественной обработки. Вещи, имевшие функциональное и утилитарное назначение, должны были радовать глаз своей особой красотой и мастерством исполнения. Резные иконостасы для храмов и детская щепная и токарная игрушка, скульптура и прялки, пряничные доски и берестяные туеса, резные фасады домов — все это и многое другое относится к числу произведений народного искусства, изготовляемых из дерева.

Занимая столь значительное место в традиционном быту, дерево оказало большое влияние на мировоззрение русского человека. В народной художественной культуре дерево издавна являлось не только основным материалом, но и интерпретировалось как некая символическая субстанция, связанная с синкретичностью народного мировоззрения. Чрезвычайно разнообразно семантическое и символическое значение образов, символов и знаков, используемых при художественной обработке дерева. Резьба и роспись по дереву, будучи одними из древнейших видов искусств, сохранили отголоски мировоззренческой системы славян-язычников. Несмотря на утвердившиеся в народном быту христианские нормы и представления о мироустройстве, в резьбе и росписи сохранились древние символы, соотносившиеся когда-то с сельскохозяйственной и обережной магией. Именно в этом, зачастую неосознанном, повторении символов и заключается сила традиции. Когда-то найденный и сохраненный коллективным опытом образ воспринимается как своеобразная формула, которой необходимо следовать постоянно, в противном случае нарушается столетиями отработанная пластическая, графическая, живописная форма.

Филологами, этнографами, искусствоведами анализируются различные аспекты функционирования дерева в рамках традиционной культуры. Комплексные исследования ученых рассматривают реализацию концепта дерева в отдельных видах народной художественной традиции, которая коренится прежде всего в системе верований, обычаев и обрядов. Различные аспекты мифоритуальных функций дерева представлены в трудах Д.К.Зеленина, И.М. Денисовой, J. H. Philpot [1]. Многочисленные верования, связанные с деревом, имеют очень древнее происхождение. По мнению Д.К. Зеленина, деревья служили некогда излюбленными тотемами предков восточных славян [2]. Со временем одни элементы культа утрачивались, другие видоизменялись и входили в иные культы и религии. Все это нашло отражение в различных жанрах фольклора. Так, представления о дереве в глобальной картине мира, понятие о «мировом древе» отразилось более в заговорах, загадках и духовных стихах.

Будучи включенным во многие обрядовые действа, дерево заняло значительное место в традиционной символике, используемой в обрядовой лирике, а также в различного рода поверьях.

В поверьях и суеверных рассказах дерево представлено как часть конкретного жизненного пространства человека, как часть повседневной бытомифологической практики. В данном исследовании автор рассматривает феномен дерева в поверьях, суеверных рассказах и русской волшебной сказке не только на местном фольклорном материале, поскольку его явно недостаточно для решения обозначенной проблемы, но и в общерусском контексте [3]. По разным местностям прослеживаются поверья о разных деревьях в зависимости от природных условий и традиционных способов использования. Так, образ березы, ставший в советское время одним из официальных символов России, издавна несет большую семантическую нагрузку в фольклоре вообще и в народной мифологической прозе в частности. «Мы видим в русских и белорусских поверьях очень многочисленные переживания, где береза, некогда тотем, рисуется не только источником самых различных благодеяний, но очень часто таких благодеяний, которые могли производить на человека впечатление чего-то чудесного, сверхъестественного» [4]. Береза имела широкое применение в народном быту в календарных обрядах, особенно в Троицко-семицкие праздники, которые были также широко распространены и в Калужском крае [5]. Эти обряды включали в себя завивание березки, кумление, хороводы, хождение с березкой, бросание ее в жито или в воду и многое другое. В частности, на калужской почве березовые ветви разнообразно использовались в земледельческом обряде закликания весны [6] и во время свадебного действа [7].

Ветки березы, особенно служившие троицкими украшениями, использовались в качестве оберегов от злых духов, от вредных насекомых, а также считались важным лечебным средством. С березой тесно связаны представления о духе — хозяине леса. Во многих быличках можно встретить мотив превращения какого-либо предмета, принадлежащего лешему или нечистому, в березу, березовую кору. По многим русским поверьям, связанным с деревом, леший сам может принимать облик березы. В многочисленных мифологические рассказах и поверьях о духе — «хозяине леса» встречаются такого рода повествования: «Ударившего по ней (березе) топором так выкрутило, что дровосек вскоре умер». В другом случае оттого, что пришедший в лес сказал неправду, «шум пошел по березам». А у крестьянина, «кладущего под березу, которая на него «глянула», гостинец в виде яйца, все будет хорошо» [8].

В той же мере мифологически значимым деревом у русских издавна считается осина. Образ осины в народных поверьях и быличках связан с образами ведьмы и колдуна. Например, если в печке жечь осиновые дрова, то колдун придет просить золы. Колдунья может обратиться в осиновый чурбашек. Согласно суеверным представлениям осиновые колья, забитые в углах избы или в подполье, способны отпугнуть кикимору и домового, а в реальной жизни осиновый чурбак помещают в подпол, чтобы продукты не портились [9]. Среди деревьев, имеющих магическую силу, в том числе и против колдунов и другой нечистой силы, следует выделить также рябину. В русском народном быту рябиновые палочки и веточки служили средством для узнавания колдунов: «Если во время пасхальной заутрени держать в руках рябиновую палочку, колдуны окажутся задом к иконостасу» [10].

Важное место в фольклорной картине мира занимают ель и другие хвойные деревья. Вечнозеленые деревья почитались не только в языческих культах. Образы хвойных деревьев несут большую семантическую нагрузку и в христианской традиции. Все это нашло свое отражение в русских поверьях и суеверных рассказах, включающих в себя и языческие, и христианские мотивы. Ель и сосна были связаны с образами лешего, водяного и других мифологических персонажей. Леший довольно часто уподобляется хвойным деревьям: «Его голова покрыта длинными кудрями, что напоминает верхушку сосны. Он с сосну ростом». Леший принимает образ елочки и в таком виде «бежит вслед за проезжим» [11] По народным быличкам водяной также может проявлять себя с помощью деревьев, например сосны: «Опять один раз в лодке ехала…Еду, еду, ничего. Вдруг кабыть пала сосна в реку. От деревни уж недалеко. Говорят, все это черт играет, водяной…» [12]. Идентичный материал (рассказы о лешем, домовом, водяном и др., которые уподобляются различным деревьям) представлен в калужских быличках [13].

Широкое распространение в устной народной художественной традиции имеют рассказы о выборе с помощью дерева места для строительства поселения или храма, сходные с преданиями Русского Севера: «…Тогда крестьянином, по прозванию Баженом, подан был совет спустить по течению реки дерево и, где оно остановится, там и строить церковь. Говорят, что дерево остановилось против сгоревшей церкви, а потому опять и построили ее на прежнем месте» [14]. Крупные деревья, имеющие особые отличительные черты или отдельно стоящие,

сохраняют свое древнейшее культовое значение, вписываясь в систему более поздних христианских и исторических представлений. Священными могли быть целые рощи и отдельные деревья, например те, на которых явилась икона. Народные рассказы свидетельствуют, что на священное дерево не мог поднять руку даже сам царь: «Следуя из Петрозаводска в Петербург, Петр Великий посетил Святой Остров. Здесь великому монарху понадобилось на что-то одно дерево. Извещенный, вероятно, кем-либо о неприкосновенности деревьев, он сказал: «Ты Петр и я Петр, дозволь срубить дерево», — затем потребовал топор и подошел к одному из деревьев. Но…после первого удара топором руки могучего царя бессильно упали, и он не в силах был поднять топор…»[15].

Дерево всегда сохраняло свою чудесную сущность при любой обработке. Люди, работающие с деревом, имели свой комплекс поверий о том, как обращаться с ним. Особенно важно было знать, какое дерево можно, а какое нельзя использовать для строительства дома. Так, например, использование бревна с «пасынками» приводит к смерти хозяина; от дерева с наростом у жильцов будут колтуны. Опасны также деревья, упавшие в полночь или зацепившиеся при падении за другие деревья: в доме будут умирать жильцы. Не следует брать деревья, растущие на перекрестке дорог или на бывших лесных дорогах [16]. Магическая сила дерева распространялась и на людей, его обрабатывающих, о чем опять повествуют народные сказания. Плотники могли сделать так, что построенный ими дом оказывался непригодным для проживания, так как в нем поселялась нечистая сила: «В Белозерском уезде в деревне Иглине у крестьянина Андрея Богомолова плотники так наколдовали, что кто из его семьи ни войдет в новую избу, всякий в переднем углу видит покойника…В первую же ночь сына Михаила сбросило с лавки на пол. Решили сломать избу эту и поставить новую. Стали ломать и нашли в переднем углу, под лавкой, вбитым гвоздь от гроба»[17]. Отношение человека к дереву складывалось еще в архаическую эпоху, о чем писал Д.К. Зеленин, анализируя проблему тотемов-деревьев в сказаниях и обрядах европейских народов [18]. Однако со временем система мотивировок, объяснявших это отношение, усложнялась, старые забывались или казались неубедительными, возникала потребность в новых.

Дерево как значимое явление традиционной культуры было задействовано волшебной сказкой, которая использовала этот образ как важный компонент сказочной поэтики, сохранив за ним, пусть и в рудиментарной форме, мифоритуальные корни. В сюжетах волшебной сказки используются различные аспекты мифологемы дерева. В сказочных сюжетах иногда сохраняются виды деревьев, которые в ритуальной практике выполняли функцию сакральных. Например, в сказке «Коток, золотой лобок» (золотая рыбка, чудесное дерево) [19] мужик не рубит старую липу (реже березу), и она с благодарностью выполняет желания старика и его жены: «Вот он подошел к старой липе, глядит, для дров справно. Замахнулся топором, а липа: «Скрып-скрып! Не руби меня, я тебе пригожусь. Проси чего хочешь!» [20]. В этой сказке отразился запрет на рубку священных деревьев, которые осознавались как одушевленные существа, и за их рубку или причинение более мелкого вреда (сдирание коры, сбор валежника, ломание веток и т.п.) человека ожидало наказание.

Достаточно распространенным сказочным сюжетом, в котором важную роль играет дерево, является сказка «Летучий корабль». Герой, чтобы добиться руки царевны, должен построить корабль, который плавает на воде, ходит по земле и летает по воздуху. По совету помощника герой из указанного дерева с помощью чудесного топора изготовляет корабль: «Пошел Иван в лес, воткнул топоры в три дерева, сам растянул шатер, лег и уснул. Вот откуда взялись плотники, начали рубить, к вечеру корабль поспел» [21]. В этом сюжете часто указывается порода дерева — дуб. Это чрезвычайно важно, поскольку дуб был самым почитаемым деревом славян, он был посвящен богу-громовику Перуну и символизировал собой силу и крепость. Довольно часто говорится о местоположении дерева. В сказках это одиноко стоящий дуб, который можно рассматривать как некое сакральное дерево. Одиноко стоящие старые деревья почитались на Руси да и во всем славянском мире, они становились культовыми объектами, признавались местночтимыми святынями. В реальной жизни рубка священных деревьев сурово каралась, в сказке же подобное действие допустимо, поскольку только из дерева, связанного с «иным миром», можно построить вещь, которой нет в мире сказочного героя. В русской волшебной сказке дерево-дуб выступает в различных функциях. Так, «…стоит море, возле него дуб, под тем дубом утка, в утке яйцо, а в том яйце смерть моя» [22]. Описываемый в этой сказке дуб наиболее близок дереву, которым отмечается центр мира, именно этот тип дерева называется дубом и наделяется семантикой мирового древа в других жанрах фольклора. Так, например, «дуб железен» часто встречается в текстах заговоров, на дубу сидит Соловей-разбойник, к дубам на купальскую ночь прилетают ведьмы и т. д. Образ мирового древа, являющегося созданием самого Господа, представлен и в калужских волшебных сказках: «Так от Господа Бога повелось, были на сияющем белом свете вначале

разные существа…летел орел и на высоко дереве сел» [23]. В сказке «Чудесные дети» народная фантазия представляет дуб как древо жизни, населенное различными существами: «…в некоторых лугах стоит дуб, на том дубу живут три кота, книзу идут — песни поют, кверху идут — сказки сказывают» [24]. Русская волшебная сказка знает дуб, в ветвях которого находится гнездо гигантской птицы, а в корнях живет огромный змей («Три подземных царства»). Дуб из этой сказки наиболее близок к образу мирового древа, причем сказочный образ дуба сохранил даже вертикальное членение, свойственное мировому древу, в корнях которого обитают змеи, а на вершине птицы [25].

В отдельных случаях сказка сохраняет за деревом семантику мирового древа не только как центра вселенной, но и как связующего звена, соединяющего различные отрезки пространства. Имеются в виду сказки, где дерево выступает как дорога, по которой герой попадает из своего мира в «иной». Этот образ дерева и специфика его функционирования в сказочном контексте проанализированы в трудах В.Я Проппа [26] и Л.Я. Штернберга [27]. Наконец, сказка может сохранить за деревом семантику пограничного мира, но значительно чаще этой особенностью наделяется не отдельное дерево, а целый лес, осознаваемый как некое пограничное пространство, разделяющее миры. Можно сказать, что дерево в русской волшебной сказке сохранило в той или иной форме черты, присущие ему как одному из основных элементов традиционной мифопоэтической картины мира.

Древнейшие верования в сверхъестественные свойства деревьев не исчезли с течением времени. Постепенно видоизменяясь, они органично включились и в сознание, и в жизнь современного человека, который продолжает ощущать и использовать волшебную силу дерева во всех его формах. Таким образом, феномен дерева продолжает свою жизнь в различных сферах традиционной народной художественной культуры [28].

Примечания и литература

1. См.: Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М. 1987; Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.Л. 1937; Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М. 1979; J. H. Philpot. The sacred Tree. London. 1897.
2. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре.1917-1934. М. 1999. С.140.
3. Методика анализа в данном случае предполагает использование теории т.н. «бродячих сюжетов», что позволяет локальному художественному явлению обрести свою родословную. Подробнее см.: И.И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.—Л. 1966.
4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре.1917—1934. М. 1999. С. 178.
5. См.: Личенко С.И. Калужские традиционные обычаи и обряды // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов 5-й историко-археологической конференции. Калуга. 1993. С. 86—87; Калужский фольклор. Сост. Ермаченко А. В. Тула. 1979; Фольклор Калужской губернии. Выпуск 1. Народные обряды и поэзия. Составитель Н.М. Ведерникова. М. 1997.
6. Шереметева М.Е. Земледельческий обряд — «закликание весны» в Калужском крае // Сборник Калужского Государственного Музея. Калуга. 1930. С.33—60.
7. Шереметева М.Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга. 1928; Ляметри П. Свадьба крестьян Мещовского уезда //Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга. 1899. С.204—218; Толмачев А. Крестьянская свадьба в Малоярославецком уезде // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга. 1899. С. 219—232; Добровольский В.Н. Свадебный обряд в Калужской губернии //Живая старина. Спб. Вып. 2. С. 214—236; Дмитриев Н.Л. Материалы по этнографии Калужской губернии. Ч.1: Свадебный обряд. Калуга. 1919.
8. Русские: семейный и общественный быт. М. 1989. С. 277; Криничная Н.А. Лесные наваждения: Мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине леса». Петрозаводск. 1993. С. 6.
9. Русский народ. Его обычаи, предания, суеверия и поэзия /Собр. М. Забылиным. М. 1990.
10. Славянские древности. Т.2. М. 1999. С.532.
11. Криничная Н.А. Лесные наваждения: Мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине леса». Петрозаводск. 1993. С.6.
12. Мифология Пинежья /Сост. А.А. Иванова. Карпогоры. 1995. С5. №12.
13. См.: Фольклор Калужской губернии. Выпуск 1. Народные обряды и поэзия. Составитель Н.М. Ведерникова. М. 1997. С. 117—124.
14. Предания Русского Севера /Сост. Н.А. Криничная. СПб. 1991. № 36.
15. Там же. № 17.
16. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. 1983. С.30—31.
17. Там же. С. 58.
18. Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов //Труды Института этнографии, археологии и этнографии. Т. XV. Вып. 2. М. Л. 1937. (Этнографическая серия. №5); Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов //Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917—1934 гг. М. 1999. С. 140—180.
19. Сравнительный указатель сюжетов. (СУС). Восточнославянская сказка. Л. 1979. 555.
20. Там же: СУС — 555.
21. СУС — 513; Русские сказки и песни в Сибири (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии 1902 и 1906 гг.). СПб. Тропа Троянова. 2000. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 3). № 37.
22. Там же. Т. 3. № 43.
23. Фольклор Калужской губернии. Выпуск 2. Необрядовая поэзия (духовные стихи, песни, сказки, предания, загадки, поговорки и др.). Составитель Н.М. Ведерникова. М. 1998. С. 107.
24. Там же. С. 89.
25. См.: Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб. 1997. № 22.
26. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). М. 1998.
27. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л. 1936.
28. Фольклор Калужской губернии. Выпуск 1. Народные обряды и поэзия. Составитель Н.М. Ведерникова. М. 1997; Фольклор Калужской губернии. Выпуск 2. Необрядовая поэзия (духовные стихи, песни, сказки, предания, загадки, поговорки и др.). Составитель Н.М. Ведерникова. М. 1998.

59 Зак. 1971

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСТРОЙКИ ЖИЗДРИНСКОГО УЧАСТКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДНОГО ПАРКА «УГРА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2004 г.)

Е.И. Васильева, *Национальный парк «Угра»*

В 2002 г. на заседании научно-технического совета парка принята Программа по сохранению и изучению традиционной культуры на территории, вошедшей в границы НП. Безусловно, традиционная культура в том объеме, который был на начало XX века, уже не существует. Но многие ее черты мы должны и имеем возможность сохранить. Архитектором парка З.А.Гарифуллиной в Программу было внесено предложение обратить внимание на традиционные постройки, в том числе и потому, что в последнее время целостная локальная ландшафтная картина утрачивается из-за замены традиционных построек зданиями, сооруженными исключительно в соответствии с личными вкусами заказчиков. Это лишает территорию НП ее характерной привлекательности.

Результатами работы по изучению традиционных построек можно воспользоваться и при разработке проектов, учитывающих исторически сложившийся облик поселений, и при создании макетов жилища для возможной этнографической выставки, и при создании стилизованной гостиницы.

Общие сведения о традиционном жилище нашего региона рубежа XIX—XX вв. в литературе есть; но в них не хватает подробностей, описания традиционной строительной техники, фотографий, планов и сведений о том, насколько к настоящему времени трансформировалась традиция.

Осенью 2004 года за три двухдневные экспедиции было обследованы село Березичи и деревня Гранный Холм (Козельский р-н, Калужская область). Это территория Жиздринского участка НП «Угра».

Обследование проводилось по адаптированной инструкции этнографа Липинской В.А. «Русское жилище второй половины XIX — начала XX в.».

Выявлялись наиболее старые дома, не перестраивавшиеся. Дореволюционных деревянных жилых построек найти не удалось.

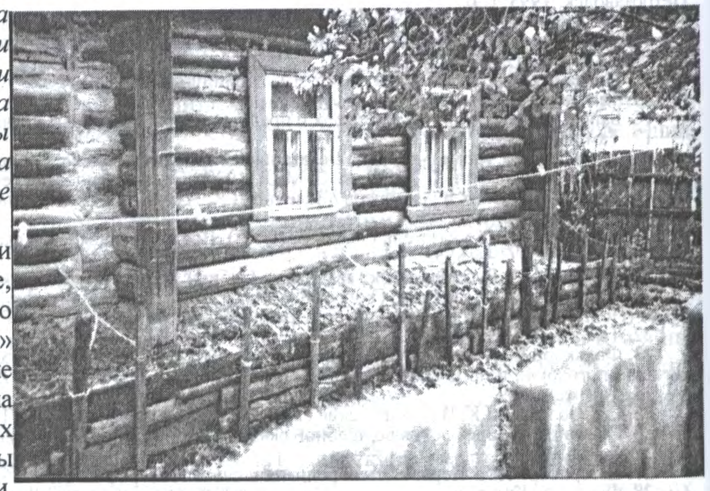
Сведения записаны от семи респондентов (их год рождения — во временном промежутке от 1915 до 1946 года).

Постройки были возведены в 1927 г., 1950—1953 гг., 1957. Все обследованные жилища (местное название «большие хаты») — однотипные в плане (рис.1) пятистенки. Различие только в том, что один из домов имеет не две, а три печи на две комнаты. Респонденты сообщали, что *«старый дом был маленькая хата: в ней одна комната с русской печью посередине и сенцы сбоку прирублены»* или: *«старый дом был связной — красная изба (с печью), сенцы и неотапливаемая светелка»*. В так называемые маленькие хаты в эту экспедицию попасть не удалось, все дома были заперты.

На вопрос о социальном положении, занятиях первого хозяина дома, все опрошенные однозначно отвечали *бедняк.*

Лес на постройку выписывали в лесничестве, об этом вспоминали так: *«через лесников, они лес давали «и на дос и на тес». Сосны дали раздвоенные, мы сами пилили двуручной пилой, на себе возили на санях…* или *…лошадь наняли в Дешевках,* или: *... лес брали на сплаве по Жиздре, она тогда глубокая была, плоты длиннющие и просто бревна плыли. Доски пилили пришлые люди из Слаговищ».*

До войны, в 1927 г., строили вместе: плотники местные, мужики, деды. На вопрос о «помочи» или «толоке» респонденты отвечали, что ее не было, хотя по форме это и была «помочь». О домах, построенных в 50-е годы, информанты сообщали, что строили их сами, семьей, и нанимали бригаду

Завалинка (фото 2004г.)
д.Гранный Холм, Козельский р-н, Калужская обл.

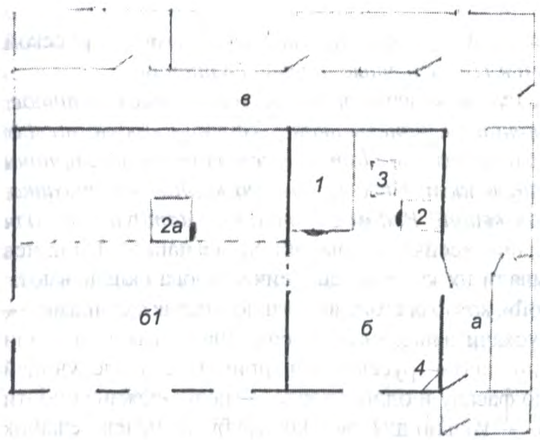
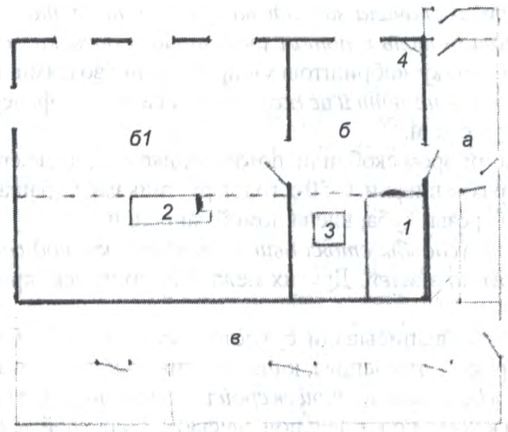

Рис 1. Планы изб-пятистенок с двором.
с.Березичи, Козельский р-н, Калужская обл.
1 - русская печь
2, 2а - печь -"лежанка"
3 - подпол
4 - святой угол
а - сенцы
б, б1 - основной сруб
в - крытый двор

местных плотников, им платили водкой, едой.

Изба относительно улицы располагалась параллельно. Поперек ставили в том случае, если новый дом был намного больше прежнего и не помещался между соседними домами.

Изба — срубная. «*Сруб на тринадцать венцов ставили летом. Работали плотники. В бревнах делали выемку, углы вырубали. Четыре бревна, скрепленные на углах, составляли венец.»* Концы бревен выступают за стены сруба — рубка «в угол». «*Когда начинают делать основной сруб (на том месте, где уже собственно дом должен быть), то на бревно мох кладут, паклю. Мох заготавливали за оз. Ленивым. Следующее бревно клали выемкой на паклю или мох. К основному срубу прирубались кухня, сенцы. Все под одну крышу. Ко входу, с наружной стороны, прирубалось крылечко, но лет 30 назад все начали делать терраски вместо крылец.»*

Фундаментов не было. Стояли дома на «стульях». «Стулья» — вкапывались в землю деревяшки (дубы), на них нижний венец ложился на высоте 30 см, а то и меньше, от земли. Летом под полом все продувалось, а на зиму утепляли хату завалинкой. Завалинку делали так: «*солому или даже тростник заготавливали, обкладывали, потом землей приваливали»* или: *«доски прислоняли к деревам, потом землю присыпали. Весной станет тепло, землю откидывали».* Дом, построенный в 1957 г., - уже на каменном фундаменте.

Крыша четырехскатная, с «загузком». Боковые скаты длинные, гладкие, а поперечные состоят из небольшого полуфронтона наверху и большого ската (загузка) внизу. Крыша стропильная на венцах. «*Стропила вставлялись в балки, которые стоят на втором от верха венце. С двух сторон (концов) в них вырубались гнезд, куда вставлялись стропила. На одном из их концов рубили долотом отверстия, в них вставляли конец другого стропила. Это соединение называлось «шип». Поверх стропил набивались тонкие дощечки (горбыль) — «накатник» Гвоздями специальными тонкими прибивали к горбылю драньщепу) снизу рядами, чтобы щепа на щепу заходила. Щепу сами драли, топором расщепляли кругляшки (елку). Драньпокрывали толем. А раньше крышу соломой крыли или тростником.»*

Потолочные доски вставляют в те же балки, что и стропила. В балке вырубаются отверстия и в них запихиваются потолочные доски (две соответствующие, одна в одну входит). *«Последняя — со срезом, потому что ее уже не забьешь никуда. А потолочины никак не закреплены. Если поперечную доску выбить, все посыплется».* Сверху насыпали опилки, листву, утепляя потолок.

На «стулья» клали балки. Половые доски прибивали гвоздями к балкам. Пол стали красить после войны. Подпол с подъемными досками вместо крышки выкапывали рядом с печкой вглубь на 1—1,5 м. «*Полы раньше, перед войной, были земляные, глиной хорошо обмазаны с конским или с коровьим навозом».*

Русская печь находится от входа направо, устье направлено к передним окнам, святой угол налево от входа. Или: печь налево от входа, святой угол — направо дальний. В этом случае положение святого угла объясняют так: *должен быть ближний, но лень голову повернуть.* Полка, на которой стоят иконы, чуть прикрыта коротенькой занавесочкой. Иконы обрамлены

рушником. Под образами — лавки и стол.

Труба от печки с плитой, «лежанки» (хотя она без лежанки), тянется в дымоход русской печи. *«Приходится два раза в год — на осень и к Пасхе печные трубы чистить».*

Печи делали сами или приглашали печника. Русскую печь клали так: *«основание кирпичное, затем «бут» — помещение для хранения картошки, чапельников. Сверху — доски, на них — песок, битое стекло, чтоб температура держалась. Потом выстилается из кирпича под. Потом своды, дымоход. Поверх сводов насыпается песок, на него кирпич — лежанка, сбоку — выемки-«печурки» для просушивания вещей. Рядом с устьем — «отдушник» для самоварной трубы».* Обычно сбоку к печке делали лесенки, чтобы забираться наверх. Топились «хмызой» — ветками, рядом с домом складывали их кругом, как сейчас дрова складывают.

В доме с тремя печками: за первой «лежанкой», которая стоит вплотную к стене с сенцами — казенка с дверками — туда в морозы скотину пускали, а на досках поверху спали. Так и говорили «спать на казенке». В первом помещении в одно окно — русская печь примыкает к следующей стене, в следующем помещении на три окна по фасаду и одно в торце — печка-лежанка почти посередине. В потолке возле печки-«лежанки» — кольцо для люльки. Трубы от печек-лежанок тянутся под потолком в дымоход русской печи. В д.Гранный Холм во всех домах для каждой печи свой выход. Можно отметить, что в настоящее время многие хозяева переделывают один общий выход на два (каждой печи — свой), а если позволяют средства и рядом газопровод — устанавливают АГВ.

В сенцах отгорожен чулан, там хранили одежду.

В обследованных населенных пунктах с наружной стороны домов нет резных наличников на окнах. *«Карниз делали, чтоб покрасивей было. Вдоль стен из-под крыши до уровня окон — «сережки», украшения. Хозяин сам выпиливал. А шелевку* (дома, обитые тесом, называли «шелеванные») *делал так: снаружи стен (сруба) сначала закладывал мешки, пропитанные дегтем от короеда. Промасленную бумагу, потом толь и потом уже набивал досочки, а на них реечки фигурные.* Внутри дома к бревнам дранку-«обриштовку» прибивали гвоздями. На нее — глину с мякиной, или навоз коровий (*«он как цемент и не пахнет»*). А сверху — фанеру, ее обоями обклеивали. Многие просто побелку делали.

К празднику деревянные некрашеные полы топором скоблили, потом веником терли, сверху солому ржаную стелили. По стенам рушники развешивали. С 50-х годов рушниками украшали и портреты родственников. На Троицу ветки березы, дуба, клена домой заносили.

По воспоминаниям *«отдельно в конце сада, усадьбы стоял овин — под яблоки, под сено. Большой, по площади как дом, высокий, стоял на земле».* Других нежилых построек, кроме погребов и сараев, уже в селе не осталось.

Усадьбу огораживали по-разному: в лесхозе выписывали сухостой, сушняк, нарубали жердики (ива, ольха, сосна), набивали две жерди — это основа, к ним вертикально прибивали колышки. Или: рубили вершину — орешник. *«Прибиваешь три жерди и начинаешь плести».*

Двор — крытый, вплотную примыкающий к дому, под отдельной двускатной крышей. *«Лет 30—25 назад начали делать односкатные дворы, но это также к дому пристройка.»* Во двор есть вход из сеней и вход со стороны усадьбы. Двор разделен на закуты для свиней, коровы, курятник, сенник, вдоль общей с домом стены складывают дрова.

Отдельно от дома стоит погреб, копанный на 1,5—2 м, с закромами для разных овощей. Над потолком копаного погреба возводилась крыша, крытая дранью, под крышей сушили травы. В погреб были два спуска отдельно — «дырка», в которую вставлялся желоб, по нему опускали в погреб картошку, и квадратное отверстие, застланное досками. По левой стороне рядом с лесенкой на высоте около метра — ниша для светильника *«Постепенно князя Оболенского винокурный завод ломали. Кирпич себе брали на погреба».«Еще камень брали возле речки Волковынки. Там были выселки с Березичей. Там на дорогу камень ковыряли мелкий; крупный — на подвалы, себе под дома, или в бугру, где лесхоз, детдом брали камень».* Были и не такие глубокие погреба, с одним квадратным отверстием. Но везде стены выложены камнем.

Как выбирали место для самого первого дома, никто из опрошенных не смог ответить. Но рассказали о приметах, связанных с домом. *«Дом поставили на месте старого, во время строительства жили у соседей. Когда сруб рубили, ставили ветку березовую, чтобы дом веселый был; под углы клали пятачки, десятики. Перед тем, как вселиться, пустили кошку в новый дом. На Пасху в Святой угол под иконы клали свяченые яйца на случай пожара. Это яйцо кидали в огонь, и пожар утихал».*

Удалось записать два рассказа о столкновении с домовым. Вот один из них: *«Бабка Апрося (моим детям прабабка) рассказывала, она была еще маленькой девочкой, повадился кто-то лазить на двор лошадям гривы заплетать. И ее бабушка говорит: «Изловлю!» Так через ворота лезет кто-то как мальчик маленький, голенький и с рожкам, и — к лошадям. А она — хоп, поймала его и кричит: «Апрось, Апрось! Давай скорей крестик!» А он вот так вот зажался: «Не надо мне крестик, не надо, я больше ходить не буду». «А кто тебя послал?» «Послал хозяин Архип». И все, перестал лазить».* В главе «Демонология» у Попроцкого (Материалы…,1864) отмечено, что Хозяином Архипом калужские крестьяне называли домового, и что этот дух дворовый, домовой занимает первое место между злыми духами. На мой вопрос к хозяйке дома, есть ли добрые помощники, покровители, был ответ: «Божья матерь — заступница».

Сруб без подклета, изба параллельно улице, крыша четырехскатная, крытая соломой — признаки южновеликорусского типа жилища, устье печи направлено к передним окнам — западно-южнорусская особенность; наличие крытого двора — особенность среднерусского жилища. Такое смешение обусловлено географическим положением территории.

Литература

Попроцкий М. Материалы для географии и статистики. СПб, 1864. С.156, 180.
Лебедева Н.И. Научные труды // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. Т.1.

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.Л.ЧИЖЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

***Р.М.Воробьева**, г. Калуга*

«Литература и музыка, живопись и ваяние — вот истинные двигатели мировой Культуры».
А.Чижевский

Эпоха XX века не была готова принять такие личности, как Циолковский и Чижевский. И сейчас значение личности А.Л.Чижевского многими не может быть оценено по достойству. Жизнь А.Л.Чижевского, его взгляды, интеллект, характер, открытия — все творения — представляют общенациональный и мировой интерес.

«Мы – дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества — от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая».

В стихах А.Л.Чижевского — вся история России, поэтому хотелось, чтобы каждый молодой гражданин России имел при себе маленький томик стихов Александра Леонидовича.

Автор этих строк впервые соприкоснулся с поэтическим творчеством А.Л.Чижевского в 1990 г. в Забайкалье и с тех пор не расстаётся с ним никогда. Стихи вызывают музыкальные образы и фразы, которые воплощаются в хоры, романсы, песни и ансамбли (Воробьева, 2000).

«Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было».

Калуга 1913 года была тихим уютным городком, в котором семья Чижевских после длительных военных походов, бесконечных переездов приобрела дом и покой. Здесь Чижевский состоялся как ученый, поэт и художник.

«Поля, леса, долины, реки, горы
И неба необъятного простор,
И тихих звезд сверкающие взоры,
И мысли — широчайший кругозор».

В этом доме жили мирно, оказывали друг другу поддержку, не только своим близким, родным и знакомым, но в тяжелые дни испытаний семья Чижевских помогала совсем чужим людям. В 1920-е гг. они каждое воскресенье готовили обед, во дворе накрывали столы, приглашали и кормили голодающих калужан.

«Дневное небо светло-сине,
Золотолист и весел сад.

В его редеющей вершине
Грачи встревоженно шумят.
Окно откроешь — ветер ясный
Пронизывает холодком,
И летней неги так напрасно
И безнадежно-тщетно ждем».

В 1915—1919 гг. в Калуге были изданы два сборника его стихотворений, научные труды «Физические факторы исторического процесса», «Курс лекций по русскому языку», «Академия Поэзии».

Кратким оказалось время юношеской беспечности и веселья. Дом погрузился в дела и заботы военного времени. Молодость Чижевского пришлась на тот период истории России, когда решалась судьба российского государства.

Революции 1917 года было посвящено около 15 стихотворений, например, «1917 год»:

«Страшна ты, Русь, о, как страшна,
Когда, пучину воздымая,
Ревет народная волна,
Глаголам неба не внимая,
Когда мятежный ураган
Сжигает мудрые преданья
И треплет скалы океан
Остервенением восстанья».

Творчество А.Л.Чижевского принималось его близкими, друзьями, но не приносило дохода. Чижевский, как и Циолковский, был беден. Однако Чижевский обладал такими великолепными качествами, как эрудиция, живость ума, искусство приобретать друзей, прирожденная сердечность, приятная внешность, изысканные манеры, красноречие, прекрасное знание нескольких иностранных языков (французского, английского, немецкого и др.), — все это открывало перед Александром Леонидовичем сердца и двери домов и различных учреждений. Так, в середине 1920-х гг. А.Л.Чижевский был признан в научных кругах Москвы.

Начиная с 1915 г. по 1930 г. А.Л.Чижевский прошел своеобразную суровую школу жизни. Этот период был насыщен событиями; Чижевский работал в созданной им лаборатории. Юношеский энтузиазм привел его сразу в несколько вузов: обучаясь в археологическом институте, он мысленно путешествовал по странам и континентам, собирал данные по эпидемиям и пандемиям, сравнивал события, происходящие на Земле, с активностью Солнца, и этот огромный материал, собранный им, лег в основу его труда «Физические факторы исторического процесса».

Сначала на основании собранного и обработанного материала он защитил диссертацию на звание профессора (1922 г.), затем издал сей труд в Калуге. Чижевский вспоминал о себе: «С детства я страстно полюбил музыку, поэзию, живопись и любовь эта с течением времени не только не уменьшилась, а принимала все более страстный характер, даже тогда, когда корабль моих устремлений пошел по фарватеру науки...».

1920-е годы Чижевский провел в неустанных трудах, лихорадочно строя свое будущее, и именно они — 20-е гг. — определили весь круг интересов последующих лет его жизни.

Ранние стихи А.Л.Чижевского кротки и добры. В них слышатся надежда и разочарования первой любви. Чтобы передать эти чувства, недостаточно только музыкально проинтонировать текст, следовало выявить скрытое содержание (подтекст). Сила чувств, драматизм ситуации, преданность и измена, осмысление чувств по прошествии времени, т.е. отражение внутреннего мира человека, стремление понять его во всей сложности и противоречиях. Чудится, что Чижевский пел свои стихи как «романсы», они так и названы нами: «...С тобой лишь день я не видался», «...Не ласкай меня».

В юношеских стихах Чижевского была собственная тема: Мироздание (Земля, Солнце, Космос). Уже с детских лет Чижевский смотрел на мир глазами художника, ученого и поэта. Из воспоминаний самого Чижевского можно заключить, что, отец ставил перед ним задачу постижения всей мировой науки и культуры, говорил, что человек должен оставаться самим собой, чтобы не случилось; человек властвует над собственной судьбой и одновременно сознает власть Космоса над всем — «Нами правит Космос». Не в этом ли состоит оптимизм поэта?.. И это несмотря на то, что в стихах Чижевского часто звучит чувство горечи разочарованья («Стихия тьмы»).

Великий немецкий поэт В.Гёте был известным натуралистом. Он писал о себе:

«Я от отца имею стан
И нрав суровый, честный.

А матушкой в наследство дан
Мне песен дар чудесный».

Эти слова можно в полной мере отнести и к А.Л.Чижевскому: в нем всю жизнь жили два человека — поэт и ученый, жили, не только не мешая, но и помогая друг другу. И в поэзии, и в живописи, и, надо полагать, в музыке, Чижевский интуитивно чувствовал и запечатлевал в стихах тончайшие настроения, состояния, интонационные переходы в природе. Только астроном, звездочет, музыкант мог так выразительно, ясно, выпукло, «натурально», волшебно и, вместе с тем, естественно, преподнести такие мгновенно запечатленные образы, что поэтическая строка-мысль сразу же звучит музыкой.

Стихи о природе «Лиловые поля», «Сентябрьский день», «Зимой», «Луна и море», «Солнце» оформлены мной в вокально-хоровой цикл «Времена года».

Важны отношения Циолковского и Чижевского как Учителя и Ученика: посвящение К.Э.Циолковскому нашло отражение в стихотворении «Привет тебе, небо».

Много стихов Александр Леонидович посвятил Космосу и Мирозданию: нам известны девять космических сонетов Чижевского, и нами создан цикл «Космос», в него вошли стихи «Космос», «Полночные тени», «Сиянье звезд», «На самолете». В стихотворении «Гиппократу» реализована вся полнота космического мироощущения:

«Кровь общая течет по жилам всей Вселенной».

Космос Чижевского — это всеединство всех Вселенных, земной истории человечества и внутренней жизни души.

«Всевластен лик, глядящий с вышины!
Настанет ночь — и взор летит из бездны,
И наши сны, взлелеянные сны
Пронизывают знанием надзвёздным».

Гражданские чувства отражены нами в цикле «Виденья Родины моей» на стихи «Родина», «Ветерочек», «Ветер», и другие.

Велик патриотизм лирики Чижевского: «Вотчина Суворова», «В Муранове»; в цикл «Борцам за святую Русь» вошли стихи «Идут полки», «В земную грудь», «Ночь перед боем», «Не косите трав». Патриотические чувства отражались в стихах Александра в переломные для России моменты: 1917 г., 1943 г. А военная тематика звучит в музыкальном цикле «Вам, павшие за Святую Русь»: «Прощание», «Ночь перед боем», «Сошлись — и грозно тучи стали», «Страшна ты, Русь», «Я к вам приду».

Опору он находил в том, что всегда вернее и лучше служит поэту, писателю, ученому, - в сердце. Несмотря на голод, разруху, революцию и войны Чижевский .верил в свой народ, в Россию. В стихотворении «Вотчина Суворова» есть такие строки:

«Кто миру доказал страны Российской мощь,
Философ и стратег, солдату брат и вождь,
Пресветлый разумом и русским сердцем ясный,
Друг справедливости неугасимо-страстный,
Чьи взоры пламенны и речи горячи,
Кто даровал Руси заветные ключи
Древнейших городов величественной славы —
Мантуи, Нови, Бреши, Праги и Варшавы...
И что же видим мы? Что отдадим векам?
Ложь и невежество!»

Родной русский язык, как он его назвал в стихотворении «Русский воин» есть такие строки:

«Только утро загорится,
Он уж бодро чистит штык;
Вкруг веселые все лица,
Русский радостный язык»

А в стихотворении «Преображение» звучат слова:

«Земля — мое счастье!
Земля — моя радость!
В какие глубины к тебе я проник!
И, если прохожий окликнет случайно,
Неведом мне будет родимый язык».

А.Л. Чижевский преподавал русский язык на командных курсах в Калуге, написал учебник русского языка (который еще не найден). Само звучание русских слов, их грамматические формы, строение фразы наполняли его сердце радостью. И поэзия, и наука были ему необходимы ему, как воздух. В проекте «Академия поэзии» Чижевский писал: «Поэзии и музыке, безусловно,

принадлежит будущность, ибо эти два великих искусства вечны и не разрушаемы волнами времени».(«Эти мысли вереницей...»).

Безмерный восторг вызывали стройные ряды цифр, математические формулы крови, графики и... плывущая серебристым потоком мелодия стиха...

«Сиянье звезд – для сердца утешенье!
Минует все: и жизнь, и жизни беды,
А новое чужое поколенье
Увидит также слезы Андромеды!».

Сладостное замешательство охватило его душу при одной мысли:

«Когда бы зримый мир был снят, как покрывало,
И ты бы механизм Вселенной увидал,
Где страшно просто все, и всех начал начало
В предельной краткости, как дифференциал, —
Какая б жгучая тоска тебя объяла
И в иллюзорный мир ты б радостно вбежал».

Нелегко сегодня понять его сомненья и раздумья по этому поводу. Ведь только перечень его открытий, перечисленных в Меморандуме Международного конгресса по биологической физике и космологии в Нью-Йорке(11—16 сентября1939г.) о научных трудах профессора доктора А.Л.Чижевского займет несколько печатных листов. Не говоря о том, что (по словам Александра Леонидовича) самая главная часть его работ, а это N-ная сумма папок или ящиков, — пропала бесследно во время эвакуации, войны, лагерей и пр. Можно смело сказать, что такой ученый, поэт, художник, музыкант явственно слышал голос новой эпохи. Чижевский — провозвестник Космической Эры.

Чижевский шел уверенным шагом к новой красоте и предугаданному совершенству. Вдохновленный надеждой и окрыленный запасом юности Чижевский принимается за новые проекты и открытия.

30-е годы...Москва белокаменная, большой город. Московский Кремль в кольце каменных стен. Вокруг столицы тянулись поля, леса, сады, просторы. Восторгаясь своей родиной, Чижевский написал несколько стихотворений о России : «Родина», « В родном уголке», «Среди широкого раздолья». Бесчисленное количество великолепных храмов, музеев и театров. Больше всего его привлекал Университет, в котором обучались тысячи студентов, съехавшихся из различных городов—пёстрая, шумливая, бурная толпа. Памятники, библиотеки – этот истинный кладезь науки. Представляю, как он «летал» по Москве с песней на устах и Солнцем в сердце. Он полюбил этот город. С ним связана вся остальная жизнь Ч-го и его «последний причал». Как и в Калуге, здесь он открывал тайны Космоса.

Виктор Гюго писал: «Я знаю зрелище более прекрасное, чем море, — звёздное небо, знаю зрелище более великолепное, нежели звёздное небо, — глубину человеческой души».

«Легкомысленно Море играло с золотою моей луной,
Луна, улыбаясь, сияла над зелёной его глубиной.
Морю тихо шептал я: «Играя, ты уронишь, утопишь Луну»,
Колебалась струя золотая, опускаясь к зелёному дну».

Леонардо да Винчи принадлежит крылатая фраза: «Слава в руках труда». Чижевский и Леонардо да Винчи обладали исключительным величием духа, и каждый поступок являл благородство величайшее!

«Так сам — один сей может побеждать
Всех прочих — Фидия и Апелеса
И им вослед явившуюся рать».

40—50-е годы — годы испытаний (арест, тюрьма, Ивдель-лагерь на Северном Урале, Спасский лагерь, — 8 лет и ещё 8 лет на поселении в Караганде) не сломили Чижеского.1943 год — удивительно плодотворный год. За этот год им написано более 40 стихотворений: «Парфенон», «Сократ», «Стихия тьмы», «Микеланджело», «Хлеб».

«Каждая корочка хлеба священна!
Каждая крошка и каждый кусок!
Хлеб — это труд беспримерно тяжёлый,
Труд на полях — бесконечно высок!»

Сейчас Россия переживает (очередную) историческую трагедию: распад государства. События, потрясения, происходившие в России в начале XX века, были не менее трагичны.

Анализируя поэтическое творчество Чижевского во временном контексте, убеждаешься в его высокой поэтической одаренности, гражданской зрелости и безграничной любви к Родине — России.

Наша задача состоит в том, чтобы сохранить, развить, передать молодому поколению чистейшие русские и славянские начала и стремления великих русских поэтов-просветителей: Пушкина, Лермонтова, их продолжателей XX века Ахматову, Бунина, Толстого, Северянина и др.

«... Меняется темп жизни и ее тембр, но суть жизни, как и душа человеческая, остаются вовек неизменными. А потому истинно великие творения прожили века, живут и будут жить. Произведения древних (Гораций, Гомер) не утратят никогда своего обаяния... Пушкин, Лермонтов живы, как Тибулл, Гёте. Волны колебаний их мелодий правильны, спокойны, ритмичны.» (А.Л.Чижевский, «Академия Поэзии»).

Литература

Воробьева Р.М. Виденья Родины моей. – СПб.: Лицей, 2000.— 92 с.

А.Т. ГРЕЧАНИНОВ — ПЕВЕЦ РУССКОЙ ТЕМЫ (К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

***С.В. Гречанинова**, Заслуженный работник культуры РФ,*
Калужское музыкальное училище им. С.И. Танеева

«В то селенье, где прошли молодые годы
В старый дом, где я первые песни слагал
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда».
И. Бунин

Историю культуры XIX века нельзя представить без деятелей культуры Русского зарубежья. За десятилетия исчезли из памяти многие имена, пропали мемуары и бесценные рукописи. Вот почему сегодня путь возвращения в нашу культуру творчества «потерянных россиян» труден и тернист. Особенно это касается музыки.

Исполнение любого нового, чаще всего рукописного, сочинения, связано со сложными задачами. Творческое наследие А.Т. Гречанинова, представителя «серебряного века», практически неизучено. Музыковедческой литературы о нем фактически не существует. И все же возвращение забытой музыки Гречанинова уже началось.

Через полвека он возвращается домой, воплощенный в своей музыке нежно и неистово.

С калужской землей связано много имен, вписанных золотыми буквами в историю России. К этим именам можно добавить имя замечательного русского композитора, педагога, музыкального и общественного деятеля А.Т. Гречанинова, о котором в 1908 г. известный русский журнал «Музыка и песня» писал: «А.Т. Гречанинов является одним из самых талантливых русских композиторов. Имя его давно уже популярно в России. Знают хорошо А.Т. Гречанинова и за границей. Образованный музыкант, прекрасный исполнитель и мелодист, он не смог не обратить на себя внимание ценителей музыки с первых же шагов своей деятельности. Отличительные черты дарования А.Т. Гречанинова — это задушевность, ясность письма, умение тронуть слушателей».

Гречанинова справедливо называют «певцом русской темы», и своей русской природе он не изменял до конца жизни.

Композитор родился в Москве 25 октября 1864 года в простой русской семье. «Из маленького города Перемышля Калужской губернии. Родители мои за год до моего рождения перебрались в Москву и поселились на Смоленском бульваре», — пишет Гречанинов в своей книге мемуаров «Моя жизнь». В Калуге остались близкие родственники, у которых Саша часто гостил, а позднее, будучи уже известным композитором, до своего отъезда за границу бывал в доме своей двоюродной сестры Марии Андреевны Губиной (в девичестве Гречаниновой) на улице Циолковского. Этот дом уцелел. В нем живут потомки знаменитого композитора. По их воспоминаниям с его приездами в доме звучала музыка, собирались друзья, знакомые, устраивались музыкальные вечера.

В своей книге Гречанинов пишет: «Родители мои были музыкальны от природы, мать пела романсы «Над серебряной рекой» или «Под вечер осенью ненастной».

«Отец, когда бывал дома, любил петь церковные песни, «дьячил» как выражалась мать. Я пел в гимназическом хоре и даже был солистом. Потом я стал петь в церкви на клиросе». Лишь в 14 лет Саша впервые увидел фортепиано, и первой мелодией, которую он попытался подобрать

непослушными пальцами, была молитва «Господи, помилуй».

Как показала творческая судьба, это «молитвенное начало» было символическим: Гречанинову суждено было стать законодателем музыкальных вкусов в новой церковной музыке.

Профессиональные музыкальные занятия будущий композитор начал поздно. Путь его ученичества прошел через Московскую и Петербургскую консерватории через классы Н.Д.Кашкина, В.И. Сафонова, Г.А. Ларош, А.С. Аренского, С.И. Танеева и завершился классом композиции у Н.А. Римского-Корсакова.

Жизнь А.Т. Гречанинова была долгой, и судьба его не раз делала крутые повороты. Творческий путь композитора охватывает сложную, богатую и многообразную эпоху.

Более 50 лет длилась его композиторская, исполнительская и педагогическая деятельность, основной чертой которой была необыкновенная творческая активность. За свою жизнь, а прожил он неполные 92 года, он написал около 1000 произведений — более 200 опусов, не считая многих сочинений без опусов. Это шесть опер, пять симфоний, музыку к ряду драматических спектаклей, более 200 романсов, хоровые произведения для детских и смешанных хоров, церковную музыку, в том числе четыре литургии, Всенощное бдение, шесть месс, кантаты, мотеты, арии, псалмы, камерно-инструментальную музыку для целого ряда инструментов и разных составов. Огромное количество произведений осталось в рукописях. Гречанинов является автором талантливых музыкально-критических статей и яркой книги мемуаров «Моя жизнь». Целый раздел творческого наследия композитора составляет замечательная музыка для детей, которая пользуется большой любовью и неизменно входит в репертуар юных музыкантов. Гречанинов сам имел большой педагогический опыт, работая в школе сестер Гнесиных и в школе Т.Л. Беркман. Он пишет в своей книге: «Я обожаю детей, и для меня было всегда большой радостью общение с ними. С детьми я всегда чувствовал равным им, мне не нужно было под них «подделываться». Этой способностью как бы перевоплощаться в ребенка, вероятно, и нужно объяснить, что я такой легкостью и с таким увлечением сочинял музыку для детей». В честь А.Т. Гречанинова московской детской музыкальной школе № 28 присвоена его имя.

В первые годы Советской власти композитор активно работал и как музыкально-общественный деятель.

Преподавал на бесплатных музыкальных курсах по внешкольному музыкальному образованию при Московской Народной музыкальной школе, был членом МУЗО Наркомпроса, постоянно проводил в различных районах Москвы бесплатные концерты — лекции для рабочих и их семей.

В дни февраля 1917 года он «на одном дыхании» пишет «Гимн Свободной России», который тут же был напечатан и исполнен в Большом театре.

В 1925 году он навсегда покинул пределы России, жил в Париже, затем в Нью-Йорке, где и похоронен. Разрыв с Родиной был болезненным. В его письме 1930 года читаем следующие строчки: «Временами у меня тоска невыносимая по Родине, по близким, кажется, бросил бы все и, несмотря ни на какие благоразумные соображения, приехал бы в Москву, но сделать это невозможно».

Он сохранял советский паспорт и, заботясь об оставшихся в России, Москве, Калуге близких, старался ни в чем не нарушать лояльность по отношению к Советской власти.

В Америке композитор был одной из центральных фигур русского художественного зарубежья. Американцы любили Гречанинова, его музыку. Его памятные даты, юбилеи превращались в своего рода музыкальные праздники. Таково было празднование 80-летия и 90-летия композитора. В 1944 году, в юбилейном концерте к 80-летию композитора, его музыка звучала и в Москве. Гордый и счастливый тем, что его помнят на Родине, Гречанинов не раз думал о возвращении. Но вместе с тем понимал, что духовное творчество, самое главное для него, невозможно в Советском Союзе; до конца дней своих Гречанинов продолжал сочинять православную музыку.

В ноябре 1954 года митрополит Леонтий вручил Гречанинову «Благословенную грамоту» от собора епископов Североамериканских метрополий за заслуги перед православной церковью.

В октябре 2004 года российская и мировая музыкальная общественность отмечала 140 лет со дня рождения русского композитора А.Т. Гречанинова.

В преддверии этого юбилея в Москве в концертном зале имени П.И. Чайковского 4 декабря 2003 года состоялась постановка эпической оперы А. Гречанинова «Добрыня Никитич» в концертном исполнении национального академического оркестра народных инструментов России имени А.Б. Осипова, под управлением Народного артиста России, лауреата Государственной премии Н. Калинина. Режиссер-постановщик — заслуженный деятель искусств России Марк Розовский. Это большое культурное событие было также посвящено

100-летию первой постановке оперы в 1903 году на сцене Большого театра. Тогда в ней пели известные всему миру певцы — Ф. Шаляпин, А. Нежданова, Л. Собинов.

Калужская музыкальная общественность также отметила эту дату. Так, 1 декабря 2003 года в рамках традиционных Танеевских чтений в Калужском областном музыкальном училище имени С.И. Танеева был зачитан доклад об А.Т. Гречанинове как ученике С.И. Танеева. О влиянии эстетических и педагогических принципов Танеева, которого Гречанинов считал «олицетворением самого высокого в искусстве», на творческие устремления молодого композитора.

14 апреля 2004 года в калужской Детской школе искусств имени Н. Ракова состоялась лекция-концерт для преподавателей фортепианного отделения о творчестве А. Гречанинова.

23 апреля 2004 года там же был проведен конкурс, посвященный 140-летию со дня рождения А.Т. Гречанинова. В нем приняли участие все учащиеся фортепианного отделения (заведующая отделением И.А. Ярлыкова). Учащимся были вручены призы и грамоты с портретами композитора. Перед началом прослушивания было зачитано приветствие от Российского фонда композитора А.Т. Гречанинова в лице его председателя, внучатой племянницы композитора — А.Г. Месхи. Планируются другие концертные акции.

Из истории исполнения музыки А.Т. Гречанинова в Калуге.

В 1899 году в Калуге выступил Московский синодальный хор под управлением Орлова. С этим хором сотрудничал А.Т. Гречанинов. Хор исполнил духовное сочинение «Волною морскою».

5 апреля 1907 года, как сообщает «Калужский курьер» № 20, в Калуге состоялся духовный концерт архиерейского хора под управлением регента Г.С. Семенова, в котором исполнен хор «Верую» А. Гречанинова.

Литература и примечания

Калужский курьер. № 20, 5 апреля 1907.
Месхи А.Г. Гречанинов — перемышлянин // «Весть» (Калуга), 20 февраля 2004.
Рапацкая Л.А. Искусство серебряного века.
Томпакова О.М. «Певец русской темы» Александр Тихонович Гречанинов. М., 2002.
Труды государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки. Вып. 11. М., 2003.

Сведения о калужских страницах жизни А. Гречанинова — со слов внучатой племянницы композитора А.Г.Месхи — председателя фонда А. Гречанинова.

МЕТОНИМИЧЕСКОЕ КАЛЬКИРОВАНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ГИДРОНИМОВ БЕЛЁВСКОГО КРАЯ

Е. Р. Барбашов, *Дом детского творчества, г. Белёв Тульской области*

Топонимическое калькирование — переводы географических названий с одного языка на другой — хорошо известны в ономастике. Данный феномен является составной частью более широкого процесса языковой адаптации иноязычных и инодиалектных названий и имеет большое значение при интерпретации субстратно-суперстратных явлений. Калькирование позволяет более конкретно, осязаемо представить характер языкового взаимодействия этнических общностей на определённой территории, снижает уровень неправильного истолкования субстратных названий, процедура этимологизации которых весьма сложна.

Метонимическое калькирование, по словам А.К. Матвеева, представляет собой «расщепление» географического наименования, иначе говоря, сохранение субстратного топонима и появление метонимической кальки, прилагаемой к смежному объекту [1]. Метонимические кальки встречаются нечасто, но каждый раз обнаружение их — настоящая находка для исследователя. Они несут больше ономастической информации, поскольку эта информация «умножена» на два объекта, а порой и большее их число. Метонимическое «расщепление» наименования, разнесение его по разным географическим объектам обеспечивает устойчивую сохранность кальки и её субстратного аналога, ибо каждое имя занимает свою отдельную нишу, не дублируя другое.

Наибольшую значимость феномен метонимического калькирования приобретает в этимологических исследованиях древнейшего топонимического материала, прежде всего архаической субстратной гидронимии, сложившейся в дописьменные эпохи. Уже само по себе наличие территориально-смежных гидронимов на узкой территории служит надёжным доказательством правильной этимологизации субстратного имени.

Рассмотрим далее происхождение конкретных метонимически «расщеплённых» пар гидронимов, которые находятся на территории белёвского края, площадь которого была

намного больше современного района.

Сетуха — Вырка. Смежные речки, текущие параллельно друг другу от г. Белёва вниз по Оке до г. Чекалин. Все они левые притоки р. Оки. Всего Вырок пять, не считая их притоков. Согласно данным писцовых книг, все Вырки до XVIII в. именовались Вырами [2]. Их длина составляет: Вырка (Фатьяновская) — 47 км, Малая Вырка — 16 км, Верхняя Вырка — 17 км, Средняя Вырка (Гастунская) — 28 км, Нижняя Вырка — 26 км, Сетуха —20 км. Исключение составляют два ручья — Лютимка и Паниковка, текущие среди этих рек.

Гидроним Сетуха отражает балтийский аппелятив — древнелитовское *сиетува* — «глубокое место в реке» [3]. Балтийский гидроним со славянизированным суффиксом ***-ха-***. Соседний гидроним Выра в точности соответствует гидрониму Сетуха по значению основы. Вырь — древнерусское омут, глубокое место в реке, водоворот [4]. Соседние с Сетухой речки были названы омутистыми, что соответствует в реальности именам, данным на разных языках. Автором на р. Сетухе открыто четыре поселения Мощинской культуры, принадлежащей древним балтам, и на этих поселениях выявлена керамика древних славян Роменско-боршевского типа, что может служить подтверждением данной версии. А реки Вырки служат метонимической калькой гидрониму Сетуха.

Мизгея — Маловель. Реки бассейна р. Упы. Мизгея (Мезгея) — левый приток Упы [5]. Длина реки 47 км. Маловель (23 км) — правый приток р. Мизгеи. Мизгея носит древнебалтийское субстратное название, соотносимое с древнелитовским *мезгус, мезгиай* — узел, вязать, завязывать, петля. Существенно и то, что Мизгея содержит собственно гидронимический формант ***-ея-***, который может принадлежать ранним славянам [6]. Этот гидроним можно перевести как «река, завязывающаяся петлёй» или «сильно петляющая река», что соответствует действительности. В нижнем течении Мизгея сильно меандрирует и носит название Большая Мизгея, которое распространяется и на нижнее течение её левого притока — Малой Мизгеи, от с. Животово. Отсюда р. Малая Мизгея до своего устья также сильно меандрирует.

В двух километрах выше устья Малой Мизгеи, справа, р. Мизгея принимает р. Маловель. Этот гидроним с двухкорневой основой. Первый корень — ***-мал-*** — малый, небольшой; второй — ***-вель- (-виль-)*** — вилять, виться; вилая — вьющаяся [7], что может означать «маловьющаяся река». И это соответствует действительности, так как на всём своём протяжении река делает всего четыре крутых излучины. Гидроним Маловель оформлен суффиксом ***-ль-*** ,характерным для наиболее старых восточно-славянских основ, не относящихся к ойконимам [8]. Так, В. В. Седов датирует названия с суффиксом ***-ль-*** временем раньше — IX—X вв. — на основании того, что в Волго-Окском междуречье, где славянизация началась в IX—X вв., гидронимы с ***-ль-*** — отсутствуют [9]. Топоформант ***-ль-*** широко представлен в гидронимии верховьев Оки, включая бассейны рек Жиздры и Упы [10]. Таким образом, название Маловель река могла получить во времена непосредственного контакта славян с балтами, а географическая особенность двух рек отразилась метонимической калькой в названиях.

Мизгей — Кривень — Кривуша. Смежные ручьи длиной не более 2 км, относящиеся к бассейну р. Исты, правого притока р. Оки. Находятся между сёлами Литвиново и Сидорово, не далее 5 км друг от друга и в 1,5—3 км от Столбенского городища и Рудинского погоста. Ручей Мизгей, левый приток р. Столбенки правого притока р. Исты, получил название, как и р. Мизгея. Русло ручья извилистое, особенно в приустьевой части. Ручей Кривень, левый приток р. Усты, правого притока р. Исты, находится в 3 км от ручья Мизгей. Ручей трижды меняет направление своего течения с западного на южное и опять на западное в нижнем течении. Ручей Кривуша, левый приток р. Истицы, правого притока р. Исты, находится рядом, через водораздел от ручья Мизгей. На всём своём протяжении он делает широкие излучины. Все три смежных ручья были названы «кривыми» из-за особенностей строения своих долин и своих русел, т. е. петляющие водотоки.

Гастунка — Толкиж — Грамошна. Первые два ручья правые притоки р. Оки в районе с. Николо-Гастунь. Грамошна — левый приток р. Упы, в 1 км восточнее с. Мишнево Суворовского района. Длина их составляет не более 1,5 км. Гастунка и Толкиж текут параллельно друг другу, в 2 км один от другого. Их разделяет ручей Уста, получивший своё название по географической особенности, отличной от рассматриваемых нами. Эти ручьи впадают в Оку в том месте, где она подмывает правый, коренной берег, который не имеет в этом месте долины. Чтобы слиться с Окой, все ручьи в этом месте прорезают толщи известняка, образуя себе глубокие и узкие ущелья с каменистыми руслами.

Ручей Гастунка назван по стоящему на нём древнему селу Гастунь, известному по

письменным источникам с 1254 г. [11]. Варианты топонима — Гостунь, Гастунь. Село Гастунь, в свою очередь, отражает былое название речки, которая позднее получила вторичное, обусловленное топонимом название Гастунка. Судя по всему, древним речным именем следует считать форму Гастунь с таким же древним позднепраславянским формантом ***-унь-***, применявшемся в древности для названий местности [12], и балтийской субстратной основой с др. лит. — ***гаусти*** — звучать, говорить, шуметь [13]. Корень ***—гаст- (-гост-)*** часто употребляется в балтийской гидронимии и не связан со славянскими основами на ***-гост-гощ-*** [14]. Речка Гастунь, имя которой можно расшифровать как звонкая, получившая название по звуку текущей по камням воды.

Ручей Толкиж от древнерусского толковать — разговаривать, беседовать; толока — шум, гомон, говор [15], что на древнерусском языке означает говорливая или шумная речка. Оба ручья были названы звонкими, говорливыми из-за того, что их русла завалены камнями. Толкиж является метонимической калькой Гастунки, а это может служить надёжным доказательством правильности этимологизации субстратного гидронима Гастунь. В подтверждение вышесказанному, между ручьями Гастунка и Толкиж автором открыто четыре селища, относящихся к Мощинской культуре древних балтов и ранних славян Роменско-боршевской культуры. На этом участке, в районе с. Николо-Гастунь, мы можем проследить не только взаимопроникновение двух археологических культур и ассимиляцию двух народов, но и проникновение и закрепление в славянском языке балтийских топонимов. И закрепляет этот вывод ещё один, аналогичный ручей — Грамошна, находящийся в 4 км севернее, через водораздел от этих двух. Это название может происходить от древнерусского — ***гром*** — громная, громкая, что означает шумная, гремящая речка [16]. Это соответствует действительности, так как Грамошна на своём двухкилометровом участке падает к уровню р. Упы на 20 м и течёт в толще известняков, впадая в р. Упу, где последняя прижимается к своему левому, коренному берегу.

Борзынок — Каменка — Гремячая. Как и выше перечисленные гидронимы, это тоже ручьи, относящиеся к бассейну р. Выры (Гастунской), левому притоку р. Оки. Борзынок — 7 км, правый приток р. Выры; Каменка — 2 км, правый приток р. Борзынок; Гремячая – 3 км, правый приток р. Выры. Река Борзынок (в документах XVI—XVI вв. Берзынок, Берзинка, Борзынка) [17] от древнерусского. и общеславянского Борзина — быстрина на реке, участок быстрого течения, стремнина, горный поток [18]. Суффикс ***-ок-*** в данном гидрониме деминутивный и очень малораспространённый, обозначает форму мужского рода [19]. Эта форма употреблялась в древности для обозначения, в основном, названий небольших речек и ручьёв [20]. Борзынок на всём своём протяжении имеет быстрое течение, особенно в своём нижнем течении, где проходит через каменистую гряду. Здесь в него впадает правый приток — Каменка. Она на всём протяжении имеет быстрое течение и каменистое ложе. Поэтому Каменка есть не что иное, как калька имени главной реки.

Менее чем в километре от этих речек в Выру справа впадает речка Гремячая. В древней Руси так назывались речки с бурным, стремительным течением [21]. Гремячая имеет большой угол падения и течёт в каменистом русле. Таким образом, все три речушки, протекающие в непосредственной близости друг от друга и в сходных геологических условиях, получили различные названия, но означающие одно и то же — быстротекущие по каменистому руслу. Интересно отметить, что все они в разное время упоминаются с различными суффиксами-формантами. Это можно объяснить тем, что при первоначальном образовании формантов-деминутивов выбор суффикса обусловливался типом старой именной основы исходного слова. В дальнейшем эта строгость была нарушена, и грамматическая функция суффиксов в топонимах отходит на второй план, поскольку она уже не важна для функционирования топонима, а также для той информации, которую этот топоним даёт в отношении реального географического объекта [22].

Быстрица — Каменка. В отличие от вышерассмотренных нами маленьких речушек с такими названиями, этими гидронимами названы на Оке глубокие участки с быстрым течением и имеющие с одного берега каменистый мыс в устье оврага, образующий перекат. Это Беляевская Быстра у д. Беляево, упоминаемая в документах XVII в. [23], называемая так и в сегодняшнее время. Быстрицами называются перекаты на Оке от г. Белёва до с. Сныхово. А ниже, до с. Сальково, эти же перекаты-мысы именуются Каменками. Быстрица на общеславянском — река с большим падением воды и сильным течением [24]. В данном случае аналогичные, соседние участки, называемые Каменками, есть метонимическая калька гидрониму Быстрица.

Туша — Смородиной. Это ручьи, правые притоки р. Каменки, правого притока р. Снежеди, правого притока р. Зуши. Текут параллельно в 1 км один от другого, около с.

Меркулово Арсеньевского района. Туша имеет длину 3 км. Туша на древнерусском тушить — тухнуть, дурно пахнуть [25]. Название характеризует качество воды в реке, которая в значительной части протекает по заболоченной местности, а мелководные, заболоченные участки с отмирающей пышной растительностью издают характерный тухлый запах. Ручей Смородиной также получил название по качеству и запаху воды. На древнерусском смород – смрад, вонь, удушливый запах, дурно пахнущий [26]. Таким образом, Смородиной ручей может являться метонимической калькой гидрониму Туша.

Все вышеперечисленные реки и ручьи, носящие семантические идентичные названия, протекают почти параллельно друг другу, или не далее 4 км один от другого. Почти половина из них находится в отношении непосредственной гидронимической подчинённости (главная река — её приток: Мизгея — Маловель, Борзынок — Каменка, Туша — Смородиной). Остальные близлежащие реки непосредственно не связаны, хотя и относятся к одному речному бассейну (Гастунка — Толкиж, Сетуха — Вырка, Мизгей — Кривень — Кривуша, Борзынок — Гремячая).

Все гидронимически противопоставленные реки имеют одинаковые гидрологические характеристики. Гидронимическая калька переносилась автором с одного водоёма на другой только в том случае, когда мотивировочный признак, заложенный в названии, находил естественно-географическое подтверждение в ландшафте смежной реки.

В приведённых парах гидронимов субстратные аналоги находят глубокую архаичность. В одних случаях они могут являться балтийскими, потому что находят гидронимические параллели только в соответствующих языках (Мизгея, Мизгей, Гастунка, Сетуха). В других случаях они выглядят как архаичные славянские, причём уходящие в праславянский период (Маловель, Грамошна, Борзынок, Быстрица, Толкиж, Выра). Здесь им соответствуют более поздние русские кальки (Каменка, Туша, Гремячая, Кривень, Кривуша, Смородиной).

Литература и источники

1. Матвеев А. К. Топонимические поиски //Финноугорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 1. — С. 6.
2. Белёвская вивлиофика, издаваемая Н. Елагиным. Собрание древних памятников об истории Белёва и Белёвского уезда. — М., 1858.
3. Агеева Р. А. Гидронимия русского северо-запада как источник культурно-исторической информации. — М., 2004. — С. 167.
4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 1. — С. 140.
5. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. — М., 1976. — С. 75.
6. Васильев В. Л. Метонимическое калькирование архаических гидронимов в Приильменье //Топонимия и диалектная лексика новгородской земли. Материалы международной науч. конф. — В. Новгород, 2001. — С. 11.
7. Даль В. Н. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989. — Т.1. — С. 204.
8. Агеева Р. А. Указ. соч. — С. 169—176.
9. Там же. — С. 175.
10. Там же. — С. 175.
11. Белёвская вивлиофика, издаваемая Н. Елагиным. Указ. соч. — Т. II. — Вырский стан. — №45.
12. Шульгач В. П. Из исторической топонимии новгородской земли //Топонимия и диалектная лексика новгородской земли. Материалы международной научной конференции. — В. Новгород, 2001. — С. 36.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. — Т. I. — С. 424, 470.
14. Агеева Р. А. Указ. соч. — С. 168.
15. Даль В. Н. Указ. соч. — Т. IV. — С. 411—413.
16. Мурзаев Э. М. Указ. соч. — Т. II. — С. 165.
17. Белёвская вивлиофика, издаваемая Н. Елагиным. Указ. соч. — Т. II. — Вырский стан. — №8.
18. Мурзаев Э. М. Указ. соч. — Т. II. — С. 100.
19. Агеева Р. А. Указ. соч. — С. 104.
20. Там же. — С. 112.
21. Мурзаев Э. М. Указ. соч. — С. 163.
22. Агеева Р. А. Указ. соч. — С. 109—110.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 89. Д. 15527/329.
24. Мурзаев Э. М. Указ. соч. — С. 113.
25. Даль В.Н. Указ. соч. — Т. IV. — С. 445—446.
26. Там же. — С. 237.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (по материалам полевых исследований на территории Калужской области в 2003г.)

***С.В. Чернышов**, к.и.н., Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского*

Летом 2003 года на территории Дятьковского района Брянской области и Жиздринского района Калужской области была проведена комплексная этнографическая экспедиция. В ходе экспедиции студенты БГУ собирали материал по этнографии русского народа. Особое внимание уделялось нескольким темам (жилище, поселение, фольклор, обрядность и др.). Одной из тем было изучение современного состояния семьи и семейных обрядов на территории исследуемого района. Были

опрошены жители населенных пунктов Любохна, Фокино, Слободище, Дятьково, Песочня, Людиново и др. Население моноэтнично и представлено русскими. Другие национальности составляют доли процента и особого влияния на формирование народной культуры не оказали.

Исследование территории Калужской области объяснялось особенностями формирования административных границ в XX веке. После Октябрьской революции границы губерний неоднократно перекраивались, сливаясь и распадаясь на новые образования. В ходе этих новообразований калужские населенные пункты на краткий срок вошли в состав образуемой Брянской губернии. Общность культурных процессов на исследуемой территории объяснялось вхождением данного района в состав Мальцовского промышленного округа.

Студенты применяли методы опроса, анкетирования, визуального наблюдения. Основным источником служила информация, получаемая в ходе беседа с местными жителями. За период практики собран значительный материал по традиционной культуре. На его основе можно сделать определенные выводы.

Одним из важнейших институтов любого общества является семья. Её развитие и функции неразрывно связаны с историей самого общества, ибо семья — это основа хозяйственной и производственной деятельности народа. Той или иной общественно-экономической формации всегда соответствовала определенная организация семьи. Все это нашло отражение в результатах обработки анкет и записей бесед с жителями.

Во второй половине XX века в семейных отношениях наметились определенные перемены. Прежде всего, расширился круг брачных связей в деревне. У старшего поколения эти связи ограничивались деревнями своего и соседних сельских сельсоветов. Теперь же распространены браки между жителями соседних районов, даже областей. Все это легко объясняется улучшением работы транспорта, совершенствованием транспортной инфраструктуры. Во второй половине XX века проложено несколько дополнительных дорог, соединяющих поселения. Большая часть из них асфальтирована. У населения появилась возможность для приобретения своего транспортного средства. Это уже не гужевой транспорт, а велосипеды, мотоциклы и автомашины. Среди надворных построек часто присутствует гараж. Были заметно смягчены нравы и обычаи при знакомстве. Процесс знакомства максимально упростился. Большое влияние в разрушении привычных стереотипов сыграли средства массовой информации и насаждаемый стереотип отрицания старого и стирание всех условных границ. Эти последние изменение находят осуждение и порицание у старшего поколения. Отмечается порицание современной свободы и у молодежи. Но при этом молодые люди не желают возвращаться к старым ограничениям в семейной жизни.

Знакомство молодежи и добрачный досуг происходил на традиционных деревенских посиделках-досугах, на гуляньях в различные праздники, в гостях у родных и знакомых, на «глядках», как называли такие смотрины старожилы. Современная молодежь, как и прежде, в основном знакомится по месту работы и проживанию, случаются знакомства в городах по месту учебы. Молодежь проводит досуг в сельских клубах и библиотеках, которые устраивали различные мероприятия. В последнее десятилетие XX века наметился кризис культурной жизни на селе. Многие клубы были закрыты. Наблюдается отток молодежи в города. Остро стоит демографическая проблема.

Брачный возраст наступал примерно с 20 лет. В поселениях достаточно новых строений, отстроенных в последнюю четверть века.

С изменением круга брачных связей и брачного возраста менялись и ценностные ориентации при вступлении в брак. Брачный выбор становился самостоятельным без вмешательства старшего поколения, браки оформляются в сельсоветах, но в самое последнее время наблюдается и возвращение к венчанию в церкви. Препятствием к восстановлению данного обряда в полной мере служит дальнее расстояние от ближайших храмов.

Мотивом при вступлении в брак до сих пор остаётся некоторый расчёт, хотя личные чувства, духовные и нравственные качества друг друга, занимают заметное место у женихов и невест.

Старинные брачные запреты (очередность в браке для братьев и сестер, предпочтительное вступление в брак с людьми своей веры или этнической принадлежности, браки с родственниками в близкой степени родства) ушли в прошлое. О некогда существовавших запретах вспоминают только старожилы, приводя примеры своих родителей и родителей родителей.

Для последнего времени отмечается увеличение числа распадающихся браков. Из причин часто выделяется пьянство одного из супругов. Вообще тема пьянства на селе заслуживает отдельного внимания и принятия мер для ее смягчения или ликвидации. Разрушение ранее общепринятых моральных ценностей привело к массовому спаиванию села и как следствие к разрушению института семьи. Продолжает наблюдаться осуждение разводов в общественном мнении. Часто к осуждению добавляется жалость и сострадание в отношение оставшихся детей и матерей-одиночек.

По своему составу семьи местного населения относятся к следующим типам:

супруги-дети;

один из супругов с детьми;

супруги без детей,

трехпоколенные семьи: супруги — дети — внуки;

очень редкие семьи одиноких сестер или братьев.

Преобладают семьи первого типа. Семьи второго типа — это семьи разведенных или вдовых людей. Супруги без детей — в основном пенсионеры, дети которых живут отдельно. Трехпоколенные семьи бывают разных видов:

теща (свекровь) — дети-внуки, мать в такой семье не обязательно ее глава;

мать — разведенная дочка с детьми;

супруги — женатые дети-внуки.

Современные семьи небольшого размера: от двух до пяти человек. Мало в семьях детей от одного до двух. Много в деревнях, особенно мелких, удаленных от центральных селений, одиноких людей. Среди них — пожилые, дети, которых уехали из деревень. Многие одинокие — это бывшие молодые специалисты, приехавшие на работу по распределению.

В развитии внутрисемейных отношений произошли большие перемены. Понимание традиционного семейного главенства постепенно исчезает, оно теперь осуществляется или супругами совместно, или старшим в семье (свекровью, тещей). Семейный бюджет находится в основном в руках женщин, но в решении домашних дел принимается во внимание мнение всех членов семьи.

В семьях большое внимание уделяется воспитанию детей. Это не только трудовое, но и нравственное воспитание, оно осуществляется нередко одновременно при обучении детей труду и оказании помощи взрослым в семейных делах.

Для крестьян семья всегда имела исключительно важное значение. От нее зависело их экономическое и духовно-культурное состояние. Достаточно вспомнить, что вплоть до революции земельные наделы распределялись по количеству едоков мужского пола. Если в семье несколько мальчиков, то семья могла рассчитывать на увеличенный надел. Поэтому создание семьи, вступление в брак было одним из наиболее важных событий в жизни. Оно же во многом определяло и отношения между молодежью. Тема брака постоянно присутствовала и проявлялась в жизни подрастающего поколения и особенно усиливалась по мере приближения к брачному возрасту. Ещё при крещении ребёнка крестьяне ответственно выбирали крёстных, чтобы в дальнейшем не было трудностей при венчании, так как близкое духовное родство могло осложнить и даже расстроить будущий брак. Если первые годы жизни воспитание девочек и мальчиков мало чем отличалось, то примерно в 8—9 лет начиналась активная подготовка к их будущей роли в семейной жизни. Мальчики приобщались к мужским работам, девочки к заботам будущей матери и хозяйки. По существу вся добрачная жизнь девушки была подготовкой к замужеству, а мальчика к женитьбе.

Важное место в предбрачной жизни молодежи занимали девичьи гадания о замужестве, апогей которых приходился на святки. С заключением брака были связаны и дни святых, особо почитаемых девушками и женщинами как помощников в замужестве, родах и женских работах. Это были Покров Пресвятой Богородицы, празднование Казанской иконы Божьей Матери, день мученицы Параскевы Пятницы, День Косьмы и Демиана, Введение во храм Пресвятой Богородицы, дни великомучениц Екатерины, Варвары, а также Андрея Первозванного и др.

Интересно проследить, как изменялась свадебная традиция в районе на протяжении XX века. До революции свадьба являлось церковной формой регистрации семейных отношений. Новым рубежом в осуществлении свадебной обрядности стала революция. В результате коренных преобразований в стране резко изменились и культурные ориентиры и ценности. Для поборников старого времени традиционная обрядность прочно ассоциировалась с церковью. Наличие близкого соседства действующего мужского монастыря только усиливала антирелигиозные настроения. Традиционная народная культура подвергалась нападкам, осмеянию и запретам. Вместо старых традиций уже с первых лет революции пытались создать новую обрядность, соответствующую государственной идеологии, но далекую от старой народной традиции.

Большую роль в разрушении традиционного крестьянского свадебного обряда сыграла и популярная в советском обществе идея о необходимости ликвидации различий между городом и деревней. Сельская молодежь нередко отказывалась справлять свадьбу по-старому, перенимать обычаи у старшего поколения, тем самым, нарушая преемственность традиции.

В течение всего советского периода существовали как бы две основные формы свадебного обряда: официальная и традиционная. В какие-то периоды эти формы разграничивались и существовали изолированно (20—30 годы), в другие — начинали взаимодействовать, дополняя

друг друга (50-е—80-е гг.). К 70-м—80-м годам усилилась тенденция к проведению официальных, более торжественных свадеб. Их праздновали в домах культуры. Для них создавались специальные ритуалы. В 80-е—90-е годы была сделана попытка шире распространить и внедрить в жизнь «новый» обряд, формировавшийся на основе сценариев и рекомендаций, составленных профессиональными работниками культуры. Частично эти сценарии повторяли гипертрофированные элементы традиционной обрядности с элементами массовой культуры, основанной на идеологических установках. Сейчас вызывает усмешку воспоминание о так называемой «комсомольской» свадьбе. В условиях запрета на употребление в местах массового отдыха спиртных напитков, на столах присутствовали только чайные сервизы, водка разливалась из заварочного чайника, гости после каждого глотка «чая» усиленно заедали его бутербродами.

В конце 80-х — начале 90-х годов на всей территории Брянской и Калужской областей, как и в России в целом, отмечался интерес к национальным корням, народным праздникам и фольклору. Свадьбы по традиционным обрядам снова стали считаться более престижными. Однако большинство участников, даже при знании общей схемы действия и многих обрядовых элементов и фольклора, не могли вести себя как положено в той или иной ситуации. За долгие годы забвения и небрежного отношения к традиционной культуре была нарушена естественная передача народных знаний, исторических навыков, произошли необратимые изменения в общем культурном и духовном облике деревни.

В сельской местности до сих пор сильны не только связи семей с родственниками, но и внешние связи. Они сохраняются с дальними родичами, с соседями, друзьями, товарищами по работе. Прочными остаются связи родителей с детьми, живущими в пределах одного селения, и далеко друг от друга. Осуществляется помощь родителей детям при их вступлении в брак, как в материальной форме, так и в воспитании внуков, когда они появляются. Дети, живущие отдельно от родителей, приезжают к ним помочь в домашних делах (работы на огородах, ремонт построек, заготовка сена и др.). Постоянная взаимная денежная поддержка родителей и детей теперь редка. С детьми, живущими рядом, связи более тесные и разносторонние: это не только трудовая помощь, но и совместный досуг, проведение праздников, дней рождения, юбилеев и других семейных дат, это и постоянная помощь в присмотре за детьми.

Существуют и другие семейно-родственные связи. Прежде они были довольно широкими, включали в родственный круг и свойственников, и духовных родственников (крестных, крестников, духовных братьев и сестер, кум и кумовьев и т.д.). Между ними осуществлялась постоянная взаимопомощь во всех делах и семейных событиях. Некоторые виды таких связей сохраняется и сейчас, особенно помощь престарелым, если все живут близко друг от друга.

На селе очень сильны соседские связи. Они разнообразны: это и совместная работа на приусадебных участках, помощь в домашних делах и уходе за скотом в случаях болезней или отлучек, присмотр за детьми, совместные покупки и подвоз друг другу различных вещей, стройматериалов и т.п. нередким бывает и совместный досуг соседей, особенно пожилых и старых людей. Молодежь же чаще прибегает к помощи друзей, товарищей по учебе, работе.

Место религии в семье не во всех поселениях одинаково. В большинстве селений мужчины сдержано относятся к вере. Напрямую заявили о религиозности и соблюдении обрядов лишь женщины среднего и старшего возраста. Молодежь воспринимает церковь как атрибут истории и культурной принадлежности данного региона.

Собранный полевой материал о семье и семейных отношениях свидетельствует о том, что местная сельская семья развивается в том же русле, что и русская семья других регионов. Изменения, происходившие в ней, были результатом общих преобразований в хозяйственной, социальной, культурной жизни села.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ. ПРОЕКТ МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА Г. БОРОВСКА

А.Г. Воробьев, *ООО «Корунд», г. Боровск Калужской области*

Среди разных форм популяризации и сохранения культурного наследия особое значение имеют музеи под открытым небом. Комплексы подобного типа, созданные, например, в Суздали, стали не только хранилищами культурных ценностей, но и популярными туристическими центрами.

Реализация концепции музейно-туристического комплекса в древнем городе Боровске, высказанная местной общественностью и поддержанная администрацией города и района, позволяет создать культурный центр областного масштаба, обеспеченный сервисом высокого уровня. Боровск является

63 Зак. 1971

интереснейшим историческим объектом, имеет очень живописные окрестности.

Основанный в XIII веке, город имеет богатейшую историю. В XVII веке он был центром русского старообрядчества, в Пафнутьев-Боровском монастыре находился в заточении протопоп Аввакум, в Боровском остроге скончалась боярыня Морозова. Жестоко пострадал город в 1812 году. Войска Наполеона дважды проходили через Боровск. Помнит боровская земля и немецких захватчиков, рвавшихся к Москве.

Но, несмотря на все потрясения, город до сих пор поражает обилием храмов, живописно расположившихся на холмах.

Предполагаемая территория строительства комплекса находится в историко-культурной зоне, включающей в себя целый ряд памятников археологии, истории и культуры.

Значительная по площади живописная территория, находящаяся недалеко от реки Протвы, позволит органично расположить объекты комплекса.

Организующим центром станет историко-этнографический музей под открытым небом, который создается на основе существующих исторических памятников. Проект должен обеспечивать достоверное воссоздание хозяйственно-культурной среды с использованием характерных местных пространственных и композиционных приемов и форм. Рациональное использование природных факторов рельефа, береговой линии реки, естественного и искусственного озеленения территории, позволит создать генеральный план музея, максимально приближенный к местным традициям.

Помимо историко-этнографического музея, создается и туристический комплекс, который планируется в традициях русского зодчества, с учетом всех требований современного сервиса и включает в себя гостиницу, ресторан, подсобные помещения. Он проектируется таким образом, чтобы составлять с музейным комплексом единое целое.

Подсобное хозяйство представляет собой фоновую застройку, выполненную из стилизованных коттеджей.

В стадии планирования комплекса представляется возможным заложить базу для развития мастерских традиционных русских ремесел, что позволит наглядно показывать, как рождаются изделия кузнецов, гончаров, резчиков, а при желании туристы сами могут принять в этом участие. Торговые точки позволят гостям города приобрести понравившиеся экспонаты.

Такой комплекс, расположенный в 1,5 часах езды от столицы, может стать центром семейного туризма, на его базе возможно создание детских историко-этнографических лагерей, в которых дети не только будут отдыхать, но и обучаться истинно русским ремеслам.

Возможности использования музея под открытым небом величайшие. Для города Боровска это площадка для проведения новогодних, весенних праздников, проводов русской зимы.

Кроме того, создание центра послужит делу возрождения Боровска, обеспечит охрану, восстановление и эффективное использование историко-культурного наследия края.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ НА БАЛКАНАХ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О СУДЬБАХ РОССИИ И СЛАВЯНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)

И.Н. Берговская, *к.филос.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Даже не увлеченным его творчеством К.Н. Леонтьев известен как человек уникальной судьбы. Врач по образованию, писатель по призванию, он вошел в историю российской и мировой культуры как самобытный философ и примечательная фигура общественно-политической жизни России второй половины XIX столетия. Последний момент особенно интересен не столько ввиду давних споров о принадлежности Леонтьева тому или иному идейному течению, сколько ввиду известного факта его биографии. С 1 июня 1863 по 1 января 1873 года он являлся дипломатическим сотрудником Российской империи на Ближнем Востоке и Балканах. Однако малоизвестным оставалось до недавнего времени содержание его дипломатической службы, ее значение для творческой эволюции мыслителя.

Этот период жизнедеятельности К.Н. Леонтьева оказал существенное влияние на определение его гражданской позиции по вопросам внутренней и внешней политики России, на формирование философской концепции. Дипломатические впечатления эмпирически определили своеобразие и, главное, аргументацию его суждений по славянскому вопросу. Именно здесь следует искать истоки, предпосылки критического отношения К.Н. Леонтьева к панславизму. Утверждать это нам позволяет, наряду с автобиографическими очерками «Из недавних встреч и знакомств за границей и в России. Размышления и отрывки», «Мои воспоминания о Фракии», «Мой приезд в Тульчу», «Консульские рассказы» и т.д. и частной перепиской, анализ дипломатических донесений, писем, отчетов, записок секретаря и драгомана, а затем вице-консула и консула К.Н. Леонтьева для Российского Императорского посольства в Константинополе.

Ценность этой совокупности источников заключается в том, что они представляют во взаимосвязи деятельностный и «осмысливающий» аспекты жизни философа. С одной стороны, донесения освещают все этапы дипломатической карьеры и связанные с изменением обстановки, места, времени, полномочий и характера службы К.Н. Леонтьева изменения его духовного мира на протяжении десятилетия. С другой стороны, эти документы являются одновременно историческими источниками. Они содержат объективную информацию о реальных социально-политических и этнических процессах и международном положении на Ближнем Востоке после Крымской кампании 1853—56 годов, участником которой К.Н. Леонтьев также являлся в качестве врача. Эти документы раскрывают двойственность положения России на Балканах, оказавшейся заложницей своей политики покровительства христианским и славянским народам Османской империи. За восемь лет службы в Турции К.Н. Леонтьев выработал собственное представление о характере служения российского дипломата на Востоке: «Полагаю, что всякий дипломатический чиновник будет ближе к цели своей, если в деле наблюдения предпочтет переделать, а в делах вмешательства не доделать на всякий случай» (1). Наблюдать и выбирать средства постепенного достижения главной цели, сообразуясь с увиденным, — вот его метод. Поэтому он так много уделяет внимания сбору и анализу статистических сведений об экономических и демографических процессах, о ходе реформ в Турции, изучению быта, нравов, характеров, традиций, повседневных взаимоотношений между различными группами населения. Оправдывая слишком подробные описания обыденной жизни турецких подданных, К.Н. Леонтьев писал, что частные факты — это «те капли, что долбят камень не силою, а частым падением» (2).

К.Н. Леонтьев имел уникальный опыт жизни и общественно-политической деятельности в условиях реального столкновения национальных интересов ведущих европейских держав, вовлеченных в неравномерно протекающие национально-освободительные процессы немусульманского населения Османской империи. Его философская публицистика ценна и актуальна, потому что изложенные здесь идеи основаны на непосредственном наблюдении еще в 1860-е годы за нравами, бытом, психологией, настроениями, становлением самосознания участников событий 1870-80-х годов на Балканском п-ове, имевших глобальные последствия; на прямом или косвенном участии в предупреждении межконфессиональных и межнациональных столкновений. Дипломатическая служба К.Н. Леонтьева проходила в Кандии и Салониках (Греция), Сербии, Дунайской Болгарии, Албании, где национальное движение было наиболее интенсивным. Ему были известны политические тонкости, оттенки межличностных отношений представителей народностей, населявших империю, не доступные русской общественности, взбудораженной и ослепленной идеями славянского братства, всеславянского единения. Речь идет об истинном отношении славян Европейской Турции к России и скрытых политических интересах вождей национально-освободительных движений. В отличие от русских общественных деятелей и интеллигенции, К.Н. Леонтьев был осторожнее в оценках. Его недоверие и даже враждебность к южным славянам и грекам было основано на длительном общении с их представителями из нарождающейся национальной интеллигенции.

Дипломатическая служба К.Н. Леонтьева проходила в регионе, уже во второй четверти XIX в. ставшем средоточием экономических и стратегических интересов России; в период между двумя восточными кризисами (1853—56 гг. и 1877—78 гг.), определившими характер российской внешней политики под руководством министра иностранных дел князя А.М. Горчакова на всех направлениях. Ведущим мотивом новой внешнеполитической доктрины был провозглашен приоритет национальных интересов, а целью – отмена унизительных пунктов Парижского трактата 1856 г. при сохранении *status quo* в Османской империи и упрочении авторитета России среди балканских народов.

К.Н. Леонтьев не мог не осознавать важности вверенных ему полномочий и сложности достижения задач сохранения нейтралитета и одновременного соблюдения интересов России. С одной стороны, его деятельность происходила в условиях постоянного скрытого соперничества с представителями других держав за влияние среди немусульманского населения Турции, под постоянной угрозой обвинения со стороны властей в антитурецкой пропаганде. С другой стороны, требовался немалый такт и осторожность в обращении с разными народностями Православного Востока. Нужно было постараться упрочить авторитет аккредитовавшего государства и не оказаться втянутым в межэтнические или межгосударственные конфликты. Ситуация осложнялась подъемом национально-

освободительного движения на Балканах: дипломатическая служба Леонтьева протекала на фоне активного болгарского и сербско-черногорского движения и известного Критского восстания 1866—69 гг., поддержанного Греческим королевством.

Уже на основе наблюдений в Адрианополе (Фракия) К.Н. Леонтьев приходит к неожиданному заключению, что в интересах и Российской империи, и местного христианского населения поддерживать дружественные отношения с мусульманами, поступаясь сиюминутными выгодами и интересами единоверцев. Объективно указывая на многочисленные злоупотребления турецких властей, отмечая удручающее положение христианского населения, нищету, вызванную экономическими притеснениями и налоговым гнетом, К.Н. Леонтьев приводит примеры умышленного саботажа славянами и греками некоторых реформ в сфере управления. Исключительно по политическим мотивам греческие и славянские «приматы», возглавляющие национально-освободительную борьбу, противятся даже частичному уравниванию в правах христиан с мусульманским населением. Манипулируя идеей равноправия и прав человека, они подогревают межнациональную нетерпимость, а значит — борьбу за политический суверенитет, которая, в конечном счете, сводилась к борьбе за власть. В общении с единоверцами дипломат убеждается в правильности тактики политического покровительства «на расстоянии», которая в последствии трансформируется им в руководящий принцип государственной национальной политики, основанной на теории культурного национализма. Сначала турецкому, а потом российскому правительству он будет рекомендовать в отношениях с этническими меньшинствами придерживаться следующего правила: не угнетать, но и не потворствовать: «Управлять без некоторого страха, при самой строгой справедливости, — народом невозможно не только иноплеменным, но даже и своим» (3).

Анализируя поступки и суждения славянских и греческих архонтов, возглавивших национально-освободительное движение на Балканах и являвшихся носителями псевдо-национального самосознания, Леонтьев ставил под сомнение возможность славянства как нового культурно-исторического типа. Основанием чему служило, во-первых, лицемерие старшин православных общин, особенно греческих, изменявших идее славянского братства; во-вторых, возникшее уже тогда сомнение в культурной зрелости славянских народов на Балканах. Подобное этнически однородное образование противоречило бы, как он докажет в последствии, онтологическому принципу «разнообразия в единстве». В качестве единственной культурной альтернативы западноевропейской цивилизации философ выдвинет идею славяно-восточной цивилизации. В 1860-е годы он обратил внимание на то, что эти нередко единственные носители просвещения в областях с неграмотным населением оказываются поклонниками Европы и атеистами, а значит — противниками России и идеи национальной самобытности. В зависимости от того, какое чувство возобладает в них: любовь к покою и корыстолюбие или национальная гордыня, — представители этих сословий становятся обыкновенно туркофилами или эллинофилами (болгарофилами и т.п.).

На примере реализации политики либеральных реформ (танзимата) в Турции, ускоривших ее религиозное, национальное и административно-политическое разложение, К.Н. Леонтьев начинает постигать таинственную связь национального вырождения и однообразия, насаждаемого европеизацией, или эгалитарно-демократическим прогрессом. По этой причине российские политики и дипломатия должны были до 1877 года культурно поддерживать Османскую империю, ибо она затрудняла распространение западного влияния на иноверных подданных, т.е. на единоверных славян, на однородной («…люди на Востоке (особенно Христиане) гораздо однообразнее наших, сходнее между собою и потому вообще тупее и беднее духом, чем наши» (4)), лишенной национально-культурной самобытности почве которых, подражательная европеизация достигла наибольших успехов. Уже в донесениях 1868 года в одном контексте Леонтьев употребляет понятия Славянство и национальная основа, высказав сомнения относительно обоснованности претензии болгар на признание за ними права на национальную самобытность. Они беспочвенны, т.к. болгары легкомысленно жертвуют теми сторонами своей жизни, которые и составляют последние особенности их народности, - верой православной, обращаясь в мусульманство или униатство, и общинным поземельным укладом. Болгары утратили свои славянские начала, потому что культурно европеизировались5. У них не сформировалось действительное национальное самосознание.

Несмотря на противоречивость впечатлений, К.Н. Леонтьев неизбежно приходит к печальному выводу: общим для каждой православной народности на Востоке было отношение к России лишь как средству достижения собственной политической независимости. Судьба России и, тем более, Славянства, их мало беспокоила. В период дипломатической службы мыслитель будет фиксировать внешние проявления взаимной неприязни единоверцев, источник которой он видел в явлении, названном впоследствии «племенная политика». Национально-освободительное движение в Турции, преследующее ограниченную цель создания независимых государств, делало

очевидным недосягаемость добровольного сближения как между славянами, так и славян с греками. Это возможно только путем осознания ими своего культурно-исторического единства, а значит и осознания национально-культурного своеобразия. Таким образом, возрождение славянских народов к самостоятельной исторической жизни возможно только на культурной основе, а не политической. Объединяющим фактором должно стать начало высшего порядка, являющееся для всех славянских народностей одновременно нациообразующим и культурно обособляющим от Европы принципом. Таким началом в представлении К.Н. Леонтьева, к которому он пришел еще в Адрианополе, может выступить только Православие. Кроме того, продолжительные взаимоотношения с югославянами и греками не раз убеждали российского дипломата в том, что только статус православной державы может служить фундаментом исключительного влияния России среди единоверцев в Турции, способствуя проведению выгодной национальной политики.

Поэтому и воплотиться идея славянства должна в политическом союзе, основанном не на принципе этнической чистоты и однородности, а на принципе религиозного единства. Это в интересах и славян, и греческих национал-патриотов, и России. «Еще трудно решить — кто нам более пригодиться в будущем (быть может, и не слишком далеком) — Греки или Юго-Славяне. Между Славянами есть и Поляки, не говоря уже о других оттенках, а Греков, вопреки всем фразам Афинских риторов, история связала с нами и религиозными преданиями, и географическими условиями (в смысле торговли и мореходных выгод) и даже одиночеством их малочисленного племени среди стольких чужеродцев на Востоке Европы. Могучее Русское Царство всегда будет им менее страшно само по себе и отдельно взятое от других Славян, чем эти мелкие, соседние им Славянские племена, которые именно потому и властолюбивы и придирчивы, что сами ничтожны численностью и силой» (6), — размышлял К.Н. Леонтьев в одном из последних дипломатических донесений из Турции.

Примечания

1. Леонтьев К.Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865—1872). М., 2003. С. 336.
2. Там же. С. 311.
3. Там же. С. 396.
4. Там же. 348.
5. Там же. С. 218.
6. Там же. С. 427.

КАЛУЖСКИЕ СТРАНИЦЫ МЕМУАРОВ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Л. А. Козыро, *к.ф.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

Автобиографические, искренне написанные воспоминания всегда внушают больше доверия, чем роман.
К. Леонтьев

Книга «К. Н. Леонтьев. Моя литературная судьба» (1) дополняет и уточняет составленные православным священником Иосифом Ивановичем Фуделем «Воспоминания», вошедшие в собрание сочинений Леонтьева 1912—1913 гг. Составитель отмечал, что он впервые объединил тексты, «разбросанные по страницам старых журналов и газет». Он указал на художественную ценность этих материалов и их автобиографический характер, определил избранный им принцип расположения — в хронологическом порядке событий жизни К. Леонтьева, начиная с детства, поскольку «таким образом достигается возможная полнота и последовательность биографического материала и сохраняется весь дух и настроение автобиографических записей» (2).

Современное издание дополнено незаконченной автобиографией Леонтьева «Моя литературная судьба», впервые опубликованной в 22/24 томах «Литературного наследства» (3), письмом к Н.Н. Страхову «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве», фрагментами «Из воспоминаний консула.» и «Четырьмя письмами с Афона».

Итак, автобиографические воспоминания К. Леонтьева фрагментарны, написаны в разные годы и связаны с разными этапами жизни автора. Приводимые биографические факты для автора не самоценны, но связаны с «внутренними переменами» жизни духа и веры. Посредством автобиографического анализа Леонтьев исследует разнообразные основания собственной личности (ресурсы, потенции, противоречия и т.п.), проявившиеся в конкретных событиях жизни.

Таким образом реализуется функция самопознания. В ходе же самопознания расширяется «внутренний горизонт», становится возможным поиск главного экзистенциального варианта — жизненного смысла.

Калужские связи, ниточки, привязывающие Леонтьева к Кудинову, Калуге и Оптиной Пустыни постоянно всплывают в его воспоминаниях.

Мы остановимся лишь на двух очерках: «Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе» и «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне». Отметим, что эти два произведения дают достаточно четкое представление об идейных и художественных установках мемуаристики Леонтьева.

Первый автобиографический очерк, как свидетельствует И. И. Фудель, был найден в бумагах К. Леонтьева после его смерти, он остался незавершенным (заканчивается второй главой). Значение его Фудель определяет следующим образом: «В ряду автобиографических воспоминаний К. Леонтьева этому отрывку по праву принадлежит первое место не только потому, что в нем даны несколько картин детства, но и потому, что первая глава этого отрывка является естественным вступлением в автобиографические записки автора, пытавшегося в конце жизни уяснить себе причины своей несчастной литературной судьбы». Уточним, что, очевидно, речь в очерке должна была идти не столько о литературной судьбе, сколько о том, как складывался определенный тип миросозерцания, как «эстетик-пантеист» (так сам Леонтьев определяет свое мироощущение в молодости), в результате «долголетней и жесточайшей борьбы» стал истинным христианином. Что же касается причины холодности читателей-современников к своему литературному творчеству, Леонтьев приходит к осознанию уникальности своей жизни, оригинальности своего литературного пути. «Смотрение Господне» (С. 92) проявилось в том, по мнению Леонтьева, что ему не нужен был, не «полезен» при жизни успех, который мог бы его «удовлетворить и насытить».

В первой главе очерка «Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе» излагаются обстоятельства, в силу которых Леонтьев во время пребывания на Афоне (1872 или 1871 годы) нашел полезным поделиться с читателями историей своего «внутреннего перерождения», причем не в форме романа «в строго православном духе», а в форме автобиографической исповеди.

Кредо, сформулированное в конце первой части, звучит так: «Не верю в безошибочность моего ума, не верю в безошибочность и других, самых великих умов, не верю тем еще более в непогрешимость собирательного человечества; но верить во что-нибудь всякому нужно, чтобы жить. Буду же верить в Евангелие, объясненное церковью, а не иначе» (С. 98).

Поскольку «внутренние перемены» происходили в связи с все большим проникновением в учение православной церкви, перед автором встает правомерный вопрос об истоках его веры, о том, было ли православным его воспитание. Ответом на этот вопрос становится вторая глава очерка, воспоминания о детстве. В данном случае воспоминания служат инструментом для поиска истоков личностного самосознания, Я-концепции в период становления. Автор вспоминает о духовном обиходе семьи, комментируя основной тезис: «Дом наш, вообще сказать, не был особенно набожным домом» (С. 98).

Только в этом фрагменте предстает перед читателями фигура отца по воспоминаниям 8—9-летнего мальчика. Переживание событий жизни основывается на их смысловой насыщенности. Поэтому вначале следует рассказ о похоронах отца, далее описываются два «случая» «относительно религии отцовской»: поведение отца во время встречи чудотворной иконы Святителя Николая и слова отца, связанные с первой исповедью героя, которые он характеризует как «добродушное русское кощунство».

Отец жил особо от семьи в небольшом флигеле. Духовных связей между ним и родственниками, вероятно, не существовало. Отсюда и уверенное утверждение сына, касающееся похорон отца: «Я остался с матерью дома и очень хорошо помню, что ничуть не горевал и не плакал». Это отношение к смерти отца объясняет и то, что ребенка больше привлекли второстепенные детали: риза духовника отца, священника из села Чемоданова, которая «была сшита из разных шелковых кусков, треугольниками, как шьются одеяла» и множество мелких морщинок поперек его лба.

Вопрос об отношении отца к вере не решается однозначно. Недостаточная степень достоверности фиксируется оговорками «кажется», «не помню»: «Отец мой был, кажется, равнодушен к вере» (С. 98).

Композиционным принципом, организующим вторую часть, в центре которой фигуры отца и матери, становится контраст. Контрастны уже портретные характеристики. Отец — очень велик и толст, пестрый архалук из термаламы, белые волосы, развевающиеся от ветерка над лысиной (С. 99). Мать — «несравненно изящнее отца», с красивым моложавым и приятным лицом («как на акварели Соколова»).

К отцу ребенок «был очень равнодушен… и мало им занимался», мать — «так любил и так охотно на нее любовался!» (С. 100).

Отец — равнодушен к вере, но соблюдает обрядность, «из числа тех легкомысленных и ни к чему не внимательных русских людей …, которые и не отвергают ничего, и не держатся ничего строго» (С. 100).

Мать — религиозна, но «не любила в точности исполнять обряды», «у нее, как у многих русских людей того времени, христианство принимало несколько протестантский характер» (С. 100). Ей ребенок обязан «хорошими религиозными впечатлениями».

Для Леонтьева понятия «мыслить» и «думать» — не синонимичны. В воспоминаниях он мыслит: стремится выявить глубинную основу вещей и явлений, осознать сцепление разнообразных факторов, определить психологические основы самого механизма памяти. Образ «детства» вбирает в себя в себя широчайший спектр коннотаций.

Характер и протекание детства связаны с состоянием и мировоззрением соответствующего общества. Так, казалось бы, незначительный факт — мать в Петербурге чаще посещала церковь, чем в деревне или Калуге – вызывает рассуждение о церквях «всенародных», «тесных и прилюдных» и церквях особых, «дворянских», о том, «какое разнородное значение имеют эти храмы для души христианина», какими истинными качествами должна обладать религия.

Воспоминания о любви к матери соотносятся с проблемами творчества, поскольку оставшийся в памяти светлый и изящный образ матери осознается как некий идеальный образ матери вообще, способный, если он будет введен в художественный контекст, тронуть и читателя.

Наконец, размышляя об особенностях памяти, Леонтьев констатирует: «Не знаю, как бывает это у других, но у меня те чувства мои, которые соединились с какою-нибудь картиной, лучше сохранились в памяти. Помню картину, помню чувство» (С. 101).

Стремление, «по врожденному инстинкту», к изящному, впечатления эстетического характера особым образом соотносятся и с религиозными чувствами:. Много лет спустя, замечает Леонтьев, «когда матери не было уже на свете, когда после целого ряда сильнейших душевных бурь, я захотел сызнова учиться верить и поехал на Афон к русским монахам, то от этих утренних молитв в красивом кабинете матери с видом на засыпанный снегом сад и от этих слов псалма мне все светился какой-то и дальний, и коротко знакомый, любимый и теплый свет. Поэзия религиозных впечатлений способствует сохранению в сердце любви к религии. А любовь может снова возжечь в сердце и угасшую веру. Любя веру и ее поэзию, захочется опять верить» (С. 101).

Леонтьев размышляет и об избирательности памяти: «В детстве есть такие минуты, в которых мы более, чем в другие минуты, готовы к принятию сильных и глубоких впечатлений, Эти минуты очень редки и потому мы вообще из детства нашего немногое хорошо помним» (С. 102).

«Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» этого рассказа не содержит, хотя, выполняя просьбу сына, мать, Феодосия Петровна Леонтьева, записала для него «свои воспоминания о жизни в Екатерининском институте и о позднейших сношениях своих с Императрицей Марией Федоровной, которая до самой кончины своей не забывала ее как одну из лучших своих воспитанниц» (С. 109). Часть этих воспоминаний, как указывает К. Н. Леонтьев, была напечатана в «Русском вестнике».

В очерке же «Рассказ моей матери об Императрице Марии Федоровне» повествуется о «нашем милом Кудинове», о матери, создавшей «щеголеватый» уют дома, об отношении к ней сына.

Образ матери создается с помощью разнообразных приемов.

Определяется ее социальное положение: «Жена отставного прапорщика, вдобавок удаленного из гвардии за буйство, — владелица небольшого имения в Калужской губернии…» (С. 110). Но констатация этого факта не уничижительна по сути, потому что задает направление авторского и читательского внимания. Эта женщина настолько незаурядна, что «еще девочкой, еще институткой, обратила на себя внимание Императрицы-Матери, и Государыня через пятнадцать лет после ее выхода из училища не забыла ее и исполнила ее желание …» (С. 110).

Прямые авторские характеристики немногочисленны: «Мать любила уединение, тишину, чтение и строгий порядок в распределении времени и занятий», «…у матери моей было сильное воображение и очень тонкий вкус» (С. 110). Отметим, что в двух очерках, посвященных воспоминаниям о детстве, четко выделяются две позиции повествователя: взгляды, чувства, оценки ребенка («Когда я был ребенком…) и оценки уже состоявшегося человека (… когда я стал совсем «большим»). Поэтому повзрослевший сын осознает и иные черты ее характера. Она «в высшей степени» изящная и благородная, хотя вовсе не ласковая и не нежная, а, напротив того, суровая и сердитая; «Мать, к несчастью, была слишком вспыльчива и неумеренна в иных выражениях, когда ее что-нибудь тревожило» (С. 116). Центральное место в очерке занимает описание кабинета матери, которое помогает понять характер этой женщины, а также специфическое восприятие К. Леонтьевым людей, жизни, вещей и ситуаций, определяемое им самим как «эстетическое».

Этот кабинет труднодоступен, поэтому в нем присутствует «нечто таинственное». Он «очень оригинален и мил», устроен « в виде цветной палатки», стены которой декорированы широкими полосками темно-зеленой, ярко-розовой и белой материи. Турецкий диван и другая немногочисленная, но изящная мебель, ковер, цветы в вазах, аромат цветов и духов (С. 110) — все это воспроизводится подробно и любовно. Палитра красок, разнообразие форм, объемов, запахов создает ощущение оригинальности и изящества. Затем внимание повествователя сосредоточивается на «очаровательном материнском Эрмитаже» — детских портретах, висевших в нише над диваном, написанных в разное время и разными способами. А далее Леонтьев, мемуарист и автор художественных произведений, представляет свою концепцию изображения образа-персонажа, синтетическую и эстетическую. «Я прошу меня простить все эти, быть может, и лишние подробности; но мне так приятно обо всем этом писать! И кроме того, воспоминания об этом очаровательном материнском «Эрмитаже» до того связаны в сердце моем и с самыми первыми религиозными впечатлениями детства, и с ранним сознанием красот окружающей природы, и с драгоценным образом красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой я так неоплатно был обязан всем (уроками патриотизма и монархического чувства, примерами строгого порядка, постоянного труда и утонченного вкуса в ежедневной жизни), что я не могу сдержать себя, и мне все кажется, будто и простой рассказ о матери станет гораздо живее, если я скажу больше о ней самой и даже о тех предметах, которыми она была окружена не случайно, но вполне осмысленно, по собственному выбору и творчеству!» (С. 112—113).

Кроме детских портретов в кабинете были еще четыре изображения близких друзей и благодетелей. Среди них — небольшой литографический портрет Императрицы Марии Федоровны. Временное структурирование самосознания Леонтьев ведет на основе интервалов самоидентичности личности. Внимательное вглядывание в портрет государыни, рассказы матери о ней неосознанно для ребенка формировали определенные убеждения. Леонтьев признается: «…я, сам того не подозревая, рос в преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма, и до республики… мне не было никакого дела. И этими-то добрыми началами, которые сказались вовсе не поздно, а при первой же встрече с крайней «демократией нашей» 60-х годов, быть может — я более всего обязан матери моей, которая сеяла с самого детства во мне хорошие семена» (С. 117).

И в своих мемуарах Леонтьев остается художником слова. Попытаемся показать это на маленьком фрагменте из очерка.

«В нашем милом Кудинове, в нашем просторном и веселом доме, которого теперь нет и следов, была комната окнами на запад, в тихий, густой и обширный сад. Везде у нас было щеголевато и чисто, но эта комната казалась мне лучше всех; в ней было нечто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для посторонних, и даже для своей семьи. Это был кабинет моей матери…»(С. 110).

Прежде всего, ощутима ностальгическая нотка, особенно щемящая благодаря небольшой детали, брошенной, казалось бы, мимоходом: от дома не осталось и следов. Композиционно фрагмент организован на основе фольклорного приема ступенчатого сужения образов, что само по себе определяет некоторую его напевность. Лирические эпитеты («милом, веселом, тихий, щеголевато, таинственное») образуют эмоционально-экспрессивный словесный ряд. Многосоюзие усиливает эмоциональную окрашенность, возникающую за счет использования приема градации: «…и мало доступное и для прислуги, и для посторонних, и даже для своей семьи». Ключевые слова «комната» и «была», «было» — повторяются. Со стороны звучания фрагмент характеризуется эвфонией (благозвучием), словесной инструментовкой (повторы звуков а, л, ш, с). Значимо синтагматическое членение. Синтагмы примерно равновелики и тяготеют к ритмической организованности (акцентному стиху).

Детство человека во многом определяет всю его дальнейшую жизнь. Леонтьев часто говорит в своих воспоминаниях о судьбе, имея в виду промысел божий. Индивидуальное детство, по его мнению, более всего создается такой «судьбой».

В заключении попытаемся сформулировать некоторые художественные принципы, использованные в «Воспоминаниях»: это фрагментарность; воссоздание ярких картин духовной и материальной жизни России; предельная откровенность; использование приема контраста; изображение человека в его «эстетическом» и нравственном качествах; соединение чувства и картины; реалистическая деталь как материал для размышлений; стремление к обобщениям (от единичного факта, казалось бы, незначительного — к глубоким выводам); афористичность; глубокий психологизм, связанный, прежде всего, с самоанализом.

Примечания

1. Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. Сост., вступ. статья, примеч. Т. Ф. Прокопова. М., 2002.

Все дальнейшие цитаты из воспоминаний К. Н. Леонтьева приводятся по этому изданию.

2. И. Фудель. От редактора // Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 9. Воспоминания. СПб., 1913. С. 9.

3. Литературное наследство. Т. 22/24. М., 1935. С. 433— 470.

ПРОФЕССОР З.М. ЦВЕТКОВА (ОКРУЖЕНИЕ СЕМЬИ ЦВЕТАЕВЫХ)

Е.М. Климова, *Тарусский музей семьи Цветаевых*

Последний приезд выдающегося русского поэта Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941) в Тарусу состоялся в конце августа 1939г., спустя чуть более двух месяцев после ее возвращения из эмиграции. Приезжала М.И. Цветаева всего только на 1 сутки к профессору английской филологии Зое Михайловне Цветковой, у которой имелась в Тарусе своя дача. С Тарусой З.М.Цветкова была связана с 1934 г., причем попала она в Тарусу по рекомендации своей очень близкой подруги Анастасии Ивановны Цветаевой (младшей сестры М.И. Цветаевой). Дружба А.И. Цветаевой (1894—1993) и З.М. Цветковой (1901—1981) продолжалась около 60-ти лет до самой смерти З.М. Цветковой. Возникла эта дружба где-то в 1920-е годы (1). Абсолютно точно известно, что А.И. Цветаева присутствовала при родах З.М. Цветковой в 1926 г., когда появилась на свет ее дочь Нина, и к этому времени Анастасия Ивановна и Зоя Михайловна были уже дружны. Скорее всего, их познакомил Сергей Алексеевич Цветков (1888—1964) — муж Зои Михайловны. С ним А.И. Цветаева познакомилась и подружилась в 1919 г. в Крыму. Он произвел на нее сильное впечатление своим умом, эрудицией, цельностью натуры. Кстати, от него она тогда впервые услышала о Томасе Карлейле (2), а позже именно А.И. Цветаева первой в мире перевела Карлейля с английского на русский язык. С.А. Цветков дружил с философами П.Флоренским, А.Лосевым, М.Каганом, писателем М.Булгаковым и другими известными людьми, был душеприказчиком писателя и философа В.В. Розанова. Всю свою жизнь Цветков тяжело болел, что не позволило ему реализовать его выдающиеся знания и способности.

В период культа личности Анастасия Ивановна Цветаева провела по тюрьмам, лагерям и ссылкам 22 года. И все эти годы профессор З.М. Цветкова ежемесячно высылала ей деньги и посылки. Анастасия Ивановна до конца своих дней считала, что Зоя Михайловна Цветкова в 1954 г. спасла ее семью. В тот момент Анастасия Ивановна находилась в ссылке в Новосибирской области, и сложилась крайняя ситуация, когда необходимо было срочно забрать к себе семью сына (его жену, дочку и пасынка), а забрать было некуда. И тогда Зоя Михайловна выслала ей 3 тысячи рублей на покупку дома. Из сопровождающего письма: «Торопитесь подыскать дом в селе и перевезти к себе невестку с детьми . . . деньги я выиграла и считаю грехом их оставить в семье, где все дочери и мужья работают. Разделила тем, кто в них нуждается. На вашу долю — три тысячи. . .». Никаких денег Зоя Михайловна не выигрывала. А.И. Цветаева так никогда и не узнала, что Цветкова их получила за очередной учебник. После реабилитации, с 1959 г. по 1975 г. включительно, А.И. Цветаева приезжала в Тарусу каждое лето и жила у З.М. Цветковой. Разумеется, они часто встречались и в Москве. Имя Цветковой неоднократно упоминается в переписке сестер Валерии и Анастасии Цветаевых. С Валерией Ивановной Зою Михайловну тоже связывали дружеские отношения. В Тарусе З.М. Цветкова общалась также и с Ариадной Эфрон — дочерью М.И. Цветаевой. А.И.Цветаева оставила воспоминания о З.М. Цветковой, которые называются «Воспоминания о моей подруге, профессоре Зое Михайловне Цветковой». Написала она о Зое Михайловне с большой теплотой и нежностью. Там есть такие слова об их дружбе: «Это была из всех моих дружб одна из самых преданных, глубоких, всеобъемлющих».

Профессор Зоя Михайловна Цветкова интересна нам не только потому, что ее связывали узы дружбы с семьей Цветаевых, но и потому, что она сама была выдающимся человеком.

Она родилась в 1901 г. в г.Киеве. Ее отец, инженер-путеец Михаил Дмитриевич Зворыкин, происходил из купеческого рода Зворыкиных из г.Мурома. Зворыкины — родственники З.М.Цветковой по линии отца — внесли большой вклад в науку и технику. Троюродный брат отца Зои Михайловны, т.е. ее троюродный дядя, Владимир Козьмич Зворыкин (1889—1982) — автор проекта передающей телевизионной трубки (за что его до сих пор считают основателем телевидения в мире, так и называют «отцом» телевидения). С 1919 г. он жил в США. Имел 120 патентов, более 80 научных работ, 30 почетных наград, являлся основателем-президентом Международной федерации медицинской и биологической техники. Двоюродный брат деда З.М. Цветковой, Константин Алексеевич Зворыкин (1861—1928) — основоположник науки о металлорезании. Родной дядя Зои Михайловны, Иван Дмитриевич Зворыкин (1870—1932) — изобретатель бесчелночного ткацкого станка, внес огромный вклад в развитие льняной

промышленоости. В газетах в 1928 г. писалось: «Инженер Зворыкин изобрел лучшую в мире льнопрядильную машину». Тогда же он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и ему было присвоено звание «Герой труда». Ему установлен памятник в г.Костроме на территории льнокомбината им.И.Д. Зворыкина. Двоюродный брат З.М. Цветковой, Дмитрий Борисович Зворыкин (1924—1980) — крупный ученый в области электровакуумного и полупроводникового производства, один из создателей электронной промышленности в нашей стране. Отец З.М.Цветковой, Михаил Дмитриевич Зворыкин (1875—1978), был одним из основателей Киевского политехнического института, участвовал в строительстве многих железных дорог в нашей стране, долгие годы занимал различные руководящие должности в МПС СССР. Его перу принадлежат более 30 печатных трудов. Он владел многими иностранными языками.

От него и унаследовала способности к языкам Зоя Михайловна. Еще в гимназические годы она, наряду с классическими языками, уже владела немецким, французским и английским (причем, английский язык она освоила самостоятельно). В раннем детстве у нее обнаружился художественный дар. Те, кто видел ее детские работы, считали, что она станет большой художницей. Будучи гимназисткой, она поражала всех блестящими математическими способностями и ей прочили карьеру великого математика. В 1917 г. Зоя Зворыкина окончила с золотой медалью Ялтинскую женскую гимназию, а в 1918г. мужскую гимназию (где она была единственной девочкой). Тогда же поступила на математический факультет Симферопольского университета. Но после II курса в 1920 г. из-за отсутствия средств ушла из университета и возвратилась в Ялту. Стала работать учительницей. Преподавала математику и английский язык. В том же 1920г. вышла замуж за С.А.Цветкова и через 2 года уехала с ним в Москву. В 1923 г. родилась дочь Ирина, в 1925 г. — Ольга, в 1926г. — Нина. После переезда в Москву вся ее дальнейшая профессиональная деятельность была связана с английским языком и методикой преподавания иностранных языков.

В 20-е годы она работала переводчицей и преподавателем английского языка в ВУЗах, не имея высшего образования. Поэтому в 1927 г. З.Цветкова поступила учиться на Высшие Курсы новых языков при 2-м МГУ. В этот же период она принимает самое активное участие в создании первого в стране института иностранных языков. В 1929 г. выходит ее первая книга (в соавторстве с Ноткиной) «Как научиться читать по-английски». В это же время она работает преподавателем английского языка в Академии Внешней торговли и участвует в работе бригады по учебникам в Центриздате. В 1930 г. на основе слияния Высших курсов новых языков при 2-м МГУ с некоторыми другими Высшими курсами иностранных языков открывается Московский институт новых языков (первый институт иностранных языков в стране). Он несколько раз переименовывался. С 1933 г. стал называться Московский Государственный педагогический институт иностранных языков, затем — I-й МГПИИЯ им. Мориса Тереза, ныне это Московский лингвистический университет.

Первый выпуск МГПИИЯ состоялся в 1934 г., но Цветкова окончила институт в 1931 году. Будучи еще студенткой она была утверждена доцентом и зав.кафедрой иностранных языков в институте Внешней торговли. С 1932 г. Зоя Михайловна работает в своем родном институте иностранных языков и входит в когорту первых профессоров этого ВУЗа.

С самого начала Великой Отечественной войны З.М.Цветкова была направлена на работу в Военный институт иностранных языков для срочной подготовки военных переводчиков. Войну она закончила в звании подполковника, получила медаль «За боевые заслуги».

В послевоенные годы в общеобразовательных школах проводится обучение иностранным языкам по двум различным программам: по первой эксперимеательной — начиная с 3-го класса, по второй — с пятого класса. Цветкова является одним из авторов учебников для обоих вариантов.

Вообще учебники профессора Цветковой всегда высоко ценились и не потеряли актуальности до сих пор. Ею были написаны учебники английкого языка для общеобразовательных школ и для высших учебных заведений, как языковых, так и неязыковых, методические пособия для преподавателей иностранных языков.

Она была инициатором создания школ с углубленным изучением иностранных языков, основателем методики преподавания русского языка как иностранного взрослым учащимся, внесла большой вклад в подготовку преподавателей из других стран, была одним из разработчиков стройной орфоэпичекой системы английского языка. На основе этой системы Зоя Михайловна во время пребывания в Англии в 1955г. провела урок в одной из школ. Англичане были поражены результатами урока. И когда она приехала уже во второй раз в 1957г., ее принимали там как крупнейшего специалиста по языкам международного масштаба, и этот визит в Англию широко освещался в прессе. В одной из газет написали: «Англию посетила самая толстая женщина из России с очень тонким умом».

Профессор З.М. Цветкова — выдающийся ученый, чьи идеи не устарели и сегодня. Ее перу принадлежит 91 публикация, в том числе 23 монографии, 23 статьи, 45 учебников. Под ее руководством было выполнено и защищено около 40 диссертаций; некоторые ее ученики стали докторами наук.

За свой труд она была награждена орденом Красного Знамени.

Зоя Михайловна была человеком необыкновенной щедрости души, она оказывала людям действенную помощь, в частности, много помогала репрессированным; была религиозна и этого не скрывала; обладала репутацией интереснейшего собеседника; дружила с писателем М.Пришвиным, художником М.Нестеровым (который был крестным отцом ее дочери Нины) и другими замечательными людьми; любила писать акварели (ее нереализованный талант художницы воплотился в ее правнучках Виктории и Эльвире Шаминых). Все ее три дочери стали тоже специалистами по иностранным языкам. Ирина и Ольга вышли замуж за лингвистов. Муж Ирины Сергеевны — А.Миролюбов — достиг больших вершин в своем деле, став академиком.

Прекрасно написали о своем Учителе И.Павлова и К.Крупник: «. . . Зоя Михайловна Цветкова являет собой событие в отечественной методике преподавания языков в XX веке.Человек яркого, самобытного таланта, смелого, неординарного мышления, она сочетала в себе открытость новому с несгибаемой принципиальностью в отстаивании своих убеждений. Ее отличали подлинная интеллегентность, бесконечная доброта и стремление помочь людям. Мораль ее была проста: необходимо все делать для людей, для общества. Круг ее интересов был необычайно широк и непременно учитывал нужды людей, государства. Это было кредо ее более чем 60 летней педагогической деятельности.

Не случайно говорят, что раз в 100 лет природа одаривает нас рождением яркой личности, многогранного таланта... Такой яркой личностью была Зоя Михайловна Цветкова».

Примечания

1. Утверждение А.И. Цветаевой в ряде своих произведений, что З.М. Цветкова « друг с 1932 года» является ошибочным. Смею предположить, что ошибка возникла потому, что именно в 1932 году Анастасия Ивановна окончила курсы английского языка. Она успела послушать лекции З.М. Цветковой, которая в тот период от общества «Языки — в массы» преподавала английский язык в подобных учреждениях. Лекции были яркие, интересные, запоминающиеся, поэтому 1932г. в связи с З.М. Цветковой так прочно зафиксировался в памяти А.И. Цветаевой.
2. Т.Карлейль (1795—1881) — английский публицист и философ.

Литература и источники

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описаные самим им для своих потомков. — Тула: Приокское книжное издательство, 1986.
Борисов В.П. Одиссея русского американца № 1// Российские ученые и инженеры в эмиграции. — М., 1993.
Борисов В.П. Сын купца — отец телевидения // Вестник Российской Академии наук. — М., 1994. — Т. 64.
Воспоминания о Зое Михайловне Цветковой // Отв.ред. А.С.Границкая. — М., 1991.
Документы из личного архива семьи Шаминых.
И.Д. Зворыкин. Жизнь и творчество (личный архив семьи Симченко).
Павлова И.П., Крупник К.И. Слово об Учителе. — М., 2001.
Прометей. — М.: Мол.гвардия, 1983. — Т. 13.
РГАЛИ. Ф.1190, оп.2, ед.хр. 401, 390.
Родословная Болотовых (музей А.Т. Болотова — Дворяниново, Тульская обл.).
Родословная Зворыкиных (личный архив семьи Симченко).
Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. — М., 1787.— Ч. II.
Савелов Л.М. Родословные записи. — М., 1906. — Вып. 1.
Устные беседы с А.И. Цветаевой, Н.С. Горней (Цветковой), А.Н. Симченко, О.С. Симченко (Цветковой), Е.В.Шаминой, И.С. Миролюбовой (Цветковой).
Цветаева А. Моя Сибирь. — М.: Сов.писатель, 1988.
ЦМАМ. Ф.1838. Оп.1. Д. 1—4, 6, 12, 25, 26, 42, 48, 84, 111.
ЦМАМ. Ф.1991. Оп.1. Д. 8, 28, 29.
ЦМАМ. Ф.1926. Оп.1. Д. 10, 13.

РОДОСЛОВНАЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА СОКОЛОВА-МИКИТОВА

Л.В. Калашникова, *Калужская областная научная библиотека им. В.Г.Белинского*

Русский писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов — уроженец Калужской губернии — писал в рассказе «Свидание с детством»: «Никто не знает родословной нашей семьи. Она теряется, как тропинка в густом бору, за первыми же деревьями и высокой травой. Не знаю я, каков был прадед...»(1). Составляя родословную писателя, я столкнулась с разными трудностями: это и отсутствие имен, дат жизни и деятельности, какими родственными узами они связаны и т. д. Прапрадедом по отцовской линии у Ивана Сергеевича в XVIII веке был пономарь Иван Егорович. «Ходил прадед в лаптях, наравне с мужиками ковырял сохою землицу, что ни единая теперь не укажет душа, где в каких местах, под какою березою лежат прадедовы кости»(1). Внук Ивана Егоровича — Никита Осипович — был дьяконом в селе Щекино Смоленской губернии. О своем деде Никите Осиповиче писатель слышал от своего отца Сергея

Никитича. Несколько раз Иван Сергеевич с отцом ездил на могилу деда Никиты Осиповича. Речка Невестница, на которой в детстве купался и рыбачил Сергей Никитич с братьями, место, где стоял когда-то дом дьякона Никиты, уцелевшая яблоня — все нашло отражение в рассказах писателя Ивана Сергеевича. Жена Никиты Осиповича родила 9 человек детей. Она умерла после последних родов. Перед смертью она просила своего мужа Никиту Осиповича сохранить детей, поставить их на ноги. Никита Осипович, прощаясь с ней, обещал это сделать и слово сдержал. До самой смерти он не переставал суетиться, ездить и хлопотать, судиться. Его отлично знали в смоленской консистории. Архиерей Смоленский ему однажды сказал: «Ты, Никита, как ерш, покоя тебе нету, все суетишься, все судишься, пора бы и остепениться…»(1). Сыновья учились в волостной школе, а затем продолжили свою учебу в уездном училище в Дорогобуже Сергей Никитич и его младший брат Петр Никитич. Братья закончили уездное училище в Дорогобуже в 1870? году. Они ходили пешком в Дорогобуж. Родились они в селе Щекино, Сергей Никитич родился в 1856 году, а Петр Сергеевич в 1857?. Старший брат Иван Никитич в это время работал. В 14 лет он поступил на службу в Ельнинский уезд, к генеральше Бологовской, близкой родственнице Погодиных. От нее Иван Никитич перешел к Погодиным в село Гнездилово Ельнинского уезда. В те времена еще был жив историк, профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800—1875), который приезжал к своему сыну Ивану Михайловичу в село Гнездилово Ельнинского уезда. Иван Никитич встречался с Михаилом Петровичем, и он приезжал к нему в Москву. Он видел мемориальные вещи, которые принадлежали русским писателям: А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю. Внук М.П. Погодина — Михаил Иванович Погодин занимался в земстве народным образованием в Смоленской губернии. Михаила Ивановича Погодина хорошо знал Иван Сергеевич Соколов-Микитов и в советское время спасал его от репрессий.

Прадед по материнской линии Ивана Сергеевича — крепостной из Новгородской губернии. Известна только его фамилия — Васин. Его выменял помещик из Калужской губернии на борзых собак, так как Васин был крепостным охотником. Он был женат, имел детей. В деревне их знали под фамилией Васины. Известны сыновья Иван и Михаил, так как о них писал Иван Сергеевич Соколов-Микитов в повести «Детство»(1). Иван был женат на Авдотье Петровне. Они были крепостными помещика села Матюкова Перемышльского уезда. По данным на 1859 год в селе Матюково было 29 дворов, жителей было 228, в т.ч. мужчин — 94, женщин — 134. В селе была церковь (3). Сейчас это село находится в Бабынинском районе (4). Молодым Иван был доезжачим-охотником у помещика Филимонова. Помещик очень хорошо относился к Ивану. Он крестил Ивана и дал ему фамилию Новиков. Дети Ивана стали Новиковыми. В селе остались дальние родственники под фамилией Васины. После реформы 1861 года Иван Васильевич Новиков купил дом и сад в деревне Хвалово Перемышльского уезда у дорогобужского купца Колупанова (1). Он долго возил по частям деньги в Дорогобуж купцу Колупанову и просил у купца отсрочки по платежам за дом и сад. По данным на 1859 год в д. Хвалово Перемышльского уезда было 29 дворов, жителей было245, в т.ч. мужчин — 112, женщин — 133 (3). Сейчас эта деревня находится в Бабынинском районе (4).

У Ивана Новикова было десять детей. Дочери, о которых есть сведения, имели семьи. Любовь Ивановна Новикова (ок. 1865?—?) была замужем за Александром Александровичем Добровым, который был из обедневшего дворянского рода. Жили они в селе Сухолом Мещовского уезда Калужской губернии. По данным на 1859 год в селе Сухолом (Покровское) было дворов — 21, жителей — 170 человек, в том числе мужчин — 76, женщин — 94 (3). Сейчас это село Щелкановской сельской администрации Юхновского района (4). Младшая дочь Ивана Новикова – Мария Ивановна Новикова (1870—1939) вышла замуж в 1891 году за Сергея Никитича Соколова (1856—1927), который служил приказчиком в лесной конторе московского фабриканта Николая Николаевича Коншина (5). В 1892 году 18 мая по старому стилю, 30 мая по новому стилю у них родился сын в урочище Осеки под Калугой — Иван. Крестили Ивана Сергеевича в селе Рождествено в церкви Рождества Христова (1859). Крестил священник Николай Покровский, крестным отцом был Иван Никитич Микитов (1853 ?—1919 ?), старший брат Сергея Никитича (6). Сергей Никитич Соколов родился в селе Щекино Смоленской губернии в семье дьякона заштатной щекинской церкви Никиты Осиповича. По имени отца детей звали Микитовы. Сергей Никитич закончил (1870?) уездное училище в Дорогобуже. Некоторое время он работал сельским учителем. Учительствовал он недолго. Стал работать вместе со старшим братом Иваном Никитичем в имении историка Михаила Петровича Погодина, а затем стал приказчиком в лесной конторе Н.Н. Коншина. Мать Ивана Сергеевича — Мария Ивановна была неграмотной крестьянкой. Родилась она в д. Хвалове в 1870 году в большой крестьянской семье. Детство было у нее трудное. С малых лет она научилась прясть, ткать, вышивать, работала по хозяйству. Она рано вставала и поздно ложилась. Мария Ивановна была любимицей

отца. Она была похожа на него. Когда к Марии стали свататься, отец ей говорил: «Жениха выбирай сама, который по сердцу…»(1). Мария Ивановна за советом поехала к старцу Амвросию в Оптину пустынь. Старец Амвросий спросил у Марии Ивановне о трех ее женихах и дал ей простой совет: «Выбирай, Машенька, чтобы был не вертопрах. Благословляю тебя выходить за Сергея, за того лесовика. Не горюй, что годами постарше тебя; слюбитесь, обживетесь, будете счастливо жить…»(1). Оптинский старец не ошибся, предсказывая матери Ивана Сергеевича счастливую судьбу. Иван Сергеевич был единственным любимым сыном.

Через три года семья переехала в д. Кислово Смоленской губернии, где была куплена усадьба на деньги Сергея Никитича старшим братом. Кислово находилось в 55 верстах от уездного города Дорогобужа. По списку населенных мест в 1904 году в Кислове было 32 двора, жителей — 84 человека, в т.ч. мужчин — 42, женщин — 42 (7). После переезда в Кислово в 1895 году семья жила в сельской школе, так как дом доделывали. Ивана Сергеевича учила на дому грамоте вдова Петра Никитича — Наталья Даниловна Соколова, которая жила вместе с ними. Он учится в волостной сельской школе, а затем его определяют родители в Александровское реальное училище в Смоленск в 1903 году. 13 мая 1910 года Ивана Сергеевича исключают за неуспеваемость, а вообще-то за связь с революционерами. На квартире, где жил Иван, был сделан обыск и 18 мая 1910 года в реальное училище была направлена докладная жандармского управления на ученика И.Соколова, сына потомственного почетного гражданина(7). После переезда в Кислово Мария Ивановна каждое лето вместе с сыном приезжали в д. Хвалова. Отец Марии Ивановны был зажиточным крестьянином. Хваловская большая семья жила по старинным строгим укладам благополучного крестьянского дома. В хозяйстве были коровы, конный двор, пасека, фруктовый сад и т.д. Каждый год дед Иван дарил своей любимице Машеньке жеребенка-третьяка. Он разводил канареек. В выводе канареек дед Иван соперничал с соседом и сватом Карповым, который жил через дорогу.

Авдотья Петровна, бабушка Ивана Сергеевича, долго болела водянкой. После ее смерти, по завещанию, которое она написала задолго до смерти, она завещала часть купчей земли своим дочерям: Любови Ивановне и Марии Ивановне. Их братья: Аким Иванович и Алексей Иванович были против этого раздела и поругались с сестрами на поминках. «Разорили, обули нас, братьев, в лапти, родные сестрицы!» (1). Этот раздор и ссора внесли отчуждение между братьями и сестрами. Мария Ивановна стала реже бывать в Хвалове и приезжала на короткий срок. Она уступила свое наследство — землю и деньги, многодетной своей старшей сестре Любови Ивановне Добровой, которая жила в Сухоломе Мещовского уезда. У Любови Ивановны и Александра Александровича Добровых было 10 детей. Сыновья: Иван, Александр, Михаил, Николай. Дочери: София, Елизавета, Мария, Антонина, Зинаида, Евгения. Каждый раз, возвращаясь из Хвалова в Кислово, по дороге Соколовы заезжали к старшей любимой сестре матери Ивана Сергеевича, Л.И.Добровой, в многолюдный, шумный и веселый Сухолом. Дом Добровых в Сухоломе славился радушием и хлебосольством. Бойкая проказница Маша Доброва устраивала шумные игры, в которых участвовал маленький Иван Сергеевич. Свое доброе отношение к Марии Александровне Добровой пронес писатель И.С. Соколов-Микитов через всю свою жизнь.

Летом 1923 года Иван Сергеевич Соколов-Микитов женился на Лидии Ивановне Малофеевой (29.08.1900—30.05.1975). Они венчались в старинной церкви Воскресения с высокой шатровой колокольней в Коломне. Шафером Ивана Сергеевича был брат Лидии Ивановны — Анатолий Иванович Малофеев (1902—19?). Лидия Ивановна закончила женскую казенную гимназию в 1918 году. В 20-е годы Лидия Ивановна работала секретарем в редакции книгоиздательства «Круг». После венчания молодые уехали жить в д. Кочаны Смоленской губернии. В 1924 году в Кочанах родилась первая дочь Ирина (1924, апрель—17.10.1940), следом за Ириной родилась вторая дочь Елена (1926—1951) и в 1928 году родилась третья дочь Лидия, которая умерла в младенчестве 9 февраля 1931 года. Семья Соколовых-Микитовых в это время жила в Гатчине под Ленинградом. В Гатчину они переехали после смерти отца — Сергея Никитича — в 1927 году в конце марта в Кислове. 15 декабря 1938 года умерла мать — Мария Ивановна. 18 декабря 1938 года состоялись похороны Марии Ивановны в Гатчине (2). 17 сентября 1951 года на озере Пюхяярви утонула дочь Елена вместе с литературоведом А.Н. Лаврентьевой-Кривошеевой и сыном Кривошеевой — Маем. Это была трагедия, семья Соколовых потеряла последнюю дочь. У дочери оставался сын Саша, который родился 8 августа 1949 года. Иван Сергеевич и Лидия Ивановна взяли внука в свою семью. После похорон Елены, которые были 8 октября, И.С. Соколов-Микитов уезжает к родственникам в Карачарово. В июне 1952 года Иван Сергеевич переезжает в Карачарово в собственный дом.

Мария Александровна Доброва (1892—1980?) была замужем за Розановым Петром Вавиловичем (8). Сын Марии Александровны — Борис Петрович Розанов (1920?—19?), участник

66 Зак. 1971

Великой Отечественной войны, офицер Советской Армии, после демобилизации был назначен директором дома отдыха «Карачарово» на Волге в Конаковском районе Калининской области. Он приехал в Карачарово с женой Клавдией, матерью Марией Александровной Розановой (1892—1980?) и сестрой Лизой.

После смерти дочери Елены Ивановны Соколовой (1926—1951), Иван Сергеевич приехал в Карачарово к своему другу детства к Мане (М.А. Розановой) поделиться своим горем и отвести душу. Розановы помогли Ивану Сергеевичу построить на берегу Волги дачу, недалеко от дома отдыха. В 1952 году Иван Сергеевич Соколов-Микитов с Лидией Ивановной и внуком Александром (1949) приехали летом в Карачарово Конаковского района Калининской области (9). Дружба семей Розановых и Соколовых-Микитовых продолжалась до самой смерти писателя (10).

В Калуге сейчас живут родственники писателя по материнской линии. Внучатый племянник писателя И.С. Соколова-Микитова — Александр Николаевич Новиков — участвовал в нашей конференции. Он внук двоюродного брата писателя Ильи Алексеевича Новикова (1890?—19?) (1). Илья Алексеевич был женат на Анне Кузьминичне Аксеновой. У них были дети: Николай, Валентина, Татьяна. Николай Ильич был женат на Валентине Пантелеевне Слободенюк. Их сын Александр Николаевич Новиков (1958) женат на Светлане Николаевне Поликарповой. Дочь Валентина Ильинична вышла замуж за Алексея Ситника, а их дочь Татьяна Алексеевна вышла замуж за Александра Фунта, у них родился сын Сергей Александрович Фунт (6). Все эти сведения я взяла из родословной, которую в свое время составил Илья Алексеевич Новиков.

Я очень благодарна Александру Николаевичу Новикову за предоставление родословной Новиковых.

Литература

1. Соколов-Микитов И.С. Избранное. — М.: Моск. рабочий,1970. Свидание с детством. — С.203—220. Детство. — С. 19— 94.
2. Ширмаков П.П. Хроника жизни и творчества И.С. Соколова-Микитова // Соколов-Микитов И.С. Собрание сочинений. В 4-х т. — Л.: Худож. лит.,1985—1987. — Т. 1. — С.514—525.
3. Калужская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. — Спб,1863. — С.122, 162.
4. Калужская область: Адм.-террит. деление на 1 марта 1993 г. — Калуга,1993. — С. 14, 80.
5. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. Коншин Н.Н. — М.: Современник,1995. — С.272—277.
6. Легостаев В.В. Храмы Калужского уезда. — Калуга, 2001. — С.47.
7. Левитин М.Н. Я вижу Россию…(Смоленские родники И.С. Соколова-Микитова). Александр Николаевич Новиков Смоленск: Маджента, 2004. — С.16,42,43.
8. Родословная Новиковых, Добровых и др.// Семейный архив Новиковых
9. Воспоминания об И.С. Соколове-Микитове. М.: Сов. Писатель, 1984. — С.78—79.
10. Творчество И.С. Соколова-Микитова. — Л.: Наука, 1983. — С.170 , 183.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ В РАССКАЗАХ П.С. РОМАНОВА

С.С. Семенова, *Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

«В истории человеческого духа различаются эпохи, когда обостренное чувство одиночества, хрупкости и неустроенности человека рождает антропологическое мышление. В такие эпохи возникают глубокие философские мысли о человеке, обсуждаются проблемы человеческой природы, понятия любви, греха, совести, святости, спасения», — такое толкование философского постижения человека дано в работе немецкого исследователя М.Бубера «Проблема человека» (1).

Что такое человек? Этот вопрос интересовал еще древних философов и мыслителей. Вся мировая литература, так или иначе, пыталась дать ответ на этот вопрос, занималась исследованием человеческой природы, разгадывала тайны ее подсознания и выявляла причину поступков человека. Размышления над природой человеческого бытия занимали замечательного, но, к сожалению, мало известного на сегодняшний день художника начала XX столетия Пантелеймона Сергеевича Романова. Главное кредо писателя и то, к чему он стремился всю свою творческую жизнь — это «сделать свою литературу … художественной наукой о человеке», где не может уже быть ни одной строчки «так себе»(2).

Истоки творчества Романова во многом связаны с Верхним Поочьем. П.С. Романов родился 25 июля 1884г. в селе Петровском Одоевского уезда Тульской губернии в семье мелкого чиновника. Детские годы будущего писателя ничем не отличались от жизни деревенских ребят из семей небольшого достатка. Жизнь в деревне, ее быт, люди, картины природы оставили след в сознании Романова, и позже он обратится в своем творчестве к картинам детства. Впервые П. С. Романов пытается писать в 10 лет, его очень увлекает созданный им мир. В последних

классах гимназии он делает наброски повести о детстве, которая им будет завершена лишь через семнадцать лет. 15 сентября 1905г. он записал в своем дневнике: «Я нашел себе смысл жизни, нашел счастье жизни, моя жизнь — это непрерывное собирание, труд, творчество…».

П.С. Романов очень часто говорил о том, что именно классики (Пушкин, Достоевский, Толстой, Гоголь) помогли ему понять, «в чем заключается художественность и на каких законах она держится»(3). Он пришел к выводу, что главная тайна художественного изображения «заключается в уменье находить вещи, имеющие постоянное в жизни существование»(4). Обладая талантом отличать сиюминутные ситуации от моментов вечности, в них заключенных, он сумел создать произведения непреходящей ценности. Эти моменты вечности он выявлял через частное, на первый взгляд, неприметное, незаметное, кажущееся обыденным. В центре этого обыденного стоял человек: «…из современных проблем я выбираю на вид менее праздничное и более обыкновенное, но и более прочное, принадлежащее более человеку, чем эпохе»(5).

П.С. Романов проявил себя прежде всего как мастер небольшого рассказа. Особое внимание уделял он форме произведения. Его рассказ — зарисовка, миниатюра, где автор совсем не виден, где говорят персонажи, и их голоса воссоздают и человеческие характеры, и эпоху. Он постоянно работает с художественной деталью, основательно и спокойно рассматривает каждое явление со всех сторон, во всех его существенных аспектах. Белинский отмечал, что «по обилию художественных мелочей узнаешь большого мастера»(6). Совершенно справедливое утверждение. Герои романовских рассказов зачастую безымянные — это торговцы, крестьяне, мастеровые, солдаты, рабочие, которых мы можем различить по одежде, какой-либо вещи или детали: старик с черным носом и щеками, женщина с посудой, человек без шапки, солдат с повязанным на груди башлыком, бородатый мужик в армяке, солдатик с безусым лицом, солдат в рваной шинели. У Романова это не индивидуальности, нет, — это народный тип, человек массы, благодаря детальному исследованию которого, писатель точно воспроизводит психологический портрет человека начала XX столетия во всех его проявлениях.

Писатель показывает человека, который утрачивает прежние духовные ориентиры, традиции и, не обретая новых, отстаивает перед миром и собой мелкие, ничтожные жизненные интересы: отстаивает право на разгильдяйство, разбазаривание чужого добра, пьянство, оправдывает свое невежество, воровство, трусость. Такой человек утверждает свое несомненное право судить обо всем и быть уверенным в непогрешимости собственных взглядов, готовность бороться до конца за свою позицию.

Литературовед В.П. Скобелев отмечает важнейший принцип поэтики изображения массы в момент исторического перелома — принцип «карнавализации», который становится одной из форм «праздничного» обнаружения «субстанциональных начал» народной жизни, народного характера. Этот принцип разработки образа проявляется «в авторском внимании к перевернутому народному быту, потерявшему былую устойчивость, к быту, в котором все может начинаться сызнова, с чистой страницы, где раскован не только человеческий дух, но и плоть, и где человеку открываются безграничные просторы не знающей удержу природы, могучей и торжествующей»(7). Такая форма художественного «видения» жизни как праздника всеобщего обновления обнаруживает себя в рассказах Романова. Это бурление жизни проявляется по-разному: то в бесконечной дележке помещичьей земли и разграблении домов, причем, главное «захватить, а потом будет что с пользой употребить» («Наследство», «Трудное дело», «Соболий воротник»); то беспробудное пьянство «по праздникам», с которым не может справиться неделя борьбы с самогонкой («Дым», «Заколдованные деревни»); то проведение собраний с различными инсинуациями («Глас народа», «Трудное дело», «Синяя куртка», «Технические слова»); то выбор местного руководства с галдежом, ругательствами, проклятиями, бранью, благословением и впоследствии недовольство своим собственным выбором («Три кита», «Терпеливый народ», «Неподходящий человек»). «Карнавал» продолжается на железнодорожных станциях, в поездах, в очередях, в лавках, в гостях, в домах, на работе; «карнавал» разжигается в спорах, разговорах, в беседах, в ссорах, в ненависти, злобе, в любви, в милосердии; «карнавал» в бюрократии, в глупости, в нелепости; «карнавал» в умах и мыслях людей: «…что же это вы, словно звери стали? Что это с вами сделалось? Отчего вы так обезумели, про крест-то забыли, что на шее носите?», — восклицает один из персонажей этюда «Хорошая наука». «Боялись прежде человеческую кровь лить», а теперь «привыкли» (8).

Противоречивость и трагичность ситуации заключается в том, что среди массы можно различить лица, которые пока оспаривают это «перевернутое бытие», но и они уже поддаются созданной ситуации «карнавала»: это безымянный ротный, «добрый и тихий человек», который презирает насильственную смерть, но «до немцев был — яд»; старуха Аксинья, которая вначале называет убийц «иродами» и в конце признается, что после того, как батюшка призывал

опомниться людей, говорил об ожесточенности сердец человеческих, о потере образа божьего, после этого ей «стыдно» было крест целовать, а «с чего — сама не знаю» («Хорошая наука»). П.С. Романов показывает в своем творчестве, как по-разному уживаются люди во время «всеобщего обновления», где «новая, и х н я я мораль говорит, что мёртв тот человек, который стоит на месте и не движется. Потому что все в жизни движется, и он должен идти с ней, если хочет быть жив»(9). Мыслями студента МГУ Петра Корноухова (рассказ «Звезды») автор доносит до читателя то, как ощущал себя человек, какое место он себе отводил в исторической действительности: «Петр оглянулся кругом и долго смотрел на убогие, покривившиеся крайние избы, растолчённую грязь улицы, которую уж покрывала осенней темнотой надвигающаяся ночь, потом почему-то посмотрел на свою куртку и башмаки, как будто они вместе с этой грязью и заброшенностью деревни говорили о его собственной заброшенности, бесприютности среди людей, которым чуждо всё то, чем он живёт».

У Романова мы не встретим идеального героя, который послужил бы образцом для подражания. Даже просто положительных героев, совсем не героического склада, у него не так уж и много (в основном это героини рассказов «Без черемухи» и «У парома», Петр Корноухов в «Звездах», Сергей в «Новой скрижали»). Зато главное, что отличает П.С. Романова от художников пореволюционной эпохи факт того, что в переживаемой действительности его больше интересует не описательная хронология событий, но нравственно-философский смысл, подоплека происходящих переустройств и психология характеров, а, следовательно, и психология человека.

Повествовательный колорит П.С. Романова достигается благодаря самой точности называния верно подмеченных психологических состояний и имеющих значимость деталей быта, за счет чего писатель точно отображал историческую действительность, хотя не это было его главной целью.

«Дело не только в историчности, а и в стремлении весь мир воспринимать через время и во времени. Литература становится искусством…времени…Время — его объект, субъект и орудие изображения», — утверждал Д.С. Лихачев в своей работе «Поэтика древнерусской литературы»(10). В творчестве П.С. Романова можно наметить два возможных типа взаимоотношений человека и времени: человек принимает время или отчужден от него. Причем, довольно конкретной принадлежности к тому или иному типу взаимоотношений человека и времени в рассказах писателя не всегда наблюдается, нет четкой границы. Есть персонажи, которые не принимают безоговорочно законы существующей эпохи, а скорее подстраиваются под нее, прекрасно понимая существующее положение вещей.

В рассказе «Актриса» главная героиня Анна Рейнгардт — артистка, которая прославилась среди рабочего класса своей пантомимой «Восстание». В своем прошлом, дореволюционном, она была владелицей большого имения и богатого особняка, но «за годы революции прошла через все»(С.305). Для того чтобы прокормиться и не умереть с голоду, она подрабатывала пением в пивных и дешевых кабаре. Ее приводила в ужас мысль о том, что старая жизнь не вернется и нужно приспосабливаться к новой. «Что значит – приспосабливаться к новой жизни? Это значит, не верить в бога, плевать на пол, ходить с грязными ногтями и отнимать особняки?! Нет, лучше смерть!», — провозглашала актриса (С.306). Однако, главное, к чему никак не могла привыкнуть Анна — это употреблять зубной порошок вместо пудры. И в ее жизни произошла неожиданная перемена, т.к. «какой-то черный, волосатый человек поставил ей пантомиму», которая принесла ей настоящий успех среди рабочего класса, и у нее «появилось белье, пудра и даже духи» (С.306). П.С. Романов в этом рассказе показывает читателю постепенное перевоплощение этой женщины из бывшей аристократки, презирающей когда-то новый уклад жизни, в популярную, революционную артистку. Используя прием иронии, писатель демонстрирует нам, как легко героиня меняет свои взгляды на существующее положение вещей. Романов иронизирует над ее «мастерской игрой»: «Она играла так просто и наивно, как жила. Иначе она и не могла» (С.306). Автор показывает, что героиня рассказа легко находит компромисс в «нелегкой» сложившейся ситуации.

Алексей Николаевич Волохов (рассказ «Огоньки»), подобно Анне Рейнгардт, принадлежал в свое время к другому кругу людей. В прошлом «знаменитый человек» должен был влачить нищенское существование. Чтобы выжить и спасти от голодной смерти себя и свою жену, «он принужден был петь и танцевать на похоронах за фунт чаю, кофе или какао». Постепенно он подстраивается под людей нового времени, людей, которых он не уважает. Сначала революция вызывала неописуемое возмущение и негодование у Волохова, однако, со временем «острая ненависть … прошла, завязались знакомства» и многие из тех, кого он не уважал, «оказались очень милыми и культурными людьми» (С.278). В этом рассказе писатель показывает, что же происходит с человеком, который переступает через себя. Волохов, погрязший в бытовых

мелочах, «в вопросах о квартире, о мебели, о стаканчиках», прекрасно понимает, что предал свое собственное я, свое творчество. Он перестал видеть и чувствовать свое внутреннее движение, его больше нет, и жизнь, «из которой рождается творческое движение, давно умерла в нем» (С.278). Вместо этого появляется «внутренняя ложь», породившая «лень и отвращение к усилию в работе. Появилось своего рода внутреннее ожирение» (С.279). А.Н. Волохов прекрасно осознает, что связь с вечным утеряна, он изменил истинному творчеству, а значит, не реализовал себя, свой творческий потенциал и теперь «он выпал из цепи общего и вечного движения. Очевидно, эта цепь включает в себя только тех, кто сам вечно движется» (С.294). Несмотря на трезвый и объективный взгляд героя на свою жизнь, он не пытается ничего изменить: «Такими мыслями хорошо жить в молодости, — а не перед концом» (С.295).

П.С. Романова интересовало не столько историческое время, сколько субъективное восприятие времени человеком, так как это дает больше возможностей писателю увидеть характер, потенциал, психологию героя. Такой подход позволяет выявить причины поступков, он, как лакмусовая бумажка, проявляет и проверяет человеческую природу. Главное для писателя — создать национальный характер. Задачу художника Романов видит в собирании «фонда внутреннего опыта, из которого последующие поколения черпают знания о самих себе»(11).

Литература и примечания

1. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С.528.
2. Романов П.С. Наука зрения // Литературная учеба.1996, №1.
3. Там же. С.89.
4. Там же. С.93.
5. Романов Пантелеймон. Мысли об искусстве. Из записной книжки писателя. С.199.
6. Романов П.С. Наука зрения // Литературная учеба.1996, №1.С. 90.
7. Скобелев В.П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов. Воронеж, 1975. С.118.
8. Романов Пантелеймон. Антология сатиры и юмора России XX века. М., 2004. С.65.
9. Романов П.С. Детство. Тула, 1984. С.148. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.,1979. С.209.
11. Романов Пантелеймон. Наука зрения // Литературная учеба. 1996, №1. С.106.

«ВСЕМУ ПРОШЕДШЕМУ — НАСЛЕДНИК»: И.А. НОВИКОВ И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ

А.П. Черников, *д.ф.н,* ***Е.А. Черникова,***
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Иван Алексеевич Новиков (1877—1959) — один из малоизученных писателей XX столетия, хотя сборники его произведений не раз переиздавались массовыми тиражами и неизменно привлекали внимание читателей.

Некоторый интерес к творчеству писателей со стороны исследователей возник с начала нашего века. Импульсом для него послужил юбилей писателя: 125 лет со дня рождения. В январе 2002 года в Орле и Мценске состоялась научная конференция, посвященная И.Новикову, на которой рассматривались проблемы его творчества и малоизученные страницы биографии. В 2003г. по материалам конференции вышел сборник статей (1), а еще через год был опубликован религиозный роман писателя «Золотые кресты» (2), не переиздававшийся с 1916 года.

Тульскую и Калужскую области. Во многих из них с симпатией изображены фигуры мелкопоместных дворян, живущих скромной, но внутренне насыщенной жизнью. Писатель обстоятельно рисует их времяпрепровождение, хозяйственные заботы и интересы. Дворяне И.Новикова — это не кровопийцы и бездельники, не жестокосердные люди, не Плюшкины, Ноздревы, Головлевы и Хрущовы, многократно описанные в русской литературе. Это люди высокой культуры, сочетающие интересы интеллектуальные с делами хозяйственными, работающие, подобно барину Кирилле Матвеевичу из повести «Душка», наравне с крестьянами и на току, и в поле.

Основное место в произведениях раннего Новикова занимают нравственно-этические проблемы. На фоне быта и жизни поместных дворян писатель крупным планом изображает волевые, цельные характеры персонажей, активных борцов против зла, нередко жертвующих для победы над ним не только личными интересами, но подчас и своей жизнью.

Новиков привел в литературу начала XX века героев, а точнее, героинь, юных русских женщин, наделенных большой внутренней силой, гордых, страстных, устремленных к свободе и правде, тонко воспринимающих красоту жизни. Такова девушка-подросток сирота Васюта из рассказа «Жанна д"Арк» (1911), решительная и бескомпромиссная в своих поступках, за что ее не зря прозвали в усадьбе именем национальной героини Франции. Трудолюбивая, ловкая, энергичная

Васюта влюблена в жизнь, в деревенскую природу, в людей. Никогда не помышлявшая о подвиге, добросовестно выполняющая роль горничной в господском доме, она, когда пришла пора, не колеблясь этот подвиг совершает: во время пожара Васюта ценою своей жизни пытается спасти маленького сына- калеку усадебной кухарки.

Глубоким проникновением во внутренний мир юной девушки отличается рассказ «Троицкая кукушка» (1912) — лирико-меланхолическое повествование о грезах, надеждах, предчувствиях шестнадцатилетней Лизаньки Фурсановой, чью чуткую душу всколыхнуло известие о приехавшем в соседнее имение молодом человеке.

Обаятельный образ девушки, жительницы небольшого приокского городка, воссоздал писатель в повести «Калина в палисаднике» (1913) . Неброская внешне Настенька обладает сильной и благородной натурой, что заставляет разуверившегося было в людях дворянина Алтухова, влюбившегося в эту девушку, вновь ощутить радость бытия.

В столь же глубоко поэтичной, меланхолично-грустной и акварельно-нежной тональности написана и повесть «Душка» (1916), также одно из лучших произведений раннего Новикова. Как и в рассказе «Жанна д"Арк» автор здесь делает своей героиней крестьянскую девушку, разглядев в ней такие замечательные черты и качества личности, которые позволяют читателям с полным на то основанием причислить ее к людям самой высокой нравственной пробы. Мягкая и сердечная в обхождении с окружающими Авдотья-Душка в критическую минуту, подобно Васюте, обнаруживает большую нравственную силу и стойкость. Едва выйдя замуж, она подвергается гнусным притязаниям свекра-снохача и не стерпев насилия над собою, убивает его топором, предпочтя каторгу унижению.

Новиков ставит своих героинь в такие ситуации, в которых моральная оценка их поведения выявляется как бы исподволь, в сложном переплетении жизненных коллизий. Так же, как и Настенька, Душка отказалась от своего счастья с молодым человеком Васей Лопатиным, приехавшим погостить к родственникам в соседнее имение. Если Настенька жертвует личным счастьем ради того, чтобы восстановить семью Алтуховых, то Авдотья выходит за нелюбимого, подчинясь уговорам матери. Платой за эту уступку стало для нее клеймо каторжницы. Однако, поступок Душки оказывает благотворное влияние на окружающих. Подобно тому, как в «Калине в палисаднике» Настенька открыла Алтухову мир нравственной красоты, так и Душка своим мужественным поступком возвращает Васе Лопатину потерянную было веру в жизнь.

Жизнь в произведениях Новикова исследована, понята и отражена с подлинно художественной глубиной. Обстоятельно выписывает он мельчайшие детали поместного крестьянского быта и труда. Герои Новикова — труженики. В постоянных заботах об урожае, в дружном азарте, когда все берутся за неотложное дело и работа горит в руках, есть своя особенная красота и своя философия бытия. Без нее, убеждает писатель, не может быть полноты жизни. Для того, чтобы это осознать и принять тоже нужно призвание. Оно есть у героев Новикова. «Работа эта — полуработа, и после вчерашней как отдых, и подгребая невейку лопатой от самого гладко убитого тока, чтобы вскинуть ее наверх, Вася чувствовал, как все смутное в нем естественно и необходимо становится на свое место. Рабочая жизнь, труд … как хорошо!» (III, 239). Так воспринимает свое участие в общем труде не только дворянский сын Вася Лопатин из повести «Душка», но и персонажи других произведений писателя. На этом веками держалась жизнь людей на земле. Труд в повестях и рассказах И.Новикова поэтизируется как величайшая нравственная ценность и смысл существования человека в этом мире.

Действие едва ли не всех произведений Новикова происходит на фоне природы, в описании которой он также проявил себя подлинным мастером. Пейзаж никогда не играет в его повестях и рассказах лишь декоративную роль — он важная и активная часть повествования. Душевное состояние его персонажей нерасторжимо связано «с ласковым утренним солнцем, с теплым вечером, с полуденным летним томлением», когда «воздух, накаляясь, охваченный ленью, дрожит над желтыми полями, а листва никнет в изнемогающей сладкой истоме», с тихими ночами, когда «лунный свет дробится в воде, как будто серебряную муку просеивала мельница, и она звенела, утопая и рассыпаясь».

Нередко именно картины природы создают в произведениях Новикова то светлое лирическое настроение, которое наполняет их высокой поэзией. Эта поэтичность, влюбленность в жизнь во всех ее проявлениях, пластичность художественного рисунка, постановка важных нравственных проблем, тонкое изображение душевных движений персонажей и определяют те качества произведений Новикова, который привлекали к ним пристальное внимание тогдашней читательской публики, в том числе и калужан.

Другой важный аспект И.А. Новикова, тесно связывающий его с неореалистической литературой серебряного века — это религиозная проблематика многих его произведений. Этими мотивами пронизан рассказ «Во имя Господня» (1906), герой которого молодой человек

Алеша, испытывая восторг перед красотой и осмысленностью Божьего мира, отправляется в паломничество по святым местам. Благостное приятие бытия, в котором значимы и радости, и печали, является доминантой рассказов «Петух» (1907) и «Пчелы-причастницы» (1908).

Мысль о необходимости преодоления греховных соблазнов лежит в основе проблематики романов писателя «Из жизни духа» (1906) и особенно «Золотые кресты» (1908). Золотой крест в этом произведении является символом страдальческого, а подчас и трагического пути почти всех персонажей романа. Как справедливо отмечала критика 1910-х годов, в произведении разлита «осенняя грусть о хрупкости жизни и веры», «скорбь о жестокости земных путей» (5). Однако чувство скорби преодолевается в произведениях Новикова убежденностью в осмысленности, оправданности и всеединства тварного мира, органической частью которого является человек. Такое мироощущение писателя тесно сближает его с другим прозаиком серебряного века — Б.К. Зайцевым.

Новиков и Зайцев дружили многие годы. Их знакомство произошло в апреле 1906 года на одном из заседаний Московского литературного кружка. Вскоре оно перешло в дружбу, которая еще более окрепла благодаря активному участию обоих писателей в деятельности созданного в 1912 году «Книгоиздательства писателей в Москве», которое объединило в предреволюционную пору лучшие силы русской реалистической литературы.

Творчество И. Новикова высоко ценилось организаторами этого кооперативного товарищества: И. Буниным, В. Вересаевым, И. Шмелевым. Неслучайно издательство начало свою деятельность с выпуска в свет в 1912 году произведений трех популярных авторов: сборника рассказов И.А. Бунина «Суходол», книги И. Новикова «Рассказы 1905-1912 годов» и третьего тома сочинений Ивана Шмелева.

Зайцев познакомил Новикова со своими сестрами Татьяной и Надеждой, жившими в Калуге. Обе они стали горячими поклонницами его таланта. По их приглашению И. Новиков не раз приезжал в начале 1910-х годов в Калугу читать лекции и свои произведения в созданном 1909 году в губернском городе «Литературно-художественном кружке». После одного из таких визитов Надежда Зайцева писала И. Новикову: «Здесь Вы всколыхнули всех, заинтересовали, у некоторых вызвали тоску по далекому прекрасному, некоторым осветили путь, а вообще сказать, все они много говорили о Вас и Вы все еще живете среди них» (6).

Бунина и Зайцева объединяла и известная общность творческой манеры письма, и близость многих личностных качеств. В письме Б. Зайцева к своему другу от 31 августа 1912 года есть такие строки: «Кроме любви к тебе как человеку, я чувствую в тебе собрата по перу» (7).

Позднее в своих воспоминаниях и письмах к другим корреспондентам Зайцев неизменно подчеркивал философский склад мировоззрения Новикова («милейший искатель философского камня») и его «устремленную к звездам душу». Эти черты личности И. Новикова и обусловили то обстоятельство, что Б. Зайцев изобразил своего друга под именем Христофорова в повести «Голубая звезда» (1918). Подтверждение тому мы находим в позднейшем письме Зайцева литературоведу А. Храбровицкому: «Это был голубоглазый мечтатель, несколько мистически настроенный (прототип Христофорова из моей повести «Голубая звезда»)»(8), — писал он об И.А. Новикове.

«Голубую звезду» сам автор считал программным произведением, подводящим итог дореволюционному периоду его творчества. Человек тончайшей душевной организации Алексей Петрович Христофоров заметно выделяется в среде московской интеллигенции своей искренностью, кротостью, богатством внутреннего мира. Жизнь для него — «величайшая ценность мира». Поэтому он любит не только людей, но и все окружающее и даже к звездам относится так, будто они «были его близкими знакомыми». С этих нравственных позиций он смотрит на проблему бедности и богатства. По его убеждению, «бедность вовсе не мешает любить жизнь, а, может быть, делает эту любовь чище и бескорыстнее». Любовь к миру воплотилась у Христофорова в символический образ голубой звезды Веги, которую он называет своей путеводительницей. О своем отношении к Веге он однажды скажет так: «Я ее знаю и люблю. Для меня она — Красота, Истина, Божество».

В Христофорове наиболее ярко воплощен тип зайцевского идеального героя. Все персонажи повести тянутся к нему, называют его «чистым, настоящим», потому что от Христофорова исходит христианский свет милосердия и любви. Недаром его фамилия расшифровывается как «носящий в себе Христа». Тем важнее подчеркнуть, что этот литературный образ — не продукт художественного вымысла Б. Зайцева, а «списан» с реального человека: с его друга И. А. Новикова.

В начале 1914 года И. Новиков завершил работу над самым значительным своим произведением — романом «Между двух зорь (Дом Орембовских)», посвященном изображению социально-нравственных и духовных исканий молодых представителей русского

провинциального дворянства начала XX века. Психологически убедительно и емко автор показывает сложный путь приобщения большинства персонажей романа к православию.

Главы этого произведения писатель читал в Калуге в марте 1916 года. Б. Зайцев сообщал по этому поводу своему другу в письме от 10 апреля 1916 года: «Большая благодарность за роман. Я еще не перечитывая, не заглядывая в него, получаю ощущение ценной для меня вещи. Я знаю, что люблю его. Он также очень понравился Калуге» (9).

После октябрьской революции жизненные пути друзей разошлись: Б. Зайцев в 1922 году эмигрировал, И. А. Новиков решил остаться в советской России. Зайцев посвятил Новикову одно из своих последних произведений, написанных им на Родине — автобиографический рассказ «Душа» (1921), повествующий об одном осеннем дне, который провели оба писателя в разоренной революцией усадьбе. «Мы стоим. Смотрим, слушаем, два призрака, два чудака в пустынях жизни», — таким грустным аккордом завершается эта лирическая миниатюра. В этом произведении Б. Зайцев «попрощался» со своим другом. Больше они никогда не виделись. Но их переписка еще длилась до апреля 1927 года, после чего оборвалась по инициативе Зайцева, ибо он хорошо понимал, что Новикову общаться с ним, с эмигрантом, небезопасно.

В одном из последних писем Новикову Б. Зайцев писал: «Дорогой Иван, мы вспоминаем тебя очень часто и с любовью неизменной. Здесь людей много, но душевно близких очень мало» (10).

В 1920-1950-е годы И.Новиков работал в основном над произведениями исторического характера. Самыми крупными из них явились романы о Пушкине: «Пушкин в Михайловском» (1936) и «Пушкин на юге» (1943), которые автор объединил затем в дилогию под общим названием «Пушкин в изгнании». Это произведение явилось крупным вкладом Новикова в отечественную художественную пушкиниану и в целом, в обогащение жанра русского историко-биографического романа. Дилогия о Пушкине неоднократно переиздавалась при жизни автора, и он каждый раз вносил в нее текстологические правки, тщательно отшлифовывал язык и стиль.

Последнюю прижизненную доработку своего произведения Новиков, в основном, осуществлял, живя в Калужском крае. В начале 50-х годов, после смерти жены, писатель вместе с сыном и дочерью летние месяцы обычно проводил в селе Покров-Тростье (ныне это село входит в состав Жуковского района). Здесь, в доме местной крестьянки И.А. Фетисовой, Новиков, помимо работы над дилогией о Пушкине, трудился над обстоятельным исследованием «Тургенев — художник слова». 6 июля 1951 года он сообщал из Покрова писателю и критику Н. Замошкину: «Дорогой Николай Иванович! Вы нас очень и очень порадовали своим письмом. Ждем Вас! Мы тут много гуляем и едим массу ягод. К Вашему приезду поспеет малина. Памятуя Тургенева, я позволил себе великое наслаждение — «месяц в деревне» провести за чтением «Записок охотника». Это дает ряд изумительных впечатлений: своего рода «светотень» старой и новой Руси. И сейчас мелькают черты «старой» и в «старой» нечто «новое», чего раньше не замечал.

А кроме всего прочего, бродя вместе с Тургеневым, и сам становишься «охотником». Столько в итоге «настреляешь» отдельных художественных наблюдений, что, пожалуй, поэтически поучительного рассказа о них хватило бы на целый семестр Литературного института» (11).

Над этой обширной статьей, посвященной тщательному анализу проблематики, системе художественных образов и поэтики тургеневских «Записок охотника» И.Новиков трудился, судя по авторской датировке, в 1951—1953 годах.

Автор следующим образом определил задачи, которые он ставил перед собою, приступая к исследованию «Записок охотника»: «В настоящей работе мы хотим показать И.С. Тургенева как художника слова <…>, попытаться разгадать те особенности его художественной манеры, которые позволили «прозу действительности» превратить в создание высокого поэтического творчества и мастерства <…>, показать, как из отдельных небольших рассказов создалась в целом единая художественная вещь — вторая в нашей литературе поэма в прозе» (IV, 115-117). Эти задачи исследователь выполнил прекрасно.

Статья Новикова сочетает глубину анализа произведений Тургенева с простотой и доходчивостью изложения. Принципиальный противник наукообразия в литературоведении, Иван Новиков сложнейшие литературоведческие проблемы доносит до читателя с простотой и изяществом. Как писала критика, откликаясь на выход этой статьи отдельным изданием, «она не похожа на обычные историко-литературные исследования, перед нами труд критика-художника» (12). В самом деле, созданная в Покрове книга Новикова о Тургеневе написана ярко, образно, увлекательно, согрета горячей любовью автора к России, к творчеству Тургенева, к великой русской литературе.

2—3 ноября в с.Покров И.Новиков написал стихотворение «Записки охотника», которым предварил свое исследование:

Из многих книг — сейчас одна:
Ее дыханию внимаю,
Она ясна, чиста до дна,
А глуби — сердцем поднимаю.

В таком же, как и наш, лесу
Бродил с ружьем он за плечами,
Просторов русских пел красу
И днем, и звездными ночами.

Исполнен думою одной,
Одним желанием, вечно юным,
Хотел он видеть край родной
Свободным, светлым, неугрюмым.

Он слышал мирный ход времен,
Судьбы народной видел сдвиги,
И сочетанием имен —
Сократ и Хорь — свергал вериги.

Какая четкость мастерства!
И мысль, и солнечные блики
Блистает, как в росе листва:
Мир и простой, и многоликий.

Природы трепетной черты
И глав задумчивых сиянье.
Какое здесь и красоты,
И правды верное слиянье!

Село Покров Калужской области, 1952

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что связи И.А. Новикова с Калужским краем были многообразны и способствовали активизации его творческой деятельности.

Литература и источники

1. И.А. Новиков в кругу писателей-современников. Орел—Мценск, 2003.
2. Новиков Иван. Золотые кресты. Мценск, 2004.
3. Новиков И.А. Собр. соч. В 4-х т. М., 1966. Т.1. С.28. Далее произведения И.Новикова цит. по этому изданию с указанием тома и страницы.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр.соч. Т.57. М., 1952. С.94.
5. Майгур Н. Литература и жизнь//Утро России. 1916. №281.
6. Зайцев Б.К. Собр.соч. В10 т. Т.10. М.,2001. С.90
7. Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ), фонд 16, оп.1, № 26864.
8. Там же. С.147.
9. Зайцев Б.К. Собр.соч. В10 т. Т.10. М., 2001. С.90
10. ОГЛМТ, фонд 16, оп.1, №2682.
11. РГАЛИ, фонд 2569, оп.1, ед.хр. 296. Л. 4.
12. Огонек. 1956. №5. С. 17.

«И ИДЕТ ПОХОДКОЙ ДЕТСКОЙ МУЗА В ПЛАТЬИЦЕ ЛОСКУТНОМ С ПТИЧЬЕЙ МЕТИНОЙ НА ЛБУ…»

(Возвращаясь к сборнику калужского поэта С. Львовой «Elle s'appele…Ее имя…»)

Е.А.Балашова, *к.ф.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского*

6 марта 2005 года скончалась Света Львова (Трунина).
Это размышление о сборнике — ее памяти.

Мы все желаем вернуть мир, когда еще его вывихнутость не воспринималась как нормальное состояние. Силимся вспомнить хорошее, за что можно было бы зацепиться. Надергав образцовых «картинок», ждем, когда расколотый нами же мир сам соберется. Ничего не выходит — испытываем отчаяние. А есть люди, которые, вспоминая и складывая «картинки», живут надеждой, что связи окажутся неслучайными, правильными и сложение — оживет. На их «реставраторских» плечах лежит ответственность за восстановление — не больше не меньше! — единства мира. Это поэты. У них нет агрессивности и революционности, они никого ни к чему не призывают. Их позиция — это, скорее, позиция Тома Сойера, красящего забор: поэты творят и испытывают радость от своей работы. А если и вы чувствуете подобное — что ж, становитесь рядом. При этом творцы настолько деликатны, что боятся других, незаинтересованных, загрузить работой: все сделаем сами, вы только не унижайте нас своим пренебрежением и страхом ответственности:

…но только вы не бойтесь.
Не бойтесь собирающих пространство.

«Лоскутное одеяло», «лоскутный падающий мир», «лоскутный колпачок»: после перебирания «кусков» начинается их сшивание. А потом повторение вечной работы: склеить узор, собрать черепки, сложить звуки, вспомнить имя.

Реставратор расколотого мира Света Львова сначала восстанавливает род. Человек — уникальный, единственный, но все-таки осколок рода: не найдет связи с себе подобными, обречет

себя на уничтожение. У Светы Львовой есть чувство семьи, «болит корней причудливый орнамент». Не доводилось ранее встречать стихотворения, где так много было бы родственников — и по крови, и по душе: баба Оля, «дедулюсенька», баба Паня, сестра Танька, кукла Катя, но, главное, - папа. «Папа знает все». Папа уверен, что ты «никогда не умрешь». «Пусть папа еще немного побудет счастливым». Как герой стихотворения Г.Айги, строки которого взяты эпиграфом к циклу «Кто там?», Света Львова проверяет, есть ли она, «учитывая начало крови». Но мы помним, что было в Начале. Семейная дочерняя любовь превращается в истинную дочернюю любовь — к Богу-отцу и матери Церкви, становящейся воплощением женского начала:

К желтому солнцу воздев
раненые сосцы,
церковь в низине лежала,
а голуби выше — в небе летали,
как храм...

Истинная церковь именно там — где голуби. «Птичья метина» музы Светланы Львовой, которая, как и постоянно повторяющиеся образы шва, шрама, метки, не убирается, потому что все, что связано со светом, воздухом, небом, в поэзии неуничтожимо.

Обращение к своему роду Света Львова превращает в обращение к роду человеческому:

Мы с тобою похожи, поскольку едина плоть...

Собирать человеческий род нужно через прощение, ведь болят шрамы, отделившие непрощеную, отъединенную от целого душу:

И кто-то весь в белом отрежет ножом
Тебя от меня, но останется шов —
По белому белый — во весь белый свет,
А мы не заметим, что нас уже нет.

Останутся изолированные существа, а нас не будет. Эти слова — о единстве двоих на фоне рода. Любящие соединены так крепко, что даже если связующее разрезать, все равно срастется. Только тогда это любовь. И суть ее как раз в том, чтобы досотворить себя до Божьего замысла: преодолев самость, стать родом. Посмотрите, какой навязчивый и красноречивый в этом смысле в поэзии С.Львовой образ зерен винограда: ягод много, но гроздь одна — целая. Люди знают несколько способов существования. Можно, например, жить — как в землю зерно сажать. Тогда мы прорываем оболочку, кладем семечко, выравниваем землю, а потом зерно прорывает поверхность. При этом виде сосуществования, даже во имя благих целей, все вынуждены разрушать. Но можно существовать по-другому, а именно, как ягоды в грозди: это единство множества миров, которые любуются друг другом, друг в друге отражаются.

Так же отражаются друг в друге два дома Светы Львовой: один — «протекшая чужая крыша», «утлый дом», одинокий и сиротливый, другой — дом истинный, для которого нет материальных пределов: «Мой дом одновременно здесь и где-то...». Воля каждого — выбирать, в каком доме жить.

Человек ко всему приспособился: отомкнулся от других, но разлуки не изведал; покинул Дом — но удовольствовался маленьким домиком; наплодил сирот, забыв о своем сиротстве. Мы прибрались в своей квартирке, поставили квас на окно и пирог в духовку, вышили крестом полотенце — и никакое «тук-тук» не помешает нашему наслаждению. Мы ему вряд ли откроем. Мы так привыкли. Нам так, может, и не очень радостно, но, в целом, удобно. Однако похожий на наш, наполненный вещами — типа жидкости «Фейри» или троллейбуса № 5, — мир Светы Львовой все-таки другой: лишенный суетности. А все потому, что в подобранных деталях окружающего мира она легко угадывает наши личные, пришедшие или из детства или какого другого счастья (а может, и несчастья), но тоже торжественно переживаемые: пропыленное чердачное окно — из моего детского опыта, разорванные бабушкины бусы — точно мои, «заглубинное солнце вина» — наверное, мое. Но и этот огромный мир вокруг может стать крошечным, редуцироваться до ничто без другого огромного мира, того, что внутри. Поэтому со Светой Львовой роднит понимание чужих слез, которые — неправда! — нельзя кому-то раздать, и чувство, когда

...двери распахнув, вбегают в дом —
и видят вдруг, что все о чем-то плачут...

Света Львова любит людей, и эта любовь позволяет ей брать чужую боль как свою. Часто такое отношение, несмотря на всю его естественность, бывает трудно принять, как слишком дорогой подарок. А когда однажды распахнутые, разведенные в стороны руки становятся жестом отчаяния, в них по привычке бросаются в объятья.

Теперь становится понятным, что значит, когда стихотворения называются личными. Все стихи Светы Львовой — о ней, но все - больше автобиографии. По ощущению безусловности и данности это — точно стихи. Ими невозможно обмануть: произнесены только те слова, на

которые есть право, но — главное! — за которые несешь ответственность. И опять-таки неизменное чувство: стихи — ее, а ты чувствуешь — о тебе. Так С.Львова собирает внутренний опыт людей.

Первый раздел книги называется «Сквозь водоросли времени». Для меня это название оказывается неожиданно интимным: как-то четырехлетняя дочь предложила посадить водоросли, чтобы выросло море. У С.Львовой подобно — из «водорослей» — вырастает время и пространство. «Водоросли» — это ощущения, чувства, маленькие знания и небольшие открытия, сквозь которые мы пробираемся к интуитивному знанию, так как настоящего знания на земле получить не дано: «Сквозь водоросли к истине, кто вы...». Поэтому когда Светлана Львова пишет: «Я выброшена, как волна из моря...», — я понимаю, что она часть всего пространства, целого времени. Стало быть, неправда, что она «дочь» только «отгороженных ей времен». Не просто «дочь», а «блудная дочь»: уходит, возвращается, прощение просит и прощение получает.

«Ты в ответе за тех, кого приручил» — эта теперь уже почти не интересная, замученная фраза у Светланы Львовой оживает, оживает буквально: ты в ответе за жизнь того, кого вскормил. Была дочь, стала мать. С.Львова собирает природу, становясь всему матерью. При этом не только очеловечиваются животные, но и «оприродниваются» люди:

Я тихо вылупляюсь из личинки
моей судьбы...

Быть матерью означает быть женщиной. Быть хорошей женщиной гораздо труднее, чем быть хорошей девушкой: больше соблазнов, больше поводов для оправдания. Хорошей женщине нужно каждодневно «быть практичной», но при этом не забывать о вечном (а ведь последнее слово всей книги — «вечность»).

Все времена на свете про любовь... —

только настоящая женщина, та, которая вырастает из «вечной жертвенности», знает об этом. Только настоящая женщина может быть хорошей матерью.

Я думаю, когда говорят: «У человека большое сердце», — это вовсе не метафора. Иначе как бы уместились в нем все, кого мы любили и любим? Любовь никогда никуда не уходит, она всегда с нами, ее нельзя прожить, потерять или забыть. Именно такой — состоящей из самых главных чувств и идущей через Бога — должна быть наша любовь. Чувство не целостное — не любовь. Света Львова в каждом сердце собирает главные чувства.

Реставраторский долг и тяжелейшая материнская ноша — найти еще живое, согреть, накормить. Это дар — обнаруживать жизнь почти по звериному чутью; находить по признаку родства, большего, чем кровное, живую душу, вскармливать ее молоком, как настоящего детеныша:

И я, обернувшись волчицей лесной,
чужого ребенка найду под сосной,
вскормлю его горьким своим молоком —
того, кто владеет моим языком.

Мать дает жизнь не только с молоком, она дает жизнь с языка — первые звуки колыбельной, первые слова (вот почему «род», и «рот», и «родина» связаны у С.Львовой):

...на ушко шептала, песчинки считала
да львенка питала
своим молоком...

С.Львова собирает жизнь: человека к человеку, людей к животным, а всех — людей и животных — к одному: к агнцу:

Я хлеб замешу из колючей сухой травы,
чтоб агнец, убитый тобою, остался жив.

Если читаешь:

Когда бы прослыть я посмела
лесной беззащитной букашкой...
иль шла на закланье барашком,
невинной не пряча главы, —

то знаешь, что это не только о жертвенности или невинности, но и о нерастраченной любви:

...ягненка взгляд, а в чаше хлеб и кровь —
все это про любовь...

Любовь и слово, замешанные в жертвенной чаше, молоко и кровь вместе, напоминают о Ребенке. Ягненок почти везде у Светы Львовой сопоставляется с детством:

Под детские взгляды овец
кровавыми кажутся звуки.

Или:

...внук Авраама
смотрит печально, как будто дитя иль зверь.

Нам только кажется, что дети могут чего-то не понимать, а у них есть мудрость, есть знание боли и жертвы:

Как будто бы снова младенец орет
то дикое слово, что знал наперед,
когда в материнской утробе томясь,
был сам себе узник и сам себе князь.

Ребенок просто не знает, до чего он не дорос. У него еще нет опыта. А старики часто понимают, что опыт не имеет значения, пренебрегают им. Оттого-то ребенок нередко похож на старика:

Там младенец с ликом старика
будет волчье лыко нам вязать...

Лоскутки, картинки, из которых создается расколотый мир, у С.Львовой все больше детские: свистульки, добрый волк, качели, молоко, дикие яблоки, льдинка на языке. Ей чувство детства «привито вместо оспы». Иначе и быть не может: кто же, если не «реставратор», будет думать о детях, искупать отвергнутые возвращения блудного дитя:

Дождь прошел, как беда,
Как никем не прощенный ребенок.

С.Львова не раз говорит, что измеряет жизнь «детским первородным криком» — тем криком, который раздается в самом начале, в момент рождения. А еще в самом начале было Слово, и «Слово было у Бога, и слово было Бог». Многие теперь знают, что под Словом понимается Иисус Христос, сын невидимого Бога: как невидима и не осознана другими твоя мысль до тех пор, пока она не превратится в слово, так и идея Бога могла казаться абстрактной до тех пор, пока ее не явил воочию Христос. В мире Светы Львовой соединяется слово и Бог, ребенок и Бог, ребенок и кровь, ребенок и молоко. Молоко — это ведь тоже то, что бывает в начале. А потом молоко вновь становится словом:

Прости мне колючие звуки, что пьешь с молоком...

Язык «колюч», не всегда внятен и нелегко дается ребенку. Материнское слово принадлежит земной женщине, но рождено оно Единым Словом, включающим все слова. Оно нелегко дается и поэту, вот почему мне кажется, что С.Львова помогает собирать Слово:

Пусть придет к нам живое слово
и потрется о наши ноги
как бездомный рыжий котенок —
мы нальем молока ему в блюдце.

Но «реставратор» расколотого мира Света Львова восстанавливает и Текст. Текст — это та ткань, вне которой слово не может жить, то, что держит слово. Светлана Львова иногда пересоздает текст: в ее литературном пространстве живет новая Татьяна с новым письмом Евгению («Евгению»), новое, вслед за Жуковским («Там небеса и воды ясны...») и позднее Цветаевой («Увези меня туда...») очарованное «там», оставшееся в детстве («Город»), а также Кибиров и Пушкин, Асадов и Шекспир. Текст, как и жизнь, собирается тяжело: из «тишины и путей кривизны», из «неуклюжих звуков», катающихся «во рту языком» и еще не оформившихся:

Я пока не готова, и мне еще не слышно,
как краснеет рябина во мне и почем синева
этой ветреной осени.

Процесс рождения звука Света Львова описывает не логически, а, скорее, физиологически — опять как мать, для которой важен физиологический процесс рождения и роста ребенка:

Язык, немотствуя, цепляется за небо —
так просит неба каждая букашка
так взламывает ключ кору земную.

Он, как и рождение всего живого, сопровождается кровью, болью, взламыванием. Томление от ожидания рождения может быть долгим и мучительным, его не всегда напитает и серафим:

Ходят ангелы лениво
По слепому полукружью
Недописанной строки...
...Ты не знаешь, я не знаю,
где не сходится кривая,
не слагается строка.

Когда звук все-таки появляется, он, такой долгожданный (и «кривая», и «полукружья» — это напоминание о радуге, воротах, Вратах, а значит, не могут пониматься негативно), разочаровывает:

«звуки тесны, как вещи». Звук не может не разочаровать, как и все, что уже произошло. Разочаровывает и слово, так долго искомое:

Слово корявей коры.
Словом притронусь —
на небе царапины.

Нам не дано то Слово, оно только у Бога, поэтому поиск его — всегда трагедия. Но если букв — «корявенькая сыпь», если речь — «сто седьмая разновидность лени», если бесполезно искать рифму «к слову нелепому жизнь», может быть, тогда лучше молчать, тем более, это только «все твердят, что слова произносят не зря, / а друг друга не слышат»? Думается, что бессловесность в восприятии С.Львовой понятие неоднозначное:

Открытая, как рана,
с подиума, с экрана
сходит к нам Немота —
непрошеною вестью,
с бабочкою на месте
пропитого креста.

Немота — такое состояние души, когда слова не нужны (ты наполнен «непрошеной вестью»). Но это — только с одной стороны. С другой — Немота там, где нет Слова, а вместо него — пустота, причем оба начала связываются в одном человеке. И все-таки стремление к слову заложено в душе и как потребность, и как невозможность иного пути, как безвыходность. Поэтому оно жжет и мучает, но не может не произноситься:

...Но поперек
его судьбы легли
мои слова, как в небе знак,
как детский шрам на лбу.

Здесь Света Львова задумывается над воздействием слова на читателя: она, может быть, и не хочет причинять боль другому, чужому, человеку, но ее слова оставляют отпечаток, заставляют останавливаться и заражаться ее болью. Происходит столкновение, удар, рана, перед этим мы бессильны, как перед знаком в небе. Поэтому-то про Светлану Львову говорят, что она провоцирует любовь к себе. В каком-то смысле это высказывание очень точно. Шрам через сравнение со словом становится воплощенной С.Львовой:

Я на правильном белом живу речевою ошибкой.
И покуда меня не исправили красной чертой,
сладко верить в прекрасную ложь нескончаемой речи,
презирать афоризмы...

Этот шрам она знает сама, потому что не только она его оставляет. Но и на ней оставляют шрамы другие люди, пролетающие кометы и птицы, да все, потому что у поэта аномальная восприимчивость, он чересчур реагирует на то, что другие не замечают (например, я никогда бы не заметила таволги, ее грустного, красивого, душного аромата без цикла с одноименным названием, но именно из таких запахов он и составлен, как другой цикл составлялся по звуку или по вкусовым ощущениям). Отсюда презирание застывших афоризмов и любовь к слову — бесконечному движению. Слово-шрам не просто живет, оно переживается, оно всегда напоминание о боли:

Я перечеркнута болью. Зигзагом
острую молнию нарисовали,
будто бы кожу змеи. Полушагом —
полуползком из нее выскользаю,
но не могу... Как мне нужен помощник...

Чувствую, что на искреннее авторское слово, просящее о помощи, должен быть ответ. Пусть не сразу. Пусть мои слова — это только один из множества возможных «лоскутов», но я теперь тоже помогу «собирать пространство». Начинаю просто — с доброго слова. Знаю, что без него будет хуже, чем с ним. Потому что поэту без нас даже не плохо — ему без нас никак.

Строчка из одного стихотворения Светы Львовой показалась мне подходящей для названия, потому что в ней соединяется все, что способствует пониманию ее поэзии как целого: любовь к детству, небесная мета и идея лоскутного мира, который она мучительно собирает. Чтобы потом раздать другим всю себя. По живому лоскуту. Просто так.

69 Зак. 1971

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ БОРОВСКОГО КРАЯ В УЧЕБНОЙ ЭКСКУРСИОННОЙ РАБОТЕ*

В.А. Низовцев, *к.г.н.,* ***Н.А. Марченко,*** *к.г.н.,* ***И.В. Гравес, Е.В. Зырянова, М.В. Онищенко,*** *Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова*

На географическом факультете МГУ накопился богатый опыт проведения учебных экскурсий со школьниками и студентами по Боровскому краю. Особым видом учебной экскурсионной деятельности являются ландшафтно-исторические экскурсии, направленные на создание целостного представления о территории, выявление особенностей взаимоотношения человека и природы на разных этапах ее освоения. Во время таких экскурсий параллельно освещаются разные аспекты географии и истории конкретной территории, формирование и развитие ландшафтов и деятельность человека в них с момента возникновения первых поселений. В подготовке таких экскурсий участвуют специалисты разных специальностей — ландшафтоведы и экологи, историки и археологи, привлекается самый разнообразный материал.

В ходе ландшафтно-исторических экскурсий непосредственно на местности демонстрируются географические и культурные объекты, и особое внимание уделяется ландшафтно-историческим комплексам (ЛИК), которые являются результатом конкретной хозяйственной и культурной деятельности человека в конкретных ландшафтных условиях, памятью этой деятельности. ЛИК представляет собой целостную систему, включающую как антропогенные, так и природные составляющие. За длительное время существования памятника культуры, истории или археологии, происходит как бы «срастание» его с вмещающей природной средой, как правило, представленной природно-территориальными комплексами низких иерархических уровней. Поэтому на экскурсиях не стоит ограничиваться демонстрацией точечных объектов (храма, усадьбы и т.п.), напротив, необходимо обращать внимание на особенности окружающей природы; органичность нахождения этого памятника в данном месте, тем более что во многих случаях выбор места для строительства определялся и природными особенностями.

Среди составных элементов ландшафтно-исторических экскурсий назовем ознакомление с ландшафтной структурой, почвенным покровом территории (если возможно, с заложением и описанием разрезов); выявление вместе с экскурсантами межкомпонентных связей (например, растительности с почвами, горных пород с водным режимом территории); изучение садово-парковых ландшафтов, особенностей строительных традиций и декоративного искусства Руси. Важным методическим моментов является работа с разнообразными картографическими материалами (планами местности, архитектурных сооружений, парков и садов, топографическими картами, ландшафтными и экологическими картами), возможно, включая соревнования по ориентированию на местности. Наряду с современными полезно демонстрировать и картографические произведения прошлого (фрагменты карт Генерального межевания конца XVIII века, военно-топографические карты середины XIX и «двух-трех-верстки» начала XX века), которые показывают не только, что находилось на исследуемой территории в давние времена, но и как «видели землю», что считали на ней важным, наши предки.

Боровский край — веками складывавшееся сочетание густых лесных массивов, небольших городов и тихих деревень, широких просторов полей и речных долин. Не одну тысячу лет по густой паутине местных рек стягивалось население в эту землю. Его города были свидетелями и участниками многих событий российской истории, видевшие на своих полях и польско-литовские войска, и нашествие Наполеона, и полчища фашистов. Эта земля хранит богатейшую историю государства Российского не только в памятниках, но и в своей природе — в типичных среднерусских ландшафтах. Ландшафтные условия территории способствовали ее специфическому хозяйственному освоению. Существовавшее длительное время адаптивное хозяйство обусловило формирование территориальной структуры землепользования, в которой оптимально сочетаются природные особенности территории и хозяйственные потребности населения. Длительная история взаимодействия человека и

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов: РФФИ — проект № 05-05-64896 и Университеты России — проект № УР.08.02.589/05.

природы, складывавшиеся веками формы ведения и территориальная структура хозяйства, обусловили целостность объектов, в настоящее время представляющих собой памятники духовной и материальной культуры, и их природного окружения. Многие ландшафты стали единым целым, гармоничным сочетанием исторических и культурных памятников и окружающей их природы. Они стали своего рода «биографической летописью» хозяйственного освоения территории, исторических событий, происходивших в них, и непосредственно связаны с историей не только своей местности, но и, как правило, всей Центральной России.

Показ именно этого органичного сочетания природного и антропогенного, эстетической привлекательности и хозяйственной целесообразности, создавшего в совокупности культурно-исторический образ национального русского ландшафта, является главной особенностью ландшафтно-исторических экскурсий.

Ландшафтные особенности территории обусловлены, главным образом, ее пограничным положением на стыке нескольких физико-географических районов. Поэтому на относительно небольшой территории встречаются практически все основные типы ландшафтных комплексов, распространенных в Центральной России. Положение на границе междуречных и долинных ландшафтов, большое разнообразие и контрастность природных условий, в свою очередь, определило богатство природно-ресурсного потенциала и возможностей духовного и хозяйственного освоения этой территории. Боровский край может считаться эталоном староосвоенных ландшафтов, где сохранились памятники практически всех основных этапов и видов хозяйственной деятельности.

История освоения Боровской земли насчитывает не одну тысячу лет. Первые, достоверно известные свидетельства обитания в данном районе людей относятся к эпохе мезолита и датируются археологами не ранее VII—VI тыс. до н.э. В Боровском районе известны три стоянки, расположенные южнее д. Маламахово по обоим берегам Исмы, и одна — в с. Рябушки на р. Протве. В этот период начинается процесс освоения долин рек региона. На территории Боровского района многочисленны находки лепной керамики, относящейся к неолитическому времени (около пяти тысяч лет тому назад). Новый этап освоения бассейна Средней Протвы наступил в начале I тысячелетия до н.э. с приходом сюда племен дьяковской культуры (ранний железный век). Поселенческая структура имела ярко выраженный линейный характер, поселения (неукрепленные — селища и укрепленные — городища) располагались цепочкой на мысах и стрелках по долинным зандрам и надпойменным террасам долины Протвы и ее притоков. На р. Протве известными поселениями железного века являются Боровск, Высокое, Кривское и др., а также в районе Сатинского полигона у д. Маламахово по левому брегу Исмы. Судя по всему, долина р. Протвы являлась одним из наиболее густонаселенных районов Центра Русской равнины того времени.

В X—XII вв. происходила интенсивная колонизация этого края славянскими племенами вятичей и отчасти кривичей. Несколько столетий Протва была порубежной рекой между Смоленским, Черниговским, Рязанским и Ростово-Суздальским княжествами. В XII в. верхняя часть Протвинского бассейна, включая территорию Сатинского полигона, принадлежала Смоленскому княжеству, а нижняя — Черниговскому. В это время здесь сложилась довольно густая сеть поселений: селища Беницы, Совьяки, Рябушки, Роща, Кривское и др., были и укрепленные поселения — городища в Боровске, Маламахово и Отяково. Самым известным из них является славянское поселение Беницы, упоминаемое в летописях за 1156 г. как административный центр смоленский князей. Местное население, а кроме славян-вятичей на этой земле проживали также представители балтского племени голядь, вело комплексное хозяйство и занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, бортничеством и ремеслами. Археологическими памятниками вятичей этого периода на территории Сатинского полигона являются селище в д. Сатино на правом берегу на I надпойменной террасе р. Протвы и курганная группа (три курганных могильника), расположенная также на I надпойменной террасе на левом берегу р. Протвы в районе Рыжковского кладбища. Эти курганы свидетельствуют, что участок надпойменной террасы в то время распахивался, так как вятичи, по обычаю своего времени, устраивали свое кладбище на дальнем конце поля, на границе с лесом. Возможно, что это и было кладбище поселения, располагавшегося выше по склону террасоувала. Уже тогда на месте коренных лесов в долинных и долинно-зандровых ландшафтных комплексах возникают массивы вторичных мелколиственных лесов и локализуются очаги более глубокого воздействия на ПТК, в которых появляются необратимые изменения, захватывающие почву и литогенную основу. Возникают и первые антропогенно-производные комплексы — селитебные и пахотные.

После монголо-татарского нашествия территория бассейна Протвы входит в сферу влияния Рязанского княжества, а в первой половине XIV в. р. Протва становится опять пограничной между Московским и Рязанским княжествами. В середине XIV в. Боровские земли вошли в Серпуховский удел, выделенный московским князем Иваном Калитой своему младшему сыну Андрею (ум. 1353 г.) и составили Серпуховско-Боровское княжество, просуществовавшее до 1456 г., когда Боровск и его земли окончательно вошли в состав Московского княжества. А последним Боровским князем был Владимир Андреевич Старицкий, казненный Иваном Грозным в 1569 г. Длительное время Боровск был одним из важнейших пограничных городов Московского государства. Впервые Боровск упоминается в Духовной грамоте великого князя Московского Ивана II Красного, хотя исторические факты свидетельствуют о более раннем его происхождении. Свое название город получил, видимо, от могучего соснового леса, раскинувшегося по надпойменным террасам и долинному зандру левого берега Протвы в его окрестностях. Так как Боровск был важным военно-оборонительным пунктом Московского государства, имеющим особое стратегическое значение, то, естественно, город обладал и мощной крепостью. Из исторических источников известно строение деревянной крепости — □□«города», построенной в конце XVI века на высоком правом берегу Протвы на насыпном холме (топографически занимающем останец высокого долинного зандра), круто обрывающемся к реке. Река и крутые откосы защищали крепость с севера и востока, с юга с незащищенной стороны крепость был опоясан земляным валом и рвом, а с запада тянулся глубокий овраг. В 1634 г. крепость сгорела и больше она не восстанавливалась, так как к этому времени утратила свое оборонительное назначение. Дело в том, что рядом с городом уже стояла первоклассная средневековая каменная крепость — Пафнутьев-Боровский монастырь.

Еще в 1410 г. в Боровске был основан свой Высоковский монастырь, названный так по имени пригородного села Высоково. Сейчас на этом месте стоит деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (конец XVII в.). Надо сказать, что отсюда открывается изумительный вид на город. Одним из монахов Высоковского монастыря был Пафнутий (1394—1477 гг.), внук боровского татарского сборщика дани, принявшего христианство. Почти двадцать лет Пафнутий был игуменом (настоятелем) этого монастыря. На рубеже XIX и XX вв. у алтарной части Покровского собора на месте захоронения родителей преподобного Пафнутия была построена каменная часовня. В 1444 году Пафнутий ушел из Высоковского монастыря и поселился на другом берегу Протвы, у впадения в него речки Истерьмы рядом с селением Роща. Здесь им и был основан новый монастырь — Рождественский (Рождества Пресвятой Богородицы), или, как его сейчас называют, Пафнутьев-Боровский монастырь. В 1467 г. был сооружен каменный храм Рождества Богородицы, который расписали знаменитые русские живописцы Дионисий и Митрофаний. Роспись этого храма настолько удалась, что вызвала восхищение не только у местных монахов и жителей, но и великого князя Московского Ивана Васильевича, который и вызвал Дионисия расписывать только отстроенный Успенский собор в Кремле. После преставления в 1479 г. преподобный Пафнутий был погребен в этом соборе у южного портала. В XVI в. Пафнутий был причислен к лику общерусских святых. К сожалению, этот храм не уцелел: в конце XVI века здание из-за ветхости было разобрано, а на его месте был построен новый, сохранившийся до настоящего времени.

Монастырь пользовался покровительством российских правителей: великих князей и царской семьи. Поэтому он имел возможность вести каменное строительство. В 1919 г. монастырь был закрыт, а с 1991 г. он был возвращен Русской православной церкви.

Пафнутьев-Боровский монастырь — это памятник древнерусского оборонительного зодчества и прекрасный образец русского культурно-исторического ландшафта. Монастырь гармонично вписан в окружающую природную среду. Особенно живописно смотрится монастырь с северо-западной стороны с высокого берега Истерьмы в окружении полей и лугов, рощ и селений. К северным и западным стенам монастыря почти вплотную подходят искусственные пруды, устроенные на Истерьме и долгое время служившие, наряду с широким насыпным валом, дополнительным защитным поясом крепости. Сейчас вал занят прогулочной липовой аллеей.

Крепостные сооружения монастыря возводились в XVI—XVII вв. С того времени сохранился редкий памятник жилого и хозяйственного строительства — Погребной корпус, сооруженный, по-видимому, в начале XVI в. С именем монастыря связано много славных страниц в русской истории. В «Смутное время» под руководством царского воеводы князя М.К. Волконского боровчане в течение 10 дней мужественно отражали все атаки войска самозванца Лжедмитрия II. Однако в результате измены врагу удалось ворваться в монастырь

через Входную башню (с тех пор в народе ее называют «башней измены»). Долго шла битва на стенах и внутри монастыря. В этой битве, как указывает летописец, погибло 12 тыс. человек. Монастырь был ограблен, сожжен, а стены и башни разрушены. Восстановить его удалось только в 30-х годах XVII в. В память этого события в 1777 г. городу Боровску был дан герб. На серебряном щите изображено сердце, внутри которого золотой крест. Все это окаймлено зеленым лавровым венком.

Со второй половины XVII в. Боровск становится одним из центров русского старообрядчества. Дважды ссылался и находился в заключении в Пафнутьев-Боровском монастыре один из основоположников раскола протопоп Аввакум. Однако у местных жителей Аввакум и его учение стало пользоваться такой большой популярностью, что его по распоряжению царя увезли отсюда. В Боровском девичьем Рождественском монастыре, а затем в остроге в воеводской земляной тюрьме, расположенной на городище содержались известными почитательницами Аввакума сестры Соковнины — боярыня Феодосия Мороза и княгиня Евдокия Урусова. От лишений и голода они скончались в этой земляной тюрьме. Сейчас на месте их заключения стоит памятный крест и строится часовня. До нашего времени в городе сохранилось два старообрядческих Покровских собора (первой и второй общины), построенных, соответственно, в 1913 и 1914 гг.

Не обошли стороной Боровск и такие важные события в жизни страны, как Отечественная война 1812 г. В Боровском уезде успешно против французов действовали партизанские отряды. Когда Наполеон был вынужден оставить Москву, то он направился на юг, в Боровск, где у него была временная ставка, и далее в Малоярославец, где и произошло решающее сражение, в результате которого он был вынужден повернуть обратно на Боровск и далее на старую Смоленскую дорогу. Во время битвы за Малоярославец ставка Наполеона находилась в деревне Городня. Именно на этой дороге 14 октября, когда Наполеон из Городни направился в Малоярославец, он чуть ли не был захвачен в плен казаками атамана Платова. Наполеон, оставив обоз, вместе с маршалом Неем и генералом Коленкуром чудом вырвался из окружения.

С конца XVIII в. развитие города осуществлялось по регулярному плану застройки. Однако при этом застройка производилась с учетом сложных географических условий, без коренной перестройке сложившейся городской структуры. В XIX в. Боровск стал вторым городом в Калужской губернии после самой Калуги и поражал современников необычайной живописностью. Да и к настоящему времени практически сохранился.

С Боровской землей связана жизнь и деятельность таких замечательных соотечественников, как герой Куликовской битвы князь Владимир Храбрый, преподобный Пафнутий Боровский, художник И.М. Прянишников, выдающийся флотоводец, адмирал Д.Н. Сенявин, математик П.Л. Чебышев, врач Ф.И. Иноземцев. Двенадцать лет жизни основоположника научной и практической космонавтики К.Э. Циолковского связаны с г. Боровском, где он работал в уездном училище. В этом же училище некоторое время преподавал географию и историю выдающийся философ Н.Ф. Федоров.

Среди основных посещаемых пунктов вне Боровского района — Калуга, Малоярославец, Полотнянный Завод. Такие экскурсии проводятся уже несколько лет для студентов Московского государственного университета и подшефных школ. Для их проведения разработан специальный картографический материал, текстовое и иллюстративное сопровождение и методический аппарат. Опыт проведения ландшафтно-исторических экскурсий показал их большую эффективность и привлекательность. Кроме обучающейся молодежи, они могут быть интересны и для широких масс туристов.

КАБИНЕТ ЛАНДШАФТНОЙ ПРАКТИКИ НА САТИНСКОЙ УЧЕБНО-НАУЧНОЙ СТАНЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (БОРОВСКИЙ РАЙОН)*

Н.А. Марченко, *к.г.н.,* ***В.А. Низовцев,*** *к.г.н.,* ***С.Н. Шейко, Ю.В. Логунова,***
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Более тридцати лет существует Сатинская учебно-научная станция, на которой проходят полевую практику студенты географического факультета МГУ и подшефных школ. Важной составной частью обучения студентов первого курса методам и приемам экспедиционной работы является ландшафтная практика. Ее основные цели — изучение закономерностей

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ — проект № 05-05-64896 и Университеты России — проект № УР.08.02.589/05

пространственной организации территории, анализ взаимосвязей компонентов природно-территориальных комплексов. Важно показать необходимость комплексного подхода к изучению природы, которая диктуется возрастающей потребностью рационального и бережного использования всего многообразия природных ресурсов в народном хозяйстве; заложить основы комплексного мышления и умения видеть природу глазами ландшафтоведа.

В число конкретных задач практики входит знакомство с объектами ландшафтных исследований — природно-территориальными комплексами разной размерности, особенностями их динамики и функционирования, с причинами дифференциации и интеграции ландшафтов, их использованием человеком. Студентам показываются приемы выявления, изучения и описания ПТК в полевых условиях, причины (факторы) обособления (дифференциации) и интеграции ПТК в ходе их эволюции, а также роль антропогенного фактора в эволюции ландшафтов.

Эти задачи решаются на реальных примерах — ландшафтах Сатинского полигона и его окрестностей. В ходе практики студенты должны получить представление об основных особенностях функционирования и динамики (сезонной и многолетней) ПТК, познакомиться со спецификой структуры и функционирования антропогенных модификаций ПТК (пахотного, пастбищного, лесохозяйственного и др. типов). А кроме того, научиться приемам первичной обработки, анализа и оформления полевых наблюдений, а также построения научных ландшафтных моделей (карт, профилей, графов, математико-статистических и др.).

Выполнение поставленных целей немыслимо без хорошо оборудованного кабинета ландшафтной практики, региональное и методическое оснащение которого создавалось в течение многих лет. И в настоящее время кабинет активно используется преподавателями, ведущими практику для чтения лекций и подготовки к занятиям, студентами для получения необходимого оборудования и выполнения ряда учебных задач, сотрудниками кафедры физической географии и ландшафтоведения и всего географического факультета для проведения научных исследований, анализа и обобщения данных, полученных в результате многолетних работ.

Начиная с работы Боровского ландшафтного отряда в 1970-е годы, полустационарных наблюдений 1980-х годов, был накоплен обширный материал о природе и истории не только Сатинского полигона, но и Боровского района в целом. Эти материалы, частично опубликованные, частично хранящиеся в фондах кафедры физической географии и ландшафтоведения географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, легли в основу наглядных пособий для обеспечения учебного процесса. Эти пособия представлены в виде настенных плакатов, книг, атласов, фотогербариев, серий разномасштабных карт. Основу картографического материала составляют ландшафтные и компонентные карты Сатинского полигона масштаба 1:10 000 и 1:15 000 и собранные в Атлас Боровского района карты масштаба 1:50 000. Банк аэрофото- и космических снимков (черно-белых и спектразональных) за несколько лет, начиная с 1940-х годов, активно используется не только для упражнений по дешифрированию, но и для наблюдений за динамикой ландшафтов. Особенно интересны фотогербарии, в которых растения сгруппированы не по систематическим группам, а по характерным местообитаниям (суходольный луг, сырой луг, дубрава и т.п.), поскольку при описании растительности студентами «в поле» делается акцент на индикаторные виды растений, указывающих на условия среды, характер и степень увлажнения, плодородие почв. Несколько плакатов посвящено истории Боровской земли, ее достопримечательностям и ландшафтно-историческим комплексам, археологическим находкам и особенностям природопользования на разных этапах освоения. Ряд археологических находок был сделан совсем недавно, во время студенческой практики.

Кабинет имеет все необходимое для обеспечения плодотворной работы студентов. В первый день практики студенты получают на бригаду (группу из 3—4 человек) полевые комплекты, состоящие из полевой сумки-планшета, горного компаса, почвенного щупа, ножа и кувалды, учебно-методической литературы. Чрезвычайная антропогенная нагрузка (по большей части, учебная) привела к тому, что на территории почти совсем не осталось нетронутых студентами участков почвенного покрова, где бы можно было заложить хороший почвенный разрез. Буквально каждый метр характерных местообитаний с классическими почвенными профилями перекопан при рытье разрезов предыдущими группами. Поэтому в последние годы почвенный покров на ландшафтной практике изучается с помощью почвенных щупов. Эти щупы забиваются с помощью кувалды.

Первый день практики обычно посвящен обзорным полевым маршрутам с преподавателем, который дает краткую ландшафтную характеристику района практики, показывает ПТК разной сложности, установление их маркирующих свойств и выявление

диагностирующих признаков, определение границ ландшафтных комплексов разного ранга. На конкретных примерах объясняются и показываются основные ландшафтные понятия: «ПТК», «компонент ПТК», «антропогенная модификация ПТК», «факторы дифференциации и интеграции ПТК» и т.д. Преподаватель показывает приемы полевых исследований, включая ландшафтное картографирование и профилирование: пример записи в полевом дневнике, составление описания точки комплексного наблюдения элементарного ПТК на специальном бланке, зарисовка комплексных профилей, нанесение ландшафтных контуров на рабочие планшеты.

В этот же день начинается подготовка к самостоятельной полевой работе: анализ данных предшествующих полевых практик на съемочном участке с использованием методических пособий кабинета ландшафтной практики, дешифрирование топографических карт и аэрофотоснимков (черно-белых спектрозональных и разных залетов) и составление предварительной ландшафтной карты. Все необходимые для этого материалы студенты получают в кабинете ландшафтной практики. Кроме того, силами лаборантов и преподавателей каждая аудитория, в которых занимаются группы студентов, оснащается необходимыми для работы наглядными пособиями — ландшафтными картами полигона и окрестностей, примерами оформления полевых ландшафтных планшетов, профилей и отчетных материалов.

Во второй день проходят групповые маршруты с преподавателем по участку самостоятельной работы, на местности уточняются объекты исследований, начинается непосредственная работа с аэрофотоснимками и топокартами, планирование с учебными бригадами объема полевых исследований с размещением точек комплексного описания, разметка линий ландшафтных профилей и др., ставятся индивидуальные учебно-исследовательские задачи.

В один из первых дней студенты под руководством преподавателя посещают кабинет ландшафтной практики, знакомятся с его историей, наглядными пособиями и богатейшими материалами по истории, географии и хозяйстве в районе практики. Эти материалы они смогут в дальнейшем использовать при написании отчета.

Третий и часть четвертого дня посвящены самостоятельной работе студентов на участках по ландшафтному картографированию и профилированию с обязательным контрольными посещениями и консультациями преподавателя.

Четвертый и пятый день — обработка материалов полевых наблюдений, написание отчета. Студенты получают в кабинете ландшафтной практики канцелярские принадлежности, возможность работать на светостоле и компьютерах для выполнения индивидуальных учебных задач.

Результатом самостоятельной работы студентов на съемочном участке может быть составление не только карты фактического материала, ландшафтных карт и профилей, но и прикладных карт, показывающих степень антропогенных изменений в ПТК, их хозяйственной освоенности, необходимости проведения природоохранительных мероприятий, рекультивационных или мелиоративных работ и т.д. На основе полевых материалов возможно включение в отчет выполнение карт и картосхем по оптимизации ПТК рабочего участка или полигона в целом.

В один из дней практики студенты совершают так называемый «дальний маршрут» для знакомства с ландшафтами окрестностей Сатинского полигона, с городскими ландшафтами г. Боровска.

В последние годы иллюстративный ряд был обновлен с помощью современных компьютерных средств и ГИС-технологий. Ландшафтный слой включен в создаваемую на географическом факультете геоинформационную систему — ГИС «Сатино». Современные географические исследования уже трудно представить без компьютерного обеспечения, и в кабинете ландшафтной практики имеется несколько компьютеров с периферийными устройствами (сканер, принтер), на которых, кроме стандартного программного обеспечения, установлена и ГИС «Сатино». С помощью этой ГИС студенты могут быстро получить информацию о компонентах ландшафтов и природно-территориальных комплексах любой точки полигона и проводить на основе полученных данных численные эксперименты и моделирование. В ГИС заносятся и результаты выполняемых студентами полевых работ.

Таким образом, кабинет ландшафтной практики содержит методически хорошо организованный богатейший материал о природе и истории Боровского района, который помогает студентами и школьникам не только постичь основы учения о ландшафтах, но и полюбить этот чудесный уголок русской земли.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРОПА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

***И.А.Самарина**, к.п.н., Калужский областной центр туризма и экскурсий*

В настоящее время, несмотря на множество предпринимаемых мер по экологическому воспитанию, уровень экологической культуры как школьников, так и взрослых остается довольно низким. Об этом говорит мусор на берегах рек, в лесу, вдоль дорог, в школьных коридорах, сорванные и брошенные букеты цветов на дороге из леса и т.д.

Эта проблема заставила нас предположить, что, организуя разнообразную работу в районе экологических троп, мы сможем повлиять на уровень экологического сознания школьников.

Целью нашей работы стала разработка форм и методов деятельности на экологической тропе, направленных на формирование экологической культуры. Перед собой мы ставили следующие **задачи**:

1. определить направления исследовательской деятельности в районе экологической тропы;
2. определить влияние различных форм экологической деятельности на формирование экологической культуры школьников;
3. разработать буклет-опросник и соответствующие информационные щиты на экологической тропе;
4. разработать массовые мероприятия экологической направленности в районе экологической тропы.

Работа в районе экологической тропы включает в себя исследовательскую работу, практическую и просветительскую деятельность.

Они составляют **три основных этапа** в формировании экологической культуры.

Мы разработали программу исследований в районе экологической тропы «В гостях у природы» по различным направлениям (ботаника, зоология, геология, география, фенология). Часть исследований уже проведена. Исследовательская работа позволяет школьникам овладеть методами научного познания, способствует творческой деятельности, формирует интерес и потребность в исследовании природы. Школьники, занимающиеся исследовательской работой, получают глубокие и прочные знания, осознают то, что они делают и могут применить эти знания на практике. Так, например, изучая насекомых района экологической тропы, ребята не только овладели методикой отлова, сушки насекомых, этикетирования и составления коллекции, но и изучили большое количество специальной литературы, научились работать с определителем. У них появился интерес к самым красивым насекомым — чешуекрылым, который выражается в стремлении не только больше узнать о бабочках, но и сделать их своими руками в творческих мастерских (вышить, нарисовать, сделать из конфетных фантиков). Кроме того, изучение насекомых требует и изучения кормовых растений, мест обитания, воздействия различных факторов на их численность, разработки мер охраны. Поэтому исследовательская работа позволяет лучше понимать взаимосвязи в природе, развивает экологическое мышление и экологическое сознание.

Исследовательская работа дает знания, а экологическая культура основывается на знании. Но это только **первый этап** в ее формировании.

Есть такая китайская мудрость — «расскажи мне — и я забуду, покажи мне — и я запомню, дай сделать самому — и я пойму». Так вот, **второй этап** в формировании экологической культуры — практическая деятельность. Очистка старого парка, благоустройство стоянок, оборудование переходных мостиков, борьба с мусором — все это также заставляет школьников задуматься о правильном и целесообразном поведении в природе.

Мы уже назвали 2 этапа в формировании экологической культуры: знания и практика, **третий этап** — «научи другого».

Экологические тропы выполняют многие функции. Важнейшая из них — воспитательная. Школьники не только выполняют определенную исследовательскую работу, но и участвуют в пропаганде экологических знаний среди тех, кто оказался в районе тропы. Информационные щиты, экскурсии, беседы с грибниками, местным населением, отдыхающими, — все это оказывает определенное влияние на сознание людей, заставляет

задуматься о правильности своего поведения в природе, повышает экологическую грамотность людей.

Основными формами просветительской деятельности в районе экологической тропы стали экскурсии, экологические слеты и полевые лагеря. Деятельность экологических отрядов школ города освещается в средствах массовой информации.

Ведущей формой учебной и просветительской работы на экологической тропе являются школьные **экологические экскурсии.**

При проведении экскурсии можно предложить школьникам не только слушать рассказ экскурсовода, но и активно включаться в познавательный процесс. А как заставить думать людей, пришедших на экскурсию? Думаю, что большим подспорьем в этом станет **буклет-опросник**, выдаваемый группе экскурсантов. Он включает в себя информационный материал по тематике экскурсии и вопросы. Одна группа вопросов направлена на повторение сообщенного на экскурсии материала, другая на то, чтобы самостоятельно добыть знания, используя природный материал и тексты информационных щитов, установленных на тропе, третья — на самостоятельность экологического мышления. Кроме того, каждый буклет-опросник имеет отрывной талон, который заполняется в конце экскурсии и сдается организаторам.

Буклеты-опросники необходимы для того, чтобы:

а) повысить познавательную и творческую активность участников экскурсии;

б) помочь вникнуть в некоторые экологические закономерности и осознать их;

в) выявить эмоциональный фон, возникающий в определённых точках маршрута;

г) получить информацию об участниках тропы;

д) выяснить, что больше всего заинтересовало и что не очень понравилось на экскурсии.

Мы разработали такой буклет-опросник, который можно принять за основу при проведении экскурсий по **любой** экологической тропе, т.е. он включает материал, который может быть применен не только на нашем участке. Ведь такие остановки как «В царстве берендея», «Оглянись назад», «Мир — цветной луг», «Песня русских берез», «Привал путников», «Живая вода» вполне применимы на любой экологической тропе.

Кроме того, маленькая книжечка имеет отрывной талон, который заполняет участник экскурсии на последней остановке. Он включает основные сведения об участнике (ф.и., возраст, школа, класс, город, село), несколько вопросов по организации экскурсии и по основным экологическим понятиям, отражает эмоциональный фон на каждой станции.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ГЕНЕЗИСА КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

***В.А. Низовцев**, к.г.н., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова*

Многолетние исследования по формированию антропогенных и культурных ландшафтов, изучению антропогенной динамики и эволюции ландшафтов в Центральной России позволяют сделать определенные выводы по диагностике разных типов антропогенно измененных ландшафтов, по истории их формирования. По степени антропогенного воздействия и изменений структуры ландшафтов можно выделить следующий ряд антропогенно измененных ландшафтов (ПТК). Если антропогенные изменения в ландшафтах не выходят за рамки инварианта ландшафтной структуры и предоставлены саморазвитию и самовосстановлению, т.е. сукцессионно восстановимые, то это будут **антропогенные модификации природных ландшафтов** (ПАМЛ). По своей структуре — это компонентные системы. Если антропогенные изменения (целенаправленные и непреднамеренные) приводят к трансформации структур, перехода от одной инвариантной структуры к другой, то формируются **антропогенные производные ландшафты — природно-антропогенные**

*Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РФФИ — проект № 05-05-64896 и Университеты России — проект № УР.08.02.589/05

71 Зак. 1971

(ПАЛ). Это также компонентные системы, которые также предоставлены саморазвитию. В таких ландшафтах, по В.А. Николаеву (2004), появляется искусственный компонент — техновещество (артефакты, культурные слои и т.п.). Собственно **антропогенными** (АЛ) становятся такие ландшафты, в которых антропогенные изменения (целенаправленные и непреднамеренные) приводят к полной трансформации структур, переходу от одной инвариантной структуры к другой. В отличие от предыдущих они имеют блоковую структуру, а составными подсистемами являются природный, социально-хозяйственный и управления (информационный). Без антропогенного управления они существовать не могут. Схема структуры таких ландшафтов подробно представлена в работе В.А.Николаева (1987). При прекращении управления АЛ переходят в природно-антропогенные ландшафты, т.к. разрушаются связи между подсистемами.

В настоящее время сложилось два подхода к пониманию культурного ландшафта: ландшафтоцентрический и культуроцентрический. В основе первого, традиционного, разработанного трудами Ю.Г. Саушкина, Ф.Н. Милькова, А.Г. Исаченко, В.С. Преображенского, В.С. Жекулина, В.А. Николаева и др., лежит представление о культурном ландшафте как о целенаправленно созданном антропогенном (природно-антропогенном), с целесообразными для человека свойствами и структурой. При культуроцентрическом подходе культурный ландшафт — в первую очередь, продукт деятельности культуры (Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков, В.Л. Каганский, Р.Ф. Туровский и др.).

Понятие «культурный ландшафт» нами рассматривается с позиции классического ландшафтоведения в рамках ландшафтоцентрического подхода. Под культурным ландшафтом (КЛ) понимается целенаправленно созданный сотворчеством этноса и природы антропогенный ландшафт, обладающий высокоорганизованной территорией и оптимальным природопользованием. Это целостное антропогеннно-природное образование, отражающее специфику («культуру») природопользования и духовной жизни этноса в конкретных ландшафтных условиях. Можно сказать, что КЛ — это в определенной степени оптимизированный для конкретного исторического среза времени антропогенный ландшафт, т. е. его разновидность. Многие КЛ можно отнести к категории реликтовых ландшафтов, основная «историческая» жизнь которых оказалась в далеком прошлом. Некоторые, как, например, сохранившиеся культурные ландшафты исторических центров древних городов переходят в новое качество. В целом КЛ — это результат длительного взаимодействия человека и ландшафта, происходившего в ходе когерентного развития, и содержит в своей структуре гетерогенные элементы, унаследованные от различных циклов жизнедеятельности человека в ландшафте.

Культурные ландшафты — это ландшафтные системы блокового типа, в которых конфигурацию, расположение в пространстве «определяет» природная составляющая. Природный блок составляют все основные компоненты, в той или иной степени преобразованные деятельностью человека. В социально-хозяйственный блок входят: хозяйство, духовная культура, этническое сообщество, поселенческая структура, коммуникации. Важнейшее условие существование и функционирования КЛ — антропогенное управление. В КЛ практически утрачена саморегуляция и способность к самовосстановлению, т.к. разрушен основной механизм — биогеохимический круговорот вещества и энергии (Николаев, 2000). Поэтому важной составляющей частью КЛ является блок управления, который включает управление и мониторинг. Генезис, размеры и характер функционирования культурных ландшафтов «определяет» социально-хозяйственный блок, включающий хозяйственную и духовную деятельность человека. Те культурные ландшафты, которые в результате утраты антропогенного управления и разрушения блоковой структуры переходят в природно-антропогенные ландшафты, можно назвать посткультурными ландшафтами: наряду с антропогенно трансформированными природными компонентами и элементами морфологической структуры включают артефакты, социофакты, ментифакты (по Ю.А. Веденину, 1997). Они могут служить своего рода своеобразной «биографической летописью» жизнедеятельности населения в определенных ландшафтных условиях в конкретное историческое время, свидетельством материальной и духовной культуры создававшего его социума. Целый ряд таких комплексов в настоящее время можно отнести

к категории ассоциативных, т.к. материальные элементы в них или отсутствуют, или малосущественны, а историко-культурные ассоциации заключены в природных элементах, которые и являются собственно их носителями: например, погребенные старопахотные почвы, культурные слои, насыщенность ряда ПТК определенного типа артефактами. Такими носителями могут быть и топонимы, отражающие специфическое природопользование, духовную жизнь в конкретном ландшафтном комплексе.

Характерной чертой большинства многих КЛ является экотонное положение, большое разнообразие и контрастность природных условий. Поэтому не случайно они отличаются богатством природно-ресурсного потенциала и возможностей духовного и хозяйственного освоения таких территорий. Разнообразие природных условий обеспечивает и их необычайную эстетическую привлекательность. Восприятие КЛ удовлетворяет самым высоким эстетическим требованиям. Таким образом, как отмечает В.Н. Николаев (2004), «главные особенности культурного ландшафта с геоэкологической позиции выражаются в следующем: а) гармонизация природной, социальной и производственной подсистем; б) оптимальное и устойчивое функционирование; в) минимизация деструктивных процессов; г) здоровая среда обитания; д) наличие постоянного мониторинга; е) антропогенная регуляция, охрана и уход; ж) высокое художественное достоинство пейзажного облика».

Ландшафтные условия территории способствовали ее специфическому хозяйственному освоению. Существовавшее длительное время адаптивное хозяйство способствовало формированию и сохранению территориальной структуры землепользования, в которой оптимально сочетались природные особенности территории и хозяйственные потребности населения. Длительная история взаимодействия человека и природы, складывавшиеся веками формы ведения и территориальная структура хозяйства, обусловили целостность объектов в КЛ, в настоящее время представляющих собой памятники духовной и материальной культуры, и их природного окружения. Именно органичное сочетание природного и антропогенного, эстетической привлекательности и хозяйственной целесообразности, создало в совокупности культурно-исторический образ национального ландшафта, сформированного культурой многих поколений. Соответствие этому (во многом субъективному) образу является главной особенностью культурных ландшафтов, подчеркивая их уникальность и ценность.

Главным структурным элементом культурного ландшафта, его элементарной ячейкой являются культурные ландшафтные комплексы (КЛК), формирующиеся под влиянием природно-материальных факторов. Их природная основа — ПТК локальной размерности, в котором проводится то или иное землепользование, и в который «вписан» материальный объект — свидетельство определенной хозяйственной или духовной деятельности. Иерархический уровень природной основы КЛК соответствует рангу — подурочище и урочище (их можно назвать культурными урочищами), т.к. именно на этом уровне отмечается наиболее тесная корреляция хозяйственных угодий и ПТК. Многие современные КЛК — это сохранившиеся природно-хозяйственные системы определенных исторических периодов антропогенной эволюции ландшафтов. Под культурно-ландшафтным районом (КЛР) понимается совокупность культурных ландшафтов на определенной территории, характеризующейся определенными закономерностями хозяйственной и культурной деятельности, с однотипными системами расселения и закономерными сменами природопользования. Природный фактор также является одним из решающих в формировании культурно-ландшафтных районов. Пример — культурно-ландшафтный район бассейна Средней Протвы с древнерусскими поселениями (Боровск, Бенницы, Вышгород, Борисов, Верея и др.).

Можно выделить три иерархических уровня и посткультурных ландшафтов. Ландшафтно-исторический комплекс (ЛИК) — основной структурный элемент культурно-исторического ландшафта, его элементарная ячейка, формирующаяся под влиянием природно-материальных факторов. Они как бы фиксируют территориальную структуру хозяйственной деятельности в определенные хроносрезы. Наличие в ЛИК разного типа артефактов, погребенных старопахотных почв, культурных слоев, или даже топонимов дает возможность восстановления картины жизнедеятельности поселенцев в определенные исторические этапы, а также реконструировать антропогенные изменения в ПТК, сопутствующие разным

видам природопользования. Культурно-исторический ландшафт (КИЛ) — целостное историко-культурное и природное образование, отражающее историю природопользования и духовного развития местного (этнического) сообщества конкретной территории с определенными однородными природными свойствами. Большинство КИЛ-ов относится к категории реликтовых ландшафтов, закончивших свое эволюционное развитие. Многие такие ландшафты в настоящее время находятся в определенной стадии музеефикации, например, культурно-исторический ландшафт Пафнутьев-Боровского монастыря в окрестностях города Боровска. Культурно-исторический район (КИР) — совокупность культурно-исторических ландшафтов на определенной территории, отражающая закономерности исторического ее развития. Примером может служить культурно-исторический район «Порубежное Западное Подмосковье», основу которого составляют культурно-исторические ландшафты древнерусских порубежных городов-крепостей (Тушков городок, Можайск, Верея, Борисов, Вышгород, Лужеск), приуроченных к флексуре коренного фундамента карбоновых известняков, являющейся и важной ландшафтной границей.

Первые антропогенные ландшафтные комплексы в Центральной России стали возникать с переходом присваивающего типа ведения хозяйства в производящий (Низовцев, 1990). Такой переход (неолитическая революция) осуществился лишь в бронзовом веке. Именно в этот период земля стала превращаться в средство труда. В мезонеолитический этап формировались только лишь антропогенные модификации природных ландшафтов, а в бронзовый век антропогенно-производные и даже антропогенные ландшафтные комплексы. Формирование первых КЛ обусловлено развитием постоянных поселений и сельскохозяйственного производства. Поэтому можно считать, что собственно культурные ландшафты начали формироваться только в железном веке с формированием постоянной, длительно существовавшей, поселенческой и сельскохозяйственной структуры. Примером может служить поселение железного века Маломахово на Исьме, имевшее не только систему оборонительных сооружений, но и, по-видимому, устойчивую структуру землепользования. В ряде районов (территория окрестностей Сатинского учебного полигона) сложившаяся структура землепользования была настолько устойчивой (просуществовала около тысячи лет) и, по-видимому, оптимальной для того времени, что можно говорить и о формировании культурных ландшафтных комплексов. В настоящее время свидетелями их являются многочисленные хорошо сохранившиеся ландшафтно-исторические комплексы по рр. Протве и Исьме в Боровском районе. В железном веке в Центральной России сложились два основных вида культурных ландшафтных комплексов. Во-первых, это небольшие по площади селитебные КЛК: селища и городища с прилегающими постоянными миниатюрными пахотными участками (пахотные агрогеосистемы на уровне фаций и подурочищ), расположенные на мысах и стрелках между берегами рек и впадающими в них балками. Во-вторых, пастбищные КЛК (на уровне подурочищ и урочищ), занимающие пойменные и долинно-балочные ПТК (пастбищные пойменные лугово-лесные). Тогда же сформировались и самые обширные по площади своеобразные природно-антропогенные ландшафтные комплексы с ведением подсечно-огневого земледелия.

Следующий важный этап формирования КЛ связан со славянской колонизацией региона и развитием пашенного земледелия у славянских поселенцев (X—XII вв.). В густо заселенных землях в районах полевого пашенного земледелия возникают, как их центры и формируются и первые КЛ городов Москвы, Можайска, Серпухова, Дмитрова, Волоколамска, Звенигорода, Рузы и др. В ландшафтном плане практически все древнерусские города занимают экотонное положение по границам (или рядом с ними) как минимум двух, а чаще трех и более ландшафтов. Такое ландшафтное положение характерно и для большинства древних калужских городов: самой Калуги, Боровска, Малоярославца и др. Распространение пашенного земледелия привело к локализации постоянных очагов более глубокого воздействия на ландшафтые комплексы. Раскопки древнерусских курганных могильников, расположенных на придолинных склонах, показали, что курганы насыпались на заброшенной пашне со старопахотными (окультуренными) и частично смытыми почвами. Формируются постоянные (длительно существовавшие) пахотные поля вокруг поселений, которые и можно считать пахотными культурными ландшафтными комплексами того времени. Позднее формирование КЛ связано с внутренней колонизацией региона, широким распространением

трехпольного земледелия и формированием поселенческой структуры на междуречьях. В это время возникают и специфические земледельческие КЛК того времени: «репищи», «конопляники», огороды-«капустники», сады и др.; распространенными природно-антропогенными комплексами становятся «пашенные леса». Многие пахотные участки подвергались окультуриванию, например, после прекращения посевов нередко проводилась чистка и устраивались сенокосы и пастбища. Таким образом, сохранялось или повышалось плодородие почв. Можно говорить о формировании разнообразных сенокосных и пастбищных КЛК (пойменных, низинных, лесных и др.).

Во многих районах Центральной России в XIV—XVI вв., в частности, в Боровском районе была заложена основа современной поселенческой структуры и структуры землепользования. Именно в это время территория активно осваивается силами монастырей, и формируются уникальные монастырские КЛ, как, например, Пафнутьев-Боровского монастыря. В сельском хозяйстве с распространением перелога и паровой системы землепользования с трехпольным севооборотом закрепляются крупные массивы пашенных КЛК. Возникают и поддерживаются КЛК искусственных суходольных лугов. В ряде районов количество населенных пунктов стало максимальным за всю историю региона. На каждое село в конце XV в. уже приходится до 20 и более деревень. Достигается предел аграрной освоенности в сложившейся поселенческой структуре. На междуречных пространствах вокруг сел начинают устраиваться пруды-копани и запрудные пруды — новые виды КЛК. Можно считать, что уже к концу XVI в. в Центральной России антропогенные и культурные ландшафтные комплексы получили максимальное распространение для эпохи средневековья и стали основой их дальнейшего повсеместного распространения.

Литература

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства.— СПб, 1997.

Низовцев В.А. История хозяйственного освоения ландшафтов юго-западного Подмосковья (домонгольский период) // Ландшафты Московской области и Подмосковья, их использование и охрана. — М., 1990.

Николаев В.А. Ландшафтоведение. — М., 2000.

Николаев В.А. Геоэкологическая концепция культурного ландшафта (в свете проблем перехода к устойчивому развитию) // Функционирование и современное состояние ландшафтов. — М.: Городец, 2004.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ

***Л.А. Котуранов**, Корекозевская средняя общеобразовательная школа муниципального образования «Перемышльский район» Калужской области (с. Корекозево)*

Современное общество переживает переход от индустриальной к информационной фазе социального развития, отличительными чертами которой являются:

1. приоритетность информации по сравнению с иными ресурсами социального развития;
2. лидирующие позиции в экономике отраслей, связанных с информацией и информационными технологиями;
3. глобальный характер информационных технологий, охватывающий все сферы социальной деятельности человека;
4. постепенное формирование единства всей человеческой цивилизации.

Вместе с тем, всё большую остроту приобретают проблемы, порождаемые процессом перехода к информационному обществу. Это:

1. взрывной рост количества информации и, как следствие, нарушение баланса между объёмами производимой человечеством информации и способностью человека к её усвоению (приблизительно на шесть порядков, по данным профессора К.С. Лосева);
2. резкий рост влияния на общество средств массовой информации;
3. несанкционированное вмешательство информационных технологий в частную жизнь людей и организаций;
4. трудности адаптации «обычного человека» к условиям жизни в информационном

обществе: растущий разрыв между «информационной элитой» (теми, кто профессионально занимается информационными технологиями) и потребителями информации.

Следовательно, возможность доступа, достоверность и способность индивидуума к селекции всё возрастающих объёмов информации становятся лимитирующими факторами, определяющими качество жизни современного человека. При условии сохранения данной тенденции развития общества в будущем, значение вышеназванных факторов будет всё более и более возрастать.

Таким образом, сама логика развития цивилизации привела к необходимости возникновения такого научного направления как «информационная экология» [1], предметом изучения которого является процесс взаимодействия человека и информационной среды. При этом одним из базовых понятий информационной экологии оказывается введенное автором понятие «информационная толерантность» [2, 3], определяемое как широта пределов выносливости субъекта к воздействию информационного фактора среды.

Как уже отмечалось выше, наиболее интенсивное воздействие на современного человека оказывают СМИ, особенно электронные. Поэтому способы реализации информационной толерантности рассматривались автором в процессе исследования влияния масс-медиа на потребностно-мотивационную сферу личности старших школьников. Особого внимания требуют два аспекта этой проблемы.

1. Первый — с позиций психологии: «развитие широкой сети СМИ … привело к изменениям в общественной психологии и в самом способе мышления. Сегодня можно утверждать, что Mass Media участвуют в создании нового типа личности с особой психологией и поведенческими реакциями. Под воздействием средств массовой информации изменяется не только сознание людей, но и их психологические характеристики, свойства, состояния» [4, с. 3].

2. Второй — с позиций информационной экологии: «В условиях динамичных изменений информационной среды, связанной с проникновением информации во все сферы человеческой деятельности, необходимо ставить вопрос о приоритетности нравственных законов и моральной основы на всех этапах взаимодействия человека с информацией, включая как процессы формирования информационной среды, так и процессы формирования культуры восприятия информации» [1, с. 170].

Проведенные авторским коллективом исследования показали, что доминирующим по влиянию на учащихся СМИ является телевидение. Представляя аудио-видеоинформацию, воздействие его наиболее широко (все 100% респондентов смотрят ТВ) и длительно по времени (77% опрошенных проводят перед телеэкраном от 1 до 5 часов в день, а 22% — более 5 часов в день, что превышает учебное время). Одним из основных источников информации его называют 71% респондентов, полностью доверяют информации телеэкрана — 36%, предпочитают телевидение другим видам СМИ — 67% опрошенных.

Исследование проводилось в нескольких возможных типах учебных заведений: сельская и городская школы, сельское и городское профессиональное училище, школа в колонии для несовершеннолетних. Наибольшее внимание было уделено сельским учащимся, так как согласно данным анкетирования, значение (а, следовательно, и влияние) телевидения в жизни сельского школьника выше, чем городского: при стопроцентной аудитории его называют основным источником информации 75% учащихся (в городе — 69%), предпочитают телевидение другим видам СМИ — 76% (в городе — 60%) при значительном преобладании времени просмотра: 33% селян смотрят телевизор более 5 часов в день, в то время как в городе таких учащихся — 11%.

Поскольку взаимосвязь личностных характеристик учащихся со временем просмотра телевидения как одного из показателей интенсивности информационного фактора требовала более детального рассмотрения, при анализе результатов исследования ответы респондентов были поделены на три группы в зависимости от среднего времени просмотра: 1 группа — до 3 часов в день; 2 группа — от 3 до 5 часов в день; 3 группа — более 5 часов в день.

Полученные данные выявили наличие негативной тенденции роста ряда отрицательных показателей с увеличением ежедневного времени просмотра телевидения.

Поскольку наибольшую обеспокоенность в сегодняшнем обществе вызывают падение

нравственности и рост девиантных тенденций у подрастающего поколения, уделялось особое внимание исследованию нравственных качеств и склонности к девиантному поведению. В результате было обнаружено, что с увеличением времени просмотра наиболее показательно растёт склонность к аддиктивному и деликвентному поведению (шкала девиантности) и к преодолению установленных норм и правил (шкала негативизма) (определялись по методике склонности к отклоняющемуся поведению, Вологодский центр «Развитие», 1992).

Число опрошенных, превысивших граничные значения данных показателей (ГП) (то есть превышение уровня, являющееся неблагоприятным фактором для личности) по группам составило:

По шкале девиантности: 1-я группа — 27%, 2-я группа — 31%, 3-я группа — 67%;

По шкале негативизма: 1-я группа — 16%, 2-я группа — 30%, 3-я группа — 36%;

Обеспокоенность вызывает и динамика нравственно-значимых показателей. Так, показатели уровня моральных суждений личности (УРМСЛ, Чикалов Н.А., 2000) резко падают с увеличением времени ежедневного телепросмотра: 1-я группа — 27,7 баллов, 2-я группа — 18,8 баллов, 3-я группа — всего 10,3 балла.

О смещении нравственных ориентиров говорит и следующий факт: для многих учащихся ложь является морально допустимой, а число не чувствующих стыда при лжи растёт с увеличением времени просмотра телевидения с 31% до 48%.

Особую обеспокоенность вызывает обилие насилия на телеэкране: при регулярном просмотре боевиков физическое насилие атрибутируется как модель повседневной действительности. Согласно данным тестирования, склонность учащихся к аддиктивному и деликвентному поведению возрастает с увеличением времени просмотра телевидения. Более того, есть основания предполагать, что длительный просмотр агрессивных телепередач напрямую способствует противоправному поведению. Так, опрос учащихся воспитательной колонии (ВК) г. Калуги показал, что среднее время просмотра телевидения до осуждения составляло 5,0 часов в день, и основные телепредпочтения воспитанников ВК — это боевики, фильмы ужасов, передачи на криминальную тему и комедии с Д.Чаном, в то время как в других учебных заведениях среднее время просмотра ТВ — 3,3 часа в день при значительно более широком спектре телепредпочтений. Опрос воспитанников ВК показал также, что 40% респондентов, посмотрев передачу на криминальную тему, имеют возможность научиться способам избежать наказания, а посмотрев боевик или детектив, также 40% узнают из них новые технологии совершения преступления. При этом 67% опрошенных признают, что уголовная среда оказалась совсем не такой, какой её рисовал телеэкран, а 24% отметили, что «в жизни всё намного хуже». Лонгитюдные исследования, проводившиеся американскими психологами на протяжении двадцати двух лет [5, с. 125]., убедительно доказали, что именно влияние телевизионных сцен насилия на сознание детей первично при формировании в дальнейшем агрессивных моделей поведения и даже степени тяжести совершаемых впоследствии преступлений.

Рассматривая полученные в результате наших исследований данные с позиций информационной экологии, автор приходит к следующим выводам:

В экологии одним из необходимых условий устойчивого существования экосистемы является её внутренняя стабильность. При воздействии на человека информационного фактора среды именно толерантность обеспечивает такую стабильность, необходимую для дальнейшего благоприятного существования. Способы реализации информационной толерантности и, соответственно, пути достижения стабильности, весьма различны и находятся в прямой зависимости от уровня духовного и нравственного развития личности.

Следует особо отметить, что сама по себе информационная толерантность в экологическом смысле является понятием вненравственным, как и все иные биологические характеристики организма, подобно анатомическому строению или физиологическим процессам. Только нравственное внутреннее содержание личности наполняет толерантность положительным либо отрицательным социальным смыслом. В отсутствии сформированных внутренних нравственных норм толерантность может обернуться равнодушием, которое в определённых ситуациях способно обеспечить благоприятствование отдельного индивида, но весьма негативно сказывается на уровне социума. Соответственно, только самосовершенствование и внутреннее развитие личности способны обеспечить социально позитивный путь реализации информационной толерантности.

Рассмотрим схему, иллюстрирующую данное положение.

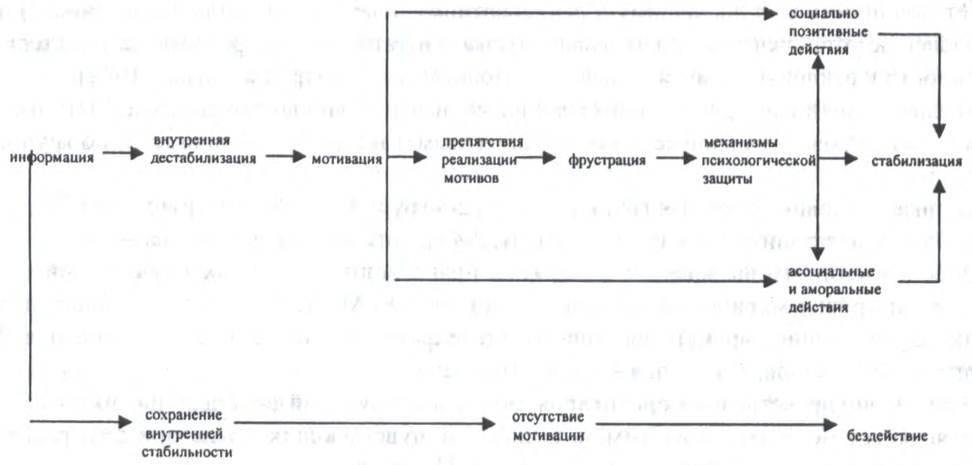

Рис. 1. Схема реализации информационной толерантности.

Именно на обеспечении социально позитивного пути реализации информационной толерантности и должно быть сосредоточено внимание всех, кто занимается вопросами воспитания и образования подрастающего поколения.

Литература

1. Мизинцева М.Ф., Королева Л.М., Бондарь В.В. Информационная экология. М.: Типография Россельхозакадемии, 2000. — 231 с.

2. Котуранов Л.А. Толерантность к информационному фактору среды как эколого-педагогическая проблема // Информационная экология. Материалы семинара «Информационная кампания по пропаганде экологических знаний в информационном обществе». — М.: Высший химический колледж РАН, 2003. — С.81—87.

3. Котуранов Л.А. Толерантность к информационному фактору среды как экологическая проблема. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной научной конференции. — Калуга: Изд-во «Гриф», 2003. — С.608—612.

4. Мельник Г.С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. — 160 с.

5. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. — СПб.: Питер, 2003. — 336 с.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ РЕЛЬЕФА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА (НА РЕКЕ ОКЕ)*

М.П. Жидков, *к.г.н.*, **А.Н. Маккавеев**, *к.г.н.*, **А.Г. Макаренко**,
Институт географии РАН

Алексинским каньоном называют суженный глубокий участок долины реки Оки между Калугой и Алексином, шириной менее 1 км (до 600м) и глубиной более 100 м при близкой глубине, но ширине более 5 км на участках выше и ниже по течению (рис. 1). Каньонообразный участок долины начинается почти сразу ниже Калуги и сохраняет свое характерное строение на протяжении примерно 50 км до Алексина. Ниже долина несколько расширяется, но остается аномально узкой почти до впадения Протвы.

Конечно, в строгом значении слова этот отрезок долины не является каньоном, но необычный для равнинной реки облик определил вхождение в оборот понятия «Алексинский каньон». Крутые, покрытые лесом, с редкими деревнями берега живописны и издавна привлекали отдыхающих горожан. Необычный участок долины Оки стал объектом

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 04-05-64161).

исследований географов, геоморфологов, геологов, ботаников, и археологов.

Алексинский каньон, а также выше и ниже расположенные участки долины выработаны, в основном, в нижнекаменоугольных известняках. Урез реки у начала каньона 116 м, у конца — 111 м. Среднее падение русла Оки выше каньона — 11 см/км, в каньоне — 9 см/км, ниже каньона — 5 см/км, в целом уменьшается вниз по течению.

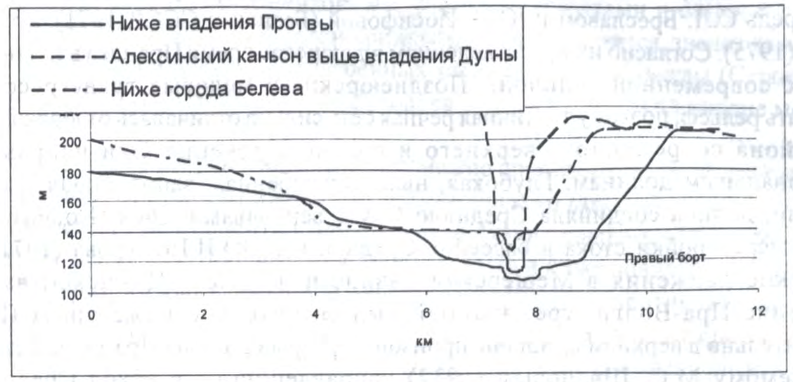

Рис.1. Поперечные профили через долину реки Оки в средней части Алексинского каньона, а также выше и ниже по течению реки.

В.Г. Лебедев (1939) дает подробное описание Алексинского каньона, истории изучения и развития представлений о его формировании. Впервые на этот участок долины Оки обратил внимание академик Гюльденштед в 1774 г. Академик А.О. Струве в1886 г. (по Лебедеву, 1939) предположил, что участок долины от Калуги до Алексина моложе других и образован при прорыве водораздела водами Прикалужского озера. М.С. Швецов (1932), проводивший в этом районе геологическую съемку, пришел к выводу, что в доледниковое время Ока следовала с юга на север до впадения Угры, затем, используя долины Угры, Шани, Суходрева, Лужи, по Протве опять выходила на положение современной долины в районе Серпухова. Ниже Алексина тогда протекала Упа, которая соединялась со своим верхним участком по долине современной Крушмы. Сброс талых ледниковых вод шел по долинам Протвы (на восток в современную Оку) и Суходрева (на юг). Морены первого оледенения запрудили перечисленные реки, и после таяния ледников долины приняли свое современное положение. В последующих исследованиях одни авторы опровергали выводы М.С. Швецова, другие развивали. Отметим лишь наиболее важные из них. В.Г. Лебедев (1939) проследил террасы Оки и моренные отложения как в пределах Алексинского каньона, так и смежных участках долины Оки и пришел к выводу, что долина Оки на рассматриваемом протяжении одновозрастная, а крутизна бортов долины и ее необыкновенно малая ширина обусловлены выходами эрозионноустойчивых известняков. К таким же выводам приходят Н.И. Кригер и Е.В. Копосов (1996) основываясь на более поздних исследованиях.

Конечно, литологический фактор часто определяет облик долины реки. На многих реках известны участки резких сужений, возникающих вследствие влияния литологии (на Оке ниже Касимова, на Волге у Плеса, на Северной Двине есть впечатляющее сужение ниже впадения р. Ваги и др.). Литологический фактор, возможно, был решающим при формировании особенностей рельефа долины Оки между Калугой и Алексиным. О высокой прочности известняков этого участка свидетельствуют каменоломни и катакомбы, в которых добывали строительный камень. Например, мраморовидный известняк добывали неподалеку от селений Кольцово и Караваенки (в средней части каньона, южнее Ферзиково). Однако, высокая прочность известняков могла в свое время и долго препятствовать формированию здесь долины Оки, которая по этой причине должна была огибать с запада и северо-запада Среднерусскую возвышенность. Кроме того, литология резко меняется и выше по течению от Алексинского каньона, но Ока не реагирует на это столь заметно.

На участке от Белева до Калуги пласты палеозойских пород падают к северу и в этом же направлении появляются все более молодые породы. Однако, как отмечал еще В.Г. Лебедев (1939), у самой Калуги в Боровской низине, вопреки ожиданиям, под аллювием было выявлено пятно более древних пород. По современным данным это поднятие связано с

73 Зак. 1971

Калужской кольцевой структурой (диаметр до 40 км), проявлявшей тектоническую активность в палеозое и мезо-кайнозое (Пронин и др., 1997). В пределах данной структуры начинается Алексинский каньон, расположены нижнее течение Угры, нижнее и среднее течение Суходрева.

Особенности строения долины Оки на участке Калуга — Алексин и прилегающих к нему хорошо согласуются со схемой событий, предложенных рядом исследователей, в первую очередь С.Л. Бреславом и Ю.И. Иосифовой (Геология СССР, 1971), а также Н.П. Матвеевым (1975). Согласно их представлениям в доюрское время Пра-Ока в главных чертах совпадала с современной долиной. Позднеюрские и меловые трансгрессии могли снивелировать рельеф, поэтому третичная речная сеть сильно отличалась от юрской. Главный сток из района современного верхнего и среднего течения Оки направлялся по субмеридиональным долинам. Глубокая, ныне погребенная, заполненная третичными отложениями, долина соединяла Среднюю Оку с верховьями Дона (Иосифова, 1971). Причинами перестройки стока в бассейне Средней Оки Ю.И.Иосифова (1971) считает тектонические движения в Мещерской низине и на Окско-Цнинском валу и/или возникновение Пра-Волги, урез которой был значительно ниже уреза Пра-Дона. Предположительно в верхнем плиоцене произошел разрыв долины Пра-Оки, и сток шел по предполагаемому М.С. Швецовым (1932) направлению — в обход Среднерусской возвышенности.

В начале днепровского оледенения происходила мощная аккумуляция в долинах (Бреслав, 1971). Прорыв Оки на калужском участке произошел в конце раннего плейстоцена или в среднем плейстоцене, поскольку морены днепровского оледенения, а также морены более древнего — окского — оледенения перекрывают раннечетвертичные речные отложения на верхней Оке, правобережье Угры, в отдельных скважинах в долинах рек Протвы и Суходрева (Бреслав, 1971, Антонов и др., 2001). Кроме того, анализ профилей долины Суходрева позволил Т.Л.Смоктунович (1985) сделать вывод, что после таяния днепровского оледенения сток шел уже на юг, причиной чего она считает как тектонические поднятия Калужской структуры, так и затрудненный сток на север из-за льдов. Если в развитии долины Оки в раннем плейстоцене пока еще остается много неясного (в частности, количество оледенений и их стадий, соотношение ледниковых отложений с древним аллювием), то о возрасте террас, выраженных в современном рельефе долины Оки, сейчас практически нет споров. Исследователи, работавшие в бассейне верхней Оки, считают, что во время днепровского оледенения сформировалась четвертая надпойменная терраса. Аллювий третьей надпойменной террасы интерпретируется как позднемосковский. Более низкие террасы образовались в верхнем плейстоцене и голоцене.

По Н.И. Кригеру и Е.А. Копосову (1996) в большей части каньона переуглубление неизвестно. Подошва аллювия пойменной террасы долины р. Оки расположена на глубине 10—15 м ниже современного меженного уровня реки в районе Калуги, у с. Коврово (нижняя часть каньона) и у Алексина. В то же время врезы долин Протвы, Лужи в коренные породы (каменоугольные известняки) по абсолютным отметкам глубже, чем у Оки в этом же районе, а долина Суходрева переуглублена даже на 80 м ниже уровня современной поймы (Антонов и др., 2004).

Следует отметить, что высокие террасы описаны В.Г. Лебедевым лишь в районе Калуги и в нижней части каньона. Высоты террас, выделяемых Н. И. Кригером и Е.А. Копосовым (1996) варьируют в широких пределах, а высоты террасовидного плато возрастают вниз по течению от 40—65 м до 73. Возможно, это разные террасы, а, возможно, отражение тектонических движений. Террасы каньона могут быть связаны с небольшими реками — с одной стороны притоком пра-Оки, а с другой, коротким притоком — пра-Упы. По направлению от Калуги к Алексину ширина каньона постепенно, но заметно уменьшается, а высота бортов долины возрастает от 200—210 до 220—230 м. Вероятные перестройки в бассейне Упы — предмет отдельного исследования. Отметим лишь, что ее долина на отдельных участках имеет совершенно разное строение.

По данным детальных исследований в бассейне Протвы (Строение и история развития…, 1996) сделан вывод о перестройке речной сети (бассейна Протвы) в днепровско-московское время, после спуска подпрудного озерного водоема, тем более что максимальная граница московского оледенения

в районе Калуги проходила по правобережью Оки (Антонов и др., 2001).

На космических снимках масштаба 1:1 млн. хорошо прослеживается возможная долина Пра-Оки (снизу вверх): от устья Протвы по ее долине, далее по Луже, Суходреву, Шане и Угре. Долины этих небольших рек на соответствующих участках имеют ширину, близкую к ширине долины Оки в районе Каширы. Конечно, их глубина заметно меньше, чем у Оки, потому что они заполнены ледниковыми, речными, а местами и озерными отложениями. Долина Протвы выше впадения Лужи принципиально изменяется, значительно уменьшаясь. Судя по карте-схеме поверхности коренных пород бассейна Протвы (Строение и история развития …, 1996, стр. 6) на участке Суходрев — Лужа — Протва вполне могла протекать Пра-Ока.

Считается, что по направлению притоков можно определить направление течения главной реки в прошлом. Притоки в нижней части Алексинского каньона: Пыталь, Комола, Дугна и ряд мелких рек и ручьев ориентированы в соответствии с современным направление течения Оки. В то же время, притоки верхней части каньона и ниже впадения Угры — Калужанка, Яченка, Перерут, Куровка, Ужердь и другие — направлены против современного течения Оки. Лишь короткие нижние участки этих рек вблизи русла Оки развернуты по ее течению. Такой рисунок сети притоков может быть показателем верности предположения о молодости каньона и наличии в прошлом на его месте небольших рек, направленных в противоположные стороны.

Многочисленные следы неолита и мезолита вблизи современного русла Оки, на высоте до 3 м, почти на всем протяжении Алексинского каньона (Археологическая карта …, 1992), свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в голоцене каньон уже имел вид, близкий современному.

Формированию долины Оки на участке от Калуги до Алексина могли способствовать карстовые процессы, особенно развитые и ныне в восточной части каньона, на правобережье в районе поселка Дугна, где на абс. высотах 175—200 м (60—80 м над урезом) часто встречаются карстовые воронки и слепые овраги (многие с открытыми понорами). Вблизи Алексина в Оку впадает река Крушма, которая, возможно, была низовьем Упы. Часть долины Крушмы, по мнению Н.И. Кригера и Е.В. Копосова (1996), имеет карстовое происхождение (крушиминская впадина — карстовое полье).

Таким образом, взгляды на происхождение Алексинского каньона остаются противоречивыми вплоть до настоящего времени. Авторы настоящего текста, проанализировав литературные и картографические материалы, а также космические снимки, склоняются более к предположению о перестройке речной сети в районе Алексинского каньона в днепровско-московское время, но совершенно надежных доказательств такой версии пока не получено.

Литература

Антонов С.И., Исаченков А.В., Судакова Н.Г. Опорный корреляционный профиль V: Озеро Волго — Ржев — Можайск — Боровск — Чекалин // Оледенения среднего плейстоцена Восточной Европы. М.: Геос, 2001. — С. 49—55.

Антонов С.И., Введенская А.И., Рунков С.И., Судакова Н.Г. Глава 5. Особенности строения четвертичного покрова Окско-Донского региона // Новейшие отложения и палеогеография Окско-Донской древнеледниковой зоны // Отв. ред. Н.Г. Судакова и С.С. Фаустов. Смоленск: Маджента, 2004. — С. 24—34.

Археологическая карта России: Калужская область / Сост. Ю.А. Краснов. М.: «Авто», 1992. — 160 с.

Бреслав С.Л. Четвертичные отложения // Геология СССР. Т. IV. М.:Недра, 1971. — С. 489—636.

Иосифова Ю. И. Палеогеновая и неогеновая системы // Геология СССР. Т.IV. М.: Недра, 1971. — С. 458—488.

Кригер Н.И., Копосов Е.В. История долины бассейна Оки: Монография. Н. Новгород: Нижегород. Гос. Архит.-строит. Акад., 1996. — 340 с.

Лебедев В.Г. К вопросу о возрасте и истории развития долины Оки на участке от Калуги до Алексина // Ученые записки МГУ. Вып. 25. География. М. 1939. — С. 11—28.

Матвеев Н.П. Роль перехватов и перестройки речной сети в формировании речных систем Подмосковья // Проблемы перестройки и перехвата речных долин (материалы совещания геоморфологической комиссии, состоявшегося 7—8 февраля 1972 года). М.: МФГО, 1975. — С. 70—79.

Пронин А.П., Башорин В.Н., Звонилин Б.Д. Геологическое строение и флюидная активность калужской кольцевой структуры // Доклады Академии наук. 1997. Том 356. № 1. — С. 78—72.

Строение и история развития долины р. Протвы / Под ред. Г.И. Рычагова и С.А. Антонова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 129 с.

Швецов М.С. Общая геологическая карта Европейской части СССР. Лист 58, северо-западная часть листа. Труды ВГРО. Выпуск 83. 1932.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛЬЕФООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ КАК ИНДИКАТОР ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В.А. Кубаткин,
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского

Явлениями естественного происхождения, оказывающими воздействие на окружающую среду территории Калужской области, принято считать проявление экзогенных рельефообразующих процессов.

Из экзогенных процессов с площадным развитием (оползни, карст, заболачиваемость, эрозия, эоловые процессы, суффозия) на территории Калужской области наибольшее распространение получили оползневые процессы, карст и эрозия (Кубаткин, 2004).

Оползневые процессы относятся к склоновым процессам.

Оползневые склоны являются склонами блоковых движений. Ю.Г.Симонов и В.И.Кружалин (1993) подразделяют оползни по возрасту и фазам развития на следующие типы:

1. древние (открытые и погребенные);
2. современные (старые и приостановившиеся);
3. действующие (новые и возобновившиеся).

Для целей экологической и инженерной геоморфологии наиболее важное значение имеют современные и действующие оползни, так как данные оползни характеризуют неустойчивость склонов.

Для таких склонов характерно наличие комплекса форм оползневых склонов — рвов отседания, бровки срыва откоса обрушения, тел оползня, валов выпирания и наплыва у основания.

В Калужской области оползни особую опасность представляют для строительства гражданских и промышленных зданий и сооружений, мостов, плотин и т.д.

На территории Калужской области наиболее опасными оползневыми территориями являются: правые берега речных долин; участки отработанных, но нерекультивированных карьеров; городские агломерации, районы интенсивного гражданского и промышленного строительства.

Сущность **карстовых процессов** заключается в растворении породы атмосферными, талыми и подземными водами. В условиях Калужской области растворению подвержены карбонатные породы, залегающие на небольшой глубине.

К наиболее крупным формам карстового рельефа относятся карстовые поля, котловины, колодцы и пещеры. Росту карстовых форм в той или иной мере способствуют эрозионные процессы, процессы, вызывающие обрушения и обвалы сводовых частей пещер и шахт, химическая и механическая суффозия. В зависимости от того, выходят ли карстующиеся породы на земную поверхность или они перекрыты сверху некарстующимися отложениями, выделяют голый и покрытый карст.

На территории Калужской области выделяются проявления как покрытого (в большинстве случаев), так и голого карста (например, вблизи г. Дугны). В свою очередь, отмечаются как отдельные («изолированные») карстовые формы рельефа в виде блюдец, западин, карстовых провалов, в ряде случаев заполненных водой и образовавших характерные по очертаниям береговой линии и морфологии дна озера (оз. Бездонное, оз. Ямное и др.), так и обширные карстовые поля (правобережье р. Болвы, верховья р. Рессы, район Мещовска).

Эрозионные процессы на рассматриваемой территории характеризуются большим разнообразием. Это разнообразие зависит от геологического строения, подстилающего субстрата, углов наклонов склонов, расчлененности рельефа и т.д.

Основными видами эрозионных процессов, проявляющихся на достаточно большой площади, являются:

1. плоскостная эрозия — удаление верхнего слоя почвы и грунта в результате стока дождевых или талых вод. Данный процесс протекает наиболее интенсивно и широко распространен на распаханных склонах даже при очень малых углах наклона (2 — 3 градуса), сложенных дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами. Наиболее характерна для центральной части области;
2. овражная эрозия — протекает в результате воздействия временных (чаще) либо постоянных водотоков при достаточном уклоне поверхности и развивается на участках, сложенных суглинками и супесями различного генезиса. Распространена повсеместно (Алейников О.И., 2003).

Устоявшееся в течение определенного времени взаимодействие живых организмов с отдельными компонентами ландшафтной сферы (одним из которых и являются рельеф и рельефообразующие процессы) постоянно нарушаются из-за изменения данных компонентов. Одним из факторов, ведущим к таким нарушениям, является деятельность человека, его технических орудий и систем (Федотов В.И., 1985).

Для Калужской области как для достаточно высокоурбанизированного региона развитие рельефа идет по следующим основным направлениям:

1. изменение сложившихся природных форм;
2. образование новых техногенных форм;
3. наложение техногенных форм на природные.

Ряд авторов (Федотов, Федотов,2004; Кружалин,2002) разработали классификации техногенного рельефа, как глобального масштаба, так и регионального.

Автором предпринята попытка дать классификацию **техногенных форм рельефа**, характерных для территории Калужской области.

За основу была принята классификация В.И.Федотова и С.В.Федотова (2004), разработанная ими для центра Русской равнины.

Итак, для территории Калужской области правомочно выделить следующие классы форм рельефа в зависимости от рода деятельности человека:

1. горнопромышленные;
2. транспортно-линейные;
3. селитебные;
4. беллигеративные;
5. водные.

В свою очередь в каждом из классов необходимо различать:

а) денудационные;

б) аккумулятивные.

Таким образом, в границах данных классов и соответствующих им типов рельефа для территории Калужской области необходимо выделять следующие виды техногенного рельефа:

Для класса и типа 1а:

1. карьерные выемки;
2. траншеи;
3. штольни;
4. оползни на бортах карьеров и траншей;
5. воронки проседания над подземными выработками;
6. туннели;
7. камеры;
8. терриконы.

Для 1б:

1. отвалы разнообразной формы;
2. площадки намыва.

Для 2а:

1. дорожные выемки;
2. кюветы.

Для 2б:

1. дорожные насыпи.

Для 3а:

1. экскавационные выемки;
2. террасные выемки;
3. псевдокарстовые формы.

Для 3б:

1. насыпные формы;
2. намывные формы.

Для 4а:

1. воронки взрыва;
2. траншеи;
3. ходы сообщения;

74 Зак. 1971

4. пещерные выработки;
5. туннели.

Для 4б:
1. насыпи (брустверы, взрывные отвалы);
2. курганы;
3. оборонительные валы.

Для 5а:
1. экскавационные выемки;
2. дренажные выемки.

Для 5б:
1. псевдобереговые валы;
2. плотинные насыпи;
3. плотинные намывы.

Следует отметить, что на изучаемой территории формы рельефа разного происхождения нередко накладываются друг на друга. Поэтому при генетическом анализе техногенных геоморфологических образований необходимо тщательное изучение условий формирования исследуемых форм.

Данный вариант классификации не является окончательным и подлежит дальнейшей доработке.

Несомненно, при наличии достаточно обширного площадного распространения рассмотренных выше опасных геоэкологических явлений, (которые, разумеется, необходимо рассматривать в комплексе с другими неблагоприятными и опасными явлениями различного генезиса) возрастает роль оценки динамики рельефа в иженерно-геоэкологических целях. Таким образом, изучение рельефообразующих процессов в комплексе должно закладывать основу для целей прогнозирования событий, опасных для эффективного функционирования хозяйства региона.

Литература

Алейников О.И. Геоэкологическое состояние водосборных бассейнов Верхней Оки и Верхней Десны в пределах Калужской области. — Калуга, 2003. — 212с.

Кубаткин В.А. Распространение экзогенных рельефообразующих процессов на территории Калужской области // Вопросы географии и геоэкологии. Выпуск 4. — Калуга, 2004. — С.69—71.

Симонов Ю.Г., Кружалин В.И. Инженерная геоморфология. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 208с.

Федотов В.И. Техногенные ландшафты: теория, региональные структуры, практика. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 192с.

Федотов В.И., Федотов С.В. Техногенез и техногенный рельеф центра Русской равнины // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. География, геоэкология. — 2004, №1. — С.99—105.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ УРОЧИЩА «ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ»

***В.П. Новиков**, к. г.-м. н., Национальный парк «Угра»*
***И.Н. Модин**, к. г.-м. н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Урочище «Чертово Городище» (Козельский район Калужской области), объявленное в 1973 году региональным памятником природы, с 1997 года является отдельным участком национального парка «Угра» площадью 367 га. Неоднократно описываемое с конца XIX века и известное прежде всего благодаря легендам и ботаническим находкам, это урочище с 90-х годов 20-го столетия изучается и как памятник археологии [1]. Специальных геологических исследований на территории городища не проводилось, но большинством авторов признавалась принадлежность имеющихся здесь скальных выходов песчаников к отложениям каменноугольной системы. О происхождении этих выходов и сложенного песчаниками каменного холма городища высказывалось много предположений: от естественного ледникового или эрозионного генезиса до искусственных мегалитов [2].

В структурном отношении район «Чертова Городища» тяготеет к Козельскому поднятию в палеозойских отложениях южного крыла Московской синеклизы [3]. Анализ геологического строения территории, достаточно хорошо изученной в конце 40-х — начале 50-х годов XX века бурением на уголь в районе г.Сосенского, показывает, что

стратиграфически песчаники «Чертова Городища» принадлежат нижней части тульского горизонта нижнего карбона. Этот горизонт слагается кварцевыми песками, глинами с тонкими прослоями бурых углей. По данным разведочного бурения мощность горизонта достигает 57 м (в среднем 20 м); в западном направлении он выклинивается за счет предчетвертичного эрозионного среза. В кровле горизонта отдельными скважинами вскрыты линзовидные тела кварцевых песчаников (сходных с обнажающимися в урочище) мощностью до 17 м и протяженностью в первые сотни метров. Помимо «Чертова Городища» подобные песчаники местами выходят на поверхность на удалении до 10 км от урочища к северу и северо-востоку. Отсутствие этих песчаников в других местах можно объяснить разными причинами: залеганием их на некоторой глубине от поверхности по мере удаления от свода Козельского поднятия, эрозионным срезом и, наконец, линзовидным характером самих песчаниковых тел.

В урочище «Чертово Городище» рассматриваемые песчаники слагают вершину холма на правом берегу р.Чертовской, где и обнажаются в виде скальных стенок высотой до 5—6 м. Местами угадывается их пластовый характер, иногда с незначительным падением (не более 3—5 градусов) в южных румбах. Макроскопически это светло-серая на свежем сколе, иногда пятнистая или слабо ожелезненная кварцитовидная порода, с искрящимся, сахаровидным изломом.

Под микроскопом, в петрографических шлифах, порода выглядит как мономинеральный кварцевый песчаник, мелкозернистый, с кремнистым цементом. Песчаник сложен преимущественно окатанными зернами кварца размером от 0,1 до 0,4 мм (преобладают 0,15—0,25 мм). Кварц в зернах микротрещиноватый, иногда мозаично-угасающий, с микровключениями газово-жидких пузырьков, рудного минерала, изредка — апатита. Отчетливой сортировки обломочного материала не наблюдается. В качестве акцессориев присутствуют мелкие окатанные зерна циркона, турмалина, эпидота (цоизита), глауконита, оксидов титансодержащих минералов, окисленного магнетита, а также биотита.

Цемент породы сложный. На долю порового цемента, заполняющего пространство между обломочными зернами и представленного кварц-халцедоновыми агрегатами с небольшой примесью гидрослюд, новообразованного пирита, гидроокислов железа, иногда — карбоната, обычно приходится не более 10—12 %. Основной тип цемента — контактовый, вдавливания, регенерационный (характеризуется разрастанием зерен кварца за счет порового цемента с восстановлением свойственной этому минералу кристаллической формы и появлением кристаллических граней), реже — крустификационный в порах. Вследствие эпигенетической регенерации и взаимного «прорастания» зерен кварца нередко создается ложное впечатление о их угловатости. В то же время, благодаря именно этому типу цементации, песчаники обладают повышенной прочностью и сходны с кварцитами. Неравномерное же распределение порового цемента, часто подкрашенного примесями, обеспечивает порою пятнистый облик породы.

Однородность обломочных зерен по составу и их сравнительная окатанность говорят о том, что первичный осадок возник за счет переотложения старого, перемытого осадочного материала, быть может не раз переходившего из твердой породы в осадок, и, возможно, прошедшего эоловую стадию. Отсутствие ископаемых остатков и преимущественно светлая окраска породы (ввиду отсутствия органогенного пигмента) говорят об условиях, по-видимому, не слишком благоприятных для жизни животных и растений (в материнской среде) или для сохранения их скелетов и органического вещества в эпигенезе.

Дополнительные сведения о происхождении песчаников дают наблюдения текстур на их поверхности. В местах ожелезнения, на сколах иногда просматривается подобие косой и даже перекрестно-косой слоистости, свидетельствующей об отложении первичного осадка в достаточно подвижной водной среде. Другим примером поверхностных текстур могут быть т.н. «чертовы пальцы» — округлые воронкообразные углубления в песчаниках диаметром 2—7 см и глубиной 1,5—20 см. Обычно эти углубления заполнены сходным с вмещающими песчаниками, но более тонкозернистым и глинистым материалом. Сами углубления возникают как результат медленного выветривания последнего, и, безусловно, производят загадочное впечатление. Археологи не исключают возможности культового назначения таких камней [4]. В действительности происхождение описанных текстур скорее всего связано с локальной фиксацией следов корневищ крупной водной растительности в процессе осадконакопления (заполнение углублений, остающихся после разложения растительной ткани) или же — с норами роющих животных в первичном осадке (ракообразных, например).

Еще одна особенность песчаников в их естественных выходах на поверхность —

трещиноватость. По 2—3 системам трещин в пласте песчаников происходит их наиболее энергичное выветривание (прежде всего, физическое, в меньшей степени — биологическое). В результате появляются эрозионные углубления, ниши и некрупные пещеры. С явлениями выветривания (преимущественно морозного) связано образование и «чертова колодца» — углубления в песчаниковом отторженце, летом постоянно заполненного водой (глубина более 30 см). Вообще процессами выветривания, при участии атмосферной влаги, обусловлен весь сегодняшний микрорельеф городища: от причудливых и экзотических форм до провалов, ниш и осыпных шлейфов вдоль склонов.

В 2002 году кафедрой геофизики геологического факультета МГУ в урочище проведены специальные геофизические работы, позволившие изучить структуру и глубинное строение городища[1]. Для изучения верхней части разреза до глубины 15 м использовались: электроразведка методом вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ) с максимальным разносом АО трехэлектродной установки 30 м и шагом между точками наблюдения 3 м, георадиолокационная съемка с экранированной антенной 300 мГц (георадар «Zond-12»), съемка методом естественного поля (ЕП) с шагом 5 м, температурная съемка на глубине 0,3 м. Кроме этого, в центральной части городища были выполнены магнитометрические измерения, а в краевой — проведено бурение с отбором проб на глубину 1 м.

По результатам интерпретации геофизических данных установлено, что нижнее плато городища (к югу-юго-востоку от широтного вала, ограничивающего верхнюю площадку) имеет четко выраженное 5-слойное строение. По данным бурения и ВЭЗ, верхний слой мощностью 0,5 м представлен увлажненными, желтовато-серыми, мелко-среднезернистыми песками, которые имеют удельное сопротивление 2000—3000 Ом·м. Второй слой, мощностью до 1,5—2 м, слагается белыми, сухими, хорошо промытыми песками. Ниже залегает слой супесей-суглинков (удельное сопротивление примерно 1500 Ом · м), подошва которых находится на глубине до 4—5 м. Далее располагается пласт плотных консолидированных песчаников, имеющих неровную поверхность с амплитудой превышений до 1—1,2 м (удельное сопротивление 7000 Ом · м). Мощность пласта песчаников, обладающего весьма неровной подошвой, составляет от 6 до 10,5 м в раздувах. Под ним залегают сравнительно проводящие породы, имеющие обычное для каменноугольных терригенно-осадочных образований Калужской области сопротивление — около 100 Ом · м (предположительно, пески). Необходимо отметить в целом очень высокие удельные электрические сопротивления пород, слагающих плато «Чертова Городища», обусловленные слабой минерализацией грунтовых и подземных вод, которые питаются исключительно за счет атмосферных осадков.

Геофизические данные и прямые наблюдения в обнажениях горных пород позволяют сделать общее заключение о геологическом строении Чертова Городища. Подстилающими здесь являются пески нижней части тульского горизонта. Они залегают на глубине в среднем 10—15 м от дневной поверхности и слагают, таким образом, задернованное подножие холма во врезе долины р.Чертовской. Тело кварцевых песчаников имеет сложную морфологию и, судя по всему, залегает на тульских песках с глубоким размывом. В зависимости от характера подошвы и кровли песчаников, их мощность сильно варьирует, не превышая, однако, 10—12 м. В целом можно говорить о постепенном уменьшении мощности до 5—6 м в юго-восточном направлении (с одновременным слабым погружением всей толщи песчаников) и быстром выклинивании песчаниковой линзы к востоку.

Перекрывающие четвертичные отложения (супеси) залегают на песчаниках также с размывом и представляют собой, скорее всего, фрагменты аллювиально-флювиогляциальных отложений. Мощность этого слоя не выдержана и, с одной стороны, имеет тенденцию к увеличению в южном направлении (до 3 и более м), с другой — уменьшается до полного выклинивания супесей к северу. Верхний слой песков элювиально-делювиального происхождения, достигая 2,5 м и более к югу от верхней площадки городища, практически отсутствует в северной и северо-западной ее части, где к поверхности выходят песчаники, перекрытые тонким слоем наносов (0,35—0,40 м), содержащих культурные напластования с артефактами.

Историю формирования скального выступа в урочище «Чертово Городище» следует начать, очевидно, с палеогеографических условий раннего карбона, когда накапливались кварцевые пески тульского горизонта. В первой половине тульского времени Московская синеклиза представляла собой сушу, расчлененную глубокими палеодолинами более ранней бобриковской речной системы, которая была частично выполнена аллювиальными и угленосными озерно-болотными отложениями бобриковского горизонта [5]. В этой речной системе выделяется протяженная Козельско-Калужская палеодолина [6], имеющая, как и

большинство других, субмеридиональное направление и впадавшая в тульский морской бассейн на юге. В раннетульское время, кроме того, возникают и новые палеорусла, являвшиеся притоками унаследованных палеодолин. В целом ландшафт этого времени можно представить как обширную аллювиальную равнину со сложно-разветвленной гидросетью, граничащую с морем. Условия гумидного климата способствовали развитию в поймах рек и на заболоченных пространствах пышной водной и полуводной растительности, за счет которой в благоприятной обстановке формировались бурые угли.

Полученные данные о строении, составе и текстурных особенностях кварцевых песчаников «Чертова Городища» позволяет предположить их связь с аллювиальными осадками палеорусел или речных дельт тульского времени. Помимо указанных особенностей, об этом свидетельствует также линзовидная форма песчаниковых тел и выклинивание их по простиранию. Уплотнение и цементация изначально рыхлого песка — результат более поздних, сравнительно молодых (предположительно, дочетвертичных) эпигенетических процессов.

С 20-х годов прошлого столетия обсуждается вопрос об отношении «Чертова Городища» к четвертичному оледенению. Вне всякого сомнения, что исследуемая территория перекрывалась Днепровским оледенением, поскольку остатки морены этого времени фиксируются поблизости в древних ложбинах. Однако следующее и последнее в границах Калужской области Московское оледенение не затронуло своим ледяным покровом правобережье Жиздры. Конечная морена этого оледенения развита севернее [3]. В то же время водно-ледниковые (флювиогляциальные) отложения времени максимального распространения и отступания московского ледника (равно как и днепровского) могли накапливаться на этой территории и участвовать в формировании ландшафтов зандровых равнин. Исходя из сказанного, следует заключить, что рельеф «Чертова Городища» вряд ли обязан своим происхождением собственно ледниковым процессам. Ледниковая экзарация могла вскрыть или приблизить к поверхности пласты кварцевых песчаников, но их обособление в современном рельефе связано с более поздними процессами денудации, и, прежде всего, с деятельностью постоянных и временных водотоков. Постепенно размывая рыхлые вмещающие породы, водная эрозия слабо затронула неподатливые скальные образования, которые при этом выполняли роль своеобразной «брони» для подстилающих рыхлых отложений. Этим, а также линзовидной формой песчаников в конечном счете обусловлена эпизодичность их выходов на поверхность и возникновение столь контрастного, в сравнении с окружающей местностью, рельефа. Таким образом, генетически легендарный песчаниковый холм «Чертова Городища является ни чем иным как эрозионным останцом. Отчасти подтверждением этому служит и неотчетливая террасированность склонов холма со стороны окружающих его водотоков — рр.Чертовской и Черногрязки.

С позиций эрозионного генезиса «Чертова Городища» иначе, чем это представлялось ранее, можно говорить о «реликтовости» отдельных растительных обитателей городища (прежде всего, папортнике-многоножке и мхе-схистостеге). Их появление здесь и кажущаяся изолированность от основных ареалов [7] никак не связаны с ледниковой деятельностью, а, скорее всего, обусловлены благоприятным для произрастания субстратом и подходящими экологическими условиями (микроклимат, состав почв, отсутствие загрязнений и т.д.) Одним словом, это их экологическая «ниша», и от её стабильности зависит дальнейшая судьба этих действительно редких для нашей территории растений.

Литература

1. Есипов В.П., Прошкин О.Л., Телеганова Е.А. Комплексный памятник «Чертово городище» // Очерки по истории и культуре Калужского края. — Калуга, 1996. — С. 12—14.

2. Самойлов В.А. Лесное урочище «Чертово городище». — Козельск, 1991. — 14 с.

3. Петров В.Г. Геологическое строение и полезные ископаемые Калужской области. — Калуга, 2000. — 188 с.

4. Прошкин О.Л. Фролов А.С. Камень с чашечными углублениями с Чертова городища под Козельском // Российская археология. — М., 1995. — № 1. — С. 199—203.

5. Махлина М.Х., Вдовенко М.В., Алексеев А.С. и др. Нижний карбон Московской синеклизы и Воронежской антеклизы. — М.: Наука, 1993. — 221 с.

6. Яблоков В.С. Перерывы в морском осадконакоплении и палеореки. — М.: Наука, 1973. — 212 с.

7. Жадовский А.Е. Реликтовая колония *Polypodium vulgare* в Калужской губернии и необходимость ее охраны // Охрана природы. — М., 1928. — № 3. — С. 5—13.

[1] *В работах, кроме авторов, принимали участие А.А. Горбунов, А.В. Еременко, М.А. Калишева (МГУ), В.Ю. Глухарев, А.В. Рогуленко, И.Ю. Руднева (НП «Угра»).*

75 Зак. 1971

НОВЫЙ КАМЕННЫЙ МЕТЕОРИТ КОЛЬЦОВО (ТАРУССКИЙ РАЙОН КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.К. Станюкович, д.и.н., ООО «Родонит», Московское метеоритное общество

Индивидуальный экземпляр нового каменного метеорита Кольцово, четвертого по счету в Калужской области*, был найден в конце июля 2004 г. жителями Подмосковья Светланой Анатольевной и Станиславом Алексеевичем Мурашовыми при сборе грибов в 2 км к ЮЮЗ от села Кольцово в Тарусском районе. Метеорит лежал на поросшей травой и кустарником меже, разделяющей два пахотных поля, и, по-видимому, был перемещен туда при сельскохозяйственных работах с поля, расположенного к северу от межи. Географические координаты места находки: 54°45.03' N; 36°58.68' E.

Рис. 1. Метеорит Кольцово.

Небольшой поверхностный скол с экземпляра массой 49,6 г, переданный мне находчиками в сентябре того же года на определение, был предварительно идентифицирован мною как оливиново-бронзитовый хондрит типа H.

В октябре 2004 г. мне удалось осмотреть найденный метеорит целиком. Индивидуальный экземпляр общей массой около 20 кг по форме напоминает пирамиду высотой 23 см с основанием в виде неправильного ромба с диагоналями 25x27 см (рис. 1). Основание этой пирамиды является тыловой поверхностью экземпляра, тогда как боковые подтреугольные грани пирамиды образуют его фронтальную поверхность. Последние, за исключением одной из граней, покрытой корой плавления второго рода, ровные, гладкие, без выраженных регмаглиптов (если не считать отдельных очень неглубоких и пологих впадин вытянутой формы со средними размерами 35x25 мм) и покрыты корой плавления первого рода. На той боковой грани, которая покрыта корой плавления второго рода, регмаглипты более выражены, здесь они имеют размеры от 20x15 мм до 30x25 мм при глубине около 3—4 мм. На тыловой поверхности экземпляра регмаглиптовый рельеф еще более выражен. Регмаглипты здесь вытянутые, неправильно-овальной формы, с размерами от 35x25 мм до 65x40 мм при глубине 5—6 мм. В отличие от фронтальных поверхностей, тыловая поверхность экземпляра, особенно в центральной части, значительно менее выглажена атмосферной абляцией. Она шероховатая, «бородавчатая», и на ней хорошо заметны выступающие хондры. По этим признаками экземпляр можно отнести к ориентированным.

В ноябре 2004 г. находчики при содействии автора передали в Лабораторию метеоритики ГЕОХИ РАН представительный образец метеорита массой 2,034 кг. На изломах этого образца хорошо видно, что поверхностный слой метеоритного вещества подвергся достаточно продолжительному выветриванию, сопровождавшемуся коррозией зерен никелистого железа. Выветренный слой, имеющий на фронтальных поверхностях толщину 13—17 мм, а на тыловой поверхности — 6—14 мм, интенсивно окрашен гидроокислами железа в красновато-коричневый цвет. Окрашивание гидроокислами заметно также на сколах, прошедших по имевшимся в метеорите естественным трещинам. Несмотря на поверхностное выветривание, кора плавления первого рода, имеющая толщину не более 0,3—0,4 мм, сохранилась почти повсеместно, имеет темно-серый цвет и лишь отдельные пятна ржавчины. Кора плавления второго рода почти полностью покрыта пятнами ржавчины. На изломах образца хорошо видны также темные хондры диаметром 0,8—0,9 мм и обломки более крупных светлых хондр размерами от 4x2 мм до 5x3 мм.

Судя по морфологии найденного экземпляра, он представляет собой главную массу метеорита. Еще один небольшой экземпляр, вероятно, отколовшийся при движении метеорита в атмосфере от одной из боковых граней главной массы, может лежать где-то в полях или перелесках на неизвестном расстоянии от первой находки. Его поиск, начатый осенью 2004 г., положительных результатов пока не дал.

В марте 2005 г. в Лаборатории метеоритики ГЕОХИ РАН было завершено предварительное исследование метеорита. По результатам, полученным профессором М.А. Назаровым, оливиново-бронзитовый хондрит Кольцово содержит различные типы хондр, а также их фрагменты, и относится к петрохимическому типу H4. Ударная стадия S1, степень выветривания W1. Содержание фаялита Fe_2SiO_4 в оливинах Fa=20,0 mol%; содержание ферросилита $FeSiO_3$ и волластонита $CaSiO_3$ в пироксенах крайне неоднородно и лежит в диапазонах Fs=5—24 mol%, Wo=0,2—7,2 mol%; средние значения составляют Fs=12,9 mol%, Wo=1,2 mol%.

*Каменный метеорит Тимохина (1 экз. массой 65,5 кг) выпал 25 марта 1807 г. на территории Юхновского района. Каменный метеорит Слободка (1 экз. весом около 2,75 кг) выпал 10 августа 1818 г. на территории того же района. Оба метеорита хранятся в метеоритной коллекции РАН. Железный метеорит Нечаево (1 экз. массой 5,86 кг) был найден в 1846 г. на территории Сухиничского района. Хранится в Венском музее естественной истории.

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЖИМЕ ОСАДКОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Т.А.Гордеева,** Национальный парк «Угра»*

Изменение климата, наблюдающееся в настоящее время на нашей планете, происходит в различных регионах по-разному. Начавшиеся в конце прошлого столетия в Калужской области климатические изменения проявляются как в температурном режиме, так и в режиме других метеорологических элементов, в том числе и осадков. Несмотря на то, что атмосферным осадкам свойственна значительная временная и пространственная изменчивость, для области характерны общие закономерности в изменении их режима. Отличительные особенности режима осадков национального парка «Угра» формирует его географическое положение: значительная протяженность и долинный характер территории.

В данной работе проведен анализ измеренных с 1992 по 2001 г. на метеостанции Калуга (Росгидромет) сумм осадков. Характеристики атмосферных осадков сравнивались со средними многолетними величинами (1891—1980 гг.) — климатической нормой (Научно-прикладной..., 1990).

Измеренное в рассматриваемый десятилетний период количество осадков в Калуге в среднем за год составляет 654 мм, что соответствует норме. Две трети осадков (435 мм, при норме 441 мм) выпадает в теплый период года, с апреля по октябрь. На холодный период (XI—III) приходится 219 мм (норма 213 мм). Суммы осадков за каждый конкретный год существенно отличаются от средних величин. Так, например, в 1992 г. осадков выпало 478 мм, а в 1998 г. — 798 мм. В рассматриваемое десятилетие амплитуда колебаний годовых сумм осадков составила 320 мм, что значительно меньше изменчивости сумм осадков за год в первой половине XX века. Так, в течение 1933 г. осадков выпало 1060 мм, а в 1948 измеренное количество осадков составило лишь 350 мм (Климат..., 1989).

В результате анализа ежегодных отклонений сумм осадков от климатической нормы выявлено значительное увеличение повторяемости больших отклонений. Если ранее годовые суммы осадков, отличающиеся от нормы более чем на 30 мм, отмечались в 19% случаев (Климат..., 1989), то в рассматриваемый период их повторяемость увеличилась до 60%. А вот близкие к норме (при отклонении 10 мм и менее) суммы осадков, повторяемость которых ранее составляла 31%, в период с 1992 по 2001 г. не отмечались вовсе. Из этого следует, что

наблюдается увеличение повторяемости аномально высоких и аномально низких сумм осадков за год, т.е. одновременно происходит увеличение повторяемости сухих и избыточно влажных лет.

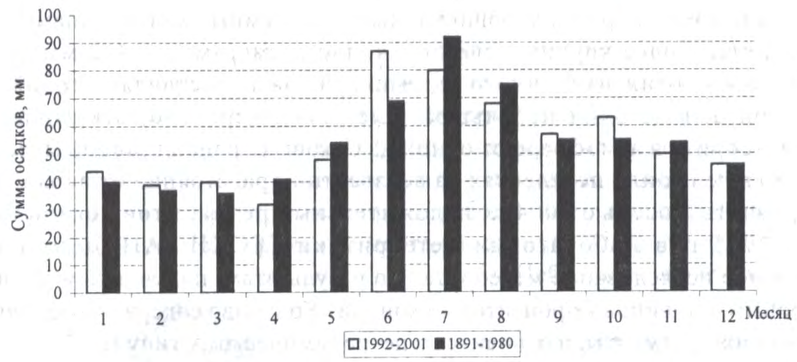

Рис.1. Годовой ход осадков в Калуге в различные периоды

Существенные изменения произошли в годовом ходе осадков (рис.1). Наибольшее в году количество осадков выпадает в июне (87 мм). В среднем по многолетним данным наблюдений годовой максимум осадков приходился на июль (92 мм). Минимальная сумма осадков наблюдается в апреле, 32 мм. По средним многолетним данным своего минимального значения количество осадков достигало в марте, 36 мм.

В холодный период года средние месячные суммы осадков изменились незначительно. В большую часть периода наблюдается их рост, но не более чем на 4 мм. Средние величины месячных сумм осадков теплого периода изменились существенно; отклонения от нормы имеют как положительный, так и отрицательный знаки. Самые большие отклонения зафиксированы в июне и июле. Так, в июне осадков стало выпадать в среднем на 18 мм больше, а в июле количество осадков, наоборот, уменьшилось на 12 мм.

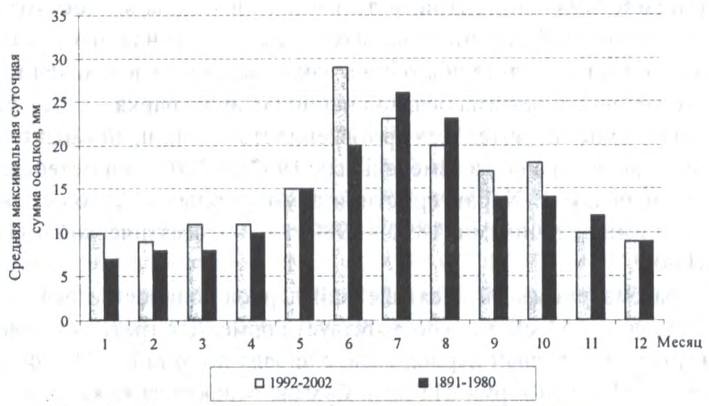

Рис.2. Годовой ход средних максимальных суточных сумм осадков в Калуге в различные периоды

В Калуге осадки выпадают часто. Частота выпадения осадков характеризуется числом дней с осадками. За день с осадками принимается такой день, в течение которого количество выпавших осадков составляет 0,1 мм и более. С 1992 по 2001 г. в среднем осадки выпадают в течение 164 дней, что на 6 дней меньше, чем в период с 1891 по 1980 г. В теплый период года отмечается уменьшение числа дней с осадками (в среднем на 12). Число дождливых дней во всех месяцах этого периода сократилось на 1—2. В холодный период дней с осадками стало на 6 больше. В январе, феврале и ноябре их число увеличилось соответственно на 3, 2 и 2 дня, в марте — на 1 день уменьшилось, а в декабре — осталось без изменений. Наибольшее число дней с осадками наблюдается в январе (20 дней), наименьшее число дней с осадками отмечено в апреле (9 дней).

В течение года преобладают дни с осадками в пределах от 1,0 до 4,9 мм. Число таких дней увеличилось на 3 и составляет 74.

В рассматриваемое десятилетие отмечено увеличение числа дней с большим количеством осадков. В среднем число дней с осадками 5 мм и более в году увеличилось до 41 дня (норма 37 дней). А вот число дней с небольшим количеством осадков, наоборот, уменьшилось. Дней с осадками менее 0,5 мм стало меньше на 11, зафиксировано уменьшение дней с такими осадками с 34 в году до 23.

Важной характеристикой являются такие показатели, как максимальное суточное и среднее за период максимальное суточное количество осадков. Суточный максимум осадков — это наибольшая сумма осадков, выпавших за одни сутки в течение каждого месяца.

Данные рис.2 показывают, что средние максимальные суточные суммы осадков практически во все месяцы первого полугодия увеличились. Наиболее значимое отклонение от нормы зафиксировано в июне: средняя максимальная суточная сумма осадков этого месяца увеличилась на 9 мм. В первую половину года зафиксированы и абсолютные суточные максимумы. Так, 16 марта 2001 г. осадков за сутки выпало 25 мм, ни в один из дней марта в течение всего периода инструментальных наблюдений в таком количестве за сутки осадков не выпадало. Слой осадков, выпавших в Калуге 1 января 1995 г., составил 21 мм. За весь период наблюдений такая суточная сумма осадков отмечалась только в январе 1970 г. (Шерстюков…, 2001).

Таким образом, в результате проведенного анализа измеренных в Калуге сумм осадков с 1992 по 2001 г. отмечены существенные изменения в их режиме при небольших смещениях климатических норм.

Литература

Климат Калуги / Под ред. Ц.А.Швер и А.И.Неушкина. — Л.: Гидрометеоиздат, 1989.

Научно-прикладной справочник по климату СССР. Серия 3. Многолетние данные.Части 1—6. Выпуск 28. — Л.: Гидрометеоиздат, 1990.

Семенов В.А., Гордеева Т.А., Семенова И.В. Климат и поверхностные воды Калужской области. — Калуга: Изд-во «Адель», 1997.

Физическая география и природа Калужской области. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2003.

Шерстюков Б.Г., Булыгина О.Н., Разуваев В.Н. Современное состояние климатических условий Калужской области и их возможные изменения в условиях глобального потепления. — Обнинск, 2001.

БОЛОТА ПРИОКСКОЙ ЧАСТИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

***Е.М.Волкова**, к.б.н.,*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

Тульская область относится к слабозаболоченным регионам России, что явилось одной из причин низкого уровня изученности болотных экосистем региона (Торфяные болота России…, 2001).

Исследования, начатые в 2001 году, включают анализ распространения болот, изучение современного состояния растительного покрова, глубины и строения торфяной залежи. Результаты проделанных работ позволяют констатировать, что на территории области сформировано более 150 болот общей площадью 1600 га. Столь низкая заболоченность (0,07 %) обусловлена климатическими, геологическими и геоморфологическими особенностями региона. Несмотря на это, положение области на границе 2 болотных зон: зоны верховых сосново-сфагновых и низинных травяных болот (восточноевропейская провинция) и зоны низинных осоковых и тростниковых болот (среднерусская провинция) обуславливает формирование разных типов болот (Боч, Мазинг, 1971). В соответствии с районированием болот области (Волкова, Бурова, Вислогузова, 2003) выделено 4 района. Болота бассейна р. Ока относятся к Приокскому району олиго- и мезотрофных болот, сформированных на аллювиальных отложениях.

Заболоченность района составляет 0,02 %. На этой территории встречаются болота, различающиеся по геоморфологическому положению, подстилающим породам, водно-

76 Зак. 1971

минеральному питанию, строению торфяной залежи и характеру растительности (Волкова, Вислогузова, 2004).

Примером болот олиготрофного типа является болото «Клюква» (Белевский район), сформировавшееся в понижении водораздела. Современный растительный покров центральной части болота представлен редко встречающимся на территории области вариантом грядово-мочажинного комплекса фитоценозов. На грядах сформированы сосново-пушицево-сфагновые и сосново-кустарничково-пушицево-сфагновые (клюква, пушица влагалищная, сфагнум магелланский) фитоценозы. В мочажинах растительность представлена пушицево-сфагновыми и кустарничково(клюквенно)-сфагновыми (сфагнум узколистный) ценозами. Такой комплекс, состоящий из фитоценозов чередующихся гряд и мочажин, типичен для зоны верховых сосново-сфагновых и низинных травяных болот (Боч, Мазинг, 1971) и в нашей области находится вблизи южной границы своего распространения. Это позволяет считать представленные комплексы редкими для нашего региона и подлежащими охране.

Изучение торфяной залежи показало, что максимальная глубина составляет 2,6 м. Подстилающими породами являются аллювиальные пески палеодолины Оки. Анализ ботанического состава торфа позволил выявить этапы развития данной экосистемы. Заболачивание началось в наиболее глубокой части понижения водораздела с формирования травянистых сообществ с участием сосны. Интенсивный сток с минеральных почв способствовал произрастанию требовательных к питанию влаголюбивых растений: тростник, хвощ приречный, вахта, сабельник, камыш. В моховом покрове редко были представлены зеленые (гипновые) и сфагновые мхи (не более 20 %). В связи с нарастанием торфяной залежи и обеднением водно-минерального питания низинные виды торфа сменялись переходными (травяно-сфагновый, травяной, древесно-травяной, древесно-сфагновый, др.), а затем — верховыми (пушицево-сфагновый и сфагновый). Именно на сфагновом верховом торфе сформирован современный растительный покров. Таким образом, олиготрофный характер растительности является закономерным этапом развития болота.

В понижении водораздела и надпойменных террас р. Оки формируются мезотрофные болота (у д. Варушицы, Суворовский район). В растительном покрове исследуемого объекта представлены сосново-пушицево-сфагновые (пушица влагалищная, сфагнум магелланский) и сосново-осоково-сфагновые (осоки вздутая, черная, сфагнум обманчивый) фитоценозы. Торфяная залежь низинного типа имеет глубину 66 см и сформирована на песках. Залежь образована травяными и древесными (березовый, сосновый) видами торфа. В верхнем части залежи отмечен слой (23 см) переходного сфагнового торфа, что свидетельствует о смене эвтрофной растительности мезотрофной.

Мезотрофные болота формируются также в поймах рек и ручьев бассейна р. Оки. Болото «Большое Моховое» (Белевский район) является примером такового, поскольку образовалось в пойме ручья, впадающего в р. Тушу. Мезотрофная растительность в центральной части болота и на северном крае представлена березово-осоково-сфагновым (осока вздутая, сфагнум магелланский) и березово-пушицево-сфагновым (пушица влагалищная, сфагнум магелланский) фитоценозами. Такие сообщества сформированы на наибольшей по глубине торфяной залежи, подстилающейся аллювиальными песками. Проведенный анализ растительных остатков, содержащихся в торфе близ северной окрайки болота (максимальная глубина 84 см) позволил выявить некоторые особенности развития данной экосистемы. Заболачивание началось в понижении поймы ручья с формирования травянистых фитоценозов в условиях благоприятного водно-минерального питания аллювиальными водами. На этом этапе в растительном покрове произрастала сосна. Однако участие этой древесной породы постепенно снижалось вследствие обильного увлажнения субстрата, и растительный покров был представлен только эвтрофными травянистыми ценозами. На таком травяном низинном торфе начала поселяться береза, сообщества с которой доминировали длительное время. В составе сообществ произрастали тростник, некоторые осоки, гипновые и, редко, сфагновые мхи. Неразложившиеся остатки этих растений приняли участие в образовании березового торфа. Постепенное обеднение водно-минерального питания вызвало вначале исчезновение тростника и поселение пушицы, а затем и смену эвтрофной растительности мезотрофной. Об этом свидетельствует доминирование в верхнем двадцатисантиметровом слое торфа сфагновых мхов, а также значительное участие пушицы, осоки вздутой и клюквы. На таком сфагновом переходном торфе сформирован современный растительный покров. На меньшей по глубине торфяной залежи представлены более богатые в видовом отношении сообщества.

Эвтрофные болота Приокского района приурочены к оврагам и поймам рек. Болото

«Черноольшанник у дер. Холм» (Белевский район) образовалось в днище оврага. Подстилающей породой является глина. Богатое минеральное питание водами впадающего ручья, а также поверхностный смыв со склонов, способствовали формированию наиболее богатой формации эвтрофного типа растительности — черноольшанника. Под пологом ольхи представлены крапивный, таволговый, разнотравно-крапивный и страусниковый ценозы, на окрайках болота — таволговые, осоковые, хвощево-камышовые, хвощевые и таволгово-хвощевые сообщества. Торфяная залежь имеет максимальную глубину 2,8 м. По всей толще залежь образована черноольховым торфом, что свидетельствует о богатом водно-минеральном питании на протяжении всего периода развития болота.

В поймах притоков Оки эвтрофные болота представлены формациями лесных и травянистых растений (болота в пойме рр. Черепети и Черепетки Суворовского района, в пойме р. Исты Арсеньевского района). Среди лесных доминируют черноольховые и березовые формации, представленные, в основном, тростниковыми и травяными ценозами. Глубина торфа достигает 4—5 м. Залежь, как и в предыдущем случае, однородная, поскольку формирование болот протекало при постоянной подпитке аллювиальными водами. Подстилающие породы — аллювиальные пески.

Среди пойменных болот встречаются и безлесные. Отсутствие выраженного древостоя обусловлено застойным увлажнением аллювиальными водами (болото у д. Зяброво, Суворовский район). В таких условиях формировались травяные болота с участием в растительном покрове осок, тростника, разнотравья. Анализ строения торфяных залежей таких болот подтверждает отсутствие древостоя на всех этапах развития болот, поскольку торфяная залежь образована только травяным низинным торфом.

Следует отметить, что именно пойменные болота бассейна р.Оки подвергались на территории Тульской области наибольшей антропогенной нагрузке (Волкова, 2004). Основной формой являлось осушение с целью выработки торфа на топливо или удобрение. Сегодня наблюдаются процессы естественного зарастания осушительных каналов и выработанных карьеров.

Ряд пойменных болот прекратил свое существование в результате естественного перекрытия их поверхности аллювиальными отложениями (песчанистыми или глинистыми) и формирования «погребенных торфяников». Примером является крупнейший торфяник области, расположенный в Ленинском районе близ д. Гремячее. Образованный в пойме р. Упы (приток Оки) и имеющий площадь 261 га, торфяник погребен под слоем песчанистого наноса (до 1,5 м). До «погребения» растительность болота была представлена березовой формацией, что диагностируется по соответствующему виду торфа (максимальная глубина 4,8 м). В настоящее время торфяник используется в качестве сенокосного угодья.

В пойме р. Вырки (приток Оки) Суворовского района обнаружен торфяник, погребенный под слоем глинистого наноса с примесью песчанистых частиц. Функционирующее болото было сформировано в старице и имело глубину торфа более 3 м. Залежь образована древесным низинным видом торфа. Возможность использования такого торфа обусловила осушение торфяника с последующим вскрытием глинистого наноса для добычи торфа (сегодня здесь имеются зарастающие карьеры). Остальная часть торфяника использовалась под посевы сельхозкультур. На данный момент посевы и посадки не проводятся, и осушенная поверхность торфяника зарастает сорными видами.

Таким образом, в верховьях р. Оки на территории Тульской области сформированы разные типы болот. Формирование большей части болотных экосистем связано с поймами рек, являющихся притоками Оки. Болота на водоразделах и их склонах встречаются реже. Большинство болот характеризуются эвтрофной растительностью. Олиго- и мезотрофные болота являются редкими для региона и подлежат охране.

Литература

Боч М.С. Мазинг В.В. Экосистемы болот СССР. — Л., 1971.

Волкова Е.М. Разнообразие болот Тульской области и направления их использования // Тульский экологический бюллетень. — 2004.— вып. 2.— С. 196—202.

Волкова Е.М., Вислогузова Д.В. Возникновение, современное состояние и некоторые свойства разных типов болот Белевского района // Белевские чтения.— 2004.— вып. IV. — С. 196—205.

Волкова Е.М., Бурова О.В., Вислогузова Д.В. Принципы районирования болот Тульской области // Естественные и технические науки. — 2003.— № 4.— С.34—38.

Торфяные болота России (в свете отраслевой информации) // Под ред. А.А. Сирина и Т.Ю. Минаевой.— 2001.

ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***О.И. Алейников**, к.г.н.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского

Лес, согласно Н.Ф. Реймерсу (1990), — один из основных типов растительности, состоящий из совокупности древесных, кустарниковых, травянистых и др. растений (мхи, лишайники), включающий животных и микроорганизмы, биологически связанные в своем развитии и влияющие друг на друга и на внешнюю среду. Лес представляет собой природную систему, состоящую из взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов. Она характеризуется динамическим равновесием, устойчивостью, авторегуляцией, высокой способностью к восстановлению и обновлению, особым балансом энергии и веществ, динамичностью процессов с тенденциями к их стабильности, географической обусловленностью. Лес поглощает шум и пыль. Общеизвестна его роль в поддержании полноводности и чистоты рек, плодородия пашни. Кроме того, лес создает эстетическую привлекательность любому ландшафту.

Общая площадь лесов Калужской области составляет 1353,3 тыс.га. Их доля в общей площади области составляет 44,4%, что определяет её по шкале Цепляева как лесистую (Цепляев, 1965).Однако показатель лесистости на отдельных участках значительно изменяется. В пределах 12 административных районов он ниже среднего. В отдельных районах лесистость в 2—3 раза ниже, и они классифицируются по степени покрытия лесами как среднелесистые территории (Мещовский и Сухиничский районы). Бабынинский район по этой же классификации относится к малолесным территориям.

Изменение лесистости носит не только пространственный, но и временной характер. Как отмечают Е.Н.Пономаренко и др. (1996), существенное влияние на формирование лесов оказывали земельные реформы. Так, в конце XVIII века Екатерина II своими указами разрешала помещикам свободное пользование лесами. После реформы 1861 г. крестьянские общества получили в пользование лесные угодья и пашню на небольших площадях. После быстрого истощения пахотные земли расширялись за счет вырубки лесов. В этот период, как отмечали Н.К. Генко (1888) и В.М. Кашкаров (1908), в Калужской губернии наблюдалось сокращение их площади.

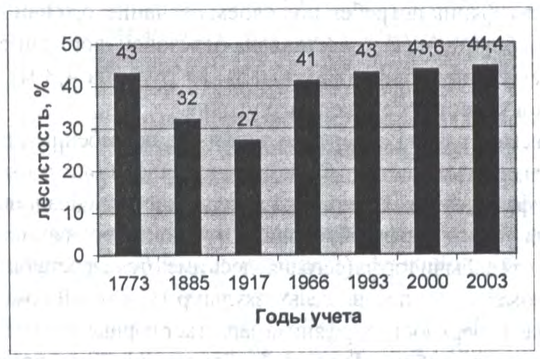

Рис. 1. Состояние лесистости территории современной Калужской области с 1773 по 2003 гг.

В период столыпинской реформы (1906—1911 гг.) государство поощряло частное крестьянское землевладение, расселение крестьян в малолесные районы. Темпы истребления лесов в этот период снизились, в том числе и в Калужской губернии.

После 1917 г. площадь лесов под влиянием разных факторов начала расширяться. Две мировые войны, раскулачивание на селе снизили число землепашцев. Бывшие наделы заросли лесом.

Ликвидация малых деревень в период так называемых «хрущевских реформ», также привела к сокращению пашни. В последнее десятилетие XX века произошел развал многих коллективных сельскохозяйственных предприятий, посевные площади в Калужской области сокращаются. На заброшенных пашнях начинает постепенно возобновляться лес. На диаграмме (рис. 1) отражена. динамика лесистости за 230-летний период.

Современный лесной покров сложился под влиянием климатических, геоландшафтных и антропогенных процессов. Географическое положение — на стыке лесной и лесостепной зон — определяет значительное разнообразие древесных растений. Биологическое многообразие обеспечивает устойчивость лесных систем, закономерное течение многих других природных процессов.

Около 49% всей лесной площади Калужской области занимают березовые леса. Они не доминируют лишь в бассейнах нижней Угры, нижней Жиздры, Рессеты. Дубовые леса произрастают, в основном, в южной части области. Их доля составляет около 3,6%. Наибольшие площади таких лесов находятся в бассейнах Жиздры и собственно Оки. Лучшие

дубравы образуются в сообществе с липой и кленом (поймы рек Брыни, Жиздры, Рессеты, Болвы). Еловые леса, занимающие примерно 16,8% лесопокрытой площади области, встречаются повсеместно. Однако, господствующее положение занимают ельники на моренных равнинах и некоторых участках зандровых равнин с близким залеганием глин. Значительные массивы ели находятся в бассейнах реки Протвы и левобережных притоков Угры (Извери, Шани, Суходрева и др.), средней Болвы.

Несколько веков назад липовые леса произрастали примерно на пятой части территории лесного фонда. Но чрезмерная эксплуатация этого вида растительности привела к его оскудению. В настоящее время доля липовых лесов составляет всего около 1%. Наиболее значительны их площади в бассейнах рек Болва, Снопоть, Вытебеть и др.

Ольховые леса в области представлены, в основном, двумя видами: ольхой черной и ольхой серой. В лесах Калужской области ольховые формации составляют примерно 2%. Они встречаются повсеместно, но наиболее распространены в бассейнах нижней Жиздры, Снопоти, Болвы, Лужи, Шани и др.

Осиновые леса произрастают на всей территории области и составляют около 16% лесопокрытой площади.

Сосновые леса в Калужской области занимают особое место. Они растут на многих видах почв, в том числе на бедных сухих песках и верховых болотах. Наибольшее распространение сосняки имеют на зандровых равнинах, в бассейнах рек Болвы, Жиздры, Рессеты, на водоразделах и речных террасах рек Угры и Протвы. Лесопокрытая площадь с преобладанием сосны составляет около 10,7%. Сосновые боры имеют водорегулирующее и санитарное значение. Вода, профильтровавшаяся через почвы соснового бора, обладает уникальной чистотой и вкусом. Благотворен и воздух сосновых боров.

В Калужской области произрастают также вязы, клены, ясень. Под пологом основных лесообразующих пород встречаются яблоня, груша, рябина, лещина, бересклет, калина, крушина и другие представители природных зон.

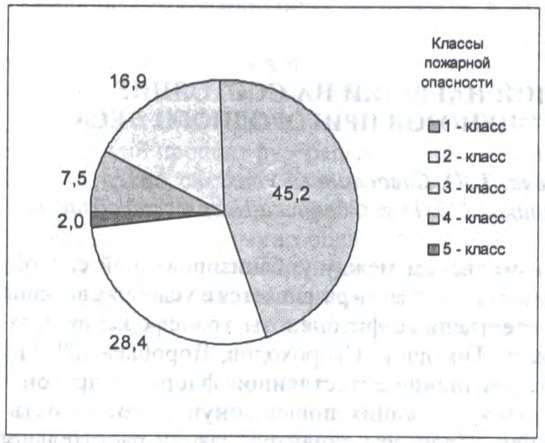

Рис 2. Распределение земель лесного фонда по классам пожарной опасности.

В ведении Комитета природных ресурсов Калужской области находятся 16 лесхозов и национальный парк «Угра», которые ведут лесохозяйственную деятельность на своих территориях. Общая площадь лесных земель, входящих в сферу деятельности Комитета, составляет 725,4 тыс. га (52,6% от общей площади лесов области), из которых около половины приходится на долю шести лесхозов — Куйбышевского (78,8 тыс. га), Ферзиковского (60,1 тыс. га), Жиздринского и Медынского (по 54,6 тыс. га), Калужского (53,3 тыс. га) и Еленского (47,3 тыс. га).

Леса области разделены на 1 и 2 группы. Природоохранное и рекреационное значение земель лесного фонда характеризуется выделением специальных категорий защитности в составе лесов 1 группы:

леса национального парка «Угра» — 41,9 тыс. га;

памятники природы — 0,8 тыс. га;

леса 1—2 поясов санитарной охраны источников водоснабжения — 3,3 тыс. га;

запретные полосы лесов, защищающих нерестилища ценных промысловых рыб — 11,0 тыс. га;

противоэрозионные леса — 11,0 тыс. га;

защитные полосы вдоль железных и автомобильных дорог — 24,1 тыс. га;

леса зеленых зон поселений и хозяйственных объектов — 151,0 тыс. га;

запретные полосы лесов по берегам рек, озер, водохранилищ — 93,0 тыс.га.

В условиях Калужской области с относительно высокой плотностью населения и развитой сетью транспортных путей экологическая средообразующая роль эксплуатационных лесов 2 группы проявляется всесторонне, поэтому режим пользования лесом имеет ограниченный характер, в основном для удовлетворения местных потребностей древесины.

Одним из важнейших мероприятий, направленных на улучшение породного и качественного состава лесов, являются рубки ухода за лесом. Ежегодно они проводятся на

77 Зак. 1971

площади около12 тыс. га.

Серьезной проблемой остаются лесные пожары — главная опасность для леса. По уровню пожарной опасности леса на территории области разделены на пять классов. Леса, характеризующиеся наивысшей горимостью, относятся к 1 и 2 классам, со средней горимостью — к 3 классу и с низкой горимостью — к 4 и 5 классам (рис.2). Главной причиной лесных пожаров является несоблюдение населением правил пожарной безопасности в лесах. Лесные пожары причиняют большой материальный и экологический ущерб.

Лесхозами принимаются профилактические меры по предупреждению, своевременному обнаружению и тушению лесных пожаров. Благодаря этому удается сокращать площади, проходимые пожаром.

В результате рубок леса, его гибели от пожаров, вредителей и болезней возникает острая необходимость в лесовосстановительных работах. Основной способ лесовосстановления — посадка лесных культур.

За последние три десятилетия калужским лесоводам удалось ликвидировать разрыв между производимыми объемами рубок и объемами лесовосстановления.

Литература

Битков Л.М. Лесное хозяйство Калужского края.— Калуга: Золотая аллея, 1998.— 72 с.

Генко Н.К. К статистике лесов Европейской России: 2-ое приложение к Лесному журналу за 1888 г.— СПб., 1888.— 97 с.

Кашкаров В.М. Географический очерк Калужской губернии. — Калуга, 1908. — С. 183—196.

Лесное богатство Калужской области / Сост. В.С. Безверхий. — Калуга, 1999.— 16 с.

Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В. и др. Земельная реформа в России. Негативные последствия и возможности устойчивого развития.— М.: ЛЭК, 1996.— 210 с.

Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник.— М.: Мысль, 1990. — 637 с.

Цепляев В.П. Лесное хозяйство СССР: Основные итоги лесохозяйственной деятельности. — М.: Лесн. пром-ть, 1965. — 408 с.

ВЛИЯНИЕ РЕКРЕАЦИОННОЙ НАГРУЗКИ НА СОСТОЯНИЕ ТРАВЯНИСТОГО ЯРУСА ФИТОЦЕНОЗОВ ПРИГОРОДНОГО ЛЕСА

М.М. Рассказова, Т.Ю. Савостина,

МОУ «Средняя общеобразовательная школа №11» г. Обнинска Калужской области

Пригородные леса являются переходным звеном между урбанизированной средой и естественными фитоценозами. Флора подобных сообществ развивается в условиях активной хозяйственной деятельности. Бывшие естественные фитоценозы трансформируются в синантропные флористические комплексы (Тимошок, Скороходов, Воробьёв, 2001). В результате происходит с одной стороны обеднение естественной флоры, с другой — обогащение её за счёт видов-космополитов, имеющих повышенную устойчивость и неприхотливость к изменившимся условиям. Процессы синантропизации растительного покрова рассматриваются как стратегия приспособления растительного мира к условиям среды, трансформированным человеком (Горчаковский, Коробейникова, 1997). Рекреационные изменения растительности в литературе рассматривают как частный вариант сукцессий типа ретрогрессии. Интенсивность воздействия оценивается как рекреационная нагрузка. Вопрос об изменении характера растительного покрова от интенсивности рекреационной нагрузки на территории Калужской области недостаточно изучен.

Целью нашей работы было выяснение влияния различных факторов на видовое разнообразие и стабильности развития травянистых растений.

Для достижения цели выполнялись следующие **задачи**:

1) определить, как меняется соотношение различных групп растений в зависимости от условий произрастания;

2) сравнить разнообразие семейств растений на площадках, примыкающих к городу и в глубине леса.

Исследования проводились на территории пригородного леса в черте г. Обнинска летом 2001—2004 года в течение 4 лет.

Лес, площадью 436 га, расположен на 5 лесных кварталах: 107,108,109,110,111. С юга граница проходит по левому берегу реки Протвы; с восточной стороны совпадает с восточной границей 111-го квартала до суходольного луга; далее, охватывая суходольный луг, идёт по

дороге мимо ЦНТ и ЭОУ и дома Учёных до проспекта Ленина; с северо-восточной стороны территория ограничена проспектом Ленина до улицы Белкинская и далее совпадает с восточной границей лесного квартала №108.

Для работы были выбраны опытные стационарные площадки размером 50 х 50, примыкающие к городу, расположенные на окраине лесного квартала №111 (площадки №№1—6). Контрольные площадки, аналогичные по характеру растительности, были выбраны в глубине леса на расстоянии двух километров от автомобильной трассы. Пробные площадки, расположенные в зоне повышенного антропогенного воздействия, представляют собой ассоциации смешанного мелколиственного берёзового леса и ассоциации липы с примесью берёзы и осины. На исследуемых участках производилось геоботаническое описание с указанием обилия произрастания растений по 10-ти бальной системе и фазы вегетации. Травянистые растения были условно разделены на три группы: типичные (Т), то есть характерные для данного сообщества; внутри этой группы выделяли группу редких (Р) растений, подлежащих охране на территории Калужской области, а также декоративные виды, чувствительные к антропогенному воздействию; отдельно выделялась группа мусорных (М) или синантропных растений, не характерных для сообщества, внесённых в него деятельностью человека. Рекреационная нагрузка определялась по площади тропинок и кострищ.

Результаты и обсуждение

Опытные площадки пригородного леса располагаются в непосредственной близости с крупным жилым массивом (51 микрорайон г. Обнинска) и являются местом частого посещения горожанами. В связи с этим здесь наблюдается значительный процент повреждённой территории — от 1,25% до 16,5%. Контрольные площадки, расположенные в глубине леса, испытывают незначительную нагрузку. На большинстве из них не встречаются участки повреждённой территории и лишь на двух площадках она незначительна и составляет 0,96% и 1,02%.

Сравнивая рекреационную нагрузку за 4 года можно отметить, что она значительно выросла на площадках, представляющих собой ассоциации березы (с 7% до 16,5% и с 2,92% до 13%), и сократилась в фитоценозах липы (с 18,04% до 13,92% и с 16,8% до 8%). На контрольных площадках она в основном сократилась с 1— 4% до 0— 1,02%.

По данным 2004 года на опытных площадках синантропные виды составляют от 8% до 26%. Высокий процент рудеральных растений наблюдается в ассоциациях березы, что, по нашему мнению, связано с повышенной рекреационной нагрузкой, близким расположением к городу и частым посещением населением города этих территорий. Нужно отметить, что при сравнении различных ассоциаций мы приходим к выводу, что ассоциации липы, несмотря на повышенную рекреационную нагрузку, являются более устойчивыми к внедрению синантропных видов, чем берёзово-осиновые ассоциации.

В зоне антропогенного воздействия встречаются и редкие виды, хотя процент их крайне низок и составляет от 1 до 5%, в то время как на контрольных площадках в аналогичных ассоциациях процент редких растений составляет от 7 до 14%.

Количество произрастающих видов в среднем на опытных площадках несколько выше и составляет от 24 до 30 видов, в то время как на контрольных — от 21 до 27 видов. Качественный анализ видового состава растений опытных площадок показывает, что увеличение разнообразия происходит за счёт внедрения в сообщества синантропных видов, таких как *Urtica dioica*, *Geum urbanum*, *Arctium lappa*, *Plantago major*, *Taraxacum officinale*.

На контрольных площадках практически отсутствуют синантропные виды, за исключением одной, на которой встречается *Geum urbanum* (1%), в виде единичных экземпляров.

Наиболее чувствительными к антропогенному воздействию оказались охраняемые виды. На каждой из площадок можно встретить всего 1—2 вида.

Наблюдая динамику рудеральных видов за четыре года, можно отметить, что сохраняется их многообразие и достаточно обильное произрастание: этот факт мы связываем с возросшей рекреационной нагрузкой. На всех площадках встречаются такие виды, как *Plantago major*, *Taraxacum officinale*, что говорит не только о повреждённой территории, но и о значительном уплотнении почвы. На площадке с самой высокой рекреационной нагрузкой наблюдается наибольшее число рудеральных растений (5 видов), которые занимают значительную часть территории (от 20 до 60%) (табл. 1).

Редкие виды особо чувствительны к антропогенному воздействию, и именно они первыми исчезают из сообществ. В подтверждение этого факта в 2004 году мы наблюдаем, исчезновение на площадках с высокой рекреационной нагрузкой видов *Convallaria majalis*,

Orobus vernus и особенно чувствительным оказался *Orobus niger*, который изредка встречался на двух площадках в 2003 году.

Таблица 1. Численность охраняемых и синантропных видов на опытных и контрольных площадках в 2004 г.

Охраняемые виды	Опыт						Контроль					
№ площадки	1	2	3	4	5	6	1к	2к	3к	4к	5к	6к
1. *Convallaria majalis*	4	6	—	2	4	1	2	2	—	2	4	—
2. *Orobus vernus*	—	—	2	—	—	4	2	5	5	4	6	4
3. *Orobus niger*	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—
4. *Daphne mezereum*	—	—	—	—	—	—	2	3	—	2	2	—
5. *Campanula persicifolia*	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	3	—
Синантропные виды												
1. *Geum urbanum*	—	4	2	6	4	4	—	—	—	—	—	1
2. *Plantago major*	2	3	4	4	6	4	—	—	—	—	—	—
3. *Taraxacum officinale*	2	5	4	4	2	4	—	—	—	—	—	—
4. *Urtica dioica*	4	6	—	4	—	2	—	—	—	—	—	—
5. *Arctium lappa*	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—

На контрольных площадках мы наблюдаем стабильное сохранение многообразия редких видов.

Сравнивая данные по соотношению типичных, редких, мусорных растений за последние четыре года можно отметить следующее: в местах повышенного антропогенного давления постепенно увеличивается доля синантропных видов и заметно сокращается доля редких растений, обладающих повышенной чувствительностью к подобному вторжению. В мелколиственных березово-осиновых ассоциациях процессы синантропизации протекают со значительно большей скоростью по сравнению с фитоценозом липы. Подобные закономерности можно проследить на диаграмме (рис.1).

На протяжении четырёх последних лет наблюдалась динамика растений по семействам. Количественный анализ растений в 2004 году показал, что на опытных площадках встречаются растения из 16 — 19 семейств, что немного больше, чем на контрольных площадках, где произрастают растения из 12 — 15 семейств.

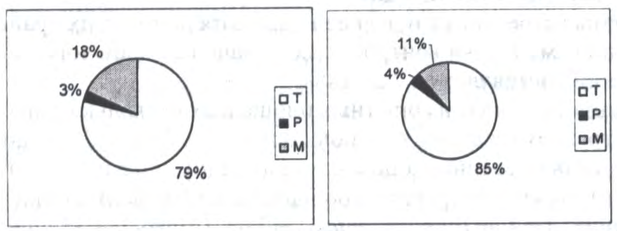

Рис. 1. Динамика соотношения видов травянистых растений в зоне антропогенного воздействия.

На контрольных участках не встречаются растения таких семейств, как *Compositae, Plantaginaceae, Equisetaceae, Urticaceae, Polygonaceae.* Большинство растений этих семейств относятся к рудеральным видам. На опытных площадках не встречается *Daphne mezereum* семейства *Thymelaeaceae*, хотя на четырёх из шести контрольных площадках он является обыкновенным.

Наиболее чувствительными к антропогенному воздействию оказались представители

семейств *Liliaceae, Labiatae, Primulaceae, Pyrolaceae, Campanulaceae*. Интересно отметить, что представители семейства Fabaceae широко представлены на всех контрольных площадках в количестве от 2 до 4 видов и исчезают на опытных площадках. В местах с высокой рекреационной нагрузкой в большой мере сохраняется стабильность видового состава бобовых растений только в ассоциациях липы.

Выводы

1. На основании проведённых исследований выяснено, что наибольшему антропогенному воздействию подвергаются участки пригородного леса, непосредственно примыкающие к густонаселённым кварталам, что подтверждается значительной площадью повреждённой территории.

2. Повышенная рекреационная нагрузка способствует изменению видового состава травянистого покрова в сторону исчезновения редких растений и внедрению в фитоценозы синантропных видов, не характерных для подобных ассоциаций. Ассоциации липы более устойчивы к их внедрению по сравнению с мелколиственными породами.

3. Антропогенное воздействие отражается и на разнообразии семейств, в местах наиболее частого пребывания человека их число может быть увеличено, но при этом наблюдаются существенные качественные изменения.

Биоразнообразие непосредственно связано с устойчивостью экосистемы. Мы не в силах исключить воздействие антропогенного фактора на биогеоценозы, но возможно регулировать степень его влияния, путём создания оборудованных мест отдыха и установки контейнеров для сбора мусора. Мероприятия по очистке леса и оборудованию кострищ наряду с исследовательской и просветительской деятельностью уже много лет проводятся силами экологического клуба «Экос» и учениками нашей школы.

Литература

Воронов А.Г. Геоботаника. — М.: Высшая школа, 1973.

Горчаковский П.Л. Антропогенные изменения растительности: мониторинг, оценка прогнозирование // Экология, 1984. — №5. — С. 3—16.

Горчаковский П.Л., Демченко А.А. Сравнительная оценка флористического разнообразия особо охраняемых природных территорий // Экология, 2002. — №6. — С.403—411.

Губанов И.А. и др. Определитель сосудистых растений — М.: Аргус, 1995.

Казанская Н.С. Изучение рекреационной дегрессии естественных группировок растительности // Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1972.— №1. — С. 52—59.

Рассказова М.М., Шестакова Г.А. Изменение характера травянистого яруса пригородного леса в условиях рекреационной нагрузки // Биосфера и человек: проблемы взаимодействия: сб. мат. VII Международной науч. конф. — Пенза, 2003. — С.133—136.

Тимошок Е.Е., Скороходов С.Н., Воробьёв В.Н. Синантропизация растительности верхних поясов Семинского хребта (горный Алтай) // Экология., 2001. — №2. — С.91—97.

Шушпанникова Г.С. Синантропные изменения флоры города Сыктывкара // Экология, 2001. — №2. — С. 147—151.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ ФЛОРЫ ЛЕНИНСКОГО ОКРУГА ГОРОДА КАЛУГИ

Р.А. Романова*, к. б. н.,* ***Е.В. Тихомирова,***
Калужский государственный педагогический университет имени К. Э. Циолковского

Наличие в городах зеленых насаждений является одним из наиболее благоприятных экологических факторов. Зеленые насаждения в условиях города выполняют эстетические и оздоровительные функции. Они создают воздушные коридоры из пригородных лесов и водоемов, улучшают микроклимат города, снижают запыленность и загазованность воздуха, уменьшают уровень шума и, наконец, исключительно благотворное влияние оказывают на нервную систему благодаря богатству красок, приятному аромату, шелесту листвы и т.д. И это далеко не полный перечень основных качеств зеленых насаждений.

Но для человека наиболее привычно оценивать роль растительности с точки зрения потребителя городской среды. Это неверная позиция: растения необходимо рассматривать и в более широком плане, то есть в рамках городской экосистемы.

Однако, в городах, в том числе и в Калуге, зеленые насаждения распределены крайне неравномерно, что определяет специфику исследований подобного рода.

В одной из работ (Романова, Алешина, 2003) уже отмечалось, что изучать флору городов непросто. Это и большая территория и трудности в определении видов, и довольно быстрые изменения, связанные со строительством. Но главное в исследовании — максимальная точность фиксации ряда параметров, характеризующих состояние древесной растительности города. Вместе с тем, проводить такого рода исследования необходимо и для глубокого научного анализа, и для практического использования результатов инвентаризации в дальнейшей работе по озеленению города, в архитектурном планировании, в ландшафтном дизайне и т.д.

Первая инвентаризация древесных насаждений была проведена в 1994—1995 гг. по всем округам города преподавателями и студентами биолого-химического факультета КГПУ им. К.Э.Циолковского. Было установлено, что в Калуге произрастает 115 видов деревьев и кустарников, относящихся к 29 семействам.

В 2004 работа ученых кафедры ботаники и экологии заинтересовала городскую управу, по заказу которой была проведена повторная инвентаризация деревьев и кустарников Ленинского округа города Калуги. В работе впервые были использованы новые технологии при обработке полученных данных при той же методике исследования.

Научная новизна исследования состояла в том, что впервые была получена уникальная, подробная электронная карта расположения объектов древесно-кустарниковой флоры Ленинского округа города Калуги. Эти данные имеют высокую практическую ценность для организаций, ответственных за озеленение города.

На каждый экземпляр или группу экземпляров одного вида была составлена учетная карточка, несущая информацию о наименовании вида растения, его состоянии; указывались возраст, высота, диаметр ствола и рекомендации по уходу. При этом на карте города фиксировалось положение каждого экземпляра, и растение получало собственный инвентаризационный номер.

Следует отметить, что при повторной работе удалось провести практически полную инвентаризацию деревьев и кустарников на всех улицах Ленинского округа, поэтому совокупность древесных насаждений значительно увеличилась по сравнению с предыдущими исследованиями. Тем не менее, статистическая база позволяет провести достоверный сравнительный анализ, полученных показателей (табл.1.).

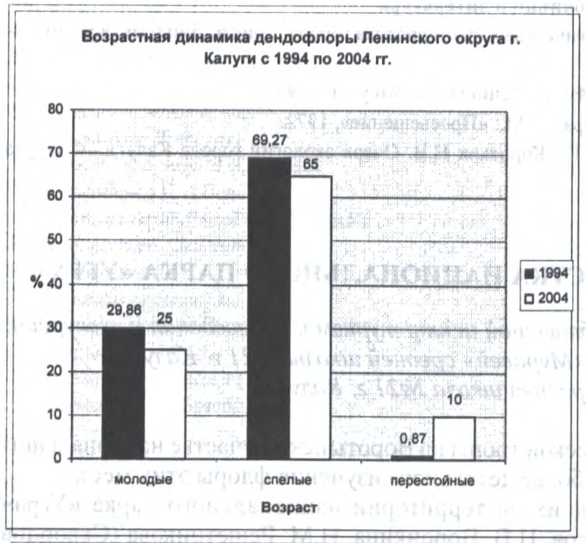
Таблица 1.

Показатель	1994 год	2004 год
Всего видов	62	90
Количество экземпляров	4263	18439
Молодых	1273	4580
Спелых	2953	12009
Перестойных	37	1850
Отличных	643	1489
Хороших	2306	8516
Удовлетворительных	966	7321
Неудовлетворительных	348	1113

Данные по наиболее распространенным видам и их численности приведены в таблице 2.

Таблица 2.

	1994 год	2004 год
1	Клен ясенелистный (697)	Клен ясенелистный (3467)
2	Рябина обыкновенная (634)	Липа сердцевидная (2941)
3	Тополь бальзамический (424)	Ясень высокий (2287)
4	Липа сердцевидная (366)	Тополь бальзамический (1855)
5	Береза повисшая (323)	Рябина обыкновенная (993)
6	Ясень высокий (254)	Ясень пенсильванский (864)
7	Клен платановидный (231)	Береза повисшая (758)
8	Сирень обыкновенная (228)	Сирень обыкновенная (656)
9	Сосна обыкновенная (228)	Клен платановидный (460)

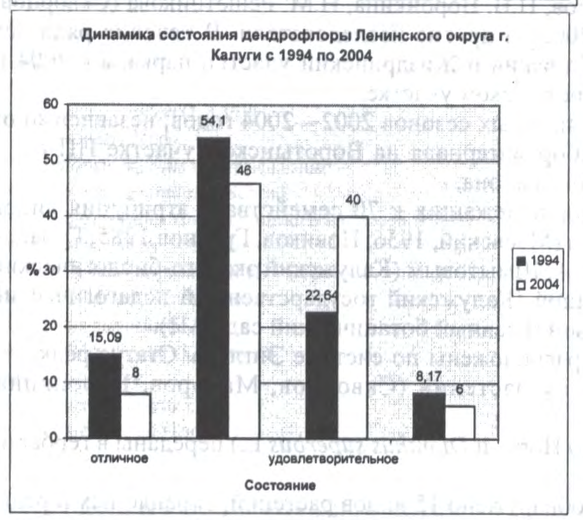

Рис. 1. Возрастная динамика и динамика состояния дендрофлоры с 1984 по 2004 гг.

В результате обработки параметров были построены графики возрастной динамики и динамики состояния дендрофлоры Ленинского округа г. Калуги (рис. 1).

Анализ возрастной динамики дендрофлоры Ленинского округа г. Калуги показал следующие закономерности: количество спелых и молодых растений снизилось по сравнению с 1994 годом в среднем на 5%; закономерно увеличилось количество перестойных деревьев. Вывод: требуется омоложение растительности округа.

При анализе динамики состояния дендрофлоры было выявлено значительное снижение хороших (на 8%) и отличных (на 7%) показателей и увеличение количества деревьев в удовлетворительном состоянии (на 17,36%). Также отмечено небольшое снижение количества деревьев в неудовлетворительном состоянии, вероятно, за счет сноса самых старых и опасных на улицах города.

Таким образом, в Ленинском округе города Калуги в 2004 году преобладают растения в спелом возрасте (10—40 лет) — 65% (12009 деревьев), процент перестойных (старых) деревьев относительно мал —10% (1850 деревьев), на долю молодых растений приходятся оставшиеся 25%, что составляет 4580 деревьев.

Чуть меньше половины растений округа (46%) — в хорошем состоянии, на втором месте — количество деревьев удовлетворительного состояния, приблизительно равное соотношение между отличным — 8% (1489) и неудовлетворительным — 6% (1113) состояниями деревьев.

В данной статье анализ проводился по наиболее ярким параметрам, но результаты работы настолько обширны, что можно получить еще более значительную статистическую информацию, а именно, вычислить, какой процент занимает определенный вид растения в городских посадках Ленинского округа (например, каштан конский — 1,7% от общего количества видов по округу), какой процент определенного вида приходится на определенный возраст, например, сколько в округе молодых экземпляров тополя бальзамического (по подсчетам всего 1,83% деревьев от общего числа тополей), можно провести анализ состояния флоры отдельной улицы — по возрасту, состоянию и видовой специфике древесных насаждений. Например, на улице Мичурина произрастает 305 деревьев и кустарников, принадлежащих к 17 видам, из них 7 видов кустарников: шиповник морщинистый (2), сирень обыкновенная (11), черемуха птичья (1), крушина ломкая (11), крыжовник обыкновенный (1), карагана древовидная (2), ирга колосистая (3). Из деревьев наиболее распространен тополь бальзамический (219), количество остальных видов незначительно. По состоянию: удовлетворительных экземпляров — 149; хороших — 132; неудовлетворительных — 23; отличных — 0. По возрастным данным: спелых — 235; перестойных — 65; молодых — 5.

Таким образом, исходя из результатов анализа, можно считать, что зеленые насаждения по ул. Мичурина требуют скорейшего омоложения, кроме того, необходим текущий уход за всеми растениями: удаление сухих веток, поросли, борьба с вредителями.

Источники и литература

1. Бессуднова Н.В., Бирюкова В.Г. Дендрологическая характеристика города Калуги. Дипломная работа. — Калуга, 2000.

2. Горышина Т.К. Растение в городе. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991.

3. Рычин Ю.В. Древесно-кустарниковая флора. — М.: «Просвещение», 1972.

4. Стрельцов А.Б., Логинов А.А., Лыков И.Н., Коротких Н.В. Очерк экологии города Калуги.— Калуга, 2000. — 400 с.

ФЛОРА ВОРОТЫНСКОГО УЧАСТКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «УГРА»

И.А. Самарина, *к. п. н., Калужский областной центр туризма, краеведения и экскурсий, эколого-туристский отряд «Муравей» средней школы №21 г. Калуги*

К.С. Петров*, средняя школа №21 г. Калуги*

Работа в районе созданной экологической тропы на Воротынском участке национального парка «Угра» показала необходимость более детального изучения флоры этих мест.

Изучением растений, произрастающих на территории национального парка «Угра», занимались А.К. Скворцов, С.Р. Майоров, Н.В. Воронкина, Н.М. Решетникова (Скворцов, Майоров, Воронкина, Решетникова, 2005) и другие исследователи. В течение ряда лет достаточно подробно были изучены Угорский и Жиздринский участки парка, а с 2004 г. исследования были продолжены на Воротынском участке.

Авторы этой работы в течение трех полевых сезонов 2002—2004 годов, независимо от экспедиции ГБС РАН, производили сбор материала на Воротынском участке НП от д. Кромено до д. Шамордино Бабынинского района.

Собран гербарий из 338 видов, принадлежащих к 70 семействам; атрибуция видов проведена по известным определителям (Маевский, 1956; Новиков, Губанов,1985; Губанов и др., 1995). Определение проверено А.А. Шмытовым (Калужский эколого-биологический центр учащихся), к.б.н. Н.В. Воронкиной (Калужский государственный педагогический университет) и к.б.н. Н.М. Решетниковой (Главный ботанический сад РАН).

В приведенном ниже списке виды расположены по системе Энглера. Статус редкости проверен по аннотированному списку растений (Скворцов, Майоров, Воронкина, Решетникова, 2005).

Два гербарных листа (*Carex umbrosa* Horst. и *Dianthus superbus* L.) переданы в гербарий ГБС РАН.

На территории изучаемого района обнаружено 15 видов растений, охраняемых и редко встречающихся на территории Калужской области.

В списке знаком # обозначены виды, впервые указанные для территории национального парка «Угра». Редкие виды в списке обозначены значком *. Для них даны краткие аннотации.

Авторы благодарят Н.М. Решетникову, Н.В. Воронкину и А.А. Шмытова за проверку определения ряда видов.

Список видов растений Воротынского участка НП «Угра» (д.д. Кромено—Шамордино)

Сем. Athyriaceae
1. *Athyrium filix- femina* (L.) Roth
2. *Cystopteris fragilis* (L.) Bernh.

Сем. Aspidiaceae
3. *Dryopteris carthusiana* (Vill.) H.P. Fuchs
4. *D. filix-mas* (L.) Schott
5. *Gymnocarpium dryopteris* (L.) Newm.

Сем. Hypolepidaceae
6. *Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn ex Scop.

Сем. Equisetaceae
7. Equisetum arvense L.
8. E. hyemale L.
9.E. pratense Ehrh.
10. E. sylvaticum L.

Сем. Pinaceae
11. Picea abies (L.) Karst.
12. Larix sibirica Ledeb.
Единичное растение в д. Сорокино.
13. Pinus sibirica Du Tour.
Единичное растение в парке Келлата.
14. P. sylvestris L.
15. Thuja occidentalis L.
Три дерева в парке Келлата.

Сем. *Cupressaceae*
16. Juniperus communis L.

Сем. Potamogetonaceae
17. Potamogeton crispus L.
18. P. natans L.

Сем. Alismataceae
19. Alisma plantago-aquatica L.
20. Sagittaria sagittifolia L.

Сем. Hydrocharitaceae
21. Elodea canadensis Michs.

Сем. Gramineae (Poaceae)
22. Echinochloa crusgalli (L.) Beauv.
23. Setaria glauca (L.) Beauv.
24. Phalaroides arundinacea (L.) Rausch.
25. Anthoxanthum odoratum L.
26. Phleum pratense L.
27. Alopecurus pratensis L.
28. Calamagrostis arundinacea (L.) Roth
29. C. epigeios (L.) Roth
30. Deschampsia cespitosa (L.) Beauv.
31. Koeleria glauca (Spreng.) DS.
32. Melica nutans L.
33. Briza media L.
34. Dactylis glomerata L.
35. Cynosurus cristatus L.
36. Poa annua L.
37. P. pratensis L. s.l.
38. P. silvicola Guss.
39. P. trivialis L.
40. Festuca gigantea (L.) Vill.
41. F. pratensis Huds.
42. Bromopsis inermis (Leyss.) Holub
43. # Bromus commutatus Schrad.
Растение отмечено только у одного из домов в дачном поселке д. Кромено.
44. Brachypodium pinnatum (L.) Beauv.
45. B. sylvaticum (Huds.) Beauv.
46. Elymus caninus (L.) L.
47. Elytrigia repens (L.) Nevski

Сем. Cyperaceae
48. Scirpus sylvaticus L.
49. Carex contigua Hoppe
50. C. hirta L.
*51. * C. montana* L.
Светлый березняк в окрестностях д. Шамордино, вдоль дороги на Шамордино
52. C. pallescens L.
53. C. praecox Schreb.
54. C. pilosa Scop.
55. # C. umbrosa Horst
Светлый березняк в окрестностях д. Шамордино. Найдена единственная дерновина. Впервые отмечен для территории Калужской области. По мнению Н.М. Решетниковой (ГБС РАН) и С.Р. Майорова (МГУ им. М.В.Ломоносова) настоящее место сбора — самая восточная точка ареала.

Сем. Lemnaceae
56. Lemna trisulca L.

Сем. Juncaceae
57. Luzula multiflora (Ehrh.) Lej.

Сем. Liliaceae
58. Veratrum lobelianum Bernh.
59. Gagea erubenscens (Bess.) Schult. et Schult. fil.
60. G. minima (L.) Ker-Gawl.
61. Allium oleraceum L.
62. A. rotundum L. s.l.
63. Mainthemum bifolium (L.) F.W. Schmidt
64. Polygonatum multiflorum (L.) All.
65. Convallaria majalis L.
66. Paris quadrifolia L.

Сем. Orchidaceae
67. Platanhera bifolia (L.) Rich.
*68. * Dactylorhiza inkarnata* (L.) Soo
Отмечены единичные растения на сырых луговинах: левый берег Выссы напротив д. Шамордино и 450 м от д. Сорокино в сторону родника

Сем. Salicaceae
69. Salix alba L.
70. S. caprea L.
71. S. fragilis L.
72. S. triandra L.
73. Populus alba L.
74. P. tremula L.

Сем. Betulaceae
75. Betula pendula Roth
76. Alnus glutinosa (L.) Gaertn.
*77. * A. incana* (L.) Moench
Единичный экземпляр на правом берегу р. Высса у переправы в д. Кромено.
78. Corylus avellana L.

Сем. Fagaceae
79. Quercus robur L.

Сем. Ulmaceae
80. Ulmus laevis Pall.
81. U. pumila L.

Сем. Cannabaceae
82. Humulus lupulus L.

Сем. Urticaceae
83. Urtica dioica L.

Сем. Aristolochiaceae
84. Asarum europaeum L.

Сем. Polygonaceae
85. Rumex asetosa L.
86. R. asetosella L.
87. R. confertus Willd.
88. R. crispus L.
89. R. obtusifolius L.
90. Polygonum aviculare L. s. l.
91. P. bistorta L.

Сем. Chenopodiaceae
92. Chenopodium album L. s.l.
93. Atriplex patula L.

Сем. Amaranthaceae
94. Amaranthus retroflexus L

Сем. Caryophyllaceae
95. Stellaria holostea L.
96. S. nemorum L.
97. Steris viscaria (L.) Rafin.
98. Silene alba (Mill.) E. H. L. Krause
99. S. nutans L.
100. S. vulgaris (Moench) Garcke
101. Coronaria flos-cuculi (L.) A. Br.
102. Cucubalus baccifer L.
103. Dianthus borbasii Vandas
104. D. deltoides L.
*105. * D. superbus* L.
Указывалась для с. Палатки на Угре (Скворцов, 1961 — по дореволюционным сборам) до 2004 г. растение найти не удавалось. Вид был собран на краю смешанного леса у дороги в окрестностях д. Шамордино. Образец передан в ГБС РАН.

Сем. Nymphaeaceae
106. Nuphar lutea (L.) Smith

Сем. Ranunculaceae
107. Caltha palustris L.
108. Consolida regalis S. F. Gray
109. Anemone ranunculoides L.
110. Ficaria verna Huds.

79 Зак. 1971

111. Ranunculus auricomus L.
112. R. cassubicus L.
113. R. repens L.
114. Thalictrum aquilegifolium L.
115. Th. lucidum L.
Сем. Berberidaceae
116. Berberis vulgaris L.
Единственный экземпляр в парке Келлата
Сем. Papaveraceae
117. Chelidonium majus L.
Сем. Fumariaceae
*118. * Corydalis intermedia* (L.) Merat
Встречается в парке Келлата среди *Corydalis solida*.
119. C. solida (L.) Clairv.
120. Fumaria officinalis L.
Сем. Cruciferae (Brassicaceae)
121. Descurainia sophia (L.) Webb ex Prantl
122. Armoracia rusticana Gaertn., B. Mey. et Scherb.
123. Bunias orientalis L.
124. Hesperis pycnotricha Borb. et Degen
125. Berteroa incana (L.) DC.
126. Lepidium densiflorum Schrad.
127. Thlaspi arvense L.
128. Capsella bursa-pastoris (L.) Medik.
Сем. Crassulaceae
*129. * Jovibarba sobolifera* (J. Sims) Opiz
Растение высажено на альпийской горке в д. Шамордино.
130. Sedum acre L.
Сем.Saxifragaceae
131. Chrysosplenium alternifolium L.
Сем. Grossulariaceae
132. Grossularia reclinata (L.) Mill.
133. Ribes nigum L.
134. R. rubrum L.
Сем. Rosaceae
135. Malus domestica Borkh.
136. Malus sylvestris (L.) Mill.
137. . Sorbus aucuparia L.
138. Amelanchier spicata (Lam.) C. Koch
139. Aronia mitchurini Sckvorts. et Maitul.
140. Grataegus curvisepala Lindm.
141. Rubus caesius L.
142. R. idaeus L.
143. R. saxatilis L.
144. Fragaria moschata Duch.
145. F. vesca L.
146. F. viridis Duch.
147. Potentila alba L.
148. Potentila anserina L.
149. P. argentea L.
150. P. erecta (L.) Rausch.
151. P. intermedia L.
152. P. reptans L.
153. Geum aleppicum Jacq.
*154. * G. x intermedium* Ehrh.
Редко. Смешанный лес, вдоль дороги от Кромено к Шамордино по правому берегу реки Высса.
155. G. rivale L.
156. G. urbanum L.
157. Filipendula ulmaria (L.) Maxim.
158. F. vulgaris Moench
159. Agrimonia eupatoria L.
160. A. pilosa Ledeb.
161. Prunus domestica L.
162. Cerarus vulgaris Mill.
163. Padus avium Mill.
Сем. Leguminosae (Fabaceae)
164. Lupinus polyphyllus Lindl.
165. Medicago falcata L.
166. M. lupulina L.
167. Melilotus albus Medik.
168. M. officinalis (L.) Pall.
169. T. arvense L.
170. T. aureum Poll.
171. T. hybridum L.
172. T. medium L.
173. T. montanum L
174. T. pratense L.
175. Lotus corrniculatus L. s.l.
176. Astragalus glycyphyllos L.
177. Vicia cracca L.
178. V. sepium L.
179. V. tetrasperma (L.) Schreb.
*180. * Lathyrus niger* (L.) Bernh.
Встречается на различных участках по редкому лесу, на склонах.
181. L. pratensis L.
182. L. sylvestris L.
183. L. vernus (L.) Bernh.
Сем. Geraniaceae
184. Geranium pratense L.
185. G. pusillum L.
186. G. sanguineum L.
187. G. sylvaticum L.
188. Erodium cicutarium (L.) L'Herit.
Сем. Oxalidaceae
189. Oxalis asetosella L.
Сем. Polygalaceae
190. Polygala comosa Schkuhr
Сем. Euphorbiaceae
191. Euphorbia waldsteinii (Sojak) Czer.
Сем. Callitrichaceae
192. Callitriche cophocarpa Sendtner.
Сем. Celastraceae
193. Euonymus verrucosa Scop.
Сем. Aceraceae
194. Acer platanoides L.
195. Acer tataricum L.
Сем. Balsaminaceae
196. Impatiens noli-tangere L.
197. I. parviflora DC.
Сем. Rhamnaceae
198. Frangula alnus Mill.
Сем. Tiliaceae
199. Tilia cordata Mill.
Сем. Malvaceae
200. Lavatera thuringiaca L.
Сем. Hypericaceae
201. Hypericum maculatum Crantz
202. H. L.
Сем. Violaceae
203. Viola arvensis Murr.
204. V. canina L.
205. V. collina Bess.
206. V. hirta L.
207. V. mirabilis L.
208. V. tricolor L.
Сем. Lythraceae
209. Lythrum salicaria L.
Сем. Onagraceae
210. Epilobium hirsutum L.
211. E. montanum L.

*212. * E. tetragonum* L.
213. Chamerion angustifolium (L.) Holub
Сем. Umbelliferae (Apiaceae)
214. Eryngium camprestre L.
215. Chaerophyllum aromaticum L.
216. Ch. bulbosum L.
217. Anthriscus sylvestris (L.) Hoffm.
218. Carum carvi L.
219. Pimpinella saxifraga L.
220. Aepopodium podagraria L.
221. Angelica archangelica L.
222. Anethum graveolens L.
223. Pastinaca sativa L.
224. Heracleum sibiricum L.
Сем. Pyrolaceae
225. Pyrola rotundifolia L.
Сем. Ericaceae
226. Vaccinium vitis-idaea L.
Сем. Primulaceae
227. Primula veris L.
228. Lysimachia nummularia L.
229. L. vulgaris L.
230. Trientalis europaea L.
Сем. Oleacea
231. Syringa vulgaris L.
Сем. Gentianaceae
232. Centaurium erythraea Rafn
Сем. Convolvulaceae
233. Convolvulus arvesis L.
234. C. sepium (L.) R. Br.
235. Calystegia sepium (L.) R. Br.
Сем. Cuscutaceae
236. Cuscuta europaea L.
Сем. Boraginaceae
237. Borago officinalis L.
*238. * Pulmonaria angustifolia* L.
Светлый березняк и край поля в окрестностях д. Шамордино.
239. P. mollis Wulfen ex Hornem.
240. P. obscura Dum.
241. Myosotis palustris (L.) L.
242. Cynoglossum officinale L.
Сем. Labiatae (Lamiaceae)
243. Ajuga reptans L.
244. Scutellaria galericulata L.
245. Nepeta pannonica* L.
Затененный склон на краю леса на левом берегу р. Высса, 200 м. от родника
246. Glechoma hederacea L.
*247. * Prunella grandiflora* (L.) Scholl.
Сухой склон у дач в окрестностях д. Кромено
248.P. vulgaris L.
249. Galeopsis bifida Boenn.
250. G. speciosa Mill.
251. Lamium album L.
252. L. maculatum (L.) L.
253. L. purpureum L.
254. Galeobdolon luteum Huds.
255. Leonurus quinquelobatus Gilib.
256. Betonica officinalis L.
257. Salvia pratensis L.
258. Origanum vulgare L.
259. Lycopus europaeus L.
260. Mentha arvensis L. s. l.
Сем. Solanaceae
261. Solanum dulcamara L.
262. S. nigrum L.
Сем. Scrophulariaceae
263. Verbascum nigrum L.
264. Linaria vulgaris Mill.
265. Scrophularia nodosa L.
266. Veronica anagallis-aquatica L.
267. V. chamaedrys L.
268. V. officinalis L.
269. V. spicata L.
270. V. teucrium L.
271. Melampyrum nemorosum L.
272. M. pratense L.
273. Euphrasia stricta D. Wolff ex J. F. Lehm.
274. Odontites vulgaris Moench
275. Rhinanthus minor L.
276. Pedicularis kaufmannii Pinzger
Сем. Plantaginaceae
277. Plantago lanceolata L.
278. P. major L.
279. P. media L.
Сем. Rubiaceae
280. Galium aparine L.
281. G. mollugo L. s. l.
282. G. odoratum (L.) Scop.
283. G. rivale (Sibth. et Smith) Griseb.
284. G. verum L. s. l.
Сем. Caprifoliaceae
285. Sambucus rasemosa L.
286. Viburnum opulus L.
287. Lonicera tatarica L.
Сем. Valerianaceae
288. Valeriana officinalis L.
Сем. Dipsacaceae
289. Knautia arvensis (L.) Coult.
*290. * Scabiosa ochroleuca* L.
Единичные экземпляры на лугу под парком Келлата.
Сем. Campanulaceae
291. Campanula glomerata L.
292. C. latifolia L.
293. C. patula L.
294. C. persicifolia L.
295. C. rapunculoides L.
296. Jasione montana L.
Сем. Compositae (Asteraceae)
297. Solidago virgaurea L.
298. Erigeron canadensis L.
299. E. annua (L.) Pers.
300. Antennaria dioica (L.) Gaertn.
301. Inula britannica L.
302. I. ensifolia L.
*303. * I. hirta* L.
Несколько растений на сухом склоне в районе дач д. Кромено.
304. I. salicina L.
305. Bidens tripartita L.
306. Anthemis tinctoria L.
307. Achillea millefolium L.
308. Leucanthemum vulgare Lam.
309. Chamomilla suaveolenus (Pursh) Rydb.
310. Matricaria perforata Merat
311. Tanacetum vulgare L.
312. Artemisia absinthium L.
313. A. camprestris L. s. l.
314. A. vulgaris L.
315. Senecio jacobaea L.

316. Echinops sphaerocephalus L.
317. Arctium lappa L.
318. Carduus acanthoides L.
319. C. crispus L.
320. C. nutans L.
321. Cirsium arvense (L.) Scop. s. l.
322. C. oleraceum (L.) Scop.
323. C. vulgare (Savi) Ten.
324. Onopordum acanthium L.
*325. * Serratula tinctoria* L.
Край дубравы на склоне речной долины р. Высса в окрестностях д. Сорокино.
326. Centaurea cyanus L.
327. C. jasea L.
328. C. scabiosa L.
329. Cichorium intybus L.
330. Tragopogon orientalis L.
331. Leontodon autumnalis L.
332. L. hispidus L.
333. Sonchus arvensis L.
334. S. oleraceus L.
335. Lapsana communis L.
336. Taraxacum officinale Wigg. s. l.
337. Crepis tectorum L.
338. Hieracium pilosella L.

Источники и литература

Губанов И.А., Киселева К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Определитель высших сосудистых растений европейской России. — М.: Аргус,1995. — 587 с.

Губанов И.А., Киселева К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Иллюстрированный определитель растений Средней России. — М.: Изд-во КМК, Ин-т технологических исследований, 2004.

Маевский П.Ф. Флора средней полосы европейской части СССР. — М.: Сельхозгиз, 1941. — 786 с.

Новиков В.С., Губанов И.А. Школьный атлас-определитель высших растений. Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1985. — 239 с.

Скворцов А.К., Майоров С.Р., Воронкина Н.В., Решетникова Н.М. Аннотированный список сосудистых растений национального парка «Угра» (рукопись). — Калуга, 2005. — 76 с.

РАЗЛИЧИЕ ФЛОРЫ БАССЕЙНОВ РЕК УГРЫ И ЖИЗДРЫ (НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «УГРА»)*

Н.М. Решетникова*, к. б .н., Главный ботанический сад РАН им. Н.В. Цицина*

Реки Угра и Жиздра — левобережные притоки Оки. Угра течет с северо-запада, и большая протяженность вместе со сменой ландшафтов определяют смену растительных сообществ и флоры по ее долине. Жиздра — с юго-запада, а долина ее является природным рубежом между левобережными ландшафтами Мещовского ополья, практически сплошь распаханными, и залесенными зандровыми равнинами — на правобережье. Поэтому, в отличие от долины Угры, наибольшая контрастность растительности наблюдается здесь не по длине реки, а между ее склонами. На правобережье Жиздры сохранились участки и лесов засечной черты — широколиственные леса и участки старых сосняков. Долины и придолинные участки обеих рек в Калужской области на большом протяжении (Угра почти полностью) входят в территорию национального парка «Угра». Расстояние между ближайшими точкам изучаемых участков — около 35, а наиболее отдаленные разнесены на 120 км.

Флору национального парка «Угра» мы начали изучать в 2002 году, используя при этом предварительный список флоры, составленный ранее А.К. Скворцовым, С.Р. Майоровым и Н.В.Воронкиной к обоснованию создания парка, и их описания территорий, где были выделены места скопления редких видов. При описании флоры водоемов мы использовали данные А.А. Шмытова. В 2002—2004 годах территория была обследована маршрутным методом. По всей площади было проложено и описано 88 маршрутов (некоторые пройдены по несколько раз в разные сезоны). Ими охвачены все ландшафтные выделы, упомянутые как места произрастания наиболее ценных флористических объектов: открытые склоны долин южной экспозиции, сохранившиеся старовозрастные леса (согласно картам лесоустройства), некоторые старинные усадьбы, сфагновые болота. На Жиздринском участке составлено 40 описаний, на Угорском — 42. На каждом маршруте (ландшафтном выделе) составлялся отдельный список всех видов сосудистых растений, в 2004 г. с указанием конкретных местообитаний каждого вида. Подробные записи позволили выявить не только наличие или отсутствие вида на территории, но и различия в частоте встречаемости для ряда видов в долине Угры и Жиздры.

Особенности бассейнов р. Угры и р. Жиздры отражают и характерные черты флоры севера

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 04-04-49641 а).

и юга Калужской области. На территории этих бассейнов (в пределах национального парка) в целом отмечено 967 видов и гибридов (из анализа исключены культурные не дичающие виды, ряд сложных в определении в полевых условиях микровидов и редкие гибриды). Заносные и распространяющиеся из культуры виды входят в это число, так как возможность их натурализации тоже характеризует территорию. Распространение отличается у 450 из 967 видов (примерно у половины). Только на Угорском участке отмечены 83 вида, на Жиздринском — 153, остальные 206 зарегистрированы в обоих бассейнах, но существенно отличаются по частоте встречаемости. Это связано, во-первых, с разницей в ландшафтах и местообитаний в долинах этих рек, во вторых, с разницей в подстилающих породах (и, следовательно, характеристик почвы), в-третьих, с отличием климатических факторов. По этой территории проходит граница природных зон: Угорский участок относится к подзоне смешанных хвойно-широколиственных лесов, а по Жиздринскому проходит граница распространения широколиственных лесов.

Большее число видов, свойственных лишь долине Жиздры, обусловлено большим разнообразием местообитаний на этом участке:

1) Здесь проходит граница широколиственных лесов и сохранились участки древних «засек» с комплексом широколиственных видов: *Carex remota* L., *Allium ursinum* L., *Corydalis marschalliana* Pers. — она отмечена и на Угорском участке, но на значительно меньшей площади, *Dentaria bulbifera* L., *D. quinquefolia* Bieb., *Euonymus europaea* L., *Acer campestre* L., *Conioselinum vaginatum* (Sprengel) Thell., *Torilis japonica* (Houtt.) DC., *Omphalodes scorpioides* (Haenke) Schrank, *Arctium nemorosum* Lej.

2) Иной состав у хвойно-широколиственных и хвойных лесов вблизи засек. Здесь широко распространены виды, редкие на Угре: *Carex brunnescens* (Pers.) Poir., *C. pilosa* Scop., *C. rhizina* Blytt ex Lindbl., *Polygonatum multiflorum* (L.) All., *Dactylorhiza fuchsii* (Druce) Soo, *Aconitum lasiostomum* Reichenb., *Anemone ranunculoides* L., *Mercurialis perennis* L., *Viola mirabilis* L., *Swida sanguinea* (L.) Opiz, *Linnaea borealis* L., *Adoxa moschatellina* L. Вообще на Угре не отмечены *Botrychium lunaria* (L.) Sw., *Moehringia lateriflora* (L.) Fenzl, *Kadenia dubia* (Schkuhr) Lavrova et Tichom. — растущие в сложном сосняке и *Cypripedium calceolus* L. — из елово-широколиственного леса. Местами в сложных сосняках возобновляется и растет в большом числе *Caragana arborescens* Lam.

3) Напротив г. Козельска особо выделяется уникальный для Калужской области (и редкий для Средней России в целом) ландшафт с высокими до 8—10 м песчаными дюнами, поросшими разреженными сосняками с комплексом песколюбивых видов, и заболоченными междюнными понижениями. Только здесь произрастают *Lycopodiella inundata* (L.) Holub, *Festuca beckeri* (Hack.) Trautv., *Koeleria cristata* (L.) Pers., *K. glauca* (Spreng.) DC., *Carex brizoides* L., *C. dioica* L., *Salix rosmarinifolia* L., *Arenaria saxatilis* L., *Dianthus arenarius* L., *Ottites parviflora* (Ehrh.) Grossh., *Pulsatilla patens* (L.) Mill., *Sempervivum ruthenicum* Schnittsp. et Lehn., *Aronia mitchurinii* Sckvorts. et Maitul. (распространяется по заболоченным по соснякам), *Potentilla arenaria* Borkh., *P. collina* Wib., *Astragalus arenarius* L., *Chamaecytisus ruthenicus* (Fisch. ex Woloszcz.) Klaskova, *Genista tinctoria* L., *Radiola linoides* Roth, *Centunculus minimus* L., *Veronica incana* L., *Jurinea cyanoides* (L.) Reichenb. В большом числе встречаются, редкие на Угре *Koeleria grandis* Bess. ex Gorski, *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce, *Turritis glabra* L., *Sedum acre* L., *S. maximum* (L.) Hoffm., *Rubus nessensis* W. Hall, *Veronica spicata* L., *Helichrysum arenarium* (L.) Moench.

По этим боровым пескам проходит железная дорога, где на насыпи встречается, а иногда и распространяется, целый ряд адвентивных видов (условия вокруг моделируют более южные территории), тот же процесс идет по обочинам проселочной дороги, идущей параллельно: *Agropyron cristatum* (L.) Beauv., *Anisantha tectorum* (L.) Nevski, *Avena fatua* L., *Elymus fibrosus* (Schrenk) Tzvel., *Eragrostis minor* Hort, *Carex supina* Wahlenb., *Ulmus pumila* L., *Alyssum calicinum* L., *Camelina microcarpa* Andrz., *Erysimum hieracifolium* L., *Erucastrum gallicum* (Willd.) O.E.Schulz, *Sisymbrium altissimum* L., *Syrenia montana* (Pall.) Klok., *Potentilla bifurca* L., *Lathyrus pallescens* (Bieb.) C. Koch, *L.tuberosus* L., *Dracocephalum thymiflorum* L., *Salvia tesquicola* Klok. et Pobed., *Thymus loevyanus* Opiz (Чабрец Леви), *Chaenorhinum minus* (L.) Lange, *Veronica austriaca* L., *Plantago scabra* Moench, *Senecio viscosus* L.

На насыпи, а также по обочинам дорог и различным нарушенным местообитаниям, реже по отмелям, встречается комплекс маревых и амарантовых, отсутствующий севернее, на Угре: *Atriplex hastata* L., *A. nitens* Schkuhr, *A. patula* L., *A. tatarica* L., *Chenopodium hybridum* L., *Ch. urbicum* L., *Corispermum hyssopifolium* L., *Kochia scoparia* (L.) Schrader, *Salsola australis* R. Br., *Amaranthus albus* L., *A. blitoides* S.Wats.

4) Пойма Жиздры, в отличие от Угры, сложена песками, в которых русло весьма

80 Зак. 1971

неустойчиво. Поэтому здесь много озер-стариц (которые к тому же и лучше прогреваются). Только по старицам Жиздры отмечены *Salvinia natans* (L.) All., *Typha angustifolia* L., *Potamogeton acutifolius* Link, *Potamogeton trichoides* Cham. et Schlecht., *Alisma lanceolatum* With., *Rumex hydrolapathum* Huds., *Trapa natans* L., *Sium latifolium* L. Заметно чаще и в большем числе, чем на Угре, на Жиздре встречаются следующие прибрежно-водные и водные виды: *Typha latifolia* L., *Stratiotes aloides* L., *Glyceria maxima* (C. Hartm.) Holmb., *Carex pseudocyperus* L., *Iris pseudacorus* L., *Oenanthe aquatica* (L.) Poir., *Hottonia palustris* L.

В пойме Жиздры на лугах и по опушкам на песках отмечены *Koeleria delavignei* Czern. ex Domin, *Dianthus borbasii* Vandas, *Herniaria polygama* J. Gay, *Scleranthus perennis* L., *Allysum desertorum* Stapf, *Crataegus curvisepala* Lindman, *Viola persicifolia* Schreber, *Cirsium arvense* (L.) Scop. s.str. А.Крылов в 2003 г. нашел *Cardamine trifida* (Poir.) B.M.G. Jones — новость для Калужской области.

По всей пойме в массе произрастают и некоторые из видов аспектируют (а на Угре отмечены в меньшем числе или лишь в нижнем течении): *Agrostis vinealis* Schreb., *Beckmannia eruciformis* (L.) Host, *Carex praecox* Schreb., *C. vulpina* L., *Juncus compressus* Jacq., *Polygonum bistorta* L., *Arenaria serpyllifolia* L., *Herniaria glabra* L., *Caltha palustris* L., *Myosurus minimus* L., *Ranunculus sceleratus* L., *Draba nemorosa* L., *Lepidium densiflorum* Schrad., *Filipendula vulgaris* Moench, *Fragaria viridis* Duch., *Potentilla goldbachii* Rupr., *Polygala comosa* Schkuhr, *Euphorbia virgata* Waldst. et Kit., *Carum carvi* L., *Daucus carota* L., *Androsace septentrionalis* L., *Polemonium caeruleum* L., *Myosotis stricta* Link ex Roemer et Schultes, *Scutellaria hastifolia* L., *Veronica arvensis* L., *Galium rubioides* L., *Achillea cartilaginea* Ledeb., *Carduus acanthoides* L., *Carduus nutans* L., *Cirsium polonicum* (Petrak) Iljin, *Crepis tectorum* L.

5) На лугах у мелких речек, притоков р. Жиздры, отмечены не растущие на Угре *Trisetum sibiricum* Rupr., *Veratrum lobelianum* Bernh., *Arabis gerardii* (Bess.) Koch, *Trifolium spadiceum* L., *Pedicularis palustris* L. И в большем числе, чем на Угорском участке *Helictotrichon pubescens* (Huds.) Pilg., *Hierochloe odorata* (L.) Beauv., *Carex leporina* L., *Salix starkeana* Willd.

6) Существенно отличается и флора отмелей и берегов — лишь на Жиздре произрастают: *Cyperus fuscus* L, *Scirpus radicans* Schkuhr, *Salix acutifolia* Willd., *Polygonum persicaria* L., *Rorippa x armoracioides* (Tausch) Fuss — хотя один из родительских видов распространен уже на Угре, *Plantago intermedia* DC, *Petasites spurius* (Retz.) Reichenb., *Xanthium albinum* (Widder) H.Scholz. Только на прирусловом валу р. Жиздры (а на Угре пока нет) натурализуется *Acer negundo* L.

На отмелях в большом числе растут, редкие в этом местообитании на Угре: *Alopecurus aequalis* Sobol., *Polygonum convolvulus* L., *Limosella aquatica* L.

Зато отмечены лишь на отмелях Угры: *Acorus calamus* L., *Juncus nastanthus* V.Krecz. et Gontsch. По берегам и прирусловым валам Угры в большем числе растут виды, которые на Жиздре встречаются реже, в меньшем числе или даже в других местообитаниях: *Scirpus lacustris* L., *Salix alba* L., *S. dasyclados* Wimm., *S. viminalis* L., *Salix pentandra x S. fragilis*, *Polygonum dumetorum* L. — в долине Жиздры отмечен лишь на вырубках, *P. lapathifolium* L. s. l., *Cucubalus baccifer* L., *Rorippa sylvestris* (L.) Bess., *Inula britannica* L., *Senecio fluviatilis* Wallr.

7) отдельно расположенный участок «Чертово Городище» с выходами песчаника, также характеризуется уникальными находками: *Polypodium vulgare* L., *Dryopteris carthusiana x D. expansa*, *Sparganium glomeratum* Laest., *Carex disperma* Dew., *Epipactis atrorubens* (Hoffm. ex Bernh.) Schult.

8) Существенно отличается состав флоры черноольшаников в бассейнах этих рек, на Жиздринском участке они существенно богаче по флоре, так только здесь отмечена *Carex paniculata* L., и значительно чаще растут *C. acutiformis* Ehrh., *C. appropinquata* Schum., *C. cespitosa* L., *C. riparia* Curt., *Epilobium palustre* L. Есть и некоторые другие отличия.

Угорский участок характеризуется следующими особенностями:

1) Здесь проходит граница распространения ряда более северных видов, связанных с хвойными и хвойно-широколиственными лесами: *Lerchenfeldia flexuosa* (L.) Schur., *Goodyera repens* (L.) R. Br., *Malaxis monophyllos* (L.) Sw., *Hepatica nobilis* Mill., *Jovibarba sobolifera* (Sims) Opiz, *Viola selkirkii* Pursh ex Goldie, *Sanicula europaea* L., *Moneses uniflora* (L.) A. Gray, *Arctostaphylos uva-ursi* (L.) Sprengel, *Galium triflorum* Michx. Значительно чаще (и в более разнообразных сообществах) встречаются *Gymnocarpium dryopteris* (L.) Newm., *Dryopteris expansa* (C. Presl) Fraser-Jenkins et Jermy, *Lycopodium clavatum* L. — однако распространение других плаунов не отличается, *Juniperus communis* L., *Festuca gigantea* (L.) Vill., *Actaea spicata* L., *Malus sylvestris* Mill., *Rubus saxatilis* L., *Oxalis acetosella* L., *Viola nemoralis* Kutz., *Epilobium montanum* L., *Pyrola minor* L., *Hypopitys monotropa* Crantz, *Mycelis muralis* (L.) Dumort.

Из старых усадеб распространяется (вероятно, условия вполне благоприятны) *Abies sibirica* Ledeb., натурализовалась и расселяется *Myosotis sylvatica* Ehrh. ex Hoffm., на месте бывших поселков растет *Populus balsamifera* L. (*P. longifolia* Fisch), и в одной точке, но в большом числе отмечена *Lilium martagon* L.

В лесах по склонам долины Угры, чаще и в большем числе, чем на Жиздре, растут *Polystichum braunii* (Spenn.) Fee, *Brachypodium sylvaticum* (Huds.) Beauv., *Corydalis cava* (L.) Schweigger et Koerte, *Corydalis intermedia* (L.) Merat.

2) На этой территории имеются переходные и верховые болота (значительно превышающие по площади болота в междюнных понижениях Козельского района). Ряд редких видов растет на сплавинах вокруг озер. Не встречаются на Жиздре: *Potamogeton gramineus* L., *Scheuchzeria palustris* L., *Calamagrostis langsdorffii* (Link) Trin., *Carex limosa* L., *Carex omskiana* Meinsh., *Rhynchospora alba* (L.) Vahl, *Chamaedaphne calyculata* (L.) Moench. *Utricularia minor* L., *Galium trifidum* L.В большем числе произрастают *Carex lasiocarpa* Ehrh., *Eriophorum polystachyon* L., *E. vaginatum* L., *Thyselinum palustre* (L.) Raf., *Viola epipsila* Ledeb. (в окрестностях), *Andromeda polifolia* L., *Ledum palustre* L., *Oxycoccus palustris* Pers.

3) Только здесь имеется материковое озеро у д. Озерки с уникальной флорой: *Potamogeton praelongus* Wulf., *Scolochloa festucacea* (Willd.) Link, *Elatine hydropiper* L.

4) небольшие реки с каменистым дном и холодной водой (за счет множества ключей) — притоки Угры р. Воря и р. Ресса — имеют свойственный более северным флорам набор видов (в том числе и гибридогенных): *Potamogeton x babingtonii*, *Ranunculus circinatus* Sibth. — растет и на Жиздре, но здесь встречается в большем числе, *Ranunculus kauffmannii* Clerc, *Hippuris vulgaris* L. — единично отмечен и в р. Сосенке (притоке р. Жиздры). В самой Угре растет *Myriophyllum spicatum* L., по мнению А.А. Шмытова, этот вид предпочитает минерализованную воду.

5) Существенную разницу в распространении ряда видов обуславливает проходящая по низовьям Угры граница ареала серой ольхи (*Alnus incana* (L.) Moench); ряд видов, в массе встречающихся по сероольшаникам, растет в большом числе по обочинам дорог и у ручьев в елово-широколиственных лесах: *Rumex obtusifolius* L. s. l., *Moehringia trinervia* (L.) Clairv., *Myosoton aquaticum* (L.) Moench, *Silene dioica* (L.) Clairv., *Stellaria nemorum* L., *Cardamine impatiens* L., *Alliaria petiolata* (Bieb.) Cavara et Grande, *Circaea intermedia* Ehrh., *Chaerophyllum aromaticum* L. Именно по сероольшаникам в большом числе распространяются *Sorbaria sorbifolia* (L.) A. Br. — на площади несколько км, *Symphytum asperum* Lepech. и *Solidago canadensis* L. Способность ряда заносных видов натурализоваться в пойменных сероольшаниках объясняется, видимо: 1) относительным богатством почвы в них (многие адвентивные виды нитрофильны); 2) некоторыми нарушениями растительного покрова, регулярно происходящими в поймах и освобождающими локальные участки для первоначального появления чужеродных видов.

6) На Залидовских лугах (части палеодолины Оки) были отмечены по старицам *Zizania aquatica* L., *Potamogeton pusillus* L. s. str., а по самим лугам растет *Euphorbia semivillosa* Proch.

7) На Жиздринском и Угорском участках отличается флора лугов как пойменных, так и материковых. По пойме и на прирусловом валу у р. Угры встречены отсутствующие на Жиздре: *Trisetum flavescens* (L.) Beauv., *Carex atherodes* Spreng., *Delphinium elatum* L., *Thalictrum flavum* L., *Barbarea stricta* Andrz., *Sisymbrium strictissimum* L., *Crepis biennis* L., *Filago arvensis* L. — странно, но этот вид не отмечен по сбитым пескам на Жиздринском участке. В значительно большом числе растут *Rumex pseudonatronatus* (Borb.) Borb. ex Murb., *Dianthus fischeri* Spreng., *Saponaria officinalis* L., *Bunias orientalis* L., *Agrimonia eupatoria* L., *Trifolium arvense* L., *T. aureum* Poll., *Centaurium erythraea* Rafn, *Cuscuta epithymum* (L.) Nathh., *Verbascum nigrum* L., *Galium boreale* L., *G. palustre* L., *G. rivale* (Sibth. et Smith) Griseb., *Valeriana officinalis* L., *Succisa pratensis* Moench, *Cirsium vulgare* (Savi) Ten., *Phalacroloma septenprionale* (Fern. et Wieg.) Tzvel., *Picris hieracioides* L., *Pilosella onegensis* Norrl.

8) В бассейне Угры сохранились олиготрофные низкотравные лужки по небольшим ручьям, в последнее время исчезающие в связи с прекращением сенокошения и выпаса, где отмечены *Ophioglossum vulgatum* L., *Sieglingia decumbens* (L.) Bernh., *Salix bebbiana* Sarg., *Polygala amarella* Crantz, *P. vulgaris* L., *Viola uliginosa* Bess., *Gentiana pneumonanthe* L., *Cirsium heterophyllum* (L.) Hill, более редок в бассейне р. Жиздры *Cirsium palustre* (L.) Scop. (7 маршрутов на Жиздре, 14 на Угре).

9) Нельзя не отметить ряд редких орхидных, зарегистрированных лишь на Угорском участке: *Cephalanthera longifolia* (L.) Fritsch, *Herminium monorchis* (L.) R. Br., *Orchis militaris* L.

Отличается состав флоры сорняков и растения на обочинах дорог — лишь на Жиздре: *Bromus commutatus* Schrad., *Digitaria aegyptiaca* (Retz.) Willd, *Silene noctiflora* L., *S. viscosa* (L.) Pers., *Chorispora tenella* (Pallas) DC., *Asperugo procumbens* L., *Lamium amplexicaule* L., *Anthemis cotula* L., *Artemisia austriaca* Jacq., *A. scoparia* Waldst. et Kit., *A. sieversiana* Willd., *Xanthium strumarium* L. Чаще на Жиздре: *Apera spica-venti* (L.) Beauv., *Bromus mollis* L, *Poa supina* Schrad. — местами на лесных полянах растет на площадях несколько квадратных метров, *Descurainia sophia* (L.) Webb ex Prantl, *Sisymbrium loeselii* L., *Heracleum sosnowskyi* Manden. — широко распространился по территории, местами на залежах образует сплошные заросли, широкой полосой растет местами вдоль шоссе, *Pastinaca sativa* L., *Galium spurium* L. Лишь на Угре: *Bromus japonicus* Thunb, *Bromus secalinus* L., *Rumex longifolius* DC., *Lupinus luteus* L., *Oxalis stricta* L., *Euphorbia helioscopia* L., *Epilobium collinum* C. C. Gmel, *Oenothera oakesiana* (A. Gray) Robbins ex S. Wats. et. Coult., *Galeopsis tetrahit* L., *Lamium hybridum* Vill., *Stachys annua* (L.) L., *Veronica agrestis* L. Чаще на Угре: *Setaria glauca* (L.) Beauv., *Juncus tenuis* Willd., *Lupinus polyphyllus* Lindl., *Trifolium hybridum* L., *Vicia angustifolia* Reichard, *V. hirsuta* (L.) S. F. Gray, *Epilobium tetragonum* L., *Myosotis arvensis* (L.) Hill, *Galeopsis bifida* Boenn., *G. ladanum* L., *G. speciosa* Mill., *Veronica serpyllifolia* L., *Gnaphalium sylvaticum* L.

Очень любопытен различный состав флоры на южных склонах в долинах рек. Так как именно они являются резерватом для сохранения и проникновения степных видов (так называемый феномен «Окской флоры» и вообще видов широко распространенных южнее). Долина р. Жиздры расположена южнее, поэтому наличие ряда видов отсутствующих на Угре здесь представляется вполне естественным: *Festuca valesiaca* Gaudin, *Koeleria sabuletorum* Czern. ex Domin., *Allium rotundum* L., *Thesium arvense* Horvat., *Thesium ebracteatum* Hayne, *Dianthus armeria* L., *Potentilla heptaphylla* L., *P. recta* L., *Ononis arvensis* L., *Vicia dumetorum* L., *Rhamnus cathartica* L. — на Угре редок, *Viola elatior* Fries, *Seseli annuum* L., *Androsace elongata* L., *Myosotis suaveolens* Waldst. et Kit., *Nonea pulla* (L.) DC., *Ballota nigra* L., *Salvia verticillata* L., *Verbascum lychnitis* L., *V. x collinum* Schrad. (*V.nigrum x thapsus*), *Veronica prostrata* L., *Campanula sibirica* L, *Onopordum acanthium* L., *Pyrethrum corymbosum* (L.) Scop., и также *Trifolium montanum* L. — на Угре встречается значительно реже, *Cynoglossum officinale* L. — известен из Угры с одной точки, *Echium vulgare* L. — на Угре встречается реже, *Lappula squarrosa* (Retz.) Dumort. — на Угре в одной точке.

Но в это же время ряд южных видов, найденных в долине Угры, отсутствует на Жиздре: *Bromopsis riparia* (Rehm.) Holub, *Anthericum ramosum* L., *Arabis pendula* L., *Astragalus glycyphyllos* L., *Coronilla varia* L. — на Жиздре растет только по вторичным местобитаниям, *Vicia tenuifolia* Roth, *Viola suavis* Bieb., *Phlomis tuberosa* L., *Salvia glutinosa* L., *Thymus marschallianus* Willd., *T. pulegioides* L., *Adenophora liliifolia* (L.) A. DC., *Crepis praemorsa* (L.) Tausch. Чаще и в большом числе на Угре растут *Carex caryophyllea* Latourr., *C. montana* L., *Anemone sylvestris* L., *Anthyllis macrocephala* Wend., *Lathyrus sylvestris* L., *Trifolium alpestre* L., *Linum catharticum* L. — этот вид, конечно же, не южный, но связан с обнажениями известняков по долине Угры, *Viola hirta* L., *Nepeta pannonica* L., *Origanum vulgare* L., *Veronica teucrium* L., *Campanula bononiensis* L., *C. rapunculoides* L., *Carlina vulgaris* L. s. l.

Чем можно объяснить своеобразие южных склонов на Угре? Не исключено, что распространение «Окской флоры» могло идти не только с юга, но и из современного анклава, находящегося севернее, в окрестностях Лужков. А.К.Скворцов (1968) отмечал, изучая долину Оки, как число южных видов сокращалось при продвижении к югу, что было подчеркнуто еще и Д.И. Литвиновым. Второй немаловажный момент — общее направление течения Жиздры на изучаемом участке более меридиональное, чем на Угре, и потому число подходящих южных склонов на Угре значительно больше — почти в каждой излучине есть южный склон, а иногда и подобие «цирка», защищенного от неблагоприятных внешних воздействий (именно такое строение «цирка», аккумулирующего тепло, свойственно и окрестностям Лужков). Все излучины же Жиздры локализованы в песчаной пойме, а общий характер склонов долины скорее западный и восточный, чем северный и южный. Может сказываться и разница в подстилающих породах — моренах московского оледенения на Угре и днепровского — на Жиздре, хотя возраст выходов известняков в общем, одинаковый — каменноугольные отложения.

Отличается флора ключевых болот на склонах — на Жиздре распространены или отмечены: *Catabrosa aquatica* (L.) Beauv., *Glyceria notata* Chevall., *Eriophorum latifolium* Hoppe, *Juncus inflexus* L., *Dactylorhiza cruenta* (O. F. Muell.) Soo, *Rumex aquaticus x confertus* (*Rumex dolosus* Valta), *Petasites hybridus* (L.) Gaerth., Mey. et Scheb. На Угре чаще встречаются: *Triglochin palustre* L., *Glyceria nemoralis* (Uechtr.) Uechtr. et Koern., *Carex panicea* L., *Epilobium nervosum* Boiss. et Buhse, *E. roseum* Schreb., *Veronica beccabunga* L. Часть этих отличий, видимо, связана с большей облесенностью Угорских склонов.

Из вышеизложенного можно сделать ряд общих выводов:

1. Даже близлежащие (в пределах одно речного бассейна) локальные территории могут существенно отличаться по составу флоры и особенностям распространения растений.

2. При некотором изменении условий обитания на разных территориях в сходных местообитаниях нередко обитают разные, но родственные виды. Возможно (как отмечал Василевич), эти отличия носят статистический характер, когда случайным образом на одну территорию попадает и распространяется один вид, а на другую — другой, что бывает верно при описании небольших локальных участков, но может быть верно и на большей площади.

3. Следовательно, число видов на территории напрямую зависит от разнообразия местообитаний и ограничивается числом возможных экологических ниш, (что верно и для адвентивных видов), а значит, на локальной территории, по крайней мере, у видов природной флоры имеет предел (в некоторый момент времени).

СИНЕЗЕЛЕНЫЕ ВОДОРОСЛИ (*CYANOPHYTA*) ПОЧВ ГОРОДА КАЛУГИ

***А.В. Крылов, Г.А. Шестакова**, д. б. н., **Н.В. Воронкина**, к. б. н.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Существование водорослей в почве, на первый взгляд, несовместимо с основными особенностями этих организмов. Но в действительности столь же обычно, как и обитание их в водоёмах. Большинство авторов признаёт происхождение почвенной альгофлоры вторичным и считает её источником водные ценозы (Голлербах, Штина, 1969). Однако почвенные водоросли нельзя рассматривать как некий остаток водных группировок или случайно попавшие в почву гидрофильные водоросли. Почвенные альгоценозы — это флористически, экологически и ценотически обособленная группа водорослей, которая характеризуется своеобразной структурой, изменяющийся во времени и в пространстве (Кузяхметов, Дубовик, 2001).

Организмы, объединяемые под общим названием «синезелёные водоросли» (*Cyanophyta*), или «цианобактерии» (*Cyanobacteria*), представляют собой целый мир (свыше 1500 видов) разнообразных одноклеточных, колониальных, нитчатых форм, сходных между собой по трём существенным признакам: 1) способностью к проведению фотосинтеза; 2) присутствию дополнительных, кроме хлорофилла и каротиноидов, пигментов особой природы — фикобилинов, расположенных вне фотосинтетических ламел и поглощающих свет в области 540—630 нм; 3) отсутствию ядра (Зенова, Штина, 1990).

Отбор почвенных проб осуществлялся осенью 2003 и 2004 г.г. в 11 пунктах на территории, на которых закладывали пробные площади в 100 м^2. Для получения смешанного образца на пробной площади брали 15 индивидуальных почвенных проб в слое 0—2 см, объёмом 50 см^3 (5 x 5 x 2), помещали их в один бумажный пакет для последующего усреднения. Доводили почву до воздушно-сухого состояния, просеивали и хранили в бумажных конвертах. Усредненный образец почвы использовали для изучения качественного состава и обилия водорослей. Все операции проводили с соблюдением стерильности.

Для выявления качественного состава синезелёных водорослей применяли классические почвено-альгологические методы (Голлербах, Штина, 1969): чашечные культуры со стёклами обрастания, водные и агаровые культуры, приготовленные на вытяжке из исследуемой почвы. Колбы и чашки Петри с культивируемыми водорослями выставляли на северное окно, а в вечернее время использовали дополнительное искусственное освещение. Для учёта обилия применяли методику, предложенную Г.Г. Кузяхметовым и И.Е. Дубовиком (2001): при микроскопировании (40 x 7) на каждом стекле обрастания (18 x 18 мм) просматривали краевые полосы (трансекты), т.к. водоросли развиваются преимущественно по краям стекла. Степень развития обнаруженных видов оценивали по 5-бальной шкале обилия: 1 балл — вид встречен в одном поле зрения или только в жидких культурах; 2 балла — вид встречен в 2—10 полях зрения; 3 балла — вид встречен более чем в 10 полях зрения; 4 балла — вид встречен на стёклах обрастания во многих полях зрения; 5 — баллов вид образует макроскопические разрастания.

Для идентификации почвенных *Cyanophyta* использовали «Определитель пресноводных водорослей СССР. Выпуск 2. Синезелёные водоросли», 1953.

Список синезелёных водорослей, обнаруженных в исследуемых почвах г. Калуги, приведён в таблице 1.

В исследуемых почвенных пробах обнаружены синезелёные водоросли, относящиеся к

Таблица 1

Синезелёные водоросли (*Cyanophyta*) почв города Калуги

Таксоны	ЖФ	Встречаемость видов в отдельных пробах с указанием баллов обилия										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
порядок *Chroococcales*												
1. ***Microcystis pulverea* f. *holsatica*** (Lemm.) Elenk.	C									2		
2. ***Microcystis muscicola*** (Menegh.) Elenk.	C	2										
3. ***Cloeocapsa minuta*** (Kütz.) Hollerb. ampl.	C		2	2	2	2		2				
4. ***Cloeocapsa punctata*** Näg. ampl. Hollerb.	C	2										
порядок *Nostocales*												
5. ***Nostoc punctiforme*** (Kütz.) Hariot f. ***punctiforme***	CF	4	3		4	4	4	4			2	
6. ***Nostoc punctiforme*** (Kütz.) Hariot f. ***populorum*** (Geitl.) Hollerb.	CF	2	4	4		2	2		3	4		
7. ***Nostoc paludosum*** Kütz.	CF	3	2	3	4	4	3	4	2	3	4	1
8. ***Nostoc muscorum*** Ag.	CF				3	3	2			2	2	
9. ***Anabaena variabilis*** Kütz.	CF			4	2	3	2	4		2		
10. ***Anabaena variabilis*** Kütz. f. ***rotundospora*** Hollerb.	CF			2								
11. ***Anabaena oscillarioides*** Bory	CF			3	2	4		4				
12. ***Anabaena shaerica*** Born.et Flah.	CF						2					
13. ***Anabaena sp.***												1
14. ***Cylindrospermum muscicola*** Kütz.	CF				5	4	5		2		3	
15. ***Cylindrospermum michailovsoënse*** Elenk.	CF			2							4	
16. ***Cylindrospermum catenatum*** Ralfs	CF	2		3								
17. ***Cylindrospermum sp.***												3
18. ***Nodularia harveyana*** (Thwait) Thur.	CF			2	2	3	3		1	2	3	1
19. ***Tolypothrix tenuis*** Kütz.	PF										2	
20. ***Calothrix elenkinii*** Kossinsk.	CF						2	2				
порядок *Oscillatoriales*												
21. ***Oscillatoria formosa*** Bory	P										3	
22. ***Phormidium autumnale*** (Ag.) Gom.	P	2					2	3		4		2
23. ***Phormidium ambiguum*** Gom.								4	4	3	4	
24. ***Phormidium valderia*** (Delp.) Geitl.	P										4	
25. ***Phormidium foveolarum*** (Mont.) Gom.	P							3	2	2		
26. ***Phormidium frigidum*** F.E. Fritsch	P				2		2		3			
27. ***Phormidium tenue*** (Menegh.) Gom.	P	2										
28. ***Phormidium curtum*** Hollerb.	P		3									
29. ***Phormidium corium*** (Ag.) Gom.	P				4							
30. ***Phormidium molle*** (Kütz.) Gom.	P									4	2	
31. ***Microcoleus vaginatus*** (Vauch.) Gom.	M								3			
32. ***Plectonema gracillimum*** (Zopf) Hansg.	P						4					
Всего видов и внутривидовых таксонов		8	5	9	10	9	12	9	8	10	11	5
Сумма баллов обилия		19	14	25	30	29	33	30	20	28	33	8

***Места взятия почвенных проб**: 1 — городской парк юго-западная часть 2003 г.; 2 — Березуйский овраг у каменного моста 2003 г.; 3 — овраг Сосновой рощи 2003 г.; 4 — Березуйский овраг у каменного моста 2004 г.; 5 — Березуйский овраг у источника «Здоровец» 2004 г.; 6 — Березуйский овраг у ул. Георгиевская 2004 г.; 7 — овраг Сосновой рощи 2004 г.; 8 — овраг сквера им. Жукова у автомагистрали 2004 г.; 9 — овраг посёлка Бушмановка у автомагистрали 2004 г.; 10 — овраг ул. Тульской 2004 г.; 11 — овраг ул Никитина 2004 г.*

трём порядкам: *Chroococcales, Nostocales, Oscillatoriales* и к пяти жизненным формам (ЖФ)*.

Порядок *Chroococcales* наиболее примитивен. Из относящихся сюда видов наиболее часто отмечался *Cloeocapsa minuta* (Kutz.) Hollerb. ampl., имеющий относительно крупные клетки, правильное строение колоний и плотную слизь.

Порядок *Nostocales* широко представлен во всех исследуемых образцах почвы. Наиболее часто встречались представители родов *Nostoc, Anabaena* и *Cylindrospermum*. Ностоки — колониальные формы. Внутри слизи, образующей колонию, в беспорядке располагается множество нитей, составленных из шаровидных или бочонкообразных вегетативных клеток среди которых местами образуются гетероцисты и споры. *N. paludosum* Kutz. был обнаружен во всех почвенных образцах, также очень часто встречались две формы *N. punctiforme* (Kutz.) Hariot *f. punctiforme* и *N. punctiforme* (Kutz.) Hariot *f. populorum* (Geitl.) Hollerb. Виды рода *Anabaena* сходны с ностоками по строению нитей, но не образуют слизистых колоний. Самыми обычными почвенными представителями можно назвать *A. variabilis* Kutz. и *A. oscillarioides* Bory. Виды рода *Cylindrospermum* отличаются расположением гетероцист и спор только на одном конце нитей. В 5 пробах отмечен один из самых распространённых *C. muscicola* Kutz и лишь в 2 пробах обнаружен *C. michailovsoense* Elenk.. Из других представителей порядка *Nostocales*, отличающихся присутствием гетероцист среди вегетативных клеток, были обнаружены часто встречающаяся *Nodularia harveyana* (Thwait) Thur., и более редкие *Tolypothrix tenuis* Kutz., *Calothrix elenkinii* Kossinsk. Для двух последних родов характерно ложное ветвление — отход в сторону участков нитей при разрыве около гетероцист.

Представители порядка *Oscillatoriales* имеют нитчатое строение, лишены гетероцист и спор. Обильно встречались в исследуемой почве представители родов *Oscillatoria* и *Phormidium*. У *Phormidium* нити снабжены тонкими расплывающимися слизистыми чехлами (влагалищами), благодаря чему они легко соединяются в плёнки. Наиболее обычный представитель *Phormidium autumnale* (Ag.) Gom. В почвенных образцах из оврага расположенного около сквера им. Жукова обнаружен *Microcoleus vaginatus* (Vauch.) Gom.

Общее количество найденных видов и внутривидовых таксонов в исследуемых почвах равно 32.

Во всех культурах, особенно в почвенных со стёклами обрастания, наряду с синезелёными водорослями хорошо развивались зелёные, диатомовые, жёлто-зелёные водоросли, а также протонема мхов и мицелий грибов. Протонема по внешнему виду напоминает нитчатые зелёные водоросли, но легко узнаётся по мелкозернистым хлоропластам и косым перегородкам. Многочисленно представлены и простейшие животные: инфузории, амёбы.

---

*Жизненные формы, или экобиоморфы (Кузяхметов, Дубовик, 2001) характеризуют экологические особенности водорослей, независимо от систематической принадлежности. **С-форма** включает одноклеточные, колониальные или нитчатые формы, которые могут образовывать обильную слизь. В пределах этой жизненной формы введена **CF-форма**. включающая микроскопические талломы азотфиксирующих синезелёных водорослей. **Р-форма** — нитевидные синезелёные, не образующие значительной слизи. В пределах этой жизненной формы введена **PF-форма**, включающая азотфиксирующие виды. **М-форма** — синезеленые в виде более или менее слизистых нитей, образующие макроскопически заметные разрастания или дерновинки на поверхности почвы, засухо- и теплоустойчивы.

Литература

Алексахина Т.И., Штина Э.А. Почвенные водоросли лесных биогеоценозов. М.: Наука, 1984. — 152 с.

Голлербах М.М., Штина Э.А. Почвенные водоросли. — Л.: Наука, 1969. — 228 с.

Зенова Г.М., Штина Э.А. Почвенные водоросли: Учебное пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 80 с., ил.

Кабиров Р.Р., Суханова Н.В. Почвенные водоросли городских газонов (Уфа, Башкортостан) // Ботан. журн. — 1997. — т. 82. — №3. — С. 46—56.

Крылов А.В., Шестакова Г.А. Синезелёные водоросли почв памятников природы г. Калуги // Вопросы географии и экологии: Вып.4, 2004. — С..31—38.

Кузяхметов Г.Г., Дубовик И.Е. Методы изучения почвенных водорослей. — Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2001. — 60 с.

Москвич Н.П. Опыт использования водорослей при изучении санитарного состояния почв //Ботан. журн. — 1973. — т. 58. — №3. — С. 412—416.

Определитель пресноводных водорослей СССР. Выпуск 2. Синезлёные водоросли. М.: «Советская наука», 1953.

Штина Э.А. Почвенные водоросли как экологические индикаторы // Ботан. журн. — 1990. — т. 75. — №4. — С. 441—453.

ИЗМЕНЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ МАКРОМИЦЕТОВ В ШИРОКОЛИСТВЕННЫХ И СОСНОВЫХ ЛЕСАХ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

***М.Н. Сионова**, к. б. н., Калужский областной эколого-биологический центр учащихся*

Макромицеты играют чрезвычайно важную роль как обязательный компонент любого лесного сообщества. Они находятся в очень тесной взаимосвязи между собой и с другими организмами, составляющими биоценоз леса (Черемисинов, 1973). Формирование микоценоза определяется условиями окружающей среды (Сержанина, 1977, 1982; Бурова, 1991), поэтому трансформация среды обитания, в том числе и в результате рекреационного воздействия, приводит к изменению комплекса макромицетов.

Настоящее исследование проводилось с 1998 по 2003 гг. на участках широколиственных и сосновых лесов Калужской области с однотипной растительностью, в разной степени подверженных рекреационному воздействию, уровень которого определялся по состоянию растительного покрова, верхнего слоя почвы и подстилки (Ильин, 1993). Контрольные («заповедные») территории — практически не затронутые рекреацией лесные массивы заповедника «Калужские засеки» и Березического лесничества национального парка «Угра». Территории со средним уровнем рекреационного воздействия («пригородные») — широколиственные леса на правом берегу р. Оки, в окрестностях железнодорожной станции Садовая, пос. Турынино; пригородный сосновый лес «Калужский городской бор». Территории с наибольшим уровнем рекреационного воздействия («городские») — изолированные лесные участки в черте г. Калуги: участок соснового леса «Комсомольская роща»; овражно-парковые участки, исходным растительным сообществом которых является широколиственный лес. Сбор материала проводился на учетных маршрутах и постоянных учетных площадках.

Степень рекреационной устойчивости вида (Sr) определялась по формуле: $Sr = (2a + b — 2c)/(a + b + c)$, где a — число видов в биоценозе с максимальной рекреационной нагрузкой; b — число видов в биоценозе со средней рекреационной нагрузкой; c — число видов в биоценозе с минимальной рекреационной нагрузкой. Значение этого индекса колеблется от —2 до +2. Чем выше значение индекса, тем более устойчив к рекреационному воздействию вид (Сионова, Алексеев, 2003).

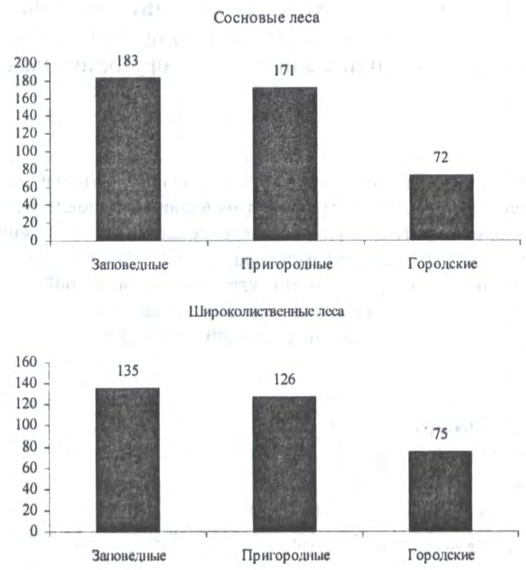

Рис. 1. Изменение видового обилия макромицетов в широколиственных и сосновых лесах с разной рекреационной нагрузкой.

На изучаемых модельных территориях за весь период исследований нами всего было зарегистрировано 297 видов макромицетов, относящихся к 103 родам. Из них 219 видов в сосновых лесах и 192 вида — в широколиственных. В целом видовое богатство макромицетов в широколиственных лесах ниже, чем в сосняках. В пригородных лесах отмечено незначительное сокращение числа видов по сравнению с заповедными лесами (рис.1). Но при крайней степени рекреационной нарушенности исследуемых лесов (леса на 5—6 стадии рекреационной дигрессии) прослеживается резкое сокращение числа видов макромицетов.

Наиболее объективными критериями благоприятности экологической среды для формирования комплекса макромицетов являются родовые коэффициенты (Лавров, 1951, Сержанина, 1977, 1982). Их значения обратно пропорциональны разнообразию экологических условий. Анализ родовых коэффициентов показывает, что наилучшие условия для роста и развития макромицетов складываются в заповедных лесах, практически не подверженных рекреации. По мере возрастания рекреационной нагрузки значения родовых коэффициентов увеличиваются (табл. 1), т.е. экологическая среда становится более неблагоприятной для развития макромицетов.

Таблица 1

Родовые коэффициенты макромицетов в сосновых и широколиственных лесах Калужской области с разной степенью рекреационной нагрузки.

Леса	*Число родов (р)*	*Число видов (в)*	*Родовой коэффициент К= (р/в)100*
Заповедные сосновые	73	183	39,9
Пригородные сосновые	75	171	43,8
Городские сосновые	48	72	66,7
Заповедные широколиственные	66	135	48,9
Пригородные	65	126	51,6
Городские широколиственные	46	75	61,3

В широколиственных лесах даже при полном отсутствии рекреационной нагрузки (заповедные участки) экологические условия более неблагоприятны для макромицетов, чем в сосновых лесах со средним уровнем рекреационного воздействия. Тем не менее, самыми неблагоприятными условиями для формирования комплекса макромицетов (К-66,7) характеризуется городской сосновый лес. Таким образом, рекреационное воздействие на микоценоз проявляется по-разному в различных типах леса.

При усилении рекреационной нагрузки на лесные сообщества видовое обилие и процентное соотношение экологических групп макромицетов в сосновых и широколиственных лесах также претерпевают изменения, которые отражены в таблице 2.

Таблица 2

Видовое обилие и процентное соотношение эколого-трофических групп макромицетов в широколиственных и сосновых лесах Калужской области с разной рекреационной нагрузкой.

Эколого-трофическая группа	Широколиственные леса						Сосновые леса					
	Заповедные		Пригородные		Городские		Заповедные		Пригородные		Городские	
	Число видов	%	Число видов	%	Число видов	%	Число видов	%	Число видов	%	Число видов	%
Микоризообразователи	49	37	39	31	13	17	78	42	68	40	20	28
Ксилотрофы	33	24	41	32	40	53	42	23	44	26	23	32
Подстилочные сапротрофы	25	19	21	17	8	11	38	21	30	17	12	17
Гумусовые сапротрофы	26	19	24	19	12	16	24	13	28	16	16	22
Прочие	2	1	1	1	2	3	1	1	1	1	1	1

Во всех обследованных лесах преобладающими по числу видов являются эколого-трофические группы микоризообразователей и ксилотрофов.

Наибольшее число видов микоризообразователей отмечено в заповедных лесах. С возрастанием рекреационной нагрузки число видов микоризообразователей и их доля в микоценозе закономерно снижаются. Следует также отметить очень низкое численное обилие видов этой эколого-трофической группы в городских биотопах, где они встречаются единичными экземплярами. Выявленные изменения видового обилия макромицетов-микоризообразователей связаны с тем, что при усилении рекреационного воздействия на леса в первую очередь происходит уплотнение верхних слоев почвы, в которых развивается мицелий грибов.

Видовое обилие и доля ксилотрофных макромицетов увеличиваются в широколиственных лесах по градиенту усиления рекреационного воздействия. Число видов ксилотрофов в заповедных и пригородных сосновых лесах практически не изменяется. В городском сосняке, подверженном рекреационной нагрузке в сильной степени, число видов ксилотрофов

82 Зак. 1971

сокращается почти в два раза. Но при этом их участие в формировании микоценозов увеличивается в ряду заповедные — пригородные — городские сосновые леса. Увеличение доли ксилотрофов в городских лесах связано с наличием большого числа поврежденных деревьев и кустарников, а также присутствием в лесных сообществах города видов — интродуцентов, в наибольшей степени подверженных заражению спорами паразитических ксилотрофов.

Число видов и доля подстилочных сапротрофов закономерно сокращаются при усилении рекреационной нагрузки на сосновые и широколиственные леса. Такая тенденция изменения видового разнообразия связана с максимальным разрушением питающего субстрата — лесной подстилки — в лесах, подверженных сильному рекреационному воздействию.

Если рассматривать макромицеты в целом, то снижение их видового богатства является индикатором рекреационной нарушенности лесных биоценозов (рис.2).

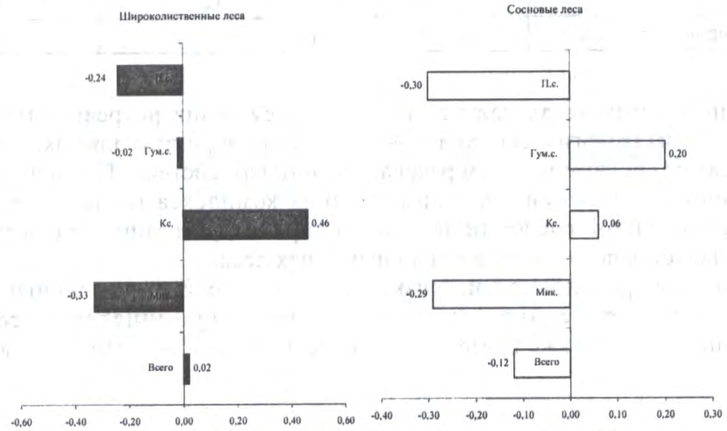

Рис. 2. Степень рекреационной устойчивости экологических групп макромицетов в широколиственных и сосновых лесах Калужской области (обозначения: Мик. — микоризообразователи; Кс. — ксилотрофы; Гум.с. — гумусовые сапротрофы; П.с. — подстилочные сапротрофы).

Реакция отдельных экологических групп макромицетов на различную степень рекреационной нагрузки неоднозначна. Подстилочные сапротрофы (Sr= -0,24 и Sr= -0,3) и микоризообразователи (Sr= -0,3) однозначно избегают рекреационно нарушенных сообществ с уплотненными верхними слоями почвы и разрушенной лесной подстилкой. Гумусовые сапротрофы неоднозначно реагируют на усиление рекреационной нагрузки в различных типах леса. Степень рекреационной устойчивости гумусовых сапротрофов в широколиственных лесах равна —0,02. В сосновых же лесах гумусовые сапротрофы положительно реагируют на усиление рекреационного воздействия (Sr = 0,2). Макромицеты эколого-трофической группы ксилотрофов, положительно реагируют на рекреационное воздействие как в широколиственных (Sr=0,46), так и в сосновых лесах (Sr=0,06). Таким образом, увеличение видового обилия ксилотрофов можно рассматривать как показатель рекреационной трансформации лесных сообществ.

При усилении рекреационного воздействия на лесные экосистемы происходят значительные изменения бета-разнообразия макромицетов.

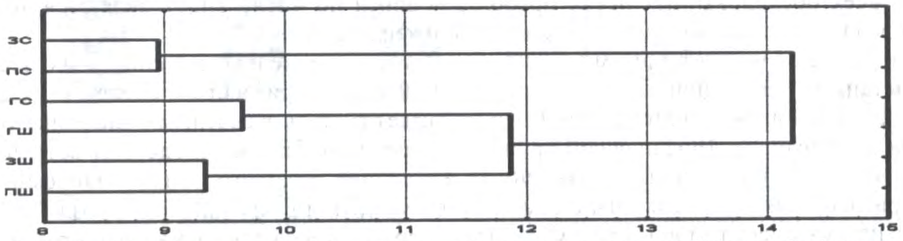

Рис.3. Дендрограмма сходства видового состава макромицетов в лесах Калужской области с разным уровнем рекреационной нагрузки (обозначения — леса: ЗС и ЗШ — заповедные сосновые и широколиственные; ПС и ПШ — пригородные сосновые и широколиственные; ГС и ГШ — городские сосновые и широколиственные; цифры — евклидово расстояние)).

Дендрограмма кластерного анализа (рис. 3) показывает, что видовой состав макромицетов

специфичен в лесных сообществах каждого типа. Эта специфичность сохраняется при среднем уровне рекреационного воздействия. Сильные же рекреационные нагрузки, наиболее резко проявляющие себя в городских биотопах, приводят к конвергенции видового состава макромицетов широколиственных и сосновых лесов городской зоны и резкому уменьшению его сходства с видовым разнообразием эталонных территорий.

Литература

Бурова Л.Г. Загадочный мир грибов. — М.: Наука, 1991. — 97с.

Ильин В.В. Основные положения по лесоустройству национальных природных парков России. — М., 1993. — 130 с.

Лавров Н.Н. Труды Томского гос. ун-та. Сер. биол. — Томск, 1951. — Т.113. — № 5.

Сержанина Г.И. Макромицеты как компоненты сосновых фитоценозов Белоруссии // Микол. и фитопатол. — 1977. — Т.11. — Вып.4. — С.289—293.

Сержанина Г.И. Некоторые итоги изучения высших грибов в дубравах Белоруссии // Микол. и фитопатол. — 1982. — Т.16. — Вып.5. — С.399—403.

Сионова М.Н., Алексеев С.К. Воздействие рекреации на уловистость представителей супертрибы *Carabitae* (*Coleoptera: Carabidae*) в условиях Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной науч. конф. — Калуга, 2003. — С.734—739.

Черемисинов Н.А. Микоценоз — компонент лесного биогеоценоза // Микол. и фитопатол. — 1973. — Т.7. — Вып.1. — С.34—39.

БРИОФЛОРА УРОЧИЩА «ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ»

В.В. Телеганова, *Национальный парк «Угра»*

Урочище «Чертово городище» — уникальное в Калужской области место по богатству видового разнообразия мохообразных и по количеству произрастающих здесь редких видов мхов. Бриофлора этого района стала привлекать внимание ученых еще в начале XX века. Описывая реликтовую колонию *Polypodium vulgare* L. в урочище «Чертово городище», А.Е.Жадовский (1928) по определениям Н.Я. Каца приводит список мхов и печеночников, собранных на скалистых выходах песчаников и в пещерах — 22 вида. В их числе *Neckera complanata, Hedwigia ciliata, Metzgeria furcata, Homomallium uncirvatum, Schistostega pennata, Pohlia elongata.* Этот перечень большей частью редких и необычных видов в дальнейшем был подтвержден и значительно расширен. Целенаправленные исследования бриофлоры стали проводиться здесь лишь с 80-х гг. XX века. Некоторые сведения были получены при изучении флоры сосудистых растений и не имели систематического характера (Майоров, 2001). Основная же часть имеющихся на сегодня данных была собрана Н.Н. Поповой при составлении сводки по мхам Среднерусской возвышенности (2002).

Данная работа представляет собой обобщение собственных данных, полученных в результате бриологического исследования, проведенного на «Чертовом городище» в сентябре 2004 года, а также сведений, уже имеющихся в литературе (Жадовский, 1928; Есипов, Прошкин, Телеганова, 1996; Майоров, 2001).

Урочище «Чертово городище» с прилегающей территорией общей площадью 359 га представляет собой участок смешанного леса, расположенный в окрестностях г. Козельска в юго-восточной части национального парка «Угра». На данном участке отмечено 96 видов мхов, 32 из них — редкие для Среднерусской возвышенности. Связано это с разнообразием микрорельефа данной территории, с произрастанием на ней различных по древесному составу участков леса и, конечно, с уникальным для этого места выходом серых песчаников.

Юго-западную часть описываемого участка занимают хвойные леса зеленомошной группы. Здесь господствуют мхи ассоциации *«hylocomiosa»*: *Pleurozium Schreberi, Hylocomium splendens, Ptilium crista-castrensis.* Они покрывают 80—100% поверхности почвы. При основании стволов деревьев обильны *Dicranum polysetum* и *Dicranum scoparium.* В местах с повышенными условиями увлажнения в небольших количествах произрастает *Aulacomnium palustre*.

Влажные хвойно-мелколиственные леса расположены в поймах лесных рек Чертовской и Черногрязки. В древесном ярусе *Picea abiens, Betula alba, Populus tremula,* ближе к водотокам — *Alnus glutinosa*. Моховой покров в лесах такого типа развит слабо, т.к. мощный травяной ярус подавляет развитие мохообразных. Проективное покрытие мхов в среднем

составляет 7—10%. На почве и опаде разреженно встречаются: *Brachythecium salebrosum, Pleurozium schreberi, Athricum undulatum,* на более влажных почвах *Rhodobryum roseum, Plagiomnium cuspidatum, Climacium dendroides.* Мхи произрастают в основном на гнилых упавших стволах (эпискилы) и на живых деревьях (эпифиты). На гнилой древесине обильны мхи родов *Brachythecium, Plagiothecium,* а также *Sanionia uncinata, Callicladium haldanianum, Rhizomnium punctatum.* На коре живых деревьев нередко встречается *Pylaisiella polyantha.* При основании стволов особенно обильны *Orthodicranum montanum, Hypnum cupressiforme, H. pallescens, Brachythecium reflexum.*

Наиболее характерным типом растительности рассматриваемой территории являются хвойно-широколиственные леса. В центральной части участка расположен массив широколиственного леса с преобладанием в древесном ярусе *Tilia cordata.* В таких лесах развитие мохообразных подавлено из-за высокой степени сомкнутости травяного покрова. Отдельные разреженные дернинки мхов произрастают на опаде, где их проективное покрытие не превышает 1—5%. Как и в хвойно-мелколиственных лесах, здесь произрастают в основном эпифитные и эпиксильные виды мхов.

Наряду с основными типами растительности, на территории участка «Чертова городища» выделяются специфические местообитания мохообразных. Это берега речек, скально-каменистые выходы песчаника.

По берегам водотоков мхи играют значительную ценотическую роль, покрывая 70—100% поверхности почвы. В условиях сильного переувлажнения доминирует группа сфагновых мхов, среди них небольшими компактными группами встречаются виды рода *Polytrichum.* На опаде и слабозадернованной почве *Plagiomnium ellipticum, P. cuspidatum, Pseudobryum cinclidioides, Calliergon cordifolium.* Участки обнаженной, хорошо увлажненной почвы, покрыты *Blasia pusilla, Pellia endiviifolia* и *P. epiphilla.* У самого берега в стоячей воде в небольшом количестве произрастают *Warnstorfia fluitans* и *W. exannulata.*

Наиболее интересны скально-каменистые выходы песчаника, расположенные в самом урочище «Чертово городище». Бриофлора песчаниковых глыб наиболее богата, что можно объяснить, с одной стороны, большим разнообразием экотопов, с другой — отсутствием конкуренции со стороны сосудистых растений, что позволяет поселяться здесь многим редким видам со сниженной конкурентной способностью. Наряду с обычными видами важную роль в моховом покрове песчаниковых глыб играют виды, нетипичные для нашей полосы и представляющие большой интерес в ботанико-географическом отношении. Это *Neckera pennata, Hedwigia ciliata, Mnium lycopodioides, Pohlia elongata, Plagiothecium latebricola, P. succulentum, Metzgeria furcata, Scapania curta, Blepharostoma trichophyllum, Lepidozia reptans, Tritomaria exsectiformis* и др. Некоторые из этих видов также можно найти на основаниях стволов старых лиственных деревьев, растущих здесь же. На сырых стенах небольших пещер можно встретить реликтовый мох — *Schistostega pennata,* протонема которого способна светиться изумрудно-зеленым светом, отражая солнечные лучи. Ископаемые остатки этого древнего вида известны с третичного периода.

Schistostega pennata встречается во многих странах Северной и Центральной Европы, в Японии, США и Канаде. В нашей стране этот мох широко распространен в Карелии, в Сибири и на Дальнем Востоке. В средней части европейской России он обычен в таежных онах. Растет чаще всего в темных, влажных углублениях в скалах, лишенных извести, пещерах, ямах, а также на выворотах под корнями упавших деревьев, особенно сосны и ели. Для урочища «Чертово городище» *Schistostega pennata* была впервые указана А.Е. Жадовским (1928) и долгое время говорили о реликтовом характере этого местонахождения. Однако исследования последних лет показали, что этот мох встречается гораздо шире, как в окрестностях Чертова Городища, так и в других среднерусских областях. Он нередко растет в елово-широколиственных и смешанных лесах на выворотнях. Помимо Калужского ареала, в Средней Росси *Schistostega pennata* известна из Московской и Смоленской областей (Майоров, 2001).

Единственная потребность в возникновении этого вида состоит в достаточной концентрации поваленных деревьев. В XIX и начале XX вв. в течение Второй мировой войны поваленные деревья, вероятно, не были очень обычны в Центральной России из-за интенсивного использования лесов. В последнем же десятилетии такие деревья стали более

многочисленными. Это обстоятельство, а также зоохорный способ распространения спор, вероятно, и послужили причиной более широкого расселения *Schistostega pennata* в Центральной России в последние десятилетия (Игнатов, Игнатова, 2001).

Список мохообразных урочища «Чертово городище»

Отдел BRYOPHYTA (МОХООБРАЗНЫЕ)
Класс HEPATICA (ПЕЧЕНОЧНИКИ)
1. ***Pellia endiviifolia*** (Dicks.) Dum. — почва.
2. *Pellia epiphilla* (L.) Corda — почва.
3. ***Blasia pusilla*** L. — почва.
4. *Metzgeria furcata* (L.) Dum. ** — песчаник.
5. ***Blepharostoma trichophyllum*** (L.) Dum. ** — песчаник.
6. ***Barbilophozia barbata*** (Schmid. ex Schreb.) Loeske * — песчаник с мелкоземом.
7. ***Tritomaria exsectieormis*** (Briedl.) Schiffn. ex Loeske ** — песчаник с мелкоземом.
8. *Scapania curta* (Mart.) Dum. ** — песчаник с мелкоземом.
9. ***Chiloscyphus polyathos*** (L.) Corda — гниющая древесина, почва.
10. ***Geocalyx graveolehs*** (Schrad.) Nees ** — песчаник с мелкоземом.
11. *Plagiochilla porelloides* (Torrey ex Nees) Lindenb. — почва, гумусированный песчаник.
12. ***Lepidozia reptans*** (L.) Dum. ** — песчаник с мелкоземом.
13. ***Calypogea neesiana*** (C. Maas. et Carest.) K. Muell. ** — гниющая древесина и песчаник с мелкоземом.
14. ***Cephalozia bicuspidate*** (L.)Dum. ** — почва.
15. ***Cephaloziella rubella*** (Nees) Warnst. * — почва.
16. *Ptilidium pulcherrimum* (G. Web.) Vain. — гниющая древесина, основания стволов деревьев.
17. *Radula complanata* (L.) Dum. — стволы деревьев.
18. ***Riccia fluitans*** L. — почва, в воде.
19. ***Riccia glauca*** L. * — почва.

Класс MUSCI (МХИ)
20. ***Sphagnum angustifolium*** Schrad. — мезотрофные болота.
21. ***Sphagnum centrale*** C.Jens. ex Arnell et C. Jens. — заболоченные участки леса, болота.
22. ***Sphagnum fallax*** Klinggr. — лесные западины, окраины болот.
23. ***Sphagnum fimbriatum*** Wils. in Wils. et Hook. F. — западины, болота.
24. ***Sphagnum flexuosum*** Dozy er Molk. — лесные западины,болота.
25. ***Sphagnum girgensohnii*** Russ. * — заболоченные ельники, окраины болот.
26. ***Sphagnum riparium*** Aongst. ** —западины,болота.
27. *Sphagnum squarrosum* Crome — западины, берега ручьев, болота.
28. *Tetraphis pellucida* Hedw. — сильно разложившаяся древесина, песчаник.
29. ***Atrichum tenellum*** (Rohl.) Bruch et Schimp. in B.S.G. * — почва, мелкозем на песчанике.
30. *Atrichum undulatum* (Hedw.) P. Beauv. — почва, гумусированный песчаник.
31. *Polytrichum commune* Hedw. — окраины болот, западины, кочки, по берегу ручья среди сфагнума.
32. *Polytrichum juniperinum* Hedw. — почва, западины, кочки на сфагновых болотах, гумусированный песчаник.
33. ***Polytrichum longisetum*** Sw. ex Brid. — почва, кочки, окраины болот.
34. ***Buxbaumia aphylla*** Hedw. ** — почва.
35. ***Ceratodon purpureus*** (Hedw.) Brid. — космополит.
36. ***Dicranella cerviculata*** (Hedw.) Schimp. — почва.
37. ***Dicranum bonjeanii*** De Not. — западины, заболоченные луга.
38. *Dicranum polysetum* Sw. — почва в хвойных лесах, основания стволов деревьев.
39. *Dicranum scoparium* Hedw. — почва в хвойных лесах, основания стволов деревьев, гниющая древесина
40. ***Dicranum viride*** (Sull. et Lesq. ih Sull) Lindb. * — пни, основания стволов старых деревьев лиственных пород.
41. *Orthodicranum montanum* (Hedw.) Loeske — основания и корни деревьев, песчаник.
42. ***Paraleucobryum longifolium*** (Hedw.) Loeske * — песчаник.
43. *Schistostega pennata* Hedw. ** — расщелины, пещеры, на песчанике и песке.
44. ***Bryum creberrimum*** Tayl. — песчаная стенка у лесной дороги.
45. ***Bryum pallens*** Sw. — почва, по краям водоемов, канавы.
46. ***Leptobryum pyriforme*** (Hedw.) Wils. — песчаник.
47. *Rodobryum roseum* (Hedw.) Limpr. — почва, лесная подстилка.
48. *Pohlia cruda* (Hedw.) Lindb. — почва, мелкозем на песчанике.
49. ***Pohlia elongata*** Hedw. ** — песчаник с мелкоземом.
50. ***Pohlia nutans*** (Hedw.) Lindb.— почва, лесная подстилка, гниющая древесина.
51. ***Pohlia wahlenbergii*** (Web. et Mohr) Andrews in Grout — почва по берегам рек.
52. *Mnium lycopodioides* Schwaegr. ** — песчаник.
53. ***Mnium marginatum*** (Disks. ex With) P. Beauv. — почва, мелкозем на песчанике.
54. *Plagiomnium cuspidanum* (Hedw.) T. Kop. — почва, гниющая древесина, гумусированные камни.
55. *Plagiomnium ellipticum* (Brid.) T. Kop. — берег ручья, гумусированные камни.
56. *Rhizomnium punctatum* (Hedw.) T. Kop. — сильно разложившаяся древесина, гумусированный песчаник
57. *Pseudobryum cinclidioides* (Hueb.) T. Kop. ** — берег ручья.
58 .*Aulacomnium palustre* (Hedw.) Schwaegr. — почва в хвойных лесах.

59. ***Philonotis fontana var caespitosa*** (Jur) Schimp. — почва по берегам и сырым лугам.
60. *Hedwigia ciliata* (Hedw.) Beauv. * — песчаник.
61. ***Leucodon sciuroides*** (Hedw.) Schwaegr. — стволы деревьев лиственных пород.
62. *Anomodon attenuanus* (Hedw.) Hueb. — стволы деревьев, песчаник.
63. ***Anomodon longifolius*** (Brid.) Hartm. — песчаник.
64. ***Anomodon viticulosus*** (Hedw.) Hook. et Tayl. — песчаник.
65. *Homalia trichomanoides* (Hedw.) Bruch et Schimp. in B.S.G. — стволы деревьев лиственных пород, гумусированный песчаник.
66. ***Neskera complanata*** (Hedw.) Hueb. ** — песчаник.
67. *Neckera pennata* Hedw. ** — стволы старых дубов, песчаник.
68. *Climacium dendroides* (Hedw.) Web. et Mohr, Naturh. — почва в хвойных лесах.
69. ***Thuidium philibertii*** Limpr. — почва, гумусированный песчаник.
70. *Thuidium recognitum* (Hedw.) Lindb. * — почва.
71. *Calliergon cordifolim* (Hedw.) Kindb. — берег ручья.
72. *Sanionia uncinata* (Hedw.) Loeske — основания стволов деревьев, гниющая древесина, песчаник.
73. ***Warnstorfia fluitans*** (Hedw.) Loeske * — обводненные заболоченные участки.
74. *Warnstorfia exannulata* (B. S. G.) Loeske ** — обводненные заболоченные участки по берегу ручья.
75. ***Brachythecium populeum*** (Hedw) Schimp. in B.S.G. — гумусированный песчаник.
76. *Brachythecium reflexum* (Starke in Web. et Mohr) Schimp. in B.S.G. — основания стволов деревьев, гумусированный песчаник.
77. ***Brachythecium salebrosum*** (Web. et Mohr) Schimp. in B.S.G. — основания стволов деревьев, почва, песчаник.
78. *Cirriphyllum piliferum* (Hedw.) Grout — почва, песчаник.
79. ***Eurhynchium angustirete*** (Broth.) T. Kop. ** — почва.
80. ***Eurhynchium pulchellum*** (Hedw) Jenn. — гумусированный песчаник.
81. *Plagiothecium cavifolium* (Brid.) Iwats. — гумусированный песчаник.
82. ***Plagiothecium denticulatum*** (Hedw.) Schimp. in B.S.G. — основания стволов деревьев, лесная подстилка, гумусированный песчаник.
83. ***Plagiothecium latebricola*** Schimp. in B.S.G. ** — почва.
84. ***Plagiothecium nemorale*** (Mitt) Jaeg * — гниющая древесина, почва, гумусированный песчаник.
85. ***Plagiothecium succulentum*** (Wils.) Lindb. ** — гниющая древесина, почва, гумусированный песчаник.
86. ***Homomalium incurvatum*** (Brid) Loeske. * — песчаник.
87. *Callicladium haldanianum* (Grev.) Crum. — гниющая древесина, гумусированный песчаник.
88. *Hypnum cupressiforme* Hedw. — основания стволов деревьев, песчаник.
89. ***Hupnum lindbergii*** Mitt. — почва, песчаник.
90. *Hupnum pallescens* (Hedw.) P. Beauv. — стволы деревьев, песчаник.
91. *Ptilium crista—castrensis* (Hedw.) De Not. — напочвенный покров в хвойных лесах.
92. *Pylaisia polyantha* (Hedw.) Grout. — стволы деревьев, гниющая древесина.
93. ***Taxiphyllum wissgrillii*** (Grow.) Wijk et Marg. — песчаник.
94. *Pleurozium Schreberi* (Brid.) Mitt. — напочвенный покров в хвойных лесах, гумусированный песчаник.
95. *Hylocomium splendens* (Hedw.) Schimp. in B.S.G. — напочвенный покров в хвойных лесах.
96. ***Rhytidiadelphus triquetrus*** (Hedw.) Warnst. — задернованная почва, в лесном напочвенном покрове.

Условные обозначения:

* — редко встречаемые на территории Среднерусской возвышенности виды мохообразных (Попова, 2002).

** — очень редко встречаемые на территории Среднерусской возвышенности виды мохообразных (Попова, 2002).

Виды, выделенные жирным шрифтом и их субстратная приуроченность приводятся по литературным источникам. Остальные виды приводятся по собственным сборам 2004 года.

Литература

Есипов В.П., Прошкин О.Л.,Телеганова Е.А. Комплексный памятник «Чертово городище» // Очерки по истории и культуре Калужского края. — Калуга: КНЦ, 1996. — С. 12—14.

Жадовский А.Е. Реликтовая колония *Polypodium vulgare* в Калужской губернии и необходимость ее охраны // Охрана природы. — М., 1928. — №3. — С.5—13.

Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Зоохория у *Schistostega pennata (Schistostegaceae, Musci.* // Arctoa 10. — М.: КМК, 2001. С. 83 — 96.

Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. Т. 1 // Arctoa 11, Приложение 1. — М.: КМК, 2003. — С. 1—608.

Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. Т. 2 // Arctoa 11, Приложение 2. — М.: КМК, 2004. — С. 609—944.

Майоров С.Р. Данные к бриофлоре Козельского района Калужской области // Флористические исследования в Центральной России на рубеже веков: Материалы научного совещания (Рязань, 29—31 января 2001 г.) /Под ред. В.С. Новикова и С.Р. Майорова. — М.: Изд-во Ботанич. сада Моск. ун-та, 2001. — С.87—89.

Попова Н.Н. Бриофлора Среднерусской возвышенности.I // Arctoa 11. — М.: КМК, 2002. — С. 101—169.

О ГЕРБАРИИ КАЛУЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. К.Э.ЦИОЛКОВСКОГО

Н.В. Воронкина*, к.б.н.,* ***А.В. Крылов****,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э.Циолковского,

Н.М. Решетникова*, к.б.н., Главный Ботанический сад РАН им. Н.В. Цицина,*

А.А. Шмытов*, Калужский областной эколого-биологический центр учащихся*

Любое серьезное изучение растительного покрова обязательно сопровождается сбором гербария с организацией его последующего хранения. Гербарий является необходимой документальной базой для любых таксономических, флористических и других, связанных с систематикой и ботанической географией, работ. Ныне возрастает значение гербариев в природоохранных мероприятиях — в разработке научных основ рационального использования и охраны растительного мира, в организации мониторинга окружающей среды. Полноценный гербарий не может быть создан быстро даже при наличии самых блестящих материальных возможностей. Создание гербария и доведение его объёма до уровня, при котором он начинает давать серьёзный устойчивый эффект, требует долгих лет упорного труда. Но зато, будучи создан, гербарий затем неограниченно долго даёт отдачу при условии надлежащего хранения коллекций.

В 2004—2005 году нами проведена полная инвентаризация сборов, хранящихся в гербарии кафедры ботаники и экологии биолого-химического факультета Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского. Многолетняя исследовательская и учебная практика на базе университета позволили собрать богатый гербарный материал калужской флоры, накопленный за последние 56 лет. В настоящее время гербарий КГПУ содержит крупнейшую коллекцию местной флоры, насчитывающую более 10 000 гербарных листов. Поэтому мы считаем целесообразным и своевременным сделать сообщение о ее содержании и состоянии.

Биолого-химический факультет ведет свою историю с 1945 года, с кафедры естествознания и географии, возглавляемой Н.Л. Дмитриевым. В 1948 г. кафедрой естествознания стал руководить Н.С. Воронин, этим же годом датированы и первые гербарные образцы. Начало гербарию положили сборы первых полевых практик студентов педагогического института. Вначале коллекция складывалась в основном из материалов, собранных на экскурсиях в окрестностях Калуги. О своей первой полевой практике Н.С. Воронин вспоминал так: «Весной 1949 года я совершил на велосипеде рекогносцировку вокруг Калуги и нашёл подходящее место на берегу озера в Верхних Вырках, договорился об использовании небольшого домика на берегу озера, и вот, я на три дня вывез первый курс на природу. Две ночи мы ночевали на берегу озера… Просыпались под пение непуганых соловьёв. Кипятили чай над костром… Никогда я не забуду тех чудесных дней, которые я провел у озера с первым курсом нашего первого набора в педагогический институт».

Большой вклад в развитие и создание гербария внесли И.Л. Зеленецкая, Л.А. Сергеев, проводившие исследования на Залидовских лугах во Дворцах, Л.И. Куракина, С.Н. Воронин, Л.Ф. Волоснова, Л.А. Соколова. Н.В. Воронкина многие годы изучала ресурсы лекарственных растений, что позволило собрать богатый гербарный материал из разных районов Калужской области. Многочисленные сборы сделаны под руководством Р.А. Романовой, А.А. Шмытова, Е.Л. Константинова. В настоящее время гербарий курирует сотрудник кафедры ботаники и экологии А.В. Крылов.

Гербарные листы разложены по видам согласно системе А. Энглера. Материалы размещены в шкафах учебной аудитории. Основной источник пополнения гербария — это коллекции, собранные сотрудниками кафедры и студентами во время летних полевых практик, экскурсий, экспедиций, а также студенческие сборы во время самостоятельных флористических исследований при выполнении курсовых и дипломных работ. Весь гербарный материал снабжен подробными этикетками, с указанием мест сбора образцов. Гербарий смонтирован на стандартных листах плотной бумаги формата А3 и хранится в картонных коробках специальной конструкции. На лицевую сторону коробок и дверцы шкафов наклеены ярлычки о содержимом для удобства работы с коллекцией. Отдельно хранятся немногочисленные сборы из других областей и учебный гербарий.

Наиболее полно представлена в гербарии КГПУ флора окрестностей Калуги, а также Перемышльского, Козельского и Дзержинского районов Калужской области. Сравнительно

мало сборов из южных районов. Собран и довольно полно представлен в гербарии КГПУ материал с территории калужских ООПТ: Калужского городского бора, озера Вырка, Жиздринского участка НП «Угра» и озера Святого (Дзержинский район). Нередко гербарий является единственным достоверным свидетельством произрастания растений на той или иной территории в данный период времени. Так, например, зубяночка трёхраздельная (*Sphaerotorrhiza trifida* (Poir.) Khokh.), собранная А.В. Крыловым и Н.В. Воронкиной на пойменном лугу р. Жиздры в Козельском районе в окрестностях экобазы «Отрада» 1.05.04 — это единственное достоверное место произрастания этого вида в области, отмечена впервые. Ковыль перистый (*Stipa pennata* L.) — найден в 1950 г. во время полевой практики под руководством Н.С. Воронина в Перемышльском районе около д. Желохово на левом берегу Оки (Дмитриев, 1961). Был собран там же во время практик в 1981 — М.Н. Попкова, 1982 — Мачульская и Полякова, 1997 — А.В. Марголин, Т. Круглова. Частуха ланцетная (*Alisma lanceolatum* With.) — впервые для области была указана Л.Ф. Волосновой (1981) на старице Оки (оз. Тишь) в Перемышльском районе, о чем свидетельствовал ее сбор в MW, датированный 1979 годом. Однако, в 2002 ? г. этот сбор был переопределен сотрудником кафедры высших растений МГУ А.В. Щербаковым и отнесен к другому виду (*Alisma gramineum* Lej.), также, как и в 2004 г. студенческие сборы 1975 и 1979 гг. с оз. Тишь, обнаруженные нами в гербарии КГПУ. Вследствие этого переопределения, а также благодаря нашим многолетним безуспешным поискам, сложилось мнение о том, что частуха ланцетная на территории Калужской области не встречается, но при изучении коллекции КГПУ мы обнаружили студенческие сборы этой частухи из Козельского района, с поймы Жиздры у пос. Березичский Стеклозавод, датированные 1970 годом, и со стариц правобережья Жиздры у с. Ниж. Прыски, датированные 1971 годом. А.В. Щербаков подтвердил это определение.

При инвентаризации среди сборов, хранящихся в гербарной коллекции КГПУ, нами отмечены редкие и ранее не указанные в литературе виды растений для Калужской области в целом (в тексте со знаком *): *полевица (*Agrostis diluta* Kurtz.) — образец определен Е.И.Курченко; этот вид был ею и описан, его распространение по Средней России еще плохо изучено, мятлик луковичный (*Poa bulbosa* L.), осока двусемянная (*Carex disperma* Dew), болотница яйцевидная (*Eleocharis ovata* (Roth) Roem. et Schult.), *ситник неопределённый (*Juncus ambiguus* Guss.) — определение образцов подтверждено В.С. Новиковым, ситник чёрный (*Juncus atratus* Krock.) — в гербарии КГПУ хранится единственный современный сбор с территории Калужской области, пыльцеголовник длиннолистный (*Cephalanthera longifolia* (L.) Fritsch), пололепестник зелёный (*Coeloglossum viride* (L.) C. Hart.), пальчатокоренник балтийский (*Dactylorhiza baltica* (Klinge) Orlova), лютик многолистный (*Ranunculus polyphyllus* Kit.), росянка обратнояйцевидная (*Drosera* x *obovata* Mert. et Koch), Астрагал датский (*Astragalus danicus* Retz.), радиола льновидная (*Radiola linoides* Roth), незабудка дубравная (*Myosotis nemorosa* Bess.), вероника простёртая (*Veronica prostrata* L.), *полынь Маршалла (*Artemisia marshalliana* Spreng.) — определена А.С. Беэром; по-видимому, распространенный в южных областях Средней России вид, из родства *A. campestris* L., *чертополох крючочковый (*Carduus hamulosus* Ehrh.), татарник колючий (*Onopordum acanthium* L.) и др.

Хранятся сборы редких сорных и дичающих из культуры видов: *костёр японский (*Bromus japonicus* Thunb.), *плевел многоцветковый (*Lolium multiflorum* Lam.), п. расставленный (*L. remotum* Schranrk), *ожика беловатая (*Luzula luzuloides* (Lam.) Dandy et Wilmott), *горец Вейриха (*Polygonum weyrichii* Fr. Schmidtt) — определил С.Р. Майоров, *рейнутрия японская (*Reynoutria japonica* Hautt) — определил С.Р. Майоров, верблюдка повислая (*Corispermum declinatum* Stephan ex Iljin), в. Маршалла (*C. marschallii* Steven), солянка холмовая (*Salsola collina* Pall.), *качим высочайший (*Gypsophilla altissima* L.), клоповник полевой (*Lepidium campestre* (L.) R. Br.), *горчица белая (*Sinapis alba* L.), резеда жёлтая (*Reseda lutea* L.), просвирник курчавый (*Malva crispa* L.), *вербейник точечный (*Lysimachia punctata* L.), *паслён (*Solanum schultesii* Opiz), *полынь таврическая (*Artemisia taurica* Willd.) и др.

Большое число листов и подробные сборы разных лет позволяют прояснить распространение ряда видов, ранее в области считавшихся редкими или недавно появившихся в ней.

Овсяница валлисская (*Festuca valesiaca* Gaud.) — редкий в области вид, широко распространенный южнее. Большинство образцов, относимых к этому виду, оказались определены ошибочно и принадлежат следующему виду.

О. шершаволистная (*F. trachyphylla* (Hack.) Krajina) — вид неоднократно был собран по области. По-видимому, распространён гораздо шире, чем это представлялось ранее

(Волоснова, 1981, устное сообщение А.К. Скворцова). Первые сборы его были сделаны в Дзержинском районе в окрестностях д. Дворцы в 1965, 1967 годах (и позднее), затем была собрана в Козельском районе в окрестностях базы Отрада и у пос. Березичский Стеклозавод, у Калуги в районе д. Анненки. В целом более 22 листов.

О. тростниковая (*F. arundinacea* Schreb.) — этот вид, недавно появившийся в области, вначале высевавшийся с сенокосными травосмесями на силос, сейчас натурализовался и растёт на пастбищах и по обочинам дорог.

Пушица широколистная (*Eriophorum latifolium* Hoppe) — сборов этого вида в Калужском гербарии немало (собран в Перемышльском, Износковском и Дзержинском районах), а вообще он был отмечен только в Тарусском и Износковском районах (MW, MOSP — сборы М.С. Хомутовой и Т.Г. Дервиз-Соколовой), в Перемышльском районе (сборы Н.Решетниковой в MW, MHA) и в окрестностях г. Калуги сборы Д. И. Литвинова.

Куколь обыкновенный (*Agrostemma githago* L.) — сейчас исчезнувший в Средней России сорняк, последняя находка его в области — у д. Каменка Козельского района в 60-х годах.

Клоповник мусорный (*Lepidium ruderale* L.) и клоповник густоцветковый (*L. densiflorum* Schrad.): до 70-х годов в области собирался первый вид, который был распространен по нарушенным местам, по открытым пескам, у обочин дорог. В 80-х годах он повсюду сменился вторым видом, занесенным к нам из Америки. Массовые сборы клоповника густоцветкового с пойменных песков, с обочин дорог и пр. показывают широкое распространение этого вида и, видимо, полное вытеснение им аборигенного вида, совершенно отсутствующего в сборах после 80-х годов.

Клевер каштановый (*Trifolium spadiceum* L.) — вид считался редким в Средней России, но в Калужской области регистрировался нередко, и, по-видимому, его численность в разные годы меняется, так как в одни годы сборы отсутствуют, а в другие представлены массово из тех же самых мест.

Клевер альпийский (*T. alpestre* L.) — распространение этого вида в Средней России связывалось с границей чернозёма (Определитель ..., 1995), но в Калужской области в долинах рек Оки, Угры, Жиздры и их крупных притоков он растет в большом числе и собран из разных районов.

Вероника персидская (*Veronica persica* Poir.) — по наблюдениям Н.В. Воронкиной, в последнее время весьма распространилась и нередка в окрестностях г. Калуги. Впервые в области отмечена Г.И. Пешковой у ст. Чипляево Спас-Деменского района (Пешкова, 1975).

Ромашка лекарственная (*Chamomilla recutita* (L.) Rausch.) и ромашник непахучий (*Matricaria perforata* Merat) — ситуация с этими видами, по-видимому, аналогична ситуации с клоповниками. В начале XX века аборигенная ромашка лекарственная была вытеснена заносным из Америки ромашником непахучим, который теперь широко распространен по области и представлен в сборах из разных районов.

В силу своей ценности гербарные коллекции нуждаются в обеспечении их длительной сохранности и использования, а между тем, несмотря на все наши усилия, условия хранения нуждаются в улучшении. Основная проблема — отсутствие специально оборудованного помещения, предназначенного для работы с гербарием. Размещение гербарных фондов в неприспособленных для этих целей шкафах учебной аудитории способствуют их заражению гербарными вредителями и затрудняет регулярную обработку инсектицидами из-за постоянного присутствия в помещении людей. Не менее опасна повышенная влажность, создаваемая большим количеством комнатных растений, которые так же являются важным элементом учебной ботанической лаборатории. С.Р. Майоров, сотрудник МГУ им. М.В.Ломоносова, неоднократно использовавший гербарий КГПУ для изучения флоры Козельского района и области в целом, отмечает, что многие интересные и редкие экземпляры на сегодняшний день уже безвозвратно утрачены. Сотрудники кафедры стремятся предоставить возможность пользоваться коллекциями всем, кто в этом заинтересован. Но, к сожалению, размеры помещения и перегруженность аудитории учебными занятиями затрудняют доступ к коллекциям и работу с ними, создают проблемы с обработкой и размещением новых поступлений.

Сейчас, когда университеты призваны играть роль крупных учебно-научных центров, в частности, по биологическим наукам, гербарии в университетах приобретают особенно важное значение. Большую роль гербарий играет в организации самостоятельной исследовательской работы студентов. На базе гербария выполняются курсовые и дипломные работы, ведутся научные исследования. В составе КГПУ в марте 2005 г. открыт институт

84 Зак. 1971

естествознания, и мы надеемся, что гербарий займет достойное место в научном секторе института и продолжит своё развитие.

Литература

Волоснова Л.Ф. Новые материалы к флоре Калужской области // Биол. науки. — 1981. — № 6. — С. 62—64.

Дмитриев Н., Зеленова Л., Кунаков М. Растительный и животный мир Калужской области. — Вып. 1: Н. Дмитриев. Растительный мир. — Калуга: Кн. изд-во, 1961. — 115 с.

Определитель сосудистых растений центра европейской России / Губанов И. А., Киселева К. В., Новиков В. С., Тихомиров В. Н. 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Аргус, 1995. — 560 с.

Пешкова Г.И. Находки некоторых сорных и заносных растений в Калужской области // Бюл. МОИП — отд. биол. — 1975. — Т. 80. — вып. 6. — С. 137—139.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЫКНОВЕННОЙ УХОВЕРТКИ *(FORFICULA AURICULARIA* L.) В КАЛУГЕ И ОКРЕСТНОСТЯХ

В.В. Алексанов,
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Обыкновенная уховертка *Forficula auricularia* L. — многочисленный, широко распространенный и известный вид насекомых Европы, представитель отряда кожистокрылых (*Dermartera*), семейства *Forficulidae*. Однако, несмотря на широкую известность, биология и экология данного вида изучены недостаточно.

Материал собирался в течение 2001—2004 гг. Основным методом сбора были ловушки Барбера, применялись укосы сачком и ручной сбор. Обследованы различные наземные биотопы Калуги. Для сравнения использован материал по пригороду, собранный на лугах долины р. Оки в 20 км ниже по течению от Калуги, на садово-огородных участках близ д. Фелисово Ферзиковского р-на.

Стациальное распределение. Обыкновенная уховертка распространена практически повсеместно в городе Калуге. Населяет **луговые** стации различных типов. Отмечена на газонах в центре города (пл. Маркса, пл. Победы, сквер возле кинотеатра «Пионер», сквер Мира, сквер Ленина). Отловлена на газоне в парке культуры и отдыха, долине р. Киевки, на лугу близ завода Тары и упаковки, на лугах по Грабцевскому шоссе, близ пл. Маяковского и ул. Гагарина, в овраге по ул. Жукова. Наиболее высокая уловистость вида отмечена на пустырях близ ст. Азарово — 7,8 (здесь и далее уловистость выражена в экз. на 100 ловушко-суток) и вокзала Калуга-1 (8,5). Не отмечена на злаково-разнотравном лугу в п. Дубрава, где экспонировались ловушки в течение 2004 г. Часто и регулярно встречается на пригородных лугах (п. Турынино-3, берег Яченского водохранилища, правый берег р. Оки).

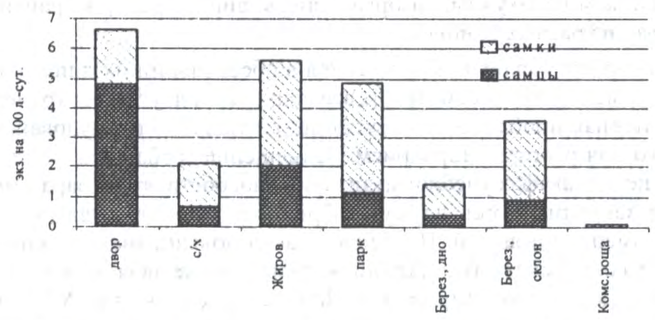

Рис. 1. Уловистость обыкновенной уховертки в различных биотопах Калуги.

Во всех изученных **лесных** стациях города уховертка также обитает, хотя уловистость в них сильно варьирует (рис. 1).

Наивысшая уловистость отмечена в Жировском овраге (5,6) и на склоне от парка культуры и отдыха к ул. Набережной (4,8). В этих биотопах наиболее высока уловистость личинок (соответственно 6,6 и 7,2), что свидетельствует об их благоприятности для размножения. На дне Березуйского оврага уловистость уховертки в 2,5 раза меньше, чем на склоне восточной экспозиции (3,57). Довольно многочисленна (2,89) уховертка в усадьбе Яновских. В Комсомольской роще уховертка встречается единично.

В **застроенной** части города (двор КО ЭБЦУ) уловистость уховертки выше, чем в «лесах» (6,61). Наблюдаются существенные (более чем в два раза) многолетние колебания уловистости. На сельскохозяйственном участке (там же) суммарная уловистость заметно ниже (2,11), также изменяется по годам. Самка была отловлена в подвале КОЭБЦУ.

В пригородных лесах уховертка гораздо малочисленнее, чем в городе. Отловлена в

посадках лиственницы близ д. Волосово-Звягино (Козельский р-н) и сосняке-зеленомошнике на северном участке ГПЗ «Калужские засеки». На лугах близ Волосово-Звягино немногочисленна, обильнее (2,44) на лугах Жиздринского участка НП «Угра». Отлавливается в хвойных лесах близ д. Мужачи. Регулярно встречается в травостое лугов близ д. Фелисово, предпочитает достаточно влажные луга с густым травостоем. Наивысшая уловистость зафиксирована на склоне южной экспозиции (луг с элементами степного разнотравья) долины р. Оки близ д. Новолоки (29,09). В то же время на близ расположенном псаммофитном лугу на террасе уловистость уховертки мала (1,96), что, видимо, связано с недостаточным увлажнением, песчаной почвой. В обеих стациях очень высока уловистость личинок (57,2 и 19,2). Если допустить, что личинки и имаго не мигрируют в другие биотопы, то до имагинального возраста на склоне доживают 50 % личинок, на террасе — 10 %, что можно объяснить ухудшением микроклиматических и растительных условий в последнем в течение лета.

Уховертка является обычным обитателем садов, где концентрируется на смородине и других кустарниках. На садово-огородных участках (Фелисово) обилие уховертки возрастает в зависимости от увеличения степени окультуренности участка (от 0,5 до 2,5).

Т.о., уховертка предпочитает наиболее антропогенно трансформированные стации.

Уховертка — облигатный компонент напочвенной мезофауны города Калуги, один из самых широко распространенных видов беспозвоночных города. Она составляет в городских биотопах в среднем 1—3 % мезофауны по уловистости, наибольшая доля уховертки отмечена в парке (7 %) и Жировском овраге (6,2 %). В застроенной части на уховертку приходится 3,5% беспозвоночных. В зависимости от года в одних и тех же биотопах доля уховертки может изменяться почти в три раза.

Ярусное распределение. Уховертка — типичный герпетобионт. Но иногда уховертки поднимаются на лугах в травостой, особенно в условиях достаточной влажности, причем с помощью укосов отлавливается примерно равное количество самцов и самок. Личинки находятся в травостое гораздо реже, чем имаго. В садах и лесах уховертки нередко забираются на деревья и кустарники, отлавливаются оконными ловушками. Видимо, на садово-огородных участках в условиях отсутствия стабильной подстилки уховертка образует более тесную связь с плодово-ягодными кустарниками. Наиболее существенными факторами для жизни уховертки в городе являются растительность микроместообитания и микроклиматические условия.

Половая структура популяции. Изучено третичное соотношение полов, т.е. соотношение полов среди имаго. В городских лесных стациях самцы составляют 24 — 36 % имаго (рис. 1). На с/х участке на самцов приходится 32 %, в усадьбе Яновских — 46 %. На территории города только в застроенной части преобладают самцы (70%). Преобладание самок замечено и в пригороде. На лугах в долине Оки на самок приходится около 70%. На лугах Жиздринского участка национального парка «Угра» доля самцов около 20 %. На садово-огородных участках (Фелисово) отмечается практически равное соотношение полов (53% самцов).

Т.о., в большинстве выборок как в городе, так и за его пределами, преобладают самки, и в среднем половая структура выражается как 30:70. По-видимому, это является видовой особенностью уховертки и связано с внутрипопуляционным отбором, ведущим к такому третичному соотношению полов, при котором преобладает пол, имеющий большее значение для заботы о потомстве. Преобладание самцов в застроенной части города пока не поддается ясной трактовке. Этот факт может быть связан с тем, что заасфальтированная территория неблагоприятна для откладки яиц, и самки концентрируются на смежном с/х участке.

В одних и тех же биотопах при сильно варьирующей суммарной уловистости доля самцов практически постоянна. Полученные результаты позволяют постулировать соотношение полов как весьма стабильную популяционную характеристику. В таких смежных стациях, как дно и склон оврага (Березуйский), соотношение полов одинаково, но в смежных дворе и с/х оно различно.

Сезонная динамика уловистости уховертки примерно одинакова во всех исследованных биотопах. Личинки встречаются с весны до осени, в наибольшем количестве отлавливаются в июле (в парке пик уловистости приходится на вторую половину июня). Взрослые перезимовавшие самки активны с начала апреля (на с/х участке). Взрослые самки встречаются в течение всего теплого сезона, пик активности приходится на сентябрь. Самцы обычны с сентября до поздней осени, немногочисленные особи зимуют, встречаясь в начале лета. В травостое лугов самцов новой генерации можно обнаружить с начала июля. Осенью среди учитываемых уховерток резко возрастает доля самцов, которые в октябре преобладают повсеместно. Они составляют 100 % в парке и на с/х участке, 91 % на склоне Березуйского оврага, 72—76 % во дворе и в Жировском овраге, лишь на дне Березуйского оврага на них приходится половина уховерток, 100 % в пригородных садах. Во дворе самцы преобладают уже в сентябре. Значительное преобладание самцов в октябрьских выборках указывает на

то, что в городских биотопах нормально протекает жизненный цикл уховертки: самки в это время отложили яйца и находятся в норе. Максимальная уловистость в целом приходится на сентябрь (40 % уховерток). На с/х участке и склоне Березуйского оврага уловистость примерно одинакова во второй половине лета — осенью. Во дворе максимум приходится на октябрь. Т.е. динамика суммарной уловистости коррелирует с половой структурой группировок.

Обыкновенная уховертка успешно приспосабливается к городской среде обитания в городе Калуге, положительно реагирует на урбанизацию и культурную трансформацию ландшафта в целом. В условиях Калужской области она вступает на путь гемисинантропизма.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ФАУНЕ ВОДНЫХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ РЕК ЧЕРТОВСКАЯ И ЧЕРНОГРЯЗКА

А.А. Телеганов,

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, отдел рыбного надзора Управления федеральной службы Россельхознадзора по Калужсккской области

В рамках комплексного обследования участка НП «Угра» — урочища «Чертово городище» — в 2004 году нами были обследованы протекающие через него реки Чертовская и Черногрязка.

Данные реки протекают в пределах Козельского района Калужской области. Река Черногрязка — левый приток первого порядка реки Чертовская, общая длина 5 км. Берет свое начало от урочища Нижняя Росоха, где также располагается большое количество заболоченных низин. Ширина реки в устье 0,4 м, глубина 0,2 м. Прозрачность воды 0,11 м, вода темно-коричневого цвета с запахом сероводорода. Берега обрывистые, высотой около 40 см, дно заиленное, местами каменистое.

Река Чертовская — правый приток первого порядка реки Жиздра, общая длина 15 км. Берет свое начало в заболоченном участке леса южнее урочища. В непосредственной близости от «Чертова городища», до впадения в нее реки Черногрязки, Чертовская имеет ширину 0,6 м и среднюю глубину 0,3 м. Прозрачность воды в межень 0,15 м, вода имеет коричневый оттенок, что объясняется наличием большого количества гумуса. Вода имеет слабый запах разлагающихся растительных остатков. Дно песчаное с заилением и редкими каменистыми отмелями. После впадения р. Черногрязки р. Чертовская становится немного шире, прозрачность воды практически не изменяется до 0,13 м, а скорость течения становится сильнее.

Обе реки характеризуются одинаковым химическим режимом. Для них характерно повышенное содержание органических кислот, в частности, гумуса, что обуславливает высокий кислотный режим. Данное обстоятельство связано с тем, что обе реки вытекают из болот, расположенных в их верховьях. Поймы их сильно заболочены, а некоторые ее участки представляют собой типичное болото, через которое проходит русло реки.

Из растительности для пойм обоих рек характерно большое количество ольхи, ивняк. Нижний ярус представлен осоками, папоротниками, плаунами и большим количеством мохообразных, в основном группой сфагновых мхов. В воде растительности нет за исключением одноклеточных водорослей (десмидиевые, диатомовые).

Особый гидрохимический режим создает определенные условия для существования здесь водных организмов. В целом население данных рек носит промежуточный характер между болотными и речными сообществами, что определяет большую своеобразность сложившихся здесь гидроценозов.

Сбор гидробиологических проб, с применением стандартных гидробиологических методов, производился в трех точках, две из которых располагались на р. Чертовская и одна на р. Черногрязка. В результате камеральной обработки полученных проб было выявлено 15 видов водных беспозвоночных, относящихся к 2 типам и 3 классам.

Тип *Annelida*

Класс *Oligochaeta*

Tubificidae. Красные, розовые, иногда с бурыми или коричневыми оттенками нитевидные черви. Длина тела колеблится в пределах 20—65 мм. Число сегментов 70—80. Обитают в грунте пресноводных водоемов. Вокруг тела образуют трубку за счет склеивания частиц грунта слизистым секретом эпидермиса.

Тип *Arthropoda*

Класс *Crustacea*

Cladocera. Представители данного отряда были встречены в небольших затонах, где течения почти нет. Ветвистоусые — это мелкие организмы размером 0,2—10 мм. В исследованных реках наиболее распространены представители семейств *Daphniidae* и *Chydoridae*.

Отряд *Megaloptera*

***Sialis lutaria* L.** Личинки вислокрылки распространены повсеместно в различных пресных водоемах и являются характерным показателем повышенного содержания органики. Они живут на дне среди частиц детрита и камней. Тело темно-коричневого цвета с темными пятнами на спине. По бокам брюшка имеются 7 пар заостренных жабр.

Отряд *Plecoptera*

***Nemoura cinerea* Retzius.** Личинки длинной 0,7—15мм. Широко распространенный в Европе вид. Характерен для заболоченных рек. Обитает на различных подводных предметах.

Отряд *Diptera*

Chironomidae. Широко распространен в стоячих и медленно текущих водоемах. Личинки живут на дне среди ила или детрита.

Simulium sp. Личинки желтовато-коричневого цвета. Длина 7—8 мм. Широко распространенный род. Личинки живут на подводных камнях или водных растениях прикрепляясь к ним присоской расположенной на заднем конце тела. Виды обычны в реках и ручьях с быстрым течением.

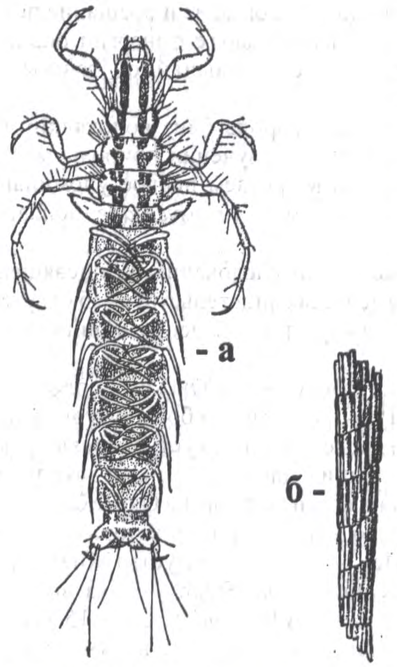

Рис. 1. Neuronia ruficrus: а — личинка; б — чехлик.

Отряд *Trichoptera*

Neuronia ruficrus. Личинка длиной 50 мм, чехлик из спирально уложенных частиц. На голове две темные параллельные полосы (рис. 1). Характерен для северных районов России. Для Калужской области отмечается впервые.

***Oecetis lacustris* (Pictet).** Характерен для медленно текущих водоемов. Живет среди прибрежных зарослей. Домик гладкий из песчинок. Длина личинки 8—10 мм.

***Halesus interpunctatus* (Zet.).** Личинки длиной 20—26 мм. Характерно присутствие пресегментальных жабр на II сегменте брюшка и четкого рисунка на щитке переднеспинки.

***Plectrocnemia conspersa* (Curtis).** Личинки длиной 20—22 мм. Голова широкая со светлой эллипсовидной фигурой на наличниково-лобном щитке. Обитает в лесных ручьях.

Отряд *Hemiptera*

***Corixa sahlbergi* (Fieber).** Тело длиной 7—9 мм, надкрылья с отчетливой растрацией, переднеспинка с 7—9 светлыми поперечными полосами. Характерен для небольших водоемов со значительным количеством растительных остатков.

Отряд *Coleoptera*

***Hydraena riparia* Kugelann.** Тело узкое, уплощенное. Длина 2—2,5 мм. Переднеспинка с продольными глубокими бороздками. Живут в мелких текучих водоемах.

***Dytiscus marginalis* L.** Длина тела 30—35 мм. Надкрылья черные с оливково-зеленым отливом. Края переднеспинки и надкрылья с желтой полосой. Широко распространен по всем пресным водоемам России. Легко перелетает из одного водоема в другой.

***Gyrinus natator* L.** Длина тела 4—7 мм. Первая пара ног значительно длиннее остальных, глаза разделены вдоль на два участка. Надкрылья синевато-черные, блестящие. Широко распространен во многих пресных водоемах. Обитает на поверхности воды стоячих или медленно текущих водоемов.

Agabus sp. Жуки из семейства плавунцов, часто встречаются в лесных озерах и реках Особенно характерны для ручьев с холодной водой.

85 Зак. 1971

Среди перечисленных гидробионтов наиболее массово встречались *Corixa sahlbergi, Nemoura cinerea, Halesus interpunctatus, Hydraena riparia.* Эти виды можно считать доминантными для данных водоемов. В малых количествах были встречены *Sialis lutaria, Neuronia ruficrus, Plectrocnemia conspersa, Dytiscus marginalis.* Ручейник *Neuronia ruficrus* для Калужской области отмечается впервые. Данный вид более характерен для северных областей России и для Калужской области его можно считать довольно редким.

Среди собранных гидробионтов нами не были обнаружены моллюски. Скорее всего, это связанно с тем, что представители данного типа не могут жить в водоемах с повышенной кислотностью, так как они имеют известковую раковину. В сборах не было и личинок жуков, а встречались лишь имаго. Данное обстоятельство говорит о том, что взрослые жесткокрылые перелетают сюда из других водоемов, но здесь не размножаются.

МАТЕРИАЛЫ ПО ФАУНЕ ЛИЧИНОК РУЧЕЙНИКОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИИ В БИОИНДИКАЦИИ ВОДОЕМОВ

***И.Е. Алехан, Е.А. Казанников**, к. б. н.,*
Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

Фаунистические исследования водоемов бассейна Оки были начаты вновь основанной в 1900 г. в Саратове по образцу ранее существовавших морских и озерных станций Волжской биологической станцией. Заведующий биологической станцией А.Л. Бенинг обратился в Калужское общество изучения природы местного края с просьбой содействия организуемым планктонным исследованиям, на что «было получено полное согласие и обещание помощи со стороны Заведующего музеем общества Вл.В. Ассонова. Благодаря его энергии, опытности и указаниям, эти ловы в реке Ока были произведены с чрезвычайной точностью и систематичностью в течение круглого 1913 года».

Обработанные материалы по планктону Оки «около города близ водокачки» были опубликованны в 3-й книге известий Калужского общества изучения природы местного края (Бенинг, 1919). В перечне собранных организмов встречаем первое упоминание о нахождении на территории области личинок ручейника сем. *Hydropsychidae,* попавших в планктонную сеть.

Однако эту работу не следует считать специальными исследованиями, посвященным ручейникам. Определение личинки ручейника до семейства свидетельствует об отсутствии специалиста-зоолога по этой группе животных, а сам факт нахождения личинки можно считать случайным.

Дальнейшие гидробиологические исследования продолжила Окская биологическая станция, основанная в 1918 г. в Муроме, которая в 1924 г. совершила большую экспедицию по всей Оке — пешком на истоки Оки, на весельной лодке от Орла до устья Москва-реки, на моторной лодке от Рязани до Н.Новгорода. Эта экспедиция, длившаяся около двух месяцев, дала чрезвычайно много материала по распределению фауны и флоры в Оке (Жадин, 1940).

В границах Калужской области экспедицией было взято 7 проб, в которых найдено 5 видов личинок ручейников: *Hydropsyche ornatula* Mcl. — 12 экз. выше устья Жиздры, 3 экз. в устье Угры, 37 экз. в 3 км выше Калуги; *Leptocenus annulicornis* Steph. — 1 экз. выше устья Жиздры; *Phryganea striata* L. — в устье Жиздры; *Neureclipsis bimaculata* L., — 15 экз. в 2 км выше Перемышля, 22 экз. у сел. Столпово Перемышльского р-на, 3 экз. в 2 км выше устья Угры, 1 экз. ниже Калуги; *Psychomyia pusilla* Fabr. — 1 экз. у сел. Столпово.

В 1959 г. двумя институтами Академии наук СССР — Зоологическим и Институтом биологии водохранилищ, была организована новая комплексная экспедиция с целью изучения гидробиологических изменений Оки, произошедших через 35 лет после экспедиции 1924 г. Рабочие створы экспедиции выбирались с таким расчетом, чтобы они повторили районы работ предшествующей экспедиции. Однако значительное расстояние Оки ниже Орла до Калуги не было обследовано за отсутствием плоскодонной лодки. Всего на протяжении от Калуги до Горького было намечено 18 створов, причем I створ ниже Калуги оказался единственным на территории области. В пробе было 5 видов личинок ручейников: находившихся ранее *N. bimaculata* — 2 экз., *H. ornatula* — 2 экз. и к известному списку было добавлено три вида — *Brachycentrus subnivalis* Curt. — 3 экз., *Orthotrichia tetensii* Kolbe — 1 экз., *Ithytrichia lamellaris* Eat. — 5 экз. (Лепнева, 1964)

Приведенный список личинок ручейников представлен только реофильными видами,

обитающими в биотопах русла рек. Массовыми (преобладающими) видами являются характерные речные (реобионты) *H. ornatula* и *N. bimaculata*, которым сопутствуют в меньшем числе остальные виды. Однако изучение фауны ручейников реки Оки, как признают сами участники экспедиции, нельзя считать полным и всеобъемлющим, и некоторые виды могли просто ускользнуть от внимания исследователей.

Третьим этапом в изучении фауны личинок ручейников Калужской области нужно считать исследования, проводимые с 1976 г. вновь организованной лабораторией гидробиологии при кафедре зоологии Калужского госпедуниверситета им. К.Э. Циолковского. Основные работы были сосредоточены в окрестностях биостанции в д. Сивково, где в период полевых практик обследовались водоемы самого разного типа с резко различающимися экологическими характеристиками. Материал был обобщен в 1980 г. в дипломной работе Т. Беловой, которая на основании личных сборов и коллекции кафедры дает полный список видов личинок ручейников водоемов окрестностей д. Сивково. Правильность определения в продолжении 4 лет проверялась научным руководителем доц. Е.А. Казанниковым, а для окончательной проверки результатов определения дипломница была командирована в Институт биологии Академии Наук Латвийской ССР к крупнейшему специалисту по этой группе животных доктору биологических наук, старшему научному сотруднику О.Л. Качаловой.

В дипломной работе дается полная гидрологическая и гидробиологическая характеристика шести водоемов окрестностей биостанции самого разного типа: пруда Вырки, реки Вырки, пруда ниже плотины, родникового ручья в д. Сивково и двух стариц в пойме Оки у с. Андреевского. В результате обработки 60 качественных проб содержащих свыше 500 экз. личинок ручейников, было установлено обитание 25 видов, нахождение которых на территории области не отмечалось, а 19 видов впервые приводятся для бассейна Оки (Белова, 1980).

В приводимом обзоре видов личинок ручейников по водоемам число экземпляров лишь косвенно указывает на обилие популяции, однако, надо иметь в виду, что даже единичный сбор, но постоянно повторяющихся видов служит надежным показателем относительного богатства и непрерывного распределения того или иного вида. Наиболее многочисленными и широко распространенными видами оказались личинки ручейников *Limnephilis flavicornis, L. rhombicus, L. politus, L. stigma, Anabolia soror.* К редко встречающимся видам относятся *Cyrnus flavidus, Trichostegia minor, L. incisus, L. griseus, Grammotaulius atomarius, Micropterna sequax, Drusus discolor, Molanna angustata.*

С 1992 года по программе Института пресноводной аквакультуры при Комитете по водным ресурсам Минэкологии РФ Лабораторией гидробиологии КГПУ им. К.Э. Циолковского проводились работы по разработке метода биологического анализа уровня загрязнения малых рек Калужской области по макрозообентосу. В результате изучения донных беспозвоночных животных были обнаружены 6 неизвестных для области видов личинок ручейников: *Lype phaeopa* (Steph.), *Limnephilis bipunctatus* Curt. в р. Воря, *Stenophylax stellatus* Curt. в реках Воря и Калужка, *Leptocerus tineiformis* Curt. в р. Шаня, *Limnephilis vittatus* Fabr. в р. Алоджа и *Gaera pilosa* (Fabr.) в р. Калужке (Алехан, 2004).

Следующий этап в изучении фауны личинок ручейников Калужской области связан с организацией национального парка «Угра», который предпринял шаги к проведению комплексных исследований пойменных озер на реке Жиздре и созданию основы для непрерывных мониторинговых наблюдений за их развитием и изменениями в 1998 г. Однако, наиболее масштабными следует считать работы 1999 года проводимые по проекту Глобального экологического фонда, в комплекс которых был включен широкий спектр вопросов биологического изучения водоемов. По изучению фауны беспозвоночных животных была привлечена лаборатория гидробиологии при кафедре общей биологии КГПУ им. Циолковского. В результате обследования 11 озер-стариц было отмечено нахождение 6 ранее известных для области личинок ручейников и установлено нахождение двух новых видов: *Polycentropus flavomaculatus* (Pictet) в озерах Желтом, Ленивом и *Trianodes bicolor* (Curtis) в озерах Царском, Карастелихе, Желтом (Казанников и др., 2001; Казанников, 2002).

Дальнейшее изучение пойменных озер реки Жиздры продолжил отдел природы Калужского государственного объединенного краеведческого музея при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации области. За полевые сезоны 2002—2003 гг. значительно расширилось обследование озер-стариц до 22 и установлено обитание в них 11 видов личинок ручейников, из которых один вид — *Oligostomis reticulata* (L.) в озере Б. Камышенское — оказался неизвестным для области. (Телеганова, Телеганов, 2003, 2004)

В 2002 году силами двух лабораторий — гидробиологии и биоиндикации КГПУ им.

К.Э.Циолковского проводились работы по биоиндикационной оценке чистоты воды по макрозообентосу рек Днепровского бассейна в границах Калужской области. География нахождения личинок значительно расширилась и из 9 найденных видов 3 указываются впервые для Калужской области: *Chaetopteryx villosa* (Fabr.) в р. Неручи, *Silio pallipes* (Fabr.) в р. Ужати и *Arctopsyche ladogensis* (Kolenati) в реках Болве, Десне, Снопоте, Ужати, Неручи (Телеганов, 2004).

И последние сведения по фауне личинок ручейников Калужской области приводит в данном сборнике А.А. Телеганов при изучении водных беспозвоночных рек Чертовской и Черногрязке в окрестностях урочища «Чертово Городище» Козельского района. Из 4 приведенных видов личинок ручейников, три из них являются новыми для области: *Neuronia ruficrus* Scop., *Oecetis lacustris* (Pictet), *Plectrocnemia conspersa* (Curtis).

Таким образом, в настоящее время для водоемов Калужской области установлено обитание 48 видов личинок ручейников, относящихся к 34 родам и 12 семействам.

К сожалению, изучение экологии личинок ручейников значительно отстает от фаунистического исследования. Обработка полученных разными гидробиологическими исследователями материалов по личинкам ручейников позволяет получить экологические характеристики, выяснить отношение ручейников к характерным биотопам и водоемам. Необходимо учитывать, что дыхание личинок совершается посредством трахейных жабр или через поверхность кожи. Потребность в кислороде у них достаточно велика и является одним из ведущих факторов при распределении личинок ручейников по биотопам пресных водоемов. Оксифильность личинок ручейников делает их специфическими формами области малых глубин, обитающими главным образом в прибрежной части водоемов.

В озерах личинки ручейников *Pryganea striata, Triaenodes bicolor* обитают почти исключительно в литорали, в зарослях водной растительности, где ассимилирующая деятельность растений обеспечивает им достаточное количество кислорода. Фауна озер представлена обычно следующими видами: на дне среди среди зарослей озер обитают *Limnephilis flavicornis, L. politus, L. rhombicus, L. marmoratus*. В сублиторали, как области, переходной между литоралью и глубинной областью, обладающей промежуточным режимом начала падения кислорода, наиболее постоянен *Cyrnus flavidus*.

Быстро текущие ручьи и реки, также как и заросшие участки больших рек с каменистым дном с оптимальным для ручейников кислородным режимом, представляют для них чрезвычайно благоприятные места обитания с богатой и разнообразной фауной: *Polycentropus flavomaculatus, Hydropsyche angustipennis, Halesus interpunctatus, Stenophylax stellatus* и др.

В более глубоких реках и речках с меньшей быстротой течения в прибрежных участках на камнях и на плотном дне обитает *Orthotrichia tetensii, Psychomyia pusilla, Brachycentrus subnivalis*. В плесах рек такого рода у берегов иногда массами встречаются *Neureclipsis bimaculata*.

К ручьевым формам относятся: *Polycentropus flavomaculatus, Halesus interpunctatus, Chaetopteryx villosa, Micropterna sequax*.

Хорошими и достоверными показателями чистой воды являются *Silio pallipes, Drusus discolor, Arctopsyche ladogensis*. В слабозагрязненных участках можно встретить *Neureclipsis bimaculata, Anabolia soror, Phryganea bipunctata, Limnephilis flavicornis* — виды, которые могут переносить загрязнение воды.

Литература и источники

Алехан И.Е. Бентос малых рек Верхнего Поочья // Вестник Томского госуниверситета.— Томск, 2004. — № 11.— С. 3—4.

Белова Т.Н. Видовой состав личинок ручейников водоемов окрестностей д. Сивково // Дипломная работа каф. зоологии КГПИ им. К.Э. Циолковского. — Калуга, 1980 (рукопись).

Бенинг А.Л. Материалы по гидрофауне придаточных систем реки Волги, II Материалы по гидрофауне реки Оки, 3.Планктон реки Оки у города Калуги // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга 3. — Калуга, 1919. — С. 3—39

Жадин В.И. Фауна рек и водохранилищ. Систематико-экологический список донной фауны рек, пойменных водоемов и водохранилищ. // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. — М.—Л., 1940.—Т.V.—Вып. 3—4. — С. 820—827.

Лепнева С.Г. Загрязнение и самоочищение реки Оки. Ручейники реки Оки по сравнительным данным 1921—1924 и 1959 гг. // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. — М.—Л., 1964. —Т. XXXII.— С. 177—188

Казанников Е.А., Демин С.В., Наумкин Е.А., Казанникова И.Е. Беспозвоночные животные стариц р. Жиздра в пределах национального парка «Угра» // Вопросы археологии, истории, культуры Верхнего Поочья. Материалы IX науч. конф. — Калуга: «Полиграф-Информ», 2001. — Ч.II.— С. 243—248.

Казанников Е.А. Беспозвоночные животные // Пойменные озера Жиздры. — Калуга, 2002. — С. 41—45.

Телеганов А.А. Первые сведения по фауне макрозообентоса рек Днепровского бассейна в пределах Калужской области (часть 1) // Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга 6-я. — Калуга, 2004. — С. 10—23.

Телеганова Е.А., Телеганов А.А. Результаты исследования фауны водных беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры в 2002 году // Вопросы археологии, истории, культуры Верхнего Поочья. Материалы X науч. конф. — Калуга: «Гриф», 2003. — С. 714—72.

Телеганова Е.А., Телеганов А.А. К фауне нектонных и бентосных форм беспозвоночных пойменных озер реки Жиздры // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. — Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2004. — Вып. 6. — С. 3—4.

ЯЙЦЕЕДЫ (*HYMENOPTERA, SCELIONIDAE, TELENOMINAE*) КЛОПОВ-ЩИТНИКОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ВИДОВОЙ СОСТАВ, БИОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ

В.В.Булеза, *к. б. н., Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН*

Среди естественных врагов клопов-щитников наиболее важное значение имеют наездники подсем. *Telenominae* (*Hymenoptera, Scelionidae*). Изучение представителей подсем. *Telenominae,* связанных с полужесткокрылыми (*Hemiptera*) имеет вековую историю. Главное внимание исследователей с начала прошлого века было обращено на яйцеедов хлебных клопов и, прежде всего, вредной черепашки (*Eurygaster integriceps)* — опасного вредителя пшеницы, ареал распространения которого ограничен южными районами Европы и Азии. Видовой состав, биология и экология яйцеедов, связанных с клопами-щитниками средней полосы России, изучены очень слабо (Викторов, 1967; Козлов, 1983).

Задачей настоящей работы было изучение видового состава яйцеедов, связанных с клопами-щитникми, их фенологии, динамики численности, пищевой специализации, поведения при заражении и поиске хозяина, распространения по биотопам в северных районах Калужской области.

Исследования проведены в 2001—2004 гг. в Жуковском, Малоярославецком, Боровском районах Калужской области, а также в Наро-Фоминском и Серпуховском районах Московской обл. Методом сбора яйцекладок в разных биотопах определен видовой состав яйцеедов клопов-щитников. Сборы проводились на протяжении всего сезона для определения сроков вылета и количества поколений яйцеедов за сезон.

В указанных районах наиболее многочисленны следующие виды клопов-щитников (*Pentatomidae*): полосатый (*Graphsoma liniatum* L.), ягодный (*Dolycoris baccarum* L.), рапсовый *(Eurydema ornate* L.), горчичный (*Eurydema ornate* L.) и *Palomena prasina* L. По нашим наблюдениям в этих районах только рапсовый и горчичный клопы имеют 2 поколения в году, другие виды моновольтинны — имеют 1 поколение в год.

Из яиц вышеперечисленных видов клопов нами выведены 5 видов яйцеедов сем. *Scelionidae*: *Telenomus chloropus* Thoms., *Trissolcus grandis* Thoms., *T. flavipes* Thoms., *T. rufiventris* Mayr., *T. semistriatus* Nees. и *Ooencyrtus telenomicidae* Vess. (сем. *Encyrtidae*).

Зимуют яйцееды в изученных районах в стадии имаго, благополучно перенося низкие температуры. Для зимовки теленомины выбирают различные места, избегая повышенной влажности. Предпочитают они для зимовки трещины в коре деревьев, лесную подстилку, пазухи листьев и соцветия сорняков.

Яйцееды появляются весной несколько позднее хозяев. Выход яйцеедов из мест зимовки происходит при среднесуточной температуре выше 10єС, а к заражению яиц хозяев они приступают после повышения температуры выше 15є С. Такие условия в Калужской области наступают обычно во второй половине мая. В теплую весну 2002 г. первые зараженные кладки клопов были обнаружены 17 мая.

Особенностью яйцеедов является их способность быстро развиваться. За период развития одного поколения клопов в природе яйцееды успевают дать от 2 до 4 поколений. Количество поколений в году изменяется прежде всего в зависимости от климатических условий. Так в 2002 г. при очень жарком лете наблюдали 4 поколения яйцеедов, а в дождливом и прохладном 2004 г. — только 2 .

Пищевые связи яйцеедов подсем. *Telenominae* ограничены сем. *Pentatomidae* и

86 Зак. 1971

Scutelleridae (Булеза, 1973). Г.А.Викторов (1964) разделяет яйцеедов, связанных с щитниками по пищевой специализации, на 2 группы. К 1-й он относит яйцеедов, предпочитающих яйца вредной черепашки, а ко 2-й — предпочитающих яйца крестоцветных клопов. Кроме того, яйца ряда щитников заражаются представителями обеих групп в одинаковой мере. Наши исследования показали (табл.1), что *T.chloropus* предпочитает в природе заражать яйцекладки полосатого и ягодного клопов. Менее привлекательными для него являются яцекладки рапсового и горчичного клопов.Прямо противоположны пищевые предпочтения *T. grandis*. Низкая численность *T.flavipes* и *T. rufiventris* не позволяет оценить их пищевые предпочтения. Единственный же наблюдаемый вид энцирцид *O. telenomicidae* не демонстрирует резких различий в отношении к хозяевам.

Таблица 1. Суммарная зараженность яиц некоторых щитников яйцеедами в природе (Калужская обл., 2001—2004).

Виды клопов	К-во яиц	Зараженность яиц в % по видам яйцеедов					Общая за - раженность яиц, %
		T. chlo-ropus	*T. gran-dis*	*T. fla – vipes*	*T. rufi-ventris*	*O.teleno-micidae*	
G.liniatum	3124	41,3	2,3	0,3	0,02	11,1	55,02
D.baccarum	873	21,3	1,6	0	0,3	7,2	30,4
P.prasina	137	15,2	3.1	0,4	0,6	2,4	21,7
E.oleracea	223	1,7	13,4	0	0	1,7	16,8
E.ornata	121	0	16,2	0,9	0	3,4	20,5

Наши данные показали, что в 2001—2004 гг. численность *T. chloropus* была намного выше, чем всех других видов яйцеедов, вместе взятых. Общая зараженность кладок клопов-щитников яйцеедом *T. chloropus* в эти годы составила более 55% от общего числа зараженных кладок. Вторым по численности в Калужской обл. является *T. grandis*. Наиболее высокой численность *T. grandis* была в 2002 г., когда зараженность кладок клопов *T. grandis* составила 14%, а *T. chloropus* лишь около 30%. В 2004 г. численность яцеедов была низкой, особенно видов рода *Trissolcus*. Такие изменения численности яйцеедов в отдельные годы обусловлены климатическими условиями. В связи с большим количеством осадков в 2004 г. лето было влажным и прохладным, а 2002 г. — сухим и жарким.

Яйцееды *T.flavipes* и *T. rufiventris* встречались очень редко, а в 2004 г. не было обнаружено ни одной кладки клопов, зараженной этими яйцеедами.

Численность яйцеедов изменяется и на протяжении сезона. Весной зараженность кладок клопов яйцеедами низкая, что связано с большой смертностью яйцеедов на местах зимовок. На протяжении сезона зараженность увеличивается и в конце августа — начале сентября достигает 60%.

T. chloropus и виды рода *Trissolcus* встречаются в одних и тех же биотопах. Однако число кладок, зараженных *Trissolcus,* больше на открытых, хорошо прогреваемых участках с редким травостоем, в то время как пропорция *T. chloropus* возрастает на влажных опушках леса, лесных полянах, берегах речек.

Совместное заражение кладки клопа *T. grandis* и *T. chloropus* наблюдали на протяжении всех лет наблюдений. Доля кладок, зараженных двумя видами, возрастала во второй половине лета и достигала 7% от всех зараженных кладок. Число яиц в кладке, зараженных *T.grandis* было больше, чем зараженных *T. chloropus*. Более часто встречались кладки клопов, которые были совместно заражены *T. chloropus* и *Ooencyrtus telenomicidae*. Можно предположить, что между яйцеедами существует конкуренция за хозяев в природе. Для получения более убедительных данных о существовании такой конкуренции были проведены полевые опыты. В утренние часы (с 6 до 8 ч) отдельно отсаженным самкам *T. grandis* и *T. chloropus* давали заражать 10—15 яиц полосатого клопа, после чего кладки клопов выставляли в биотопы, где встречались клопы и яйцееды этих видов. Кладки экспонировали в природе на протяжении 1—2 суток.

Данные полевых опытов показали, что в начале сезона при низкой численности яйцеедов перезаражений не было. Только в середине июля наблюдали одиночные перезаражения яйцеедом *Ooencyrtus telenomicidae* кладок, предварительно зараженных *T. grandis* и *T.chloropis*. В дальнейшем число таких кладок возрастало и достигало максимума (48%) в сентябре. Кладки, предварительно зараженные *T. grandis,* перезаражались также и *T. chloropus*. Ни одна яйцекладка, зараженная в лаборатории *T.chloropus*, не была перезаражена в природе видами рода *Trissolcus*.

Из полевых опытов следует, что между *T. chloropus, T. grandis,Ooencyrtus telenomicidae* происходит конкуренция за хозяев. Она возрастает к концу сезона, когда численность яйцеедов увеличивается, а число незараженных кладок уменьшается. В этот период в поле часто можно наблюдать, как несколько яйцеедов пытаются заразить одну кладку клопа. Конкуренция между энтомофагами может идти при поиске и заражении хозяина самками, а также на стадии личинки в хозяине. При мультипаразитизме в яйце хозяина идет конкуренция между личинками яйцеедов. В итоге всегда выживает одна особь. В паре *T.grandis* и *T. chloropus* преимущество имеет *T. chloropus* (Булеза, 1996). Яйцеед *Ooencyrtus telenomicidae* при мультипаразитизме имеет подавляющее преимущество перед видами родов *Trissolcus* и *Telenomus*. Исход конкуренции между этими видами зависит от плотности популяции хозяина: энтомофаги с хорошими поисковыми способностями имеют преимущество при низкой плотности, с худшими поисковыми способностями, но обладающие преимуществом личинок при мультипаразитизме, выигрывают в случае высокой численности хозяина. Такую конкуренцию, когда при мультипаразитизме имеет преимущество один вид, а при поиске и конкуренции имаго — другой, Цвельфер (Zwolfer, 1971) определил как «противоравновесную» (*counter—balanced*).

Таким образом, изучение биологии и экологии яйцеедов показало, что они могут являться серьезным природным регулятором численности клопов-щитников в северных районах Калужской области. Сезонному нарастанию численности яйцеедов в исследуемых районах способствует быстрое развитие 2—4-х поколений за время развития одного поколения клопов-щитников, резкое преобладание самок (80—90%) над самцами в потомстве и большая плодовитость (60—90 яиц). Основными же факторами, ограничивающие численность яйцеедов, являются большая смертность во время зимовки, а также частые дожди и низкие температуры летом.

Литература

Булеза В.В., 1973. Пищевая специализация *Telenominae* (*Hymenoptera*), паразитирующих в яйцах щитников // Зоол. журн. — Т. 52. — вып. 12. — С. 18—51.

Булеза В.В.,1996. Межвидовая конкуренция *Trissolcus grandis* и *Telenomus chloropus* (*Hymenoptera, Scelionidae*) — яйцеедов клопов-щитников // Зоол. журн. — Т. 75. — вып. 8. — С.1174—1180.

Викторов Г.А. 1964. Пищевая специализация яйцеедов вредной черепашки *(Eurygaster integriceps Put.)* и ее значение для диагностики видов в роде *Asolcus Nakagawa (=Microphfnurus Kieff)* (*Hymenoptera, Scelionidae*) // Зоол. журн. — Т.43. — вып. 7. — С. 1011—1025.

Викторов Г.А. 1967. Проблемы динамики насекомых на примере вредной черепашки. — М.: Наука. — С. 1—271.

Zwolfer H. 1971. Thestructure and effect of parasitoid complexes attacking phytophagus host insects / P.J. Boer.G.R. Gradweell (eds.) // Proc. advanced study inst. on «Dynamics of Numbers in Populations». Oosterbecr. The Nethrelands. P. 405—418.

ДОПОЛНЕНИЕ К ФАУНЕ РЕДКИХ ВИДОВ ПЧЕЛИНЫХ (*HYMENOPTERA, APIDAE*) КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.В. Голубева, *к. б. н.,*
Калужский филиал Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева

В настоящей работе приводятся неопубликованные материалы, являющиеся результатом многолетних исследований апидофауны Калужской области (начиная с 1988 года). Общие сведения по энтомофауне пчелиных, описание некоторых редких видов имеются в ранних публикациях [1—4]. В данной работе мы хотели сделать акцент на виды, численность которых неуклонно сокращается или находится на критическом уровне не только на территории нашей области, но и сопредельных областей. Подробные очерки об этих видах представлены в материалах Красной Книги Калужской области.

***Bombus sichelii* Radoszkovsky, 1859.** Локально встречающийся очень редкий вид, по-видимому, численность имеет тенденцию к сокращению. Ареал охватывает Европейскую часть России, Алтай, Якутию, Казахстан, Южную Сибирь, Дальний Восток. Отмечен в центральных районах Московской области только по старым сборам [5]. Известен по сборам 70-х годов из пригорода г. Калуги (д.Сивково, 1977 г.) и по последним сборам — из окрестностей г. Кондрово (2000 г.).

Приурочен к лесным полянам и лугам лесов умеренного климата. Биология вида требует дополнительного изучения. Вид занесен в Красную Книгу Московской области [5].

***Bombus distinguendus* F. Morawitz, 1869.** Численность вида на территории области имеет

тенденцию к сокращению. В сопредельных областях редок. В Калужской области отмечен в окрестностях села Льва Толстого, на опушках смешанного леса в лесничестве Отрада Козельского района; на территории г. Калуги — на опушках калужского бора.

Ареал охватывает лесную полосу Северного полушария. Приурочен к лугам и лесным полянам лесной зоны и тайги. Крупный длиннохоботный вид, гнездится подземно в июне и даже в июле, семьи не очень многочисленные [5].

***Bombus laezus* F. Morawitz, 1875.** Известен по старым сборам из пригородной зоны г. Калуги (д. Сивково, 1977) и окрестностей д. Белой (1989 г.). Ареал охватывает Юг Восточной Европы, Кавказ, Среднюю Азию. Встречается на остепненных участках, гнездится наземно. Один из наиболее эффективных опылителей клевера лугового; посещает также растения из семейств губоцветных, бобовых, сложноцветных. Вид занесен в Красную Книгу СССР [6].

***Bombus semenoviellus* Skorikov, 1922.** Очень редкий вид. Относится к группе таежных шмелей. Встречается на лугах лесной зоны [7]. Ареал охватывает лесную зону Северного полушария. В Калужской области отмечен на территории пригородного лесничества, Калужского бора, в городской черте г. Калуги. Посещает растения из семейств бобовых, сложноцветных. Биология вида требует дополнительного изучения.

***Bombus serrisquama* F. Morawitz, 1888.** Очень редкий вид. В других частях ареала численность также низка и продолжает сокращаться. Типичный представитель реликтовой степной фауны, тяготеющий к суходольным лугам, луговым степям и остепненным склонам балок. Гнездится подземно в норах грызунов. Посещает растения из семейств бобовых, губоцветных, сложноцветных, ворсянковых, зверобойных и некоторых других [5]. Ареал охватывает степи и лесостепи Северной Евразии, Балканы, Северный Кавказ, Тянь-Шань, Памир, Алтай, Средний и Южный Урал.

В Московской области очень редок, за последние 10 лет отмечен лишь один раз [5]. В Калужской области отмечен по старым сборам из пригородной зоны (д. Сивково, 1983 г.). Вид занесен в Красную Книгу СССР [6], Красную Книгу Московской области [5].

***Bombus patagiatus* Nylander, 1848.** Находки данного вида на территории области относятся к 70—80-м гг. (д. Сивково), зарегистрирован дважды в 1998 г. На полянах Калужского бора вблизи микрорайона Аненки. Обитает на лугах лесной зоны [6]. Относится к группе европейско-сибирских таежных видов. Вероятно, гнездится подземно [5]. Вид занесен в Красную Книгу Московской области [5].

***Bombus sporadicus* Nylander, 1948.** Зарегистрирован в лесных биотопах северной части Калужского бора, единичные экземпляры пойманы в Дзержинском районе у д. Шеняно Слобода. Рабочие особи иногда посещают луговую растительность. По-видимому, вид находится в Калужской области на грани исчезновения.

Относится к группе европейско-сибирских таежных видов [7]. Ареал охватывает Европейскую часть России, Сибирь, Дальний Восток, Северную Монголию. В Московской области известен по старым сборам в центральных районах [5]. Приурочен к местам произрастания лиственницы. Вероятно, гнездится подземно. Вид занесен в Красную Книгу СССР [6], Московской области [5].

***Bombus paradoxus* Dalla Torre, 1882.** Единичные экземпляры отмечены по старым сборам из пригорода г. Калуги — суходольный луг у д. Сивково (VI. 1977, 1988), опушки смешанного леса у д. Отрада Козельского района (VI. 1992), цветущий луг пригородного лесничества у микрорайона Аненки (VI. 1993). В 2000-м году 5 экз. зарегистрированы на территории больничного комплекса МНТК (Микрохирургии глаза), отмечены в окрестностях г. Кондрово (2001 г.). Вид входит в состав лугово-степного энтомокомплекса. Длина хоботка рабочего шмеля 8—9 мм. Посещают растения из семейств губоцветных, в частности, отмечен на буквице. Биология вида не исследована и требует дополнительного изучения.

Ареал охватывает степную зону европейской части России и юг западной Сибири. Вид занесен в Красную Книгу СССР [6].

***Bombus fragrans* Pallas, 1771.** Повсеместно редкий вид, численность продолжает сокращаться [5]. В Московской области за последние 10 лет не отмечался [7]. Обитает в степной и лесостепной зоне Северной Евразии. Типичный представитель степной фауны, заселяет остепненные луга по склонам балок. Гнездится подземно в норах грызунов. Посещает растения из семейств бобовые, губоцветные, сложноцветные, норичниковые, бурачниковые [5]. В Калужской области отмечен однажды на остепненных участках поймы р. Угры Дзержинского района (VI. 1991). Вид занесен в Красную Книгу Московской области [5].

***Bombus cingulatus* Wahlberg.** Обитает в лесах и тундрах Северной и Северо-западной части Евразии [7]. В Калужской области отмечен дважды — на опушках пригородного лесничества вблизи микрорайона Аненки (VI. 1997). Биология вида требует дальнейшего изучения.

***Dasypoda plumipes* Panser, 1797.** Теплолюбивые пчелы летней группы видов. Посещают цветки семейства сложноцветных, пыльцой которых выкармливают потомство. Гнездятся на супесчаных почвах, на песчаных обнажениях, пляжах. Образуют колонии. Обитают на лугах, луговых степях. Вид распространен локально, численность имеет тенденцию к сокращению [5].

На территории Калужской области вид отмечен для Дзержинского района (с. Шеняно-Слобода, 1991 г.), зарегистрирован в районе учебно-опытной базы КФ МСХА (1994 г.). Вид занесен в Красную Книгу Московской области.

***Melitturga clavicornis* (Latreille, 1806).** Встречается в степях, проникает по лесным опушкам далеко на север. Обитает в различных естественных (лесные опушки, сухие балки, обочины дорог, залежи, пойменные луга) и искусственных (полезащитные лесополосы, посевы люцерны) биотопах. Положительную роль в сохранении вида играет его приспособленность к существованию в условиях агроценозов (посевы люцерны, лесополосы) [6].

В Калужской области вид отмечен в Дзержинском районе (с. Шеняно-Слобода, пойменные луга у с. Льва Толстого, 1992, 1993 гг.), в Козельском районе (окрестности с. Шамордино, 1999), зарегистрирован в северо-восточной части Калужского бора, на посевах люцерны учебно-опытной базы КФ МСХА. Вид известен также по сборам перепончатокрылых КГПИ (1977, 1988 гг.).

Вид является одним из основных опылителей люцерны. Наиболее высокая плотность локальных популяций наблюдается в пределах зоны культивирования люцерны. Известно, что самки этого вида открывают цветки быстрее самок других пчелиных: за 1 мин 14—17 цветков. В Европейской части период лета совпадает с периодом цветения люцерны первого укоса (май—июнь). Самцы летают вместе с самками. Гнездятся небольшими колониями в почве, обычно на участках с разреженным травостоем, иногда на междурядьях посевов люцерны. Гнездовые норки обычно неглубокие (до 20—35 см), размещены они в колонии более или менее разреженно (на расстоянии до 10 см одна от другой) [6].

Мелиттурга — олиготроф, питающийся на разных бобовых (преимущественно на люцерне), реже на губоцветных (шалфей), сложноцветных (осот) и др. [6]. Вид занесен в Красную Книгу СССР [6], Красную Книгу Московской области [5].

***Rophitoides canus* (Eversmann, 1852).** Одиночная пчела, живет небольшими колониями, гнездится вблизи посевов или на посевах люцерны, по склонам балок и оврагов. Иногда колонии могут занимать площадь в несколько десятков метров. Норки обычно размещаются на участках с песчаной почвой и изреженным травостоем или совсем без растительности, однако, вблизи мест произрастания дикорастущей люцерны желтой (часто колонии находятся на самих посевах семенной люцерны). Плотность колоний бывает разной, в среднем от 11 до 126 норок на 1 кв.м. Может заселять лесные поляны и опушки, луга [6].

В Калужской области вид отмечен на опушках смешанного леса в лесничестве Отрада Козельского района, в окрестностях с. Шамордино; на склонах оврага у д. Воробьево Малоярославецкого района; на опушках Калужского бора, на дикорастущей люцерне. Вид занесен в Красную Книгу СССР [6].

***Megachile rotundata* (Fabricius, 1787).** Длиннохоботная одиночная пчела. Ареал охватывает Палеарктику и Северную Америку, Юго-Восточную Европу, Северную Африку, Юго-Западную Азию. В последние десятилетия почти повсеместно в евро-азиатской части ареала численность вида сокращается [6].

В Калужской области вид отмечен в Дзержинском, Малоярославецком районах и в лесопарковой зоне пригорода г. Калуги. В лесной, лесостепной и степной зонах пчела дает одно поколение в год. Взрослые особи появляются в середине июня и летают до 2—3 месяцев. Самки строят гнезда из специально вырезанных острыми челюстями продолговато-овальных кусков листьев растений, особенно люцерны, а также в различных полостях — сухих стеблях тростника и других растений, в бревнах, досках, под камнями, глиняных стенах и т.д.. Лет пчел совпадает с периодом цветения люцерны, что значительно повышает роль вида, как наиболее перспективных опылителей семенников люцерны. Встречаются на лесных опушках и полянах, остепненных склонах, целинных участках [6]. Вид занесен в Красную Книгу СССР.

***Xylocopa valga* Gerstaecker, 1872.** Локально встречающийся вид. Обитает на лесных опушках и полянах, в окрестностях поселков, в лесостепных и открытых степных биотопах. Гнезда строят в отмершей сухой древесине любых пород деревьев, охотно гнездятся в старых деревьях и мертвой древесине, а также в телеграфных столбах, старых постройках и т.д. (в какой-то степени является спутником человека); могут гнездиться в трещинах скал, на

безлесных степных участках — по склонам, обрывам балок и прямо на земле. Вид является широким политрофом и посещает 60 видов цветковых растений, относящихся к 22 семействам. Охотно посещает цветки многих видов интродуцированных растений (акации белой и др.) и различных полевых и плодово-ягодных культур. Играет положительную роль в опылении лесных и сельскохозяйственных культур, иногда может прокусывать основание венчика цветков, повреждая их [6].

Ареал охватывает Палеарктику, за исключением северной ее части. В России распространен южнее среднетаежной зоны, доходя на востоке до центральной Азии и Монголии [6] В Калужской области отмечены единичные экземпляры в Козельском, Малоярославецком, Бабынинском, Дзержинском районах, а также в пригородной лесопарковой зоне г. Калуги. Вид занесен в Красную Книгу СССР и Московской области.

Кадастровые исследования энтомофауны пчелиных на территории нашей области продолжаются. Видовой состав остается еще далеко неизученным. Многие районы еще не обследованы, кроме того, биология многих видов пчелиных еще неизвестна.

Литература

1. Голубева Г.В. Энтомофауна пчелиных заповедных территорий Калужской области // Биологическое разнообразие Калужской области. Проблемы и перспективы развития особо охраняемых природных территорий. Тез. науч.-практ. конф. — Калуга, 1996. — Ч.II. — С.143—145.
2. Голубева Г.В. Редкие виды шмелей (*Hymenoptera, Apidae*) Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX науч. конф. — Калуга, 2001.— Ч. II. — С.279—284.
3. Голубева Г.В. Современное состояние энтомофауны шмелей Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы IX науч. конф. — Калуга, 2001. — Ч. II. — С.276—278.
4. Голубева Г.В. Итоги инвентаризации энтомофауны пчелиных Калужской области» // Доклады ТСХА. — М., 2001. — Вып. 273. — Ч. 2. — С.54—57.
5. Красная Книга Московской области. — М., 1998. —560 с.
6. Красная Книга СССР. — М., 1984. — Т.1. — 392 с.
7. Панфилов Д.В. Шмели (Семейство *Apidae*, род *Bombus*) // Определитель насекомых европейской части СССР. — М.—Л., 1978. — Т. III.— С.288—343.

ФАУНА ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (*INSECTA, LEPIDOPTERA*) ВОРОТЫНСКОГО УЧАСТКА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «УГРА»

М.Ю. Кострикова, *средняя школа № 21 г. Калуги*

В настоящее время для Калужской области выявлены 1584 вида чешуекрылых из 62 семейств (Шмытова, 2001, 2003, 2005* (в печати)), но фауна ряда территорий остается недостаточно изученной. В частности, отсутствуют публикации по составу лепидоптерофауны Воротынского участка НП «Угра».

В 2002—2004 гг. нами в составе экологического отряда «Муравей» (руководитель И.А Самарина) были проведены сборы чешуекрылых в районе дд. Шамордино и Кромено Бабынинского района. Отлов бабочек производился днем стандартным энтомологическим сачком, ночью — на свет лампы накаливания. Ряд бабочек были выведены из гусениц.

Определение было проведено по известным атласам и зарубежным энциклопедиям (Ламперт, 1913; Корнелио, 1986; Мурзин, 1993; Райххолф-Рим, 2002; Чайнери, 2002). Автор благодарит к.б.н. И.В. Шмытову (Калужский областной краеведческий музей) за методические рекомендации и помощь в определении.

Ниже приводится список видов чешуекрылых Воротынского участка НП «Угра», насчитывающий 86 видов из 13 семейств. Виды, охраняемые в Калужской области, отмечены знаком *.

Список видов

Сем. *Cossidae*
1. *Cossus cossus* L.

Сем. *Sphingidae*
2. *Mimas tiliae* L.
3. *Smerinthus ocellatus* L.
4. *Laothoe amurensis* Stgr.
5. *Macroglossum stellatarum* L

Сем. *Notodontidae*
6. *Cerura vinula* L.
7. *Phalera bucephala* L.

Сем. *Geometridae*
8. *Archieris parthenias* L.
9. *Thetidia smaragdaria* F.
10. *Thalera fimbrialis* Sc.
11. *Xanthorhoe fluctuata* L
12. *Scotopteryx chenopodiata* L.
13. *Calothysanis grisearia* Pet
14. *Lithostege farinata* Hfn.
15. *Calospilos sylvata* Sc.
16. *Semiothisa clathrata* L.
17. *Cabera pusaria* L.
18. *Angerona prunaria* L.
19. *Ematurga atomaria* L
20. *Hylaea fasciaria* L.

Сем. *Drepanidae*
21. *Falcaria lacertinaria* L.

Сем. *Thyatiridae*
22. *Habrosyne pyritoides* Hfn.

Сем. *Lasiocampidae*
23. *Gastropacha quercifolia* L.
24. *Malacosoma neustria* L.
25. *Macrothylacia rubi* L.
26. *Philodoria potatoria* L.

Сем. *Arctiidae*
27. *Miltochrista miniata* L.
28. *Lithosia quadra* L.
29. *Arctia caja* L.
30. *Diacrisia sannio* L.
31. **Rhyparia purpurata* L.
32. *Spilosoma lubricipeda* L.
33. *S. menthastri* Esp.
34. *Phragmatobia fuliginosa* L.

Сем. *Papilionidae*
35. **Parnassius mnemosyne* L.
36. **Papilio machaon* L.

Сем. *Pieridae*
37. *Leptidia sinapis* L.
38. *Anthocharis cardamines* L.
39. *Aporia crataegi* L.
40. *Colias hyale* L.
41. *Euchloe ausonia* Hb.
42. *Pontia edusa* F.
43. *Pieris napi* L.
44. *P. rapae* L.
45. *Gonopteryx rhamni* L.

Сем. *Satyridae*
46. *Coenonympha amintas* Poda
47. *C. arcania* L.
48. *C. pamphilus* L.
49. *Erebia aethiops* Esp.
50. *Aphantopus hyperanthus* L.
51. *Maniola jurtina* L.
52. *Hypontphele lycaon* Rott.

Сем. *Nymphalidae*
53. *Apatura ilia* Den. et Schiff.
54. *Apatura iris* L.
55. *Limenitis camilla* L.
56. *Limenitis populi* L.
57. *Polygonia c-album* L.
58. *Nymphalis antiopa* L.
59. *Inachis io* L.
60. *Cynthia cardui* L.
61. *Aglais urticae* L.
62. *Araschnia levana* L.
63. *Arginnis aglaja* L.
64. **Melitaea diamina* Lang.
65. **M. didyma*Esp.
66. **M. phoebe* Den. et Schiff.
67. *Clossiana dia* L.
68. *C. selene* Den. et Schiff.
69. *Arginnis adippe* Rott.

Сем. *Lycaenidae*
70. *Thecla betulae* L.
71. *Lycaena phlaeas* L.
72. *Heodes hyppothoe* L
73. *H. virgaureae* L
74. *Thersamonia dispar* Haw.
75. *Everes argiades* Pall.
76. *Plebejus argyrognomon* Brgstr.
77. *Polyommatus agestis* Den. et Schiff.
78. *P. coridon* Poda.
79. **P. daphnis* Den. et Schiff.
80. *P. icarus* Rott.
81. *P. semiargus* Rott.

Сем. *Hesperidae*
82. *Ochlodes faunus* Turati (*venatus* Br.et Gr.)
83. *Thymelicus lineola* Ochs.
84. *Th. sylvestris* P.
85. *Carterocephalus palaemon* Pall.
86. *Pyrgus alveus* Hbn.

Литература

Корнелио М.П. Школьный атлас-определитель бабочек. — М.: Просещение, 1986.— 255 с.: ил.

Ламперт К. Атлас бабочек Европы и отчасти Русско-Азиатских владений. — СПб.: Изд-во А.Ф.Девриена, 1913. — 486 с.: ил.

Мурзин В.С. Бабочки. — М.: Тропа, 1993. — 48 с.

Райххолф-Рим Х. Бабочки.— М.: Изд-во АСТ, Изд-во «Астрель», 2002. — 288 с.: ил.

Чайнери М. Бабочки. — М.: Изд-во АСТ, Изд-во «Астрель», 2002. — 256 с.: ил.

Шмытова И.В. Аннотированный список чешуекрылых (*Insecta, Lepidoptera*) Калужской области. Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001. — С. 60—172.

Шмытова И.В. Видовой состав и биология молей-малюток (*Lepidoptera, Nepticulidae*) Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. — Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2003. — Вып. 5. — С. 316—325.

Шмытова И.В. К фауне и биологии молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae)* Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. — Калуга: ООО «Полиграфия», 2005* (в печати). — Вып. 8.

ОБЗОР ФАУНЫ КРИВОУСЫХ КРОХОТОК-МОЛЕЙ (*LEPIDOPTERA, BUCCULATRICIDAE*) ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ*

***М.А.Клепиков**, детский эколого-биологический центр «Дом Природы», г. Тутаев Ярославской области*

Кривоусые крохотки-моли (*Bucculatricidae*) — небольшое семейство мелких минирующих чешуекрылых. В настоящее время в мировой фауне известно около 250 видов семейства (Барышникова, 2002).

Европейская фауна насчитывает 47 видов (Karsholt, Razowski, 1997); в фауне России отмечено 46 видов (Сексяева, 1993). Сведения по фауне *Bucculatricidae* европейской части России отрывочны. В частности, для Калужской области указывается 5 видов (Шмытова, 2001); в Жигулевском заповеднике (Самарская обл.) было найдено 7 видов (Сачков и др., 1996). Фауна более северных регионов значительно беднее. Так, в заповеднике Кивач (республика Карелия) было отмечено только два вида *Bucculatricidae* (Кутенкова, 1989). Столько же отмечалось в Кандалакшском заповеднике (Мурманская область), включая его окрестности (Шутова и др., 1999). Для сравнения можно сказать, что в Прибалтике к настоящему времени известно 17 видов семейства (13 в Эстонии, 16 в Латвии и 12 в Литве) (Luig, Keskula, 1995). Что же касается Верхневолжского региона России, то до настоящего времени сведения по видовому составу обитающих здесь кривоусых крохоток-молей отсутствовали полностью.

Целью данной работы было выявление фауны *Bucculatricidae* Ярославской области. Область почти полностью (за исключением крайней юго-восточной части) входит в состав Верхневолжской географической провинции, расположенной на севере Нечерноземного центра (Гвоздецкий, Жучкова, 1963). По природному районированию она входит в лесную зону, по зоогеографическому — в Европейско-Сибирскую подобласть Голарктики. Согласно ботанико-географической характеристике Ярославской области (Шаханин, 1945) северная часть ее территории относится к подзоне южных хвойных лесов (европейской тайги), а южная — к подзоне смешанных лесов с хвойными и широколиственными породами. Крайняя юго-восточная оконечность области входит в так называемое «ополье», где значительно распространены широколиственные породы и исключена из состава Верхневолжской географической провинции.

Зональная картина на территории области нарушается влиянием реки Волги, вдоль которой наблюдается продвинутость широколиственных и даже степных элементов к северу. Лесистость области составляет 45% (по данным 2001 г.). Большая часть лесов сейчас представляет собой вторичные мелколиственные и смешанные хвойно-мелколиственные лесные сообщества. Климат в области умеренно-континентальный, с умеренно холодной зимой и умеренно теплым летом. Область располагается в зоне достаточного увлажнения.

Основой прилагаемого ниже списка послужили сборы, проведенные автором на территории Ярославской области на протяжении 1994—2001 гг. Определение проводилось по препаратам гениталий, которые были изготовлены для большинства экземпляров, а также по внешним признакам. Весь изученный материал в настоящее время смонтирован и хранится в коллекции автора. Правильность определения проверена и подтверждена С.В.Барышниковой (Зоологический институт РАН, С-Петербург), которой автор выражает глубокую признательность.

Для каждого вида указаны места находок на территории области, число собранных экземпляров (с указанием полов), а также крайние даты сборов. Для видов, известных по единичным находкам, этикеточные данные приводятся полностью. Все географические названия приведены в соответствии с топографической картой Ярославской области, выпущенной в 1997 г.

Систематика и номенклатура указаны по каталогу Karsholt, Razowski (1999).

Аннотированный список видов *Bucculatricidae*

1.*Bucculatrix artemisiella* Herrich-Schaffer, 1855 (= *artemisiae* H.-S.)

Ярославль, Заволжский р-н (Ляпино), Средний пос. (5 ♂, 1 ♀). Суходолы, пустыри, бабочки активно летают в сумерках. 28.05—30.07. Вид также указывается для Эстонии и Латвии (Luig, Keskula, 1995).

2. *Bucculatrix cristatella* (Zeller, 1839)

Ярославль, Заволжский р-н (Ляпино), Средний пос. (1 ♂, 1 ♀). Суходолы, пустыри. 30.07.1996.

*Статья публикуется без внесения дополнений, по данным на 2003 г., когда материал был доложен на конференции, в связи с чем библиография и сведения по находкам видов автором в настоящее время могут быть более обширными — *Прим. ред. колл.*

Указывается для Кандалакшского (Шутова и др., 1999) и Жигулевского (Сачков и др., 1996) заповедников, а также для Эстонии, Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

3.*Bucculatrix demaryella* (Duponchel, 1840)

Ярославская обл., Тутаевский р-н., дер. Пустово (1♂). Опушка смешанного леса. 16.06.1999. Вид приводится для заповедника Кивач (Кутенкова, 1989), а также для Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

4. *Bucculatrix frangutella* (Goeze, 1783) (= *frangulella* Goeze)

Ярославль, Заволжский р-н (Ляпино), Средний пос. (1 ♀); Ярославский р-н (левобережная часть), дер. Гаврилово (3 ♂, 1 ♀). Опушки смешанных лесов (в том числе и пойменных насаждений с примесью широколиственных пород). Бабочки активно летают в сумерках, днем взлетают будучи потревоженными. 22.06—30.07. Приводится для Калужской области (Шмытова, 2001), Жигулевского заповедника (Сачков и др., 1996), а также для Эстонии, Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

5. *Bucculatrix nigricomella* (Zeller, 1839) (= *aurimaculella* Stt.)

Ярославская обл., Тутаевский р-н., дер. Пустово (1♂, 1 ♀). Разнотравный мезофильный луг. 16.06.1999. Указывается для Калужской области (Шмытова, 2001), заповедников Кивач (Кутенкова, 1989) и Жигулевский (Сачков и др., 1996), а также для Эстонии, Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

6. *Bucculatrix ratisbonensis* Stainton, 1861

Ярославль, Заволжский р-н (Ляпино), Средний пос. (1 ♀); юго-восточная окраина Ярославля (1 ♂); западная окраина Ярославля (1♂). Пустыри, имаго активно привлекаются на свет. 26.05—25.07. Указывается для Жигулевского заповедника (Сачков и др., 1996), а также для Эстонии Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

7. *Bucculatrix thoracella* (Thunberg, 1794)

Ярославль, Заволжский р-н (Ляпино), Средний пос. (4♂, 3 ♀). Пойменные леса с примесью широколиственных пород, городские парки, скверы — всюду, где имеются насаждения липы. Бабочки активно летают в сумерках, днем сидят на стволах деревьев, будучи потревоженными взлетают. В отдельные годы наблюдается массовое размножение вида. 03—19.06. Приводится для Калужской области (Шмытова, 2001), Жигулевского заповедника (Сачков и др., 1996), а также Эстонии, Латвии и Литвы (Luig, Keskula, 1995).

Таким образом, для Ярославской области достоверно известны 7 видов *Bucculatricidae*. При анализе списка видно, что, с одной стороны, в Ярославской области до сих пор не найден ряд видов, указанных для других территорий (в Кандалакшском заповеднике это *B. maritima* Stt.; в Калужской области — *B. bechsteinella* Bechst. et Scharf. (= *crataegi* Z.) и *B. gnaphaliella* Tr.; в Жигулевском заповеднике — *B. cydoniella* Hbn. (статус данного таксона остается неясным) и *B. bechsteinella* Bechst. et Scharf.). С другой стороны, в Ярославской области отмечены виды, еще не зарегистрированные в указанных областях (например, в Калужской области пока не найдены *B. artemisiella* H.-S., *B. cristatella* Z., *B. demaryella* Dup. и *B. ratisbonensis* Stt.; для Жигулевского заповедника не приводятся *B. artemisiella* H.-S. и *B. demaryella* Dup.). Учитывая это, можно заключить, что сведения по распространению представителей семейства *Bucculatricidae* в центре европейской части России продолжают оставаться фрагментарными.

Литература

Барышникова С.В. Родственные связи в семействе *Bucculatricidae* (*Lepidoptera*) на основе филогенетического анализа морфологических и экологических признаков // XII Съезд Русского Энтомологического общества. С-Петербург, 19—24 августа 2002 г. — СПб., 2002. — С. 28.

Кутенкова Н.Н. Чешуекрылые заповедника «Кивач» // «Флора и фауна заповедников СССР». — М., 1989. — 60 с.

Сачков С.А., Антонова Е.М., Свиридов А.В. Чешуекрылые / Беспозвоночные Жигулевского заповедника (аннотированные списки видов) // «Флора и фауна заповедников». — М., 1996. — Вып. 61.— С. 48—132.

Сексяева С.В. Обзор кривоусых крохоток-молей (*Lepidoptera, Bucculatricidae*) фауны России // Тр. Зоол. ин-та РАН. — СПб, 1993. — Т. 255. — С. 99—120.

Шаханин Н.И. Ботанико-географическая характеристика Ярославской области // Ученые записки Ярославского пед. ин-та. Естествознание. — Ярославль, 1945. — Вып. VI (XVI).

Шмытова И.В. Чешуекрылые (*Insecta, Lepidoptera*) Калужской области. Аннотированный список видов. // Известия Калужского общества изучения природы местного края. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001. — Кн. четвертая. — С. 60—172.

Шутова Е.В., Антонова Е.М., Свиридов А.В., Кутенкова Н.Н. Чешуекрылые Кандалакшского заповедника (аннотированные списки видов) // «Флора и фауна заповедников». — М., 1999. — вып. 80. — 47 с.

Физико-географическое районирование нечерноземного центра. Под ред. Гвоздецкого Н.А., Жучковой В.К. — М.: Изд-во МГУ, 1963.

Доклад о состоянии окружающей природной среды Ярославской области в 2000 году. Комитет природных ресурсов по Ярославской области. — Ярославль, 2001.

Топографическая карта Ярославской области (масштаб 1:200000). Военно-топографическое управление Генерального штаба. — М., 1997.

Karsholt O., Razowski. The *Lepidoptera* of Europe – A Distributional Checklist. — Denmark: Apollo Books, 1997. — 400 p.

Luig, Jaan, Keskula, Tonu. Catalogue of the *Lepidoptera* of Estonia. — Tartu, 1995. — 130 p.

88 Зак. 1971

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ВИДОВОМУ СОСТАВУ МОЛЕЙ-ПЕСТРЯНОК (*LEPIDOPTERA, GRACILLARIIDAE*) КАЛУЖСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

И.В. Шмытова, *к.б.н., Калужский областной краеведческий музей*

Изучению фауны и вопросам систематики молей-пестрянок — одного из семейств минирующих молей — на территории бывшего СССР посвящены ряд итоговых обзоров (Ермолаев, 1977; Ивинскис, Пакальнишкис, 1984; Норейка, 1991; Кузнецов, Барышникова, 1998, 2001; Anikin, Sachkov, Zolotuhin, 2004).

Тем не менее, специальные исследования фауны молей-пестрянок в центре Европейской части России до настоящего времени не проводились. Имелись лишь разрозненные фаунистические данные по Калужской, Орловской и Тульской областям (последние неопубликованы), полученные при проведении общих лепидоптерологических сборов и как попутный материал при исследовании других семейств (Шмытова, 2001а, б, 2003). Работы по данному семейству в течение полевого сезона 2004 г. позволили увеличить список видов *Gracillariidae* Калужской области на 9 видов, после чего общий список видов этого семейства достиг 37 видов (Шмытова, 2005* (в печати).

В течение полевого сезона 2005 г. среди использованных нами методов исследования в основном применялось выведение имаго из гусениц; методика была отработана и описана нами ранее (Шмытова, 2003, 2005* (в печати). Отлов на свет (лампа ДРЛ-400) — применялся гораздо реже. Определение имаго было проведено по таблицам В.И.Кузнецова (1981); в качестве справочников применялись более поздняя сводка В.И.Кузнецова (1999) и определитель Р.В.Норейки (1997).

Полевые сборы были проведены в 12 точках Калужской и Смоленской областей; указана точка сборов 2004 г. (Кцынь), где также выявлены *Gracillariidae* (рис. 1).

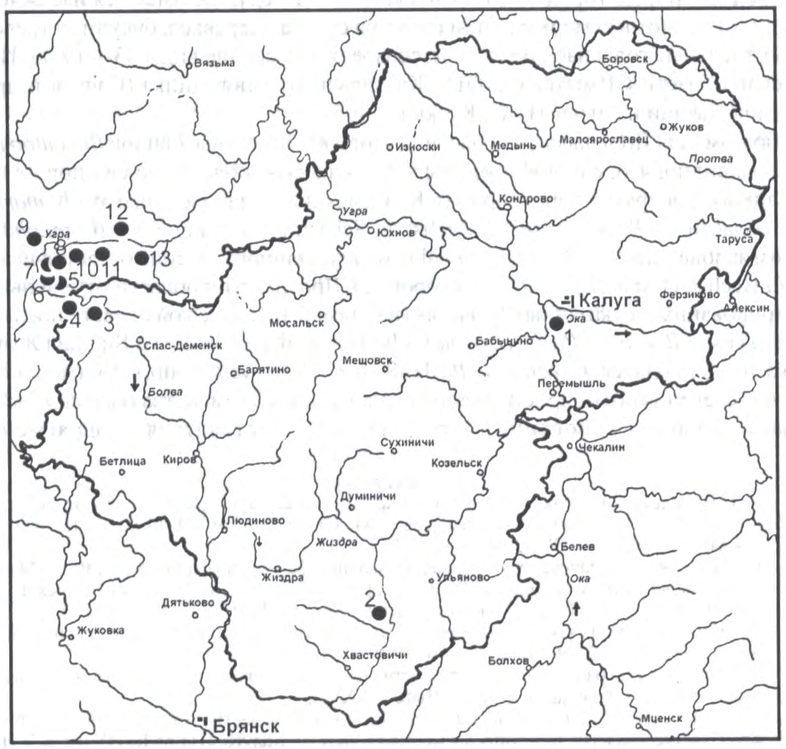

Рис. 1. Карта мест сборов и новой атрибуции Gracillariidae в 2005 г.
1 — Сивково; 2 — Кцынь ; 3 — Жданово; 4 — Носищево; 5 — Истопки; 6 — Юшково; 7 — Холбни; 8 — Митишкино; 9 — Сельцо; 10 — Асеевка; 11 — Береговая; 12 — Шадрино; 13 — Всходы.

*Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Калужской области (проект № 04-04-97209).

В публикуемом ниже списке в основном приведены данные по результатам обработки материала сезона 2005 г. Исключение составляют два вида, особи которых были отловлены в 2004 г., но определение было проведено лишь недавно. Т.о., выявлены 14 видов молей-пестрянок, при этом для территории Смоленской области все 9 отмеченных видов указываются впервые, новые виды для территории Калужской области (их 6) отмечены знаком *.

В тексте применены следующие сокращения: К.о.— Калужская область, См. о.— Смоленская область, (нежил.) — нежилой населенный пункт.

Коллекция хранится в фондах Калужского областного краеведческого музея, ряд экземпляров переданы в коллекцию Зоологического института РАН (г. С-Петербург).

Автор благодарит к.б.н. С.В.Барышникову (ЗИН РАН) за определение ряда видов и ценные методические рекомендации.

Аннотированный список видов

Семейство ***Gracillariidae***

Gracillariinae

1. *Caloptilia alchimiella* (Scopoli, 1763)

15 км к юго-западу от г. Калуги, д. Сивково, на свет, 1♂, 15.07.05.

Orniginae

2. *_Parornix devoniella_ (Stainton, 1850) _(= avellanella Stainton, 1854)_

15 км к юго-западу от г. Калуги, д. Сивково, ex l. на *Corylus avellana*, 1♂ 5—7.07.05; 1♀ 9—19.07.05.

Lithocolletinae

3. *Phyllonorycter cavella* (Zeller, 1846)

См. о., Дорогобужский район, д. Микишкино, лев. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *Betula pendula* 7—10.07.05.

4. *_Ph. coryli_ (Nicelli, 1851)

15 км к юго-западу от г. Калуги, д. Сивково, 1♂ ex l. на *Corylus avellana* 15—22.07.05.

5. *Ph. harrisella* (Linnaeus, 1761)

См. о., 23 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км южнее д. Юшково, пр. берег р. Демины, 2♂ ex l. на *Quercus robur* 3—13.07.05; См. о., 31 км к юго-западу от пос. Угра, д. Береговая, пр. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *Q.robur* 10—20.07.05; См. о., 23 км к юго-западу от пос. Угра, д. Шадрино, лев. берег р. Угры, ex l. на *Q.robur* 1♀ 11—20.07.05.

6. *Ph. issikii* (Kumata, 1963)

21 км к юго-западу от с. Ульяново, д. Кцынь, смешанный лес в долине р. Рессеты, ex l. на *Tilia cordata* 3♂1♀ 16—22.07.04; См. о., 23 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км южнее д. Юшково, пр. берег р. Демины, 1♂1♀ ex l. на *Tilia cordata* 3—10.07. и 3—15.07.05.

7. *Ph. populifoliella* (Treitschke, 1833)

См. о., 31 км к юго-западу от пос. Угра, д. Береговая, пр. берег р. Угры, 1♂ ex l. на *Alnus incana*, 10—20.07.05.

8. *_Ph. rajella_ (Linnaeus, 1758)

К.о., 22 км к северо-западу от г. Спас-Деменска, 5 км к северу от с. Павлиново, д. Жданово, пр. берег р. Демины, ex l. на *Alnus glutinosa*: 1♀ 29.06—3.07, 1♂ 29.06—8.07, 1♂2♀ 29.06—10.07, 1♂ 29.06—11.07, 1♂1♀ 29.06—15.07.05; См. о., 30 км к юго-востоку от г. Ельни, д. Истопки, пр. берег р. Демины, ex l. на *A.glutinosa*: 1♂ 3—5.07, 1♂ 3—10.07, 1♀ 3—11.07, 1♀ 3—15.07, 1♂ 3—17.07.05; См. о., 23 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км южнее, д. Юшково, пр. берег р. Демины, ex l. на *A.glutinosa*: 3♀ 3—10.07, 3—11.07, 3—13.07.05; См. о., 22 км к востоку от г. Ельни, 2 км к северу от д.Холбни, пр. берег р. Угры, 1♂ ex l. на *A. glutinosa* 4—6.07.05.

9. *_Ph. salicolella_ (Sircom, 1848)

К. о., 22 км к северо-западу от г. Спас-Деменска, 5 км к северу от с. Павлиново, д. Жданово, пр. берег р. Демины, ex l. на *Salix myrsinifolia*: 2♂ 29.06—4.07 и 29.06—8.07, 2♀ 29.06—5.07 и 29.06—8.07.05; См. о., 34 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км к востоку от д.Носищево (граница с К.о.), лев. берег р. Демины, 2♂ ex l. на *S. cinerea* 1—10.07.и 1—13.07.05; См. о., 30 км к юго-востоку от г. Ельни, д. Истопки, пр. берег р. Демины, ex l. на *S. myrsinifolia*: 1 3—4.07. и 1♂ 3—11.07.05; См. о., 24 км к северо-востоку от г. Ельни, д. Митишкино, лев. берег р. Угры, ex l. на *S. caprea*: 1♂ 7—11. и 2♂ 7—13.07.05; См. о., 22 км к востоку от г. Ельни, 2 км к северу от д.Холбни, пр. берег р. Угры, ex l.: на *S. cinerea* 1♂ 4—15.07 и на *S.*

myrsinifolia 1♂ 4—13.07.05; См. о., 31 км к юго-западу от пос. Угра, д. Береговая, пр. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *S. caprea* 10—15.07.05; См. о., 23 км к юго-западу от пос. Угра, д. Шадрино, лев. берег р. Угры, 4♂1♀ ex l. на *S. caprea* 11—19.07.05.

10. *_Ph. schreberella_ (Fabricius, 1781)

15 км к юго-западу от г. Калуги, д. Сивково, 1♀ ex l. на *Ulmus sp.* 15—17.07.05.

11. _Ph. sorbi_ (Frey, 1852)

См. о., 23 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км южнее д. Юшково, пр. берег р. Демины, 3♂ ex l. на *Sorbus aucuparia* 3—13.07.05; См. о., 23 км к юго-западу от пос. Угра, д. Шадрино, лев. берег р. Угры, 1 ex l. на *S. aucuparia* 11—19.07.05.

12. *_Ph. stettinensis_ (Nicelli, 1852)

К. о., 22 км к северо-западу от г. Спас-Деменска, 5 км к северу от с. Павлиново, д. Жданово, пр. берег р. Демины, 1♂ ex l. на *Alnus glutinosa* 29.06—13.07.05.

13. _Ph. strigulatella_ (Zeller, 1846)

См. о., 22 км к востоку от г. Ельни, 2 км к северу от д.Холбни, пр. берег р. Угры, ex l. на *Alnus incana*, 1♂ 4—11.07, 3♂ 4—15.07, 1♀2♂ 4—17.07.05; См. о., 24 км к северо-востоку от г. Ельни, д. Митишкино, лев. берег р. Угры, 1♂1♀ ex l. на *A. incana*, 7—17.07.05; См. о., 50 км к юго-западу от пос. Угра, 2 км к северо-западу от д. Сельцо (нежил.), лев. берег р. Угры, 1♂2♀ ex l. на *A. incana*, 7—17.07.05; См. о., 46 км к юго-западу от пос. Угра, 5 км к юго-востоку от д. Асеевки (нежил.), пр. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *A. incana* 9—13.07, 2♂ 9—17.07, 1♀ 9—24.07.05; См. о., 31 км к юго-западу от пос. Угра, д. Береговая, пр. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *A. incana* 10—21.07.05; См. о., 23 км к юго-западу от пос. Угра, д. Шадрино, лев. берег р. Угры, 1♂ ex l. на *A. incana* 11—19.07, 1♀ 11—20.07.05; См. о., 20 км к юго-западу от пос. Угра, д. Всходы, пр. берег р. Угры, 1♂ ex l. на *A. incana* 12—17.07, 1♂ 12—20.07.05.

14. _Ph. ulmifoliella_ (Hubner, 1817)

К. о., 22 км к северо-западу от г. Спас-Деменска, 5 км к северу от с. Павлиново, д. Жданово, пр. берег р. Демины, ex l. на *Betula pendula*:1♂ 29.06—1.07, 1♂ 29.06—7.07., 1♀ 29.06—11.07.05; См. о., 34 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км к востоку от д.Носищево, лев. берег р. Демины, 4♀ ex l. на *B.pendula* 1—10.07, 1—12.07 и 1—15.07.05; См. о., 30 км к юго-востоку от г. Ельни, д. Истопки, пр. берег р. Демины, 3♂ ex l. на *B.pendula* 3—8.07, 3—11.07, 3—13.07 и 1♂1♀ 3—15.07.05; См. о., 23 км к юго-востоку от г. Ельни, 3 км южнее д. Юшково, пр. берег р. Демины, 1♂ ex l. на *B.pendula* 3—7.07, 2♂2♀ ex l. 3—15.07.05; См. о., 22 км к востоку от г. Ельни, 2 км к северу от д.Холбни, пр. берег р. Угры, 1♂ ex l. на *B.pendula* 4—5.07.05; См. о., 24 км к северо-востоку от г. Ельни, д. Митишкино, лев. берег р. Угры, 1♀ ex l. на *B.pendula* 7—15.07.05; См. о., 50 км к юго-западу от пос. Угра, 2 км к северо-западу от д. Сельцо (нежил.), лев. берег р. Угры, 2♂ ex l. на *B.pendula* 7—11.07 и 7—13.07, 1♂ ex l. на *Populus tremulae* 7—10.07.05; См. о., 23 км к юго-западу от пос. Угра, д. Шадрино, лев. берег р. Угры, 2♀ ex l. на *B.pendula* 11—20.07.05.

Литература

Ермолаев В.П. Эколого-фаунистический обзор минирующих молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae)* Южного Приморья // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. — Л.: ЗИН АН СССР, 1977. — Т. 70. — С. 98—116.

Ивинскис П.П., Пакальнишкис С.А. Микрочешуекрылые Литовской ССР (5. Моли-пестрянки) // Тр. АН Литовской ССР. Серия В. — Вильнюс, 1984. — Т. 1(85). — С. 26—35.

Кузнецов В.И. Семейство *Gracillariidae* — моли-пестрянки // Определитель насекомых Европейской части СССР. Т.IV. Чешуекрылые. Вторая часть. — Л., «Наука», 1981. — С. 149—311.

Кузнецов В.И., Барышникова (Сексяева) С.В. Краткий каталог минирующих молей сем. *Gracillariidae* (*Lepidoptera*) фауны России и сопредельных стран // Тр. Зоол. ин-та РАН. — СПб.: ЗИН РАН, 1998. — Т. 274. — 60 с.

Кузнецов В.И. Семейство *Gracillariidae* (*Lithocolletidae*) — моли-пестрянки // Насекомые и клещи — вредители сельскохозяйственных культур. Т. III. Чешуекрылые. Ч. 2. — СПб.: Наука, 1999. — С. 9—45.

Кузнецов В.И., Барышникова С.В. Обзор палеарктических родов молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae)* с описанием нового подсем. *Ornixolinae* Kuznetzov et Baryshnikova, subfam. n. // Энтомол. обозр. — Л.: Наука, 2001. — Т. LXXX. — № 1. — С. 96—119.

Норейка Р.В. Обзор фауны молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae)* Туркмении // Энтомол. обозр. — Л.: Наука, 1991. — Т. 64. — № 2. — С. 429—443.

Норейка Р.В. Сем. *Gracillariidae* — моли-пестрянки // Определитель насекомых Дальнего Востока России. — Владивосток, 1997. — Т. 5. — Ч. 1. — С. 373—429.

Шмытова И.В. Аннотированный список чешуекрылых (*Insecta, Lepidoptera*) Калужской области. Известия Калужского общества изучения природы местного края. Книга четвертая. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2001 а. — С. 60—172.

Шмытова И.В. Микрочешуекрылые (*Insecta, Lepidoptera*) верховьев Оки (Орловская область). Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы VIII региональной научной конф. 17 — 19 марта 1999 г. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001 б. — С. 313—316.

Шмытова И.В. Видовой состав и биология молей-малюток (*Lepidoptera, Nepticulidae*) Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. — Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2003. — Вып. 5. — С. 316—325.

Шмытова И.В. К фауне и биологии молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae)* Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области естественных наук. — Калуга: ООО «Полиграфия», 2005* (в печати). — Вып. 8.

Anikin V.V., Sachkov S.A., Zolotuhin V.V. Fauna Lepidopterologica Volgo-Uralensis 150 years later: changes and additions. Part 8. *Gracillariodea* // Atalanta. — Munchen, 2004. — B. 35. — H. 1/2. — S. 141—151.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗОЛОТОГО КАРАСЯ, ОБИТАЮЩЕГО В ОЗЕРАХ УГОРСКОЙ ПОЙМЫ

В.А. Марголин**, к.б.н., **Н.И. Дудковский,
лаборатория зоологического мониторинга
Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского

Золотой, или обыкновенный карась *Carassius carassius* L. — типичный обитатель замкнутых водоемов — может служить индикатором их экологического состояния. В Калужской области он населяет, в частности, многие разнообразные пойменные озера. Их ихтиофауна прежде была практически не известна. За последние годы проведено обследование большинства водоемов долин рек Жиздры (Марголин и др., 2002) и, частично, Оки. В 2004 г. начато изучение стариц Залидовских лугов в дворцовском расширении поймы р.Угры.

Судя по топографическим данным, еще около пятидесяти лет назад здесь насчитывали более

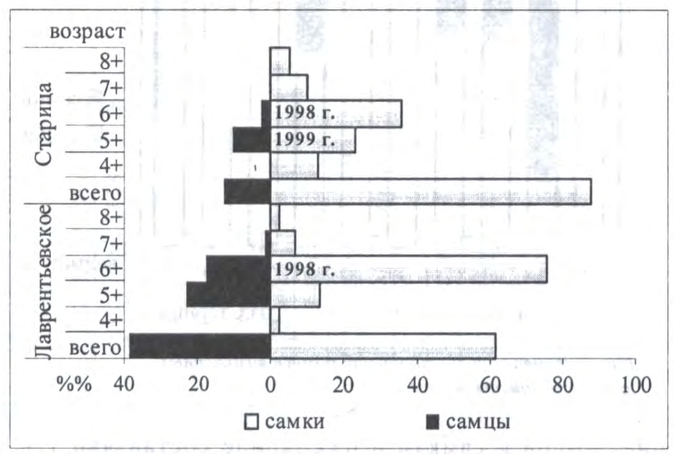

Рис.1. Соотношения возрастных и половых групп золотого карася.

полутора десятков озер, заполненных водой, в том числе самые крупные по долине р.Угры в пределах области — Долгое (Дворцовское) и Старица (Пятовское). В последние десятилетия, помимо естественной деградации, на их состояние ощутимо воздействовали проведенные здесь гидромелиоративные работы путем соединения каналами друг с другом и рекой. Наряду с этим, существенное влияние оказывали низкие весенние паводки в связи с глобальным потеплением климата. Водное зеркало основных озер с начала 1970-х гг. начало интенсивно зарастать телорезом и другими растениями. Все это способствовало скорому обмелению водоемов, их трансформации в озера дистрофного типа и пересыханию большинства из-за интенсивного стока вешних вод, понижения уровня грунтовых, ускоренного отложения сапропеля, быстрого прогрева, увеличивающего поверхностное испарение. Так, низкие весенние паводки предыдущих лет, когда вода практически не выходила на пойму при уровне менее 750 см над «0» графика поста у пос.Товарково, за исключением 1994 г. (Гордеева, 2003), привели к тому, что по крайней мере, с 1996 г. и в большинстве следующих сезонов отмечено пересыхание даже

оз.Долгого. К зиме 2003—2004 гг. водное зеркало присутствовало лишь на озерах Лаврентьевском, Круглом, Старице, Дальнем и, возможно, Запятой. Весной достаточно высокое половодье заполнило практически все озера, за исключением оз.Лаврентьевского, но оз.Стожки и некоторые другие быстро высохли. Последовавшая прохладная и дождливая погода способствовала сохранению воды в 12 старицах, но в течение лета в озерах Залидовском, Ивном, Дубках, Луговом, по сравнению с другими, значительно снизился ее уровень, а Лощина и Яма полностью пересохли.

Золотой карась прежде обитал, по крайней мере, в озерах Старице и Долгом, где в 1973 г. был многочислен, но тугоросл. В настоящее время его пребывание установлено лишь в оз.Старице и оз.Лаврентьевском. Это свидетельствует о том, что только в двух из одиннадцати обследованных стариц многолетний гидрорежим относительно устойчив. В оз.Старица карась был обычен в летних уловах разноячеистыми сетями, в основном мелкими, и входил в число доминантов, как по относительной численности, так и биомассе, составляющих соответственно 47.6 и 47.9 %%, а в оз.Лаврентьевском — многочислен (78.1 и 79.7 %%). Уже в середине сентября он перестал попадать в сети, вероятно, в связи с тем, что к этому времени закопался в ил, поскольку температура нижних слоев воды не превышала +10°С.

В обоих водоемах не обнаружена молодь карася и зарегистрирована средняя продолжительность его жизни. В небольшом числе присутствовали четыреххлетки, преобладали особи шестого-седьмого годов жизни и отловлены единичные особи старших возрастов (рис. 1). Своеобразная конфигурация возрастных пирамид указывает на старение населения, что, очевидно, происходит в основном из-за конкуренции с ротаном, который истребляет икру и мальков этого вида. Караси из численно доминирующих возрастных групп, родились в 1998—1999 гг., когда отмечены максимальные весенние паводки последних лет. Причем в первый из этих сезонов их урожайность была выше в оз.Лаврентьевском.

Авторы благодарят А.Кокоткину за приготовление препаратов чешуй и В.В.Королева за помощь в определении возраста рыб.

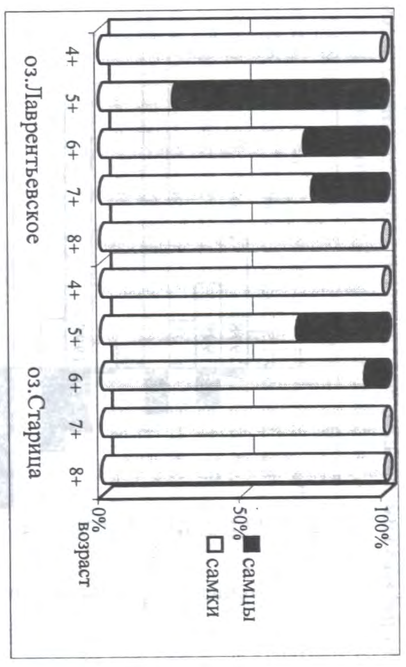

Рис. 2. Изменения соотношений полов в возрастных группах золотого карася.

Соотношение самцов к самкам в оз.Старице составляло 1:7, а у карасей из оз.Лаврентьевского достигало 1:1.6. Это хотя и указывает на биологическую устойчивость, но свидетельствует об обособленности группировок в последние сезоны, когда оз.Лаврентьевское не заливали вешние воды, в отличие от оз.Старицы, которое заполняется ежегодно не только весной, но в остальное время имеет сообщение с р.Соболевкой — притоком р.Угры. Кроме того, в обеих старицах отмечена тенденция к увеличению с возрастом количества выживающих самок, в отличие от самцов (рис. 2), что подтверждает относительную стабильность вида.

Караси из оз.Старицы были крупнее, чем из оз.Лаврентьевского, как в отдельных возрастно-половых группах, так и в целом (табл. 1) и мели статистически достоверные отличия между собой, но разницы в их изменчивости не обнаружено. Размеры разнополых рыб из первого озера в возрастных группах были сходны, возможно, из-за малого количества отловленных самцов, но самки, обитающие во втором, заметно их превышали по массе тела, его высоте, общей и промысловой длине. Однако различия из-за ограниченности материалов были существенны только среди шестилеток. Хотя с возрастом происходило увеличение размеров карасей, средние показатели каждой последующей группы имели

Таблица 1. Морфологические показатели золотого карася

озеро	пол		самцы		
	возраст		5+	6+	7+
Старица	n		4	1	-
	масса, в г	lim	73.0-102.0	113.0	-
		X±m	87.0±7.0	113.0±0.0	-
		CV±m_{cv}	14.0±5.0	0.0±0.0	-
	общая длина, в см	lim	16.0-17.1	17.8	-
		X±m	16.5±0.3	17.8±0.0	-
		CV±m_{cv}	2.8±1.0	0.0±0.0	-
	коэффициент упитанности	lim	3.3-3.4	3.4	-
		X±m	3.4±0.1	3.4±0.0	-
		CV±m_{cv}	1.3±0.5	0.0±0.0	-
	индекс высоты тела, в %%	lim	42.3-44.4	42.3	-
		X±m	43.6±0.6	42.3±0.0	-
		CV±m_{cv}	2.2±0.8	0.0±0.0	-
Лаврентьевское	n		17	13	1
	масса, в г	lim	33.0-47.5	38.0-55.0	63.0
		X±m	40.4±0.8	43.2±1.3	63.0±0.0
		CV±m_{cv}	8.2±1.4	10.6±2.1	0.0±0.0
	общая длина, в см	lim	13.0-14.0	13.2-14.5	15.0
		X±m	13.4±0.1	13.7±1.3	15.0±0.0
		CV±m_{cv}	2.7±0.5	2.7±0.5	0.0±0.0
	коэффициент упитанности	lim	2.7-4.1	2.7-3.6	3.2
		X±m	3.1±0.1	3.1±0.1	3.2±0.0
		CV±m_{cv}	10.4±1.8	8.5±1.7	0.0±0.0
	индекс высоты тела, в %%	lim	33.0-39.1	33.0-42.2	40.0
		X±m	37.2±0.4	38.5±0.7	40.0±0.0
		CV±m_{cv}	4.5±0.8	6.4±1.3	0.0±0.0

самки						итого
4+	5+	6+	7+	8+	всего	
5	9	14	4	2	35	40
74.5-100.0	75.0-110.0	74.0-124.5	105.0-143.0	143.0-164.0	74.0-164.0	73.0-164.0
83.8±5.2	88.4±4.4	107.5±3.7	124.9±9.3	153.5±14.8	103.3±3.7	102.0±3.4
12.4±3.9	14.1±3.3	12.3±2.3	12.9±4.6	9.7±4.8	21.1±2.5	20.9±2.3
15.4-16.5	15.9-17.3	15.2-18.0	17.3-19.0	19.5-20.0	15.2-20.0	15.2-20.0
15.9±0.2	16.6±0.2	17.4±0.2	18.2±0.4	19.8±0.4	17.2±0.2	17.1±0.2
2.5±0.8	3.0±0.7	4.4±0.8	4.1±1.4	1.8±0.9	6.4±0.8	6.2±0.7
3.2-3.8	2.7-3.9	3.1-4.1	3.1-3.9	3.3-3.4	2.7-4.0	2.7-4.0
3.5±0.1	3.3±0.1	3.5±0.1	3.4±0.2	3.4±0.1	3.4±0.1	3.4±0.1
7.4±2.3	10.1±2.4	8.3±1.6	10.0±3.5	0.5±0.3	8.5±1.0	7.9±0.9
42.1-45.7	36.9-44.1	40.0-46.4	41.3-44.7	39.4-40.7	36.9-46.4	36.9-46.4
43.5±0.8	41.8±0.8	43.3±0.5	43.3±1.0	40.1±0.9	42.6±0.4	42.7±0.3
3.9±1.2	5.3±1.3	4.3±0.8	3.8±1.3	2.3±1.2	4.9±0.6	4.6±0.5
1	6	34	3	1	51	82
53.0	37.0-80.0	42.0-85.0	60.0-100.0	97.0	37.0-102.0	33.0-102.0
53.0±0.0	52.8±7.2	58.0±1.5	76.0±15.0	97.0±0.0	61.5±2.0	54.3±1.7
0.0±0.0	30.3±8.8	15.4±1.9	27.9±11.4	0.0±0.0	23.5±2.3	27.9±2.2
14.5	13.0±15.0	13.5-16.5	15.0-17.0	18.5	13.0-18.5	13.0-18.5
14.5±0.0	14.1±0.4	14.9±0.1	15.9±0.7	18.5±0.0	15.1±0.2	14.5±0.1
0.0±0.0	5.6±1.6	4.6±0.6	6.4±2.6	0.0±0.0	7.4±0.7	8.3±0.6
3.5	2.8-4.1	2.5-4.4	3.1-3.6	2.9	2.3-4.5	2.3-4.5
3.5±0.0	3.4±0.2	3.2±0.1	3.3±0.2	2.9±0.0	3.2±.01	3.2±0.1
0.0±0.0	12.9±3.7	11.4±1.4	9.9±4.0	0.0±0.0	13.3±1.3	12.0±0.9
39.1	36.0-40.2	34.6-41.7	35.7-40.0	36.7	32.1-41.7	32.1-42.2
39.1±0.0	38.1±0.8	38.2±0.3	38.6±1.7	36.7±0.0	37.9±0.3	37.9±0.2
0.0±0.0	4.4±1.3	5.1±0.6	6.4±2.6	0.0±0.0	5.6±0.6	5.6±0.4

слабые отличия от предыдущей. Следует отметить, что практически во всех случаях пределы вариаций абсолютных величин значительно перекрывались, и разница их изменчивости была низка. Это, очевидно, связано с особенностями индивидуального развития, приводящего к тугорослости.

Все возрастно-половые группы карасей, обитающие в отдельных водоемах, имели сходную упитанность. Достоверные отличия выявлены по разнице абсолютных величин и их изменчивости между самцами—самками некоторых возрастов, в целом и общими совокупностями особей, населяющими разные озера, при уровне доверительной вероятности более 99%. При этом большим коэффициентом упитанности, но меньшей его изменчивостью обладали рыбы из оз.Старицы (табл. 1), что, возможно, связано с различиями кормовой базы и более поздними сроками отлова (середина августа) основной их части.

Индексы высоты тела и разницы их изменчивости также были сходны в возрастных и половых группах у карасей, живущих в разных водоемах, но существенно отличались между собой по средним величинам (табл. 1). Так, у рыб из оз.Старица они составили 42.7±0.3%, а из оз.Лаврентьевского — 37.9±0.2% и выявлены достоверные их разницы при уровне доверительной вероятности, значительно превышающей 99.9%. Это указывает, согласно И.С. Мухачеву (1989), на удовлетворительное состояние среды в первой старице, где в уловах доминировали особи с индексом высоты тела более 40%, и весьма неблагоприятные экологические условия — во второй, в которой преобладали рыбы, имеющие соотношения менее 38%.

Таким образом, приведенные отличия, на наш взгляд, зависят от размеров озер, их проточности, степени зарастания, периодичности затопления вешними водами, наличием конкурентов и хищников, в первую очередь, — ротана и щуки. В таком большом озере, как Старица, караси обитают в лучших экологических условиях, чем в оз.Лаврентьевском. В связи с этим, они более крупные, округлые, среди них ниже доля самцов, но относительные численность и биомасса меньше. Вместе с тем, в обоих водоемах идет процесс старения населения и сокращение продолжительности жизни.

Литература

Гордеева Т.А. Уровенный режим Угры в нижнем течении реки // Природа и история Поугорья. Краеведческие очерки, вып. 3. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2003. — С. 26—29.

Марголин В.А., Дудковский Н.И., Марголин А.В. Позвоночные животные // Пойменные озера Жиздры. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2002. — С.30—41.

Мухачев И.С. Озерное рыбоводство. — М.: Агропромиздат, 1989. — 161 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ФАУНЫ ПТИЦ ЗАЛИДОВСКИХ ЛУГОВ

***В.А.Марголин**, к.б.н., **Н.В.Степанова**, **Т.С.Шабанова**,*
лаборатория зоологического мониторинга
Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского

Залидовские луга в 1990 г. объявлены памятником природы, в 1997 г. вошли в состав национального парка «Угра» и предложены нами к внесению в реестр Ключевых орнитологических территорий областного значения. Согласно функциональному зонированию НП, этому участку (около 950 га) присвоен статус особо охраняемого. Здесь расположены луговой, водно-болотный и древесно-кустарниковый комплексы, подверженные сукцессионным процессам. В первую очередь существенные изменения затронули пойменные озера и заболоченные места, которые в последние годы сильно мелеют или пересыхают, а затем постепенно зарастают древесно-кустарниковой флорой.

Первые конспективные результаты изучения фауны птиц за 1964—1965 гг. опубликованы С.Д.Василевской (1966). Планомерные исследования вели студенты биофака КГПИ во время полевых практик, экспедиций и экскурсий под руководством А.А.Воронина и В.А.Марголина. Некоторые сведения об охотничье-промысловых видах получены в 1964, 1967—1968 гг. (Воронин, 1970 б) и затем каждое лето по 1981 г., а также в 1986 и 1988 гг. они проводили сборы материала. Основными объектами изучения были околоводные птицы (Воронин, 1970 а; 1975; Баранов, Марголин, 1981), водоплавающие (Васильев, 1990), хищные (Воронин и др., 1983), редкие и исчезающие (Воронин и др., 1990; Марголин и др., 1990; 1998).

Более детальные исследования по орнитофауне были продолжены нами в рамках

следующих работ: в 1991 г. по составлению кадастра флоры и фауны Дзержинского и Юхновского районов; в 1992 г. при разработке комплексной системы экологического мониторинга Калужской области; в 1996—1998 гг. по созданию каталога ключевых орнитологических территорий (Марголин, 2001). Собранные материалы были использованы при проектировании национального парка «Угра» и созданию Красной книги Калужской области. Основная их часть вошла в монографию о птицах Калужской области (Марголин, 2000; Марголин, Баранов, 2002). Последующее орнитологическое обследование выполнено в 2002 г. (Галченков, 2003).

С декабря 2003 г. и на протяжении 2004 г. лабораторией зоологического мониторинга КГПУ проведено комплексное исследование Залидовских лугов, в том числе позвоночных животных, по теме «Ревизия фауны национального парка «Угра». Продолжено изучение орнитофауны, особенностей ее сезонного распределения и размещения, ведение многолетнего мониторинга населения птиц заливных лугов на постоянном маршруте, определение относительной их численности в водно-болотном, а также древесно-кустарниковом комплексах, где паутинными сетями отловлены 92 особи двадцати шести видов с последующим их кольцеванием.

Всего на обследованной территории к настоящему времени зарегистрировано пребывание 132 видов птиц и это не придел, поскольку основное изучение мы проводили в летний период. Следует отметить, что за прошедшие десятилетия 15 видов перестали встречаться. Из оставшихся 117 видов в настоящее время гнездится с разной степенью достоверности — 43, во время размножения использует луга в поисках корма — 16, зарегистрированы только в период сезонных перемещений — 58, в том числе 21 представитель перечисленных групп отмечен в зимнее время. Среди гнездящихся птиц на водоплавающих, околоводных и тесно связанных с водоемами приходилось 21%, древесно-кустарниковых — 37%, луговых — 42%, хотя такое деление отчасти условно.

При высоких уровнях половодья в весенний период затопленные пространства служат местом массовой остановки на отдых мигрирующих водоплавающих и околоводных птиц, в частности, гусей (одновременно более 500 особей), уток (до нескольких тысяч), куликов (500—700), среди которых присутствовали виды, занесенные в Красную книгу России, в частности, большой кроншнеп.

Тем не менее, за прошедшие десятилетия наиболее существенный урон понесла группа, связанная с водоемами из-за частичной или полной их деградации. Исчезла почти половина ранее гнездящихся птиц, в том числе занесенные в Красную книгу Калужской области (выделены жирным шрифтом), — большая и **малая** выпи, лысуха, камышница, **белокрылая крачка**, **красноголовый нырок**, **хохлатая чернеть**. Всего за последний сезон на размножении отмечено лишь девять видов, среди которых произошло резкое снижение плотности населения прежде обычных хозяйственно-ценных видов, таких как кряква, чирок-трескунок, чибис и бекас. Однако после восстановления водного зеркала на оз.Долгом и прилегающих водоемах создались благоприятные условия для кормежки уток и черной крачки, которая вновь отмечена на размножении на оз.Старице, где были подходящие условия для строительства гнезд. Только серая цапля увеличивает численность на фоне повсеместности этого явления.

Группа луговых птиц — самая многочисленная в видовом разнообразии, представлена 18 гнездящимися видами, но их разнообразие существенно не изменилось. Теперь отсутствуют только **полевой лунь**, численность которого сократилась по всей Центральной России, и обыкновенная овсянка. Среди населения по-прежнему доминируют луговой чекан, камышовая овсянка, болотная камышовка. Однако снижение увлажненности лугов привело к резкому сокращению численности желтой трясогузки, **дубровника**, коростеля и увеличению лишь полевого жаворонка. Вероятно, изменения растительного покрова отрицательно влияют на перепела.

Напротив, в древесно-кустарниковом комплексе происходит увеличение числа обитающих видов (уже зарегистрировано 16) и их доля значительна. В этой группе доминируют сорока, серая ворона и обыкновенный соловей. Впервые достоверно выявлено гнездование канюка и таких птиц-дуплогнездников, как скворец и, возможно, поползень. Последние используют естественные пустоты в стволах деревьев, а также дупла, выдолбленные дятлами, но таких убежищ недостаточно. С этой целью в январе 2005 г. вывесили 50 скворечников и синичников, что позволит в значительной мере увеличить не только численность птиц, но и количество гнездящихся видов. Из представителей этой группы перестали отмечать во время размножения только обыкновенную горлицу и пустельгу, что происходит повсеместно.

Таким образом, по результатам исследований накоплен значительный материал,

90 Зак. 1971

позволяющий вести мониторинг и прогнозировать изменения биоразнообразия на этой территории, разработать конкретные мероприятия по его восстановлению и увеличению. Сукцессионные процессы, протекающие на Залидовских лугах, приводят к обеднению фауны животных в основном водно-болотного комплекса и, напротив, ее увеличению в древесно-кустарниковом. Хотя видовой состав луговой группы птиц относительно стабилен, численность целого ряда ее представителей сократилась или находится в депрессии, как и население их большинства, связанных с водоемами.

Такая особо охраняемая зона национального парка должна выполнять функцию резервата. Это дает возможность на небольшой по площади территории более эффективно проводить мероприятия, обеспечивающие поддержание оптимального уровня численности природных популяций редких, хозяйственно-ценных и других видов, в частности, птиц на местах размножения, остановок на путях сезонных перемещений. Поэтому южную часть лугов целесообразно объявить на время весенних миграций зоной покоя и строго регламентировать ее посещение, особенно окрестностей оз.Долгого. Дальнейшая работа должна быть направлена на восстановлении основных комплексов — преимущественно водно-болотного и стоять среди основных целей деятельности парка.

Литература

Баранов Л.С., Марголин В.А. К фауне и размещению колониальных околоводных птиц Калужской области // Размещение и состояние гнездовий околоводных птиц на территории СССР. — М.: Наука, 1981. — С. 86—88.

Василевская С. Д. Птицы окрестностей деревни Дворцы // Тезисы докладов на 13-й научной конференции. — Калуга: КГПИ им К. Э.Циолковского, 1966. — С. 90—91.

Васильев А.Л. Фенология водоплавающих птиц в пределах Калужской области // Пятая краеведческая конференция Калужской области. Тезисы докладов. — Обнинск, 1990. — С. 272—273.

Воронин А.А. О биологии серой цапли // Научные труды ТГПИ им. Л.Н.Толстого (биология и сельское хозяйство), вып. 4. — Тула, 1970 а. — С. 133—138.

Воронин А. А. Охотничье-промысловые животные Лев-Толстовского охотхозяйства // Научные труды ТГПИ им. Л.Н.Толстого (биология и сельское хозяйство), вып. 4. — Тула, 1970 б. — С. 119—132.

Воронин А.А. Колонии околоводных птиц в Калужской области // Колониальные гнездовья околоводных птиц и их охрана (материалы совещания). — М.: Наука, 1975. — С. 129.

Воронин А.А., Марголин В.А., Баранов Л.С., Овсянников Г.М. Редкие гнездящиеся птицы Калужской области // Редкие виды птиц Центра Нечерноземья. Материалы совещания: «Современное состояние популяций редких гнездящихся птиц Нечерноземного центра СССР». — М., 1990. — С. 39—42.

Воронин А.А., Васильев А.Л., Овсянников Г.М. К экологии хищных птиц юга Нечерноземья // Экология хищных птиц. Материалы I совещания по экологии и охране хищных птиц. — М.: Наука, 1983. — С. 115—116.

Галченков Ю.Д. Некоторые итоги орнитологических наблюдений в Дворцовском расширении долины реки Угры в 2002 году // Природа и история Поугорья. Краеведческие очерки, вып. 3. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2003. — С. 55—58.

Марголин В.А. Птицы Калужской области, ч. 1 Неворобьиные. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2000. — 336 с.

Марголин В.А. Изучение населения птиц Залидовских лугов // Природа и история Поугорья. Краеведческие очерки, вып. 2. — Калуга: Полиграф-Информ, 2001. — С. 24-29.

Марголин В.А., Баранов Л.С. Птицы Калужской области. Воробьинообразные. — Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2002. — 640 с.

Марголин В.А., Баранов Л.С., Котюков В.М., Кутьин С.Д. Заметки об орнитофауне Калужской области // Пятая краеведческая конференция Калужской области. Тез. докл. — Обнинск, 1990. — С. 267—271.

Марголин В.А., Галченков Ю.Д., Воронин А.А., Баранов Л.С., Горшков В.И., Овсянников Г.М., Середенко В.М. Некоторые изменения в фауне и населении редких видов птиц Калужской области // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России. Материалы совещания. — М.: МПГУ, 1998. — С. 97—100.

ГНЕЗДЯЩИЕСЯ НЕВОРОБЬИНЫЕ ПТИЦЫ ГОРОДА КАЛУГИ

В.В. Хохлов, *филиал Федерального государственного учреждения «Рослесозащита» Центр защиты леса Калужской области,*

В.А. Марголин, *к.б.н.,*

Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского

В основу настоящей работы легли многолетние наблюдения, начиная с 1968 г., и специальные исследования, проведенные в 2000—2003 гг. в исторических кварталах г.Калуги различной высотности застройки, а также лесопарковых зонах среди жилых и производственных сооружений — Комсомольской роще, Городском парке культуры и отдыха, Березуйском овраге, парке им. К.Э.Циолковского, Пятницком мемориальном кладбище, сквере им. Г.К.Жукова и других. При характеристике статуса пребывания птиц выделены группы предположительно, вероятно и определенно гнездящихся видов по методике, рекомендованной Комитетом европейского орнитологического атласа (Приедниекс, Страздс, 1984; Приедниекс и др., 1989), с изменениями (Харитонов и др., 1993).

Авторы благодарят за представленные материалы и помощь в работе А.Крюкову, Т.Алешину и других студентов педагогического университета.

В результате на территории г.Калуги установлено гнездование 13 видов, в том числе достоверно11 видов, вероятно, 2 вида. Сведения о них приведены по общепринятой классификации (Степенян, 1975; 1978).

ОТРЯД СОКОЛООБРАЗНЫЕ FALCONIFORMES

Семейство СОКОЛИНЫЕ FALCONIDAE

ОБЫКНОВЕННАЯ ПУСТЕЛЬГА *Falco tinnunculus* L.

В условиях города очень редкий размножающийся вид лесопарковой зоны. Единственную гнездящуюся пару отметили 11.06.2003 г. в Комсомольской роще. Гнездо было размещено на сосне в 15 м. от земли. В предыдущем году эту постройку занимали серые вороны. Мертвого, почти полностью оперенного, птенца пустельги здесь обнаружили 29 июня, а 8 июля в 200-х метрах были зарегистрированы три особи.

ОТРЯД ГОЛУБЕОБРАЗНЫЕ COLUMBIFORMES

Семейство ГОЛУБИНЫЕ COLUMBIDAE

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ *Columba livia* Gm.

Ведет оседлый образ жизни, о чем свидетельствуют материалы кольцевания. Однако в летнее время часть урбанизированной группировки регулярно вылетает кормиться на окрестные поля (Марголин, 2000).

Этот вид гнездился на чердаках зданий, в нишах стен, проемах окон, за их наличниками, на балконах, площадках пожарных лестниц, опорах и балках железобетонных конструкций под крышами цехов, ангаров, животноводческих комплексов и других сооружений. Строительным материалом служили мелкие веточки и побеги травянистой растительности.

Наличие кормов антропогенного происхождения и мест, удобных для гнездования, позволяет голубям рано приступать к размножению и в течение сезона несколько раз выводить потомство. Достоверно установлено не менее трех циклов размножения, при этом отмечено совмещение докармливания птенцов первого и откладывания яиц последующего (Хохлов, 2003).

Репродуктивный цикл растянут с февраля по октябрь за счет неоднократного размножения. В течение первого месяца, чаще в марте, птицы носили строительный материал. Такие случаи

Таблица 1. Фенология гнездования сизого голубя

Месяц	Декада	Количество гнезд с начавшимися:					
		кладкой		вылуплением		вылетом	
		n	%%	n	%%	n	%%
февраль	1	(2)*	3,8	—	—	—	—
	2	2	3,8	2	4,1	—	—
	3	5	9,4	—	—	—	—
март	1	6	11,3	2	4,1	—	—
	2	3	5,7	4	8,3	2	5,0
	3	9(2)**	17,0	5	10,4	—	—
апрель	1	4(1)+	7,5	1	2,1	1	2,5
	2	4	7,5	10	20,8	4	10,0
	3	4(2)***	7,5	4	8,3	5	12,5
май	1	5	9,4	3	6,2	—	—
	2	2(1)++	3,8	4	8,3	7	17,5
	3	—	—	6	12,5	4	10,0
июнь	1	—	—	1	2,1	2	5,0
	2	2	3,8	—	—	3	7,5
	3	1	1,9	2	4,1	6	15,0
июль	1	3	5,7	1	2,1	1	2,5
	2	1	1,9	3	—	—	—
	3	—	—	—	6,2	2	5,0
август	1					1	2,5
	2					—	—
	3					2	5,0
Всего			53	100	48	100	40

Примечания: (2) — количество помеченных пар; + — порядок достоверно зарегистрированных репродуктивных циклов в 2001 г.. *— 2002 г.

зарегистрированы 8.02.1993, 10.03.1991, 20.02.1995 гг. на территории г.Калуги. Самки начинали первый цикл размножения в феврале, большая часть — в марте (табл. 1) и некоторые — в апреле. Среди гнезд, осмотренных Т.Костюхиной в 1991 г., на чердаке многоэтажного дома в одном из центральных ее кварталов, 1 марта 22 были пустыми и 3 содержали по 1—2 яйца, 19 марта в 11 из 44 жилищ обнаружены кладки и в некоторых — птенцы, а 1 апреля птицы заняли практически все постройки, некоторые из которых они возводили заново или возобновляли в старых подстилку. За это время у 5 пар было отложено по одному и у 27 — по два яйца, в среднем — 1.84±0.07.

Птенцы в первых гнездах начинали выводиться с середины февраля, но в основном — в течение марта. В наиболее ранних постройках 3 и 9.03.1973 г., в поздних 27.03.1979 г. найдено по два молодых в возрасте нескольких суток. В среднем на каждую из 25 размножавшихся пар приходилось по 1.24±0.18 пуховичков. Это обусловлено значительным отходом яиц, который зарегистрирован в 40% случаев, когда кладки погибали частично или полностью. Элиминация вызвана разными причинам, в частности, 7 кладок птицы бросили, около двух построек обнаружено по выкатившемуся яйцу, и в одной оно было испорчено.

Первая молодежь обычно начинала покидать жилища в течение апреля. Однако в самом раннем гнезде 19.03.1991 г. найдены мертвые особи, почти готовые к вылету. Птенцы такого возраста встречены 1.04.1991 г. в трех из 22 построек, а остальные — до конца этого месяца.

Успешность размножения первого репродуктивного периода довольно низка. На 26 гнезд приходилось в среднем по 0.88±0.17 птенцов. Вероятно, не все они доживали до вылета, что связано с ранним размножением. В двух случаях погибла половина выводка, а в четырех — полностью.

Затем голуби приступали к последующим циклам размножения. Птицы со строительным материалом встречены 2.06.1994 г., полные кладки — 17.06.1983 г., слетки — 19.06.1994 г. и сильнонасиженные яйца — 6.07.1981 г. в урбанизированных ландшафтах. Самый поздний выводок, выпрашивающий корм у родителей в гнезде, зарегистрирован 18.10.1996 г. на территории г. Калуги.

КОЛЬЧАТАЯ ГОРЛИЦА *Streptopelia decaocto* Frivald.

Малочисленный оседлый вид, гнездящийся на деревьях бульваров и лесопарковых зон. В результате расселения на восток отмечен в г.Калуге с 1971 г. (Кунаков, 1979). В 1973 г. было известно о гнездовании двух, а в 1974 г. — шести пар. Одна продолжала размножаться у здания главного корпуса педагогического университета, три поселились на Пятницком кладбище и еще две у Комсомольской рощи в Подзавалье. В 1988 г. обитало 20—30 пар (Nowak, 1989), на следующий сезон — около 10 (Воронин и др., 1990). После этого спада численности в дальнейшем произошло ее увеличение и стабилизация. По подсчетам, проведенным Ю.Д.Галченковым в 1992—1993 гг., только в центральной части города гнездилось более 20 особей. Кроме того, известны встречи в репродуктивный период на территории пос.Маяковского, Подзавалья, в парках и других микрорайонах города (Марголин, 2000). В последние сезоны два гнезда с птенцами нашли в июне 2001 г. в районе автовокзала, по одному с кладкой 2.05.2002 г. на сосне в Комсомольской роще, а также с птенцом и яйцом-болтуном 14.05.2002 г. на ели на Пятницком кладбище.

Репродуктивный цикл растянут с начала апреля по середину июля, что связано с повторным и вторичным размножением. Горлицы использовали различные виды искусственных насаждений и располагали постройки на елях голубой и обыкновенной, соснах Веймутовой и обыкновенной, пихте, лиственнице, липе, клене американском, тополе. Среди лиственных предпочитали растения с густой кроной, сформированной молодыми побегами после обрезки старых ветвей. Рыхлые постройки в виде просвечивающегося настила пары размещали на высоте от 4 до 9, чаще — около 8 м.

Некоторые гнездовые участки птицы использовали в течение нескольких лет. Одна из пар размножалась с 1973 по 1978 гг. у главного корпуса педагогического университета. Постоянно их встречали на Пятницком кладбище. В последние десятилетия регулярно отмечали у кинотеатра «Центральный».

Самки начинали откладывать яйца с апреля до середины июня. В ранних постройках это отмечено чаще в конце апреля, а в повторных и во вторых — до середины июня. Во всех шести осмотренных гнездах найдено по 2 яйца, которые по очереди насиживали оба партнера. Размеры трех яиц из двух кладок составили 26,7 x 22,5; 26,6 x 22,8; 28,2 x 23,8 мм.

Птенцы выводились во второй половине апреля — конце июня. На некоторых гнездовых участках пары размножались вторично. Успешность размножения невелика. На каждое из 11 осмотренных гнезд в среднем приходилось по 1.18±0.28 птенцов. Причины разнообразны:

три кладки были разорены; у одной пары яйцо оказалось затоптанным в подстилку, у другой оно было не качественное и две выкармливали по одному птенцу. Слетки покидали жилища с начала мая до середины июля.

ОБЫКНОВЕННАЯ ГОРЛИЦА *Streptopelia turtur* L.

Очень редкий, не характерный для урбанизированных ландшафтов, размножающийся вид лесопарковой зоны. Гнездовую постройку с насиживающей птицей зарегистрировали лишь однажды — 19.06.2002 г. в прилегающем к скверу Жукова овраге. Сооружение располагалось на иве ломкой у ствола на высоте около 4-х метров.

ОТРЯД КУКУШКООБРАЗНЫЕ CUCULIFORMES

Семейство КУКУШКОВЫЕ CUCULIDAE

КУКУШКА *Cuculus canorus* L.

Размножение этого вида на территории города носит вероятный характер. На протяжении трех последних лет токующих особей постоянно регистрировали в Комсомольской роще, так, одного самца слышали ежедневно с 22.05 по 28.06.2003 г. преимущественно в утренний период.

ОТРЯД СОВООБРАЗНЫЕ STRIGIFORMES

Семейство СОВИНЫЕ STRIGIDAE

УШАСТАЯ СОВА *Asio otus* L.

Редкий, вероятно, периодически гнездящийся, вид лесопарковой зоны, где он использовал старые постройки врановых птиц. Четырех слетков, издающих призывные коммуникативные сигналы, наблюдали 20.06.2003 г. в Березуйском овраге. Здесь же видели взрослую особь с полевкой, которую сова держала в начале в клюве, а затем переложила в лапу. Молодежь наблюдали в течение 5 дней, было отмечено, что птицы в пасмурную погоду начинают кричать значительно раньше, нежели в ясную. В этот же сезон пара выводила потомство в старом гнезде сороки на участке дачного кооператива «Ветерок» в районе пос.Маяковского. Два птенца обнаружены 15 июня в постройке и один рядом с ней на ветвях дерева. Заселение урбанизированного ландшафта было связано, очевидно, с высокой численностью мышевидных грызунов, а также наличием необходимых мест гнездования (сорочьих построек).

СЕРАЯ НЕЯСЫТЬ *Strix aluco* L.

Редкий гнездящийся вид в фаутных деревьях лесопарковой зоны. В Березуйском овраге 26.06.2001 г. наблюдали слетков и пару взрослых особей. Сов активно атаковали два дрозда-рябинника и зарянки. Неоперившегося птенца там же подобрала 18.06.2003 г. Е.А.Ковалева. По ее словам, еще два совенка сидели на толстых ветках липы.

ОТРЯД СТРИЖЕОБРАЗНЫЕ APODIFORMES

Семейство СТРИЖИНЫЕ APODIDAE

ЧЕРНЫЙ СТРИЖ *Apus apus* L.

Многочисленный гнездящийся вид. На территории города стрижи заселяют ниши под крышами домов, в стенах, кирпичных трубах и т.п., иногда скворечники. Особенно охотно птицы гнездятся в колокольнях церквей, очевидно, находя здесь оптимальные условия. Обычно их колонии на территории города не превышали 10—12 пар. Самые крупные поселения, по данным учетов в последнюю декаду мая 2001 года, составляли: на колокольне церкви Косьмы и Дамиана 25—27 пар; на Кафедральном соборе в парке культуры и отдыха 20—22 семьи. Основная масса молодежи начинала покидать гнезда с конца июля — начала августа, что сразу становится заметным, так как в этот период происходит значительное увеличение численности вида. Так, в гнезде, осмотренном 26.07.1978 г. в нише стены под крышей станции юннатов, было 2 птенца незадолго до вылета. Перед стрижами в нем обитали полевые воробьи. По одному слетку встречено 26 и 30.07.2003 г. соответственно на территории Гостинных Рядов и во дворе жилого дома по ул. Московская.

ОТРЯД РАКШЕОБРАЗНЫЕ CORACIIFORMES

Семейство УДОДОВЫЕ UPUPIDAE

УДОД *Upupa epops* L.

Редкий, вероятно гнездящийся, вид лесопарковой зоны. В районе Подзавалья пару птиц этого вида регулярно отмечали в период с последней декады мая по середину июня 2001 г., а также слышали токовые крики самца. Удода, несущего крупное насекомое (предположительно медведку), наблюдали 27.05.2001 г. в окрестностях парка К.Э.Циолковского. Взрослую особь, залетающую в вентиляционный проём кирпичного гаража с кормом в клюве, неоднократно видели 5, 7, 9 июня 2001 г. Провести детальный осмотр предположительного места гнездования, к сожалению, не удалось, но птицы

91 Зак. 1971

проявляли специфическое гнездовое поведение (токовые крики, территориальность, доставка корма), что даёт основание считать этот вид вероятно гнездящимся для города Калуги

ОТРЯД ДЯТЛООБРАЗНЫЕ PICIFORMES

Семейство ДЯТЛОВЫЕ PICIDAE

ВЕРТИШЕЙКА *Jynx torquilla* L.

Редкий гнездящийся вид в лесопарковой зоне. Пару, кормившую птенцов, зарегистрировали однажды — 17.06.2003 г. на территории Комсомольской рощи. Птицы разместили гнездо в морозобойной трещине сосны на высоте 4-х метров.

ЗЕЛЕНЫЙ ДЯТЕЛ *Picus viridis* L.

Редкий гнездящийся вид в лесопарковой зоне. Неуверенно летящую особь и беспокоящуюся взрослую птицу отметили 18.06.2001 г. в Комсомольской роще.

БОЛЬШОЙ ПЕСТРЫЙ ДЯТЕЛ *Dendrocopos major* L.

Малочисленный гнездящийся вид лесопарковой зоны. В Городском парке культуры и отдыха, по крайней мере, последние 4 года размножалась пара дятлов. Так, в 1999 г. они занимали дупло дуба, а в последующие годы — липы. Три жилых постройки найдены 17.05.2002 г. в Комсомольской роще — два в соснах, одно в липе, все на высоте около 5 метров. Выводок из трех молодых особей наблюдали 27.06.2003 г. в сквере Жукова.

МАЛЫЙ ДЯТЕЛ *Dendrocopos minor* L.

Редкий размножающийся вид лесопарковой зоны. Птицу, неоднократно залетавшую с кормом в дупло, наблюдали 03.06.2000 г., а с 6 июня были отчетливо слышны голоса птенцов. На следующий сезон дятлы, очевидно, гнездились в тополе за территорией Городского парка культуры и отдыха, где их отмечали в течение длительного времени.

ФАУНА И НАСЕЛЕНИЕ ПТИЦ ОТКРЫТЫХ ЛАНДШАФТОВ МЕЩОВСКОГО ОПОЛЬЯ

***В.М. Константинов**, д. б. н , Московский педагогический государственный университет*
***С.Д. Кутьин**, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН*

Изменения естественных природных ландшафтов под влиянием хозяйственной деятельности людей приводит к коренным преобразованиям фауны и населения птиц. В результате длительной и целенаправленной деятельности людей в лесной зоне возникли открытые сельскохозяйственные ландшафты, в которых сформировались своеобразные фауна и население птиц.

Настоящее исследование было предпринято для выяснения своеобразия фауны и населения птиц открытых сельскохозяйственных ландшафтов лесной зоны, их сезонной динамики. Несмотря на практическую значимость такого рода исследований, им пока уделяется недостаточное внимание. Имеются работы, посвященные птицам сельскохозяйственных ландшафтов степной зоны (Браунер, 1899, 1923; Пачесский, 1909; Воинственский, 1960; Формозов, 1962; Кириков, 1983; Рябов, 1946, 1974, 1982 и др.). Ряд работ посвящен птицам открытых ландшафтов антропогенного происхождения в лесной зоне (Кириков, 1966; Владышевский, 1975; Гынгазов, 1981; Бейнтиме, 1982; Solonen, 1985; Бутьев, Ежова, 1986; 1988 и др.) Сведения по экологии и практическому значению птиц открытых ландшафтов содержатся в региональных фаунистических сводках (Долгушин и др., 1960—1974; Федюшин, Долбик, 1967; Птушенко, Иноземцев, 1968; Мальчевский, Пукинский, 1982 и мн. др.). Однако специальные работы, посвященные фауне и населению птиц открытых ландшафтов антропогенного происхождения Центрального района европейской части России, практически отсутствуют.

Материалы для настоящего сообщения были собраны в течение шести летних полевых сезонов 1980—1984 и 1986 годов. Исследованиями охвачены все открытые ландшафты антропогенного происхождения Мещовского ополья.

Исходная растительность Мещовского ополья была представлена широколиственными и смешанными лесами, произрастающими на серых лесных почвах. В VII—VIII вв., с приходом на эти территории племен вятичей, происходило сведение лесов, распашка и возделывание земельных угодий. Наибольшей интенсивности сельскохозяйственная деятельность человека достигало в XIX—XX вв. В настоящее время древесная растительность ополья представлена участками вторичных островных лесов. Они образованы в основном мелколиственными деревьями с примесью широколиственных видов

и занимают около 5% площади района. Исследования проводили в различных сельскохозяйственных угодьях — лугах, пастбищах, включая участки кустарниковой и древесной растительности, окруженных полями, на межах, обочинах дорог, поросших сорняками участках, занятых опорами ЛЭП, понижениями и оврагами. Протяженность учетных маршрутов составила более 250 км, ширина учетной полосы для мелких птиц была 100 м, для средних и крупных 300 м. Регулярно проводили фенологические наблюдения за прилетом и становлением гнездовой фауны птиц открытых ландшафтов. При этом в гнездовом периоде, длившимся со второй декады мая до конца июля, было выделено несколько этапов. На первом (со второй декады мая до конца этого месяца) в район исследований прилетают поздние мигранты, происходит строительство гнезд, массовое откладывание яиц в гнездах птиц, прилетевших в более ранние сроки. На втором этапе, по времени приходящемся на июнь месяц, все птицы в открытых ландшафтах гнездятся, происходит насиживание и массовое вылупление птенцов, появляются слетки рано гнездящихся птиц. На третьем этапе, приходящимся на июль, завершается гнездование у большинства видов. Для этого этапа характерно наличие вторых кладок у части видов, появление кочующих стай молодых птиц. Послегнездовой период, охватывающий по времени август месяц, характеризуется местными трофическими кочевками птиц, постепенной потерей птицами устойчивых связей с гнездовыми биотопами, нарастанием миграционной активности и началом осенних миграций.

Анализ полученных во время учетов данных показывает, что фауна птиц открытых ландшафтов составляет 78 видов птиц из 13 отрядов. Из них 16 видов гнездятся на сельскохозяйственных полях. К ним относится чирок-трескунок, луговой лунь, серая куропатка, перепел, коростель, чибис, бекас, болотная сова, полевой жаворонок, луговой конек, желтая трясогузка, белая трясогузка, галка, камышевка-барсучек, кустарниковая камышевка, луговой чекан. Гнездование 10 видов вероятно, на что указывают встречи токующих самцов пар, проявляющих гнездовое поведение, и выводков молодых птиц. К ним относятся чирок-свистунок, полевой лунь, лесной конек, сорокопут-жулан, серая славка, речной сверчок, обыкновенный сверчок, обыкновенная каменка, обыкновенная овсянка, камышевая овсянка. Таким образом, список гнездящихся и вероятно гнездящихся на лугах, полях и пастбищах птиц насчитывает 26 видов. Из них 10 видов птиц в сельскохозяйственных ландшафтах гнездятся постоянно. Это их основное место обитания. К ним относятся луговой лунь, серая куропатка, перепел, коростель, чибис, болотная сова, полевой жаворонок, луговой конек, желтая трясогузка, луговой чекан. Эта группа птиц является облигатной для открытых ландшафтов Мещовского ополья.

Вторую группу составляют птицы, гнездовыми биотопами которых служат лес и элементы древесной растительности на сельскохозяйственных территориях. К ним относятся осоед, черный коршун, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, обыкновенный канюк, чеглок, обыкновенная пустельга, тетерев, вальдшнеп, клинтух, вяхирь, обыкновенная горлица, сизоворонка, лесной конек, сорокопут-жулан, серый сорокопут, сойка, сорока, серая ворона, ворон, серая славка, пеночка-весничка, зяблик, зеленушка, чиж, щегол, обыкновенная овсянка.

К третьей группе относятся виды, местом гнездования которых служат луго-болотные и приводные стации: серая цапля, кряква, чирок-трескунок, чирок-свистунок, болотный лунь, серый журавль, зуек sp., черныш, бекас, дупель, озерная чайка, сизая чайка, белокрылая крачка, камышевка-барсучек, кустарниковая камышевка, камышевая овсянка. Они нерегулярно гнездятся в открытых ландшафтах.

Группа синантропных птиц в открытых ландшафтах представлена следующими видами: сизый голубь, стриж, деревенская ласточка, городская ласточка, белая трясогузка, обыкновенный скворец, галка, грач, каменка, полевой воробей коноплянка. Эти птицы кормятся на участках полей и лугов, прилежащих к населенным пунктам, дорогам, хозяйственным постройкам человека.

В отличие от первой группы облигатных видов, три других являются факультативными в открытых ландшафтах. К факультативным видам следует, видимо, отнести и группу птиц, пребывание которых в сельскохозяйственных ландшафтах связано с периодами сезонных миграций: зимняка, дербника, золотистую ржанку, турухтана, рюма, вьюрка.

Особый интерес представляет размещение птиц гнездящихся в открытых ландшафтах. По предпочитаемым местам гнездования среди них выделяются следующие группы. Первая — занимает центральные части полей, имея здесь наибольшую плотность населения. К ней относятся перепел, полевой жаворонок, луговой чекан. В полосе открытых ландшафтов шириной около 100 м, прилегающей к опушкам лесов, токующие самцы перепела и полевого жаворонка не встречаются.

Луговой чекан гнездится среди разнотравья, сохранившегося по окраинам полей, у опушек леса, на межах, реже среди культурных злаков.

Вторая группа птиц связана с элементами лесного ландшафта — кустарниками, одиночными деревьями и небольшими их группами окруженных полями. Обычно их гнездование на лесных опушках. К ним относятся следующие виды: серая куропатка, лесной конек, сорокопут-жулан, кустарниковая камышевка, серая славка, обыкновенная овсянка. Эти виды встречаются и на участках занятых опорами ЛЭП. Пустотелые бетонные опоры ЛЭП, как и в степных районах, стали служить постоянным местом для гнездования галок. Токование лесных коньков и обыкновенных овсянок на участках занятых опорами ЛЭП, телефонными столбами, указывает на возможность их гнездования в этих местах, иногда на значительном удалении от лесных массивов.

Третья группа птиц тяготеет к луго-болотной растительности, сохранившейся местами на сельскохозяйственных территориях. К ним относятся чирок-свистунок, чирок-трескунок, луговой лунь, коростель, чибис, бекас, болотная сова, луговой конек, желтая трясогузка, речной сверчок, камышевка-барсучек, камышевая овсянка. Эти виды гнездятся так же на полях, напоминающих их гнездовые стации высотой и яросностью растительного покрова.

При анализе современного состояния фауны и населения птиц открытых ландшафтов необходимо учитывать их сезонную динамику (табл. 1).

Таблица 1. Сезонная динамика фауны и населения птиц открытых ландшафтов Мещовского ополья.

Биотопические группы птиц	Апрель		Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь - Октябрь	
	Особей / км^2	Кол-во видов	Особей / км^2	Кол-во видов	Особей / км^2	Кол-во видов	Особей / км^2	Кол-во видов	Особей / км^2	Кол-во видов	Особей / км^2	Кол-во видов
Облигатные птицы открытых ландшафтов	91,6	9	77,6	9	83,1	9	106,7	8	92,8	10	78,8	9
Синантропные птицы	39,4	8	83,2	6	110,8	7	116,3	9	465,0	9	671,6	8
Лесные птицы	29,4	20	7,6	10	14,2	13	35,2	18	75,4	19	107,6	21
Луго-болотные птицы	4,5	13	1,7	4	1,3	4	7,6	7	11,4	8	5,2	2
Общее	164,9	50	170,1	29	209,4	33	265,8	42	644,6	46	863,2	40

Группа облигатных видов характеризуется наибольшей сезонной стабильностью. В ней сохраняется постоянное число видов в течение весенне-летне-осеннего периода. Высокая численность птиц этой группы в бесснежное время года, сходные показатели их численности во время весенних и осенних миграций, поздне-весенний спад и постепенное увеличение плотности популяций в результате размножения свидетельствуют о том, что открытые ландшафты являются основными местообитаниями для облигатных птиц. В послегнездовое время плотность популяций большинства облигатных видов сокращается. Численность этих птиц продолжает сокращаться и в период осенних миграций за счет отлета птиц местных популяций к югу на фоне сравнительно небольшого притока мигрантов с ограниченных площадей сельскохозяйственных территорий, расположенных к северу от района исследований.

Из группы факультативных видов наиболее сходны по характеру сезонной динамики видового разнообразия и численности в открытых ландшафтах птицы лесного и луго-болотного комплексов.

Из всех групп в открытых ландшафтах Мещовского ополья наиболее представлены

лесные птицы. Это может свидетельствовать о сравнительной молодости открытых ландшафтов в лесной зоне. Но по численности группа лесных птиц здесь уступает группам облигатных видов и синантропных птиц, что отражает малую лесистость Мещовского ополья. Высокая плотность населения лесных птиц на сельскохозяйственных территориях связана с тем, что окраины полей служат местом сбора корма многими видами птиц гнездящимися в лесу.

Группа луго-болотных птиц отличается от других меньшим видовым разнообразием и численностью в летне-осенний период. Весной птиц луго-болотного комплекса на поля привлекают многочисленные временные водоемы. Это создает большое видовое разнообразие и высокую плотность населения луго-болотных птиц.

Постоянное число видов в весенне-летне-осенний период и высокая плотность населения характерны для синантропных птиц. Постепенное увеличение численности синантропов к осени, достигающей в это время наивысших значений не только для самой этой группы, но и по сравнению с другими группами птиц, указывает на чрезвычайную важность открытых ландшафтов для синантропных видов птиц как основных мест кормления. Таким образом, развитие сельскохозяйственных ландшафтов, увеличение кормовой базы в них способствуют росту численности популяций синантропных птиц.

Важно отметить существенное увеличение видового разнообразия и численности птиц различных биотопических групп в открытых ландшафтах в послегнездовой и осенний периоды. Это объясняется не только увеличением численности популяций птиц, происходящей в результате размножения, но и утратой устойчивых связей с гнездовыми биотопами, перераспределением птиц по территории, перемещением птиц из других биотопов на открытые участки.

Обращает на себя внимание разница видового разнообразия и численности большинства биотопических групп в весенний и осенний периоды. Это связано с различным пространственным распределением весенних и осенних пролетных путей и гнездовых биотопов. Весной птицы придерживаются границ своих гнездовых биотопов. Возможно, чем ближе они приближаются к местам гнездования, тем глубже на пролете птицы внедряются в биотопы, физиономически сходные с гнездовыми. В осеннее время большее значение имеет кормность территорий, через которые они мигрируют.

Таким образом, фауна птиц открытых сельскохозяйственных ландшафтов Мещовского ополья неоднородна по своему происхождению и сезонной динамике. Интенсивная сезонная динамика населения птиц агроландшафтов связана с гетерогенностью его фаунистических комплексов и резкими сезонными изменениями условий обитания птиц в открытых ландшафтах. Наиболее емкими и жизненно необходимыми открытые ландшафты являются для большинства перелетных и кочующих птиц в период сезонных миграций.

Литература

Бейнтимэ А. Уменьшение численности луговых птиц в сельскохозяйственном ландшафте Голландии // XVIII Международный орнитологический конгресс. — М: Наука, 1982.— С. 73.

Браунер А.А. Вредные и полезные животные Херсонской губерни // Записки Общества сельского хозяйства Южной России.— Одесса, 1899.— №№ 4—6.— С. 99—122.

Браунер А.А. Сельскохозяйственная зоология.— Одесса, 1923.— С. 153—326.

Бутьев В.Т., Ежова С.А. Изменение фауны и населения птиц в связи с сельскохозяйственным освоением территории в таежной зоне // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Материалы IX Всесоюзной орнитологической конференции. 1986.— ч.1.— С. 108—109.

Бутьев В.Т., Ежова С.А. Структура населения птиц сельскохозяйственных угодий в условиях тайги Европейской территории СССР // Морфология, систематика и экология животных. Межвузовский сборник научных трудов.— М., 1988.— С. 28—38.

Владышевский Д.В. Птицы в антропогенном ландшафте.— Новосибирск: Наука, 1975.— 177 с.

Воинственский М.А. Птицы степной полосы европейской части СССР. — Киев: Изд-во АН УССР,1960.— 291 с.

Гынгазов А.М. Влияние хозяйственной деятельности на птиц Западно-Сибирской равнины. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.— 168 с.

Долгушин И.А., Корелов М.Н., Ковшарь А.Ф. Птицы Казахстана.— Алма-Ата: Изд-во АН КАЗССР, 1960.— т.I.— 471 с. т. II, 1962 .—779 с. т. III, 1970.— 637 с. т. IV, 1972— 364 с. т. V, 1974.— 468 с.

Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек.— М.: Наука, 1966.— 346 с.

Кириков С.В. Человек и природа степной зоны.— М.: Наука, 1983. — 123 с.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий.— Л.: ЛГУ, 1983.— т.1.— 480 с. т.II.— 504 с.

Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и

сопредельных территорий.— М.: Изд-во МГУ, 1968.— 461 с.

Рябов В.Ф. Польза и вред птиц открытых пространств. Тр. Марийского гос. пед. ин-та.— Космодемьянск, 1946.— т.5.— 175 с.

Рябов В.Ф. Изменение авифауны степей Северного Казахстана под влиянием антропогенных факторов. Орнитология. — М.: Изд-во МГУ, 1974.— вып. II.— С.279.

Рябов В.Ф. Авифауна степей Северного Казахстана.— М.: Наука, 1982.— 175 с.

Федюшин А.В., Долбик М.С. Птицы Белоруссии. — Минск: Изд-во АН БССР, 1967.— 513 с.

Формозов А.Н. Изменение природных условий степного юга европейской части СССР за последние 100 лет и некоторые черты современной фауны степей // Исследования географии природных ресурсов животного и растительного мира.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— С.114—161.

Solonen Tapio. Agriculture and bird life in Finland. A review. — Ornitu Fenniuca.— v.62.— №2.— P.47—55.

ФАУНА И НАСЕЛЕНИЕ ПТИЦ СТАРИЦ Р. ОКИ И НЕКОТОРЫХ ЕЕ ПРИТОКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Бригадирова, *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,*
О.В. Швец, *к. б. н.,*
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Данная работа была направлена на изучение фауны и населения птиц водоемов старичного типа р. Оки и ее притока р. Упы. Исследования проводились в Белевском, Суворовском, Щекинском районах Тульской области в гнездовой период в 2003—2004гг. и в период весеннего и осеннего пролета в 2002—2004гг.

Под старицами понимали территориальный комплекс, включающий в себя пойменные, обычно сильно заросшие озера, которые соединяются с рекой только в период паводка. Изученные нами биотопы старичного типа можно условно разделить на две группы (приведенная нами классификация является рабочей и не претендует на универсальность).

1. Старицы мелких размеров. Расположены, как правило, цепочкой, имеющей общую протяженность 2—4 км. Площадь их водного зеркала незначительна и не превышает 10—20% от размера старицы, что обуславливает практически полное отсутствие водоплавающих видов. Подобные старицы характерны для Суворовского и, частично, Белевского района области. По старицам повсеместно встречаются заросли ивы, характерны рогоз, осоки, водный ирис. Местами прилегают незначительные по площади участки заболоченных луговин. Здесь в летний период регистрировали до 29 видов (включая виды-посетители). Основу населения составляют околоводные и луго-полевые виды мелких воробьиных (таблица 1). Общая плотность населения птиц в среднем 18,2 ос./га.

2. Старицы средних размеров. Характерны для р. Упы (приток Оки, Щекинский район) и, частично, для притоков Оки в Белевском районе. Площадь водного зеркала составляет свыше 30% от размера старицы. По берегам также характерна ива, однако, не образующая зарослей. Более значительную, чем в первом случае, площадь занимают осоки. Число зарегистрированных видов, включая виды-посетители, в среднем составляет 37. Из водоплавающих здесь гнездятся кряква и чирок-трескунок. Довольно характерны лысуха и большая выпь. На крупных старицах встречаются белокрылая крачка (иногда образующая колонии из 5—6 гнездящихся пар), озерная чайка (отмечена лишь на одной из стариц в количестве двух пар). Из куликов в гнездовой период регистрировались бекас и чибис. Общая плотность населения птиц составляет в среднем 25,4 ос./га.

Общими для стариц обоих типов являются представители воробьиных, характерные для околоводных биотопов, а также виды луго-полевого комплекса, что обусловлено особенностями окружающего ландшафта. Несколько различается состав видов-доминантов и доля их участия в населении. Так довольно заметны отличия в плотности населения камышовок — болотной и барсучка. На старицах первого типа плотность населения болотной камышовки несколько выше, чем барсучка (2,22 и 0,95 ос./га. соответственно). На старицах второго типа камышовка-барсучок занимает первое место по обилию и ее плотность выше, чем у болотной камышовки более, чем в 5 раз (5,81 и 1,02 ос./га. соответственно). Из птиц луго-полевого комплекса во всех случаях преобладает луговой чекан. Почти на всех изученных нами группах стариц отмечалось гнездование болотного луня.

Регулярно встречались серые цапли, использующие данные местообитания как кормовой биотоп. Из видов-посетителей отмечали также канюка, черного коршуна, вяхиря,

Таблица 1. Население птиц на старицах разного типа в гнездовой период.

Виды	Старицы первого типа	Старицы второго типа
Барсучок	0,95	5,81
Бекас	0	0,40
Белокрылая крачка	0	2,05
Болотная камышовка	2,22	1,02
Болотный лунь	0,11	0,34
Большая выпь	0	0,34
Большая синица	0	0,23
Варакушка	0,11	0,51
Вертлявая камышевка	0	0,11
Дятел sp.	0	0,11
Жаворонок полевой	0,17	0
Желтая трясогузка	0,42	0,40
Желтоголовая трясогузка	0	0,34
Жулан	0,07	0
Зеленушка	0,34	0
Зяблик	0,07	0,11
Иволга	0,47	0
Коростель	1,23	0,57
Кряква	0,04	1,08
Кукушка	0	0,62
Лесной конек	0,14	0
Луговой чекан	4,01	1,20
Лысуха	0	0,34
Обыкновенная лазоревка	0,30	0
Обыкновенная овсянка	1,10	0,40
Озерная чайка	0	0,68
Певчий дрозд	0	0,11
Пеночка-весничка	0,07	0,45
Пеночка-теньковка	0,54	0,11
Перепел	0,11	0
Речной сверчок	1,08	1,82
Рябинник	0,14	0,11
Садовая камышевка	0,11	0
Садовая славка	0,07	0
Серая славка	1,54	0,28
Сойка	0,07	0
Соловей	0,31	0,68
Соловьиный сверчок	0,41	0
Тростниковая овсянка	1,48	3,13
Чечевица	0,34	1,71
Чибис	0,21	0,11
Чирок-трескунок	0	0,23
Щегол	0,07	0
Общая плотность, ос./га.	18,20	25,40

береговушку, а также ряда видов-синантропов (скворец, галка, городская и деревенская ласточки), что вызвано расположением исследуемой территории на незначительном расстоянии от мелких населенных пунктов.

Помимо вышеперечисленных, на наш взгляд, заслуживает упоминания также ряд видов, принимающих незначительное участие в населении, но являющихся редкими для региона.

Соловьиный сверчок отмечался нами при учетах на старицах первого типа в Суворовском и Белевском районах. Плотность населения его не велика и составляет около 0,41 ос./га. Поющих самцов в гнездовой период отмечали чаще всего именно на старицах, однако регистрировали встречи и на заболоченных луговинах.

Вертлявая камышовка, демонстрирующая признаки гнездового поведения, была отмечена на одной из стариц в Щекинском районе, в пойме р. Упы в июне 2004 г.

Весенний разлив рек существенно увеличивает площадь водной поверхности, что позволяет во время пролета останавливаться на старицах таким видам водоплавающих, как гуменник, лебедь-шипун, большой крохаль, свиязь, широконоска, хохлатая, красноголовая и морская чернети, из ржанкообразных — озерной и сизой чайкам, белокрылой, черной и белощекой крачкам. Непосредственно прилегающие к старицам пойменные луга, в период паводка частично заливаемые водой, привлекательны и для куликов. В этих биотопах в разные

годы отмечали турухтана, большого улита, большого кроншнепа, большого веретенника, бекаса, гаршнепа, травника, поручейника, черныша, мородунку и белохвостого песочника.

Таким образом, проведенные нами исследования позволяют говорить об орнитологической ценности данных территорий как в гнездовой, так и в пролетный период.

РЕЗУЛЬТАТЫ УЧЁТОВ БОБРА *(CASTOR FIBER L.)* НА ЮЖНОМ УЧАСТКЕ ЗАПОВЕДНИКА «КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ» В 2004 ГОДУ

Ю.Д. Галчёнков, *Калугаоблохотуправление, НП «ЭКИНИ», ГПЗ «Калужские засеки»,*
Е.Ю. Локтионов, *Группа биологической съёмки, Союз охраны птиц России*

Современная группировка бобра, распространённая на территории Калужской области, происходит от зверей, привезённых из Воронежского заповедника и, возможно, небольшого количества исконных обитателей.

Бобры, живущие на территории заповедника «Калужские засеки», скорее всего, являются потомками 30 животных, выпущенных в реку Вытебеть орловскими охотничьими организациями в 1951 году. По данным местных охотников в верхнем течении р. Вытебеть в границах района впервые бобры стали встречаться в 1954—1956 гг. (Бузин, Романов-Ильинский, 1968). К концу 1960-х годов численность зверя местами значительно увеличилась, что создало возможность спорадического промысла бобра на шкурку силами специально созданных охотничьих бригад. К началу 1970-х годов звери заселили почти все лесные речки Ульяновского района (Кунаков, 1979). После снижения численности бобра к середине 1980-х годов (Воронин, Заикин, 1986) и последовавшей до середины 1990-х годов депрессии, вызванных неумелым промыслом браконьерами и спорадичным истощением кормовой базы, последовала стабилизация численности, а местами и рост локальных группировок этого зверя.

История изучения бобра на территории Южного участка заповедника

Отрывочные материалы по размещению поселений бобра на современной территории Южного участка ГПЗ «Калужские засеки» содержатся в отчётах о проведении обследований по определению численности бобров архива Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Калужской области (Бузин, Романов-Ильинский, 1968; Портнов, Минина, Брылин, 1970; Воронин, Заикин, 1986).

В отчёте «О проведённом обследовании по определению численности бобров в Хвастовичском и Ульяновском районах Калужской области» (1968) исполнители работы Бузин Ю.М. и Романов-Ильинский С.В. приводят учётные материалы по рекам Дубенке и Колотовке (т.е. Дубровне) с притоком р. Песоченка.

Следующий учёт бобров на территории Ульяновского района был проведён поздней осенью 1970 г. биологами-охотоведами Портновым Г.Б., Мининой И.С. и Брылиным В.П. (1970).

В 1986 г. бобры учитывались А.А. Ворониным и С.М. Заикиным (1986).

Первый полный учёт группировки бобра на территории Южного участка заповедника «Калужские засеки» был проведён Ю.Д. Галчёнковым и В.М. Середенко в ноябре 2000 г. (Галчёнков, 2000). В ходе учёта было обследовано большинство пригодных для обитания бобра водоёмов: река Дубенка с болотом на дороге Нагая — Верхняя Радомка, река Дубровня (на некоторых картах — Дубровка) с левыми притоками Титов Верх (в упомянутом отчёте — Бобровка) и Кабаниха, река Чечера с притоками Трудовой (= Чёрный = Дубенка) и Малая Чечера, р. Машок с правым притоком Малый Машок. Всего маршрутами вдоль водотоков пройдено 52 км. В границах ГПЗ «Калужские засеки» было выявлено 11 поселений и ещё одно поселение примыкало к заповедной территории.

Материал и методы

Натурное обследование проводилось на территории Южного участка ГПЗ «Калужские засеки» в ноябре 2004 г.

Учёт проводился в соответствии с методикой Л.С. Лаврова (1952), основанной на оценке мощности поселения, методическими указаниями (1986), подготовленными ст. научным сотрудником ЦНИЛ Главохоты РСФСР Б.П. Борисовым, Инструкции по учёту численности речного бобра (составители В.В. Дежкин и Д.И. Плотников, 1976), Методического

руководства по учёту численности охотничьих животных в лесном фонде Российской Федерации» (1999).

Использованный нами метод учёта отличается относительной простотой и достаточной точностью.

В полевой работе участвовали 6 человек: авторы — Ю. Галчёнков и Е. Локтионов, а также Т. Арсланов, И. Параушкин, А. Сафронов, Н. Лукшин. Менее опытные учётчики проходили наиболее лёгкие маршруты. Перед началом работы был проведён детальный инструктаж о том, что и как надо регистрировать. Для каждого учётчика заранее обговаривали маршрут следования и наносили его на карту.

Учётчики проходили вдоль русла реки, иногда спрямляя маршрут, но, не пропуская участки русла протяжённостью более 100 м. Все поселения осмотрены самым тщательным образом и закартированы, в том числе с помощью GPS-навигатора.

На момент проведения работы в поселениях бобра чётко сформировались так называемые «центры поселения» — места, расположенные вблизи зимних жилищ. Для оценки мощности поселения производили подсчёт плотин, лазов, погрызенных деревьев. Для определения поселений, занимающих соседнее положение, искали зимовочные ядра поселений, на которых присутствовали свежие следы пребывания животных, пытались обнаружить пограничные метки животных. Одновременно визуально оценивали состояние кормовой базы.

Учёты занимали всё светлое время суток: начинались около 8 ч. утра (вскоре после рассвета) и заканчивались к приближению сумерек в 15—17 ч. Благодаря чёткой организации работы холостые переходы удалось сократить до минимума и только в одном случае для достижения начальной точки маршрута пришлось преодолеть около 8 км. Доставка на маршруты и выезд с них производилась в удобное для учётчиков время. Пользуясь случаем выражаем благодарность в создании оптимальных условий для работы директору заповедника С.В. Федосееву и коллективу отдела охраны.

За время учёта объём трудозатрат составил 10 человеко/дней. Длина маршрутов вдоль водоёмов Южного участка составила 59,7 км. Маршрутами были охвачены практически все пригодные для обитания бобра водоёмы (рис.1).

номер	название
1	Верх.Малая_Чечера
2	Нижн.Малая_Чечера
3	Устье_Трудового
4	Верхнее_Машок
5	Среднее_Машок
6	Нижнее_Машок
7	Болото_Радом._дор
8	Нагайское_Дубенка_
9	Нагайское_Дубенка_
10	Новоигинское
11	Дубенское_Городок_
12	Дубенское_Городок_
13	Титов_Верх_нижнее
14	Клягинское
15	Устье_Кабаниои
16	Средняя_Кабаниха
17	Верхняя_Кабаниха
18	Бобровское
19	Нижняя_Дубенка

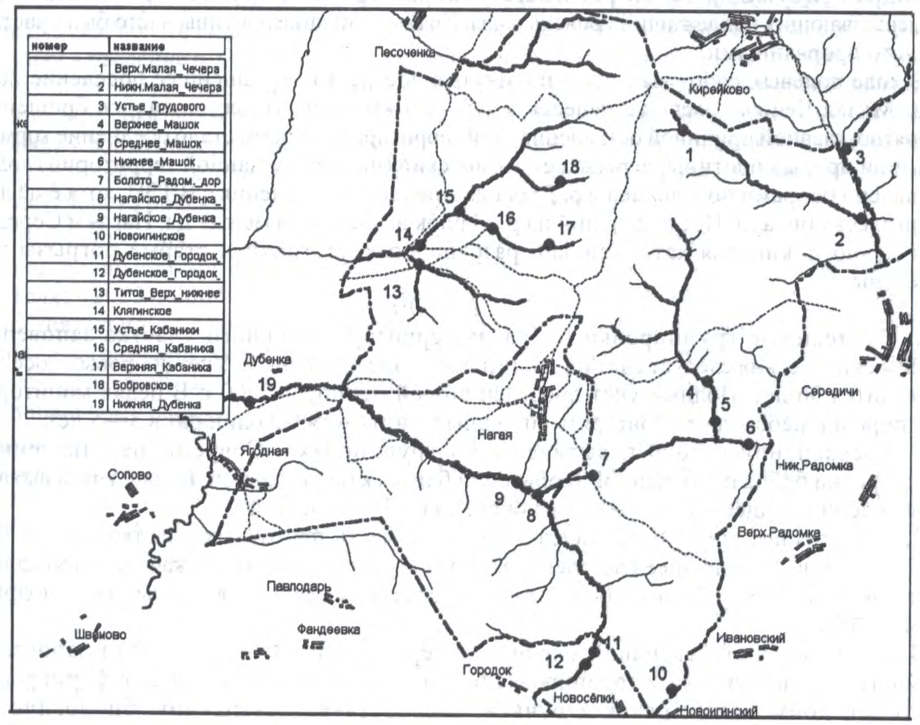

Рис.1. Расположение учётных маршрутов (толстая линия на реках и ручьях) и поселений бобра (кружки с номерами) на водоёмах Южного участка.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования выяснено, что бобры обитают на всех малых реках и большинстве ручьёв участка (рис. 1). Все поселения по мощности оценены как средние и крупные. Очень крупных поселений не выявлено.

93 Зак. 1971

Протяжённость поселений по руслу ручьёв составляет от 250 до 500 метров. Все поселения существуют не менее 2-х лет. Самым молодым, судя по всему, является поселение № 2 на р. Малая Чечера, которое появилось не ранее 2001 года и не позднее 2004 г. Поселению на Бобровом болоте (к Ю-В от д. Нагая на радомской дороге) исполнилось 5 лет. Очевидно, недавно появились поселения №№ 1, 17. Вновь «ожило» поселение в устье р. Кабанихи, которое пустовало в 2000 г. По утверждению Н.П. Трошина, много лет хорошо знающего эти места, хатка кабанихского поселения периодически заселялась бобрами на протяжении почти 30 последних лет; жилой она оказалась и сейчас. Из 11 поселений, учтённых в 2000 г., 8 сохранились на прежних местах.

Кроме указанных водоёмов установлено, что бобры проникают также в нижнюю часть ручья Малый Машок.

Согласно методическим рекомендациям пересчётный коэффициент (среднее число бобров в одном поселении) был установлен как 4,5—5,0.

Общая численность бобра не территории Южного участка ГПЗ «Калужские засеки» и двух поселений в ближайших окрестностях оценена нами в 85—95 особей.

По нашим оценкам численность бобра за 4 года (с момента первого сплошного учёта) несколько возросла: реальный прирост группировки составил до 15 экз.; количество поселений увеличилось на 3.

Информация о поселении бобров в 172 кв. заповедника (район п. Новоигинский) была получена от сотрудников отдела охраны ГПЗ «Калужские засеки».

На территории участка бобры устраивают жилища трёх типов: норы в берегу, хатки из веток и грязи, а также жилища смешанного типа, названные нами «норохатки». Последний тип жилищ представляет собой норы в берегу дополнительно защищённые незначительным количеством ветоши и грязи. Поселения норного типа замечены в верховьях р. Малая Чечера, в среднем течении р. Дубенки. Классические хатки устроены на р. Машок (диаметр у основания 3 и 4 метра, а высота соответственно 2 и 1 м), на месте слияния рек Кабаниха и Дубровня (диаметр в основании 5 на 7 метров, а высота 2 м). Жилища смешанного типа отмечены в верхнем течении Кабанихи и низовьях Малой Чечеры.

«Ядра» зимующих семей располагались, как правило, выше 2-ой — 3-ей плотин, поддерживающих надлежащий уровень воды. Крайние нижние плотины часто были частично немного прорванными.

В ходе полевых работ выявлены покинутые поселения. Крупнейшее поселение 2000 г. на р. Малая Чечера, располагавшееся в 1,5—2,5 км выше устья, оказалось брошенным. Вероятно, главной причиной оставления этой территории бобрами стало обеднение кормовой базы или прорыв плотины, державшей гигантский (по меркам данной территории) водоём. Оставлено бобрами поселение на р. Дубенке в районе пересечения с ВЛЭП, хотя ещё летом звери здесь обитали. Нет поселений на р. Машок выше моста между дд. Нагая и Середичи, хотя давно покинутая хатка, сильно разрушенные плотинки и старые погрызы здесь отмечены.

Выводы

1. Размещение группировки бобра на территории Южного участка заповедника «Калужские засеки» следует считать достаточно полно изученным. Учёт бобровых поселений проводится 36 лет. Полный учёт проведён второй раз после 2000 г. В целях мониторинга группировки необходимо повторять сплошные учёты хотя бы один раз в 3—5 лет.

2. В сравнении с 2000 г. выявлен рост группировки. Современная численность группировки бобра на изученной территории близка к оптимальной. В ходе учёта выявлено 19 поселений, общее поголовье бобра оценено в 85—95 особей.

3. В настоящее время бобр заселил большую часть пригодных участков практически всех водоёмов. Дальнейшее расселение может сдерживаться низким качеством угодий как потенциальных мест обитания бобра, а существование имеющихся поселений — подрывом кормовой базы.

4. В условиях эффективной охраны на территории Южного участка заповедника гармонично существующая группировка бобра выполняет важную роль в формировании биотопов пойм малых речек и ручьёв, способствует повышению биологического разнообразия территории, что особенно важно на фоне общей тенденции потери биоразнообразия любой заповедной территории.

Литература и источники

Бородин М.Н. Временная инструкция по учёту численности речного бобра. — М.: «Колос», 1976.

Бузин Ю.М., Романов-Ильинский С.В. Отчёт о проведённом обследовании по определению численности бобров в Хвастовичском и Ульяновском районах Калужской области. — Калуга, 1968 (рукопись).

Воронин А.А., Заикин С.М. Отчёт о проведении учёта бобров в бассейне реки Жиздры. — Калуга, 1986 (рукопись).

Галчёнков Ю.Д. Отчёт о научно-исследовательской работе «Учёт поселений бобра на территории Южного участка заповедника «Калужские засеки». — Калуга, 2000 (рукопись).

Дежкин В.В., Плотников Д.И. Методические указания по проведению учёта численности речного бобра в 1976 г. — М.: «Главохота РСФСР», 1976.

Кудряшов В.С. Методические указания по наземному учёту речного бобра. — М.: «Колос», 1976.

Кунаков М.Е. Животный мир Калужской области. — Тула: Приокское книжное издательство, 1979.

Лавров Л.С. Количественный учёт речного бобра методом выявления мощности поселения. — Методы учёта численности и география распространения наземных позвоночных. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Методические указания по учёту речного бобра на больших территориях. — М.: ЦНИЛ Главохоты, 1986.

Методическое руководство по учёту численности охотничьих животных в лесном фонде Российской Федерации. — Пушкино: ВНИИЛМ, 2001.

Портнов Г.Б., Минина И.С., Брылин В.П. Отчёт о проведённом обследовании по определению численности бобров в Хвастовичском, Ульяновском и Людиновском районах Калужской области. — Калуга, 1970 (рукопись).

МОНИТОРИНГ ЗУБРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОВЕДНИКА «КАЛУЖСКИЕ ЗАСЕКИ»

***О.Г. Червякова**, Государственный природный заповедник «Калужские засеки»*

В рамках реализации межобластной Программы сохранения российского зубра на территории Калужской, Орловской и Брянской областей, утвержденной Председателем Государственного комитета РФ по охране окружающей среды В.И.Даниловым-Данильяном 31 марта 1997 г., в национальный парк «Орловское Полесье» было завезено около 60 животных, созданы 4 вольные группировки, которые активно расселяются в сопредельные области.

На территории заповедника животные впервые отмечены в 2001 г. в количестве 13 животных: 5 коров и 8 быков. Калужская область в прошлом не была населена зубром, в связи с чем мероприятия по его вселению в данный регион следует расценивать как интродукцию нового вида. Наличие благоприятных для копытных млекопитающих кормовых условиях в бассейне р. Оки дают основания надеяться на успешность данного мероприятия. Уникальные природные экосистемы Калужской области представляют собой достаточно обширные, и пока свободные экологические ниши для животных, обитающих в аналогичных условиях в восточных регионах России. Пополнение фауны копытных области таким видом как зубр приведет к обогащению биологического разнообразия и появлению нового перспективного объекта экологического туризма и охоты в будущем.

В настоящее время (2004—2005г.) на территории заповедника «Калужские засеки» круглогодично обитает 18 животных. Сформировалось основное маточное стадо из 5 коров и 5 телят (2003—2004 г.р.) и трех быков. Весной 2005 г. у коров ожидается приплод. Самостоятельно от стада держатся еще 5 взрослых быков. Передвижения животных не ограничены рамками границ охраняемой территории, они периодически выходят за пределы подведомственной заповеднику территории до 20 км. За этой группировкой, приписанной к Национальному парку «Орловское полесье» с первых дней (май 2001 г.) ведутся со стороны сотрудников заповедника постоянные наблюдения, охрана, учет, биотехнические мероприятия. При проведении исследований были поставлены следующие цели: оценка состояния группировки зубров, соотношение полов, выявление динамики численности и социальных связей между отдельными особями, адаптация к новым местам обитания., отношение к человеку, выявление факторов формирующих устойчивость стада в 2002—2004 гг.

В работе были использованы методологический комплекс, состоящий из целого набора методов: сканирующие маршруты, тропление, фотографирование, картирование перемещение животных с помощью GPS и ГИС. Фиксировались визуальные встречи, места кормежек. Отмечалось точное место нахождения животных, их точное число, некоторые элементы поведения.

На сегодняшний день основной проблемой всех расселяющихся группировок является браконьерство за пределами особо охраняемых территорий (заповедник, национальный парк и их охранные зоны). Существование в Калужской области такой природоохранной организации как заповедник во многом решает вопрос организации мониторинга зубров на территории Ульяновского района. Необходимым условием сохранения имеющейся группировки является расширение охраной зоны вокруг заповедника.

ХАРАКТЕРИСТИКА КАЛУЖСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ* ЧЕЛОВЕКА

***Т.С. Писаренко**, Российский университет дружбы народов*

Материалом для написания этой работы послужили данные, полученные в Калужском областном статистическом управлении при правительстве Калужской области, а также в статистических сборниках Госкомстата (1988, 1989, 1997, 1998, 2002).

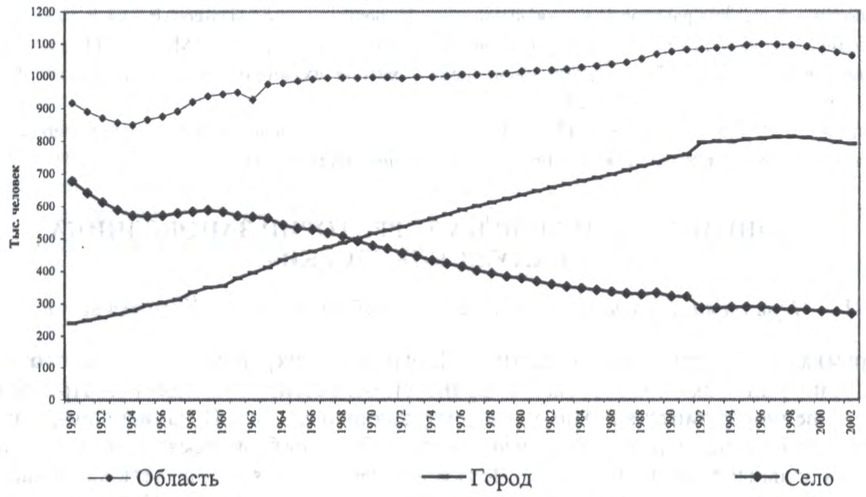

Рис. 1. Динамика численности сельского и городского населения в популяции Калужской области.

С 1954 г. начинается постоянный рост численности населения области (рис. 1). За 42 года численность населения Калужской области повысилась на 247,3 тыс. чел. и к 1996 г. достигла максимального уровня 1097,3 тыс. чел. Снижение численности населения Калужской области с 1950 — 1954 гг., по всей видимости, связано с оттоком населения из Калужской области (рис. 2).

В динамике численности населения области наблюдаются 2 подъема. Первый подъем происходил с 1954 по 1967 г., численность популяции увеличилась с 850 тыс. до 993,4 тыс. чел. За 13 лет число жителей области возросло на 143,4 тыс. чел., т.е. в среднем на 11 тыс. чел.

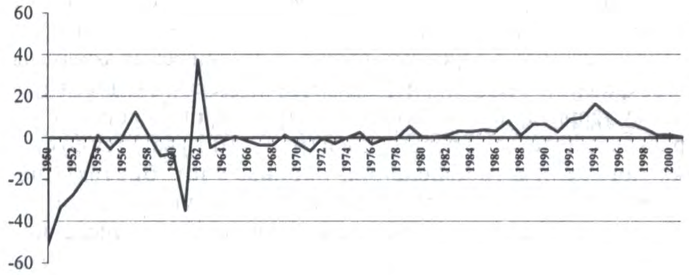

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) населения Калужской области.

За последующие девять лет с 1967 по 1975 г. численность населения области увеличилась на 5,5 тыс. чел., в среднем на 0,6 тыс. чел. в год.

В период с 1976 по 1996 г. наблюдается второй подъем. За 21 год численность популяции увеличилась на 92,4 тыс. чел., с 1004,9 тыс. чел. до 1097,3 тыс. чел., что составляет средний ежегодный прирост 4,4 тыс. чел. Даже при отрицательном естественном приросте, который отмечен в популяции человека с 1990 г. (рис. 3), ее численность возрастала, что можно связать с миграционным приростом (рис. 2).

**Популяция — элементарная форма существования вида, обладающая сложной структурой и способностью адекватно реагировать на изменения внешних условий, т.е. саморегулирующаяся система надорганизменного уровня интеграции жизни (по Наумову Н.П. Популяционная экология // Шилов И.А. Эколого-физиологические основы отношений у животных. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 261 с.*

За 53 года произошло существенное изменение в демографической структуре популяции человека Калужской области. Численность городского населения за период с 1950 по 1998 г. возросла с 239,1 тыс. до 813,5 тыс. чел. За 48 лет численность городской составляющей популяции области увеличилась на 574,4 тыс. чел. или в 3,4 раза. Напротив, численность сельского населения на протяжении всего периода исследования с 1950 по 2002 г. практически имела тенденцию к сокращению. Сельская составляющая популяции человека области уменьшилась за 53 года с 678,4 тыс. до 269 тыс. чел.

Рис. 3. Динамика естественного прироста сельского и городского населения популяции Калужской области.

Таким образом, численность сельского населения сократилась в 2,5 раза. В 50-ые годы соотношение городского и сельского населения было близко 1:3, в 1968—1969 гг. оно было 1:1, а в 2002 г. составило приблизительно 3:1 в пользу городского населения. Эти данные свидетельствуют о происходящем миграционном оттоке населения из сельской местности и пополнении за счет него городского населения области. С 1992 г. замедлился прирост городского населения и падение численности сельского населения (рис. 1).

Естественный прирост популяции области увеличивался до 1958 г. (рис. 3). В этом году отмечен самый высокий уровень естественного прироста населения, который на селе составил 16,9 чел., в городе — 15,3 чел., а по области — 16,4 чел. на 1000 населения.

С 1958 г. наблюдается тенденция к сокращению естественного прироста в целом в популяции, и соответственно, среди её сельского, и городского населения. Первым достиг нулевого значения естественный прирост сельского населения в 1969 г. (рис. 3), что совпало по времени с моментом, когда численность городского и сельского населения Калужской области сравнялись (рис. 1). В 2000 и 2002 гг. естественный прирост сельского населения достиг своего минимума, и составил соответственно —17,4 и —17,3 чел. на 1000 населения. Таким образом, за 41-летний период естественный прирост сельского населения сократился на 34,3 чел.

Первое резкое сокращение естественного прироста сельского населения продолжалось до 1981 г. и достигло при этом отрицательного значения (—5,5). В среднем за каждый год естественный прирост среди сельского населения падал на единицу. В последующие годы (1982 — 1987 гг.) естественный прирост несколько улучшился и составил —2,4 чел. на 1000 населения. Затем в период с 1987 по 1994 гг. происходит второе наиболее резкое падение показателей естественного прироста сельского населения с —2,4 до —16,5 на 1000 населения. За семь лет естественного прироста снизился на 14,1, что в среднем составило 2,0 человека в год.

Естественный прирост городского населения популяции имел два резких спада, которые отмечены в 1958 — 1969 гг. и в 1987 — 1995 гг. В первом периоде с 15,3 до 6,0 чел. на 1000 населения за 11 лет, естественный прирост уменьшился в 2,5 раза, а её среднегодовая убыль составила 0,8. Во втором периоде за восемь лет при среднегодовой убыли 1,6 чел. на 1000 населения естественный прирост городского населения в 1992 г. стал меньше нуля, а в 1995 г. достиг уровня —6,7.

В популяции человека Калужской области показатели естественного прироста имеют общую картину с сельским и городским населением (рис. 3). Первое уменьшение показателей естественного прироста начинается в 1958 г., когда он составляет 16,4 чел. на 1000 населения и в 1969 г. становится 6,0 чел. на 1000 населения. Таким образом, естественный прирост за 11 лет уменьшился на 10,4 чел. на 1000 населения, или в 2,7 раза, что составляет 0,9 чел. на 1000 населения в год. Следующее значительное уменьшение показателей естественного прироста населения области

94 Зак. 1971

приходится на период с 1987 г., когда естественный прирост составлял 3,3 чел. на 1000 населения и к 1994 г. достигает отрицательного значения —9,2 чел. на 1000 населения. За данный период естественный прирост областной популяции человека сократился на 12,5 чел. на 1000 населения. В период с 1987 по 1990 г., за три года, сокращение составило 3,3 чел. на 1000 населения или 1,1 чел. в год. В 1990 г. число умерших людей превысило число родившихся. В результате этого естественный прирост населения области стал отрицательным. С 1990 по 1994 г., за четыре года, сокращение составило 9,2 чел. на 1000 населения или 2,3 чел. в год (рис. 3). Среднее сокращение естественного прироста популяции человека за данный период составило около 1,8 чел. в год. В 2000 г. был отмечен самый низкий уровень естественного прироста в популяции человека Калужской области (—10,6 чел. на 1000 населения).

Нами обращено внимание, что начало снижения показателей естественного прироста популяции человека, практически, начинается с момента максимального глобального радиационного загрязнения атмосферы Cs137 и Sr90 (рис. 4). В период с 1958 по 1969 гг. среднегодовая убыль естественного прироста составляла 0,9 чел. на 1000 населения. По мере улучшения радиационной обстановки в период с 1968 по 1986 гг. способствовало замедлению снижения естественного прироста с 3,2 до 1,0 чел. на 1000 населения (среднегодовое сокращение на 0,1) и его возрастанию до 3,2 чел. на 1000 населения к 1986 г. (рис. 3). После аварии на Чернобыльской АЭС, уровень глобального загрязнения атмосферы Cs137 и Sr90 достиг максимального доаварийного уровня загрязнения атмосферы и негативно повлиял на естественный прирост популяции человека. С 1987 по 1994 гг. среднегодовое сокращение естественного прироста населения в популяции человека составило 1,8 чел. на 1000 населения, а сельского населения 2,0 чел. на 1000 населения.

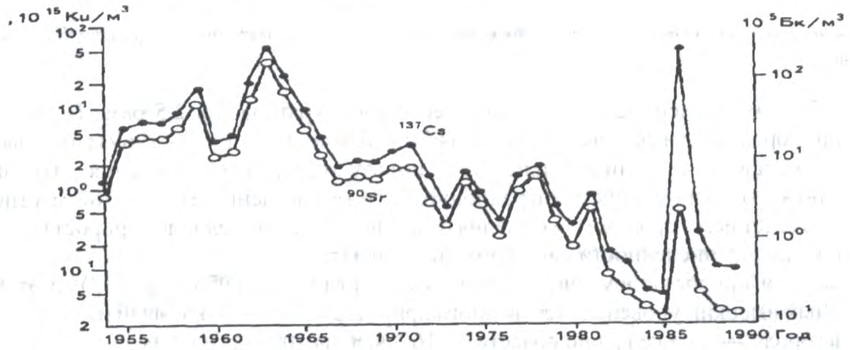

Рис. 4. Изменения со временем среднегодовых концентраций Cs^{137} и Sr^{90} в приземной атмосфере СССР до и после аварии на ЧАЭС (В.И. Булатов, 1996).

Для популяции человека Калужской области с 1954 г. характерен рост численности ее населения, динамика которой определяется не только миграционными процессами, но и естественным приростом населения. Несмотря на значительную миграционную убыль населения, с 1950 по 1978 г. численность популяции росла благодаря высокому естественному приросту. Начавшийся с 1978 г. миграционный прирост населения оказал положительное влияние на рост численности популяции и тем самым создал иллюзию благополучия при отрицательном ее естественном приросте после аварии на Чернобыльской АЭС.

Литература

Булатов В.И. Россия радиационная. — Новосибирск: ЦЭРИС, 1996. — 272 с.

ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЛУЖСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕКА

***С.С. Писаренко**, д. б. н., Калужский областной эколого-биологический центр учащихся,*
***И.С. Писаренко, Т.С. Писаренко**, Российский университет дружбы народов*

Графический материал возрастной пирамиды популяции человека по данным переписи населения Калужской области 1989 года свидетельствует о том, что она имеет достаточно сложную структуру (рис. 1). Малочисленными являются группы старше 65 лет, т.е. люди, которые рождены до 1924 года (на наш взгляд, это обусловлено участием их в Великой Отечественной войне), а также население в возрасте 40—49 лет (1940—1949 гг. рождения), что, по всей видимости, связано с низкой рождаемостью и высокой смертностью детей в

военные и после военные годы. В ней преобладают возрастные группы от 50 до 69 лет — 1925—1939 гг. рождения — и от 25 до 39 лет — 1950—1964 гг. рождения. Высокая численность довоенных возрастных групп 1925—1939 гг. рождения связана с тем, что большинство людей из этих возрастных групп не участвовали в военных действиях.

При анализе возрастной пирамиды с учетом половых различий заметны наиболее существенные различия в соотношении полов у населения до 1925 г. рождения (рис. 2). В возрастных группах, начиная с 65 лет, численно преобладают представительницы женского пола. По всей видимости, такая диспропорция в данной возрастной когорте связана с гибелью мужчин в годы Великой Отечественной войны. В популяции человека Калужской области второй по численности являются три возрастные группы населения (25—29; 30—34; 35—39 лет) 1950—1964 г.г. рождения. Возрастная группа 20—24 года (1965—1969 г.г. рождения) является самой малочисленной в послевоенный период. В детско-подростковой когорте (от 0 до 19 лет) 1970—1979 гг. рождения численность населения ниже когорты 1950—1954 г.г. рождения. Такое положение может быть связано с низким воспроизводством населения, несмотря на то, что в соотношении полов в группе людей репродуктивного возраста преобладали мужчины, или с ухудшением состояния их здоровья и высокой смертностью в когорте 1965—1989 г.г. рождения.

Возрастная пирамида городского населения практически совпадает по структуре с популяционной пирамидой (рис. 3, 1). Очертания возрастной пирамиды сельского населения в возрастных группах от 0 до 64 лет имеют ту же динамику численности, что и городское население. В дальнейшем показатели численности людей в возрастных группах старше 65 лет сравниваются, что свидетельствует о преобладании в сельском населении людей преклонного возраста.

Гендерный анализ структуры возрастно-половой пирамиды городского и сельского населения по переписи 1989 г. (рис. 4, 5) свидетельствует о том, что в младших возрастных группах преобладают представители мужского пола. В старших возрастных группах, особенно в сельском населении, преобладают женщины. Важно отметить, что смещение соотношения полов в сторону преобладания женщин у жителей села наблюдается в возрастной группе 45—49 лет, т.е. это женщины, которые завершают когорту, относящуюся по статистике к детородной группе (рис. 5). Среди городского населения диспропорция соотношения полов в пользу женщин меняется в более ранней возрастной группе 25—29 лет, т.е. 1960—1964 годов рождения (рис. 4). Данная возрастная группа по статистике относится к самой деторождаемой категории женского населения. На наш взгляд, сложившиеся ситуация, когда отсутствуют потенциальные партнеры для создания семьи, может отрицательно сказаться на численности и структуре популяции в целом.

Так, за прошедшие семь лет, между переписями населения 1989 и 1996 гг., наряду с количественными изменениями в естественном приросте популяции привели к качественному изменению ее возрастно-половой структуры (рис. 6, 7). Сужение основания возрастно-половой пирамиды переписи 1996 года, по сравнению с пирамидой 1989 г., указывает на регрессивный тип воспроизводства населения и тенденцию к депопуляции, связанные с низкой рождаемостью и увеличением числа умерших.

Судя по возрастно-половой структуре населения села, города и области можно предположить, что в старших возрастных группах коэффициент смертности женщин будет значительно превышать аналогичные показатели для мужчин той же возрастной группы.

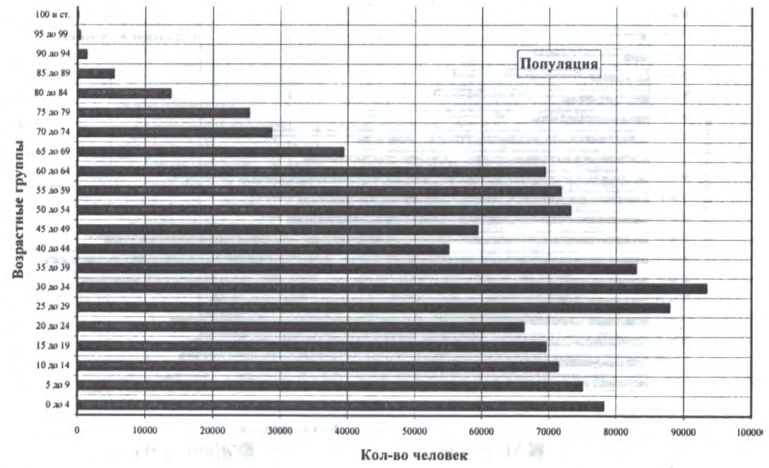

Рис. 1. Возрастная структура Калужской популяции человека по переписи 1989 г.

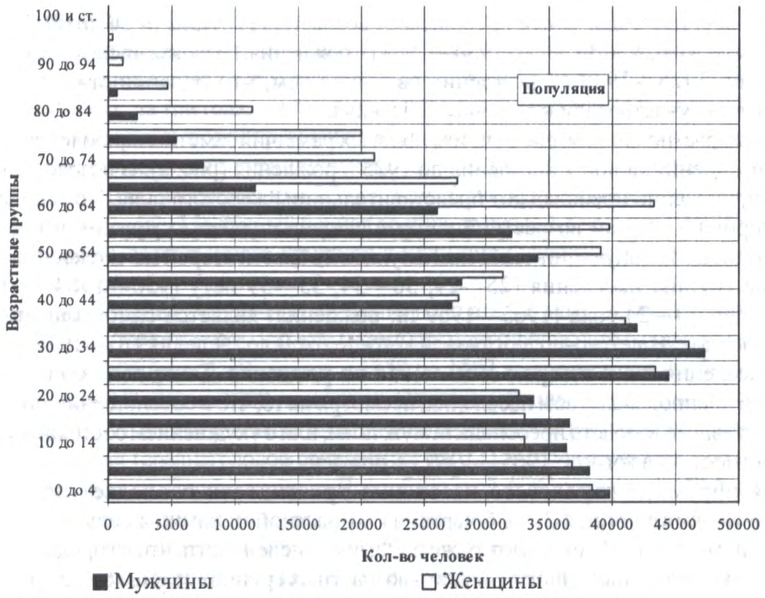

Рис. 2. Возрастно-половая структура Калужской популяции человека по переписи 1989 г.

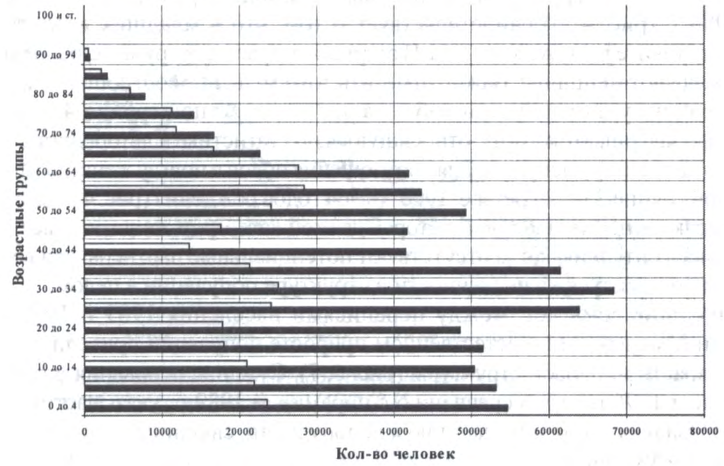

Рис. 3. Возрастная структура сельского и городского населения Калужской области по переписи 1989 г.

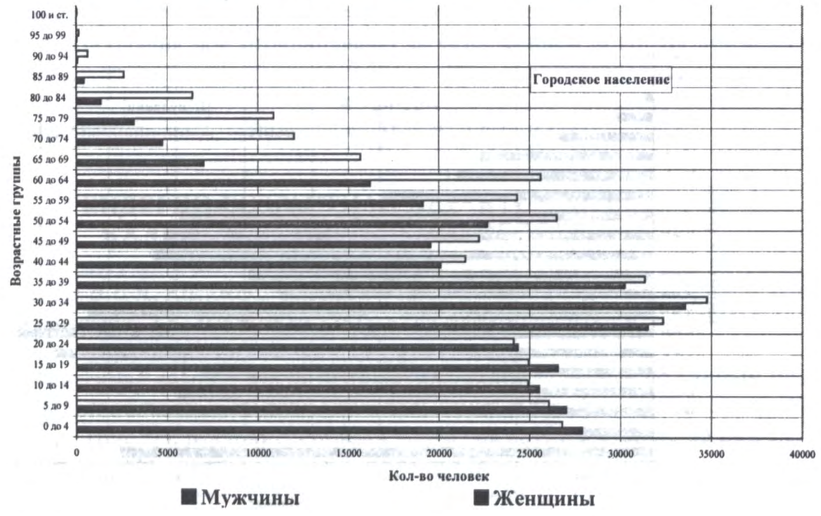

Рис. 4. Возрастно-половая структура городского населения Калужской области по переписи 1989 г.

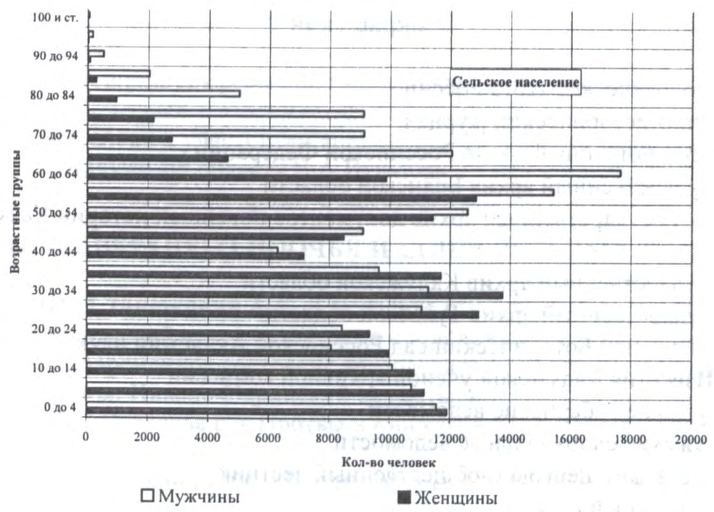

Рис. 5. Возрастно-половая структура сельского населения Калужской области по переписи 1989 г.

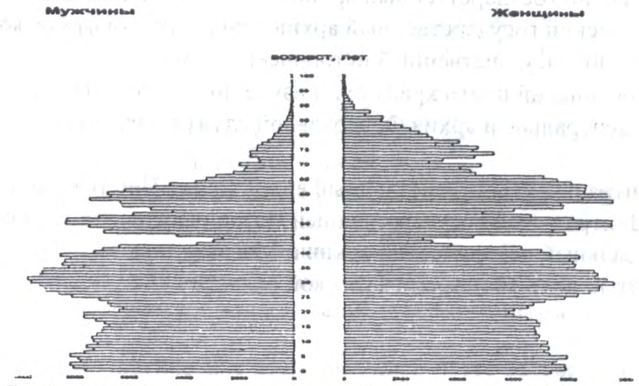

Рис. 6. Возрастно-половая структура популяции человека по переписи населения Калужской области 1989 г. (по Демографическому ежегоднику. Калуга, 1997).

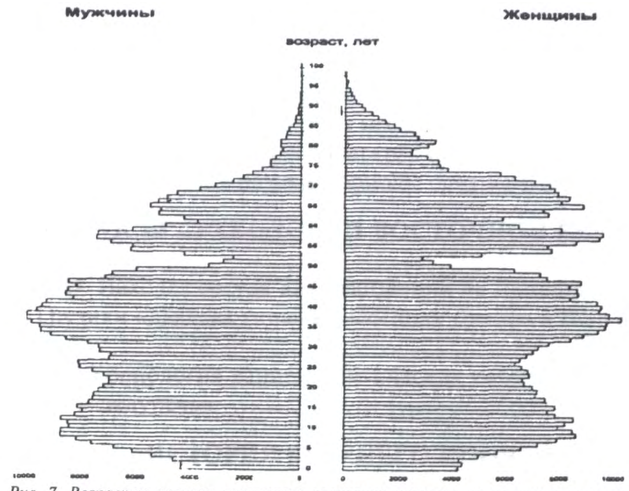

Рис. 7. Возрастно-половая структура популяции человека по переписи населения Калужской области 1996 г. (по Демографическому ежегоднику. Калуга, 2002).

Сокращения

АКР — Археологическая карта России
ВИЖ — Военно-исторический журнал
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАБО — Государственный архив Брянской области
ГАДНИКО — Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАКО — Государственный архив Калужской области
ГАТО — Государственный архив Тульской области
ГБС РАН — Главный Ботанический сад Российской Академии наук
ИКУАК — Известия Калужской ученой архивной комиссии
КГВ — Калужские губернские ведомости
КЕВ — Калужские епархиальные ведомости
КЦОВ — Калужский церковно-общественный вестник
НП — Национальный парк
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА — Российский государственный исторический архив
РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦГА СПб — Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы
ЦНИТО — Центр новейшей истории Тульской области

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к участникам конференции Губернатора Калужской области А.Д.Артамонова....3
Приветственное слово к участникам конференции Министра образования, культуры и спорта Калужской области В.А.Игнатова....4
Сударенков В.В. Культура. Природа. Общество....5

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Насырова Н.Ш., Станюкович А.К. К методике консервации, реставрации и атрибуции кожаных изделий археологического происхождения....7
Гурьянов В.Н. Современное состояние археологического изучения средневековых монастырей Брянщины: Николо-Одринский монастырь....11
Янишевский Б.Е. Верховья рек Протвы и Москвы в XII—XIV вв. Источники и население....14
Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г. Материалы домонгольского времени с Сорокина городища....17
Григорьев А.В. Об этнической принадлежности височных колец «деснинского типа»....22
Шмидт Е.А., Прохоров В.А., Шорин Ю.Н. Поселения мощинской культуры в Дорогобужском Поднепровье....24
Массалитина Г.А. Археологические работы на Опаковом городище....27
Екимов Ю.Г. Каменные сверленые орудия эпохи бронзы на территории Калужской области....29
Грудинкин Б.В. Поселение ранней бронзы на озере Ленивое....34
Прошкин О.Л., Нигматуллин Р.А., Козлов А.И. Археологические открытия в зонах новостроек Калужской области в 2001—2004 гг....38
Бубликов В.В. Археологические исследования на территории Боровского района Калужской области в 2004 г....42
Лопатина О.А. Новые данные о раскопках с. Кривское-3....44
Фролов А.С. Находка челна-однодревки у д. Коханово на Оке....47
Болдин И.В. Археологическое исследование усыпальницы на территории усадьбы «Полотняный Завод»....49
Алексеева Е.В. Археологические исследования в музее-заповеднике А.С.Пушкина....51
Дровецкая Н.И. Опыт использования результатов археологических исследований в деятельности музея-заповедника А.С.Пушкина....53
Поляков Г.П. Археологи Брянской губернии....55
Чубур А.А. Николай Лелянов — «последний из могикан» довоенной краеведческой археологии....58
Красницкий Л.Н., Минаков А.С. Археологическое прошлое Национального парка «Орловское Полесье». (Итоги и перспективы исследований)....61
Евина А.И. Особенности геоморфологического положения городов, возникавших в бассейне верхней и средней Оки в разные периоды средневековья....64

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Стародубцев Г.Ю. Находка сосуда для благовоний на Люшинском городище....67
Гусаков М.Г. Грузики «дьякова типа» в бассейнах Днепра и Волги в железном веке....69
Мазуркевич А.Н. Хронология ранненеолитических памятников Ловатско-Двинского междуречья....72

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Савосичев А.Ю. Землевладение приказной бюрократии во второй половине XV в...76
Аверьянов К.А. Средневековый Дмитровец....80
Булгаков М.Б. «Сыск» 1665 г. о судоходном движении по верхней Оке....83
Ефименкова М.А. Проблемы изучения Смутного времени в калужском краеведении....85

Сафонова Г.Б. Мельницы верхней Оки: природная среда и традиционное производство ... 89
Кожевникова Н.И. Городские головы г. Калуги: к вопросу генеалогии ... 93
Соснер И.Ю. Маклаки — калужское имение князей Львовых ... 96
Абакулов В.И. Дворянский род Чириковых и Калужский край. XVI—XIX вв. (По материалам ГАКО) ... 98
Абакулов В.И. Дворянский род Осоргиных в Калужском и Тарусском уездах в XIX — нач. XX вв. ... 103
Авдеенко Е.А., Заурдина С.Я. История рода Щепочкиных: источники и методы составления родословной описи ... 109
Журова Г.М. Письма Л.Н. Толстого к П.Н. Свистунову (штрихи к портрету декабриста) ... 112
Салахова Н.В. Софья Николаевна Философова-Толстая. Страницы жизни ... 116
Бовкало А.А. Калужский род Либиных ... 120
Ульянов А.И. Летописцы Угодского края ... 122
Лошкарева Н.П. Строительство церкви Архангела Михаила в селе Красном Боровского уезда ... 124
Семенова Н.А. Страницы истории Шамординского женского монастыря ... 128
Послушница Елена (Амфитеатрова Е.А.) Архитектор Александр Александрович Румянцев ... 131
Бацанова Л.А. Примечания к статье послушницы Елены (Амфитеатровой Е.А.) ... 133
Морозова М.С. Некрополь Крестовского монастыря ... 136
Джаббаров Р.М. Калужский некрополь дворян Чебышевых: село Субботники Козельского уезда ... 142
Назарян Е.А. Малоярославецкие усадьбы: в поисках утраченного ... 145
Бессонов В.А., Добычина М.А., Иванов В.А. «Малая война» 1812 г. на территории Калужской губернии. К постановке проблемы ... 148
Бессонов В.А. Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853—1856 гг. в Калужской губернии ... 151
Белова И.Б. Военнопленные «центральных держав» в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) ... 155
Аксенова Н.А. Из истории калужского общества сбережения «Подспорье» ... 159
Остапец Н.Н. Земельно-таксаторское дело в России в XIX в. (на примере Калужской губернии) ... 162
Бауэр А.А. Как закрывались заводы: эпизод из эпохи кризиса в Мальцовском промышленном округе (1888 г.) ... 164
Лебедев А.Г. Роль Калужского работного дома в поддержании социальной стабильности в губернии ... 167
Малая Е.В. Из истории Калужской общины сестер милосердия ... 170
Демченко В.В. Роль Калужского отделения госбанка в земельных преобразованиях на территории Верхнего Поочья в XIX—XX вв. ... 172
Шульман М.Г. О чем поведала крестьянская резолюция (из истории Медынского восстания) ... 175
Филимонов В.Я. Отходничество в калужской деревне в 1920-е гг. ... 177
Никитина Н.Н. Итоги выселения бывших помещиков в 1925—1928 гг. в Калужской губернии ... 180
Тимошенкова Е.А. Забытое имя. Б.Е. Трейвас и Калуга ... 182
Добычина М.А. Вопросы кадровой политики в калужских архивных учреждениях в 1920—1950-е гг. ... 185
Писаренко И.С. Немецкая оккупация Барятинского, Думиничского и Сухиничского районов ... 188
Чеченков К.В. Партизанский отряд «В бой за Родину»: война в тылу врага ... 191
Кометчиков И.В. Народная религиозность в деревне 1945-1953 гг. (По материалам областей Поочья) ... 193
Зиновкина Н.В. Документы Государственного архива Калужской области в современной краеведческой литературе ... 196
Лобов М.В. Актуализация как универсальный метод управления и реконструкции: формы, методы и объекты ... 199
Никольская Н.А. Методы управления рисками ... 200

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Роянова Г.И. В.А.Жуковский. «Певец во стане русских воинов». К истории музейного экспоната ... 202
Пуцко В.Г. Царские врата из с. Красного: элитарный образец в русской провинциальной иконописи на рубеже XVI—XVII вв. ... 204
Хохлова Т.М. Оловянные изделия из коллекции Калужского областного краеведческого музея ... 208
Гужова И.В. Произведения русских коллекционеров в собрании Калужского областного художественного музея ... 213
Ермилина И. К. Реставрация погон 1910-х гг. из собрания Калужского областного краеведческого музея и мужской рубахи из села Климов Завод ... 215
Зверева М.В. Вывоз из усадеб художественных ценностей в постреволюционный период (на материале Калужской губернии) ... 218
Некрасов И.И. Древняя святыня Белёвского края ... 221
Артемкина З.Г. Рязанский кремль — колыбель города (исторический и природный аспекты) ... 224
Пионтковская Ю.Е. Страницы истории городской усадьбы Чистоклетовых ... 226
Личенко С.И. Дерево в устной народной художественной традиции ... 230
Васильева Е.И. Традиционные постройки Жиздринского участка Национального природного парка «Угра» (по материалам экспедиций 2004 г.) ... 234
Воробьева Р.М. Поэтическое наследие А.Л.Чижевского как источник музыкального творчества ... 237
Гречанинова С.В. А.Т. Гречанинов — певец русской темы (к 140-летию со дня рождения) ... 241
Барбашов Е. Р. Метонимическое калькирование архаических гидронимов Белёвского края ... 243
Чернышов С.В. Формирование семейных ценностей (по материалам полевых исследований на территории Калужской области в 2003 г.) ... 246
Воробьев А.Г. Современный взгляд на проблему развития малых исторических городов. Проект музейно-туристического комплекса г. Боровска ... 249
Берговская И.Н. Из истории русской дипломатической миссии на Балканах и Ближнем Востоке: К.Н.Леонтьев о судьбах России и славянства (по материалам дипломатической переписки) ... 250
Козыро Л. А. Калужские страницы мемуаров К.Н.Леонтьева ... 253
Климова Е.М. Профессор З.М.Цветкова ... 257
Калашникова Л.В. Родословная Ивана Сергеевича Соколова-Микитова ... 259
Семенова С.С. Человек и время в рассказах П.С.Романова ... 262
Черников А.П., Черникова Е.А. «Всему прошедшему — наследник»: И.А.Новиков и Калужский край ... 265
Балашова Е.А. «И идет походкой детской муза в платьице лоскутном с птичьей метиной на лбу…» (Возвращаясь к сборнику калужского поэта С. Львовой *«Elle s'appele…Ее имя…»*) ... 269

ПРИРОДА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Низовцев В.А., Марченко Н.А., Гравес И.В., Зырянова Е.В., Онищенко М.В. Социоестественная история Боровского края в учебной экскурсионной работе ... 274
Марченко Н.А., Низовцев В.А., Шейко С.Н., Логунова Ю.В. Кабинет ландшафтной практики на Сатинской учебно-научной станции географического факультета МГУ (Боровский район) ... 277
Самарина И.А. Экологическая тропа как средство формирования экологического сознания школьников ... 280
Низовцев В.А. Особенности структуры и генезиса культурных ландшафтов Центральной России ... 281
Котуранов. Л.А. Реализация информационной толерантности с позиций информационной экологии ... 285
Жидков М.П., Маккавеев А.Н., Макаренко А.Г. Некоторые черты рельефа и происхождение Алексинского каньона (на реке Оке) ... 288

Кубаткин В.А. Современные рельефообразующие процессы как индикатор геоморфологической составляющей геоэкологического каркаса Калужской области..... 292
Новиков В.П., Модин И.Н. Новые данные о геологическом строении урочища «Чертово Городище»..... 294
Станюкович А.К. Новый каменный метеорит Кольцово (Тарусский район Калужской области)..... 298
Гордеева Т.А. Современные изменения в режиме осадков Калужской области..... 299
Волкова Е.М. Болота приокской части Тульской области..... 301
Алейников О.И. Лесные ресурсы Калужской области..... 304
Рассказова М.М., Савостина Т.Ю. Влияние рекреационной нагрузки на состояние травянистого яруса фитоценозов пригородного леса..... 306
Романова Р.А., Тихомирова Е.В. Анализ состояния древесно-кустарниковой флоры Ленинского округа города Калуги..... 309
Самарина И.А., Петров К.С. Флора Воротынского участка Национального парка «Угра»..... 312
Решетникова Н.М. Различие флоры бассейнов рек Угры и Жиздры (на территории Национального парка «Угра»)..... 316
Крылов А.В., Шестакова Г.А., Воронкина Н.В. Синезеленые водоросли (*Cyanophyta*) почв города Калуги..... 321
Сионова М.Н. Изменение разнообразия макромицетов в широколиственных и сосновых лесах Калужской области в результате рекреационного воздействия..... 324
Телеганова В.В. Бриофлора урочища «Чертово Городище»..... 327
Воронкина Н.В., Крылов А.В., Решетникова Н.М., Шмытов А.А. О гербарии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского.... 331
Алексанов В.В. Экологические особенности обыкновенной уховертки (*Forficula auricularia* L.) в Калуге и окрестностях..... 334
Телеганов А.А. Первые сведения по фауне водных беспозвоночных рек Чертовская и Черногрязка..... 336
Алехан И.Е, Казанников Е.А. Материалы по фауне личинок ручейников Калужской области и их значение в биоиндикации водоемов..... 338
Булеза В.В. Яйцееды (*Hymenoptera, Scelionidae, Telenominae*) клопов-щитников Калужской области: видовой состав, биология, экология..... 341
Голубева Г.В. Дополнение к фауне редких видов пчелиных (*Hymenoptera, Apidae*) Калужской области..... 343
Кострикова М.Ю. Фауна чешуекрылых (*Insecta, Lepidoptera*) Воротынского участка Национального парка «Угра»..... 346
Клепиков М.А. Обзор фауны кривоусых крохоток-молей (*Lepidoptera, Bucculatricidae*) Ярославской области..... 348
Шмытова И.В. Новые данные по видовому составу молей-пестрянок (*Lepidoptera, Gracillariidae*) Калужской и Смоленской областей..... 350
Марголин В.А., Дудковский Н.И. Биологические особенности золотого карася, обитающего в озерах Угорской поймы..... 353
Марголин В.А., Степанова Н.В., Шабанова Т.С. Характеристика фауны птиц Залидовских лугов..... 356
Хохлов В.В., Марголин В.А. Гнездящиеся неворобьиные птицы города Калуги..... 358
Константинов В.М., Кутьин С.Д. Фауна и население птиц открытых ландшафтов Мещовского ополья..... 362
Бригадирова О.В., Швец О.В. Фауна и население птиц стариц р. Оки и некоторых ее притоков на территории Тульской области..... 366
Галчёнков Ю.Д., Локтионов Е.Ю. Результаты учетов бобра (*Castor fiber* L.) на южном участке заповедника «Калужские засеки» в 2004 г..... 368
Червякова О.Г. Мониторинг зубров на территории заповедника «Калужские засеки»..... 371
Писаренко Т.С. Характеристика калужской популяции человека..... 372
Писаренко С.С., Писаренко И.С., Писаренко Т.С. Гендерно-возрастная характеристика калужской популяции человека..... 374

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

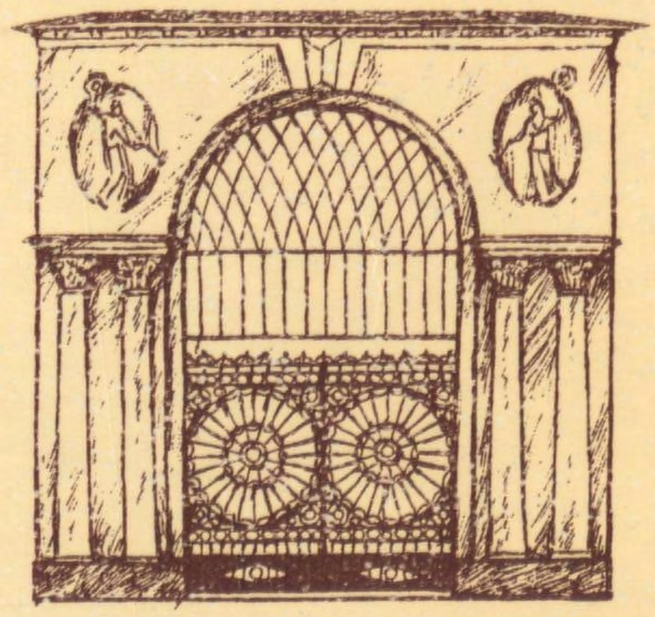
Материалы XI Всероссийской научной конференции 5 — 7 апреля 2005 г.

Технический редактор ***Шмытова И.В.***
Компьютерная верстка, макетирование ***Бессонов В.А., Шмытова И.В.***

Издательство «Полиграф-Информ» ИД № 01739 от 11.05.2000 г.

Подписано в печать 03.10.2005. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 48 п.л. Тираж 300 экз. Зак. 1971.

Отпечатано в типографии ООО «Полиграф-Информ»,
ПЛД № 42-17 от 16.09.98 г.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел.: 55-99-31.

Калужский областной краеведческий музей
Калуга, ул. Пушкина, 14